

Российское Философское Общество

Восьмой Российский Философский Конгресс

«Философия в полицентричном мире»

Сборник научных статей

Главный редактор - академик РАН Смирнов Андрей Вадимович
Научный редактор - доктор философских наук Антоновский А.Ю.

Редсовет:

Смирнов А.В. (ИФ РАН); Гусейнов А.А. (ИФ РАН); Лекторский В.А. (ИФ РАН); Миронов В.В. (МГУ)

Антоновский А.Ю. (ИФ РАН); Бельский В.Ю. (Ун-т МВД); Бернюкевич Т.В. (МГСУ); Вархотов А.Ю. (МГУ); Диев В.С. (НГУ); Докучаев И.И. (РГГУ им. А.И. Герцена); Дудник С.И. (СПбГУ); Кирабаев Н.С. (РУДН); Козырев Т.А. (МГУ); Колотуша В.В.; Марков Б.В. (СПбГУ); Покровская Т.П. (МГУ); Пружинин Б.И. (ИФ РАН); Резник Ю.М. (ИФ РАН); Синеокая Ю.В. (ИФ РАН); Чубаров И.М. (ТюмГУ); Шевченко В.Н. (ИФ РАН).

Редколлегия:

Вострикова Е.В. (к.филос.н), Гавриленко С.М., (к.филос.н.) Тухватулина Л.А., (к.филос.н.), Куслий П.С. (с.н.с., к.филос.н.), Соколова Т.Д. (к.филос.н.), Погожина Н.Н. (к.филос.н.), Цуркан Е.Г. (к.филос.н.),
Ответственный секретарь Новожилов М.А.

Оргкомитет Конгресса:

Председатель Оргкомитета:

Садовничий В.А. — Академик РАН, ректор МГУ имени М.В. Ломоносова

Сопредседатели Оргкомитета:

Смирнов А.В. — Академик РАН, директор Института философии РАН, Президент Российского философского общества (далее – РФО)

Миронов В.В. — Член-корреспондент РАН, декан философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, вице-президент РФО

Заместители сопредседателей Оргкомитета:

Резник Ю.М. — Главный научный сотрудник ИФ РАН, профессор, вице-президент РФО

Козырев А.П. — Доцент, заместитель декана философского факультета МГУ

Антоновский А.Ю. — Ведущий научный сотрудник ИФ РАН, профессор философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Вархотов Т.А. — Доцент кафедры философии и методологии науки философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Ученый секретарь Оргкомитета:

Королев А.Д. — Старший научный сотрудник ИФ РАН, главный ученый секретарь РФО

Программный комитет Конгресса:

Председатель Программного комитета:

Гусейнов А.А. — Академик РАН, научный руководитель Института философии РАН

Сопредседатели Программного комитета:

Лекторский В.А. — Академик РАН, главный научный сотрудник ИФ РАН;

Кирабаев Н.С. — Профессор, проректор по научной работе Российского Университета Дружбы Народов

Заместители сопредседателей Программного комитета:

Диев В.С. — Профессор, директор Института философии и права Новосибирского государственного университета;

Дудник С.И. — Профессор, директор Института философии Санкт-Петербургского государственного университета;

Рабош В.А. — Профессор, проректор РПГУ имени А.И. Герцена,

Синеокая Ю.В. — член-корреспондент РАН

Щелкунов М.Д. — Профессор, директор Института социально-философских наук и массовых коммуникации

Казанского (Приволжского) федерального университета

Восьмой Российский Философский Конгресс

- «Философия в полицентричном мире» -

Симпозиумы

(Сборник научных статей)

РФО - ИФРАН - МГУ

Издательство «Логос»

Москва 2020

Восьмой Российский Философский Конгресс - «Философия в полицентричном мире».

Симпозиумы. Сборник научных статей

М.: РФО - ИФРАН - МГУ.

Издательство “Логос”, ООО «Новые печатные технологии» (Москва), 2020. – 1006 стр.

Аннотация:

Сборник включает научные статьи, представленные на Восьмой Российский Философский Конгресс, организованный Российским Философским Обществом при участии философского факультета Московского Государственного Университета имени М.В. Ломоносова и Института философии Российской академии наук.

Историческая миссия философа связана со способностью к универсальному обобщающему высказыванию. Эта компетенция, придающая философии статус универсального медиатора, способного говорить на одном языке в равной мере с экспертами и с неспециалистами, обязывает философское сообщество к выполнению особой просвещенческой и мировоззренческой миссии.

Со времен эпохи Просвещения, возведшей знание и образование в ранг вечных общечеловеческих ценностей и, одновременно отождествившей их с конкретным цивилизационным проектом, европейской наукой и европейской системой образования, мир сильно изменился. Мы живем в эпоху растущей культурной сложности, выражающейся в утрате Европейским культурным проектом безоговорочного лидерства и фрагментации всех социальных полей, включая и традиционное для философа поле интеллектуальной культуры. Мир становится сложнее, утрачивая простоту и однозначность эпистемических критериев и ценностных ориентиров, но обогащаясь новыми центрами и растущим многообразием дискурсивных практик.

В условиях полицентричного мира возможность универсального обобщающего высказывания, на первый взгляд, оказывается под вопросом. Однако фрагментированное социальное пространство и растущее многообразие дискурсивных практик не снимают вопрос о поиске универсалий, а лишь повышают его значимость. В условиях полицентричного мира философия должна стать универсальным медиатором, способным строить мосты и способствовать трансферу знаний и ценностей между различными центрами и связанными с ними культурами.

*Печатается по решению Президиума Российского Философского Общества
Все материалы прошли рецензирование и отбор*

Симпозиумы:

- «Наука: метод и институт. К 400-летию “Нового Органона” Ф. Бэкона» - 7
- «Питирим Сорокин. К 100-летию труда «Системы социологии»» - 53
- «История советской философии» - 61
- «Логика, методология и политическая философия Александра Зиновьева» - 79
- «Философия национальной безопасности» - 89
- «Философия в публичной сфере» - 183
- «Социальная теория и проекты цивилизационного развития современной России» - 229
- «Философия информационной эпохи» - 323
- «Сибирь в российской философии»» - 379
- «Философия человека и биоэтика» - 429
- «Философия сложности: постнеклассический подход (памяти В.С. Степина)» - 435
- «Нейрофилософия и естественнонаучные подходы к исследованию сознания» - 503
- «Философские основания современной политологии» - 521
- «Философия политической экономии» - 619
- «Прикладная этика» - 659
- «Философия для детей» - 707
- «Философские проблемы когнитивистики и неоматетика» - 751
- «Философские проблемы индивидуальной и коллективной памяти» - 785
- «Философская практика в современном мире» - 861
- Молодежный симпозиум «Будущее философии» - 975

Содержание - 975-1005.

2020-RFK_201_

*Симпозиум «Наука: метод и институт. К 400-летию “Нового
Органона” Ф. Бэкона»*

Насколько значимы исследования в культурной нейронауке в практическом плане?

Бажанов В.А.

*Ульяновский государственный университет, заведующий кафедрой философии, профессор,
заслуженный деятель науки РФ. Доктор философских наук*

vbazhanov@gmail.com

Аннотация: В докладе планируется обсудить возможность практического применения в персонализированной медицине достижений культурной нейронауки при лечении психических болезней и ментальных патологий. Указывается на существенное отличие объектов медицинской практики в этой области от лечения других болезней: субъективные ощущения человека, которые он испытывает при психических болезнях и ментальных патологиях, и являются объективными показателями его недуга. Обращается внимание на особенности методов лечения такого рода болезней и патологий.

Ключевые слова: культурная нейронаука, персонализированная медицина, психические болезни и ментальные патологии, биокультурный со-конструктивизм

How significant is research in cultural neuroscience in practical terms?

Bazhanov V.A.

Ulyanovsk State University, Department of Philosophy

Abstract: The goal of this presentation is to conceive the possibility of practical application in personalized medicine of certain achievements of cultural neuroscience in the treatment of mental diseases and pathologies. The essential difference between the objects of medical practice in this area and the treatment of other diseases is indicated: the subjective sensations of a person that he experiences with mental illnesses and pathologies are in fact objective indicators of his/her illness. Special attention is paid to the some traits of the methods of treating such diseases and pathologies.

Keywords: cultural neuroscience, personalized medicine, mental diseases and pathologies, biocultural medicine

К светоносным опытам следует стремиться
еще настойчивее, чем к плодоносным.
Ф. Бэкон (Соч., Т.1. М., 1971. С. 310).

1. Психические болезни и ментальные патологии (от болезни Альцгеймера до деменции, депрессии и шизофрении) составляют примерно 15% в объеме известных человеку недугов (в Великобритании даже 23%). Только в одной Великобритании с населением в 66 миллионов более 800 тысяч страдает деменцией, а на их лечение тратится средств больше, чем на лечение болезней сердца, рака и последствий инсультов вместе взятых [1, 2]. Кроме того, всё более актуальный характер приобретает проблема усиления интеллектуальных способностей (cognitive enhancement). Поэтому на исследования в области нейронауки возлагают особые надежды. Бурное развитие в последние годы культурной нейронауки в духе бэконовских светоносных опытов перемещает центр тяжести такого рода надежд на данное направление изучения мозга и его активности, которое в этом случае окажется в полной мере «плодоносным». В какой степени эти надежды могут оправдаться?

2. Ожидается, что культурная нейронаука в потенциале может предложить некоторые неинвазивные инструменты и методы борьбы с многочисленными психическими заболеваниями, раскрыть новые механизмы боли, способы ее купирования, равно как и внести некоторый вклад в лечения соматических расстройств. Когнитивный потенциал культурной нейронауки может пролить свет на «испанский парадокс», наблюдаемый в США. Этот парадокс состоит в том, что с одной стороны у испаноязычных жителей этой страны экономическое положение сильно уступает положению неиспаноязычных граждан, но с другой – смертность заметно ниже [3].

ⁱ Работа поддерживалась грантом РФФИ (№19-011-00007а) «Проблема синтеза натурализма и социоцентризма в когнитивных исследованиях: истоки и значение для эпистемологии и философии науки».

Волков Ю. К.

*Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского,
профессор кафедры права, философии и социальных дисциплин факультета экономики и права.
Доктор философских наук*

yu.k.volkov@yandex.ru

3. Психические болезни и ментальные патологии в качестве объектов медицинской практики существенно отличаются от других человеческих болезней: субъективные ощущения, которые испытывают при психических болезнях и ментальных патологиях и являются объективными показателями: (пока?) нельзя говорить в общем случае о наличии объективных тестов, проливающих свет на причины этих – субъективных по своей природе – патологий (типа галлюцинаций, подавленного настроения или «полновесной» депрессии). Более того, одни и те же симптомы психического плана могут быть вызваны совершенно различными причинами. Иными словами, в данном случае симптомы болезней и являются их диагнозами.

4. Состояния мозга и тела человека в значительной степени взаимосвязаны. Так, при увеличении массы тела сверх некоторой нормы происходит заметное уменьшение и серого, и белого вещества мозга; при занятиях физическими упражнениями увеличивается объем гиппокампа; ситуации стресса ведут к увеличению миндалины и медиальной префронтальной коры мозга [4].

Культура, в которую оказался погружен маленький ребенок, подросток и затем юноша, оказывает влияние на характер его принятия решений в последующей жизни. Таким образом, социально-культурные факторы проникают «сквозь кожу» субъекта деятельности и становятся имманентными показателями его организма. В свою очередь, в силу ген-культурных взаимодействий контуры и особенности социума определяются удельным весом тех или иных компонентов генома. Нельзя также оставлять вне внимания эпигенетические факторы, имеющие выраженный трансгенерационный характер. Все эти процессы могут быть осмыслены под углом зрения идеи биокультурного со-конструктивизма [5].

5. Культурная нейронаука в случае психических болезней и ментальных патологий свидетельствует в пользу развития персонализированной медицины, признавая (на данный момент) метод «проб и ошибок» в качестве едва ли не основного метода неинвазивной терапии. Симптомами косвенного порядка при депрессивных состояниях выступают наследственные, гормональные и/или иммунные факторы, стрессы (особенно в раннем детском возрасте), а также некоторые особенности личности. Непосредственными причинами такого рода состояний считаются стрессы, вызванные социальными причинами, нарушения механизмов познавательной деятельности или негативное восприятие действительности. Однако ни один из этих факторов не отражается сколько-нибудь существенно на активности мозга. Поэтому культурная нейронаука предлагает гипотезу, которая связана с нарушениями циркуляции серотонина в мозге по причине негативного влияния антидепрессантов. Кроме того, методы функциональной магнитно-резонансной томографии говорят о нарушении метаболизма и кровоснабжения в некоторых участках мозга (особенно в префронтальной коре мозга). Отсюда наиболее эффективным средством борьбы с депрессиями многие ученые считают транскраниальную магнитную стимуляцию определенных участков мозга. При дискалькулии, акалькулии (которой страдают примерно 5% детей) или дислексии (от 5 до 12-15% в развитых странах) используются иные методы [6, 7, 8].

Дальнейшее развитие культурной нейронауки, вероятно, сможет внести некоторый вклад в совершенствование методов персонализированной медицины. Однако ценность этой науки заключается прежде всего в том, чтобы раскрыть особенности целостной системы «мозг – культура – социум».

Список литературы

1. Emmons R., McCullough M. Counting Blessings Versus Burdens: An Experimental Investigation of Gratitude and Subjective Well-Being in Daily Life // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2003. Vol. 84. No. 2. P. 377–389.
2. The Five Year Forward View for Mental Health. L., 2016. 82 p.; Feinberg N. A., Haddad P.M. et al. The Size, Burden and Cost of Disorders of the Brain in the UK // *Journal of Psychopharmacology*. 2013. Vol. 27(9). P. 871 – 770.
3. Ruiz J M., Steffen P., Smith T. B. Hispanic Mortality Paradox: a Systematic Review and Metaanalysis of the Longitudinal Literature // *American Journal of Public Health*. 2013. Vol. 103 (3). Article E52-60.
4. Reynolds E. A. Culture, Brain, and Health: Introduction to the Special Issue // *Culture and Brain*. 2017. Vol. 5. P. 1 -3.
5. Бажанов В.А. Мозг – культура – социум: кантианская программа в когнитивных исследованиях. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. 288 с.
6. Chiao, J. Y., Li, S.-C, Turner R. et al. Cultural Neoscience and Global Mental Health: Addressing Great Challenges // *Culture and Brain*. 2017. Vol. 5. P. 4 – 13.
7. van Witteloostuijn M., Boersma P. et al. Statistical Learning Abilities of Children with Dyslexia Across Three Experimental Paradigms // *PLoS ONE*. 2019. Vol. 14(8). Article e022041.
8. Erickson K., Creswell D. et al. Health Neuroscience: Defining a New Field // *Current Directions in Psychological Science*. 2014. Vol. 23(6). P. 446 – 453.

Аннотация. В статье показано, что, несмотря на декларируемую непримиримость баконовского метода эмпирической индукции по отношению к аксиоматическим построениям аристотелевской силлогистики, главным предметом критики автора «Нового Органона» является метафизическое понимание причинности. Оставив за наукой изучение формы действующих и материальных причин, которые схематично способны проявляться в природных процессах, Бэкон в своей методологической программе пытается соединить эмпирический метод истолкования природы и способы рационального предвосхищения ума. Для понимания и объяснения отмеченной двойственности баконовской методологии предлагается использовать концептуальную модель двойного отрицания. Указанная логическая схема в ее применении к методологическим программам Аристотеля и Бэкона демонстрирует последовательное отрицание первого «Органона» в едином процессе развития способов получения истинного знания, который формально завершился в третьем, синтетическом «Органоне». Сделан вывод о том, что использование диалектической логики для понимания и объяснения научных особенностей методологических программ подтверждает постоянный характер влияния философии на науку.

Ключевые слова: органон, новый органон, третий органон, методология, логика, закон двойного отрицания, философия, наука.

Methodology of «New Organon» and logic of double negation. Volkov Yu.K.

Arzamas branch of N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Department of law, philosophy and social sciences

Abstract: The article shows that despite the declared intransigence of the Baconian method of empirical induction in relation to the axiomatic constructions of Aristotelian syllogistics, the main subject of criticism of the author of «New Organon» is the metaphysical understanding of causality. Leaving to science the study of the form of active and material causes, which are schematically able to manifest themselves in natural processes, Bacon is attempting to combine in his methodological program the empirical method of interpreting nature and methods of rational anticipation of the mind. For understanding and explaining the marked duality of the Baconian methodology, the conceptual model of double negation is proposed to use. This logical scheme, when applied to the methodological programs of Aristotle and Bacon, demonstrates the consistent rejection of the first «Organon» within the general process of developing methods for obtaining true knowledge, which formally ended in the third synthetic «Organon». It is concluded that the use of dialectical logic for understanding and explaining the scientific features of methodological programs confirms the constant nature of the influence of philosophy on science.

Keywords: Organon, new Organon, third Organon, methodology, logic, law of double negation, philosophy, science.

Тема эмпирической составляющей метода научного познания, иллюстрируемая ссылками на вторую часть «Великого восстановления наук» Фрэнсиса Бэкона, давно и прочно вошла в содержание вузовского курса истории философии нового времени. Вместе с тем обязательность включения «Нового Органона» в учебно-образовательные программы, на наш взгляд, так и не стала стимулом для периодического возвращения к основным идеям одного из первых манифестов европейского эмпиризма с целью их нового переосмысления. Как и ранее, когда исходя из самого названия книги «Новый Органон»

рассматривался в качестве «нового орудия науки», противостоящего логическим трудам Аристотеля [1, с. 380], главной заслугой данного трактата сегодня, по-прежнему, считается предложенный Бэконом метод элиминативной индукции, которая, в противовес аристотелевской силлогистики, представляет собой «истинное "орудие" познания, приводящее к нужным и корректным обобщениям» [2, с. 609].

Однако, как следует из начальных разделов второй книги «Нового Органона», острие своей критики Бэкон направляет вовсе не на силлогистику Аристотеля, систематизированную в «аналитиках» первого «Органона» [3, с. 119-254, 257-346]. Главным предметом бэконовских критических рассуждений выступает аристотелевское понимание причинности, входящее в содержание «Метафизики». В то время как об испорченности естественной философии аристотелевской логикой Бэкон лишь кратко упоминает в первой книге «Нового Органона» [4, с. 165]. И только затем более подробно объясняет, какая форма наведения должна быть придумана для построения правильных аксиом [4, с. 170-171].

Возвращаясь к бэконовской критике метафизического понимания причинности, следует отметить, что Бэкон не только не отвергает сам принцип причинности, но даже предлагает определять знания, способствующие росту человеческого могущества, «как знание посредством причин» [4, с. 198]. При этом из четырех перечисленных в «Метафизике» Аристотеля классов причин [5, с. 147] пригодными для практики научного познания Бэкон считает лишь причины действующего и материального характера, которые, по его словам, сами по себе, почти ничего не дают для науки, однако в природных процессах с необходимостью выступают в причинной форме скрытого схематизма [4, с. 206].

Что же касается целевых, или конечных причин, то их изучение, по словам Бэкона, лишь «извращает науки, если речь идет не о действиях человека» [4, с. 198]. Безнадежным для научного познания Бэкон также полагает исследование вечных и неподвижных форм, которые поэтому должны составлять содержание метафизики, но не физики [4, с. 206]. Таким образом, несмотря на декларируемую непримиримость бэконовского метода эмпирической индукции по отношению к аксиоматическим построениям аристотелевской силлогистики, негативная, или «разрушительная» сторона бэконовского «Великого восстановления», состоящая из опровержений наивного ума, доказательств и теоретических учений [4, с. 177], не предполагает какого-то радикального отрицания методологии «Органона». Более того, рассуждая в разных частях своей книги об особенностях научного познания природы, Бэкон постоянно пользуется понятиями логической аксиомы и логического первоначала, понимая под этим то, что сообразно с научными открытиями этих «начал и особых аксиом» [4, с. 149]. Например, такими соответствиями являются аксиомы превращения тел, которые, согласно представлениям Бэкона, подразделяются на аксиомы, рассматривающие тела как соединение простых тел [4, с. 200], и аксиомы, направленные не на простые, а на конкретные тела, которые «открываются в природе в ее обычном течении» [4, с. 201].

Как пишет в предисловии «Нового Органона» Бэкон, обозначая свою позицию по отношению к слишком поздно вставшей на защиту разума логике: «единственное спасение в том, чтобы вся работа разума была начата сызнова и чтобы Ум уже с самого начала никоим образом не был предоставлен самому себе, но чтобы он был постоянно управляем» [4, с. 103]. Иначе говоря, в своих методологических предписаниях Бэкон не противопоставляет индукцию – дедукции, а опытное знание – аксиомам и теоретическим постулатам. Напротив, автор «Нового Органона» предлагает всем тем, кто стремится к цели изучения природы, соединить эмпирический метод ее истолкования с тем, что он называется способом «Предвосхищения Ума» [4, с. 106].

Отмеченная двойственность методологии «Нового Органона» в ситуации его формального сравнения с аристотелевским первоисточником ориентирует на поиск такой концептуальной модели, которая могла бы: во-первых, наглядно представить внутреннюю логику единого процесса развития сложной и противоречивой системы методологических оснований научного знания; во-вторых, придать качественную определенность бэконовскому методологическому проекту.

На наш взгляд, такой, редко используемой сейчас, объясняющей моделью выступает логический закон, или принцип двойного отрицания. Именно здесь, в ситуации требования логической определенности временная онтологическая последовательность расположения двух сменяющих друг друга противоположностей может служить их содержательными критериями при общей процессуальной неопределенности и полноте всей динамической конструкции. В этом смысле методология «Нового Органона» – это правила и предписания, предназначенные, прежде всего, для проведения эмпирических исследований на базе элиминативной индукции. В то время, как методология аристотелевского «Органона», которую отрицает бэконовский «Новый Органон», но продолжает

европейский рационализм, в общей логике развития исследовательской техники будет обладать качественно иным эпистемическим статусом.

Следует заметить, что в нашей философской литературе закон двойного отрицания в свое время успешно применялся биологами для объяснения прогресса в развитии живой природы [6, с. 149-171]. Что же касается применения закона двойного отрицания в области истории и философии науки, то здесь указанный логический принцип использовался в целях объяснения особенностей поступательного развития научной мысли [7, с. 90-98].

Применительно к методологии «Нового Органона» логика двойного отрицания, на наш взгляд, также может быть использована с целью выявления новаторского статуса метода эмпирической индукции в ее отрицающем, но не уничтожающем сравнении с методом рациональной аксиоматической дедукции. Хотя, в отличие от актуально отсутствующей в «Органоне» Аристотеля эмпирической базы естественнонаучных исследований, определившей умозрительный эвристический потенциал силлогистики, дедуктивная логика с самого начала присутствует в исследовательском арсенале формирующейся классической науки нового времени, а потому заставляет Бэкона учитывать требования правил для ума.

Таким образом, логика развития исторически различающихся форм знания, которые определяются как знание доказанное и проверяемое, в ее приложении к двум самым известным методологическим программам – «Органону» Аристотеля и «Новому Органону» Френсиса Бэкона – демонстрирует их последовательное отрицание в рамках общего процесса развития научной методологии. В этой связи неизбежно возникает вопрос о двойном отрицании, которое в соответствии с логикой развития культурной системы должно завершиться в третьем, синтетическом «Органоне».

Как известно, такой «Органон также существовал. Его автором был русский философ-окультист, математик по образованию П.Д. Успенский. Вот как в «Tertium Organum» изображается логика двойного отрицания всех трех органонов. Первое, аристотелевское заключение, достаточное для непосредственного и однозначного наблюдения, выглядит так: Всякая вещь есть или А, или не А [8, с. 65]. Второе заключение, вытекающее из опытно-процессуальной логики «Нового Органона» Бэкона, таково: Всякая вещь была и будет или А, или не А [8, с. 66]. Наконец, логическая схема третьего органона формулируется таким образом: А есть и А, и не А [8, с.184]. Очевидно, что несмотря на мистическую аргументацию Успенского последняя логическая формула воспроизводит хорошо известные схемы диалектической логики, поскольку, пытаясь одновременно синтезировать процесс и результат познания, лишает правильное мышление требуемых ему смысловых определенностей.

В заключении отметим, что попытки использования в научной практике законов и категорий диалектической логики вообще, и логики двойного отрицания, в частности, хорошо известны историкам идей [9, с. 57-58, 61-65]. В условиях утраты идеологической монополии на марксизм дискуссии, которые велись по этому поводу в отечественной философии конца прошлого столетия, не выявили победителя, однако в очередной раз подтвердили то очевидное обстоятельство, что философия как метатеоретическое знание и общегносеологическая методология [10, с. 236-238] оказывала и продолжает оказывать влияние на науку [9, с. 67].

Список литературы

1. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. Отв. ред. Д.П. Горский. М.: Наука, 1976. 720 с.
2. Субботин А.Л. «Новый Органон, или истинные указания для истолкования природы» («Novum Organum, sive Indicia vera de Interpretatione Naturae») // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+РООИ Реабилитация, 2009. С. 608-609.
3. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 2. Ред. З.Н. Микеладзе. М.: Мысль, 1978. 687 с.
4. Бэкон Ф. Новый Органон. Л.: Огиз-Соцэкгиз, 1935. 384 с.
5. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. М.: Ред. В.Ф. Асмус. М.: Мысль, 1975. 550 с.
6. Диалектика живой природы / Под ред. Н.П. Дубинина, Г.В. Платонова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 360 с.
7. Диалектика отрицания отрицания. М.: Политиздат, 1983. 342 с.
8. Успенский П.Д. Tertium Organum. Ключ к загадкам мира. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. 242 с.
9. Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1991. 480 с.
10. Алексеев П.В., Панин А.В. Теория познания и диалектика: Учеб. пособие для вузов. М.: Высш. шк., 1991. 383 с.

«...Этот честный метод» (Размышления о «Новом Органоне» Ф. Бэкона)

Дмитриев И. С.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Института философии человека, профессор. Доктор химических наук

isdmitriev@gmail.com

Аннотация: В работе рассмотрены некоторые обстоятельства создания трактата Ф. Бэкона «Новый органон», при этом главное внимание уделено контексту отношений английского философа с королем Яковом I. Отмечено, что если ко времени публикации «Нового органона» (1620) Ф. Бэкон надеялся, что королевская власть поддержит его идеи коренной реформы науки и образования, ибо наука рассматривалась им как «царское дело», то к концу жизни взгляды Ф. Бэкона, касающиеся форм и методов институализации научных исследований, существенно изменились и он склонялся к весьма радикальной модели науки как социального института, которая позволила бы минимизировать вмешательство государственной бюрократии в процесс научного познания, а также изолировать науку и ученых от внеученных сообществ.

Ключевые слова: Ф. Бэкон, «Новый органон», наука как институт, Яков I, методология познания.

«... An honest method» (Reflections on the «Novum Organum») Dmitriev I. S.

A. I. Herzen State Pedagogical University of Russia

Abstract: This article is the study of some circumstances of the creation of F. Bacon's treatise "Novum Organum", while the main attention is paid to the context of the relationship of the English philosopher with King James I. It is noted that if, at the time of the publication of the «Novum Organum» (1620), F. Bacon hoped that the royal authority would support his ideas of a fundamental reform of science and education, for he considered science to be a «royal case» («opus esse magnum, et quasi regium»), by the end of his life F. Bacon's views concerning the forms and methods of institutionalizing scientific research have changed significantly and he was inclined to a very radical model of science as a social institution, which would minimize the interference of the state bureaucracy in the process of scientific knowledge, as well as isolate science and scientists from the non-scientific community.

Key words: F. Bacon, «Novum Organum», science as an institute, James I, methodology of cognition.

«Здесь заживем и в добрый час приступим

К познанию наук и изысканьям»

У. Шекспир. Укрощение строптивой (I, I)

В октябре 1620 года в Лондоне вышло в свет, напечатанное *in folio*, сочинение Ф. Бэкона «*Instauratio Magna Scientiarum*» («Великое восстановление наук»). Публикация включала фрагменты первой части широко задуманного шеститомного трактата и вторую часть – неоконченное сочинение под названием «Новый органон» (полное название: «*Pars secunda operis, quae dicitur Novum Organum, sive indicia vera de interpretatione nature*» («Вторая часть сочинения, называемая Новый Органон, или истинные указания для истолкования природы»))ⁱ. План «*Instauratio Magna*» Бэкон начал обдумывать в начале 1600-х годов. Некоторые идеи были им сформулированы уже в его ранних произведениях и фрагментах, например, в трактате «*Cogitata et Visa*» («Мысли и наблюдения»), написанном в 1607 – 1608 годах. К числу ранних фрагментов, идейно связанных с «Новым органоном», относятся также «*Temporis partus masculus*» (ок. 1602 – 1603), «*Redargutio philosophiarum*» (ок. 1607 – 1608). Есть и другие фрагменты, которые были затем включены в *folio* 1620 года.

Кроме того, в 1620 году в одном томе с «Новым органоном» Бэкон опубликовал работу «*Parasceve ad Historiam Naturalem et Experimentalem, sive Descriptio Historiae Naturalis et Experimentalis*»

(«Приготовление к естественной и экспериментальной истории»), сжатый набросок третьей части «*Instauratio*»ⁱ.

Замысел грандиозного проекта «великого восстановления наук» состоял в том, чтобы «заново обратиться к вещам с лучшими средствами»ⁱⁱ и произвести [полное] восстановление наук и искусств и всего человеческого знания вообще» [2, р. 195]. «Сам я (признаюсь откровенно), – писал Бэкон, – считаю этот труд скорее порождением времени, чем ума» [3, р. 123]. И хотя большую часть замысла «*Instauratio Magna*» Бэкону реализовать не удалось, он сумел, особенно в «Новом Органоне», изложить главное: основы методологии, которую с известными оговорками можно назвать индуктивной.

После восшествия на английский престол Якова I в 1603 году загруженность Бэкона государственными делами заметно возросла и потому он не имел возможности продолжать работу над текстом «*Instauratio*». Но и оставлять начатый труд он также не желал, полагая, что даже частичная публикация трактата окажется полезной, в том числе и для его дальнейшей карьеры. Поэтому он решил опубликовать хотя бы то, что уже было им написано, торопясь познакомить нового монарха со своими идеями о значимости наук для государства, пока королевское внимание не отвлекли другие заботы. Как известно, при Елизавете I Бэкону не удалось получить высокую придворную должность. Смена монарха вселяла надежду на продвижение по службе. Чтобы не терять времени, Бэкон в 1605 году, за пятнадцать лет до выхода «Нового органона», публикует «*The Proficiency and Advancement of Learning, Divine and Human*» («Успехи и развитие знания божественного и человеческого»), сочинение недоработанное, но тем не менее дающее представление о замыслах и идеях автора. Вместе с тем Бэкон понимал – чтобы заинтересовать короля своим проектом «великого восстановления наук», нужно создать более фундаментальное произведение, содержащее обзор современного состояния наук и детальное обоснование новой методологии познания, а главное, не жалея красок, показать пользу от реализации задуманного им проекта для королевства. Именно этим целям служило фолио 1620 года.

Нельзя сказать, что идеи, сформулированные им в «*The Proficiency*» и в «Новом органоне», получили широкое признание современников. Еще в 1609 году в письме И. Касабону Бэкон жаловался: «кажется, мне легче беседовать с древними, чем с теми, с кем я живу» [4, р. 146]. Поначалу в Англии лишь немногие из его современников сумели понять и оценить его мысли. К их числу можно отнести сэра Тоби Мэтью (*Sir Tobie Matthew*; 1577 – 1655), друга философа, дипломата и политического деятеля, сэра Генри Уоттона (*Sir Henry Wotton*; 1568 – 1639), литератора и дипломата, в какой-то мере – известного английского врача Уильяма Гарвея (*William Harvey*; 1578 – 1657) и некоторых других. Но практически всех их смущал призыв Бэкона начать строить здание науки заново, на новых основаниях. К примеру, Томас Бодли (*Thomas Bodley*; 1544 – 1613), весьма детально проработавший текст «*Cogitata et visu*», выразил сомнение в том, что знание, основанное на опыте и наблюдении реальности, может стать заменой, а не дополнением знания, накопленного веками [5, с. 145-163]. У. Гарвей, вспоминая, как сэр Фрэнсис глядел на его анатомический стол «холодными карими глазами змеи», насмешливо добавил, что он (Бэкон) «*writes philosophy like a Lord Chancellor*» [6, р. 130].

И все-таки Бэкон надеялся, что будет понят хотя бы одним читателем: Яковом I, и что король, заинтересовавшись его проектом, предпримет какие-то шаги для его реализации. Нельзя сказать, что надежды сэра Фрэнсиса были безосновательными. Якова I часто называли «британским Соломоном». Он действительно был высокообразованным человеком, свободно говорил на латыни и на французском, хорошо разбирался в поэзии, великолепно знал античных авторов и Священное Писание, оставил множество сочинений на политические и теологические темы. И кто же, как не он, полагал Бэкон, сможет оценить актуальность идеи *Instauratio Magna Scientiarum*.

12 октября 1620 года роскошно изданный (подарочный) экземпляр «*Instauratio*» был преподнесен королю. В личном сопроводительном письме Бэкон так охарактеризовал свой труд: «эта работа, как ее ни трактовать, – не более чем новая логика, которая учит, как делать открытия и выносить суждения, используя индукцию (ибо обычный силлогизм не пригоден для наук о природе), и тем самым делает философию и науку более близкими к истине и более действенными» [7, р. 119]. Спустя четыре дня король ответил Бэкону любезным письмом, выразив с одной стороны удовлетворение от того, что во многих вопросах мнение Бэкона «полностью согласуется» с его королевским мнением, а с другой – изъявил желание в дальнейшем, пользуясь «*the liberty of a true friend*» [8, с. 122], лично поучаствовать в доработке предложенного сэром Фрэнсисом «*new instrument*» [9, с. xxvi].

ⁱ В 1623 году выходит «*De Dignitate et Augmentis Scientiarum*» – третья часть «*Instauratio*».

ⁱⁱ Точнее было бы перевести: «заново постигать вещи на лучших основаниях», в оригинале: «*ut res de integro tentetur melioribus praesidiis*».

ⁱ Детальная история публикации этого сочинения приведена в [1, р. xix– cxviii].

Благоприятный в целом ответ Якова вселил в Бэкона надежду, что король отзовется на его обращения и, подобно Соломону, станет содействовать «сбору и окончанию Натуральной и Экспериментальной Истории . . . , на которой может быть построена вся философия (*which is basis totius negotii*)» [10, p. 130].

Как человек практического и даже циничного ума, сэр Фрэнсис прекрасно осознавал трудности придворного, решившегося давать советы монарху. Поэтому выбору средств убеждения правителя им придавалось большое значение. Бэкон неплохо понял натуру «британского Соломона» и потому использовал все средства воздействия на короля: личные встречи, письма, оформление подносимого труда, включая гравюру на титуле.

Однако, хотя в яковитской Англии Бэкон стал весьма быстро продвигаться по службе (*Attorney-General*, 1613; *Lord Keeper*, 1617; *Lord Chancellor*, 1618), его философские, равно как и юридические произведения к этому отношения не имели, ни «Новый органон», ни разработанные им «Правила для Звездной палаты (*The Rules for the Star Chamber*)», ни какие-либо другие.

Что же касается идейной части «Нового органона», то кроме того, что обычно отмечается в литературе (теория идиологов познания, экспериментальная методология, индуктивный метод и т. д.), на мой взгляд, заслуживают внимания также следующие два аспекта этого сочинения:

1. Концепция «уравнивания умов (*exaequatio ingeniorum*)» с помощью универсальной индуктивной машины (методологии) познания, которая бы позволила поставить производство научного знания на поток. «*Equidem Organum praebui*» («Я же дал Органон»), т. е. орудие, инструмент [3, p. 124], – не без гордости заявлял Бэкон.

2. Концепция разделения труда в процессе научного поиска, т. е. одни должны заниматься собиранием фактов (составлением естественной истории), другие – когнитивной обработкой собранного материала (его «истолкованием», «*opus interpretis*» [11, p. 393]). Причем решение и первой, и второй задачи требует коллективных усилий. Но если наука оказывается коллективным (корпоративным) предприятием, то возникает потребность в создании новой околонучной бюрократии, которую сэр Фрэнсис намеревался возглавить. Это, естественно, ставило вопрос об отношении между теми, кто «добывает истину», и теми, кто организует сам процесс исследования. Однако к этому вопросу Бэкон обратился позднее, в частности, в «Новой Атлантиде». В *folio* же 1620 года, в «*Parasceve*», он ограничивается предупреждением, что механическое объединение в одном исследовательском коллективе даже самых выдающихся умов вряд ли окажется эффективным для прогресса науки [11, p. 394].

Однако к концу жизни, многое продумав и во многом разочаровавшись, Бэкон предлагает весьма радикальную модель институализации новой науки, предусматривавшую создание жесткой иерархической замкнутой структуры, ядро которой образуют хорошо образованные «эпистемократы», наделенные широкими правами и властными полномочиями, настолько широкими, что роль монархической власти оказывается заметно ослабленной, а что касается методов достижения результата (т. е. высокой эффективности научной деятельности такого общества-ордена-института), то они могли быть самыми разнообразными: от обычного собирания фактов до воровства чужих открытий и изобретений. При этом от настойчиво пропагандировавшейся в «*Instauratio*» идеи научного исследования, предполагавшего свободный обмен информацией и демократическую организацию научного сообщества, в «*New Atlantis*» не осталось почти ничего.

Поэтому при всей важности «Нового органона» как памятника философской мысли, это сочинение Ф. Бэкона не дает исчерпывающего представления о его взглядах на науку хотя бы потому, что позиция английского мыслителя, особенно в том, что касалось форм и методов институализации науки, существенно менялась со временем. Однако можно выделить тему, которая прошла красной нитью через все его сочинения, посвященные научному познанию: результативность (эффективность) научной деятельности сводится, в понимании Бэкона, к категорическому императиву свободы научного исследования, его свободы как от «вертикального» (со стороны власти), так и «горизонтального» (со стороны толпы, церкви и иных вненаучных сообществ и обстоятельств) давления.

Список литературы

1. Bacon F. The Instauratio magna. Part II: Novum organum and Associated Texts // The Oxford Francis Bacon. In 16 vols. Vol. 11 / Edited with introduction, notes, commentaries, and facing-page translations by Graham Rees with Maria Wakely. Oxford: Clarendon Press, 2004. 766 p. P. xix–cxviii.

2. Bacon F. Instauratio Magna. Franciscus de Verulamio sic cogitavit // Bacon F. The Works / Collected and edited by James Spedding, Robert Leslie Ellis and Douglas Denon Heath. In 14 vols. London: Longmans, 1857 – 1874. Vol. 1. P. 121–122.
3. Bacon F. Instauratio Magna. Epistola dedicatoria // Bacon F. The Works / Collected and edited by James Spedding, Robert Leslie Ellis and Douglas Denon Heath. In 14 vols. London: Longmans, 1857 – 1874. Vol. 1. P. 123–124.
4. Bacon F. Letter to Isaac Casaubon (1609) // Bacon F. The Works / Edited by James Spedding, Robert Leslie Ellis and Douglas Denon Heath. In 14 vols. London: Longman and co., 1857–1874. Vol. 4 (11). P. 146–147.
5. Trecentale Bodleianum: A Memorial Volume for the Three Hundreth Anniversary of the Public Funeral of Sir Thomas Bodley March 29, 1913. Oxford: At The Clarendon Press, 1913. 196 p.
6. Aubrey J. Brief Lives. Edited from the Original Manuscripts and with an Introduction by Oliver Lawson Dick. London: Theodore Brun, 1949. 408 p.
7. Bacon F. Letter to the King (12 Oct. 1620) // Bacon F. The Works / Edited by James Spedding, Robert Leslie Ellis and Douglas Denon Heath. In 14 vols. London: Longman and co., 1857–1874. Vol. 7 (14). P. 119–120.
8. The King' letter to F. Bacon (16 Oct. 1620) // Bacon F. The Works / Edited by James Spedding, Robert Leslie Ellis and Douglas Denon Heath. In 14 vols. London: Longman and co., 1857–1874. Vol. 7 (14). P. 122.
9. Jardine L., Silverthorne M. Introduction // Bacon F. The New Organon / Edited by Lisa Jardine and Michael Silverthorne. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. vii-xxviii.
10. Bacon F. Letter to the King (17 Oct. 1620) // Bacon F. The Works / Edited by James Spedding, Robert Leslie Ellis and Douglas Denon Heath. In 14 vols. London: Longman and co., 1857–1874. Vol. 7 (14). P. 130.
11. Bacon F. Parasceve, ad historiam naturalem et experimentalem. Descriptio historiae naturalis et experimentalis qualis sufficiat et sit in ordine ad basin et fundamenta philosophiae verae // Bacon F. The Works / Collected and edited by James Spedding, Robert Leslie Ellis and Douglas Denon Heath. In 14 vols. London: Longmans, 1857–1874. Vol. 1. P. 393–394.

Дорожкин А.М.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры философии. Доктор философских наук

a.m.dorozhkin@gmail.com

Аннотация: В работе предпринимается попытка ликвидировать определенный пробел в анализе заблуждений, с которым приходится сталкиваться в современной практике научных исследований, а также образовании. Приводятся наиболее типичные ситуации, в которых могут возникать заблуждения, названные Ф. Бэконом «идолами площади». В современных условиях они, по мнению автора, претерпевают определенные мутации. Для их выявления предлагается использовать подход с применением идеи «зон обмена». Рассматриваются конкретные мутации «идолов площади» в галисоновских, гумбольдтовских и негумбольдтовских зонах обмена. Причиной заблуждений в галисоновских зонах обмена является чрезмерное упрощение языка общения между членами научного сообщества, что может привести к неверному толкованию содержания сообщения. Для гумбольдтовских зон обмена «идолы площади» обусловлены явным дефицитом прямого диалогового общения учителя и ученика, что приводит к невозможности оценить достоверность получаемой информации. Наконец, для негумбольдтовских зон обмена причиной заблуждения названо нежелание представителей ненаучного сообщества изменять сложившуюся наличную картину мира.

Ключевые слова: «идолы площади», мутант, галисоновские зоны обмена, гумбольдтовские зоны обмена, негумбольдтовские зоны обмена, заблуждение.

**“Idols of the Marketplace” by F. Bacon in modern scientific practices.
Dorozhkin A.M.**

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Department of Philosophy

Abstract: The work attempts to fill a certain gap in the analysis of errors that we have to face in modern practice of scientific research and in education. The most typical situations are given, in which there may be misconceptions called by F. Bacon the “idols of the marketplace.” According to the author, in contemporary context, they are undergoing certain mutations. To identify them, the author suggests using the approach based on the idea of “trading zones.” He then considers particular mutations of the “idols of the marketplace” in Galisonian, Humboldtian and non-Humboldtian trading zones. Errors in the Galisonian trading zones are linked with the excessively simplification of the language used in communications between members of the scientific community, which can lead to an incorrect interpretation of messages. In the Humboldtian trading zones, “idols of the marketplace” are caused by a clear deficit in direct dialogues between teacher and student, which makes it impossible to evaluate the reliability of the information received. Finally, in the non-Humboldtian trading zones, errors are linked with the reluctance of unscientific communities to change their existing pictures of the world.

Keywords: “idols of the marketplace”, mutant, Galisonian trading zones, Humboldtian trading zones, non-Humboldtian trading zones, delusion.

ⁱ «Идолы» Ф. Бэкона, с нашей точки зрения, не имели и не имеют достаточной оценки в работах, посвященных философии науки. По крайней мере, мы не нашли в такой литературе сколь-нибудь значимого анализа заблуждений, выделенных Бэконом, применительно к теоретико-познавательным ситуациям – как современной (см. например, [1], [2], [3] и др.), так и более ранней ([4], [5] и др.).

Между тем, положении дел в эпистемологии и философии науки свидетельствует о необходимости

ⁱ Исследование выполнено по гранту РФФИ № 18-18-00238, «Негумбольдтовские зоны обмена: идея и проект новой научной инфраструктуры».

более внимательного рассмотрения отмеченных Бэконом типов заблуждений. Причем, если в немногочисленных работах, выделяющих бэконовские заблуждения, эти заблуждения лишь назывались без «привязки» каждого из названных заблуждений к реальным познавательным ситуациям, то ныне простого предупреждения о возможности определенного вида ошибок будет уже недостаточно, хотя бы в силу того, что бэконовские заблуждения «мутируют» в соответствии с особенностями развития современного знания, и указание на конкретные ситуации необходимо.

В данной работе мы обратим внимание на один из названных Бэконом типов заблуждений – на «идолов площади». В современной ситуации именно такие заблуждения, как нам представляется, довольно типичны. Такая ситуация, на наш взгляд, определяется следующими факторами:

1. Дифференциация наук. Постепенно, по мере дифференциации научного знания, для каждой отрасли вырабатывался свой специфический язык, на котором могли общаться лишь, так сказать, посвященные. Такие языки порой настолько разительно отличаются друг от друга, что здесь допустимо некоторое сравнение с отличием национальных языков общения друг от друга. И даже такое сравнение не совсем верно. В отличие от полиглотов, способных успешно освоить большое количество различных разговорных языков, научные языки требуют такого объема серьезно отличных друг от друга знаний, которые недоступны для усвоения единичному интеллекту, каким бы развитым он ни был. Для реализации такого проекта подготовки специалиста, имеющего возможность общаться на большинстве языков современного научного знания, просто не хватит человеческой жизни.

2. Реформа образования, которую можно назвать расширительной. Здесь фактор доступности образования, обусловленный развитием интернета и прочих средств общения, сопровождается еще одним фактором – резкого уменьшения возможности непосредственного диалогового общения учителя и ученика. И если тенденция, наметившаяся ныне в сфере образования, продолжится, то такая возможность исчезнет напрочь. При этом чуть ли не единственная возможность такого непосредственного общения на устном экзамене, когда ученик, кроме оценки знаний, получал еще и сведения об их недостаточности или ошибочности, в результате введения ЕГЭ, перестала существовать. Таким образом, ошибки в освоении знания остаются не выявленными, со всеми вытекающими отсюда следствиями.

3. Открытость науки. Здесь мы имеем в виду возможность широкого, с привлечением, прежде всего, представителей ненаучного сообщества, обсуждения не только результатов, но и методов научного исследования [6]. Такая современная особенность имеет как плюсы, так и минусы. Здесь мы отметим лишь то, что непосредственно касается темы: трудности, возникающие при общении между представителями научного и ненаучного сообществ. Представим себе такую «Грету Тумберг» в качестве эксперта значимости развития определенного направления научных исследований. Последствия такой экспертизы в дополнительных комментариях не нуждаются.

Все отмеченные выше особенности, с нашей точки зрения, довольно удачно рассматриваются сквозь призму галисоновских, гумбольдтовских и негумбольдтовских зон обмена (см., например, [7]). Далее мы будем использовать именно такой подход.

Галисоновские зоны обмена характерны для общения членов научного сообщества между собой. По мнению автора этой идеи [8], зоны обмена следует строить как раз из-за непонимания представителей научного сообщества друг друга. Но это и есть современные «идолы площади». И это не все. Формулируя идею зон обмена, Питер Галисон предлагает построить определенный упрощенный язык обмена – своеобразный пиджин-сайенс, с помощью которого ученые могли бы понимать друг друга и, таким образом, избавиться от пресловутых «идолов». Но при этом возникает вопрос: до какой степени возможно такое упрощение? Ведь оно может достигнуть таких размеров, что непонимание, при сформированной в условиях предельного упрощения зоны обмена, все равно останется. И идолы площади никуда не денутся, они просто приобретут иные очертания, то есть смутят. Недаром же Бэкон называл именно эти идолы «наиболее тягостными» [9, с. 18].

Для гумбольдтовских зон обмена мутант «идолов площади» – это иллюзия понимания. Отсутствие достаточной доли непосредственного общения между учителем и учеником приводит к тому, что смысл передаваемого и принятого сообщения искажается, но такое искажение, которое, вообще говоря, вполне предсказуемо, не фиксируется как таковое. «Идолы площади» не проявили бы себя здесь, если бы в ходе общения принимаемая сторона удосужилась понять, что некоторая доля получаемой информации обладает статусом неопределенности. Однако если отсутствует общение, то у ученика остается выбор: либо предполагать наличие такой неопределенности, либо считать, что по-

лучены полностью достоверные знания. Естественно, что выбор практически predetermined, ибо в первом случае необходимо получать дополнительную информацию, но откуда ее взять, если общение ограничено?

«Идолы площади» в негумбольдтовских зонах обмена, на наш взгляд, еще более усугубляют ситуацию непонимания. Определяя этот тип идолов, Бэкон, по большей степени, винит в их появлении ученых, использующих схоластическую терминологию [10, с. 24]. С нашей точки зрения, появившийся «мутант» изменяет положение сторон. В негумбольдтовских зонах обмена идолы площади появляются, если представители ненаучного сообщества активно не желают менять структуру и содержание наличного знания. Пословица «век живи – век учись» здесь не имеет места. Ведь здесь ученый имеет дело с «экспертом», оценивающим его деятельность. Эксперту же, что называется, не положено сомневаться в своих выводах. Как правило, это человек со сформировавшимся устойчивым мировоззрением. Принятое им сообщение будет восприниматься и оцениваться в соответствии с таким устойчивым мировоззрением. В случае гумбольдтовской зоны обмена мировоззрение ученика еще полностью не сформировалось, и вследствие этого самооценка полноты и истинности своих знаний не велика, следовательно, сомнение в полноте и истинности картины мира еще возможна, хотя и маловероятна по причине дефицита непосредственного общения. В случае же функционирования негумбольдтовских зон желание представителя ненаучного сообщества подвергнуть критической реконструкции систему своего наличного знания, при учете того обстоятельства, что он выбран судьей, экспертом, – маловероятно. Скорее всего он будет отстаивать суверенитет и целостность своей картины мира и внешние посягательства на такую целостность будет «встречать в штыки».

Если описать ситуацию в многократно растиражированных витгенштейновских образах «утка-заяц», то в данном случае мы будем, скорее всего, иметь дело с человеком, который никогда не видел зайца и лишь слышал о его существовании – не более. Он имел дело лишь с утками и поэтому для него никакой двойственности, то есть никаких других видений ситуации не будет. Это кредо устоявшегося мировоззрения. Рискнем назвать такого субъекта бюрократором от науки.

В данной работе мы рассмотрели лишь самые общие подходы к проблеме выявления заблуждений в функционировании научной деятельности. Более основательное исследование еще ждет своего часа.

Список литературы

1. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. И. Т. Касавина и др. М., Канон+: Реабилитация, 2009. 1247 с.
2. Leszczynski D. Cultural determinants of scientific knowledge: Ludwig Fleck and Stefan Amsterdamski // Studia Culturae. 2016. No. 6. P. 88–94.
3. Огурцов А.П. Философия науки: двадцатый век. СПб.: Мир, 2011. Т. 2. 410 с.
4. Вундт В. Введение в философию / пер. с нем. под ред. Э. Л. Радлова. Приложение к журналу «Вестник и Библиотека самообразования». СПб.: Брокгауз-Эфрон, 1903. С. 127–130.
5. Философия в ее систематическом изложении В. Дильтея, А. Рилля, В. Оствальда, В. Вундта, Г. Эббингауза, Р. Эйкена, Ф. Паульсена, В. Мюнха, Т. Липпса / пер. со 2-го нем. изд. СПб.: Обществ. польза 1909. 456 с.
6. Гребенщикова Е. Г. «Третья миссия» университета: от второго типа производства знания к «тройной спирали» инноваций // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки. 2011. Т. I. № 4. С. 270–274.
7. Дорожкин А. М. Проблемы построения и типологии зон обмена // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 54. № 4. С. 20–29.
8. Galison P. Trading zone. Coordinating Action and Belief // The Science Studies Reader. Ed. by M. Biagioli. New York: Routledge, 1999. P. 137–160.
9. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. 2-е, испр. и доп. изд. Т. 2. Сост., общ. ред. и вступит. статья А. Л. Субботина. М.: Мысль, 1978. 579 с.

Модель «Литературной республики» Людовико Муратори: культурные и политические устремления итальянских Академий

Дроздова Д.Н.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доцент. Кандидат философских наук

ddrozdova@hse.ru

Аннотация: Итальянские академии, ориентированные в основном на литературу и искусство, можно рассматривать как альтернативную форму организации интеллектуальной жизни в эпоху Научной революции. Способ существования итальянских академий существенно отличался от возникающих в 17 веке государственных структур поддержки науки. Однако гуманистические истоки итальянских ассоциаций делали возможным объединение наук, литературы и искусства в единое интеллектуальное пространство, что можно считать сильной, а не слабой стороной итальянских академий. Эта культурная модель Литературной республики была предложена и разработана Людовико Муратори в его «Первом проекте Итальянской литературной республики» (1704 г.). В докладе представляются идеи Муратори как модель внутрисостоятельного вовлечения интеллигенции, где история, поэзия, риторика и гуманитарные дисциплины должны приобрести национальное значение и обрести признание наряду с естественными науками и механическими искусствами.

Ключевые слова: Френсис Бэкон, Людовико Муратори, «Новая Атлантида», итальянские академии, польза науки

Ludovico Antonio Muratori's model of the Republic of Letters: cultural and political aspirations of Italian Academies. Drozdova D.N.

National Research University Higher School of Economics

Abstract: Italian academies, being mostly oriented toward letters and arts, might be considered to be a backward form of organization of intellectual life in the epoch of the Scientific Revolution. However, we would like to consider a possible (but may be unrealized) unification of sciences, letters and arts in the single intellectual community to be a strength, not weakness of Italian academies. This cultural model of Republic of Letters was explained and developed by Ludovico Muratori in his “The First Draft of the Italian Literary Republic” (1704). We are going to present Muratori's ideas as an alternative model of intra-state engagement of intellectuals where history, poetry, rhetoric and letters should be placed along with natural sciences and mechanical arts.

Keywords: Francis Bacon, Ludovico Muratori, New Atlantis, Italian academies, utility of science.

Идеи Бэкона об государственном устройстве научного исследования, которые он изложил в своей утопии «Новая Атлантида», оказали огромное влияние на возникновение академий наук 17 века. Вымышленный мир Бэкона был наделен чертами, которые из фантазии очень быстро стали реальностью. Среди важных особенностей бэконовского видения устройства научного сообщества можно указать следующие:

- ученые имеют выделенный статус в обществе (образуют орден, подобный религиозному, или ясно очерченное сообщество) [1, с. 504];

- научное сообщество пользуется помощью государства, владеет природными ресурсами, зданиями, коллекциями, инструментами [1, с. 514-521];

- научное сообщество обладает обязанностями по отношению к государству. Например, некоторые результаты могут быть запрещены к опубликованию, но должны быть сообщены государству [1, с. 523];

- в сообществе существует разделение труда: ученые не выполняют исследования по своему плану и желанию, а наделены определенной ролью в коллективном проекте [1, с. 522].

Хочется особо отметить, что ответственность и обязанность ученых по отношению к государству обусловлена, в частности, тем, что государство предоставляет ученым возможность проведения исследований с таким обширным классом природных объектов, который не может находиться в единоличном владении частных лиц. Без ресурсов, которые способно обеспечить государство, естественно-научное исследование теряет широкий спектр возможностей. Это объясняет, почему переход от науки частных лиц, поддерживаемых меценатами, к науке, которая обеспечивается и контролируется государством, становится исторической необходимостью, осознание которой происходит в 17-18 веках. Как следствие, бэконовские идеи о научном методе, о целях научного исследования, а также о связи науки и государства нашли свое отражение в создании Лондонского королевского общества, а также французской Академии наук и других последующих государственных академий.

Одновременно с этим процесс оформления и институционализации научных исследований – в частности, основанных на новом экспериментальном методе – происходит также в Италии. Однако в Италии академии были широко распространены еще с 15-16 веков [2]. Фактически, каждый крупный город имел как минимум одну академию, а иногда и больше. Общий список включает в себя более нескольких сотен академий разного калибра, от тех, про которых известно только название, до очень известных объединений, просуществовавших до нашего времени.

На начальном этапе итальянские академии были сообществами образованных людей, эрудитов, которые объединялись для обсуждения общих идей и для продвижения общих интересов преимущественно в области поэзии, риторики, искусства и культуры [3, с. 12-14]. Позднее к этому списку добавились изыскания секретов природы и экспериментальная философия.

В 17 веке происходит развитие методов экспериментального естествознания, как в Британии, так и в самой Италии. Между двумя странами существует обмен идеями, поэтому нельзя говорить о независимом и параллельном развитии экспериментального естествознания и новых форм организации научных исследований в этих двух странах [4]. Но если в Великобритании Лондонское королевское общество в большей степени реализует бэконовский проект научного института, то в Италии панорама научных сообществ продолжает быть сложной и разнообразной. Несомненно, самой близкой к бэконовской методологии является Академия дель Чименто, которая просуществовала всего 10 лет, но получила всеевропейское признание за исследования в области экспериментального естествознания [5]. И хотя между Лондонским королевским обществом и Академией дель Чименто существовали личные и идеологические связи, можно поставить вопрос, была ли флорентийская академия в полной мере «бэконовским проектом» или она должна остаться в ряду итальянских гуманистических сообществ, которые вдохновлялись более традиционными принципами. Мне видится, что важным различием является то место, которые две разные институции занимают среди государственных институтов. В то время, как Лондонское королевское общество было учреждено королевской хартией, в силу которой забота о существовании общества становилась королевской обязанностью, флорентийская академия, при всем сходстве целей и методов, оставалась с точки зрения флорентийского правления частной инициативой одного из членов правящей семьи, Леопольдо де' Медичи. Когда Леопольд, став кардиналом, перебрался в Рим, активность его академии постепенно истощилась и ее существование прекратилось [5, с. 182].

Слабая связь между итальянскими академиями и структурами правления наблюдалась на протяжении всего 17 века. Академии продолжали быть «группами по интересам», объединениями энтузиастов, которые во многом выстраивались на личном симпатиях и разделяемых интересах. И в большей части эти интересы носили литературный характер – члены академий упражнялись в сочинительстве сонетов, од, панегириков, театральных произведений, которые они представляли на суд слушателей во время регулярных собраний. Интерес к естественным наукам и медицине составлял костяк очень немногочисленных академий.

Именно в этом контексте появляется манифест за авторством Людовико Муратори «Первые наброски итальянской Литературной Республики» (*il primo Disegno della Repubblica letteraria d'Italia*) [цит. по 6]. 32-летний Муратори на тот момент являлся архивистом и библиотекарем в родной Модене, которая была занята французскими войсками. Он публикует этот проект-предложение под псевдонимом Ламиндо Пританио в Неаполе в 1703 году. Этот манифест, по мнению некоторых исследователей, знаменует поворот в сторону большего осознания публичной (государственной и национальной) миссии «людей письма», что стало толчком для переосознания роли академий в жизни итальянских

государств [3, с. 11-12].

Муратори начинает с критики сложившегося состояния. По его мнению, интеллектуальная деятельность академий заключается в удовлетворении тщеславия их участников, которые лишь сочиняют никому не нужные стихи и пьесы, которыми хвастаются друг перед другом, чтобы заслужить похвалу и аплодисменты [6, с. 1-2]. Это сильно отличается от примера других научных и литературных сообществ, которые тем временем складываются по всей Европе. По мнению Муратори, интеллектуалы Италии должны осознать, какую важную роль они могут играть в жизни своей нации, разделенной на разные государства. И для этого они должны объединиться в единую Республику, которая не будет иметь границ, а будет своего рода «государством в государстве». И задачей граждан этой республики будет продвижение наук и искусств для пользы общества и для славы итальянской нации [6, с. 4-5].

Далее Муратори обрисовывает проект обустройства этой Республики. Это государство интеллектуалов управляется аристократически – все решения принимаются советом Архонтов, наиболее уважаемых членов этого сообщества, во главе которого стоит Первый Архонт [6, с. 7, 10]. Чтобы войти в сообщество Архонтов, нужно опубликовать монографию, которая бы демонстрировала эрудицию, здравый вкус и критическое мышление автора. Объем монографии не является важным требованием – Муратори оговаривает, что небольшая книга может содержать в себе больше здравого и важного, чем многостраничные тома.

Но книга не всякой тематики будет рассмотрена как достаточная рекомендация. К дисциплинам, которые дают право доступа к конгрегации Архонтов, относятся грамматика, филология, риторика и красноречие, поэзия, моральная, естественная или рациональная философия, математика вместе с оптикой, астрономией, геометрией, механикой, догматическая, умозрительная или моральная теология, юриспруденция, медицина, география, но и другие разновидности познания, которые рассмотрены с позиций эрудиции, критики и здравого смысла [6, с. 8-9]. При этом, привлечение новых членов в конгрегацию должно производиться самими Архонтами, но не может быть испрошено тем, кто желает присоединиться к этому высшему классу республики ученых.

Помимо Архонтов, в республике выделяются те, кто еще не достигли тех результатов, которые позволят им войти в высшие круги, но чье усердие позволяет надеяться, что они смогут принести плоды в науках и искусствах. Из них формируется орден Кандидатов, члены которого в будущем надеются получить статус Архонта, а пока выполняют исследования под руководством одного из Архонтов провинции [6, с. 13].

Важную роль в республике играют Протекторы. Это представители гражданской власти, которые особо проявили себя в деле развития и защиты наук и искусств и показали себя щедрыми меценатами. Муратори называет пять таких правителей современной ему Италии – это Святой престол в лице Папы Римского, Венецианская республика, Великий герцог тосканский, герцоги Модены и Пармы [6, с. 28]. Предполагается, что Протекторы принимают деятельное участие в управлении республикой, хотя они и не принадлежат ордену Архонтов. Но именно от их участия зачастую зависит финансовое благополучие тех, кто посвятил свою жизнь развитию наук и искусств, поэтому их мнение должно учитываться при назначении тех, кто управляет республикой ученых – первого Архонта, Совета и секретарей.

Что же касается целей и задач ученого сообщества, то на первый план выходит служение обществу и нации. Довольно последовательно в разных своих текстах Муратори осуждает интеллектуалов, которые ищут только удовлетворения своего любопытства или тщеславия, но не готовы пускать свой труд на общую пользу. Отсюда осуждение праздного стихотворчества, но подчеркивание значения изучения грамматики и языков, поскольку это знание полезно для всех, кто языками пользуется. Однако Муратори не настаивает на том, чтобы польза обществу носила исключительно практический характер, что проявлялось бы в создании новых механизмов и устройств, изобретении лекарств, описании территорий. Важным является и тот вклад, который ученое сообщество может внести в объединение раздробленной нации и в преумножение славы Италии [6, с. 26].

Если вернуться к аналогичному проекту, представленному Бэконом, то можно увидеть ряд существенных отличий: Республика Муратори, хотя и похожа на «орден ученых», который описывает Бэкон, все же имеет большую автономию по отношению к государственным структурам. Союз интеллектуалов для Муратори носит хотя и национальный, но трансграничный характер. Отсюда меньшее внимание к тем материальным условиям, которые требуются для выполнения исследований в области географии, медицины, естественной философии, но большее внимание к гуманитарным

дисциплинам и к тексту (книге) как к результату интеллектуального труда. Интеллектуал, «литератор», воздействует на своих сограждан посредством речи и текста. Не произведенный продукт, а мудрое и здоровое высказывание составляет достоинство автора и служит преумножению славы нации. Муратори, таким образом, избегает того, чтобы интеллектуал становился клерком научной индустрии, но оказывается слеп к потребностям наук о природе, которые вынуждены уступать свою автономию в обмен на ресурсы, которые только государство и может обеспечить.

Список литературы

1. Бэкон Ф. Сочинения в 2 томах. Т. 2. М: Мысль, 1972. 582 с.
2. Testa S. Italian Academies and Their Networks, 1525-1700. From Local to Global. New York: Palgrave Macmillan, 2015. 286 p.
3. Trimarchi C. Istituzioni politiche ed istituzioni culturali nella Sicilia della tarda età moderna: le Accademie. Roma: Arcane, 2008. 204 p.
4. Boas Hall M. The Royal Society and Italy 1667-1795 // Notes and Records of the Royal Society of London. 1982. Vol. 37. No. 1. P. 63-81.
5. Boschiero L. Experiment and Natural Philosophy in Seventeenth Century Tuscany. The History of the Accademia del Cimento. Dordrecht: Springer, 2007. 251 p.
6. Muratori L.A. Opere del proposto Lodovico Antonio Muratori gia' bibliotecario del Serenissimo Signore Duca di Modena. Tomo ottavo. Arezzo: Michele Bellotti, 1768.

Власть знания. Современность Фрэнсиса Бэкона

Касавин И. Т.

Институт философии РАН, главный научный сотрудник. Доктор философских наук, член-корреспондент РАН

itkasavin@gmail.com

Аннотация: Методологический анализ знания в «Новом Органоне» Фрэнсиса Бэкона обретает свое подлинное содержание лишь путем отсылки к образу новой науки как социального института в других произведениях английского мыслителя и к особенностям его биографии. Для Бэкона обоснование и распространение нового научного метода возможны только в форме особой культурной революции: социальной легитимации науки как приоритетного социального института, создаваемого и поддерживаемого государством. Плодотворность бэконовских идей продемонстрирована историей возникновения европейских научных академий. И в наши дни эти идеи обретают новое звучание в контексте этических и коммуникативных подходов к анализу науки, перестройки отношений между наукой и обществом, бытия науки как политического субъекта.

Ключевые слова: Фрэнсис Бэкон, научный метод, социальный институт науки, легитимация науки, политическая субъектность науки

The power of knowledge. The contemporaneity of Francis Bacon.

Kasavin I.T.

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

Abstract: The methodological analysis of knowledge in "The New Organon" by Francis Bacon finds its true entity only by referring to the picture of the new science as a social institution in other works of the English thinker and to the peculiarities of his biography. For Bacon, the justification and dissemination of the new scientific method become feasible only in the form of a peculiar cultural revolution, i.e. the social legitimation of science as a foreground social institution created and supported by the state. The fruitfulness of Bacon's ideas is demonstrated by the history of the emergence of the European scientific academies. Today, these ideas are gaining a new meaning in context of ethical and communicative approaches to the analysis of science, the restructuring of relations between science and society, and the existence of science as a political subject.

Keywords: Francis Bacon, scientific method, social institute of science, legitimation of science, political subjectivity of science

«Человек есть то, что он знает»

F. Bacon, *Of Tribute*. P. 13.

Современное общество нередко именуют «knowledge society», имея в виду тотальное влияние науки и образования на социальные практики и технологии. Однако наряду с этим сегодня все большее внимание приковывают нечистые политико-информационные технологии «постправды» (post-truth) [1], [2], решающие поставленные перед ними задачи путем намеренного введения в заблуждение и прямой дезинформации. Приходится вновь и вновь вспоминать Дж. Оруэлла с его романом «1984». Так, для характеристики «идеологии двоемыслия» (doublethink) в обществе будущего как способности придерживаться двух противоположных убеждений одновременно, он использовал лозунг «Незнание — сила!» - ироническую инверсию известной фразы, приписываемой Фрэнсису Бэкону.

Есть грустный парадокс в том, что мы вспоминаем об Оруэлле в четырехсотлетний юбилей «Нового Органона»: приписывание формулы «Sapientia potentia est» (или «Scientia est potentia») Ф. Бэкону есть действие в стиле постправды. Ведь в текстах самого Бэкона она в этом виде просто отсутствует. Так что задача критики «идолов разума» по-прежнему актуальна, ведь знание постоянно и целенаправленно искажается, переворачивается и неадекватно используется в целях достижения политического, экономического и культурного господства. Даже в самой науке широкое распространение получили «malpractice» (плохая практика) и «fraud science» (нечестная наука). Поэтому более глубокое понимание

оригинальной формулы «Sapientia potentia est» (или «Scientia est potentia»), кто бы ни был ее автором, является настоящим требованием времени.

Историки установили, что формулы, аналогичные по смыслу лозунгу «Знание – сила» обнаруживаются в самых разных культурных источниках, как в западных, так и восточных. В западноевропейской философской традиции она, по всей видимости, была запущена в оборот на английском Т. Гоббсом в «Левиафане» 1651 и на латыни в 1668, хотя и отличается от классической формулировки. Что же касается Ф. Бэкона, то она встречается у него опять-таки в другом виде и ином контексте. А именно, Бэкон рассуждает об атрибутах Бога в *Meditationes Sacrae* (1597), используя фразу «*scientia potestas est*». И ее, вероятно, следует переводить как «знание есть Его сила», поскольку именно у божества знание и сила неразличимы и нераздельны как всеведение и всемогущество [3, р. 95]. Что же касается человека, то, по мысли и Бэкона, и Гоббса, здесь все иначе: знание может стать силой, а сила может быть облагорожена знанием, но ради этого нужно потрудиться.

С. Фуллер привлекает внимание к тому, что ошибочное понимание тезиса «Знание – сила» в современных STS (исследованиях науки и техники) вытекает из присущей им профессиональной ценностной нейтральности, доминированию эмпирически-дескриптивистского подхода. По существу, забыт ее исходный просвещенческий смысл, согласно которому чем больше мы знаем, тем меньше на нас влияют другие. И если наша сила растет, то лишь в смысле *potentia*, т.е. возможной деятельности. Рост знания делает нас более свободными, как раз ослабляя, а не усиливая связь между знанием и властью [4, р. 211].

Это не единственная парадоксальная коннотация формулы «знание – сила». В известном метафизическом смысле, расширение сферы знания расширяет и сферу нашего незнания, т.е. создает новые риски. «Обуздание знания» является, поэтому, известной религиозно-теологической стратегией, которая предостерегает от движения в неизвестном направлении. Не имея возможности тотально навязать свою волю в продвижении собственных проектов, консервативный лидер убеждает людей не противиться его воле, ибо нельзя сделать ничего иного без существенных рисков, а потому не стоит и пытаться («коней на переправе не меняют»).

С точки зрения такой интерпретации формула «Знание – сила» оказывается не столько констатацией факта, сколько философским нормативным призывом. И ее нужно понимать как элемент масштабной кампании по пропаганде науки, которую Бэкон разворачивал и в своих трудах, и в практической деятельности. Здесь наука еще не противостоит религии, но пока действует в унисон с ней. Познавая, человек приближается к Богу, никогда не достигая его бесконечного могущества. «*Sola scripta*» в протестантизме ограничивала адекватный доступ к Богу сообществом читающих Библию. Знание, тем самым, является силой избранных, которые объединены некоторой общей программой. Вместе с тем, в лице Бэкона мы впервые в истории встречаем понимание науки как нового глобального социального проекта. Вероятно, главное открытие английского мыслителя состояло в том, что идея правильного научного метода нуждается в социальной легитимации и адекватной институционализации, невозможной без соответствующей государственной политики. И одновременно, практическая реализация предлагаемого им идеала науки с необходимостью вела к коренной перестройке всего общества. Последнему не предписывалось демократическое устройство, это, скорее, экспертократия, которая делится с обществом «плодоносными опытами», но «светоносные опыты» резервирует исключительно для себя.

Отчасти Бэкон предвидел главную черту наступающего модерна, заключающуюся в том, что наука и основанная на ней техника выступают в роли «локомотива эпохи»: они революционным образом изменяют политику, экономику и культуру. Тезис К. Маркса «Революции – локомотивы истории» в полной мере относится и к научной революции Нового времени. В 19 в. «всеобщее общественное знание [Wissen, knowledge] превратилось в *непосредственную производительную силу...*» [5, с. 215], по выражению К. Маркса. Это произошло в немалой степени и потому, что в свое время Бэкон провозгласил науку новым политическим субъектом, а его идеи обрели материальную форму в новых академиях наук.

В обществе постмодерна («информационном», «цифровом», «обществе знания») идеи Бэкона оказываются по-своему актуальны, конфигурируют новые дискуссии и вопросы [6]. Что есть современная наука – башня из слоновой кости, республика ученых или коммерческое предприятие? Кто сегодня является главным оппонентом науки – государство, бизнес или церковь? Совместима ли демократия и научное знание (высокая компетентность, expertise)? Наделила ли науку ее ведущая об-

щественная роль особым политическим влиянием? Что такое политическая субъектность в применении к науке? Исчерпывается ли она влиянием на умы? И не является ли сегодня доступ к общественному сознанию самым главным каналом политической власти?

Примечательно, что Бэкон словно предвидел многие из этих вопросов и уже предлагал ответы на них. Он, в частности, выделил явные преимущества науки. Во-первых, это ее особенный интерес к новому и истинному знанию: она стремится представить некоторое положение дел так, как оно есть в действительности. Во-вторых, наука предлагает особый метод, т.е. организацию деятельности по критериям рациональности (продуманности, целесообразности и системности). Данный метод прозрачен, он гарантирует доверие к получаемому знанию и общественную легитимацию. В-третьих, наука способна обеспечить практическую эффективность научно обеспеченных решений, т.е. увеличивает реальную власть человека.

Переосмысливая идеи Бэкона сегодня, мы учитываем, что наука из утопии превратилась в реальность со всеми достоинствами и недостатками. Преимущества науки делают возможной и одновременно опираются на просвещенную научную политику и политику вообще, противостоящую популизму, технократизму и безоглядной коммерциализации. При таком положении дел государство считается с наукой, а люди ей доверяют и ее уважают. Однако не исключен и риск защиты интересов научного сообщества как замкнутой касты экспертов в ущерб правам личности и интересам общества. В этом случае научное сообщество может начать играть на стороне популизма, технократизма и коммерциализации, что приводит к краху науки и радикализации глобальных проблем. Наука, претендуя на статус политического субъекта, должна давать обществу позитивный моральный пример. Общество же, поддерживая науку, берет на себя контроль за ее соответствие ценностям гуманизма. Этот баланс столь же трудно достижим, что и наука Бэкона в его время. И потому оба вполне достойны статуса нового философского проекта.

Список литературы

1. Sismondo S. Post-truth? // *Social Studies of Science*. 2017. Vol. 47. No. 1. P. 3–6.
2. Collins H., Evans R., Weinl M. STS as science or politics? // *Social Studies of Science*. 2017. Vol. 47.No. 4. P. 580–586.
3. Bacon F. *Works of Bacon*, vol. XIV. Boston: Brown and Taggard, 1861, P. 94–95.
4. Fuller S. *New Frontiers in Science and Technology Studies*. Cambridge: Polity, 2007. 240 p.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 2. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1969. 620 с.
6. Stehr N., Grundmann R. *Experts: The Knowledge and Power of Expertise*. London: Routledge, 2011. 148 p.

Метод индукции Бэкона как основа политической практикиⁱ

Масланов Е. В.

*Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки»,
исследователь проекта. Институт философии РАН, научный сотрудник. Кандидат философских
наук*

evgenmas@rambler.ru

Аннотация: Одна из основных тем философии Ф. Бэкона – дискуссия о методе. Обычно метод Бэкона рассматривают как метод естественных наук. Большую часть своей жизни Бэкон был связан с государственным управлением. В результате элементы его методологического подхода могут быть обнаружены не только в естественных науках, но и в практиках управления, политических практиках, подходах к описанию социальной реальности. В рамках социальных наук нововведение Бэкона связано с отходом от анализа «законов» государственного управления и социальной реальности, к анализу отношений между «вещами», составляющими государство, государственную политику и социальную реальность. В этом случае государство и социальная реальность рассматриваются как неизменные структуры, состоящие из определенного набора вещей, всегда функционирующих сходным образом. Задача государственного управления и политической практики заключается в их корректном описании и использовании полученных знаний в управлении.

Ключевые слова: Фрэнсис Бэкон, государств, управление, политическая практика, социальные науки, бюрократия

Bacon's induction method as the basis of political practice.

Maslanov E. V.

*Inter-regional non-government organization Russian Society of History and Philosophy of Science, Institute
of Philosophy of the Russian Academy of Sciences*

Abstract: One of the main topics of the philosophy of F. Bacon is a discussion about the method.

Usually the Baconian method is considered as a method of sciences. For most of his life, Bacon was associated with public administration. As a result, elements of his methodological approach can be found not only in sciences, but also in management practices, political practices, and approaches to describing social reality. In the social sciences, Bacon's innovation is associated with a departure from the analysis of the "laws" of public administration and social reality to the analysis of the relationship between the "things" that make up the state, public policy and social reality. In this case, the state and social reality are considered as invariable structures consisting of a certain set of things that always function in a similar way. The task of public administration and political practice is to correctly describe them and use the knowledge gained in management.

Key words: Francis Bacon, states, governance, political practice, social sciences, bureaucracy

Философия Фрэнсиса Бэкона построена вокруг дискуссии о методе. Он выступал против схоластического метода, основанного на анализе логических отношений между высказываниями о мире. Основная цель схоластического метода – обнаружение в Природе, при помощи «откровения» или схоластического исследования, написанных Богом законов. В этом случае исследователь фиксирует божественные «законы». Этим законам можно лишь следовать, ведь созданный Богом мир не может быть изменен целенаправленной человеческой деятельностью. В результате ориентации на подобный подход человеческий разум оказывается скован различными «идолами», которым он подчиняется. Новый метод Бэкона должен был стать основой деятельности, которая позволит подчинить Природу за счет наблюдения и следования за нею. В этом случае человек не только открывает «божественные» законы, но и начинает их целенаправленно использовать в своей деятельности для создания новых

технических устройств и приспособлений, изучения и преобразования мира. «Знание и могущество человека совпадают, – пишет Фрэнсис Бэкон, – ибо незнание причины затрудняет действие. Природа побеждается только подчинением ей, и то, что в созерцании представляется причиной, в действии представляется правилом» [1, с. 12]. Человек использует творческие потенции, заложенные в него Богом, и своей деятельностью по изменению мира «восхваляет» Бога. Подобный подход позволял по-новому взглянуть на исследовательскую деятельность. Теперь нужно было обращаться не столько к миру логических конструкций, но к анализу существующего мира и отношения между вещами, в этом мире присутствующими. Ведь «как науки, которые теперь имеются, бесполезны для новых открытий, так и логика, которая теперь имеется, – отмечает философ, – бесполезна для открытия знаний» [1, с. 13]. Именно в этом случае можно было изучать и использовать реальные отношения, существующие между предметами в нашем мире, которые хоть и базируются на божественных законах, но могут быть использованы в практике. Подобный подход должен был позволить не только познавать мир, но и изменить мышление человека.

Предложенный Бэконом метод индукции предполагал обнаружение закономерностей в поведении вещей путем наблюдения за ними. Оно позволяет выявить реальные отношения, существующие между различными вещами, вещами и их свойствами. Подобное знание давало возможность конструировать и новые отношения между различными объектами или свойствами. Оно позволяет создавать новые технические устройства. Казалось бы, подобный подход может быть использован для исследования природы, но его сложно применить для деятельности по изучению социальной реальности, в практиках управления государством и обществом. Это эпистемическая стратегия исследования мира, но не эпистемическая стратегия, пригодная для управления государством или выстраивания политической практики. При этом хорошо известно, что Фрэнсис Бэкон большую часть своей жизни скорее был политическим деятелем, чем естествоиспытателем. Он заседал в парламенте, был лордом-хранителем Большой печати, лордом-канцлером, занимался не только исследованиями в области изучения природы, но и исследованиями в области политики и нравственности. Все это может свидетельствовать о том, что методологические рассуждения Бэкона могут быть связаны не только с изучением природы, но и могут лежать в основе рассуждений о государстве, социальной реальности и формировании политических практик. «Для Бэкона, – справедливо пишет исследовательница его творчества Сильвия Манзо, – наука должна быть фундаментальным отделом государства: она участвует в политической программе имперского владычества, вставленной в авторитарную структуру монархической власти, бюрократически организованной» [2, р. 264].

Применение «метода Бэкона» для изучения социальной реальности, формирования управленческих стратегий государства и конструирования политических практик предполагает выделение определенных «вещей» – параметров социальной реальности, которые могут быть изучены в процессе эмпирического наблюдения. Установление конкретных элементов, определение отношений между ними и их свойствами и формирование практик воздействия на эти элементы – вот важнейшая задача, стоящая перед людьми, решившими изучать социальную реальность и воздействовать на нее. При этом для XVII века социальная реальность во многом подобна реальности государства и отношений между государством, правителем и его подданными, тогда как изучение социальной реальности связано с изучением отношений между этими структурами. Применение «методологии» Бэкона приводит к одному фундаментальному изменению, которое затем закрепилось в практиках описания государства и выстраивания стратегий управления им. В этом случае принципиально важной становится ориентация на новый тип знаний. Теперь необходимо руководствоваться не столько «знанием» принципов функционирования государства, что, к примеру, было необходимо для выстраивания управленческих стратегий Государю Макиавелли. Ему важно знать набор правил, который может приводить к успешному или не успешному правлению, к примеру, такое правило: «Давнее и преемственное правление заставляет забыть о бывших некогда переворотах и вызвавших их причинах, тогда как всякая перемена прокладывает путь другим переменам» [3, с. 5]. Новый тип используемых в управлении знаний опирается на «знание вещей», составляющих государство. «Например, – отметил М. Фуко, – знания о населении, его численности, смертности ... оценка произведенного богатства, оценка богатства в обращении» [4, с. 358]. Знания о подобных вещах и их отношениях дают возможность создавать практики управления и влиять на различные элементы государства. Однако для этого государство должно быть «стандартизировано», местные особенности должны быть нивелированы. Они приводят к тому, что государственная структура не может быть

ⁱ Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ проект № 19-18-00494 «Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание»

описана как единое целое. В этом случае описание государства, обращение к элементам, из которых оно состоит, становится подобным обращению к эмпирическому описанию отношений между вещами и выведению индуктивных следствий из повторяющихся событий. В результате новый научный метод становится не только методом познания, но и определенной политической программой, на основе которой можно различать элементы государства и определять отношения между ними, конструировать функционирование государственной системы.

Использование такой программы требует внедрения механизмов унификации и стандартизации социальных практик, стандартизованного описания социальной реальности и людей, способных работать с этим типом информации, в практику государственного управления. В этом случае основной идеей описания государства и социальной реальности становится не только нахождение закономерностей в их функционировании, но опора на то, что государственная и социальная реальность «на самом деле» подобна реальности природы. Она неизменна, одинаковые причины будут приводить к одинаковым или схожим следствиям, поэтому она может быть описана на основе рациональных моделей и изменена при их корректном применении. Подобный подход с очевидностью должен приводить к складыванию систем бюрократии и полиции, способных на основе стандартизации описывать и влиять на деятельность государства и подданных. На протяжении XVII-XX веков подобный подход оставался ведущим в рамках практик управления государством и формирования политических практик. Конечно же, изменялись способы выстраивания властных отношений, подчинения и контроля, надзора и наказания, но сама по себе опора на рациональное описание отношений между фиксированным количеством элементов, используемых в практиках дисциплинарной власти или биополитических стратегиях, во многом оставалась неизменной. Однако к середине XX века стало абсолютно очевидно, что «рациональное» описание как государственной реальности, так и политических практик, хоть и в большинстве случаев оказывается успешным, зачастую становится контрпродуктивным, приводя к формированию ошибочных и опасных решений. В этом случае мы оказываемся в ситуации, когда «метод» Бэкона, во многом оказавшийся включенным в структуру знания о государстве и социальной реальности, должен быть дополнен другими методами, позволяющими по-новому взглянуть на государственную и социальную реальность.

Список литературы

1. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. Т.2. Сост., общ. ред. и вступит. Статья А.Л. Субботина. М.: Мысль, 1978. 575 с.
2. Manzo S. Francis Bacon: Freedom, authority and science // *British Journal for the History of Philosophy*. 2006. Vol. 14. Is. 2. P. 245-273
3. Макиавелли Н. Государь. М.: Планте, 1990. 80 с.
4. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. 543 с.

Коммуникативная актуальность «Нового Органона» Фрэнсиса Бэкона

Маслов В.М.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры философии. Доктор философских наук

maclov@bk.ru

Аннотация: Историко-философские достижения уточняют устоявшиеся знания и могут служить основой творческого осмысления новейших проблем. В парадигмальном плане, «Новый Органон» Ф. Бэкона уточняет современную методологию. В сверхпарадигмальном плане, материал «Нового Органона» способен помочь в деле осмысления самых разнообразных новейших тем человечества. Фундаментальная проблема современной общественной ситуации – обеспечение продуктивной, снимающей угрозы жизни людей коммуникации. Учение об идолах познания может служить основой процесса постнеклассической самокритики современного ученого. Смысловая четкость афористического изложения «Нового Органона» вполне может рассматриваться современным примером для организации подобной структурно четкой, визуально ясной коммуникации.

Ключевые слова: история философии, общество риска, постнеклассическая рациональность, коммуникация, зоны обмена, фальсификация, визуализация.

Communicative relevance of the «New Organon» by Francis Bacon. *Maslov V.M.*

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Department of philosophy

Abstract: Historical and philosophical achievements clarify established knowledge and can serve as a basis for creative understanding of the latest problems. In paradigm term, Bacon's «New Organon» clarifies modern methodology. In beyond-paradigm term, the material of the «New Organon» is able to help in understanding the most diverse newest topics of humanity. The fundamental problem of the modern social situation is to provide a productive communication, removing life threats to humanity. The doctrine of the idols of knowledge can serve as the basis for the process of post-non-classical self-criticism of a modern scientist. The semantic clarity of the aphoristic presentation of the «New Organon» may well be considered a modern example for organizing such structurally clear, visually obvious communication.

Keywords: history of philosophy, risk society, post-non-classical rationality, communication, trading zones, falsification, visualization.

Историко-философское знание является значимой составляющей современной философии. Исторические достижения не только служат основой углубления устоявшихся представлений, но и представляют важнейшую область мысли, способную служить непосредственным творческим основанием для решения новейших философских проблем. Сложность, многогранность, интенсивность, конечная неопределенность современного общественного развития (общества риска) еще более акцентировано подчеркивает указанную парадигмальную и сверхпарадигмальную значимость историко-философского наследия. Работа Ф. Бэкона «Новый Органон» в полной мере подтверждает все это.

Философское творчество Ф. Бэкона занимает исключительно важное место в истории развития человечества. Ф. Бэкон утверждает фундаментальное основание новой модернистской, техногенной формы социальной жизни – новую науку, ведущую к реальным, практическим достижениям, изменяющим жизнь людей к лучшему. В логически связной, последовательной форме Ф. Бэкон подвергает критике наличные научно-философские представления. В противовес чему дается новая систематика научного знания (великое восстановление наук), разрабатываются теории критического подхода к осуществлению собственно научной деятельности (теория идолов научного познания) и ее методология (теория научной индукции). В завершение, описываются те прогрессивные изменения, которые принесла с собой новая наука (достойная жизнь людей в Новой Атлантиде). В фокусе философских разра-

боток «Нового Органона» – теории идолов познания и научной методологии, соответственно, работу «Новый Органон» можно считать находящейся в самом центре философского творчества Веруламца.

Первое систематическое обсуждение основополагающих вопросов новой науки в «Новом Органоне» делает последний принципиальным началом изложения специфики соответствующих современных научных представлений. В частности, указывается на обязательное дополнение качественного эмпирического подхода Ф. Бэкона количественным, связанным с поиском математических закономерностей и идеализаций условий опыта [1, с. 198]. В общем, классическом, прогрессивном подходе, методологические достижения Ф. Бэкона служат материалом для последующего качественного развития, критического преодоления, доказательно ведущего в сторону выделения Д.С. Миллем так называемых «канонов научной индукции» и итогового утверждения истинности гипотетико-дедуктивного метода познания [2].

Есть все основания считать, что содержательное богатство «Нового Органона» может служить основой для постановки, понимания и решения целого ряда новейших философских проблем. Показательным примером подобного можно взять идею о необходимости возвращения в теорию познания «человеческого измерения» познания и его субъекта, сочетания духовного и телесного начал» [3, с. 204]. Это предложение может сразу сослаться на авторитет Ф. Бэкона, который в «Новом Органоне» органично объединяет проблематику субъекта познания и методологию. Принимая общую потенциальную перспективность философской проблематики «Нового Органона», предполагаем, что одной из важнейших в данном случае останется связь между «Новым Органоном» и современной коммуникативной проблематикой.

В теории постнеклассической научной рациональности – которую можно и нужно считать одной из основополагающих теорий, разрабатывающих специфику современной научно-философской рациональности вообще, – утверждается необходимость учитывать соотношенность научной деятельности с «ценностно-целевыми структурами» [4, с. 634]. Формально, это согласие с известными постмодернистскими утверждениями об отсутствии надежных критериев истины и итоговым признанием правомерности абсолютного плюрализма. Но суть новой, постнеклассической рациональности в том, чтобы – принимая со всей серьезностью сам факт неустранимости ценностного выбора – считать его истинным для данного места и времени, если он доказал свою правоту в непосредственной полемике с конкурирующими взглядами. Все это соотносится с принципом фальсификации К. Поппера, но речь должна идти о полноценном процессе коммуникации, в ходе которого выводится общезначимая историческая истина. Постнеклассическая логика выхода на проблематику коммуникации делает последнюю важнейшим феноменом современной общественной жизни, а – с учетом общей неопределенности и наличия катастрофических сценариев исторического развития – формой спасения человечества. Все это подтверждает и подтверждается известным современным общефилософским интересом и разработкой новых перспективных тем, связанных с коммуникацией, например, влияние современной внутринаучной коммуникации на качество научного знания [5] или организация полноценной, продуктивной коммуникации науки и общества [6].

Специфика постнеклассической ситуации выводит на два основополагающих условия, обеспечивающих положительный результат коммуникации. В первом случае речь идет о субъектах коммуникации, во втором – о самой непосредственной коммуникации (диалоге, дискуссии). В обоих случаях обнаруживается современная актуальность «Нового Органона».

Максимально положительный итоговый результат постнеклассической коммуникации применительно к субъектам коммуникации связан с предельно обостренным критическим восприятием ими своих философских утверждений. Постнеклассическая самокритичность (не доходящая до болезненной неопределенности и ориентированная на необходимость получения результата) должна постоянно активизироваться, борясь, в частности, с комфортом принятия непререкаемых истин. Максимальную помощь в этом может оказать учение Ф. Бэкона об идолах познания. Выделяемые Ф. Бэконом источники заблуждений опираются на известные разработки (тропы) античных скептиков и близки по смыслу методологическому сомнению Р. Декарта. Но Ф. Бэкон смог избежать излишней детализированности скептиков и не пришел к сухой краткости Р. Декарта. В итоге, указанные Ф. Бэконом идолы «театра», «пещеры», «рода», «площади» дают современному ученому вполне понятную структуру негативных влияний и соответствующей профилактики (с дополнением, конечно, современного материала, например, психоаналитического).

Максимально положительный итоговый результат постнеклассической коммуникации примени-

тельно к непосредственному процессу коммуникации связан с максимальной четкостью и понятностью ее протекания. Последнее не есть простое указание на необходимую логическую выверенность позиций оппонентов – последнее априорно предполагается наличным. Суть дела в том, чтобы довести свои теории до такой степени структурной и смысловой ясности, чтобы гарантировать их адекватное понимание и полновесную целостную критику. Поясняющим примером, конкурентоспособным и сегодня, является изложение новых теоретических идей в «Новом Органоне» (по крайней мере, в начале этого труда [7, с. 12-82]), где теория дана в виде последовательно связанных афоризмов. Каждый афоризм английского философа – это выверенный сгусток важнейшего теоретического смысла, данный в наиболее комфортной (эргономичной) форме для своего последующего осмысления и/или критики. Добавим в плане перспективы, что структурная четкость и смысловая ясность подобной формы выражения знания сущностно соотносится с утверждением определяющей роли визуальной ясности в деле становления новых наук [8].

Список литературы

1. Кирсанов В.С. Научная революция XVII века. М.: Наука, 1987. 342 с.
2. Дорожкин А.М., Шибаршина С.В. Гипотетико-дедуктивный метод научного исследования: область применения и основная интерпретация // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 2. С. 11-17.
3. Микешина Л.А. Релятивизм как эпистемологическая проблема // Эпистемология сегодня. Идеи, проблемы, дискуссии: монография / Под ред. чл.-корр. РАН И.Т. Касавина и Н.Н. Ворониной. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2018. С. 201-212.
4. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-традиция. 2003. 744 с.
5. Мирский Э.М. Социология науки – новые вызовы // Социология науки и технологий. 2011. № 2. С. 13-20.
6. Касавин И.Т. Зоны обмена как предмет социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 8-17.
7. Бэкон Ф. Новый Органон // Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: «Мысль», 1972. С. 5-222.
8. Латур Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе // Логос. 2017. Т. 27. № 2. С. 95-156.

Никифоров А. Л.

Институт философии РАН, главный научный сотрудник, доктор философских наук

Nikiforov_first@mail.ru

Аннотация. В докладе рассматривается учение Ф. Бэкона об «идолах» разума, препятствующих истинному познанию. Под этими «идолами» он понимал неясные и ложные понятия и учения схоластики, мистики, астрологии, алхимии и призывал очистить от них разум ученого. Показано, что Бэкон, по сути дела, говорит о социокультурных факторах, оказывающих влияние на ученого и научное познание. Поэтому Бэкона можно считать предтечей социальной эпистемологии, получившей развитие в конце XX в.

Ключевые слова: «идолы», разум, познание, эпистемология.

F. Bacon's idols from today's perspective.
Nikiforov A.L.

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

Abstract: The paper considers F. Bacon's doctrine of the idols of the mind which prevent the acquisition of true knowledge. By these "idols", he understood the vague and false concepts and teachings of scholasticism, mysticism, astrology and alchemy and called for cleansing the scientific mind from them. The paper demonstrates that Bacon, in fact, implies sociocultural factors that influence the scientist and scientific knowledge. Therefore, Bacon can be considered the forerunner of social epistemology, which emerged in the late twentieth century.

Key words: "idols", mind, knowledge, epistemology

Как хорошо известно, Ф. Бэкон в «Новом органоне» большое внимание уделяет рассмотрению «идолов» или «призраков», наполняющих ум человеческий и препятствующих ему открывать истинное знание об окружающем мире. Учение Бэкона об «идолах» разума всем хорошо известно, тем не менее, я позволю себе процитировать Бэкона во избежание возможных недоразумений:

«XXXIX. Есть четыре вида идолов, которые осаждают умы людей. Для того, чтобы изучать их, дадим им имена. Назовем первый вид идолами рода, второй – идолами пещеры, третий – идолами площади и четвертый – идолами театра...

XLI. Идолы рода находят основание в самой природе человека, в племени или в самом роде людей, ибо ложно утверждать, что чувства человека есть мера вещей. Наоборот, все восприятия как чувства, так и ума покоятся на аналогии человека, а не на аналогии мира. Ум человека уподобляется неровному зеркалу, которое, примешивая к природе вещей свою природу, отражает вещи в искривленном и обезображенном виде.

XLII. Идолы пещеры суть заблуждения отдельного человека. Ведь у каждого помимо ошибок, свойственных роду человеческому, есть своя особая пещера, которая ослабляет и искажает свет природы. Происходит это или от особых прирожденных свойств каждого, или от воспитания и бесед с другими, или от чтения книг и от авторитетов, перед которыми кто преклоняется. Или вследствие разницы во впечатлениях, зависящей от того, получают ли их души предвзятые и предрасположенные или же души хладнокровные и спокойные, или по другим причинам. Так что дух человека, смотря по тому, как он расположен у отдельных людей, есть вещь переменчивая, неустойчивая и как бы случайная...

XLIII. Существуют еще идолы, которые происходят как бы в силу взаимной связанности и сообщества людей. Эти идолы мы называем, имея в виду порождающее их общение и сотоварищество людей, идолами площади. Люди объединяются речью. Слова же устанавливаются сообразно разумению толпы. Поэтому плохое и нелепое установление слов удивительным образом осаждают разум. Определения и разъяснения, которыми привыкли вооружаться и охранять себя ученые люди, никоим образом не помогают делу. Слова

прямо насилуют разум, смешивают все и ведут людей к пустым и бесчисленным спорам и толкованиям.

XLIV. Существуют, наконец, идолы, которые вселились в души людей из разных догматов философии, а также из превратных законов доказательств. Их мы называем идолами театра, ибо мы считаем, что, сколько есть принятых или изобретенных философских систем, столько поставлено и сыграно комедий, представляющих вымышленные и искусственные миры. Мы говорим это не только о философских системах, которые существуют сейчас или существовали некогда, так как сказки такого рода могли бы быть сложены и составлены во множестве; ведь вообще у весьма различных ошибок бывают почти одни и те же причины. При этом мы разумеем здесь не только общие философские учения, но и многочисленные начала и аксиомы наук, которые получили силу вследствие предания, веры и беззаботности» [1, с. 18–20].

И далее Бэкон подробно рассматривает и анализирует перечисленные выше препятствия, стоящие на пути познания. «Идолы» рода обусловлены самой биологической природой человека – его телесностью, его органами чувств, спецификой чувственной трансформации внешних воздействий. «Идолы» пещеры – это влияние на познание индивидуальных свойств и особенностей познающего субъекта. «Идолы» площади обусловлены языком: слова с неясным, расплывчатым, ошибочным значением поработают ум человека, делают его столь же неясным и расплывчатым. Наконец, под «идолами» театра Бэкон имеет в виду многочисленные философские системы, ошибочные принципы науки, которые также оказывают влияние на разум ученого и уведут его от истины.

Бэкон полагал, что разум ученого должен быть очищен от этих «идолов», препятствующих познанию истины, – от доверия к показаниям органов чувств, от языка, от внушенных ему философских представлений о мире. В процессе познания он должен предстать в виде *tabula rasa*, на которой сама природа запечатлеет свои истинные черты. Вот эта мысль Бэкона о том, что ученый должен освободиться от всех социокультурных влияний и предпочтений, должен быть объективным и беспристрастным в своем поиске истины, по-видимому, впоследствии привела к формированию представления о трансцендентальном субъекте познания, который, будучи освобожден от всех черт определенной культуры, представляет собой лишь абстрактный человеческий разум – разум человека вообще, «чистый» разум.

И надо сказать, что такое представление о познающем субъекте, об ученом и науке сохранялось вплоть до недавнего времени. Если мы вспомним образы науки и ученого, созданные представителями философии науки, – Э. Махом, А. Пуанкаре, П. Дюгемом, логическим позитивизмом и даже К. Поппером, – то мы легко убедимся в том, что все они совершенно отвлекались от каких-либо социокультурных факторов, способных оказать влияние на процесс научного познания. Кстати сказать, и историки философии, анализирующие взгляды Бэкона на познание, в общем и целом с одобрением относились к его стремлению очистить научный разум от каких-либо социальных влияний.

Однако буквально в последние десятилетия положение изменилось: возникла и получила широкое признание социальная эпистемология, которая осознала то простое обстоятельство, что субъектом познания является не абстрактный чистый разум, а человек определенной эпохи и культуры, что познание вплетено в ткань социальной жизни, а наука представляет собой социальный институт, выполняющий определенные социальные функции. «Что отличает социальную эпистемологию, – пишет известный отечественный философ И.Т. Касавин, – от классической теории познания? Во-первых, это... онтологический вопрос об особенностях социокультурной ситуации в отношении производства, функционирования и применения знания. Во-вторых, это эпистемологический вопрос о таких способах исследования познавательных процессов и категориальном аппарате, которые учитывают реалии культуры и социума» [2, с. 12]. Трансцендентальный субъект познания – это миф, чрезвычайно далекий от реального положения дел.

Действительно, если мы, следуя призыву Бэкона, очистим познающий разум от языка, от усвоенных им мировоззренческих принципов, от общенаучных и парадигмальных постулатов, короче, от впитанной им культуры, то что мы получим? – Разум животного, которое в своем познании окружающего мира будет руководствоваться только своими животными инстинктами! Поэтому нельзя, как это делал Бэкон, говорить об **устранении** из познающего разума социокультурных элементов, можно говорить только о **замене** одних элементов другими – лучшими.

Впрочем, критиковать сегодня воззрения Бэкона занятие неблагодарное и неблагоприятное. Гораздо

интереснее другое. Говоря об «идолах» разума, он вполне осознает, что ученые его времени впитали определенную культуру, пользуются обыденным национальным языком, являются приверженцами философских учений, которые ему кажутся пустыми выдумками. Он стремился избавить разум ученого от схоластики, мистики, от пустой болтовни астрологов и алхимиков. Он видел, что наука его времени была погружена в определенный социальный контекст и страдала от влияния своего окружения. Он вполне осознавал влияние социокультурных факторов на ученого и сам процесс познания и одним из первых предпринял систематический обзор этих факторов. Он делал это для того, чтобы избавить науку от влияния общества, мы же сегодня видим в этих факторах необходимые и неустранимые предпосылки научного исследования. Таким образом, если И. Канта можно назвать первым конструктивистом (В.А. Лекторский), то Ф. Бэкона можно считать первым социальным эпистемологом, протягивающим нам руку сквозь четыре столетия.

Список литературы

1. Бэкон Ф. Соч. в двух томах. Т. 2, М.: Мысль, 1978. 575 с.
2. Касавин И. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М., Альфа-М, 2013. 560 с.

От гражданства «Республики ученых» к членству в «Академии наук»: Фрэнсис Бэкон как агент коммуникации

Терентьева И. Н.

Нижегородский государственный технический университет, редактор. Кандидат философских наук

tirirna@gmail.com

Аннотация: Деятельность Фрэнсиса Бэкона рассмотрена в аспекте взаимосвязи внутренних и внешних, в том числе коммуникативных, факторов развития сферы познания. Значение коммуникации как фактора социального признания науки и философии, равно как и фактора продуктивного взаимодействия науки, философии и общества, возрастает по мере институционализации и специализации научной и философской деятельности. Время Бэкона – это время активного размежевания и расхождение типов мышления широко образованных граждан «республики ученых» и специалистов «академии наук». Зрелых форм это размежевание достигло в XVIII в., а его проявления и проблемы до сих пор не теряют актуальности. Равно необходимые субъекты научной и философской деятельности, взаимосвязанные способы существования науки и философии, сразу же вызвали к жизни новые коммуникативные инструменты, прежде всего формы и способы репрезентации исследований.

Ключевые слова: Фрэнсис Бэкон, наука, философия, институционализация, дискурс, коммуникация.

From citizenship of the «Republic of scientists» to membership in the «Academy of Sciences»: Francis Bacon as the subject of communication.

Terentyeva I. N.

Nizhny Novgorod State Technical University

Abstract: Francis Bacon's activity is an example of the relationship between internal, external, and communicative factors in the development of cognition. Communication is a factor of social recognition of science and philosophy, as well as productive interaction of science, philosophy and society. The importance of communication increases with the institutionalization and specialization of scientific and philosophical activities. Bacon's time is a time of active differentiation of thinking types of widely educated citizens of the «Republic of scientists» and specialists of the «Academy of Sciences». This differentiation was completed in the eighteenth century, but its problems remain relevant. New subjects of scientific and philosophical activity, interrelated ways of existence of science and philosophy, immediately brought to life new communication tools, primarily forms and ways of representing research.

Keywords: Francis Bacon, science, philosophy, institutionalization, discourse, communication.

Фрэнсис Бэкон традиционно и заслуженно считается родоначальником опытной науки, а его учение рассматривается как отправной пункт мышления Нового времени. Это значение – результат всей его деятельности, в аспектах методологическом, организационном и проективном. Предметом нашего рассмотрения будут коммуникативные элементы этой деятельности, необходимые с точки зрения трех видов взаимодействий. Во-первых, взаимодействия внутри познавательной деятельности, научной или философской. Во-вторых, взаимодействия междисциплинарного. В-третьих, взаимодействия познания с другими сферами деятельности, социальной, политической и экономической. Во всех трех случаях взаимодействие представлено как на деятельностном, так и на институциональном уровнях.

Постановка вопроса о коммуникативных аспектах учения и деятельности определена специфическим, на наш взгляд, присутствием и значением Ф. Бэкона в истории философии и науки. Характеристики нашего героя противоречивы. Персонаж философского дискурса, относившийся к философии скорее критически и свой главный труд причислявший к логике. Человек, разработавший метод открытий и «не заметивший» ряда ему современных открытий, снисходительно анализирующий

труд Коперника [1, с. 153]. Критик религии, ставший кумиром пуритан [2, с. 505]. Эти несоответствия имеют, на наш взгляд, коммуникативную природу. Действие коммуникативных факторов подобного рода остается актуальным и в XX веке, как актуальны и стимулированные Бэконом процессы институционализации, а значит, и сложной коллективной организации, а также социальной оценки науки (и философии).

Актуальность подобных несоответствий проиллюстрируем примером, в котором противостоят позиции представителей «республики ученых» и специалистов «академии наук». Первые составляют неформальное сообщество или духовное содружество, включающее небольшое число мыслителей нового типа [3, с. 296]. Вторые – специалисты определенной области, представляющие стиль и методы мышления своей дисциплины и склонные распространять их на все познание в целом. Так, известный математик в небольшой статье рассматривает несколько примеров (на наш взгляд разнородных), относящихся к (не)эффективности философии [4]. Во-первых, это вопрос о социальном бытии философии в условиях ее идеологизации, с соответствующим терминологическим набором, догматизмом и возможными оргвыводами в условиях т.н. «обострения классово-борьбы». Автор говорит об абсурдности преподавания «общественно-политических дисциплин» в СССР, ссылаясь на примеры из А.И. Солженицына [4, с. 514–515]. Во-вторых, это вопрос о том, насколько философы способны понять проблемы математики и науки как таковой. Здесь «героями» становятся Энгельс и Гегель, в их отношении к математике, физике, астрономии [4, с. 516, 520–521]. В-третьих, вопрос о профпригодности преподавателей философии, задуматься о которой их заставляет их «агрессивная безграмотность» [4, с. 526]. В-четвертых, это вопрос о стиле и языке философствования. Здесь предмет рассмотрения, конечно, ленинский «Материализм и эмпириокритицизм», и не только в связи с резким характером полемики, но и в связи с самим ленинским обращением к философии. Шире – это вопрос о различиях гуманитарного, «поэтического» и научного, «логического» рассуждения, где повод для недоумения автора дают В.В. Розанов, А.Ф. Лосев и П.А. Флоренский [4, с. 523]. Все это, на наш взгляд, вопросы понимания и интерпретации, т.е. вопросы коммуникации двух упомянутых выше сообществ, плюс вопрос о социальной и познавательной роли философии. Особенно характерным является фрагмент о Розанове и Лосеве: рассматриваемые ими нравственные и мировоззренческие вопросы читатель-математик сводит к астрономическим. Естественно, ведь нравственность не является предметом науки, а у Розанова и Лосева астрономические темы – только повод для их собственных рассуждений.

Эффективность, обозначенная в названии рассмотренной выше статьи, – отнюдь не посторонняя в рассмотрении коммуникации тема: если Бэкон ориентирует познание на господство человека над природой и на ее практическую пользу, то вопрос об эффективности подразумевается. Однако приведенные примеры показывают, что «эффективность» – это исторически ограниченная оценка, определенная ценностными ориентациями и интерпретацией оцениваемых феноменов.

Взаимное непонимание, а именно о нем, представляется, свидетельствует рассмотренная выше статья, есть результат длительного процесса «расхождения» философского и научного дискурсов, когда споры о смыслах, предпосылках и обосновании «начал» познания отходят к философии, а наука сосредоточена на системе последовательного вывода следствий из исходных посылок. Обращение к основаниям не требуется в ходе «нормального» развития науки, и философствующие ученые вызывают скорее недоумение. «Революционные» же периоды проблематизируют основания науки, заставляют ученых и философов объединять усилия. Насколько важными остаются проблемы взаимопонимания философии и науки, подтверждает, например, раздел «Против философии» в книге С. Вайнберга, искавшего окончательную (физическую) теорию [5].

Трансформация сообществ, стилей мышления и способов изложения идей, начало которой положено Бэконом, завершена была в XVIII веке. Ньютон и Лейбниц – примеры завершившегося расхождения дискурсов науки и философии. Бэкон – еще в самом начале этого пути, и в тексте его «Нового Органона» эти дискурсы еще соседствуют. Уже обозначенные как различные, наука и философия взаимодействуют в рамках одного текста. Так, общефилософские утверждения «Пусть человеческий род только овладеет своим правом на природу, которое назначила ему божественная милость, и пусть ему будет дано могущество; пользование же будет направляться верным рассудком и здоровой религией» [1, с. 82] служат развернутым введением и основанием для изложения новой методологии, которой «должно позаботиться о том, какие правила, или направление, или указания более всего нужны» [1, с. 84]. В первом случае – это голос «республики», контекст обсуждения оснований и смыслов. Во втором

– «заявка на членство» в проектируемой, предвосхищенной Академии, формализованный и точный язык логики и методологии.

Еще большую наглядность приобретают проблемы коммуникации, когда идея и текст рассматривается в широком социальном контексте, где интерпретирующая и оценивающая аудитория максимально широка. Зарубежные и отечественные исследователи отмечают удивительное созвучие «Великого восстановления наук» миллениарным настроениям пуритан и программе европейской религиозной реформации. Влияние же пуритан в общем контексте реформаторского движения было доминирующим, определяло контекст эпохи и проявилось, в частности, в процессах организационного оформления науки. Бэконовская философская реформа и реформация религиозная хорошо резонируют друг с другом, в частности, в задачах чтения «книги природы», этого «второго писания». Теперь библейские тексты интерпретируются в утилитаристском аспекте, и Адам, дающий названия окружающему его миру, осознается как человек, входящий в наследственную власть над природой [2, с. 504–505].

Роль коммуникации как фактора социального бытия науки и философии просматривается, наряду с социокультурным, и в институциональном аспекте. Бэкон, как и другие сторонники практического знания елизаветинской эпохи, предполагал создание государственных учреждений, направленных на развитие искусств и ремесел. Не пассивное ожидание государственного внимания к научной практике, а разработка теоретических идей, составляющих познавательную структуру новой философии – важная сторона деятельности Бэкона. Активное, но безуспешное лоббирование Бэконом своих проектов обратило его к созданию программных популярных трактатов, разъясняющих перспективы и пользу новой науки [6, с. 104–105].

Итак, Ф. Бэкон одним из первых граждан «республики ученых» «оформил членство» в Академии наук – такой вывод следует, в том числе, из рассмотрения коммуникативных аспектов его творчества. Бэкон как «агент коммуникации» интересен и актуален, как минимум, в четырех аспектах. Во-первых, он стимулировал внутридисциплинарную и междисциплинарную коммуникацию: процессы институционализации науки в современном смысле и связанные с ними процессы нарастающей дифференциации языков науки предполагали и потребности, и новые проблемы научной коммуникации. Во-вторых, он не только прокламировал развитие опытного знания, но и выдвинул идею точной фиксации результатов реального и мысленного экспериментов как условия сравнимости, обсуждения и использования. В-третьих, особенности социального восприятия работы Бэкона иллюстрируют нелинейность воздействия философии и методологии на развитие науки. Такое воздействие стимулируется, поддерживается или отторгается, системой культуры. Наконец, в-четвертых, своим творчеством – в начале пути современной науки – он словно дал нам предостережение: легче описать «идолов», препятствующих познанию, чем избежать их воздействия, особенно тогда, когда предметом познания становится социум и социальное бытие науки и философии.

Список литературы

1. Бэкон Ф. Новый Органон // Ф. Бэкон. Сочинения в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1972. С. 5–222.
2. Петров М. К. История европейской культурной традиции и ее проблемы. М.: РОССПЕН, 2004. 776 с.
3. Философия эпохи ранних буржуазных революций. Под ред. Т.И. Ойзермана. М.: Наука, 1983. 583 с.
4. Шень А.Х. О непостижимой (не)эффективности философии // Успенский В.А. Труды по нематематике. В 5-ти книгах. Кн. 2. Философия. М.: ОГИ, 2014. С. 514–532.
5. Вайнберг С. Мечты об окончательной теории. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
6. Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 576 с.

Ткачев А. Н.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, доцент кафедры философии. Кандидат философских наук

andrey-tkacheff2015@yandex.ru

Аннотация: В статье идет речь о некоторых следствиях из применения индуктивного метода в философском мышлении. Рассматривается мировоззренческое значение индукции как пути, следующему из воли человека. Индуктивный подход к пониманию природы связывается с учением Ницше о «воле к власти». Так же критикуется учение Бэкона об «идолах», вытекающее из преувеличения значения индуктивного метода. Показывается, что преувеличение роли индукции Бэконом, будучи в свое время прогрессивным, по мере его развития может неоправданно ограничивать свободу научной мысли и творчества, потому что помимо практики необходим и выход за ее пределы.

Ключевые слова: Ф. Бэкон, индукция, «воля к власти», идол, реальность, бессознательное, данность.

Some philosophical implications of Bacon's inductive method.

Tkachev A.N.

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Department of Philosophy

Abstract: The paper deals with some implications arising from the application of the inductive method in philosophical thinking. The philosophical significance of induction is considered as a path following from the human's will. The inductive approach to understanding nature is associated with Nietzsche's doctrine of the "will to power." Bacon's doctrine of "idols," resulting from an exaggeration of the inductive method, is criticized. The paper shows that exaggerating the role of Bacon's induction seemed progressive at its time, but with advances, it can unreasonably limit the freedom of scientific thought and creativity, since science necessitates both practice and moving beyond it.

Keywords: F. Bacon, induction, "will to power," idol, reality, unconscious, given.

Современная интерпретация научной деятельности как деятельности, безусловно приносящей пользу обществу, восходит к бэконовскому реализму, призывавшему к ориентации на задачу, приносящую пользу.

И эта же идея полезности лежит в основании индуктивного метода Бэкона. Хотя тут сразу можно задаться вопросами о том, что такое «польза», так как очевидно, что в разных культурах представление о «полезном» было очень различно. Кроме того, вопрос о происхождении «задачи» тоже является открытым. Почему актуальной представляется одна задача, а не другая. Казалось бы, ключевое тут – деятельность, но и деятельность может быть очень различной, что возвращает нас к вопросу о пользе деятельности. Деятельность определяет полезность задачи, а полезность задачи определяет деятельность. Вообще, всякая «ясность» склонна к тавтологии, к самоутверждению. И получается, что философия бэконовского реализма – это разновидность философии самоутверждения. Знание у Бэкона трактуется как возможность силы, возможность власти, возможность утверждения человеком себя посредством силы и власти, полученной от знания, в природе. Сам Бэкон разделяет наивную точку зрения, что можно взаимодействовать с бытием, с жизнью напрямую, непосредственно, а не через представления-идеи о жизни. «Пусть люди на время прикажут себе отречься от своих понятий и пусть начнут свыкаться с самими вещами» [1, с. 18]. Считая реальность доступной непосредственно, Бэкон и свое познание считает «непосредственно реальным», а все противостоящее или несоответствующее такому познанию – «идолами» или следствием «идолов». За реализмом Бэкона стоит известное правило герменевтики: чем ближе интерпретация к буквально сказанному в тексте, тем она правильнее. И интерпретируя природу, тоже можно было бы следовать такому подходу, как и предлагает Бэкон: «Учение об идолах представляет собой то же для истолкования природы, что и учение об опровержении

софизмов – для общепринятой диалектики» [1, с.19].

Но это было бы возможным, если бы нам был известен язык природы так же, как нам известен язык текстов, и если бы мы знали диалектику-логику природы, исходя из которой, могли бы определить наличие софизма. Однако наша интерпретация природы – это интерпретация текста, написанного на неизвестном языке, и наша интерпретация логики природы – это интерпретация неизвестной нам логики. Причем в качестве основы для таковой интерпретации неизвестной и непонятной данности природы мы используем то, как в нашем восприятии отразилось нечто существующее по неизвестным нам правилам и с неизвестным нам предназначением.

Но идол к нам ближе, и от идола не так просто избавиться, и Бэкон руководствуется идолом «реальности», который он принимает за реальность. Само понятие «идол» у Бэкона происходит от его претензии на реальность, на правильность индуктивного метода, который, по его мнению, ведет к подлинному познанию природы.

Бэкон полагает, что дедуктивному методу познания свойственно предвосхищение результата в познании природы, тогда как индуктивному методу соответствует истолкование природы; якобы индуктивный метод прямо следует из природы и потому дает истолкование, соответствующее природе [1, с. 16]. Но разве всякое истолкование не является предвосхищением? И индуктивный метод – это всего лишь выражение бессознательной дедукции. Возможно ли индуктивное мышление от частного к общему? Откуда берется частное, если не из общего же? Откуда берется истолкование частного, если не из общего же? Собственно, Бэкон противопоставляет не разум и опыт, а два вида разумной деятельности, сознательную и бессознательную. И, разумеется, творческий потенциал бессознательного выше, чем у сознания. Именно на это намекает К. Фишер, когда сомневается в том, что философия Бэкона акцентируется на опыте; вместо этого Фишер предлагает понимать, что ведущим у Бэкона является изобретение, и понимает индуктивную бэконовскую логику как логику изобретения [2]. Различие между дедуктивным и индуктивным подходом состоит в том, что дедукция предполагает в начале уже проделанную сознательную работу мысли для обобщения, из которого и развивается мысль в сознательно определенном направлении, а индукция исходит из интуитивно-бессознательной констатации обобщения-выделения в понятии какого-то явления и следует своей интуитивно-бессознательной направленности, которую принимает за направленность, задаваемую изучаемым явлением.

Принимая «волю к власти» исследователя над природой за направленность («волю») природы, в изобретении по методу Бэкона утверждается господство практического подхода. «Воля к власти» – это, прежде всего, воля к действию; без успешности действия всякая власть бессмысленна. По мнению Бэкона, лишь по мере обладания опытом взаимодействия с вещами и явлениями можно уяснить направленность вещи. Чем более опыта, тем более уясняется подлинная направленность вещи. Но понятие опыта вступает в неизбежное противоречие с направленностью действия. Ведь действие направляет человек, исходя из направленности своего желания, а если под «опытом» понимать взаимодействие человека с вещами, то «воля к власти» человека, создающего практические и полезные изобретения, это вовсе не воля вещи. Потому опыт несколько не приближает к вещам, если он детерминирован изобретением, практикой и пользой для человека.

Фишер обращает внимание на разницу в целях познания Бэкона и Спинозы: если по Бэкону знание дает власть над вещами, то у Спинозы знание дает свободу от порабощения вещам [2, с. 258]. Другими словами, можно сказать, что Бэкон, хотя и владеет вещами, но в то же время порабощается ими, тогда как развитие науки требует освобождения от порабощения вещам, для выработки кардинально новых направлений исследования. Разумеется, мышление человека, даже когда человеку кажется, что он свободен от вещей, во многом порабощено и детерминировано вещами. Самое чистое и созерцательное мышление человека тоже обычно замыкается в себе – достаточно вспомнить схоластику. Хотя остается неясным, что заставляет разум замыкаться в себе самом, и, по Бэкону, причина этого в отсутствии должного уровня взаимодействия с вещами, с природой. Но это можно проинтерпретировать и иначе, например, как результат недостаточной степени освобожденности мыслей от вещей. Потому что, как было сказано выше, именно овеществление мысли замыкает ее в круге своей власти. А, может быть, и в том, и в другом случае мысль вращается только в себе. И что власть мысли, что свобода мысли – одинаково ведут к замкнутости мысли в себе. Возможно, дело в том, на чем центрирована мысль в себе: если на закрытой интерпретации себя, то и власть и свобода в этом случае будут приводить только к себе же, к своей замкнутой в себе интерпретации себя. Только предположение трансцендентного, как

в себе самом, так и в природе, позволяет расширять горизонт мысли.

И Бэкон приходит к необходимости иерархии в познании: «в итоге бэconiанская трактовка науки как коллективного предприятия хотя и была, разумеется, более демократичной по сравнению со схоластической, однако желание базировать весь проект на сугубо формальных рациональных основаниях привело английского мыслителя к идее создания иерархической организации» [3, с.13]. Иерархия в познании – это осознанное или неосознанное, но признание за пределами определенного уровня. То есть чтобы решить задачу, нужно выйти за пределы определенного уровня. Но у Бэкона осознание иерархии оставалось на уровне способности к обобщениям, причем таким обобщениям, которые детерминированы собранным материалом в определенной интерпретации и по определенному направлению. Получается, что у Бэкона было не предусмотрено развитого представления о трансцендентном в познании, а были лишь некоторые моменты за пределами, трактуемые не как за пределами, а как иерархия. Кроме того, трансцендентности у Бэкона можно обнаружить и в том, что он не доверял разуму и стремился его ограничить правилами: «Недоверие Бэкона к человеческому разуму выражается в его стремлении выработать специальные регламентирующие процедуры» [4, с. 134]

И не случайно указывают на влияние на Бэкона с его художественным изложением, противоположны которому «жестко выстроенные» тексты Аристотеля. Тогда как «платоновская особенность изложения давала возможность интерпретировать, продолжить его мысли и позволяла предположить множественные решения и пути познания, что делали М. Фичино, Г. Галилей, Ф. Бэкон и Р. Декарт» [5, с. 250]. Но Бэкон, исходя из замкнутой в себе самой интерпретации опыта, явления, вещи, человеческого «я» и полагая, что это и есть природа, или хотя бы нечто ведущее к природе, противопоставлял опытное познание метафизическим предположениям, не основанным на опыте. И критерием для утверждения превосходства опытного познания была успешность практики – тот же самый опыт, замкнутый в себе самом круг опытного познания. Хотя очевидно, что успешность практики никак не может являться аргументом против метафизики, как имманентная интерпретация не может быть аргументом против трансцендентной интерпретации.

Из философской переоценки Бэконом возможностей непосредственного восприятия данности следует, что его претензии на преимущества индуктивного метода могут представлять интерес только в конвенционально определенном пространстве науки, но никак не в философии, с ее «вечными вопросами». Кроме того, даже если говорить только о науке и научном методе, то конвенциональная ориентация на практику неизбежно ограничивает развитие науки, что отчасти было ясно и самому Бэкону (иерархия познания у Бэкона). И остается открытым вопрос о соотношении метафизической идеи и практики в науке. Если наука носит практикоориентированный характер, то метафизика выполняет служебную роль при практике. И это не позволяет раскрыться потенциалу метафизики в теории науки. Поэтому если добавить к «идолам» Бэкона еще и «идола» практического опыта, который выражается в преувеличении значения практического опыта в науке, то выравнивание соотношения между метафизикой и практикой, возможно, откроет большие возможности для новых теорий и подходов в научном познании.

Список литературы

1. Бэкон Ф. Собрание сочинений в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1972. 582 с.
2. Фишер К. История новой философии: Введение в историю новой философии. Фрэнсис Бэкон Веруламский. М.: АСТ, 2003. 541 с.
3. Дмитриев И.С. Хромой, обгоняющий бегуна (Instauratio Magna Scientiarum Ф. Бэкона как проект создания эффективной институционализированной науки) // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6. № 4. С. 9–33.
4. Глебкин В.В. Культурно-исторические основания исследовательских программ Ф. Бэкона и Р. Декарта // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 43. № 1. С. 128–148.
5. Лисович И.И. Научное знание, неоплатонизм и свободные искусства в культуре Англии раннего Нового времени // Знание. Понимание. Умение. 2016. №4. С. 242–260.

«Новая Атлантида» и «Пари трансгуманистов»: связь времен'

Шибаршина С.В.

Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки», исследователь проекта. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, доцент кафедры философии. Кандидат философских наук

svet.shib@gmail.com

Аннотация: Предпринимается попытка рассмотрения утопии Фрэнсиса Бэкона «Новая Атлантида» в контексте ее соотнесения с современными технократическими утопиями на примере научно-фантастического романа Золтана Иштвана «Пари трансгуманистов». Бэconiанский проект рассматривается как возможный источник будущего трансгуманизма. Отмечается существенная неполнота картины при описании «технократического рая» в обеих утопиях, включающая проблемы социальной власти ученых, этические и моральные вопросы научно-технического прогресса. Выявляются основные принципы, на основе которых авторы строят свои модели технократии: извлечение пользы из научных открытий, верное рассуждение, истинная религия (Бэкон) / идеология (Иштван), строгий выбор «посвященных»-управленцев, стремление использовать науку и технологии только во благо (Бэкон); польза и приверженность трансгуманистическому мировоззрению (Иштван). Заключается, что с определенными оговорками утопию Иштвана можно считать расширением бэconiанского проекта и современной версией футуристической модели общества.

Ключевые слова: социальная философия науки, наука и технологии, утопия, технократия, трансгуманизм, Фрэнсис Бэкон, Золтан Иштван.

The 'New Atlantis' and 'The Transhumanist Wager': A link of times. Shibarshina S.V.

Inter-regional non-government organization Russian Society of History and Philosophy of Science, National Research Lobachevsky State University, Department of Philosophy

Abstract: This paper attempts to examine Francis Bacon's utopia "New Atlantis" comparing it with a present-day technocratic science fiction novel "The Transhumanist Wager" by Zoltan Istvan. The Baconian project is seen as a possible source of future transhumanism. Both utopias show a significant incompleteness in the description of a "technocratic paradise," including the problems of scientists' social power, ethical and moral issues of science and technology. The paper reveals core principles underlying both of the technocratic models: benefits from science, right reason, true religion (Bacon) / ideology (Istvan), a strict choice of "initiated" scientists, the desire to use science and technology only for the good (Bacon), and utility and commitment to the transhuman worldview (Istvan). The author concludes that, to some extent, Istvan's utopia can be considered an extension of the Baconian project and a modern version for the futuristic model of society.

Keywords: social philosophy of science, science and technology, utopia, technocracy, transhumanism, Francis Bacon, Zoltan Istvan.

Одним из первых мыслителей, предложивших систематическое рассмотрение проблемы управления наукой и технологиями, считается Фрэнсис Бэкон. Его утопия «Новая Атлантида» (New Atlantis, 1626) нередко прочитывается как убеждение в том, что не существует границ господства людей над окружающим миром и собственной биологической природой. При этом ряд исследователей полагают его основателем сциентистского мировоззрения (см., напр., [1]). Ф. Бэкон рисует картину научно-технологического общества, подаваемого как воплощенный рай на земле, который стал возможным во многом благодаря опоре на новый научный метод, способный через манипуляции с природой производить все больше земных благ, и «радикальной модели институализации новой науки» [2, с. 89].

i Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ проект № 19-18-00494 «Миссия ученого в современном мире: наука как профессия и призвание».

При этом бэконовскую утопию возможно трактовать как футуристическую модель общества. С точки зрения современного научно-технического прогресса в связи с развитием исследований генетики, нанотехнологий, робототехники и т.д. ряд самых смелых предсказаний Бэкона уже не кажется фантастикой. К примеру, Рэй Курцвейл настаивает на том, что мы переживаем экспоненциальный рост в этих областях, и предсказывает внезапные изменения в ближайшем будущем [3]. Относительно же проблемы управления обществом идеи технократических систем и социальной инженерии находят все большее применение.

Примечательно, что ряд исследователей считает бэконовский проект одним из предпосылок трансгуманизма (к примеру Дэвид Уитни [1]). Схожие мысли высказывает Джеймс Хьюз, начиная историю трансгуманистической политики с эпохи Просвещения [4]. Бэконовский остров Бенсалем в Тихом океане – по сути земной рай, изолированный от тех проблем, что преследуют остальное человечество. Мореплаватели из Европы выражают желание остаться здесь навечно уже после небольшого пребывания на острове. Акцент на увеличении продолжительности жизни является одной из важнейших целей Дома Соломона (Salomon's House) – научного ордена, пользующегося исключительным положением в стране, полной государственной поддержкой и почестями.

В этом смысле интересно сопоставить утопию Бэкона с проектом американского футуриста Золтана Иштвана, воплощенным в его научно-фантастическом романе «Пари трансгуманистов» (The Transhumanist Wager, 2013). По мнению Д. Уитни, философские основания трансгуманизма Иштвана, помимо влияния Маркса, Конта, Дарвина, Ницше и т.д., во многом являются своего рода «расширением бэконовского проекта» [1]. При этом элитаризм достойных развивать науку и пользоваться ее плодами подкрепляется в утопии определенными косвенными аллюзиями из ницшеанской критики демократии и массовой культуры: подчеркивается «не демократическая природа технологий», предназначенных только для «самых одаренных и квалифицированных», остальные именуются «неудачниками», «забитой» и «напуганной» «посредственностью» [5, р. 127-128]. Против главного героя Джетро Найтса выступают радикально настроенные религиозные группировки, правительства. Изгнанный из Америки, Найтс задумывает создание собственного государства, технократического рая под названием Трансгумания, реализуя это с финансовой помощью сочувствующего его идеям миллиардера.

В стремлении по максимуму обезопасить свой рай как от правительств, так и природных бедствий, Найтс решает создать искусственный плавучий остров, куда приглашает лучших ученых, предлагая им щедрые зарплаты, роскошные условия проживания и научно-исследовательскую свободу без всяких ограничений, но с немногими условиями – приносить пользу и разделять трансгуманистическую философию в трактовке Найтса. В то время как во всем мире кризис, Трансгумания процветает. Как и в Бенсалеме Бэкона, власти собирают научные открытия и технологии из остального мира исключительно для собственной пользы. Однако, в отличие от предположительно незавершенной «Новой Атлантиды», Иштван в итоге распространяет новый миропорядок на всю планету. (С другой стороны, бэконовская утопия заканчивается разрешением отца Соломонова дома огласить повествование о науке и технологиях Бенсалема «на благо другим народам» [6, с. 518]. Возможно, как некую образцовую модель?). После того, как предложение Найтса мирно сдать и принять политическую систему и мировоззрение Трансгумании было отклонено правительствами остального мира, он применяет насилие, которое видит необходимым условием установления господства трансгуманизма (косвенная отсылка к марксистской идее неизбежной революции). В Бенсалеме же переход к технократии осуществляется без насилия.

Касательно реализации научно-технической политики в обеих утопиях престиж науки и технологий не подвергается сомнению. При этом обе картины отмечены неполнотой в смысле существенного игнорирования гуманистических аспектов всевластия науки, сциентистского мировоззрения и социального проектирования. Как оценивается возможность деструктивных последствий технологий и технократизма? До какой степени распространяется власть ученых? Как решаются этические и моральные вопросы науки и технологий? Что касается Бэкона, то его проект *Instauratio Magna Scientiarum* («Великое Восстановление Наук») подразумевает «жесткое разделение научной и профанной сфер жизни» [7, с. 10], поскольку наука, по словам Бэкона, «недоступна пониманию толпы, кроме как в своей полезности и действенности» [8, с. 10]. Обязательным является извлечение пользы из научных открытий. В «Новой Атлантиде» управление наукой и технологиями осуществляют, по выражению И.С. Дмитриева, «хорошо образованные “эпистемократы”, наделенные широкими правами и властными полномочиями», значительно превосходящими монархическую власть [2, с. 96]. Специфика доступа к знанию в Бенсалеме обусловлена своего рода делением на эзотерический круг (отцы Дома Соломона,

имеющие полный доступ к знаниям) и экзотерический круг (все остальные жители острова, знакомые лишь с конечным продуктом некоторых научных открытий). Абстрактное решение этических проблем дается Бэконом в «Новом Органоне»: использование могущества от науки «будет направляться верным рассудком и здоровой религией» [8, с. 79]. Даниэль Шварц в этом вопросе идет дальше, полагая, что в утопии есть косвенные указания на то, как решались этические проблемы: (1) требование секретности, не позволявшее использовать науку и технологии во зло; (2) строгий контроль над выбором «посвященных», гарантировавший развитие науки исключительно во благо общества [9].

В отличие от Бэкона, Иштван не приемлет ни одной формы т.н. духовной жизни. В его утопии легитимна исключительно трансгуманистическая философия, а технократия основана на принципе крайней полезности: каждый должен быть полезным в достижении целей трансгуманизма, первойшая из которых – достижение бессмертия. Личность Джетро Найтса, мировоззренчески близкого Иштвану персонажа, отличается крайним индивидуализмом, а отношение к людям проникнуто тотальным прагматизмом. Несмотря на существование у него близких отношений с другим человеком, в целом он воспринимает любого исключительно с точки зрения того, сколько ресурсов тот потребляет на планете, какое занимает пространство, возможно ли его как-то использовать в своих целях. При этом разработкой гуманитарных проблем научно-технического прогресса Иштван в своем романе не занимается.

Таким образом, с определенными оговорками можно согласиться с Д. Уитни в том, что Трансгумания является современной расширительной трактовкой проекта Бэкона. Обогащенный идеями последующей западной философии, а также направляемый современными контекстами – социальным, политическим, экономическим, научно-технологическим и мировоззренческим, – Иштван вносит новые грани в технократическую утопию. В его романе отображается противостояние, с одной стороны, между сторонниками свободы научного прогресса и противниками религии наподобие Ричарда Докинза, а с другой – техноалармистами, включая религиозных фундаменталистов. В конце показана тотальная победа первых, и Найтс лицезреет плоды трудов своих, в том числе колонизацию Марса. Полный трансгуманистический и технократический «хэппи-энд». С определенными оговорками можно сказать, что утопия Иштвана может служить возможной моделью будущего, философские основания которого были заложены сциентистским проектом Бэкона, – будущего, к которому нас может привести экспоненциальный рост науки и технологий, а также упрочение технократического подхода к социальному управлению без контроля со стороны широкой общественности.

Список литературы

1. Whitney D.N. Salvation through Science? Bacon's New Atlantis and Transhumanism // VoegelinView. June 7, 2018. URL: <https://voegelinview.com/salvation-science-bacons-new-atlantis-transhumanism/>
2. Дмитриев И.С. Институционализация европейской науки раннего Нового времени: бэконовский ракурс // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2. С. 89–99.
3. Kurzweil R. The Singularity is Near. Penguin Books: New York, 2005. 672 p.
4. Hughes J. The Politics of Transhumanism and the Techno-Millennial Imagination, 1626-2030 // Zygon. 2012. Vol. 47. No. 4. P. 757–776
5. Istvan Z. The Transhumanist Wager. Lexington, KY: Futurity Imagine Media, 2013. 300 p.
6. Бэкон Ф. Новая Атлантида // Ф. Бэкон. Сочинения в двух томах. 2-е, испр. и доп. изд. Т. 2. Сост., общ. ред. и вступит, статья А. Л. Субботина. М.: Мысль, 1978. С. 483–518.
7. Дмитриев И.С. Хромой, обгоняющий бегуна (Instauratio Magna Scientiarum Ф. Бэкона как проект создания эффективной институционализованной науки) // Социология науки и технологий. 2015. № 4. С. 9–33.
8. Бэкон Ф. Новый Органон // Ф. Бэкон. Сочинения в двух томах. 2-е, испр. и доп. изд. Т. 2. Сост., общ. ред. и вступит, статья А. Л. Субботина. М.: Мысль, 1978. С. 5–79.
9. Schwartz D. Why Bacon's Utopia is not a Dystopia: Technological and Ethical Progress in The New Atlantis // Nighthawks Open Institutional Repository. University of North Georgia. March 2, 2014. URL: <https://digitalcommons.northgeorgia.edu/alconf/2014/2014/8/>

Были ли Фр. Бэкон индуктивистом?

Шишков Иван Захарович

Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова,
заведующий кафедрой философии. Доктор философских наук

ivan_shishkov@list.ru

Аннотация: Вопреки сложившейся точке зрения, что Фр. Бэкон – родоначальник классической индуктивной методологии и эмпиризма, автор проводит мысль о том, что отстаиваемый английским философом метод элиминативной индукции ведет по сути к фаллибилизму и дедуктивизму, открывает путь через Д. Юма к кантовскому априоризму и критицизму. Содержащееся в методе научной индукции требование учитывать отрицательные случаи можно рассматривать как «коперниканский переворот» в методологическом сознании. В противовес всей классической методологической традиции, опирающейся на идею достаточного основания и возможности (абсолютного) достоверного знания, Бэкон стоит здесь на позиции фаллибилизма, предвосхищая своей элиминативной индукцией будущий принцип фальсифицируемости и асимметрию между верификацией и фальсификацией К. Поппера. Последняя гласит: сам факт того, что что-то нельзя верифицировать, не означает, что его нельзя фальсифицировать.

Ключевые слова: фундаментализм, очищение разума, индукция, элиминативная индукция, отрицательные факты, таблицы, критический опыт.

Was Fr. Bacon an inductivist? Shishkov I.Z.

Pirogov Russian National Research Medical University, Department of philosophy

Abstract: Contrary to the prevailing point of view, that Fr. Bacon is the founder of classical inductive methodology and empiricism, the author holds the idea that the method of eliminative induction, advocated by the English philosopher, leads in fact to fallibilism and deductivism, and opens the way through D. Hume to Kantian apriorism and criticism. The requirement contained in the method of scientific induction to take into account negative cases can be considered as a “Copernican revolution” in the methodological consciousness. In contrast to the entire classical methodological tradition, based on the idea of a sufficient basis and the possibility of (absolute) reliable knowledge, Bacon stands here in the position of fallibilism, anticipating with his eliminative induction the future principle of falsifiability and the asymmetry between the verification and falsification of K. Popper. The latter says: the fact that something cannot be verified does not mean that it cannot be falsified.

Keywords: fundamentalism, purification of the mind, induction, eliminative induction, negative facts, tables, critical experience.

Как представляется, ставшая уже общепризнанной в отечественной литературе точка зрения, что Фр. Бэкон является родоначальником классической индуктивной методологии и эмпиризма, не совсем соответствует духу его философствования.

Разумеется, Бэкон, как сын своей эпохи, предлагая свой новый проект по «великому восстановлению наук», ставил перед собой задачу построить здание зарождающейся новой науки на незыблемом фундаменте и в этом смысле он вполне укладывался в методологию фундаментализма. Построение нового здания науки предполагало «очистить разум» от всякого рода предрассудков (идолов), мешающих достижению истинного знания. Последние играют в его общеметодологической парадигме роль, схожую с методическим сомнением Декарта. В этом смысле его знаменитое учение об идолах может быть названо своеобразной методикой самоочищения разума. Однако бэконово «очищение», в отличие от декартовского «самоочищения», направленного на утверждение разума в качестве законодателя самого себя, на его самоутверждение, призвано увязать разум с природой.

Изложив свое учение об идолах, которое в структуре программы построения новой науки составляет её негативную (критическую) часть, Бэкон переходит к её позитивной части, содержание которой определяется его новой методологической парадигмой – индуктивной методологией. Её достоинство он усматривает прежде всего в том, что она считается с чувствами, природой, устремлена к практике и лишь посредством нее возможно «истолкование природы».

Однако выбрав индуктивный способ построения науки, Бэкон не может довольствоваться «детской» («ребяческой») традиционной индукцией Аристотеля (индукцией путем простого перечисления), поскольку её выводы основаны на недостаточном количестве фактов, притом она всегда строится на том, что стало привычным, более того, только на фактах положительных, что и обуславливает ненадежность, недостоверность её выводов. Взамен неё он предлагает так называемую элиминативную индукцию, требующую обращать внимание не только на положительные, но и, что важнее всего, на отрицательные факты. Именно такого рода индукция может стать ключом к истолкованию природы, поскольку она, во-первых, способна выводить или порождать аксиомы из опыта; во-вторых, извлекать новые опыты из аксиом.

В связи с этим следует особо подчеркнуть¹ [1, с. 630-631], что само требование учитывать отрицательные случаи можно рассматривать как «коперниканский переворот» в методологическом сознании: вопреки всей классической методологической традиции, опирающейся на идею достаточного основания и возможности (абсолютного) достоверного знания, Бэкон стоит здесь на позиции фаллибилизма, предвосхищая своей элиминативной индукцией будущий принцип фальсифицируемости К. Поппера. Этим, по-видимому, определяется достоинство его трех знаменитых таблиц, образующих механизм элиминативной индукции. Суть первой таблицы – присутствия, или таблица сущности – сводится к поиску известных примеров, присущих данной природе. В таблице отсутствия, или таблице отклонения, напротив, должно представить разуму примеры, которые лишены данной природы. И, наконец, третья таблица – степеней, или таблица сравнений – требует представить разуму примеры, в которых исследуемая природа присутствует в большей или меньшей степени. Это возможно или посредством сопоставления роста и уменьшения этого свойства в одном и том же предмете, или посредством сравнения его в различных предметах.

Итак, истинная индукция Бэкона – ключ к познанию природы – это метод опыта, заключающийся в том, что он отталкивается от фактов природы и направляется к их причинам, ибо «истинное знание есть знание причин» [2, с.80]. Иными словами, опыт возвышается от констатации фактов посредством эксперимента и сравнения фактов к обнаружению закона, основоположения, или аксиомы, по которой действует природа. И этот опыт, чтобы быть надежным и гарантом истины, должен предвидеть как можно больше случаев и заблаговременно оградить себя от опасности отрицательных фактов, принимая их во внимание. Прежде чем выводить свой результат, он должен пытаться отыскать отрицательные факты, т.е. единственно надежный путь опыта – поиск критическим умом отрицательных (противоречащих) фактов. В своих «Мыслях и мнениях» Бэкон писал: «Я настаиваю на том, чтобы ввести такую форму индукции, которая извлекает из отдельных фактов общие заключения, но так, чтобы против них уже нельзя было на демонстративных основаниях привести ни одного противоречащего доказательства, никакой отрицательной инстанции» [3, с.284]. Правда, выполнение этой задачи представляет для человеческого ума определенную трудность, ибо по природе своей он склонен более поддаваться положительным доводам, чем отрицательным, между тем как, по словам Бэкона, «в построении всех истинных аксиом большая сила у отрицательного довода» [2, с.21]. И это очевидно: множество фактов не могут доказать того, что опровергается одним.

Таким образом, только отрицательные факты могут стать гарантом против всякого легкомысленного предположения, легковерной эмпирии, предрассудков. Только критический опыт, критический ум, выискивающий против каждой положительной инстанции отрицательную, делающий ставку на отрицательные факты, может уберечь науку от заблуждений и предрассудков. Простой опыт, ориентированный на поиск положительных фактов, не предохраняет человеческое познание от предрассудков, идолов. Ещё менее – ум, предоставленный самому себе, черпающий знания только из самого себя. И лишь критический опыт, преодолевающий односторонности простого опыта и самодостаточного разума и соединяющий богатство опыта с силой разума, способен спасти науку от заблуждений и ошибок. Следовательно, критический опыт есть «рациональный, мыслящий, разумный опыт» [3, с.287]. Только в соединении разума и опыта Бэкон видит спасение науки от всякого рода предрассудков и иллюзий.

¹ К сожалению, в нашей историко-философской и методологической литературе недостаточно обращалось внимания на этот факт, за исключением, возможно, работ В.Ф. Асмуса.

Однако даже правильно построенная и истинная индукция не может гарантировать получение истинного знания. И это прекрасно осознавал Бэкон. Стремясь свести науку о природе, т.е. естественную философию, к аксиомам столь же надежным, что и аксиомы математики, английский мыслитель отчетливо представлял недостатки своей элиминативной индукции. Главными среди них были следующие:

- во-первых, для надежного установления аксиом необходимо было, чтобы индукция исчерпывала собой все отрицательные факты, т.е. она должна была гарантировать, что такой факт не обнаружится в будущем;
- во-вторых, для надежности полученных индуктивным путем заключений индукция должна была исключать случайные условия.

Для устранения этих трудностей Бэкон предложил в дальнейшем подкрепить свой метод индукции рассмотрением «прерогативных инстанций», «преимущественных примеров», позволяющих быстрее и легче различить случайное и необходимое и ухватить как бы с одного взгляда закон явления. В качестве таких «преимущественных примеров» английский философ приводит двадцать семь, среди которых особо выделяются «примеры креста», или «решающие примеры», «перекрестные инстанции». В них, по-видимому, можно усмотреть то, что в современной методологии науки именуют решающим экспериментом.

Однако этой усовершенствованной индукцией не исчерпывается методология Бэкона, поскольку, по его словам, «истинный же метод опыта сначала зажигает свет, потом указывает светом дорогу: он начинает с упорядоченного и систематического опыта... и выводит из него аксиомы, а из построенных аксиом – новые опыты» [2, с.45]. Значит, он наряду с индукцией, ведущей от опыта к аксиоме, допускает и дедукцию, ведущую от аксиом к новым опытам. Но дедуктивная сторона бэконовской методологии, которая должна была составить последнюю часть «Нового органона», к сожалению, осталась не разработанной. О ней можно судить лишь по разбросанным по разным произведениям фрагментам.

Подводя итог осуществленной выше реконструкции методологической парадигмы Бэкона, можно выделить её следующие главные черты:

1. Правильное объяснение природы возможно только на пути методического опыта, т.е. истинной индукции.
2. Индукция истинна, если она выводит законы, аксиомы из множества случаев посредством точного и критического сравнения фактов, т.е. посредством критического опыта.
3. Опыт же считается критическим, если он ориентирован на поиск как положительных, так и отрицательных фактов.
4. Для ускорения и облегчения индуктивных выводов следует в первую очередь исследовать прерогативные (преимущественные) факты.
5. Истинная, или элиминативная, индукция должна быть дополнена дедуктивным методом, который позволяет выводить из установленных индуктивным путем законов и аксиом новые опыты (факты).

Подводя итог, можно сказать, что своим методом элиминативной индукции Фр. Бэкон проложил путь к юмовой проблеме индукции, решением которой шотландский философ поставил под сомнение надежность опыта в качестве источника человеческих знаний, а тем самым и индукции, на которую она опирается. В свою очередь своим разрушением основы эмпиризма Юм пробудил Канта «от догматического сна» и привел его к априоризму и критицизму.

Список литературы

1. Асмус В.Ф. Лекции по истории логики // Асмус В.Ф. Собрание сочинений (в семи томах). Т. 3: Логика. М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 585–817.
2. Бэкон Ф. Новый органон // Бэкон Ф. Сочинения в 2-х тт. Т.2. М.: Мысль, 1978. С. 5–79.
3. Фишер К. История новой философии: Введение в историю новой философии. Фрэнсис Бэкон Веруламский. М.: ООО «Издательство АСТ, 2003. 541 с.

Ф. Бэкон и современные представления о поиске знания: «новый органон» в оковах или объятиях социальной нормативности

Костина А.О.

Институт философии Российской Академии Наук, младший научный сотрудник

alinainwndrln@gmail.com

Аннотация: Со времен написания «Нового Органона» Ф. Бэкона наука прошла значительный путь. Одна из идей мыслителя о том, что наука является социальным предприятием и коллективным проектом, который служит улучшению социальных структур, стала одной из вех теоретического осмысления интеграции научных и социальных институтов. Сегодня же мы можем дополнить эту идею научными поисками знания, подвергаемыми влиянию социальных структур. Возникает вопрос о взаимоотношениях социальных норм с нормами научными, в частности эпистемологическим. Можно ли утверждать при этом, что социальная и научная нормативность разделяют свои основные принципы? Ключевыми вопросами данной статьи становятся взаимосвязь эпистемологической и социальной нормативности, предписывающего характера эпистемологических норм, экологии знания и информационной экономики.

Ключевые слова: нормативность науки, эпистемология, знание, Бэкон, экология, информационная экономика

F. Bacon and modern science: “the new organon” embraced or fettered by social normativity* Kostina A.O.

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

Abstract: Since “The New Organon” by F. Bacon was written, science has gone a long way. One of the basic ideas of the philosopher highlights that science as a collective social project should serve the needs of society by improving social structures. This thesis was one of the milestones in history of philosophical thought and became the origin of the contemplation on integrative processes of scientific and social institutes. Today this idea can be amplified with scientific research of the nature of knowledge in the framework of significant influence social normativity has over scientific life. Is it possible to assert that social and scientific normativity are of the same nature? The key issues discussed in the following article are: the relation between epistemological and social normativity, ecology of knowledge and information economy.

Keywords: scientific normativity, epistemology, knowledge, Bacon, ecology, information economy.

¹«Для ученого норма это то, что обычно происходит, что нормально или типично и не всегда то, чему следовало произойти. Для философа, с другой стороны, норма говорит о том, что должно произойти, но не обязательно происходит» [Graham, p. 247]. В словах П. Грэма продемонстрированы два разных подхода, первый из которых говорит о нейтральности и объективности ученого в эмпирическом анализе. Во втором случае демонстрируется позиция предписывания норм. Ф. Бэкон, став родоначальником научного метода как мы, во многом, понимаем его сегодня, с малой вероятностью принял мы предписывающий характер норм в научном исследовании. Тем не менее, в современной эпистемологии одним из краеугольных вопросов становятся именно нормативность науки, т.к. ей определяются пути получения знания – желаемого результата как для автора «Нового органона», а так современных исследователей.

Ф. Бэкон видел науку как социальное предприятие – коллективный проект, служащий улучшению социальных структур [подробнее: MacDonald, 2004]. Именно этот момент становится наиболее значимым для постановки следующих вопросов. В каких отношениях находятся социальные нормы, регулирующие работу общественных структур и научные нормы, регулирующие познавательный процесс? Являются ли эпистемологические нормы предписывающими? Если это так, то они определяют

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 20-011-00397 «Эпистемология добродетелей: ценностно-нормативный образ субъекта познания».

процесс получения знания и инструменты его оценки. Именно такая их характеристика становится основанием для сравнения с социальными нормами. Последние предписывают правила общественного поведения и в этом смысле являются эффективными, то есть определяют характер социальных действий. Можно ли говорить о предписываемых установках в вопросе поиска знания, а также оценки его результатов? Если рассматривать этот вопрос с позиций Ф. Бэкона, то не является ли это шагом назад? Революционная идея использования научного метода, ставшая основой для современной науки, сегодня с если не пересматривается, то значительно дополняется и трансформируется в рамках ряда эпистемологических направлений (в частности, эпистемологии добродетели). Мы видим, что не только оптика требует ревизии, но то, как мы относимся к тем результатам, которые получаем в итоге ее использования. Первичность метода обходит стороной вопрос субъекта научного процесса, который его совершает в соответствии с определенным нормативным порядком. Необходимо дополнить это постановкой вопросов

том, насколько предписываемые установки расширяют или ограничивают наши возможности получения знания, а также как эти нормы влияют на практическое применение результатов научного поиска.

Получение знания, как научного, так и социального, невозможно без поиска и предоставления правдивой и релевантной информации. Даже если на практике случаются исключения, он все же имеет регулярную основу. Мы должны искать надежные способы получения правдивой информации и предоставлять ее, если она нам известна и в ней кто-то нуждается. Это становится этическим и коммуникативным моментом научного поиска расширения научного знания. При этом общая схема, накладываемая на частный опыт, включает два общих принципа, согласно которым мы должны 1) верить адекватным свидетельствам 2) исследовать релевантные свидетельства [Grimm, p.259]. При этом методы также должны быть надежными.

Представление, которое, возможно, вписалось бы в общую концепцию Бэкона, это экологичность знания. Именно экология в выборе базовых принципов и методов позволяет гарантировать получаемые результаты [Code L., 2010]. Связь с экологией интересна, в первую очередь, своим коммуникативным аспектом, когда принимается в расчет все научное сообщество и его «здоровье» заключено в ответственном выборе методов не только как научном принципе поиска знания, но и обязательствами перед сообществом и научной средой.

Помимо экологии, другим немаловажным фактором формирования корпуса знания становится участие в информационной экономике [Grimm, 2009]. Ее основная идея заключается в том, что основная задача каждого участника эпистемологического процесса – достигнуть истинного знания в отношении того или иного предмета исследования. При этом данное знание потенциально может пригодиться даже не самому исследователю, но какому-то члену научного сообщества. Ведь мы и не всегда можем прогнозировать судьбу наших интеллектуальных находок. Однако на более высоком уровне мы «собираем» весь корпус знаний, тем самым делая данную «экономику» более живой и эффективной. Здесь опять мы сталкиваемся с необходимостью осознания и установки отношений между социальными и эпистемологическими нормами. Если социальные нормы ориентированы, в конечном счете, на выживание той или иной социальной общности, то схожий подход к эпистемологическим нормам становится залогом развития в области знания. Любая эпистемологическая работа, совершаемая отдельным человеком, при условии того, что данный человек основывает свои поиски знания на строгих методах получения релевантной информации и знания, служит сознанию правдивого, «экологичного» корпуса знаний.

Приведенные выше понятие экологии знания и информационной экономики стали использоваться в науке под воздействием междисциплинарности, а также влияния социальных норм. В этом смысле ситуация становится обратной представлению Бэкона о том, что наука должна влиять на социальные структуры.

Складывающийся годами научный этос, который можно обозначить как современный, связан с применением строгих и точных методов исследования. Однако все больше споров разгорается вокруг знания посредством свидетельства. Когда мы рассматриваем взаимосвязь эпистемологических и социальных норм, то не можем обойти его стороной. Это знание на поверхности имеет очень яркую социальную окраску. Оно передается из уст в уста, от говорящего – слушающему. «Социальность» может повлиять на определение характера такого знания. Дж. Греко задает следующий вопрос: «До какой степени традиционная эпистемология должна быть подвергнута пересмотру, для того чтобы адекватно

обосновать социальный характер знания свидетельства?» [Greco, p. 281]. Так, одной из фундаментальных проблем в обосновании данного вида знания становится его сводимость/несводимость к другим видам знания.

Суммируя, выше были поставлены следующие вопросы: взаимосвязь научных и социальных норм, предписывающий характер эпистемологических норм, экологичность знания участие в информационной экономике. Они свидетельствует о том, что с момента революционного поворота, связанного с именем Ф. Бэкона проблема исследования знания прошла через ряд трансформаций, а вопрос о влиянии науки на социальные структуры, не теряя своей безусловной актуальности, получил дополнение в виде поставки проблем социальной нормативности, перенесенной в науку.

Литература

1. Code L. Testimony, Advocacy, Ignorance: Thinking Ecologically about Social Knowledge Haddock A., Millar A., Pritchard D. (eds) Social Epistemology, New York, Oxford University Press Inc., 2010
2. Graham Peter J., Epistemic Normativity and Social Norms// Henderson D., Greco J. (eds) Epistemic Evaluation. Purposeful Epistemology. Oxford University Press, 2015
3. Greco J. Testimonial Knowledge and the Flow of Information // Henderson D., Greco J. (eds) Epistemic Evaluation. Purposeful Epistemology. Oxford University Press, 2015
4. Grimm S. Epistemic Normativity/ Haddock A., Millar A., Pritchard D. (eds) Epistemic Value, Oxford, Oxford University Press, 2009, pp.243-64
5. Lackey J., Learning from Words: Testimony as a Source of Knowledge, Oxford: Oxford University Press, 2008
6. MacDonald A., Huusen A. (eds) Francis Bacon's *The Advancement of Learning*. An Early Modern Programme for the Revision of the Systems of Disciplines, *Scholarly Environments. Centres of Learning and Institutional Contexts 1560–1960*, Leuven, Paris, and Dudley, MA, 2004, pp. 65–73

2020_RFK_202_

*Симпозиум «Питирим Сорокин. К 100-летию труда «Системы
социологии»»*

Зюзов Н. Ф.

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, кафедра культурологии и педагогической антропологии, профессор. Доктор философских наук

nzyuzev@gmail.com

Аннотация: Обычно о представлениях П. А. Сорокина о ходе истории и логике культурной трансформации судят по его книге «Социальная и культурная динамика». Однако он, прямо или косвенно, затрагивал эту тему и в других работах, в частности, в книге «Человек и общество в бедствии». Эти работы допускают трактовки, которые не только детализируют его основную теорию, но и существенно отклоняются от неё. Главным в более поздний период для Сорокина становятся разрушительные последствия масштабных социальных и природных катастроф. В контексте современных исследований революций и массовых бедствий мысль Сорокина видится как направленная на поиск ситуаций с «открытым концом», где будущее детерминируется не историческими «законами», а зависит от активности конкретных агентов социального действия.

Ключевые слова: Питирим Сорокин, социальная и культурная динамика, детерминация, исторический закон, социальный агент

**Pitirim Sorokin and the Problem of Cultural Dynamics.
Zyuzev N. F.**

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Department of Cultural Studies and Pedagogical Anthropology

Abstract: P. A. Sorokin's theory of historical process and the logic of cultural transformation is typically discussed within the concepts of his book «Social and Cultural Dynamics». However, he addressed this subject, directly or indirectly, in other works, particularly in the book "Man and Society in Calamity." Those later works allow not only more detailed interpretations of his basic theory, but in fact often go beyond it. Sorokin becomes keenly interested in the devastating consequences of large-scale social and natural disasters. Within the context of modern studies of revolutions and mass disasters, Sorokin's thought can be seen as exploring open-end situations where the future is not determined by historical "laws," but depends on the activity of specific agents and agencies of social action.

Keywords: Pitirim Sorokin, social and cultural dynamics, determination, historical law, social agency

Питирим Сорокин посвятил данной проблеме свою самую известную книгу «Социальная и культурная динамика» [1]. Центральная идея в ней заключается в том, что культура меняется вследствие своей внутренней логики, при которой каждая из трёх социокультурных систем (идеациональная, сенсатная и идеалистическая) рано или поздно, но вырабатывает свой «творческий ресурс» и уступает главенствующее место следующей, которую ждёт та же самая судьба. Происходит поочерёдная смена социокультурных систем, при этом каждый переходный период сопровождается масштабными потрясениями – крупными социальными конфликтами, войнами и революциями. Нетрудно заметить, что Сорокин в этой работе диспутирует с марксистской точкой зрения на ход истории. Если у Маркса движущей силой исторического процесса является развитие экономики и экономических отношений, которые в свою очередь определяют классовую структуру общества с соответствующими ценностными установками и культурной «надстройкой», а также межклассовыми конфликтами как «движущей силой истории», то у Сорокина смена эпох представлена практически в обратной перспективе: ценностные характеристики индивидуального и группового сознания детерминируют образ жизни общества, культуру и экономику.

Этой же проблемы Сорокин касается в другой, менее известной, работе «Человек и общество в бедствии» [2]. В ней он исследует влияние массовых катастроф (война, голод, эпидемия, землетрясение и т.д.) на поведение индивидов и общества в целом. Сорокин задумывал её как дополнение к «Динамике», иллюстрирующее воздействие крупных негативных событий на общественную мораль.

Однако идеи, высказанные в ней, допускают дальнейшую интерпретацию, которая выходит за рамки концепции, изложенной в «Динамике». Серьезной проблемой «Динамики» является то, что неоговоренными и неясными остаются причины, ведущие к смене общекультурных ценностей. Если считать таковой неспособность старой системы ценностей справляться с текущими проблемами, то тогда вопрос из сугубо ценностной сферы смещается в сферу практическую: оказывается, что любая социокультурная система является в принципе слишком косной и негибкой, неспособной адаптироваться к изменяющейся среде. В таком случае то, что Сорокин называет «истощением творческих ресурсов» можно понимать как ригидность общей конфигурации общества, которая препятствует имплементации необходимых реформ. «Бедствия» допускают именно такое прочтение каузальных связей между процессами культурной трансформации и массовыми бедствиями. Если, согласно «Динамике», «истощение творческих возможностей» той или иной социокультурной системы ведёт к тому, что всё более широкие группы населения начинают примыкать к альтернативной системе ценностей, а затем на контрастах и противоречиях между разными ценностными системами вспыхивают межгрупповые конфликты, то в «Бедствии» можно усмотреть обратную картину происходящего, когда крупномасштабные катастрофы расчищают место для новой культурной системы безотносительно ценностных платформ и контрастов.

Под этим углом хорошо известны исторические события и связанные с ними перемены в культурной «парадигме» могут получить новое прочтение. Например, социальные революции, которые по-прежнему остаются предметом интереса для социологов, политологов и историков, обычно объясняются логикой предшествующих событий, «подготавливающих» революционный переворот [3]. Можно видеть в подобных событиях ситуации хаоса, которые, как правило, включают в себя военные действия, резкое падение уровня жизни, голод, репрессии и т.д., в том числе и политику новой революционной власти как один из компонентов, разрушающих традиционный уклад жизни и «расчищающих» поле для новых культурных структур и форм. Кто бы ни оказался у власти в конце периода трансформации, он получает право и возможности для строительства нового образа жизни для нации, как это случилось, например, после революций во Франции или России.

В этом ключе можно рассматривать, разумеется, не одни только революции, но любые события, связанные с крупными потрясениями, в том числе и военные поражения, которые неизбежно приводят к разрушению установившихся социальных связей, структур, культуры в целом. Так, радикальные политические, культурные и экономические перемены в Японии были обусловлены её поражением в войне и влиянием США на её послевоенную жизнь (то же самое случилось в Германии). Тяжелейшая война и последовавшая за ней американская «опека» изменили культуру Южной Кореи. В то же время контроль советских войск и властей оказали соответствующее влияние на образ жизни ряда стран Восточной Европы.

Просматриваются определенные параллели между данной интерпретацией сорокинской теории и некоторыми современными трактовками культуры. Одна из наиболее известных и популярных социологических теорий культуры принадлежит Э. Свидлер, которая полагает, что ценностная сторона культуры имеет вторичное значение при объяснении культурных практик, а главным является их сугубо инструментальная сторона, то есть владение группами и отдельными индивидами определенными наборами практических средств для решения тех или иных типических жизненных задач и достижения заданных целей [4]. Ценностный аспект культуры становится важным лишь во времена резких кризисов в обществе, когда люди начинают ставить вопросы о подлинных основаниях установившихся практик, которые уже не помогают достигать желаемых целей. Но и тогда вряд ли можно говорить о всепроникающем воздействии новых культурных ценностей на массовое сознание. Эффективным средством формирования новых практик в переходный период, как правило, становятся идеологии: религиозная, националистическая, фашистская, коммунистическая. Майкл Уолцер, в частности, исследовал возникновение и распространение ортодоксальных религиозных течений в странах, освободившихся от колониального гнета, например, в Израиле времён становления этого государства после Второй мировой войны и в Индии после освобождения от британского владычества («Парадокс освобождения» [5]). Сюда же можно отнести появление радикального ислама в Афганистане и Ираке после военной интервенции.

В этом смысле периоды и ситуации крупных кризисов, катастроф и войн – это своеобразные «точки бифуркации» культурного процесса, то есть моменты, в которые возможны самые разные варианты дальнейших событий. Последующая культурная структура будет определяться деятельностью

той группы, которая в силу тех или иных причин (возможно, вследствие череды случайностей) оказывается у власти и проявляет способность к эффективной реализации своей политики. Понятия власти и эффективности здесь становятся ключевыми (более важными, чем идеология; примеры Уолцера, Индия и Израиль, это ситуации, где светская неидеологизированная власть оказалась сильнее идеологических течений), и если новая администрация не соответствует уровню стоящих перед ней вызовов, то её смещают, нередко в пользу старых или более консервативных сил (консервативная революция или контрреволюция).

Список литературы:

1. Sorokin P. A. Social and Cultural Dynamics: A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, Law and Social Relationships. Porter Sargent Publishers. 1957. 750 p.
2. Sorokin P. A. Man and Society in Calamity. New York: E. P. Dutton & Co., Inc. 1942. 352 p.
3. Skocpol T. States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge: Cambridge University Press. 1979. 407 p.
4. Swidler A. Culture in Action: Symbols and Strategies // American Sociological Review. Vol. 51, No. 2 (Apr., 1986), pp. 273-286.
5. Walzer M. The Paradox of Liberation: Secular Revolutions and Religious Counterrevolutions. Yale University Press. 2015. 192 p.

Феномен П.А. Сорокина в культурной политике и общественной жизни Республики Коми

Кузиванова О.Ю.

Государственное бюджетное учреждение Республики Коми «Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина», директор. Кандидат исторических наук

rksorokinctr@mail.ru

Аннотация: С конца 1980-х – начала 90-х гг. в российскую науку стало возвращаться научное наследие выдающегося русско-американского социолога П.А. Сорокина. На малой родине Сорокина, в Республике Коми, где прошло детство ученого и где были заложены основы его мировоззрения, имя Сорокина постепенно превратилось в своеобразный бренд. Организуются места памяти, создаются институциональные основы меморизации ученого и популяризации его научного наследия. В этом большую роль играют Сыктывкарский государственный университет имени П. Сорокина и Центр «Наследие» имени П. Сорокина. В то же время, широта взглядов и сложность биографического пути ученого провоцируют дискуссии в публичной сфере, отражая идеологическую борьбу в общественно-политическом пространстве современной России.

Ключевые слова: П.А. Сорокин, региональный бренд, меморизация, популяризация научного наследия

The phenomenon of Pitirim Sorokin in the cultural policy and public life of the Komi Republic. **Kuzivanova O. Yu.**

State budget organization of the Komi Republic "Center «Nasledie» after Pitirim Sorokin"

Abstract: Since the late 1980s - early 1990s the scientific heritage of the outstanding Russian-American sociologist P. A. Sorokin began to return to Russian science. In the homeland of Sorokin, in the Komi Republic, where the scientist spent his childhood and where the foundations of his worldview were laid, the name of Sorokin gradually turned into a kind of brand. Memorial places are organized. The institutional foundations of memorization of a scientist and popularization of his scientific heritage are being created. The Pitirim Sorokin Syktvykar State University and the Pitirim Sorokin's Heritage Center play an important role in this. At the same time, the breadth of views and the complexity of the biographical path of the scientist provoke discussions in the public sphere, reflecting the ideological struggle in the socio-political space of modern Russia.

Keywords: Pitirim Sorokin, regional brand, memorization, popularization of scientific heritage

В 1990-е гг., в период крупных политико-государственных трансформаций, Республика Коми остро нуждалась в обретении особой идентичности на фоне других регионов страны. В перечень таких идентификационных маркеров, несомненно, вошла природа («заповедный край», «лёгкие Европы»), в области экономики – добыча нефти, угля, газа, горючих сланцев и др. полезных ископаемых («вся таблица Менделеева»), лесозаготовки. Национально-культурный компонент (национальная культура Коми, многонациональность), всегда присутствовавший в регионе, обрёл новую силу, качество, яркость в постсоветской России. Своеобразный исторический «бренд» региона – ГУЛИАГ, трагичный, но тем не менее привлекающий познавательный и мемориальный туризм.

Особое место в региональном брендинге занимают выдающиеся люди, причастные к истории и культуре региона, которые были бы известны не только внутри него, но и за его пределами, на российском и международном уровнях. В этом отношении фигура выдающегося социолога с мировым именем П.А. Сорокина явилась едва ли не единственной, отвечающей всем критериям бренда. Научная общественность региона никогда не забывала про известного земляка, однако долгое время имя Сорокина как контрреволюционера и антисоветчика изгонялось из науки и общественной памяти. С конца 1980-х гг., когда идеологическое давление в гуманитарной науке стало ослабевать, началось

триумфальное «возвращение» Сорокина на малую родину. К началу 1990-х гг. имя Сорокина уже стало использоваться как научный бренд, что проявилось в публикационной активности региональных ученых в исследовании творчества Сорокина, в издании трудов Сорокина, в организации регулярных конференций, посвященных памятным датам его жизни.

Меморизация Сорокина началась с организации места памяти в с. Турья Княжпогостского района республики, где родился учёный. Здесь 8 февраля 1999 г. по случаю 110-летия со дня рождения учёного была открыта стела – памятный знак, выполненный сыктывкарским скульптором И. Пылаевым. На стеле выбит текст: «23 января 1889 года в с. Турья родился всемирно известный социолог, философ Питирим Александрович Сорокин». Надпись сделана на русском и коми языках. На открытии стелы присутствовал сын выдающегося социолога – Сергей Сорокин, для которого это был первый приезд на малую родину своего отца. Тогда же в Турье был торжественно открыт филиал Княжпогостского историко-краеведческого музея, который воссоздаёт атмосферу быта крестьян конца XIX – нач. XX вв. Филиал музея в Турье, носящий имя П. Сорокина, располагается в крестьянском доме постройки начала XX века.

В с. Гам Усть-Вымского района республики сохранилось здание второклассной школы, построенной еще в 1901 г. На здании установлена мемориальная доска, которая гласит: «В этом здании в 1902-1904 гг. учился видный философ, социолог и этнограф Питирим Александрович Сорокин».

Таким образом, как минимум два района в республике, где прошло детство учёного, уже включили Сорокина в свои субрегиональные брендинги. В культурной сфере бренд подхватили также республиканские музеи и библиотеки через проведение ежегодных мемориальных мероприятий.

Сегодня можно говорить о двух центрах поддержки и координации республиканской деятельности, связанной с наследием Сорокина – Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина и ГБУ Республики Коми «Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина».

В 2015 г. Сыктывкарскому государственному университету было присвоено имя П. Сорокина, а в 2014 г. перед входом в университет был установлен памятник П. Сорокину, созданный скульптором А. Ковальчуком. С 2014 г. университет регулярно проводит международные конференции «Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века». Музей истории просвещения Коми края при СГУ располагает самым богатым в Республике Коми фондом материалов о Питириме Сорокине. В 2016 г. в университете был открыт Международный центр социальных исследований, одним из направлений которого является систематизация, перевод и публикация архива П.А. Сорокина, находящегося в Саскачеванском университете (научный руководитель центра – д.ф.н. Н.Ф. Зюзев). К настоящему времени оцифрована и переведена часть сорокинских архивов из Саскачеванского университета. В планах центра также издание исследований о научном творчестве Сорокина, создание виртуального музея Сорокина.

ГБУ РК «Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина» был создан Постановлением Правительства Республики Коми № 395 от 12 ноября 2010 г. Центр является подведомственным учреждением Министерства национальной политики Республики Коми. В Центре несколько основных направлений: научно-организационное, издательское, просветительское.

Популяризация научного наследия Сорокина, в том числе среди школьников и молодёжи, является основной деятельностью Центра «Наследие». Наряду с организацией научных мероприятий, посвященных творчеству П. Сорокина, Центр «Наследие» выпускает одноименный специализированный научный журнал «Наследие».

В издательском направлении самым главным стала реализация проекта Собрания сочинений П. Сорокина. К моменту запуска проекта в 2013 г. в России уже издавались отдельные работы ученого, но системности и последовательности в этом направлении не было. В 1999 г. на Международном симпозиуме в Санкт-Петербурге, посвящённом 110-летию со дня рождения П. Сорокина была озвучена назревшая необходимость издания собрания сочинений Сорокина в России, [1, с. 3], однако тогда проект Собрания сочинений Сорокина так и не был реализован ни в Москве, ни в Санкт-Петербурге. К настоящему времени в Сыктывкаре издано восемь томов из Собрания сочинений, в целом же планируется издать 30 томов.

На российском уровне в социологическом научном сообществе уже сложился консенсус, что П.А. Сорокин – выдающийся русско-американский социолог, стоявший у истоков российской социологической науки наряду с М. Ковалевским, Л. Петражицким, Е. Де Роберти и др. Региональная наука

Республики Коми расширяет этот образ за счёт включения Сорокина в плеяду «зырянских мыслителей» [2, с. 3], куда кроме Сорокина входят К.Ф. Жаков, В.П. Налимов. Коми край, который явился малой родиной для П.А. Сорокина, оставил глубокие следы в жизни учёного, повлиял на формирование его мировоззрения и личностное становление. Исследователи творчества П. Сорокина особенно обращают внимание на тот факт, что социализация будущего учёного проходила в среде смешанной русско-зырянской культуры, где сосуществовали ценности православия и мистицизм языческих верований коми охотников, в творческом труде бродячих мастеровых, в привычной для местных жителей близости к природе. На протяжении своей жизни Сорокин никогда не забывал своё русско-зырянское происхождение, и в нём эта идентичность всегда сосуществовала с другими идентичностями – с российской, а затем и американской.

Если в региональной науке существует несомненный консенсус по значимости Сорокина для республики, то легитимация Сорокина как бренда в публичной сфере неоднозначна. Широта взглядов и сложность биографического пути учёного получают различные оценки со стороны представителей общественности, что отражает идеологическую борьбу в общественно-политическом пространстве современной России. Дискуссии по этому поводу присутствуют на разных форумах, в социальных сетях, в новостных обсуждениях. С точки зрения вульгарного либерализма, фактом своего политического отречения от борьбы с большевиками Сорокин совершил предательство и это перечёркивает все его личностные достоинства и достижения. Коммунисты традиционно видят в Сорокине политэмигранта советских времён, непримиримого критика большевиков, Ленина и его соратников. Американское гражданство Сорокина является дополнительным раздражителем в свете непростых отношений России и США сегодня. Сторонники коммунистической идейной платформы помнят, что Советская власть так и «не простила» Сорокина, не дав разрешение на приезд ученого на Родину незадолго до его смерти.

Поддерживают бренд Сорокина умеренные и консервативные либералы. Сторонников умеренного либерализма как раз привлекает непримиримая идейная борьба Сорокина с большевиками, они видят в Сорокине проводника западных ценностей и идей демократии, ценностей индивидуализма и свободы. И конечно, всесторонняя поддержка осуществляется со стороны органов власти республики (консервативная, государственническая платформа). Помимо того, что Сорокин был известным учёным и выдающейся личностью, он давал высокую оценку достижениям СССР как великой державы, поддерживал Советский Союз в годы Второй мировой войны, был гуманистом, сторонником традиционных ценностей, выступал против негативных проявлений общества потребления. Это, несомненно, сближает его наследие с современным российским трендом на укрепление традиционных ценностей, суверенитета, гуманизма.

Список литературы:

1. Питирим Сорокин и социокультурные тенденции нашего времени. Материалы к Международному научному симпозиуму, посвященному 110-летию со дня рождения П.А. Сорокина 4-6 февраля 1999 г. СПб., 1999. 394 с.
2. Фадеева И.Е., Сулимов В.А. Антропология Питирима Сорокина: парадоксы интегрализма. СПб.: Астерион, 2015. 160 с.

Концепция «общественного, коллективного разума» у Э.В. Ильенкова в контексте классической философии

Вахитов Рустем Ринатович

Башкирский государственный университет, факультет философии и социологии, кандидат философских наук, доцент

Аннотация: В философии Э.В. Ильенкова большое значение играет концепция «общественно-человеческого разума», которой тем не менее исследователи не уделяют должного внимания. Между тем она лежит в основе ильенковской трактовки мышления. В своем докладе я хочу показать как она связана с другими такими же концепциями в истории классической философии (Космический Ум у Платона и Плотина, Божественный Логос у блаж. Августина, учение о чистом разуме Канта и об Абсолютной идее Гегеля и т.д.).

Ключевые слова: Э.В. Ильенков, общественно-человеческий разум, классическая философия, коллективный разум, проблема мышления

**The concept of “public, collective mind” by EV Ilyenkov in the context of classical philosophy.
*Rustem Rinatovich VAKHITOV***

Bashkir State University, Faculty of Philosophy and Sociology

Abstract: In the philosophy of E. V. Ilyenkova is of great importance the concept of “social-human mind”, which nonetheless, researchers do not pay due attention. Meanwhile, it underlies the Ilyenkov interpretation of thinking. In my report, I want to show how it is connected with other similar concepts in the history of classical philosophy (the Cosmic Mind by Plato and Plotinus, the Divine Logos by St. Augustine, the doctrine of the pure mind of Kant and the Absolute Idea of Hegel, etc.).

Keywords: EV Ilyenkov, social-human mind, classical philosophy, collective mind, problem of thinking

Принято считать, что для философии материализма характерно отрицание существования коллективного разума. Материализм признает бытие лишь индивидуальных разумов человеческих личностей, а рассуждения о Космическом Уме, Божественном Логосе, Абсолютном Духе, возвышающихся над индивидуальными человеческими сознаниями - это якобы прерогатива идеалистических философских систем. Такова распространенная точка зрения. Тем удивительнее встретить в произведениях Э.В. Ильенкова – мыслителя-материалиста и марксиста упоминания о «коллективном безличном разуме», «коллективном разуме человечества и народов», «коллективном духе», «общественно-человеческом разуме». Так, в «Диалектике идеального» мы читаем: «Это – действительный (материальный) мир, как и каким он представлен в исторически сложившемся и исторически изменяющемся общественном (коллективном) сознании людей, в «коллективном» безличном «разуме», в исторически сложившихся формах выражения этого «разума» [1, с. 235].

Очевидно, Ильенков имеет в виду некое относительно автономно существующее духовное бытие, только понимаемое не так, как у философов-идеалистов, а по-другому, материалистически. Для философов-идеалистов этот коллективный разум первичен, он порождает из себя материальный мир, и в том числе бытие людей, объединенных в общество и при помощи общественно-исторической практики, труда преобразующих природу и самих себя. По Ильенкову все обстоит наоборот – первично общественное бытие, материальное производство, именно оно является главной, корневой причиной появления «мира идей», мира, где «находятся» «общие нравственно-моральные нормы ... правовые установления, формы государственно-политической организации жизни, ритуально-узаконенные схемы деятельности во всех ее сферах...». Именно этот «общественно-человеческий разум» по убеждению Ильенкова философы-идеалисты принимали и принимают за Космический Ум, Божественный Логос, Абсолютный Дух. А это значит, что марксист Ильенков в отличие от вульгарных марксистов-диалектиков – и современных ему и всех остальных - не был согласен с тем, что рассуждения идеалистов о коллективном разуме – некие мистические бредни, он видел в них «зерно истины», он был уверен, что они говорили и говорят о некоем реально существующем бытии, но лишь неправильно его трактуют.

Иными словами, на вопрос: «неужели действительно существует нечто подобное Космическому Уму и Абсолютному Духу?» Ильенков, безусловно, ответил бы положительно. Причина этого в том, что Ильенков был глубоким философом-диалектиком и он понимал, что концепции коллективного разума мыслители-идеалисты – от Платона и Плотина до Гегеля и Соловьева вводили не просто так, а для того, чтобы решить реальную философскую проблему, с которой не мог справиться эмпиризм, в том числе и в своей материалистической разновидности. Это проблема наличия в нашем мышлении неких фундаментальных принципов и категорий, которые в Новое время получили название «врождённых идей» и говоря шире – проблема мышления вообще, которая сводится к вопросу: «как возможно получение нами всеобщего универсального знания?».

Поставили ее еще греческие софисты. Они были последовательными эмпириками и в лице своего лидера – Протагора заявляли, что всякое знание сводится к ощущениям (Платон «Теэтэт»). Но поскольку ощущения субъективны, принадлежат субъекту и несут на себе отпечаток его индивидуальных особенностей, то и знание, выведенное из них, должно быть субъективным. Таким образом софисты пришли к отрицанию всеобщего, универсального истинного знания, к философскому релятивизму. Полемизируя с ними, Платон указывал на существование в нашем сознании знаний, носящих всеобщий характер (например, знания о равенстве самом по себе), что делает возможным, скажем, существование такой науки как математика. Причем, знание о равенстве самом по себе, как показывал Платон в «Федоне», невыводимо из индивидуального опыта, оно должно существовать еще до того, как мы стали получать ощущения от внешнего мира. Платон предположил, что существует некий «мир идей», где содержатся эти общие принципы-архетипы вещей и законов космоса. Прикасаясь к нему мы и получаем возможность мыслить и двигаться к истине, а не просто кружиться в колесе своих субъективных ощущений. Последователь Платона Плотин назвал этот мир идей Космическим Умом. Космический Ум содержит в себе все возможное знание, Абсолютную Истину: «ум всегда обладает знанием, притом знанием не гадательным или только вероятным, не двусмысленным, не заимствованным от кого-либо другого и даже не таким, которое приобретается путем выводов и доказательств... ум не некоторое только, а все свое знание имеет в себе самом» [2, с. 97]. Если нет такого ума, всеобщего, универсального космического мышления, то, по Плотину, наше мышление ничем бы не отличалось от ощущения и тогда мы бы попали в тупик эмпиризма. Действительно, на путях эмпиризма невозможно решить проблему мышления, если под мышлением понимать самораскрытие истины, а не перебирание индивидуальных чувственных образов той или иной степени яркости.

Христианская философия дала другой ответ на этот вопрос. Августин Блаженный, признавая необходимость существования доопытного знания и некоего вместилища первопринципов-архетипов, отпечатки которых суть наше доопытное знание, признавал существование такого коллективного Ума. Но это у него не Космический Ум. Абсолютной истиной с точки зрения христианина может владеть лишь Божественный Логос, поскольку Бог и есть Истина. Августин пишет: «Итак, пусть же религия связывает нас с одним только всемогущим Богом, потому что между нашим умом, которым мы постигаем Отца, и Истиной, т. е. внутренним Светом, с помощью которого мы Его постигаем, не посредствует никакая тварь. А потому вместе с Отцом будем чтить и саму эту Истину, ни в чем от Него не отличающуюся, Которая представляет собой Форму всего (forma est omnium)...» [3, с. 10]. Человеческое познание возможно только в силу то, что мы становимся причастными к тем истинам, которые содержатся в Божественном Логосе, в Сыне Божьем как втором Лице Пресвятой Троицы, Форме всего существующего.

Точка зрения Августина продолжает господствовать вплоть до конца Нового времени: и Декарт, и Лейбниц источником врожденных идей – мерила нашего опыта – считали Бога. Некий диссонанс вносит Кант, который в качестве источника априорных категорий, делающих наше познание универсальным, всеобщим, предлагает рассматривать общечеловеческий «чистый разум». Но уже у Гегеля этот человеческий «чистый разум» снова превращается в Абсолютную идею – Божественной понятие, раскрывающее себя через природу и человека, а также его историю и культуру.

Итак, до Ильенкова философская традиция при решении проблемы врожденного знания или, правильнее сказать, проблемы мышления (поскольку имеется ввиду вопрос: как мы мыслим и достигаем общезначимого истинного знания, если наш опыт и наши сознания субъективны?) предлагала два варианта ответа:

- 1) Мышление возможно в силу того, что наши индивидуальные разумы причастны к универсальному Космическому Уму

- 2) Мышление возможно в силу того, что наши разумы могут быть причастны к универсальному внеприродному Божественному Логосу

Высшим синтезом этих двух традиций является концепция А.Ф. Лосева о двух универсальных Умах – Божественном (Лосев включает его в тетрактиду А) и космическом (часть тетрактиды Б).

Ильенков предлагает еще одну альтернативу, развивая учение Канта о чистом разуме и Гегеля - об Абсолютном Духе, но ставя их идеи на почву материализма. Его концепция общественно-человеческого разума, порождаемого общественно-исторической практикой – еще один вариант решения рассматриваемой классической проблемы философии.

Литература:

1. Ильенков Э.В. Философия и культура М., Издательство политической литературы, 1991.
2. Плотин Эннеады. V5 О том, что ноумены не вне ума, и о благе (перевод с древнегреческого Г.В. Малеванского)// Плотин Сочинения. Плотин в русских переводах. СПб, «Алетейя», 1995
3. Фокин А.Р. Премудрость Божия как *Arts Dei* у блж. Августина: между неоплатонизмом и христианством//Вестник ПСГУ. Серия II: История Русской Православной Церкви. 2016. Вып. 5 (72) С. 9-19

Ивашина Роман Анатольевич

Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Старший преподаватель

ivashina@bsu.edu.ru

Известный факт о строгом идеологическом контроле и строгой определенной идеологической ориентации, имевшем место в СССР. Причем, контроль за мировоззрением ученых всех направлений был настолько строг, что «особое мнение» каралось очень жестко. В таких довольно в сложных условиях находилась философия, для которой в первую очередь было определено единственно правильное направление. А.Ф. Лосев был одним из советских философов, имевших отличное от «канонического» мнение. Его он не изменил не смотря на все репрессии против него. Изначально свои взгляды он высказывал открыто, но после определенных репрессий, вынужден был сильно изменить манеру изложения своих мыслей. Он очень искусно с помощью понятий и методов марксизма замаскировал свои взгляды, причем так, что в среде лосевоведов продолжают дискуссии о его мировоззрении.

Ключевые слова: философия марксизма, идеология, канонические взгляды, идеализм, материализм, всеединство, лосевская концепция.

Hidden idealism in the philosophical views of A. F. Losev. Ivashina Roman A.

Belgorod state national research University

Abstract. It is a well-known fact that strict ideological control and strict certain ideological orientation existed in the USSR. Moreover, the control over the worldview of scientists was so strict that the “independent opinion” was punished very harshly. Philosophy existed in the circumstances where there was only one correct direction which had been pre-determined. A.F. Losev was one of the Soviet philosophers who had a different opinion from the “canonical” one. He did not give it up despite all the repressions against him. Initially, he expressed his views openly, but after certain repressions, he was forced to greatly change the manner in which he expressed his thoughts. He managed to disguise his views very skillfully with the help of the concepts and methods of Marxism. Because of that, scholars who study his legacy dispute what his real worldview was even today.

Key words: philosophy of Marxism, ideology, canonical views, idealism, materialism, A.F.Losev.

Один из ярких представителей русской философии советского периода А.Ф. Лосев оставил после себя не только множество фундаментальных трудов по философии различных периодов, но и не мало споров касательно его личных философских взглядов. Известный факт, что в советский период был строгий идеологический контроль над взглядами и мировоззрением не только простых граждан, но и над средой ученых, которые должны были иметь некоторую свободу, способствующую научным и творческим изысканиям.

Ярким примером подобного тотального идеологического контроля можно назвать определенные репрессии даже в естественнонаучном направлении.

В Академии наук в 1929 году произошло идеологическое обновление кадров, в ходе которого уволили 781 сотрудника – представителей «старой школы». На их места были назначены 42 новых академика. Некоторые из них были членами ВКП(б) [1, с. 55].

ЦК ВКП(б) в 1931 г. издает постановление, в котором говорится, что принципа “партийности философии и естествознания” нарушен.

Будущий лауреат нобелевской премии физик И.Е. Тамм был обвинен в идеализме. Так же в приверженности идеалистическим взглядам были обвинены: Г.С. Ландсберг, С.И. Вавилов, Б.А. Введенский и автор книги «Строение материи» Я.И. Френкель. На этом обвинения и репрессии в

научной среде не закончились. Л.Д.Ландау был арестован и год находился в тюрьме. За арестованного в 1937 году физика В.А. Фока заступился перед Сталиным П.Л. Капица. Благодаря этому «физические идеалисты» С.И. Вавилов и А.Ф. Иоффе избежали ареста [2]. На сессии ВАСХНИЛ 1948 года была жестко раскритикована советская генетика.

В мае 1949 г. ученым советом ФИАН были осуждены «космополиты», в числе которых значился В.Л. Гинзбург. В результате, от жестких мер его спасло участие в разработке атомной бомбы. После смерти Сталина в 1953 году идеологическое давление на физику стало ослабевать, но, тем не менее, диалектический материализм доминировал до второй половины 80-х годов.

Приведенные примеры свидетельствуют о тотальном идеологическом контроле всей научной среды Советского союза. В этой связи, философам в СССР было сложнее всего. За них было решено какое философское направление «единственно верное».

А.Ф. Лосев был из числа философов, пытавшихся быть свободным в своих взглядах, за что и поплатился. В своих послереволюционных публикациях, в особенности, в «Диалектике мифа» он допустил критику материалистического марксизма и Советской власти. Многие сторонники марксистской идеологии, в числе которых были Л.М. Каганович и М. Горький назвали А.Ф. Лосева «мракобесом, черносотенцем реакционером и монархистом» [3]. Последовали арест и осуждение на 10 лет тюрьмы. Он пробыл в концлагерях два года, участвовал в строительстве Беломорканала, которые сильно подорвали его здоровье (он стал полуслепым), после чего был выпущен на свободу и реабилитирован. Тем не менее, его не публиковали. В 1943 году, после защиты докторской диссертации на него был сделан донос с обвинением в идеализме, за что его уволили. Его труды выходят в печать только в 1950-е гг.

Но с этого времени, перед читателями он предстает не как исследователь истории философии и богословия, а как исследователь эстетических учений. Более того, в своих исследованиях он начинает использовать методологию диалектического материализма. Это и вызвало спор в кругах исследователей Лосева о его вынужденном изменении мировоззрения в сторону материализма. Основания так считать действительно были. Но, тем не менее, сторонники противоположного мнения считают, что он лишь очень искусно маскирует свои идеалистические взгляды под видом материализма. Доказательства тому можно найти в его высказываниях в письмах и личных беседах, а так же в его трудах.

В письме из лагеря в 1932 г. жене он признается: «В те годы я стихийно рос как философ и трудно было (да и нужно ли?) держать себя в обручах советской цензуры». «Я задыхался от невозможности выразиться и высказаться». «Я знал, что это опасно, но желание выразить себя, свою расцветающую индивидуальность для философа и писателя превозмогает всякие соображения об опасности»[4]. Из этих слов однозначно одно – суровые условия концлагеря ни сколько не сломили мировоззрение философа. Близкие ему люди свидетельствовали, что дома он молился, хранил иконы, причащался, его дом посещали священнослужители, а перед смертью завещал похоронить его по православному обряду с отпеванием. Следует заметить, что он никогда не в частных беседах, ни в лекциях не отказывался от христианства, а тем, кому доверял, даже признавался, что он сторонник исихастского богословия и что он христианин [5].

Это были примеры биографического характера, свидетельствующие о религиозно-философских убеждениях философа. Вторым примером следует назвать сами труды философа, в которых в скрытой форме находим намеки на его несогласие с «канонической» на тот момент философией.

После пережитых репрессий меняется манера философствования А.Ф. Лосева. Если ранее он прямо критиковал марксизм, то теперь он активно использует терминологию и цитаты Маркса, Энгельса и Ленина: «формация», «базис», «производственные отношения», «надстройка». Но, не смотря на цитирование основателей коммунизма, Лосев себя никогда марксистом не называл, только говорил, что научился применять данную терминологию с определенным специфическим собственным пониманием. К примеру, при общении с В.В. Ерофеевым Алексей Федорович сказал: «Я начиная с 30-го года легко и свободно стал применять марксистские методы, конечно, со своим собственным и специфическим их пониманием» [6, с. 111].

В декабре 1934 года им было написано предисловие к курсу лекций по дисциплине «История эстетических учений», которое в последствие опубликовано не было. В нем он пишет: «Если марксизм есть учение о том, что именно бытие определяет сознание, то в этом отношении я вынужден признать себя идеалистом» [7, с. 247.]. Однако, мы имеем и другое заявление А.Ф. Лосева, сказанное в предисловии к курсу лекций: «Если учитывать эту диалектическую антиномику бытия и сознания и понимать

определяемость сознания бытием как проповедь объективизма, то я безраздельно и безоговорочно раз навсегда и бесконечное число раз марксист и материалист» [7, с. 249.]. Завершает предисловие следующими словами: «Что же со мной делать, если я *не чувствую себя ни идеалистом, ни материалистом* ... если даже все эти противоположности часто кажутся мне наивными?» [7, с. 251.]. Есть еще одно признание А.Ф. Лосева: «С течением времени у меня почему-то выработалась привычка излагать философские системы так, как будто бы я был их автором и пропагандистом» [7, с. 236.].

Следует отметить что, будучи настоящим ученым, прежде чем высказывать критику или согласие с каким-либо философским направлением, он углубленно изучал его. Марксизм он изучил на столько досконально, что стал замечать как марксисты очень примитивно и плохо понимают марксистское учение. Более того, по признанию Лосева, ему приходилось за марксистов делать марксистский анализ науки, по той причине, что философы, называющие себя марксистами не могли дать объяснение, в чем буржуазность науки Нового времени с точки зрения метода исторического материализма?

При прекрасном знании и понимая марксизма, в самих философских взглядах А.Ф. Лосева находим далеко не материалистическую позицию. Он отрицательно относился к противопоставлению идеализма с материализмом. По его мнению, идея и материя, Дух и материя, бытие и сознание находятся в единстве, а не противопоставляются. Через такое единство идея одухотворяет материю. Материя является плотью идеи и этим дух материализуется. Причем, идея и материя неотделимо связаны между собой таким образом, что ни одна из них не выходит на первый план: «*Эта неразрывность материального и идеального обеспечивает цельность любой вещи, в том числе и человеческого общества*» [6, с. 110]. Понимание цельности заключается в том, что все находится во всем – яркий пример философии всеединства.

В рамках социальной философии все находится в подчинении структурно-целостной модели, означающей, что и философия, политические идеологии, искусство, не являются тождеством, а воспроизводством на другом материале. Эти взгляды очень схожи с философией марксизма, но их нельзя отнести ни идеализму, ни к материализму, а являются они ни чем иным как философией всеединства: «*общество представляет собой цельность, и каждая его часть несет на себе отпечатки других*» [6, с. 108] – это и есть корневая идея философии всеединства. К сказанному можно лишь добавить, что, если в марксизме «бытие определяет сознание» [8, с. 491], то у А.Ф. Лосева не только бытие определяет сознание, но и в равной степени сознание определяет бытие. А.Ф. Лосев не допускает определенного крена в пользу одного из факторов развития общества. Каждый из факторов равнозначен и взаимозависим, чем создается цельность общества, другими словами – эта позиция в рамках канонов философии всеединства.

Подводя итог, можно сделать заключение, что представитель советской философии А.Ф. Лосев, не смотря на прекрасное владение и употребление марксистских понятий и терминов, прекрасное понимание и растолкование философии марксизма не придерживался марксистских и материалистических взглядов. Это заключение можно сделать на основе нескольких фактов:

1. Большое количество не изданных работ, черновики, писем, свидетельств личных бесед с близкими ему людьми показывают, что до конца жизни он был и остался православным христианином.
2. В крупнейшем своем труде «История античной эстетики» содержатся «марксистские фрагменты», но если их удалить из текста, лосевская концепция от этого ни сколько не изменится. Это свидетельствует, что марксистская терминология была не убеждением, а маскировкой взглядов, противоречащих общепринятой идеологии.
3. Цельность материализма и идеализма, цельность факторов в социальной философии являются ни чем иным, как философией всеединства.
4. Таким образом, с некоторыми оговорками и уточнениями А.Ф. Лосева можно назвать идеалистом.

Список литературы:

1. Кольцов А.В. Выборы в Академию наук СССР в 1929 г. // Вопросы истории естествознания и техники. 1990 №3. С 53-66.
2. Академик Виталий Гинзбург. Хочу помочь другим не повторять старых ошибок. //Известия, 23 мая 1996 г.
3. Емельянов Е.Б. Диалектика мифа А.Ф. Лосева: судьба идей и работ // Дискурс современных мифологий [Электронный

- ресурс] // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialektika-mifa-a-f-loseva-sudba-idey-i-rabot/viewer>
4. Сергеева Т. Мысль невозможно ни сослать, ни заточить в тюрьму. // Московская правда 13.10.2013
5. О Человеке: В. В. Бибахин о А.Ф. Лосеве // Синергия [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.sinergia-lib.ru/index.php?page=losev_a_f&id=1342&view=print
6. Вахитов Р.Р. Поздний Лосев и марксизм. Вопросы философии. 2018. № 1. С 106-116.
7. Лосев 1993 – Лосев А.Ф. Из истории эстетических учений. Предисловие // Путь. 1993. № 3. С. 232–251.
8. Энгельс Ф. Карл Маркс. «К критике политической экономии». – Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, Т.13 М., 1959. С.491.

Майданский А.Д.

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет, профессор.
Институт философии Российской Академии наук, ассоциированный сотрудник. Доктор
философских наук*

meotian@rambler.ru

В своей «Космологии духа» Э.В. Ильенков выдвинул и обосновал гипотезу о том, что природа создает «мыслящий дух» для того, чтобы он возродил к новой жизни гибнущую от энтропии Вселенную. Источник этой гипотезы удалось обнаружить в поэме М. Волошина «Путями Каина». Но Ильенков придает ей деонтологический смысл: жертвуя собой, мыслящий дух отдает долг матери-природе. Добавим, что человечество готовится к этой космологической миссии, культивируя идеал самопожертвования во имя высших целей (на примерах Сократа, Христа, Джордано Бруно и им подобных героев духа). В докладе дана критика «пессимистического» истолкования этой гипотезы у А.В. Гулыги. Финал истории мыслящего духа – это оптимистическая трагедия. Ильенковская «Космология духа» глубоко диалектична и родственна по своим интенциям гегелевской «Феноменологией духа».

Ключевые слова: Ильенков, Максимилиан Волошин, Гегель, космология, мыслящий дух, смысл жизни, энтропия, самопожертвование.

Optimistic tragedy of “Cosmology of the Mind”.
Maidansky A.D.

Belgorod State National Research University. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

In his “Cosmology of the Mind”, Evald Ilyenkov put forward and substantiated the hypothesis that nature creates a “thinking mind” in order him to revive to a new life the Universe dying of entropy. The source of this hypothesis was found in M. Voloshin’s poem “In the Pathways of Cain”. But Ilyenkov gives it some deontological meaning: by sacrificing himself, the thinking mind pays its debt to Mother Nature. Let us add that mankind prepares itself for this cosmological mission by cultivating the ideal of self-sacrifice in the name of higher goals (with the examples of Socrates, Christ, Giordano Bruno and similar heroes of the mind). In the presented paper, A.V. Gulyga’s “pessimistic” interpretation of this hypothesis is criticized. The finale of the history of thinking mind is an optimistic tragedy. Ilyenkov’s “Cosmology of the Mind” is deeply dialectical, and its intentions are related to Hegel’s “Phenomenology of Mind”.

Keywords: Ilyenkov, Maksimilian Voloshin, Hegel, cosmology, thinking mind, meaning of life, entropy, self-sacrifice.

За несколько лет до полета Гагарина Эвальд Ильенков написал свою «Космологию духа». В этой «философско-поэтической фантазмагории» (так автор определил жанр работы) была высказана гипотеза о том, что мыслящий дух призван вернуть матери-природе «огненную молодость», взорвав гибнущую от энтропии Вселенную. В таком взрыве неминуемо гибнет и сам мыслящий дух, но смерть его превращается в «творческий акт» создания новых миров и в них – иных мыслящих существ...

«Космология духа» – загадочный текст, стоящий особняком в наследии Ильенкова. Показывал он его редко, даже друзьям, и не предпринял заметных усилий для публикации. Исходная рукопись утрачена, ни набросков, ни черновики в архиве не сохранилась, уцелела лишь пара копий (хотя одна из этих копий – прижизненная, аккуратно переплетена). Нелегко было понять, что натолкнуло молодого «гносеолога» на космическую тему... Но вот, несколько лет тому назад я взял в руки поэму Максимилиана Волошина «Путями Каина». Поэма – о революции и судьбе культуры. Ильенков знал ее, цитировал в книге «Об идолах и идеалах».

Наш мир, «разумный и жестокий, был обречен природой на распад», – писал Волошин, обнаруживая знакомство со вторым началом термодинамики. – «Тля Энтропии» неспешно и неумолимо подтачивает «сомнительную вечность вещества». Человечество же мыслится как антиэнтропийная сила:

«А человек упорно выгребает / Противу водопада, что несет / Вселенную / Обратно в древний хаос... / Чтобы не дать материи изникнуть, / В нее впился; сплавляющий огонь. / Он тлеет в «Я», и вещество не может / Его объять собой и задушить».

Негэнтропийный взгляд на человека образует краеугольный камень и «Космологии духа». А в конце главы «Бунтовщик» Волошин фактически излагает ильенковскую гипотезу о космической миссии человечества:

«Самовзрыватель, будь же динамитом. / Земля, взорвись вселенским очагом! / Сильней размах! Отжившую планету / Швырните бомбой в звездные миры! / Ужель вам ждаться, пока комками грязи / Не распадется мерзлая земля? / И в сонмах солнц не вспыхнуть новым солнцем – / Косматым сердцем Млечного Пути?»

Написаны эти строки в 1923-м, за год до рождения Ильенкова на свет. Легко убедиться, что Волошин рисует конец света в точности так же, как автор «Космологии духа»: мыслящий дух взорвет себя и Землю «вселенским очагом» и «вспыхнет новым солнцем в сонмах солнц». Подобно Ильенкову, Волошин мыслит это самоубийство духа как творческий акт – космическую революцию, мятеж человечества против вселенской Энтропии.

Ну а в чем разница? У Волошина акт этот выглядит как апофеоз бунта – своего рода эсхатологический перформанс под девизом: «смертию смерть поправ».

«Мы рушим своды древних равновесий. / Мы – зодчие. Ваяло наше – смерть, / А глина – вихри собственного духа... / Мы дети Каина. Мы внуки Люцифера. / Мы утверждаем Бога мятежом. / Творим неверьем. Строим отрицаньем».

Для Ильенкова дело обстоит иначе. Мыслящий дух сжигает мир и самого себя не просто потому, что он по природе своей творец и бунтарь, и ему негоже смиренным барашком ждать неминуемой «тепловой смерти». А потому, что дух чувствует свой долг перед матерью-природой. Она дарит людям жизнь, и человечество обязано расплатиться с нею той же монетой.

Человечество столетиями культивировало идеал самопожертвования. Для чего, с какой целью? Что это, как не предчувствие жертвенной вселенской миссии мыслящего духа? Величайшие герои истории – люди, добровольно отдавшие жизнь за идею, за «идеальное»: Сократ, Христос, Джордано Бруно...

Ильенков давно ушел в мир иной, когда «Космология духа» впервые, в урезанном виде, появилась на страницах журнала «Наука и религия». Работу взялся прокомментировать А.В. Гулыга, усмотревший в ней «мрачный взгляд в будущее» и «пессимистический спинозизм, окрашенный в ницшеанские тона». Светлой альтернативой Гулыге представлялась жизнь без конца – явление на свет «сверхчеловека», каким его изображали Николай Федоров и Владимир Соловьев, и «достижение индивидуального бессмертия» [1, с. 33]. Сегодня с мечтой вечноживого «постчеловека» носятся трансгуманисты.

Не вдаваясь в тему продления срока человеческого бытия до бесконечности (такого рода бесконечность Гегель нарек «скверной, дурной» – schlechte Unendlichkeit, и призывал не смешивать ее с истинной, актуальной, совершенной бесконечностью, коей присуще «возвращение в себя»), рассмотрим чуть ближе и конкретнее перспективу, которую рисует Ильенков.

Коль скоро все конечное так или иначе гибнет, для «мыслящего духа» проблема сводится к выбору финала. Погибнуть в силу естественных причин, без смысла и цели, либо – превратить свою смерть в начало нового мира и новой жизни? Таков вопрос.

В первом случае «мышление... оказывается пустоцветом – красивым, но абсолютно бесплодным цветком, распутившимся где-то на периферии всеобщего развития лишь затем, чтобы тотчас увянуть под ледяным или огненно-раскаленным дуновением урагана бесконечной Вселенной...» [2, с. 444].

Свободный дух должен и жить, и уходить добровольно. Уйти не сгинув впустую, без следа, но – передав эстафету бытия мыслящим существам в иных мирах. Уход, о котором толкует Ильенков, – это переселение Мирового духа в новый дом, новую Вселенную, когда старая обветшала.

Пессимистическим такой финал никак нельзя назвать. Трагичным – можно, но это оптимистическая трагедия. «И когда-то вновь – в бесконечно далеком грядущем – новые существа, в которых

i Работа поддержана грантом РФФИ, проект № 20-011-00646а «Советская философия сознания 1950-80-х годов: концепции, гипотезы, споры». [The work is supported by the Russian Science Foundation grant no. 20-011-00646a “Soviet Philosophy of Consciousness in 1950–80s: concepts, hypotheses, arguments”.]

природа разовьет мыслящий дух, будут – как и мы ныне – созерцать сверкающие над небом их Земли звездные миры с гордым сознанием, что эти миры обязаны своим существованием некогда исчезнувшему мыслящему духу, его великой и прекрасной жертве» [2, с. 449].

Гулыга и прочие, кто видит тут мрачный пессимизм, походят на недалекого бургомистра, порицавшего Гёте за то, что он «осмелился оправдывать самоубийство – подумать страшно! Из дальнейших разъяснений выяснилось, что бургомистр имел в виду «Страдания молодого Вертера» [3, с. 392]. Как в другом месте заметил Гегель, «не та жизнь, которая страшится смерти и только бережет себя от разрушения, а та, которая претерпевает ее и в ней сохраняется, есть жизнь духа» [4, с. 23].

В ильенковском решении проблемы смысла жизни за версту чувствуется школа гегелевской диалектики – умение и стремление «смотреть в лицо негативному». Для этого надобна сила духа, «та волшебная сила, которая обращает негативное в бытие» [4, с. 23].

Правда, Ильенков ограничивает искусственный взрыв «какими-то пределами»: Вселенная гибнет не целиком, взрываются лишь отдельные «области мировой материи» [2, с. 447].

Спрашивается, можно ли таким образом спасти бесконечную Вселенную от «тепловой смерти»? Очевидно, нет – можно лишь на время отсрочить финал. Если мыслящий дух не в состоянии запустить бесконечную цепную реакцию, значит жертва его напрасна: гибель матери-природы – лишь вопрос времени. Локальными искусственными «очагами» ее не спасешь, мировую энтропию не одолеешь.

У Вселенной должны сойтись, совпасть начало и конец. А такое «тождество» может осуществить лишь новый «Первовзрыв» – Urknall, как его называют немцы. Змея бесконечности должна проглотить свой хвост.

Литература

1. Гулыга А. Космическая ответственность духа // Наука и религия. 1989. № 8. С. 32–34.
2. Ильенков Э.В. Космология духа // Собрание сочинений. Т. 1. М.: Канон+, 2019. С. 419–451.
3. Гегель Г.В.Ф. Кто мыслит абстрактно? // Работы разных лет: в 2 т. М.: Мысль, 1972. Т. 1. С. 387–394.
4. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. 495 с.

О методологических противоречиях «ленинской теории отражения»

Мареева Е.В.

Московский государственный институт культуры, профессор кафедры философии. Московская международная высшая школа бизнеса «МИРБИС» (Институт), зав. кафедрой общеобразовательных дисциплин. Доктор философских наук

e.v.mareeva@yandex.ru

Коллективный труд «Ленинская теория отражения и современность» под редакцией Тодора Павлова, изданный накануне 100-летия В.И.Ленина, должен был продемонстрировать успехи в разработке главного достижения Ленина как философа – ленинской теории отражения. Но это издание обнаруживает двойственность ленинского понимания сознания как отражения мира, в котором не преодолена позиция созерцательного материализма, характерная для его учителя Г.В. Плеханова. Внутренне противоречие ленинской теории отражения обнаруживается в данном труде на фоне критики группы «Праксис», которая сводит марксистскую идею практики к абстрактному активизму. В советском «диамате» абстрактному активизму противопоставлялась созерцательность или, в лучшем случае, абстрактный активизм не отрицался, а дополнялся созерцательной точкой зрения. Адекватным разрешением этого противоречия является позиция Ильенкова, основанная на категории практики, уходящей истоками к «Экономическо-философским рукописям 1844 года».

Ключевые слова: Ленин, Тодор Павлов, Ильенков, «Праксис», ленинская теория отражения, абстрактный активизм, созерцательность, практика.

On the methodological contradictions of the “Lenin’s theory of reflection”. Mareeva Elena

Moscow State Institute of Culture, Professor of Department of Philosophy; Moscow International Higher Business School “MIRBIS” (Institute), Department of the General Subjects

The collective work “Lenin’s Theory of Reflection and Modernity”, edited by Todor Pavlov, was published on the eve of Lenin’s 100th anniversary. It had to demonstrate the success in developing Lenin’s theory of reflection which was his main achievement as a philosopher. But this volume reveals the duality of Lenin’s understanding of consciousness as a reflection of the world. Here, the position of contemplative materialism (typical for his teacher G.V. Plekhanov) has not been overcome. The internal contradiction of Lenin’s theory of reflection is revealed in this volume against the background of the criticism against Praxis group. This group reduced Marxist idea of practice to abstract activism. In Soviet “diamat”, abstract activism was opposed to contemplation. Or, at best, abstract activism was not denied, but supplemented by a contemplative point of view. The adequate resolution of this contradiction is Ilyenkov’s position, based on the category of practice that goes back to “Economic and Philosophical Manuscripts of 1844”.

Keywords: Lenin, Todor Pavlov, Ilyenkov, «Praxis», Lenin’s theory of reflection, abstract activism, contemplation, practice.

В 1931 г. в итоге дискуссии «большевиков», за спиной которых стоял И. Сталин, и «диалектиков» во главе с А. Дебориным завершилась констатацией «ленинского этапа» в марксистской философии. В итоге Д. Рязанов был сослан, академик А. Деборин лишился всех постов. В том же 1931 году Институт Маркса и Энгельса был переименован в Институт Маркса-Энгельса-Ленина. 100-летний юбилей Ленина стал очередным поводом для уточнения вклада Ленина в марксистскую философию, который теперь связывали с разработанной им марксистской теорией отражения. В книге «Ленин как философ» под редакцией М.М. Розенталя, изданной в преддверии юбилея, мы читаем: «Однако вклад В.И. Ленина ... настолько велик и значителен, что с полным правом можно говорить о ленинской теории отражения, имея в виду новый этап в развитии теории познания диалектического материализма» [1, с. 174].

В 30-х гг. речь шла о том, популяризировал («диалектики») или развивал («большевики») Ленин

философию марксизма. В 60-е годы уже общепризнанное развитие Лениным философии марксизма конкретизировалось на уровне теории познания. Увесистый том под названием «Ленинская теория отражения и современность», изданный к юбилею под редакцией академика Тодора Павлова, должен был продемонстрировать результаты развития ленинской теории отражения советскими и болгарскими философами [2]. Именно в связи с публикациями в журнале «Праксис» (хорват. «Praxis filozofija») в обсуждении ленинской теории отражения где акцент был сделан на соотношении отражения с активностью субъекта.

Ключом для переосмысления позиции так называемого «сталинского диамата» в указанном журнале были, в первую очередь, идеи раннего Маркса и, прежде всего, «Экономическо-философских рукописей 1844 года». Это было основано на противопоставлении «раннего» и «позднего» Маркса. Причем если представители группы «Праксис» активно дистанцировались от «диамата», то латентный отказ от этой версии марксистской теории происходил в более широком контексте. Здесь нужно упомянуть поляка Марека Яна Семека [3] и чеха Милана Сobotку [4]. Влияние ранних работ Маркса, которые стали доступны в 20-30 гг. XX в., мы видим не только у Э.В. Ильенкова [5], которого сегодня на Западе называют представителем советского «творческого марксизма», но в ранних работах Ю.М. Борода [6], Г.С. Батищева [7], Ю.Н. Давыдова [8] и у самого Т. Павлова.

Тодор Павлов был хорошо знаком с рукописями Маркса 1844 года, еще до Второй мировой войны. Правда, фундаментальный труд Т. Павлова «Теория отражения. Основные вопросы теории познания диалектического материализма» еще не был заявлен как развитие ленинской теории отражения. Павлов в указанной книге буквально повторяет слова Маркса из рукописей 1844 года о том, что «глаз стал человеческим глазом точно так же, как его объект стал общественным, человеческим объектом, созданным человеком для человека» [9, с. 120].

Т. Павлова интересует общественная и деятельностная сторона человеческого отражения мира. Скорее всего, это сближение характера восприятия с его субъективностью и спровоцировало критику болгарских и советских товарищей. «Автор “Теории отражения”, – читаем мы в предисловии ко второму изданию книги, – настолько сильно акцентирует свое внимание на субъективной стороне познания человеком действительности, что дает иногда формулировки, могущие привести к субъективизму [10, с. XXVI]. Пафос свободы и творчества, присутствующий в этой работе, сродни фихтеанскому активизму, чего нет в последующих работах академика Павлова, включая труд «Ленинская теория отражения и современность».

Здесь стоит напомнить, что философская общественность в СССР знакомилась с позицией представителей западного марксизма только в критических работах самих советских философов. Так из книги «Ленин как философ» можно было узнать, что у Гайо Петровича (Gajo Petrović), одного из лидеров «Школы праксиса», представление о человеческой практике в «ранних» работах Маркса не вписывается в теорию отражения в любом ее варианте. Речь таким образом по существу идет о том, что практика у «Праксиса» превращается в абстрактную активность, которым, естественно, будет противостоят столь же абстрактное отражение, с ними никак не совместимое. «Когда, например, югославский философ Гай Петрович – читаем мы в «Ленин как философ», – уверяет, что никакой, даже улучшенный, вариант теории отражения не может быть приведен в гармонию с марксистской теорией человека как практического существа, то он как раз и совершает недопустимый в марксизме разрыв между человеческой активностью и ценностью этой активности, которая ... так или иначе опирается на верное отражение действительности» [11, с. 180].

Критики «Праксиса» в данном случае «спасают» принцип отражения за счет того, что активность и отражение представлены здесь как два этапа – «верное отражение» и его «практические результаты», как это обычно трактовалось в советских учебниках. И такая аргументация была калькой с ленинского примера с ализиарином в работе «Материализм и эмпириокритицизм», позаимствованного им у Энгельса. А тот писал: «Химические вещества, образующиеся в телах животных и растений, оставались такими же «вещами в себе», пока органическая химия не стала готовить их одно за другим ...» [12, с. 284]. Но практика как промышленное производство – тоже абстракция, возникшая историческим путем. И даже экспериментальная деятельность ученого как отражение и практика «в одном флаконе», не дает понятия практики в ее универсальном методологическом смысле.

Надо сказать, что в книге «Ленинская теория отражения и современность» критика группы «Праксис» представлена фрагментарно. И в большинстве случаев практика здесь вновь редуцируется к абстрактному преобразованию вещей, которое внешне дополняется верным отражением мира. Но

прямое и непосредственное отражение действительности, как известно, и есть созерцание. Абстрактный активизм в итоге не отрицается, а как бы дополняется созерцательностью. Создается впечатление, что, опасаясь фихтеанства, которым грешил «ранний» Павлов, его последователи и сотрудники в 60-е годы, были склонны усиливать фейербахианские мотивы в «Материализме и эмпириокритицизме» Ленина.

Но проблема объективных форм деятельности выходит за пределы теории отражения и диалектики, понятой как общая теория развития, и при этом находится в центре диалектической логики, где категории – не результат непосредственного воздействия бытия на мышление, но такие формы деятельности человека, которые вычлениются и генерализуются самим предметным преобразованием мира. Именно, история техники, развития общественной практики проясняет нам природу категориальных форм. И проблема всеобщности категорий, которые, с позиций абстрактного активизма, привносятся в мир человека его же собственной творческой активностью, есть проблема идеализации законов природы в материально-преобразующей деятельности, труде, когда ее всеобщие формы, будучи реализованными в теле культуры, оказываются предметом философской рефлексии.

Иначе говоря, масштабное исследование «Ленинская теория отражения и современность», если развивает ленинскую теорию отражения, то в сторону обнаружения ее двойственного характера. И эта двойственность определяется становлением взглядов Ленина, который в «Материализме и эмпириокритицизме» зачастую ведет критику субъективного идеализма махистов, а заодно Фихте и Канта, от имени материализма вообще или с позиции той версии диалектического материализма, которая объединяла его с таким авторитетом в русском марксизме, как Г.В. Плеханов.

Литература

1. Ленин как философ, М.: Политиздат, 1969. 445 с.
2. Ленинская теория отражения и современность. София: Наука и искусство. 1969. 778 с.
3. Siemek M. J. Filozofia, dialektyka, rzeczywistość, Warszawa: PIW, 1982. 237 s.
4. Sobotka M. Člověk a práce v německé klasické filosofii. Praha, 1964. 153 s.
5. Ильенков Э.В. О воображении // Народное образование. 1968. № 3. С. 33-42.
6. Батищев Г.С. Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. М.: Наука, 1969. С. 73-144.
7. Бородай Ю.М. Воображение и теория познания: К критике кантовского учения о продуктивной способности воображения. М.: Высшая школа, 1966. 150 с.
8. Давыдов Ю.Н. Труд и свобода. М.: Высшая школа, 1962. 132 с.
9. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения. 2-к изд. Т. 42. М.: Госполитиздат, 1974. С. 41-174.
10. Павлов Т. Теория отражения. Основные вопросы теории познания диалектического материализма. М.: Издательство иностранной литературы, 1949. 521 с.
11. Ленин как философ, М.: Политиздат, 1969. 445 с.
12. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 21. М.: Госполитиздат, 1961. С. 269-317.

О произведениях советской философии в КНР

Чэнь Хао

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, аспирант

jervisvogt@mail.ru

Анализируются переводы произведений советской философии в КНР во второй половине XX в., рассматриваются основные проекты в этой области, показывается важность перевода как проводника влияния советской философии на китайскую интеллигенцию. Наиболее значительным источником в этой сфере была серия «Избранные материалы по советской философии», и именно в составе этих сборников увидел свет частичный перевод произведения, ставшего важной вехой для советской философии – пятитомной «Философской энциклопедии», издававшейся в 1960–70 гг. (под редакцией академика Ф.В. Константинова, издательство «Советская энциклопедия»). Этот фундаментальный труд был призван максимально полно осветить основные вопросы философии, в первую очередь, диалектического и исторического материализма. В судьбе его перевода на китайский язык ярко преломились процессы идеологических трансформаций китайской философии этого периода времени.

Ключевые слова: советская философия, китайская философия, перевод советской философии, философская энциклопедия, философские исследования, идеология.

On the works of Soviet philosophy in China.

Chen Hao

Lomonosov Moscow State University

The author analyzes the translations of works of Soviet philosophy in China in the second half of the XX century, considers the main projects in this area, shows the importance of translation as a conductor of the influence of Soviet philosophy on the Chinese intelligentsia. The most significant source in this area was the series «Selected materials on Soviet philosophy», and it was in these collections that a partial translation of the work that became an important milestone for Soviet philosophy – a five-volume «Philosophical encyclopedia», published in 1960-70 (edited by academician F. V. Konstantinov, publishing house «Soviet encyclopedia»). This fundamental work was intended to cover as fully as possible the main questions of philosophy, first of all, dialectical and historical materialism. In the fate of its translation into Chinese, the processes of ideological transformations of the Chinese philosophy of this period of time were vividly refracted.

Keywords: Soviet philosophy, Chinese philosophy, translation of Soviet philosophy, philosophical encyclopedia, philosophical research, ideology.

После образования Китайской Народной Республики (1949) советская философия оказывала исключительное влияние на философские исследования в Китае, рассматриваясь тогда не в ряду разнообразных философских течений, а воспринимаясь как философия философий, как направляющая идеология всей философии. Поэтому советская философия для граждан социалистического Китая являлась окном и в марксистскую, и в западную философию: «можно не только сказать, что благодаря Советскому Союзу китайцы узнали и усвоили марксизм, но и что всю западную философию в целом они тоже воспринимали и изучали под советским влиянием» [1, с. 68]. Склад ума нескольких поколений китайцев, сама система китайских учебников марксистской философии, включая структуру, порядок и состав истории западной философии были отмечены глубоким влиянием советской философии. Вплоть до 1990-х гг. в издаваемой в КНР исторической литературе о западной или европейской философии обычно непременно упоминалась русская революционно-демократическая философия и ее представитель Н.Г. Чернышевский.

Рассмотрение истории советской философии в Китае позволяет увидеть, что китайские читатели познакомились со многими выдающимися советскими философами и их работами именно благодаря переводам, основные из которых были опубликованы в серии сборников-антологий «苏联哲学资料选辑»

(Избранные материалы по советской философии), издание которой началось в 1963 г.

Составлением этой серии занималась китайская редакция научного издания «哲学研究» (Философские исследования), и в то время этот проект сыграл важную роль в понимании советской философии китайским философским сообществом и в исследовании марксистской философии в Китае. Составители сборников-антологий стремились всесторонне и подробно отразить реальную жизнь современного им советского научного сообщества, показать становление и эволюцию советской философии в развивающемся советском обществе, раскрыть закономерности ее развития и предложить рациональное объяснение ее истории.

Всего с 1963 г. по 1966 г. было опубликовано 26 выпусков «Избранных материалов по советской философии»:

1) 1–4 выпуски являлись антологиями, посвящены основным работам таких советских философов, как П.Н. Федосеев (1-й выпуск), Л.Ф. Ильичев (2-й выпуск), П.Ф. Юдин (2-й выпуск), М.Б. Митин (3-й выпуск), Ф.В. Константинов (3-й выпуск), Ю.П. Францев (4-й выпуск), Г.Е. Глезерман (4-й выпуск);

2) 5–9 выпуски организованы по тематическому принципу, среди их тем – теория философии (5-й и 6-й выпуски), общенародное государство и партия всего народа (7-й выпуск), мирное сосуществование, мирный переход и мирное соревнование (8-й выпуск), противоречия (9-й выпуск);

3) 10–12 выпуски представляют собой справочные издания энциклопедического характера: «Философский словарь» (10-й выпуск), «Философская энциклопедия» (11-й выпуск (год издания: 1963 г.) содержит себе частичный перевод первого тома «Философской энциклопедии» (А – ДИДРО, год издания: 1960 г.), а 12-й выпуск (год издания: 1964 г.) – частичный перевод второго тома (ДИЗЬЮНКЦИЯ – КОМИЧЕСКОЕ, год издания: 1962 г.);

4) о 13-ом выпуске нет сведений;

5) 14–26 выпуски содержат философские труды по отдельным важным проблемам методологии и идеологии, и, в отличие от 1–4 выпусков, здесь в центре не философы, а отдельные темы: «Ленин и диалектика» (М.М. Розенталь), «Ядро диалектики» (В.П. Чертков), «О законах общественного развития» (Г.Е. Глезерман), «О закономерностях возникновения и развития социалистического общества» (под общ. ред. акад. П.Н. Федосеева и др.), «Диалектика перерастания социализма в коммунизм» (Б.С. Украинцев), «Изменение классовой структуры общества в процессе строительства социализма и коммунизма» (ред. коллегия: проф. Г.Е. Глезерман (глав. ред.) и др.), «Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии» (под общ. ред. чл.-корр. АН СССР Ю.П. Францева), «Основы марксистской этики» (А.Ф. Шишкин), «Техника и общественный прогресс» (Г.В. Осипов), «Особенности действия законов диалектики в период перехода к коммунизму» (отв. ред. проф. В.П. Тугаринов), «За чистоту марксизма-ленинизма» (материалы науч. сессии Акад. обществ. наук при ЦК КПСС, Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Высш. парт. школы при ЦК КПСС и гуманитарных ин-тов Акад. наук СССР), «Подъем культурно-технического советского рабочего класса» (под ред. М.Т. Иовчука и др.), «Человек и эпоха» (ред. коллегия: П.Н. Федосеев и др.).

Необходимо отметить, что среди произведений, отобранных для «Избранных материалов по советской философии», была «Философская энциклопедия», которая издавалась в 1960–70 гг. и в которой впервые были опубликованы как статьи по многим проблемам современной западной философии, так и первые серьезные исследования истории русского философского идеализма [2, с. 206].

В переводное издание (11-й и 12-й выпуски) из «Философской энциклопедии» вошли только наиболее важные, по мнению редакции научного издания «哲学研究» (Философские исследования) статьи: все статьи, посвященные китайской философии (например, 王弼 (Ван Би), 道家、道教 (Даосизм)). По идеологическим соображениям включены такие статьи, как 无产阶级领导权 (Гегемония пролетариата), 列宁主义问题 (Вопросы ленинизма), но опущены такие, как «Возможность и действительность», «Академия платоновская». Тем не менее, даже частичный перевод советской «Философской энциклопедии» явился рупором советской философии диалектического и исторического материализма, и несомненно он относится к наиболее важным переводам советской философии в Китае. Это издание не потеряло актуальности как полезный источник по идеологии Китая того времени, а именно, специфической версии марксизма, жестко ориентированной на борьбу классов. Отражая состояние общества и культуры своего времени, оно не могло не быть политизированным и идеологизированным.

После 11-го и 12-го выпусков перевод «Философской энциклопедии» и чуть позже вообще

перевод произведений советской философии в КНР был прекращен на некоторое время. Проект «*苏联哲学资料选辑*» (Избранные материалы по советской философии) был заброшен в связи с культурной революцией в Китае (1966–1976 гг.). В 1980-ые гг. с началом периода реформ и открытости (принятие программы экономических реформ, предпринятых в КНР, нацеленных на создание социализма с китайской спецификой, или социалистической рыночной экономики, и открытость внешнему миру) было решено продолжить издание переводов из советской философии, и в 1984 г. был издан полный перевод первого тома «Философской энциклопедии» под названием «*苏联哲学百科全书*» (Советская философская энциклопедия). Предполагалось, что остальные тома (2–4 тома) также будут переведены и изданы, поскольку теперь составители были открыты всем концепциям, включенным в советское издание. Но данный проект не получил продолжения – фактически был издан только первый том. Скорее всего это произошло в связи с тем, что с 1980-ых гг. за информацией о классической и западной философии стали обращаться к западным источникам.

В 1998 г. издательство «Шаньгу иньшугуань» опубликовало перевод «Истории философии СССР» В.Е. Евграфова (1968 г.) под названием «*苏联哲学史*». По утверждению главного редактора этого издания, китайского философа и историка философии Цзя Цзэлиня, «в течение XX в. среди зарубежных философских течений наиболее сильное и глубокое влияние на Китай оказала советская философия» [3, с. 64]. Этот перевод является последним изданием на китайском языке, посвященным истории советской философии.

Необходимо отметить, что исследования советской философии в Китае в значительной степени зависели от состояния китайско-советских отношений и политического климата, и энтузиазм или равнодушие, проявляемое в КНР по отношению к советской философии, во многом зависел от разнородных идеологических соображений. С 1980-ых гг. Китай в стремлении восполнить информационные пробелы, начинает активно знакомиться с иностранной культурой и наукой уже не только через Советский Союз, но и обращаясь к наиболее известным и хорошо зарекомендовавшим себя западным изданиям. Однако перевод и публикация произведений советских философов в Китае объективно сыграли большую положительную роль в жизни китайского философского сообщества.

Литература

1. Ма Иньмао. Русская философия в Китае // Вопросы философии. 2007. № 5. С. 68–72.
2. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии Российской акад. наук, Национальный общественно-научный фонд; науч.-ред. совет: председатель совета В.С. Степин и др. М.: Мысль, 2010. Т. IV. 736 с.
3. Цзя Цзэлинь. Изучение русской и советской философии в Китае // Вопросы философии. 2007. № 5. С. 64–67.

Когай Евгения Анатольевна

Курский государственный университет, профессор кафедры философии, доктор философских наук

eakogay@mail.ru

Важной темой в творчестве А.А. Зиновьева является проблема будущего. Социальные прогнозы он предлагает выстраивать на основе теоретического вида прогнозирования, учитывающего важный фактор развития – фактор понимания. Идеи А.А. Зиновьева развивает сегодня конструктивная футурология. Ее методологическим основанием выступает постнеклассическая рациональность. Для конструктивизма важны знание потенциала социальной среды, учет влияния образов будущего на настоящее, изменение среды одновременно с изменением самого человека. Автор уточняет принципы конструктивной футурологии. Их практическая реализация происходит в стратегическом планировании. Стратегирование рассматривается как инструмент развития территорий. Он объединяет в себе информацию и аналитику, создает зоны притяжения интеллектуальных и финансовых ресурсов. Учет социокультурных параметров способствует определению возможностей и ограничений развития социальных систем.

Ключевые слова: теоретическое прогнозирование, статус будущего, проектный конструктивизм, конструктивная футурология, управление будущим, стратегическое планирование

Theoretical forecasting and constructive futurology.

Kogay Evgeniya A.

Kursk state University, Professor of the Department of philosophy

An important theme in the work of A. A. Zinoviev is the problem of the future. He suggests building social forecasts based on a theoretical type of forecasting that takes into account an important development factor-the understanding factor. A. A. Zinoviev's ideas are being developed today by constructive futurology. Its methodological basis is post-non-classical rationality. For constructivism, it is important to know the potential of the social environment, take into account the influence of images of the future on the present, and change the environment simultaneously with the change of the person himself. The author clarifies the principles of constructive futurology. Their practical implementation takes place in strategic planning. Strategizing is considered as a tool for the development of territories. It combines information and Analytics and creates zones of attraction for intellectual and financial resources. Taking into account socio-cultural parameters helps to determine the opportunities and limitations of the development of social systems.

Keywords: theoretical forecasting, status of the future, project constructivism, constructive futurology, future management, strategic planning

Одной из тем, в значительной мере захватывающих помыслы А.А. Зиновьева, была тема будущего. Отмечая, что устремленность в будущее предстает относительно молодым и в определенной мере преходящим феноменом, возможно, изобретенным Западом, тем не менее, он указывает на важность проведения научных исследований в области прогнозов, тщательной проработки методологического аппарата прогностики, четкого выделения социального субъекта прогноза, постижения законов эволюции социальных объектов, предопределяющих «судьбу эмбриона будущего».

А.А. Зиновьев выделяет два вида прогнозирования – детерминистическое и теоретическое. Первое, замечает он, проявляет весомые ограничения в области социальных прогнозов. Предпочтение он отдает прогнозированию теоретическому, связанному с анализом настоящего и ориентированному на «изобретение научной теории, построенной по правилам логики для языковых конструкций такого рода и позволяющей делать логические выводы относительно будущего, исходя из некоторых эмпири-

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта 18-011-00739 «Социокультурные основания стратегического планирования развития российского макрорегиона (на примере Центрального Черноземья)».

ческих данных о реальности» [1].

Сама проблема будущего, справедливо отмечает А.А. Зиновьев, это «не просто проблема физического хода времени. Это – проблема социального статуса будущего, отношения к нему людей, их поведения в социальном пространстве». Он также замечает, что будущее не является произвольным, оно «... захвачено, поделено, упорядочено. Оно уже приготовлено для определенного способа использования» [2, с. 211]. При этом весомой опасностью для развития человеческого общества он полагал именно постоянное «делание будущего» без его должного осмысления. В таком случае ускользает важный фактор развития – фактор понимания.

Ряд идей А.А. Зиновьева получает свое претворение в жизнь в современной конструктивной футурологии, которая не только прогнозирует, но и созидает будущее. При этом конструктивный подход представляет собой содержательно структурированную конструктивную сингулярность. Каковы варианты ее реализации? Поразмышляем об этом в нашей работе.

Напомним, что футурология – это одно из направлений наук о будущем (futures studies), появившееся в 60-е годы XX столетия. В ней на протяжении десятилетий сочетались самые разнообразные методы получения информации – формализованные и интуитивные. И сама история футурологии является историей довольно ярких мыслителей – таких, как Р. Арон, Ж. Аттали, Д. Белл, З. Бжезинский, И. Валлерстайн, Дж. Гэлбрейт, А. Кларк, С. Лем, Д. Нейсбитт, О. Тоффлер, Дж. Фридман, Ф. Фукуяма, О. Хаксли, С. Хантингтон, М. Хардт и др. Ключевое внимание футурологи уделяют глобальным последствиям научно-технологического и социально-экономического развития для судьбы всей цивилизации. Именно футурологам принадлежит инициатива организации международного диалога о перспективах и целях развития всего человечества [3, с. 75]. Ключевой категорией футурологии является категория будущего.

Отметим, что будущее может быть осмыслено с позиций разных типов рациональности и соответствующих ей типов науки – классической, неклассической и постнеклассической. Обозначенные типы науки связаны с разными типами рефлексии над деятельностью исследователя. В классическом типе в фокусе внимания находится то, что относится к объекту исследования. Неклассический тип связан с соотношением характеристик объекта с теми или иными средствами и операциями деятельности. В постнеклассической рациональности на первый план выходят ценностно-целевые ориентации субъекта научной деятельности, которые соотносят с ценностями и целями социального характера. В постнеклассике особое внимание отводится феномену неустойчивости, чувствительности системы в точке бифуркации к внешним воздействиям. При этом сам исследователь активно влияет на формирование представлений о будущем.

Именно создание будущего, а не просто его предсказание стоит во главе угла конструктивной футурологии. Соответственно сегодня получают развитие такие сюжеты, как делание будущего (making the future), его дизайнирование (design of the future), партисипативное редизайнирование (participative redesign of the future), а также оформление будущего (shaping the future). Е.Н. Князева отмечает, что ориентация человека на созидание мира и созидание самого себя порождает проблемы множественности реальностей и их соизмеримости, телесных и ситуационных детерминант познания, наконец, обнаружения законов, по которым субъект создает реальность [4, с. 90]. Тем самым возникает вопрос о понимании границ применимости конструктивизма, который не следует отождествлять с волюнтаризмом. Поэтому в конструктивной футурологии весьма значимо знание потенциала социальной среды (ее трендов развития, форм социальной организации и т.п.). Действенной также является работа с учетом ближайшей и отдаленной перспективы, когда образы будущего оказывают влияние на настоящее. Наконец, обустройство, изменение социальной среды происходит в неизменном сопряжении с переобустройством человеком самого себя.

Идеи конструктивной футурологии активно развивает киевский философ С.А. Дацюк, отмечая, что в футурологии тесно взаимосвязаны между собой прогнозный и креационный подходы. Важным является вопрос о том, возможно ли иное будущее, кроме научно-технологического. И данный вопрос, справедливо полагает он, предстает ключевым в конструктивной футурологии [7].

В качестве синергетических оснований конструктивной футурологии обозначим следующие принципы: выход за рамки программно-проектного подхода, ограниченного решением самых насущных вопросов сегодняшнего дня и ближайшей перспективы; осуществление постоянного контррефлексивного (видящего свою и чужую реальность в сопоставлении) преобразования

реальности; обеспечение долгосрочности разрабатываемых стратегических проектов; преодоление аксиологии прошлого века, основанной на системе ценностей Рах Оесопомісана.

В целом конструктивная футурология дает весомые обоснования возможности управления будущим. Практическим преломлением данной установки выступает стратегическое планирование. Стратегирование, реализуемое как на уровне страны в целом, так и на уровне ее отдельных регионов, становится сегодня одним из важнейших инструментов развития территориальных образований, объединяющих в себе информационную и аналитическую составляющие, создающих зоны притяжения интеллектуальных и финансовых ресурсов. Стратегическое планирование социального развития в полной мере должно учитывать социокультурные параметры, отражающие специфику общественного сознания и социального поведения представителей территориальных сообществ, так как эта специфика в значительной мере определяет возможности и ограничения социального развития территориальных образований.

Литература

1. Зиновьев А.А. О предсказании будущего // Зиновьев А.А. Кризис коммунизма. Мюнхен, 1990. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.devec.ru/almanah/futurology/983-aleksandr-zinovev-o-predskazanii-buduschego.html?start=4> (дата обращения: 10.02.2020).
2. Зиновьев А.А. Фактор понимания. М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. 528 с.
3. Боков М.Б. Специфика и процедуры получения прогнозного знания в форсайте // Социологические исследования. 2013. № 3. С. 74–84.
4. Князева Е.Н. Конструирование будущего // Экономические стратегии. 2010. № 4. С. 88–97.
5. Дацюк С.А. Горизонты конструктивизма. Киев, 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://lit.lib.ru/d/dacjuk_s_a/text_0040.shtml (дата обращения: 12.02.2020).

Метод Александра Зиновьева

Владимир Анатольевич Лепехин

Институт ЕАЭС, директор, кандидат философских наук

vlepehin2015@yandex.ru

В статье дается анализ одного из важнейших событий в новейшей мировой и российской истории философии: 100-летию со дня рождения российского мыслителя - логика, методолога, философа, социолога и писателя Александра Александровича Зиновьева. Акцентируется внимание на важнейших аспектах научной деятельности ученого: теории познания, логике, проблемах цивилизационного развития, когнитивистике, современной идеологии и методологии научного прогнозирования будущего.

Ключевые слова: философия, образование, логика, традиции, цивилизация, теория познания, методология науки.

Alexander Zinoviev's Method. Lepekhin Vladimir A.

Director of the EEU Institute

The article analyzes one of the most important events in the modern world and Russian history of philosophy: the 100th anniversary of the birth of the Russian thinker - logician, methodologist, philosopher, sociologist and writer Alexander Zinoviev. Attention is focused on the most important aspects of scientific activity of the scientist: the theory of knowledge, logic, problems of civilizational development, cognitive science, modern ideology and methodology of scientific forecasting of the future.

Keywords: philosophy, education, logic, traditions, civilization, theory of knowledge, methodology of science.

В 2022 году российское и мировое философские сообщества будут отмечать 100-летие со дня рождения российского мыслителя (логика, методолога, философа, социолога и писателя) Александра Александровича Зиновьева. Особенно значима эта дата для тех российских философов и иных ученых-гуманитариев, которые акцентируют свое внимание на исследовании таких аспектов и направлений современной философии, как теория познания, логика, проблемы цивилизационного развития, когнитивистика, современные идеологии и методология научного прогнозирования будущего.

Всеми этими вопросами, в частности, призван заниматься Международный научно-образовательный центр имени Александра Зиновьева при философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, который возглавляет вдова А.А. Зиновьева Ольга Зиновьева, а в Научный совет которого входят известные философы из России, Греции, Германии, Франции, Великобритании, Сербии.

Масштаб яркого и многогранного таланта А.А. Зиновьева и его научные открытия особенно актуальны сегодня в России, вставшей на путь политических реформ и, следовательно, интенсивных мировоззренческих поисков, результат которых самым непосредственным образом зависит от уровня и активностей отечественной философской мысли и, в частности, от освоения российскими исследователями творческого наследия ведущих русских и советских мыслителей последнего времени.

В 1960-е и 1970-е годы Александр Зиновьев был одним из символов возрождения философской мысли в СССР. Но после публикации на Западе книги «Зияющие высоты», принёсшей Зиновьеву мировую известность, он был выслан (в 1978 году) из страны, лишён советского гражданства, научных степеней и даже военных наград. Фронтвик Зиновьев, однако, никогда не считал себя диссидентом, и на Западе продолжил заниматься тем же, чем занимался в СССР, - научными исследованиями и публичным изложением своей научной позиции, а потому, как только представилась возможность (в 1999 году), Зиновьев вернулся в Россию.

Творческое наследие Зиновьева включает более 40 книг, переведенных на более чем 20 языков мира, из них около половины посвящены проблемам логики и методологии.

Россия богата на великие имена. От Аксаковых, Хомякова, Данилевского и Леонтьева до философов нашего времени - Александра Зиновьева, Александра Панарина и других, то есть на протяжении почти двух веков национальная философско-политическая мысль дала нам колоссальное творческое наследие, которое требует не только изучения, сохранения и преумножения, но и нового прочтения: анализа всего российского философского наследия с учетом принципиально новых политических и идеологических обстоятельств нынешнего времени. И творческое наследие Александра Зиновьева в этом ряду обладает особым значением и актуальностью. В частности, оно чрезвычайно операбельно, что является важнейшим подтверждением высокого уровня научности трудов Зиновьева, их объективности и инновационности.

Самое важное в трудах Александра Зиновьева, в его методе познания - это системность видения любой частной проблемы и движение в процессе её научного осмысления от логики (в том числе - логики математической) к социологии и политической философии, а от них - к интеллектологии и методологии идеологических конструкций и принципов практической политики. В этом смысле Александр Зиновьев всю свою творческую жизнь был верен методу движения (восхождения) процесса познания от абстрактного к конкретному - методу, которому была посвящена его кандидатская диссертация.

Докторская диссертация Александра Зиновьева (1960 год) была посвящена теме «Логика высказываний и теория вывода». Тогда же была опубликована его самая значительная работа по логике, ставшая классической, - «Философские проблемы многозначной логики». В 1967 году Зиновьев возглавил кафедру логики МГУ имени М.В. Ломоносова. В 1968 году Зиновьев отказался подписывать письмо с осуждением организаторов протеста (известный пикет диссидентов против вола советских войск в Чехословакию на Красной площади), с связи с чем на его научной карьере был поставлен крест.

Александр Зиновьев стал первым советским философом, который системно применил логические принципы и методы к господствующей в советской общественной науке доктрине «исторического материализма», обнажив множество схоластических построений авторов и приверженцев этой доктрины и противопоставив догматической советской интерпретации истмата «логическую социологию» как подлинно научную дисциплину.

Логическая социология Александра Зиновьева со временем становится все более актуальна. По сути, это и есть новая общесоциологическая теория, являющаяся сегодня, с одной стороны, творческим развитием не догматического (аутентичного) исторического материализма, с другой - позитивной альтернативой уходу в мелкотемье, эмпиризм и подражательство отечественной социологии (прикладной социологии, эмпирическим социологическим исследованиям, компаративистике и проч.) и философии (герменевтика, эпистемология, семиотика и проч.)

Логическая социология Зиновьева стала основой такой новой научной философской дисциплины, как «интеллектология», которая, в свою очередь, стала предвестником формирования (уже в 21 веке) так называемой когнитивистики - комплексного, междисциплинарного направления в современных гуманитарных и естественных науках, которые изучают мозг человека, высшую нервную деятельность, искусственный интеллект, логику, программирование, процесс смыслообразования и всю совокупность иных феноменов, связанных со способностью человека мыслить, а человечества - производить знания и оперировать ими.

В свою очередь, политическая философия Александра Зиновьева стала методологическим основанием для многих современных исследователей в области изучения проблем формирования мировоззренческих систем и идеологий, а также особенностей отношений власти, функционирования социально-политических систем и научного прогнозирования социальных и политических процессов. Методология Зиновьева и его подходы к прогнозированию и проектированию будущего легли в основу специального научно-образовательного курса, подготовленного для студентов и слушателей философского факультета МГУ.

Проведение в рамках Конгресса Российского философского общества Международного симпозиума на тему «Логика, методология и политическая философия Александра Зиновьева», посвященного 100-летию со дня рождения этого российского мыслителя, станет важным интеллектуальным событием мирового значения. Проведение такого симпозиума с участием ведущих российских специалистов по логике и методологии науки, вне всяких сомнений, повысит авторитет Российского философского общества и будет способствовать росту интереса отечественных СМИ и экспертного сообщества РФ к профессиональному философскому знанию.

Современное значение концепции диалектического мышления и диалектического метода Александра Зиновьева

Столяров Владислав Иванович

ФГБОУ ВПО Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма, советник ректора, доктор философских наук, профессор

vstolyarov@mail.ru

В статье охарактеризован один из важнейших элементов теоретического наследия А.А. Зиновьева – научно обоснованная концепция диалектики, диалектического мышления и метода, которая фактически выпала из поля зрения исследователей его наследия. Обосновано важное современное значение этой концепции.

Ключевые слова: диалектика, диалектическое мышление, диалектический метод

Contemporary meaning of the concept of dialectical thinking and the dialectical method of Alexander Zinoviev. Stolyarov Vladislav I.

Russian State University of Physical Education, Sports, Youth and Tourism, Moscow

The article describes one of the most important elements of the theoretical heritage of A. A. Zinoviev – a scientifically based concept of dialectics, dialectical thinking and method, which actually fell out of the field of view of researchers of his heritage. The important modern significance of this concept is proved.

Keywords: dialectics, dialectical thinking, dialectical method

Один из важнейших элементов идейного наследия А.А. Зиновьева – научно обоснованная концепция диалектики, диалектического мышления и метода. В своих работах он оценивает диалектику как «одно из величайших достижений в истории человеческого интеллекта» [1, с. 37]. При этом имеется в виду не примитивные истолкования диалектики, а та инновационная ее концепция, которую он разработал на основе теоретического анализа работ К. Маркса.

Кратко суть этой концепции А.А. Зиновьев сформулировал следующим образом: «Диалектика не сводится к учению о бытии. Она возникла и как совокупность приемов исследования, образующих целостный метод познания реальности» [2, с. 96]. Данная концепция диалектики и система приемов диалектического мышления проанализированы в диссертации А.А. Зиновьева [3] и в его публикациях [1, 2, 4, 5, 6].

Идеи А.А. Зиновьева получили дальнейшее развитие в книге Б.А. Грушина «Очерки логики исторического исследования (процесс развития и проблемы его научного воспроизведения)», в которой дан анализ приемов диалектического мышления в историческом исследовании [7]. В диссертациях и публикациях автора данной статьи дан анализ приемов диалектического мышления при исследовании процессов изменения и развития и разработана общая концепция диалектики как логики и методологии научного познания [например, см. 8-14].

Инновационная концепция диалектики, разработанная А.А. Зиновьевым и его последователями, основана на содержательно-генетическом подходе к анализу познания:

– научные знания рассматриваются не с точки зрения используемого языка, той или иной терминологии для их фиксирования, а в отношении их содержания, т.е. какие свойства (параметры, характеристики) изучаемых объектов в них отображаются; при этом имеются в виду такие свойства, которые фиксируются в категориях и законах диалектики («изменение», «качество», «количество», «случайность», «связь», «причина» и др.);

– познавательные действия рассматриваются не с точки зрения физиологического или психологического механизма их осуществления, не со стороны применяемых знаковых свойств, действий с терминами и высказываниями языка науки и т.д.; они изучаются в соотношении с теми сторонами изучаемых объектов, которые в логически-обобщенном виде отображаются в категориях и

законах диалектики.

На основе такого анализа выделяются:

– различные типы знаний, например, знания о развитии, о качественных и количественных свойствах, о связях, о противоречиях предмета и пр.;

– содержательные познавательные действия (операции, приемы) с изучаемыми объектами, характеризующиеся тем, что эти объекты (какие-то их стороны) определенным образом «вовлекаются» в познавательную деятельность (например, исследователь делает их предметом познания, непосредственно изучает их и т.д.) или, наоборот, «исключаются» из нее (путем создания в эксперименте или мысленного предположения таких условий, при которых объект отсутствует).

Важной задачей содержательно-генетического исследования познания является также анализ тех связей между различными познавательными действиями, которые обусловлены свойствами изучаемых объектов.

Диалектическое мышление понимается как система взаимосвязанных и осуществляемых в определенной последовательности познавательных действий (операций и приемов), позволяющих решить исследовательские задачи, получить научно обоснованные знания о тех сторонах изучаемого объекта, которые в логически-обобщенном виде отображены в категориях диалектики («изменение», «развитие», «структура», «форма», «содержание», «качественные и количественные изменения объекта», «связь качественных и количественных изменений» и т.д.). Логической формой диалектического мышления является метод восхождения от абстрактного знания к конкретному. Важными составляющими этого метода являются системный и комплексный методы, а также логический и исторический методы. Содержание и последовательность диалектических приемов исследования определяется изучаемыми в диалектике связями между познавательными действиями, а также теми методологическими принципами (конкретности, всесторонности, системности, историзма и т.п.), которые формулируются на основе категорий и законов диалектики.

Важнейшее методологическое значение таким образом понимаемого диалектического мышления и метода убедительно показано в работах А.А. Зиновьева, посвященных анализу социальных проблем современного общества, а также в упомянутой книге Б.А. Грушина. Автор данной статьи на протяжении почти 50 лет обосновывает невозможность полноценного и эффективного решения проблем философии, социологии и педагогики в анализе спорта, олимпизма, физкультурно-двигательной активности, телесности человека, не опираясь на принципы и положения диалектического метода.

Иллюстрацией может служить применение автором этого метода для решения такой дискуссионной проблемы, как социальное значение спорта. По этой проблеме ведутся многолетние дискуссии. Чаще всего признается его важное социальное значение для личности социальных отношений. Вместе с тем это его значение оценивается негативно. А некоторые исследователи занимают эклектическую позицию: отмечают как позитивные, так и негативные аспекты значения спорта, не указывая причины этих явлений. Для обоснования той или иной позиции приводятся определенные аргументы, но при этом нередко не уточняют понятие спорта, не различают потенциал спорта и его реализацию, не учитывают противоречивый характер спорта, из всего многообразия фактов, характеризующих его значение, выхватываются только те, которые характеризуют его позитивно или, напротив, негативное и т.д.

Автор для анализа этой проблемы использовал следующий алгоритм познавательных действий, характеризующий диалектическое мышление и диалектический метод.

В соответствии с диалектическими принципами конкретности и всесторонности анализа были предприняты следующие познавательные действия:

- 1) уточнено понятие спорта;
- 2) принято во внимание многообразие спорта: особенности спорта высших достижений и «спорта для всех», других видов, разновидностей, форм, моделей спорта а также особенности современного спорта;
- 3) подвергнуты анализу не отдельные факты и события, касающиеся значения спорта для личности и социальных отношений, а весь комплекс этих фактов и событий.
- 4) Учитывая диалектические категории «возможность» и «действительность», проведено различие между потенциалом спорта (заключенными в спортивной деятельности возможностями влияния на личность и социальные отношения) и его реализацией, т.е. реальной значимостью

спорта.

- 5) В соответствии с положением диалектики о наличии во всех явлениях противоположностей были выявлены как позитивные, так и негативные аспекты потенциала спортивной деятельности, различных его видов, разновидностей, форм, моделей и тем самым обоснован диалектически-противоречивый потенциал спорта.
- 6) Далее было определено, какие заключенные в спортивной деятельности противоречивые возможности реализуются, т.е. реальную значимость спорта и различных его видов, разновидностей, форм, моделей.
- 7) В завершающей стадии анализа проблемы автор проанализировал объективные и субъективные причины диалектической противоречивости спорта, выяснил те факторы, от которых зависит как его позитивное, так и негативное влияние на личность и социальные отношения. Это позволило обосновать пути повышения социокультурного значения современного спорта [10-14].

В связи с изложенным выше трудно объяснить существующий пробел в анализе теоретического наследия А.А. Зиновьева: уникальная концепция диалектики и диалектического метода, которую он разработал и эффективность которой продемонстрировал при анализе самых сложных социальных проблем современного общества, фактически выпала из поля зрения не только исследователей социальных проблем, но и тех, кто занимается разработкой проблем логики, теории познания и методологии науки.

Литература

1. Зиновьев А.А. Логическая социология. М.: Социум, 2002. 260 с.
2. Зиновьев А.А. Фактор понимания. М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. 528 с.
3. Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). М., 2002. 321 с.
4. Зиновьев А.А. K problému abstraktniho a konkrétneho poznatku (K проблеме абстрактного и конкретного знания) // *Filosofický časopis*. 1958. N. 2. s. 202-211.
5. Зиновьев А.А. Методологический очерк // Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. С. 24–103.
6. Зиновьев А.А. Проблема строения науки в логике и диалектике // *Диалектика и логика. Формы мышления*. М., 1962.
7. Грушин Б.А. Очерки логики исторического исследования (процесс развития и проблемы его научного воспроизведения). М.: Высшая школа, 1961. 214 с.
8. Столяров В.И. Диалектика как логика и методология науки. М., Политиздат, 1975. 247 с.
9. Столяров В.И. Процесс изменения и его познание (логико-методологические проблемы). М.: Наука, 1966. 252 с.
10. Столяров В.И. Социальные проблемы современного спорта и олимпийского движения (гуманистический и диалектический анализ): Монография. Бишкек: Изд-во «Максат», 2015. 462 с.
11. Столяров В.И. «Странная» наука, эффективный способ мышления и метод научного исследования (Еще раз о диалектике и диалектическом методе): Монография. М.: РУСАЙНС, 2019. 292 с.
12. Столяров В.И. Теория и практика гуманистического спортивного движения в современном обществе (критический анализ состояния и новые концепции); монография. М.: РУСАЙНС, 2018. Ч. I. 164 с.
13. Столяров В.И. Теория и практика гуманистического спортивного движения в современном обществе (критический анализ состояния и новые концепции); монография. М.: РУСАЙНС, 2019. Ч. II. 274 с.; Ч. III: 266 с.; Ч. IV. 238 с.
14. Столяров В.И. Философия спорта и телесности человека: Монография. В 2-х кн. Кн. 1. М.: Издательство «Университетская книга», 2011. 766 с.

Алексеева И. Ю.

Институт философии Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора философских проблем социальных и гуманитарных наук

ialexeev@inbox.ru

Аннотация: В числе идей и подходов, которые уместно использовать в разработке философии национальной безопасности, находятся и те, что представлены в фундаментальном труде Александра Богданова «Тектология. Всеобщая организационная наука». Тектология является признанной предшественницей кибернетики и теории систем, однако данными направлениями отнюдь не исчерпываются возможности тектологического языка и методологии. Показателен в этом плане сформулированный Богдановым «закон наименьших», утверждающий, что структурная устойчивость целого ограничена его наименее устойчивой частью. Пытаясь применить данный принцип в понимании условий устойчивости государства как геополитической целостности, мы получаем новую картину предмета анализа и проектирования. Ключевое значение приобретают такие понятия как «тектологическая часть», «дезингрессия», «тектологическая враждебность», «ингрессия». В данном контексте особую актуальность приобретает задача создания ингрессионных (объединяющих тектологические части) комплексов и, прежде всего, комплексов интеллектуальных.

Ключевые слова: национальная безопасность, тектология, сложное целое, система, «закон наименьших», устойчивость, тектологическая часть, дезингрессия, тектологическая граница, ингрессия.

“Law of the least” and national security.

Alekseeva I. Yu.

Institute of Philosophy, Russian Academy of Science

Abstract: Ideas and approaches presented in “Tectology. The universal organizational science” by Alexander Bogdanov are appropriate to use in philosophy of national security. Bogdanov’s Tectology was a recognized precursor to Cybernetics and System theory, but these areas do not exhaust the potential of the tectological language and methodology. Bogdanov’s “law of the least” is indicative in this respect. The law states that the structural stability of the whole is limited to its least stable part. Trying to apply this principle in understanding the conditions of stability of the state as a geopolitical integrity, we get a new picture of the subject of analysis and design. Such concepts as “tectological part”, “desingression”, “tectological hostility”, and “ingression” are of key importance. In this context, the task of creating ingression complexes (combining tectological parts) and, above all, intellectual complexes, is particularly relevant.

Key words: national security, Tectology, complex integrity, system, “law of the least”, stability, tectological part, desingression, tectological border, ingression.

«Закон наименьших» - одно из основных положений «Тектологии» - главного труда Александра Богданова (1873-1928). Известно, что представленный в «Тектологии» проект «всеобщей организационной науки» предвосхитил многие идеи кибернетики и теории систем. Интереснейший представитель русского марксизма, А. А. Богданов никогда не ограничивался рамками марксистской «ортодоксии» (приверженцами которой объявили себя руководители большевистского крыла РСДРП), за что подвергался острой критике со стороны В. И. Ленина. Что же касается «Тектологии», то ее содержание не является ни развитием марксистских идей, ни их отрицанием, но представляет самостоятельную ценность. Следует подчеркнуть, что потенциал тектологии отнюдь не был исчерпан кибернетикой и теорией систем. Тектологические идеи и подходы могут напрямую применяться в изучении современных проблем. Сказанное относится и к возможностям использования тектологического

«закона наименьших» в разработке проблематики национальной безопасности.

«Закон наименьших» в формулировке Богданова выглядит так: «Структурная устойчивость целого определяется его наименьшей частичной устойчивостью» [1, с. 216]. Эта формулировка иллюстрируется в «Тектологии» простейшим примером «слабого звена». Если большинство из звеньев цепи способны выдержать вес до тысячи килограммов, но одно звено – только пятьсот килограммов, то и вся цепь сможет выдержать вес лишь в пятьсот килограммов, а при большем весе она разорвется. Это, самое слабое звено, и является в данном случае «тектологически наименьшим». Можно потратить огромные усилия, укрепляя остальные звенья, и даже достичь на этом пути впечатляющих результатов, однако вся цепь по-прежнему не сможет выдержать вес, превышающий возможности ее самого слабого звена. Богданов подчеркивал, что *тектологическое понятие части не совпадает с общепринятым*, но включает себя последнее в качестве особого случая. В общем же случае *под частью тектология понимает не только структурные подразделения целого, но также свойства целого и его составляющих, взаимосвязи составляющих, и даже характеристики разного рода взаимодействий, происходящих в целом*. Это особенно важно иметь в виду, когда речь идет о сложных системах. «Наименьшими», по Богданову, являются те тектологические части сложных систем, где «*дезингрессии*» (т. е. факторы разрушения связей между частями целого) усиливаются настолько, что могут вызвать распад всей системы. Дезингрессиям можно противопоставить создание новых «*ингрессий*», т. е. посредствующих звеньев (которые могут иметь достаточно сложное строение), соединяющих распадающиеся части комплекса или создающих новые комплексы, способствующие обеспечению устойчивости целого в новых условиях. Выявление «наименьших» тектологических частей важно как для субъекта, чьей задачей является обеспечение устойчивости системы, так и для того, кто стремится данную систему разрушить. Именно на таких частях, содержащих дезингрессии, наиболее перспективные с точки зрения субъекта-разрушителя, и потому обладающие наименьшими возможностями сопротивления, может быть сконцентрирована его активность.

Использование языка и идей тектологии открывает новые возможности в осмыслении исторического опыта государств и народов. Исследователь, принимающий положение о том, что устойчивость системы ограничена устойчивостью самых слабых ее частей, в поиске причин разрушения ранее существовавших геополитических целостностей ориентируется скорее на изучение дезингрессионных комплексов, чем на поиск доказательств слабости или «неправильности» любой из тектологических частей системы – включая и части весьма мощные, способные обеспечить успешное развитие всей системы при условии предотвращения полной дезингрессии в частях тектологически слабых. Следует подчеркнуть, что история дает множество примеров, когда тектологически слабыми частями оказывались группы, слои и структуры, обладающие наибольшей политической властью и влиянием.

Слово «*устойчивость*» – один из синонимов слова «*стабильность*» (есть также синонимы «постоянство», «прочность» и другие). Условия и факторы, создающие угрозу политической и социальной стабильности, правомерно рассматриваются как угроза национальной безопасности любой страны. В тексте «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (утвержденной Указом Президента 31 декабря 2015), слова «устойчивый», «стабильный» и производные от них встречаются многократно. Речь идет об устойчивом социально-экономическом развитии страны как необходимой составляющей национальной безопасности, о политической и социальной стабильности, о государственной и территориальной целостности. В пункте 26 Стратегии сказано: «Для предотвращения угроз национальной безопасности Российская Федерация сосредоточивает усилия на укреплении внутреннего единства российского общества, обеспечении социальной стабильности, межнационального согласия и религиозной терпимости, устранении структурных дисбалансов в экономике и ее модернизации, повышении обороноспособности страны» [2, web]. Между тем, и официальная статистика, и результаты исследований, и факты повседневной жизни, и условия профессиональной деятельности дают основания утверждать, что в весьма важных тектологических частях сложного целого, каким является Российская Федерация, развиваются дезингрессионные процессы, способные привести к образованию «тектологических границ», означающих, по выражению Богданова, «распадение комплекса». На этом фоне выглядят вполне правомерными выводы о том, что характер существующего социального расслоения в совокупности с экономическими проблемами делает весьма проблематичным «взаимодействие, сотрудничество и партнерство различных слоев общества во имя могущества России» [3, с. 22]. Соотнося установки Стратегии с реальным положением дел, мы можем отметить общую «тектологическую слабость» системы, связанную с отсутствием продуман-

ных путей и способов реализации упомянутых установок. По-видимому, здесь можно вести речь и об отсутствии адекватной «модели мира» (включающей «модель страны» и «модель среды»), где эти установки должны быть реализованы.

Показывая возможности применения «закона наименьших», А. А. Богданов так характеризовал разрушающие воздействия среды на сложное целое: «В том месте, где собственные активности комплекса вполне нейтрализованы [вследствие дезингрессий – И. А.], исчезает, очевидно, всякое сопротивление активностям внешним. А они всегда имеются. Нет и не может быть комплексов, изолированных в самих себе: каждый окружен средой, иначе организованными комплексами, иными активностями. Они тектологически ему «враждебны», т. е., развертываясь по своим направлениям, они могут нарушать его форму, разрушать его; и этого нет именно постольку, поскольку он представляет сопротивление» [1, с. 164]. Следует подчеркнуть, что «тектологическая враждебность» сама по себе не означает ни враждебности политической, ни, тем более, враждебности человеческой. Соответствующие различия важно учитывать, оценивая возможности взаимодействия системы со средой.

Выявление и анализ дезингрессий, определение наименее устойчивых тектологических частей в контексте проблематики национальной безопасности – необходимый шаг и условие для работы «ингрессионной». Речь идет, прежде всего, о создании интеллектуальных конструкций, предназначенных для соединения распадающихся тектологических частей системы, имеющих решающее значение для ее способности выдерживать современные экономические, политические, идеологические нагрузки.

Литература:

1. Богданов, А. А. Тектология. (Всеобщая организационная наука). В 2 кн. Кн. 1. М.: Экономика, 1989. 304 с.
2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации. <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102385609>
3. Петрий П. В. Формирование духовных ценностей российской молодежи: проблемы и поиск решений // Научная мысль. 2017. № 2 (24). С. 20-25.

Анисин А.Л.

Академия управления МВД России, профессор кафедры теории и методологии государственного управления. Доктор философских наук

anisin@bk.ru

Аннотация. Основой анализа заявленных проблем является понимание духовной жизни человека как его личностной соотнесенности с Абсолютным Духом. Сведение духовной жизни к психофизиологическим и социально-психологическим явлениям подрывает духовные основы общественной жизни. Полицентричность современности имеет амбивалентный смысл. Духовная жизнь всегда направлена на преодоление полицентричности человеческого существа и человеческого существования, понимаемой как частичность и раздробленность. Однако возможен и другой смысл полицентричности, – как постулирования духовной свободы человека, как открытость к мировоззренческому диалогу. Первым направлением обеспечения духовной безопасности человека и общества в эпоху полицентричности должно быть противодействие идеологии материализма, нивелирующей всякую духовность и угрожающей распадом общества и культуры. Второй духовной опасностью после материализма является фундаментализм различного рода, подпитывающий экстремистские идеологии, а потому освоение собственной духовной традиции должно совершаться в духе приоритета любви к человеку над формально понимаемой истинной.

Ключевые слова: духовная безопасность, полицентричность, толерантность, фундаментализм, духовные основы общества, соборность.

The problems of spiritual security in the polycentric world.

Anisin A.L.

Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Department of Theory and Methodology of Government

Abstract: The basis for the analysis of the stated problems is the understanding of a person's spiritual life as their personal relationship with the absolute Spirit. The reduction of spiritual life to psychophysiological and socio-psychological phenomena undermines the spiritual foundations of social life. The modern world's polycentricity has an ambivalent meaning. Spiritual life is always aimed at overcoming the polycentricity of the human being and human existence, which is understood as partial and fragmented. However, another approach to polycentricity is possible - as a postulation of the spiritual freedom of man, as an openness to philosophical dialogue. The primary direction of ensuring the spiritual security of man and society in the era of polycentricism is the development of opposition to the ideology of materialism, which is leveling out all spirituality and threatening the collapse of society and culture. Besides the materialism, another spiritual danger comprises various ideologies related to fundamentalism, which provokes extremist views. Therefore, the development of one's spiritual tradition should be performed with the prioritization of love between human beings over the formally understood truth.

Keywords: spiritual security, polycentricity, tolerance, fundamentalism, spiritual foundations of society, unity.

Тема обеспечения духовной безопасности человека и общества имеет не только очень практический социально-политический смысл, но и затрагивает наиболее глубокую проблематику человеческого бытия вообще.

Онтологическая уникальность человека заключается в тех его способностях, которые традиционно называются «духовными», как то: религиозная способность, нравственная способность, творческая способность. Именно духовные способности человека в их динамическом единстве и взаимосвязанном раскрытии обуславливают собой все базовые онтологические характеристики человеческого бытия-как-присутствия (Dasein): «заброшенность» в Бытие, «понимание в Бытии», «забота», «выдвину-

тость в Ничто» [1, с. 76-81; 2, с. 35-37] и другие.

Духовный уровень человеческой природы обуславливает «вертикальное измерение» человеческого существования в мире: обращенность этого существования к метафизическим (то есть надприродным) и трансцендентным предметам: бессмертная душа, мир в целом, свобода воли, нравственный закон, Бог. Эти «вещи-в-себе», как уточняет И. Кант, даны человеку не теоретическим, а практическим образом [3, с. 289-291; 154-171; 454-479], однако от этого их мировоззренческая значимость не только не умаляется, но, напротив, выходит на первый план. «Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, – вовсе не вопрос теории, а практический вопрос» [4, с. 1], – пишет К. Маркс, и с этим, конечно, стоит согласиться, сделав необходимую поправку на то, что материалистической практикой, которую он имеет в виду, практика человеческая не ограничивается.

Духовные практики никак не могут быть сведены в своём существе ни к психофизиологическим, ни к социально-психологическим явлениям. Такая редукция духовности к материальным процессам равносильна признанию коренной неадекватности человеческого сознания реальному миру. Если те предметы, на которые направлены духовные способности человека, представляют собой только фантомы, то с этих позиций насквозь фантомный характер имеет всё человеческое бытие в самих своих основах.

Человеческая культура, понимаемая в самом широком смысле, имеет духовные основы и духовное происхождение. Тот мир, с которым реально имеет дело человек, – это мир, упорядоченный средствами культуры, воспринятый через призму культуры, и этот мир приобретает духовное измерение даже в тех своих проявлениях, которые сами по себе духовного содержания лишены.

Жизнь человека и жизнь культуры не исчерпывается духовными содержаниями и духовными смыслами, однако именно в этих содержаниях и смыслах укоренено конкретное человеческое бытие. Образы «культурной почвы» и «духовных корней» человека не отменяют, конечно, того факта, что человек, в отличие от дерева, способен к свободе. Укоренённость в культуре для человека представляет собой не только факт, но и акт, – по крайней мере, она может быть актом его свободной духовной активности. Человек вырастает из духовной почвы своей Родины не пассивно-автоматически, – этот процесс с гораздо большим основанием может быть охарактеризован как творческое освоение и усвоение личностью своей Родины в её духовном смысле.

Сущность и смысл духовной жизни человека состоит в его личностной соотнесенности – осознанной или интуитивной – с Богом, как Абсолютным Духом и источником всякой духовности. Этим определяются универсальные и инвариантные характеристики человеческой духовной культуры. Однако универсальный смысл духовной культуры, как и личностной соотнесенности человека с духовным Абсолютом, всегда даны человеку через конкретику содержаний и смыслов, выработанных духовной традицией в рамках конкретных культур, усвоенных человеком в качестве собственного духовного достояния. Единство жизни народа как субъекта культурного и исторического бытия определяется принадлежностью к определённой духовной традиции, а историческая и культурная состоятельность народа зависит от его способности самоорганизоваться на основе собственных духовных традиций, творчески отвечая на вызовы времени.

Именно в связи со всем изложенным должна быть рассмотрена тема духовной безопасности в современном полицентричном мире. Прежде всего, следует отметить, что духовность человека всегда направлена на преодоление частичности и раздробленности: всякая духовная практика в любой духовной традиции есть, так или иначе, **взыскание цельности**. Полицентричность человеческого существа и человеческого существования, понимаемая как раздробленность и разлад, должна быть преодолена. Вместо разногласия противоречивых и бессвязных мыслей, желаний и чувств в человеке должна воцариться ясная цельная собранность. Вместо хаоса противоречивых интересов и настроений различных групп в обществе должна восторжествовать общественная соборность, – свободное единство на основе общих святынь. Можно уточнить, что, как пишет С.Л. Франк, вообще «под всяким механическим внешним отношением между людьми и объединением людей скрывается и через него действует сила соборности, внутреннего человеческого единства» [5, с. 57]. Однако этот «внутренний слой или корень общественности» [5, с. 60] либо имеет силу существенно и содержательно выразиться во внешних формах жизни общества и оживотворить их, либо он заглушается и иссыхает, – и это грозит дезинтеграцией и распадом общества.

Итак, полицентричность, во-первых, может быть понята как болезненное явление в личном и

общественном бытии человека, которое должно быть преодолено средствами духовной жизни. Такой деструктивной полицентричностью современная эпоха, несомненно, отмечена. Однако, во-вторых, возможен и очень важен также и другой смысл понятия полицентричности. Речь может и должна идти о духовной свободе человека. Полицентричность означает в этом смысле диалогическую открытость в отсутствии идеологической предопределённости. Она означает не просто объективную ситуацию сосуществования различных духовных традиций и мировоззренческих концепций, но также, – и прежде всего, – субъективную готовность спокойно отнестись к этому факту мировоззренческих различий.

Мирное сосуществование различных мировоззрений нередко имеет в своей основе слабость и холодность духовной жизни, сведение её на роль малозначительных вкусовых предпочтений, народных обычаев и внешнего ритуала. В современном мире эта тенденция выражается в проповеди «толерантности», а мировоззренческой базой для неё является, – как и во все времена, – практически-жизненный материализм.

Однако основой спокойного принятия факта мировоззренческих различий может быть и высота духовной жизни, открывающая возможность уважения мировоззренческой свободы другого человека как выражения любви к нему и доверия Богу. Верность собственной духовной традиции вполне может сочетаться с признанием онтологического права другого человека идти своим путём в выстраивании собственной духовной жизни. Более того, как уже отмечено, именно в этом случае можно с полным основанием говорить о высоком качестве духовной жизни человека. Рассуждения классиков европейского либерализма о том, что естественным состоянием человека является не просто «состояние полной свободы» [6, с. 263], но и уважение чужой свободы в силу «закона природы», которым это естественное состояние управляется, [6, с. 264-265], представляют собой подмену действительного желаемым. Такое уважение чужой свободы вовсе не выражает естественный закон природы, а является плодом духовных усилий человека.

Полицентричность современного мира по-новому ставит проблемы духовной безопасности человека и общества. Прежде всего, в условиях идеологического плюрализма современного общества новые ресурсы развития обретает старая «игра на понижение»: материалистической практикой фундаментализма толерантность. Декларируя праведную цель обеспечения общественного согласия (и, как следствие, приписывая любым своим критикам разжигание социальной розни), идеология толерантности предлагает в качестве средства достижения этой цели *нивелировку* духовной жизни человека. Позиционируя себя как единственный шанс обеспечить устойчивое существование общества, эта идеология нацелена фактически на разрушение духовных основ общества, на разрушение духовности как таковой.

Таким образом, логически первым направлением обеспечения духовной безопасности человека и общества в современных условиях должно быть противодействие идеологии материализма во всех её проявлениях, – от философского дискурса до обывательской психологии.

Полицентричность современного мира настоятельно требует способности к диалогу. Второй духовной опасностью после материализма является в современном мире фундаментализм, – какую бы окраску он ни имел. Под фундаментализмом в данном контексте понимается духовная гордыня, не признающая за любыми оппонентами никакой вменяемости, – ни интеллектуальной, ни нравственной, ни духовной. Если материалистическая толерантность нивелирует любую духовность, то фундаментализм нивелирует и обесценивает всё, кроме собственных взглядов. Он является проявлением онтологической и экзистенциальной *ксенофобии* в прямом смысле этого слова, – проявлением боязни всего чужого, которая есть следствие духовной слабости и невежества.

Второе направление обеспечения духовной безопасности человека и общества в современных условиях – это духовное просвещение, предполагающее не только освоение человеком содержания и смыслов собственной духовной традиции, но и приоритет любви к человеку над формально понимаемой истиной. Даже действительное обладание полнотой духовной истины (которое для человека невозможно) не могло бы стать основанием для насильственного приведения других людей к этой истине. Стремление к духовной истине, то есть к Богу, должно бы иметь совершенно противоположные последствия. Как это открывается на высотах духовной жизни, «Божественная воля будет всегда покоряться блужданиям, уклонениям, даже бунтам воли человеческой, чтобы привести её к свободному согласию» [7, с. 502].

Любые конкретные меры по обеспечению духовной безопасности в современную эпоху полицен-

тричности должны опираться на раскрытые выше мировоззренческие принципы.

Литература

1. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. 510 с.
2. Хайдеггер М. Что такое метафизика? / пер. с нем. В.В. Бибихина. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2013. 288 с.
3. Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 4. Часть 1. М.: Мысль, 1965. 544 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М.: Политиздат, 1955. 629 с.
5. Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 511 с.
6. Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. 688 с.
7. Лосский В.Н. Боговидение / пер. с фр. В.А. Решиковой. М.: АСТ, 2003. 759 с.

Антюшин С.С.

Российский государственный университет правосудия, профессор, доктор философских наук

Serg.Ant@list.ru

Аннотация. Для современной России военная безопасность социальной системы имеет особое значение по нескольким причинам. Возрастает давление на Россию извне в мире, в котором решение социальных противоречий, по-прежнему, часто решается силовыми методами с масштабным использованием вооружённых сил. Внутренние отношения российского общества, стратегическое планирование, административные решения и их практическая реализация требуют существенного повышения эффективности. Мера военной безопасности российского общества зависит от рациональных решений во всех сферах и на всех уровнях социальной практики. В то же время, поиск методов повышения эффективности системы военной безопасности способствует повышению социальной рациональности и стабильности общественного развития — в целом.

Ключевые слова: военная безопасность, рациональность, социальная система, стратегические цели общества, стабильность общественного развития.

The military security as a cause and the result of social rationality.

Antyushin S.S.

Russian State University of Justice

Annotation. For modern Russia the military security of the social system is of particular importance on several reasons. There is an increasing pressure on Russia from outside in the world where the solution of social contradictions is often resolved by force using large-scale use of the armed forces. The internal relations of Russian society, strategic planning, administrative decisions and their practical implementation require a significant increase of their efficiency. The military security measure of Russian society depends on rational decisions in all areas and at all levels of social practice. At the same time, the search for methods to increase the effectiveness of the military security system helps to increase social rationality and the stability of social development in general.

Key words: the military security, rationality, a social system, strategic goals of society, the stability of social development.

Военная безопасность общества – не цель, а лишь одно из условий социальной стабильности, устойчивого прогрессивного развития социальной системы.

В эпоху постмодерна, по-своему проявившегося во всех сферах общества, в том числе в политике (внутренней и внешней), в свою очередь, создающей питательную среду постмодерна, многие политические проблемы продолжают решаться военным путём. И не только в ходе затяжных и вязких «гибридных войн», число инструментов которых на рубеже тысячелетий возросло благодаря научно-техническому прогрессу. Самые развитые и сильные во всех отношениях государства, имеющие в арсенале множество способов воздействия на политических и экономических оппонентов, нередко прибегают к сравнительно грубой военной силе, не останавливаясь ни перед кровавыми провокациями, ни перед нарушением норм права, ни перед гибелью тысяч мирных жителей.

Россия во втором тысячелетии оказалась вовлечённой не меньше чем в 220 крупных войн и вооружённых конфликтов [1, с. 25]; а в последние два столетия нередко оказывалась жертвой агрессии сразу нескольких государств, в результате которых потеряла десятки миллионов своих граждан. После ухода СССР с мировой арены военно-политическая ситуация на планете не разряжается, а главные противники Советского Союза не спешат разоружаться. Только военные расходы США на 2020 год утверждены в размере \$738 млрд. Это почти на \$20 млрд. больше, чем в предыдущем году, и на \$12 млрд. меньше, чем изначально требовал президент США Д.Трамп [2, с. 66].

С тех пор, как экономическая, геополитическая, идеологическая «база» России (по сравнению с СССР, Варшавским договором, СЭВ) существенно сузилась, проблема военной безопасности для России становится ещё более актуальной. Военную безопасность – один из характеристик общественных отношений, и совокупность инструментов её реализации – система военной безопасности – далеко не единственные и точно не самое главное в жизни общества и отдельного человека, но военная безопасность и система её обеспечения – атрибутивные характеристики и подсистемы социальной системы.

«Военная безопасность – состояние и объективные ... тенденции развития общества, а также совокупность внутренних и международных условий и факторов, которые нейтрализуют или исключают возможность нанесения обществу, государству ущерба военным путём, средствами вооружённого населения» [3, с. 66]. Систему военной безопасности социальной системы образуют общество (субстанциональный уровень) – основа безопасности; органы власти (концептуальный уровень); вооружённые силы (инструментальный уровень) [4, с. 87].

Типология военной безопасности сложна; число её вариантов, в конечном счёте, ограничено суммой различных типов систем военной безопасности – всех государств, социальных образований за всё время их существований в качестве суверенных государств. Однако бесконечный список модусов военной безопасности вполне поддаётся определению её ключевых характеристик и классификации. Так, примером «превентивного» варианта военной безопасности достаточно высокого уровня можно признать США, Северную Корею; минимальным уровнем военной безопасности обладают некоторые небольшие страны НАТО; неадекватным ситуации, недостаточно высоким уровнем военной безопасности обладали Ирак, Ливия, Югославия в момент агрессии против них западных стран.

Сложность определения качества военной безопасности (или близких к ней параметров, например, «оборонеспособность»; и соответствующих подсистем социума – «военная организация», «вооружённые силы»), ещё большая сложность обеспечения при одновременной её важности обусловили чрезвычайное внимание к ней общества, а также множество социальных проекций её восприятия, отражения, оценки. Военная безопасность в разных ситуациях рассматривается в идеологическом, правовом, техническом, экономическом, бюрократическом, психологическом и некоторых других аспектах (измерениях); получает этический, эмоциональный, эстетический, оттенок. Структурные элементы системы военной безопасности и отношения между ними используются в воспитательных, пропагандистских, хозяйственных, карьерных целях.

При этом не всегда (или часто в малой мере) реализуется рациональное измерение. Рациональность (от лат. ratio – разум, разумение, рассудок; англ. rationality; нем. die Rationalität) – категория, обладающая богатым содержанием, отражающая целую совокупность смыслов. Эти смыслы формировались в Античности. Предшествующий латинскому ratio древнегреческий аналог ρητός обозначает «сказанный», «условленный», «не тайный», «то, что можно выговорить», «позволенный», «явный», а также «явно», «ясно» [5, с. 1114]. Сегодня считается, что рациональность «... способность ... мыслить и действовать на основе разумных норм; в широком смысле – соответствие деятельности разумным рассудочным правилам, соблюдение которых – условие достижения цели... Внутренняя противоречивость рациональности состоит в том, что разумная творческая деятельность, осуществляясь на основе определённых норм, вместе с тем преодолевает их рамки» [6, с. 546].

Рациональность – неперемное и одно из основных условий и предпосылок эффективной системы военной безопасности страны. Реализованная военная безопасность оказывается закономерным следствием высокого уровня рациональности в во всех основных сферах общества – от образования до энергетики, от правовой культуры до физической. Так, один из очевидных рациональных выводов заключается в том, что военная безопасность – атрибут, необходимость, ценность всего общества – одинаково важна для всех его слоёв и социальных групп. Следовательно, все они – непосредственно или опосредованно, в большей (органы государственной власти, наука, экономика, право) или меньшей (общее образование, искусство, гражданское население) мере – являются элементами системы военной безопасности.

Рациональность способствует более точному определению сущности военной безопасности, её места и роли в социальном развитии; определяет связь системы военной безопасности с другими составными частями и параметрами общества; обусловила более полное использование и гармонизацию элементов и компонентов системы военной безопасности; даёт возможность более эффективно решать все частные вопросы обеспечения военной безопасности: военного строительства, военно-

технического развития, обороны страны, в том числе, определение структуры военной организации, армии, военно-морского флота, комплектование вооружённых сил и др.

В свою очередь, система военной безопасности, требующая постоянного обновления и совершенствования, эволюционирует в самых различных своих проявлениях на основании и с учётом развития науки и техники, военного искусства, а также изменения характера и масштабов военных угроз. Это требует поиска новых решений, технологий, выработки современных действенных методов достижения всё новых и новых целей, требуется высокий уровень подготовки специалистов практически всех видов, типов и уровней общественной деятельности, что неизбежно способствует «рационализации» функционирования социальной системы, в целом.

Таким образом, военная безопасность – важный инструмент, форма реализации и повышения социальной рациональности (разумеется, лишь один из подобных инструментов и, одновременно, элементов социума, требующих рациональных решений). Современный период развития российского социума нуждается в существенном повышении рациональности в планах, решениях, практической активности во всех сферах общественной жизни.

Рациональность подсказывает: в решении практических задач стратегии общественного развития продуктивнее ориентироваться на стабильность социальной системы, тоже сложном, но в большей, чем её безопасность, мере достижимом, доступном для оценки и сравнения состоянии общества. Оценивая качество международных отношений можно использовать понятие «стратегическая стабильность».

Рациональность предполагает понимание и реализацию на практике принципа: безопасность для обеспечения главного процесса – жизни в широком смысле, осознанного (рационального) социального воспроизводства (атрибутивная часть которого – военная безопасность). Эффективная качественная система военной безопасности общества, как и все другие системы его жизнеобеспечения – государственного управления (вся «вертикаль» и любая другая конструкция власти и администрирования), правовая (включая и правоохранительную), финансовая, здравоохранения и другие – не может и не должна быть целью; она, как и все другие системы – средство.

Цель – жизнь человека и общества, характеризующиеся самыми высокими в данных социально-исторических, эволюционно-культурных условиях параметрами: уровнем жизни конкретных людей, образованием, балансом творческой созидательности и качественного потребления, осознанием своего достоинства, смыслов, ближайших планов и стратегических перспектив собственного и общественного бытия. Вне рациональных решений эти цели недостижимы.

Наконец, рациональность это и понимание долга перед прежними и будущими поколениями людей, перед природой, с которой необходимо добиваться принципиальной гармонии.

Литература:

1. Тюшкевич С.А. Негасимое пламя Великой Победы. М.: Проспект, 2013. 320 с.
2. Коваленко М., Тарасенко П. Военный бюджет США ударил по газу // Коммерсантъ, 21 декабря 2019.
3. Безопасность Евразии-2002. Энциклопедический словарь-ежегодник. М.: Книга и бизнес, 2003. 540 с.
4. Великая Отечественная война 1941-1945 годов. В 12 т. Т. 12. Итоги и уроки войны. М.: Кучково поле, 2015. – 864 с.
5. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь Репринт V-го издания 1899 г. М.: Издательство Греко-латинский кабинет, 1370.
6. Философский энциклопедический словарь. 2 издание. М.: Сов. энциклопедия, 1989. 815 с.

«Потеря истины» как угроза безопасности 21 века

Беркут В.П.

Военная академия Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого, заведующий кафедрой. Доктор философских наук, профессор

v_berkut@mail.ru

Аннотация. В условиях активного использования достижений научно-технического прогресса и благ современной цивилизации происходят изменения в культурно- мировоззренческой сфере общественной жизни и ментальных особенностях человека, нацеленного на получение максимального количества материальных, духовных благ при минимальных затратах и в кратчайшие сроки. Одной из угроз национальной безопасности России становится «потеря истины» у населения сформированного потребительского социума, где материальный и душевный комфорт, сопровождающийся умиротворяющими мнениями и заявлениями авторитетов, становятся более значимым, чем стремление к познанию реальных фактов и причин, их порождающих. На «цифровом» этапе развития общества наблюдается тенденция к стиранию грани между фактом и вымыслом, росту несогласия в отношении реальных фактов и их интерпретаций, вызванная изменениями в направленности и росте возможностей средств массовой информации, способствующих смешению фактов, вымысла и мнений.

Ключевые слова. Истина, потеря истины, информация, безопасность, угроза безопасности, факт, мнение.

“Truth Decay” as a threat to the security of the 21st century.

Berkut V.P.

The military academy of strategic rocket troops after Peter the Great

Annotation. In the conditions of active use of achievements of scientific and technical progress and the benefits of modern civilization, there are changes in the cultural and ideological sphere of social life and mental characteristics of a person aimed at obtaining the maximum amount of material and spiritual benefits at the minimum cost and in the shortest possible time. One of the threats is the «truth decay» among the population of the consumer society, where comfort, accompanied by opinions and statements of authorities, become more significant than the desire to know the real facts and the reasons that generate them. At the “digital” stage of development of society there is a tendency to blurring the line between fact and fiction, the growth of disagreement with respect to real facts and their interpretations, caused by changes in the growth of the media, contributing to the mixing of facts, fiction and opinions.

Keyword. Truth, truth decay, information, security, security threat, fact, opinion.

Одним из приоритетов современных гибридных войн выступает скрытое (опосредованное) воздействие на противника или воздействие на него через «третью» сторону. Известный сценарий гибридного конфликта предполагает [1, с.36] активно- деятельностное участие заинтересованных сторон на всех этапах – подготовительном, протестном, силовом и заключительном [2]. Однако реальная жизнь выдвигает новые угрозы, которые могут «достойно» пополнить имеющийся арсенал сил и средств гибридного противостояния.

Речь идет о культурно-мировоззренческой сфере общественной жизни, о ментальных особенностях современного человека, сформировавшегося в тепличных условиях использования достижений научно-технической революции и соответствующих благ

цивилизации в повседневной жизни и профессиональной деятельности, нацеленного на получение максимального комфорта при минимальных затратах в кратчайшие сроки.

Одним из свидетельств реальности указанной угрозы могут служить материалы доклада [стратегического исследовательского центра](#) по обслуживанию силовых структур Rand Corporations «Социальная война как инструмент подрыва национального суверенитета» по исследованию современных геополитических трендов, посвященного уязвимостям США в ближайшем будущем и опубликованного в октябре 2019 года [3].

Одна из ключевых угроз там сформулирована как «распад истины», реально прогнозируемый к 2025 году. Аргументы приводятся следующие: грань между фактом и вымыслом в американской общественной жизни становится размытой; растет несогласие в отношении реальных фактов и их аналитических интерпретаций, что, во многом, вызвано изменениями в направленности и возможностях СМИ, способствующих смещению фактов, вымысла, мнений и строящих на этом свои бизнес-модели. Примеры приводятся из публицистического контента, где не проводится различия между мнением (свидетеля, наблюдателя, эксперта) и фактом; новостные программы, в которых превалируют комментарии, а не фактические сообщения, и платформы социальных сетей, которые позволяют любому человеку стать источником информации, как соответствующей реальности, так и откровенно ложной.

Суть «распада истины» – в «утилизации» реальности и мысли, которые «напрягают», заставляют думать и, таким образом, отягощают и без того сложную жизнь конкретного индивида.

На современном «цифровом» этапе развития информационного общества данная проблема становится актуальной не только для США, но и для России.

Она имеет корни в истории философской мысли, ибо многое из того, с чем нам приходится сталкиваться, наблюдалось и применялось в социальной практике прошлого, а ныне вышло на новый технологический уровень и в условиях глобализации обрело иные масштабы и «уникальную способность провоцировать лавинообразную хаотизацию обстановки» [1, с.30].

Еще великий Сократ утверждал, что он ест, чтобы жить, а другие люди живут, чтобы есть. Сократ и стал великим, поскольку стремился познать неизведанное и не ограничивался удовлетворением лишь физиологических потребностей.

Чуть позднее древнеримский мыслитель Марк Тулий Цицерон заявлял: «Жить - значит мыслить». Продолжим: не мыслить - значит, вести «растительное» существование.

В начале нашей эры римский император Марк Аврелий указывал: «Все, что мы слышим это мнение, а не факт. Все, что мы видим – это точка зрения, а не истина» [4, с.130]. То есть для познания истины и фактов нужны, как минимум, воля, силы и средства. У кого их нет – будут довольствоваться мнениями других, способных или специально подготовленных.

Удивительные взгляды по этому поводу высказал Ф.Ницше: «Люди не так избегают обмана, как вреда, приносимого им; и на этой ступени они ненавидят не обман, а дурные, вредные последствия известных родов обмана. В подобном же ограниченном смысле человек хочет и истины: он хочет ее приятных последствий; к чистому познанию, не имеющему последствий, он относится равнодушно, к некоторым же истинам, которые ему кажутся неприятными и разрушительными, - даже враждебно» [5]. Немецкий мыслитель отметил утилитарный характер истины, потребный простому человеку, для которого более значимыми выступают приятные последствия применения знаний, чем собственно истина.

По мере эволюции социума, роста достижений науки и техники, многократного увеличения объема знаний и появления новых информационно-психологических технологий обостряется борьба за «место под солнцем» во всех сферах, в том числе когнитивной. Здесь явно прослеживается тенденция не только к снижению интереса к научным знаниям, но даже отсутствию стремления к познанию истины. Это - своеобразный результат развития потребительского общества, соответствующей культуры и образования, когда только

меньшая часть людей стремится «быть в курсе» происходящих процессов, явлений научной и общественно-политической жизни. При этом ещё меньшая часть оказывается способной к анализу, а лишь незначительная часть из них в состоянии выявить причинно-следственные связи. Это происходит как по причине недостаточного образования, так и нежелания (или неумения) прилагать усилия, напрягать силы для мыслительной деятельности. В условиях развернувшейся информационно-психологической войны, увеличения объема дезинформации, интернет-троллинга у подвергающихся её воздействию людей возрастает психологическое напряжение и стрессы, что способствует повышению вероятности ошибки и снижению самооценки. Значительная часть населения при этом предпочитает позицию «страуса» и сознательно ограничивает круг своего общения теми, кто придерживается аналогичных взглядов на жизнь, не причиняет интеллектуальных угрызений и поддерживает душевный комфорт. При этом сознание собственной интеллектуальной деградации их не смущает.

На мой взгляд, здесь «срабатывает» психология потребительского общества, когда человек стремится приобрести как можно больше благ цивилизации при минимальных затратах собственных сил. При этом он довольствуется имеющимся уровнем благосостояния и, безусловно, хотел бы его изменить в сторону увеличения, но за счет государства и общества. Поэтому он оказывается падким на популистские лозунги, обещания политических или духовных лидеров о возможности быстрого изменения существующего положения вещей. Именно поэтому он готов отдать свой голос в их поддержку, чтобы самому не принимать рискованных решений, а ждать обещанных материальных и социальных благ, принимая мнения и трактовку событий избранных им деятелей за истину.

Исключение составляет образованная (студенческая) молодежь, нацеленная на достижение высоких целей, реализацию существующих возможностей, повышение социального статуса. Молодые люди составляют большинство электората, протестующего против действующей власти именно по этой причине. Как правило, после первых неудач на политическом поприще, завершения обучения, трудоустройства, обзаведения семьями активно-деятельностный потенциал большинства молодых людей снижается, они переходят в категорию потребителей, обывателей и довольствуются достигнутым.

К сожалению, опасность реформирования сознания россиян имеется по ряду причин:

- Успешная реализация политики последних лет в области образования, направленной на разбазаривание потенциала отечественной системы образования, навязывание условий и положений Болонского процесса, снижение престижа и реального уровня высшего образования, из самого названия которого даже убран термин «профессиональное»,
- Снижение статуса российской науки – посредством проводимой с 2013 года реформы РАН под надуманными предлогами, активизации либералов от науки (под видом общественных организаций типа «Вольное сетевое сообщество «Диссернет»), дискредитацией выборов в РАН осенью 2019 года, спровоцированной последним, назначение на ведущие должности в Министерстве науки и высшего образования людей, не имеющих ученой степени и др.
- Снижение потребности в самообразовании за счет переориентации внимания молодых исследователей с необходимости решения серьезных, фундаментальных проблем бытия на прикладные, часто сиюминутные, вопросы и скандальные информационные фейки.
- Расширение сфер влияния потребительского общества, растление ментальной сферы молодежи за счет навязывания соответствующих ценностей, убежденности в возможности их достижения без каких-либо усилий со стороны самого человека, отсутствия (разрушения) собственного деятельностного стремления добиваться высоких целей.
- Падение престижа гуманитарного образования после дикого всплеска количества вузов, появления большого количества дипломированных юристов и экономистов, имеющих слабую профессиональную подготовку и работающих, как правило, не по специальности привело к неумению подавляющего большинства граждан, особенно молодежи, отделить зерна от плевел, реальные события от фейковых новостей и поэтому не интересующихся событиями общественно-политической жизни или всецело доверяющих мнению признанных ими авторитетов.

Таким образом, необходима мобилизация интеллектуальных ресурсов нации для креативного и деятельностного противодействия надвигающейся угрозе.

Список литературы

1. Бартош А. Гибридная война – новый вызов национальной безопасности России // Национальная оборона. 2017. № 10(139). С.28-37.
2. Леонков А. «Холодная война 2.0» - теперь в поисках гибридной стратегии / Электронный ресурс. <https://zvezdaweekly.ru/news/t/20197301038-9jDnT.html> (Дата обращения 21.12.2019).
3. Ильницкий А.М. Сильное государство – наша традиция // <https://radiovesti.ru/person/249096/> 16 декабря 2019.
4. Золотая энциклопедия мудрости / Андриевская К., Грабовская В., Агеев М. и др. М.:РООССА, 2007. 608с.
5. Ницше Ф. Об истине и лжи во вненравственном смысле // Электронный ресурс. <http://www.nietzsche.ru/works/other/about-istina/> (дата обращения 23.12.2019)

Историческая память как ресурс социального развития и культурной безопасности

Воденко К.В.

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, профессор. Доктор философских наук

vodenkok@mail.ru

Аннотация: Анализируется историческая память как ресурс социального развития и культурной безопасности. Установлено, что историческая память является одним из факторов, способных обеспечить культурную безопасность общества в условиях угроз, связанных с процессами культурной интервенции, современного геополитического противоборства, в ходе которых активно используются информационно-психологические способы деструктивного воздействия на культурную идентичность народов. Делается вывод о том, что одним из ресурсов, способным сохранить культурную идентичность России от внешних и внутренних угроз, преодолеть социокультурный раскол в обществе, восстановить преемственность межпоколенных отношений, является историческая память, которая обеспечивает осознание людьми своего единства в потоке истории страны. Для сохранения и трансляции исторической памяти необходимо задействовать все структуры, отвечающие за процесс социализации личности: семью, систему образования, средства массовой информации, учреждения культуры и индустрию досуга.

Ключевые слова: общество, культура, историческая память, культурная безопасность, культурная идентичность, культурная политика.

Historical memory as a resource for social development and cultural security. Vodenko K. V.

Platov South Russian state Polytechnic University (NPI)

Abstract: Historical memory is analyzed as a resource for social development and cultural security. It is established that historical memory is one of the factors that can ensure the cultural security of society in the conditions of threats associated with the processes of cultural intervention, modern geopolitical confrontation, during which information and psychological methods of destructive influence on the cultural identity of peoples are actively used. It is concluded that one of the resources that can preserve Russia's cultural identity from external and internal threats, overcome the socio-cultural split in society, and restore the continuity of inter-generational relations is historical memory, which ensures that people are aware of their unity in the flow of the country's history. To preserve and broadcast historical memory, it is necessary to involve all the structures responsible for the process of socialization of the individual: the family, the education system, the media, cultural institutions and the leisure industry.

Keywords: society, culture, historical memory, cultural security, cultural identity, cultural policy.

Историческая память как совокупность представлений о прошлом, выступающая основой коллективной идентичности, обладает мощным консолидирующим ресурсом культурного, социального и экономического развития общества. В условиях современных глобализационных тенденций актуализируется проблема совместимости унифицированных глобальных моделей общественного развития и национальных особенностей социумов, определяющая процессы переосмысления прошлого и моделирование будущего. Понимание этого требует глубокого анализа возможностей исторической памяти в конструировании новой модели российского общества на основе синтеза исторических традиций и модернизированных институциональных структур для дальнейшего успешного развития страны.

Историческая память является одним из факторов, способных обеспечить культурную безопасность общества в условиях угроз, связанных с процессами культурной интервенции,

современного геополитического противоборства, в ходе которых активно используются информационно-психологические способы деструктивного воздействия на культурную идентичность народов. Поэтому в системе управления культурной безопасностью общества необходимо задействовать ресурс исторической памяти, направленный на сохранение культурной идентичности народа и ее трансляцию будущим поколениям.

В социально-философском и социологическом пространстве сформировались научно-исследовательские дискурсы, посвященные проблеме исторической памяти, ее возможностям в формировании преемственности поколений на основе общего представления о судьбе страны, основных событиях ее исторического пути. В то же время в научном дискурсе слабо представлена тематика влияния исторической памяти на институциональную специфику общества. Это влечет необходимость разработки новых концептуальных подходов и поиска методологических оснований для анализа исторической памяти как ресурса развития культурных, политических и экономических институтов российского общества, как на уровне страны в целом, так и на уровне ее регионов.

Современное состояние исследований по данной проблеме характеризуется обращением к исторической памяти как «в архивном» смысле, то есть как процесса познания прошлого, включающего отбор и сохранение информации, а также как определения исторической памяти как способа воспроизводства социокультурного пространства, связанного с сочетанием традиций и инноваций в развитии различных сфер общественной жизни. В пространстве исследовательского дискурса историческая память рассматривается в различных областях знания: в социальной психологии историческая память определяется как коллективное представление общества о событиях прошлого; в социологии историческая память интерпретируется как социальный институт, определяющий межпоколенные связи в обществе, а также рассматривается в качестве символического капитала, способного трансформироваться в социальный и экономический капитал.

Следует отметить, что концептуальные основы изучения исторической памяти заложены в трудах таких ученых, как К. Jung [1], Е. Durkheim [2], М. Halbwachs [3], J. Assmann и J. Czaplicka [4; 5], В.Э. Бойков [6], А.С. Сеньявский и Е.С. Сеньявская [7], К.С. Романова [8] (2016), Ж.Т. Тощенко [9] и др.

Итак, мы отмечаем, что ресурс исторической памяти играет ключевую роль в управлении культурной безопасностью общества. Система культурной безопасности, охватывающая такие сферы, как образование, науку, СМИ, религию, межэтнические отношения и пр., направлена на создание такого социокультурного климата в стране, который исключал бы в их развитии деструктивных тенденций. Создание благоприятно социокультурного климата в стране возможно только в условиях консолидации общества на основе общих гражданских ценностей, способных интегрировать полиэтническое и поликонфессиональное российское общество.

В этой связи актуализируется проблема управления культурной безопасностью, которая предполагает выработку соответствующего комплекса мер и государственной политики по минимизации рисков и угроз в сфере культуры. Одним из направлений в решении этой задачи является формирование общероссийской идентичности, которая бы задавала определенные культурные ориентиры, способные улучшить духовно-нравственный климат в стране и нормализовать межконфессиональные и межэтнические отношения в поликультурных регионах [10].

Для консолидации общества необходимо задействовать потенциал исторической памяти, в которой сохраняются культурные традиции народа, и транслируется преемственность исторического опыта поколений. Аккумулируя в себе знания, идеи, верования, историческая память формирует культурные архетипы народа, которые определяют специфику его мировоззрения и ментальности. В этом плане «историческая память образует ядро этнической, культурной и гражданской самоидентификации людей, оказывающей существенное влияние на регуляцию индивидуального и массового поведения» [6, с. 47].

К сожалению, в последние десятилетия идет активный процесс переосмысления и фальсификации многих значимых для российского общества исторических событий. Так, серьезной корректировке подвергаются оценки Второй Мировой войны, память о которой, как подчеркивают ученые, «весь послевоенный период являлась областью идеологических столкновений и попыток переписать историю в угоду геополитическим и иным интересам стран Запада...» [7, с. 303]. Попытки переписывания истории являются одним из способов реформирования памяти народа, которая выступает ядром его культурной идентичности. Таким образом, деформация исторической памяти влечет серьезные

последствия для общества, в частности, потерю нравственных ориентиров, равнодушие к судьбе страны, социокультурный раскол.

Поэтому необходима выработка такой модели государственного управления культурной безопасностью общества, которая бы включала ресурс исторической памяти в процесс духовно-нравственного воспроизводства социума, восстановления культурной преемственности поколений и формирования общероссийской идентичности.

Наращение геополитического противоборства в мире и кризисное состояние духовной сферы российского общества обостряет вопрос об ответственности государства в сфере культуры, о необходимости реализации в стране эффективной культурной политики. Только при опоре на культурный фактор можно преодолеть кризисные явления и достичь социальной стабильности и гражданской консолидации общества.

По мнению специалистов, значение «культурной политики в устойчивом развитии российского общества заключается в следующем: а) в формировании общероссийской идентичности, способной сплотить поликультурное общество; б) в поддержании культурно-интеллектуального воспроизводства нации; в) выработке ценностных оснований межэтнического и межконфессионального взаимодействия; г) выработке социокультурных перспектив общественного развития, содержательного видения будущего; д) включение стратегий культуры в решение актуальных проблем российского общества, программу модернизации, повышение качества жизни» [12, с. 26].

Для эффективной реализации этих направлений культурной политики российского государства необходимо включить ресурс исторической памяти, который способствует консолидации общества на основе осознания единства и взаимозависимости прошлого, настоящего и будущего страны.ⁱ

Литература

1. Jung K. The archetypes and The Collective Unconscious. Princeton: Bolling, 2012. 344 p.
2. Durkheim E. The Elementary Forms of the Religious Life. London: George Alien & Unwin Ltd, 1976. 147 p.
3. Halbwachs M. The Collective Memory. New York: Harper and Row, 1950. 235 p.
4. Assmann J., Czaplicka J. Collective Memory and Cultural Identity // Cultural History. 1995. No. 65. P. 125–133.
5. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
6. Бойков В.Э. Историческая память в современном российском обществе: состояние и проблемы формирования // Социология власти. 2011. № 5. С. 44-52.
7. Сеньявский А. С., Сеньявская Е. С. Вторая Мировая война и историческая память: образ прошлого в контексте современной геополитики // Вестник МГИМО. 2009. № 4. С. 299-310.
8. Романова К.С. Дискурсы исторической памяти // ДИСКУРС-ПИ. 2016. № 3-4. С. 31-36.
9. Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 3-14.
10. Щукина Е.Л. Культурная безопасность современной России как элемент национальной безопасности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 3. С. 346–350.
11. Николаев П.А. Культура как фактор национальной безопасности. М.: Русский импульс? 217. 320 с.
12. Богатырева Т. Глобализация и императивы культурной политики современной России // Государственная служба. 2002. № 5 (19). С. 25-34.

ⁱ Благодарности: Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – докторов наук (МД-1493.2020.6) на тему «Ресурс исторической памяти в системе институциональных параметров социально-инвестиционного развития и обеспечения культурной безопасности региона».

Историко-философский экскурс к понятию «национальная безопасность»

Волкова Н.П.

Московский авиационный институт, Доцент кафедры философии МАИ. Кандидат философских наук

petrovnavolkova@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены различные аспекты понятия «безопасность» как сложного социального явления. Отмечается, что истолкование смысла понятия эволюционировало от слабо осознаваемых представлений о безопасности в сторону всё большей его рационализации и философской осмысленности. Обосновывается универсальная значимость безопасности как базисной составляющей человеческого бытия, общества и государства. Проблема безопасности анализируется во взаимосвязи с социально-политическими, экономическими и нравственными отношениями. Выявляются особенности понимания и своеобразия подходов к трактовке понятия «безопасность» в культурах Востока, философских традициях Европы и России. Дается трактовка понимания безопасности исходя из становления понятия «национального государства». Приводятся размышления об условиях осуществления национальной безопасности выдающимися мыслителями России конца XIX–XX вв. Предпринимается попытка проследить исторический путь трансформации понятия безопасности в понятие «национальная безопасность».

Ключевые слова: безопасность, национальная безопасность, национальное государство, безопасность личности, общества, государства.

Historical and philosophical comprehension to the concept of «national security». *Volkova N.P.*

Moscow aviation institute

Resume: The article considers various aspects of the concept of «security» as a complex social phenomenon. It is noted that the interpretation of the meaning of the concept evolved from incomplete views about safety towards its more rationalization and philosophical meaningfulness. The author substantiated the universal significance of security as a basic component of human life, society and the state. The security problem is analyzed in conjunction with socio-political, economic and moral relations. The features of understanding and the originality of approaches to the interpretation of the concept of «security» in the cultures of the East, the philosophical traditions of Europe and Russia are revealed. The interpretation of security is built on the basis of the formation of the concept of «national state». There are reflections about conditions of implementation of national security by prominent Russian thinkers of the late 19th – 20th in the article. The author tries to trace the historical path of transforming the concept of security into the concept of «national security».

Keywords: security, national security, national state, safety of an individual, society, state.

Начало двадцать первого столетия характеризуется повышенным интересом к проблемам безопасного существования в обществе, обеспечения как личной, так и национальной безопасности. Уровень обеспечения безопасности определяется степенью развития общества и свидетельствует о доминирующих в нём ценностных ориентациях. Безопасность во всех своих проявлениях – информационная, экономическая, экологическая и национальная и т.д. – выступает залогом и жизненно важным элементом человеческого существования. Не зря ведь в пирамиде потребностей известного американского психолога А. Маслоу (1908-1970) потребность безопасности и защиты относится к базовым составляющим человека и занимает вторую ступень. За прошедшие века смысловое понимание безопасности неоднократно менялось. Оно эволюционировало от слабо осознаваемых представлений о безопасности в направлении его большей рационализации и специализации.

Осмыслением проблемы безопасности занимались ещё философы и мыслители Древнего Востока и Древней Греции. Они заложили основы философии безопасности государства, общества и личности.

Так, в Древнем Китае при обеспечении и сохранении безопасности акцент делался на морально-нравственное совершенствование личности. Гуманность, справедливость, любовь к людям считались теми качествами, которые и обеспечивают жизненную безопасность человека во взаимодействии с другими членами общества. В Индийской культуре избавление от страданий, невзгод и опасностей видят в самосовершенствовании, самопознании, т.е. в постижении смысла и безопасности жизни в целом.

Античными философами были заложены теоретические и методологические основы теории и философии безопасности личности как необходимого условия безопасного существования человека в обществе. Безопасность личности трактовалась как сущностная, базовая потребность человека и в тоже время рассматривалась во взаимосвязи с государственным устройством, выражая гармонию отношений личности и общества. В государстве Платона роль блюстителей возлагалась на сословие воинов, которые должны были следить как за внутренней, так и внешней безопасностью [1]. С другой стороны, для обеспечения безопасности, с его точки зрения, необходимо создание социальных институтов, воспитание граждан и формирование их морали.

Аристотель связывает безопасность с проблемой происхождения государства в целом. По его мнению, государство возникает из необходимости служить «общему благу между отдельными семьями и родами» и ради обеспечения их безопасности и благополучия. В римской философской традиции проблему безопасности рассматривали представители школ эпикурейцев, стоиков и киников. Например, Эпикур понимает безопасность как высшую ценность, отмечая при этом, что для её достижения «любые средства представляют собой естественные блага» [2, с.438]. С другой стороны, безопасность рассматривается Эпикуром как критерий достижения наибольшего удовольствия и счастья, и обеспечивается безмятежностью души, т.е. атараксией. У киников понимание безопасности сводится к разумной самодостаточности и самоограничению, т.е. отказу от чужого и заботе о «своём» благе.

В Средние века античный принцип самосохранения и выживания личности и государства превратился в принцип спасения и сохранения души, теряя свою социальную направленность. Безопасность приобрела черты божьего провидения в контексте философско-теологического мировоззрения.

В период Нового времени безопасность осмысливалась в русле концепций «естественного права» и «общественного договора». Так, по мнению Т. Гоббса (1588-1679), люди, заключая общественный договор, отдают большую часть своих прав государству. Во главе государства стоит суверен, имеющий «право предпринять всё, что он считает необходимым в целях сохранения мира и безопасности путём предупреждения раздоров внутри и нападения извне, а когда мир и безопасность уже утрачены, предпринять всё необходимое для их восстановления» [3, с.138]. Дж. Локк (1632-1704) в сочинении «Два трактата о правлении» основы всеобщей безопасности связывал с необходимостью ограждения людей от посягательства на права других и не нанесения ими ущерба друг другу во имя сохранения мира и всего человечества [4].

Французский мыслитель Ж-Ж. Руссо (1712-1778) так же считает, что вопросы безопасности личности, общества и государства в целом должны обеспечиваться не отдельным человеком в «войне всех против всех», а цивилизованно, опираясь на права и законы. В «Рассуждениях о происхождении и основаниях неравенства между людьми» он отмечает, что нет ни одного человека столь мало просвещенного, чтобы не знать, что «там, где прекращается власть законов и сила защитников их, там не может быть ни для кого, ни безопасности, ни свободы» [5, с.41].

В конце XVI века идея причастности человека к определенной территориально административной единице (городу-государству, феодальному сюзерену, племени или клану) трансформировалась в идею национального государства, создав условия для осуществления своей национальной безопасности и формирования понятия «национальная безопасность». Безопасное существование личности внутри общества и государства было положено в основу закона и правосудия.

Основы становления концепции национальной безопасности можно увидеть в трудах Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Б. Спинозы, И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля и др., которые с научно-философских

позиций пытались объяснить сущность и причины возникновения угроз безопасности.

Так, И. Кант (1724-1804) в своих работах формулирует право народов на национальное самоопределение и выводит взаимозависимость национальной безопасности отдельного государства с безопасностью международного сообщества, призывая к необходимости установления всеобщего мира и обеспечения «глобальной безопасности».

Немецкий философ Г. В. Ф. Гегель (1770-1831) именно государству отводил важнейшую функцию обеспечения безопасности индивида, отмечая, что благодаря государству у человека «привычка к безопасности стала его второй натурой».

В России проблема национальной безопасности изначально была тесно связана с национальной политикой. Но под безопасностью долгое время понималась «осторожность», «временная опасность», защита от вторжения чужих враждебных сил. Формирование самого термина «национальная безопасность» завершилось лишь к середине XIX века. В этот период оно отражало уже состояние защищенности интересов государства и самого народа в различных сферах жизнедеятельности, таких как внешняя безопасность, имущественная безопасность, транспортная безопасность, общественная безопасность, экономическая безопасность и т.д., которые и являлись основными составляющими национальной безопасности. Разработка самого понятия «безопасность» наиболее ярко проявилось в русской философской традиции XIX–XX вв. Так, П.Я. Чаадаев, как религиозный философ, видел устранение угроз для человека в духовном саморазвитии, в приобщении к высшему, Божественному и достижению царства Божьего на земле. В Социально-философских концепциях В.И. Вернадского, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, С.Л. Франка также можно найти размышления об условиях осуществления национальной безопасности как необходимых условий безопасности личности. Каждый мыслитель отдаёт предпочтение каким-то отдельным моментам, но все они призывают к защите Родины, отечества, придавая особое значение морально-нравственному аспекту развития личности.

В. И. Вернадский (1863-1945) обеспечение безопасности личности и общества выводил из природных составляющих. В. С. Соловьев (1853-1900) основу безопасности видит в создании нового типа человека, воспитанного на православных традициях любви к ближнему и общечеловеческих, моральных ценностях. Воспитанный таким образом человек, будет безопасен для окружающих, научится преодолевать опасности, бороться со злом и усовершенствует мир, начиная с себя.

Н. А. Бердяев (1874-1948) в своих трудах ставит вопрос о судьбе всей цивилизации, угрозах и опасностях, грозящих ей. Будущее безопасное существование человечества, по мнению философа, будет зависеть от самого человека, который своей деятельностью или бездействием может влиять на ход истории. При этом безопасность личности ценится выше, чем безопасность государства, ведь граждане - фундамент государства. Поэтому человек обязан защищать свои личностные права и духовную свободу, достигая безопасности, необходимой для мирной жизни.

С точки зрения С.Л. Франка (1884-1966), внутри самого человека коренится источник опасности. Самолюбие, гордыня, самоутверждение за счёт других порождают зависть, злобу, алчность, которая вырождается в борьбу всех против всех. Учащающиеся убийства и грабежи приводят к упадку государственности и её нравственной составляющей.

Исторический экскурс размышлений о безопасности показал, что представители различных философских течений видели в безопасности фундаментальную составляющую бытия, основу существования и функционирования не только человека, но и всей цивилизации в целом. Философские системы Востока, Западной Европы и России имеют много общего, не смотря на свою индивидуальность в понимании смысла понятия безопасности. Безопасность обосновывается гуманистическими, нравственными качествами личности и деятельностью государства; отождествляется с благополучием, добродетелью, справедливостью.

Таким образом, «безопасность» выступает многогранным понятием, охватывающим самые разные сферы, включая как узколичную, так и широкую общественную области. Пройдя долгий путь своей эволюции, безопасность стала необходимой составляющей жизни человека, общества и государства. Безопасность как понятие со временем претерпело ряд изменений и конкретизировалось понятиями национальной, информационной, экономической и т.п. безопасностью.

2. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. 629 с.
3. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского: Соч. в 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. 731 с.
4. Локк Дж. Два трактата о правлении// Локк Дж. Соч. в 3-х томах. М.: Мысль, 1988. Т.3. 668 с.
5. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. 704 с.
6. Кант И. К вечному миру. М.: Московский рабочий, 1989. 80 с.
7. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Мысль, 1990. 206 с.
8. Волкова Н.П. Понятие безопасности в истории философии. // Философское образование/ Под ред. Л. Е. Моториной. М.: Изд-во МАИ, 2017. №1(35). С. 98-103.
9. Моздаков А.Ю. Понятие безопасности в классической и современной философии //Вопросы философии/ М.: Изд-во РАН, 2008. №4. С. 18-25.

Список литературы

1. Платон. Государство// Собр. соч. :В 4-х т. - М.: Мысль, 1994. Т.3. 654 с.

Технологическая природа и национальная безопасность государства в условиях региональной интеграции: философско-методологическое измерение

Гурьянов Александр Александрович

Международный юридический институт, доцент кафедры теории и истории государства и права, кандидат юридических наук, доцент

Avgustin354@mail.ru

Аннотация: в статье в соответствии с философским принципом детерминизма анализируются такие общепризнанные категории как «государство» и «национальная безопасность». На примерах интегрированных образований Европейского союза и Евразийского союза раскрывается развитие социальной динамики государственной формы организации общества в XX и XXI вв. как в политическом, интеграционном, так и в целом философском отношении. Эволюция государства структурируется как в вертикальной динамике – в виде формационных стадий, так и в виде горизонтального, цивилизационного распространения. Обособливается новая интегральная стадия развития общества. Раскрывается терминологический аппарат социального управления с выделением категорий «технологическая природа государства», «социальное изобретение», «социальная задача». Квалифицируются виды перемещения технологической природы государства в условиях региональной интеграции.

Ключевые слова: интеграция, национальная безопасность, технологическая природа государства, динамическое движение социума.

Technological nature and national security of the state in the context of regional integration: philosophical and methodological dimension. *Guryanov Alexander A.*

International law institute (Moscow, Russia) - department of theory and history of state and law

Abstract: the article analyzes such generally recognized categories as «state» and «national security» in accordance with the philosophical principle of determinism. Evidence from the formation of the European Union and the Eurasian Union the author shows social dynamics development of state social organization in XX and XXI centuries both in political, integrative and philosophical sense. The evolution of state is set both in vertical dynamics in the form of formation stages and in horizontal dynamics in the form of civilization expansion. The article reveals the terminological apparatus of social management with the allocation of the categories “technological nature of the state”, “social invention”, “social task”. Types of movement of the technological nature of the state in the conditions of regional integration are qualified.

Keywords: integration, national security, technological nature of the state, dynamic movement of society.

Актуальность заявленной темы обуславливается тем, что в XX и XXI вв. стали происходить процессы трансформации государственного суверенитета, изменения сущности государства и его функций, интегрирования стран в наднациональные организации и целые регионы. В таких условиях возникла необходимость переосмысления сущности национальной безопасности. Оценить происходящие процессы в социальных организациях общества, принимая во внимание национальную безопасность, возможно с помощью технологических методов исследования.

Государство, как политологическая форма организации общества не имеет единого подхода к пониманию ни в философии, ни в государственной науке, ни в отечественном и международном праве. Остановимся на нейтральной научной дефиниции выработанной позитивистом Г. Кельзенем. Он отмечает, что «государством является территориальное образование с относительным суверенитетом и правовой системой, позволяющей осуществлять эффективное управление территорией» [1, с. 41].

К такому определению понятия эволюция социальной организации общества пришла после фор-

мирования национальных государств в Европе. Национальные государственные образования стали складываться после Вестфальского мира, закрепившего принципы нового мироустройства в Европе: независимость государственной власти на территории государства, обеспечение целостности и неприкосновенности территории. Кроме того, буржуазные революции и последовавшее распространение национализма в XIX веке способствовали переходу к капиталистической экономике, повышению эффективности национальных государств и росту их экономической мощи [2, с. 277].

В ходе таких общественных и экономических закономерностей в Европе и США в американском законодательстве закрепились категории «национальная безопасность». В России этот термин появился в начале 1990-х гг. Ранее в юридической терминологии СССР доминировала категория «государственная безопасность». Дословный перевод английского словосочетания «national security» на русский язык трактуется как национальная, так и государственная безопасность.

Однако функциональность национальных государств распространилась далеко не везде. Только во второй половине XX века зависимые страны освободились от колониализма, а параллельно уже начались процессы экономического и промышленного переустройства государств Европы в Европейский союз, которые ознаменовали начало и политической интеграции.

Сегодня, в философской и юридической литературе под интеграцией понимается «общественное явление, один из факторов развития человеческой цивилизации, который в обществе проявляет себя в формировании постоянных, устойчивых взаимосвязей между людьми и социальными группами, являясь необходимым условием их жизнедеятельности» [3, с. 23-24].

Экономическая взаимозависимость и потребность в политико-организованной эффективности привели к тому, что интеграционные организации, в первую очередь Европейский союз, стали характеризоваться феноменом наднациональности. Так Европейский союз имеет как институциональные органы: Европейский парламент, Европейский совет, так и неинституциональные органы: Европейский инвестиционный банк и др.

На территории постсоветского пространства исторические реалии констатировали образование независимых государств также с интегрирующими национальными экономиками, обусловленными либеральными принципами. Политические элиты и органы власти каждого государства, образовавшиеся вследствие распада СССР, стали искать для своих национальных экономик рынки взаимодействия. С середины 1990-х гг. стал достаточно успешно развиваться экономический рынок, представляющий сегодня организацию Евразийского союза и влияющий на обеспечение национальной безопасности государств – участников СНГ. Вместе с тем, отдельные страны СНГ стали ориентироваться на экономическую зону Европейского союза.

В целях обеспечения континентальной безопасности евразийского региона возникла необходимость постоянного совершенствования организационного и правового обеспечения национальной безопасности, как каждого государства – участника СНГ, так и всей системы международного взаимодействия государств постсоветского пространства. Сегодня в СНГ, действуют десятки органов, в большей степени ориентированных на обеспечение национальной безопасности. Параллельно в Евразийском экономическом союзе организуют управление следующие органы: Высший Евразийский экономический совет, Евразийский межправительственный совет, Евразийская экономическая комиссия, Суд Евразийского экономического союза и др. органы.

В таких условиях, исходя из представленных закономерностей и понимая под сущностью государства его поиск эффективной социальной организации общества, остановимся на отдельных технологических процессах и категориях. Определимся с технологической природой государства, под которой будем понимать вид социальной технологии, оказывающей значительное воздействие на общество, основывающейся на социальном изобретении, обладающим значительным потенциальным воздействием на уровни перемещения технологии в социальных системах на фиксируемой обществом территории.

При этом социальным изобретением будем считать решение социальной задачи. В отношении управленческого механизма такими примерами социальных изобретений являются разработка конституции государства и системы национального законодательства, видов органов власти и их структуры, заключение международных соглашений в области экономического, политического интегрирования и формирование перечисленных выше органов интегрированного управления.

В свою очередь, социальная задача – это состояние, при котором интересы, потребности, желания

одних субъектов правоотношений противоречат интересам, потребностям, желаниям других субъектов и не существует способа их разрешения, который признавался бы конфликтующими сторонами. Выходом из таких противоречий является решение социальной задачи как разрешение конфликта интересов между субъектами правоотношений путем управления их поведением и мировоззрением.

Разрешение общественных противоречий было разработано Ф. Энгельсом. Он указывает: «... государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно» [4, с. 190].

Однако, назревшие противоречия в обществе, связанные с трансформацией государственного управления и его выведением на интегральный уровень показывают появление новых общественных закономерностей, определяющих эффективность социальной организации и влияющих на национальную безопасность. Такие закономерности представляют собой сложный процесс их динамического движения в пределах пространства, что продуцирует перемещение технологии.

Перемещение технологии происходит на различных уровнях, которое в общем можно разделить на уровни развития и уровни воздействия, и состоящее из вертикальных и горизонтальных компонентов динамического движения. Таким образом, перемещение технологической природы государства – это динамическое движение моделей (организаций) государства, которое можно разделить на вертикальные и горизонтальные компоненты распространения ее применения (заимствование моделей демократических государств в XX и XXI вв.) или отказа от применения (крах социалистических моделей государств в XX в.).

Квалификация видов перемещения технологической природы государства в условиях региональной интеграции:

1) по вертикали – это ее движение синусоидообразным способом с фазовыми изгибами (переломами) по интегральным стадиям. В развитии Европейского союза выделим следующие стадии:

- а) создание зоны свободной торговли – отмена таможенных пошлин;
- б) образование таможенного союза – унификация таможенных пошлин для третьих стран;
- в) объединение рынка – либерализация движения капитала, рабочей силы;
- г) создание экономического союза – переход к единой валюте и внутриэкономической унификации;
- д) трансформация в политический союз – выработка единых принципов внешней политики (находится на стадии формирования, обсуждаются вопросы создания единых вооруженных сил Европейского союза).

Постсоветское экономическое пространство характеризуется следующими этапами:

- а) создание Содружества Независимых Государств;
- б) углубление интеграции в экономической и гуманитарной областях;
- в) образование Евразийского экономического сообщества;
- г) формирование Таможенного союза;
- д) переход к единому экономическому пространству;
- е) образование Евразийского экономического союза.

2) по горизонтали – это распространение в XX и XXI вв. интегральных общественных закономерностей по регионам планеты: западноевропейский регион (скандинавские страны), восточно-азиатский регион (Китай, Вьетнам), южно-азиатский регион (Индия), латиноамериканский регион (Бразилия), постсоветский регион (Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия).

Представленные примеры показывают, что государственная форма социальной организации постоянно эволюционирует как в политическом, интеграционном, так и в целом в философском отношении. Такая эволюция происходит как в вертикальной динамике – в виде формационных стадий: первобытно-общинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической, коммунистической, новой интегральной [5, с. 129], так и в виде горизонтального, цивилизационного распространения: православной, исламской, западной и др. цивилизаций.

Назревшие противоречия в обществе, связанные с трансформацией государственного управления и его выведением на интегральный уровень показывают появление новых, технологических, общественных закономерностей, определяющих эффективность социальной организации общества и обуславливающих надежность национальной безопасности государства.

Список литературы

1. Чистое учение о праве Г. Кельзена. Сб. пер. Вып. 1. М.: АН СССР ИНИОН, 1987. – 195 с.
2. Penrose J. Nations, states and homelands: territory and territoriality in nationalist thought // Nations and Nationalism. 2002. Vol. 8, № 3.
3. Интеграционное право: учебное издание / В.В. Блажеев, С.Ю. Кашкин, П.А. Калинин и др. – М.: Проспект, 2017. – 720 с.
4. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. Изд. 4-е. – М.: Ленанд, 2015. – 222 с.
5. Новое интегральное общество: общетеоретические аспекты и мировая практика / Под ред. Г.Н. Цаголова. – М.: Ленанд, 2016. – 256 с.

Дмитриева Т.В.

Московский государственный областной университет, аспирант

tanusha_ber@mail.ru

Аннотация: В современном научном сообществе обозначен тренд по замене историко-философского термина «идол пещеры» на «бункер веры», при котором стремление людей к познанию истины снижается и заменяется желанием овладеть лишь утилитарными знаниями, необходимыми для удовлетворения примитивных потребностей общества потребления и получения от этого удовольствия. Данный тренд прослежен от притчи о пещере в трактате Платона «Государство» к «идолу пещеры» Ф.Бэкона и тезису Ф.Ницше о стремлении человека к ограниченной истине, достаточной для достижения душевного комфорта и получаемого в результате удовлетворения от жизни. Современная эпоха цифровизации усугубляет данный тренд через неразрешимое для большинства людей противоречие между возможностью доступа к огромному объему информационных ресурсов и утверждением человека в мысли о невозможности овладения ими, что может привести к катастрофическим последствиям - росту инфантилизма людей и доступности истинного знания только для управляющих групп (элит).

Ключевые слова: миф, пещера, идол, бункер веры, истина, распад истины, цифровизация.

The myth of the cave and the “bunker of faith” as stages of the process of knowledge and evolution of society.

Dmitrieva T.V.

Moscow state regional University

Abstract: In the modern scientific community, there is a tendency to replace the historical and philosophical term “cave idol” with “bunker of faith”, in which the desire of people to know the truth is reduced and replaced by the desire to acquire only the utilitarian knowledge necessary to meet the primitive needs of the consumer society and get pleasure from it. This tendency can be traced from the parable of the cave in Plato’s treatise “the State” to the “cave idol” of F. Bacon and the thesis of F. Nietzsche about the desire of man for a limited truth, sufficient to achieve mental comfort and the resulting satisfaction from life. The modern era of digitalization exacerbates this trend, which can lead to disastrous consequences—the growth of infantile people and the availability of true knowledge only for units.

Keywords: myth, cave, idol, bunker of faith, truth, disintegration of truth, digitalization.

Миф о пещере — известная аллегория Платона, использованная им в трактате «Государство» для пояснения своего учения об идеях. Согласно Платону, человек, снявший оковы в пещере и взглянувший на вещи в солнечном свете, скорее всего, откажется от истинного знания, поскольку «правильный взгляд» с непривычки окажется болезненным. Такому человеку проще вернуться к прежним представлениям (в пещеру), ибо свет может опалить глаза: «А если заставить его смотреть прямо на самый свет, разве не заболят у него глаза, и не отвернется он поспешно к тому, что он в силах видеть, считая, что это действительно достовернее тех вещей, которые ему показывают?» [1, с. 295-296]

В данной притче Платон акцентировал внимание на то, что познание и понимание сущности вещей требует труда и усилий. Именно поэтому его идеальным городом-государством управляли только философы, проникшие в сущность идей и, в особенности, постигшие идеи всеобщего блага. Однако, не стоит забывать мнение Платона о том, что потенциально философом может стать каждый.

Одним из продолжателей данной философской традиции выступил Френсис Бэкон, рассуждая в «Новом органоне» об «идолах разума» - препятствиях, возникающих на пути постижения истины даже у разумных и просвещенных людей. Одним из таких препятствий он назвал «идола пещеры» — индивидуальные стереотипы, возникающие по причине собственных предпочтений или антипатий.

Бэкон утверждает, что у каждого человека есть своя пещера, которая искажает истинное знание: «У каждого помимо ошибок, свойственных роду человеческому, есть своя особая пещера, которая ослабляет и искажает свет природы. Происходит это или от особых прирожденных свойств каждого, или от воспитания и бесед с другими, или от чтения книг и от авторитетов, перед которыми кто преклоняется, или вследствие разницы во впечатлениях» [2].

Оказывается, что человек склонен ценить и, соответственно, принимать за истину то, во что или в достижение чего сам вложил силы и средства. Причинами здесь выступают уровень образования, воспитание, влияние авторитетов, принятых стереотипов, а также честолюбие, эгоистические предпочтения и, на удивление, фактор лени человека, склонного к обладанию реальными, пусть ограниченными, но привычными благами сейчас, чем иллюзорными и большими в будущем. Эти индивидуальные особенности мышления, доведенные до крайности, могут привести к ошибкам познания и постижения истины.

Фридрих Ницше также отмечал, что человек хочет истины в ограниченной степени: «Любимая не столько истина, сколько душевный комфорт и получаемое в результате удовлетворение от жизни» [3].

То есть, людям привычнее и комфортнее смотреть на жизнь в «розовых очках», не задумываясь об её истинном смысле и происходящих процессах. Более того, они «доверяют» заниматься этими «скучными» вещами и делами избираемым ими политикам, имеющим свой оригинальный взгляд на происходящее, способным популярно и доступно все разьяснить. При этом доверие к органам исполнительной власти повсеместно уменьшается, поскольку не ошибается лишь тот, кто ничего не делает, их деятельность оценивается с изрядной долей скептицизма, а процент населения, участвующих в демократических выборах, как правило, не превышает 50%. Складывается парадоксальная ситуация, когда доверие к органам власти и официальным средствам массовой информации падает, а авторитет отдельных лидеров, вследствие их критичного отношения к принимаемым решениям, никак не подкрепленного практическими действиями, поддерживается на достаточно высоком уровне.

При этом наблюдается рост объема субъективного контента (лидеров, экспертов и др.) по отношению к фактической информации и увеличивается вероятность того, что тот же электорат столкнется со спекуляциями или откровенной ложью.

Еще в конце XX века (1988 г.) академик А.Д. Сахаров признавал, что в будущем, с появлением «единой всемирной телефонной и видеотелефонной системы связи, а затем и всемирной информационной системы (именно так он называл современный Интернет), которая и сделает доступным для каждого в любую минуту содержание любой книги, когда-либо и где-либо опубликованной, содержание любой статьи, получение любой справки», едва ли не более грозным оружием, чем ядерная бомба, станет «Постправда - мнимое множество правд, ведущая к отказу от поиска истины и выбора между добром и злом» [4]. К сожалению, XXI век оправдывает его опасения.

Ярким подтверждением данного тезиса может служить исследование американской компании RANDi Corporation, которая в мае 2019 года провела круглый стол по теме «Распад истины» (Truth Decay), где прозвучали тревожные признания в кризисе американской идентичности. «Распадом истины» специалисты RAND назвали влияние на жизнь США «падающего значения фактов и их анализа в гражданском дискурсе» [5]. То есть неспособности или нежелания простых американцев объективно оценить происходящие события и выработать личное отношение к ним, стремления присоединиться в их оценке к какому-либо авторитетному мнению.

Основываясь на обзоре популярной и научной литературы, исторического анализа и данных социологических опросов, выделены 4 этапа распада истины в современном мире:

- растущее различие между фактами и интерпретированными фактами;
- размывание границы между фактами и мнениями;
- повышенный объём влияния мнения и личного опыта по сравнению с фактом;
- снижение доверия к источникам фактической информации.

Все больше людей не могут отличить факты от мнений и воспринимают специально созданную для них информацию за реальную. На первый взгляд, незначительные изменения в сознании людей,

ⁱ RAND (англ. Research and Development — «Исследования и разработка») — американская некоммерческая организация, которая выполняет функции стратегического исследовательского центра, работающего по заказам правительства США, их вооружённых сил и связанных с ними организаций.

могут привести к губительным последствиям, таким как политический паралич, дезинтеграция социальных и политических институтов. Распад истины способен стать экзистенциальной угрозой нашего времени.

Там же прозвучал прогноз о возможности и реальности «распада истины» уже к 2025 году. Аргументируется он многократным увеличением объема научных знаний в современных условиях и ещё большего объема информации, в результате часть людей делает индивидуальный выбор в пользу того, что считает невозможным освоить этот громадный массив данных и, соответственно, необходимым для себя овладения только знаниями, необходимыми для их профессиональной и духовной деятельности. То есть по принципу «каждому – свое». Сегодня человеку нет необходимости ждать утренней газеты, чтобы узнать последние новости, и после пробуждения мы все привычно берем свои гаджеты и смотрим лишь те новости, которые нас интересуют, жестко лимитируя поток поступающей информации.

Современные СМИ не пытаются противостоять данному тренду, а, наоборот, подстраиваются в него. В нашем обществе много глобальных проблем, которые требуют всеобщего обсуждения и анализа, но они вытесняются из общественного сознания новостными сообщениями и личностными беседами в социальных сетях. Складывается ситуация, когда информационное поле оказывается жестко структурированным – по интересам, сферам, профессиям, кругу общения и др. То есть наступает время информационных групп (бункеров) или «бункеров веры», где люди общаются исключительно с теми, кто им близок, дорог, интересен или является авторитетом.

Авторитеты могут быть совершенно разными – по выбору конкретного индивида - от политических, культурных, религиозных, профессиональных лидеров до националистических и сектантских. Наличие авторитетов приводит как к положительным (стремление к политическим, научным, спортивным, культурным достижениям), так и крайне негативным (рекордный рост радикальных групп, в том числе среди молодежи и детей) последствиям.

Представители этих бункеров оказываются в разных реальностях, где факты не нужны, а важна вера в них. Если эта вера подтверждается определенной и рациональной, с их точки зрения, трактовкой происходящих в мире (стране, регионе) процессов и явлений, то авторитет лидера данного бункера растет и последователи, если даже слушают, то уже не слышат иные точки зрения.

Таким образом, современная цифровая эпоха усугубляет данный тренд, и сегодня речь идет об уже почти свершившемся факте доступности истинного знания исключительно для управляющих групп (элит). Для большинства народных масс это, якобы, и не требуется, поскольку им обеспечивается необходимый душевный комфорт, привычный и доступный уровень благ цивилизации. Они комфортно чувствуют себя в своих информационных «бункерах», целенаправленно ограничивают круг общения и удовлетворяются получаемыми в «бункере веры» комментариями.

Список литературы:

1. Платон. Государство // Собрание сочинений в 4 т. Т.3. Кн. 7 / пер. А.Н.Егунова. М.: Мысль, 1994. 654с. (Философское наследие).
2. Бэкон Ф. Новый органон. М.: РИПОЛ Классик, 2018 // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/frensis-bekon/novyyu-organon/chitat-onlayn/> (дата обращения 19.12.2019).
3. Ницше Ф. Об истине и лжи во внеэтическом смысле // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nietzsche.ru/works/other/about-istina/> (дата обращения 17.12.2019)
4. Сахаров А.Д. Мир через пол века // [Электронный ресурс]. URL: <https://knigogid.ru/books/62424-mir-cherez-polveka/togead> (дата обращения 27.12.2019)
5. Прохвятилов В. О западном взгляде на ход войны за умы и сердца // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2019/09/05/o-zapadnom-vzgljade-na-hod-vojny-za-umy-i-serdca-48937.html> (дата обращения 5.09.2019)

Переформатирование общественного сознания граждан России как фактор национальной безопасности

Добровольская О. А.

Член РФО

yalomi@mail.ru

Аннотация: современная историческая эпоха характеризуется амбивалентностью политики многих государств и иных политических акторов: с одной стороны, наблюдается традиционно-внешняя их активность по обеспечению своей безопасности и достижению целей и интересов, с другой стороны, в динамично меняющихся информационно – технологических условиях все более масштабно внедряются новые формы и способы достижения политических преимуществ, в том числе путем оказания воздействия на общественное сознание граждан. Наблюдаются явные признаки длительного целенаправленного воздействия на ключевые его конструкты: ценности, верования, язык, историю, культуру, в том числе вбросами в информационное пространство различного рода деструктивных фейков, приводящих к переформатированию общественного сознания. Созданы и активно работают специальные центры влияния, генерирующие информационные программы для ослабления национальной безопасности государств, нанесения ущерба изнутри и подрыва духовных скреп культур и народов.

Ключевые слова: общественное сознание, национальная безопасность, информационное влияние, центры влияния, угроза, геополитическое пространство, информационно-духовное пространство, ценности.

Reformatting the public consciousness of Russian citizens as a national security factor. Dobrovolskaya O.A.

Member of the Russian Philosophical Society

Abstract: modern historical era is characterized by ambivalence of politics of many states and other political actors: On the one hand, they are traditionally and externally active in ensuring their security and achieving goals and interests, on the other hand, in a dynamic information and technological environment, new forms and ways of achieving political advantages are increasingly being introduced, including by influencing the public consciousness of citizens. There are clear signs of a long-term targeted influence on its key designs: values, beliefs, language, history, culture, including the injection into the information space of various kinds of destructive fakes, leading to reformatting of public consciousness. Are created and actively the special centers of influence generating information programs for weakening of national security of the states, causing damage from within and blasting spiritual clamps of cultures and the people work.

Keywords: public consciousness, national security, information influence, centers of influence, threat, geopolitical space, information and spiritual space, values.

В современном мире разгорается противостояние между различными государствами и иными центрами сил, направленными на противостояние в геополитическом пространстве, в том числе в форме тайных, скрытых информационных операций. Такого рода противостояние порождает и новые угрозы, требующие незамедлительных и эффективных решений и действий со стороны государств. Известно, что в России основополагающим документом, определяющим совокупность различного рода угроз, является Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [1]. В этом документе детально изложено и обосновано концептуально-теоретическое содержание понятия «национальная безопасность Российской Федерации». Однако некоторые важные направления обеспечения национальной безопасности России требуют дальнейшего развития и существенного уточнения. Прежде всего, речь идет о безопасности в информационно-духовном пространстве, отличительной особенностью которого является прозрачность границ и наличие множества различных центров влияния, среди которых большая часть работает именно против нашей страны. Ситуация усугубляется еще и тем, что долгое

время такого рода опасностям и угрозам не уделялось достаточного внимания в силу переоценки значимости материально-физических аспектов безопасности и принципиальной недооценке других: социокультурных, информационно-ценностных, мировоззренческих, духовных и иных аспектов. На взгляд автора, главным аттрактором противодействия в современности является область именно общественного сознания, которое разными центрами влияния форматируется и переформатируется в зависимости от вектора их интересов, выгод и необходимости. В качестве примера можно отметить успешное применение такого рода средств и инструментов для развала СССР, а на самом деле - полного передела всего мирового геополитического пространства, приведение его в исключительно зыбкое и неустойчивое состояние [2].

Под форматированием общественного сознания автор понимает целенаправленное информационное воздействие государственных структур власти на сознание граждан в конституционно-заданных форматах с учетом потребностей и интересов самого динамично-меняющегося общества, а также его многовековых традиций, ценностей, обычаев, верований. В данном прочтении форматирование общественного сознания является не только «фактором-плюс», но и жизненно необходимым условием для существования и развития любого государства.

Под переформатированием общественного сознания автор понимает использование информационного ресурса в целенаправленной деструктивной активности тех или иных центров влияния для изменения представлений людей о языке, истории, культуре, ценностях и целях человеческого существования. Переформатирование общественного сознания, таким образом, является не только «фактором-минус», но и прямой угрозой жизни, существования и развития любого государства. Достаточно упомянуть здесь те современные «войны сознаний», которые направлены на фальсификацию истории Второй мировой войны с явной направленностью всех усилий на пересмотр причин, хода и итогов этой мировой катастрофы в пользу определенных акторов в геополитическом пространстве.

Обстоятельный и системный анализ типологических и терминологических проблем ведения «войн сознаний» в современном геополитическом пространстве дан в монографии Вороновой О.Е., где в ряду решаемых в информационном пространстве задач ею особо выделяется и «переформатирование общественного сознания страны-противника на ценностные установки, выгодные инициатору информационного воздействия» [2, с. 13]. В свою очередь С. Ю. Глазьев, бывший Советник при Президенте Российской Федерации, открыто заявил, что «развязываемая Вашингтоном мировая война отличается от предыдущей отсутствием фронтовых столкновений враждующих армий. Расчет делается на дестабилизацию внутреннего состояния страны-жертвы посредством поражения ее общественного сознания, ... выращивания разнообразных оппозиционных сил, подкупа продуктивной элиты, и свержения легитимного руководства с последующей передачей власти марионеточному правительству» [3].

В этих условиях государству необходимо: во-первых, поставить жесткий заслон любому деструктивному влиянию на сознание граждан России, обеспечив их духовно-информационную безопасность; во-вторых, создать полноценную организационно-институциональную основу формирования и восстановления человеческого капитала в духовном, интеллектуальном, мировоззренческом, культурном, языковом, профессиональном и др. качествах именно в российском конституционно-правовом формате. Конечно, с повестки дня вовсе не снимается острейшая демографическая проблема в Российской Федерации, ведущая к физическому уменьшению самих субъектов-носителей сознания.

Современное состояние общественного сознания российских граждан характеризуется отсутствием четких ориентиров и векторов развития; размытостью и даже отсутствием духовно-нравственных начал; ослаблением интегрирующей роли русского языка в регионах, ведущей к утрате единства страны, к радикализации деструктивных этнических, религиозных, национальных, культурных и иных процессов; общим падением когнитивного, социального, государственно-политического потенциала – все эти явления несут в себе в качестве главного итогового результата ослабление России изнутри. По своему влиянию внутренние угрозы не менее значительны, чем внешние – ведь изменение сознания человека в деструктивных целях способно переформатировать гражданина своей собственной страны в ее полноценного врага.

В создавшейся ситуации назрела острая необходимость адекватными мерами со стороны государства обеспечить национальную безопасность России в информационно-духовной сфере.

Список литературы:

- Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. (утв. Указом Президента РФ 31.12.2015 № 683) [Электронный ресурс] /: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения 18.02.2020)
- Батурин В.К., Головкин А.В. Новый миропорядок как целостная исследовательская проблема и единая стратегия развития человечества. Кн.1. М.: НИЦ «Академика», 2019.
- Воронова О.Е. Современные информационные войны: типология и технологии: монография / О.Е. Воронова; Ряз. Гос. Ун-т. Имени С.А. Есенина. – Рязань, 2018. С. 13.
- Доклад Совбезу РФ Сергея Глазьева [Электронный ресурс] https://rusnext.ru/recent_opinions/1442491283/ (дата обращения 18.02.2020).

Акселерация процессов трансграничной коммуникации на постсоветском пространстве и ее влияние на национальную безопасность России

Емельянов А.С.

Российское философское общество (г. Голицыно). Кандидат философских наук

andrei.e1992@mail.ru

Аннотация: Предмет статьи - трансграничное сотрудничество между Российской Федерацией и странами СНГ, которое в последнее время претерпело значительные трансформации. В ходе исследования, отмечаются негативные тенденции развития трансграничной коммуникации на постсоветском пространстве, а также предлагается ряд стратегий по трансформации действующего положения дел. В частности развитие акселерационных процессов в торговой-экономической и миграционной сфере, развитие технологий «мягкой силы» и механизмов «народной дипломатии». Акселерация трансграничной коммуникации на постсоветском пространстве оказывает прямое влияние на национальную безопасность России, а также является важным элементом для развития интеграционных процессов.

Ключевые слова: трансграничная коммуникация, трансграничное сотрудничество, трансграничная миграция, акселерация, мягкая сила, народная дипломатия, национальная безопасность.

Acceleration of the processes of cross-border communication in the post-Soviet space and its influence on the national security of Russia.

Emelyanov A.S.

Russian Philosophical Society (Golitsyno)

Abstract: The subject of this article is cross-border cooperation between the Russian Federation and the CIS countries, which has recently undergone significant transformations. During the study, negative trends in the development of cross-border communication in the post-Soviet space are noted, and a number of strategies for transforming the current state of affairs are also proposed. In particular, the development of acceleration processes in the trade, economic and migration sphere, the development of «soft power» technologies and «people's diplomacy» mechanisms. The acceleration of cross-border communication in the post-Soviet space has a direct impact on the national security of Russia, and is also an important element for the development of integration processes.

Keywords: cross-border communication, cross-border contribution, cross-border migration, acceleration, soft power, folk-diplomacy, national security.

В настоящее время существует достаточно широкий спектр исследований [3,4,5], касающихся определения направлений и путей развития трансграничной коммуникации, как на постсоветском пространстве, так и в мире в целом. Не малую роль на характер и принципы ее осуществления оказывает внешняя политика государств. Примеров этого являются процессы трансграничной коммуникации, складывающиеся между Российской Федерацией и странами, входившими в состав Советского Союза (Белоруссией, Украиной, Казахстаном, Грузией и другими).

Существуют ряд факторов, формирующих специфику современных трансграничных коммуникаций на постсоветском пространстве, которые можно условно разделить на интеграционные и изоляционные [1]. К интеграционным факторам относятся: во-первых, общность исторического и культурного наследия (общая история, вера, язык и традиции); во-вторых, географическое соседство; в-третьих, высокая степень социо-экономической интеграции двух стран. К изоляционным факторам отнесем: внешнеполитические разногласия, внутренний сепаратизм, членство во враждебных военных блоках и организациях, а также влияние третьих стран.

В связи с этим возникает острая необходимость в реализации инициатив по акселерации процессов трансграничной коммуникации. На наш взгляд, данная программа должна моделировать та-

кую систему межгосударственной коммуникации, при которой осуществляется не только акселерация торгово-экономических отношений, но также и акселерация миграционных и информационно-культурных потоков. В связи с этим, любая децелерация в потоках перемещения трансграничных товаров, в миграционных потоках и в информационных потоках способна привести к значительным проблемам интеграционного плана. В рамках программы акселерационизма Срничека и Уильямса особое внимание уделяется «потокам» [9]. Исходя из принципов социально-политической теории акселерационизма, потоки являются необходимым условием процессов «детерриторизации» и номадической культуры. В этом смысле определенные содержательные аспекты теории акселерационизма могут быть использованы в качестве методологических принципов интеграционных процессов и на постсоветском пространстве.

Интеграция на постсоветском пространстве подразумевает, во-первых, создание гомогенного торгово-экономического пространства. Данные инициативы реализуются в рамках Евразийского экономического союза, а также Таможенного союза. Вместе с тем, существующие юридические и межгосударственные барьеры свидетельствуют о том, что данный механизм трансграничного сотрудничества используется не полностью. Отечественные производители, прежде всего, стремятся продвигать и расширять свои интересы. Производители ближнего зарубежья путем демпинга цен стремятся, напротив, продвигать свои экономические интересы. Противоречия на законодательном и экономическом уровне, на наш взгляд, является децелерационным фактором, который при отсутствии конкретных решений способен привести к стагнации торговых потоков [2].

Во-вторых, акселерация миграционных потоков решает, с одной стороны вопросы трудовых ресурсов, с другой важную межкультурную функцию, связанную с трансграничным перемещением лиц с различными этноконфессиональными характеристиками. Степень интеграции миграционных потоков во многом зависит от той миграционной инфраструктуры, которая создается в регионах. Важное значение имеет отсутствие каких-либо административных барьеров для перемещения граждан из ближнего зарубежья, наличие облегченных форм и способов получения ими гражданства РФ, облегчение процедур получения разрешения на работу, создание социальных условий для работы в России для мигрантов с постсоветского пространства (создание единой пенсионной системы, создание системы социального обеспечения для мигрантов – доступная медицина, жилье и образование) [8]. Реализация инициатив акселерации трансграничной коммуникации невозможна без создания единых ценностных ориентаций, а также стимулирования толерантного отношения к межличностным, наднациональным и национальным социальным институтам, их лидерам и к национальным властям. «Показатель социальной солидарности (социального единства или социальной сплоченности) также является комплексным, характеризующим успехи интеграции, наднационального социального взаимодействия и национальных социальных политик» [7, с.15].

Трансграничная коммуникация в сфере культурного и информационного взаимодействия России со странами ближнего зарубежья должна опираться на совместный исторический опыт и культурно-цивилизационную общность. Наравне с правительственными усилиями (МИД РФ, Министерство культуры и просвещения и т.д.), для формирования информационных каналов и координации неправительственных организаций перспективным направлением является «общественная дипломатия», или «народная дипломатия». В исследовательской литературе сложилась традиция различать понятия общественная дипломатия и народная дипломатия. Под последним понимается «исторически непрерывный процесс общения, взаимовлияния и взаимообогащения культур». Народная дипломатия представляет собой один из видов межкультурной коммуникации, осуществляемой приграничным населением, и носит интересубъективный характер. И общественная, и народная дипломатия органично вписывается в общий проект «транскультурной коммуникации», поскольку здесь, как отмечают Сапрык и Пастюк, «на первый план выходит процесс «перехода границы» от одного культурного единства к другому» [6, с.121].

С 2013 года в приграничных регионах России активно развивается такой проект. В рамках проекта транскультурной коммуникации создаются региональные неправительственные площадки и НКО, ориентированные на реализацию основных идей общественной дипломатии. Среди них можно отметить: Институт приграничного сотрудничества и интеграции (Белгородская область), Агентство анализа интеграционных инициатив (Смоленская область), Центр социального дизайна (Курская область), Институт пространственного планирования, развития и внешних связей (Калининградская область), Мастерская Евразийских идей (Саратовская область).

Неправительственные площадки и НКО, в настоящее время и исходя из сложившейся военно-политической обстановки на Западе, Юго-Западе и Юге России, являются одними из наиболее перспективных «рычагов» процесса интеграции двух стран. Создаваемый в этом случае «community-organizing», должен опираться, как на контакт малых групп, так и на большие массы населения, снижая тем самым предрассудки и внутригрупповую сегрегацию между ними. Мобильность и заметность общественной дипломатии делает ее удобным механизмом, решающим задачи по нормализации отношений между двух стран.

Вместе с тем, ключевые показатели трансграничной коммуникации в последние годы демонстрируют тенденцию к сокращению каких-либо контактов. Напряженная внешнеполитическая ситуация оказывает сильное (негативное) влияние на общественное мнение, усугубляя без того тяжелое состояние российско-украинских отношений. Это свидетельствует о том, что стратегия неправительственного развития трансграничных процессов должна подкрепляться политическими инициативами (упрощение получения гражданства, политика переселения, политика привлечения молодых украинцев к учебе в вузах России и к участию в молодежных форумах «Таврида», «Славянка»).

Многие из этих инициатив уже реализуются. Однако негативные результаты внешнеполитического взаимодействия двух стран и многие другие факторы свидетельствуют о непоследовательности интеграционной политики. Все это делает актуальной тему разработки совершенно новой стратегии экономического, политического и культурно-цивилизационного взаимодействия Российской Федерации со странами бывшего Советского Союза. В соответствии с этой долгосрочной стратегией должны быть выработаны соответствующие практики и технологии трансграничного, интеграционного взаимодействия. Эти и многие другие задачи невозможно решить без их правового закрепления в качестве стратегических целей и задач развития российского государства.

Список литературы:

1. Бредихин, А.В. Трансграничное сотрудничество непризнанных государств на постсоветском пространстве. – URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3818> (дата обращения: 25.01.2020).
2. Голунов, С.В. Проблемы безопасности и международного сотрудничества: [монография] / С. В. Голунов; ВолГУ; Центр региональных и трансграничных исследований; науч. ред. Л. Б. Вардомский. Волгоград: Изд-во ВолГУ. 422 с.. 2005.
3. Максимова, С.Г., Шерматова, С.Н., Омельченко, Д.А., Ноянзина О.Е. Миграционная активность русскоязычного населения и функционирование русского языка в государствах-участниках Содружества независимых государств // Society and Security Insights, vol. 1, no. 3, 2018, Pp. 151-171.
4. Михайлова, Е.В. Управление приграничным сотрудничеством и принципы выстраивания трансграничной коммуникации // Российское пограничье: социально- политические и инфраструктурные проблемы. / Под ред. В.А. Колосова и А.Б. Володина. М., 2016. С. 106-112.
5. Рыбаковский, Л.Л. Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве. – URL: <http://rybakovsky.ru/migracia3d3.html> (дата обращения: 24.01.2019)
6. Сапрык, В., Вавилов В., Пастюк А. Общественная дипломатия приграничных регионов России (В оценках жителей Белгородской, Воронежской и Курской областей) [Текст] / В. Сапрыка, В. Вавилов, А. Пастюк // Международные процессы. 2017. № 2 (49).
7. Смирнова, Т.Б. Этнические миграции и этнический состав населения государств постсоветской Центральной Азии // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 2 (22). С. 209–213.
8. Проект социально-политическое измерение реализации процессов евразийской интеграции. Выпуск 4: Евразийская интеграция: масштабы, особенности, эффективность. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2019. 135 с.
9. Srnicek, N., Williams, A. Inventing the future. Postcapitalism and a World Without Work. Verso: London-New York, 2015.

Языковое измерение как основа социокультурного компонента цивилизационной безопасности современной России

Звездин Л.А.

Министерство обороны Российской Федерации, сотрудник

Lev.zvezdin@rambler.ru

Аннотация: В докладе раскрывается авторский взгляд на современную специфику социокультурной сферы международных и общественных отношений, в которой все в большей степени находят отражение проявления межцивилизационного противоборства. Отмечаются преимущества в оценке безопасности такого самодостаточного социально-исторического организма, которым является Россия, с точки зрения цивилизационного подхода, по сравнению с классическими подходами в русле национальной или государственной безопасности. Раскрываются различные аспекты языкового измерения как основы социокультурного компонента цивилизационной безопасности России в современных условиях: объективные стороны языка как средства (среды) и языка как цели воздействия; особенности в изучении языковой безопасности с точки основных направлений философии; система подходов в рассмотрении языка как средства (среды) воздействия; объективные составляющие в языковом измерении, на которые угрозы могут иметь воздействие.

Ключевые слова: национальная безопасность, цивилизационная безопасность, Россия, социокультурный аспект, языковое измерение

The language dimension as the basis of the sociocultural component civilizational security of modern Russia.

Zvezdin L.A.

Ministry of Defense of the Russian Federation, employee

Abstract: The report reveals the author's view on the contemporary specifics of the sociocultural sphere of international and public relations, in which manifestations of inter-civilization confrontation are increasingly reflected. Advantages are noted in assessing the safety of such a self-sufficient socio-historical organism, which Russia is, from the point of view of the civilizational approach, in comparison with the classical approaches in line with national or state security. Various aspects of the language dimension are revealed as the basis of the socio-cultural component of civilizational security in Russia in modern conditions: the objective aspects of language as a means (medium) and language as a target of influence; features in the study of language security from the point of view of the main directions of philosophy; a system of approaches in considering the language as a means (environment) of impact; objective components in the linguistic dimension that threats can have an impact on.

Keywords: national security, civilizational security, Russia, sociocultural aspect, language dimension

Современные аналитические разработки в сфере социальных отношений различных уровней и масштабов позволяют укрепиться в понимании того факта, что все более существенное значение в обеспечении безопасности социальных систем приобретает социокультурный компонент их взаимодействия. В полной мере это должно быть отнесено и к безопасности России. Чем объясняется данная тенденция?

Во-первых, все страны в мире (за исключением разве что КНДР), их общества и соответствующие им культуры в настоящее время находятся в тесном взаимодействии между собой, что предопределено развитием и распространением технологий различного рода коммуникаций (медийных, транспортных, финансовых). В результате в мировом «пространстве сознаний» свободно стали цвести «сто цветов» различных мнений, трактовок и идеологий, образовались сетевые платформы обмена информацией, товарами и их эквивалентами. Внутригосударственные однонаправленные рупоры пропаганды

утратили свою эффективность, а изолированные культуры и рынки канули в лету.

Во-вторых, определенно происходит смещение пропорций в международных отношениях с доминирующего когда-то военно-политического фокуса к лоббистско-экономическому, который определяется оперированием финансово-экономическими инструментами, нежели непосредственным жестким военным контролем политических соперников. Военная составляющая начинает все больше играть роль одного из экономически ориентированных аргументов, применяемого для инспирации конкурентов и подкрепления собственных торговых преимуществ.

В-третьих, следует отметить возрастание ценности, качества и уровня жизни людей в развитом мире, постепенное снижение порога допустимого ущерба в гипотетических военных конфликтах, повышение значимости экологии, искусственной среды обитания и коммуникаций для выживания человека в случае масштабных военных столкновений при беспрецедентной поражающей способности современных средств вооружения. Все это привело к тому, что основные политические субъекты все менее вероятной оценивают возможность мобилизации своего основного военного ресурса для отстаивания самобытного мировидения и даже стратегических экономических интересов, поскольку расчетные риски превышают возможные выгоды.

В итоге конфронтация вытесняется в общее социокультурное пространство, пронизанное отныне всеми видами коммуникаций. Таким образом, современные проблемы безопасности международного уровня становятся необходимым решать одновременно на уровне геополитики, геоэкономики и геокультуры [1, с. 24]. Такое социокультурное направление безопасности качественно преобразует костную и неадаптивную «одноукладную политико-экономическую систему безопасности» [1, с. 25], жестко настроенную на конкретные вызовы и угрозы с заданными уровнями и направлениями возникновения.

Следует также подчеркнуть, что рассмотрение безопасности общества только с точки зрения государственности не в полной мере способно отвечать всем требованиям его социокультурных особенностей, так как государство в большей мере соотносится с правом, опуская при этом многие культурно-исторические аспекты. Право и культура обладают нормативными функциями в своих сферах, при этом национальное право по своей природе ограничено регулированием в государственных (как правило, экономических) интересах.

«Нормы культуры, в отличие от норм права, создаются не государством, а возникают в процессе практической деятельности людей. В любом государстве действует только одно право, в то время как культура дифференцируется в соответствии с национальными, профессиональными, религиозными признаками. Культура и право различаются по сферам действия. Культурное пространство гораздо шире правового. Право регулирует не все, а лишь наиболее важные области общественной жизни, оставляя за рамками своей регламентации такие стороны человеческих отношений, как товарищество, взаимопомощь и т. д. Культура же проникает во все поры общества, ее оценкам поддаются все формы отношений между людьми. Имея отношение к социально-историческому процессу в качестве продукта универсальной целостности общества, культура участвует в каждом его моменте, состоянии» [2, с. 144-145].

Иными словами, не право вмещает в себя культуру, а культура охватывает область права, поэтому обеспечение безопасности России с точки зрения социокультурного фактора выводит этот вопрос за рамки национальной безопасности. Мы с уверенностью предлагаем говорить о безопасности цивилизационной, поскольку цивилизация представляет собой органическую форму культурно-исторического существования России в ее тысячелетней истории. Многие исследователи отмечают цивилизационный характер России.

В современном понимании безопасности самобытных социально-исторических организмов – цивилизаций – сформируем соответствующий принцип, согласно которому безопасность соотносится,

ⁱ Среди отечественных авторов можно назвать, например: Бутенко Н.А. Русский этнос и российская цивилизация: социально-философское исследование самосознания: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 2003. 19 с.; Исаченко Н.Н. Социально-философский анализ Российской цивилизации как социокультурной общности (региональный аспект): автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2006. 25 с.; Россия как цивилизация: устойчивое и изменчивое / А.С. Ахиезер, С.Н. Гавров, Э.С. Кульпин, А.А. Пелипенко, И.В. Кондаков, Н.А. Хренов, И.Г. Яковенко и др.; отв. ред. И.Г. Яковенко. М., 2007. 685 с.; Россия на пути консолидации: сборник статей. СПб, 2015. 416 с.; Соловьев А.И. Цивилизационный облик российской политики: теоретические аспекты // Власть. 2008. № 11. С. 3-11; Спиридонова В.И. Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ / отв. ред.: В.И. Спиридонова, В.Н. Шевченко. М., 2016. 122 с.; Цивилизация, притворяющаяся страной. Ведущие западные аналитики о России / под ред. А.А. Сушенцова. М., 2016, 384 с. и другие.

главным образом, с готовностью и способностью такой социальной системы сохранять свое целостное и устойчивое состояние при активном противодействии внутренним и внешним отрицательным воздействиям [3, с. 71-72]. Такой принцип, оперирующий «готовностью» и «способностью» к упреждительному реагированию, определяет гарантирующие возможности социального субъекта к обеспечению самобезопасности. Он в полной мере соотносим с живой и самодостаточной социальной системой, которой выступает российская цивилизация, понимаемая не как защищаемый кем-то объект, а как самозащищающийся субъект.

Применим категориальное деление реальности жизнедеятельности общества – на материальное и идеальное, то есть физическую и духовную сферы безопасности. Язык примем в качестве основы идеальной реальности в социокультурной системе цивилизации. Также язык является одновременно и источником воспроизводимых обществом в его истории единых мировоззренческих основ, то есть самосознания, ценностей, культуры, традиций и т.п. Следовательно, в языковом измерении пересекаются все сущности нематериальной реальности общества и человека. Несомненно, для социокультурного компонента цивилизационной безопасности России язык должен пониматься как ключевой элемент, как основа культуры и общества. Все это обуславливает выделение языкового измерения в системе цивилизационной безопасности России.

На основании вышесказанного, категоризируем выделенное языковое измерение. С точки зрения обеспечения цивилизационной безопасности язык можно представить в виде двух нераздельных объективных сторон: языка как средства (среды) и языка как цели воздействия.

Данная классификация выводится из антиномий языка, известных по работам Платона, В. фон Гумбольдта, Х. Штейнтала, А.А. Потебни, В. Анри, П.А. Флоренского и других авторов. С одной стороны, язык – «живет», «течет», он – «мгновенное действие духа» и «достояние народа», а «человек – творец языка». С другой же стороны, языку присущ «монументальный характер», он дан историей как нечто непреложное, поэтому человек может им только пользоваться, не являясь его творцом [4, с. 154-156]. В первом случае язык раскрывается в диахроническом (динамическом) срезе, во втором случае – в синхронии (статике, системности).

В первом случае язык рассматривается как посредник, то есть инструмент или среда передачи воздействия на интересующую цель. В сфере безопасности цивилизационного значения – на самосознание народа (суперэтнуса, по Л.Н. Гумилеву) цивилизации. Во втором случае язык как выразитель культурного наследия и самобытного миропонимания определяется как основной объект воздействия, являющийся по своей сущности базовым элементом культуры и поэтому выступающий источником ответного противодействия внешним деструктивным замыслам в межцивилизационном противоборстве в социокультурном пространстве.

Для всестороннего изучения языкового феномена применительно к цивилизационной безопасности целесообразно выделить особенности, сформированные в основных направлениях философии, применительно к языку: структурализме, постструктурализме и аналитической философии.

Структурализму в области лингвистики (структурной лингвистике) присущи определенные черты: в языке обнаруживается формальное строение, системность и порядок. Общество и его культура также выражены определенными структурными, рационально обусловленными друг с другом связями и отношениями, но не всегда явными. Методы структурализма раскрывают определенные грани языка, закономерности общества, культуры, вплоть до объема мироздания. При этом объекты исследования берутся, преимущественно, в статике и равновесии, нежели в динамике и развитии.

Методологическая основа структурного моделирования может быть положена в основу языковой безопасности в качестве охранительной, эталонно-нормативной, преемственной и других функций. Кроме того, структурный метод в сравнительном применении позволяет выявлять направления относительных и абсолютных изменений в языке с целью оценки их критичности.

В постструктурализме, возникшем на отказе от аргументации структурализма, можно выделить следующие черты: мир неподвластен рациональному объяснению, он хаотичен и непредсказуем, непознаваем и дискурсивен, состоит из обрывков информации, «языковой субстанции», пребывая в сложных отношениях автономии своего хаоса и власти порядка. В обществе же интерес представляют не интеллект, который стал достоянием масс и тем самым вульгаризировался, а особость маргиналитета, поскольку теперь только в нем отыскивается хоть какая-то аутентичность и независимость, отражающая свойства реального мира-хаосмоса.

В связи с этим языковая безопасность в постструктуралистском подходе может быть выражена глубинной непознаваемостью языка, неуправляемостью, непредсказуемостью и автономностью его развития, что и представляет в нем главную жизненную ценность. Всякая система, что для постструктурализма есть синоним тоталитаризма, внешняя навязанность или, наоборот, потеря внутренней эстетики должны исключаться как крайности, чуждые и неестественные условия.

В основе аналитической лингвистики, в истоках которой находятся аналитическая философия, впитавшая неореализм, лингвистический позитивизм и прагматизм, лежит доказательность, аналитичность, понятийная строгость. В сфере ее интересов, прежде всего, обыденный язык. Впоследствии с возникновением постструктурализма научный фокус аналитической философии сместился к изучению феномена сознания, поэтому для аналитической лингвистики одним из основных объектов исследований можно полагать взаимосвязь языка и сознания.

В этом направлении языковая безопасность может пониматься наравне с безопасностью сознания (а также и подсознания), мышления, поведения, – следовательно, непосредственного будущего свободного человека и свободного общества, и в своих обеспечительных мерах должна быть направлена на совокупную систему «язык-мышление», отождествляя манипуляции над языком также и с манипуляциями над сознанием.

В отношении языка как средства выделим несколько подходов, соотнеся их между собой по уровням общественного охвата, что позволит более полно раскрыть характер воздействий на цивилизационную безопасность России через языковое измерение в современных условиях:

- 1) медиафилософский: общечеловеческий уровень;
- 2) политико-технологический: государственный уровень;
- 3) биосоциальный: уровень общества и групп;
- 4) психокогнитивный: личностный уровень.

Раскроем каждый из подходов.

1. Инструментальные свойства различных феноменов человеческого бытия, конструирующих медиареальность, раскрываются в разработках медиафилософии, в полной мере включающей и языковой аспект. В современном информационном пространстве представительства коллективных сознаний разных общностей, мировоззренчески выражаемые своими языками, находятся в теснейшем взаимодействии в едином «пространстве сознаний» (коммуникативном пространстве), в котором они, учитывая современные возможности вторичных медиа (информационных сетей и т.п.), пребывают в состоянии определенного рода состязательности или противоборства. К противостоянию коллективные сознания предопределены самоидентификацией «мы – они», обусловленной разностью языков и их мировоззренческих парадигм.

2. В рамках политико-технологического подхода «одним из угрожающих социолингвистических процессов является языковое манипулирование, когда язык выступает как инструмент воздействия на общество для достижения определенных политических целей» [5, с. 68]. Например, «на наших глазах при помощи соответствующих технологий «расширяется», «деконструируется» прошлое России» [6, с. 45]. В языковом измерении средствами «мягкой силы» расчищается путь к самосознанию народа для перенаправления его политической и культурной предрасположенности¹.

3. Биосоциальному подходу соответствует исследование групповой культурной картины мира, содержание которой составляют различные аспекты моды в языковом измерении как результат конкуренции на социальной «поверхности» языковых процессов.

4. Психокогнитивный подход отражает связь языка и сознания (мышления). Можно говорить о лингвистическом принципе относительности, в основе которого полагается корреляция сходных физических явлений и сходств описывающих их картин мира только при условии сходства или хотя бы соотносительности языков описания. Понятно, что речь идет о языковой картине мира. Язык предстает способом существования сознания и, следовательно, воздействия на него.

¹ В качестве примера обработанного общественного сознания отметим современный тип общественно-политической культуры Запада, известный как постправда и представляющий собой феномен одобряемой обществом заведомой лжи. Данный эффект общественного восприятия широко используется в западной пропаганде. В древнегреческой философии прообразом постправды можно полагать разработанный Р. Бартом концепт доксы (от др.-греч. «δόξα» – «взгляд», «мнение») – общепринятого даже вопреки истинным основаниям мнения, с убежденностью в нем лишь по принципу допустимого правдоподобия.

Воздействие на самосознание народа российской цивилизации может осуществляться в двух плоскостях:

- посредством русского языка на самосознание суперэтнуса российской цивилизации;
- посредством иноцивилизационной языковой культуры двойным опосредованием через самосознание народа другой цивилизации в мировоззренческом противоборстве.

В отношении к русскому языку как объекту целесообразно выделить составляющие, которыми он объективно выражается и, соответственно, на которые угрозы могут иметь воздействие:

- носители русского языка (в России и за рубежом);
- непосредственно русский язык, его коренной состав и грамматический строй, ценностно-смысловая ориентация, система отношений к русскому языку.

Таким образом, мы постарались раскрыть все основные аспекты современной специфики международного социокультурного противоборства, которые обуславливают языковое измерение, безусловно, как основу социокультурного компонента цивилизационной безопасности современной России.

Список литературы

1. Полтораков А.Ю. Геокультурное (цивилизационное) измерение международной безопасности // Общество и этнополитика: материалы Пятой международной научно-практической интернет-конференции, (г. Новосибирск, 1 апреля – 1 мая 2012 г.) / Ред. Л.В. Савинов. Новосибирск, 2012. 330 с.
2. Гусейнов А.И. Соотношение права и культуры // Социология власти. 2005. Вып. 6. С. 142-146.
3. Литвинов Э.П. Философские основы концепции безопасности // Пространство и время. 2012. № 1 (7). С. 66-73.
4. Флоренский П.А. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. У водоразделов мысли. М., 1990. 448 с.
5. Грицко М.И. Лингвистическая безопасность – один из факторов безопасности многонациональной России // Идеи и идеалы. 2011. Т. 1. № 3(9). С. 63-72.
6. Дердюк В.Б. Цивилизационная безопасность России в современных условиях // Власть. 2010. № 9. С. 42-45.

Иванова С.Ю.

Северо-Кавказский федеральный университет, заведующий кафедрой социальной философии и этнологии, доктор философских наук

isu-socf@yandex.ru

Аннотация: В статье раскрываются пути обеспечения гуманитарной безопасности в полиэтничном пространстве народов и культур. В качестве угрозы гуманитарной безопасности называются деградация человеческого капитала, снижение общекультурного уровня. Обосновывается вывод о том, что обеспечение гуманитарной безопасности и стабилизация межнациональных отношений невозможны без восстановления единого информационного и культурно-образовательного пространства – основной предпосылки для осуществления реального диалога культур, способствующего укреплению мира и стабильности.

Ключевые слова: гуманитарная безопасность, национальные культуры, диалог, информационная безопасность, гуманитарное пространство

Ways to ensure humanitarian security in a multi-ethnic society.

Ivanova S. Yu.

North Caucasus Federal University, Department of social philosophy and Ethnology

Abstract: The article reveals the ways of ensuring humanitarian security in the multi-ethnic space of peoples and cultures. The degradation of human capital and the decline of the General cultural level are considered as threats to humanitarian security. It is concluded that human security and stabilization of interethnic relations is impossible without the restoration of a unified information and cultural-educational space – the main preconditions for the implementation of real dialog cultures, contributing to peace and stability.

Keywords: humanitarian security, national cultures, dialogue, information security, humanitarian space

XXI век начинается как эпоха острых глобальных конфликтов и противостояния военных блоков, политических доктрин и мировоззрений. В начале второго тысячелетия, потрясающие мир межнациональные противоречия и этнические конфликты представляются болезнью, которую человечеству предстоит преодолеть, чтобы подняться на новый уровень этнополитической и культурной консолидации в интересах всех народов земли, в интересах отдельной личности.

Для решения проблем, стоящих перед человечеством, необходимы новые мировоззренческие ориентиры. В связи с этим стала актуальной проблема становления единой общечеловеческой культуры, существующей и развивающейся через взаимодействие и взаимообогащение ее национально-этнических форм, через диалог. Только через понимание культуры как единого целого возможно постижение всех ее эмпирических проявлений. Международные отношения все более требуют взаимопонимания и взаимопринятия, готовности взаимодействовать не только на уровне отдельных социальных структур, но на уровне народов и общества в целом. “Диалог культур” как реальность современной жизни определяется пониманием существа бесконечного разнообразия культурных проявлений, причин различия и сходства культур различных народов.

В то время как в технико-промышленной сфере, в средствах производства и коммуникации наблюдается нарастание новаций, в культурно-духовной жизни, семейно-бытовой сфере возрастает роль этнического компонента, представляющего собой элемент традиционализма, этническая специфика ярче всего проявляется в духовной сфере. В современной ситуации унифицирования, на фоне нестабильности социальных различий, динамичности системы социальной стратификации и неопределенности классовых границ, наиболее явным представляется этнокультурное дифференцирование. Каждый народ, отражая общечеловеческие черты, несет в себе неповторимые качества. “Тайна национальности, - писал Н.А.Бердяев, - хранится за всей зыбкостью исторических стихий, за всеми переменами судьбы,

за всеми движениями, разрушающими прошлое и создающими небывшее” [1]. Этнические ценности, этноопределяющие символы и этноспецифические формы и способы социального взаимодействия становятся в современном мире базой для этнической консолидации. Рост национализма породил массу проблем, связанных с поиском оптимальных этнокультурных взаимоотношений в мировом пространстве.

Современная социокультурная ситуация в мире характеризуется расширением взаимосвязи и взаимодействия различных стран, народов и культур. Сегодня невозможно найти этнические общности, которые не испытывали бы на себе воздействие как со стороны культур других народов, так и со стороны более широкой социокультурной среды, существующей в отдельных регионах и в мире в целом. Культурная коммуникация, то есть обмен духовными ценностями в тех или иных границах, существовала всегда. С древнейших времен возникали духовные связи, способствовавшие взаимоознакомлению и взаимопониманию этнических культур. В современных условиях культурная коммуникация охватила огромные регионы. Общение народов приобрело не только грандиозный размах, но и новую гуманистическую направленность. Это уравновешенное взаимодействие, дающее возможность успешно развиваться всем культурам на основе общепризнанных ценностей.

Защита культурной самобытности, отстаивание духовного суверенитета органично связаны с общечеловеческими интересами и интересами отдельной личности. Культурная коммуникация протекает устойчиво при сохранении полной сохранности этнических ценностей. Расширение взаимодействия стран и народов делает особенно актуальным вопрос о культуре межнационального общения и о культуре диалога. В процессе межнационального общения человек приобщается к инациональной культуре, традициям, сближается с людьми другой национальности. В процессе таких контактов у него рождается сознание сходства с представителями иной национальности: «они такие же, как и я». Чем интенсивнее протекает межнациональное общение людей и взаимообогащение культур народов, тем активнее человек приобщается к культурным ценностям других наций. Это способствует преодолению негативных явлений в национальном сознании (этническая ограниченность, замкнутость, предубеждение, ксенофобия). Из сказанного следует, что межнациональный диалог становится средством осознания человеком своей причастности к родному этносу и формой этнокультурного обмена, при котором индивид возвеличивается, ощущая себя частицей не только своего народа, но и человечества в целом.

Все возрастающее этнокультурное и этноконфессиональное многообразие социумов во многих странах под влиянием, в первую очередь, набирающих силу миграционных процессов способствует возникновению напряжения между большинством и национальными меньшинствами, коренным населением и иммигрантскими группами, которое особенно опасно для многонациональных государств возникновением стихийных этнических конфликтов.

Действенных рецептов для примирения культурных различий и унификации на ценностном уровне современный мир еще не выработал. Он лишь пытается заключить модное сегодня различие в безопасную, предсказуемую, контролируемую музейную форму (выставки, фестивали, мультикультурной антологии и т.д.), основанную на консервации и запирающую меньшинства в раз и навсегда данные этнические ячейки. Но осознание важности межкультурного диалога, его роли в достижении гуманитарной безопасности набирает силу.

Укрепление гуманитарного пространства — это сложный мировой проект, реализация которого невозможна без поиска путей к обеспечению гуманитарной безопасности, безопасности каждой личности, каждого человека на планете.

В современных обществоведческих научных исследованиях актуализировался интерес к новому феномену – политике гуманитарной безопасности. В первом приближении гуманитарную безопасность можно определить как систему способов и процедур обеспечения безопасности человека, структур его жизнеобеспечения в условиях кризисно-конфликтных ситуаций (чрезвычайные ситуации, военные действия, внешне-манипулятивные действия и тому подобное), а также в период стабилизации и реабилитации после выхода из кризиса (постконфликтное миростроительство).[2]

Эта общемировая парадигма имеет несколько ключевых измерений, среди которых принципиальное место занимают региональные аспекты, так как после разрушения двухполюсного мира силовое противостояние сверх-государств ушло в прошлое, военно-политическая нестабильность и конфликтность «опустились» на региональный и локальный уровни.

Если гуманитарная безопасность есть определенное состояние защищенности, то, наверное, су-

существует угроза этой защищенности? Откуда исходят эти угрозы культуре, вере, образованию, свободам, правам и так далее? Если говорить о гуманитарной безопасности, то в первую очередь следует раскрыть, что за опасности она подразумевает. Следовательно, в первую очередь необходимо выделить объективные причины снижения уровня гуманитарной безопасности, к числу которых относятся: экономические (рынок, рыночные отношения приводят к коммерциализации культуры, что негативно влияет на духовность и нравственное состояние населения); вызовы глобализации (нивелировка культуры, образования); все возрастающее влияние на личность информационного или массмедийного пространства; глубокие объективные цивилизационные изменения (столкновение новых и развивающихся, старых и традиционных цивилизаций).

Россия традиционно оказалась в эпицентре этих столкновений, что приводит к размыванию некоторых культур. Как управлять сложными и динамичными гуманитарными процессами? Есть ли возможность в принципе противодействовать этим угрозам? Какими силами, средствами? В основе безопасности гуманитарной (духовной) должна лежать национальная идея как объяснение того, что ожидает народ, проживая в этом государстве, чувствуя это государство. В содержательном плане роль культуры в консолидации общества связана с тем, что культурный уровень и профессиональные умения людей расширяют их кругозор, увеличивают потребность и возможность расширения социальных связей, повышают социальную мобильность и, тем самым, становятся необходимыми условиями достижения социального согласия и повышения уровня гражданской ответственности. Люди, не интересующиеся культурой, как правило, не способны ни осознать свои права, ни соотнести их с правами других. В качестве угрозы гуманитарной безопасности следует рассматривать деградацию человеческого капитала, снижения общекультурного уровня. В области образования, науки в области здравоохранения, в области качества жизни.

К числу субъектов, как обеспечения гуманитарной безопасности, так и создания угроз ее достижению можно отнести средства массовой коммуникации. Силовой компонент в современном мире в эпоху информационных войн, занимает лишь пятое место. На первом месте идут организационно-концептуальные рычаги, на втором – идеологические или традиционные, это то, что существует на уровне архетипов или генотипов, память предков (это самое трудное для поражения противником), на третьем – информационные, на четвертом – финансово-экономические рычаги, которые идут впереди силовых. И только за ними следует политика и внешнеэкономический инструментарий. Не меньшую угрозу представляет Интернет, потому что эта сфера быстро развивается и по сути своей не подвержена тотальному контролю.

Задачу обеспечения гуманитарной безопасности и стабилизации межнациональных отношений невозможно эффективно решить без восстановления единого информационного и культурно-образовательного пространства – основной предпосылки для осуществления реального диалога культур, способствующего укреплению мира и стабильности.

Литература:

1. Бердяев Н.А. Судьба России. – М., 1990. С.87.
2. Сухарев А.И. Политика гуманитарной безопасности (К вопросу о теории политики и практике безопасности) // Безопасность Евразии. – 2000. – №1.

Социогуманитарные технологии современной информационной войны как угроза национальной безопасности российского государства.

Кафтан В. В.

Военный университет МО РФ, адъюнкт 12 кафедры (философии и религиоведения)

vick_472@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию феномена социогуманитарных технологий современной информационной войны. На основе анализа уровней угроз социогуманитарных технологий в системе национальной безопасности российского государства делается вывод, о том, что для обеспечения эффективной защиты от подобного рода воздействия необходимо сосредоточить усилия на создании и разработке социально-гуманитарных теорий как фундаментальной основы технологий современной информационной войны.

Ключевые слова: информационная война, социогуманитарные технологии, национальная безопасность, коммуникации, войны памяти, медиавирусы, мемы.

Social-humanitarian technologies of modern information war as a threat to the national security of Russia.

Kaftan V.V.

Military University of the Ministry of Defense of Russian Federation, postgraduate officer of the 12 Department of Philosophy and Religious

Abstract: The article is devoted to the study of the phenomenon of social-humanitarian technologies of modern information warfare. Based on the analysis of the threat levels of social-humanitarian technologies in the national security system of the Russian state, it is concluded that in order to provide effective protection against this kind of impact, it is necessary to concentrate efforts on creating and developing social and humanitarian theories as the fundamental basis of modern information warfare technologies.

Keywords: information war, social-humanitarian technologies, national security, communications, memory wars, mediaviruses, memes.

Социально-философский анализ современного состояния развития российского социума, а также положения дел России и ее руководства на международной арене позволяет констатировать, что в условиях глобального информационного противоборства отмечаются тенденции к повышению значимости содержательного компонента информационной войны, а именно усиление внимания к социально-гуманитарному знанию, где человек – это предмет социального конструирования. Такое восприятие вызвано тем, что в условиях развития процессов глобальной информатизации многие социальные процессы и явления, протекающие в жизни современного индивида, носят информационно-коммуникативный характер.

По мысли М. Кастельса, информационная война есть атрибут информационных обществ, который характеризует «формы господства в новой мировой системе» [4, С. 321]. М. Хардт и А. Негри в этой связи утверждают, что в условиях протекающей глобализации в мире складывается новая сверх-империя, использующая для тотального контроля массового сознания человека особую технологию разложения, выраженную в форме «господства, направленного на разрушение сингулярности масс посредством их принудительной унификации и безжалостной сегментации...» [11, С. 361].

Следуя этой мысли, современная информационная война против России осмысливается как особая радикальная форма информационно-коммуникативной активности, реализуемая западными социально-политическими акторами, и направленная на организацию, управление и контроль коммуникаций между различными субъектами общественного развития. Особую опасность в этом отношении представляют новые техники непрямого, мягкого воздействия на массовое сознание

и поведение российского общества, фундаментальную основу которых составляют различные социогуманитарные основания человека (знаково-символические системы, языковые и дискурсивные практики, ценности и т.д.).

По утверждению коммуникатолога А.И. Неклесса, социогуманитарные технологии современной информационной войны представляются некими специализированными формами управленческих конструкторов, способными кардинально трансформировать социальную действительность [6].

Согласно докладу корпорации РЭНД, данные технологии призваны решать следующие группы задач: создание духовно-нравственного кризиса в социальной среде; инициирование массовых беспорядков и разжигания различного рода конфликтов; дезинформация и манипулирование массовым сознанием и поведением общества; подрыв авторитета и демонизация государства на международной арене и т.д. [13].

Таким образом, вышеуказанные обстоятельства актуализируют философский дискурс относительно проблемы обеспечения национальной безопасности российского государства и социума в условиях развития и применения социогуманитарных технологий в современной информационной войне.

Анализ результатов применения социогуманитарных технологий современной информационной войны позволяет выявить следующие уровни угроз национальной безопасности России: медиа-инструментальный, идеолого-праксиологический, биосоциетальный и психокогнитивный.

Рассмотрим вышеуказанные уровни с учетом позиции методологии коммуникаций более подробно.

а) Медиа-инструментальный уровень может быть выражен как многомерное образование различных форм человеческой активности (политика, PR-деятельность, маркетинг и т.д.) и широкого спектра информационно-коммуникативных средств, формирующие взаимоотношения индивида с его настоящей действительностью в роли потребителя. Научно-методологическую базу здесь составляют взгляды и идеи философов М. Маклюэна и М. Кастельса. Так, по мысли М. Маклюэна, технология есть средство передачи сообщений, «расширение человеческой активности и его сознания во вне», появление и применение которого приносит кардинальные перемены в характере восприятия им своей повседневной действительности [5, С. 411].

Следуя этой мысли, глобальное информационно-коммуникативное пространство представляется как тесное взаимодействие различных социальных общностей в едином «эфире сознаний» (медиа-реальности), в котором они находятся в состоянии некоего рода борьбы или состязания.

Таким образом, появление и распространение средств коммуникации установили современную технологическую формулу глобального медиапроекта, где «информационная революция перераспределяет власть, расширяя горизонты времени и пространства» [8, С. 103].

В условиях глобального информационного противоборства происходит столкновение альтернативных медиапроектов, творцы которых предпринимают различные попытки переоформить настоящую реальность в программную среду. Другими словами, убедить дружественную, враждебную или нейтральную аудиторию в том, что представленное на экране монитора является объективной действительностью и происходит на самом деле.

Наиболее наглядно это проявляется в использовании различных web-технологий. Например, применение технологии «больших данных» в информационной войне позволяет отслеживать цифровой след человека в глобальной сети и на основе полученных данных формировать его психологический и поведенческий портрет для нанесения точных обезоруживающих ударов по сознанию индивида (американские выборы в 2017 г., разведывательная деятельность Э. Сноудена).

б) Идеолого-праксиологический уровень представляет собой синтез ценностей *материального и духовного порядка, удовлетворяющие потребности человека и общества*. Совокупность определенных ценностей образует конкретный тип идеологий, воздействующий на человеческую ментальность индивида, его координацию и приверженность к формам реальных или мнимых идентичностей, потребностей, услуг и т.д.

В социально-политическом пространстве множества различных типов идеологий ведут постоянную борьбу за власть над «фрагментами» душ, воли и желаний, которые обеспечивают победу наиболее

удачной идеологии с надлежащими далее дивидендами.

Важно подчеркнуть, что в рамках современной информационной войны западные социальные акторы, используя разнородный инструментарий «мягкой силы», предпринимают различные попытки по деконструированию самосознания русского народа.

Так, сегодня на наших глазах при помощи соответствующих социогуманитарных технологий расширяется и демонизируется советское прошлое России [2, С. 45]. Отечественный историк В.А. Шнирельман охарактеризовал деятельность подобного рода как «войны памяти» – социогуманитарная технология, базирующаяся на принципах недолговечности и неустойчивости индивидуальной памяти индивида [10, С. 41].

Важно отметить, что сегодня данная технология активно применяется для деконструкции вклада Советского Союза в дело победы над фашисткой Германией (создание различного рода симулякров, принижающих подвиги советских офицеров и солдат, формирование образа Германии как страны-жертвы политического режима А. Гитлера и т.д.)

в) Биосоциетальный уровень. В условиях информатизации социальные процессы, протекающие в жизни российского общества, например, открытость в плане человеческого взаимодействия, коррозия коммуникативных барьеров, а также падение уровня критического анализа окружающей действительности у граждан страны, обуславливают трансформации массового сознания в отношении его культурного наследия.

По утверждению этолога Р. Докинза, культура представляется неким «первородным бульоном», элементами которой по аналогии с генетикой являются мемы (от греч. μίμημα – подобие, подражание) – единицы передачи культурного наследия. К ним ученый относит различные мелодии, идеи, модные слова и высказывания и др. Сам процесс распространения мемов означает упрощение и примитивизацию социального явления до биологического: «Посадив в мой разум плодovitый мем, вы буквально поселили в нем паразита, превратив тем самым разум в носителя, где происходит размножение этого мема, точно так же, как размножается какой-нибудь вирус» [3, С. 295-296].

Повышение внимания к мемам, связано исследованиями Д. Рашкоффа, который для описания протекающих медиасобытий, прямо или косвенно влияющих на жизнедеятельность современного социума, ввел понятие «медиавирус», представляющий отлаженный контркультурный механизм медиатехник, способных «взламывать» настоящую действительность, меняя в массовом сознании людей представления о ней и заменяя привычные установки более упрощенной картиной мира [7].

Примером эффективного использования технологии медиавируса в информационной войне против российского государства и общества являются фильмы «ДМБ», «Зеленый слоник» и многие др., содержание которых порочит российскую армию и выставляет ее как «сборище дегенератов и отбросов» готовое совершать различные глупые и низменные поступки.

г) Психокогнитивный уровень отражает взаимосвязь различных знаково-символических систем и поведения человека. Философ-структуралист Ф. де Соссюр признает существование в самой социальной системе (языке, символах, мифах) объективных структур, не зависящих от сознания и воли людей, и способных стимулировать или сдерживать их действия и стремления [9].

По Л. Витгенштейну, именно язык человека выступает уникальным инструментом, который моделирует в сознании человека современную всеобщую картину мира: «границы моего языка определяют границы моего мира» [1, С. 25]. В философии постмодерна язык рассматривается как особая знаковая структура, являющаяся неким сосудом для независимых значений, которые оторваны от «фактов» реальности и намерений индивида. Другими словами, утверждается, что значения и смыслы формируются в контексте отношений между знаками, составляющими структуру языка, вследствие их определенного положения в этой структуре, а не вследствие их соответствия «фактам» действительности. В рамках ведения современного информационного противоборства такое осмысление лингвистических и семиотических теорий по отношению к поведению человека выливается в возможности конструирования множества различных деструктивных и манипулятивных технологий информационной войны (например, символическая деконструкция, языковые игры, архетипическая манипуляция, технология иронии и т.д.).

Подводя итоги, следует отметить, что сегодня заново переосмысливается тезис французского философа К. Леви-Стросса, что «XXI век должен стать веком гуманитарным или его не будет вовсе»

[12]. Сегодня, информационная война выходит на более качественный уровень, специфика которого проявляется в повышении значимости ее социогуманитарного компонента, а также в усилении масштабов и характера воздействия на массовое сознание и поведение российских граждан. Становится очевидным, что осознание отечественным научно-исследовательским сообществом потенциала социально-гуманитарного измерения в отношении развития современной информационной войны является необходимым гарантом для обеспечения безопасности российского государства, общества и личности как в условиях современности, так и его ближайшего будущего.

Литература:

1. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 2008.
2. Дердюк В.Б. Цивилизационная безопасность России в современных условиях // Власть. 2010. № 9. С. 45.
3. Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: Мир, 1993.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
5. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего.
6. Неклесса А.И. Интеллектуальная мобилизация России. URL: <https://gtmar-ket.ru/laborato-ry/expertize/2007/2106> (дата обращения: 24.03.2018).
7. Рашкофф Д. Медиавирус: Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. М., 2003.
8. Рыхтик М.И. Эволюция понятия «безопасность»: от «жестких угроз» до «мягких вызовов» // Современные проблемы мировой политики: Безопасность, конфликты и их анализ / под ред. М.М. Лебедевой. М., 2002. С. 103.
9. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М., 1977.
10. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2009.
11. Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004.
12. Berndt С.Н. Women's changing ceremonies in Northern Australia. Paris, 1950.
13. Molander, R.C., Riddle, A.S., Wilson, P.A. Strategic information warfare: a new face of war. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/mono-graph_reports/2005/MR661.pdf (Дата обращения 15.02.2020)

Устойчивость государства как социально-политическое явление

Кафтан В.В.

Финансовый университет при правительстве РФ, профессор департамента политологии и массовых коммуникаций. Доктор философских наук

kaftanvit@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема определения устойчивости государства.

Государство раскрывается в качестве одного из фундаментальных институтов жизнедеятельности человека как общественного существа. Масштаб и разнообразие возникающих сегодня глобальных проблем ставят под сомнение перспективы государства как монополиста в сфере властных отношений. В этих условиях реализована попытка, опираясь на различные подходы к устойчивости государства: системный, социальных практик, синергетический, конфликтологический и секьюритологический, определить сущность этого феномена. Сделан вывод о том, что устойчивость государства является важнейшим показателем его эффективного функционирования и динамичного развития. Автор полагает, что устойчивость государства представляет собой состояние политической, экономической, социальной и духовной систем общества, позволяющее преодолевать неблагоприятные факторы, вызовы и угрозы страны во имя обеспечения общих интересов ее граждан.

Ключевые слова: государство, устойчивость государства, безопасность, системный подход, социальные практики, синергетика, социальный конфликт.

The stability of the state as a socio-political phenomenon.

Kaftan Vitaliy

Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow), Department of Political Science and Mass Communication

Abstract: The article considers the problem of determining the stability of the state. The state is revealed as one of the fundamental institutions of human life as a social being. The scale and variety of global problems that arise today cast doubt on the prospects of the state as a monopolist in the sphere of power relations. Under these conditions, an attempt was made to determine the essence of this phenomenon, relying on various approaches to state stability: systemic, social practices, synergetic, conflictological and securitological. The conclusion is made that the stability of the state is the most important indicator of its effective functioning and dynamic development. The author believes that the stability of the state is a state of the political, economic, social and spiritual systems of society, allowing to overcome the adverse factors, challenges and threats of the country in the name of ensuring the common interests of its citizens.

Keywords: state, state stability, security, systematic approach, social practices, synergetics, social conflict

С момента своего возникновения, на протяжении всей истории человеческой цивилизации, государство, как основной регулятор общественных отношений, оказывает большое влияние на все стороны жизнедеятельности общества, способствует его выживанию и поступательному развитию. Государство представляет собой ядро политической системы общества, выступает главным институтом ведения политической деятельности. Устойчивое и эффективное развитие государства представляет одну из высших ценностей для своих граждан.

Устойчивость государства выступает интегративным явлением, которое, опираясь на принцип взаимодополнительности, сочетает в себе обеспечение стабильности (способность органов власти, осуществлять жизнедеятельность, не меняя собственную структуру), порядка (исправное устройство элементов политических структур), сбалансированности (выстраивание системы прав и обязанностей государственных институтов, уравновешивающих управленческие полномочия другого).

Имеется множество теоретических подходов для понимания устойчивости государства, рассмо-

три наиболее обоснованные из них.

Системный подход состоит в понимании устойчивости как важного свойства любой социальной системы, в которой происходит активное взаимодействие ее элементов в целях обеспечения жизнеспособности социальных субъектов.

По мнению Т. Парсонса, социальная устойчивость базируется на трех важных основаниях: символическом (язык), нормативном (ориентированность на нормы и ценности) и автономном (независимость от внешней среды). Ядром устойчивости государства выступает система символических образцов, с помощью которых организуется совместная общественная деятельность социальных субъектов [1, с. 19].

Подход социальных практик. Согласно П. Бурдьё, общество понимается как социальное пространство, состоящее из множества подпространств - полей, в каждом из которых идет активная борьба между социальными акторами за получение того или иного вида капитала: политического, экономического, культурного, что означает то же самое, что и борьба за власть [2, с. 31-33]. Символический (интеллектуальный) капитал играет ключевую роль, поскольку обладает самой высокой стоимостью и может быть свободно конвертирован в любой другой вид капитала. Привычные повседневные действия с установленными «правилами игры» формируют общественное мнение и устойчивость государства в целом.

Синергетический подход. С точки зрения синергетики как теории и самоорганизации И.Р. Пригожина [3, с. 48-49], стабильное существование государства является перемещением по определенному вектору от одного аттрактора (цели эволюции) к другому. При удалении системы от состояния равновесия, ее флуктуации (отклонения на пути к цели) могут создавать такую амплитуду колебаний, что при определенных условиях государство может изменить всю свою траекторию, выбрав новую цель [4, с. 8].

Моменту перехода государства к новому аттрактору (например, определенной идеологии) предшествует приближение системы к точкам бифуркации (место разветвления путей эволюции открытой нелинейной системы, в котором осуществляется выбор дальнейшего направления ее развития), в которых система определяется с дальнейшим выбором своего пути. В этой точке достаточно незначительного воздействия для полного изменения системой плана своего развития (эффект бабочки).

Конфликтологический подход обращает внимание на то, что столкновение различных социальных сторон способствует становлению некоего баланса сил, под которым и понимается устойчивость. По мнению Р. Дарендорфа [5, с. 209-210] и Л. Козера [6, с. 47-48], конфликты внутренне присущи любой социальной структуре и поэтому их невозможно устранить, но следует сделать гарантом безопасности. Любой возникающий в государстве конфликт свидетельствует о назревших противоречиях общественных отношений и является своего «сигналом» для вмешательства властных структур, обязанных снизить накал обострившихся противоположных потребностей, интересов, ценностных ориентиров, не допуская их трансформации в ожесточенное противостояние [7, с. 40-44].

Секьюритологический подход на первое место ставит обеспечение безопасности государства [8, с. 7]. Безопасность подразумевает искомое состояние системы (отсутствие угроз для выживания), а устойчивость – это тип смены ее реальных состояний, возможность противостоять внешним и внутренним вызовам с помощью «запаса прочности» системы. Можно представить устойчивость как особый вид саморегулирующегося развития необходимого для выживания во враждебной внешней среде.

В теории безопасности можно выделить две основные концептуальные модели безопасности.

Первая модель, предполагает, что основу безопасности составляет борьба с опасностями. То есть общество, государство, личность находятся в безопасности именно потому, что своевременно обнаруживают и предотвращают опасности [9, с. 68-69]. Данный подход исторически свойственен российской государственности, что объясняется непрерывающейся чередой посягательств на территориальную целостность страны. Однако последовательная реализация идеи защищенности, как показывает опыт СССР, неизбежно порождает потребность в наличии опасности, образе врага, поскольку безопасность утверждается не сама по себе, а в борьбе с противниками. Государство, чтобы быть в безопасности, должно не уступать своим противникам и находиться в готовности бороться с опасностями и угрозами. Отсутствие же реальной опасности и врагов разрушает саму идею безопасности, порождает равнодушные, эгоизм и может привести к утрате устойчивости государства.

Вторая модель (стратегия национальной безопасности США) построена не на борьбе с опасностями, а на развитии собственных внутренних сил. В соответствии с этой парадигмой, социальные субъекты государство, общество и личность настолько сильны, что угрозы не представляют для них реальной опасности. Необходимой предпосылкой развития в рамках данного подхода является определение угроз интересам, ценностям, образу жизни личности, общества, государства, а не угроз безопасности, как в первом случае.

Следует особо отметить, что и в теоретическом, и в политическом отношении важно определить в рамках какой модели предполагается решать существующие проблемы устойчивости российского государства, соответствует ли она интересам его развития, а также имеющимся экономико-финансовым и социально-политическим возможностям.

Таким образом, устойчивость государства представляет собой состояние политической, экономической, социальной и духовной систем социума, ориентированных на создание условий, необходимых для создания баланса между социально-политическими субъектами, основанными на социальном согласии, сохранении социумом собственной идентичности, справедливого правопорядка и наличия эффективных механизмов разрешения социальных противоречий, а также возможностью преодоления вызовов и угроз своему суверенитету.

Список литературы

1. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2002. 877 с.
2. Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб.: Ин-т экспериментальной социологии; М., Алетея, 2005 288 с.
3. Пригожин И.Р. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46-52.
4. Бляхер Л.Е. Нестабильные социальные состояния. М.: РОССПЭН, 2005. 207 с.
5. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М.: РОССПЭН, 2002. 284 с.
6. Козер Л. Функции социального конфликта. М.: Идея-пресс, 2000. 205 с.
7. Кафтан В.В. Политическая конфликтология и технологии урегулирования конфликтов. М.: КноРус, 2019. 396 с.
8. Ярочкин В.И. Секьюритология – наука о безопасности жизнедеятельности. М.: Ось-89, 2000. 399 с.
9. Литвинов Э.П. Философские основы концепции безопасности // Пространство и время. 2012. № 1. С. 66-73.

Квашенко В.В.

Западно-подмосковный институт туризма, филиал Российской международной академии туризма, доцент кафедры управления. Кандидат философских наук

vladimir_kvashenko@mail.ru

Аннотация. За время своего существования философия стала разветвленной системой, включающей множество различных отраслей философского знания. Процесс их формирования начался ещё в античную эпоху, продолжался на протяжении последующей истории, но особенно интенсивным стал в XX веке. Современная философия обращается к проблемам, порождаемым новыми явлениями и процессами, происходящими в мире, которые были совершенно не характерны для философии прежних эпох. Это приводит к появлению новых отраслей философии и дальнейшему усложнению его структуры. В последние десятилетия особую остроту приобрели проблемы, связанные обеспечением безопасности, с предотвращением и устранением угроз в жизнедеятельности человека и общества. К проблемам безопасности приковано внимание ученых, создана общая теория безопасности. Обращено внимание на эти проблемы и со стороны философского сообщества. По проблемам безопасности защищены диссертации по философии, подготовлено и издано немало различных работ. В силу глобальной значимости проблем безопасности представляется назревшей необходимостью признать философию безопасности как новую отрасль философского знания.

Ключевые слова: философия, структура философии, отрасль философского знания, угрозы, безопасность, безопасность человека, безопасность общества философия безопасности.

Security philosophy in the structure of philosophical knowledge.

Kvashenko V. V.

Western Moscow Institute of tourism, branch of the Russian Federation international Academy of tourism

Abstract: during its existence, philosophy has become an extensive system that includes many different branches of philosophical knowledge. The process of their formation began in the ancient era, continued throughout the subsequent history, but became especially intense in the twentieth century. Modern philosophy addresses the problems generated by new phenomena and processes occurring in the world that were completely out of character for the philosophy of previous eras. This leads to the emergence of new branches of philosophy and further complication of its structure. In recent decades, security issues related to the prevention and elimination of threats to human life and society have become particularly acute. Scientists' attention is focused on security issues, and a General theory of security has been created. The attention of the philosophical community is also drawn to these problems. Dissertations in philosophy have been defended on security issues, and many different papers have been prepared and published. Due to the global significance of security issues, it seems urgent to recognize the philosophy of security as a new branch of philosophical knowledge.

Keywords: philosophy, structure of philosophy, branch of philosophical knowledge, threats, security, human security, security of society security philosophy.

За две с половиной тысячи лет своего существования философия прошла долгий путь развития. За это время возникло множество самых разнообразных философских учений, школ, течений и направлений. Едва ли можно подсчитать, сколько философских идей, концепций, гипотез было выдвинуто и сколько учений создано за эти тысячелетия. Философия стала неисчерпаемой сокровищницей мудрости, объем философских знаний, накопленных за время существования философии, количество книг и трудов по философии не поддается воображению. Весь этот колоссальный массив знаний не является монолитным. Подобно любому материальному или духовному предмету или явлению философия представляет собой систему, включающую многие отрасли философского знания, называемые разделами философии или

философскими дисциплинами. Глубоко укоренилось в философской литературе, до сих пор сохраняя прочные позиции, и традиционное, но нуждающееся в пересмотре, именование этих структурных частей философии философскими науками.

Процесс формирования в рамках философии различных её отраслей начался ещё в античную эпоху и продолжался на протяжении всей последующей её истории. Древнегреческая философия, носившая на первоначальном этапе название натурфилософии, вначале включала в себя все имевшиеся в то время научные знания и представляла собой совокупное синкретическое знание. Затем, начиная примерно с IV в до н.э., начался процесс дифференциации этого синкретического знания, и от философии стали отделяться («отпочковываться») области знаний, ставшие в последующем самостоятельными науками – математика, медицина, астрономия, география, история и др. А в составе философии обособились в качестве ее первых разделов три оставшиеся части: физика (учение о природе), логика и этика.

Одновременно с процессом выхода из философии и формированием самостоятельных частных наук стало выстраиваться здание самой философии, она приобретала все более сложную структуру. В ходе исторического развития философии на каждом новом этапе в её предметное поле вовлекались все новые и новые проблемы, поиск решения которых приводил к появлению новых отраслей философии.

В Новое время в целостном философском знании оформились онтология, гносеология, философия природы, философия истории, некоторые другие.

В XIX – XX веках философия обогатилась философской антропологией, аксиологией, эпистемологией. Утвердились такие философские дисциплины как философия культуры, спорта, образования, здравоохранения, и целый ряд других.

В современной философии вопрос о структуре философии является открытым. Существуют разные точки зрения. Согласно одной из них философия состоит из трёх тесно связанных между собой частей: онтологии, гносеологии и аксиологии.

Сторонники другой точки зрения считают, что философия представляет собой систему, включающую такие философские дисциплины, как онтология, гносеология, философская антропология, социальная философия, логика, этика и эстетика. Каждая из этих дисциплин имеет свой предмет и категориальный аппарат. Но едва ли можно полностью с этим согласиться, т.к. логика, этика, эстетика давно претендуют на право считаться самостоятельными науками.

Существует и точка зрения, согласно которой философия содержит в себе гораздо большее количество отраслей и представляет сложную открытую систему [1].

Действительно, жизнь постоянно рождает и ставит перед человеком множество проблем. Со временем они становятся предметом философии, вовлекаются в сферу её интересов и круг философских вопросов и горизонт философского знания расширяется. Особенно интенсивным этот процесс стал в XX веке. Философия обращается к проблемам, порождаемым новыми явлениями и процессами, происходящими в мире, которые были совершенно не характерны для философии прежних эпох и выходят за рамки традиционной философской проблематики.

Поиск ответов на эти вопросы приводит к появлению новых отраслей философии и дальнейшему усложнению его структуры. Логично утверждать, что практически любая значимая сфера общественной жизни может рассматриваться в качестве предмета философского осмысления и находить отражение в системе философского знания в виде соответствующей её отрасли. На эту особенность философии указывал ещё Вольтер, считавший, что «философскому осмыслению должны быть подвергнуты все без исключения предметы, привлекающие к себе внимание человека, и существенно важные для человеческого рода» [2]. Это обращение философии к различным сферам общественной жизни и явлениям культуры повлекло появление её самостоятельных отраслей, таких как философия права, морали, религии, науки, политики, искусства,

В этой связи следует особо отметить, что в последнее время появляются работы по таким отраслям философии, как философия медицины, психиатрии, управления, экономики, менеджмента, информатики, психологии, педагогики и др. Эти отрасли философского знания возникли недавно. Необходимость в их появлении вызвана тем, что с помощью только одних наук, изучающих соответствующие сферы общественной жизни и виды практической деятельности, полное и целостное знание о них получить невозможно. Необходимо и философское осмысление этих явлений, процессов и сфер практической деятельности. Только в результате совместных усилий науки и философии могут быть

получены ответы на важные для человека вопросы.

При этом происходит постоянная смена приоритетов внутри философской проблематики. В древности философия искала субстанцию как первооснову мира, его первоначало, в средние века – доказательства существования бога, в эпоху Возрождения обратилась к человеку, в Новое время занималась поиском и разработкой методов научного познания. Перед современной философией со всей остротой встали вопросы о судьбах человеческой цивилизации, будущем человека и человечества. Приоритетной отраслью в системе современного философского знания стала социальная философия. Множество появившихся в последнее время проблем, затрагивающих основы жизнедеятельности людей, сплелись в тугую узел и требуют не только философского осмысления и научного решения, но и безотлагательных практических действий мирового сообщества. Все эти процессы, происходящие внутри самой философии, её усложнение и расширение границ нашли адекватное отражение в её структуре.

Вместе с тем в последнее время некоторыми авторами высказывается опасение по поводу чрезмерного расширения системы философского знания и провозглашения всё новых и новых её отраслей [3]. Поэтому необходима выработка строгих критериев, по которым те или иные отрасли знания могли бы быть квалифицированы как действительно философские, и какие из них можно считать новыми отраслями философии, а не лишь незначительными сегментами в структуре общепризнанных отраслей философии.

При таком подходе многие из недавно появившихся и перечисленных философских новообразований, таких как философия математики, психологии, педагогики, менеджмента, экономики (как науки), информатики и т.д. вряд ли могут претендовать на статус самостоятельных отраслей философского знания. По всей видимости, все они могут быть квалифицированы лишь как разделы философии науки, являющейся общепризнанной и прочно утвердившейся философской дисциплиной.

Аналогично философия войны, силового принуждения [4], терроризма, экономики (как хозяйственной деятельности), образования, здравоохранения, туризма и т.д. тоже следует рассматривать лишь как разделы социальной философии.

Что же касается некоторых совсем уж непривычных словосочетаний, а таких немало вплоть до «философии комфорта» или даже «философии унитаза», то это не более чем рассуждения о соответствующих предметах, явлениях и сферах человеческого существования, которые никак не могут квалифицироваться ни как философские дисциплины или разделы философии, ни как их составные части.

В этой связи обращает на себя внимание появившееся недавно, но уже утвердившееся словосочетание «философия безопасности».

Проблемы, связанные с обеспечением безопасности, с предотвращением и устранением угроз в жизнедеятельности человека и общества с давних пор привлекали внимание ученых и политиков, но в последние десятилетия приобрели особую остроту. По сравнению с прошлыми эпохами количество угроз жизни человека и общества неизмеримо возросло. Повсеместно отмечается увеличение количества природных катастроф, существует реальная возможность катастроф и космического характера

Но все большую угрозу человечеству в целом и жизни каждого человека в настоящее время таят угрозы, имеющие социальный характер, т.е. порожденные деятельностью самих людей. Наиболее ярким примером является авария на Чернобыльской АЭС, едва не ставшая катастрофой планетарного масштаба.

Спектр угроз для человека и общества в современных условиях неизмеримо расширился. Неслучайно поэтому в последнее время к проблемам безопасности приковано особое внимание ученых, политиков, общественных деятелей, международных организаций. Создана общая теория безопасности, включающая различные виды – теорию национальной безопасности, военной, экономической, продовольственной, социальной, информационной, экологической и др. Обращено внимание к этим проблемам и со стороны философского сообщества. По проблемам безопасности защищены диссертации, подготовлено и издано немало различных работ. Все это послужило достаточным основанием для того, что было признано рождение новой отрасли знания – философии безопасности. В свою очередь она включает целый ряд составных частей – философию национальной безопасности, военной экономической, политической, социальной, информационной, психологической, культурной, экологической безопасности и пр.

Поэтому в структуре философского знания в один ряд с общепризнанными разделами философии можно поставить и философию безопасности, предметом которой является безопасность, как одно

из условий жизнедеятельности бытия человека и общества. Более того, силу глобальной значимости проблем безопасности представляется назревшей необходимостью систематизации и обобщения многочисленных трудов по проблеме безопасности, созданных представителями различных современных философских школ и направлений, и признать философию безопасности как новую отрасль философского знания

Список литературы:

1. Квашенко В.В. Современные представления о структуре философского знания. - Материалы пленарного и секционных заседаний VI международной научно- практической конференции «Устойчивое развитие муниципальных образований Вопросы теории, методологии и практики». г. Одинцово, 25-26 октября 2012 г. Одинцово, АНОО ВПО ОГИ, 2013.
2. Кузнецов В.Н. Философское творчество Вольтера и современность. //Вольтер. Философские сочинения. – М.: 1989. – С.12
3. Каменский З.А. Философия как наука. Классическая традиция и современные споры. – М.: 1995. – С.7.
4. Колотуша В.В. Философия силового принуждения. Голицыно: ГПИ, 2009.172 с.

Колотуша В.В.

Московский психолого-социальный университет, профессор. Доктор философских наук

kolot2009@ya.ru

Аннотация: В условиях становления полицентричной модели мироустройства ситуация в мире во многом определяется взаимодействием цивилизаций, обеспечением баланса сил между ними. Российской цивилизации принадлежит особая миссия в поддержании устойчивого мира на планете через утверждение его полицентричности. Безопасность каждой цивилизации заключается в защищенности ее культурного пространства, в способности стержневых стран своевременно нейтрализовывать внешние и внутренние угрозы. В свою очередь национальная безопасность этих стран зависит от безопасности цивилизаций, к которым они принадлежат. Важнейшей функцией стержневых стран является создание условий сохранения традиционных ареалов культур своих цивилизаций, противостояние языковой и этноконфессиональной дискриминации ее представителей, их насильственному принуждению к отказу от культурно-цивилизационной идентичности, в том числе со стороны государств, по которым проходят культурно-цивилизационные разломы.

Ключевые слова: безопасность цивилизации, культурно-цивилизационная идентичность, российская цивилизация, стержневая страна цивилизации, полицентричный мир, принуждение, языковая и этноконфессиональная дискриминация.

Security of Russian civilization in a polycentric world.

Kolotusha V. V.

Moscow University of psychology and social Sciences, Professor of the Department of social- humanitarian and natural Sciences.

Abstract: In the conditions of the formation of a polycentric model of the world order, the situation in the world is largely determined by the interaction of civilizations, ensuring the balance of forces between them. Russian civilization has a special mission in maintaining sustainable peace on the planet through the assertion of its polycentricity. The security of each civilization lies in the security of its cultural space, in the ability of core countries to neutralize external and internal threats in a timely manner. In turn, the national security of these countries depends on the security of the civilizations to which they belong. The most important function of core countries is to create conditions for preserving the traditional areas of cultures of their civilizations, to resist linguistic and ethno-confessional discrimination of its representatives, and to force them to renounce their cultural and civilizational identity, including by States that have cultural and civilizational faults.

Keywords: security of civilization, cultural and civilizational identity, Russian civilization, the core country of civilization is a polycentric world, coercion, linguistic and ethno-confessional discrimination.

Проблемы национальной безопасности отдельных стран не могут быть решены без учета их цивилизационной принадлежности, их места в определенной цивилизации, без учета роли последней в мировом сообществе, особенностей глобальных социальных процессов. Очевидно, что к числу ведущих среди них относится становление полицентричного мира, что в значительной мере обусловлено эмансипацией основных цивилизаций, их освобождением от господства западной цивилизации. В современном мире именно российская цивилизация, в силу наличия у нее ряда уникальных потенциалов, выступает одним из ведущих гарантов невозврата человечества к моноцентричной модели мироустройства, что и вызывает непрекращающиеся попытки покушения на ее безопасность со стороны стран Запада. США и их наиболее близкие союзники прилагают постоянные усилия по сужению и разрушению культурного пространства российской цивилизации. При этом активно применяются «информационно-когнитивные средства влияния, предназначенные для смены политической, социальной и даже правовой основ общества, превращая их в удобный для противника

субъект или актер, как правило, не способный сохранить свой суверенитет и идентичность» [1, с.119].

Эти обстоятельства актуализируют философский дискурс относительно проблемы безопасности цивилизации в целом и российской цивилизации в частности. Безопасность цивилизации определяется нами как защищенность ее культуры, носителей ее ценностей от насильственного принуждения (насилия). Насилие как всякое силовое принуждение сопровождается применением силы, в том числе нанесением ущерба материальным и духовным средствам существования людей, их социальным связям. К насильственному принуждению относится воздействие, направленное на получение его субъектом односторонней выгоды, в ущерб тому, к кому оно применяется. Такое насилие может осуществляться в скрытом виде, в том числе посредством умышленного искажения информации [2, с.15-16]. Наш подход близок к пониманию безопасности А.И. Поздняковым, который связывает ее с защищенностью материальных и духовных ценностей общества от преднамеренного ущерба [3].

Необходимо особо подчеркнуть, что все основные цивилизации современного мира имеют в качестве своих духовных оснований определенную философскую традицию и могут опираться на нее для поиска ответов на вызовы современности, обоснованность которых зависит от силы и адекватности философской рефлексии, ее соответствия уникальным культурным кодам определенной цивилизации. А.В. Смирнов справедливо утверждает, что многополярный мир невозможен иначе, чем многоцивилизационный и его обоснованием права каждой «большой культуры», развернувшей исторически собственную цивилизацию, на то, чтобы выстраивать свое идейное, политическое, социальное пространство в соответствии со своей базовой логикой [4, с.13].

Актуальность проблематики безопасности цивилизаций обуславливает потребность дальнейшего размышления о взаимосвязи статуса цивилизации с наличием или отсутствием в их составе стержневых стран. Согласно С. Хантингтону, «в мире после холодной войны страны соотносятся с цивилизациями как страны участницы, стержневые государства, страны-одиночки, расколотые страны и разорванные страны». При этом к стержневым странам он относит «наиболее могущественные и центральные в культурном отношении», а по признаку наличия таких стран выделяет цивилизации со стержневыми странами и без таковых [5, с.202–203]. Представляется, что предложенная С. Хантингтоном классификация стран и цивилизаций, с определенными оговорками, применима для философского анализа проблемы безопасности цивилизаций. Необходимо при этом подчеркнуть актуальность при создании соответствующей социально-философской концепции методологического инструментария, предложенного в ряде трудов современных отечественных философов. Кроме уже упомянутых нами, к ним следует отнести работы В.В. Миронова, К.Х. Момджяна и других авторов. Так, например, опираясь на субстанциально-деятельностный подход [6], можно охарактеризовать бесстержневые цивилизации как номинальные социальные общности, к реальным же следует отнести только те, которые имеют стержневую страну или группу тесно интегрированных стран. Можно утверждать, что только реальные цивилизации как самодостаточные социокультурные общности способны противостоять культурной энтропии. Именно они способны обеспечивать свою безопасность, защищая культуру цивилизации от намеренного ущерба, носителей ее ценностей – от насильственного принуждения.

Глобальная ситуация характеризуется не только ростом значения цивилизаций, но и усилением их взаимодействия. Такое взаимодействие осуществляется в виде обмена достижениями, сотрудничества, но зачастую в форме противоборства и острейшей конкуренции. Нельзя не согласиться с А.А. Бартошем, который указывает на то, что конкуренция в современном мире «все больше приобретает цивилизационный характер, форму соперничества ценностных ориентиров». Как и с его тезисом о взаимосвязи процесса становления полицентричного мироустройства с усилением фактора культурно-цивилизационной идентичности народов. Выход из создавшегося положения ему видится «в предотвращении межцивилизационных разломов, формировании партнерства между культурами, религиями и цивилизациями, призванного обеспечить гармоничное развитие человечества» [7, с. 3].

Представляется, что одни усилия по преодолению межцивилизационных разломов не позволят в полной мере обеспечить безопасность цивилизаций. Гораздо важнее обеспечить нейтральный статус стран, которые С. Хантингтон относит к расколотым, то есть тех стран, где такие разломы имеются. Для нейтрализации такого рода разломов необходимо позаботиться о беспрепятственности и полноценности связей носителей родственной культуры из числа граждан этих стран с представителями своей цивилизации. Особенно важно создавать условия сохранения их культурно-цивилизационной идентичности, всячески препятствовать принуждению их к отказу от своих этноконфессиональных

корней, в т.ч. к отказу от родного языка. Стержневые страны обязаны всеми легальными средствами препятствовать такого рода насильственному принуждению по отношению к носителям культуры цивилизации, проживающим вне пределов этих стран. Такого положения можно достигнуть через достижение баланса сил между основными цивилизациями современного мира и признания на этой основе права интегративных и индивидуальных субъектов на культурное самоопределение. Усилия цивилизаций по обеспечению своей безопасности должны сочетаться с использованием «мягкой силы», т.е. демонстрацией своих естественных преимуществ, заботой о сохранении культуры, добросовестной конкуренцией в различных областях общественной жизни. Интеграционные процессы с цивилизационно близкими странами должны быть обусловлены их готовностью поддерживать это общее культурное достояние. Защищенность культуры цивилизации также должна обеспечиваться пресечением посредством правового принуждения субъектов насильственных посягательств на носителей родственной культурной идентичности в тех странах, которые С. Хантингтон относит к разорванным.

Особое значение для безопасности нашей цивилизации имеют сохранение и развитие лучших традиций отечественного образования, в том числе путем его решительной деbüroкратизации, деформализации и избавления от навязанных извне подходов. В связи с этим нельзя не поддержать призыв В.В. Миронова о необходимости «использовать все легальные механизмы для достижения своей цели – сохранения и развития лучших традиций отечественного образования и науки» [8, с. 3]. К числу этих традиций, на наш взгляд, относится и доступность получения достойного образования в нашей стране. В том числе для тех молодых людей, которые проживают за пределами России, но разделяют духовные ценности российской цивилизации.

Безопасность российской цивилизации во многом зависит от ее способности защищать границы своей культуры, которая складывается из лучших достижений взаимодействующих этнических культур, имеющих общее ценностное ядро. Она является общим достоянием всех групп, составляющих суперэтнос. Рубежи нашей цивилизации являются границами множества пересекающихся духовных ареалов, обусловленных стратами ее исторической судьбы. При этом решающее значение имеют общие победы, герои и достижения. Пограничные отношения стержневого государства должны максимально облегчать контакты носителей единой культурно-цивилизационной идентичности, доступ желающим ознакомиться с достижениями культуры российской цивилизации, быть непреодолимым барьером для тех, кто пытается посягать на ее ценности.

Литература:

1. Подберёзкин А.И. Информационно-когнитивное силовое «форматирование» правящих элит субъектов военно – политической обстановки в «переходный период». Концепт: философия, религия, культура. 2019;(2):113–134. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2019-2-10-113-134>
2. Колотуша В.В. Философия силового принуждения. Голицыно: ГПИ, 2009. 172 с.
3. Поздняков А.И. Сравнительный анализ основных методологических подходов к построению теории национальной безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. No 21 (210). С. 46–53.
4. Смирнов А.В. Всечеловеческое и общечеловеческое: Европа, Арабский мир, Россия // Концепт: философия, религия, культура. 2019;(4):7–15. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2019-4-12-7-15>
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева. М.: АСТ, 2007. 571 с.
6. Момджян К.Х. Гипотеза общественного прогресса в современной социальной теории // Вопросы философии, 2016, No 10, С. 36–46.
7. Бартош А.А. Конфликты XXI века. Гибридная война и цветная революция. М.: Горячая линия – Телеком, 2018. 282 с.
8. Миронов В.В. «Мой оптимизм - сдержанный»: о философии, образовании и человеке в современной российской культуре. Концепт: философия, религия, культура. 2019;(2): 9-26. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2019-2-10-9-26>

Аналитика интеллектуального прорыва

Курнос Ю.В.

Экспертно-аналитический центр «НАУТИЛУС», руководитель департамента аналитики. Доктор философских наук, профессор

ipskurnosov@mail.ru

Аннотация: Социальный заказ современной философии и науке в целом от руководства страны сформулирован и поставлен, что свидетельствует о чрезвычайной актуальности идей, которые обеспечат прорыв страны в будущее. Мыслящий класс страны должен прорывные идеи не только искать, но и генерировать. Среди интеллектуальных лидеров России – «Русская аналитическая школа». В рамках этого проекта издаётся серия книг по теории и практике аналитической работы в сфере национальной безопасности и государственного и муниципального управления, проводятся научно-практические конференции. Аналитика является важным фактором развития каждой личности, общества и государства. Показаны прорывные направления аналитической деятельности для усиления её роли в формировании интеллектуального потенциала страны. Представлены пути создания в государстве механизмов, обеспечивающих движение идей «снизу – вверх».

Ключевые слова: аналитика, экспертно-аналитическая деятельность, «Русская аналитическая школа» (РАШ), обеспечение безопасности, устойчивое состояние России, постановка (выявление) и эффективное решение проблем, интеллектуальный потенциал страны.

Intelligent Breakthrough Analytics. Kurnosov Yu. V.

Expert and analytical center «NAUTILUS», head of the Analytics Department

Abstract: The state authorities have formulated and set social demands to modern philosophy and science in general, showing the top urgency and relevance of ideas that guarantee a breakthrough into the future. The intellectuals of the country should not only search for the decisive breakthrough ideas, but also actively generate them. Among the intellectual leaders of Russia is the «Russian analytical school». As part of this project, a number of books on the theory and practice of analytical work in the field of state security and municipal management are published, and scientific and practical conferences are held. Analytics is an important factor for the development of each individual, social society, and state. Breakthrough trends of analytical activity for strengthening its role in the development of the country's intellectual potential are shown. Ways of creating state mechanisms that ensure the «bottom-up» movement of ideas are discovered.

Keywords: Analytics, expert-analytical activity, “Russian analytical school” (RAS), security, sustainable position of Russia, problem revealing and their effective solution, intellectual potential of the country.

Социальный заказ современной науке от руководства страны сформулирован и поставлен. Он свидетельствует о чрезвычайной актуальности поисков идей, которые обеспечат прорыв страны в будущее. Их надо не только искать, но и самостоятельно генерировать, вырабатывать мыслящему классу России.

Обеспечить реализацию данного заказа в полной мере может только Аналитика, как мощный интеллектуальный феномен, имеющий тысячелетнюю историю со времён Аристотеля [1]. «Русская аналитическая школа» (РАШ), как межрегиональный сетевой проект, объединяющий в своих рядах передовых представителей экспертно-аналитического сообщества России, пытается показать это, в том числе через проводимые нами на регулярной основе научно-практические конференции под общим девизом «Аналитика на службе Отечеству». За последние годы на базе Российской академии государственной службы и народного хозяйства при Президенте РФ и Центрального дома журналистов проведено пять таких конференций [2]. Проведённая работа способствует становлению Аналитики как

научной дисциплины. Мы уверены, что в ближайшее время во всех вузах страны будут преподавать Аналитику, появятся соответствующие кафедры и учебники. Необходимость этого давно назрела. В стране, во всех структурах власти существует огромное количество аналитических подразделений, однако кадры для них никто специально не готовит [3, с.10-11]. Мы говорим об этом много лет, однако бюрократическая машина крайне невосприимчива к новому.

Господствующая в нашем обществе наука не способна дать требующиеся прорывные идеи, а РАШ в течение последних десяти лет их теоретически разработала, обосновала и предлагает стране. Издано семь монографий по различным аспектам теории и практики аналитической работы в сфере государственного и муниципального управления и обеспечения безопасности. В этих фундаментальных трудах показано ключевое и определяющее место Аналитики как важного фактора развития государства в целом, общества и личности руководителя. Аналитика выполняет крайне важную функцию в управлении страной, начиная от вопросов прогнозирования и планирования, и заканчивая обучением руководителей всех уровней эффективному выявлению, формулированию и решению проблем в жизнедеятельности общества и государства [4].

Общепризнана актуальность аналитики, в государственных и коммерческих структурах всё чаще появляются должности аналитиков и аналитические центры, но сохраняется неопределенность и неоднозначность понимания её сущности. В связи с этим очень важны её исследования как феномена в общественной практике, управлении. Их успех возможен при теоретическом объяснении аналитики на основе эвристического потенциала философии, прежде всего выполнения ею методологической функции. Аналитика начинается с умения сущностного мышления, выявления в имеющейся и поступающей информации латентных элементов, отражающих сущность предметов, явлений и процессов, что обеспечивает философия. Крайне важным фактором в современной России является «развитие способности философствования как главного условия индивидуального успеха и общественного прогресса в третьем тысячелетии [5, с.9]. Началом её становления может быть только понимание сущности философии и её теоретизация на основе ее собственных принципов, овладение её технологией. А поэтому важно специальное исследование философского основания аналитики. «Все представители добра должны стать глашатаями овладения обществом могуществом мышления, интеллекта, философствования, теоретической науки, идейности без чего общество не выживет» [5, с.21]

Ситуация в мире и в России действительно взрывоопасна. Накоплены горы проблем, которые часто решаются не в интересах всего народа, а лишь в пользу богатей. Нынешнее состояние России неустойчиво, существующая модель нашей страны не обеспечивает её устойчивое развитие. Велика угроза преобразования российского государства в «сырьевой придаток» Запада. В сфере международных отношений напряжение и противоречия также усиливаются. Многие исследователи отмечают, что в мире фактически идёт Третья мировая война, протекающая в гибридной форме, с преимущественным задействованием информационно-психологической и финансово-экономической сферы [6, с.318-319].

Размышления о будущем Аналитики, о её роли в жизни личности, общества и государства, о путях интеллектуального прорыва России в Будущее, приобретают особую актуальность. В рамках проекта РАШ разработаны теоретические основы и осмыслен практический опыт аналитической работы в наших силовых структурах, учебных заведениях и Счётной палате России, изучаются перспективы развития Аналитики в нашей стране и за рубежом. Коллектив РАШ много лет ведёт строительство системы знаний по Аналитике и её утверждения в качестве учебной дисциплины в вузах. Эти знания частично представлены в серии книг РАШ. Эта теоретико-методологическая работа позволяет обобщить и вычленил всё наиболее полезное для практического укрепления Аналитики, показать прорывные направления деятельности для усиления её роли в формировании интеллектуального потенциала страны. На мой взгляд, этот потенциал является главным, определяющим, а вовсе не нефть, газ, лес, золото или алмазы [7]. РАШ предлагает России и миру новые интеллектуальные инструменты, позволяющие улучшить менталитет нации, качественно улучшить всю систему государственного и муниципального управления, обеспечения безопасности в нашей стране [8, с.34-43].

К сожалению, в нашей стране, как и во многих других, утвердилась порочная система, когда в обществе новации идут только сверху вниз по мере уяснения их политическим руководством страны. Обычно истинна мысль, высказанная ещё библейским Екклезиастом – «мудростью бедняка пренебрегают». У этой истины печальны последствия – происходит падение империй. Эта негативная практика длится тысячелетиями, от времён египетских пирамид до наших дней [9].

Поэтому одной из важнейших проблем общественного прогресса, которые подлежат

осмыслению и решению, является создание в государстве механизмов, обеспечивающих движение идей «снизу – вверх». Условие её решения – овладение народом идеями, что принудит власть к их усвоению и внедрению в практику. Исходным фактором «прорыва» может быть опора на креативный и интеллектуальный потенциал народа, в том числе создание мощной государственно-общественной системы выявления, отбора сильных и эффективных идей, изобретений, технологий и инноваций во всех сферах и внедрение их в практику. Эти механизмы одновременно являются и обеспечением обратной связи власти с народом, обеспечивая своевременное реагирование органов государственной власти и управления на возникающие внешние и внутренние угрозы. Это главная функция власти и путь к глобализации «интеллектуального лидерства» страны [8, с.215-220].

У нас в стране разработано огромное число такого рода новаций, однако на пути их внедрения стоит мощная бюрократическая машина. Практически во всех сферах жизнедеятельности общества и государства имеются не только идеи, но и практические технико-технологические решения существующих проблем, внедрение которых десятилетиями сознательно тормозится. И даже когда удаётся получить желанную резолюцию высших должностных лиц государства – это ещё не факт, что вашему проекту дадут «зелёный свет», способов торможения прорывных идей бюрократия придумала множество.

Мы глубоко убеждены, что при существующих ресурсах наша страна могла бы резко улучшить жизнь простых людей. Буржуазная идеология, с которой так боролась советская власть, расцвела в наше время буйным цветом, она заполонила сознание сотен тысяч людей, пришедших во власть и почувствовавших вкус наживы и «халявы». К сожалению, в современных условиях эти коренные противоречия между бедными и богатыми, идеалами социально справедливого государства и идеологией личного обогащения, продолжают обостряться и легко могут принять экстремистские формы.

Будущее покажет, насколько мы оказались правы. Идеи и наработки, которые мы уже давно предлагаем стране через книги, выступления в СМИ и систему научно-методических мероприятий РАШ, действительно нужны ей как воздух [8, с.245-273]. В этом моё убеждение. Любой управленец, освоивший даже азы Аналитики, становится на голову выше других, это сразу видно по большей эффективности его работы. Конечно, есть талантливые люди-самоучки, которые добиваются высоких результатов, слабо разбираясь в теоретических вопросах, но это исключение. Современные требования к руководителю и аналитику высоки и предполагают их высокую профессиональную подготовку. Можно смело утверждать, что базовым сегментом профессиональной состоятельности современного руководителя является его отношение к Аналитике.

Социальный прогресс не может быть локальным или национальным, это всеобщее явление. Но кто-то должен дать ему импульс. Имеются все основания говорить, что такой импульс мировому сообществу может прийти из России. Для этого она должна продемонстрировать миру возможность качественного развития духовности, менталитета, интеллекта народа, идти не по пути «экспорта мозгов» и перебежчиков, а по пути воспитания, образования, обучения всё большего числа граждан, всемерного укрепления интеллектуального потенциала страны. Разработка новых концептуальных подходов к созданию отечественной аналитической школы, консолидация интеллектуальных сил и аналитических структур Российской Федерации для решения актуальных задач развития, имеет большое значение для России и наших партнёров за рубежом.

Литература:

1. Аристотель. Аналитики Первая и Вторая. – М.: Госполитиздат, 1952. <http://simposium.ru/ru/node/9341>.
2. Аналитика на службе Отечеству. Сборник статей (под ред. проф. Ю.В.Курносова), выпуск 1, 2, 3, – М.: Ритм, 2018, 2019, 2020.
3. Курносов Ю.В. Аналитика как интеллектуальное оружие – М.: РУСАКИ. 2-е изд., 2015. – 613 с.
4. Курносов Ю.В., Конопатов П.Ю. Аналитика: методология, технология и организация информационно-аналитической работы. – М.: Русаки, 2004. 512 с.
5. Войтов А.Г. Менталитет (идеи, идеальное, идеология, идеократия, идейность) – М.: «Дашков и К». – 392 с.
6. Курносов Ю.В. Философия аналитики. – М.: Ритм, 2017.
7. Курносов Ю.В. Аналитика и разведка. Размышления профессионала. 3-е изд. – М., Ритм, 2019. 392 с.
8. Курносов Ю.В. Алгебра аналитики. Секреты мастерства в аналитической работе. – М.: Ритм, 2016. 288 с.
9. Курносов Ю.В. Тайные доктрины. Эзотерика русской аналитики. – М., Ритм, 2018. 312 с.

Лаза В.Д.

*Московский государственный лингвистический университет, профессор кафедры мировой культуры.
Доктор философских наук, доцент*

Laza69@mail.ru

Аннотация: Безопасность государства достигается наличием эффективного механизма управления и координации деятельности политических сил и общественных групп, а также действенных институтов их защиты. В статье рассматриваются методы и методология управления в сфере обеспечения государственной безопасности, определяются его цели, задачи, особенности субъекта и объекта, взаимозависимость и взаимообусловленность целей, задач, функций и принципов. Обеспечение государственной безопасности, таким образом, представляется как особая социальная система, при этом являющаяся подсистемой более широкой системы обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: методология, метод, управление, государственная безопасность, система, интересы личности, общества, государства

Security of Russian civilization in a polycentric world.

Laza V. D.

Moscow State Linguistic University - Department of World Culture

Abstract: The security of the state is achieved by having an effective mechanism for managing and coordinating the activities of political forces and social groups, as well as effective institutions for their protection. The article considers the methods and methodology of management in the field of state security, defines its goals, tasks, features of the subject and object, the interdependence and interdependence of its goals and tasks, functions and principles, Ensuring state security, thus it is presented as a special independent social system, while being an element of another, broader system – the system of ensuring national security.

Keywords: methodology, method, management, state security, system, national interest, individual, society, state.

Безопасность является одной из ведущих отраслей государственного управления, поэтому методология управления в сфере обеспечения государственной безопасности во многом соответствует методологии государственного управления в целом, но в силу своей специфики использует и некоторые специальные методы.

Применительно к государственному управлению **методология** представляет собой совокупность целей и задач, принципов, подходов и функций, критериев и показателей, форм и методов управления. Это особая логическая схема управленческой деятельности, которая предполагает взаимосвязанное понимание целей, средств и способов их достижения. Это умение видеть, распознавать, понимать, оценивать и учитывать зависимости и детерминанты, которые раскрывают содержание проблем и подсказывают пути их решения.

Одним из наиболее принципиальных элементов методологии управления является подход к пониманию ее содержания и решению связанных с этим задач, так как именно он определяет направление рассмотрения того или иного процесса, явления, в котором применительно к объекту управления должна быть реализована методология управления. Основой методологии управления в сфере обеспечения государственной безопасности являются системный и структурно-функциональный подходы.

Методы государственного управления – это способы, средства практического осуществления функций государственного управления, достижения его целей.

Применение методов управления зависит от цели управления. Если цель управления обуславливает специфику использованных методов, то правильный выбор метода обеспечивает реальное достижение

цели. Сущность методов управления в сфере обеспечения государственной безопасности, как и государственного управления в целом, определяется их социальной природой. Их характерные черты заключаются в том, что они выражают связь субъекта и объекта управления, обеспечивают достижение целей определенным способом воздействия, обладают определённой организационной формой (приказ, распоряжение, правила поведения), а также временной характеристикой (ситуационные/ краткосрочные и долгосрочные).

Среди методов управления в сфере обеспечения государственной безопасности можно выделить такие виды, как убеждение через прямое либо косвенное воздействие; принуждение (государственное принуждение), направленное на обеспечение правопорядка; правовые акты управления в сфере обеспечения государственной безопасности (указы и поручения Президента Российской Федерации, постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации, приказы, распоряжения руководителей государственных комитетов, федеральных служб, агентств, надзоров). Правовой акт управления – это официальное подзаконное решение, принятое органом исполнительной власти в одностороннем властном порядке и с соблюдением определённых процедур по вопросу, отнесённому к его компетенции, имеющее определённую законом форму и порождающее юридические последствия.

Поэтому при организации и реализации управления в сфере государственной безопасности, прежде всего, учитываются основные цели и принципы государственного управления, его основополагающие подходы и рекомендации, которые принимаются во внимание и реализуются на всех уровнях управления.

Суть управленческих решений отражается в целях управления. Из этого следует, что формирование целей управления в сфере государственной безопасности и их обоснованность – крайне сложная и ответственная задача. Поставленная цель отражает необходимость достижения заданного состояния объекта в соответствии с намеченными перспективами в установленные сроки.

Долгосрочные цели стратегического государственного управления в области государственной и общественной безопасности определяются национальными интересами, сформулированными в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, такими как защита конституционного строя, суверенитета, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, основных прав и свобод человека и гражданина, сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе, защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [1].

В ходе реализации управления в сфере государственной безопасности основной задачей выступает определение порядка сотрудничества между всеми участниками этого процесса в сферах, которые определяют их фундаментальные (жизненно важные) интересы, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможность прогрессивного развития личности, общества и государства [2, с. 125].

Безопасность государства достигается наличием эффективного механизма управления и координации деятельности политических сил и общественных групп, а также действенных институтов их защиты.

По мнению И.А. Ильина, государство имеет дело «исключительно с общим, всенародным интересом, ибо частный и личный интерес граждан может постольку приниматься в расчет, поскольку он... может быть воспринят и истолкован как интерес общий и всенародный» [3, с.202].

Интересы личности, общества и государства с точки зрения государственной безопасности связаны по двум основным причинам: с одной стороны, поддержание основ конституционного строя, суверенитет и территориальная целостность России, выступающие как интересы государства, поддерживаются интересом общества в достижении и сохранении общественного согласия и интересом личности в реализации конституционных прав и свобод; с другой стороны, интерес личности в обеспечении личной безопасности поддерживается интересом общества в создании правового государства и интересом государства в безусловном обеспечении законности и поддержании правопорядка.

По замечанию К.В. Фатеева, главной проблемой консолидации интересов является сочетание безопасности и обеспечения свободы каждого отдельного человека с безопасностью общества и безопасностью государства [4, с.17].

Обеспечение государственной безопасности, таким образом, представляется как особая

социальная система, при этом являющаяся подсистемой более широкой системы обеспечения национальной безопасности.

Основным системообразующим фактором в области обеспечения государственной безопасности является деятельность субъектов обеспечения государственной безопасности, реализующих свои задачи с помощью разнообразных средств и методов политического, организационного, правового, экономического, военного и иного характера.

Система обеспечения государственной безопасности состоит из комплекса различных по своему конкретному назначению элементов. Поэтому управление в рамках данной системы направлено на установление взаимодействия между нетождественными элементами, что обеспечивает реализацию самых различных свойств, заложенных в этих элементах, в результате чего достигается воздействие на все стороны функционирования системы.

К основным объектам государственной безопасности следует отнести государство - его конституционный строй, суверенитет и территориальную целостность.

Основным субъектом обеспечения государственной безопасности также является государство, осуществляющее функции в этой области через органы законодательной, исполнительной и судебной власти.

Управление в сфере обеспечения государственной безопасности осуществляется посредством целенаправленного воздействия субъекта обеспечения государственной безопасности на объект. Эта деятельность проводится с помощью всевозможных способов, средств и приемов.

Реальная и потенциальная угроза объектам государственной безопасности, исходящая от внутренних и внешних источников опасности, определяет содержание деятельности по обеспечению внутренней и внешней безопасности и методологию управления.

Направлениями, обеспечивающими государственную безопасность и определяющими специфику управления в этой сфере, являются контрразведывательная деятельность, борьба с терроризмом, борьба с преступностью, разведывательная деятельность, пограничная деятельность, обеспечение информационной безопасности, защита государственной тайны, государственная охрана.

Систему управления государственной безопасности Российской Федерации образуют государственные органы, определяющие, обеспечивающие и осуществляющие политику в сфере обеспечения государственной безопасности.

Основная роль в системе управления государственной безопасности среди высших органов государственной власти принадлежит Президенту Российской Федерации.

Анализ законодательных и иных нормативных актов Российской Федерации по вопросам государственной безопасности позволяет выделить следующие функции обеспечения государственной безопасности: организационная, прогностическая, информационная, превентивная, функция пресечения внешних и внутренних угроз, мобилизующая функция обеспечения государственной безопасности, гносеологическая.

Функции обеспечения государственной безопасности в наиболее общем понимании можно определить, как проявление ее сущности и предназначения в обществе. Вместе с тем следует отметить неразрывную связь функций обеспечения государственной безопасности с функциями управления. Критерием выделения функций управления в сфере обеспечения государственной безопасности является их отношение к непосредственной деятельности субъектов в процессе обеспечения государственной безопасности.

Необходимым условием управленческой деятельности в сфере государственной безопасности является использование основополагающих принципов государственного управления. Принципы связывают теорию управления с управленческой практикой, и каждый управленец на уровне своего познания, общей и профессиональной культуры использует их в своей практической деятельности. Этими принципами являются законность; соблюдение баланса жизненно важных интересов личности, общества и государства; взаимная ответственность личности, общества и государства по обеспечению безопасности; интеграция с международными системами безопасности.

С учетом этого сформированы принципы деятельности органов государственной безопасности, которая опирается на принципы законности и централизации управления, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, гуманизма, уважения суверенитета, территориальной целостности

государств и нерушимости их границ, мирного разрешения пограничных споров, взаимовыгодного сотрудничества с компетентными органами иностранных государств, конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств деятельности.

Системное использование принципов обеспечения государственной безопасности позволяет, с одной стороны, создать эффективное, действенное, соответствующее национальным интересам управление в сфере государственной безопасности, а с другой стороны — обеспечить эффективную деятельность субъектов обеспечения безопасности в соответствии с Конституцией Российской Федерации, законодательными и иными нормативными правовыми актами.

Рациональная, гибкая, надежная организационная структура системы обеспечения государственной безопасности, четкое распределение задач, прав и обязанностей между субъектами обеспечения государственной безопасности, а также своевременное обеспечение необходимой информацией позволяют успешно решать задачи обеспечения государственной безопасности.

Управленческие принципы и методы обеспечения государственной безопасности взаимосвязаны и взаимодополняют друг друга, они представляют собой важнейшие стороны организации и функционирования системы обеспечения государственной безопасности, определяют содержание сложных взаимоотношений внутри этой системы. Таким образом, система управления в сфере обеспечения государственной безопасности представляет собой своего рода социальную систему со своими специфическими структурными и функциональными компонентами.

Список литературы:

1. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года N 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
2. Фененко Ю.В. Правовое обеспечение социальной безопасности личности в России и за рубежом на этапе глобализации рынка: информационно-управленческий подход / Ю.В. Фененко. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005.
3. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою // Новый мир. 1991. № 10.
4. Фатеев К.В. Военная безопасность Российской Федерации и правовые режимы ее обеспечения (теоретико-правовое исследование). — М.: Военный университет, 2004.

Духовно-нравственные ценности как основа национальной безопасности современного российского общества

Майкова В.П.

Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, г. Москва, профессор кафедры педагогики, психологии, права, истории и философии Мытищинского филиала. Доктор философских наук

valmaykova@mail.ru

Молчан Э.М.

Высшая школа народных искусств (академия) (г. Сергиев Посад), доцент кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Сергиево-Посадского института игрушки. Кандидат педагогических наук

ed.molchan2015@yandex.ru

Аннотация – Исследуются духовно-нравственные ценности как регуляторы отношений в социальных системах, определяющие мировоззрения личности и вектор развития современного общества, выстраивающие ценностные ориентации как основу национальной безопасности. Методологией исследования выступает социально-философский анализ проблемы формирования духовно-нравственных ценностей как основы национальной безопасности современного российского общества в условиях информационной глобализации. Акцентируется внимание на том, что массовая культура виртуального Интернет-пространства беспрепятственно стирает национальные границы стран и континентов, создавая конфликты и кризисы мирового масштаба. Обоснована функциональность современного государства в условиях информационной глобализации обеспечить поддержку собственной культуры и ценностей, не допустить навязывание ценностей иных культур, выработать условия оптимальной интеграции без последствий для общества. Показано, что для обеспечения национальной безопасности современного российского общества необходимо: формировать общественное национальное сознание; поддерживать культурно-ценностный потенциал нации; выработка духовно-нравственных ценностей диалогического взаимодействия сообществ; развивать устойчивый духовный иммунитет личности, основанный на национальных ценностях государства; включить в стратегию развития страны культурно-ценностную доминанту становления современного российского общества.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, информационная глобализация, личность, социальные системы, современное российское общество, ценностный потенциал, образовательная политика, общественное национальное сознание.

Spiritual and moral values as the basis of national security of modern Russian society.
Maykova V.P.; Molchan E.M.

Mytishchi branch Moscow State Technical University (them. N.E. Bauman, Moscow) - Department of Pedagogy, Psychology, Law, History and Philosophy; Sergiev Posad Institute of Toys - Department of General Humanities and Natural Sciences, Higher School of Folk Arts (Academy) - Sergiev Posad, Russia

Abstract: We study the spiritual and moral values as regulators of relations in social systems that determine the worldview of the individual and the vector of development of modern society, building value orientations as the basis of national security. The research methodology is the socio-philosophical analysis of the problem of the formation of spiritual and moral values as the basis of the national security of modern Russian society in the context of information globalization. It focuses on the fact that the mass culture of the virtual Internet space erases the national borders of countries and continents without hindrance, creating conflicts and crises on a global scale. The functionality of the modern state in the context of information globalization is

substantiated, to provide support for one's own culture and values, to prevent the imposition of the values of other cultures, to develop conditions for optimal integration without consequences for society. It is shown that to ensure the national security of modern Russian society it is necessary: to form a public national consciousness; maintain the cultural and value potential of the nation; development of spiritual and moral values of the dialogical interaction of communities; to develop sustainable spiritual immunity of the individual, based on the national values of the state; include in the development strategy of the country the cultural and value dominant of the formation of modern Russian society.

Keywords: spiritual and moral values, information globalization, personality, social systems, modern Russian society, value potential, educational policy, public national consciousness.

Проблема определения стратегий развития современного общества в ходе современных цивилизационных процессов представляется многофакторной и многофункциональной, затрагивает генно-историческое развитие человечества, включает в себя на генетическом и духовном уровне энергетико-информационную составляющую поколений людей, и структурно детерминирована окружающими реальностями: природной, социальной и виртуальной. Раскрывая особенности функционирования социальных систем на макроуровне и взаимосвязь элементов этих систем на микроуровнях, необходимо определить, что лежит в основании фундамента национальной безопасности современного российского общества. Смысл такого философского исследования состоит в том, чтобы не только прояснить те мировоззренческие структуры, которые определяют образ мира и образ жизни людей, но и, рефлектируя над этими структурами, предложить возможные варианты новых жизненных смыслов и ценностей.

В основе развития каждой страны лежат духовно-нравственные ценности, которые имеют разную иерархическую структуру в зависимости от государства. XXI век особо остро выделяет проблематичность кризиса ценностей мировых сообществ, подобные состояния сопровождаются обновлением парадигм развития систем образования, активизацией процессов становления мирового правительства и тотального подчинения цифровым технологиям всего человечества [1, с. 75]. Кто мы: люди виртуального мира, сверхличности или рабы виртуальности? Какие ценности для нас будут актуальны, и к чему мы приведем цивилизацию в будущем?

Современное общество столкнулось с невиданным усложнением организации функционирования социальных систем. Сложность приобретает окраску искусственной навязчивости и нагнетания ситуации хаоса и промывания «мозгов» через электронные СМИ. В сети Интернет и в СМИ огромная часть информации недостоверна, практика расходится с делом, экспансия ценностей западного мира актуализирует внимание к осознанности своего состояния и общества. Национальная безопасность современного российского общества взаимосвязана с духовной, экономической, военной, информационной, экологической, техногенной и др. видами безопасности. В условиях нестабильности развития современного общества, когда из хаоса выстраивается порядок, необходимо формирование такого ценностно-смыслового основания, которое способствовало бы сохранению идентичности и национальных особенностей во время адаптации к разного рода новациям и преобразованиям. Таким системообразующим элементом национальной безопасности современного российского общества являются духовно-нравственные ценности, образующие ядро ценностного основания социальных систем и определяющие характер взаимоотношений личности [6].

Жизнь человека состоит не только из удовлетворения материальных ценностей, но и из стремления к преобразованию внутреннего мира, духовным исканиям. Духовно-нравственные ценности как регуляторы отношений в социальных системах определяют мировоззрения личности, выстраивают ценностные ориентации, его культуру [7]. Взаимосвязь национальной безопасности и ценностных ориентаций личности определяют духовную безопасность общества, одну из наиболее важных составляющих компонентов развития социальных систем. Духовная безопасность социальных систем связана с состоянием сформированности духовно-нравственных ценностей личности, уровнем развития культуры и нравственности.

Образовательная политика современной России сталкивается с кризисом традиционных связей, утратой традиционных ценностей, когда человек полученное образование вынужден адаптировать к социальной реальности современного общества, находить или самостоятельно формировать модели

поведения и взаимодействия в социальных системах. Развитие социальных систем предполагает становление новой среды существования, новых жизненных ценностей, нового образа жизни, где в измененную социальную реальность встраивается измерение виртуальности[3, с.149].

Становится очевидным, что прошлое, поглощенное новыми изменениями современности, отождествляется с концом исторического периода, после которого меняются основания функционирования социальных систем, трансформируется национальная культура, изменяются модели поведения в обществе с течением времени[2, с.62]. Общество современной эпохи, наполненное бездуховностью, где современность изменяется с ускоряющейся быстротой, обретает мнимую определенность ценностей и идеализированных моделей будущего. Трансформация социальных систем изменяет понимание личности как существа творческого и свободного, ограничивает ее духовную свободу, навязывает модели поведения в социальных системах. Подчиненная глобализационным процессам личность утрачивает свою индивидуальную особенность, приобретает статус цифровой, виртуальной единицы. Глобализация через виртуализацию подобно «черной дыре», как пространственно-временная воронка втягивает финансово-экономические, общественно-политические и культурные связи в виртуальный мир на основе цифровых технологий[4, с.57].

Виртуальная глобализация как основной инструмент насаждения и распространения массовой культуры, переориентация человеческой массы на материальные ценности потребления, несомненно, ставят под угрозу национальную безопасность любого государства. Утрата духовно-нравственных ценностей государством, насаждение иной культуры и манипулирование сознанием личности на территории страны или в виртуальной реальности, приведет к разрушению государственной идентичности, потере патриотизма и любви к Родине. Поэтому трансформационные процессы в области индустриальной культуры должны быть связаны с регулированием со стороны государственных структур и развитием культурной идентичности[5, с. 59].

Виртуальная глобализация производит столкновение ценностей различных культур сообществ, синтезируя общую мировую систему культурных ценностей. Происходит поглощение культур отдельных государств и исчезновение национальной идентичности, растворение ценностей в новой мировой системе. Формируется новый тип человека: «гражданин мира», который не имеет принадлежности к какому-либо обществу. Естественно, такой человек не будет патриотом своей страны, не будет любить свою Родину. С другой стороны, полная изоляция страны от внешнего мира может спровоцировать культурную изоляцию и зародить ростки национализма. Здесь необходима «золотая середина», где внешнее и внутреннее оптимально соотносены. Соединив в себе культуры разных народов и позаимствовав не самые лучшие образцы, мировая культура разорвала национальное пространство ценностей и вошла в нашу жизнь, изменив отношение к себе и стране. При этом средствами передачи культурных образов и образцов на мировом уровне все чаще выступает виртуальное Интернет-пространство. Именно сейчас уместно говорить, что виртуальная глобализация материализовалась через Интернет-пространство, породив угрозу национальной безопасности страны. Виртуальная глобализация никому не принадлежит, безразлична к понятиям добра или зла, она оценивает нравственные поступки в денежном эквиваленте. Духовно-нравственные ценности в такой виртуальной системе как Интернет-пространство теряют свою истинную значимость, трансформируются в мнимые, материально обозначенные. Единственный способ предотвратить материализацию духовно-нравственных ценностей в виртуальном Интернет-пространстве – это установить контроль над этим процессом, а иначе мы потеряем духовный смысл, цели и ценности жизни. Нарушение связи поколений и разрушение традиционных ценностей русского государства несет угрозу духовной безопасности страны, а, следовательно, подрывает национальную безопасность общества. Устойчивое общественное развитие возможно только на ценностях национальной культуры, когда в основу развития общества будут положены традиционные ценности народа. Задача современного государства в условиях информационной глобализации обеспечить поддержку собственной культуры и собственных ценностей, а также с открытостью с другими культурами, не допустить навязывание ценностей иных культур, выработать условия оптимальной интеграции без последствий для общества.

Таким образом, для обеспечения национальной безопасности современного российского общества необходимо: формировать общественное национальное сознание; поддерживать культурно-ценностный потенциал нации; выработать духовно-нравственные ценности диалогического взаимодействия сообществ; формировать устойчивый духовный иммунитет личности, основанный на

национальных ценностях государства; включить в стратегию развития страны культурно-ценностную доминанту становления современного российского общества. Стратегическим направлением развития образовательной политики Российской Федерации в интересах устойчивого и безопасного развития социальных систем выступает процесс формирования ценностного потенциала личности и общества. Это проблема актуализируется в силу трансформации и модернизации российского общества, воздействия виртуальной информационной глобализации, вхождения в информационно-культурное мировое пространство.

Литература

1. Астафьева О.Н. Теория и практика культурной политики: смыслы – образы – действия // Гос. служба. 2014. № 1. С. 72-78.
2. Бельский В.Ю., Майкова, Молчан Э.М. Традиции и новации в формировании духовно-нравственных ценностей личности в образовании. Социально-гуманитарные знания. 2019. № 5. С. 60-67.
3. Майкова В.П., Наместникова И.В., Горбунов В.С. Системный подход как основа научной методологии// Вестник МГОУ. Серия «Философские науки». 2019. № 1. С.148-158.
4. Молчан Э.М. Влияние цифровизации на формирование духовно-нравственных ценностей субъектов взаимодействия в эпоху глобализации//Вестник московского государственного областного университета. Серия Философские науки, 2019. № 2. С.55-66.
5. Петрий П.В. Общественный идеал как фактор модернизации России в условиях глобализации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 2. С. 55-63.
6. Belsky V.Yu., Maykova V.P., Daniela Kostadinovich, Molchan E.M. Value Basis as a Factor of Social Systems Stability/ The International Science and Culture Center for Academic Contacts (ISCCAC) is pleased to announce the 2nd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Ecological Studies (CESSSES 2019). The conference will be held on June 05-06, 2019 in Moscow. P.1189-1192. <https://doi.org/10.2991/cesses-19.2019.265>.
7. Marina Yanich, Pesotsky V.A., Maykova V.P., Molchan E.M. Spiritual and Moral Values as a System-forming Factor of Social Systems/ The International Science and Culture Center for Academic Contacts (ISCCAC) is pleased to announce the 2nd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Ecological Studies (CESSSES 2019). The conference will be held on June 05-06, 2019 in Moscow. P.1185-1188. <https://doi.org/10.2991/cesses-19.2019.264>.

Показатели социальной стабильности российского общества, воздействие на национальную безопасность

Нефедов К.Г.

Московский психолого-социальный университет, аспирант.

nefedoff.kirill2012@yandex.ru

Аннотация: Исследование социальной стабильности современного российского общества и влияющих на нее факторов имеет важное значение для обеспечения национальной безопасности. Сложность и недостаточная разработанность понятия «социальной стабильности», предопределяют отличие единичных показателей ее оценки. В данной статье рассматриваются две группы показателей социальной стабильности: объективные и субъективные, которые возможно учитывать в интересах национальной безопасности.

Ключевые слова: социальная стабильность, социальная безопасность, национальная безопасность, показатели социальной стабильности.

Indicators of social stability of Russian society, the impact on national security. Nefedov K.G.

Moscow University of psychology and social Sciences

Abstract: The study of the social stability of modern Russian society and the factors influencing it is important for ensuring national security. The complexity and underdevelopment of the concept of “social stability” predetermine the difference in the common indicators of its assessment. This article discusses two groups of indicators of social stability: objective and subjective, which can be taken into account in the interests of national security.

Keywords: social stability, social security, national security, indicators of social stability.

Социальная стабильность оказывает значительное влияние на развитие любого государства, в том числе и в вопросах обеспечения национальной безопасности, и российское общество не является исключением.

Активное внешнее воздействие по дестабилизации общественно-политической ситуации, а также интенсивность социальных процессов, необходимость повышения эффективности предпринимаемых мер по обеспечению социального и экономического развития страны – все это обуславливает актуальность исследования темы стабильности в современном российском обществе.

В 21 веке, в мире с растущими запросами, изменяющимися жизненными целями и приоритетами, необходимо гораздо больше, чем раньше, уделять внимания социальной стабильности общества, которая становится залогом обеспечения национальной безопасности.

В период становления новых социально-экономических отношений в России происходит реформирование всех форм государственного управления при постоянном дефиците и противоречивости нормативной, правовой базы, регулирующей вопросы социальной защиты населения. Особенно четко просматривается отставание законодательства от реально происходящих в обществе процессов, что обуславливает возникновение противоречий в управлении органов государственной власти всех уровней и необходимости подготовки квалифицированных кадров.

Национальная безопасность наряду с такими составляющими, как экономическая безопасность, обороноспособность страны, защита от техногенных и экологических катастроф, включает социальную безопасность. Нельзя забывать, что именно социальная стабильность играет ключевую роль и во всей системе национальной безопасности. Состояние социальной сферы во многом определяет уровень социальной безопасности, направления ее обеспечения и укрепления [4, с. 4].

Пересмотр существующих, и разработка новых нормативных документов стратегического характера, формирующих приоритеты в сфере национальной безопасности, свидетельствуют об активизации деятельности правительственных структур, направленной на решение проблем безопасности в плане обеспечения социальной стабильности. Утвержденная Указом Президента

Российской Федерации № 683 от 31 декабря 2015 г. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (далее – Стратегия) определяет национальные интересы на долгосрочную перспективу: «...укрепление обороны страны, обеспечение незыблемости конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации; укрепление национального согласия, политической и социальной стабильности...» [1, с. 30]. Анализ Стратегии позволил выявить наиболее уязвимые позиции нашей страны в социальном аспекте.

По мнению автора, социальная стабильность общества — выражает качественное состояние жизнеспособной, развивающейся социальной системы со сложной структурной организацией, обладающей высокими адаптивными способностями, внутренним потенциалом, обеспечивающими защищенность от разного рода проявлений социальной экспансии, устойчивость к внешним воздействиям и внутренним возмущениям в конкретном историческом периоде, а также конструктивно реализующей интересы и потребности людей.

Социально стабильное общество может развиваться успешно, своевременно заменяя устаревшие формы социального развития новыми, отвечающими изменившимся общественным потребностям, переменам во внутреннем и внешнем положении страны. Социальная стабильность, таким образом, представляет собой такое сочетание устойчивости и внутреннего равновесия общества, которое обеспечивает максимально благоприятные условия для всестороннего развития человека. Она является результатом целенаправленной деятельности государства и социальных институтов гражданского общества в такой сфере общественной жизни как социальная [2, с. 78].

Все показатели, используемые для измерения социальной стабильности, в стране или конкретном регионе, можно разделить на две большие группы: к одной группе относятся показатели, основанные на объективных данных, к другой — показатели, основанные на субъективном отношении населения к конкретным проблемам. Разработка и выбор показателей определяются конкретными целями и задачами исследования. Существует целый ряд инструментов, как для измерения объективных показателей, так и для выявления субъективных настроений.

Социальная стабильность неразрывно связана с общим социокультурным фоном, характеристики которого существенно отличаются в разных регионах России, отражая, в том числе ценности, обычаи, традиции проживающего в них населения. Следующие показатели социокультурной ситуации и их индикаторы представляются автором наиболее значимыми для адекватного восприятия (оценки) социальной стабильности населением, проживающим в различных регионах страны:

1. Демографические показатели – численность, состав и плотность населения, продолжительность жизни, соотношение рождаемости и смертности, естественный прирост и воспроизводство населения, демографический потенциал, эмиграционные процессы
2. Этнические показатели – этническая структура населения, национальные особенности, установленные факты нарушения прав этноса государственной властью, проявления межнациональных и внутринациональных конфликтов и противоречий.
3. Социальные показатели — среднедушевые денежные доходы, потребительские расходы, средний размер назначенных пенсий, удельный вес численности населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума, уровень безработицы, наличие реальных механизмов социальной защиты, социальные противоречия, протестные настроения, конфликты социальной направленности
4. Состояние образовательной сферы — охват детей дошкольными образовательными организациями, численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры
5. Состояние сферы здравоохранения — численность врачей и среднего медицинского персонала, наличие стационаров и амбулаторно-поликлинических организаций.
6. Уровень безопасности — общее число преступлений, характер преступлений, наличие организованных преступных сообществ.
7. Социокультурные показатели – исторически сложившиеся духовные и материальные ценности населения, проявления культурной деградации, численность посетителей библиотек, музеев и их наличие.

Для изучения субъективного восприятия социальной стабильности автор считает необходимым использовать следующие показатели:

Ценностное измерение российского образования в контексте национальной безопасности

Петрий П.В.

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации. Доктор философских наук, профессор

PVPetriy@mail.ru

- удовлетворенность социальной стабильностью общества в целом;
- удовлетворенность социальной стабильностью в различных сферах жизни общества;
- удовлетворенность степенью безопасности в различных жизненных сферах;
- удовлетворенность собственным материальным положением;
- уровень доверия/недоверия к различным структурам власти;
- удовлетворенность взаимоотношениями с представителями иных социальных групп (общностей).

Исследование субъективного восприятия актуальной социальной ситуации даст возможность обнаружить единые особенности, свойственные социальной сфере во всех субъектах Федерации, также отличия, обусловленные региональной особенностью и конкретными социальными отличиями. Данные отличия могут являться связаны как с объективными критериями, так и с отличительными чертами менталитета и этнокультурной идентичности народонаселения, живущего в разных регионах Российской Федерации.

Таким образом, социальная стабильность играет особую роль в обеспечении национальной безопасности. Она в значительной степени подвержена воздействию угроз, которые способны нарушить нормальное функционирование и развитие всей социальной системы. В ней находят реальное воплощение интересы личности, общества, государства. Особое значение имеет регулярный мониторинг показателей социальной стабильности, в том числе показателей социальной безопасности, а также формирование единой системы методов и методик анализа и оценки угроз социальной безопасности, степени их воздействия на развитие социальной сферы. Все это является необходимой составляющей процесса совершенствования проводимой государственной социальной политики, позволяет выявить тенденции в социальной сфере, оценить социально-экономические последствия проводимых социальных преобразований определить значимость тех или иных угроз национальной безопасности и принять своевременные и адекватные управленческие решения.

Список литературы:

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. (утв. Указом Президента РФ 31.12.2015 № 683) [Электронный ресурс] /: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения 20.02.2020).
2. Шайгерова Л. А., Шилко Р. С., Зинченко Ю. П., Ушков Ф. И., Черный Е. В., Макарчева Е. Б., и С. В. Горшкова. Показатели социальной стабильности: проблема разнообразия и поиск принципов систематизации. // Этнокультурная идентичность как фактор социальной стабильности в современной России / Под редакцией Ю.П. Зинченко, Л.А. Шайгеровой. В 2-х томах. Том 1. — Т. 1. — Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова Москва, 2016. — С. 76–149.
3. Зеркалов Д.В. Социальная безопасность. Монография. - К.: Основа, 2012 – 530 с.

Аннотация: В современных условиях образование любой страны является фундаментом развития общества, на базе которого создаются, приумножаются и передаются от поколения к поколению национальные духовно-культурные достижения, ценности, традиции и накопленные знания. Учет важности образования как социокультурного явления требует выработки и обоснования более тщательно подхода к образовательному процессу в обществе, который оказывает непосредственное влияние на все стороны жизнедеятельности общества и личности и национальную безопасность страны. Безопасность каждой цивилизации заключается в защищенности ее социокультурного пространства, в способности обезопасить себя от внешних и внутренних угроз, в том числе и в области образования. Образование как ценность является условием сохранения и развития цивилизационной идентичности России в современных условиях.

Ключевые слова: безопасность, образование, ценности, цивилизационная идентичность, ценностное пространство, гуманитаризация, русский язык.

The value dimension of Russian education in the context of national security. Petriy P.V.

Military university of the Ministry of defense of the Russian Federation

Abstract: In modern conditions, the education system of any country is the foundation of the development of society, on the basis of which national spiritual and cultural achievements, values, traditions and accumulated knowledge are created, multiplied and transmitted from generation to generation. Taking into account the importance of education as a sociocultural phenomenon requires the development and justification of a more thorough approach to the educational process in society, which has a direct impact on all aspects of the life of society and the individual and the national security of the country. The security of every civilization lies in the security of its sociocultural space, in the ability to protect itself from external and internal threats, including in the field of education. Education as a value is a condition for the preservation and development of civilizational identity of Russia in modern conditions.

Key words: safety, education, values, civilizational identity, value space, humanitarian, russian language.

Беспрецедентные по своему размаху, интенсивности, времени и направленности нападки западной цивилизации на российскую государственность в последнее время актуализируют необходимость укрепления национальной безопасности России во всех сферах жизнедеятельности общества и человека. Весьма злободневным в данном контексте является и проблема защиты и укрепления отечественного образовательного пространства от внешнего и внутреннего негативного воздействия. Данное требование актуально в силу того, что образование, выступая как социокультурное явление и ценность страны, является надежным средством и условием сохранения цивилизационной идентичности и гарантом безопасности развития российской государственности. Учет столь такого ценностного значения образования требует тщательного и вдумчивого отношения к указанному духовному феномену, который оказывает непосредственное влияние на все стороны жизнедеятельности социума, его национальную безопасность и направленность цивилизационного развития страны.

Постановка проблемы ценностного измерения образовательного пространства современной Рос-

сии сегодня в первую очередь связана с непрекращающимися в обществе дебатами по вопросам гуманитаризации и технизации науки, роли гуманитарных наук в формировании личности в высшей школе, ценностных оснований образовательного процесса, направленности образовательных моделей и парадигм, выявления и обоснования основных закономерностей развития образования в условиях глобализации и модернизации российского социума и др. [1, с. 23]. Решение обозначенных и иных проблем развития образовательного пространства российского социума в контексте обеспечения его национальной безопасности позволяет говорить о необходимости формирования целостной личности гражданина-патриота и профессионала своего дела как первостепенной задачи российского образования. А это, в свою очередь, актуализирует необходимость повышения качества образования, особенно в духовно-ценностном измерении. Другими словами, помимо различного рода технологических мероприятий необходима продуманная и сбалансированная деятельность всех субъектов общественного развития в сфере образования, нацеленная главным образом на культивирование системы духовно ориентированных ценностей обучения и воспитания российской молодежи. Ценностная система российского образования, таким образом, должна обеспечивать духовную преемственность (передачу общезначимых идеалов, традиций, норм, идей) и развитие личности обучающихся как способа ее подготовки к успешной профессиональной деятельности на благо своей страны.

Реализация данного замысла, как представляется, должна включать в себя решение ряда взаимосвязанных и взаимодополняющих задач именно в контексте обеспечения национальной безопасности современной России. Кратко рассмотрим их. Во-первых, **обеспечение преемственности в наследовании ценностей и традиций отечественного образования.** Национальное образование имеет длительную историю своего становления и развития, прошло через череду всевозможных взлетов и падений и по праву считается одним из ведущих в мире. Поэтому важнейшая задача обеспечения национальной безопасности современной России – сберечь и приумножить все ценное в образовании, что накоплено за многовековую историю, рассматривать его как основу будущего процветания российской цивилизации. Безусловно, необходимо разумно использовать все лучшее из мировой практики, но не слепо и бездумно копировать зарубежные образцы, ибо без учета отечественных ценностей, традиций и того опыта, который достался нам по наследству, качественное образование россиян сегодня невозможно [2, с. 62]. В подтверждение данных мыслей приведем слова русского мыслителя М.О. Меньшикова, который в начале XX в. подчеркивал: «Русские характеры воспитывались в старой религиозной и патриотической семье, и если не от учителей, то от родителей дети слышали внушения долга, верности, чести, любви к отечеству и презрения ко всему дурному. Домашние и школьные учителя того времени были настолько религиозными, что невольно передавали эту черту и воспитанникам своим. Вот почему Суворовы, Кутузовы, Багратионы, Румянцевы не знали, что такое поражение. Вот почему екатерининские дипломаты находили в своей душе гордое чувство уважения к своему народу и потребность постоять за его интересы. Чтобы понять, почему мы двадцать лет назад сдались немцам в Берлине, а десять лет назад сдались японцам в Портсмуте, достаточно вспомнить, что под конец прошлого века и к началу нынешнего к верхам чиновной власти подобралось поколение, воспитанное в 1850-е и 1860-е годы. То была эпоха писаревщины и базаровщины, когда евангелием русской жизни служило “Что делать?” Чернышевского» [3, с. 664]. Опора на прошлое, его уважительное использование в настоящем есть прямой путь к восстановлению былых лидирующих позиций отечественного образования в мировой культуре в формировании личности как гражданина и патриота своего Отечества. Во-вторых, **повышение значимости и роли социально-гуманитарных (гуманитарных) наук, утверждение гуманитарной парадигмы в образовании России.** Безопасность российской цивилизации должна обеспечивать необходимая система условий, которая позволяет обществу и его социокультурным ценностям сохранять жизненно важные параметры в рамках исторически сложившейся нормы. Как представляется, именно социально-гуманитарное образование, обогащенное опытом истории российского государства, русской философией, литературой и языком, является необходимым условием национальной безопасности, залогом «величия народа и независимости государственного бытия» (И.А. Ильин). России сегодня необходимо такое образование, которое базируется «не просто на реабилитации гуманитарного знания, но на критическом мышлении, культуре диалога на равных, осознании важности и ценности жизни как таковой... с тем, чтобы смягчить негативные эффекты технократического типа» [4, с. 26]. Этому есть объяснение.

Во-первых, гуманитарное знание способствует большей открытости людей, формирует нрав-

ственность и уважительное отношение к разным мнениям, активизирует творческую активность личности.

Во-вторых, оно является основой духовности, характеризующаяся возвышенностью мыслей, желаний, благородной мотивацией поступков и помогает преодолеть разобщенность людей, ведущей к крайне негативным социальным последствиям.

В-третьих, гуманитарная образованность облегчает освоение любой профессии, что весьма важно для тех специалистов, деятельность которых нагружена функциями общения и управления людьми и др. [1, с. 30].

Сегодня не стоит забывать слова французского мыслителя Клода Леви-Стросса в конце XX века: «Грядущий век должен стать веком гуманитарных наук или его не будет совсем». Предполагается, в актуальности данных слов нам предстоит еще убедиться.

В-третьих, **сохранение и расширение ценностного пространства, включающего в себя содержание национальной культуры и систему ценностей, культивируемых в российском обществе и образовании.** Необходимо отметить, что сегодня в условиях нарастания информационного воздействия на сознание россиян со стороны западных акторов общественного развития именно отечественная культура (и образование в том числе) является надежной преградой на пути негативного информационного противоборства, становится важнейшим элементом механизма поддержания общественной адекватности. В целом культура задает образованию как определенные образцы трансляции имеющихся достижений культуры, так и предполагает подготовку кадров, способных к культурно-ценностным инновациям. Стоит также отметить, что российская духовная культура сохранила на сегодня то главное, что питало ее в течение тысячелетия, – чувство родной земли, патриотизма, социальной ответственности и гуманизма, так необходимые в современной образовательной среде.

Именно возможности образования сохранять и утверждать смыслообразующие координаты социокультурной среды позволяют рассматривать его не только как систему профессиональной подготовки, но и как эффективный инструмент формирования личности обучаемого и обеспечения национальной безопасности нации.

В-четвертых, **создание условий и предпосылок для формирования умной, широко образованной, профессионально грамотной и национально ориентированной элиты.** В решении данной проблемы существенные усилия должны предпринимать те люди (государственные мужи, ученые, педагоги, общественные деятели и т.д.), кому не безразлична судьба российской государственности и качество подготовки подрастающего поколения.

«Элита как духовное, культурное и политическое тело хранит и идеологически оформляет в соответствии с историческим временем священные основы национального бытия, ценностные и мировоззренческие ориентиры этноса и государственной нации в целом, обуславливает идентичность исторической преемственности идеалов многих поколений народа. Элита определяет национально-государственное оформление этноса, его культурное и цивилизационное лицо. Национальная элита связана живой связью с народом, но не сводима лишь к выражению народной культуры на более высоком интеллектуальном уровне. Элита сама – генератор идей, волевой творец культуры» [5, с. 367-368].

Стоит констатировать, к глубокому сожалению, что в современной России именно такой элиты нет. Есть яркие личности – представители интеллигенции, просветители, отдельные госслужащие, мужественные генералы и офицеры, примечательные священнослужители, а элиты – нет. Во главе образовательного процесса, к сожалению, стоят люди, не слишком обремененные заботой о будущем России. Эти же чиновники от образования – кто занимает в нем руководящие посты и имеет для этого материальные возможности – стараются обучать своих детей за границей, покупают там жилье, прилагают усилия для оформления гражданства. Нет того единого духовного и организационного поля, где все эти люди могли бы осознать себя единым и живым организмом, душой и мозгом нации. И эту задачу необходимо решать как на государственном уровне, так и в масштабе всего общества.

В-пятых, **сохранение и развитие русского языка как основы общения народов страны.** В рамках обеспечения национальной безопасности страны в сфере образования выделение языка в качестве основного слагаемого данной системы вполне оправданно, так как именно язык скрепляет воедино этнокультуру любого народа. Сегодня в эпоху глобализации и универсализации общественной жизни именно язык становится ядром социокультурного развития и сплочения российского социума.

Язык – это также живая связь наших соотечественников, по воле судьбы находящихся за пределами России, но полностью разделяющих ценности русской цивилизации.

В-шестых, стоит обратить внимание и на укрепление сотрудничества с традиционными для России религиозными конфессиями в деле воспитания и образования молодого поколения. Сегодня, по мнению некоторых ученых, необходимо вновь обратиться к нашим прежним духовным истокам, связанным с религиозным воспитанием и образованием, влиянием религиозных ценностей на образовательный процесс в стране [6]. Важно здесь отметить, что именно традиционные религиозные конфессии, как субъект общественного развития, в первую очередь выступают носителем высоких духовно-нравственных ценностей воспитания и обучения молодого поколения, являются надежной преградой для проникновения в общественную среду религиозного экстремизма и терроризма. Поэтому игнорировать такой бесценный клад средств и методов укрепления духовности и духовной культуры граждан России сегодня было бы недальновидно и безграмотно.

Таким образом, обращение к проблеме ценностного измерения современного российского образования служит основанием выработки методологических установок по реализации образовательного потенциала в целях подготовки и формирования обучающего как профессионала и гражданина-патриота своей страны в контексте обеспечения национальной безопасности России. Данный подход к пониманию ценностных аспектов образования определяет его значимость в дальнейшем поступательном развитии России в XXI веке.

Литература:

1. Петрий П.В. Духовные основы образовательного пространства современной России: к постановке проблемы // Современная образовательная практика и духовные ценности общества. 2014. № 1. С. 22-31.
2. Петрий П.В., Трипольский В.Б. Ценностно-ориентирующая роль образовательного пространства современной России // Право и образование. 2013. № 1. С. 59-67.
3. Меньшиков М.О. 6 марта. Секрет немецких успехов // Письма к русской нации. 1914 год: публицистика. М.: Директ-Медиа, 2014. 796 с.
4. Кирабаев Н.С., Тлостанова М.В. Модели современного гуманитарного образования // Высшее образование в России. 2009. № 1. С. 24-32.
5. Ларионов В.Е. Православная Монархия. Национальная Монархия в России. Утопия или политическая реальность. М.: Эксмо, 2007. 480 с.
6. Гидиринский В.И. Русская идея и армия (философско-социологический очерк). М.: ВУ, 1997. 324 с.

Сравнительный анализ различных методологических подходов в теории национальной безопасности

Поздняков А.И.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор

Pozd1947@yandex.ru

Аннотация: На основе сравнительного анализа в статье показано, что в теории безопасности наиболее продуктивен аксиологический подход. В соответствии с ним под национальной безопасностью понимается защищенность национального достояния, главных материальных и духовных ценностей страны от получения небезразличного для ее народа прямого и опосредованного ущерба. Изложена авторская трактовка системы основных понятий теории национальной безопасности.

Ключевые слова: безопасность, национальная безопасность, опасность, угроза, риск, ущерб, национальное достояние, предотвращенный ущерб.

Comparative analysis of various methodological approaches in the theory of national security. Pozdnyakov A.I.

Russian Academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation

Abstract: On the basis of comparative analysis in the article it is shown that in the theory of security the most productive is axiological approach. In accordance with this approach national security is understood as protection of national heritage, the main material and spiritual values of the country from obtaining direct and indirect damages, which is not indifferent to the people. The author's interpretation of the system of basic concepts of the theory of national security is stated.

Keywords: security; national security; danger; threat; risk; harm; national property; the damage prevented.

В современной философии понимание сущности, содержания, целей обеспечения национальной безопасности далеко не однозначно. Более того, само понятие безопасности трактуется по-разному, в том числе и в официальных документах.

В философской литературе наиболее распространены три методологических подхода к определению понятия безопасности и построению теории национальной безопасности. В контексте подхода, который чаще используется в философии политики и политологии, безопасность определяется как защищенность интересов субъекта (общества, страны, социальной группы, класса и т.п.) от угроз. Странники системно-философского подхода делают акцент на сохранении целостности, стабильности и нормального функционирования, устойчивого развития социальной системы при деструктивных воздействиях на нее.

В рамках аксиологического подхода безопасность определяется как защищенность материальных и духовных ценностей (благ, достояния) субъекта (страны, государства, общества, личности) от небезразличного для этого субъекта ущерба [подробнее см.: 1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 40; 41; 42; 43; 44; 45; 46; 47; 48; 49; 50; 51; 52; 53; 54; 55; 56; 57; 58; 59; 60; 61; 62; 63; 64; 65; 66; 67; 68; 69; 70; 71; 72; 73; 74; 75; 76; 77; 78; 79; 80; 81; 82; 83; 84; 85; 86; 87; 88; 89; 90; 91; 92; 93; 94; 95; 96; 97; 98; 99; 100]. В последнее время появились и «синтетические» формулировки, т.е. попытки объединить разные подходы.

Определение безопасности как защищенности интересов от угроз наиболее распространено в официальных документах, но одновременно, наиболее уязвимо для научной критики.

Во-первых, в такой формулировке скрыта тавтология, поскольку понятия «угроза» и «опасность» очень близки по смыслу.

Во-вторых, смысл словосочетаний «угрожать интересам», «защищать интересы» весьма неодно-

значен. Ведь под заинтересованностью понимается состояние субъекта, производное от его потребностей. Обычно интересуются тем, в чем есть потребность, нужда, а защищают все же принадлежащие субъекту блага, ценности. Понятие защиты интересов близко по смыслу к понятиям защиты целей, решений, планов. Этим политики и занимаются. Применительно к теории безопасности понятие «защита интересов», по мнению автора, можно корректно употреблять только в смысле необходимости защищаться от незаконных и аморальных попыток помешать, воспрепятствовать реализации, продвижению интересов. Из логики понимания национальной безопасности как защиты интересов страны следует, что и экономические конкуренты страны покушаются на ее безопасность и, следовательно, с ними должны бороться структуры обеспечения безопасности.

В-третьих, в определении безопасности как защищенности интересов налицо смещение акцентов, практически подмена сути. Ведь борьба заинтересованных субъектов, например, США, за ограниченные объемы жизненно важных для них благ, ценностей (например, энергоресурсов), если последние законно принадлежат другим собственникам, - это агрессивная политика по продвижению национальных интересов. В трактовке безопасности как «защищенности интересов» заинтересованы именно агрессоры, поскольку эта трактовка оправдывает их покушения на чужое достояние. Воспроизводя в официальных документах формулу национальной безопасности как защиты национальных интересов от угроз, мы сами создаем условия для обеспечения формальной легитимности возможной агрессии НАТО под предлогом нарушения Россией, например, энергетической безопасности ЕС. Вместе с тем понятно, что борьба за жизненно важные ресурсы должна вестись активно, напористо, но все же в рамках морали и права, а не с позиций права силы.

В-четвертых, уязвимость определения безопасности как защищенности интересов заключается еще и в том, что на его основе трудно сформулировать определения некоторых видов безопасности (например, психологической, духовной).

В-пятых, системность, логическая связанность понятийного аппарата теории безопасности как защищенности интересов остается под большим вопросом.

Весьма уязвимо для критики и системно-философское понимание безопасности как состояния социальной системы (общества, страны), при котором она сохраняет свою целостность, устойчивость (стабильность), способность к эффективному функционированию и устойчивому развитию, а на их основе – возможность надежной защиты всех реальных и потенциальных элементов (подсистем, сфер, объектов) от любых деструктивных внутренних и внешних воздействий.

Разумеется, такая формулировка позволяет получать важные научные выводы. Однако, по мнению автора, определение понятия безопасности через понятия «целостность», «устойчивость», «стабильность», «способность к эффективному функционированию и развитию», «устойчивое развитие», «деструктивное воздействие» далеко не однозначно.

Так, в определенных условиях стремление сохранить целостность может быть опасным для социальной системы, а разделение - благом. Есть системы (страны, семьи и т.д.), попытки сохранения целостности которых в ценностном смысле опаснее «развода» (здесь достаточно привести примеры Украины и Грузии). Реальные системы, в том числе и социальные, развиваются как в сторону интеграции, т.е. усиления (укрепления) целостности, так и, наоборот, в сторону разделения, дифференциации. В этой связи и понятие «деструктивное воздействие» является весьма условным. В каждом конкретном случае требуются ценностные координаты, чтобы снять вопрос – хорошо это или плохо с точки зрения безопасности.

Понятие устойчивости системы в ценностных координатах также неоднозначно. Примеры – застой, тоталитарный строй в обществе, хроническая болезнь и т.п.

«Устойчивое развитие», как это показано в синергетике, отнюдь не единственный и не всегда самый лучший путь развития биологических и социальных систем. Некоторые социальные системы могут перейти на новый более высокий уровень прогресса только через бифуркации, революции и т.п.

Таким образом, понятие безопасности в контексте системно-философского подхода становится весьма зыбким, неопределенным, если не учитывать ценностный (аксиологический) аспект понятий, на основе которых оно формулируется.

На наш взгляд, в формулировании системы понятий общей теории безопасности, теории национальной безопасности более корректен и научно более обоснован аксиологический (ценностный) под-

ход. Он, по мнению автора, позволяет снять рассмотренные выше недостатки «политизированного» и системно-философского определений безопасности.

Логическая последовательность построения системы понятий общей теории безопасности с позиций аксиологического подхода такова: ценности (блага, достояние, ресурсы, богатство и т.п.) данного субъекта (личности, коллектива, социальной группы, общества, страны, человечества) – ущерб – опасность – безопасность.

Понятие «ценность», по мнению автора, следует распространить на все, что имеет цену, т.е. значимо для людей, для появления и удовлетворения их нужд, потребностей (любые вещи, их свойства, отношения, процессы и т.д.). В среде отечественных философов, социологов и психологов понятие ценностей обычно ассоциируется только с духовными ценностями, с общественно значимыми эталонами, общечеловеческими или социально-групповыми идеалами.

Понятие ценности диалектично. Любой позитивной ценности можно противопоставить негативную: здоровье – болезнь; работа – паразитирование; альтруизм – эгоизм; коллективизм – индивидуализм; мир – война и т.д. Все это хорошо известно изучавшим закон единства и борьбы противоположностей. От субъекта, от его конкретной потребности зависят его ценностные «координаты», т.е. и величина, и «знак» конкретной ценности.

Под ущербом следует понимать результат негативных воздействий, негативное изменение ценностей субъекта (например, национального достояния, ресурсов и т.д. - любых ценностей страны), т.е. изменение, которое отрицательно, негативно влияет на его жизнедеятельность, и потому нежелательно. Близким по смыслу к понятию ущерба является понятие вреда, столь широко используемое в юридической науке, а также понятия убытка, урона, утраты, потери и т.п.

Материальный и духовный ущерб может быть получен как от внешних субъектов (особенно контрсубъектов - противников в борьбе), так и от действий самого субъекта (собственные ошибки, непонимание последствий деятельности и т.п.). Возможен и ущерб от объективных, т.е. независимых от данного субъекта, факторов, процессов (природная стихия, отказы техники, революция, экономический кризис, война и пр.).

Ущерб – важнейшее понятие аксиологической теории безопасности. При этом надо учитывать и вероятность (риск) получения ущерба, если речь идет о прогнозировании, планировании, а не об уже случившихся событиях. Эффективность деятельности субъектов (структур) обеспечения безопасности в соответствии с аксиологическим подходом должна оцениваться размером предотвращенного ущерба, снижением риска, количеством и качеством спасенных ценностей и т.п.

Опираясь на изложенное выше, основные понятия теории национальной безопасности корректнее определять именно через понятие ущерба.

Опасность – это потенциальная или реальная возможность (риск) получения небезразличного ущерба национальному достоянию (национальным материальным и духовным ценностям).

Безопасность любого субъекта с позиций ценностного подхода логичнее определить как защищенность его ценностей от получения небезразличного для него ущерба. Достигается она тогда, когда величина (с учетом вероятности или риска) возможного ущерба (по отношению к любому из существующих источников опасности) меньше некоего порога значимости, т.е. уровня, начиная с которого требуется принятие мер по его предотвращению, снижению.

Основной показатель эффективности обеспечения безопасности - величина предотвращенного ущерба (конечно, с учетом вероятности), а критерий – порог значимости. Снижать опасность (обеспечивать безопасность) можно посредством уменьшения как величины ущерба, так и вероятности (риска) его получения.

Национальная безопасность есть, таким образом, защищенность национального достояния (национальных ценностей, благ) от любых видов значимого для страны, ее народа ущерба.

Разработка универсальных, общих методов оценки ущерба и риска в теории национальной безопасности является очень актуальной научной задачей.

Изложенное позволяет утверждать, что наиболее универсальным и методологически обоснованным следует считать аксиологическое понимание безопасности, поскольку оно фактически включает в себя другие трактовки (принцип соответствия), позволяет снять присущие им противоречия и привести в систему понятийный аппарат теории национальной безопасности.

Список литературы

1. Поздняков А.И. Система основных понятий теории национальной безопасности с позиций ценностного (аксиологического) подхода // Безопасность России в XXI веке. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2006. С. 240-253.
2. Поздняков А.И. Сравнительный анализ основных методологических подходов к построению теории национальной безопасности// Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 21 (210). С. 46-53.

Философия безопасности: становление современного учения

Родачин В. М.

Российский новый университет (РОСНОУ) - профессор кафедры философии. Доктор философских наук

rodvm@yandex.ru

Аннотация: в тезисах выступления обосновывается актуальность выделения в самостоятельную отрасль философского знания философии безопасности, а также анализируется процесс становления социально-философских основ обеспечения безопасности в современных условиях; раскрываются идейно-философские предпосылки данной отрасли философского знания, ведущие свое начало в философско-религиозных системах Древней Индии, Древнего Китая, Античности; рассматриваются структурные составляющие философии безопасности: «философия ненасилия», «философия мира», «философия насилия», «философия войны»; показаны причины возникшего научного интереса в 90-х гг. к философии безопасности; обобщаются имеющиеся отечественные работы, относящиеся к проблематике философии безопасности и социально-философских основ обеспечения безопасности Российской Федерации

Ключевые слова: философия безопасности, философия войны, философия насилия, философия мира, философские учения о безопасности, социально-философские основы безопасности.

Security as an object of social philosophy: the formation of modern teaching. Rodachin V. M.

Russian new University - Department of philosophy

Abstract: in theses relevance of the allocation of an independent branch of philosophical knowledge safety philosophy, and analyzes the process of formation of socio-philosophical foundations of security in modern conditions; reveals the ideological and philosophical premises of this branch of philosophical knowledge, leading its origins in philosophical and religious systems of Ancient India, Ancient China, Antiquity; structural components are considered safety philosophy: "philosophy of non-violence", "world philosophy", "philosophy of violence", "the philosophy of war"; shows the causes of scientific interest in 90 s. to the philosophy of security; summarizes the existing national work related safety philosophy and socio-philosophical foundations of the security of the Russian Federation

Keywords: philosophy of security, philosophy of war, philosophy of violence, philosophy of the peace, philosophy of security, social and philosophical bases of security.

В советском обществе вопросы безопасности находились в ведении марксистско-ленинского учения о войне и армии, являвшегося органичной и неотъемлемой частью философии общества (исторического материализма), хотя сам термин безопасности не относился к числу базовых категорий. Чернобыльская катастрофа (1986), распад СССР (1991) показали, что безопасность Отечества не сводится только к вопросам учения о войне и армии. Наличие мощной армии, ядерного оружия и паритета с США и НАТО не предотвратили гибель свыше 200 тыс. человек от радиоактивного заражения¹, не спасло Советский Союз от распада в мирное время.

На основе переосмысления этого опыта в постсоветский период пришло понимание необходимости учета не только военных, но и множества других угроз, прежде всего внутренних. А также необходимости в наиболее общем, родовом по отношению ко всему комплексу угроз, понятия, которое должно быть положено в основу новой теории защиты от их разрушающих воздействий. Таким понятием стала категория «безопасность».

1) Возрожденная в начале 90-х гг. в отечественной научной мысли идея безопасности достаточно

ⁱ По оценке ООН, от рака, вызванного чернобыльскими осадками, умерло около 16000 человек. Российская академия наук называет цифру 200 тысяч. Национальная комиссия Украины по радиационной защите говорит о 500 000 человек.

- быстро получила признание в качестве базовой категории для новой системы теоретических взглядов в сфере защиты Отечества. В том числе в рамках становления социально-философского учения о безопасности.
- 2) В истории философской мысли понятие безопасности нашло отражение с древнейших времен. Правда, оно не относилось к числу основополагающих и общеупотребительных, по сравнению с основным рядом философских категорий. Это объясняется тем обстоятельством, что в мировоззрении людей древнего общества вопросы жизни и смерти, взаимосвязанные с ними бедствия, войны, любые иные опасные события, воспринимались как неизбежный злой рок, предначертанная волей всевышних сил судьба. Не случайно, в философско-религиозных системах Древней Индии, Древнего Китая безопасность ассоциировалась со смирением человека перед неизбежностью судьбы, а также с уходом в себя от зла и угроз, существующих в окружающей действительности [4, с. 63]. Как следствие, тема безопасности достаточно долго не находила специального исследования, ей не посвящались отдельные самостоятельные философские трактаты.
 - 3) Философские учения о безопасности стали приобретать более широкое значение в учениях европейских мыслителей XVII-XVIII вв., [2, с. 179] когда распространенный характер приобрели возрожденческие и гуманистические идеи о свободе воли людей, созидательных силах человека, об ответственности индивидов за свою судьбу, их способности управлять общественными отношениями и процессами. Один из главных представителей философии Нового времени Б. Спиноза относил безопасность к функциям органов государственного управления и признавал ее «добродетелью государства» [13, с.350]. Английский философ Т. Гоббс в своем произведении «Левиафан» (1651) причиной объединения людей в государство (гражданское общество) определил инстинкт самосохранения и безопасности.
 - 4) Параллельно с философским осмыслением безопасности, развиваются и такие взаимосвязанные с ним направления, позднее ставшие восприниматься как структурные составляющие данной отрасли философского знания, как – «философия ненасилия», «философия мира», а также противоположные им по исследуемому объекту - «философия насилия», «философия войны». Первые два объединяет поиск условий жизнедеятельности социума, народов и государств, в которых отсутствуют какие-либо источники угроз их существования, и обеспечивается созидательная деятельность людей. Данный исследовательский ракурс сближает указанные направления с философией безопасности по отражаемым целевым ориентирам. Вторые два характеризуют обратную сторону безопасности, связанную с угрозами безопасному существованию социальных систем и объектов.
 - 5) Обобщая и другие философские представления о насилии, войне, ненасилии, мире, можно заключить, что европейская и отечественная досоветская философская мысль накопили достаточно обоснованные идеи, послужившие теоретическим фундаментом современного социально-философского учения о безопасности. При этом важно учитывать то обстоятельство, что именно понятие «безопасность» позволяет охватить всю совокупность философских идей, относящихся как к источникам угроз существованию человека, общества, государства, мировому сообществу, так и способам, формам противодействия им, сохранения жизнеспособности и потенциала развития.
 - 6) Тем не менее, даже в конце второго десятилетия двухтысячных не на всех направлениях теоретического осмысления проблем безопасности ощущается удовлетворение текущим уровнем и качеством их научной проработки: «В области методологии отсутствуют фундаментальные научные исследования, которые могли бы претендовать на статус прорывных» [15]. Наблюдается «несовпадение взглядов и трактовок у ученых исследователей по тем или иным аспектам безопасности, возможностям их оценки, измерениям, практическому учету» [1, с. 9].
 - 7) Представляется, что подобная ситуация является следствием запаздывания и отставания разработки современного социально-философского учения о безопасности. Современные научные разработки теории безопасности ведутся в условиях отсутствия целостного философского учения о безопасности, и без опоры на него. Между тем, с появлением ядерного оружия, киберугроз, информационных и гибридных войн, особенно острой стала потребность

в философско-методологическом осмыслении современных проблем как безопасности вообще, так и глобальной, национальной, региональной безопасности человечества, различных сфер жизнедеятельности людей: экономической, политической, информационной, экологической и др., функциональных областей защиты интересов безопасности – военной, государственной, таможенной, пограничной и т.п. Однако, многие труды по вопросам обеспечения безопасности, в том числе претендующие на комплексное их рассмотрение, не имеют в своем содержании разделов, глав, и даже параграфов, раскрывающих философские или социально-философские основы современной безопасности. Конечно, это не вина авторских коллективов. Пока еще философия безопасности, как новая отрасль философского знания, а также социально-философское учение о безопасности находятся на стадии своего становления.

- 8) Только с начала 90-х гг. появились первые отечественные научные работы с характерным названием «философия безопасности» [7, с.54–57]. Одна из первых монографий с аналогичным названием была издана в 2001 году. Ее автор В. С. Поликарпов отмечал, что «проблема философских основ безопасности человечества и человека наряду с аксиологическим аспектом имеет онтологическую сторону» [10, с. 32]. По этому вопросу отсутствует единство взглядов. В представлении профессора Э. П. Литвинова, «научный подход к решению такой сложной социальной проблемы, какой является безопасность, предполагает, прежде всего, рассмотрение онтологических, гносеологических и нравственных оснований безопасности» [6]. Высказывается представление о том, что категория «безопасность» в своем содержании включает **мировоззренческий, онтологический, методологический, аксиологический и антропологический** аспекты. Они тесно связаны между собой и образуют целостную структуру теоретического концепта безопасности, фундамент которого составляют ее онтологический и антропологический аспекты [3, с.37–42].
- 9) Отсутствует четкое представление о научном статусе философии безопасности и ее предмете. Высказывается мнение, например, о том, что философия безопасности «на данном этапе пока не наука, но система мировоззрения, основанная на опыте и практике работы советских и российских спецслужб» [14].
- 10) Представители философского сообщества, специализирующиеся на проблематике безопасности, в начале двухтысячных высказывали озабоченность отсутствием философского учения о безопасности: «практика обеспечения безопасности крайне нуждается в теории, которая бы достаточно четко объясняла смысл безопасности, независимо от того, рассматривается безопасность лица, отраслевая безопасность, направление безопасности, национальная безопасность или коллективная безопасность» [5, с.15]. Без философского осмысления невозможно продвинуться в понимании того, что представляет собой сущность безопасности. Наиболее распространенным сегодня остается представление о том, что в сущностном выражении безопасность – это состояние защищенности. Однако рядом авторов высказываются сомнения в универсальном характере этого признака. Если, например, взять в качестве охраняемого объекта сознание человека, то какое его состояние равнозначно состоянию безопасности, и какими критериями можно определить его защищенность?
- 11) Первостепенного внимания в современном философском осмыслении заслуживает проблематика диалектики объективного и субъективного в обеспечении безопасности личности, общества, государства, а также международного сообщества в целом. Безопасность - сложное социальное явление, многоплановое и многогранное в своих структурных составляющих и проявлениях, отражающее противоречивые интересы в отношениях различных социальных субъектов. Нередко одни из них стремятся обеспечить свою безопасность за счет других либо не считаются с интересами безопасности иных людей, групп, народов. Отсюда – обусловленность проблематики безопасности субъективными позициями, неоднозначными оценками, иррациональными мотивами. В методологическом плане важно иметь целостное представление о безопасности как социальном явлении [11, с.35].
- 12) Наряду с постановкой вопроса о разработке современной философии безопасности, обосновывается потребность и в социально-философском учении о безопасности. Так, в докторской диссертации Н. Н. Рыбалкина, посвященной социально-философскому исследованию природы безопасности ставилась цель «разработки основ социально-

Рыжов Л.Г.

Московская международная академия, начальник управления делами. Кандидат философских наук, доцент

ryzhov@mmamos.ru

Аннотация: В современных условиях Россия вновь оказалась перед выбором, который по своим последствиям может оказаться судьбоносным. Выбранная в конце XX-го столетия модель экономического и политического развития не обеспечила место государству в качестве равноправного партнера в мировой политике и экономике. Наоборот, в процессе преобразований появились серьезные внутренние и внешние риски для ее национальной безопасности. Страна оказалась в ситуации, которая по целому ряду обстоятельств, обладает схожими признаками с обстановкой, сложившейся в ряде государств латиноамериканского континента. С одной стороны, внешнее экономическое, политическое и военное давление ведущих мировых игроков, с другой, колоссальное имущественное расслоение общества и коррупция государственного аппарата. Страна вновь оказалась перед альтернативой, либо пойти наторенным курсом, и, с значительной долей вероятности, заполучить латиноамериканский сценарий, либо внести серьезные изменения в выбранный вектор развития. Работа над поправками к Конституции РФ, осуществляемая в последнее время, подает в этом плане определенную надежду, что для дальнейшего совершенствования российской государственности в конечном итоге будет выбран конструктивный, жизненно необходимый и оптимальный по своей результативности путь.

Ключевые слова: теология освобождения, национальная безопасность, коррупция, имущественное расслоение, вектор развития, судьбоносный выбор.

**Liberation theology in the mirror of Russia's social policy.
Ryzhov L.G.**

Moscow International Academy

Abstract: In modern conditions, Russia is once again facing a choice that could prove fateful in its consequences. The model of economic and political development chosen at the end of 20th century did not provide a place for the state as an equal partner in world politics and economics. By contrast serious internal and external risks appeared for its national security in the process of transformation. For a number of similar reasons, the situation in the country turned out to be the same as in a number of states on the Latin American continent. On the one hand, it is the external economic, political and military pressure of the leading world players, on the other, is a colossal stratification of society and corruption of the state apparatus. The country was once again facing an alternative, either to pursue a well-established course, and with a considerable degree of probability to get the Latin American scenario, or to make serious changes to the chosen vector of development. Currently work on the amendments to the Constitution of the Russian Federation gives some hope that in the long run a constructive, vitally necessary and optimal path will be chosen for the further improvement of Russian statehood.

Keywords: liberation theology, national security, corruption, property stratification, development vector, fateful choice.

Теология освобождения, или как нередко ее называют «красная теология», вызванная в жизни углублением экономического неравенства и как следствие политического бесправия беднейших слоев латиноамериканских стран заняла прочное место в католицизме.

Ставшая в свое время вызовом и головной болью для Ватикана она, тем не менее, получила официальное признание Римской курии, и, несмотря на критику со стороны папского престола, усилила свое влияние на внутривнутриполитическую ситуацию государств латиноамериканского континента, а также

философской концепции обеспечения безопасности государства на основе разрешения научной проблемы постижения природы безопасности» [12]. Одной из немногих диссертационных работ, непосредственно посвященных феномену безопасности как социальному явлению, является диссертация контр-адмирала в отставке А. Ю. Моздакова. И в ней подчеркивалась актуальность «создания общей социально-философской теории безопасности» [9, с.18–25]. Кстати, статья данного автора по теме диссертации, опубликованная в авторитетном философском журнале «Вопросы философии» - единственная, как показал проведенный контент-анализ всего массива публикаций данного издания за 1995-2015 гг. (252 номера), – в названии которых встречается термин «безопасность».

13) Таким образом, назрела потребность в выделении в самостоятельную отрасль философского знания, и в более активной разработке как философского учения безопасности, так и социально-философских основ обеспечения безопасности в современных условиях.

Список литературы:

1. Анищенко В.Н. О современной теории и методологии исследования проблем безопасности страны // Вестник экономической безопасности. 2009. № 4. С. 8-12.
2. Бушуев В. А. Понятие национальной безопасности в отечественном и зарубежном государственно-правовом дискурсе // Известия ЮФУ. Технические науки. 2013. № 6 (143).
3. Гаранина О. Д., Усик И. В. Онтологические смыслы категории «безопасность» в философской ретроспективе // Научный вестник МГТУ ГА. 2008. № 129. С. 37-42.
4. Губанов В. М., Капшунова И. К. Философская интерпретация безопасности жизнедеятельности // Педагогика высшей школы. 2016. №3.1. С. 63.
5. Иващенко Г. В. О понятии «безопасность» // Теоретический журнал «Credo». 2000. № 6. С. 15. URL: <http://credonew.ru/content/view/207/52/> (дата обращения: 12.02.2020).
6. Литвинов Э. П. Актуальные размышления по философским основам безопасности личности, общества и государства // Вестник РМАТ. 2012. №2-3 (5-6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-razmyshleniya-po-filosofskim-osnovam-bezopasnosti-lichnosti-obschestva-i-gosudarstva> (дата обращения: 01.12.2019).
7. Мехед Н.Г. Философия безопасности: безопасность как культурно-исторический феномен // Инф. сборник «Безопасность». 1992. № 2. С. 54 -57.
8. Моздаков А. Ю. Социально-философские аспекты проблемы безопасности : автореф. дис. ... канд. философ.наук : 09.00.11. – Великий Новгород, 2008. 149 с.
9. Моздаков А. Ю. Понятие безопасности в классической и современной философии // Вопросы философии. 2008. № 4. С. 18-25.
10. Поликарпов В.С. Философия безопасности. СПб. – Ростов-на-Дону – Таганрог: Изд-во ТРТУ. 2001. С. 32.
11. Родачин В.М. Безопасность как социальное явление // Право и безопасность. 2004. № 4 (13). С. 35–40.
12. Рыбалкин Н. Н. Природа безопасности : Дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11. – Москва, 2003. 407 с.
13. Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Антология мировой политической мысли. 1997. Т. 1. С. 350.
14. Фонарев Д. Философия безопасности [Электронный ресурс]: URL : <https://fondntr.ru/about/about-fond/filosofiya-bezopasnosti.html> (дата обращения : 12.02.2020).
15. Цыганов С. А., Рудцкая Е. Р., Хрусталёв Е. Ю. Фундаментальные исследования: проблемы и решения // Дайджест-финансы. 2013. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fundamentalnye-issledovaniya-problemy-i-resheniya> (дата обращения: 13.02.2020).

ряд стран Азии и Африки.

Примечательно, что Россия во внешней политике сегодня также демонстрирует латиноамериканский тренд. Причем в его содержании не только экономическая и политическая составляющие, но и религиозная. Об этом красноречиво свидетельствует встреча Святейшего патриарха Московского и всея Руси и Вселенского патриарха Папы Римского, аргентинца по происхождению. По сути, она сразу стала исторической, так как после раскола на западную и восточную ветви и многовековое противостояние церквей, эта встреча на высшем уровне стала первой за все время существования христианства.

Известно, что на успех взаимного сотрудничества и его перспективу влияет имидж не только элит, но и та внутренняя ситуация, в которой живет и действует народ, населяющий страну. В этой связи наращивание присутствия России на латиноамериканском континенте весьма примечательно. Оно позволяет примерить на себе те риски, которые связаны с природой и практикой теологии освобождения.

Внешним проявлением этих рисков является политическая нестабильность в ряде государств Латинской Америки, характеризующаяся радикальными изменениями и полярной сменой правящих режимов, нередко сопровождаемая военным насилием. Примеров предостаточно. События в Никарагуа, Чили, Сальвадоре, Венесуэле и других странах неоднократно происходили в обозримых рамках жизни одного поколения, радикальным образом отражаясь на судьбах не только политических лидеров, но и населяющих их народов.

Что касается России, то, несмотря на определенную стабилизацию внутренней жизни общества, достигнутую благодаря усилиям президента России В.В.Путина, остановившего тенденцию разрушения страны, заданную в 90-е годы, почва для рисков и возникновения угроз национальной безопасности не исчезла.

Ее питательной средой, служат многие факторы. Ключевым из них является поляризация расчленения общества на почве имущественного неравенства. Тенденция, когда на фоне низкого уровня жизни значительной части населения, выделяется сравнительно небольшое олигархическое меньшинство, владеющее основной долей богатства страны, продолжает оставаться устойчивой на протяжении многих лет. Трагические последствия такой политики для национальной безопасности государства достаточно убедительно демонстрируют события, происходящие в латиноамериканских странах. Практически все XX-е столетие их жизнь сопряжена с политической дестабилизацией и сменой правящих режимов.

К числу других, не менее значимых факторов, в этом плане относится и коррупция государственного аппарата. Она традиционно способствовала как «левым», так и «правым» поворотам в Латинской Америке, а также, в свое время, послужила активным катализатором всех российских революций на заре прошлого столетия.

Объективный анализ исторической логики протекания политических процессов подсказывает, что социальный протест в разных экономических и политических условиях может приобретать различные формы. Судя по протестным акциям российской оппозиции несложно понять, что возможные его дальнейшие проявления не станут калькой с протестов, идеологией которого стала теология освобождения. Они явно не облачатся в религиозные тоги. Однако при наличии существенных различий имеются и схожие моменты, которые подпитывают протестную среду. Они названы выше. Остается ответить на вопрос – насколько такие опасения в их проявлениях и влиянии на общественную безопасность сегодня обоснованы, и как они далеко смогут зайти.

Мнения о проведенной приватизации, приведшей к появлению олигархов и предопределившей сырьевую направленность экономики России, известны. Критику на этот счет сегодня можно услышать не только со стороны оппозиции, но и представителей власти. Однако со стороны последней до сих пор не прозвучало даже намек на изменения условий перераспределения природной ренты. Соответственно, призывы к соблюдению принципа социальной справедливости, которые периодически раздаются из уст политических и религиозных деятелей, а нередко и представителей властной вертикали по-прежнему обращены в пустоту. Результаты по сути провальных национальных проектов отправленного в отставку правительства, цель которых по сопровождаемой их риторике должна заключаться в повышении благосостояния россиян, в этом плане достаточно красноречивы и не нуждаются в дополнительной аргументации.

Коррупция как социальное явление, разъедающее основы стабильности общества, чилийским философом, писателем и крупным гуманистом современности Дарио Салас Соммером была отнесена к разряду нравственных грехов, которые, по его мнению, являются нарушением моральных законов Природы (1, с.180-189). В России, в силу особенностей пройденного исторического пути, на факты ее проявления общественное мнение реагирует более остро и болезненно, нежели на иное преступное деяние, подлежащее наказанию, предусмотренному уголовным законом. Однако в силу того, что моральные императивы за последние годы в значительной мере перестали играть роль регулятора поведения людей, это явление получило хорошую питательную среду. Достаточно частые скандалы коррупционного свойства стали давно обыденной повседневностью. В тоже время понимание того, что они как ржа разъедают социальную стабильность и подрывают основы государственности, стало проникать во все слои общества.

Какой из этого следует вывод. В свое время Римская курия стояла перед дилеммой о признании теологии освобождения как неотъемлемой части католической церкви, либо отказе ей в этом в силу революционного радикализма в устремленности ее адептов к борьбе с вышеназванными общественными пороками и торжеству идей социальной справедливости. Последнее означало бы потерю для Римской католической церкви целого континента. Как известно, Ватикан остановился на первом варианте и выиграл. Сегодня Россия в очередной раз также стоит перед выбором. Судьбоносность его очевидна. Однако в выборе верных путей и решений, направленных на укрепление внутривластной стабильности, как одного из условий укрепления национальной безопасности, не все столь ясно и понятно. Несмотря на ряд экономических и политических аналогий латиноамериканский опыт теологии освобождения в плане его позитивного созидательного содержания вряд ли здесь будет полезен. Однако, тем не менее, он вносит отчетливую ясность в понимание того, что будущие перспективы государственности в России сопряжены не только с внешними, но и внутренними рисками.

В конечном итоге, в самом общем виде, означенный выбор вновь сводится к альтернативе. Ее содержательные контуры, исходя из ситуативных обстоятельств, в которых сегодня оказалась наша страна, вполне определены. Россия либо найдет в себе силы окончательно стряхнуть с себя иллюзии 90-х годов и внесет кардинальные изменения в выбранный вектор развития, либо продолжит следовать привычным курсом, финальный сценарий которого, в силу его явной очевидности, несложно представить.

Список литературы:

1. Дарио Салас Соммер Мораль XXI века. Пер. с исп. М.: Издательство «Кодекс», 2014. С.180-189.
2. Коларов Г. И. Усов В.И. Левый радикализм в Латинской Америке. Социально- политические аспекты. Москва: РосНОУ. 2012. 320 с.
3. Коларов Г.И. Латинская Америка: между левым терроризмом и демократией// Глобализация, права человека и право. Сборник материалов международной научно- практической конференции (Москва, 27 апреля 2006 года) /Под. ред.В.А.Северухина. М.:МГПУ,2007. С.239-242.
4. Миллард Эриксон. Христианское Богословие. Санкт-Петербург: Библия для всех. 2009. 1088 с.
5. Строганова Е.Д.США и левые режимы Латинской Америки (вторая половина XX – начало XXI в.). М.: Издательство «Весь Мир», 2017 г. 288с.
6. Стенли Гренц, Роджер Олсон. Богословие и богословы XX века. Пер. с англ. Ольги Розенберг. Черкассы: Изд-во Коллоквиум, 2011. 522 с.
7. Энтони Тисельтон - Герменевтика. Пер. с англ. Черкассы: Изд-во Коллоквиум, 2011. – 430 с.

Швец Д.В.

Член РФО

den_shvets@mail.ru

Аннотация: В статье представлен анализ угроз национальной безопасности России в социокультурной сфере и обоснована необходимость использования подходов, учитывающих сложность системы, содержащей большое количество противоречий и оказывающих дестабилизирующее воздействие на безопасность государства.

Ключевые слова: угрозы, угрозы в социокультурной сфере, национальная безопасность, социокультурная сфера.

Analysis of threats to Russia national security in the sociocultural sphere.
Shvets D. V.

Member of the Russian Philosophical Society

Abstract: the article presents an analysis of threats to Russia national security in the sociocultural sphere and substantiates the need to use approaches that take into account the complexity of a system that contains a large number of contradictions that do not destabilize state security.

Keywords: threats, threats in the sociocultural sphere, national security, sociocultural sphere.

В настоящее время проблема понимания угроз в социокультурной сфере Российской Федерации, исходящих как внешних и от внутренних источников, приобрела актуальность как объективно – социально-политическими процессами, так и субъективно - реакцией на них гражданами Российской Федерации.

До недавнего времени анализ проблем государственной безопасности Российской Федерации был сосредоточен на поиске угроз в военной, экологической, экономической и в других не-гуманитарных сферах. В свою очередь социокультурная сфера является не только объектом для различного рода воздействия, но и сама может выступать в качестве источника угроз, если в ней возникают дестабилизирующие процессы.

Сложность данной проблематики состоит в многополярности самой социокультурной сферы, которая включает в себя широкий спектр социальных отношений, а также культурное и духовное производство.

Источниками угроз в социокультурной сфере могут выступать такие общественные структурные дисфункции как кризис культурной идентичности, социокультурные конфликты, социокультурный раскол, социальное неравенство и несправедливость, дисбаланс в этнических и профессиональных группах. Кроме того, выделяют и психологические социальные дисфункции, среди которых проблема солидарности, неудовлетворенные общественные потребности в социальной справедливости и безопасности и др.

По мнению автора, на сегодняшний день основными в социокультурной сфере являются угрозы, исходящие от культурной среды, включающие в себя глобализацию, массовую культуру, вестернизацию, технологизацию и искажение каналов и процессов передачи духовного наследия. Перечисленные выше угрозы не являются единственными, но позволяют обозначить области социокультурной сферы, которые являются наиболее слабозащищенными, последствия воздействия на которые могут быть негативными для Российского государства.

Сложность идентификации социокультурных угроз обусловлена тем, что социокультурная сфера подвержена непрерывной изменчивости в совокупности с тем, что трудно оценить степень социокультурных угроз с точки зрения экономических и технических параметров. «Описание социальных групп и взаимосвязей между ними в государственной статистике сведено к абстрактным социально-экономическим и демографическим показателям» [1, с. 65], а так же тем, что основная часть социокультурных

угроз носит субъективный характер. Общество может воспринимать то или иное действие как угрозу, даже если оно таковым не является. Угрозы могут выступать в качестве объективно «мнимых», но в тоже время они не перестают восприниматься обществом в качестве таковых и могут приводить к реальной панике и протестам.

Оценивая угрозы в социокультурной сфере необходимо четко представлять, откуда она исходит, в чем она выражается и что конкретно может угрожать безопасности Российского государства, а так же на что она направлена, чему или кому угрожает.

В свою очередь деструктивное влияние «Западной мысли» на формирование как социальной, так и культурной обстановки России в настоящее время несомненно, что в совокупности представляет одну общую угрозу. Осуществляемое в рамках системы информационных и сетевых войн, это влияние направлено на управление сознанием; девальвацию или изменение культурных и духовных ценностей; снижение нравственного и творческого потенциала населения; пропаганду образцов массовой культуры, основанных на культе насилия, на духовных и нравственных ценностях, противоречащих ценностям принятым в Российском обществе; использование средств массовой информации с позиции, противоречащей интересам человека, общества и государства; разжигание экстремистских настроений, которые, зачастую перерастая в убеждения, в конечном итоге оказывают значительное влияние на формирование социокультурной обстановки в стране в целом.

Так же наблюдаются тенденции, проявляющиеся во множестве аспектов касаясь массовизации культуры. Современная массовая культура представляет неограниченный объем информации и знаний для общества, которые путем внедрения и распространения различных инноваций в общественную жизнь, модернизируют и изменяют социальную реальность.

Массовая культура непосредственно благоприятствует и способствует пропаганде

«Западной мысли», «американских» идей и идеалов, формирует в социальной среде идеал технологического знания ввиду того, что она сама основывается на современных информационных технологиях.

Перечисленные выше проблемы в культурной и социальной области, безусловно, влияют на социокультурную сферу и повышают уязвимость Российского государства, общества и конкретного человека в случае возможного перерастания противоречий и проблем в полномасштабные угрозы.

Оценивая социокультурные угрозы, необходимо обращать внимание на риски и опасности, содержащиеся конфликтный характер, признаки проявления радикализма в обществе и угрозу «цветных революций». Так же стоит учитывать, что не меньшие угрозы обществу представляют социальная несправедливость, неудовлетворенность общественных запросов, социальная тревожность и апатия к политическим процессам, снижение моральных и культурных стандартов, кризис российской идентичности, которые в итоге оказывают негативное влияние на функционирование Российского государства.

Таким образом, анализ основных угроз национальной безопасности, проявляющихся в социокультурной сфере Российской Федерации, позволил установить, что:

- 1) Социокультурная сфера выступает в качестве человеческого измерения всех процессов, происходящих в социуме и государстве; она является наиболее сложной сферой человеческой деятельности, содержащей большое количество противоречий, которые могут иметь двойной характер. Это значит, что рост противоречий может являться источником социокультурных угроз, а так же может выступать в качестве точки развития и роста общества.
- 2) Двойственность социокультурной сферы нуждается в определенном подходе, исключающим простые и прямолинейные действия, не учитывающие сложности системы, примитивность и непродуманность которых может стать фактором риска, способным дестабилизировать общество и государство.

В данной ситуации вопрос сохранения национальной культуры выступает в качестве главного вопроса по сохранению культурного, духовного и политического суверенитета России, так как ее подмена культурой любого другого народа ведет к уничтожению государства как в нравственно - социальном, так и в политико-экономическом и территориальном аспектах.

Список литературы:

1. Кордонский С. Классификация и ранжирование угроз // Журнал «Отечественные записки». 2013. № 2.
2. Гафиятулина Н. Х. Духовно-нравственная безопасность российской молодежи: социологический анализ основных угроз. – М.: Вестник института ИАЭ. – 2017. – №1.
3. Ремизова М. Н. Интерпретация понятия «социокультурное пространство» в классической социологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. – 2012. №10(24). В 2-х ч. Ч.1.
4. Селезнева А. В. Молодежь в современной России: политические ценности и представления. М. : Аргмак-медиа. – 2015

Об основных понятиях теории государственных границ

Щербак С.И.

Одинцовский филиал Международного юридического института, доцент. Кандидат юридических наук
shscherbak123@yandex.ru

Аннотация: В статье представлена авторская критическая оценка некоторых точек зрения относительно основных понятий теории государственных границ и высказаны предложения по современному осмыслению сущности понятий «охрана государственной границы» и «защита государственной границы».

Ключевые слова: государственная граница, охрана государственной границы, защита государственной границы, теория государственных границ.

On the basic concepts of the theory of state borders Shcherbak S. I.

Odintsovo branch of the International law Institute

Abstract: The article presents the author's critical assessment of some points of view regarding the main concepts of the theory of state borders and offers suggestions for a modern understanding of the essence of the concepts «protection of the state border» and «defense of the state border».

Key words: state border, protection of the state border, defense of the state border, theory of state borders.

Внимание к проблемам теории государственных границ объясняется наличием угроз безопасности Российской Федерации в пограничной сфере, вызываемых территориальными спорами, пограничными конфликтами и другими обстоятельствами. Специалисты отмечают, что безопасность государства требует научного обеспечения, чего невозможно достичь без адекватной теории. Однако, их предложения требуют научного осмысления, хотя бы из-за утверждения, что многие «существующие сегодня определения понятия «государственная граница» раскрывают это явление узко, далеко не полно и не совсем адекватно отображаемому явлению» [3, с. 7].

По мнению автора настоящей статьи, выше представленная точка зрения, предполагающая расширение понятия «государственная граница» противоречит, как положениям законодательства, так и нормам логики, а также новым явлениям, которые появились в этой области знаний. Поскольку, как подчеркивает В.В. Колотуша, «теория государственных границ выступает своего рода подготовительным этапом для концептуального осмысления пограничной сферы общества как элемента социально-философского знания» [4, с. 7]. Многие процессы, происходящие в пограничной сфере, нуждаются в философском осмыслении, и это очевидно, ибо «цель науки – добыть знание, цель философии – обрести смысл» [2, с. 24].

Продолжающиеся споры о соотношении понятий «пограничная деятельность» и «защита и охрана государственной границы», указывают на наличие определенной проблемы в их осмыслении, толковании и применении. Представляется, что ключом к ее решению может послужить современная официальная трактовка определения «государственная граница». Оно приведено в ст. 1 Закона Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации» (далее – Закон о Границе): «Государственная граница есть линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, определяющие пределы государственной территории (суши, вод, недр и воздушного пространства) Российской Федерации, то есть пространственный предел действия государственного суверенитета Российской Федерации». Ключевым, базовым в данном определении, является слово «линия». Видимо, этот признак государственной границы – линейность, и его неверное представление практиками, порождает проблемы в современном осмыслении понятий: «защита государственной границы», «охрана государственной границы», «статус государственной границы» и др. Пример такого толкования понятия «государственная граница» демонстрируют авторы работы «Теория государственных границ» [3, с. 24]. Они предлагают три основных уровня представления государственной границы:

- а) абстрактно-воображаемый;
- б) предметно-знаковый;
- в) системно-предметный, социально-политический и геополитический.

Внимательное прочтение данного определения в тексте Закона о Границе, позволяет нам утверждать, что только представление первого уровня применимы при научной оценке восприятия государственной границы. Действительно, она воспринимается как абстрактный воображаемый объект. Все остальные уровни: и второй, и третий отражают материальные средства (пограничные знаки), используемые для ее наглядного обозначения на местности (предметно-знаковый), и систему средств охраны и других предметов, применяемых для ее защиты и охраны (системно-предметный), расположенных на приграничной территории.

Другие авторы также неоднозначно представляют сущность государственной границы, необоснованно выделяя не присущие ей признаки: материальность, – обосновывая это тем, что изменения ее прохождения влекут либо потерю, либо приобретение территории, а также тем, что ее охрана и защита требуют от государства соответствующих экономических вложений [1, с. 26]; правосубъектность – «государственная граница (как особая юридическая конструкция, порожденная законодательством) является субъектом права» [7, с.36]; институциональность – «государственная граница – сложное образование, в котором социально-политический компонент составляет его главное содержание, превращая границу в определенный государственный социальный институт» [6, с. 43].

Очевидно, что ее научная сущность должна восприниматься сугубо утилитарно. С точки зрения геометрии, государственная граница, как линия, имеет один параметр – длину. Ширины, и других качественных параметров, линия иметь не может, поскольку представляет собой бесконечное множество точек, которые расположены, одна возле другой на одной ломаной линии. Величина каждой точки стремится к нулю. Следовательно, линия сама по себе не материальна, и в физическом, материальном смысле – ничто. Она является виртуальным, условным средством, которое используется для условного (договорного) разграничения плоскости на части. Аналогична сущность «вертикальной поверхности». Логичнее ее было бы именовать виртуальной вертикальной полосой (лентой), которая проходит по всей линии государственной границы, шириной (высотой) из недр Земли до космического пространства. Данная полоса разграничивает пространство между государствами: воздушное пространство, толщу морской (речной) воды и почвенный слой, и недра, т.е. устанавливает пределы действия государственного суверенитета.

Размышляя о соотношении основных понятий, связанных с государственной границей, – «защита» и «охрана», следует отметить, что за последние 25 лет в тексте Закона о Границе они меняли свое значение. Ряд авторитетных специалистов в 2005 году предлагали изменить их значение вновь, вплоть до противоположного [5, с. 28; 8].

В связи с вышеприведенными соображениями, возникает вопрос: можно и нужно ли виртуальную линию защищать и охранять, как это требует закон в отношении линии государственной границы? Логика подсказывает, что необходимо защищать и охранять то, что находится за этой линией – то есть суверенитет, территориальную целостность, население, материальные и моральные ценности и др., как это делает сторож, охраняющий сад. Он защищает (*здесь и далее выделено авт.*) имущественное право владельца сада на урожай, посредством охраны имущества, находящегося на территории сада, но не границу (забор) сада. Забор выступает средством легитимизирующим эту деятельность. Полагаем, что приведенная аналогия уместна для понимания сути охраны и защиты государственной границы.

Таким образом, охрана государственной границы направлена на пресечение попыток незаконно изменить ее местоположение путем перенесения пограничных знаков, либо не допустить их утрату, ибо это может привести к изменению принадлежности территории, пограничному конфликту, и длящимся десятилетиями пограничным спорам. Поэтому, уместно говорить только об охране пограничных знаков.

С учетом всего вышеизложенного, мы видим как изменилось понятие «охрана государственной границы», по существу, оно утратило свой традиционный «широкий» смысл и значение. В современных условиях решение проблемы охраны государственной границы, в контексте обеспечения точности ее прохождения на местности, в соответствии с договорами, не вызывает затруднений. Этому способствует развитие технологий и систем глобального позиционирования: GPS, ГЛОНАСС, и др.

Так же может быть решен и возможный территориальный спор. В перспективе, каждый пограничный знак может быть оборудован источником сигнала, который будет улавливать навигационная система и передавать сведения оператору. Это все позволит существенно сократить расходы государства на охрану государственной границы в ее идеальном варианте. Таким образом, выражение «охрана государственной границы» в настоящее время стало образным, является неким рудиментом, который утратил свою основную функцию.

Так же, требуется уточнение понятия «защита государственной границы». Поскольку граница – это воображаемая линия и воображаемая поверхность, то, в чем же заключается необходимость ее защиты? Защищать пограничные знаки, ее обозначающие, исходя из вышеприведенной аргументации понятия «охрана государственной границы», явной необходимости нет. При всей противоречивости анализируемого понятия, отметим, что в абз. 4 ст. 3 Закона о Границе указано: «защита Государственной границы обеспечивает жизненно важные интересы личности, общества и государства на Государственной границе в пределах приграничной территории». Логика закона такова – защита линии направлена на защиту личности, общества и государства. Однако, линия границы государства и само государство – это разные объекты.

Более точно сущность рассматриваемой защитной функции выражена в п. 2 ст. 10 Федеральном законе «Об обороне», в котором она определяется как «вооруженная защита целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации». Военная доктрина Российской Федерации в п. 1, предусматривает в целом вооруженную защиту Российской Федерации.

Очевидно, что вся военная организация государства обеспечивает безопасность Российской Федерации, и различие заключается только в формах и методах, которые используют различные военные структуры. Исходя из этого предположения, пограничные органы также осуществляют защиту суверенитета, целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации, в пределах приграничной территории. Развитие техники и технологий, появление новых знаний, совершенствование социально-экономических отношений, предполагает необходимость внесения изменения в абз. 4 ст. 3 Закона о Границе, исходя из предлагаемых уточнений сущности охраны и защиты государственной границы, с учетом нового понятия «пограничная деятельность», а также теоретического обоснования. Очевидно, что новые и уточненные понятия теории государственных границ, должны отвечать требованиям методологического минимизма, однозначности, непротиворечивости, информационной достаточности, целостности, проверяемости, доступности.

Список литературы:

1. Гурьянов А.А. Статус государственной границы Российской Федерации : теоретико-правовые, международные и военные аспекты : монография. – Голицыно, 2013.
2. Жуков В.Н. Философия права (теоретико-методологический аспект) // Государство и право. 2009. № 3.
3. Першин А.А., Шерстнев А.Д., Ярлыченко В.В. Теория государственных границ / под общ. ред. К.В. Тоцкого. М., Граница. 2001.
4. Колотуша В.В. и др. Пограничная сфера в условиях становления полицентричной модели мироустройства : монография / под общ. ред. В.В. Колотуши. – Голицыно : ГПИ ФСБ России, 2017.
5. Проничев В.Е. О мерах по совершенствованию нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы защиты и охраны государственной границы Российской Федерации // Право и безопасность. 2005. № 2 (15).
6. Савин В.И. Основы защиты и охраны государственной границы: учебник / В.И. Савин, В.П. Власов, А.П. Костюченко и др. – Хабаровск, 2011.
7. Чебаев В.Н. Конституционные основы защиты государственной границы Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2004.
8. Ямшанов Б. Камера на нейтральной полосе // Российская газета. Федеральный выпуск. 2005. 8 февр.

**Музейное дело и философия: проблема репрезентации
(на примере создания экспозиции Музея русского зарубежья)**

Николай Игоревич Герасимов

Старший научный сотрудник. Кандидат философских наук

nickgerasimow@yandex.ru

**Museums and philosophy: the problem of representation (on the example of the exposition of
the Museum of Russian Abroad).
*Nikolay Gerasimov***

Репрезентация философии как формы интеллектуальной культуры в рамках музейного пространства – задача особой сложности. Положительные примеры часто связаны с сугубо историческим измерением философского знания, когда биография мыслителя выполняет нарративную функцию, а все концепции и идеи декорируют хронологию жизни. Если известно, что такой мыслитель был ещё и публичной личностью (меценатом, политическим или культурным деятелем), то задача заметно упрощается. Но что делать, если речь идёт не столько о жизни конкретного философа, сколько о философии как самостоятельном явлении, не нуждающемся в обязательном редуцировании интеллектуальных сюжетов к определённым историческим фактам? Современный графический дизайн и гейм-дизайн предлагают свой ответ: использовать медиа-технологии таким образом, чтобы посетитель музея в интерактивной форме смог хотя бы отчасти поставить себя на место любого философа.

Перед рабочей группой, которая работала над постоянной экспозицией Музея русского зарубежья, указанный выше вопрос встал летом 2018 г. Белое движение, русская православная церковь в эмиграции, дискуссии поэтов, переводчиков и литераторов – все эти темы можно было представить посредством экспонирования определённых предметов из архивного хранилища, потому что ордена, церковное облачение и красочные обложки книг, пускай и очень косвенно, всё же отражают драматургию соответствующих событий. Философия русского зарубежья – тема особенная. Несмотря на то что Н.А. Бердяев и Л.И. Шестов смогли добиться мировой известности, их идеи не всегда легко «показать» посетителю музея. Ещё сложнее ситуация с С.Л. Франком и о. С. Булгаковым.

Трудность интеллектуальной наррации была решена следующим образом:

1. Раздел «Философский пароход» позиционируется как сюжет, отражающий символическую природу изгнанной из России философии. Число профессиональных философов-эмигрантов не такое большое, как число депортированных из страны учёных и инженеров, но именно философия в начале XX в. была символом свободомыслия, а значит, высылка философов в какой-то степени – насилие одной философской группы (марксистско-ленинской) в отношении всех других. Перед посетителем встаёт вопрос: «Не теряет ли философия свою идентичность, когда борется со свободомыслием?»

2. Деятельность философов-эмигрантов представлена в разделах «Общественно-политическая мысль русского зарубежья» и «Русская православная церковь в эмиграции». Творческая работа русского философа в эмиграции часто была сопряжена с «прокладыванием мостов» – с осуществлением коммуникации между общественными деятелями и богословами, между политическими организациями и организациями церковными. УМСА-Press под руководством Н.А. Бердяева, сотрудничество И.А. Ильина с Белым движением – всё это показывает интегративную природу философского знания. Несмотря на то что философия всегда есть самостоятельная область культуры, она сопряжена с другими отраслями человеческой деятельности.

3. Существуют многие историко-философские концепции, которые рассматривают русскую философию в качестве формы русской литературы. Рабочей группой было принято решение отказаться от такого подхода. Успех литератора и успех философа – явления разного порядка. Репрезентация художественной и философской литературы в одном ряду создало бы у посетителя музея ложное представление о действительном порядке вещей. Да, многие эмигрантские художественные тексты стали классикой мировой культуры, особенно сочинения И.А. Бунина и В.В. Набокова. По сравнению

с ними, философская литература может показаться «менее успешной». Однако и читатель И.А. Бунина, и читатель В.В. Набокова – не всегда читатель, обладающий желанием и навыками разбираться в философской терминологии. Хотя философия и литература являются часто пересекающимися областями культуры, нельзя допускать ситуации «смешивания» и «поглощения». Таким образом, об экспонировании архивных документов (черновиков статей и книг) по философии в одном ряду с архивными материалами по русской эмигрантской литературе не могло быть и речи.

4. Вместе с тем, в рамках музейной экспозиции говорить о концепциях русских философов всё же нужно. Для этого была специально создана интерактивная панель, которая предоставляет читателю возможность познакомиться с основными идеями мыслителей русской эмиграции, которые так или иначе повлияли на западноевропейское философское сообщество. Посетитель, пускай и справочно, должен иметь возможность прочитать короткие тексты о тех или иных направлениях внутри философии русского зарубежья.

Работники музея лишней раз убедились в существовании теснейшего диалога между философией и современным искусством. Рабочей группой высказывалось мнение о дальнейшей эволюции музея с использованием методов иммерсивных театральные постановок. В перспективе использование художественных инсталляций действительно могло бы визуальнo репрезентировать сложные интеллектуальные сюжеты русской философии в изгнании. Вместе с тем понятно, что «погоня» за инновациями не всегда желательна. Можно выделить несколько возможных проблем, с которыми, вероятно, столкнётся каждый, кто будет использовать художественные средства для репрезентации философии без необходимой самокритики:

1. Эволюция научно-популярной литературы показала, что даже самые сложные идеи можно сделать доступными для массового читателя. Жанр комикса и вовсе продемонстрировал, как сделать «Капитал» К. Маркса увлекательным чтением для подростков. Однако до какой степени популяризация допустима? Желая всё сделать максимально увлекательным и доступным, создатель музейной экспозиции, вполне вероятно, отнимает у посетителя его право на волевое интеллектуальное усилие.

2. Слепое внедрение в музейное пространство элементов театральности может перевести философию из регистра интеллектуальной наррации в регистр массового шоу. Шоу, каким бы оно ни было талантливым, сильнейшим образом искажает исходный материал (пьеса, художественный роман, сценарий и т.д.). Философия всегда предполагает мир абстракций. Материализация этого мира, сведение его к конкретике – опасный путь, который может деформировать исторически сложившиеся принципы функционирования философии в культурном пространстве. Таким образом, посетитель музея не будет понимать, где начинается философия, а где заканчивается шоу, её представляющее.

Рассмотренный выше «кейс» Музея русского зарубежья показывает, что философия требует особого подхода, особого поиска в способах репрезентации. Современное музейное дело справляется с этой задачей, если речь идёт только об историческом измерении философского знания (только при наличии большого количества экспонируемых предметов, в число которых входят не только рукописи философов). Если возникает вопрос о том, как показать посетителю музея философию в её непосредственно концептуальном измерении, то традиционные методы не справляются со своей задачей. Создатель экспозиции вынужден экспериментальным образом искать новые способы выражения философии. Пока самим профессиональным сообществом не будут выработаны адекватные современности подходы к этому вопросу, каждая группа музейных работников при столкновении с тем или иным философским сюжетом будет находиться в состоянии выбора между традиционной репрезентацией философии через историю и репрезентацией философии через экспериментальное художественное творчество.

Идея «третьего возрождения» и ее интерпретация в русской философии начала XX века.

Гришатова Ю.Л.

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова. Философский факультет. Кафедра истории и теории мировой культуры (аспирант)

julia.grishatova@yandex.ru

Аннотация: в рамках доклада анализируется концепция «третьего Ренессанса», которая возникает в русской философской мысли в начале XX века. История развития данной идеи рассматривается на материале работ круга философов «третьего Ренессанса» (Н.А.Бердяев, Ф.Ф.Зелинский, И.Ф.Анненский, В.И.Иванов, А.Топорков-Немов), в которых отдельно постулируется концепт «нового славянского Возрождения»; при этом, каждый мыслитель выдвигает эту идею в своей оригинальной трактовке, что также интересно рассмотреть с точки зрения сравнительного анализа. Делается вывод, что идея «третьего Ренессанса» становится одним из значимых результатов рецепции античности и западноевропейского Возрождения в русской философии начала XX века; для русских мыслителей славянское возрождение предстает как гармоничный синтез античной и христианской культуры, то есть это «другое» возрождение, которое значительно отличается от западноевропейского Ренессанса, поскольку базируется на религиозной основе. Также рассматривается современная трактовка и модификация темы «нового Ренессанса» на материале одноименного исследования В.В.Бибихина.

Ключевые слова: Ренессанс, античность, Серебряный век, русское религиозное возрождение, народная культура, христианство, творчество, культурная память.

The concept of «third renaissance» and its interpretation in Russian philosophy in the beginning of XX century. Grishatova J.L.

Moscow State University. Philosophical faculty. Department of history and theory of world culture

Abstract: the concept of «third renaissance», which appears in Russian philosophical thought in the beginning of XX century is analyzed in the report. The history of development of this idea is considered through the works of so called «third renaissance» philosophers (N.A.Berdyayev, F.F.Zelinskiy, I.F.Annenskiy, V.I.Ivanov, A.K.Toporkov-Nemov), who postulate separately concept of «new Slavic renaissance»; at the same time, every philosopher formulated this idea at its own original interpretation, which also interesting for consideration from the point of view of comparative analysis. The conclusion is that the idea of «third renaissance» becomes one of the significant results of interpretation of antiquity and the Western European Renaissance in Russian philosophy in the beginning of XX century; for Russian philosophers «new Slavic renaissance» appears as a harmonious synthesis of ancient and Christian culture, so that is “other” renaissance, which differs significantly from the Western European Renaissance because it is based on a religious basis. Modern interpretation and modification of the theme «new renaissance» is also considered in the report, based on V. V. Bibikhin’s research of the same name.

Key words: Renaissance, antiquity, Silver Age, Russian religious revival, folk culture, Christianity, creativity, cultural memory.

Идея «славянского ренессанса» или «третьего возрождения» впервые возникает в русской философской мысли начала XX века и быстро достигает максимальной актуальности, вызывая огромный интерес. Перед тем, как обращаться к анализу этой концепции, хотелось бы отметить возрастающий именно в этот период в культурно-философской среде огромный живой интерес к изучению античности и итальянского Ренессанса. Мы можем увидеть это на множестве примеров – выходит множество переводов античной и ренессансной литературы, пишутся картины на темы античных мифов и трагедий, античные и ренессансные образы проникают в поэзию и прозу Серебряного века (А.Блок, О.Мандельштам, А.Ахматова, М.Цветаева, Вяч.Иванов и др.). Масштабный взлет русской историко-философской и культурно-искусствоведческой мысли, который наблюдается в начале XX века, огромное количество публикуемых текстов по тематике Возрождения, обилие ренессансных тем в изобразительном искусстве, литературе и поэзии определенно может характеризоваться как признак

культурного расцвета, один из пиков развития русской национальной культуры, или «культурный взрыв» (согласно терминологии Ю.М.Лотмана). Известно, что этот период развития русской культуры оценивается исследователями как русское религиозное возрождение, совпавшее с европейской эпохой модерна.

Теперь обратимся непосредственно к идее «третьего ренессанса»: хотелось бы очертить здесь круг философов и мыслителей, которые разделяют эту идею и концептуируют ее в своем философском наследии, а также привести основные положения их концепций.

Ф.Ф.Зелинский, который посвятил большую часть своей жизни изучению античного наследия, видел идею славянского возрождения в синтезе христианства и античной культуры. Идея ренессанса неразрывно связана у него с возрождением классической античности; в своем цикле сочинений по античной истории и культуре «Возрожденцы» он пишет: «Возрожденцы – это те, которые так или иначе возродили античность в себе, своей жизни, своем творчестве» [1, с.6]. Зелинский делает акцент не на русском, а на славянском возрождении, объединенном на общей культурной почве и судьбе славянских народов: «Ближайший зенит европейской культуры будет находиться в знаке Славянского Возрождения» [2, с.536]. Он концептуирует славянское возрождение как третье после итальянского Ренессанса и германского возрождения XVIII в.; при этом, если итальянское Возрождение было эстетическим и культурным усвоением античности, а германское – философским, то славянское возрождение должно быть религиозным, олицетворяя собой рецепцию античности через призму национальной христианской культуры.

Иннокентий Анненский, посвятивший большую часть жизни исследованию античной культуры и переводческой деятельности, как и Ф.Ф.Зелинский, мечтал о соединении русского и античного, считал этот синтез чем-то очень гармоничным, подчеркивал органическое сходство двух культур и близость славянского менталитета к античному миропониманию: «Не будет ли судьба, о, не политика, нет, конечно! – когда-нибудь благосклоннее к эллино-славянскому не союзу даже, а синтезу? Не внесут ли славянские культуры и славянский темперамент новой и интересной ноты в воскресающие гимны античности?» [3, с. 264]. В основе идеи Анненского о славянском Возрождении лежит осмысление поэтом античности как истока мировой культуры: например, античный миф предстает основой для образования всей европейской литературы. Таким образом, идея славянского возрождения у Анненского связана с его осмыслением единого культурного процесса как постоянного взаимодействия и синтеза, он видит процесс развития культуры как непрерывное движение к возрождению; надежда поэта связана с возвратом культуры и человеческого сознания к древним, идеальным формам искусства; его собственная концепция культурного развития берет начало в античном мифе, и далее получает свое продолжение и кульминацию в настолько желанном для поэта соединении двух миров и культур: славянской и античной.

Еще одним апологетом идеи русского возрождения выступает Вяч.Иванов. Идею ренессанса применительно к России он развивает в статье 1907г. «О веселом ремесле и умном веселии». В этой работе Вяч.Иванов представляет свою парадигму развития европейской культуры как постоянного взаимодействия двух культурных миров: эллинства и варварства. Эллинство у Иванова предстает единым лоном культуры, культурным истоком, единым для всех времен и цивилизаций; варварство предстает как совокупность исторических и культурных формаций, каждая из которых может пройти через возрождение через обращение и воссоединение с эллинским истоком. При этом стоит отметить, что «варварство» предстает у Иванова не как нечто «отсталое» или неоригинальное, а наоборот – как живая и постоянно видоизменяющаяся культурная сила, культурный вектор, который рождает многих гениев мысли, слова и художественной формы (так, Шекспир, Байрон, Бетховен и Достоевский предстают в рассмотрении философа носителями и проводниками по преимуществу «варварского» типа культуры). Эллинство и варварство относятся друг к другу как «царство формы» и «царство содержания» [4, с.70]. История культуры в видении философа предстает как циклическая цепь возрождений: «И вечно повторяется старая сказка... Хаос ищет строя и лика, и скиф Анахарсис путешествует в Элладу за мудростью формы и меры. Опять и опять совершается «возрождение» [4, с.70]. По мнению автора, Россия как раз в текущий момент, к началу XX века, подошла вплотную к возрождению в культуре, искусстве и философии: «Не то же ли мы видим в России? Классицизм, как тип школы и как норма эстетическая, не прививается у нас; но никогда, быть может, мы не прислушивались с такою жадностью к отголоскам эллинского миропостижения и мировосприятия». [4, с. 71]. Как признанный знаток и ценитель античной культуры, Вяч.Иванов также акцентирует тему народного дионисийского духа, живой народной

стихии в привязке к русскому символизму [4, с. 75]; он видит новое возрождение как возрождение александрийской эпохи, видя в нем ту же синтетичность, всеохватность, «идейный синкретизм в религии и философии, эстетике и морали» [4, с. 73]; эти же характеристики относятся к Серебряному веку и русскому символизму. Классическая античность служит здесь «сокровищницей» духовных и культурных даров, на которые необходимо ориентироваться и опираться, чтобы произвести обновление культурных идеалов и переоценку ценностей; именно в этом – призвание нового русского возрождения [4, с. 74]. По мысли автора, пришло время для русского ренессанса, который станет ярким звеном в цепи, начало которой положило каролингское возрождение, причем этот ренессанс возможен только через воссоединение искусства и культуры с «душой народа», которая воплощает в себе живые духовные силы, религиозную веру и древний миф: «Искусство идет навстречу народной душе. Из символа рождается миф. Символ — древнее достояние народа» [4, с. 76]. Эта идея выражена в статье очень ярко и сильно, как еще один манифест русского возрождения.

В трудах Н.А.Бердяева идея «нового ренессанса» получает свое продолжение и развитие: философ верит в возможность будущего христианского ренессанса, который будет построен на почве русского православия. В статье «Предсмертные мысли Фауста» мыслитель говорит о роли России в историческом процессе, и Россия предстает как возможное «место действия» нового христианского возрождения. Мысль Бердяева полна ожидания будущего раскрытия русского творческого и духовного потенциала, по-своему уникального и самобытного, он пишет о неслучайно возросшем интересе Запада к России, о диалоге культур Востока и Запада и о нераскрытой русской «тайне», которая по мысли автора связана с историко-культурным кризисом, возникшим в связи с концом новой, ренессансной истории. Мыслитель надеется, что именно на Россию возложена особая историко-культурная миссия, связанная с разрешением этого кризиса и открытием новых культурных, исторических и творческих путей. Иными словами, он надеется на то, что христианское возрождение придет именно с Востока, из России, о чем недвусмысленно пишет в заключении своей статьи [5, с. 380]. Россия в видении философа предстает как «Востоко-Запад», соединяя в себе исторические и культурные потоки, являясь объединяющим и гармонизирующим пространством для двух великих культур; собственное осмысление и восприятие этих потоков, их рецепция через призму отечественной культуры и христианства должно дать свой результат в виде будущего русского возрождения. По мысли Н.Бердяева, русское православие за долгие века подготовило величайший духовный и сакральный потенциал, который способен выразить себя в новом возрождении; третий Ренессанс может произойти только на христианской основе, и это возможно именно в России. При этом, мыслитель подчеркивает и анализирует процессы, происходящие в его современности, как определенно возрожденческие: «Сейчас можно определенно сказать, что начало XX века ознаменовалось у нас ренессансом духовной культуры, ренессансом философским и литературно-эстетическим, обострением религиозной и мистической чувствительности» [6, с. 393].

Идея славянского возрождения получает интересное выражение и трансформацию в работе еще одного до недавнего времени малоизвестного философа начала XX века - Алексея Константиновича Топоркова. В 1915 году Топорков издал под псевдонимом А. Немов небольшую статью под названием «Идея славянского возрождения». Долгое время эта работа была неизвестной отечественному читателю, пока не вышла в свет в 1992г. в журнале «Начала». В этой работе Топорков развивает собственный вариант концепции русского возрождения, показывая, что эта идея с самого ее зарождения выступала объединяющим началом, к которому русская культура подходила как в славянофильском, так и западническом своем русле. Концепция А.К.Топоркова синкретична - стоит отметить, что она привносит в идею русского возрождения некий синергетический смысл, гармонично объединяя сразу несколько ее аспектов. Текст статьи достаточно эклектичен и содержит в себе ряд философских и историософских идей, которые можно кратко сформулировать так:

- А.К.Топорков высказывает близкую концепции Зелинского идею об историко-культурной цепи возрождений, в которой Россия рано или поздно неизбежно должна занять свое место, и начало XX века представляется как наиболее подходящий период для развития новых возрожденческих сил, идей и культурных процессов [7, с.36];

- автор выдвигает идею о том, что современная культура по сути своей синкретическая, «александрийская», и в настоящее время она находится в ожидании новой фазы развития, пробуждения и обновления; таким образом, прослеживается тематика «александрийского» аспекта нового возрождения, как и в работах Вячеслава Иванова [7, с.41];

- есть ярко выраженное сходство с идеей Бердяева о возрождении через свободный творческий акт, а также с идеей о том, что тип русской культуры - это «Востоко-Запад», а ее культурно-историческое призвание состоит в том, чтобы осуществить синтез и творческое слияние этих двух духовных миров [7, с.36];

- А.К.Топорков представляет возрождение как «античность будущего»; эпоха возрождения находится в центре всей истории, представляет собой прорыв к колоссальному обновлению и развитию культуры в совокупности со стремлением вновь завоевать античные ценности [7, с.47]. Но это совершенно не означает «повторного», неоригинального или нетворческого характера культуры: анализируя понятие возрождения в целом, автор показывает, как свойства повторения и воспроизведения сочетаются в нем с началами оригинального исторического и культурного развития; возрождение – это всегда новая, оригинальная и неповторимая культура, которая развивается под воздействием человеческого творчества, безграничного в своей свободе.

Можно сделать вывод, что идея «третьего возрождения» действительно становится одним из значимых результатов рецепции и анализа античности и западноевропейского Ренессанса в русской философии. Но, при этом, стоит отметить, что это возрождение, о котором мечтают русские философы и которое они конструируют в своих работах, по своей специфике и форме сильно отличается от западноевропейского Ренессанса: вместо секуляризации – обращение к христианским ценностям, на замену ренессансному «академизму» приходит идея возврата к народным истокам, дионисийству, живой народной стихии (Вяч.Иванов). То есть это «другое» возрождение, которое значительно отличается от западноевропейского Ренессанса, поскольку базируется на религиозной основе и перерабатывается русскими философами на почве возврата к национальным корням, которые хранит в себе культурная память.

Хотелось бы отметить, что идея нового возрождения остается актуальной и в современности. Обратимся к одной из достаточно новых работ, посвященных трактовке западноевропейского Ренессанса и философскому анализу понятия возрождения в целом: книге В.В.Бибихина «Новый Ренессанс» (1998 г.). В ней автор отмечает, что тема возрождения культуры в целом будет актуальна всегда, представляя возрождение как общечеловеческий культурный феномен, который циклически повторяется в ходе исторического процесса. Таким образом, возрождение в современном понимании этого слова перестает быть характеристикой определенного периода истории культуры – это понятие приобретает более универсальный и общечеловеческий смысл. В применении к современной эпохе В.В.Бибихин говорит о необходимости нового Возрождения культуры, философии и мировоззрения, которое способно предотвратить «конец истории», которым, по мысли Бибихина, закономерно заканчивается эпоха постмодерна. При этом он видит его как восстание против исторической судьбы, приводя в пример итальянское Возрождение как творческий бунт - преодоление схоластики и неподвижных абсолютов Средневековья. Возрождение, пробуждая творческую жизнь, становится началом процессов творения новой истории с новым пониманием культуры, науки, искусства, а также человека и его места в мире. Автор приводит в пример слова Жюлья Мишле, который впервые использовал термин «Ренессанс»: «... Во имя жизни мы должны снова восстать... человек обречен на возрождение» [8, с.17]. По мысли Бибихина, только Возрождение способно предотвратить упадок европейской цивилизации и дать новый смысл человеческому существованию [8, с.18]; в современности становится «слишком тесно для настоящих событий» [8, с.18]; в то же время история невозможна без событий, а Возрождение предстает временем не только настоящих событий, но и глобальных культурно-исторических переворотов. Именно поэтому «Запад будет идти от Ренессанса к Ренессансу, и Восток тоже» [8, с.18]; Возрождение предстает как праздник, источник радости, колоссальный подъем творческой энергии и общечеловеческого потенциала, и он может происходить циклически, снова и снова, и его новой территорией может быть как Россия, так и Европа. Как можно видеть, В. В. Бибихин легко применяет понятие ренессанса к современному периоду истории и современной нам действительности; анализируя достижения итальянского Возрождения, он в то же время говорит, что человеческая история именно сейчас подошла к тому этапу, на котором чувствуется необходимость нового ренессанса. Можно сказать, что в фокусе данной концепции тема интерпретации Возрождения остается актуальной для рассмотрения и анализа с точки зрения культурного, философского и исторического дискурса в современном мире.

Литература:

1. Зелинский Ф.Ф. Возрожденцы. Санкт-Петербург: Алетейя, 1997.
2. Зелинский Ф.Ф. Поэт славянского возрождения Вячеслав Иванов. // В. И. Иванов: pro et contra, антология. Т. 1. СПб.: РХГА, 2016.
3. Анненский И.Ф. Трагическая Медея. // Театр Еврипида в 3-х томах. Том 1. Санкт-Петербург, Просвещение, 1906.
4. Иванов В.И. О веселом ремесле и умном веселии // Собрание сочинений в 4х томах. Т.3. Брюссель, FoyerOrientalChretien, 1974.
5. Бердяев Н.А. Предсмертные мысли Фауста // Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. Москва: Аст, 2002.
6. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. Том 1. Москва: Искусство, 1994.
7. Немов А. (Топорков А.К.). Идея славянского возрождения // Религиозно-философский журнал «Начала». 1992. №4.
8. Бибихин В.В. Новый Ренессанс. М.: МАИК «Наука», Прогресс-Традиция, 1998.

Даренский В.Ю.

Луганский национальный университет им. Т. Шевченко, профессор, доктор философских наук

darenskiy1972@rambler.ru

Аннотация: Рассматривается функция философии как компенсатора отсутствия обрядов инициации в секулярной культуре. Как общекультурный символ «инициация» обозначает особый экзистенциальный опыт символического прохождения через смерть, после которого человек приобретает особый опыт, позволяющий смотреть на жизнь и оценивать ее «с точки зрения вечности». Духовная инициация, символически именуемая «вторым рождением», делает человека другим, радикально трансформируя его личность. Философия осуществляет аналог «инициации», поскольку заставляет человека отбросить все привычные навыки мысли и мировосприятия в целом, посмотреть на бытие и на самого себя с совершенно непривычной и странной точки зрения. В XIX веке в России философия родилась из народного духовного опыта – так же, как когда-то в Древней Греции она родилась из мистериального духа Элевсинских и других культов. В настоящее время русская философия является мощным фактором возрождения русской цивилизации в целом.

Ключевые слова: философия, функция, культура, секулярность, инициация, компенсация, русская философия, пост-оксидентальность.

The compensatory function of philosophy in a secular culture.
Darenskiy V.J.

Lugansk national University named after T. Shevchenko

Abstract: the function of philosophy as a compensator for the absence of initiation rites in secular culture is considered. As a General cultural symbol, “initiation” denotes a special existential experience of symbolic passage through death, after which a person acquires a special experience that allows them to look at life and evaluate it “from the point of view of eternity”. Spiritual initiation, symbolically called “second birth”, makes a person different, radically transforming his personality. Philosophy carries out the analog of “initiation”, since it forces a person to drop all the usual skills of thought and perception of the world in General, to look at being and at himself from a completely unusual and strange point of view. In the nineteenth century, philosophy was born in Russia from the popular spiritual experience, just as it was born in Ancient Greece from the mystical spirit of the Eleusinian and other cults. Russian philosophy is currently a powerful factor in the rebirth of Russian civilization as a whole.

Keywords: philosophy, function, culture, secularity, initiation, compensation, Russian philosophy, post-occidentality.

Исторически философия возникла как важный компенсаторный механизм культуры в секуляризирующемся обществе. Когда впервые «не сработал» ритуал, дававший цельное посвящение в смысл и устройство мироздания, когда прекратились обряды «инициации» с передачей священных знаний и мистического опыта, люди остались с «голым» вопрошанием о смысле бытия, не имея опыта для ответа на этот вопрос. Вот из этого «голового», беспомощного вопрошания и родилась философия. Точнее, она не только родилась когда-то до нашей эры, она продолжает рождаться и сейчас в душах и умах многих людей, которые оказываются экзистенциально брошенными в это навязчивое состояние предельного вопрошания. И философскому вопрошанию не может помочь никакая наука, сколь бы развитой она ни была, потому что философия спрашивает совсем не о том, о чем нам говорит наука. Наука дает знание эмпирических фактов и законов, объясняющих связь этих фактов между собой, но ничего и никогда не сможет сказать о смысле всего существующего, и о том, почему мир вообще таков, каков он есть, и вообще почему он есть, ведь его могло бы и не быть. Научное мышление с точки зрения философии выглядит наивным и инфантильным – ведь действительно, это только очень маленькие дети интересуются только фактами, но еще не интересуются их смыслом. Если, например, физик объясняет происхождение мира «большим взрывом» или чем-то другим – это вообще не важно, какая теория является модной в данный момент – то, с точки зрения философа, физик здесь вообще не понял сути вопроса. Философия – это совершенно иной тип знания, и оно основано на неэмпирическом

опыте. Отец Павел Флоренский писал, что философия Платона является рациональной экспликацией того опыта, который люди получали в ходе Элевсинских мистерий. То есть, философия – это особая экзистенциальная технология, позволяющая получить тот же опыт без участия в массовых мистериях, но переживая эту мистирию в себе. Позже, фактически повторяя его мысль, П. Адо определил философию как вид «духовного упражнения», а платоновский тип философии назвал «инициационным» по аналогии с Элевсинскими мистериями [3]. В предельной форме это происходит даже в форме «экстасиса» (т. е. измененного состояния сознания, при котором ум отрывается от чувственного опыта и созерцает вечные идеи непосредственно) – как это было, например, в «Федре» или потом в рефлексивных медитациях Плотина. Но может и не вызывать таких предельных состояний, но суть дела от этого не меняется – аналог «инициации» имеет место в любом случае.

В процессе прохождения обряда инициации происходила мощная трансформация сознания человека не только посредством сильных переживаний, но и путем сообщения ему тайных эзотерических знаний. Все это приводило к трансформации личности во взрослое состояние. В современной цивилизации обрядов инициации нет, но их роль призваны выполнять другие культурные формы, в том числе, и философия. Как общекультурный символ «инициация» обозначает особый экзистенциальный опыт символического прохождения через смерть, испытания смертью, после которого человек приобретает особый опыт, позволяющий смотреть на жизнь и оценивать ее как бы со стороны, «с точки зрения вечности». Символическое прохождение через смерть, духовная инициация, символически именуемая «вторым рождением», делает человека другим, радикально трансформируя его личность. Каким образом это делает философия? Философия заставляет человека отбросить все привычные навыки мысли и мировосприятия в целом, посмотреть на бытие и на самого себя с какой-то совершенно непривычной и странной точки. И совершенно не важно, какую именно философскую доктрину и традицию выбирает человек, обратившийся к философии, ведь данная трансформация – символическая «смерть» и возрождение сознания – произойдет в любом случае. Это и есть аналог «инициации», который осуществляет философия.

Можно сказать, что и сама философия всегда находится в состоянии своей «смерти», это ее нормальное состояние. В том смысле, что философия, в отличие от науки, – это мышление, которое каждый раз начинает заново, с «нуля», и поэтому должно исходить из того, что в актуальном состоянии философии как бы еще нет. С другой же стороны, философское мышление, наоборот, всегда оказывается глубоко архаичным, это буквально «первомышление» о началах всего сущего, которое лежит в основе самого человеческого сознания. Это странный парадокс: философия всегда возникает «заново», как нечто всегда новое, а с другой – всегда является «вечным повторением подобного», тем же вопрошанием о началах – оно и создает то внутреннее очарование философии, которого не имеет наука, и которое очень похоже на очарование поэзии. Если внешне философия похожа на науку в качестве рационального дискурса, то внутренне философия сродни поэзии и искусству. Она не «исследует», как наука, а творит смысл, как поэзия. Философию можно определить как вид искусства – как «художество мысли»; или точнее, как *искусство вопрошания о предельных смыслах* – это самое точное ее определение в «инициационном» контексте.

Русская философия возникла в уникальный исторический момент – когда западная философия «выдохлась» в силу секуляризации сознания и утраты базового опыта. Это историческую точку зафиксировал И. Киреевский, когда писал, что Шеллинг – это тот мыслитель, который появляется раз в тысячелетие. Он имел в виду «позднего» Шеллинга, который пытался вернуть философию к первичному мистериальному опыту, без которого она не может существовать, как дерево с подрубленными корнями. Надо отдать должное Западу, там многие продолжают работу «позднего» Шеллинга даже до сих пор, хотя господствующая тенденция западного мышления, продолжающая по наивности называть себя «философией», на самом деле давно не имеет к ней никакого отношения. Там появлялись еще гении вплоть до М. Хайдеггера, Г. Марселя и М. Бубера, но все-таки со времени И. Киреевского сова Минервы уже перелетела из Европы в Россию. Поразительно, насколько это сразу же поняли русские мыслители. П.Я. Чаадаев изложил в письмах 1835 года к Александру Тургеневу самые радикальные «славянофильские» тезисы, о которых, у нас, к сожалению, мало знают. Поэтому я немного процитирую наизусть: «у нас другое начало цивилизации», – пишет П.Я. Чаадаев, а дальше ключевой тезис такой: «Роковая страница нашей истории, написанная рукой Петра Великого, разорвана; мы, слава Богу, больше не принадлежим к Европе: итак, с этого дня наша вселенская миссия началась» [2, с. 99]. Ретроспективно он оказался прав во всем, но особенно в философии: действительно, русская филосо-

фия в своих высших достижениях всегда была радикально другой, не европейской, вся ее сила была именно в ее «другом начале». «Европейским» в России всегда было лишь эпигонство, не представляющее большой ценности.

И русскую философию, и русскую культуру в целом следует определить как «пост-оксидентальные», то есть изначально развивавшиеся как пост-европейские, как рефлексия на Европу, преодоление ее, а вовсе не «заимствование» и не «эпигонство», как до сих пор думают многие [См.: 1, с. 86-99]. Сами пост-оксидентальные качества и элементы можно классифицировать по-разному, но важно понимать саму их суть и исток. Это возвращение к тому первоопыту культуры, который сохранился в России благодаря аутентичной христианской традиции – Православию, а также ее уникальному неевропейскому историческому опыту. То, что П.Я. Чаадаеву на первый взгляд показалось в России странным и даже страшным, затем, на втором шаге рефлексии, он понял как, наоборот, величайшее ее достоинство и преимущество. Идеологи русофобии любят выпячивать только тот первый шаг его мысли, полностью замалчивая ее следующий шаг и ее итог. Если же говорить конкретно о философии, то в России самым ценным является то, что не имеет никаких аналогов в Европе и представляет собой возвращение к мистериальным основаниям мышления и культуры на основе православного духовного опыта. В русской философии XIX-XX веков насчитывается около трех десятков гениальных мыслителей – это больше, чем во всей Европе этого же периода вместе взятой. Естественно, этого факта не увидят те, кто мыслит внутри западной традиции – но об этом и не стоит особо беспокоиться: мы живем в своей великой традиции и давно уже не нуждаемся в каких-то заимствованиях извне. В XIX веке в России философия родилась заново из народного духовного опыта – так же, как когда-то в Древней Греции она родилась из мистериального духа Элевсинских и других культов. И откуда жив этот источник нашего опыта, русская философия будет мощно развиваться.

Во времена классиков – от Античности до Серебряного века – на выступления философов приходили толпы слушателей. Философы умели говорить и писать для всех, и философией интересовались люди самых разных профессий. Сейчас ничего подобного нет. Философ вынужден приспособливаться под узкую аудиторию «профессионалов» – либо тоже философов, либо других гуманитариев, например, политологов, культурологов и т.д. – а не говорить и писать просто для людей, взыскующих смыслов в нашем бессмысленном мире. Популярность философии – это один из признаков возрождающейся культуры. Пока этот признак не наблюдается – а это значит, настоящего возрождения русской культуры еще нет. Но мы должны выполнить долг своего призвания, иначе его и не будет никогда.

Литература:

1. Даренский В.Ю. Парадигма преобразования человека в русской философии XX века. СПб.: Алетейя, 2018. 328 с.
2. Чаадаев П. Полное собрание сочинений и избранные письма. Том 2. М.: Наука, 1991. 672 с.
3. Hadot P. Les divisions des parties de la philosophie dans l'Antiquité // Museum Helveticum, vol. XXXVI (1979). P. 221-232.

Проблема дисциплинарного самопозиционирования философии в современной культурно-образовательной среде (Является ли философия «гуманитарной наукой»?)

Демин Илья Вячеславович

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва» (Самарский университет), профессор кафедры философии. Доктор философских наук

ilyadem83@yandex.ru

Раскрываются идейные истоки и социально-культурный контекст самопозиционирования и самоопределения современной философии в качестве гуманитарной науки. Показывается теоретическая парадоксальность и практическая несостоятельность трактовки философии как части гуманитаристики. Проблема самопозиционирования философии рассматривается в двух аспектах – интерналистском (историко-философском) и экстерналистском (социально-культурологическом). Распространенный в современной культурно-образовательной среде стереотип о философии как гуманитарной науке в историко-философском плане укоренен в мировоззренческом понимании философской рефлексии, а в социально-культурном аспекте связан с тенденцией прагматизации философского знания. Альтернативная стратегия самоопределения философии в качестве фундаментальной (а не гуманитарной) науки возможна на почве таких направлений мысли, как феноменология, философская герменевтика, аналитическая философия, структурализм. Показано, что тезис о негуманитарной природе философского знания по-разному раскрывается в двух интеллектуальных контекстах – метафизическом и постметафизическом.

Ключевые слова: философия, самоопределение философии, гуманитарные науки, мировоззрение, метафизика, постметафизическое мышление.

The problem of disciplinary self-positioning of philosophy in the contemporary cultural and educational environment (Is philosophy a “humanities”?).

Demin Ilya V.

Samara University

The article analyzes the ideological sources and socio-cultural context of the self determination of philosophy as a humanities. The interpretation of philosophy as part of humanities is theoretically paradoxical and practically untenable. The problem of self-positioning of philosophy is considered in two aspects – internalist (historical-philosophical) and externalist (socio-cultural). The stereotype of philosophy, which is widespread in the contemporary cultural and educational environment, as a humanitarian science in the historical and philosophical aspect is based on a worldview understanding of philosophical reflection, and in the socio-cultural aspect this stereotype is associated with the tendency to pragmatize philosophical knowledge. An alternative strategy for the self-positioning of philosophy as a fundamental (rather than humanitarian) science is possible on the basis of such areas of thought as phenomenology, philosophical hermeneutics, analytical philosophy, structuralism. The thesis about the non-humanitarian nature of philosophical knowledge is revealed differently in two intellectual contexts – metaphysical and post-metaphysical.

Keywords: philosophy, self-determination of philosophy, humanities, worldview, metaphysics, post-metaphysical thinking.

В современной российской культурной и образовательной среде глубоко укоренился стереотип о философии как «гуманитарной дисциплине», место которой в одном ряду с такими науками, как история, культурология, политология. Формирование и бытование данного стереотипа связано не только с далёкими от внутреннего содержания философии формально-бюрократическими и дидактическими классификациями наук и учебных дисциплин, но и с трансформацией форм и содержания самой философской рефлексии во второй половине XIX и XX вв.

Спонтанно складывающиеся и целенаправленно культивируемые теми или иными социальными инстанциями предрассудки во многом определяют социально-культурный контекст современной философской рефлексии. Стереотип о философии как части «гуманитаристики» не является чем-то

всецело навязанным философам извне, он в значительной степени есть результат самопозиционирования современной российской философии, её дисциплинарного и функционального самоопределения. Не будет преувеличением сказать, что данный стереотип определяет статус философии не только в системе образования, но и контексте культуры в целом, формирует спектр типических ожиданий относительно философии и философов, задаёт рамки функционирования философии в публичной сфере.

Парадоксальность самопозиционирования философии как «гуманитарной дисциплины» и части современной «гуманитаристики» становится отчётливо видна, если принять во внимание следующие обстоятельства:

- представление о коренном, глубинном различии между философией и любыми частными науками (в том числе и «социально-гуманитарными») давно уже стало общим местом, вошло в учебники, словари и энциклопедии;

- родоначальники и наиболее значительные представители основных философских направлений современности (неокантианство, аналитическая философия, феноменология, структурализм, философская герменевтика) последовательно дистанцировались от расхожей трактовки философии как «гуманитаристики»;

- философия, которая со времён Сократа и Платона, усматривала своё предназначение в развенчании устоявшихся стереотипов мышления и мнимых очевидностей, в настоящее время стала питательной средой для культивирования расхожих мнений и предрассудков о самой себе.

Факт самопозиционирования философии в публичном пространстве как «гуманитаристики» и стереотип о философии как части «социально-гуманитарного знания» могут быть описаны и объяснены в рамках двух альтернативных (и в то же время взаимодополняющих) стратегий – интерналистской и экстерналистской.

Интерналистская модель описания и объяснения предполагает рассмотрение данного факта в контексте истории мысли, посредством анализа развития и современной конфигурации философских идей, направлений, концепций. Задача интерналистского (историко-философского) объяснения состоит в том, чтобы показать, какие направления и тенденции философской мысли XIX и XX вв. послужили основой и питательной средой для зарождения и устойчивого воспроизводства предрассудка о «гуманитарной» природе философского знания.

Экстерналистский (социально-культурологический) подход предполагает обращение к социальным, культурным, политическим факторам, влияющим на профессиональную деятельность философов, функционирование философских сообществ, их взаимодействие с другими сообществами и государством.

Каждый из этих двух аспектов проблемы самопозиционирования философии как гуманитаристики (историко-философский и социально-культурологический) должен стать предметом отдельного специального рассмотрения. В общем же и предварительном виде суть этих двух моделей объяснения можно сформулировать следующим образом.

В историко-философском плане тезис о родстве философии с гуманитарным знанием возник и получил обоснование в рамках тех направлений, которые акцентировали внимание на мировоззренческой природе, значении и функциях философии (это все течения религиозно-философской мысли XIX и XX вв., а также марксизм и неомарксизм, философия жизни, экзистенциализм, персонализм, «диалогическая» философия, «постструктурализм» в его различных вариациях и т.д.). В конечном счёте, идейные истоки рассматриваемого стереотипа следует искать в мировоззренческом истолковании философии, в трактовке философии как мировоззрения (определённого типа). Содержательный аспект (с каким именно содержательно конкретным мировоззрением или типом мировоззрения ассоциируется или отождествляется философия) здесь не играет существенной роли, важен сам факт приписывания философской рефлексии мировоззренческих функций.

Мировоззренческому пониманию философии противостоит традиция немировоззренческого (метаировоззренческого) истолкования философии как логики и методологии научного познания (позитивизм, аналитическая философия), критики форм человеческого опыта (Кант, неокантианство), экспликации и дескрипции априорных структур сознания (Гуссерль, феноменология), фундаментальной науки о бытии (Хайдеггер, Гадамер, философская герменевтика) и т.д. Продуктивную альтернативу расхожему пониманию философии как гуманитаристики, следовательно, необходимо искать в тех направлениях мысли, которые усматривают в философии не мировоззренческую проповедь, но

фундаментальную науку, коренным образом отличную от частных (позитивных) наук, но сохраняющую при этом ориентацию на идеал знания и рациональности.

Тезис о немировоззренческой (метаировоззренческой) природе философской рефлексии, направленный против отнесения философии к области гуманитарного знания, может быть развёрнут в двух различных интеллектуальных контекстах – метафизическом и постметафизическом.

В метафизическом контексте со времен Платона тезис о фундаментальной (а не гуманитарной) природе философской рефлексии раскрывался посредством проведения аналогий между философией (метафизикой) и математикой. В этом отношении особенно примечательна трактовка соотношения метафизики и математики, данная Н.Я. Гротом в статье «Что такое метафизика?». Метафизика и математика, в отличие от частных, специальных наук, имеют дело с невыводимыми из опыта понятиями и эмпирически недоказуемыми истинами, которые в то же время «одинаково обязательны для всякого возможного опыта, прошедшего, настоящего и будущего» [1, с. 124]. Тем самым устанавливается полная аналогия метафизических понятий и положений с математическими «в отношении их происхождения и разработки» [1, с. 123]. Не вызывает сомнений, что самопозиционирование философии как фундаментальной науки, которую следует ставить в один ряд с математикой, а не с психологией и культурологией, могло бы коренным образом изменить не только статус философии в системе образования, но и господствующее отношение к философии в обществе.

В контексте постметафизической рефлексии, инспирированной главным образом лингвистическим поворотом [2, с. 9-22], представлены различные варианты «негуманитарного», немировоззренческого понимания сущности философии. Рассмотрим в качестве примера трактовку Мартина Хайдеггера. В работе «Основные проблемы феноменологии» немецкий философ настаивает на коренном отличии философии от любой позитивной науки (в том числе и математики). Поскольку философия «есть теоретически-понятийная интерпретация бытия, его структуры и его возможностей» [3, с. 14], постольку «методическое различие между <...> математикой и классической филологией не так велико, как различие между математикой и философией, соответственно – между филологией и философией» [3, с. 25]. Задача формирования мировоззрения «выпадает из круга задач философии, поскольку философия в принципе соотносится не с сущим» [3, с. 14]. Признавая существенное отличие трактовки философии у Хайдеггера от трактовки Грота, необходимо подчеркнуть общий для них пункт – тезис о равноудалённости философии от всех частных наук (как естественных, так и гуманитарных).

В социально-культурном и образовательном плане живучесть и настойчивое культивирование стереотипа о философии как гуманитарной науке могут быть объяснены поиском философами способов и путей выживания в условиях, когда «эффективность» и «практическая значимость» становятся главными мерилami любых новаций, проектов, идей. Тенденция прагматизации философского знания, обнаруживаемая в рамках мировоззренческого истолкования философии, в современную эпоху наиболее ярко проявляется в стремлении привязать философию к «экспертной деятельности», «гуманитарной экспертизе» (технологий, исследований, разработок) и т.д. Суть этих попыток состоит в том, что философская рефлексия здесь заранее рассматривается как инструмент утверждения вполне определённого, содержательно конкретного мировоззрения с характерным для него набором ценностей и установок. Это мировоззрение может быть условно обозначено термином «гуманизм». «Гуманитарное» здесь теснейшим образом смыкается с «гуманистическим», вплоть до того, что философии (и гуманитарным наукам в целом) начинают приписывать особую – «гуманистическую» – функцию.

Стремление философов занять свою нишу в культуре, ориентированной на пользу и эффективность, приводит к тому, что философия всё более начинает рассматриваться в качестве назойливого напоминания учёным, инженерам, политикам и управленцам о «гуманитарной» составляющей и мировоззренческое подоплеке их деятельности. Ущербность и заведомая проигрышность подобной стратегии самопозиционирования философии в социуме и культуре связана с тем обстоятельством, что выживание по самой своей природе не может полагаться в качестве самоцели, а тот, кто стремится только к выживанию и самосохранению, никогда не выживет.

Литература:

1. Грот Н.Я. Что такое метафизика? // Вопросы философии и психологии. 1890. Кн. 2. С. 107-128.

2. Демин И.В. Метафизика и постметафизическое мышление в зеркале историософии: монография. Самара: Самар. гуманит. акад., 2016. 238 с.
3. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / пер. с нем. А.Г. Чернякова. СПб.: Изд-во Высшей религиозно-философской школы, 2001. 446 с.

Об общественной миссии философии

Козырев А.П.

МГУ имени М.В.Ломоносова, философский факультет, доцент кафедры истории русской философии. Кандидат философских наук

a.kozyrev@bk.ru

Аннотация: В статье рассматриваются модусы существования философии в публичном пространстве, приводятся примеры популяризации философии в России XIX века, рассматриваются различные формы публичной активности философа в современном российском обществе, в СМИ, на различных дискуссионных площадках, в интернет-проектах. Философия рассматривается как важный инструмент социальной коммуникации и формирования гражданского общества.

Ключевые слова: публичная философия, публичное пространство, коммуникация, просвещение, популяризация философии, философия в масс-медиа.

On the social mission of philosophy.

Kozyrev A.P.

Lomonosov Moscow State University

Abstract: The article discusses the modes of existence of philosophy in public space, provides examples of the popularization of philosophy in Russia of the 19th century, examines various forms of public activity of the philosopher in modern Russian society, in the media, on various discussion platforms, in Internet projects. Philosophy is seen as an important tool for social communication and the formation of civil society.

Keywords: public philosophy, public space, communication, education, popularization of philosophy, philosophy in the media.

Может ли философия вернуться сегодня к своим истокам - на агору, туда, где она и родилась? Чем ей предстоит оставаться – теоретическим знанием, выстраивающим себя по типу науки, ресурсом идеологий, или инструментом коммуникации, позволяющим достигать консенсуса в общественных спорах? Античный тривиум, включавший в себя грамматику, риторику и диалектику, распался на сферы различных научных дисциплин. Удаление риторики в область филологии негативно сказалось на судьбе философии, разделив обучение философии как знанию от приобретения аргументативных навыков и практик. Философия возникает там, где формой политического устройства оказывается демократическая республика. Гражданская и политическая свобода может быть эффективной только при наличии философского разума, который создает сложные механизмы удержания этой свободы как «золотой середины» между анархией и деспотией.

В России начало «публичной» философии можно отнести к середине XIX века, если не брать в расчет поведение православных юродивых, формально напоминающих своими действиями греческих киников. Однако юродивые вовсе не считали себя профессиональными философами. В 1860 году П.Л.Лавров прочитал три публичные лекции «О современном значении философии», устройству которых способствовал И.С.Тургенев (в том же году вышла его книга «Очерки вопросов практической философии»). По словам Лаврова эти лекции «были первым публичным словом о философии, произнесенным светским лицом в России вне духовных заведений со времени закрытия кафедр философии Николаем I» [1, с.619]. Лекции вызвали недовольство соратников Лаврова по левому лагерю М. Антоновича и Д. Писарева, последний считал их умозрительными и бесплодными. «Чтения о Богочеловечестве», прочитанные Владимиром Соловьевым в Соляном городке Санкт-Петербурга в феврале-апреле 1878 г. тоже были актом публичной философии. Философу приходится привлечь к содействию в их организации Великого князя Константина Николаевича и предводителя «славянофильской партии» А.А. Киреева, получить разрешение Полицейского департамента. Следует заметить, что и университетские курсы Владимира Соловьева начинались с момента актуализации философского знания. Так, этому была посвящена вступительная лекция в курс философии, прочитанный в Санкт-Петербургском университете в 1880 году, «Исторические дела философии».

В 1879 г. была предпринята попытка основать в столице первое философское общество, в числе

учредителей были К.Н.Бестужев-Рюмин, В.С.Соловьев, М.И.Каринский, Н.Н.Страхов, Д.Н.Цертелев, Т.И.Филиппов. Инициатором его создания был друг Владимира Соловьева философ и поэт Д.Н.Цертелев, защитивший в Германии диссертацию о философии Шопенгауэра. Но официальное разрешение так и не было получено, запрос застрял в бюрократической переписке между Министерством просвещения и Министерством внутренних дел [2]. Видимо, власти предрешающие побоялись угрозы философского свободомыслия на фоне разгула нигилизма и покушений на высокопоставленных чиновников.

Философская известность Владимира Соловьёва связана, во-многом, с его участием в публичных мероприятиях. Так, во время лекции о ходе русского просвещения в 28 марта 1881 г., он призвал к помилованию убийц Александра II во имя христианского милосердия, что вызвало огромную общественную дискуссию и негативную реакцию власти. Такими же были и его лекции о славянофильстве в 1886 году, и выступление в салоне княгини Зайн-Витгенштейн в 1888 году в Париже с докладом «Русская идея», и реферат, читанный в 19 октября 1891 года в Московском психологическом обществе «Об упадке средневекового мирозерцания», в которой он заявил, что «неверующие двигатели новейшего прогресса действовали в пользу истинного христианства, подрывая ложное средневековое мировоззрение с его антихристианским догматизмом, индивидуализмом и спиритуализмом» [3, с.131]. Это сочетание трех сфер философской деятельности — университетской, академической и публичной — привело к тому, что имя Соловьёва прочно заняло первое место в русской культуре конца XIX века.

Что мешает нам сегодня поставить ту же проблему и ту же задачу перед философией? Несколько иная реальность: есть интернет, есть телевидение, то, чего не было в XIX веке. Тогда основной ареной публичности для философии была газета и журнал. Темы практической философии сегодня присутствуют в публичном пространстве в формате ток-шоу и публичных дискуссий на телеканалах, более или менее удачных и, скажем так, шумных. Философы вовсе не главные участники телевизионных баталлий. Передачи телеканала «Культура» «Что делать?», «Тем временем», «Культурная революция» и сменившая ее и идущая в прямом эфире «Агора» сегодня оказываются ареной для публичного обсуждения философских тем. Можно также отметить выходящую на канале ОТР программу пианиста и джазового музыканта Даниила Крамера «Истинная роль». Зрители включаются в дискуссионное пространство, где затрагиваются проблемы общественной морали, социальной активности, социальной и биологической природы человека, биоэтическая проблематика, и присутствие этих тем в медийном пространстве, на мой взгляд, положительно влияет на состояние общества.

В 2014 году я стал вести радиопередачу «Философский клуб», которая выходила по воскресеньям на радиостанции «Русская служба новостей». Она стала дискуссионной площадкой для обсуждения различных тем философии, привлекающих публичный интерес. Первоначальная идея заключалась в том, чтобы философы комментировали актуальные новости из различных сфер политической и общественной жизни. Однако постепенно передача стала больше разговором о самой философии, о разных ее аспектах. Историческая память, философия творчества, проблемы сознания, видеоигры, советская философия, история науки, реформы образования в России. К программе подключились аспиранты и даже студенты, которые сделали несколько эфиров самостоятельно. В передачах «Философского клуба» принимали участие не только известные российские философы – Валерий Подорога, Фёдор Гиренок, Александр Филиппов, Владимир Миронов, Вячеслав Степин, но и люди творческих профессий – режиссер Дмитрий Бертман, певица Лина Мкртчян, композитор Владимир Мартынов. Поскольку передача шла в прямом эфире, то к обсуждению подключались радиослушатели, и можно было видеть, что именно задевает людей, какова общественная реакция на те или иные проблемы. С сентября 2017 года я стал вести другую программу – на радиостанции «ВЕРА», ведущей круглосуточное вещание на fm-частотах в 40 городах России, а также в сети «Интернет». Новый продолжающийся и по сей день проект называется «Философские ночи В часовом эфире с известными философами, филологами, историками мы беседуем как о знаковых фигурах русской и мировой философии, так и о темах, которые могут быть рассмотрены философски – «время», «смерть», «счастье», «встреча», «дом» и другие. Всегда актуальной остается этическая тематика – дружба, любовь, счастье, отношение к инвалидам, социальная ответственность. Одна из задач философа мне видится в том, чтобы выступать в качестве модератора общественных дискуссий по этим. Надо отметить, что подобного рода медийные проекты осуществляются и в других городах страны, следует отметить программу «Культурная реакция» на радиостанции «Град Петров» в Санкт-Петербурге, которую ведет Марина Михайлова, лектор

«Биополитика» (ведущая Е.В. Брызгалина) напередача «Объект 22» (ведущий Е.А. Стаховский) на радио «Маяк», многочисленные выступления на телевизионных каналах Владимира Миронова (Москва), Александра Перцева (Екатеринбург), Сергея Лишаева (Самара), Андрея Тесли (Калининград). Публичная философия отнюдь не сводится только к ее пребыванию в медийном пространстве. В сети Интернет есть несколько российских порталов и сайтов, посвященных философской проблематике. На общем фоне выделяется уже несколько лет реализуемые в Калининграде при поддержке Балтийского федерального университета имени И. Канта проекты «PhilosoFAQ» и «Русофил». Нужно отметить и публичные лекции, устраиваемые в Калининграде Академией Кантина (Н.А.Дмитриева) и Центром изучения русской мысли (А.А.Тесля, В.Й. Повилайтис) Института гуманитарных наук БФУ имени И.Канта. Расширяется практика организации дискуссионных площадок вне стен университетов и философских институтов. Не претендуя на описание того, что происходит в регионах, отмечу лишь наиболее заметные московские площадки. Философские семинары проходят в Московских библиотеках – в Библиотеке русской философии и культуры «Дом А.Ф.Лосева» (семинар «Русская философия» ведет свою работу с 2004 году; кроме того библиотека проводит и ряд других публичных философских мероприятий – авторские философские курсы были прочитаны А.Л.Доброхотовым, А.П.Козыревым, С.В.Месяц, В.И.Моисеевым, С.С.Хоружим, ведется регулярный семинар «Лосевские беседы», посвященный творчеству А.Ф.Лосева, ежегодно проводятся Международные Лосевские чтения), «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына», Библиотека им. Ф.М.Достоевского (на протяжении ряда лет шел семинар «Реплики» под руководством Ю.В.Синеокой), Библиотека-музей имени Н.Ф. Федорова (под руководством А.Г.Гачевой регулярно проводятся лекции, семинары и конференции, посвященные русскому космизму, творчеству как известных, так и малоизученных его представителей), «Философский клуб» в магазине «Библиоглобус» под эгидой Российского философского общества проводит С.А.Шаракшанэ. На философском факультете МГУ действует «Философское кафе», объединившее молодых преподавателей и аспирантов, которые издают журнал «Финиковый компот» и тесно сотрудничают с действующим при факультете Центром исследования философии сознания (руководители Д.Б.Волков, В.В.Васильев). «Фестиваль науки», зародившийся в МГУ и проводимый теперь в масштабах Москвы и за ее пределами ежегодно, также уделяет место философии на своих площадках (теперь издается ежемесячный популярный журнал, посвященный проблемам науки, «Кот Шредингера», где появляются публикации и по философской тематике). Дни философской книги проходят в рамках Международного фестиваля интеллектуальной книги «Non-fiction», а также книжные ярмарки философской книги устраиваются в Институте философии РАН. «Философский клуб» действовал на территории арт-центра «Винзавод». Как правило деятельность таких площадок, которых за последние годы стало значительно больше, организуется энтузиастами из мира университетской и академической науки, а также представителями общественных организаций. Но большая часть профессионального сообщества пока не видит в них продолжения своей основной профессиональной деятельности, поэтому зачастую аудиторией этих мероприятий становится отнюдь не философская и даже не гуманитарная публика – пенсионеры, свободные художники, «богоискатели» и проч. Но, что называется, «театр создает публику». Направленные усилия на формирование такой публичной философской среды неотъемлемы от усилий по формированию гражданского общества в целом.

Отдельного анализа заслуживало бы присутствие философии в блогах. Записав лекционный курс по «Истории русской философии» на проекте «Постнаука», снабженный также тестом и рекомендацией избранных книг по курсу, я могу судить о том, что именно такая форма трансляции философского знания является сегодня наиболее востребованной, в том числе в регионах. Большая работа в этом направлении делается и Центром онлайн-образования БФУ, 10-15 минутные ролики по истории философии, логике, риторике, и другим областям философского и общекультурного знания, с удовольствием смотрятся заинтересованной, в том числе и молодежной, аудиторией.

Философия и сегодня, как и два с половиной тысячелетия назад, далека от того, чтобы быть чисто кабинетной, далекой от жизни наукой. Время покажет, какими будут новые формы публичной и практической философии, и каким будет осмысление тех новых вызовов, которые открывает перед нами цифровая эпоха.

Литература:

1. Лавров П. Л. Биография-исповедь // Лавров П. Л. Философия и социология. Избранные произведения. В 2 т. М., Мысль, 1965. Т. 2.
2. Носов А. А. «Мы здесь основали Философское общество...» (К истории Философских обществ в России) // Вопросы философии, 1999, № 1. С. 172-181.
3. Соловьев В. С. Избранное. / Сост. А. В. Гулыги и С. Л. Кравца. М.: Советская Россия, 1990.

Идея соборности в русской философской мысли (сотериологический аспект)

Лебедев А. Б.

Казанский федеральный университет, профессор кафедры социальной философии, д. ф. н.

Токранов А. В.,

Казанский федеральный университет, доцент кафедры религиоведения, к. ф. н.

Аннотация: В данном докладе рассматривается концепция «соборности» славянофилов 40-х гг. XIX века с точки зрения её сотериологического аспекта. Диалектика спасения понимается в ней как нечто осуществимое только в социальной плоскости и, следовательно, оказывается теснейшим образом связанной с посюсторонним историческим бытием социума. Моё собственное спасение осуществимо только через спасение моего «Другого». Авторы также подчёркивают, что подобная двойственность понимания спасения открывает путь как для спиритуалистических, «нестыжательских интерпретаций, так и для этатистского, великодержавного понимания «соборности», что, в свою очередь, влияет на трактовку публичной религии и религиозного предназначения человека в общем контексте русской культуры.

Ключевые слова: славянофильство, соборность, сотериология, антроподицея.

The Idea of Sobornost in the Russian philosophical thought (soteriological aspect).

Lebedev A. B.; Tokranov A. V.

Kazan federal university, department of social philosophy; department of religious studies

Abstract: In the presentation, the soteriological aspect of the concept “sobornost” by Slavophiles is discussed. The dialectic of salvation is understood as that what can be realized only in social dimension, and it is deeply connected with the reality of human history and society. One’s own salvation is intermediated by the salvation of my “Other”. The authors also emphasize that this ambivalence of the concept of salvation gives way for spiritualistic interpretations of society, as well as for state-centered understanding of sobornost, which, in its turn, influences the interpretation of religion and religious predestination of man in the context of Russian culture.

Key words: slavophiles, sobornost, soteriology, anthropodicy.

Углубление понимания фундаментальных идей православия в период усвоения на Руси святоотеческого литературного наследия привело русских к следующему выводу из философской антропологии и этики Византии: «душа человеческая жаждет спасения». Человеческая душа - вот что на самом деле является образцом Божественной любви. Душа понималась как нечто драгоценное, что можно найти в человеке, который должен жить ради ее спасения. Признание другого человека в качестве продолжения собственного «я», столь характерное для национального психологического строя, приводит к пониманию того, что «я» может полноценно существовать только вместе с другими. Эта «соборность» есть не только осуществление христианской заповеди любить ближнего и поступать с ним так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой, но и центральная черта русской религиозной мысли. Вообще, в отличие от теоцентричного Востока, где Бог является верховным началом, поглощающим человека, и антропоцентричного Запада, где человек выступает в качестве точки отсчёта на пути постижения Бога, русская культура утверждает одинаковую значимость двух этих полюсов. Бог спасает человека, потому что человеческая душа имеет бесконечную ценность. Божественное носит абсолютный характер, но раскрывается оно только через диалектику исторического, земного, человеческого. Таким образом, спасение души другого человека становится условием спасения «самого себя» - спасающий будет спасен, и только спасающий Другого будет спасен. «Мое» спасение становится «нашим» спасением. Человеческая индивидуальность осознает себя лишь как часть соборности - объединенной, социальной, в конечной форме общей для всего человечества.

Однако здесь сразу вырисовывается парадокс. Ведь всё это означает, что путь наверх лежит через спуск вниз, лестница на небеса начинается со спуска в ад, ад падшего человечества ад истории. Человек не имеет права ограничиться интересами собственной индивидуальности, он должен «отречься» от немедленного и окончательного перехода в ту Божественную вечность, которая влекла к себе византийских святых, и броситься в омут истории. Встреча с Богом, осуществление Божественных задач спасения, возможны только через ниспадение в хаос, после прохождения через кровь, грязь,

страдания. Это становится ключевой темой всей русской мысли, не только религиозной, а также великой русской литературы. И концепция соборности, развиваемая в русской мысли с XIX века, является одной из основ такого понимания.

История этого понятия довольно сложна. Впервые оно было разработано философом и богословом Алексеем Хомяковым в XIX веке. Он исходил из первоначального толкования термина «*katholikon*» в Никейском Символе веры, который относится к Церкви и обычно (в западной традиции) понимается как католический, универсальный [2, С. 238-243]. Однако концепция Соборности, разработанная славянофилами, главным образом Алексеем Хомяковым, тесно связана с антропологическими идеями Ивана Киреевского. Главное в мысли Киреевского - это поиск целостности человека, гармоничное развитие всех сторон всего человеческого существа: воли, разума, эстетического чувства и веры, которая должна их всех венчать. Онтологическая целостность человеческого бытия есть цель всего процесса спасения. Этот взгляд характерен для русского религиозного мышления, делающего человека не пассивным получателем благодати, не эгоцентричным властителем своей судьбы, а соратником Бога. И западная цивилизация сделала неверный поворот, переоценив принцип разума.

Хомяков расширяет эту интуицию в социальное измерение, понимая соборность как пространство самореализации человека. Церковь (рассматриваемая русским мыслителем как идеал (или истинная реальность) человеческого общества) помогает человеку преодолеть свою собственную неполноту как единого, изолированного существа, связывая его онтологически с другими и с Богом через веру. Оправдание человека может быть осуществлено только тогда, когда человек расширяет свое собственное «я» и выходит за пределы своей собственной личности, входя во всеединство вселенской жизни Церкви. Таким образом, Церковь, церковное общество становится необходимым средством осуществления человека.

Но был и «секулярный» способ истолкования идеала Соборности. Пробраз совершенной гармонии Святого Духа стал основой для долгого и трудного объединения русских земель в единую Империю. Царское самодержавие сделало иосифлянское понимание соборности общим и отождествило соборность с государственным устройством. На то были особые, даже экстраординарные, исторические причины. Ведь историческое и культурное становление России происходило в контексте тысячелетней борьбы с различными иноземными захватчиками, истощившими все жизненные силы и психологические ресурсы России. Эта борьба была невозможна без централизованного государства. Но сильная, централизованная, тотальная, абсолютная политическая власть стала не только средством сохранения русских как этноса, но и самоцелью национального развития.

Если российская государственная политика была преимущественно «иосифлянской», то литература и философия стали прибежищем для «нестыжательских» традиций. «Иосифлянская» соборность превратилась в самодержавие (отсюда лозунг «Православие, Самодержавие, Народность»), а «нестыжательская» соборность стала основой грандиозных религиозно-философских образов мира. Последние были удивительны по масштабу своих проектов будущего человечества - Федоров, Бердяев, Булгаков и другие, на которых зиждился мессианизм русской соборности - объединить народы мира. Эта полемика между гуманистическим, либеральным и имперским толкованием «русской идеи» прослеживается в дискуссиях о соборности на протяжении как XIX-XX веков, так и по сей день.

Возможность будущего: российский проект глобального развития в поисках собственной идентичности.

Левицкий В.С.

Украинский институт стратегий глобального развития и адаптации, директор. К.филос.н..

Victor2609@ukr.net

Аннотация. В докладе анализируются изменившиеся принципы функционирования мирсистемы. Современная фаза глобализации характеризуется конкурентной борьбой проектов глобального развития, являющихся следствием разрушения веры в универсальную модель развития. В связи с этим стали возможны не только множественные модерны, но и множественные истины. Каждый проект является определенным дискурсом смыслополагания, в котором конструируются собственные представления об истине, истории, идентичности и т.д. В нынешней дискуссии внутри российского проекта относительно стратегий дальнейшего развития, часто не обращается внимание на культурную близость, которая, принимая во внимание ценностно-ориентированную архитектуру проектов, становится фундаментальным ресурсом в нарастающей конкурентной борьбе. В то же время учет этого измерения проблемы позволяет по-новому посмотреть на актуальное развитие мирсистемы и обладает существенным потенциалом снижения конфликтности.

Ключевые слова: проекты глобального развития, дискурс, стратегии, нарратив, культурная близость.

Opportunity of the Future: the Russian Project of Global Development in Search of Its Own Identity. ***Levytskyy Viktor***

Ukrainian Institute of Strategies of Global Development and Adaptation.

Abstract: As a result of the analysis, the principles of the functioning of the world system have changed. The modern phase of globalization is a competition between global development projects. Not only multiple modernities are possible, but also multiple truths. Each project has a specific meaning for truth, history, identity, etc. In the framework of the current discussion on the Russian project regarding strategies for further development, they often do not pay attention to cultural proximity, which requires attention to the value-oriented architecture of projects, which is becoming a fundamental resource in increasing competition. At the same time, taking this dimension of the problem into account allows us to take a fresh look at the actual development of the world system and has a significant potential for reducing conflictogenity.

Keywords: global development projects, discourse, strategies, narrative, cultural proximity.

Изменившиеся принципы эпохи постправды: дискурсивное смыслополагание и ценностно-ориентированное строение глобальных проектов

Сегодня с уверенностью можно говорить о кризисе универсального разума, а как следствие и базирующейся на ней парадигмы классического модерна: представления о логике и направленности исторического процесса, об устоявшихся законах социального бытия подвергаются все большей эрозии. Во всех магистральных для современного разума дискурсах самопонимания (дискурсе о модернизации, дискурсе о глобализации, дискурсе о секуляризации и т.д.), самое позднее к концу XX в., была осознана проблематичность учения о каноническом пути развития общества. Сегодня следует говорить о конкурентной борьбе проектов глобального развития (Американский, Русский, Китайский, Исламский, Индийский)¹, которые формируются вокруг традиционных (религиозных) ценностей, выстраивая на их основе свой вариант архитектуры глобального развития. На смену естественному ходу событий пришло сознательное управление логикой и направленностью исторического процесса – социальное конструирование реальности перешло в осознанную и целенаправленную фазу. В этом отношении симптоматичным является недавнее заявление Р. Хааса, директора Council on foreign relation, одного из самых авторитетных американских think tank, который сказал, что миропорядок не

¹ См.: *Водоразделы секуляризации: западный цивилизационный проект и глобальные альтернативы* / под ред. А. Белокобыльского, В. Левицкого. – М.: Академический проект, 2018. – 215 с.

рождается, а формируетсяⁱ.

Формирование этого миропорядка происходит на основе проектов глобального развития, в центре каждого из которых находится партикулярный нарратив, определяющий смысловую окраску событий настоящего, прошлого и будущего. Интерпретация событий, формирование внутренней нормативности, аксиологии, телеологии, прагматики осуществляется по законам, которые можно сравнить с законами, описанными Ф. Анкерсмитом как нарративная логика. Он, в частности для исторических наук, показал, что события, факты, явления прошлого сами по себе являются разрозненным хаосом данных, целостность которым придает исторический нарратив, в котором они впервые становятся осмысленным единством прошлого. События эти не существуют вне нарратива и «удостоверяются исключительно нарративом» [1, с. 129]. Ф. Анкерсмит пишет: «Философ, утверждающий, что «реальность есть вода» (Фалес) или «реальность есть идея» (Гегель) и т.д., подобно историку, защищает некоторую «точку зрения», с которой следует рассматривать реальность» [1, с. 317].

В этом отношении логика функционирования проектов совпадает с логикой историка, которую выявил Ф. Анкерсмит, а судя по всему с логикой любой практики смыслообразования. Проекты глобального развития, как предельные сегодня ценностно-смысловые универсумы, определяют, как «следует рассматривать реальность». Исходя из ценностного ядра проекта формируются представления о логике исторического процесса, идентичности и наборе канонических социальных практик. Перефразируя знаменитую максиму В. Куайна можно сказать, что сегодня существовать значит быть связанной переменной нарратива глобального проекта.

Логичным желанием каждого проекта глобального развития является расширение его пространства и признание за его ценностно-смысловым ядром статуса универсального. Например, Дж. Карафано, вице-президент Heritage foundation, еще одного мощнейшего американского аналитического центра показал, что расширение глобального проекта происходит благодаря продвижению «стратегий и инициатив», несущих его ценностно-смысловые императивыⁱⁱ. Продвижение таких стратегий и инициатив – это продвижение социальной реальности проекта. Это приобщение представителей других проектов к собственным ценностям, нормам и практикам, а соответственно превращение их в акторов собственной реальности.

Исходя из вышеизложенного можно эксплицировать следующий схематизм: внутри проекта (смыслового дискурса) формируются каноничные смыслы, которые предполагают релевантные им социальные действия; стратегии и инициативы продвигают в социальном пространстве эти смыслы и практики, расширяя ареал собственного проекта. *Смысл и практика не могут появиться в стратегии или инициативе если их нет в ценностно-смысловом ядре нарратива. Невозможны вненарративные смыслы.*

Современные дискуссии в рамках российского проекта

Для понимания актуального состояния российского проекта, следует обратиться к двум статьям, как минимум симптоматичным для развития русского проекта (дискурса). Речь идет о статье В. Суркова «Одиночество полукровки», вышедшей в апреле 2018 г. и статье С. Лаврова «Мир на перепутье и система международных отношений в будущем», увидевшая свет в октябре 2019 года. В этих текстах авторы, используя разную методологию и исторический фактаж, отвечают по сути на один вопрос: каково место России в текущем и будущем миропорядке.

Сурков показывает, как Россия четыре века двигалась в сторону Азии, чуть не став полноценно азиатской страной, потом еще столько же Россия «пробивала окно в Европу», так и не оказавшись в европейской семье народов, что и было фактически зафиксировано в 2014 г. В результате этого Россия – это и не Азия и не Европа. Автор пишет: «И все-таки вряд ли мы третья цивилизация. Скорее, сдвоенная и двойственная. Вместившая и Восток, и Запад. И европейская, и азиатская одновременно, а оттого не азиатская и не европейская вполне... Россия это западно-восточная страна-полукровка. С ее двуглавой государственностью, гибридной ментальностью, межконтинентальной территорией, биполярной историей она, как положено полукровке, харизматична, талантлива, красива и одинока» [2, с. 129]. И это ее судьба. Соответственно, будущее России в такой концепции – это одиночество полукровки.

i См.: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-12-11/how-world-order-ends>

ii См.: <https://nationalinterest.org/feature/ensuring-twenty-second-century-america-70876?page=0%2C1>

В свою очередь С. Лавров констатирует разрушение однополярного мира, он предлагает: «Признать очевидное: процесс формирования полицентричной архитектуры мироустройства необратим» [3, с. 34-35]. Вместе с тем автор констатирует не безальтернативность западных ценностей и, что западные центры геополитического развития должны выстраивать свои проекты учитывая собственные партикулярные ценности. Лавров пишет: «Однако множественность моделей развития не позволяет говорить о том, что западная корзина либеральных ценностей безальтернативна» [3, с. 31]. Соответственно, миропорядок должен быть пересмотрен, исходя из замещения западноцентричной модели полицентричной, в которой все большую роль должны играть Россия, азиатские страны (в первую очередь Китай и Индия) и учитываться важная роль Африки и Латинской Америки.

Уточнение концепций

Учитывая, что это не просто статьи, опубликованные в периодических журналах, а как минимум часть процесса создания нарратива, важно сделать несколько уточнений, которые позволят и сам курс сделать сильнее и обладают потенциалом разрешения существующих конфликтов.

Данные концепции игнорируют значимость культурной близости соседних государств. Сегодня практически все участники геополитического соревнования осознали, что в условиях ценностно-ориентированных проектов глобального развития культурная близость является фундаментальным ресурсом, позволяющим усиливать собственный проект. Проекты стараются в собственный нарратив вписать наиболее широкий ареал. Китай объявил политику инклюзивности по отношению к своим соседям. Исламские страны солидаризируются на основе религии. США пытаются всячески сконструировать культурную близость даже там, где она отсутствует, что хорошо видно на примере стран Балтии, Польши, Украины. В современном мире никто не хочет оказаться в одиночестве (даже если ты полукровка), тем более не стремиться самостоятельно выбрать такую судьбу.

Выводы

Переходя к выводам следует обратить внимание на такие положения. Во-первых, начиная с нулевых нашего столетия мир существенно изменился, в первую очередь это связано с появлением альтернативных проектов глобального развития – наше ближайшее, а возможно и отдаленное, будущее будет проходить на фоне конкурентной борьбы между этими проектами. Во-вторых, каждый проект является отдельным дискурсом смыслообразования, в котором сознательно конструируется собственная картина мира с набором канонических идей и практик. В-третьих, фундаментальным ресурсом глобальной конкуренции все отчетливее выступает культурная близость, которая становится основой для расширения и усиления проектов с одной стороны, и предлагает комплементарные формы национальной и личностной экзистенции – с другой. Игнорирование этого положения при формировании глобальной стратегии лишает ее существенных возможностей.

Литература:

1. Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
2. Сурков В. Одиночество полукровки // Россия в глобальной политике. - № 2-3 (март-июнь). – 2018. С. 124-129
3. Лавров С. Мир на перепутье и система международных отношений в будущем // Россия в глобальной политике. - № 5 (сентябрь-октябрь). – 2019. С. 28-38

Лишаев Сергей Александрович

*Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С. П. Королева, профессор,
доктор философских наук*

lishaevs@bk.ru

В работе рассматриваются причины неоднозначного восприятия философии в публичном пространстве.

Анализируются основания положительной, отрицательной и нейтральной оценки философии и философов в публичной сфере. Причина неоднозначности оценки философии в общественном сознании коренится в предельности философского мышления. Показано, что маргинальность философа как социального субъекта в условиях институционализации его деятельности ведет к попыткам легитимировать философию через ее сближение с наукой, мировоззрением, идеологией, искусством, с приобщением новых поколений к основами европейской культуры. Стремление придать философии больший вес в глазах общества и государства вполне объяснимо, но не безопасно для ее воспроизводства как феномена духовно-практической жизни. Логике позиционирования философии как значимого для общества и человека явления и отнесения ее к тому, чем она не является, следует противопоставить артикуляцию ценности философского этоса как формы воспроизводства полноты экзистенции и актуализация философии как стремления к мудрости.

Ключевые слова: философия, публичность, маргинальность, предельность, легитимация, мудрость, духовная практика.

The perception of philosophy in public space. Lishaev S. A.

Samara National Research University, Professor

Currently philosophy has a rather ambiguous image in public space, and the article is aimed to examine the reason of this. The article analyzes the reasons for positive, negative and uncertain public reaction to philosophy. The extremity of philosophical thinking is related to the marginality of philosophy in the public mind. It is shown that the marginality of the philosopher as a social subject under the conditions of the institutional form of existence of philosophy causes the need for its legitimation by the institutions understandable for society. Philosophy is usually grounded by the equation with science, worldview, ideology, fundamental basis of European culture, humane values, art. Such attempts to lend more gravity to the philosophy in the opinion of society and authority are inevitable under current conditions, but also unsafe for the philosophy as a spiritual-and-yet-practical phenomenon. This is a pragmatic way of social justification of philosophy by the affiliation with something alien for it. The author criticizes this way and argues that philosophers should rather explain the existential and social worth of philosophical ethos as a method of production of existence in its fullness and introduce philosopher as a friend of wisdom.

Key words: Philosophy, publicity, marginality, extremity, legitimation, wisdom, spiritual practice.

ⁱ Восприятие философии обществом и властью никогда не было однозначным. Широко известен афоризм министра народного просвещения П. А. Ширинского-Шихматова: «Польза философии не доказана, а вред от нее возможен» (1849). Этой фразой высокопоставленный чиновник обосновал целесообразность закрытия философских кафедр в отечественных университетах. Мы не ошибемся, если скажем, что значительная часть общества разделяет позицию министра и в наши дни.

Если оставить в стороне политический контекст высказывания николаевского министра, то аргумент «против» сводится к сложности вынесения определенного суждения относительно общественной ценности философии. У людей, решающих практические вопросы (будь то министры или обыватели), все, что не поддается однозначной оценке, вызывает настороженную или отрицательную реакцию, поскольку с прагматической точки зрения важно понять, полезно то или иное явление или вредно. Как консерватор и охранитель Ширинский-Шихматов почел за благо не рисковать: «польза философии не доказана», вред исключить нельзя, поэтому... философские кафедры лучше закрыть.

ⁱ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 19-011-00910 «Маргинальные феномены человеческого бытия (Антропология ad Marginem)».

В обществе были и есть люди, которых можно назвать недоброжелателями философии. Представители этой группы время от времени выступают в качестве ее обвинителей (как, например, афинские граждане Мелет, Анит и Ликон, вызвавшие Сократа на суд). В то же время мы без труда найдем тех, кого можно назвать ее доброжелателями; оказавшись у власти, они покровительствовали философам. Однако для большей части образованного общества философия была (и остается) странным занятием, которому трудно дать определенную оценку: вреда от нее вроде бы нет, но и польза не очевидна.

Не смотря на неоднозначную реакцию публики, философы всегда обращались к широкой аудитории. Философ – не отшельник, не мудрец и не святой на высокой скале. Как человек, вопрошающий о том, что касается каждого (что имеет универсальную значимость), он адресует свои размышления всем, кто пожелает с ними ознакомиться.

Проблематичность восприятия философии общественным сознанием нельзя свести к простой неосведомленности публики относительно существа «философского дела». Ее причина глубже, она в существе философской позиции как предельного вопрошания. Если термин «маргинальность» (от лат. *marginis* – край, граница) изъять из дисциплинарного пространства социологии (там он обозначает пребывание человека между разными социальными группами, культурами, а под «маргиналом» понимают человека, покинувшего материнскую культуру, но не вполне адаптированный к новой культуре), и поместить его в концептуальный контекст философии, тогда его можно использовать в значении предела мыслимости. Философская позиция маргинальна как предельное вопрошание. Философы нащупывают границу мыслимости мыслимого, обозначают немислимое, и мыслят, отправляясь от немислимого.

Сложность восприятия философии обусловлена тем, что философская установка контрастирует с прагматической установкой, доминирующей в повседневной жизни. И предмет, и результаты философского мышления далеки от практик, знакомых нефилософу по его повседневной жизни, по работе, по тому, что доносят до него медиа. Публика пребывает в недоумении относительно того, что «производят» философы; они используют сложный язык, но, в отличие от представителей положительных наук, не дают «ощутимых», «надежных» результатов.

Крайность (маргинальность) философской позиции превращает философа (в глазах значительной части общества) в маргинала в социологическом значении этого термина. Философия представляется занятием, которое имеет отношение к важным для общества вещам, но ни с одной из них в конечном счете не совпадает. Философы часто говорят о Боге, но они не богословы. Они создатели теории, но эти теории не поддаются верификации и фальсификации (в смысле К. Поппера) [1, с. 68-69]. Как авторы текстов они воздействуют на умы и души, но их не назовешь ни художниками, ни моралистами, не проповедниками. Обосновывая и защищая значимые для общества идеи, философы отказываются признавать себя идеологами или публицистами.

Для широкой публики связь между радикализмом (предельностью, граничностью) философских вопросов и социальной маргинальностью философии и философа остается неясной. Непроясненной остается и связь между характером философских вопросов и неустранимостью разногласий, существующих между разными философскими школами. Подорвав сложившиеся представления о мире и человеке снарядами предельных вопросов, философы вновь и вновь стремятся к концептуальному упорядочению действительности. И хотя на уровне отдельных философских систем им это – иногда – удается, философия в целом содержательным единством не обладала и не обладает. Философская разногласица вызывает у публики недоумение: вместо того, чтобы «распутать» спутанное, философы, создавая все новые теории, лишь воспроизводят разногласия. Недоумение это связано с тем, что от публики ускользает невозможность объективации того, о чем вопрошают философы. Предельность вопрошания сопряжена с принадлежностью спрашивающего тому, о чем он спрашивает [2, с. 16]: вопрошающий о сознании уже обладает сознанием, вопрошающий о бытии исходит из существования, вопрошающий о мире уже несет в себе мир, etc.). Философские теории в ситуации герменевтического круга остаются разными вариантами истолкования изначальной отнесенности мыслящего к Другому (в данном случае не важно, мыслится ли Другое как имманентное или как трансцендентное сущему).

Устремленность философов к пределу, к первому и последнему, вызывает уважение в той мере, в какой общество еще сохраняет почтение к началам. Высокая оценка философии, когда мы встречаемся с ней в общественном пространстве, возникает за счет переноса уважения к «началам» на тех, кто над этими началами размышляет и (как предполагает эта часть публики) согласовывает с ними свою жизнь. На философа как друга мудрости все еще падает ответ почтения к мудрости. Философа

Макарова Анна Фёдоровна

МГУ имени М.В. Ломоносова, сотрудник научного отдела философского факультета. Аспирант кафедры истории русской философии философского факультета

anna.fed.mak@gmail.com

уважают как ее друга. И хотя связь с мудростью в сознании и философов, и публики заметно ослабела, сказать, что она полностью изгладилась, нельзя. Она не изгладилась, но изглаживается в сознании общества. Понятие мудрости (как и понятие святости) в эпохи модерна и постмодерна воспринимается как анахроничное, что сказывается на общественном статусе философии. В обществе, озабоченном внутримирными целями, ценностями и интересами, преобладает негативный (для философии) вариант решения «дела философии»: ее все чаще третируют как бесполезное или даже вредное, отвлекающее от дел, занятие, а философов представляют как людей, которые с умным видом «переливают из пустого в порожнее».

В такой неблагоприятной обстановке люди, занимающиеся философией, вынуждены оправдываться и искать пути ее легитимации в общественном сознании. Отсюда попытки «прислонить» философию к чему-то, что для современного общества имеет безусловное право на существование: к науке, мировоззрению, идеологии, искусству, etc. К поиску аргументов, которые оправдали бы существование философии, философов толкает и институциональная форма ее существования, предполагающая регулярность «отчетов о проделанной работе» и необходимость вновь и вновь доказывать администрации разного уровня свою полезность.

В ситуации, когда достигнутый уровень философского языка можно удержать лишь под институциональным покровом вузов, академических структур, исследовательских фондов, наиболее популярным «портом приписки» для философского корабля стала наука (чаще всего философия позиционируется как методология познания, как философия науки, как одна из наук). Придать философии легитимность пытаются и через утверждение ее незаменимости в «формировании мировоззрения», «передаче гуманистических ценностей», «приобщении молодежи к основам европейской культуры» (философия – органичная часть высшего образования). Облачаясь в одежды науки, мировоззрения, гуманистической культуры, воспитания и образования, философы надеются сохранить и упрочить свои институциональные позиции. В практическом отношении (сохранение философии как элемента образования) и в краткосрочной перспективе такая стратегия может дать определенный результат. Трудно отрицать, что философия – это область теоретического знания, что она влияет на мировоззрение, что без знакомства с философией человек европейской культуры не может считаться по-настоящему образованным. Однако философию в ее существе невозможно отождествить ни с тем, ни с другим, ни с третьим. Чтобы философия оставалась философией, она должна постоянно возвращаться к своему истоку, вновь и вновь актуализировать свою связь с мудростью в форме теоретического мышления.

Социальные условия бытования философии побуждают философов подстраиваться под общественные ожидания и позиционировать себя в рамках адаптивных стратегий институционального выживания как ученых с полным набором академических компетенций. Однако как экзистенциальная установка и особый этос философия требует иного: как можно чаще напоминать обществу о себе как о стремлении к мудрости. То, что открывает вера и дает эстетический опыт, философия удерживает в неспешном чередовании вопросов и ответов. Размышляя над тем, как представить философию обществу, необходимо акцентировать внимание на том, что это одна из форм духовной практики [3, 4]. Стоит также обратить внимание публики на то, что философия – одна из тех практик замедления, в которых нуждается человек, захваченный вихрем ускорившегося времени [5, 6]. Удерживая границу (margo), разделяющую бытие и сущее, проводя иные разграничения, философия воспроизводит основы человеческого присутствия. В качестве предельного мышления философия заявляет о себе как об опыте со-бытия с Другими через посредство теоретического мышления.

Литература:

1. Поппер К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания. М.: ООО «Издательство АСТ», 2008. 640 с.
2. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. 447 с.
3. Адо П. Философия как способ жить: Беседы с Жанни Карлие и Арнольдом И. Дэвидсоном / Пер. с франц. В. А. Воробьева. М.; СПб.: Изд-во «Степной Ветер»; ИД «Коло», 2005. 288 с.
4. Адо П. Что такое античная философия. Пер. с франц. В. П. Гайдамака. М.: Изд-во гуманитар. литературы, 1999. 320 с.
5. Секацкий А. К. Неспешность: онтологические и теологические аспекты // EINA1: Проблемы философии и теологии. Том 1, № 1/2. 2012. С. 21-34.
6. Лишаев С. А. Время ad marginem: особенности временения в детстве и старости // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2019. № 1 (25). С. 15-30.

Аннотация: В послереволюционный период Н.А. Бердяев вел активную общественную деятельность, принимая участие в работе ряда организаций и объединений. В выступлении будет рассмотрена событийная канва жизни философа в Советской России, обозначены основные векторы его общественной деятельности (15 организаций с акцентом на четырех наиболее важных). На примере судьбы Н.А. Бердяева (в частности, послереволюционной «пяtilетки» 1917-1922 гг.) автор предпримет попытку показать возможности выхода философа в публичную сферу, место своеобразной философской аналитики в осмыслении исторических процессов и актуальной повестки, характер взаимодействия философа с политическими лидерами переломного периода российской истории.

Ключевые слова: революция, послереволюционный период, общественные организации, Бердяев

Public activity of Nikolai Berdyaev in the post-revolutionary period. Anna Makarova

Lomonosov Moscow State University

Abstract: In the post-revolutionary period Nikolai Berdyaev was active in public life, taking part in the work of a number of organizations and associations. The author will examine the eventual outline of Berdyaev's life in Soviet Russia, and outline of his social activities (15 organizations with an emphasis on the four most important). On the example of Berdyaev's life (in particular, the post-revolutionary period of 1917-1922), the author will show philosopher's possibilities to enter the public sphere, the place of philosophical analytics in understanding of historical processes and the current agenda, philosopher's interaction with political leaders at a turning point of Russian history.

Key words: revolution, post-revolutionary period, public organizations, Nikolai Berdyaev

Николай Александрович Бердяев в автобиографических замечаниях писал, что не имел склонности вести активную общественную деятельность и «лишь притворялся», что участвует в жизни окружающего мира [1, с. 44]. Неоднократно подчеркивая свою чуждость любой форме объединения, группировке, партии, философ считал себя асоциальным человеком – но при этом «социальным» [1, с. 45], любящим людей и много участвовавшим в социальных действиях.

В Советской России Бердяев вел весьма активный образ жизни – и как автор многочисленных книг, брошюр, статей, и как участник различных общественных объединений. Катастрофы Первой мировой войны и революций 1917 года усилили его «социальность»; вот перечень культурно-просветительских, благотворительных и политических организаций, в которых Бердяев принял участие в послереволюционные годы (с 1917 по 1922 год, до высылки из Советской России):

1. Клуб московских писателей (сборник «Ветвь»);
2. Лига русской культуры;
3. Временный совет Российской республики («Предпарламент»);
4. Общество соединения церквей;
5. Союз духовного общения между интеллигенцией России, Франции и Италии;
6. Книжная лавка писателей;
7. Всероссийский союз писателей;
8. Вольная философская академия (Вольфила);
9. Вольная академия духовной культуры (ВАДК);
10. Государственный институт слова (прочитал курс);
11. Клуб анархистов (эпизод – выступил на диспуте);

12. Институт слова, Хранилище частных архивов (позже – подразделение Единого государственного архивного фонда);
13. Московский университет (историко-филологический факультет, профессор);
14. Всероссийский Комитет Помощи Голодающим (Помгол);
15. Российская Академия Художественных Наук (РАХН).

Кроме того, Бердяев с семьей принимал участие в массовых мероприятиях – шествие к Манежу в 1917 году, крестный ход в 1918. Вооруженные столкновения на улицах Москвы 1917 года также коснулись его (примечательно воспоминание Е.Ю. Рапп о попавшей в дом гранате). Тем не менее, революционные беспорядки и общая нестабильность не выключили его из общественной жизни – напротив, обострили чувство гибкости ткани истории и ответственности за перемены.

В докладе будет особо рассмотрено участие Н.А. Бердяева в следующих организациях (тех, где философ участвовал регулярно, а не эпизодически): Клуб московских писателей, Книжная лавка писателей, Всероссийский союз писателей, Вольная академия духовной культуры. Особо отметим признание Бердяеву ученого звания профессора Московского университета – этот факт интересен как характерная черта послереволюционного времени (напомним, что Бердяев не имел диплома о высшем образовании, будучи исключенным из Киевского университета за участие в революционной деятельности). Участие в десяти других организациях будет оговорено кратко.

Клуб московских писателей.

После Февральской революции, в марте 1917 года, в фойе Московского художественного театра собрались представители московской интеллигенции – среди них Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, И.А. Бунин, кн. Е.Н. Трубецкой и другие. В.В. Вересаев указывает, что «клуб собирался периодически до самого лета» [3, с. 245], и эта регулярная деятельность увенчалась выходом альманаха «Ветвь» с подзаголовком «Сборник Клуба Московских Писателей».

М.А. Осоргин вспоминает, что после Октябрьской революции «ядро этого «Клуба» основало «Всероссийский союз писателей», который сохранял свою независимость до 1922 года, до высылки за границу писателей и профессоров» [4, с. 593].

Книжная лавка писателей.

Следующее начинание, в котором Бердяев участвовал уже не только по культурно-просветительским мотивам, но и из необходимости зарабатывать на жизнь – Книжная лавка писателей, своеобразная артель, пайщиками которой стали М.А. Осоргин, Б.А. Грифцов, А.С. Яковлев, А.К. Дживелегов, Н.А. Бердяев и нек.др. Лавка разместилась в помещении Библиотеки для молодежи в Леонтьевском переулке и просуществовала с сентября 1918 года по 1922 год, обслуживая не только индивидуальных покупателей, то и различные организации – школы, клубы, провинциальные университеты. По ироничным воспоминаниям Осоргина [4] можно сделать вывод о непригодности Бердяева к решению бытовых и насущных вопросов – тем не менее, послереволюционный практический, «ремесленный» опыт работы в Лавке поддержал Бердяева в голодные годы: «материально существовать я мог только благодаря участию в Лавке писателей» [1, с. 234].

Вольная академия духовной культуры.

Важной инициативой Бердяева по сохранению культуры в тревожное время низвержения святынь и иерархий стало основание Вольной академии духовной культуры (ВАДК): «Значение Вольной академии духовной культуры было в том, что в эти тяжелые годы она была, кажется, единственным местом, в котором мысль протекала свободно и ставились проблемы, стоявшие на высоте качественной культуры. Мы устраивали курсы лекций, семинары, публичные собрания с прениями» (Самопознание), для «охранения и развития духовной культуры в России» (Вольная Академия Духовной Культуры в Москве, с. 135). В рамках деятельности ВАДК Бердяев читал лекции по философии истории и философии религии, вел семинар о Достоевском; материалы этих выступлений стали основой для книг «Миросозерцание Достоевского», «Смысл истории» и др. В ВАДК были прочитаны курсы: «Этапы мистического пути» (В. Абрикосов), «Философия духовной культуры» (Андрей Белый), «Философия

истории», «Философия религии» (Бердяев), «Этика» (Б. П. Вышеславцев), «Греческая религия» (Вяч. И. Иванов) и др.

Местом зарождения ВАДК можно считать квартиру Бердяевых в Малом Власьевском переулке, где проходили еженедельные «вторники» (своеобразные философские собрания): «В течение всех пяти лет моей жизни в России советской у нас в доме в Малом Власьевском переулке собирались по вторникам (не помню точно), читались доклады, происходили собеседования. Это, вероятно, было единственное место в Москве, где собирались и свободно разговаривали» [1, с. 234]. Локации собраний собственно ВАДК были весьма разнообразны: зал Высших женских курсов, зал Политехнического музея, помещение Центроспирта и т.д. На базе ВАДК даже был организован философско-гуманитарный факультет – но лишь в 1922 году, и никакого развития эта инициатива Н.А. Бердяева и С.Л. Франка так и не получила.

В 1923 году, уже после высылки Бердяева и других философов и ученых из Советского государства, деятельность ВАДК была ликвидирована после неудачной попытки перерегистрации. Общественная и организационная деятельность Бердяева в эмиграции была также весьма насыщена и в некотором смысле преемственна духу и принципам ВАДК.

Всероссийский союз писателей.

В 1920 году был организован Всероссийский союз писателей, активным участником которого стал Н.А. Бердяев: он «был товарищем председателя Союза и больше года замещал председателя, который по тактическим соображениям не избирался» (Самопознание). Помимо основных обязанностей, Бердяев выполнял функцию ходатая за членов Союза, совершая поездки к Л.Б. Каменеву, «когда нужно было хлопотать о членах Союза писателей, освобождать их из тюрьмы или охранять от грозящего выселения из квартир» (Самопознание). Так, например, Бердяев от имени Союза писателей просил об освобождении из тюрьмы М.А. Осоргина, арестованного по делу Помгола (Всероссийский Комитет Помощи Голодающим), в деятельности которого Бердяев тоже принимал участие (хотя формально не входил в состав Комитета).

Послереволюционная общественно-организационная деятельность Н.А. Бердяева не ограничивается участием в перечисленных объединениях; до высылки из Советской России в 1922 году он был весьма активен и включен в турбулентную культурную жизнь Москвы. Общественная активность сопровождалась духовным и творческим подъемом – отторжение большевистской власти и ее культурной политики мобилизовало Бердяева на посильную борьбу доступными способами – во имя свободной («вольной» – ср. ВАДК) духовной культуры.

Литература:

1. Бердяев Н.А. Самопознание / Сост. и ком. А.В. Вадимов. М.: Книга, 1991.
2. Вадимов А. (Цветков А.В.) Жизнь Бердяева. Oakland: Berkeley Slavic Specialities, 1993.
3. Вересаев В.В. Собрание сочинений в пяти томах. Том 5. Воспоминания. М.: Правда, 1961.
4. Осоргин М.А. Заметки старого книгоеда. Воспоминания. М.: НПК «Интелвак», 2007.
5. Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. Том 2. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1956.

Махова М.А.; Аринушкина А.А

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, магистрант. Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина, магистрант

makhovama@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена проблемам возникновения различных коммуникационных проблем возникающих в процессе диалога науки и общества. Сосредотачиваясь на сложности языка науки и его непрозрачности для обывателя, авторы характеризуют барьеры внешней научной коммуникации. Внутреннюю научную коммуникацию они анализируют с учётом специфики легитимации нового знания, валидности теорий и критики устаревающего знания. Выявив базовые подходы к научной коммуникации, авторы предлагают усовершенствовать их обращением к коммуникативному потенциалу PR-технологий. Авторы рассматривают задачи научного коммуникатора и медиатора для привлечения внимания и интереса, как в рамках, так и за рамками научного сообщества. В статье обоснована важность связей с общественностью, обозначены пути развития научной коммуникации с помощью медиаторов, научных коммуникаторов и научных журналистов.

Ключевые слова: наука, научный PR, научная коммуникация, PR.

На данный момент в науке происходят процессы, которые затрагивают когнитивные и социокультурные аспекты научно-познавательной деятельности. Изменения в области науки меняют ее роль в обществе. Эти изменения, кроме положительных последствий, могут нести последствия отрицательные для науки. Рассмотрим научную коммуникацию в эпистемологическом контексте.

Современная наука функционирует в специфических условиях постиндустриального информационного общества, где главную роль играет умение взаимодействовать. Важно, как взаимодействие между различными субъектами и объектами, вовлеченными в научную деятельность, так и сферами, так или иначе связанными с наукой.

От умения найти подходящую и доступную форму изложения идеи зависит – будет ли положительный отклик на нее, найдутся ли люди, способные ее поддержать. Таким образом, научное сообщество должно поддерживать адекватную связь со всеми структурами: СМИ, властью, общественностью, а не только научным сообществом.

Актуальность данной темы заключается в том, что наука играет неоспоримую роль в повседневной жизни обывателей, а не только в жизни ученых. Результаты научной деятельности должны быть доступны широкой общественности. Таким образом, проблема научной коммуникации выходит за рамки научного сообщества.

Общая проблема внешней научной коммуникации заключается в недоступности научной коммуникации для обывателя. Здесь можно выделить три аспекта проблемы:

1. Проблема научного языка. Научный язык способствует возникновению различных коммуникационных проблем как в междисциплинарном, так и трансдисциплинарном аспектах.
2. Сложность легитимации нового знания в науке и признание валидности теории или результатов исследования.
3. Распространение лженаучного знания.

Философия способна найти решение проблем в области научной коммуникации. При этом значительную долю ответственности за оценку происходящих в науке трансформаций и за разработку приемлемых перспектив несут эпистемология и философия науки. Выделяют следующие коммуникационные подходы в исследовании проблем научных взаимодействий:

1. *Критическая теория* (Адорно), *постструктурализм* (Фуко, Бурдьё), *социальная эпистемология* (Латура и Блура). Теории позволяют изучить процессы экстернизации научной коммуникации. Интерналистский наукометрический подход к изучению научной коммуникации, исследующий исключительно внутренние факторы развития науки, дополняется экстерналистским, указывающим на связь науки и общества, науки и власти, науки и СМИ [1]. Идеи представителей критической теории

(Адорно), постструктурализма (Фуко, Бурдьё), социальной эпистемологии (Латура и Блура) позволяют изучить процессы экстернизации научной коммуникации.

2. *Нормативный подход*. Нормативный подход предполагает выдвижение рекомендаций о том, как должна быть устроена система и как она должна функционировать. К сторонникам такого подхода можно отнести русского и эстонского философа, математика, лингвиста – Я. И. Линцбаха.

Речь идет о выработке эталонного логического языка, способного освободить исследователей от необходимости решать многие вопросы, порождаемые несовершенством обывательского языка. В этом контексте язык науки может восприниматься как формальная система, предназначенная для представления знаний и оперирования ими в соответствующих предметных областях.

В науке язык используется ученым как отстранённым познающим субъектом, поэтому главное требование ученого к языку – точность, ясность, нейтральность. Для этого существует специальная терминология – это одна из отличительных черт языка науки.

3. *Логический позитивизм*. С этой точки зрения идеальное логическое построение языка является решением всех коммуникативных и концептуальных проблем научной коммуникации. Отсюда следует, что для изучения коммуникации в сфере науки достаточно логического инструментария [2].

Научная коммуникация с точки зрения логического позитивизма осуществляется как перевод чувственных данных на единый для всех членов научного сообщества язык. Логические конструкции формируют научное объяснение и понимание, с помощью этого искусственного языка.

Эта позиция имеет ограничения и является обоснованной только в том случае, если наука рассматривается как система знаний, а не как социальный институт. Сухой язык логики подходит только для взаимодействия внутри дисциплинарных областей. На уровне междисциплинарных взаимодействий он терпит провал.

4. *Дескриптивный подход*. Он решает проблему, обозначенную ранее. В рамках дескриптивного подхода все процессы научного информационного взаимодействия опираются на схему коммуникации, предложенную Шенноном и состоящую из шести компонентов [3, с. 243].

5. *Наукометрический подход* рассматривается с точки зрения наукометрии, предполагающей применение принципов кибернетики к исследованию науки [4, с. 17-18].

Наукометрия разделяет научную коммуникацию на формальную и неформальную, определяя два направления для исследования. Первое направление изучает процесс превращения научной информации в научное знание, особенности междисциплинарных формальных средств коммуникации, анализ цитирования. Второй метод концентрируется на изучении видов и средств неформального общения, анализе коммуникационных сетей и структур.

6. *Семиотический подход*. Подход к научной коммуникации, совмещающий в себе критический и наукометрический подходы, опирается на семиотику. Представители данного направления выстроили модели коммуникационного процесса, которые легко адаптируются для анализа научной коммуникации. Если мы возьмем коммуникационную модель Якобсона и рассмотрим акт научной коммуникации, состоящий из адресата, адресанта, контекста, контакта, сообщения, шума и кода – мы сможем объяснить и выявить трудности, возникающие в процессе научной коммуникации, которые не могли бы быть объяснены с точки зрения логико-нормативистской коммуникационной модели [5, с. 198-200]. Это трудности, порожденные в первую очередь возрастающей ролью междисциплинарных исследований и увеличения потока информации в целом.

Научная коммуникация не сводится только к функции передачи информации. Она обеспечивает решение проблемы легитимации нового знания в науке и признание валидности теории или результатов исследования. Анализ внутринаучной легитимации знания требует новой расстановки акцентов в традиционных представлениях об имманентной логике развития знания и его обоснований, их смещения на механизмы схождения эпистемических и социальных структур.

Исторически научное сообщество изначально сформировано как закрытая культура, недоступная широким массам. При попытках изучить внутреннюю структуру научного сообщества и их мотивы, исследователи сталкивались с так называемым «казусом Ла Пьера» – расхождение между установками ученого и его реальными действиями.

Как в рамках научного сообщества, так и за его пределами проблема научной коммуникации и так называемой «зоны обмена» решается с помощью медиаторов, о которых писал Кюннг. Медиатор — это инженер по знаниям, который обрабатывает всю информацию, взятую у биолога для программиста. Медиатор делает не явное знание явным. Эту концепцию можно позаимствовать и во внешней коммуникации.

Гарри Коллинз так же говорит о гуманитарии, который отличается «интерактивной экспертизой». Экспертиза в данном контексте — специальное экспертное знание, которое совмещает в себе гуманитарное и естественнонаучное знание. Сам Коллинз социолог. Он заимствовал много слов из гравитационных теорий и может легко оперировать этими терминами, хотя и не понимает сути. Он считает, что для того, чтобы быть медиатором, достаточно изучить язык. Однако, этого недостаточно и на этом уровне тоже могут возникать определённые проблемы [6, с. 696–697].

Быть «медиатором познавательного общения» непросто, т. к. непонятны ни технология такой деятельности, ни целевая аудитория, ни способы воспитания такого уровня экспертов. Как показывает история науки — только внутренняя потребность и естественная логика развития какой-то научной проблемы, технологии, инженерного проекта приводит к возникновению междисциплинарных исследований. В редких случаях философам удается продуктивно присоединиться к такому меж-трандисциплинарному проекту (исследования по созданию искусственного интеллекта, нейронаука).

За пределами научного сообщества проблема коммуникации науки и общества решается путем научной журналистики и популяризаторов науки. Цель научного журналиста — привлечь внимание общества к науке, конкретной организации или проблеме. Для правильной подачи информации, нужно пересмотреть подход к упаковке инфоповодов. Например, разделить институциональные новости от научных достижений.

Задача научного коммуникатора — объяснить важность работы с внешней аудиторией. Для привлечения внимания и спонсирования. Необходимо помнить о главных игроках медиарынка, особенностях разных форматов, времени жизни информации в СМИ для грамотной коммуникации с внешней аудиторией.

Таким образом, проблемы, возникающие в процессе взаимодействия науки как в рамках, так и за рамками научного сообщества решаются с помощью различных коммуникативных подходов. Философия обладает всем инструментарием для того, чтобы найти варианты решения проблемы. Изучая подходы, нюансы, теории, можно сгенерировать путь решения проблемы.

Философы могут осмыслить потенциал PR технологий, его возможности применения и технические особенности, чтобы направить в дальнейшем на решение проблем в научной коммуникации. Потому что одна из основных задач PR — это выстраивание коммуникации. На самом деле, инструментарий связи с общественностью решают сразу несколько вопросов относительно научной коммуникации, так как в их юрисдикции как организация качественного взаимодействия в рамках сообщества, так и за его пределами.

Устранение проблем научной коммуникации способствует увеличению интереса к науке. Тема научной коммуникации достаточно обширна, один только вопрос легитимации знания может послужить причиной дискуссии.

Литература:

1. Green M. Cultural studies // A Dictionary of Cultural and Critical Theory / Eds. M. Payne, J. R. Barbera. — Oxford, UK; Cambridge, USA: Wiley-Blackwell (англ.)русск., 1998. — 832 p. — ISBN 1118438817, ISBN 978-1118438817.
2. Линцбах, Я. И. Принципы философского языка: опыт точного языкознания/закл.ст. И.И. Резина. И.: «Либроком», 2009, 248 с.
3. Шеннон, К. Математическая теория связи // Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетики: пер. с английского. М.: Изд-во иностранной литературы, 1963 г. С 243.
4. Налимов. В.В. Наукометрия. Изучение развития науки как информационного процесса / В.В. Налимов, З.М. Мульченко. М.: Наука, 1969. С. 17-18.
5. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика// Структурализм: за и против: сб.ст./ под редакцией Е.Я. Басина, М.Я. Полякова. М.:Прогресс, 1975. С.198-200.
6. Sismondo, Sergio (2012) 'Trading Zones and Interactional Expertise: Creating New Kinds of Collaboration', Technology and Culture, 53, 3, pp. 696–697.

Философские аспекты развития толерантного отношения в семье

Саифназаров Исмаил Саифназарович

Ташкентский государственный экономический университет (ТГЭУ), Ташкент, Узбекистан. Доктор философских наук, профессор.

profis48_48@mail.ru

Саифназарова Фариди Саифназаровна

Ташкентский государственный аграрный университет (ТГАУ), Ташкент, Узбекистан. Кандидат философских наук, доцент.

profis48_48@mail.ru

Эрназаров Дилмурод Зухриддинович

Ташкентский государственный экономический университет (ТГЭУ), Ташкент, Узбекистан. Доктор политических наук (PhD)

dilm79@inbox.ru

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос о философском аспекте формирования толерантного отношения в семьях, о сущности государственной политики Узбекистана по укреплению семьи и принимаемых практических мерах, а так же об опыте кафедры социальных наук ТГЭУ по формированию у студентов толерантного мировоззрения.

Ключевые слова: государство, социальная политика, закон, семья, воспитание толерантности, традиция, родители, учебные проекты, модели семьи.

Philosophical Aspects of the Development of Tolerant Relationship In the Family. Saifnazarov Ismail S.; Saifnazarova Farida S.; Ernazarov Dilmurod Z.

Tashkent State University of Economics (TSUE); Tashkent State Agrarian University (TGAU); Tashkent State University of Economics (TSUE) - Tashkent, Uzbekistan

Annotation. The article considers the philosophical aspect of the formation of a tolerant attitude in families, the essence of the state policy of Uzbekistan to strengthen the family and practical measures taken, as well as the experience of the Department of Social Sciences of the TSUE in creating a tolerant worldview among students.

Keywords: state, social policy, law, family, education of tolerance, tradition, parents, educational projects, family models.

Семья является основой человеческой цивилизации, от того как мы сегодня относимся к семье, определяет наше отношение будущему человечеству. В связи с этим вопросы укрепления семьи, развития толерантности семьи и семейно бытовых отношений в условиях глобализации становится очень актуальной. Вопросы семьи особенно актуально для Узбекистана, где сегодня более 60 процентов населения страны составляет молодежь. Они являются огромным созидательным ресурсом Узбекистана. Поэтому вопросы молодежи занимает важное место в государственной политике.

Стоит особо отметить что, в короткий срок занявший прочное место в жизни нашего общества, — яркое свидетельство того, что государство и народ делают все возможное ради счастья и гармоничного развития подрастающего поколения, и молодежь Узбекистана считает своим священным долгом преданно служить Родине во имя ее процветания. [1]

Нашими актуальными задачами сегодня являются укрепление здорового образа жизни среди молодежи, особенно подготовка к взрослой жизни девочек, составляющих почти половину подрастающего поколения страны, работа с неорганизованной молодежью, молодыми семьями, предотвращение случаев совершения преступлений подростками. [2]

Система толерантного воспитания в семье на протяжении многих исторических эпох всегда служила могучим средством передачи социального опыта, накопленного прежними поколениями. Развития толерантности в узбекской семье обладает исключительно богатым фольклорным материа-

лом: эпические поэмы, разнообразные сказки, песни, пословицы и поговорки, загадки. Все они имеют непреходящее познавательное и воспитательное значение, не утратившее своей актуальности и в настоящее время.[3.36]

Философ В. Лекторский предлагает рассматривать толерантность в четырех смыслах:

1. «как безразличие», предполагающее существование мнений, истинность которых никогда не может быть доказана (религиозные взгляды, специфические ценности разных культур, этнические верования и убеждения и т.д.);

2. «как невозможность взаимопонимания», ограничивающее проявление терпимости уважением к другому, которого вместе с тем понять невозможно и с которым невозможно взаимодействовать. [4.15]

Мы считаем, что при изучении вопроса толерантности в семье и семейных отношениях необходимо акцентировать внимания на следующие моменты:

- формирование толерантного мышления молодежи в семье;
- чтение книг, которые влияют на формирование толерантного мышления молодежи в семье;
- разработка эффективной формы, методы и средства формирования толерантного мышления в семье;
- учить детей конструктивному мышлению в семье.

На примере организации самостоятельной работы студентов кафедрой социальных наук Ташкентского государственного экономического университета можно сказать, что по инициативе профессора И.Саифназарова разработаны и запущены целых 5 учебных проектов, на которые получены авторские свидетельства, и они в определенной мере помогают на формирование толерантного мировоззрения студентов. Один из проектов называется «Моя семья – моё счастье».[5.53] В данном проекте в течение 3 лет участвовали свыше 1500 студентов.

В процессе подготовки студентами самостоятельной работы и презентации по теме «Моя семья-моё счастье», так же проводился социологический опрос. Как показывает итоги социологических опросов, подавляющее большинство молодежи в своих взглядах и убеждениях являются толерантными. Например, 94,1% опрошенных респондентов дружат со своими сверстниками, которые имеют другую религиозную принадлежность, 95,2% опрошенных студентов с уважением относятся другим религиям. Толерантное отношение в семейных отношениях также играет важную роль. Например, 85,3% респондентов одобряют, и приглашает гостей, соседей и своих друзей для празднования семейных праздников, день рождения и др.

Примечателен тот факт, что в определении своего будущего супруги (мужа и жены) они особо обращают внимание на их воспитанность, культуру, личные качества, профессию. Подавляющее большинство респондентов (98,6%) показали свою толерантность в выслушивании их мнений, жизненной позиции, мировоззрения в решении каких либо семейных проблем. По ряду показателей респонденты девушки -студентки показывают более высокий уровень толерантности, чем респонденты мужского пола. Это можно объяснить психологическими гендерными различиями. Кроме того, социологический опрос показал, что в некоторых семейных вопросах мужчины не являются толерантными. Мы считаем, что это связано с влиянием религии Ислама и этно-психологическими особенностями молодежи.

Большинство респондентов (91.8 %) постоянно чувствуют поддержку со стороны своей семьи, лишь иногда - 18.9 % и указывают на ее отсутствие 5.1 %. Что касается друзей, то на их помощь в трудных жизненных обстоятельствах, по субъективным оценкам опрошенных, могут рассчитывать 81.6 %, на ее отсутствие указывают 13.9 %, не уверены в своем ответе 4.5 %. В случае возникновения каких-либо проблем в личной жизни молодежи они склонны винить окружающих - 71.5 % и лишь 20.6 % самих себя. Одним словом можно сказать, что **студенты ТГЭУ показали более высокий уровень толерантности.**

Результаты показали, что после выполнения задач проекта и проведения презентаций в группе с участием студентов и других вузов города Ташкента, где обсуждение проходило в условиях бурной дискуссии, у многих студентов произошли позитивные изменения по отношению к семье, членам своей семьи, своим родителям. Тем самым они смогли показать насколько в семье царить мир и спокойствие, толерантное отношение членов семьи и как они видят свою будущую семью.

В Узбекистане ценность семьи традиционно очень высока. Несмотря на глобальные макросо-

циальные преобразования, трансформации многих основ экономической социальной жизни, различные потрясения, новые и не всегда позитивные тенденции и коллизии, происходящие в мире, семья в Узбекистане продолжает оставаться важнейшей жизненной ценностью, хранителем национальных традиций и обычаев, основой формирования личности и здорового образа жизни общества.[6.33]

И так, основные принципы развития толерантности в узбекской семье тесно связаны с крепкими узами брака, ответственностью родителей за воспитание детей в духе толерантности и долг детей перед родителями, взаимное уважение и согласие, защита семейной чести и достоинства.

Толерантность имеет различные толкования и анализы в рамках разных языковых и культурных систем. Это объясняется тем, что каждый народ или нация имеет собственный путь формирования и развития, историческую практику, уникальную культуру, религию, язык, обычаи и традиции, образ бытовой жизни, и, соответственно, владеет своеобразной системой подходов и отношений к представителям других культур, языка и религии. [7.51]

Таким образом, необходимо отметить, что воспитание современной молодежи в духе толерантного отношения к семье, является важным фактором формирования крепкой семьи, которая в свою очередь служит надежной основой развития нашего общества.

Литература:

1. Шавкат Мирзиёев: 2020 год станет поворотным в государственной молодежной политике. 27.12.2019. // <http://uza.uz>
2. Праздничное поздравление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева молодежи Узбекистана. 30.06.2019. // <http://uza.uz>
3. Ф.Саифназарова. Узбекская семья как национальная и общественная ценность: прошлое и настоящее. - Т.: 2014, С. 36.
4. Лекторский В. О толерантности, плюрализме и критицизме //Философия, наука, цивилизация. - М., 1999. С. 15.
5. Саифназаров И.С. Инновационные методы повышения прикладного характера философских дисциплин. Вестник РФО, 1(85), Москва, 2018. С. 53.
6. Саифназарова Ф.С. Узбекская семья как национальная и общественная ценность: прошлое и настоящее.-Ташкент, 2014. С. 33.
7. Кушаев У.Р. Гармоничность идей толерантности в мировых религиях. автореферат диссертации доктора наук (DSc) по философским наукам. Ташкент – 2017.- С. 51.

Сомова О.А.

Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского. Аспирант кафедры теоретической и социальной философии

oksanasomova@mail.ru

Аннотация: В докладе предлагается рассмотреть категории публичного и частного, сформулированные Ханной Арентд, с позиций разрешения вопроса феноменологической рецепции Другого. Автор прослеживает внутреннюю динамику взаимодействия сфер публичного и частного с модификациями восприятия Я и Другого. Показано, что для сферы частного характерен ролевой дискурс, в котором выявляется самость Субъекта относительно его положения среди ближайших Других. Публичная сфера соотносится с ответственностью Субъекта перед Другими, что предполагает уже состоявшуюся цельность и независимость Субъекта. Результаты этих взаимодействий привели к смене вектора развития философии, прошедшей путь от субъекта у Рене Декарта к власти вещей.

Ключевые слова: публичное, частное, Я, Другой, социальная феноменология, жизненный мир

The dichotomy of public and private in the context of social phenomenology. *Somova O.A.*

Department of Theoretical and Social Philosophy of Saratov State University

Annotation: The report proposes to consider the categories of public and private, formulated by Hannah Arendt, from the standpoint of resolving the issue of the phenomenological reception of the Other. The author traces the internal dynamics of the interaction between the spheres of the public and the private with modifications of the perception of the Self and the Other. It is shown that the role of discourse is characteristic of the private sphere, in which the self of the Subject is revealed with respect to its position among the closest Others. The public sphere is correlated with the Subject's response to the Others, which implies the already completed goal-purpose and independence of the Subject. The results of these interactions led to a change in the direction of development of philosophy, which has gone from the subject of Rene Descartes to the power of things.

Keywords: public, private, I, Other, social phenomenology, living world

Технологическое развитие сетевой коммуникаций повлекло за собой структурные трансформации публичной сферы, и это дало новый толчок к изучению понятия публичного, которое соответствовало бы актуальной повестке дня. Как правило, публичное, находящееся в антитетичной аподиктической связи с частным, понимается политически. Точнее, новая публичность есть новая политичность, в которой властные механизмы гарантируются и обуславливаются гласностью и вниманием общественности.

Помимо *политической*, властной составляющей, существует *личностный* аспект дихотомии публичного и частного, на который обратила внимание в своих трудах Ханна Арентд. Эти сферы неотторжимы от опыта переживания человека самого себя и других людей, и Арентд затрагивала вопросы подобного рода, однако, в силу других исследовательских задач, она не была заинтересована в прояснении феноменологической стороны предмета. Мы намереваемся сосредоточить внимание на социально-феноменологическом прочтении этой дихотомии, с одной стороны лишённого должного внимания со стороны исследователей, с другой – не редко просвечивающего в тех или иных философских выкладках.

Частное по Арентд – это то, что происходит в пределах дома и связано с необходимостью выживания. Экономика, в ее первоначальной греческой трактовке, выступает в качестве деятельности по сохранению рода и жизни и охватывает не только то, что непосредственно происходит за закрытыми дверями жилища, но и в целом связана с процессом жизнедеятельности гражданина. Animal laborans, человек как работающее животное, сопротивляется неблагоприятной окружающей среде при помощи изготавливаемых орудий, обеспечивающих стабильный урожай, крепость жилища, силовой перевес в войне.

Изготовленец в своей частности подобен Субъекту, в частной жизни которого происходит утверждение самости в границах его жизненного мира. Он находится «у себя дома» и при помощи

дома вопрошает к самому себе. Отметим, что он не вопрошает тех вопросов, на которые он не способен найти ответ, а ответы всегда подручны. [1, с. 61]. Подобным образом рассуждает и Левинас, говоря, что моменты самоидентификации и ее каркас совпадают в домашнем, трудовом, экономическом [2, с. 77]. Эгоизм в своем проявлении не выходит за пределы «дома», и по этой причине вопрошание к Другому суть вопрошание к Ближайшему: жене, соседу, начальнику. Ближний определен домом, выполняет в нем определенную роль, в которой он воплощен. Экономия мышления – это мышление в рамках заданных домом ролей, отсутствие притязания на публичное.

По этой причине разговор в частном – это коммуникация, функциональное взаимодействие, обеспечивающее целостность и артикулирование статусов. Радикальный разрыв между Я и Другим осуществляется через язык [2, с.78]. Я сам в себе обнаруживаю Другого, когда я выступаю соседом, подчиненным, мужем. Бытие в частном – это бытие с друг с другом (буквально Другого с Другим, начальника и подчиненного, мужа и жены). В социальной феноменологии этот тезис достигает своего пика в концепции Ричарда Зайнера, согласно которой Я вообще обнаруживается тогда, когда Я воспринимается Другим[4]. Более того, Я в акте коммуникации отвечает в качестве Другого, поскольку Другой в Я «схватывает» именно «Другого». Иными словами, Я застигает самого себя в акте взаимодействия с Другим, и реагирует на это сообразно наличной коммуникативной ситуации. По сути Я собственно «Я» может и не случиться.

Публичное не приемлет узости взгляда, запинаящимся на домашнем сожительстве Я-Другого и Другого. Публичное – это пространство явленности, свободной от экономического, ролевого языка. Вступление в явленность происходит через речь и поступок, которые обращены к Другому. Это взаимодействие становится возможным при условии столь же очерченного существа Другого, свободного, поступающего оратора. Я уже не может определять себя через рецепцию Другого, как это было «дома». Публичность – это оторванность и эгоизм, поэтому публичное является сферой Дальнего. В блистательной публичности нет места вопрошанию о Другом, публичность есть явственное представление перед множественными Другими [1, с.235]. Публичность есть бытие Я и Других.

Смещение сфер публичного и частного, а если следовать терминологии Арентд, отмирание публичного и появление общественного, влечет за собой смуту Субъективности. Отчуждение мира, которое является следствием засилья экономического (домашнего, осваивающего) мышления оформляется в картину мира [3]. На смену «жизненного мира» Гуссерля, в котором не критично воспринимается сущее как оно есть, приходит образ мира, который стремится охватить мир и сказать «он на самом деле вот такой». Только во времена картины мира, в которой господствует приватизирующий субъект, возможно «новое» [1, с.330-337], к тому же приобретающее ценностные коннотации. В сущем прежней частности и публичности не было «нового», была свобода и необходимость. Новизна является критерием дистанции от мира, поскольку только через строго очерченные Субъектом рамки можно внести что-то извне, внести новое. Мир сморщился, глобус был внесен «домой».

Публичное, помещенное в частное, утверждает Я, обходясь размерами «дома», тем самым сжимаясь до размеров «дома». Блистательное публичное сияет теперь для всех одинаково, очерченное стенками жилища. В жилище Я не находит Другого Я, поэтому Я обречено на одиночество. Я утверждается в том, в чем не должно утверждаться, принимает хозяйственные нужды за сферу свершения Я. Именно раздувание значительности хозяйства и позволит экономическому потом захватить публичное, вынести частное в свет. Говорить о выживании с трибун парламентов – это теперь первостепенная важность.

Вынесение частного в публичное имеет своим следствием публичное утверждение в вещах. Сама забота об экономических вопросах является тотальным уточнением ролей и порядков. Явленное частное стремится обуздать публичное, и потому желает выстроить всеобъемлющую систему, будь то система экономическая, телекоммуникационная, научная. Явленное частное не позволяет существовать Я, не помеченное как какой-нибудь Другой. В противном случае Субъект не будет признан Другими. Оторванность и эгоизм невозможны, иначе функциональная коммуникация запнется о непроясненность ролей. Я должен быть кем-то. Более того, Я будет являться кем-то тогда, когда будет осуществлять перераспределение экономических ресурсов – налогоплательщиком, учителем, пенсионером.

Как можно заметить, диалектика сфер публичного и частного напрямую связана с разрешением ситуации восприятия Я и Другого. Самождественность и существование, длящееся под взглядами лучших из людей («Помни о Цезаре»), сменяется на хозяйственную установку, которая способна

полностью собой исчерпать мир. Само вопрошание в философии о Самождественности, начавшееся еще с декартовского Субъекта, являет собой не что иное, как обмирщение публичного. Задаваться вопросом о сущности Я и Другого можно тогда, когда этот вопрос может вообще задаваться. И актуальная философия сегодня представляет собой компендиум ответов, которые укладываются в три стратегии: предельное вопрошание к самому себе, что прослеживается в популяризации Хайдеггера, всегда готовое ответствование (не ответственность), что обнаруживается в максимально утилитарных направлениях философии сознания и этике, а также столь же максимально утилитарных трактовках всякой философии, и, наконец, принципиально бессубъектные проекты спекулятивного реализма, сетевых обществ и темных онтологий.

Литература:

1. Арендт, Х. *Vita activa, или О деятельной жизни*. СПб.: Алетейя. 2000. 437 с.
2. Левинас Э. *Избранное. Тотальность и Бесконечное*. СПб.: Университетская книга. 2000. 416 с.
3. Хайдеггер М. *Время и бытие: статьи и выступления*. М.: Республика 1993. С. 41-63.
4. Zane, R.M. *Sisyphus without Knees: Exploring the Self and Self-Other Relationships in the Face of Illness and Disability / The golden age of phenomenology at the New School for Social Research, 1954-1973 / ed. by Lester Embree, Michael D. Barber*. Ohio University Press, 2017. Pp. 291 – 302.

О специфике философствования в российской публичной сфере в 1830-1860-х гг.: за границами университетов и академий

Тесля А.А.

ИГН БФУ им. И. Канта, научный руководитель Центра исследований русской мысли, с.н.с., к.филос.н.

mestr81@gmail.com

Аннотация: Публичное пространство в Российской империи формируется к 1860-м гг. Это придает особенный интерес ситуации предшествующих десятилетий: во-первых, как предпосылок последующего публично-го взаимодействия, во-вторых, в силу различий, возникающих между функционированием философских идей (напр., шеллингианских или гегельянских) в первоначальном контексте и в ситуации переноса в принципиально иначе устроенную среду, в-третьих, с точки зрения реконструкции специфических, свойственных именно предшествующим 1860-м гг. десятилетиям форм философствования. Анализ философствования за пределами официальных институций предполагает первостепенное внимание к социальным рамкам и условиям. Реконструкция социо-культурного контекста позволяет не только точнее восстановить реальное содержание самих философских концепций, но также исследовать проблематику восприятия данных концепций аудиторией.

Ключевые слова: журналы 1830-50-х гг., западничество, литературный быт, славянофильство, философские кружки

On the Specifics of Philosophizing in the Russian Public Sphere in the 1830-1860s: Beyond the Borders of Universities and Academies.

Andrey Teslya

Immanuel Kant Baltic Federal University, Institute for Humanities, Research Center for Russian Thought

Abstract: Public space in the Russian Empire was formed by the 1860s. This gives particular interest to the situation of previous decades: firstly, as prerequisites for subsequent public interaction, and secondly, due to differences arising between the functioning of philosophical ideas (e.g., Schelling or Hegelian) in the original context and in the situation of transferring to a fundamentally different arrangement environment, thirdly, from the point of view of reconstruction of the specific, characteristic of the previous 1860s. decades of philosophizing. An analysis of philosophizing outside of formal institutions requires a primary focus on social frameworks and conditions. The reconstruction of the socio-cultural context allows us not only to more accurately restore the real content of the philosophical concepts themselves, but also to study the problems of the perception of these concepts by the audience.

Keywords: magazines of the 1830 – 1850s, Westernism, literary life, Slavophilism, philosophical circles

Рассмотрение положения философии в публичной сфере в Российской империи в 1830 – 1860-х гг. сопряжено с рядом сложностей – прежде всего в силу сложности самого понятия «публичной сферы» (public sphere, «общества»).

Интерес к рассмотрению сюжетов, связанных с «публичной сферой» и динамикой последней, в современных дебатах восходит к 1960-м - нач. 1970-х гг., к появлению парадигматических трудов Ю. Хабермаса [1] и Р. Козелека [2]. При всей разнице подходов названных двух исследователей, не говоря о позднейших трудах, «публичная сфера» мыслится как одна из ключевых, определяющих характеристик модерна – задающая пространство политического и интеллектуального взаимодействия.

При этом возникает характерная двойственность понятия, особенно заметная у Хабермаса – для которого этого рода установка выступает принципиальной: в сочетании исторического и нормативного подхода. В свою очередь исторический подход работает в двух планах – как описание некогда наличного и вместе с тем анализ тех представлений о должной, желанной, воображаемой «публичной сфере», о том, как должно быть устроено идеальное «общество», что становится основанием для нормативного подхода. (В современных дискуссиях зачастую забывается, что основной тезис Хабермаса состоит в утверждении кратковременности должного существования «публичной сферы», когда ситуация уже первых десятилетий XIX века – это ситуация ее упадка. Обращение к Франции 1760-х – Просвещению,

эпохе «Энциклопедии» – и аналитика тех моделей, которые определяют современную политическую мысль, и одновременно прояснение тех условий, которые, задавая нормативный образ политической коммуникации, делают его невозможным здесь и сейчас).

Российская «публичная сфера», как пространство между «официальным» и «частным», «общество» в современном значении, возникает в 1860-е гг. [см., в частности: 3, гл. 3 и 4] (и в структурном плане примечательна восходящая к трудам В.Ф. Пустарнакова [4] характеристика философии 1860-х как «просвещения»). В связи с этим понятен интерес к предшествующему периоду – как времени, когда формируются интеллектуальные и социальные модели, на которые будут опираться, которые будут переосмысливать, отвергать или пытаться утвердить в неизменности в ситуации «публичности».

Для отечественной интеллектуальной ситуации 1830-х – 50-х характерно, во-первых, частичное признание «публичной сферы», проявляющееся в формировании журнальной системы. Так, в отличие от цензурной логики 1810-х – нач. 1820-х, когда цензура мыслилась «позитивной», определяющей и направляющей – и право издания выступало одновременно и в качестве санкции на соответствующие идеи и представления, цензурный устав 1828 г. мыслит ее роль уже исключительно ограничительной (а появление множества официальных изданий в 1830-е гг. производит фактическое переопределение остальных изданий как частных и «официозных»). Вместе с тем вплоть до конца 1850-х сложность получения разрешения на периодическое издание (особенно с середины 1830-х) подчеркивает характер этого права как привилегии – и делает заметными, значимыми для дискуссии позиции, озвучиваемые в публикациях, в сравнительно небольшой степени зависящими от тиражности, распространенности конкретного издания.

Из этого вытекает вторая особенность – взаимодействие «публичного» и «непубличного» пространств, где толкование высказанного в первом актуальным образом предполагает учет второго. «Непубличное» образует плохо поддающееся структурированию пространство, с множеством градаций – от частного дружеского-семейного круга к более или менее устойчивому «кружку» [см.: 5] и салону [6]. Если в пространстве дружеско-семейного круга и «кружка» речь идет собственно о частном функционировании идей – предполагающим некие иные, внешние по отношению к кругу и «кружку» формы их промежуточного или итогового предьявления, индивидуального (авторского выступления, конкретного произведения) или коллективного (журнал), то салон оказывается уже собственно формой «публичности» в предшествующем современному значению («хорошего общества»). При ограниченности круга участников интеллектуальной жизни – непубличное общение, переписка членов кружка и т.п. являются постоянно подразумеваемыми обстоятельствами публикуемых текстов – известными тем читателям, к которым эти тексты обращены по преимуществу.

На примере западников и славянофилов можно видеть разную степень актуальности этих форм – для западнического круга ключевым станет выход уже на новые формы публичности (журнал), тогда как для славянофилов будут характерны именно внутренние споры о значимости и необходимости данного шага – журнал не будет для всех из них выступать само собой разумеющейся целью, а для К.С. Аксакова, например, будут свойственны попытки создать целую «литературу» для чтения и обсуждения в салонах, распространения в списках [см.: 7, с. 498]. Определяя различие этих подходов, сам Аксаков будет утверждать, что журнал годится лишь для направлений уже состоявшихся, мыслей, обретших свою законченность и применяемых к конкретным сюжетам – тогда как в состоянии поиска и размышления регулярное издание невозможно.

Философские дебаты в этой ситуации приобретают специфические черты: значение философских разногласий определяется тем, что они более или менее скрытым образом несут в себе прото-политическое размежевание – при этом сам крипто-политический характер противопоставлений является не только и зачастую не столько ответом на невозможность прямого политического высказывания, но связан и с невозможностью собственно публичной дискуссии, закрытостью большинства «общественных» сюжетов от обсуждения. Это приводит к неактуальности запроса на поиск ситуативных компромиссов, согласия по конкретным вопросам – и тем самым подталкивает к обсуждению фундаментальных сюжетов, вместе с тем сама их фундаментальность позволяет объединять единомышленников выходя за пределы конкретных сюжетов. Это накладывается на процессы секуляризации, когда философия выступает в качестве светского аналога религии, способ обеспечить искомое «единство мировоззрения» и в свою очередь стать основанием общественной реинтеграции.

Литература:

1. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества = Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. – М.: Весь Мир, 2016. – 344 с.
2. Koselleck R. Critique and Crisis: Enlightenment and the Pathogenesis of Modern Society. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1988. – 216 p.
3. Тесля А.А. «Последний из “отцов”»: Биография Ивана Аксакова. – СПб.: Владимир Даль, 2015. – 799 с.
4. Пустарнаков В.Ф. Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа. – М.: ИФ РАН, 2002. – 341 с.
5. Манн Ю.В. Гнезда русской культуры (кружок и семья). – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 600 с.
6. Аронсон М.И., Рейснер С.А. Литературные кружки и салоны / Предисл. Б.М. Эйхенбаума. – М.: Аграф, 2001. – 400 с.
7. Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика / Сост., вступ. ст. и коммент. В.А. Кошелева. – М.: Искусство, 1995. – 526 с.

Этика дискурса как основание практической философии: философские аргументы К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса

Тетюев Л.И.

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г.
Чернышевского, профессор кафедры этики и эстетики, доктор философских наук*

tetjuewl@mail.ru

В статье раскрываются особенности этики дискурса как критической теории и системного элемента современной практической философии. Современная философия в публичной сфере имеет этическое измерение, она ориентируется на стратегию практического дискурса и логику аргументации. Анализируются философские аргументы двух известных немецких философов К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса. Оба философа предлагают два проекта этики дискурса, принято обозначать которые как «сильная и слабая» версии кантовского трансцендентализма в современной западноевропейской философии. Попытка обосновать этику в форме логики моральной аргументации, считает К.-О. Апель, недостаточна, необходимо определить «предельное основание», или конечный принцип, который должен служить априорным основанием в обосновании норм морали и права в современном обществе. В основе самой этики дискурса, как и в основе любого философского мышления, должен лежать априори «дискурс рефлексивной аргументации». Этика дискурса, следовательно, воспринимается и как этика ответственности. И только в таком значении этику дискурса следует понимать строго как трансцендентально-философскую, последним основанием которой в кантовском смысле выступает моральный закон.

Ключевые слова: аргументированный дискурс, этика Канта, трансцендентальная философия, априоризм, философская рефлексия, критика и этика ответственности.

Ethics of discourse as the basis of practical philosophy: philosophical arguments K.-O. Apel and Ju. Habermas. Tetyuev Leonid I.

N.G. Chernyshevsky State University of Saratov, Chair of Ethics and Aesthetics

The article reveals the ethics of discourse as a critical theory and systemic element of modern practical philosophy. Modern philosophy in the public sphere has an ethical dimension, it focuses on the strategy of practical discourse and the logic of argumentation. The philosophical arguments of two famous German philosophers K.-O. Apel and Ju. Habermas. An attempt to substantiate ethics in the form of the logic of moral argumentation, K.-O. Apel is insufficient, it is necessary to determine the “last justification”, which should serve as an a priori basis in substantiating the norms of morality and law in modern society. The ethics of discourse itself, as well as the basis of any philosophical thinking, must be based on a priori “the discourse of reflexive argumentation”, is perceived as the ethics of responsibility. The ethics of discourse be understood strictly as transcendently philosophical, the last foundation of which in the Kantian sense is moral law.

Keywords: reasoned discourse, Kant's ethics, transcendental philosophy, a priori, philosophical reflection, criticism and ethics of responsibility.

Философия в публичной сфере всегда имеет практическое значение, поскольку ориентируется на аргументацию и конкретные, необходимые для обоснования своей личной позиции, нормы морали. К.-О. Апель является убежденным сторонником трансцендентальной философии И. Канта. Его проект трансформации трансцендентальной философии заслуживает теоретического внимания: именно ему принадлежит заслуга возрождения кантовской идеи практического разума, который всегда имеет непосредственное воплощение в языке и речи. Немецкий философ подчеркивает, что только в таком понимании этика дискурса может выступать априорным основанием для всякой коммуникации и в деле обоснования норм ее основополагающих принципов. Трансцендентально-прагматическое понимание этики дискурса восходит к языковым формам коммуникации, которая разворачивается на уровне жизненного мира.

С точки зрения Апеля, этика дискурса является теорией аргументации, программой аргументированного дискурса, своего рода общим рациональным принципом обоснования норм, как морали,

так и права в современном обществе [1, S. 326]. Вслед за К.-О. Апелем, Ю. Хабермас, разрабатывает собственную программу дискурса. Для Ю. Хабермаса этика дискурса является основой общественной и публичной практики. Этика дискурса есть «деонтологическая, когнитивистская, формалистическая и универсальная этика» [2, S. 11]. Попытка обосновать этику в форме логики моральной аргументации только тогда будет успешной, считает Хабермас, когда притязания, связанные с предписаниями и нормами, будут порождать моральные дилеммы, что оказывается связанным с дорефлексивным горизонтом жизненного мира. Здесь коммуникация и практика выполняют роль прежней классической теории познания, а язык, речь и дискурс задают культурный и социальный контекст.

Ю. Хабермас различает теоретический дискурс, который изучает истинные требования во всех возможных обстоятельствах познания, и практический дискурс, который определяет значимость вопросов нормативного морального обоснования для поиска консенсуса и принятия логически истинных и практически правильных решений. Идею морального обоснования немецкий философ расширяет до практической сферы этики дискурса, которая понимается им как возможность обоснования самой этики, которая определяет содержательным образом исходную форму логики моральной аргументации.

Иначе на проблему смотрит К.-О. Апель. Философия трансцендентального обоснования в современных условиях, считает он, может быть только универсальной и основываться на идее трансцендентальной прагматики, инстанцией, или «конечным основанием» (Letzbegründung) которой является аргументированный дискурс или общность согласованных дискурсов и интерсубъективного взаимопонимания.

В качестве возможности «трансцендентального основания» К.-О. Апель выдвигает основополагающий тезис, что донаучный опыт имеет те же самые принципы и нормы, что и коммуникативное взаимопонимание, основанное на межсубъектной и языковой общности a priori. Разграничение эмпирической и трансцендентально-философской позиции в рамках публичной сферы, по его мнению, возможно только при условии «аргументированной дискуссии и диалога», которые в конечном итоге возможны только при различении «реальной и идеальной коммуникативной общности» [3, S. 360].

Дискурс по характеру содержащихся в нем общезначимых притязаний обладает в коммуникации особым статусом «трансформированного субъекта». Прагматический субъект потому и отличается от традиционного понимания субъекта, что обладает трансцендентальным измерением – выступает одновременно субъектом реальной и идеальной коммуникативной общности, в которой ему отводится функция быть априорной инстанцией в споре, призванной сталкивать между собой различные утверждения, претендующие по своему содержанию на теоретическую и практическую общезначимость и объективность.

Дискурс как отрефлексированная форма коммуникации и ее медиум является в таком случае тем общезначимым и универсальным трансцендентальным субъектом, который возводится в ранг нормативного фундамента значимости рационального действия вообще. С точки зрения К.-О. Апеля, аргументированный дискурс и есть трансцендентальный субъект, очевидную значимость которого нельзя оспорить, не признав его в качестве последнего основания. Кроме того, он обладает идеальным контекстом – подразумевает наличие коммуникативной и дискурсивной компетенции у реальной общности коммуникантов, что, с точки зрения прагматики языка, расценивается как необходимое априорное условие.

Понятие «трансцендентальный» в таком «прагматическом» контексте К.-О. Апель определяет как «особый тип философского мышления», который в различных отношениях предстает всегда (эмпирически и априорно) тематизированным и методически обоснованным. Поэтому дискурс, основанный на аргументации, обладает трансцендентально-критическим значением, и в этом своем «непреодоляемом» статусе расценивается как основание всех «условий возможного эмпирического знания» [3, S. 431].

Нельзя не признать, что в таком ракурсе трансцендентальный дискурс философии есть не только идея возможной выполнимости всех необходимо мыслимых нормативных условий, но и «целевая стратегия» возможной аргументации, которая подразумевает возможность рационального обоснования содержательных (нормативных) притязаний всех суждений и действий. Однако, согласно трансцендентальной прагматике, только таким способом возможно достигнуть рационального решения всех спорных вопросов как в философском, научном, так и культурном сообществе, одним словом, в сфере публичного участия. Все суждения и действия изначально нагружены нормативно моральным содержанием, поэтому к ним возможно применение дискурсивной аргументации, отказ же от нее чреват конфликтом во взаимопонимании. Идеальное коммуникативное сообщество в таком случае выступает

виртуальной основой всех существующих в обществе этических взаимоотношений.

«Принцип *перформативного самопротиворечия*, – уточняет философ в книге «Критические дискуссии относительно использования трансцендентально-прагматического основания», – оказывается *органом и критерием* некоторого совершенно *исследованного и информативного самопрояснения разума*» [4, S. 181]. Формулу «последнего основания» К.-О. Апеля определяет как логический закон: «Если я могу нечто оспорить, избегая действительного противоречия с самим собой и одновременно могу это дедуктивно обосновать без формально-логической ошибки и нарушения принципа оснований (*petitio principii*), то именно это принадлежит к тем трансцендентальным предпосылкам аргументации, которые уже необходимо должны быть признанными, чтобы языковая игра аргументации сохранила свой собственный смысл» [4, S. 69].

Иными словами, открытие двойной нормативности – перформативно-пропозициональной структуры человеческой речи – позволяет преодолеть эмпирический вариант традиционного прагматизма, для которого необходимым остается момент логической и семантической редукции. В своем проекте «трансформации современной философии» К.-О. Апель восходит к идее универсальной прагматики социальных наук Ю. Хабермаса [5], который выделяет два уровня коммуникационной организации в обществе – саму публичную сферу непосредственной коммуникации и ценностную значимость всякой прагматики, имеющей во всех случаях всеобщий и универсальный характер.

Как видим, практический дискурс в трансцендентальной прагматике К.-О. Апеля имеет особую задачу – поддерживать солидарную кооперацию между отдельными индивидами на основе этики дискурса, обосновывать ответственность, и в этом смысле порождать посредством дискурса «общественного мнения» публичную форму критики. Это, по мнению философа, позволяет формировать нормативную перспективу этики совместной ответственности.

Сегодня в обществе на всех уровнях идут различные публичные дебаты по вопросам коммунальной, национальной и международной политики, и тем самым проблема корпоративной ответственности все зримее выходит на первый план. К.-О. Апель видит в этом уже назревшую необходимость в создании некоей общей, планетарной макроэтики как возможности осуществлять ответственную кооперацию в мире. Традиционной этикой для западного мира является индивидуальная этика, она противостоит современному постконвенциональному пониманию совместной ответственности во всех областях коллективной активности – в науке, технике и экономике, экологической сфере и гражданском обществе [6, S. 29-30]. Этика дискурса есть тем самым этика ответственности.

Более того, сам практический дискурс имеет собственно философское измерение, – идея дискурса, основанного на аргументах, остается непреходящей ценностью для всякого мышления, заявляющего свои притязания на истинность. Этика дискурса в этом смысле подразумевает, что в основе любого философского мышления должен лежать априори «дискурс рефлексивной аргументации», и в этом значении этику дискурса следует воспринимать строго как трансцендентально-философскую, предельным основанием которой в кантовском смысле выступает моральный закон. В проекте трансформации практической философии К.-О. Апель заменяет априоризм «Я мыслю» на априоризм «Я аргументирую», что позволило ему выявить новую прагматическую перспективу для развития трансцендентальной философии Канта.

Литература:

1. Apel K.-O. Diskursethik als Verantwortungsethik – eine postmetaphysische Transformation der Ethik Kants // Kant in der Diskussion der Moderne. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1996. S. 326-359.
2. Habermas J. Erläuterungen zur Diskursethik. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1991. 225 S.
3. Apel K.-O. Das Apriori der Kommunikationsgemeinschaft und die Grundlagen der Ethik // Transformation der Philosophie. In 2 Bd. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1973. Bd. 2. S. 358-436.
4. Apel K.-O. Auseinandersetzungen in Erprobung des transzendental-pragmatischen Ansatzes. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1998. 727 S.
5. Habermas J. Was heißt Universalpragmatik? // Apel K.-O. (Hg.): Sprachpragmatik und Philosophie. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1976. S. 174-272.
6. Apel K.-O. Diskursethik vor der Problematik von Recht und Politik: Können die Rationalitätsdifferenzen zwischen Moralität, Recht und Politik selbst noch durch die Diskursethik normativ-rational gerechtfertigt werden? // Apel K.-O., Kettner M. (Hg.): Zur Anwendung der Diskursethik in Politik, Recht und Wissenschaft. Frankfurt/Main: Suhrkamp, 1992. 372 S.

**Российская идентичность крымчан в общественном мнении молодежи
(итоги социологических исследований)**

Баранов А.В.

*ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», заведующий кафедрой политологии и
политического управления. Доктор полит. наук, доктор ист. наук*

baranovandrew@mail.ru

Аннотация: В статье выясняются возможности укрепления российской идентичности молодежи в воссоединённом с Россией Крыму. Интерпретированы результаты анкетных опросов молодежи в Республике Крым и г. Севастополе, в том числе, проведённых с участием автора в 2018–2019 гг. Итоги самостоятельного исследования сравнены с материалами ранее проведённых опросов. Выявлено восприятие молодыми респондентами соотношения российской, региональной, местной, этнических и конфессиональных идентичностей. Определены оценки состояния межэтнических и межконфессиональных отношений, раскрыто соотношение традиционных и инновационных установок поведения. Отмечено повышенное распространение российской идентичности среди городской и студенческой молодежи. Внимание автора сосредоточено на возможностях и ограничениях укрепления позитивных межэтнических отношений, упрочения российской идентичности крымской молодежи. Аргументируются рекомендации для субъектов политики идентичности, формирующих российское самосознание.

Ключевые слова: российская идентичность, молодежь, Крым, общественное мнение.

**Russian Identity of Crimeans In the Public Opinion of Youth (Results of Sociological Researches).
Baranov A.V.**

FSBEI HE “Kuban State University”, Department of Political Science and Political Management

Abstract: The article explores the possibilities of strengthening the Russian identity of youth in the Crimea reunited with Russia. Interpreted the results of questionnaires of youth in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol, including conducted with the participation of the author in 2018–2019. The results of an independent study are compared with the materials of previous surveys. The perception of the correlation of Russian, regional, local, ethnic and religious identities by young respondents is revealed. Estimates of the state of interethnic and interfaith relations are determined, the correlation of traditional and innovative attitudes is revealed. An increased prevalence of Russian identity among urban and student youth is noted. The author's attention is focused on the possibilities and limitations of strengthening positive interethnic relations, strengthening the Russian identity of Crimean youth. The conclusion is made about the increased importance of Russian self-identification in multicultural border regions. Recommendations are made for the subjects of identity politics, which form the Russian identity.

Key words: Russian identity, youth, Crimea, public opinion.

Интеграция Крыма в российское общество – длительный многоаспектный процесс, он развивается, в том числе, в сфере укрепления российской идентичности, её взаимодействия с идентичностями территориальными, этническими и конфессиональными. Воссоединение становится необратимым благодаря изменениям повседневных социальных практик крымчан. Сосредоточим внимание на молодежи, значительная часть которой прошла социализацию во времена украинского контроля и более критически воспринимает воссоединение с Россией.

Внимание исследователей привлекает общественное мнение крымчан о реформах [1, с. 292–349], межэтнических и межконфессиональных отношениях [2, с. 12–16]. Малоизученным остаётся самосознание работающей молодежи.

Цель доклада – определить состояние и тенденции развития общественного мнения молодежи Республики Крым и г. Севастополя по вопросам идентичности на основе анкетных опросов.

Конструктивистская парадигма (Э. Хобсбаум [3, р. 332–346], Э. Геллнер [4, с. 67]) трактует этничность как способ организации социально значимых культурных различий. Этничность целенаправ-

ленно и осознанно конструируется, а не передаётся генетически. Кейс Крыма подтверждает конструктивизм. За 30 лет удельный вес украинцев в населении полуострова дважды радикально менялся, что подтверждает зыбкую этничность. Соотношение идентичностей (национальных, территориальных, этнических, конфессиональных) подвижно. Двойная и сложносоставная идентичности в приграничных регионах, – норма, не отступление от правил [5, с. 325–333].

Прикладной метод анализа – массовый анкетный опрос. Проведена интерпретация опросов, проведённых с участием автора в 2017–2019 гг. по гранту РФФИ под руководством И.В. Юрченко, как и организованных во главе с Г.С. Денисовой [6, с. 159–164], И.В. Задориным [7, с. 102–136], А.М. Канахом, Л.П. Нелиной и О.В. Ярмач [8, с. 50–63]. Летом 2017 г. проведен пилотажный опрос учащейся молодёжи (16–35 лет), а летом 2018 г. и весной 2019 г. – массовый опрос учащейся и работающей молодёжи (пропорциональная по гендерному и возрастному признакам выборка 630 чел., 380 в Республике Крым и 250 в г. Севастополе). Работает и совмещает работу с учёбой 39,8% опрошенных, только учится – 57,9%, остальные ведут домашнее хозяйство или безработные.

Программа и анкета опроса составлены И.В. Юрченко, М.В. Донцовой и А.В. Барановым, скорректированы в итоге пилотажа 2017 г. Опрос проводился при личном контакте с респондентами. В РК опросом руководили В.А. Чигрин и Е.Г. Городецкая, а в г. Севастополе – Л.Н. Гарас. Статистическая погрешность выборки не более 2,9%.

Важна иерархия идентичностей, позволяющая судить о мере интегрированности молодых крымчан в российское общество. Респонденты массового опроса 2018 г. считали себя, прежде всего, «представителем человечества» – 31,8%, в республике и 34,9% в Севастополе, жителем региона – соответственно, 23,2 и 12,9%, жителем России – 18,2 и 20,1%, жителем своего города или села – 7,6% и 14,1%, «представителем своей национальности» – 7,4 и 5,6%, жителем Юга страны – 2,6 и 4,4%, «человеком определённой веры» – 3,2% в республике и 1,6% – в городе. Доля отдающих первенство российской идентичности среди молодёжи полуострова ниже, чем в Краснодарском крае (18,9 против 32,1%). Результаты связаны с высоким процентом учащихся в выборке (глобальная идентичность – виртуальная самооценка, молодые люди не включены в такие отношения).

Важно отношение молодёжи к воссоединению Крыма. Поддержали воссоединение (в разной мере) 66,2% респондентов в РК и 80,0% в городе; не поддержали 16,2 и 8,0%, остальные не дали ответа.

Межэтнические отношения оцениваются по таким индикаторам, как частота межэтнических коммуникаций, взаимные стереотипы восприятия, уровень межгрупповой конфликтности / согласия. Частота межэтнических контактов оценивается как «постоянная» 38,7% респондентами в РК и 19,2% в Севастополе; «регулярная и частая» – 25,1 и 17,6%. Считают, что они почти не общаются с другими народами, 5,9% в РК и 9,6% опрошенных в Севастополе; «стараятся избегать контактов» – 2,4 и 4,8%. Частота межрелигиозных контактов несколько ниже.

Интересна степень значимости этнических и конфессиональных вопросов для крымской молодёжи. Установлено наличие двух подгрупп респондентов: ориентированных на традиционализм и этноконфессиональную «интравертность», а также открытых к межгрупповым контактам и обмену ценностями. Ответ «Я живу по традициям, моральным нормам, ценностям, которые приняты у моего народа» набрал в выборке РК и Севастополя 1,58 балла из 3; «Я намерен(а) воспитывать своих детей в традициях своего народа / своей веры» – соответственно, 1,69 и 1,55; «Я – верующий человек и живу по традициям своей веры, исповедую мораль и ценности своей веры» – 1,23 и 1,08 балла. «Экстравертная» подгруппа характеризуется ответами: «Я стремлюсь понимать и изучать культуру и традиции других народов, кроме своей собственной» – 1,30 балла в РК и 1,25 в Севастополе; «Я стремлюсь понимать и изучать различные религии, кроме своей собственной» – соответственно, 1,00 и 0,68 балла.

Выявлен весомый потенциал межэтнической терпимости молодёжи. Среди опрошенных в РК 41,3% полагают, что крымские татары не конфликтуют с другими народами, 59,7% – что они знают и уважают законы, 66,5% – уважают языки, традиции и культуру других народов, 59,5% выражают доверие к татарам. В отношении русских и украинцев уровень интеграции в сообщество оценивается выше. 76,5% респондентов в РК ответили, что не конфликтуют с другими народами русские, а 60,6% – что не конфликтуют украинцы. Уровень доверия молодёжи в РК к русским – 89,3%, к украинцам – 76,7%. «Точки риска» – экономически депрессивный и приграничный Джанкойский район, г. Симферополь и его пригороды (подтверждается исследованием В.И. Мукомеля и С.Р. Хайкина) [9, с. 51–68].

В наибольшей мере российская идентичность значима для русской молодёжи, в средней – для

украинской и в меньшей – для крымскотатарской. Оценим материалы массового опроса, проведённого преподавателями Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского и Севастопольского государственного университета (2017 г., выборка 1600 чел., студенческая молодёжь 17–25 лет, погрешность не больше 3%) [8, с. 53–61]. Иерархия идентичностей (по всей выборке): 50% считали себя в первую очередь гражданами России, 36% – жителями полуострова, 18% – жителями местности, 7% – представителями конфессии и 6% – представителями народа. Распространённость российской идентичности контрастна в сравнении этнических подвыборок. Считали себя, в первую очередь, гражданами России, 54% русских, 19% украинцев и 17% крымских татар. Среди крымских татар в большей степени, чем у русских (38%) и украинцев (46%), проявляется региональная приверженность (54%). Считали себя, прежде всего, представителями конфессии 6% русских, 24% украинцев и 12% крымских татар; представителями народа – 4% русских, 9% украинцев и 10% крымских татар [8, с. 54–55]. Исследование И.В. Задорина (выборка 400 чел. всех возрастов) показало, что считают себя, прежде всего, россиянами 41% респондентов, жителями Крыма – 35%, жителями местности – 16% [7, с. 110].

Сделаем выводы. Оценки иерархии идентичностей и межгрупповых дистанций русской и украинской молодёжи близки, так как украинское сообщество в Крыму слабо сплочено и склонно к ассимиляции. В наименьшей степени российская идентичность проявилась среди молодых крымских татар. Регионализм наиболее распространён среди крымских татар; он имеет разные смыслы в восприятии русской, украинской и татарской молодёжи.

В самосознании севастопольцев отчётливо преобладает российская национальная идентичность, она сочетается с ярко выраженным регионализмом и локальным патриотизмом. Это позволяет счесть севастопольскую идентичность сложносоставной, а данное сообщество – более отчётливо выраженным в сравнении с крымским.

Необходима целенаправленная политика, укрепляющая российскую идентичность населения Крыма, прежде всего – молодёжи и этнических меньшинств. Целесообразно уделить внимание исследованиям идентичности, межэтнических и межконфессиональных отношений в Крыму не только на материалах молодёжи, но и других социальных и демографических групп; основные усилия государственной информационной политики по конструированию российской идентичности сосредоточить в социальных сетях и иных интернет-ресурсах.

Литература:

1. Киселёва Н.В., Мальгин А.В., Петров В.П., Форманчук А.А. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения. Симферополь: Салта, 2015. 352 с.
2. Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов / ред. В.Ю. Зорин, Р.А. Старченко, В.В. Степанов. М.: Ин-т этнол. и антропол. РАН, 2017. 216 с.
3. Хобсбаум Э.Дж. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм / Б. Андерсон и др. М.: Праксис, 2002. С. 332–346.
4. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 794 с.
5. Идентичность: Личность, общество, политика. Энцикл. изд. / отв. ред. И.С. Семенов. М.: Весь мир, 2017. 992 с.
6. Денисова Г.С. Сравнительный анализ оценок населением Крыма и других регионов ЮФО характера межэтнических отношений // Учёные записки Крым. федерал. ун-та им. В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Симферополь, 2018. Т. 4(70). Спецвып. № 1. С. 159–164.
7. Задорин И.В. Регионы «рубежа»: территориальная идентичность и восприятие «особости» // Полития. 2018. № 2. С. 102–136.
8. Канах А.М., Нелина Л.П., Ярмач О.В. Факторы формирования национальной идентичности студентов Республики Крым и Севастополя: некоторые результаты социологического исследования // Учёные записки Крым. федерал. ун-та имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Симферополь, 2018. Т. 4(70). № 1. С. 50–63.
9. Мукомель В.И., Хайкин С.Р. Крымские татары после «крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 51–68.

Цивилизационная миссия России в 21 веке: диалог цивилизаций versus конфликт цивилизаций

Беспалова Т.В.

*Российский научно-исследовательский Институт культурного и природного наследия
им.Д.С.Лихачева, ведущий научный сотрудник-руководитель Отдела государственной культурной
политики. Доктор философских наук, кандидат политических наук*

tvb09@bk.ru

Аннотация: Новые типы войн, в целом современные внутренние и внешние политические угрозы в отношении российской цивилизации привели к необходимости выработки новой русской философии, способной дать ответ на возникший вызов. С 2012 года в документах стратегического планирования Российской Федерации в сферах внешней политики, национальной политики, культуры начали использоваться понятия, выражающие цивилизационные аспекты России как государства-цивилизации: российская цивилизация, единый культурный (цивилизационный) код, межцивилизационный диалог, Россия как историческое государство-цивилизация и др. Использование цивилизационного подхода и реализующих его понятий при разработке официальных документов происходит впервые в истории российского государства, что сопутствует пересмотру ценностно-идеологического обоснования государственной политики и требует от ученых совершенно нового уровня философского осмысления цивилизационного развития России.

Ключевые слова: культурно-цивилизационные ресурсы, цивилизационная миссия России, конфликт цивилизаций/диалог цивилизаций.

Russia 's Civilization Mission in the 21 Century: The Dialogue of Civilizations versus a Conflict of Civilizations. Bespalova T.V.

Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D.S.Lihachev

Abstract: New types of wars, in general modern internal and external political threats against Russian civilization, have led to the need to develop a new Russian philosophy capable of responding to the challenge. Since 2012, the strategic planning documents of the Russian Federation in the spheres of foreign policy, national policy and culture began to use concepts expressing civilizational aspects of Russia as a state-civilization: Russian civilization, unified cultural (civilizational) code, intercivilizational dialogue, Russia as a historical state-civilization, etc. The use of the civilizational approach and the concepts implementing it in the development of official documents takes place for the first time in the history of the Russian state, which is accompanied by a revision of the value-ideological justification of state policy and requires scientists to have a completely new level of philosophical understanding of the civilizational development of Russia.

Keywords: cultural and civilizational resources, civilizational mission of Russia, conflict of civilizations/dialogue of civilizations.

1. Постепенное вытеснение из научного пространства формационного подхода цивилизационным требует от ученых, работающих в цивилизационной парадигме, выстраивания более четкой аргументации по вопросу методологического и мировоззренческого обоснования применения цивилизационного подхода к происходящим в мире изменениям. Мировоззренческие основания цивилизационного подхода часто оставались за пределами научного внимания, тогда как именно они выступают точкой отсчета в подборе необходимой научной аргументации. Исследование мировоззренческих основ цивилизационного подхода позволит сформулировать ответ на возникшие в 21 веке угрозы в отношении человечества, а также избежать риска использования цивилизационных теорий в политических целях. Очевидно, что цивилизационный подход может быть использован как для обоснования самобытности русской (российской) цивилизации, так и для ее частичного и даже полного отрицания [1 с. 123].

2. Многократное изменение цивилизационных ориентиров России – Киевская Русь – татаро-монгольское нашествие – Московское царство – императорская Россия – Советский Союз – Российская Федерация и противоречивая историческая событийность не повлияли на устойчивый выбор

российского цивилизационного пути. Изменение цивилизационных ориентиров России ранее связывали с осмыслением трех исторических сюжетов – происхождение Российского государства, реформа Петра и революция 1917 года. Сейчас добавляют еще два исторических события цивилизационного масштаба – распад Советского Союза и события Русской Весны, вернувших не только цивилизационную миссию России, но и изменивших политическую ситуацию в современном мире.

3. В настоящее время подтверждаются слова, высказанные два десятилетия назад выдающимся российским философом А. С. Панариным, о том, что в постсоветский период довольно остро «стала обнажаться другая — не идеологическая, а цивилизационная суть глобального конфликта, прежде идеологически стилизованного» [2, с. 9]. Политические процессы, разрушающие российскую цивилизацию, шли давно и имеют глобальное и локальное измерения. В этой связи и учитывая состояние и тенденции международных отношений, особое значение и смысл приобретает тезис А. С. Панарина о праве России на самобытную цивилизационную идентичность, о праве быть не похожей на современную западную цивилизацию [3]. Что значит в 21 веке вернуться к собственным истокам?

4. Проблема реального обладания современной Россией (Российской Федерацией) культурно-цивилизационными ресурсами (духовными, символическими, территориальными, материальными и пр.) требует осмысления в русле возрождения российской цивилизационной идентичности, при чем определяющее значение приобретает духовный ресурс народа. Необходимо признать, что часть ресурсов утрачена (потеря части исторической территории после распада Советского Союза), часть практически не используется или используется противоречиво (наследие царской и советской эпохи), а оставшихся ресурсов (культурных, символических), неравнозначных и противоречивых по отношению друг к другу, недостаточно для формирования устойчивой российской цивилизационной идентичности. [4, с. 82] Цивилизационная идентичность России в иерархии социальных отношений должна доминировать над гражданской и этнокультурной, что означает коллективное признание большой Родины – России, знание и чувство русского языка и отечественной истории, уважение русской культуры, православной веры, сохранение культурного наследия русского и коренных народов России и общих для всех традиционных нравственных ценностей.

5. Способность политической элиты на уровне консолидирующих идей и политической практики сохранить ценность духовно-нравственного восприятия отечества, максимально приблизив образ государства к образу прекрасной Родины в восприятии народа, можно считать критерием ее патриотичности. Не случайно А. С. Панарин отмечал, что разрыв между эпохами Российской империи и Советского Союза носил идеологический характер, тогда как на цивилизационном и геополитическом уровнях преемственность эпох была сохранена. Преемственность исторических эпох, напрямую зависящая от способности выстроить континуальную историю собственной государственности и цивилизации, позволяет концептуализировать место и роль России как цивилизации, которая возможна в следующих вариантах: идея исключительности России в мировой истории и культуре; идея России как Востока; идея России как Запада; идея России как особой славянской цивилизации; идея России как Евразии, отличной и от Востока, и от Запада; идея российской специфики, выражающейся в сочетании восточных и западных черт или в колебании между Востоком и Западом; идея российской самобытности в рамках христианского мира; идея византизма России; идея универсализма русского духа; идея России как синтеза Востока и Запада; идея России как необходимого элемента мирового синтеза [5].

6. Устойчивость российского цивилизационного пространства зависит не только от сохранения коллективных воспоминаний и умолчаний, но и от гомогенности и связности пространства. Иногда, гомогенность и связность цивилизационного пространства остаются в исторической памяти, а в реальных политических процессах начинает доминировать гетерогенность и разрозненность. Как быть, если цивилизационная идентичность сохраняется в общей исторической памяти большинства народа («украинцы, русские, белорусы – один народ» или «три ветви единого народа»), а политических условий для ощущения этого единства пока не создано? Важно вернуть забытое ощущение вневременной солидарности народа, которое является основой русской цивилизационной идентичности, вернуть гражданам России (и соотечественникам в ближнем зарубежье) предмет гордости – Родину, великую Россию через фундаментальное возрождение отечественной науки, образовательных традиций, русской культуры, русского языка и веры. Вернуть дружбу народов, реальную, а не декларативную.

Вернуть ощущение социальной стабильности, исторической справедливости, общего культурно-цивилизационного пространства и определить новый путь развития России как государства-цивилизации [4, с.89].

7. Формы межцивилизационного диалога можно свести к двум, наиболее актуальным – «конфликт цивилизаций» (С.Хантингтон) и «диалог цивилизаций» (А.Панарин), они могут выступать как в качестве конкурирующих, так и в качестве дополняющих друг друга. Историческое взаимодействие цивилизаций всегда оставляет место и диалогу, и конфликту, именно в этом и заключается сложность создания уникального самобытного образа цивилизаций. Панарин, отвергая теорию Хантингтона о противостоянии цивилизаций по этническому и вероисповедному признаку, оставляет за кадром межцивилизационное противостояние по политическим мотивам, оформленное как межэтническая или межрелигиозная управляемая извне гражданская война.

8. Цивилизационная миссия России в 21 веке в научном пространстве заключается в создании новой интегративной русской политической философии на основе христианских и светских ценностей с учетом происходящих процессов военно-политического и революционного характера, отчасти девальвирующих прежний категориальный язык философской науки. Новые типы войн, которые идут без объявления войны, нет общей линии фронта, они проходят во всех пространствах (экономическом, культурном и др.), потому действия врага зачастую сложно идентифицировать. Противостояние идеологически обусловленных смыслов сохраняется в сфере международной, культурной, образовательной политиках, можно утверждать, что холодная война не закончилась, а перешла в иные формы, проникая во все формы общественных отношений.

Возрождение российской цивилизации (понятие «российская цивилизация» используется в Основах государственной политики, утв. Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 года № 808) требует не только политической воли, но и систематизации необходимого научного знания и его адаптации в образовательные и культурные процессы с целью сохранения единого культурно-цивилизационного кода России. Цивилизационный код представляет собой совокупность социокультурных способов сохранения и преемственности определенного набора значимых ценностей, сохраняющих цивилизацию как культурно-исторический тип. Это набор определенных символов, ритуалов, мифов, идей и стереотипов, расшифровка которых доступна не всем, но каждому носителю духа русской культуры. Можно обозначить три важнейшие базовые ценности российского общества – служение, солидарность и справедливость, поэтому укрепление российской государственности и культурно-цивилизационного единства народа зависит от расшифровки и актуализации разных историко-культурных кодов, составляющих общее символическое пространство русской традиции (советские ценности – код социальной справедливости и христианские ценности – евангельский код)[6].

Цивилизационная миссия России в 21 веке в политическом пространстве это кристаллизация русской (по духу) патриотической политической элиты, возрождение общего культурно-цивилизационного пространства России, Украины и Белоруссии, с учётом единого исторического прошлого, культуры и языка. «Великоросы, малороссы, белорусы – один народ», а «Киевская Русь» это период отечественной истории России – данную версию исторической памяти пока ещё разделяет большинство российского общества. Необходимо отстаивать свою память и большую родину [7, с. 70]. Для этого требуется актуализировать идеологию государственного патриотизма, суть которой в реализации внутренней и внешней политики России, соотносимой с социокультурным запросом народа, историческими традициями и политическими вызовами; это реализация политики, целью которой станет реальное народосбережение и сохранение российской цивилизационной идентичности; политики, которая четко, обозначит ориентиры нового фундаментального интегративного политического проекта, в реализации которого будет задействован весь народ.

Россия как пристань Духа должна в очередной раз подтвердить свой цивилизационный выбор.

Литература:

1. Беспалова Т.В. Мировоззренческие основания цивилизационного подхода//Проблемы цивилизационного развития. 2019. №1. С.123-136 [Электрон.ресурс]. URL: <https://civstudies.ru/article/view/3553/2543> (дата обращения 16.01.2019).

2. Панарин А.С. Православная цивилизация. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1248 с.

3. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, Эксмо, 2003. 544 с.

4. Беспалова Т.В., Свиридкина Е.В. Культурно-цивилизационные смыслы государственного патриотизма. Монография. М.: Институт Наследия, 2019. 212 с.

5. Ерыгин А. Н. Восток — Запад — Россия: опыт метаисторического исследования // Библиотека учебной и научной литературы: сайт [Электрон.ресурс]. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/erigin_vostok (дата обращения: 18.11.2016).

6. Щипков А.В. Социал-традиция. М., 2017. 347 с.

7. Беспалова Т.В. Цивилизационная миссия России в 21 веке//Философия на линии фронта. Материалы секции «Философия на линии фронта», проведенной в рамках «Донецких чтений 2018»; отв.ред. Д.Е.Муза, А.Ю.Коробов-Латынцев - М.: Объединенное движение «Русская философия», 2019. С.67-70.

Проблематика «массового общества» сквозь призму взаимоотношений Русской и Западноевропейской культурно-исторических систем

Васильев Глеб Евгеньевич

Института Наследия, ведущий научный сотрудник. К.ф.н., доц.

Gleb.negin@mail.ru

Аннотация: В статье раскрываются основные причины и факторы возникновения феномена «масс» и «массовой культуры» в Западноевропейской культурно-исторической системе, находящейся, в настоящее время, на своей стадии «цивилизации» (в терминологии О. Шпенглера). Также, рассматриваются основные причины того, почему данный феномен («масс», «массовой культуры») сегодня реализуется и в России, несмотря на то, что отечественная культурно-историческая система находится на несколько иной стадии своего развития, ещё не дошла до своей «старости», т.е. эпохи «цивилизации». Отечественная культурно-историческая система, очевидно, имеет и другие ценностные свои основания, и находится на иной, более ранней, стадии своего развития, однако, вследствие Псевдоморфоза, воспроизводит в себе социокультурные модели Западноевропейской цивилизации, как то: «капитализм» и, свойственный именно капитализму, феномен «масс», «массового общества» и «массовой культуры».

Ключевые слова: Цивилизация, культурно-историческая система, псевдоморфоз, глобализация, ценности, массовое общество

The problem of «mass society» through the prism of the relationship between the Russian and Western European cultural and historical systems.

Gleb Vasiliev

Heritage Institute

Annotation: The article reveals the main causes and factors of the phenomenon of “masses” and “mass culture” in the Western European cultural and historical system, which is currently at its stage of “civilization” (in the terminology of O. Spengler). Also, the main reasons why this phenomenon (“mass”, “mass culture”) is implemented today in Russia, despite the fact that the domestic cultural and historical system is at a slightly different stage of its development, has not yet reached its “old age”, i.e. the era of “civilization”. The domestic cultural and historical system obviously has other value bases, and is at a different, earlier stage of its development, however, due to Pseudomorphosis, reproduces the socio-cultural models of Western European civilization, such as: “capitalism” and, peculiar to capitalism, the phenomenon of “masses”, “mass society” and “mass culture”.

Keyword: Civilization, cultural and historical system, pseudomorphosis, globalization, values, mass society

В сложившейся в настоящее время системе взаимоотношений России и, условно, Запада, в целом, Русской (Российской) культурно-исторической и государственной системы, с одной стороны, и Западноевропейской («Фаустовской», в терминологии О. Шпенглера) культурно исторической системы, в совокупности её государственных современных образований, с другой стороны, крайне важно определить столь нынче актуальную специфику культурных («цивилизационных») оснований формирования «массового общества» и «массового человека» в нём – в регистре «цивилизационного» подхода («однолинейного», в авторской терминологии).

Очень важно, в этой связи, определить особенности отечественной культурно-исторической системы, находящейся на определённом современном этапе своего развития, с одной стороны, – и возможной свойственности ей такого феномена как «массовое общество», «массовая культура» и «массовый человек», с другой стороны.

В этой связи, важно заметить, что отечественная культурно-историческая система, в отличие от Западноевропейской («Фаустовской») культурно-исторической системы, не находилась, и не находится сегодня, в столь «старческом» состоянии, как культура Западноевропейская, и, значит, отнюдь не должна, сама по себе, иметь в себе подобного рода феномена как «массовая культура».

«Массовая культура», в сущности, представляет собой своего рода суррогаткультуры, – как системы высших ценностей и смыслов, – потому как, очевидно, так или иначе работает в режиме ниве-

лирования высших ценностей и, вообще, десакрализации (сакральное, по О. Шпенглеру, есть суть и основа, собственно, культуры).

Однако, в этой связи, важно отметить и то, что в силу случившегося, – в силу известных причин (о них особый разговор), – с отечественной культурно-исторической и государственной системой Псевдоморфоза (в терминологии того же О. Шпенглера; с XVIII в.), отечественная культурно-историческая система вскоре «естественно» «заболела» всем тем ворохом «старческих заболеваний», которыми стала страдать «закатывающаяся» Западная цивилизация; в том числе – и «массами».

Псевдоморфоз (буквально, «чужая форма», «ложная форма») – наложение на культурное содержание одной, обыкновенно молодой и более слабой, культуры форм и стереотипов более зрелой и сильной культуры, отчего первая искажается, подавляется и отчуждается в своём самостоятельном и своеобразном развитии.

Если проследить, по «основным причинам» возникновения и скорого «торжества масс», то, собственно, большинство этих причин и факторов отнюдь не лежали в мейнстриме развития Российской культурно-исторической системы:

Во-первых, капитализм, – как социально-экономическая основа возникновения феномена «масс», «массового общества», – есть целиком и полностью привнесённая «с Запада» (в Россию) социально-экономическая модель, не имеющая в России, для себя, никаких ни культурных, ни социальных оснований (отсутствие «развитого» института частной собственности; отсутствие, в значительном количестве, оторванных от традиционных социокультурных порядков «индивидов»; отсутствие возможностей грабежа колоний для «первоначального накопления капитала; и т.д., и т.п.);

Во-вторых, процессы социокультурного отчуждения, столь свойственные как раз капитализму и необходимые для формирования «масс», в России в таком случае не были бы актуализированы;

В-третьих, в массовом масштабе, в России не сложилось в обществе сектантского типа мировоззрения (были сектанты, разумеется, и иные из них, впоследствии, как раз и станут опорой «нарождающегося капитализма» в России, однако это, здесь, не было «нормой»);

В-четвёртых, соответственно, в России, при отсутствии вышеуказанных оснований и факторов, не сложилось бы и буржуазного нового типа власти («олигархического», обыкновенно прикрывающегося «демократией»); и т.д., и т.п.

Из тех факторов, которые вроде как остаются, здесь, и которые могли бы, гипотетически, сами по себе, привести к формированию в России «массового общества» с «обслуживающей» его «массовой культурой», это: научно-технический прогресс (который так или иначе пришёл, и приходил, в Россию); соответственно, сюда же, и определённый прирост населения.

Однако, во-первых, то, что Россия, Русская культурно-историческая система, находилась на несколько иной, более ранней, следуя концепции О. Шпенглера, стадии своего развития, и, во-вторых, то, что сама ценностная матрица и иные основополагающие мировоззренческие и поведенческие образцы, свойственные отечественной культурно-исторической системе, были, в значительной мере, совершенно другими, нежели в «Западной» системе, так или иначе, не дало бы возможности сформироваться в отечественной социокультурной системе феноменам «массового общества» и «массовой культуры», – даже при наличии «научно-технического прогресса» и «прироста населения», – по крайней мере, на данном этапе развития отечественной культуры и государственности.

Вполне возможно, что вероятность возникновения чего-то подобного тому, что называется «массовой культурой» и «массовым обществом», возникла бы и в отечественной культурно-исторической системе, – однако это, в любом случае, произошло несколько позже, в пору её вхождения в своё старческое состояние «цивилизации» (если следовать концептуальным линиям О. Шпенглера).

Можно предположить, что возникновение того, что называется «массовым обществом», с соответствующим приматом в нём «массовой культуры», как раз и случается на поздних этапах жизни всех (или, хотя бы, большинства) культурно-исторических систем, – в пору их дряхлости, т.е. перехода в состояние «цивилизации». Подобные процессы, например, можно было наблюдать в пору «заката» Римской Империи.

Сегодняшнее состояние «западной цивилизации» зачастую сравнивают с предсмертным состоянием Древнего Рима, – и в плане торжества «масс», с их «потребительскими» требованиями «хлеба и зрелищ», и в плане расцвета разного рода сексуальных перверсий, с выведением их в социокультурный

и даже политический мейнстрим, и в плане, вообще, общего падения нравов, нивелирования ценностей, и в плане относительного развития «капиталистических» отношений, в частности, ростовщичества, и т.д., и т.п., – и тут, действительно, очень много напрашивающихся аналогий.

Однако то, что в настоящее время в России в той или иной мере всё-таки реализуются все те «болезни», которые расцвели пышным цветом в «старой» Западноевропейской культурно-исторической системе, на её стадии «цивилизации» (в терминологии О. Шпенглера), имеет своим основанием и источником следующие причины:

1. Указанный *Псевдоморфоз*.

2. Приведшие, в частности, в своё время к указанному Псевдоморфозу *Олигархический принцип* (т.е. стремление элиты иметь в стране всё, ни за что не отвечая; или, в ином ракурсе: иметь максимум прав, и минимум обязанностей) и *Западническая тенденция* (стремление российской элиты «на Запад», в регистре соблазна тамошними «богатствами» и «вольностями», – совершенно безотчётно относительно реального понимания того, откуда всё это возникло «на Западе») в российской элите. Сегодняшняя «российская» элита стремится, всеми правдами и неправдами, «на Запад» и, потому, *воспроизводя, здесь, в России, капиталистические отношения* (в режиме «*периферийного капитализма*»), не может не воспроизводить модели «массового общества» и «массовой культуры».

3. Процессы «*Глобализации*», т.е. распространение сегодня Западноевропейской цивилизации, её господства, так или иначе на все страны, народы и континенты, – и в силу, собственно, финансово-экономической, политической и военной мощи данной Цивилизации, и в силу её культурной, в плане «массовой культуры», мощи Соблазна, прежде всего в отношении туземных-местных компрадорских элит, – приводит к воспроизводству данных социокультурных моделей («массового общества» и «массовой культуры», и, главное, «человека-массы»).

В России, в силу вышеуказанных причин, воспроизводится буржуазный тип власти – олигархический, по сути, типично репрезентирующийся, в режиме видимости, симулякра «демократии», «либеральной демократии»; и, оттого, здесь, в России, в силу упомянутых Псевдоморфоза, Олигархического принципа и Западнической тенденции российской элиты и, собственно, процессов «Глобализации» (т.е. навязывания «старческих» «ценностей» Западноевропейской культурно-исторической системы, ныне «благополучно» «закатывающейся», по возможности, всем странам и иным культурам), и реализуются, во многом искусственно, в режиме чётко отслеживаемого «проекта», все технологии и образцы «массового общества», «массовой культуры» и «человека-массы».

Феномен «массовой культуры» в современной цивилизации в свете концепции «цивилизации» О. Шпенглера

Васильева Светлана Евгеньевна

Института Наследия им. Д.С. Лихачева, аспирант

sveta.kyrator@mail.ru

Аннотация: В данном тексте рассматриваются основные причины возникновения «массового общества» и «массовой культуры» в Западноевропейской культуре («цивилизации») в XIX-XX вв.; раскрываются основные характеристики феномена «массовой культуры», проводится сопоставление данного феномена с «культурой» как, прежде всего, системой высших ценностей и смыслов, «культурой духовной». Также, в статье рассматривается указанный феномен («массовой культуры» и «массового общества») сквозь призму концепции Освальда Шпенглера, сквозь призму «цивилизационного подхода»; рассматривается феномен «масс» как феномен свойственный именно этапу «цивилизации», в терминологии Шпенглера, в жизни культуры. «Массовая культура» и «массовое общество» предстают здесь как вполне логичное следствие из закономерностей и тенденций, имеющих место в жизни всякой культуры, осуществляющихся на её стадии «цивилизации».

Ключевые слова: Массовое общество, массовая культура, массы, цивилизация, культура

Annotation: This text examines the main causes of the emergence of “mass society” and “mass culture” in Western European culture (“civilization”) in the XIX-XX centuries; reveals the main characteristics of the phenomenon of “mass culture”, the comparison of this phenomenon with “culture” as, above all, a system of higher values and meanings, “spiritual culture”. Also, the article considers this phenomenon (“mass culture” and “mass society”) through the prism of the concept of Oswald Spengler, through the prism of «civilizational approach»; the phenomenon of “masses” is considered as a phenomenon peculiar to the stage of “civilization”, in Spengler’s terminology, in the life of culture. “Mass culture” and “mass society” appear here as quite a logical consequence of the laws and trends that take place in the life of any culture, carried out at its stage of “civilization”.

Keyword: Mass society, mass culture, masses, civilization, culture

Современное состояние общества справедливо полагают «*массовым*». Массовое общество, с доминирующим в нём «человеком-массой», возникло в XIX в. и особенно расцвело в веке XX. *Причинами* возникновения данного типа общества явились:

во-первых, *капиталистический способ производства* и, соответственно, с его отношением к человеку, как к «рабочей силе», его «функции», как, в сущности, к «средству», воспроизводя процессы отчуждения человека, во всём их спектре;

во-вторых, это *научно-технический прогресс*, с одной стороны, продуцирующий «индустриальный» тип производства, с его «конвейерной» моделью эксплуатации, с соответственно созданием и формированием «подходящего» для себя человека-функции, а с другой стороны – научно-технический прогресс приводит к появлению новых средств массовой информации, позволяющих опять же более успешно и эффективно «штамповать» «массового» человека в соответствии с нужной идеологической моделью, манипулируя его сознанием;

в-третьих, *процессы урбанизации*, связанные с вышеуказанным промышленным развитием и переселением значительной части населения в города и, соответственно, отрывом их от традиционных форм культуры, с их чёткой системой норм и ценностей, правил и, вообще, устоев, – и человек, оторванный таким образом от традиционных культурных символических порядков, так или иначе затрудняющих формирование «массовых индивидов», обращался, теперь, по сути, в довольно уже аморфную «заготовку» для своей «массовой» лепки, в соответствии с нужными «новыми» вышеуказанными «массовыми» стандартами;

в-четвёртых, ускорившийся *прирост населения*, опять же связанный с научно-техническим прогрессом (в области медицины и т.д.), в XIX в., приведший к росту «скученности» населения в городах, с соответствующим ростом разного рода «толп» и, вообще, «масс», так или иначе ломающая «интимные» и «психологически-комфортные» сферы существования человека;

в-пятых, это сложившаяся модель, по преимуществу, *сектантского мировоззрения*, – что в лоне протестантских, особенно кальвинистского толка, сект, что в католических орденах (хоть и в несколько меньшей, по-видимому, мере), – в Европе и Северной Америке; подобный тип мировоззрения предполагает беспрекословную подчинённость «авторитетам», вождям («гуру») данных сект (или орденов), что так или иначе облегчало технологии «массовой» манипуляции сознанием и собиранием людей в «толпу», «массу» или «публику» (в терминологии Г. Тарда и К.С. Аксакова);

в-шестых, это, разумеется, установление *нового буржуазно-капиталистического типа власти*, условно – *олигархического*, так или иначе требующего своей легитимации через внешние процедуры «формальной демократии», – а для этого становилось тем более необходимо целенаправленно формировать «массы», «массовых индивидов», легко поддающихся технологиям массовой политической манипуляции («электорат»).

Все эти вышеперечисленные факторы и причины, привели в своей совокупности, к возникновению феномена «массового общества» и, соответственно, «массовой культуры» как специфической сферы формирования и обслуживания подобного рода общества, в Западноевропейской культурно-исторической системе.

Попробуем рассмотреть феномен «массового общества и «массовой культуры» сквозь призму «цивилизационной» концепции Освальда Шпенглера.

Западноевропейская («Фаустовская», в терминологии О. Шпенглера) культурно-историческая система, если следовать концепции О. Шпенглера, находилась в то время (рубеж XIX-XX вв.) в состоянии «заката», а именно – «цивилизации», т.е., в терминологии О. Шпенглера, своего предсмертного состояния: когда, собственно, «духовная культура» идёт на убыль, её творческая энергия угасает, а верх берёт уже сугубое «материальное производство», т.е. – «цивилизация».

Вполне понятно, что в подобном общем состоянии данной культурно-исторической системы («Западноевропейской», «Фаустовской») в «культурном поле» господствовать будет то, что называется «массовой культурой».

В качестве основных характеристик «массовой культуры» можно выделить следующие (впрочем, это отнюдь не все её характеристики, но основные):

Во-первых, это «культура» прежде всего «коммерческая», т.е. созданная специально и с определённой целью («прибылью»); т.е. – очевидно, исходящая сугубо из целеполагания «материального производства», а отнюдь не господствующая сама над ним (что как раз и свойственно именно, по Шпенглеру, эпохе «цивилизации»);

Во-вторых, «массовая культура» так или иначе нивелирует высшие ценности и смыслы, приспособляя их, в лучшем случае, к стратегиям потребления; аналогично, массовая культура нивелирует всё священное в культуре, низводя её до «предмета потребления» и «услуги»;

В-третьих, массовая культура предстаёт здесь как инструмент манипуляции массовым сознанием, в частности – в режиме создания и навязывания новых потребностей («реклама» и т.п.), а также – политической манипуляции.

В конце концов, «массовая культура» выступает как суррогат, собственно, культуры, в высшем её смысле, как носительницы высших смыслов и ценностей, хранительницы священного и источника творчества.

Когда духовная энергетика, собственно, культуры, – так или иначе, по мысли О. Шпенглера, господствующей над материальным производством, – гаснет, сходит на нет, тогда на первое место выходит производство «массовой культуры». А это и есть, в терминологии Шпенглера, состояние «цивилизации».

В состоянии «цивилизации» как раз и происходит, по Шпенглеру, подчинение «духовного производства» «материальному производству», – что и есть основополагающая характеристика возникающей здесь «массовой культуры»: как сферы, в сущности, «обслуживания» «массового общества», «массового человека».

В рамках данной «культурной» модели происходит в той или иной мере нивелирование высших ценностей и смыслов, осуществляются процессы десакрализации этих ценностей и смыслов, реализуется своего рода программа стандартизации человека, – в полном соответствии с потребностями «материального производства»: что в чисто экономическом (воспроизводстве прироста капитала, в регистре «Общества потребления»), что в политическом планах.

На стадии «цивилизации», по Шпенглеру, собственно, культура (как «духовная культура») уже, почитай, «умерла», а если говорить точнее – «выдохлась» и попала в полное подчинение материальному производству, – которое ещё какое-то время вполне может воспроизводиться и при наличествующем уровне духовного упадка, – однако, в любом случае, подобное положение дел не может продолжаться «вечно» и, вообще, сколь-либо достаточно долго: в итоге, и довольно скоро, данную «одряхлевшую», впавшую в своего рода «старческий маразм» «массовой культуры», «цивилизацию» постигнет, как неумолимая её судьба, гибель.

Применительно к историческим судьбам России, перспективам её развития, осознание данных тенденций и закономерностей формирования «массовой культуры», «массового человека», в регистре «цивилизации», т.е. полного господства «материального» над «духовным» в современной социокультурной модели – крайне важно и актуально в настоящее время.

Гаврилова Н.Г.

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», соискатель кафедры философии и политологии

gavryusha.83@bk.ru

Аннотация: В качестве прогнозов будущего развития общества рассматриваются ноосферный и катастрофический варианты. О вероятности воплощения в жизнь катастрофического сценария социального развития ученые предупреждают российское общество и всё человечество на протяжении продолжительного времени. В статье рассматриваются тенденции, которые служат основанием для эсхатологических прогнозов ученых. Поскольку общество является саморазвивающейся системой и меняет свои характеристики в процессе развития, мы пытаемся ответить на вопросы: Может ли российское общество избежать катастрофического сценария? Какие мировоззренческие установки могут служить основанием для создания новой оптимистической модели развития будущего российского общества? Исследуется возможность созидательного социального развития России.

Ключевые слова: развитие общества, человек, культура, социальное развитие России, оптимистический прогноз

Possible prospects of social development in Russia.
Gavrilova N.G.

Bashkir State University, Department of Philosophy and Political science

Abstract: Noospheric and catastrophic options are considered as predictions of society's future development. For a long time, scientists have warned Russian society and mankind about the possibility of implementing a catastrophic scenario of social development. In the article tendencies which are the basis for eschatological forecasts of scientists are considered. Since any society is a self-developing system and it changes its characteristics in the development process, we try to answer the questions: Can the Russian society avoid a catastrophic scenario? What world views can serve as a basis for creating a new optimistic model for the development of the future of Russian society? The possibility of creative social development of Russia is also considered in the article.

Keywords: society development, person, culture, social development of Russia, optimistic forecast

Эволюция человечества, сущностное изменение общества в планетарном масштабе происходит при взаимном влиянии, взаимодействии во времени и пространстве большого многообразия конкретных общественных организмов. В современном глобализирующемся мире на пути к единому организму человечества в качестве прогнозов будущего развития общества наиболее часто рассматриваются ноосферный и катастрофический варианты. В поисках новой парадигмы социального развития России, мы будем рассматривать возможные перспективы развития российского общества.

Ноосферный сценарий социального развития России предвдварялся существенно отличающимися от механистических представлениями об обществе российских позитивистов-органиков [1]. Н. Н. Страхов во второй половине XIX века говорил о преимуществах рассмотрения развития общества с органической точки зрения. Согласно его убеждениям «... понятие об органическом развитии народа тем и хорошо, что исключает всякую возможность односторонности. В организме может быть и болезнь, и упадок сил, и уродливость; с другой стороны, организм в каждую свою эпоху представляет полное целое, существо вполне живое, заключающее в себе самое то, что обнаружится в дальнейшем развитии» [2, с. 120]. То есть все возможные перспективы развития неслучайны и существуют в потенции в каждый данный момент времени. Впоследствии В.И. Вернадский подчеркивал, что жизнь – явление в мировой эволюции неслучайное, и одним из важнейших условий гармоничного развития общества считал духовность, нравственные идеалы и принципы. Русский писатель-фантаст и ученый-палеонтолог И. А. Ефремов в своем произведении «Звездные корабли» устами одного из героев повествует: «Между враждебными силами космоса есть лишь узкие коридоры, которые использует жизнь, и эти коридоры строго определяют её облик» [3, с. 84]. В процессе развития жизни, как полагал Тейяр де Шарден, эволюция в природе обнаруживает закон рекуррентности, согласно которому мир

развивается путем усложнения, и в процессе усложнения появляется сознание.

На данном этапе мы живем в мире такого уровня сложности, с которой человечество не справляется. Компьютеры давно превосходят человеческий мозг по объему памяти и скорости операций. При описании мира ученые вынуждены создавать значительно упрощенную модель, пренебрегая многими известными науке фактами. Специалисты в любой области знания вынуждены отказываться от панорамного взгляда на проблему в пользу очень узкой специализации, потому что только так можно углубить уже имеющиеся представления в отдельно взятой области исследования. При этом раздробленность, к которой неизбежно приводит такой подход, отсутствие целостного системного взгляда на мир, ставит человечество в ситуацию, когда не вполне осознаются последствия тех или иных технических решений, а также социально значимых изменений.

Осознание актуальных проблем, понимание существующих тенденций являются основанием для эсхатологических прогнозов. Российский ученый Н. Н. Моисеев, считающий коэволюцию человека и биосферы условием выживания человечества, убежден, что главной угрозой возможности дальнейшего существования людей, является само человечество. Гибель мира возможна вследствие нарушения людьми естественных законов гармоничного развития социоприродного целого, включающего в себя социальный организм человечества. Российский исследователь С. А. Мальцева в работе «Проблемы формирования экологической духовности современного человека» акцентирует внимание на том, что ряд как зарубежных, так и отечественных исследователей считает экологический кризис следствием и проявлением кризиса духа и ума. Современный философ С. М. Поздеева высказывает точку зрения, согласно которой сегодня человек начинает впервые осознавать цивилизационную катастрофу и невозможность решения глобальных проблем, а «трагическое осознание возможной гибели мира ставит перед личностью проблему смысла жизни острее, чем когда-либо» [4, с. 247]. Одновременно с этим, когда личная и общепринятая системы ценностей вступают в противоречие между собой, личность сталкивается с необходимостью нравственного выбора, результатом которого может быть как отказ от собственных духовных ценностей с целью повысить выживаемость в социуме, так и следование себе вопреки социальному окружению. Профессор И. А. Бирич отмечает, что «чем более усложняется жизнь социума, состоящего из свободных и несвободных граждан, чем богаче проявляет себя человек в разнообразных видах деятельности, тем насущнее его потребность в целостной картине мира, не только объясняющей это многообразие, но и придающей смысл его деятельности в контексте Мироздания, Бытия» [5, с. 61].

Эсхатологический сценарий развития событий ученые считают наиболее вероятным в связи с тем, что человек утратил смысло-жизненные ориентиры. Общество, будучи частью социоприродного целого, развивается и функционирует и сообразно всеобщим законам развития мира, и согласно своим собственным, только ему присущим общественным законам развития. Природные условия, включающие в себя многообразие предметов, явлений и процессов живой и неживой природы, служат естественной основой развития общества. Законы природы, проявляющиеся в процессе обмена веществом и энергией между обществом и природой, являются основой деятельности человека, как биосоциального существа. Философ З. Н. Хабибуллина утверждает, что «главная причина ложного, технократического пути развития нашей цивилизации заключается в том, что в обществе сформировалось искаженное, деформированное мировоззрение. Ложное мировоззрение ведет нас по тупиковому пути развития, к катастрофе, поскольку искаженное мировоззрение порождает ложные ценности, идеалы, приводящие к неправильному образу жизни и деятельности» [6, с. 221]. Традиционные ценности российской духовной культуры, с нашей точки зрения, вполне отражены в идеях русского органицизма. Органическое мировоззрение носит синтетический характер, вбирая в себя последние достижения естественных наук, ратую за эволюционное развитие общества в гармонии с законами природы и с опорой на традиционные духовные ценности. Обращение к органическому мировоззрению особенно актуально в кризисные моменты, когда выбор дальнейшего пути развития не очевиден. Следует отметить также, что естественным развитием органического мировоззрения стала философия русского космизма.

Представления о необходимости гармоничного развития всех составляющих органического целого культуры в настоящее время не находят подтверждения в социальной практике. Активно поддерживаются естественнонаучные и технические направления исследований, которые могут быть реализованы в технологиях и применены на практике, тогда как современная российская система высшего образования планомерно и поступательно отказывается от многих предметов социально-гуманитар-

ного цикла, ранее обязательных для изучения вне зависимости от специализации. Этика, эстетика, логика и многие другие дисциплины, которые имеют непосредственное отношение к сфере духа, исчезают из образовательных программ, хотя они необходимы для формирования культуры мышления и поведения. В ходе круглого стола «Перспективы российской науки как социального и культурного института» доктор биологических, доктор филологических наук Т. В. Черниговская высказала мысль о том, что для сохранения идентичности человеческого вида, необходимо вести диалог с Аристотелем, Платоном, Кантом, Шопенгауэром, а не наращивать изощённость отвёрток и отмычек. «Люди – это мозг и душа, а не плотность мышечной ткани» [7, с. 363]. Она неоднократно повторяет, что с позиции ученого считает необходимым информировать человечество о возможности «апокалипсических» сценариев, которые могут реализоваться в силу того обстоятельства, что природа мощнее, чем человек.

В стремлении ко всё большему технологическому и техническому совершенству, общество утрачивает ценности, которые делают человека человеком. В то же время, «в условиях социокультурных трансформаций ценностная система личности сохраняет свою целостность, хотя и претерпевает определенные изменения» [8, с. 103]. В процессе социального взаимодействия в обществе личностям с различными, в том числе противоположными, системами ценностей предоставляется возможность реализовать свой нравственный выбор. Д.С. Лихачев в своей работе «Экология культуры» утверждал, что «любящий свою родину человек не может не испытывать нравственной ответственности перед людьми будущего, чьи духовные запросы будут все множиться и возрастать» [9, с. 363]. Ответы на этические вопросы, с нашей точки зрения, могут служить ключом к преодолению сложившегося кризиса цивилизации и разработке оптимистического сценария социального развития России.

Литература:

1. Кузьмина Г.П. Органическая теория общества: учеб. пособие / Г.П. Кузьмина. – М. : Изд-во Теревинф, 2009. – 186 с.
2. Страхов Н.Н. Органические категории. (По поводу статьи г. Эдельсона Идея Организма. Библиотека для Чтения. 1860 г. №3) // Вопросы философии. 2009. №5. С. 116-124.
3. Ефремов И.А. Звездные корабли : [сборник] / И.А. Ефремов. – М. : Издательство АСТ, 2018. – 384 с.
4. Поздеева С.М. Смысл жизни как индивидуальный и социальный феномен // Вклад Д.Ж. Валеева в развитие философско-этической мысли Башкортостана: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 75-летию со дня рождения доктора философских наук, члена-корреспондента Академии наук Республики Башкортостан, основателя башкортостанской этической школы Дамира Жаватовича Валеева (1940-2002 гг.). (г. Уфа, 24 апреля 2015 г.) / отв. ред. З.Я. Рахматуллина. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – С. 247-250.
5. Бирич И.А. Софийность мироздания: предназначение человека в антропной Вселенной // Космизм и органицизм: эволюция и актуальность : материалы IV Международной научной конференции. 18-19 ноября 2016 г. / Под ред. О.Д. Маслобоевой, И.А. Сафронова. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2017. – С. 56-63.
6. Хабибуллина З.Н. Мироззренческие установки современности // Мироззрение и особенности вызовов современности: сборник Международной научно-практической конференции (г. Уфа, 21 апреля 2014 г.) / Отв. ред. А.М. Багаутдинов. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – С.220-225.
7. Материалы круглого стола «Перспективы российской науки как социального и культурного института» // Вопросы философии. 2014. № 8. С. 3-44.
8. Гаврилова Н.Г. Система ценностей личности в условиях социокультурных трансформаций // Теоретическая и прикладная этика в системе современной культуры : сборник научных трудов / А.А. Штомпель, редактор. – М.-Берлин : Директ Медиа, 2016 г. – С. 97-104.
9. Лихачев Д.С. Экология культуры // Лихачев Д.С. Культурология : избранные труды по русской и мировой культуре. – СПб. : Изд-во СПбГУП, 2006. – 448 с.

Прологомены российского цивилизационного проекта

Горбачев М.В.

МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры российской политики факультета политологии, доктор политических наук

ussr-86@mail.ru

Аннотация: распад Советского Союза стал началом политического времени, характеризующегося длительной беспроектностью. Отказ России от поддержания проекта «Советской цивилизации» не сопровождался созданием и реализацией новых масштабных планов. Напротив, на протяжении 1990-х гг. все «большие проекты», которые могли бы быть воплощены в жизнь, конструировались, преимущественно, на идейно-теоретическом уровне. Они не получали поддержки со стороны властных субъектов, которые обладали необходимым объемом ресурсов. Интеллектуальные проектные поиски, без возможности применения их результатов в практической плоскости, осуществлялись в рамках научно-теоретических, литературно-просветительских, экспертных, образовательных и иных дискуссий. Анализ их содержания, рекомендаций и результатов позволяет выявить, пролегомены нового российского цивилизационного проекта XXI века - «Евразийского Союза». В статье систематизация обозначенных аспектов осуществлялась на основе методологического инструментария, сочетающего основные положения цивилизационной с принципами проектного подхода интерпретации политики.

Ключевые слова: цивилизационный политический проект, цивилизационное политическое проектирование.

Prolegomena of the Russian civilizational project

Gorbachev M. V.

Lomonosov Moscow state University, Faculty of political science, Department of Russian politics

Abstract: the collapse of the Soviet Union was the beginning of a political time characterized by a long period of absence of a Russian project for the Eurasian post. Russia's refusal to support the project of "Soviet civilization" was not accompanied by the creation and implementation of new large-scale plans. On the contrary, during the 1990s all the "big projects" that could be implemented were designed mainly on the ideological and theoretical level. They did not receive support from the authorities, who had the necessary resources. Intellectual project searches, without possibility of application of their results in a practical plane, were carried out within scientific-theoretical, literary-educational, expert, educational and other discussions. The analysis of their content, recommendations and results allows to reveal Prolegomena of the new Russian civilizational project of the XXI century - "Eurasian Union". In the article, the systematization of these aspects was carried out on the basis of methodological tools that combine the basic provisions of civilization with the principles of the project approach of policy interpretation.

Keywords: civilizational political project, civilizational political design.

Проект «Советской цивилизации» [1] активно реализовывался на протяжении всего XX века. Он содержал набор ценностей, которые являлись основой жизни советского человека во всех общественных сферах. Также он включал в себя ценности, которые были ориентированы на другие государства и общества, на всю человеческую цивилизацию. Кризис, а затем стремительный распад «Советского проекта» привел к девальвации его ценностных основ, к утрате их привлекательности как внутри советского общества, так и за его пределами. При этом на смену проекту «Советской цивилизации», на протяжении всего периода 1990-х гг., так и не пришел новый «большой проект», который был способен объединить общества и государства постсоветского пространства. Только в начале XXI века были более четко обозначены контуры нового масштабного проекта, предусматривающего объединение стран Евразийского пространства — «Евразийский Союз».

Обсуждение возможных параметров этого проекта происходило на протяжении первого десятилетия XXI века. При этом, вплоть до 2010 года, практические шаги по конструированию его институциональных политических основ практически не осуществлялись. В частности, в 2007 году были подписаны документы о создании Таможенного союза [2]. В 2009 году лидеры России, Белоруссии, Казахстана подписали Декларацию о формировании Евразийского экономического пространства [3]. Последующее развитие проекта также происходило в его экономическом измерении. Усилении полити-

ческой интеграции участников не наблюдалось. После 2010 г. попытки создания политических институтов наднационального уровня натолкнулись на сопротивление Республик Белоруссии и Казахстана. Особенно ярко это проявилось в период осенью 2013 года, когда большинство официальных лиц данных государств сделали официальные заявления о том, что политическая интеграция стран участников является преждевременной.

В настоящее время Евразийский Союз представляет собой масштабный политический проект цивилизационного уровня. Его структура состоит из двух основных частей: социокультурный фундамент и институциональная надстройка. Дизайн последней формируется исходя из набора ценностей его социокультурного фундамента. Какие предварительные идеи, замыслы, ценности формируют социокультурный фундамент проекта «Евразийский Союз»? Количественный и качественный анализ статей, книг, публичных речей государственных, политических и общественных деятелей, выступающих по проблемам интеграции евразийского пространства, позволяет сделать ряд предположений относительно цивилизационных пролегоменов [4] проекта «Евразийский Союз».

Идентификация цивилизационных пролегоменов проекта «Евразийский Союз» позволяет выделить три направления в их видении. Первое из них, связано с идеей равноправного участия всех стран в проектной деятельности: как на этапе конструирования проекта, так и на стадиях его реализации. Данная модель основана на отрицании существенных цивилизационных различий между государствами, которые входят в проект. Ее реализация подразумевает возобновление и поддержание интенсивного культурного диалога на евразийском пространстве, который существовал в предыдущие исторические периоды. Тем самым акцент делается на цивилизационном видении модели пролегоменов «Евразийского Союза»: религии, языке, образе жизни, традициях и обычаях народов евразийского пространства.

Второе направление, подразумевает идентификацию пролегоменов «Евразийского Союза» в контексте объединения бывших советских республик по образу и подобию Европейского Союза. Такая модель основана на стремлении сделать экономические связи между государствами более интенсивными. Цивилизационная составляющая в ней играет значительно меньшую роль уступая место экономической интеграции. Необходимо отметить, что западные эксперты увидели в подобной модели пролегоменов политического проекта «Евразийский Союз» попытку возрождения СССР [5]. В свою очередь отечественные специалисты считают, что такая модель отношений между странами постсоветского пространства способна создать новую общность государств и народов, международное объединение нового типа, которое не будет повторять институциональное развитие Советского Союза [6].

Третье направление идентификации цивилизационных пролегоменов политического проекта «Евразийский Союз» связано с его транзитным видением. А именно, как «моста и центра геополитического притяжения между Европой и регионами Тихоокеанской Азии» [7]. Транзитное измерение «Евразийского Союза» основано на ценностях неэкономической культуры. Она представляет собой новую цивилизационную модель, которая вырастает на информационной стадии индустриализма [8]. Основаниями данной модели выступают культурно-лингвистические ценности. В частности, язык как средство коммуникации между экономическими субъектами евразийского пространства: «материальной сцепкой» евразийской культурно-цивилизационной ценности остается русский язык как средство коммуникации, культурного обмена, функционирования наднациональных структур [9].

Таким образом, пролегомены «Евразийского Союза», как масштабного политического проекта современности, имеют несколько ключевых измерений: экономическое, цивилизационное, политическое. Цивилизационное измерение пролегоменов проекта содержит существенно больше теоретических обоснований, чем экономическое или политическое. При этом ценностные основания, составляющие социокультурный фундамент проекта и оказывающие влияние на характер формирования его институциональной надстройки, являются противоречивыми. Это связано с тем, что различные властные субъекты конкурируют между собой за собственные модели видения проекта, что порождает эффект «ценностной мозаики» или «ценностного калейдоскопа». В результате проектирование «Евразийского Союза» становится сферой конкуренции альтернативных цивилизационных политических проектов, которые при этом имеют общие идейно-теоретические пролегомены. Изучение обозначенных моделей пролегоменов российского цивилизационного проекта может осуществляться посредством комплексной методологии (цивилизационно-проектный подход интерпретации политики), сочетающей цивилизационный анализ с проектным подходом. Ее эвристичность связана с интерпретацией масштабных политических процессов, выявлением специфики, закономерностей, причин и последствий социаль-

но-политических трансформаций, протекающих на уровне глобальной архитектуры и миропорядка, глобального управления, лидерства и мирового господства.

Литература:

1. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. М.: Алгоритм, 2016. 1278 с.
2. Таможенный союз Белоруссии, Казахстана и России. Режим доступа. URL: <https://ria.ru/20130920/947249269.html> (дата обращения 25.12.2019).
3. Декларация о формировании единого экономического пространства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации. Режим доступа. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integ-r_i_makroec/dep_razv_integr/Documents/%D0%94%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%202010.pdf дата обращения 21.12.2019).
4. Мотрошилова Н. В. И. Кант: между «явлением» (Erscheinung) и «феноменом» (Phenomen) — от ранних работ к «Критике чистого разума» // Трансцендентальный поворот в современной философии (2): кантовское явление, его онтологический и эпистемический статус. М.: Фонд ЦГИ, 2017 С. 12-15.
5. Mankoff J. What a Eurasian Union Means for Washington // The National Interest. 2012. April. [electronic publication].
6. Тощенко Ж.Т. Постсоветское пространство: как жить вместе, живя врозь // Диалог культур в условиях глобализации: XII Международные Лихачевские научные чтения, 17–18 мая 2012 г. Т. 1: Доклады. СПб.: СПбГУ, 2012. С. 216-222.
7. Боровский О. Запад есть Запад, а Россия есть Восток // Украина Молода. 2013. Июнь. [electronic publication].
8. Нехорошков А.С. Россия как новый вектор мирового цивилизационного развития // Роль регионов в условиях цивилизационного выбора России: исторический опыт, проблемы, перспективы». Уфа.: Мир печати, 2013. С. 214-218.
9. Егоров В.Г., Савина О.В. Общая культурно-цивилизационная основа – фактор реинтеграции постсоветского сообщества // Обозревать-Observer 2012. № 12. С. 42-51.

Гронский А.Д.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, кандидат исторических наук, доцент

agr1976@yandex.ru

Аннотация: Цивилизационная идентичность не является чётко определенной категорией. Признаки её определяются по-разному. Можно предположить, что одним из признаков цивилизационной идентичности является оценка войн, которые воспринимаются либо как «свои», либо как «чужие». Особенно это касается Отечественных войн.

Ключевые слова: цивилизационная идентичность, война, Великая Отечественная война, Россия, Украина, Белоруссия

Attitude to wars as an indicator of civilizational identity.

Gronsky A.D.

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.

Abstract: Civilizational identity is not a clearly defined category. Its features are defined differently. We can assume that one of the signs of civilizational identity is the assessment of wars that are perceived either as «their own» or as «foreign». This is especially true of the Patriotic wars.

Keywords: civilizational identity, war, Great Patriotic war, Russia, Ukraine, Byelorussia

Термин «цивилизационная идентичность», как «наиболее широкая и обобщенная категория в ряду иных социокультурных идентичностей» не только универсален, но и многозначен [4]. Именно поэтому, рассуждая о цивилизационной идентичности, можно столкнуться с альтернативными представлениями о ней. В каких формах выражается цивилизационная идентичность, что является её критериями, где она заканчивается, существует ли цивилизационная идентичность конкретной локальной цивилизации на территории, где располагается иная локальная цивилизация, относить ли к конкретной цивилизационной идентичности сторонников иной локальной цивилизации, или эти сторонники являются носителями менталитета «своей» цивилизации, но «деформированного» под воздействием каких-либо условий. Всё это говорит о том, что рассуждения о цивилизационной идентичности могут быть достаточно спорны и критикуемы.

Носителей той или другой идентичности отличает от других ценностно-оценочная оптика, которая используется для маркировки происходящих или происходивших событий, поведения различных персонажей, проявлений активности или пассивности и т.д. Одним из важных признаков принадлежности к определённой цивилизации можно считать оценку вооружённых конфликтов, особенно конфликтов глобального масштаба. При этом похожая оценка может существовать среди носителей различных цивилизационных идентичностей по причине, например, общего участия в конфликте на одной и той же стороне. Но оценки в таком случае будут похожи, но не идентичны. Например, оценки Второй мировой войны в России и США.

Границы территории, которую занимают носители русской цивилизационной идентичности в настоящее время оспариваются. Это вполне логично, поскольку, учитывая то, что современная Россия является правопродолжателем Советского Союза, остаётся непонятным, как стоит рассматривать нынешний лимитроф: как часть русской цивилизации, или же получившие политическую самостоятельность бывшие союзные республики поменяли свою цивилизационную идентичность. В отношении некоторых молодых локальных государств выводы можно сделать однозначные, т.к. в них наблюдается достаточно конкретная смена цивилизационной идентичности, переформируются представления о героях и антигероях, оставивших след в формировании или уничтожении локальной самости. При этом нужно учитывать, что как новые, так и старые идентичности могут базироваться не на объективных данных, а на пропагандистских клише, временами достаточно примитивных.

Территориями, сменившими свою цивилизационную идентичность, однозначно можно назвать республики Прибалтики. При этом стоит помнить, что в советское время часть жителей прибалтий-

ских республик оставалась латентными носителями не общих представлений, а собственных, близких к европейским.

Получившие независимость после распада СССР Украина и Белоруссия, напротив, достаточно органично входили в общий цивилизационный контекст. Пожалуй, за исключением части населения Западной Украины, где была своя специфика, которая влияла на ситуацию. Долгое нахождение территории нынешней Западной Украины в составе Литвы, Польши, а потом и Австрии (с 1867 г. Австро-Венгрии) наложило отпечаток на самосознание населения. Принадлежащая к западной цивилизации Австро-Венгрия подталкивала своих подданных перенимать и возвращать западную цивилизационную идентичность. Однако, если бы эта идентичность широко распространилась бы, вряд ли бы в Австро-Венгрии сформировалось мощное движение галицких русофилов или москвофилов, как их называли противники из украинского националистического лагеря.

При этом, украинское самосознание не такое старое. Оно получило относительно широкое распространение только в XX в. Если вспомнить ситуацию в Галиции в период Первой мировой войны, то окажется, что местное население, находившееся в подданстве Австро-Венгрии, было достаточно русофильски настроено, что повлекло за собой геноцид русинов в период Первой мировой войны. Эти репрессии серьезно подорвали русскую цивилизационную идентичность на западных землях бывшей когда-то окончательностью Древней Руси.

Отношение к прошлому выступает как фактор заявления о собственной цивилизационной идентичности человека. На пространстве той или иной цивилизации, вне зависимости от современных государственных границ, производятся одинаковые или очень похожие оценки тех или иных событий прошлого. Особенно актуальным является отношение к войнам, т.к. именно войны дают почву для формирования представлений о чести, долге, героях, предателях, врагах и т.д. Т.е. войны могут конструировать смыслы. Современные примеры показывают, как на периферии разрывается некогда общее пространство русской цивилизации. То, что было общими ценностями для подданных Российской империи или граждан СССР, иногда остаётся достоянием лишь нынешней России. Украина активно вырабатывает на государственном уровне прямо противоположные оценки Великой Отечественной войны, причём, нужно заметить, даже не западные оценки, которые осуждают сотрудничество с нацистами, а собственные, где участие в националистических формированиях, проводивших геноцид поляков или евреев, воспринимается как борьба с нацизмом. О сотрудничестве с нацистами украинских националистов периода Второй мировой войны говорят и документы [2, с. 101–125].

В Белоруссии также наблюдается попытка объявить Великую Отечественную войну чужой. При этом стоит обратить внимание, что переименованием Великой Отечественной войны в советско-немецкую занимаются антиросийски настроенные лица, т.е. те, кто явно ментально не принадлежит к русской цивилизационной общности. Общие ценности постепенно размываются, но массовое сознание прочнее, чем политические институты, хранит общую цивилизационную идентичность. Однако попытки определить эту войну как чужую для белорусов предприняла сама белорусская власть. В октябре 2019 г. белорусский президент дважды назвал Великую Отечественную войну «не своей» и «чужой» [3, 5]. Белорусская оппозиция одобрительно отозвалась о такой смене парадигмы, но обычные люди как в Белоруссии, так и в России в массе очень негативно отнеслись к подобным заявлениям, что вынудило пресс-секретаря президента оправдывать его, утверждая, что фразу о «чужих» войнах вырвали из контекста и не так поняли [7].

В Белоруссии версия отрицания Великой отечественной войны как своей всё же широко не распространена. И неудачная попытка отчуждения от «своей» Отечественной войны власти только подтвердила это. В Белоруссии применяется другой приём. Война из общей постепенно становится сугубо белорусской. То, что на визуальном уровне может показать единство, заменяется сугубо национальными символами. Например, в 2014 г. на фоне украинских событий была предпринята неудачная попытка запретить использование георгиевской ленточки. В 2015 г. вместо неё введен собственный аналог на красно-зелёной ленте. Вместо «Бессмертного полка» появилась «Беларусь помнит» [Подробнее об этом см.: 1]. Даже школьные учебники по истории Белоруссии не говорят о Великой Отечественной войне в целом, представляя «Белорусскую Отечественную войну» [6].

Таким образом, отношение к самому значимому событию общего прошлого из XX в. постепенно теряет цивилизационное единство, что влечёт за собой дальнейшее расхождение на уровне мировоззренческих оснований, переход Белоруссии и Украины к другой цивилизационной идентичности или выработке собственной цивилизационной идентичности.

Литература:

1. Гронский А.Д. Формирование новых символов Победы в Белоруссии // Общество и этнополитика: материалы Междунар. научн.-практ. конф. / Под науч. ред. Л.В. Савинова. В 3 ч. Ч. 3. Новосибирск: Издво СибАГС, 2015. С. 34–42.
2. Дюков А. Второстепенный враг. ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса». М.: REGNUM, 2008. 152 с. С. 101–125.
3. Интервью информагентству «Хабар» (21.10.2019) // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/intervju_informagentstvuxabar_22238/ (дата обращения: 2.02.2020).
4. Кондаков И.В. Цивилизационная идентичность России: сущность, структура и механизмы // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 282–304.
5. Крят Д. Лукашенко: никакого бряцания оружием // SB.BY. Беларусь Сегодня. URL: <https://www.sb.by/articles/lukashenko-nikakogo-bryatsaniya-oruzhiem.html> (дата обращения: 2.02.2020).
6. Фомин-Нилов. Беларусь и Россия теряют консенсус по истории Великой Отечественной войны // Евразия Эксперт. URL: <https://eurasia.expert/belarus-i-rossiya-teryayut-konsensus-po-istorii-vov/> (дата обращения: 2.02.2020).
7. Эйсмонт: слова Лукашенко о «не наших войнах» вырваны из контекста // Sputnik Беларусь. URL: <https://sputnik.by/politics/20191104/1043167054/EysmontslovaLukashenko-o-ne-nashikh-voynakh-vyrvany-iz-konteksta.html> (дата обращения: 2.02.2020).

Фундаментальные составляющие русского цивилизационного кода

Гуцалов А. А.

Южный филиал Российского института природного и культурного наследия имени Д. С. Лихачева (Краснодар), ведущий научный сотрудник, кандидат философских наук

Gutsalov_alex@mail.ru

Аннотация: Существующее в исследовательской литературе противопоставление формационного и цивилизационного подходов при внимательном подходе трансформируется в признание их необходимой взаимосвязи. Также должны быть преодолены как отказ от идеи общечеловеческой сущности русской цивилизации, так и попытки свести базисные основы русской цивилизации к определенным религиозным системам (в частности, русскому православию). Русской цивилизации необходимо вернуть статус гаранта общечеловеческой идеи на уровне сущностных ее основ при сохранении внешнего культурного разнообразия. Сущность русского цивилизационного кода заключена во взаимосвязи идентификационных имеющих значимый общечеловеческий характер основ на уровне индивидуального и общественно-го сознания, фундированных ими ценностей и возвышающимся над этими основаниями разнообразием культурных форм.

Ключевые слова: цивилизационный подход, формационный подход, локальные цивилизации, общечеловеческие цивилизации, русский цивилизационный код, культура, идентичность, ценности.

Fundamental components of the Russian civilizational code.

Alexander A. Gutsalov

Southern branch of the Russian Research Institute for the Cultural and Natural Heritage

Abstract: The existing in the research literature opposition between the formational and civilizational approaches is transformed by a careful approach into a recognition of their necessary relationship. The rejection of the idea of universal essence of Russian civilization and attempts to summarize the basic foundations of the Russian civilization to a certain religious systems (in particular, Russian Orthodoxy) must be overcome. Russian civilization must return to the status of the guarantor of the universal idea at the level of its essential foundations while preserving the external cultural diversity. The essence of the Russian civilizational code lies in the interrelation of identification bases with a significant universal character at the level of individual and social consciousness, the values founded by them, and the diversity of cultural forms that rise above these bases.

Keywords: civilizational approach, formational approach, local civilizations, universal civilizations, Russian civilizational code, culture, identity, values.

1. Существуют два основных подхода к анализу общества, к историческим явлениям – цивилизационный и формационный. В последнее время часто приходится слышать о смене формационного подхода цивилизационным. Это мне представляется не совсем верным. Именно очередная смена формационного развития общества и вызвало столь явную актуализацию интереса к цивилизационным проблемам. Это инспирировано, прежде всего, явным несоответствием свершившихся формационных изменений самому духу русской цивилизации. Именно в связи с этим и вопросы цивилизационной определенности (и, без сомнения, коррелирующей ей теме выбора нового, более органичного цивилизационным основам русского бытия формационного пути развития) встали со всей остротой в настоящее время. Поэтому сопряженность подходов формационного и цивилизационного остается актуальной и ныне, и они должны рассматриваться именно в совокупности и взаимосвязанности.

2. Цивилизационный подход, как правило, рассматривается с двух основных точек зрения: 1) точки зрения локальных цивилизаций (Н. Я. Данилевский, П. А. Сорокин, А. Тойнби, О. Шпенглер и др.) и 2) точки зрения общечеловеческой цивилизации (Д. Белл, О. Тоффлер, З. Бжезинский). Многие отечественные ученые (Т. В. Беспалова, В. А. Щипков и др.) склоняются к принятию первого подхода как более соответствующего реалиям настоящего дня. Это вызвано и определенной дискредитацией идей общечеловеческого сообщества все более распространяющимися и захватывающими целые

международные регионы идеями либерализма, либертарианства, постчеловеческого сообщества, трансгуманизма [1]. Общечеловеческое стало выразителем принципиально не- (или пост-) человеческого, что, разумеется и порождает такую негативную окраску самих идей общечеловеческого. «Стало понятно, что необходимо отказаться от мифов о безбрежных «естественных» правах, об абстрактном и никогда не существовавшем «общечеловеке», - заменив все это обычными христианскими истинами и реальными людьми из души, плоти и крови. Теми, которые горели в танках, молились в храмах, писали прекрасную музыку и сохранили нашу страну и нас самих», - писал В. А. Щипков [2, с. 4-5]. Хотя этот же автор сразу ставит вопрос: «...почему для русской традиции так важны идеи равенства и братства, хотя на бывшем «Западе» эти два понятия слова давно стерли со знамени либеральной революции, оставив лишь свободу, которая превратилась в ничего не значащий ярлык» [2, с. 4]. Разве не из общечеловеческого сознания, которое столь живо и столь явно проявлено в русском национальном самосознании, происходит эта тяга к общему братству, равенству и единству? Нам не следует столь небрежно относиться к общечеловеческой идее, чтобы не выплеснуть из таза вместе с грязной водой и самого ребенка. Хотя идея общечеловеческого признавалась еще Н. Я. Данилевским за некую ненужную и пустую абстракцию, тем не менее, считаю необходимой задачей реанимацию общечеловеческой идеи, избавленной как от небрежного сведения к пустоте бессодержательных абстракций, так и от ее искаженных либеральных и постчеловеческих трактовок и интерпретаций. Без и вне этой идеи нам станут недоступны для понимания глубины русского духа. Он в связи с этим может быть сведен к одному из многочисленных цивилизационных образований (по сути, являющимся одной из форм культурно-исторического типа единства).

3. Имеющее в теории общечеловеческой цивилизации место разделение стадий на доиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную (информационное общество) полагаю также поверхностным схватыванием данной проблематики. Оно не выражает сущностные базисные вопросы общечеловеческой цивилизации, игнорирует вопросы фундаментальных идентификационных основ человеческого сознания (индивидуального и общественного).

4. Из отказа от такого уровня рассмотрения и происходят систематические попытки свести глубокие цивилизационные подходы к неким культурным формам их проявленности, в частности, к ставшей в последнее тысячелетие государственной религии Руси – православному христианству. Но не православное христианство задает глубины цивилизационного самоопределения народа России, а совсем наоборот, это устойчивые и имевшие место до принятия христианства цивилизационные основы духа русского народа и задали особый вектор восприятия и развития самого православия. Для того чтобы избежать опасности сведения цивилизационной основы к внешним культурным формам ее проявленности, нужно выявить ее базисные составляющие.

5. В основе цивилизационного самоопределения лежит, прежде всего, идентификационная система народа, которая, в свою очередь, фундирует всю ценностную архитектуру. И только затем формируется все многообразие культурной явленности, которая понимается и интерпретируется только на основе идентификационных и ценностных основ. Вот почему, мною отвергается идея сведения русской цивилизации к неким религиозным культурным образованиям. Они (так случается) время от времени меняются, но при этом остаются неизменными сами идентификационная и надстроенная над ней ценностная системы. Кроме того, принятие определенной религии в качестве фундирующей русскую цивилизацию основания неизбежно породит идеи «России только для русских» (причем православных христиан). А куда мы станем относить других граждан России – мусульман, буддистов, последователей индуистских, китайских и японских и иных культов?

6. Под цивилизацией я понимаю «фундаментальное социально-историческое образование, имеющее свой идентификационный стержень в базисной структуре идентичностей и надстраиваемой над ней системой ценностей. Культура ... полностью определена данной структурой и определяет лишь формальную сторону цивилизации» [3, с. 3]. Говоря аристотелевским языком, идея цивилизации задана особенной архитектурой идентичности, свойственной человеку в данном обществе и вырастающей на ней системой ценностей, а ее эйдос выражен культурными формами. И наша задача – не свести идею к эйдосу, а выявить идею через явленный эйдос.

7. Именно поэтому ни язык, ни религия (тем более заимствованная из иных этнических и

цивилизационных источников), ни некие характерные черты русского характера, вырванные из общей связи с другими чертами, не могут являться аутентичными выразителями идеи русской цивилизации. Попытки свести ее к православной религии неприемлемы еще и с той точки зрения, что таким образом осуществляется операция по религиозному обрезанию исторической памяти русского народа, имеющим гораздо более глубокую историческую древность, уходящей в глубины и дохристианского времени.

8. Считаю принятие теории локальной цивилизации в контексте рассмотрения русской цивилизационной идентичности также неприемлемым из-за ее несоответствия принципиальной неограниченности, вселенскости, всеобщей соборности русского духа. Русская цивилизация стала осознавать себя особой цивилизацией именно на фоне появления агрессивных культурно-исторических образований, которые своей идеологией угрожали фундаментальным основам русского духа. Русский народ как носитель идеи всеобщего общечеловеческого единства (не отменяющего, а наоборот, предполагающего при этом разнообразие культурных форм) мог осознать себя отдельной цивилизацией только на фоне таких образований, которым претила идея общей соборности. Все т.н. западные типы цивилизаций возникли как отрицающие идею всеобщей справедливости, общего блага, равноценности всех перед Всевышним, насаждая идеи избранности, исключительности и своего права верховодить в этом мире над всеми иными народами. «Выделение некоей особой русской цивилизации – это вынужденная попытка русского мира в очередной раз спасти всеобщее единство и братство человечества путем сохранения базисных действительно общечеловеческих ценностей и системы идентичностей и сопровождающего ее процесса идентификации» [3, с. 3].

9. Базисная идентификационная структура проявлена на уровнях индивидуального и общественного сознания. Если мы говорим о русском народе как носителе общечеловеческой идеи, создающем основы для равноправного сообщества человеческих культур, то и сам человек должен быть принят во всей своей целостности. Не должно быть противопоставления рациональности и совести, интуиции и рассудка, веры и разума, этого мира и мира горнего, материальности и духовности. Сам раскол русского духа на западничество и славянофильство в 19-м веке был противоестествен русскому духу. Идентификационная структура русского человека и общества включает в себя отнесение к полноценному человеческому существу со всеми способностями, данными природой, затем с родом, этносом, нацией, религией, родиной (малой, великой и общечеловеческой), с высшей божественной реальностью, выходящей за пределы всего этого мира и включающего его в себя. Ни одна способность человеческого существа и ни одна составляющая не должна быть в приоритетном положении. Базисным в этой идентификационной системе выступает именно взаимосвязь индивидуальных способностей и социальных идентичностей. Любое возвышение какой-либо составляющей порождает дисгармонию и разрушает целостность человеческого (русского) духа. Любая элиминация данных идентичностей также неизбежно вызовет деструктивные искажения. Например, изъятие духовной составляющей (соединяющей человеческое индивидуальное сознание с всеобщим Единым Духом) совершенно логично трансформирует идею общечеловеческого единства либо в бессмысленную абстракцию (в смысле Данилевского и Щипкова), либо в извращенную форму единства глобализма с его радикальной негацией в отношении этнических, половых, родовых и иных типов идентификационных взаимосвязей. Усиление акцента на, допустим, гражданской идентичности в ущерб другим составляющим сделает общество крайне неустойчивым, способно породить настроения ура-патриотизма, национальной спеси или спровоцировать легкий отказ от одной гражданской идентичности в пользу другой. Формально при такой смене ничего не меняется. Таким образом, главным в общей структуре идентичностей человека русского мира выступает целостность и взаимосвязь между всеми его элементами: человек (со всей гармонией его способностей), семья, род, этнос, народ, нация, культурно-цивилизационное образование, человечество, живые существа, природа, духовность (включающей в себя врожденность человека со всем набором его идентификационных связей в единство Духа, Бога).

10. Задача современного цивилизационного подхода к формированию русского мира заключена в возвращении человеку взаимосвязанной системы способностей человеческого сознания и всей полноты его социальных и духовных традиционных идентичностей. Учет общечеловеческого характера русской цивилизации приводит к обоснованию идеи отношений разных человеческих цивилизаций не в смысле конфликтных отношений (как это представлено С. Хантингтоном) или диалога (как это

i Сведение цивилизационного подхода к культурно-историческим типам не дает возможность понять и принять эту идею

описано А. Панариным), но как постепенное единение цивилизаций на уровне сближения на уровне их базисных основ при сохранении внешнего культурного разнообразия их форм. Основу для этого единения как раз и призван задать сохранившийся на протяжении многих тысячелетий именуемый в настоящее время русским цивилизационный код.

Литература:

1. После человека. Идеология и пропаганда трансгуманизма в современном мире. Доклад русской экспертной школы. Ред.-сост. В. А. Щипков. М.: Русская экспертная школа, 2018. – 156 с.
2. Щипков А. В. Социал-традиция. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017. – 320 с.
3. Гуцалов А. А. Русский цивилизационный код – идентичность, ценности, культура // Культурологический журнал, 2016, 4/26. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-tsivilizatsionnyy-kod-identichnost-tsennosti-kultura/viewer> (дата обращения 01.03.2020).

Социокультурный ландшафт современной России: образы будущего

Денисов Н.Г.

Краснодарский государственный институт культуры, заведующий кафедрой истории, культурологии и музееведения, доктор философских наук, кандидат исторических наук

ngdenisov@gmail.ru

Аннотация: Человечество вступило в новую эпоху осмысления собственного предназначения, о чем свидетельствует общепланетарная антропогенная катастрофа, вызванная, по мнению ряда экспертов, пандемией искусственного коронавируса, когда плоды научных изысканий вернулись бумерангом для землян. Данная социокультурная трагедия обнажила все изъяны гуманитарного тупика, обострила прежние и высветила новые внешние и внутренние противоречия на государственном и цивилизационном уровнях. Новый мировой технологический порядок вошел в конфликт с первородной идеей *homo sapiens*. Эта общечеловеческая проблема, поднятая учеными, взыскует быть услышанной правителями мира.

Ключевые слова: культурный ландшафт, социокультурное развитие, цивилизационное пространство, идея человека.

Russia's Sociocultural landscape of modern Russia: images of the future.

Denisov N.G.

Krasnodar State Institute of Culture

Abstract: Mankind has entered a new era of comprehending its own destiny, as evidenced by a planetary anthropogenic disaster, caused, according to some experts, by the artificial coronavirus pandemic, when the fruits of scientific research returned as a boomerang for earthlings. This sociocultural tragedy exposed all the flaws of the humanitarian impasse, exacerbated the former and highlighted new external and internal contradictions at the state and civilizational levels. The new world technological order came into conflict with the original idea of *homo sapiens*. This universal problem, raised by scientists, seeks to be heard by the rulers of the world.

Key words: cultural landscape, socio-cultural development, civilizational space, human idea.

Как свидетельствует социально-историческая практика, в преддверии каждого нового десятилетия ученые, политики, разного рода аналитические центры, экстрасенсы и фантасты, как правило, заболевают «футуровирусом» по предсказаниям о будущем развитии человечества. Не исключением является канун третьего десятилетия, насыщенный интеллект – презентациями глобальных мегапроектов и сценариев, поражающих воображение эксплуатацией новейших технологий в решении судеб землян. Следом за доктринами об информационном и технотронном обществе в центр внимания мирового сообщества выдвинулась концепция «трансгуманизма», сопровождаемая международным движением, преследующим цели «усовершенствования» (читай - устранения) человеческого существования, «... которые трансгуманисты считают нежелательными – страданий, болезней, старения, и даже смерти»[1].

Исследователи трансгуманизма и «нетократии», как повествует издание с футуристическим названием «Завтра», манифестируют архитектуру новой эпохи под условным названием «неосоциогенеза», предполагающей три этапа трансформации глобального социума: «трансчеловечества», преследующего цели изменения вида *homo sapiens* путем использования технологий «генной инженерии»; «постчеловечества», предполагающий интеграцию организма *homo sapiens* с неорганическими компонентами нано-, микро- и макромасштабов; «альтчеловечества», на котором планируется создание искусственных систем, обладающих свойствами самосознания и саморазвития, что именуется ныне ИИ – искусственным интеллектом.

Группа ученых разных направлений, представляющих тринадцать западных научных и статистических центров, включая США и Россию, опубликовали в минувшем году системный отчет, прогнозирующий в том числе расщепление человечества на виды. Из него следует, что через 20-30 лет генное редактирование, синтетическая биология и нанороботы, действующие внутри кровеносной системы человека способны будут применять «медицину для избранных» с продлением жизни для них до 150 лет. В эти же сроки появятся киборги как результат биотехнологической интеграции

человека и компьютера. Согласно консенс – прогнозу через 50 лет глобалпроект расщепления людей на виды приведет к появлению на планете примерно одного миллиона «сверхчеловеков» и 500 миллионов киборгов «среднего класса», обеспечивающих инфраструктурные нужды мировой «техноэлиты». Нынешние процессы цифровизации, чипирования, штрих-кодирования, представляют собой технотактику в преддверии видовой селекции [2].

Представленные трансчеловеческие перспективы являются по сути надрасовыми, надцивилизационными, наднациональными, надгосударственными, асоциальными, аполитичными и в целом контркультурными по отношению к людям. Вытеснение человека из своей первозданной социальной природы становится прежде всего противоестественным и аморальным деянием. Данный нравственный аспект будет относиться к «модераторам» изменения человеческого культурного кода и социокультурного ландшафта в целом.

Как свидетельствует историческая практика, большие социальные, природные и биологические потрясения, вызванные стихийными бедствиями, социальными потрясениями, войнами, в том числе тотальными эпидемиями, заставляют человечество, его институты, ученый мир, правителей задуматься о смыслах дальнейшего развития и существования в принципе этого разноликого, многообразного, во многом противоречивого биосоциального образования, под названием «мировое сообщество», перенаселившем ныне планету Земля. Пожалуй, коронавирус, как научный продукт человеческой мысли, возвращает бумерангом научному сообществу возможность нахождения точки бифуркации самой человеческой жизни, чтобы правители и народы государств определились о своем бытии/небытии.

Универсальным критерием социального катарсиса в современной российской ситуации становится обращение к человекотворческой функции культуры, как общепризнанной в научных кругах и проверенной мировой практикой. Таким образом, социокультурный ландшафт, как планетарный, так и российский выдвигается на первый план в решении нынешних кризисных проблем.

В этой связи актуализируются не только понятия «культурный», «социокультурный ландшафт», но и их глубинный смысловой дискурс на национальном, цивилизационном и общечеловеческом уровнях. Родовое понятие «ландшафт» исходит от географической науки, отражающей природный потенциал. Однако, усложнение социокультурных, общественно – экономических и экологических процессов во второй половине XX века позиционировало системное понимание этого термина как социокультурную и природную составляющие ландшафта в их органическом единстве, являющихся одним из фундаментальных условий социально – экономического развития государства. В данном универсальном смысле «современная наука изучает культуру и географическое пространство в их единстве» [3], что «свидетельствует о культурном «преображении» природы и его роли в формировании неповторимого культурно - природного ландшафта» [4].

В социальном контексте антропогенный и культурный ландшафты носят взаимосвязанный и взаимозависимый характер, однако направленность их функционирования и действия могут находиться как в гармонии, так и в конфликтном состоянии. Антропогенный фактор во многом является субъективным и в этой связи может быть как созидающим, так и разрушительным. История знает немало примеров, подобных трагической судьбе Пальмиры – сирийского города – памятника. Таким образом, гармония социального, культурного и природного ландшафта во многом зависит от представлений и мировоззрения конкретного общества и общекультурного уровня людей его населяющих. То есть системные смыслы ландшафта предполагают определенный уровень витальной культуры и право граждан на свою аутентичную среду обитания.

В тоже время апокалиптические прогнозы по устранению человеческого рода технологической «контрреволюцией» исключают такие права народов мира и взыскивают подъем витальной культуры как животворной основы социокультурного ландшафта, базирующегося на мировоззренческой позиции его населения, границы которого «модераторами» нового мирового технологического порядка пока не обозначаются, что вызывает обоснованные опасения у людей.

Перспективы развития российского ландшафта, обладающего самым богатым социокультурным и природным потенциалом, представляются нам в следующих футуристических обобщениях и образах:

– выбор дальнейшего жизнеустройства российских народов должен определяться правителями историко-культурным, почвенным, аутентичным для каждого этноса и конфессии подходами, в рамках

евразийского пространства – цивилизационного (общероссийского) мира и русского языка;

– данный выбор рождается на многовековой ценностной основе совместно проживающих народов, фундаментом которых являются проверенные временем и пространством соборность, общинность, державность, коллективизм, любовь, дружба, преданность единому Отечеству, а высшей ценностью остается человек и его общероссийский образ жизни евразийской цивилизационной идентичности;

– базовые ценности дополняются перечнем этнокультурных ценностей народов единого цивилизационного ландшафта и принимаются общегражданским (соборным) договором - Конституцией в качестве признания существования и развития евразийского государства - цивилизации.

На фоне распрей внутри Евросоюза, несправившегося с пандемией коронавируса, дезинтеграцией межгосударственных отношений и межцивилизационных связей, неустойчивой мировой социально- политической и финансово – экономической системой, торговых, ресурсных, «гибридных», информационных и психологических войн, предложенные обобщения и образы по очищению российского ландшафта в недалеком будущем вполне могут стать реальными при наличии государственной воли в осуществлении катарсиса по широкому фронту внутренней культуры: ценностной, социальной, административной, нравственной, экономической, демографической, политической, гражданско–патриотической, экологической, коммуникационной, семейно – бытовой.

В целях возврата подлинного народного доверия ко всем уровням власти предстоит прежде всего преодолеть демографический и экономический кризис; лишить в общественном мнении статуса элиты олигархат и чиновничество и наделить им человека труда; вернуть из оффшорных зон нажитые «непосильным» трудом валютные сбережения доморожденных «граждан мира»; национализировать природные богатства, ключевые производства и стратегические объекты жизнеобеспечения; «обнулить» устаревшее значение понятия «новые русские» и устранить из социального обихода деление общества на элитные касты, ранги, кланы и т.д.; создать адекватные условия для формирования социально ответственного «среднего класса»; вернуть лучшие традиции в систему образования, внести в нее «вакцину» нравственного воспитания, исключить Болонскую систему, ОГЭ и ЕГЭ, а так же многие другие евростандарты, противоестественные отечественной ментальности.

Из вышеизложенного следует три основных вывода. Человечество не извлекло многие исторические и социокультурные уроки из катаклизмов двадцатого века: «горячих» и «холодных» войн, эпидемий, стихийных и социальных бедствий, межнациональных конфликтов и территориальных притязаний. Не смогло оно взять под контроль и научные достижения разрушительного свойства. Эти опасения остаются в настоящем и представляют собой угрозу для будущего цивилизационного развития.

В тоже время «Закат Европы» О. Шпенглера в 1922 году и «Кризис современного мира» Р. Генона в 1927 году предупреждали народы и государственных деятелей о наступивших в XX веке социально – культурном и социально – политическом кризисах. В 2000 году свою скромную лепту в прогнозирование российского социокультурного ландшафта внес и автор в опубликованной «Идеология созидательного сопротивления распаду на рубеже XXI века» [5].

Во-вторых, идея русского человека и отечественной многонациональной цивилизации отражена Ф.М. Достоевским в «Дневнике писателя» со всей мощью его личностной гражданско-патриотической культуры: «Я сам буду стоять за целостность этой народной громады до последней капли крови, потому что это единственный хороший результат, приобретенный Россией тысячелетними своими стремлениями» [6].

Третий вывод в отношении современной России вытекает из самого определения системного кризиса как решительного поворота в сторону преобразования общества и государства. Его реализация при проявлении единой государственной и народной воли, вооруженной поправкой в новую редакцию Конституции РФ о верховенстве национального законодательства над международным, будет способствовать социокультурному преобразению России в осуществлении вековой мечты соотечественников о построении жизни по законам справедливости, истины, добра и красоты в своем исконном цивилизованном пространстве.

Этой благотворной гуманной идее служит отечественная мысль и настоящий научный симпозиум.

Литература:

1. Bostroom N.A.history of tvanshumanistthovght//Joumal of Erolution and Technology.2005.vol.14.
2. Газета «Завтра», №44, ноябрь 2019г.;
3. Лавренова О.А. «Культурный ландшафт: от Земли к Космосу» URLhttp//Lib.ist.su/node/1011.
4. НовосельскаяВ.В. «Культурный ландшафт как объект культурной политики» // Культурная жизнь ЮгаРоссии – 2020.- №1.-С.10-12.
5. Денисов Н.Г. «Идеология созидательного сопротивления распаду на рубеже XXI века». – Краснодар. 2000г, С.40.
6. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. –М.: «Азбука». 2019г.

Национальный модернизационный проект в условиях тотальной аномии

Ефремов О.А.

МГУ имени М.В.Ломоносова, философский факультет. Доцент кафедры социальной философии и философии истории, к.ф.н.

olaefr@yandex.ru

Аннотация: Данная статья посвящена проблемам отечественной модернизации. Утверждается, что, вопреки многочисленным возражениям, единственной эффективной формой организации общества в современном мире остается капитализм. А построение капитализма (модернизация) возможно исключительно в форме национальных модернизационных проектов, представляющих собой сочетание общекapиталистических принципов с учетом специфики собственной социокультурной среды. Западный проект, считающийся эталонным, переживает в данный момент тяжелый кризис, называемый нами тотальной аномией, означающей замену социальной нормативности альтернативностью, т.е. социальной нормы - ничем не ограниченным полем произвольно избираемых индивидом альтернатив. Но есть множество весьма удачных новых проектов. Отечественный проект не может быть копией ни одного из них, но должен основываться на анализе нашей социокультурной реальности. Обращается внимание на наличие в ней перспективных с точки зрения модернизации социальных моделей. В частности, модели «староверческого капитализма».

Ключевые слова: модернизация, национальный модернизационный проект, тотальная аномия, социальная норма, капитализм.

National modernization project in conditions of total anomy.

Efremov O. A.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy, Department of Social Philosophy and Philosophy of History

Abstract: This article is devoted to the problems of domestic modernization. It is argued that, despite many objections, the only effective form of social organization in the modern world remains capitalism. And the construction of capitalism (modernization) is possible only in the form of national modernization projects, which are a combination of General capitalist principles, taking into account the specifics of their own socio-cultural environment. The Western project, which is considered a reference project, is currently experiencing a severe crisis, which we call a total anomy, which means replacing social normality with an alternative, i.e., a social norm - an unlimited field of arbitrarily chosen alternatives by the individual. But there are many very successful new projects. The Russian project cannot be a copy of any of them, but it must be based on an analysis of our socio-cultural reality. Attention is drawn to the presence of promising social models in it from the point of view of modernization. In particular, the models of “old-faith capitalism”.

Keywords: modernization, national modernization project, total anomy, social norm, capitalism.

ⁱ История современности явно демонстрирует безальтернативность капитализма как единственной эффективной формы организации общества. Все успешные модернизационные проекты связаны с созданием той или иной разновидности капитализма. Вместе с тем, капитализм постоянно выступает объектом для критики. В этом, возможно, одно из его достоинств – ведь без критики невозможно исправить недостатки. Важно, что за пределы капитализма выйти все равно не удастся, а вышедшим приходится рано или поздно возвращаться обратно.

Отечественная интеллектуальная традиция особенно антикапиталистична. За редким исключением ее представители отказывались и отказываются признать капитализм в качестве цели социальных преобразований.

Подобную позицию мы можем наблюдать и сегодня, особенно в ситуации не очень удачной попытки ускоренной общественной либерализации 90-х гг. XX века.

ⁱ Статья написана при поддержке фонда РФФИ №18-011-00980 А «Социальная эволюция» и «прогресс» как категории номотетического знания»; Статья подготовлена в рамках ведущей научной школы МГУ «Трансформации культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление».

В обосновании неприемлемости капитализма для России можно выделить три линии. Первая связана с указанием на реальные проблемы капиталистического общества даже в его эталонном западном варианте - благо, оно дает для этого более чем достаточно оснований. Мы полагаем, что в данный момент западный капитализм переживает жесточайший кризис, который назван нами «тотальной аномией» [1]. Тотальная аномия представляет собой устранение социальных норм как таковых и замену нормативности альтернативностью, т.е. ничем не ограниченным полем произвольно избираемых индивидом альтернатив. Вторая линия, представляя капитализм исключительно западным феноменом, констатируется его чуждость отечественной социокультурной матрице. В последнее время формируется и третья, более осторожная, линия. В ее рамках признается возможность и даже эффективность капитализма вообще, не отрицается также и принципиальная возможность его построения в России (несмотря на социокультурное отторжение), но утверждается при этом, что отечественный капитализм будет ущербным, лишенным основных достоинств западного, но при этом воспроизводящим и усугубляющим его недостатки. Вторая и третья линия тесно связаны между собой, т.к. ущербность капитализма рассматривается в значительной степени как результат социокультурной чуждости.

Что касается первой линии, то ответом на нее может стать безальтернативность, отмеченная выше. Единственным основанием принятия данной линии может быть указание на отличный от капитализма вариант социальной организации, подтвердивший свою эффективность на практике, а не существующий исключительно в качестве отвлеченного прожекта. До сих пор же попытки придумать такую альтернативу напоминали изобретение квадратного колеса с уверением всех, что оно поедет гораздо лучше круглого.

Относительно второй и третьей линий стоит отметить, что капитализм отнюдь не однороден, а различен стадияльно и типологически, причем было бы ошибочно выстраивать типологию по шкале «от успешности к ущербности».

Последнее держится на целом ряде исследований капитализма, осуществляющихся, по крайней мере, с середины XX столетия и по сей день.

Первым этапом подобного рода исследований можно, вероятно, считать концепции «органичной» и «неорганичной» модернизации, популярные в социальной мысли сер.-вт. половины XX в. Органичной считалась модернизация Запада как якобы выступавшая компонентом естественной социально-исторической эволюции. Неорганичной – модернизация незападных обществ, инспирированная извне и означавшая коренное перекраивание аутентичной системы общественного воспроизводства по чужим лекалам. В принципе, подобное противопоставление в чистом виде уже принадлежит прошлому, ибо очевидно, что существенно преувеличивалась, с одной стороны, «органичность» западной цивилизации, а с другой – «неорганичность» незападной. Вряд ли в истории Европы был более кровавый и трагический период, чем формирование капиталистических отношений. Историки установили также, что во многих незападных обществах трансформации капиталистической направленности начинались осуществляться еще до активного западного вмешательства (игравшего в дальнейшем существенную роль в продолжении данных трансформаций).

Следующим этапом выступают различные теории «зависимого» развития. В отличие от западных по преимуществу данные теории возникали как раз в среде новых модернизирующихся обществ (в частности, латиноамериканских) и отражали определенное разочарование и протест их элит от достигнутых результатов модернизации и подчиненного положения в мировом сообществе. На наш взгляд, это можно считать констатацией особенностей конкретного этапа формирования глобального капиталистического сообщества, связанного с гегемонией в нем Западной Европы и Северной Америки. Данный этап вряд ли вполне закончился, однако сохранение гегемонии обеспечивается скорее накопленным ранее потенциалом, нежели перспективностью реализуемой в западной среде социальной модели.

Наконец, концепция ущербности незападного капитализма была оформлена в рамках «мир-системного» подхода, представители которого выделяли в капиталистической «мир-системе» ядро (с гегемоном во главе), «полупериферию» и «периферию». Все, на что могли рассчитывать незападные участники, – перебраться с «периферии» на «полупериферию». В целом, о «мир-системном» варианте можно сказать то же, что и о предыдущем, но стоит заметить, что тут уже предполагаются определенные изменения – как в «ядре» (смена гегемона), так и в «ущербных» сферах – возможность сменить периферийный статус на полупериферийный.

На наш взгляд, ничем не обоснована невозможность дальнейших изменений – например, перехода с «полупериферии» в «ядро», или формирования множества «ядер». Конфигурация современной «мир-экономики» и ее вероятная эволюция вызывает дискуссии даже среди самих «мир-системщиков» [2].

Мы полагаем, что во всех перечисленных концепциях смешиваются стадияльные и типологические характеристики капиталистических обществ. Типологически подобные общества можно поделить на постфеодальные (Западная Европа и Северная Америка) и постполитарные (весь остальной мир; теория политаризма была разработана Ю.И.Семеновым [3]). Постфеодальные раньше вступили на путь модернизации и достаточно быстро преуспели на этом пути. В случае с постполитарными обществами модернизация началась позже и в условиях уже сложившегося доминирования постфеодальных обществ. Неудивительно поэтому, что какое-то время постполитарные общества обречены на подчиненное, а то и зависимое положение в мировой капиталистической системе. Но это отнюдь не навсегда. Сегодня большинство исследователей констатирует «кризис Запада» и связывает будущее с незападными странами (Китаем, например). Действительно, уже можно констатировать, что постполитарный мир демонстрирует собственные модернизационные проекты, успешно конкурирующие с западным и представляющиеся значительно перспективнее последнего. Что особенно важно подчеркнуть, данные проекты, несмотря на своеобразие и даже уникальность каждого из них, являются капиталистическими по содержанию. Уникальность – важнейший момент. Ведь модернизация успешна только тогда, когда осуществляется в виде реализации национального модернизационного проекта, представляющего собой сочетание общекапиталистических принципов с учетом специфики собственной социокультурной среды. Причем, данная среда выступает не только в качестве ограничителя и препятствия, но и в роли источника успеха, неких специфических возможностей, которые могут быть использованы в процессе модернизации для построения собственной конфигурации капитализма, в чем-то более перспективной, чем иные. Простое заимствование обречено на провал; учет социокультурных особенностей – не только необходимость, но и возможное преимущество.

Последнее особенно стоит помнить тем, кто, отворачиваясь от кризисного Запада, предлагает искать образцы на Востоке. Любой опыт достоин изучения, но национальный модернизационный проект всегда уникален.

Как же обстоит дело в России?

По нашему мнению, модернизация России – один из примеров формирования постполитарного капитализма. Однако путь этот был весьма извилист и непрост. Начавшийся во второй половине XVII столетия, он вряд ли может считаться завершенным и поныне. Основной проблемой, предопределявшей извилистость и цикличность отечественной модернизации можно считать противоречие между императивностью осуществления изменений капиталистической направленности и необходимостью поддержания внутренней стабильности и внешней обороноспособности. Последнее приходилось обеспечивать за счет искусственной консервации политарных отношений, что неизбежно тормозило модернизацию [4].

При этом четкого целостного модернизационного проекта в России никогда не было. Реформы модернизационной направленности носили вынужденный и частичный характер. Но даже в подобных непростых условиях не только властные институты, но и сама «народная стихия» порождала модели, весьма перспективные с точки зрения модернизации. Данные модели, безусловно, необходимо изучать.

Одной из наиболее интересных, на наш взгляд, можно считать модель предпринимательства, сложившуюся во второй половине XIX – нач. XX вв. в Московском регионе и Поволжье. Часто ее называют «старообрядческим капитализмом». Но это верно лишь отчасти. Действительно, староверческие корни имеются (и это лишний раз подчеркивает ее аутентичный, народный характер), но в зрелом виде четкая конфессиональная ангажированность была преодолена. В последнее время обостряется интерес отечественных исследователей к расколу вообще и его экономическим аспектам в особенности [5][6][7]. При этом высказываются сомнения в возможности возрождения подобных предпринимательских традиций. Вопрос, действительно, сложный, но нельзя не признать, что выступая уникально русским явлением, данная модель по своей рыночной перспективности не уступала, а скорее всего и превосходила западные варианты. Здесь были сформированы особые принципы корпоративной ротации и солидарности, позволяющие поддерживать эффективность предпринимательской элиты и стабильность бизнеса, уникальные формы организации рабочего класса, специфические отношения труда и капитала, сочетание традиций и технического новаторства, то, что называется сейчас социальной ответственностью бизнеса. В этой же среде существовали навыки общественного самоуправления,

которые, к сожалению, не получили общероссийского распространения[8].

Не исключено, что многие из компонентов данной модели могли бы стать частью национального модернизационного проекта, создание которого - одна из важнейших задач и необходимое условие успеха отечественной модернизации.

Литература:

1. Ефремов О.А. Аномия как фундаментальное понятие социальной теории в условиях современного капитализма // Вопросы философии. 2019. № 1. С.35-38.
2. Завалько Г.А. Всемирная история глазами сторонников мир-системного подхода // Философия и общество. 1998. №5. С. 178-200.
3. Семенов Ю.И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. М.: Ленанд, 2019.
4. Ефремов О.А. Перспективы модернизации России в условиях усиления негативного внешнего давления // Философские проблемы когнитивных исследований. Т.2., Ульяновск, 2018. С.20-40.
5. Пыжиков А.В. Грани русского раскола. Тайная роль старообрядчества от 17 века до 17 года.- М.: Концептуал, 2016.
6. Расков Д.Е. Экономические институты старообрядчества. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012.
7. Керов В.В. «Се человек и дело его...»: конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства. М.: Изд-во «Эконом-Информ», 2016.
8. Ефремов О.А. Национальный модернизационный проект, или как избежать революционного хаоса и полицейского государства // Революция в России: Реальна ли угроза? 1917-2017. М.: ИД «Достоинство», 2018. С. 204-217.

Проектирование ценностного содержания культурной политики как основа интеграции социокультурных сфер и сохранения отечественных традиций

Закунов Юрий Александрович

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва. Руководитель отдела наследования культуры. Кандидат философских наук

zakunov.yuri@mail.ru

Аннотация: Повышение эффективности воспитания и осуществления традиционных духовно-нравственных ценностей зависит от достижения единства ценностного содержания в проектировании деятельности в художественной, этнокультурной, просветительской, научно-образовательной и информационной среде. Однако сохраняется расчлененное понимание культуры на разных уровнях как автономных сфер, непонимание внутренней объединяющей сути духовной природы вообще, и как следствие рассогласованность политики различных отраслей и ведомств. Важнейшим условием и средством реализации желаемой стратегии является выявление в отечественном духовно-философском наследии методологического основания для институционального объединения сфер культурной политики, проектирования и оценки ценностного содержания культурной деятельности, которое должно лечь в основу культурной политики вообще, предполагающее сопряжение и взаимодействие, где исключены несовместимые решения. В методологическом плане проектирование цельности может быть отражено категориями «данности», «заданности», «осуществления» как в отношении личности, так и социума.

Ключевые слова: проектирование культурной политики, цельность, цивилизационный подход, интеграция

Planning the value content of cultural policy as a basis for integrating sociocultural spheres and preserving domestic traditions.

Zakunov Yuri A.

Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhacheva, Culture Inheritance Department

Abstract: Improving the effectiveness of the upbringing and implementation of traditional spiritual and moral values depends on achieving unity of value content in the planning of activities in the artistic, ethnocultural, educational, scientific, educational and informational spheres. However, there remains a fragmented understanding of culture at different levels as autonomous spheres, a misunderstanding of the internal unifying essence of spiritual nature in general, and as a result, the inconsistency of the policies of various industries and departments. The most important condition and means of implementing the desired strategy is to identify in the domestic spiritual and philosophical heritage the methodological basis for the institutional unification of the spheres of cultural policy, design and evaluation of the value content of cultural activity, which should form the basis of cultural policy in general, involving linking and interaction, where incompatible solutions are excluded. In terms of methodology, the design of integrity can be reflected in the categories of "given", "mission", "realized", both in relation to the individual and society.

Keywords: planning of cultural policy, integrity, civilization approach, integration

Важным вопросом является проблема *объединения и управления сферой искусства, информации, образования, науки и этнокультурного развития как единого объекта культурной политики на основе единой методологии*. Обращение к отечественному культурному наследию и духовно-нравственным скрепам как опоре единства и суверенитета страны, начавшееся в начале второго тысячелетия, серьезно не затронула пока глубинных мировоззренческих основ, лежащих в фундаменте любой социально значимой деятельности. Особенно это касается приоритета материального/телесного над душевным, когда дух расчленённости, нецельности, расчета, выгоды, потребительства, ненасытности, сладострастия, зависти порождает в социуме обман, творческое бессилие, разрыв межпоколенных и семейных связей, социальную несправедливость, взаимное отчуждение и недоверие, а противоречия в управлении между словом и делом, формализм и декларативность, голое администрирование, необеспеченность пафосных патриотических лозунгов ярким качественным творческим контентом

приводят к девальвации патриотических и духовно-нравственных ценностей. Налицо угроза внутреннему духовному миру человека, связанная с агрессивным наступлением идеалов постмодерна, несущих деконструкцию, расчленение сознания, клиповость и некритичность мышления, превращение человека в легкий объект манипуляции, потерю доверия к любым источникам информации, уход в виртуальные миры, разного рода девиантному асоциальному поведению.

Не смотря на разнообразие отечественного философского наследия, оправдано говорить о целостной традиции, которая состояла во взаимообогащении рационального и религиозного способов освоения мира, органичном синтезе религиозно-православной традиции и лучших достижений общемировой научно-философской мысли. Его можно определить как ценностно-цивилизационный подход. Он позволяет объединить в силу самой природы духа и ценностей все аспекты культуры в единстве и многообразии: и в общезначимом мировоззренческом смысле; и в смысле отдельных структур социальных систем во всех сферах (экономической, политической, социальной, духовной) в лице её носителей – конкретных личностей, различных социальных групп (этнических, религиозных, статусных, демографических), социальных институтов, организаций, социальных отношений и взаимодействий разного уровня и вида; и в смысле процесса человеческой, прежде всего творческой художественной деятельности и сопряженных с ней индустрий и продуктов (результатов), и в смысле объектов культурного наследия; и в смысле просвещения (образования и воспитания) и развития наук; и в смысле совершенствования информационного пространства и имиджирования.

Сейчас имеет место несоответствие нормативов - формальных целевых показателей и критериев государственной культурной политики (ГКП) для культурного контента и деятельности самой природе культуры и искусству, которые духовны и целостны по своему предназначению и сути. Если объектом ГКП является сфера культуры, представляющая собой предельную общность и целостность «всех основных слоев исторического процесса» и социума, то инструменты её регуляции, контроля и оценки также должны быть целостны, всеохватны. Поэтому в основу эффективной ценностно-цивилизационной модели ГКП должен быть положен такой комплекс социальной регуляции и управления, который бы учитывал специфику духа и творческих сфер, мировоззрения и воспитания, национальных традиций, веры, исторического самосознания и памяти, неприкосновенность внутренней свободы личности, природу религиозности и художественного творчества.

Онтологизация истины, характерная для русской философской мысли и традиции, требует не отвлеченного абстрактного познания, но единства бытия и мышления, т.е. цельности. На общезначимом методологическом плане эта цельность может быть восполнена категориями «данности», «заданности», «осуществления»: как *данность* заложенных в человеке творческих сил и даров, как *заданность* идеала (первообраза), к которому они призваны, наконец, как его *осуществление* в разнообразных совершенных формах культурной деятельности, преобразующей мир и человека. На языке чувственно-конкретном цельность выражается в художественных творениях, образах искусства.

Чтобы соответствовать критерию цельности проектирование деятельности рассматриваемых институтов важнейших сфер культуры, разграничение между ними полномочий и компетенций предлагается осуществлять в следующих отношениях и функциях:

1. В отношении самого себя, то есть с точки зрения его относительной автономности и самобытия, специфики предметного содержания самой данной предметной сферы. Основные функции рассматриваемых институтов и сфер определяются в соответствии с ценностно-цивилизационным подходом и отечественной духовно-философской традицией. В частности это:

а) Художественная культура (искусство) особая сфера, главная функция которой подчиненна эстетическим законам чувств, образов и красоты, предполагающая свободу творчества. Эта функция предстает не только как *данность*, но *заданность* к теургии (боготворчеству) и *осуществляется* как преобразование (восхождению к первообразу) через индивидуальное непосредственное творчество, эстетическое чувственное живое образное и непосредственное (символически-предметное) освоение мира. Здесь все виды культурной (творческой) деятельности (литература, музыка, театр, опера, балет, изобразительное искусство, кинематограф, архитектура, цирк, дизайн и пр.), включая народное искусство (ДПИ, фольклор, худож. самодеятельность и тп.), техническое и религиозное: от замысла до процесса исполнения, продуктов и результатов, включая действия её субъектов – самих творцов и исполнителей.

Преувеличение автономности художественной культуры в отрыве от других рассматриваемых нами

культурных институций (научно-образовательных, информационных, национальных, религиозных) приводит к крену «конструктивизма», современным дисфункциям, когда искусство утрачивает «само себя», становится пошлым, безнравственным и безответственным, т.е. перестает быть собственно художественным творчеством, утверждающим красоту.

б) Научно-образовательная культура (рациональное освоение мира) – функция открытия нового знания (институт науки) и передача (трансляция) его новым поколениям как наследия (институт образования). Однако преувеличение его автономности в отрыве от других культурных институций (информационных, национальных, религиозных) приводит к «объективизму», и своим дисфункциям: наука оказывается сугубо прикладной, «на службе не истины, а тостосумов», обслуживает интересы политиканов, ВПК или запросы толпы, а образование, оторвавшись от воспитания и фундаментальной науки, штампует исполнителей заданных образцов, не способных к творческому мышлению.

в) Культура медиа-коммуникаций – функция быть средством, инструментом передачи информации и обеспечения связи между субъектами культурной политики и самими культурными институциями, создание единого духовно-информационного пространства. Преувеличение его автономности в отрыве от других культурных институций приводит к «инструментализму» или прагматизму, т.е. трансляции чего угодно, в итоге к дисфункциям, манипуляциям и искажению информации. Искусство владения языком (вербальным, визуальным, компьютерным) становится не средством выражения мыслей и чувств, а средством маскировки, сокрытия, искажения, духовного закабаления.

г) Нация, этничность как особая целостность, форма и способ социального самобытия, включающая веру, язык, традиции и обычаи, государство, хозяйство, этнопсихологию, семью, нравственность и историко-культурное наследие в основе которых национальная идея, система духовно-нравственных ценностей, самоидентичность, образующая конкретный живой единый социокультурный организм. Абсолютизация автономности данной сферы, рассогласованность институций внутри неё или отрыв с рассмотренными выше ведет к кризису соц. институтов: семья и брак вместо институтов любви превращаются в добровольно-принудительный застеночек, сделку по расчету или обман, традиция вместо связи поколений в мертвый груз и бессмысленный ритуал, государство вместо защитника всей нации в инструмент клановых и групповых интересов, право вместо того чтобы быть правой силой, творящей справедливость, становится оправданием неправой силы или формального законничества, экономика торгашеской, мораль лицемерной, СМИ циничными и продажными, врачи рвачами, защитники отечества наемниками, спортсмены физически больными людьми, а патриотизм – «последним прибежищем негодяев».

2. В отношении друг к другу (взаимодействия с иными сферами, гетерономность) помимо областей совместного ведения, требующих взаимодействия, обусловленного общими задачами и разграничения полномочий, связанных с техническим функционированием, где главное – достижение синергетического эффекта на базе общей для всех структуры ценностного содержания разных видов культурной деятельности:

- Информационной культуры как рационального (предметно-информационного) компонента, интеллектуальной компетентности, просвещенности, знаний о ценностях;

- Инструментальной культуры как операционального (действенного) компонента (практической компетентности), т.е. предметных умений/навыков, волевой готовности и умения защищать традиционные ценности добра, красоты, истины, родины, семьи, справедливости;

- Ценностно-смысловой (Мировоззренческой) культуры как смыслового компонента, духовной цельности, веры, внутренней убежденности, мотивации.

Она предстает как матрица ценностного содержания культурной деятельности

3. В отношении к абсолюту на базе сложившейся традиционной системы ценностей российской цивилизации, общей для многонационального народа России, ядром которой является русская культура. Россию здесь следует рассматривать как этнополитический духовный союз, укрепление которого строится на основе: духовно-нравственного (мировоззренческого), государственного (общественно-политического) и этнокультурного (народного) системообразующих начал и их взаимосвязей, т.е. духовно-национальных, этнополитических и духовно-государственных скреп национально-государственного единства.

Предложенная модель способствует объединению различных сторон и аспектов культурной по-

литики во взаимосвязанную иерархическую систему целей, задач, средств, инструментов контроля и оценки достижений на основе единого ценностного содержания и структурных элементов культуры деятельности; достаточную объективность в оценке вне зависимости от мировоззренческих ориентаций, идеологических и пр. идейных пристрастий; возможность количественного выражения и измерения всех структурных элементов ценностной культуры как функциональной взаимосвязи и сопряженности, их соответствия друг другу, объединения вокруг одного ценностно-смыслового стержня.

***Российская цивилизация в глобализирующемся мире:
современные геополитические вызовы и пути выживания***

Зорин Александр Львович

Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, ведущий научный сотрудник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности. Доктор философских наук

zorin150@mail.ru

В условиях все более широкого развертывания процесса глобализации для современной России чрезвычайно актуальной становится проблема ответа на геополитические вызовы и поиск путей выживания в крайне сложной и напряженной международной ситуации. В этой связи ставится задача – рассмотреть наиболее существенные геополитические вызовы, с которыми сталкивается страна, определить пути выживания российской цивилизации, обозначить дальнейшие перспективы ее развития и ее миссию в мировом историческом процессе. На основе проведенного анализа делается вывод о том, что экономическое и социокультурное развитие российской цивилизации в эпоху глобализации должно происходить посредством выработки собственных национальных форм глобализационных стратегий. Цивилизационный путь России в обозримом будущем состоит не в простом повторении или слепом копировании всего того, что было создано западной цивилизацией, но и не в полном отказе от принятия ее достижений и новаций, а скорее в продолжении начатого Западом дела построения общечеловеческой цивилизации посредством ее примирения и согласования с природными и культурными основаниями человеческой жизни.

Ключевые слова: российская цивилизация, геополитические вызовы, стратегии выживания, инновационная модель развития, альтернативная глобализация.

**Russian civilization in the globalizing world: contemporary geopolitical challenges and ways of surviving.
Zorin Alexander L.**

Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev - Southern Branch

In the context of an increasingly broad deployment of the globalization process, the problem of responding to geopolitical challenges and finding ways to survive in an extremely complex and tense international situation becomes extremely urgent for modern Russia. In this regard, the task is to consider the most significant geopolitical challenges faced by the country, to determine the ways of survival of Russian civilization, to identify further prospects for its development and its mission in the world historical process. Based on the analysis, it is concluded that the economic and socio-cultural development of Russian civilization in the epoch of globalization should occur through the development of their own national forms of globalization strategies. Civilization path of Russia in the foreseeable future is not simple repetition or blind copying of everything that has been created by Western civilization and not the complete rejection of the adoption of its advances and innovations, but rather the continuation of the case building of human civilization which has been begun by West through its reconciliation and harmonization with the natural and cultural bases of human life.

Keywords: Russian civilization, geopolitical challenges, survival strategies, innovative development model, alternative globalization.

В условиях обретающего все более широкие масштабы процесса глобализации, возрастания угроз, идущих как со стороны Запада, так Юга и Востока для России становится крайне актуальной проблема ответа на геополитические вызовы и поиск путей выживания в чрезвычайно сложной и напряженной международной ситуации.

В то же время противоречия и проблемы, создаваемые современным глобализационным процессом, с очевидностью обнажают некорректность построения линейных схем его развертывания. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, глобализация объективно ведет к унификации различных форм человеческой активности, и прежде всего в области экономики и технологий, а также универсализации поведенческих норм и принципов жизнедеятельности, однако, с другой стороны, одновременно наблюдается инверсивное движение, делающее мировое социокультурное пространство все более разно-

образным, в силу чего глобальное не подминает под себя полностью локальное, а, наоборот, являет нам все большее самоутверждение локальности как неотъемлемо присущей особенности исторического развития человечества в первые две декады XXI столетия.

В русле этих тенденций в отечественной гуманитаристике активно дискутируется вопрос о месте и роли России в современном мировом процессе, о дальнейших перспективах ее развития и о ее исторической миссии. Если сразу после распада Советского Союза Российская Федерация приняла без всяких оговорок модель развития, которой следовал западный мир, то начиная с 2000-х гг. ситуация стала претерпевать существенные изменения, приведя во втором десятилетии нынешнего столетия к тому, что основополагающим трендом для российских правящих кругов оказался консерватизм и опора на традиционные ценности. Универсалистские модели западного образца сменяют подходы, согласно которым Россия является особым государством-цивилизацией.

Экономические преобразования, проводимые в России с начала 90-х гг. прошлого века, убедили большую часть ее граждан в принципиальной ошибочности неолиберального курса, следствием которого стало ее превращение в сырьевой придаток развитых стран, что могло бы в дальнейшем грозить полной утратой государственного суверенитета. Все это ставит перед правящей элитой и научным сообществом настоятельную задачу по выработке новой стратегии развития страны, адекватной современным реалиям, а также менталитету и традициям населяющих ее народов.

Необходимость качественной трансформации ныне существующей социальной и экономической модели общественного устройства определяется наличием ряда серьезных вызовов, с которыми столкнулась Россия в результате геополитического поражения, связанного с распадом СССР.

Первый из этих вызовов как раз касается сложившейся сырьевой ориентации российской экономики, которая создает препятствия для насыщения внутреннего рынка товарами отечественного производства, не позволяет увеличивать количество рабочих мест, связанных с развитием высоких технологий, стимулировать рост заработной платы, ограничивает возможности для проведения более активной внешней политики.

Второй вызов связан с демографическими проблемами, поскольку в России отмечается старение населения, низкая рождаемость, значительно меньшая, чем в развитых странах продолжительность жизни людей, а также явный дисбаланс мужского и женского населения. Две «демографические ямы», возникшие в связи с огромными потерями во Второй мировой войне и неудачными реформами 90-х гг., создают заметную напряженность с трудовыми ресурсами и, как следствие, проблемы с достойным пенсионным обеспечением граждан.

Третий вызов касается вопросов взаимоотношений России с другими постсоветскими государствами. Особенно актуальным он становится на западном направлении, где после событий, связанных с государственным переворотом на Украине в 2014 г., ситуация остается крайне напряженной. В настоящее время правительства бывших союзных республик, находящихся к западу от России, проводят откровенно враждебную русофобскую политику, которая может стать поводом не только к локальному, но и глобальному военному конфликту.

Четвертым вызовом является не всегда конструктивное взаимодействие с другими находящимися по периметру российских границ крупными и мощными цивилизациями – с западной, исламской и китайской.

Пятый вызов обусловлен «отсутствием национальной идеи, способной интегрировать российское общество в единую нацию, в единое цивилизационное и социокультурное целое» [1, с. 10], что создает существенные препятствия для проведения эффективных внутренних преобразований и купирования внешних угроз.

Шестой вызов касается российской элиты, которая, безусловно, не является единой. Часть ее, тесно связанная с западными транснациональными корпорациями, далека от того, чтобы защищать национальные интересы и готова из корыстных побуждений действовать во вред родной стране, лишь бы добиться собственных благ и выгод. Это приводит отечественную элиту к «социальной шизофрении», при которой одна её часть работает на то, чтобы «войти в Европу», другая – «на сохранение и укрепление государства» [2].

И, наконец, как и в остальном мире, в России существуют требующие своего решения экологические вызовы. Это и загрязнение атмосферы больших городских агломераций, и ежегодные лесные пожары, наносящие огромный вред флоре и фауне, и истощение в отдельных регионах водных ресурсов.

В последние годы крайне актуальной стала проблема мусорных свалок, которые доставляют много неприятностей жителям близлежащих населенных пунктов.

Что касается путей выживания российской цивилизации, то они в последние годы активно обсуждаются в научном и публицистическом дискурсе, где постоянно указывается на необходимость экстренной замены сырьевой модели экономики, ставящей под угрозу суверенитет и территориальную целостность страны, инновационной моделью. Определенные действия совершаются на правительственном уровне, где за последние годы были приняты программы инновационного развития страны и разработаны соответствующие критерии.

Президент и правительство РФ однозначно осознают, что «жизнеспособность российской цивилизации напрямую зависит от предотвращения государством и его институтами дальнейшей фрагментации социального и территориального пространства России» [3]. В этой связи главная политическая задача властей и общества заключается в том, чтобы добиться внутренней реинтеграции страны на современной научно-технической основе, предотвратив тем самым слом цивилизационной матрицы, который повлечет за собой социальный взрыв, сопряженный с трудно предсказуемыми последствиями. В настоящее время существует консенсус относительно того, что без инновационного развития страны невозможны ни ее суверенитет, ни демократия, ни нормальная повседневная жизнь граждан.

Важной задачей является формирование оптимальной для российского народа ценностной системы. По мнению некоторых ученых и политиков, она должна включать в себя в качестве базового элемента православные ценности. Другие не согласны с этой точкой зрения, поскольку Россия в своей основе многоконфессиональная страна, и предлагают в качестве основополагающих установок приоритет духовного над материальным и коллективизма над индивидуализмом, не забывая при этом императив справедливости. Но как бы то ни было, «для России сегодня важно разобраться в своем ценностно-нравственном коде и понять, какие конкретно моральные нормы и духовные факторы позволят нашей стране выжить в условиях нарастания внешних угроз, а также могут стать основаниями для ее конкурентного развития» [4].

Рассматривая современную западную глобализацию как практику создания мировой империи на основе опыта США, непомерно превозносящих технос в качестве единственного средства для решения всех встающих перед человечеством проблем, академик А.С. Панарин [5, с. 12] и его последователи подчеркивают, что данный проект априорно игнорирует духовное и природное разнообразие планетарной жизни. И в этом смысле, по их мнению, цивилизационная миссия России должна сводиться к духовно-творческой ценностной оппозиции западному глобализму посредством собственной модели альтернативной глобализации, опирающейся на культурно-нравственные и экологические императивы. В этой перспективе они видят «стратегию предотвращения возможной в будущем общепланетарной катастрофы, которая может быть спровоцирована западным сценарием глобального развития» [6].

Однако в рамках современной глобализации при всей своей самобытности российская цивилизация не должна проявлять индифферентность и невнимание к лучшим достижениям других стран и народов, прежде всего в области технологий и организации производственных процессов. Но внедрять их, тем не менее, следует, учитывая специфику отечественных институтов и устоев, используя потенциал собственных форм социальной жизнедеятельности, а также характерных для российского менталитета способов взаимодействия с природой.

Исходя из современных геополитических реалий, стоящую перед Россией задачу на будущее можно сформулировать следующим образом: экономическое и социокультурное развитие российской цивилизации в условиях глобализации должно происходить посредством выработки собственных национальных форм глобализационных стратегий. Это предполагает оптимальное сочетание достижений, осуществленных в других обществах, с отечественными традициями или, иначе говоря, органическое соединение модернизационных процессов с ценностными установками отечественной культуры.

Цивилизационный путь России в обозримом будущем состоит не в простом повторении всего того, что было реализовано западной цивилизацией, или, что еще хуже, в слепом ее копировании, но и не в создании некоей модели общественного развития, совершенно непохожей на нее и игнорирующей ее достижения; скорее он заключается в продолжении начатого странами Запада дела создания общечеловеческой цивилизации, в которой должно осуществиться согласование и примирение мощи технических инноваций с природными и культурными основаниями человеческой жизни, а также с фундаментальной потребностью индивида в свободном личностном развитии.

Литература:

1. Угрин И.М. Проблема развития российской цивилизации в условиях глобализации // *Философская мысль*. 2018. № 6. С. 9–22.
2. Малинецкий Г.Г. Российская цивилизация: смыслы, ценности, будущее: // <http://spkurdyumov.ru/future/rossijskaya-civilizaciya-smysly-cennosti-budushhee/> (дата обращения: 23.11.2019).
3. Володин А. Российская цивилизация и вызовы развития: // <http://analyticmz.ru/?p=152> (дата обращения: 10.12.2019).
4. Толстухина А. Российская цивилизация: историческое наследие и стратегии развития: // <https://interaffairs.ru/news/show/19892> (дата обращения: 25.11.2019).
5. Панарин А.С. Выбор России: между атлантизмом и евразийством // *Культура и цивилизация*. Вып. 1. М., 1995. С. 3–16.
6. Посадский А.В. Альтернативная экологическая глобализация как стратегия российской цивилизации: // <https://vrns.ru/expert-center/4881> (дата обращения: 29.11.2019).

Геополитические и миросистемные факторы динамики современной России

Изгарская А.А.

Новосибирский военный институт войск национальной гвардии. Доктор философских наук

aizgarskaya@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена проблемам динамики современной России. Автор утверждает, что анализ проблем и перспектив развития России необходимо осуществлять на основе общей теории, позволяющей объяснять рост и упадок современных обществ с учетом их структурного многообразия. В качестве метода автор использует типологию пространств социальных отношений в миросистеме, полученную в результате синтеза идей концепций миросистемного подхода (И. Валлерстайна, Дж. Арриги) и теории геополитической динамики Р. Коллинза. Автор приходит к выводу о существовании противоречий между миросистемной стратегией развития России ее растущими геополитическими возможностями. Геополитическая экспансия российского государства ведет к росту числа потенциальных противников, увеличению военных расходов, а также к разрыву сетей неравного обмена со стороны стран ядра.

Ключевые слова: миросистемный подход, геополитика, стратегия развития, модернизация, санкционный режим.

Geopolitical and world-system factors of the dynamics of modern Russia.

Izgarskaya A.A.

Novosibirsk military Institute of National Guard Troops

Abstract: The article is devoted to the problems of the dynamics of modern Russia. The author argues that the analysis of the problems and prospects of Russian development must be carried out on the basis of a general theory that allows explaining the growth and decline of modern societies taking into account their structural diversity. As a method, the author uses the typology of spaces of social relations in the world-system, obtained as a result of the synthesis of ideas of the concepts of the world-system approach (I. Wallerstein, G. Arrighi) and the theory of geopolitical dynamics of R. Collins. The author concludes that there are contradictions between the world-system development strategy of Russia and its growing geopolitical opportunities. The geopolitical expansion of the Russian state leads to an increase in the number of potential adversaries, an increase in military spending, as well as to the breaking of unequal exchange networks by the core countries.

Keywords: world-system approach, geopolitics, development strategy, modernization, sanctions regime.

Методология. Анализ существующих у современной России проблем развития и способов их преодоления, а также выстраивание возможных перспектив необходимо осуществлять с опорой на общую теорию, позволяющую объяснять динамику современных обществ, их рост и упадок, с учетом их структурного многообразия. Основания такой теории можно найти в синтезе идей геополитики и миросистемного подхода (И. Валлерстайн, Дж. Арриги, С. Амин). Геополитика и миросистемный подход указывают на взаимосвязь двух источников могущества – пространства и капитала. С позиции геополитики контроль над пространством невозможен без наличия необходимых для этой цели ресурсов, а контролируемое пространство является одним из важнейших факторов экономического роста. Идея Ф. Ратцеля «Пространство – сила» и обоснование немецкой геополитикой необходимости «жизненного пространства» являются яркими тому примерами. В более поздних геополитических теориях (П. Кеннеди, Р. Коллинза) пространство оказывается не только источником могущества, но и источником процесса дезинтеграции территориально обширного государства (см. подробнее [1, с. 87]). Идея синтеза геополитической теории и миросистемного подхода впервые была высказана Р. Коллинзом. По его мнению, геополитическая теория находит мощное дополнение в идеях миросистемного подхода. Если геополитика делает акцент на роль пространства в динамике могущества территориальной власти, то миросистемный подход акцентирует внимание на ресурсной составляющей, на способах накопления капитала и его распределения. При этом и миросистемный подход, и геополитическая теория, в отличие от теории модернизации, указывают на структурное многообразие обществ системы. Результатом синтеза стала типология пространств социальных отношений в миросистеме (см. Рис. 1). На основе имеющихся в теории геополитической динамики Р. Коллинза и миросистемном подходе положений о преимуществах и неудобствах развития обществ было выделено двенадцать типов пространств социальных отношений [2, с. 26].

Рис. 1. Типы пространств социальных отношений в миросистеме

Геополитические параметры			Статус государства в миросистеме		
Территория влияния	Положение в системе	№	ядро А	полупериферия Б	периферия В
Большая	Окраинное	1	А 1	Б 1	В 1
	Центральное	2	А 2	Б 2	В 2
Малая	Окраинное	3	А 3	Б 3	В 3
	Центральное	4	А 4	Б 4	В 4

Пространство социальных отношений современной России относится к типу «Б2» – территориально обширное пространство полупериферии с центральным геостратегическим положением. Теоретико-методологическим вопросам исследования проблем полупериферийных обществ посвящена вышедшая еще в 1990 г. коллективная монография «Semiperipheral states in the world-economy» [3]. Среди названных авторами данной монографии особенностей развития полупериферийных обществ обращает на себя внимание идея Дж. Арриги о способности таких обществ следовать двум противоположным стратегиям, а именно встраивания в мировую систему разделения труда и, противоположную, разрыва сетей неравного обмена с ядром и одновременным формированием системы разделения труда относительно автономной от мировой [3, р. 17]. Примечательным обстоятельством является то, что данное положение было сформулировано Дж. Арриги на эмпирическом материале до распада СССР и активных действий политической и экономической элиты постсоветской России по встраиванию в миросистему. Процессы, произошедшие в России после распада СССР, подтверждают сделанные Дж. Арриги теоретические выводы. Следует сделать только одно замечание, ограничивающее выводы Дж. Арриги. Синтез с геополитической теорией достаточно четко показывает, что стратегия разрыва сетей неравного обмена недоступна территориально небольшим государствам полупериферии («Б3» и «Б4»). Их пространство и ресурсы оказываются недостаточными для данной стратегии. Успех этих обществ будет зависеть от союзнических отношений с могущественными государствами ядра, а также от их способности влиять на процессы в периферийных обществах. Подчеркнем на уровне тезисов основные проблемы современной России, возникшие под воздействием основных геополитических и миросистемных факторов.

Результаты. Во-первых, после 2014 г. геополитические возможности современной России стали с очевидностью противоречить сформированной ранее миросистемой стратегии встраивания в мировую систему разделения труда. Государство, оказавшееся способным в условиях сырьевой экономики накопить значительные ресурсы, стало их активно вкладывать не только в дорогостоящие, обеспечивающие международный престиж и внутреннюю легитимность проекты – зимние Олимпийские игры в г. Сочи, гонки «Формула-1», Чемпионат мира по футболу 2018 г. В соответствии с первым принципом теории геополитической динамики Р. Коллинза, Россия, обладая преимуществом в размерах и ресурсах, стала осуществлять территориальную экспансию и ведение боевых действий на удаленных от базы территориях (см. [1, с. 82]). Введение санкционного режима против России стало инструментом давления и исключения ее из системы, как потенциально опасного субъекта. Данный процесс соответствует идеи Дж. Арриги о том, что чем уже специализация полупериферийной страны в системе мировой экономики, тем больше возможностей ее исключения у лидеров системы. Санкционное давление способствует дальнейшей периферизации экономики России.

Во-вторых, Россия обладает самой протяженной границей в мире и поэтому должна быть отнесена к государствам с центральной геостратегической позицией. В результате геополитической экспансии растут затраты государства на военные нужды, увеличивается количество потенциальных противников, процессы интеграции на постсоветском пространстве не оправдывают былых надежд. Центральное положение, в соответствии с третьим принципом теории Р. Коллинза, чревато дроблением территории. Такая опасность может возникнуть в результате чрезмерного расширения, когда расходы на экспансию длительный период превышают экономические возможности страны (случай СССР),

или в результате поражения в войне, что может стать катализатором социальной революции (случай имперской России).

В-третьих, опасность центрального геостратегического положения увеличивается еще и в связи с тем, что при текущей миросистемной стратегии встраивания значение внешнего рынка возрастает. Знаменитый принцип, приписываемый министру финансов И.А. Вышнеградскому, «Сами не доедим, но вывезем» хорошо иллюстрирует ситуацию, сложившуюся не только в царской России конца XIX века, но и современное состояние экономики. Экспорт товаров происходит без учета их внутренней потребности. Это подрывает внутрирегиональные связи, снижает экономическое значение территорий не производящих товары на экспорт.

В-четвертых, модернизационный рывок, о котором говорил в 2009 г., будучи Президентом Д.А. Медведев, и с 2018 года говорит Президент В.В. Путин, в настоящих условиях проблематичен. Два успешных модернизационных рывка, имевших место в истории России – реформы Петра I и советская индустриализация, протекали в структурных условиях иной миросистемной стратегии, ориентированной на потребности роста внутренней экономики и политику протекционизма. Помимо этого, важным условием успеха России в этих случаях была смена экономических элит, что в современных условиях не предполагается.

Литература:

1. Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности / Пер. с англ. Н.С. Розова. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015. 504 с.
2. Изгарская А.А. Пространство социальных отношений в геополитическом и миросистемном измерениях: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Красноярск, 2015. 46 с.
3. Semiperipheral states in the world-economy / Ed. by W.G. Martin, I. Wallerstein. N. Y.: American sociological association; Greenwood Press, 1990. P. 11–44.

Исаченко Н.Н.

ФГБУ ВО Тюменский индустриальный университет, доцент кафедры гуманитарных наук и технологий, к. филос. н.

isachenkonadezhda@mail.ru

Аннотация: Современный этап цивилизационного развития России обретая новые черты, становится более динамичным, технологичным. Динамика цивилизационного развития амбивалентна. Наряду с активным внедрением инновационных технологий, наблюдаются социокультурные изменения, сопровождающиеся экономическими, социальными, экологическими, духовными кризисами. Отсутствие возможности своевременно прогнозировать и предупреждать кризисы, ставят проблему поиска новых путей цивилизационного развития. На данном этапе цивилизационного развития России возникла объективная потребность в идеях, предлагающих новые стратегии развития, обеспечивающие устойчивое инновационное развитие российского общества. В качестве стратегии развития России репрезентируется идея Северной цивилизации, реализуемая в России. Северная цивилизация как социокультурная общность, развивающаяся на принципах коэволюции, рациональности, гуманизма.

Ключевые слова: северная цивилизация, цивилизационный путь, приарктические территории, принцип гуманизма, коэволюции, нравственный алгоритм, локальная цивилизация.

**Northern civilization in the perspective of Russia's development.
Isachenko N. N.**

Tyumen industrial University, Department of Humanities and technology

Abstract: the Modern stage of civilizational development of Russia is gaining new features, becoming more dynamic and technological. The dynamics of civilizational development is ambivalent. Along with the active introduction of innovative technologies, socio-cultural changes are observed, accompanied by economic, social, environmental, and spiritual crises. The inability to predict and prevent crises in a timely manner poses the problem of finding new ways of civilizational development. At this stage of Russia's civilizational development, there is an objective need for ideas that offer new development strategies that ensure sustainable innovative development of Russian society. The idea of Northern civilization implemented in Russia is represented as a strategy for the development of Russia. Northern civilization as a sociocultural community that develops on the principles of co-evolution, rationality, and humanism.

Keywords: Northern civilization, civilizational path, near-Arctic territories, principle of humanism, co-evolution, moral algorithm, local civilization.

На современном этапе цивилизационного развития Россия, оказавшись перед лицом внешних вызовов, ставит перед собой задачу поиска новых стратегий развития. В рамках решения этой задачи предлагается идея Северной цивилизации, прорабатываемая в работах Ю. Крупнова, Ю. В. Попкова, Е. А. Тюгашева, Н. Н. Исаченко.

Традиционно в гуманитарном знании принято выделять «восточную» и «западную» цивилизации. Такое выделение осуществлялось на основе ориентации на названия сторон света, расположенных вдоль горизонтальной оси земли. По аналогии ориентация на вертикальную ось земли позволяет высказать идею о выделении Северной цивилизации. При том, что приарктические территории принадлежат нескольким государствам, простирающимся вдоль Северного Ледовитого океана, большая ее часть принадлежит России. Это послужила основанием Северную цивилизацию отождествить с российской цивилизацией. Другим основанием стало то, что уже в XVI веке территории Поморья назывались «Севером» по географическому и климатическому признаку. В русском языке несколько веков активно используются такие слова как «русский север», «северная столица», «северяне», «народы севера», «северное золото», «северная модель», указывающие на их приближенность к побережью Северного Ледовитого океана. Территориально и географически Россия расположена в нескольких природно-климатических зонах, но достаточно обширные территории у России располагаются в северной зоне. Этот факт стал причиной того, что у большинства иностранцев наша страна ассоциируется

с севером и признается северной страной, а народы, живущие на ее территории России, – северными.

Обращение к теме Северной цивилизации нацелило на анализ огромного пласта научных источников, представивших результаты научных экспедиций, археологических раскопок на Ямале, Таймыре, в Сибири. Результаты свидетельствуют о наличии многочисленных артефактов, памятников культуры, орудий труда, дающих основание для признания факта существования Северной цивилизации в древности. Согласно работам М. Бронштейна, В. Е. Ларичева, С. А. Паршикова, на расположенных вдоль Северного Ледовитого океана территориях, около пяти тысячелетий назад локально существовала древняя цивилизация. Они доказали, что на северных территориях, где сейчас компактно проживают коренные народы Севера, в древности существовали «протогосударственные» [1, с. 24] поселения с уровнем развития древних цивилизаций. «В местах поселения древних людей были обнаружены следующие артефакты: каменные книги, календари, орудия труда» [2, с. 83], оружие, фигурки людей, животных. Наличие артефактов дает основание для признания факта существования Северной цивилизации в прошлом.

Идея Северной (Арктической) цивилизации, озвученная Ю. В. Попковым, Е. А. Тюгашевым, Н. Н. Исаченко в начале XXI века, в рамках российского научного сообщества в последние годы обретает актуальность и выходит на новый уровень развития. Так в Архангельске ежегодно стали проводиться международные конгрессы, симпозиумы, форумы, на которых решаются проблемы Арктики, рассматриваются перспективы ее развития. В 2019 году в Санкт-Петербурге был проведен конгресс «Арктика: история и современность», участники которого признали необходимость в смещении центра мирового развития в арктический регион. На конгрессе была озвучена мысль о возможности становления или возрождения Северной цивилизации.

Основой существования цивилизации является национальное ядро. Северные народы сумели в сложных условиях жизнедеятельности сохранить национальное ядро, свой культурный архетип, формирующийся под влиянием экологических, природно-климатических, экономических, культурных факторов.

В процессе реализации идеи Северной цивилизации в перспективе цивилизационного развития России, необходимо ориентироваться на культуру, на характер жизнедеятельности коренных жителей, в основе которого положен принцип коэволюции, обеспечивающий «гармоничное единство человека и природы» [6, с. 15]. Своеобразие культуры коренных народов Севера заключается в том, что в ней содержится нравственный алгоритм отношения человека не только к людям, но и к земле, к флоре и фауне, который они сохранили в условиях кризиса духовной культуры. Для народов севера, имеющих устойчивый культурный архетип, неактуальна проблема разобщенности, отчуждения, агрессии, характерных для современного общества.

Россия имеет шанс создать локальную цивилизацию, объединив территории Арктики и приарктические территории. Реализация идеи Северной цивилизации может стать социокультурным поворотом в истории России. В процессе её реализации необходимо: ориентировать общество на фундаментальные ценности; руководствоваться «гуманистическими установками; усилить политическую, экономическую и интеллектуальную мощь страны; преумножать материальные, духовные ресурсы» [2, с. 109]; уметь выстраивать диалог с другими народами, государствами; давать адекватные ответы на вызовы без использования насилия; беречь и сохранять природу, возобновлять природные ресурсы; создавать условия для развития личности. Северная локальная цивилизация будет основываться на общности судьбы, традиций, ценностей, исторического родства. Интегрирующим фактором может быть национальная идея, культура, традиции, фундаментальные ценности [5], этническое происхождение, социально-политический тип общества, географическое положение.

В процессе создания цивилизации, необходимо активно внедрять природоохранные технологии, развивать «экологизацию» экономической и социальной сфер, сохраняя экосистему посредством реализации экологических программ. Северная цивилизация в будущем может стать одной из первых, где будут представлены новые типы сетевых поселений, названных Ю. Крупновым факториями. На пространстве Северной цивилизации будут использоваться новые виды транспорта - струнные магистральи. В суровых условиях севера обеспечение жизнедеятельности будут осуществлять мини-АЭС капсульного типа [3, с. 28]. Речь идет о внедрении новых технологий, не наносящих вред природе.

В контексте исследуемой темы Северную цивилизацию следует рассматривать как локальную цивилизацию, представляющую социокультурное сообщество, сложный социальный организм, скре-

плённый культурными, социальными, экономическими, политическими связями. Северная цивилизация — это устойчивая социокультурная общность, развивающаяся на основе высоких технологий, существующая на принципах гуманизма, солидарности, рациональности, пацифизма, что не создает условий для насилия, агрессии. К основным характеристикам следует отнести общность языка, территории, фундаментальных ценностей [2].

Для реализации идеи Северной цивилизации в жизнь, необходимо осуществить поиск новых способов освоения территорий без нанесения вреда природе, новых видов организации хозяйственной деятельности, новых типов коммуникаций, обеспечивающих положительную динамику развития северных территорий.

Для реализации идеи Северной цивилизации в России необходимы социокультурные и технологические условия. В частности, речь идет о высоком уровне научного и технического знания, о наличии большого объема информации и возможности ее быстрой переработки. Кроме того, значимым является наличие капитала, природных ресурсов, высокотехнологичного производства, обеспечивающих высокий уровень научно-технического прогресса. Особую значимость в фокусе этой проблемы обретает человеческий потенциал, представляющий совокупность духовных, физических, умственных потенций граждан, способных направить их на реализацию конструктивных задач. Наличие выше озвученных факторов обеспечит возможность реализовать идею Северной цивилизации в жизнь. Одной из задач на стадии формирования Северной цивилизации, будет защита Арктики от посягательств государств, нацеливающихся на превращение ее в предмет жесткого экономического и политического торга.

Литература:

1. Бронштейн М. Чукотские Микены //Знание – сила. 1999. № 4. С. 23-26.
2. Исаченко Н. Н. Северная цивилизация: прошлое, настоящее, будущее. – Тюмень: ТИУ, 2019. 124 с.
3. Крупнов Ю. Северная цивилизация //ИНАЧЕ. 2003. № 5. С. 24-33.
4. Ларичев В. Е., Паршиков С. А. Протохрам возникновения и устройства Вселенной: Мировое Яйцо, первозданные боги и человек в наскальном искусстве северной Хакасии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2006. Т. XII. ч. 1. С. 412-417.
5. Марцева Л. М., Шабатура Л.Н. Стратегия социального государства в России начала XXI века. //Социологические исследования. 2017. № 1 (393). С. 171-173.
6. Попков Ю.В., Тюгашев Е. А. Идея северной цивилизации //Северный регион: наука, образование, культура. 2004. №.2 . Изд-во СурГУ. С.13- 19.

Русская цивилизация в XXI веке: борьба за классику

Казин А. Л.

Российский институт истории искусств, и. о. директора, Санкт-Петербургский институт кино и телевидения, зав. кафедрой искусствознания. Доктор философских наук

alkazin@yandex.ru

Аннотация: Своеобразие современного положения России в мире состоит в том, что в ней три основные парадигмы культуры – классика, модерн и постмодерн – взаимодействуют друг с другом в едином цивилизационном поле, в то время, как в странах Запада определяющим типом сознания и социокультурной практики является постмодерн. Именно по этой причине российская цивилизация XXI века фактически является альтернативой евро-американскому варианту истории, расходясь с ним по ряду основополагающих принципов духовного, национального и социального устройства бытия. Таковы главные аспекты дискуссии о «правильной стороне» истории, имеющей стратегическое значение для всего человечества. В XXI веке вопрос о начале и конце истории из теоретического, каким он был ещё в XX столетии, превратился в сугубо практический. Если мы его не решим, нашу цивилизацию ждет весьма пессимистический финал.

Ключевые слова: религия, культура, искусство, Европа, Россия, революция, классика, модерн, постмодерн

Russian civilization: the struggle for the classics.

Kazin A.L.

Russian Institute of Art History; St. Petersburg University of Film and Television

Abstract: The peculiarity of the current position of Russia in the world is that in it the three main paradigms of culture – classical, modern and postmodern – interact with each other in a single civilization field. In Western countries the determining type of consciousness and sociocultural practice is postmodern. Exactly because of this reason Russian civilization of the 21st century is the alternative to the Euro-American version of history and differ from it on a few fundamental principles of a spiritual, national and social world order. These are the origins of the discussion about the “right side” of history, which is of strategic importance to all of humanity. In the 21st century, the question of the beginning and end of history from a theoretical one, as it was in the 20th century, turned into a purely practical one. If we do not solve it, a very pessimistic ending awaits our civilization.

Keywords: religion, culture, art, Europe, Russia, revolution, classic, modern, postmodern

1. Современный мир является не только поликультурным, но *полицивилизационным*. Происходящая на наших глазах глобализация не способна опровергнуть своеобразие каждого религиозного и национально-культурного опыта в истории, а наоборот, подчеркивает их и нуждается в них. Разумеется, это в полной мере относится к таким важнейшим областям жизни человека, как вера, мышление, искусство, образование и воспитание.

2. Беспредпосылочной («чистой») науки о цивилизации и культуре не бывает – любой исследователь исходит в этом вопросе из определенных ценностных оснований (аксиом). Для нас таким основанием выступает христианское учение о человеке как духовном и разумном существе. Христианство обращается к вере человека в личного Творца мира, предполагающей отречение твари – в том числе и интеллектуальное – от своей мнимой самости. В отличие от восточного пантеизма («Бог и я – одно»), от ветхозаветного законничества («я исполняю правила Бога), от оккультного гностицизма («я познал Бога») или от языческой магии («я управляю Богом»), христианский символ веры полагает отношение любящего к любимому как их самоотдачу (кенозис) друг другу. В плане цивилизации и культуры это означает, что человеческий ум-гений плодоносит только в присутствии Высшего, причем гений признаёт этого Высшего и преклоняется перед ним (принцип *классики*). В противном случае культура вырождается в человекобожество (гуманистический *модерн*), а затем и в трансгуманистическую *постмодернистскую* «игру в бисер». Такова, в главном, инволюция цивилизации на Западе. Ницше был прав: в Европе «бог умер».

3. Религиозное, социальное и культурное становление русской цивилизации происходило в ином ценностно-смысловом ключе. На каждом временном этапе своего существования Россия оказывала

прямое или косвенное сопротивление всем разновидностям атеизма и антропоцентризма. Более того, ключевые революции в пространстве русской цивилизации только обостряли ее отличие от Запада. Так, реформы Петра Первого разделили единый народ на православное большинство и вольнодумное меньшинство (интеллигенцию/«образованщину»), благодаря чему Россия сохранила свою религиозную матрицу. Такую же роль в сфере собственно культуры сыграло творчество А.С.Пушкина, которое вернуло «немецко-французскую» петербургскую Россию к национальным духовным корням. Даже большевистская революция 1917 года, вопреки собственной марксистской идеологии и жестокой практике, возродила в превращенной форме и под другими знаменами «философию общего дела» на Руси, результатом чего стала победа над нордическим рейхом в 1945 году и выход человека в космос в 1961.

4. После событий 1991-1993 годов, приведших почти на 10 лет к власти компрадорскую буржуазию, Россия сумела вернуться к статусу субъекта мирового процесса – прежде всего благодаря деятельности президента В. В. Путина и поддержавших его патриотических сил, восстановивших в стране традиционную цивилизационную иерархию (церковь – государство – народ – личность). В результате указанных обстоятельств во втором десятилетии XXI века Россия как страна-цивилизация заняла уникальное положение в мировом историческом процессе и на планетарной геополитической карте. Значительно уменьшившись в размерах после распада Советского Союза, она по ряду идейно-социальных параметров оказалась *иной, другой* («иначе возможной») как для Запада, так и для Востока. Для Запада (в том числе либерального «внутреннего Запада») русская цивилизация слишком традиционна (классика как религиозная вертикаль сознания и государственной практики). Для Востока (в том числе консервативного «внутреннего Востока») Россия, наоборот, слишком модернизирована, особенно в области культуры, образования и бытового строя жизни населения (преимущественно городского).

5. Подобный статус России влечет для неё за собой противоречивые следствия, вплоть до антиномических.

6. Во-первых, ни Восток, ни Запад не считают её подлинно своей, так как не находят в ней собственной субстанции на разных уровнях. Востоку не хватает исполнения русскими заповедей религии Закона (иудаизм, ислам, конфуцианство). Западу, наоборот, мешает само наличие в России классического религиозного субстратанационального бытия, который присутствуют в ней как подсознательный идеал, а не повседневная норма. Как выражался К.Н.Леонтьев, русский человек может быть святым, но редко бывает честным.

7. Во вторых, как раз отмеченный антиномизм русского духовного и социокультурного пространства/времени делает его притягательным для многих слоев населения и на Западе и на Востоке (причем как для «внутреннего» Востока на Западе, та и для «внутреннего» Запада на Востоке.) Именно в силу своего центрального положения на карте Евразии (хартленд, «сердцевинная земля») и своего универсального («всемирная отзывчивость», по Ф.М.Достоевскому) духовного строя Россия обладает способностью действительно планетарного ценностно-цивилизационного синтеза, способного по существу разрешить глубинные напряжения между восточным «бесчеловечным богом» и западным «безбожным человеком» (термины В.С.Соловьева). Вся русская классическая архитектура, музыка, литература и философия – в том числе современная – направлена к такому разрешению. От Шолохова и Леонова до Тарковского и Свиридова, от Флоренского и Чижевского до Распутина и митрополита Тихона (Шевкунова) – отечественная культура осуществляет себя под знаком вечности, *subspecta aeternitatis*, не отвергая, вместе с тем ни индивидуального «авторского проекта бытия» (модерн), ни даже постмодернистской «игры золотых рыбок» вокруг материка жизни, если воспользоваться сравнением В.В.Розанова. Русская цивилизация/культура в начале XXI века – это надежда человечества на то, что оно сохранится именно в качества привилегированного (избранного) творения, не перейдя – незаметно для себя или, напротив, вполне сознательно, -- в область оккультизма и постгуманизма во всех его видах, что неизбежно приведет его к коллективному (сначала моральному, а затем и физическому) самоубийству, к чему, собственно, и стремятся все деструктивные (идеоконструктивные) антисистемы мира нисходящей метафизической направленности.

8. Итак, в основе нашей цивилизации продолжают сохраняться не материальные (прагматические) установки в виде частной собственности на бытие, а ценности христианской веры. «Нищие духом» оказываются у нас в конечном счете более значимыми, чем наглые и сытые. Об этом точно писал Петр Чаадаев, которого по недоразумению (или по полемическому умыслу) причисляют чуть ли не к «атлантистам», но который на самом деле (особенно в зрелые годы) принадлежал к числу убежденных и глубоких патриотов, предвосхитив на этом пути и Достоевского, и раннего В.Соловьева: «...

Христианство осталось в России незатронутым людскими страстями и земными интересами, ибо в ней оно, подобно своему божественному основателю, лишь молилось и смирялось, а потому мне представлялось вероятным, что ему здесь дарована будет милость последних и чудеснейших вдохновений» [1, с. 126]:. Что касается способов/алгоритмов осуществления «русской идеологии», то выдумывать ничего не нужно. Полный набор мобилизационных практик содержит наша история, от «потешных» полков Петра Первого до «вежливых людей» и андреевского флага над Севастополем в 2014 году. Русский человек может сделать очень много, если будет мобилизован на созидательную работу энергетикой общего дела, и наоборот, его деятельность, в конечном счете, растворится в области небытия, если его мотивация ограничится прагматическими, десакрализованными соображениями. Снова сошлюсь в этой связи на мнимого «западника» Чаадаева, который писал, что призвание России – «дать в свое время разрешение всем вопросам, возбуждающим споры в Европе» [1, с. 92]: «Провидение... поручило нам интересы человечества... в этом наше будущее, в этом наш прогресс...» [1, с. 96]. Применительно к современной цивилизационной ситуации об этом точно сказано в недавней книге С. Ф.Черняховского «Политическая культура: государственная политика и философия будущего»: «Россия сохранила веру в то, что «потребление менее важно, чем созидание. Что материальное благополучие – лишь вторичная сторона жизни. Что дружба может быть важнее денег. Что может быть общество, где человек человеку друг» [2, с. 226].

Модернизация без вестернизации – такова задача прогресса в нашей евразийской стране. Модернизация – это не цель, а средство для сохранения социальной и культурной жизни под знаком истины.

Литература:

1. Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: В 2т. М.: «Наука», 1991.Т. 2. 672 с.
2. Черняховский С. Ф. Политическая культура: государственная политика и философия будущего. М.: Институт Наследия, 2019. 254 с.

Гражданское общество, антигражданское общество: к определению понятий

Кошелев Михаил Иванович

Академия ФСИН РФ. Профессор, доктор философских наук

Koshelesh@yandex.ru

Аннотация: Автор рассматривает содержание понятия «гражданское общество» в его взаимодействии и сопоставлении со сравнительно недавно введенным понятием «антигражданское общество». Анализ данных понятий позволяет установить, что являясь с одной стороны антиподом обществу гражданскому, с другой антигражданское общество имеет с ним ряд общих черт и признаков. Это требует более строгого определения данных понятий, с учетом их места в системе цивилизационных ценностей и норм существующего общества.

Ключевые слова: гражданское общество, антигражданское общество, правовое государство, идея гражданского общества, коррупция.

Многочисленные теории гражданского общества и различные подходы к его пониманию после перемен, происшедших и происходящих в России в последние десятилетия, невозможно перечислить. Гражданское общество стало целью, синонимом общественного идеала. Отсутствием или недостаточным развитием гражданского общества политологи объясняют и засилье бюрократии, и пассивность, слабое сопротивление населения непопулярным решениям властей, высокий уровень преступности в стране, и общую цивилизационную отсталость России.

В соответствии с традициями политического либерализма гражданское общество постоянно противопоставлялось государству как абсолютно доброе начало - абсолютно злему. Сегодня такое упрощенное представление преодолено. Стало ясно, что государство отнюдь не всегда является воплощением зла, более того, оно необходимо как источник права для гражданского общества, оно закладывает его институты, создает условия, возможности для их функционирования, если речь идет, конечно, о правовом государстве. Гражданское общество, в свою очередь, может быть отягчено криминалом и коррупцией, ориентировано на принципы частного выживания, на уход от налогов, взяточничество и воровство, социальное расслоение.

Сами термины «гражданское общество», «правовое государство», по мнению многих специалистов не очень удачны. Действительно, гражданское общество не просто совокупность граждан, а правовое государство – не просто государство, в котором есть право, как ЭТО иногда представляется студентам-первокурсникам. Содержание и оценки данных понятий менялись не раз и продолжают изменяться, что создает трудности для достижения консенсуса при их определении. Однако в современную номенклатуру понятий перетекли из политического багажа классической либеральной эпохи и остались в качестве наиболее употребительных именно они.

В то же время удручает неопределенность и многозначность употребления понятия гражданского общества не только в современном российском общественно-публицистическом дискурсе, но и в специальной литературе. Массив публикаций столь велик, что вместо многочисленных ссылок в короткой статье, уместно будет отправить читателя к материалам «круглого стола» журналов «Вопросы философии» и «Государство и право» по данной проблеме. [1]

В этой ситуации перед любым исследователем встает в качестве исходной задача, сформулированная Декартом: определяйте правильно значение слов и вы избавите мир от половины заблуждений. Речь, разумеется, не о том, что на нескольких страницах на мир прольется, наконец, свет истины. Это скорее попытка прояснить для себя основные понятия.

Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на различие между понятием и идеей гражданского общества, представленное в одной из ранних работ Ю.М.Резника

Среди отличий были отмечены способ и характер детерминации ими человеческой деятельности. Понятие гражданского общества «пассивно», оно не побуждает непосредственно людей к проявлению активности и, следовательно, «нейтрально» к целям и результатам этой деятельности. Идея же гражданского общества «активна», она оказывает прямое воздействие на сознание и поведение людей при

помощи механизмов подражания, заражения, общественного мнения и т.д. К тому же, существенной особенностью идеи гражданского общества является социокультурная обусловленность, то есть, ее соответствие культурным образцам, нормам, ценностям данной цивилизации. [2, с.157-158]

В неявной форме это различие присутствует сегодня в многочисленных публикациях по проблематике гражданского общества. Действительно, в большинстве работ утверждается, что именно идея гражданского общества соответствует представлениям о самоорганизующемся демократическом обществе, о консолидации интересов и волеизъявления свободных, полноправных граждан и их объединений, обладающих гражданскими, политическими и социальными правами и готовых к дружному давлению на государство, на олигархические кланы; оно есть духовное объединение людей на основе общих ценностей и идеалов.

В России такого гражданского общества не было ни во времена тоталитарного, ни авторитарного социализма.

С другой стороны, понятие гражданского общества включает в себя совокупность неполитических, неподконтрольных государству организаций, широкий веер возможностей для человека действовать в свободно избранной сфере деятельности с целью удовлетворения своих частных или групповых, семейных интересов, свободу передвижения, включая выезды за границу, существование независимых средств массовой информации, критикующих политику властей. Уже перечисленного достаточно для того, чтобы говорить о наличии гражданского общества в постсоветской России, пусть и не в полном объеме.

Мне кажется, что часто именно с неразличением употребления *идеи* и *понятия* гражданского общества, о которых речь шла выше, связаны оптимистические или, напротив, пессимистические взгляды на проблему существования гражданского общества в постсоветской России.

С точки зрения методологии необходимо учитывать также такую возможность искажающего восприятия реальности, как гипостазирование или реификацию (овеществление) понятия. Когда теоретическую конструкцию под названием «гражданское общество», созданную для того, чтобы отделить существующее общество от определенного проекта, идеала, к которому необходимо стремиться, начинают искать, что называется, на грешной земле, тогда некоторых (а может быть и всех) признаков гражданского общества можно и не обнаружить. Только при таком подходе возможна, например, точка зрения: «в России нет государства в традиционном смысле ЭТОГО понятия, нет и граждан, не говоря уже о гражданском обществе» [3,с.26]

Еще одну сложность в определении понятия «гражданское общество» привнесло появление понятия «антигражданское общество»

Несмотря на некоторую экзотичность этого отрицательного определения, оно уже активно используется в научной литературе и публицистике, имеет свою историю, а значит присутствует в общественной жизни, и социальная теория настойчиво нащупывает его сущностные характеристики.[4]

Н.М. Мотрошилова в указанной работе прямо связывает понятие «антигражданское общество» с системой полулегальных и нелегальных организаций, способствующих «систематическому и чудовищному по своим масштабам ограблению, обворовыванию, угнетению, унижению ...большинства населения, граждан России», созданных по преимуществу людьми с достаточно высоким социальным и служебным статусом. [5, с.30]

С инвективой уважаемого автора трудно не согласиться. Очевидно, что речь идет об организованной преступности, которая захлестнула страну в 90-е годы, когда государство оказалось ослабленным, фрагментированным в части основных государствообразующих функций. Существующими и постоянно вновь формирующимися элементами антигражданского общества являются коррумпированные чиновники, начиная с федеральных и заканчивая региональными и местными, коррумпированные представители силовых структур, коррумпированные суды, нотариусы. Извлечение публичными лицами и прежде всего государственными чиновниками личных выгод из своего служебного, должностного положения приобрело гигантские масштабы, объем оборотных коррупционных средств достигает сотен миллиардов рублей.

Однако, возникает еще одна теоретическая трудность. Дело в том, что ряд признаков гражданского общества вполне вписывается в характеристику общества антигражданского. Не случайно известный политолог В.Третьяков в указанной статье называет преступность «антигражданским антиобществом, или вывернутым наизнанку гражданским обществом».

Крысенко Д.С.

Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко, заведующий кафедрой философии и социологии. Доктор исторических наук

mamaj2@rambler.ru

Аннотация: В статье проанализированы истоки и философско-мировоззренческие основания общественно-политического движения «Русская весна» в его ценностно-смысловой плоскости. Делается вывод о новой интерпретации советской (русской) ценностной системы на уровне внешней и внутренней политики народных республик Донбасса.

Ключевые слова: «Русская весна», Новороссия, Донбасс, ценностная система, идеология.

Philosophical and ideological foundations of the movement «Russian Spring».
Krysenko D.S.

Lugansk National University named after Taras Shevchenko, Department of Philosophy and Sociology

Abstract: *The article analyzes the origins and philosophical and philosophical foundations of the socio-political movement “Russian Spring” in its value-semantic plane. The conclusion is drawn about a new interpretation of the Soviet (Russian) value system at the level of foreign and domestic policy of the national republics of Donbass.*

Keywords: *“Russian Spring”, New Russia, Donbass, value system, ideology.*

Одной из задач философии как отрасли знания является поиск ответов на ключевые вопросы тенденций развития общественно-политической мысли. Одним из самых ярких явлений данной сферы выступило движение «Русская весна», актуализировавшее вопрос «Откуда есть пошла Русская земля?». По причине хронологической близости и политической незавершенности, как фактографическая, так и философская стороны движения «Русская весна» и последовавшей Народно-Освободительной войны на Донбассе являются в академической науке практически не исследованными. В качестве исключения можно указать лишь небольшой круг публицистических работ [1; 2; 3; 4]. Итак, целью данной статьи является компаративный анализ указанного общественно-политического движения в его ценностно-смысловой плоскости.

Цитированный выше вопрос, поставленный Нестором Летописцем больше тысячи лет назад, является ключевым не только в отношении понимания истоков прошлого, но и в отношении будущего, поскольку, по мнению Отцов Церкви, времени не существует: причина равна следствию, а прошлое – будущему. Итак, ключ к будущему – в прошлом, и понимание любым народом своего места в мире неизбежно упирается в начальную точку творения, следовательно, условием успеха государства является приближение его задач к воле Творца, чьё существование и авторство мира которого современной наукой не отрицается. В этом ключе, национальная идея (как картина завтрашнего дня) тождественна идеям, возложенным на народ Творцом.

Поскольку любое событие мировой истории многоаспектно, имеет целый спектр причин и факторов, русскую историю можно анализировать и понимать только в контексте отношений нашего народа с Творцом. На русский народ возложена особая роль учителей и защитников. Любой родитель желает, чтобы его ребёнок достиг большего, чем он, и словами Клайва Льюиса, «слишком много любви – скорее проклятие, чем благословение». Идея коммунизма, возникнув как манифест борьбы и отрицания роли Творца, стала продолжением Его воли. Ключевые позиции советского социализма являются глубоко русскими, а значит, христианскими по духу: абсолютная справедливость, мир без диктата и границ, мир любви и братства, мир, в развитие которого каждый человек вносит вклад по возможности, получая необходимое для жизни по потребности; мир, в котором есть место для всех народов; мир, где возможности каждого человека раскрыты в максимальной мере.

В исторической ретроспективе, неравенство, является нормой, и весьма характерно, что именно в рамках движения «Русская весна» идея справедливости была представлена в максимальной мере. Идея справедливости (равно как и идея милосердия) отнюдь не является общечеловеческой, и именно в этом свете следует искать причины особой враждебности, испытываемой коллективным Западом по

Что называется, крайности сходятся. Не случайно используемые слова являются однокоренными: и там и здесь присутствуют граждане. Как остроумно подмечает С.Г. Кордонский, у некоторых наших представителей, считающих, что гражданское общество, как некое высшее достижение, есть только на Западе, «язык не поворачивается» называть некоторые общераспространенные отношения гражданским обществом. Им гораздо легче приписать государству такие массовые модели поведения, как воровство бюджетных денег, уход от налогов, готовность брать и давать взятки и т.п. Он вводит понятие «неорганизованное гражданское общество» и утверждает, что оно глубоко укоренено в цивилизационную составляющую России, а «по эффективности в решении проблем своих членов, степени ситуативной связности между гражданами и типами решаемых задач», оно гораздо мощнее, чем организованные гражданские общества». К распространенным и устойчивым институтам российского варианта гражданского общества С.Г. Кордонский относит «домашнее и ресторанное застолье, баню с девочками и без, охоту и рыбалку, совместный отдых» и т.п. [6, с.24-25]

Действительно, налицо и самоорганизация, и консолидация интересов, и волеизъявление свободных (только от чего? законодательства?) объединенных на основе общих ценностей и идеалов граждан, Только ценности и идеалы эти совсем другие. Когда В.С. Библер писал об отсутствии гражданского общества в России как об «одном из самых страшных дефицитов», он безусловно имел в виду не эти гражданские действия. [7, с.356] Здесь дефицита пока не предвидится.

Поэтому понятие антигражданского общества вполне правомерно, а в понятие гражданского общества необходимо включать «взаимосвязанную систему независимых от государственной власти общественно-политических институтов, участвующих в общественных (экономических, социальных, культурных, нравственных, духовных, корпоративных, религиозных и др.), возникающих по поводу реализации гражданами своих прав и свобод и находящихся вне политических (государственных) и частных (личных) отношений, но в рамках национального законодательства».[8, с.25]

Здесь уместен был бы анализ понятий «гражданин», «гражданственность», «гражданская идентичность», «гражданская ответственность». Но эти темы уже не вписываются в рамки данной публикации.

Литература:

1. Гражданское общество, правовое государство и право («Круглый стол» журналов «Государство и право» и «Вопросы философии»). Вопросы философии. 2002. №1. С. 3-51.
2. Резник Ю.М. Идея гражданского общества в его развитии // Социальная философия в конце XX века. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 157-168.
3. Чернявский А.Г. Государство. Гражданское общество. Право; - М.: ИНФРА-М, 2018. 342 с.
4. Мотрошилова Н.В. О современном понятии гражданского общества // Вопросы философии. 2009. №6; Кузнецов В.Н. Социология идеологии. Учеб. Пособие. М.: 2007. 403 с.; Третьяков В. Что такое гражданское общество // Российская газета от 25 ноября 2004. и др.
5. Мотрошилова Н.М. :Указ. соч. С.30.
6. Кордонский С.Г. Государство, гражданское общество и коррупция // Отечественные записки. 2005. №6. С.20-33
7. Библер В.С. На гранях логики культуры. М., 1997. Русское феноменологическое общество. 440 с. С. 356.
8. Чернявский А.Г. Указ. соч. С.25.

отношению к Русскому миру: вопреки своей небольшой численности, для «хозяев мира сего», русские люди – «враг номер один», поскольку они никогда не признают законным порядок, при котором одни народы и социальные группы живут за счёт других. В рамках Русского мира индивидуальное благополучие за чужой счёт аморально и ненормально. Данная идея не характерна ни для Китая (официально строящего коммунизм, но вполне сосуществующего с рыночными «демократиями»), ни для фаталистической Индии, ни для полуфеодальной Латинской Америки.

Декларируемое американскими лидерами в 2000-е гг. продолжение Холодной войны – свидетельство того, что лишь Россия может предложить привлекательный проект мира, альтернативный англосаксонскому. Наднациональная идея и всемирная перспектива советского (русского) государства была заключена в его гербе, содержащем Земной шар и призыв к единению трудящихся, конкретной географической привязанности было лишено и название. Именно в рамках социализма было возможно сосуществование народов с различным (часто враждебным) прошлым. В этом свете, особая роль как «lingua franca» принадлежит русскому языку – средству международного общения. Национализм же неизбежно столкнётся с другим национализмом, поскольку они носят взаимоисключающий характер. Именно русский социализм предлагал рациональную модель экономики, способную при минимальной нагрузке на ресурсы Земли обеспечивать максимальное удовлетворение потребностей максимального круга людей. Подлинная свобода обеспечивалась именно в рамках социализма: его критика, а в итоге и перестройка были возможны, – в отличие от Запада, потребительские соблазны и манипуляция сознанием в которых настолько коварны и привязаны к человеческим порокам, что исключают саму возможность общественной дискуссии. Образец тоталитаризма – именно США, а не СССР. Именно поэтому развал нашей страны стал возможен: сила добра – в беззащитности и ограниченности его тактики; оно, в отличие от зла, не может быть навязано (его можно лишь выбрать). Зло же, всегда агрессивно и навязчиво.

Н. В. Гоголь, размышляя о смысле русской истории, отметил, что «Русь будет жить до тех пор, пока будет жить последняя русская губерния». В наши дни, этой «последней русской губернией» являются республики Новороссии – ЛНР и ДНР. Национализм, неравенство и господство олигархии воспринимаются их жителями как инверсия нормальных ценностей. Вместе с тем, часть русских людей поддавалась соблазну идеи того, что именно богатство в современном обществе является мерилем успешности человеческой жизни. Но эта уверенность привела к возникновению ценностного конфликта между группой согласных со справедливостью такого положения вещей и группой тех, кто считает необходимым перестроить такое общество на других ценностных основах. Именно последними в 2014 г. было реализовано движение «Русская весна». На уровне Народных Республик происходит новая интерпретация советской (русской) ценностной системы. Подтверждением этого являются основные направления внутренней и внешней политики ЛНР и ДНР (национализация объектов промышленности, культурная политика в духе социалистического гуманизма, использование элементов советской геральдики в качестве государственной символики). Весьма примечательно, что в качестве центрального элемента герба ЛНР была избрана пятилучевая красная звезда – символ торжества справедливости в пяти частях света [5, с. 61-63]. Положительными чертами здесь наделяются составляющие, связанные с удовлетворением коллективных интересов, с духовностью и общественным порядком. Негативными же чертами наделяются составляющие, где на первое место вышли частные интересы, которые удовлетворяются за счёт общества. Подчеркнём, что к центральному специфическому компоненту массового сознания жителей Донбасса принадлежит взгляд на существование этого региона как части советского пространства в рамках Российской Федерации. Люди, своим трудом и оружием отстаивающие идею многонациональной Новороссии, подают пример остальной части большой России – пример жертвенности и приоритета коллективного над частным.

Литература:

1. Пахомов В.П. Параллельные миры на перекрёстках геополитики (некоторые заметки русского человека о «русской весне», о славном городе-герое Севастополе, об идейной природе российского либерализма, о феномене информационной войны и прочая). Новокузнецк: Ник, 2015. 92 с.
2. Фурсов А.И. Холодный восточный ветер русской весны. М.: Книжный мир, 2015. 317 с.
3. Холмогоров Е.С. Карать карателей: хроники Русской весны. М.: Книжный мир, 2015. 411 с.
4. Я – израненная земля: русская поэзия о весне крымской и войне донбасской / Под ред. З. Прилепина. М.: Книговек, 2017. 287 с.

5. Крысенко Д.С. Особенности создания и эволюции государственной символики Луганской Народной Республики / Д.С. Крысенко // Материалы III Междунар. науч. конф. «Донецкие чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности», 25 октября 2018 г., Донецк, ДНР / Под ред. С.В. Беспаловой. – Донецк: ДонНУ, 2018. 326 с. С. 61–63.

Перспективы развития культурной и научной дипломатии: социально-философский анализ

Курумчина А.Э.

*ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»,
доцент. Кандидат философских наук*

a.e.kurumchina@urfu.ru

Аннотация: Каждое общество вырабатывает специфические нормы и ценности, определяющие его отличие от других. В эпоху глобализации коммуникация и взаимодействие между обществами значительно интенсифицировалось, одновременно осуществляется культурное давление и трансформация ценностей, что подтачивает онтологические основы единства той или иной страны, провоцируя конфликты. Важно рассмотреть онтологические основания сохранения целостности общества и инструменты, позволяющие это делать на внутреннем и внешнем, международном уровне. Таким инструментом нам представляется культурная и научная дипломатия. Их потенциал в условиях глобализации и культурной унификации, особенно в сфере массовой культуры, принадлежит политическому объединению БРИКС. Наиболее крупные страны этой группы, Китай и Индия, представляют собой одни из самых древних культур, сумевших пережить колониальное давление и возрождающиеся благодаря обращению к своим культурным, философским традициям, адаптировав их к современности. Внешняя культурная политика этих стран подкрепляется растущим научным и военным потенциалом, благодаря поддержке со стороны России. Роль культурной и научной дипломатии существенно возрастает, как инструмента, благодаря которому мы можем удержать мир в равновесии.

Ключевые слова: культурная и научная дипломатия, культурная политика, социально-философский анализ, БРИКС, глобализация

Development Prospects of Cultural and Science Diplomacy: socio-philosophical analysis. Kurumchina A.E.

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

Abstract: Each society develops specific norms and values, which determine its difference from others. In the era of globalization, communication and interaction between societies has intensified significantly, while cultural pressure and the transformation of values are underway, that undermines the ontological foundations of the unity of a country, provoking conflicts. It is important to consider the ontological foundations of maintaining the integrity of society and the tools that allow it to be done at the internal and external, international level. Such an instrument seems to us cultural and science diplomacy. Their potential in the context of globalization and cultural unification, especially in the field of mass culture, belongs to the BRICS political group. The largest countries of this group, China and India, are one of the most ancient cultures that managed to survive the colonial pressure and are being revived by turning to their cultural, philosophical traditions, adapting them to the present. The foreign cultural policy of these countries is supported by a growing scientific and military potential, thanks to support from Russia. The role of cultural and scientific diplomacy is growing significantly, as a tool through which we can keep the world in balance.

Keywords: Cultural and science diplomacy, cultural policy, socio-philosophical analysis, BRICS, globalization

По определению С.М. Ожегова, общество – это «совокупность людей, объединенных исторически обусловленными социальными формами совместной жизни и деятельности». [0]. Речь может идти о феодальном обществе, или о некоей региональной общности, например, российское общество. Каждое общество в процессе своей жизнедеятельности вырабатывает специфические нормы и ценности, которые определяют его отличие от других, но при этом, поскольку общество состоит из людей, чья природа одинакова, есть некие универсальные категории, которые объединяют нас в одно целое – человеческое общество. Индивидуальность обществ определяется социально-экономическим строем, формой правления, политическим режимом, культурой и др. До недавнего времени региональные общности взаимодействовали между собой скорее в исключительных случаях и чаще всего в лице его отдельных представителей - правителей, воинов, торговцев, ученых. В эпоху глобализации коммуникация и

взаимодействие между обществами значительно интенсифицировалось, и к вышеперечисленным категориям добавились рядовые граждане, с одной стороны, как туристы, а с другой, как целевая аудитория, на которую различные общества начали оказывать влияние. Определенные политические оппоненты стремятся к экономическому, политическому и культурному доминированию в мире, в процессе глобализации, осуществляется культурное давление и трансформация ценностей, что подтачивает онтологические основы единства той или иной страны. Именно потому так важно рассмотреть онтологические основания для сохранения целостности человеческого общества и инструменты, которые позволяют это делать на внутреннем и внешнем, международном уровне. Таким инструментом нам представляется культурная и научная дипломатия.

Культурная и научная дипломатия как элемент мягкой силы стал крайне популярен в современном обществе с легкой руки Дж. Ная, который еще в 1990 в своей книге «Bound to Lead: The Changing Nature of American Power» [0] указал на необходимость использовать не только силу оружия при достижении внешнеполитических целей, но и силу убеждения другого государства в приоритете своих ценностей, вовлечение в них геополитического оппонента с тем, чтобы сделать его более лояльным и восприимчивым к политике другого государства. По большому счету это явление не новое, культура, наука и их продукты во все времена были важным компонентом дипломатического влияния, дары в виде дорогих ювелирных изделий весьма ценились и составляли важную часть дипломатического ритуала, а также книги, предложение своих образовательных технологий, отправка учителей, врачей, инженеров и других высококвалифицированных специалистов, носителей культурного кода и культурной информации другой страны в качестве знака особого расположения с глубокой древности использовались для того, чтобы оказывать влияние на первых лиц государства и их юных потомков.

Начиная с изобретения печатного станка в середине XV века информация стала значительно доступнее широким слоям населения, а в XX-XXI веках, с изобретением современных средства массовой коммуникации и современных видов транспорта, благодаря которым скорость передачи информации и передвижения существенно сократились, наступило время глобального информационного, культурного и научного влияния стран друг на друга.

Культурная и научная дипломатия являются составной частью публичной дипломатии, которая воспринимается как элемент «мягкой силы». Как указывает Цветкова, «впервые данное выражение появилось в газете «Нью-Йорк Таймс» в 1871 г. в статье, которая повествовала о дискуссиях в Конгрессе США по вопросу о возможной секретной аннексии испанской колонии на территории современной Доминиканской Республики. Во время этих дискуссий в Конгрессе и было употреблено выражение «публичная дипломатия» как противопоставление секретной дипломатии и внешней политике администрации США» [0, с. 21]. Исторически формирование этого явления относят к периоду окончания «Первой мировой войны» [0, с. 21]. Взаимодействие различных социальных систем, таких, например, как СССР и США, являвшихся лидерами социалистического и капиталистического обществ, предполагало применение средств пропаганды, или публичной дипломатии (понятие «пропаганда» имело негативную коннотацию из-за связи с немецкими социал-демократами). После Второй мировой войны, по мере развития мирного, хотя и «холодного» взаимодействия стран друг с другом, роль науки и культуры значительно возросла, и в 1967 году на конференции в Монако был впервые выработан единый международный подход к понятию «культурная политика» и дано его определение как «комплекс операциональных принципов, административных и финансовых видов деятельности и процедур, которые обеспечивают основу действий государства в области культуры». [0, с. 21].

Согласно Л.Е. Вострякову, до 1970-х гг. культура рассматривалась как цивилизующий, развивающий, облагораживающий фактор, как демонстрация некоего эталона, к которому все должны стремиться. [0]. Однако, с точки зрения социально-философского подхода, в 1970-х гг. произошли существенные социальные трансформации во всех сферах человеческой жизни общества. После молодежных социальных протестов, прошедших в США, Франции, Италии, был легализован гомосексуализм, проведена реформа образования, существенно снизился уровень подготовки специалистов, сократились часы на предметы, формирующие рациональное мышление, были внедрены игровые формы обучения, девизом молодежи стал «секс-наркотики-рок-н-ролл», «современное искусство» получило поддержку со стороны государств с целью снижения общественного вкуса, идеи феминизма и экологизма вышли на первый план, в социально-философской мысли начинают доминировать идеи **постмодернизма**. В эти годы была предложена новая более демократичная концепция культурной политики¹

¹ «...в начале 1970-х годов подход, при котором культуре и искусству отводилась «облагораживающая общественная роль», оказался под огнем критики со стороны тех, кто считал, что заранее задавать набор культурных ценностей

- децентрализация, подъем местных идентичностей и культурная деятельность вместо культурного потребления. На современном этапе отмечается параллельное существование двух основных подходов к культурной политике – традиционный, при котором государство финансирует основные культурные проекты, поддерживая ее традиционные формы, и рыночный, где доминирует инвестор, понятие рентабельности и самоокупаемости, а также развивается понятие креативная индустрия, которая подразумевает экономическое и социальное развитие регионов через культурные практики.

Культурная политика является инструментом культурной дипломатии. Как сказано в документе «Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей России с зарубежными странами», «посредством использования специфического инструментария, форм и методов осуществления культурная дипломатия способна вносить существенный вклад в достижение основополагающих целей и повышение эффективности внешней политики России. Взаимодействие дипломатии и культуры имеет давние исторические традиции и служит национальным интересам России». [0].

Главными направлениями деятельности внешней культурной политики в этом документе являются продвижение русского языка, работа с соотечественниками за рубежом, поддержка и развитие образования иностранных граждан в России, организация и проведение традиционных культурных мероприятий, таких как выставки, концерты, фестивали, лекции. Взаимобогащение культур и интеграция России в мировое культурное и политическое пространство подразумевает также необходимость сделать нашу страну одним из мировых центров диалога культур. Несмотря на то, что научная дипломатия не выделена как самостоятельное направление, она постоянно упоминается в документе наряду с образованием. Большое значение придается сотрудничеству с ЮНЕСКО. М.В. Боголюбова указывает, что на состоявшемся 3 сентября 2012 года совещании глав Россотрудничества «вопросы внешней культурной политики вновь рассматриваются как приоритетные во внешнеполитическом курсе страны, а культурные связи являются основой для создания благоприятного образа России, неотъемлемой частью «мягкой силы». [0, с. 145].

Каковы перспективы культурной и научной дипломатии в условиях не глобализации и культурной унификации, особенно в сфере массовой культуры? Нам представляется, что такое политическое объединение как БРИКС может предложить альтернативу. Страны, входящие в эту группу опираются в своем социальном бытии на более традиционные ценности, по сравнению с западным миром. Возможно, кем-то это воспринимается как социальная отсталость, однако, можно возразить, что наиболее крупные страны этой группы, да и всего мира, такие как Китай и Индия, входящие в БРИКС, представляют собой одни из самых древних культур, сумевших пережить колониальное давление западного мира, и возрождающиеся как раз благодаря обращению к своим культурным, философским традициям, разумеется переосмыслив и адаптировав их к современности. Внешняя культурная политика этих стран подкрепляется растущим научным и военным потенциалом, благодаря поддержке со стороны России.

Информационная и экономическая война, которую мы наблюдаем между США и Китаем, можно сравнить с периодом «холодной войны» между СССР и США в 1970-1980-е гг. В этой связи роль культурной и научной дипломатии существенно возрастает, поскольку это тот инструмент, благодаря которому мы можем удержать мир в равновесии, не сорвавшись в пропасть третьей мировой войны, о которой сейчас говорят все чаще.

Литература:

1. Общество // Толковый словарь Ожегова онлайн. – Электронный ресурс: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=17931> (дата обращения: 14.02.2020).
2. Nye Joseph S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power New York: Basic Books, 1990. 370p
3. Цветкова Н.А. Публичная дипломатия как инструмент идеологической и политической экспансии США в мире, 1914–2014 гг.: дис. д-ра истор. наук, Санкт-Петербург. гос. университет, Санкт-Петербург, 2015.

и художественных форм, к которым предоставляется доступ, значит нарушать принципы демократии. Это не что иное, как навязывание большинству населения культуры элитарного меньшинства, игнорирующего многие новые или нетрадиционные формы самосознания и выражения. Именно поэтому, с начала 1970-х годов многие страны приступили к поиску новой культурной политики. В основе этой политики лежала идея демократизации культуры. На смену лозунгу «культура для всех» (культурная демократия) пришел лозунг демократизации культуры – «культура для каждого». [5].

4. Коростелев Н. Ю. Эволюция государственной культурной политики // Вопросы культурологии. - 2016.-№2.-С.21-27.
5. Востряков Л.Е. Культурная политика: концепции, понятия, модели. – Электронный ресурс: <http://www.cpolicy.ru/analytics/80.html> (дата обращения 15.02.2020)
6. Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей России с зарубежными странами». – Электронный ресурс: <http://docs.cntd.ru/document/901794645> (дата обращения 14.02.2020).
7. Боголюбова В.М. Внешняя культурная политика России: исторический опыт и проблемы современного периода // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2013. Вып. 3. – с. 142-147.

Возможность будущего: российский проект глобального развития в поисках собственной идентичности.

Левицкий В.С.

Украинский институт стратегий глобального развития и адаптации, директор. К.филос.н.

Victor2609@ukr.net

Аннотация. В докладе анализируются изменившиеся принципы функционирования мирсистемы. Современная фаза глобализации характеризуется конкурентной борьбой проектов глобального развития, являющихся следствием разрушения веры в универсальную модель развития. В связи с этим стали возможны не только множественные модерны, но и множественные истины. Каждый проект является определенным дискурсом смыслополагания, в котором конструируются собственные представления об истине, истории, идентичности и т.д. В нынешней дискуссии внутри российского проекта относительно стратегий дальнейшего развития, часто не обращается внимание на культурную близость, которая, принимая во внимание ценностно-ориентированную архитектуру проектов, становится фундаментальным ресурсом в нарастающей конкурентной борьбе. В то же время учет этого измерения проблемы позволяет по-новому посмотреть на актуальное развитие мирсистемы и обладает существенным потенциалом снижения конфликтности.

Ключевые слова: проекты глобального развития, дискурс, стратегии, нарратив, культурная близость.

Opportunity of the Future: the Russian Project of Global Development in Search of Its Own Identity. *Levytskyy Viktor*

Ukrainian Institute of Strategies of Global Development and Adaptation.

Abstract: As a result of the analysis, the principles of the functioning of the world system have changed. The modern phase of globalization is a competition between global development projects. Not only multiple modernities are possible, but also multiple truths. Each project has a specific meaning for truth, history, identity, etc. In the framework of the current discussion on the Russian project regarding strategies for further development, they often do not pay attention to cultural proximity, which requires attention to the value-oriented architecture of projects, which is becoming a fundamental resource in increasing competition. At the same time, taking this dimension of the problem into account allows us to take a fresh look at the actual development of the world system and has a significant potential for reducing conflictogenity.

Keywords: global development projects, discourse, strategies, narrative, cultural proximity.

Изменившиеся принципы эпохи постправды: дискурсивное смыслополагание и ценностно-ориентированное строение глобальных проектов

Сегодня с уверенностью можно говорить о кризисе универсального разума, а как следствие и базирующейся на ней парадигмы классического модерна: представления о логике и направленности исторического процесса, об устоявшихся законах социального бытия подвергаются все большей эрозии. Во всех магистральных для современного разума дискурсах самопонимания (дискурсе о модернизации, дискурсе о глобализации, дискурсе о секуляризации и т.д.), самое позднее к концу XX в., была осознана проблематичность учения о каноническом пути развития общества. Сегодня следует говорить о конкурентной борьбе проектов глобального развития (Американский, Русский, Китайский, Исламский, Индийский)ⁱ, которые формируются вокруг традиционных (религиозных) ценностей, выстраивая на их основе свой вариант архитектуры глобального развития. На смену естественному ходу событий пришло сознательное управление логикой и направленностью исторического процесса – социальное конструирование реальности перешло в осознанную и целенаправленную фазу. В этом отношении симптоматичным является недавнее заявление Р. Хааса, директора Council on foreign relation, одного из самых авторитетных американских think tank, который сказал, что миропорядок не

рождается, а формируетсяⁱ.

Формирование этого миропорядка происходит на основе проектов глобального развития, в центре каждого из которых находится партикулярный нарратив, определяющий смысловую окраску событий настоящего, прошлого и будущего. Интерпретация событий, формирование внутренней нормативности, аксиологии, телеологии, прагматики осуществляется по законам, которые можно сравнить с законами, описанными Ф. Анкерсмитом как нарративная логика. Он, в частности для исторических наук, показал, что события, факты, явления прошлого сами по себе являются разрозненным хаосом данных, целостность которым придает исторический нарратив, в котором они впервые становятся осмысленным единством прошлого. События эти не существуют вне нарратива и «удостоверяются исключительно нарративом» [1, с. 129]. Ф. Анкерсмит пишет: «Философ, утверждающий, что «реальность есть вода» (Фалес) или «реальность есть идея» (Гегель) и т.д., подобно историку, защищает некоторую «точку зрения», с которой следует рассматривать реальность» [1, с. 317].

В этом отношении логика функционирования проектов совпадает с логикой историка, которую выявил Ф. Анкерсмит, а судя по всему с логикой любой практики смыслообразования. Проекты глобального развития, как предельные сегодня ценностно-смысловые универсумы, определяют, как «следует рассматривать реальность». Исходя из ценностного ядра проекта формируются представления о логике исторического процесса, идентичности и наборе канонических социальных практик. Перефразируя знаменитую максиму В. Куайна можно сказать, что сегодня существовать значит быть связанной переменной нарратива глобального проекта.

Логичным желанием каждого проекта глобального развития является расширение его пространства и признание за его ценностно-смысловым ядром статуса универсального. Например, Дж. Карафано, вице-президент Heritage foundation, еще одного мощнейшего американского аналитического центра показал, что расширение глобального проекта происходит благодаря продвижению «стратегий и инициатив», несущих его ценностно-смысловые императивыⁱⁱ. Продвижение таких стратегий и инициатив – это продвижение социальной реальности проекта. Это приобщение представителей других проектов к собственным ценностям, нормам и практикам, а соответственно превращение их в акторов собственной реальности.

Исходя из вышеизложенного можно эксплицировать следующий схематизм: внутри проекта (смыслового дискурса) формируются канонические смыслы, которые предполагают релевантные им социальные действия; стратегии и инициативы продвигают в социальном пространстве эти смыслы и практики, расширяя ареал собственного проекта. *Смысл и практика не могут появиться в стратегии или инициативе если их нет в ценностно-смысловом ядре нарратива. Невозможны вненарративные смыслы.*

Современные дискуссии в рамках российского проекта

Для понимания актуального состояния российского проекта, следует обратиться к двум статьям, как минимум симптоматичным для развития русского проекта (дискурса). Речь идет о статье В. Суркова «Одиночество полукровки», вышедшей в апреле 2018 г. и статье С. Лаврова «Мир на перепутье и система международных отношений в будущем», увидевшая свет в октябре 2019 года. В этих текстах авторы, используя разную методологию и исторический фактаж, отвечают по сути на один вопрос: каково место России в текущем и будущем миропорядке.

Сурков показывает, как Россия четыре века двигалась в сторону Азии, чуть не став полноценно азиатской страной, потом еще столько же Россия «пробивала окно в Европу», так и не оказавшись в европейской семье народов, что и было фактически зафиксировано в 2014 г. В результате этого Россия – это и не Азия и не Европа. Автор пишет: «И все-таки вряд ли мы третья цивилизация. Скорее, сдвоенная и двойственная. Вместившая и Восток, и Запад. И европейская, и азиатская одновременно, а оттого не азиатская и не европейская вполне... Россия это западно-восточная страна-полукровка. С ее двуглавой государственностью, гибридной ментальностью, межконтинентальной территорией, биполярной историей она, как положено полукровке, харизматична, талантлива, красива и одинока» [2, с. 129]. И это ее судьба. Соответственно, будущее России в такой концепции – это одиночество полукровки.

В свою очередь С. Лавров констатирует разрушение однополярного мира, он предлагает:

ⁱ См.: Водоразделы секуляризации: западный цивилизационный проект и глобальные альтернативы / под ред. А. Белокобыльского, В. Левицкого. – М.: Академический проект, 2018. – 215 с.

ⁱ См.: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-12-11/how-world-order-ends>

ⁱⁱ См.: <https://nationalinterest.org/feature/ensuring-twenty-second-century-america-70876?page=0%2C1>

«Признать очевидное: процесс формирования полицентричной архитектуры мироустройства необратим» [3, с. 34-35]. Вместе с тем автор констатирует не безальтернативность западных ценностей и, что незападные центры геополитического развития должны выстраивать свои проекты учитывая собственные партикулярные ценности. Лавров пишет: «Однако множественность моделей развития не позволяет говорить о том, что западная корзина либеральных ценностей безальтернативна» [3, с. 31]. Соответственно, миропорядок должен быть пересмотрен, исходя из замещения западнцентричной модели полицентричной, в которой все большую роль должны играть Россия, азиатские страны (в первую очередь Китай и Индия) и учитываться важная роль Африки и Латинской Америки.

Уточнение концепций

Учитывая, что это не просто статьи, опубликованные в периодических журналах, а как минимум часть процесса создания нарратива, важно сделать несколько уточнений, которые позволят и сам дискурс сделать сильнее и обладают потенциалом разрешения существующих конфликтов.

Данные концепции игнорируют значимость культурной близости соседних государств. Сегодня практически все участники геополитического соревнования осознали, что в условиях ценностно-ориентированных проектов глобального развития культурная близость является фундаментальным ресурсом, позволяющим усиливать собственный проект. Проекты стараются вписать в собственный нарратив наиболее широкий ареал. Китай объявил политику инклюзивности по отношению к своим соседям. Исламские страны солидаризируются на основе религии. США пытаются всячески сконструировать культурную близость даже там, где она отсутствует, что хорошо видно на примере стран Балтии, Польши, Украины. В современном мире никто не хочет оказаться в одиночестве (даже если ты полукровка), тем более не стремиться самостоятельно выбрать такую судьбу.

Выводы

Переходя к выводам следует обратить внимание на такие положения. Во-первых, начиная с нулевых нашего столетия мир существенно изменился, в первую очередь это связано с появлением альтернативных проектов глобального развития – наше ближайшее, а возможно и отдаленное, будущее будет проходить на фоне конкурентной борьбы между этими проектами. Во-вторых, каждый проект является отдельным дискурсом смыслообразования, в котором сознательно конструируется собственная картина мира с набором канонических идей и практик. В-третьих, фундаментальным ресурсом глобальной конкуренции все отчетливее выступает культурная близость, которая становится основой для расширения и усиления проектов с одной стороны, и предлагает комплементарные формы национальной и личностной экзистенции – с другой. Игнорирование этого положения при формировании глобальной стратегии лишает ее существенных возможностей.

Литература:

1. Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
2. Сурков В. Одиночество полукровки // Россия в глобальной политике. - № 2-3 (март-июнь). – 2018. С. 124-129
3. Лавров С. Мир на перепутье и система международных отношений в будущем // Россия в глобальной политике. - № 5 (сентябрь-октябрь). – 2019. С. 28-38

Архетипические основания социально-политической организации общества: философская традиция и современная интерпретация

Мамычев А.Ю.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Факультет политологии.
Доцент, доктор политических наук, кандидат юридических наук

mamychev@polit.msu.ru

Аннотация: в работе рассматривается традиция и современные интерпретации архетипических основ общественной организации. Обосновывается, что в развитии социально-гуманитарных наук возникали разнообразные философские интерпретации феномена «архетип», а также развевались различные архетипические идейно-смысловые концепции. Показывается, что в рамках современных социально-философских дискурсах архетипические основания общества анализируются в качестве исторически сложившихся социокультурных, символических и иных элементов, участвующие в воспроизводстве и эволюции общественной системы. В заключение предлагается аналитическая модель исследования архетипических оснований современной организации общества.

Ключевые слова: архетип, культура, общество, социально-политическая организация, традиция, эволюция.

Archetypal foundations of social and political organization of society: philosophical tradition and modern interpretation.

Mamychev A. Yu.

Moscow state University named after M. V. Lomonosov. Faculty of political science

Abstract: the paper examines the tradition and modern interpretations of the archetypal foundations of public organization. It is proved that various philosophical interpretations of the “archetype” phenomenon appeared in the development of social and humanitarian Sciences, as well as various archetypal ideological and semantic concepts fluttered. It is shown that in the framework of modern socio-philosophical discourses, the archetypal foundations of society are analyzed as historically formed socio-cultural, symbolic and other elements involved in the reproduction and evolution of the social system. In conclusion, we propose an analytical model for studying the archetypal foundations of modern society organization.

Keywords: archetype, culture, society, socio-political organization, tradition, evolution.

¹Полагаем, что идейно-теоретические основы архетипа сформировались давно, появились **значительно раньше** самого понятия «архетип». Причем в различных мировоззренческих, философских, мифологических и религиозных системах формируются и развиваются **разнообразные традиции** как понимания архетипических оснований, так приемов и способов их постижения, содержательной интерпретации, обоснования роли и значения. Безусловно, в этом многообразии можно выделить и концептуализировать основные, **стержневые идеи**, совпадающие трактовки, схожие формы познания скрытых, сущностных оснований общества, государства, власти, политики и т.д. Именно, в следствие данного обстоятельства и можно говорить об архетипических исследованиях как таковых, хотя во многих может и не использоваться сам термин «архетип» [1 с. 111]. Однако, подчеркнём, что именно идейно-смысловая направленность, принципы и содержания данных исследований, позволяет нам отнести их к «архетипическим».

Например, в дофилософской древнегреческой мысли формируется традиция «архе» (Фалес, Анаксимандр, Анаксимен, Гераклит и др.), которая выступает источником рассуждений древнегреческих философов, но не совпадает с Платоновской версией архетипов (arche – «начало» и typos – «образец») или Аристотелевской трактовкой исходных начал, первоначальных онтологических и гносеологических принципов. Томизм и архетипические дискурсы в Средние века, хотя и опирались на наследие греческих философов и, прежде всего, Аристотелевское учение, тем не менее, архетипы-идеи Августина или Абсолютные-идеи-начала Аквинского, разворачивает совершенно иные принципы постижения первоидей/первообразов, их содержательного понимания, трактовки смысла и значения. Научные дискурсы И. Канта (intellectusarchetypus, Urbild – “праобраз”), Г.В. Лейбница (монады), Д.О.

ⁱ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ №17-33-00034-ОГН.

Шелленга (аллегорические формулы), И.М. Снегирева (коренные понятия), Ф.И. Буслаева (укоренённые народные образы и мотивы) и др., которых приводят (и совершенно справедливо) в качестве авторов, внесших существенный вклад в теории архетипов и архетипических исследований [2], вряд ли их все можно «включить» в одну традицию исследования и идейно-смыслового и концептуального развития архетипа. Невозможно в одну «универсальную традицию» уместить и различные религиозно-философские традиции интерпретации архетипа.

Разные эпистемологические, онтологические и гносеологические основания у коллективного бессознательного З. Фрейда и К.Г. Юнга, коллективного сознания (*consciencecollective*) и коллективных представлений (*representationscollective*) у Э. Дюркгейма и Л. Леви-Брюля, структур воображаемого (воображаемое сообщество у Б. Андерсона, «структурированное множественность» как условия жизни и общежития у К. Хьюбнера, социология воображаемого у Ж. Дюран и др.), идеационные основания социокультурной жизнедеятельности у П.А. Сорокина, изначальных мимических желаний и жертвенных механизмов (являющихся скрытой основой всех форм философско-религиозного, политического и правового мышления, обуславливающих институционализацию и процессы ее эволюции) у Р. Жирара, изначальной традиции Р. Генона, социального габитуса у П. Бурдьё и т.д. Причем все это идейно-смысловое многообразие довольно часто объединяются в общую традицию архетипических исследований [3 с. 5-8].

Считаем, что теоретико-концептуальная версия архетипа, предложенная К.Г. Юнгом, конечно, авторитетная и известнейшая, однако, не единственная. Причем теория архетипа Юнга сама базируется и пытается соединить и согласовать несколько традиций архетипических исследований. Поэтому возможны иные, альтернативные исследовательские проекты, имеющие значительный эвристический потенциал, не сводящиеся к комментированию, тиражированию или реинтерпретации юнгианской теории архетипов. Именно последнее характерно для многих исследовательских проектов, в содержании которых реализуется «каталогизация» архетипов в той или иной сфере общественной системе их реинтерпретации применительно к практическим целям и задачам: «В результате образуются своеобразные коллекции “архетипов” – этакие карточные колоды, из которых раскладываются “архетипические пасьянсы”. Первичные значения, рекомбинируясь и умножаясь на себя, умножают ряды новоиспеченных “архетипов” – национальных, сюжетных, поведенческих и т.д.» [4 с. 81]. В тоже время критические пассажи по поводу авторитетной юнгианской традиции и, главным образом, ее современного вектора развития, вовсе не означает, что следует отбросить данную теорию. Напротив, это предполагает обращение к ней и «диалогическое сотрудничество», но восприятие юнгианской теории архетипа лишь как одного из варианта, проекта архетипических исследований. Например, из последних известных нам работ, можно выделить исследование В.Д. Лаза, которые развивает иное направление архетипических исследований, в рамках которого разрабатывается теория социального архетипа, представляющего исторически сложившиеся социокультурные смысловые и символические единства, участвующие в трансформации и эволюции общественной системы [3].

С нашей точки зрения, продуктивной аналитической модель исследования архетипических оснований современной организации общества (на примере, социально-политической) может служить следующее многоуровневая структура:

1) архетипические установки и коды, которые формируют ценностно-нормативные основания конкретно-исторического этапа развития общества (данные установки и коды имеют разный характер интенсивности в зависимости от темпоральных, пространственных, контекстуальных и иных условий, которые «активизируют» архетипические основания общественной организации в её эволюционном развитии);

2) стиль политико-правового мышления (воспроизводство которого обуславливается ценностно-нормативным основанием публично-властной организации общества) определяющий специфику восприятия, осмысления, оценки протекающих в обществе социально-политических процессов и событий, а также позволяющий содержательно характеризовать особенность политического процесса конкретного общества и проводить предметный компаративистский (сравнительно-политический) анализ различных политических систем, публично-властных отношений и других современных политических феноменов, развивающихся в тех или иных общественных системах, в том числе прогнозировать и моделировать их дальнейшую эволюцию;

3) тип социально-политического и «предправового» взаимодействия акторов (неформальная система устойчивых отношений и практик, обеспечивающих порядок властного взаимодействия, форми-

рующегося без непосредственного участия государства, официальной властно-иерархической системы, а также обычно-правовые кодексы поведения, обуславливающие действие устойчивых моделей публично-властного взаимодействия и нормы социально приемлемого поведения, значимые для общества стандарты и образцы, устойчивые социокультурные модели публичных и частных отношений в обществе и т.п.), а также неформального социального нормирования практик властного взаимодействия, сотрудничества, разрешения споров, конфликтов и иных форм властной активности;

4) парадигмальные и доктринальные основания политического процесса, которые позволяют дать содержательный социокультурный анализ политическим программам и проектам политико-правовой трансформации российской публично-властной организации, действующим доктринально-правовым актам (правовые доктрины, стратегии и т.п.) институционализирующие основные приоритеты, направления развития различных сфер и отраслей жизнедеятельности общества, параметры и индикаторы национальной безопасности, а также проанализировать адекватность и жизнеспособность ориентиров политико-правовой эволюции в контексте глобальных и цивилизационных рисков.

Литература:

1. Аверинцев С.С. Архетипы // Мифы народов мира: энциклопедия. Т.1. М., 1980. С. 110-111.
2. Моница Н.П. Русский культурный архетип: факторы формирования и философские доминанты. Омск: Изд-во ОмГУ, 2011. 195 с.
3. Лаза В.Д. Архетипическое в православии: история и современность. Монография. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2013. 233 с.
4. Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. М.: Издательство «Языки русской культуры», 1998. 376 с.

Цивилизационное самостояние России в контексте актуальной мирополитической динамики

Муза Дмитрий Евгеньевич

*ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», профессор кафедры политологии, доктор
философских наук*

dmuza@mail.ru

Материал посвящен рассмотрению проблемы цивилизационного самостояния России. Показано, что модель такового разрабатывалась в рамках русской цивилизационной традиции: «русско-славянский эгоизм» (Н.Я. Данилевский), «истинное культурное обособление» (К.Н. Леонтьев), «широкий и творческий евразийский национализм» (П.Н. Савицкий), «вселенское одиночество» (А.С. Панарин). Но позиционирование России в структуре глобального мира имеет интриги: 1) при сохранении однополюсного мироустройства России «предписано» подчиниться геополитическим притязаниям Запада с утратой суверенитета, включенностью её промышленно-экономического потенциала в систему глобального производства, «обнуления» её культуры; 2) при биполярном мироустройстве (США и КНР) Россию ожидает мобилизация, нацеленная на сохранение стратегических сил, вовлечение экономики, социума и культуры в экстраординарный режим существования; 3) при многополюсности ожидается создание Россией евразийской субрегиональной «зоны устойчивости» плюс формирование новой системы международных отношений на основе позиций актуальных / потенциальных центров силы (КНР, Индия, ЕС, США); 4) при реализации модели изоляционизма Россия должна следовать самостоятельной повестке, озаботиться укреплением суверенитета, провести мобилизацию внутренних ресурсов, реактивировать традиционную систему ценностей, причем, на фоне возрастающей общемировой турбулентности.

Ключевые слова: цивилизационное самостояние России, изоляционизм, проект, идентичность.

Civilizational Self-Standing of Russia In the Context of Current World Political Dynamics. *Muza D. E.*

Donetsk national University, Department of political science

The article is devoted to the problem of civilizational self-standing of Russia. Russian Russian-Slavic egoism (N.Y. Danilevsky), “true cultural isolation” (K.N. Leontiev), “broad and creative Eurasian nationalism” (P.N. Savitsky), “universal loneliness” (A.S. Panarin) are shown to have been developed within the framework of the Russian civilizational tradition. But, Russia’s position in the global structure of the world has intrigue: 1) maintaining a unipolar world order of Russia “ordered” to obey the geopolitical ambitions of the West with the loss of sovereignty, the involvement of its industrial-economic potential in the global production, to “reset” its culture; 2) while the bipolar world order (USA and China) Russia expects mobilization aimed at maintaining strategic forces, involving economy, society and culture in the extraordinary mode existence; 3) with multipolarity, Russia is expected to create a Eurasian sub-regional “zone of stability” plus the formation of a new system of international relations based on the positions of current / potential centers of power (China, India, the EU, the United States); 4) when implementing the model of isolationism, Russia should follow an independent agenda, take care of strengthening sovereignty, mobilize internal resources, reactivate the traditional system of values, and, against the background of increasing global turbulence.

Keywords: civilizational self-standing of Russia, isolationism, project, identity.

Для понимания и оценки актуального положения России в мире, диспозиции в системе мировых цивилизаций, а также фиксации оснований / условий / формы её самостояния в контексте актуальной мирополитической динамики важными представляются два последовательных шага: 1) историко-теоретической реконструкции выносимой на обсуждение проблемы; 2) разработка системологического проектного представления о *modus-e vivendi* русской цивилизации.

Итак, сделаем первый шаг, который, между прочим, является не только историософской калькуляцией нескольких траекторий (и логик) самообнаружения, а скорее фиксацией интервала «самостояния» России (и русской цивилизации вообще), вплоть до попытки «оправдания» модуса такового.

Сто пятьдесят лет тому назад в своем трактате «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому» Н.Я. Данилевский справедливо указал,

во-первых, на недопустимость вступления России в западную политическую систему из-за «ловушки» включенности в орбиту корыстных интересов держав, её представляющих, а значит, лишения полноценной субъектности; во-вторых, на необходимость реализации самостоятельного проекта собирания народов вокруг России и конституирования с её помощи Всеславянского союза, поскольку именно этому субъекту вменяется всемирно-историческое, «всечеловеческое» дело [1, с. 44 – 58, 329 – 330, 337-341].

С позиций сегодняшнего дня во многом оправдалась первая часть его пророчеств, в то время как чаемого соединения «славянских ручьев» с «русским морем» (А.С. Пушкин) так и не произошло. Причин генезиса этой «отрицательной обратной связи» несколько, но едва ли не самая важная заключается в духовно-исторической измене византийскому замыслу «международной общности» [2, с. 13 - 15].

Другой выдающийся русский мыслитель, представивший собственную версию цивилизационного развития России и человечества – К.Н. Леонтьев, преодолевая либеральные заблуждения Н.Я. Данилевского, настаивал: «Панславизм же во что бы то ни стало – это подражание и больше ничего. Это идеал современно-европейский, унитарно- либеральный, это – стремление быть как все. Это все та же общеевропейская революция» [3, с. 632]. Напротив, его теоретико-проектные модуляции, с одной стороны, провозглашают идеал «православно-культурного руссизма» [там же]; с другой, дают шанс образованию славяно-азиатской цивилизации [4, с. 88]; наконец, с третьей, апеллируют к «гептастизму» как проекту «пересадки» подлинно «цветущей сложности» реального «афонского социализма» – в социально-политические ткани России для укрепления спасительного для её духа «византизма» [5].

Однако при всей гипотетичности и экзотичности взглядов Леонтьева на будущее России его интуиции о «замыкании» цивилизационного процесса «на себя», отказ от поиска ситуативных попутчиков (европейских, с их «прогрессистскими», эгалитарно-либеральными, плюс, социалистическими фантазмами), при условии поиска союзников (не утонувших «в текучей воде вещественных интересов» и не провалившихся в «зыбучие пески глупых либеральностей») в деле утверждения православно-имперского бытия, – остаются верными.

В свою очередь группа евразийцев, обозначив и обосновав необходимость «исхода к Востоку», заявила о необходимости познания и реализации культурно-исторического своеобразия России, вмещающего в себя как византийское начало, так и начало «степной цивилизации» [6, с. 39 - 41]. При этом «звенья русской культуры» (Г.В. Вернадский) образовали целую евразийскую «систему жизни», «евразийский культурно-исторический тип» (П.Н. Савицкий), где основной институт – государство обязано быть «одухотворено великими религиозными и нравственными задачами и не может быть равнодушным к добру и злу» [7, с. 336].

После крушения СССР и социалистического лагеря теоретизирование на тему цивилизационного и геополитического самоопределения стало набирать обороты и вскоре вышло на новый уровень. В немалой степени этому способствовала дискуссия, посвященная резонансным статье и книге С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций?» и «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» соответственно.

И в этой дискуссии обозначились подчас взаимоисключающие позиции: 1) позиционирования России как части Запада (Европы и даже США); 2) жесткого неприятия каких-либо форм со-участия в её социально-политической, а деле – цивилизационной деструкции и на правах «пасынка» включения в «цивилизованное сообщество» западных держав; 3) варианта неоевразийской «сборки» цивилизационного организма; 4) разработки проекта воссоздания русской цивилизации с учетом двух «обрушений» её в XX веке.

Однако на общем фоне либеральных дискурсов (к примеру, о том, что Россия – «цивилизация бесконечных усилий» (В.К. Кантор) – сделаться Западом, аутентичная, а не многозначная цивилизационная модель так и не была предложена. Причем, как на уровне монографическом [8], так и на уровне обобщений энциклопедического характера [9].

Напротив, А.С. Панариным был последовательно [10 - 12] предложен ряд фундаментальных соображений, касающихся формата и логики присутствия в историческом бытии и самое судьбы русской (православной) цивилизации. Для него – помимо прочего – аксиоматично, что Россия есть особое пространство диалога, т.е. сопряжения некоторого множества различных традиций, в котором русская культура задает космоцентрические величины для развертывания всего объема и содержания цивили-

зационных процессов. При этом её усилия, часто «упакованные» в дипломатические, гуманитарные, миротворческие, эко-сообразные, словом, космо- и человекоразмерные «пакеты», в пределе – христианско-этико-сообразные, воспринимаются на Западе как «вызов».

Однако сама западная цивилизация давно не предполагает диалога с «иномерными» цивилизационными величинами, поскольку они давно объявлены «дикими» и «варварскими» сообществами. Если под данный тезис подвести аргумент группы ведущих российских ученых (Д.С. Львов, В.А. Коптюг, Н.Н. Моисеев, Б.В. Раушенбах и др.), в своё время указавших на семь ударов по планете и России, то этот путь по-прежнему чреват ничем иным как «крупными международными конфликтами и коллизиями» [13, с. 14].

В этой связи напрашивается второй шаг, связанный с концептуальным «прорывом» в измерение «иначе возможного», где «голос» и «жест» всех цивилизаций имеет значение. При этом приобретает особую остроту вопрос о цивилизационной проектности России, сегодня вернувшейся в Историю с явно позитивными мироустроительными акцентуациями.

Тем не менее, сегодня нужно отдавать отчет в том, что позиционирование России в подвижной (переходной) структуре глобального мира имеет определенные интриги. Мирополитическая динамика сегодня предполагает несколько сценариев:

1. при сохранении однополюсного типа мироустройства России «предписано» подчиниться геополитическим притязаниям западной цивилизации с утратой суверенитета, включенностью её промышленно-экономического потенциала в систему глобального производства, «обнуления» культуры и замены её западные эрзацы; при конституировании биполярного типа мироустройства (США и КНР) Россию ожидает мобилизация, нацеленная на сохранение стратегических сил, а значит вовлечение экономики, социума и культуры в экстраординарный режим существования, что вообще чревато большими «рисками»;

2. при кристаллизации многополюсности ожидается создание Россией евразийской субрегиональной «зоны устойчивости» плюс формирование новой системы международных отношений на основе позиций актуальных и потенциальных центров силы (КНР, Индия, ЕС, США); и наконец,

3. при ориентации на модель изоляционизма Россия должна следовать самостоятельной повестке, озаботиться укреплением суверенитета, провести мобилизацию внутренних ресурсов, реактивировать традиционную систему ценностей, причем, на фоне возрастающей общемировой турбулентности.

Собственно последний сценарий, – сценарий «самостояния» России является аутентичным, если вспомнить «русско-славянский эгоизм» (Н.Я. Данилевский), «истинное культурное обособление» (К.Н. Леонтьев), «широкий и творческий евразийский национализм» (П.Н. Савицкий), «вселенское одиночество» (А.С. Панарин). Но быть может самое главное здесь состоит в следующем онто-гносео-аксиологическом смещении:

«Проблема России – писал А.С. Панарин ровно 25 лет назад, - может быть позитивно решена только в том случае, если на место «самобытности» поставить «самоценность». Самоценность России означает, что её историческую судьбу нельзя дедуцировать из неких более «общих понятий», в том числе таких, как «прогресс», «демократия»; нет таких целей и ценностей, во имя которых можно пожертвовать Россией» [14, с. 120].

В этом смысле и справедлива постановка вопроса о собственном цивилизационном проекте, под которым нужно понимать сфокусированную на внутри- и трансгисторических делах символическую пропись бытия, конвертируемую в практические геополитические, геоэкономические и геокультурные решения [15, с. 85 - 91]. Данный взгляд позволяет реализовать не только «функцию самостроительства и самоконтроля», но управлять сложносоставной цивилизационной идентичностью. Последняя как никогда ранее нуждается в укреплении за счет нового обращения к христианскому суперэтническому тексту.

Литература:

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. 6-е изд. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета. Издательство «Глагол», 1995. 552 с.
2. Оболенский Д.Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М.: ВРС, 2012. 656 с., 32 с. ил.

3. Леонтьев К.Н. Кто правее? Письма к В.С. Соловьеву // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872 – 1891) / Общ. ред; сост. и коммент. Г.Б. Кремнева; вступ. ст. и коммент. В.И. Косика. М.: Республика, 1996. С. 625 – 678.
4. Муза Д.Е. Константин Николаевич Леонтьев: личный миф и драма идей в контексте поиска духовного смысла истории: Монография. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 168 с.
5. Муза Д.Е. Гептастилизм как неовизантийская форма русской культуры // Вера. Язык. Отечество: Таврические Кирилло-Мефодиевские чтения. Вып. 1 (2017). Симферополь: Lege Artis, 2018. С. 99 – 105.
6. Исход к Востоку. М.: Добросвет, 1997. 264 с.
7. Вернадский Г.В. Евразийство и коммунизм // Вернадский Г.В. Опыт истории Евразии. Звенья русской культуры. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. С. 317 – 337.
8. Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Три модели развития России. М.: ИФ РАН, 2000. 272 с.
9. Голиков А.Г. Цивилизация российская (историография) // Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты. Энциклопедический словарь / Ред. кол.: Мчедлов М.П. и др.; Авт. колл.: Андреев А.Л. и др. М.: Республика, 2001. С. 495 – 498.
10. Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М.: ИФ РАН, 1994. 263 с.
11. Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Издательская корпорация «Логос», 1998.
12. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. 496 с.
13. Глобальный кризис западной цивилизации и Россия / Отв. ред. Г.В. Осипов. Изд. 2-е, доп. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 528 с.
14. Ильин В.В., Панарин А.С. Философия политики. М.: Изд-во МГУ, 1994. 283 с.
15. Муза Д.Е. Восточнохристианская цивилизация: социокультурное устройство и идентичность: монография. Донецк: Изд-во «Вебер» (Донецкое отделение), 2009. 476 с.

Социальная теория как теория цивилизационного процесса (методологический аспект)

Орехов А.М.

Российский университет дружбы народов. Доцент кафедры социальной философии, доктор философских наук

orekhovandrey@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме соединения социальной теории и теории цивилизационного процесса. Концепт «социальная теория» имеет пять основных значений, но в западных социальных науках используется значение, малоупотребительное в российских социально-гуманитарных науках: как рефлексия над ключевыми проблемами современности. Социальную теорию в таком случае можно определить как критическую рефлексию в отношении ключевых проблем цивилизационного развития и теории цивилизаций. Необходимо появление новых понятий, таких как, к примеру, «цивилизационный путь развития». Теоретическая рефлексия относительно российских перипетий цивилизационного пути России не должна, на наш взгляд погружаться в бездны традиционализма и догматизма; она должна соединять в себе как критический, так и позитивный аспекты анализа проблематики цивилизационного выбора и траекторий движения России по ее цивилизационному пути.

Ключевые слова: социальная теория, цивилизационный процесс, Россия, социальная философия, социально-гуманитарные науки.

Social Theory as a Theory of Civilizational Process (Methodological Aspect).

Orekhov A.M.

Peoples' Friendship University of Russia, Department of Social Philosophy

Abstract: The paper is devoted to the problem of combination of social theory and theory of civilization process. Concept "social theory" has five main meanings, but in the western social sciences sometimes is used the significance which is little-used in Russian social-humanitarian sciences: social theory as reflexion on the big questions of the present day. In this case we can define social theory as critical reflexion in relation to key problems of civilization development and theory of civilizations. It is necessary to appear of new notions, such as "civilizational way of development". Theoretical reflexion concerning Russian peripetias should not sink into abysses of traditionalism and dogmatism; it must combine both critical and positive analysis of the problem of civilizational choosing and trajectories of movement of Russia on its civilizational way.

Keywords: social theory, civilizational process, Russia, social philosophy, social-humanitarian sciences.

Проблема предмета социальной теории всегда остается одной из ключевых для социальных теоретиков. Что можно и что нужно понимать под социальной теорией?

В своих работах мы указывали на пять основных значений концепта «социальная теория» [1, с. 144-150]. Это были следующие значения: (1) «социальная теория» как социально-философская теория; (2) «социальная теория» как социологическая теория; (3) «социальная теория» как любая теория в исследовательском поле социальных наук; (4) «социальная теория» как теория социальной работы и теория социальной сферы; (5) «социальная теория» как междисциплинарная, синтетическая теория, обобщающая основные теоретические результаты, достигнутые социальными науками.

Главным для нас было последнее, пятое значение термина: социальная теория - это междисциплинарное, синтетическое знание, суммирующее все основные теоретические результаты, достигнутые социальными науками и конструирующее на этом фундаменте базовые теоретические концепты, предназначенные для изучения всей социальной реальности.

В этом аспекте концепт «социальная теория» противостоит концепту «гуманитарная теория»: гуманитарная теория - это междисциплинарное, синтетическое знание, суммирующее все основные теоретические результаты, достигнутые гуманитарными науками и конструирующее на этом фундаменте базовые теоретические концепты, предназначенные для изучения всей гуманитарной реальности.

Как и термин «социальная теория», концепт «гуманитарная теория» также может применяться и в более простом значении: гуманитарная теория - это любая теория в исследовательском поле гуманитарных наук. В отличие от социальной теории, гуманитарная теория базируется на гуманитарных фактах, хотя может апеллировать и к социальным фактам и социальному уровню реальности. Подавляющее большинство антропологических, культурологических, филологических теорий суть по себе гуманитарные теории. Называть их «социальными теориями» - значит, исказить суть дела. Теория социальной реальности не может быть тождественна теории гуманитарной реальности, поскольку мы имеем дело с двумя разными типами реальности. Именно гуманитарная теория ставит себе задачу осуществить междисциплинарный синтез всего круга наук, изучающих человека и культуру, - культурологию, филологию, антропологию, искусствознания, психологию личности и т.п.

Упомянутые выше пять значений концепта «социальная теория» в основном имеют место в российских социальных науках. А вот в западной (в первую очередь, англо-американской и частично континентальной) традиции «социальная теория» имеет несколько иное концептуальное поле. К большому сожалению, до недавнего времени тема предмета социальной теории вообще оставалась вне рамок дискуссий на страницах западных журналов. Некоторые исследователи продолжали ее неявно отождествлять с «социологической теорией» (это наше второе значение), другие полагали за «социальную теорию» любые теоретические (концептуальные) построения, - независимо от того, какой социальной наукой они разрабатываются (это наше третье значение). Но были и иные значения социальной теории, неупотребимые, или даже можно сказать, «неудобоваримые» для российского ученого-теоретика, и как раз эти значения могут стать вектором для понимания «социальной теории» как теории цивилизационного процесса.

Для анализа ситуации следует обратиться к статье главного редактора журнала «European Journal of Social Theory» Джерарда Деланти¹, опубликованной в 2017 году [2].

С точки зрения уважаемого редактора, термин «социальная теория» может иметь три основных значения. В первом из них социальная теория интерпретируется как «социологическая теория», и Деланти отмечает, что «эта точка зрения доминирует в социологии» [2, p.5].

При этом он подчеркивает:

«Такой подход весьма проблематичен, поскольку я полагаю, что многие известные теоретики пришли в социальную теорию вовсе не из социологии, - например, Фуко, или теоретиками были многие известные философы, к примеру, Хабермас, а случай Бурдьё вообще относится к антропологии. Однако, никто не сомневается, что социология может быть рассмотрена как центральная ось социальной теории, при условии, что сама социология понимается как нечто в высшей степени междисциплинарное» [2, p.5].

Более строгое определение (Деланти называет его «узким») социальной теории в ее первом значении звучит так:

«Узкое определение социальной теории следует увязывать с теоретической проблематикой социологии и, в первую очередь, с ее формальным концептуальным анализом» [2, p.6].

Второе понимание социальной теории, по мнению Деланти, это есть ее интерпретация как рефлексии над ключевыми проблемами современности (reflexion on the big questions of the present day). При этом, полагает английский ученый, теория при этом никак не становится враждебной эмпирии, а наоборот, всякое эмпирическое исследование становится необходимым базисом теории, и, в частности, ведомый им журнал «European Journal of Social Theory» настроен, в первую очередь на эту волну, - именно такая интерпретация социальной теории находит отражение на его страницах.

Но существует и третье толкование концепта «социальная теория», - в нашей интерпретации оно, как мы полагаем, отсылает к пятому, самому важному, значению концепта «социальной теории»:

«Третье понимание термина социальная теория делает акцент на сам термин теория. ... Оно тяготеет к философски фундированному (heavily philosophical) и субстанционально насыщенному стилю мышления. ... Хотя это вовсе не означает, что такой стиль мышления привносится исключительно философами» (далее в качестве примера Деланти приводит работы Л.Болтански и П.Бурдьё) [2, p.6].

Далее в данной статье у Деланти мы можем найти указание на два серьезных недостатка современной социальной теории. Во-первых, главный редактор журнала полагает, что последняя страдает грехом европоцентризма, указывает на авторов (Г.Терборн, Дирлик, де Соуза Сантос), которые помогли

¹ Джерард Деланти - профессор кафедры социологии Университета Саксеса (Великобритания).

исправить ему этот «грех» (почему-то здесь не упоминается австралийская исследовательница Райэн Коннел, чья статья на тему «северной теории» была в свое время опубликована в «Вопросах социальной теории»[3]). Второй «грех» Деланти еще более удивил бы российского социального теоретика: оказывается, до сего времени социальная теория непрестительно игнорировала проблему «изменения климата» и уделяла мало внимания взаимодействию между природой и человеческим миром:

«Это чрезвычайно насущный вопрос, который сегодня сближает естественные науки и науки социально-гуманитарные» [2, p.8].

Однако как мы полагаем, интерпретация концепта «социальная теория» как теории цивилизационного процесса помогла бы исправить этот «грех» западных теоретиков. Кроме того, следует также вспомнить второе значение этого концепта в западных социальных науках: социальная теория как рефлексии над ключевыми проблемами современности. Такое понимание позволяет переинтерпретировать и даже концептуализировать социальную теорию в отношении анализа проблемы цивилизаций и цивилизационного развития, и определить ее следующим образом:

Социальная теория - это критическая рефлексия в отношении ключевых проблем цивилизационного развития и теории цивилизаций.

Такие обращения социальной теории в отношении проблемы цивилизационного развития уже имели место (напр. [4].) Вероятно, социально-теоретический дискурс в отношении проблемы цивилизаций должен вызывать к жизни и новые концепты - напр., такие как «цивилизационный путь развития» [5, с.198]. Теоретическая рефлексия относительно российских перипетий цивилизационного пути России не должна, на наш взгляд погружаться в бездны традиционализма и догматизма [5, с.249-251], она должна соединять в себе как критический, так и позитивный аспекты анализа проблематики цивилизационного выбора и траекторий движения России по цивилизационному пути.

Литература:

1. Орехов А.М. Социальные науки как предмет философского и социологического дискурса. - М. ИНФРА-М. 2020. 144 С.
2. Delanty G. The 'European Journal of Social Theory' at twenty years // European Journal of Social Theory, 2017. vol.20 (1). P.4-8.
3. Коннел Р. Политическая география общей социальной теории // Вопросы социальной теории, т. III, вып. 1 (3). 2009. С.32-78.
4. Резник Ю.М. Человек и его цивилизационная идентичность (введение) // Вопросы социальной теории, т. X, 2018. С.5-14.
5. Орехов А.М. Социальная философия: предмет, структурные профили и вызовы на рубеже XXI века. М.: «Либроком». 2011. 270 с.

Метатекст как метаидеология цивилизационного развития России в современном полицентричном мире

Пересторонина М.Г.

ФГБОУ ВО «Литературный институт имени А. М. Горького», аспирант; Частное учреждение Профессиональная образовательная организация «Столичный бизнес-колледж», преподаватель

margarita_perest@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается как возможность, так и насущная необходимость целенамеренного создания универсального метатекста как метаидеологии российского суперэтнуса, которая послужит источником метафизической идеи – культурного, социального, политического, экономического и т.д. – единого развития России в условиях постбиполярного мира. Эта метаидеология прежде всего должна представлять собой некий «постмиф-сказку» как новую культурную парадигму, которая в условиях глобализации перенесет акцент с подвигов героя на цивилизацию как культурного героя, исполняющего своё предназначение, и тем самым вберет в себя как весь контекст «цивилизационной героики», так и культурно-историческое поле событий. Мессианская идея «постмифа-сказки» должна лежать за «горизонтом событий» и быть понятной каждому. Разработка подобного метатекста должна осуществляться в триалоге: философ – теист – натуралист.

Ключевые слова: метатекст, метаидеология, «постмиф-сказка», Россия, полицентризм, постбиполярный мир

Metatext as a metaideology of the Russian civilizational development in the modern polycentric world. Margarita Perestoronina

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education the «Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing»

Abstract: The article considers both the opportunity and the urgent need for the purposeful creation of a universal metatext as a metaideology of the Russian superethnos. The metatext will serve as a source of metaphysical ideas for a unique development of Russia in cultural, social, political, economic, etc. directions in the post-bipolar world. Above all things, this metaideology should be a kind of a “post-myth fairy tale” as a new cultural paradigm. In the context of globalization it will shift the emphasis from the hero’s exploits to civilization as a cultural hero fulfilling his mission. Thereby it will absorb the whole context of “civilizational heroics”, as well as the cultural and historical field of events. The messianic idea of a “post-myth fairy tale” should lie beyond the “eventhorizon” and be understandable to everyone. The development of such a metatext should be carried out in a trialogue as philosopher - theist - naturalist.

Keywords: metatext, metaideology, “post-myth fairy tale”, Russia, polycentrism, post-bipolar world

I. Россия – это страна, государственность которой носит синтетический характер. Слияние различных культур в одном этносе привело к тому, что свою историческую миссию он осознал в качестве посредника между Востоком и Западом, предотвращающего прямое цивилизационное столкновение ментально противоположных культур [13].

Распад СССР (1991) привел к окончанию эпохи биполярного мира и разворачиванию сценария «Рах Америгана» (1991-2008), кризис которого пришелся на администрацию Б. Обамы (2009-2017). Последовавшая трансформация системы международных отношений ознаменовала начало перехода к полицентричному миру с появлением как на глобальном, так и региональном уровнях других центров силы, которые сегодня выступают в качестве функциональных точек роста [2, с. 226-230].

Однако за двадцать лет идеология «Рах Америгана» положила начало «размытию» российской идентичности, которое продолжается и по сей день, так как в массовом сознании США по-прежнему «ощущается» мировым гегемоном, несмотря на вхождение в геополитический словарь терминологии «пост»: постбиполярный мир, постзападная эра, постгегемон [6, с. 126-136]. Эта разобщенность во внутреннем самоопределении российского суперэтнуса произошла из-за утраты национальной идеи как ядра культуры с её традициями и иррациональными мотивами в коллективном поведении [15].

Сегодня отсутствие в сознании российского суперэтноса рабочей метафизической идеи о собственном цивилизационном пути является серьёзной проблемой, так как в условиях глобальной полиэкранной культуры красноречиво предлагаются не только ценности чуждые нашей ментальности, но и мессианские пути развития как собственной жизни, так и общества в целом.

Целью данной статьи является рассуждение о самой возможности создания метатекста как метаидеологии или «постмифа-сказки» с заложенной в него современной мессианской идеей в качестве проекта цивилизационного развития России, удовлетворяющего основным положениям как моно-, би-, многополярного, так и полицентричного мира.

II. *Метатекст* – это вторичный текст или «высказывание о высказывании», что создается по поводу прототекста как авторский комментарий или реакция на него других лиц. В зависимости от цели создания выполняет различные функции: (1) *как доступное* изложение идеи основного текста; (2) как детальное раскрытие различных уровней прототекста; (3) как интерпретация или «перевод» на современный язык с целью упрощения понимания [12, с. 57-62].

III. Понятие «*метаидеология*» встречается на страницах политологических учебников и характеризуется как идеология высшего порядка, в рамках которой дискутируются частные идеологические проблемы [9, с. 53]. Следовательно, она претендует на универсализм и обращение к общечеловеческим ценностям, что в условиях глобализации нацелены на формирование «планетарного сознания» в рамках различных гуманистических концепций от эволюционистских, например, Дж. Хаксли, М. Шмидта-Саломона, Р. Докинза [8, с. 56-73; 17, с. 211-218]) до трансгуманистических [11, с. 245-252].

Исходя из этого, *метаидеологию* возможно определить как идеологию над идеологией, которая исключает государственное доминирование в разработке системы общественно-индивидуальных ценностей и проектов геополитического развития, а её базовые положения настолько понятны большинству населения, что их самоочевидность вызывает чувство внутреннего отклика. То есть это некая «метаидеологическая матрица» [9, с. 48], которая, опираясь на исторически сложившиеся ценности и традиции общества, позволяет *каждому* гражданину осознавать//принимать–спорить// свою историческую миссию в условиях современных глобалистских процессов.

Так, например, в Китае Конфуций, начиная от 136 г. до н.э., стал «Учителем и Образцом для десяти тысяч поколений» [7, с. 137] и остается таковым до сих пор. И если с учётом ускорения НТП за смену поколения взять 7,5 лет против нынешних 20, то к 9 тыс. н.э. Китай перешагнет рубеж 1000-го поколения, в котором каждый человек по-прежнему будет решать вопрос о своей принадлежности к культуре. В индийской традиции эта принадлежность до сих пор осуществляется через варновую систему, посредством которой каждый осознаёт//получает–принимает// свою роль и значение в общественном универсуме.

Эти рабочие традиционные метаидеологические матрицы Востока основаны на чувстве идентификации: (1) индивидуальной за счёт добровольного отождествления человека некой с общностью, чьи цели и ценности становятся личными, и (2) групповой за счёт внешних самоограничений культуры, присоединение к которой возможно лишь по праву рождения (Индия) или культурной ассимиляции (Китай).

В западной традиции исторически сложились метаидеологические матрицы по принципу антитезы, которые полностью проявили себя в сценариях: у США – «Рах Американа», а у Европы – «колыбель культуры», что даёт ценностные ориентиры для всего мира и реализует диалог между Востоком и Западом, Югом и Севером [14, с. 71].

Метаидеологии России («Москва – третий Рим»; «Православие, Самодержавие, Народность») характеризуют её как синкретическую цивилизацию, в которой восточное самоограничение культуры стремится к имперским амбициям Запада.

Сегодня Запад не просто формулирует новую метаидеологию (напр., «Америка прежде всего»), но прежде всего ищет метафизическую идею, которая бы дала культуре очередной импульс к развитию как переход к следующей идеациональной стадии [16, с. 436-437], в то время как на Востоке происходит очередное обновление традиционных ценностей с учётом глобалистского сопряжения культур. Следовательно, Россия как цивилизация между мирами должна стремиться превзойти эти интеллектуально-духовные поиски и постараться создать в качестве метаидеологии новый *метатекст как некую глобальную нарративную метаисторию*, в которой сольются восточные и западные ценности культуры, социально-политические устремления и метафизические вызовы.

IV. Исходя из общепринятого положения о том, что современная культура Запада находится в стадии полярного перехода смены культурных ценностей – чувственных на противоположные идеациональные [5, с. 22-28], – то и метатекст как *метаидеология* должен выстраиваться с учетом этих изменений. Эти социологические прогнозы имеют под собой серьёзное естественнонаучное обоснование, так как опираются на эволюционные формы мышления, запрограммированные на логику бинарных оппозиций [1].

Учитывая эту эволюционную фазу, метатекст должен *представлять собой культурную парадигму*, в которой, во-первых, осуществился бы перенос с деяний исторического героя (Моисей, Гомер, Будда, Конфуций, Христос) на *цивилизацию как культурного героя*, исполняющего своё предназначение.

Во-вторых, метаидеология должна включать в себя весь культурно-исторический контекст «цивилизационной героики» и уходить от горизонтального столкновения интересов с другими цивилизациями (Шпенглер, Тойнби, Хантингтон), задавая таким образом некое пространство нового мифа – «*постмифа-сказки*» – с открытым кодом ко всем парадигмальным метафорам и образцам поведения (напр., трактовка жертвоприношений в книге Левит через призму современных трансгуманистических проектов формирования новой телесности на основе эволюционной концепции Дарвина).

В-третьих, протекстами должны послужить все базовые цивилизационные истории, нарративное переложение которых в рамках единой концепции освоения мира, позволит выявить большую идею, которая отзовется в массовом сознании и даст толчок для коллективного творчества и энергии.

В-четвертых, базовый сюжет этого «постмифа-сказки» должен быть одновременно и автономным, и включенным в целое: исторически Запад противостоит Востоку, а Восток? Исторически Европа присвоила себе миссию трансляции ценностных ориентиров для всего мира, но кто ещё разделяет с ней эту идею? Россия – посредник между Востоком и Западом, но кто ещё думает так? И так далее. Следовательно, метатекст аксиоматически должен исключать конфликт с любыми иными социального общностями – от нации до цивилизации.

В-пятых, мессианская идея должна простой и лежать за горизонтом событий – быть футуристичной, но не фантастичной; а также иметь опережающий характер развития нарративной истории, снимающей в себе социальные, политические, экономические и прочие противоречия.

V. Кто должен быть инициатором нового метатекста?

Философы, поскольку «априорная миссия философии состоит в установлении соотношения вещей и их причин» [18, с. 5], а «эпоха «переформатирования» нуждается в философии, обобщающей её социальный опыт» [9, с. 35]. Однако, «поверхностная философия склоняет ум человека к безбожию, глубины же философии обращают умы людей к религии» [3, с. 23]. *Следовательно, философ должен работать в одной команде с теистом.*

На сегодня все метатексты написаны в рамках теистического мировоззрения – от мифов Древнего мира до легенд Вед, от Библии до Корана – и имеют нарративные переключки друг с другом. Новозаветная история как последний теистический метатекст западной цивилизации сегодня утрачивает свои идеологические позиции, уступая место научному познанию мира и натуралистическому мировоззрению, которому сегодня в массовом сознании «выписан» кредит доверия. *Следовательно, теизм должен установить диалог с натурализмом – наследником атеизма – и тем самым расширить команду до трёх.*

В этом триалоге должно произойти снятие мировоззренческих противоречий за счет выработки единого языка науки, религии и философии, который посредством различных творческих практик станет естественным языком. То есть как когда-то мифы породили культуру [10; 19; 4], так теперь культурам в условиях глобального мира требуется породить новый миф – «постмиф-сказку», который бы сумел концептуально объяснить все разнообразие современной жизни и дать начало новой культурной парадигме.

VI. *Россия как один из топосов мирового уровня* является тем местом, где цивилизационный метатекст фрагментарно представлен в фольклоре (сказки, пословицы, былины), а самостоятельная философская мысль – её проявление в мировом масштабе – была зафиксирована лишь в XIX веке. И мысль эта успела «произвести» только лишь первое отличие себя от другого через теорию независимых культурно-исторических типов (Данилевский), а также идею соборности (славянофилы), прежде чем «утонула» в перипетиях XX века. Следовательно, у России как цивилизации ещё не произошло полного раскрытия культурного потенциала и осознания собственной мессианской идеи. Таким образом, она

до сих пор сохраняет возможность создания своего метатекста как основы геокультуры в очередном социокультурном цикле её развития.

Литература:

1. Александров, Ю. Мозг - психика - культура с позиций системно-эволюционного подхода // Youtu.be. URL: <https://youtu.be/UZz2m1IfUk4> (дата обращения: 10.01.2020).
2. Алексеенко, О.А. Перспективы России в полицентричной системе международных отношений // Cyberleninka.ru. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-rossii-v-politsentrichnoy-sisteme-mezhdunarodnyh-otnosheniy> (дата обращения: 10.01.2020).
3. Бекон, Ф. Опыты, или Наставления нравственные и политические. М.: Мысль, 1978. 123 с.
4. Джейнс Дж. Сознание и голоса разума // Royallib.com. URL: https://royallib.com/book/dgeyns_dgulian/soznanie_i_golosa_gazuma.html (дата обращения: 10.01.2020).
5. Дугин, А.Г. Консервативная парадигма и критика теории прогресса в социологии Питирима Сорокина: Актуальность для современной России // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2010. № 1 С. 22–28.
6. Коновалова Н.А. Внешняя политика России в рамках современной международной системы // Россия и мир в XXI веке. – Cyberleninka.ru. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-politika-rossii-v-ramkah-sovremennoy-mezhdunarodnoy-sistemy> (дата обращения: 10.01.2020).
7. Конончук, Д.В. Конфуцианская культурная парадигма // Ойкумена. 2012. № 3. С. 136–144. – Cyberleninka.ru. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konfutsianskaya-kulturnaya-paradigma> (дата обращения: 10.01.2020).
8. Коростиченко, Е.И. Эволюционный гуманизм и религия в интерпретации Михаэля Шмидта-Саломона // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Философия. Богословие. Религиоведение. 2018. Вып. 79. С. 56–73. – Cyberleninka.ru. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsionnyy-gumanizm-i-religiya-v-interpretatsii-mihaelya-shmidta-salomona> (дата обращения: 10.01.2020).
9. Красин, Ю.А. Идеологический плюрализм и метаидеология нового гуманизма // Вестник Института социологии. № 1(12), март 2015. С. 35–59. – Cyberleninka.ru. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologicheskii-plyuralizm-i-metaideologiya-novogo-gumanizma> (дата обращения: 10.01.2020).
10. Лосев, А.Ф. Диалектика мифа // Psylib.org.ua. URL: <http://psylib.org.ua/books/losew03/> (дата обращения: 10.01.2020).
11. Луков, В.А. Трансгуманизм // Энциклопедия гуманитарных наук. 2017 – № 1. С. 245–252. – Cyberleninka.ru. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transgumanizm> (дата обращения: 10.01.2020).
12. Остапенко Д.И. Функциональная и структурная характеристика метатекста (на материале переводческих предисловий и примечаний): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Остапенко Дарья Игоревна – ВГУ, Воронеж, 2014. 246 с.
13. Пантин, В.И. Качели кризиса. Прогноз // Youtu.be. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=J2XdW4DW9Pw> (дата обращения: 10.01.2020).
14. Рубинский, Д.О. Образ России в политике европейской идентичности «Еврооптимистов» // Cyberleninka.ru. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskaya-tsivilizatsiya-na-poroge-tretiego-tysyacheletiya> (дата обращения: 10.01.2020).
15. Савин, Л. Многополярность и полицентризм // Geopolitica.ru. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/mnogopolyarnost-i-politsentrizm> (дата обращения: 10.01.2020).
16. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
17. Трофимова, З.П. Эволюционизм и религия в творчестве английского философа Джулиана Хаксли // Каспийский регион: политика, экономика, культура. № 4 (49). 2016. С. 211–218. – Kaspys.asu.edu.ru. URL: [http://kaspys.asu.edu.ru/files/4\(49\)/211-218.pdf](http://kaspys.asu.edu.ru/files/4(49)/211-218.pdf) (дата обращения: 10.01.2020).
18. Мэнли П. Холл. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. В 2 томах: Интерпретация Секретных учений, скрытых за ритуалами и мистериями всех времен / пер. с англ. В. В. Целищева. – 3-е, испр. – Новосибирск: «Наука», Сибирская издательская фирма РАН; М.: «КСП», 1997. 794 с.
19. Ясперс К. Смысл и назначение истории. // Royallib.com. URL: https://royallib.com/book/yaspers_karl/smisl_i_naznachenie_istorii_sbornik.html (дата обращения: 10.01.2020).

Ментальные аспекты социальной теории: социально-философский аспект

Полежаев Д.В.

ГАУ ДПО «Волгоградская государственная академия последипломного образования», профессор,
доктор философских наук

polezh@mail.ru

Аннотация: В работе рассматриваются теоретические вопросы ментального подхода к осмыслению проблем взаимодействия общества и личности. Через призму ментального подхода анализируются некоторые аспекты социальной теории, понимаемой как идея, упорядочивающая широкий спектр спорных вопросов в современной социальной философии. Выделяются наиболее общие, существенные основания феномена менталитета общества и особенности их сопряжения с важнейшими характеристиками социальной теории, существенными как в теоретическом, так и в практическом отношении. Актуализируется вопрос о принципиальной открытости и незавершенности ментальных феноменов в их социально-исторической динамике. Ментальный подход позволяет детерминировать истоки и основные направления социальной динамики / устойчивости русской национальной культуры, национального характера и менталитета. Структурно-содержательное взаимодействие социальной теории и ментального подхода как философско-методологических механизмов познания действительности может раскрыть новые грани русского менталитета и современного российского общества в условиях глобальной цивилизации.

Ключевые слова: социальная теория, ментальный подход, русский менталитет, диалог культур и цивилизаций.

Mental aspects of social theory: socio-philosophical aspect.

Polezhayev D. V.

State Academy of Postgraduate Education

Abstract: The paper considers theoretical issues of the mental approach to understanding the problems of interaction between society and the individual. Through the prism of the mental approach, some aspects of social theory are analyzed. Social theory organizes a wide range of controversial issues in modern social philosophy. The most general, essential foundations of the phenomenon of the mentality of society are highlighted. The features of the conjugation of mentality and social theory, which are significant both theoretically and in practice, are emphasized. The question of the principle openness and incompleteness of mental phenomena in their socio-historical dynamics is becoming more relevant. The mental approach allows us to determine the origins and main directions of social dynamics / sustainability of Russian national culture, national character and mentality. The structurally meaningful interaction of social theory and the mental approach as philosophical and methodological mechanisms of cognition of reality can reveal new facets of the Russian mentality and modern Russian society in the context of global civilization.

Keywords: social theory, mental approach, Russian mentality, dialogue of cultures and civilizations.

Ментальный подход к вопросам взаимодействия общества и человека, необходимый, на наш взгляд, для углубленного изучения каузальных и иных аспектов социально-индивидуального взаимодействия, может быть представлен как одно из философско-методологических оснований современных теорий, концепций и других ученых построений в сфере социально-гуманитарного знания. Например, социальная теория, определенным образом упорядочивающая целый ряд спорных вопросов в социальной философии, может принять, полагаем, ментальный подход как методологический ориентир, сама при этом выступая для него подобным же рода основанием. Этот аспект важен, тем более что социальное развитие (как в индивидуально-личностном, так и коллективно-групповом и даже более масштабном социальном формате), имеет, на наш взгляд, бесспорные ментальные основания [1; 2; 3].

Ядром социальной теории выступают, в первую очередь, проблемные узлы, связанные с особенностями взаимодействия общества и человека – в общих, особенных и единичных (частных) моделях. Ю.М. Резник подчеркивает в некотором смысле парадоксальность этого взаимодействия, которая заключается в том, что «человек не может полностью уйти из общества (и от любой системы), где бы он ни работал или ни жил. Он не может самостоятельно и полностью вывести из социальной игры или обращения Системы свою Фигуру, не оставляя ее следов на своем социальном теле (фантомы, вирусы

и пр.). Его Фигура постепенно становится заложницей социума (как большой Системы) и начинает «отрываться» от его Ядра» [4, с. 51]. Такого рода взаимодействие социума и индивида имеет ментальную природу (исходя из нашего понимания феномена менталитета / ментальности как системы внутренних глубинно-психических социально-культурных установок общества / личности, формирующейся и изменяющейся в течение относительно длительного времени и функционирующей на уровне внесознательного [5]), поскольку «работает» на уровне сопоставления установочных состояний – функционального и ценностного плана – общества и человека.

Социальная теория непосредственно связывается с менталитетом / ментальностью, имея прямые смысловые выходы и связи на феномен идентичности; таким образом, идентификационные построения социально-индивидуального формата выступают здесь предметным пространством социальной теории. Определенную уверенность этому утверждению придает то, что «человек как различимое и индивидуальное-специфическое целое, существующее в единстве физического, социального, ментального и духовного тел, стремится к самореализации и раскрытию своих граней в рамках контролируемого им жизненного мира... Сравнительный анализ сущностных свойств или граней человека позволяет определить уровни его идентификации: биологические предпосылки идентичности; психологическое, социальное и культурное измерение; метафизический уровень» [4, с. 62]. Впрочем, сопряжение ментального подхода с социальной теорией позволяет выделить и множество иных общих сторон и дополнений.

Вопрос о динамичности социальной теории вызывает определенный исследовательский интерес, поскольку при переносе в иной социокультурный контекст любого философского построения в нем проявляются новые грани и углы, количество которых, вследствие этой самой динамичности, можно рассматривать как стремящееся к бесконечности. На определенном этапе конструирования социальной теории ее родоначальник Ю.М. Резник решительно отказывался от того или иного положения, помещая на его место иное, более убедительное и в определенном смысле более «универсальное» [6, с. 80-99]. Это видится важным с точки зрения реализации принципа открытости в построении и функционировании социальной теории.

Но это существенно и с точки зрения понимания философско-методологических оснований не как «изначально данных», раз и навсегда зафиксированных, как бы «отлитых в бронзе» или «несокрушимо гранитных» основ. Мы видим эти основания «живыми», подвижными, изменяющимися вместе с развитием научного, в том числе социально-философского знания. Здесь налицо мощное смысловое и содержательное сопряжение социальной теории с ментальным подходом, в основу которого нами также положен принцип открытости, как отражение «неостановимости» истории, науки, самой жизни.

Принципиальная открытость и незавершенность ментальных исследований связана с сущностными особенностями самого феномена менталитета – динамичностью, относительной устойчивостью в историческом протяжении, то есть онтологически обоснованной обусловленностью социально-индивидуальной ментальной динамики и др.

Говоря о сущностных чертах феномена менталитета, мы выделяем в них в качестве одного из основных такую черту как устойчивость. Вместе с тем, понимаем, что устойчивость и динамичность необходимо рассматриваются как две стороны одной медали, как противоположные черты, дополняющие друг друга (за исключением, по-видимому, понятия «устойчивое развитие»). Что является более характерным для российской цивилизации и культуры – устойчивость или динамичность – сказать однозначно сложно. Вместе с тем, для отдельных периодов русской истории могут быть выделены те или иные преимущественные тенденции.

Отечественные философы высказывали свою точку зрения по некоторым вопросам, связанным с социальной динамикой / устойчивостью русской национальной культуры, русского национального характера, русского национального менталитета. Так Н.А. Бердяев, представляя разнонаправленность ментальных установок русского народа, как «поляризованную природу русского человека» [7, с. 247-248], заключает о некоторой незавершенности национального характера, которую мы рассматриваем как ментальную.

А ценностные «наборы», которые озвучивали ранее и озвучивают сегодня те или иные мыслители прошлого или специалисты-исследователи, хотя и не безынтересны, но не представляются окончательными, зафиксированными раз и навсегда. «Окончательное фиксирование» – вообще не вполне приемлемое для ментальных феноменов выражение, ибо углубление в природу менталитета, выде-

ление «последних» составляющих его структуры приводит к построению такой картины, элементы которой, если не совершенно противоречат, то, во всяком случае, противостоят друг другу. В этом, по-видимому, и заключаются истоки ментальной динамики в пространстве русской цивилизации.

Представляется не безынтересным в социально-философском плане и то, что антииерархичность русской жизни может быть убедительно проявлена в целом ряде взаимоотношений человека и общества, индивида и малого сообщества, социальной группы и др. Например, в семейных, возрастных, гендерных ситуациях взаимодействия индивидов и социальных сообществ. Это может быть представлено и в пространстве и в пространстве профессиональной организации индивидуальной деятельности, в политическом, культурном, военном и иных аспектах [8].

Любой из них заслуживает внимания через призму ментального подхода в пространстве русской цивилизации – в историческом и современном социокультурных контекстах. Это же вновь подталкивает нас к мысли о невозможности сформулировать в раз и навсегда зафиксированном виде ту или иную отдельную черту русского народа, социально-культурную установку русского менталитета. Речь идет вовсе не о неопределенности национальных русских черт, а о принципиальной открытости и незавершенности ментальных феноменов в их социально-культурной исторической динамике.

Установившиеся сегодня национальные черты народа могут быть тем или иным образом изменены в течение исторически длительного времени. Они могут быть и направленно модифицированы, под влиянием внешних воздействий, прежде всего, идеологических. Но эти воздействия государства, общества и других больших социальных феноменов должны необходимо учитывать ментальные основы социальной природы человека. Именно в этом случае произвольность повсеместно распространенных динамических форм может быть определенным образом упорядочена и приведена в соответствие с актуальными в данное конкретное время социальными нормами, ценностями, интересами и потребностями. Однако неизменной устойчивости конкретных социальных норм, ценностей и т. п. в историческом протяжении говорить было бы неверно, поэтому принципиальная открытость и незавершенность изучения феномена менталитета общества, а также основанного на нем национального сознания и др., связана с незавершенностью собственно ментальных феноменов, глубинных установок для исторически краткого отрезка времени.

Можно положительно говорить о том, что теоретико-методологический анализ категории «менталитет», а также социально-философское осмысление феномена национального русского менталитета, рассматриваемого как глубинное основание социальных процессов и «произведенных» (в определенном понимании) менталитетом основных черт русского национального характера, аспектно представленное выше, являет собой принципиально незавершенный, открытый характер по той причине, что он обусловлен не только изменениями культуры, но представляет собой ту доминанту, которая укореняет человека в стихиях бытия.

Социальная теория определенным образом отражает сложные взаимоотношения общества и человека, индивидов и социальных групп между собой. Думается, что социально-теоретический контекст уместен и при рассмотрении «ментального диалога» – обществ, государств, культур и цивилизаций между собой. Столкновение, взаимообмен и взаимопроникновение крупномасштабных социальных феноменов необходимо приводит к сопоставлению и критическому осмыслению интересов, норм, ограничений, запретов и общих правил конкретной социальной общности, в том числе структурированных особым образом.

Сложность структурных построений социальной теории определяется сложностью структуры самого современного общества, которая все более усиливается с развитием информационной цивилизации и ускорением коммуникационных возможностей в условиях глобализирующегося мира.

Трудности освоения социальной теории могут быть связаны не столько с усложнением социальной сферы или перемешиванием изначальных концептуальных построений с вновь вводимыми, но, прежде всего, с усложнением теоретических трактовок социальных явлений, событий, фактов и акторов, увеличением количественного и качественного разброса пониманий в условиях «диалога культур» и «ментального диалога».

Литература:

1. Полежаев Д.В. Границы этнокультурности: ментальный аспект социальной теории // Этносоциальные и конфессиональные процессы в современном обществе: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: М.А. Можейко (гл. ред.) [и др.]. Гродно: Изд-во ГрГУ, 2012. С. 4651.

2. Полежаев Д.В. Социальная теория: вопросы методологии и философии образования // Довгирдовские чтения II: философская классика и современные проблемы социокультурного развития: матер. Межд. науч. конф. (г. Минск, 11 нояб. 2011 г.) / ИФ НАН РБ. Минск: Право и экономика, 2012. С. 212–216.
3. Тард Г. Социальная логика. СПб.: Социально-психологический центр, 1996. 554 с. (Биб-ка практ. психологии).
4. Резник Ю.М. Многогранный образ человека: предпосылки построения конфигуративной модели (очерки) // Вопросы социальной теории: научный альманах. 2010. Т. IV. Человек в поисках идентичности / под ред. Ю.М. Резника и М.В. Тлостановой. М.: Ассоциация «Междисциплинарное общество социальной теории», 2010. С. 18-62.
5. Полежаев Д.В. Русский менталитет: социально-философское осмысление: монография / ВГИПК РО. – Волгоград: Издво ВолГУ, 2007. 370 с.
6. Резник Ю.М. Социальная теория в России: поиски самоопределения // Личность. Культура. Общество. 2005. Вып. 1 (25). С. 80–99.
7. Бердяев Н.А. Русская идея // Самопознание: соч. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. (Сер. «Антология мысли»). С. 247248.
8. Полежаев, Д.В. Личность и тоталитаризм: ментальные трансформации: монография / Д.В. Полежаев. – М.: Планета, 2018. 208 с.

Российский человек и кризис общественного сознания

Резник Ю. М.

Институт философии РАН (Москва), главный научный сотрудник, доктор философских наук, профессор

reznik-um@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется состояние сознания российского человека и его социального самочувствия в условиях усиления тенденций авторитаризма и отчуждения в обществе. Целью исследования является определение характера качественных изменений в общественном сознании, которые привели к его деформации и кризису. Автор приходит к выводу, что одной из главных причин кризиса сознания выступает радикализация авторитарно-бюрократической системы, сложившейся в России в последние десятилетия. Он указывает на ряд тенденций, которые характеризуют симптомы социального неблагополучия (регрессия, проявляющаяся в нарциссизме, самообмане, самоотчуждении и пр.). При этом автор показывает, что средства преодоления этого кризиса, предлагаемые некоторыми отечественными аналитиками (психотерапия, моделирование альтернативного социума), вступают в противоречие с интересами самого человека и затрагивают экзистенциальные основы его бытия. Ни один из вариантов человеческой инженерии, претендующей сегодня на исправление человеческой природы, не может рассматриваться как способ гуманного решения проблемы. Автор предлагает использовать положения критической теории для того, чтобы содействовать свободному развитию человека и своевременно предупреждать об опасностях, таящихся в тех социальных практиках, в которых используются методы манипулирования человеческим сознанием и поведением. Философия призвана не только защищать жизненный мир человека от экспансии идеологии и других институтов социального подавления, но и определять фундаментальные предпосылки построения человекообразного будущего, в котором будут востребованы аутентичные, а не авторитарные личности.

Ключевые слова: философия, человек, жизненный мир, идеальное, сознание, метаморфозы сознания, социальное самочувствие, духовный кризис, регрессия, нарциссизм, самообман, метафизическое падение, самоотчуждение, человеческая инженерия, критическая теория, авторитарная система, аутентичная личность.

Russian Human and the Crisis of Public Consciousness.

Reznik Yu. M.

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Abstract: The article analyzes the state of consciousness of the Russian person and his social self-feeling in conditions of increasing trends of authoritarianism and alienation in society. The aim of the study is to determine the nature of dramatic change in the Russian reality, which led to deformation of personal and social mind and to overall crisis. The author comes to conclusion that one of the main causes of the crisis of consciousness is the radicalization of the authoritarian-bureaucratic system that has developed in Russia in last decades. He points to several trends that characterize the symptoms of social distress (regression manifested in narcissism, self-deception, self-alienation, etc.) At the same time, the author shows that the means of overcoming this crisis offered by some domestic analysts (psychotherapy, modeling of an alternative society) come into conflict with interests of the person himself and affect the existential foundations of his existence. None of the variants of human engineering that claim today to correct human nature can be considered as a way of humane solution of the problem. The author proposes to enroll including critical theory, to promote free personal development and timely warn about the dangers lurking in those social projects and practices, which use the methods of manipulation of human consciousness and behavior. Philosophy is designed not only to protect human life world from expansion of ideology and other institutions of social suppression, but also to determine the fundamental prerequisites for building human-sized future that will demand authentic, and not authoritarian personality.

Keywords: philosophy, human being, life-world, the ideal, consciousness, metamorphoses of consciousness, social self-feeling, spiritual crisis, occupation, regression, narcissism, self-deception, metaphysical fall, self-alienation, human engineering, critical theory, authoritarian system, authentic personality.

1. Сегодняшнее положение российского человека определяется во многом его социальным

самочувствием и тем, как он воспринимает действительность. Одним словом, если мы хотим понять, что с нами происходит, мы должны поставить диагноз общественных настроений, которые преобладают в современной России. Их нельзя делить в нескольких словах – фрустрация, регрессия, деформация и пр. Нужна новая качественная характеристика состояния общественного сознания человека, обусловленного авторитарно-бюрократической радикализацией российской действительности. Пока же приходится выявлять отдельные тенденции, свидетельствующие о психологическом неблагополучии российского человека (ухудшение климата, регрессия, проявляющаяся в нарциссизме и самообмане, самоотчуждение и пр.).

2. Первое, на что следует обратить внимание, это – регрессия общественного сознания российского человека, обусловленная радикальными социально-экономическими изменениями, с одной стороны, и сворачиванием пространства его прав и свобод, нарастанием авторитарно-бюрократических тенденций, с другой. Вместе с тем, она вызвана утратой общественных идеалов, отказом от идеального в целом. Человек оказался один на один с безличными структурами, анонимным работодателем, бюрократическим произволом и т.д.

Нарциссизм выступает одной из метаморфоз сознания человека. Однако не он является первопричиной его социальных расстройств. В условиях девальвации ценностей человек переживает куда более глубокий кризис, имеющий не только психологический, но и мировоззренческий характер. Рушится привычная ему картина мира, ослабевают бытийные скрепы, поддерживающие его жизненный мир. И вместо того, чтобы философы искали выход из кризисной ситуации, ему ставят диагноз и предлагают пройти курс психотерапии. Такие попытки снова возвращают нас во времена той человеческой инженерии, которая склонна к манипулированию человеческим сознанием и поведением ради достижения весьма сомнительных целей.

3. Регрессия сознания российского человека находит своё выражение и в других формах, в т.ч. в ностальгии по прошлому и стремлении во чтобы то ни стало вернуть его. По мнению некоторых публицистов, для начала надо признать своё метафизическое падение, отречение от прежнего общественного строя и самих себя. И уже затем браться за возрождение СССР с учетом анализа и исправления исторических ошибок, допущенных в советский период.

Леворадикальный проект заслуживает внимания как попытка поставить диагноз общественному сознанию россиян. Падение, отречение, вина, признание поражения, падение, с одной стороны, и готовность действовать во имя высоких идеалов, – вот к чему призывает его сторонники. Но так уж обязательно проходить эти шаги к обретению идентичности? И какова цена возрождения пусть обновленного, но все же исторически преходящего общественного порядка?

4. Для изучения феномена *самоотчуждения* в российском обществе следует обратиться к некоторым выводам критической теории в лице одного из её основателей М. Хоркхаймера. Мне близка его критика *технократического разума*, приверженность гуманизму как идее *освобождения человека от всех форм эксплуатации, неприятие насильственных способов доминирования* и господства в обществе.

Самоотчуждение означает отказ человека от настоящего, от активной и созидательной деятельности, а также от себя самого. Оно свидетельствует о тяжелом духовном кризисе в обществе, преодолеть который можно только изменив фундаментальные основы человеческого существования. Самоотчуждение радикализуется, приобретая всё более изощренные и пагубные формы для человека («мимикрия», возврат к архаике, одичание и пр.), по мере того, как радикализуется авторитарно-бюрократическая система, которая возвращает общество к «закону джунглей», а себя назначает верховным арбитром.

Самоотчуждение глубоко проникло в физическое и социальное тело российского человека, вытеснив из него спонтанную активность, остатки неосознанных желаний и всякие надежды на свободную жизнь. В некоторых случаях оно уже достигло дна, продолжая разрушать и деформировать жизненный мир личности.

5. Для того, чтобы найти выход из духовного кризиса человека и общества, потребуется задействовать весь арсенал философской мысли. Об этом размышляли, в частности, представители критической теории. Именно им принадлежит заслуга в критическом осмыслении места и роли социальных ученых в обществе. Они же ставили перед философией задачу показать противоречие между действительностью

и идеологией, которая маскирует реальное положение дел в обществе. В социальном мире оно проявляется в форме конфликта между аутентичной и авторитарной личностью.

Философам же надо научиться самим защищать свой собственный жизненный мир от необоснованного системного насилия и передавать этот бесценный опыт другим людям. Это в наибольшей степени соответствует их гуманистической миссии – способствовать свободному развитию человека и его становлению в качестве аутентичной личности.

Сегодня от философов требуется в первую очередь анализ духовной ситуации времени, в т.ч. объяснение подлинных причин духовного кризиса личности и определение путей его преодоления. Вместе с тем они обязаны предъявить обществу не только своё рефлексивно-критическое видение текущей ситуации, но и обоснованные проекты построения человекообразного будущего.

Литература:

1. Лапин Н.И. Отчуждение // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 3. М.: «Мысль», 2001. С. 181-182.
2. Резник Ю.М. Человек в зоне отчуждения // Личность. Культура. Общество. 2016. Т. 18. Вып. 3-4 (№№ 91-92). С. 7-25.
3. Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты: Пер. с нем. М. Кузнецова. – М., СПб.: «Медиум», «Ювента», 1997. 312 с.
4. Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума. М.: Канон+, 2011. 224 с.

О российском цивилизационном проекте как Ответе на Вызовы, порожденные крушением биполярного миропорядка

Сальников В.И.

*Воронежский государственный университет, директор Центра исследований проблемной
государственности, доцент, кандидат исторических наук*

vyachs@yandex.ru

Аннотация: Крушение биполярного миропорядка не привело к установлению «вечного мира», к которому призвал И. Кант. На смену столкновению идеологий пришло столкновение цивилизаций. В то же время, как показывает практика, интеграционные процессы успешнее всего идут на основе цивилизационных проектов. Поэтому России, стремящейся вернуть себе достойное место в мире, также остро необходим свой цивилизационный проект, который бы мог стать Ответом на Вызовы, порожденные крушением СССР. Для того, чтобы его создать, необходимо решить ряд вопросов, включая и те, что возникли после присоединения Крыма, Русской Весны и реакции Запада. Особое место автор отводит «непризнанным государствам» Русского мира, которым по его мнению объективно придется выступить в качестве «драйверов» становления Русской цивилизации.

Ключевые слова: геополитика, Россия, цивилизационный подход, конфликт цивилизаций/диалог цивилизаций, российский цивилизационный проект.

About the Russian civilization project as a Response to the Challenges Generated by the Collapse of the Bipolar World Order. Salnikov V.I.

Voronezh State University, Research Center for Problem 'Statehood'

Abstract: The collapse of the bipolar world order did not lead to the establishment of an "eternal peace", to which I. Kant called. The clash of ideologies was replaced by a clash of civilizations. At the same time, as practice shows, integration processes are most successful on the basis of civilization projects. Therefore, Russia, striving to regain its rightful place in the world, also urgently needs its civilization project, which could become a Response to the Challenges posed by the collapse of the USSR. In order to create it, it is necessary to solve a number of issues, including those that arose after the reunification of Crimea with Russia, the Russian Spring and the reaction of the West. The author gives a special place to the "unrecognized states" of the Russian world, which, in his opinion, objectively will have to act as the "drivers" of the formation of Russian civilization.

Keywords: geopolitics, Russia, civilizational approach, conflict of civilizations / dialogue of civilizations, Russian civilization project.

Практически сразу после крушения биполярного миропорядка на место борьбы идеологий пришло «столкновение цивилизаций», на которое первым обратил внимание Самуэль Хантингтон, выдвинувший тезис о том, что на смену блокам времен холодной войны приходят сообщества (цивилизации), объединяемые общей культурой, а линии тектонических разломов между ними становятся осями противостояний и столкновений мировой политики [1]. В то же время, цивилизации зачастую создают то гравитационное поле, которое позволяет создавать успешные интеграционные проекты (Большая Европа, «Новый шелковый путь» и т.п.). Но так как цивилизации понимаются по-разному и в локальном плане, и содержательно, поэтому часто говорят о цивилизационных проектах [2]. Поэтому России, стремящейся вернуть себе достойное место в мире, также остро необходим свой цивилизационный проект.

Исследуя историю и практику развития России с позиций цивилизационного подхода, автор придерживается точки зрения, что развитие нашей страны обусловлено драматичным противоборством различных проектов, которые по своей значимости имели характер цивилизационных: «западнического», «византийского», «евразийского» в их различных модификациях [3, с. 625-634]. Но так как данные проекты не до конца вошли «в плоть и кровь» россиян, – наша страна до сих пор не выработала собственной цивилизационной модели, продолжая пребывать в роли «очарованного странника», выходящего между Востоком и Западом, материализмом и духовностью, индивидуализмом и коллекти-

визмом, традиционализмом и модернизмом... [4, с. 294-297]

Поэтому, по мнению автора, при формировании современного цивилизационного проекта, позволяющего дать необходимый Ответ на Вызовы, порожденные распадом СССР и крушением биполярного миропорядка, Россия должна ответить на ряд вопросов:

1. Что представляет собой Россия – часть мировой/региональной цивилизации или особую цивилизацию?
2. Россия между Европой и Азией: «культуртрегер», «щит меж двух враждебных рас» или новый «центр сборки»?
3. Россия и новый мировой порядок: «надежда прогрессивного человечества», «государство-изгой», или просто один из субъектов многополярного мира?
4. Россия: империя или национальное государство?
5. Каково соотношение традиций и новаций в этом проекте?

Произошедшие в 2014 г. события, связанные с Русской Весной и изменившие мировой геополитический расклад, заставили взглянуть на формирующийся цивилизационный проект по-другому – с учетом новых (или «хорошо забытых старых») задач. В том числе и задач, стоящих перед Россией и Русским миром...

1. При ответе на первый вопрос мы уже должны исходить из реакции т.н. «мирового сообщества» на позицию России по защите соотечественников от украинского агрессивного национализма. И если мы захотим вновь вернуться в ненавидящую Россию «мировую цивилизацию», нам придется не только «вернуть» Украине Крым и южнорусские земли до Кубани, но и удовлетворить территориальные и иные претензии других «обиженных нами» соседей... То же самое нам придется сделать и в случае, если мы будем рассматривать себя в лоне европейской цивилизации – стать частью нынешней евроатлантической Европы нам позволят только после деятельного «раскаяния в агрессии советского тоталитаризма» против Украины, Прибалтики, Польши и других европейских стран во Второй мировой войне... Можно, конечно, побороться за «Европу от Дублина до Владивостока» как альтернативу евроатлантическому проекту, но при иждивенческой позиции нынешней Европы это вряд ли представится возможным...

2. При выборе более самобытного цивилизационного проекта нам придется пройти между «Сциллой» европеизма и «Харибдой» евразийства. Ведь западный опыт нацистроительства мало способствует политическому объединению народов, относящихся к разным расам, языковым семьям, конфессиям, стадиям развития издавна живущих в России. Мы имеем успешный опыт совместного проживания без их «упростительного смешения», основанный на соединении традиций Востока и Запада, Христианства и Ислама, Золотой Орды и III Рима. Значительную роль здесь принадлежит русскому народу – составляющему большинство населения страны, напроць лишенному расизма и в силу своего имперского сознания обладающему способностью к государственному строительству. Поэтому необходимо решительно пресекать все попытки его расчленения. В настоящий момент – это попытки украинского и белорусского «нацистроительства» вкупе с попытками создания новых автокефалий. И здесь мы должны отойти от большевистской традиции создания новых наций за русский счет – для чего надо предоставить русским, проживающим за пределами РФ, право ирреденты, а РПЦ обратить внимание на опасность отпадения УПЦ и БПЦ от Русского мира...

3. Говоря о месте грядущей России в новом мировом порядке, мы должны понимать опасность однополярного мира, основанного на глобальной гегемонии США. Тот внешнеполитический курс на создание многополярного мира, что выбрало высшее политическое руководство страны в 2000-е годы, объективно способствует культурно-цивилизационному многообразию, существующему на Планете. Россия, обладающая значительным ресурсным потенциалом, вполне может играть роль ключевого игрока в интеграции ведущих государств Полупериферии (БРИКС) в объединении их усилий по трансформации современного миропорядка, основанного на доминировании стран Центра (Запада и Японии), в более справедливый. А поддержка Россией альтернативных неолиберальному проекту политических сил, традиционных ценностей и народов, борющихся против национального угнетения, будет способствовать превращению нашей страны в альтернативный Западу Центр притяжения.

4. Для того, чтобы Россия могла играть эту грандиозную роль, нам предстоит соединить имперскую континентальную модель, сочетающую федерализм и державность, с активным использованием

механизмов «мягкой» и «умной» силы, характерных для атлантической цивилизации. Без этого не собрать ни Евразийского Союза, ни Русского мира. Причем совсем не обязательно нужно включать все эти территории в состав единого государства – достаточно создать союз государств, спаянных культурно-цивилизационным единством.

5. При выборе достойного нашей страны цивилизационного проекта нужно руководствоваться не только верностью традиционным социокультурным моделям и архетипам, но и ориентироваться на использование инновационных механизмов. Ведь сочетание традиций и новаций присуще всем успешным цивилизациям. Если нам это удастся – Русский мир преодолеет катастрофизм своего развития, обретя собственные цивилизационные основы. Для этого необходимо создать свое пространство образования и культуры, пространство смыслов, инфраструктурные проекты по аналогии с ЕС (Болонский процесс, «Восточное партнерство» и т.п.) и Китаем («Один пояс – один путь»).

Особо хотелось отметить роль т.н. «непризнанных государств», входящих в орбиту Русского Мира. Им объективно придется выступить в качестве «драйверов» становления Русской цивилизации, помогая РФ преодолеть «постимперский синдром» и включиться в процесс собирания русских земель...

Литература:

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: АСТ, 2005. 603 с.
2. Горбачев М.В. Цивилизационный проект в современной мировой политике // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. №5. С. 75-87 [Электрон. ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilizatsionnye-proekty-v-sovremennoy-mirovoy-politike/viewer> (дата обращения: 27.02.2020)
3. Сальников В.И. Российский цивилизационный проект : в поиске системы координат // Национальная идентичность России и демографический кризис / Мат-лы II Всероссийской научной конференции (15 ноября 2007 г.). М.: Научный эксперт, 2008. С. 625-631.
4. Сальников Вячеслав. Образ «очарованного странника» как цивилизационный архетип России // Публичное управление : теория и практика : Сборник научных трудов Ассоциации докторов государственного управления : Специальный выпуск. Харьков : Изд-во «ДокНаукДержУпр», 2012. С. 294-297

Роль национальной идеи в формировании позитивного имиджа России в контексте столкновения цивилизаций

Толок Е.С.

Балаковский инженерно-технологический институт - филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»; старший преподаватель кафедры «Гуманитарные дисциплины»

tolokks@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу роли национальной идеи в формировании положительного имиджа России в условиях столкновения цивилизаций. Проводится мысль о том, что современное человечество живёт в условиях противостояния цивилизаций, представляющее собой не только борьбу за жизненное пространство и ресурсы, но и столкновение разных культур и разных типов власти, разных ценностных миров. В связи с чем, автор указывает на то, что для обеспечения жизнеспособности и успешности дальнейшего развития России необходима выработка национальной идеи, служащей объединению, консолидации российского общества, решающей его наиболее значимые проблемы, укрепляющей патриотизм русского народа, его национальное достоинство. Той национальной идеи, которая позволит обрести утраченное понятие национальной идентичности.

Ключевые слова: глобализация, ценности, национальная идея, русская идея, национальная идентичность, соборность.

The role of the national idea in forming a positive image of Russia in the context of a clash of civilizations. Tolok E.S.

Balakovo Institute of Engineering and Technology of the National Research Nuclear University MEPHI (Moscow Engineering Physics Institute), Russia

Abstract: the Article analyzes the role of the national idea in the formation of a positive image of Russia in the context of a clash of civilizations. It is suggested that modern humanity lives in a confrontation of civilizations, which is not only a struggle for living space and resources, but also a clash of different cultures and different types of power, different value worlds. In this connection, the author points out that in order to ensure the viability and success of Russia's further development, it is necessary to develop a national idea that serves to unite and consolidate Russian society, solve its most important problems, and strengthen the patriotism of the Russian people and their national dignity. The national idea that will allow us to find the lost concept of national identity.

Keywords: globalization, values, national idea, the Russian idea, national identity, sobornost.

Россию следует рассматривать как самобытную цивилизацию, находящуюся на стыке двух миров: Запада и Востока, представляющую собой совокупность типов и форм жизнедеятельности различных этносов, её населяющих, объединённых единым жизненным пространством, историческим временем и устойчивыми социально-экономическими отношениями [1, с. 16].

К современным российским исследователям, рассматривающим методологические, эпистемологические проблемы и сущностные характеристики российской цивилизации можно отнести А. Ахиезера, А. Пелипенко, И. Яковенко, И. Кондакова, Я. Шемякина, В. Кантора. Проблему российской идентичности разрабатывают Д. Замятин, В. Межуев, Н. Хренов, Е. Дайс, С. Гавров, Н. Нарочницкая, П. Смирнов, В. Копалов и др. В мировом контексте Россию рассматривают А. Панарин, В. Патраков, Б. Дубинин, В. Кагановский, С. Яценко, А. Уткин.

На протяжении всего своего существования российская цивилизация осуществляет поиск ответов на вопросы о смысле существования, определения места в мировой системе координат и обоснования своего предназначения.

Представления об историческом предназначении России, во многом, лежат в основе понятия «национальная идея» появившемся в русской цивилизации в начале XIX века. Первоначально

«национальная идея» транслировалась как «русская идея», зарождение и развитие, которой связано с именами таких философов, как В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, Ф. М. Достоевский, А. С. Хомяков, И. А. Ильин, П. А. Флоренский и других. Каждый из этих философов наполняет русскую идею своим, не поддающимся однозначной интерпретации смыслом. Так, в творчестве И. А. Ильина русская идея – это идея «созерцающего сердца», А. С. Хомяков наполняет её «соборностью», В. С. Соловьев – «всеединством», В. А. Иванов – «вселенским служением», Н. А. Бердяев видит в ней «идею коммюнитарности и братства людей и народов» и т.п. [2, с.59].

Таким образом, национальная идея включает не только осознаваемые идеалы, смыслы, цели и задачи, но и установки на реализацию этих идеалов и целей, бессознательные побудительные мотивы действий.

Национальная идентичность – одна из составляющих идентичности человека, связанная с ощущаемой им принадлежностью к определённому этносу или нации [3, с. 805].

Российская цивилизационная идентичность определяется, прежде всего, личностным измерением цивилизации, то есть людьми, имена которых связаны с основными вехами цивилизационного развития России. В их ряду и великие правители, и выдающиеся герои, и полководцы, а также вся славная галерея великих русских писателей, поэтов и художников, учёных и мыслителей, сделавших великую русскую культуру общим достоянием человечества.

Сегодня мы живем в условиях столкновения цивилизаций. Процессы столкновения цивилизаций с каждым годом развиваются и приобретают всё новые формы. Ещё два десятка лет назад слова С. Хантингтона воспринимались в большей степени как предостережение об отдалённом будущем. В недавнем прошлом стало заметным нарастание противоречий между различными цивилизациями, однако они воспринимались в значительной мере как политические противостояния государств, разрешить которые возможно через переговоры политических элит. Однако сейчас чётко очерчиваются границы жизненных интересов цивилизационных сообществ, нарушение которых приведёт к их разрушению и катаклизмам, какими бы договорённостями оно не объяснялось.

К настоящему времени обнаружилось две основные формы цивилизационных столкновений. Во-первых, это противостояние культурно-цивилизационных целостностей, базирующихся на различных цивилизационных основаниях. Во-вторых, неразрешимые противоречия внутри самих цивилизаций, прежде всего, западноевропейской и североамериканской [4, с.29]. Столкновение цивилизаций происходит на уровне противостояния и подавления духовных составляющих и доминант, актуализации соответствующих цивилизационных ценностей и возможностей мотивации деятельности основных субъектов цивилизационного развития.

В сложившихся условиях сохранение национальной идентичности позволит сформировать устойчивый положительный имидж новой России. В связи, с чем возникает вопрос, а именно какой образ должна воплощать Россия, и в чём содержание её национальной идеи?

Анализируя специальную литературу, мы приходим к выводу о том, что для новой России должны быть характерны четыре главных образа [5, с.74]:

- Россия как демократическое, правовое и социально ориентированное государство, проводящее независимый внутри- и внешнеполитический курс;

- Россия как страна с динамично развивающейся экономикой, основанной на использовании инноваций, высоких технологий и человеческого капитала;

- Россия как страна, преодолевшая демографический кризис, со стабильной численностью россиян и условиями для повышения их качества жизни, увеличения ожидаемой продолжительности жизни;

- Россия как государство с сильным и ответственным гражданским обществом. Формирование данного образа представляется наиболее важным, поскольку реализация трёх вышеуказанных образов, а также проведение глубоких преобразований в стране невозможны без формирования общества, способного к самоуправлению, готового осознать и бороться за свои права и свободы. К сожалению, в нашей стране гражданское общество и его институты сформированы не в полной мере. Необходимым духовным источником формирования гражданского общества в современной России может стать понятие «соборности», присущее российскому этносу. Мы рассматриваем соборность, как совокупность моральных, этических норм, ценностных установок, ориентирующих людей на единение духовное, культурное, религиозное [5, с.75]. Для российского этноса исторически чужды идеи индивидуализма в западном понимании этого слова. Существовавшая на протяжении нескольких веков общинная

форма жизни российского народа привела к выработке у него необходимости чувствовать себя частью большого коллектива, большой семьи, находить поддержку и опору в трудные моменты. Соборность даёт шанс восхождения к человечеству с сохранением человечности. Более того, под соборностью мы понимаем стремление современных российских граждан к согласию по основным вопросам общественной жизни, объединению для решения важных проблем, а также всеобщую готовность отстаивать свои права и интересы ради построения процветающего государства. Таким образом, именно соборность, означающая солидарность общества и консолидацию нации при духовном, культурном и религиозном единении, может служить в качестве национальной идеи на современном этапе.

И вполне очевидно, что национальной идеей России должен стать и патриотизм, причём истинный, а не показной. Цель и задачи патриотического воспитания должны быть направлены на формирование гармоничной личности ответственного человека, в котором сочетается любовь к Родине, общенациональная и этническая идентичность, уважение к культуре, традициям людей, живущих рядом. Гражданина, способного преодолеть вызовы и угрозы, стоящие перед обществом и государством в условиях глобализации.

Сформулированная таким образом национальная идея может служить необходимым импульсом внутренней модернизации государства и обретения россиянами стабильной основы в условиях разрушения традиционных общностей и связей. Однако, наряду с постановкой «высоких целей», необходимы конкретные меры и шаги государственной власти, которые были бы направлены на повышение эффективности работы государственного аппарата, повышение уровня доходов населения, реализацию национальных проектов. Имея чёткое представление о путях дальнейшего развития и процветания, Россия сможет смело противостоять вызовам и угрозам современного мира. Определение национальной идентичности и последовательное отстаивание позиций предложенной национальной идеи позволят государству стать одним из центров, привлекающим других субъектов международной политики и играющим существенную роль в глобальной политике. И, что более важно, обретение контуров и направлений дальнейшего внутреннего развития позволит обществу сориентироваться и найти необходимую опору в динамично изменяющемся мире. Ведь каждый россиянин хочет гордиться не только великим прошлым своего государства, но и настоящим, для того, чтобы уверенно смотреть в будущее.

Литература:

1. Авксентьев В. А. Российская цивилизация: обретение идентичности // Научно-аналитический журнал обозреватель – OBSERVER. 2014. №10(297). С. 16-27.
2. Шахмин Н.В. Политический и философский смысл национальной идеи: приме РФ // Аллея науки. 2018. Т.5. №6(22). С.58-64.
3. Гранин Ю.Д. Национальная идентичность в глобализирующемся мире // Вестник Российской Академии наук. 2015. Т. 85. №9. С. 805-811.
4. Заров Д.И. Ценности и социокоды в процессе столкновения цивилизаций // Цивилизация - Общество – Человек. 2018. № 6-7. С. 29-32.
5. Казакова А.В. Национальная идея как средство формирования национальной идентичности современной России // Альманах современной науки и образования. 2014. № 5(6). С.73-75.

Бакуменко Г.В.

Армавирский социально-психологический институт, преподаватель, кандидат культурологии

genn-1@mail.ru

Аннотация: В докладе актуализируется проблема развития культуры научной коммуникации как элемента целостной системы надбиологических программ человеческой жизнедеятельности и важнейшей прикладной отрасли междисциплинарной интеграции. Автор критикует фундаментальное противоречие целеполагания Стратегии развития информационного общества в России до 2030 г., свидетельствующее о кризисе отечественной культуры научной коммуникации и на основе краткого анализа подходов к разрешению обозначенной проблемы предлагает авторскую инновационную модель Academic Freedom and Openness Indicator (GBOI), позволяющую наблюдать состояние культуры научной коммуникации как показатель социального влияния социально-гуманитарных наук (SSH). Принципиальная новизна модели обнаруживает фактор субъектности научного сообщества и основной ресурс научной коммуникации — время. Впервые ставится задача наблюдения целостности социального влияния культуры научной коммуникации как ресурса стабильного развития.

Ключевые слова: информационное общество, общество знаний, культура, научная коммуникация, достоверность информации, наблюдение, индикатор

**Resource Aspects of the Culture of Scientific Communication in the Information Age.
*Bakumenko G.V.***

Armavir Social Psychological Institute

Abstract: The report actualizes the problem of developing a culture of scientific communication as an element of a holistic system of supbiological programs of human life and the most important applied branch of interdisciplinary integration. The author criticizes the fundamental contradiction of the goal-setting of the Strategy for the Development of the Information Society in Russia until 2030, which testifies to the crisis of the domestic culture of scientific communication and, based on a brief analysis of approaches to resolving the identified problem, offers the author's innovative model Academic Freedom and Openness Indicator (GBOI), which allows to observe the state of the culture of scientific communication as an indicator of the social impact of the social sciences and humanities (SSH). The fundamental novelty of the model reveals the factor of subjectivity of the scientific community and the main resource of scientific communication - time. For the first time, the task is to observe the integrity of the social influence of the culture of scientific communication as a resource for sustainable development.

Keywords: information society, knowledge society, culture, scientific communication, reliability of information, observation, indicator

Указом Президента от 9 мая 2017 г. № 203 в качестве первой определена такая цель Стратегии развития информационного общества до 2030 г.: «создание условий для формирования в Российской Федерации общества знаний» [1]. При этом, как следует из заложенного в стратегический документ понятия («общество знаний — общество, в котором преобладающее значение для развития гражданина, экономики и государства имеют получение, сохранение, производство и распространение достоверной информации с учетом стратегических национальных приоритетов Российской Федерации» [2]), государством признаётся, что для развития гражданина, экономики и государства России в настоящее время «получение, сохранение, производство и распространение достоверной информации» не имеет преобладающего значения, либо это происходит без учета «стратегических национальных приоритетов». В любом случае акцентирована ресурсная роль достоверной информации. Что уже важный шаг. И хотя трактовка информации (или достоверной информации) в стратегическом документе отсутствует, что естественно подрывает к нему доверие, следует поставить вопрос: попадает ли в категорию достоверной информации научное знание?

Функционально научная коммуникация, как элемент социальной коммуникации, призвана получать (производить), сохранять и распространять научное знание (достоверную информацию). Понимая

культуру, вслед за Д.С. Лихачевым, как системную целостность, исторически развивающуюся «на основе определенных закономерностей, существенно отличных от биологических» [3, с. 251–252], а вслед за В.С. Стёпиным, как сложную многоуровневую исторически развивающуюся систему «над-биологических программ человеческой жизнедеятельности» [4, с. 151], культуру научной коммуникации следует определить как исторически развивающуюся целостную сложную многоуровневую систему надбиологических программ человеческой жизнедеятельности, обеспечивающую практики производства, сохранения и распространения научного знания. Соответственно, документ стратегического планирования государственной политики, нацеленный на «создание условий для формирования ... общества знаний», формально является одним из элементов культуры научной коммуникации, а содержательно противоречит научным представлениям о ней, поскольку лишь планирует в некоторой перспективе создание условий для преобладающего значения в развитии гражданина, экономики и государства практик получения, сохранения, производства и распространения достоверной информации. А чем же тогда у нас занимается система образования? Распространением недостоверной информации? У нас что, система социального воспроизводства в целом до сих пор основана на каких-то иных принципах, не на получении, сохранении, производстве и распространении достоверной информации?

Фундаментальное противоречие Стратегии заложено в целеполагании. Не на базе созданных условий для общества знаний планируется информатизация, а наоборот. Информационное общество мыслится в Стратегии не как сложный наукоемкий инструмент, требующий большого интеллектуального ресурса, а как упрощенная схема канализации больших объемов информации, которая как бы сама собою создает условия для изменения качества увеличивающихся информационных потоков. Т. е. при составлении этого документа возобладал редукционизм к упрощенным управленческим моделям XIX в. В частности приходится согласиться с мнением И.А. Герасимовой, что «система управления в цифровой экономике в своей основе следует научной школе Тэйлора конца XIX в., в которой изучались возможности интенсификации машинного труда на основе жесткого рационального управления» [5, с. 15]. Сам факт того, что государственная стратегия с помощью информатизации общества предполагает добиться преобладания достоверной информации в формирующих социальность практиках, свидетельствует о крайнем дефиците достоверной информации у авторов документа, о кризисе отечественной культуры научной коммуникации, о серьезном разрыве управленческой элиты и экспертного сообщества, о низком уровне эффективности инвестиций в науку. Конечно, в первую очередь речь идет о сфере социально-гуманитарных наук, которые в комплексе и призваны создавать условия для эффективности социальных инвестиций посредством выработки моделей социального проектирования и принятия стратегических решений.

Культура научной коммуникации предстает в свете обозначенной проблемы как важнейшая прикладная отрасль междисциплинарной интеграции, совершенствование которой отвечает насущным потребностям науки, общества и государства в информационную эпоху, поскольку отражает в своем состоянии степень социального влияния социально-гуманитарных наук. Очевидна взаимосвязь качества культуры научной коммуникации с качеством принятия стратегических решений. И это раскрывает один из ресурсных аспектов культуры научной коммуникации информационной эпохи. Сегодня не финансовые или углеводородные ресурсы определяют эффективность управления, а скорость и релевантность ситуации управленческих решений, которая зависит не столько от формальной структуры управления, сколько от степени её интеграции с наукой, от вовлеченности экспертного сообщества в практику принятия решений.

Проблема интеграции достижений социально-гуманитарных наук в практику социального проектирования в условиях становления информационного общества осознается мировым научным сообществом, прежде всего, как проблема измеримости степени социального влияния социально-гуманитарных наук с целью рационализации (оптимизации) социальных инвестиций [6; 7]. В частности, К. Шух (Dr. Klaus Schuch), руководитель Центра социальных инноваций (ZSI) и австрийской платформы для исследований и оценки технологической политики (FTEVAL), обращает внимание на необходимость совершенствования технологий анализа потока больших данных для этих целей [6, р. 4–6; 8]. Безусловно, не использовать потенциал новейших информационно-коммуникационных технологий, в том числе и потока больших данных, для оптимизации социального влияния науки не рационально. Однако это не должно превращаться в самоцель, стимулирующую лишь рост технократической бюрократии и нерационально больших объемов машинной информации, требующей дополнительных ресурсов для сбора и обработки; сами процедуры сбора и обработки больших данных не должны

усиливать экологические коммуникативные риски. Их острота в информационную эпоху для многих столь очевидна, что побуждает объединять усилия в новейшем научном направлении или даже новой науке, исследовавшей бы экологию коммуникации [9]. Выдающийся отечественный культуролог А.В. Соколов указывает, что развитие современного информационного общества может пойти по двум взаимоисключающим сценариям, проектирующим различные модели человека будущего: ноосферного либо техносферного [10]. Основным критерием разграничения этих двух типов человека является уровень субъектности в принятии решений: человек генерирует смыслы и ценности, а соответственно и решения (ноосфера), или подчиняется новому типу рациональности, генерируемому с помощью алгоритмов машинной обработки данных (техносфера). Базовым в выборе модели ноосферного человека остается положение теории культуры Д.С. Лихачева, что культура не противостоит природе, но гармонично её дополняет, и это предопределяет вектор развития культуры: к целостности, к синтезу и усложнению системных связей.

Культура научной коммуникации не является исключением. Существующие индексы социального влияния науки (impact factor, h-index и проч.), как и множество индикаторов, порожденных обработкой больших данных, не отражают целостной картины состояния культуры научной коммуникации, потому что ориентированы на отдельные количественные показатели, а не на фиксацию критерия целостности, о чем говорит в частности К. Шух [6, р. 4–6]. Эта ситуация заставляет коренным образом пересмотреть предмет наблюдения и способы визуализации его результатов [11].

Принципиальная новизна разрабатываемой модели Academic Freedom and Openness Indicator (GBI) [11] состоит в том, что способность и возможность ученого независимо от уровня материального вознаграждения осуществлять научную деятельность является исторической константой, создавшей науку и продолжающей её стимулировать. И здесь заключен не только присущий науке альтруизм (многие значительные достижения просто неизмеримы в каких-либо эквивалентах материального благополучия), этот критерий обнаруживает фактор субъектности научного сообщества и основной ресурс научной коммуникации — время. В информационную эпоху ресурс времени (и производный от него — скорости) обретает наравне с достоверностью информации зачастую большее ценностное значение, нежели финансовые и организационные ресурсы. Поэтому и предполагается, что степень академической свободы и открытости может являться индикатором эффективности научной коммуникации, высокого уровня её культуры и социального воздействия. Спектральное смещение индикатора от красного к зеленому одновременно свидетельствует о росте ресурса культуры научной коммуникации, о верности направления социальной политики, об эффективности социальных инвестиций; а возможности дифференцированного анализа позволяют определять локации наиболее эффективных методологических и организационных инноваций в науке и образовании и проч.

Таким образом, в проекте Academic Freedom and Openness Indicator (GBI) осуществляется попытка визуализации целостности культуры научной коммуникации с учетом основных ресурсных аспектов её развития и одновременно как важного ресурсного фактора стабильного развития.

Литература:

1. III. Цель настоящей Стратегии и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации при развитии информационного общества // Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» — КонсультантПлюс, 1997–2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/6a711de762dad8550e2722a239e4e9925fb7dd3e/ (дата обращения 28.02.2020).
2. I. Общие положения // Указ Президента РФ от 09.05.2017 N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» — КонсультантПлюс, 1997–2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/ac5a34dd7e53e8eb99096d328fba674d066a76b/ (дата обращения 28.02.2020).
3. Запесоцкий А.С. Дмитрий Лихачев: у истоков отечественной культурологии // Контуры будущего в контексте мирового культурного развития XVIII Международные Лихачевские научные чтения / Под. ред. А. С. Запесоцкого. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. 2018. С. 251–255.
4. Степин В.С., Смирнова Н.М., Синеокая Ю.В. Существуют ли методологический изоморфизм естественнонаучного и социально-гуманитарного знания? // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 3. С. 150–165.
5. Герасимова И.А. Неопределенность в познании и в социальных практиках // Эпистемология и философия науки. 2020.

6. Impact of Research and Innovation Policy at the Crossroads of Policy Design, Implementation and Evaluation (Vienna, 2018) / ed. K. Schuch // *fteval Journal for Research and Technology Policy Evaluation*. 2019. Is. 47. 178 p.
7. Impact of Social Sciences and Humanities on Society (Washington, 2019) / CEO A. I. Leshner — AESIS, 2019–2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://aesisnet.com/events/ssh19/#speakers> (дата обращения 28.02.2020).
8. Schuch, Klaus (): Valuation of SSH Research for a Transformative European Research Agenda – A few Closing Words // *fteval Journal for Research and Technology Policy Evaluation*. 2019. Is. 48. P. 183–187.
9. Дзялошинский И.М. Экология коммуникаций: становление новой науки // PR и СМИ в Казахстане: сборник научных трудов = Қазақстандағы PR және БАҚ: ғылыми еңбектер жинағы / Под ред. Л. Ахметова. Вып. 15. Алматы: Қазақ университеті, 2018. С. 27–37.
10. Соколов А.В. Ноосферный человек в библиотеке будущего // *Библиотекосведение*. 2019. Т. 68. № 1. С. 7–17.
11. Bakumenko G. A Step Towards the Culture of Scientific Communication = Шаг на встречу культуре научной коммуникации // OSF. February 14, 2020. DOI: <https://doi.org/10.17605/OSF.IO/GKHB3> [Электронный ресурс]. URL: <https://osf.io/wj8ak/> (дата обращения 28.02.2020).

Способен ли искусственный интеллект стать самостоятельным существом?

Войцехович В.Э.

*Тверской государственный университет, профессор кафедры философии и теории культуры.
Доктор философских наук*

synerman@gmail.com

Аннотация: Сущность искусственного интеллекта (ИИ) – алгоритм, ограниченный потенциальной бесконечностью («растущим конечным»). Сущность естественного интеллекта – Атман (брахманизм, буддизм), дух (христианство), монада (Г.В. Лейбниц). Их выражения в философии и математике – актуальная бесконечность, трансфинитные числа. В теологии – Бог, Аллах, Дао. В философии – Абсолют. Алгоритм и искусственный интеллект отобразить их не могут. Актуальная бесконечность «расположена» между относительным и абсолютным. ИИ отображает только относительное. Математика оперирует статическими понятиями, поэтому она слишком грубо выражает движение, развитие, качественные скачки. Основание математического мышления – закон тождества в логике Аристотеля. Это препятствует возможности эволюции ИИ. Человек может обобщить закон тождества и создать новую математику эволюции, оперирующую движущимися понятиями. Тогда слабый ИИ сможет эволюционировать до сильного ИИ.

Ключевые слова: естественный интеллект, искусственный интеллект, алгоритм, бесконечность, эволюция.

Annotation: The essence of artificial intelligence (AI) is an algorithm bounded by potential infinity (“growing finite”). The essence of natural intelligence is Atman (Brahmanism, Buddhism), spirit (Christianity), monad (G. V. Leibniz). Their expressions in philosophy and mathematics are actual infinity, transfinite numbers. In theology, God, Allah, and the Tao. In philosophy, the absolute. The algorithm and artificial intelligence can't display them. The actual infinity is “located” between the relative and the absolute. AI displays only the relative. Mathematics operates with static notions, so it is too rough to express movement, development, and qualitative jumps. The basis of mathematical thinking is the law of identity in Aristotle's logic. This hinders the possibility of evolution AI. A man can generalize the law of identity and create a new mathematics of evolution that operates with moving notions. Then a weak AI can evolve to a strong AI.

Keywords: natural intelligence, artificial intelligence, algorithm, infinity, evolution.

Проблема развития искусственного интеллекта (ИИ) является одной из ведущих в современной науке, технике, культуре. Она стала центральной в научно-техническом прогрессе, в гонке вооружений.

Вокруг проблемы ИИ крутится хаос различных убеждений, надежд, целей, мнений, утверждений, имеющих как правдоподобный, достижимый, так и иллюзорный характер, т.е. недостижимых, бесперспективных с точки зрения философских, математико-логических и информационных парадигм.

Иллюзорные тезисы: «Уже сегодня компьютеры побеждают человека (шахматы, го ...).» «В ближайшей перспективе ИИ вытеснит человека во многих традиционных областях деятельности, а со временем сделает человека лишним в обществе, состоящем главным образом из машин».

В чём иллюзорность подобных тезисов?

Под интеллектом обычно понимают способность живого существа решать широкий класс задач на основе мышления (рационального, эмоционального и т.п.). Ряд биологов приписывают интеллект не только человеку, но и ряду животных и даже растений.

Естественный интеллект – способность человека решать широкий круг задач как известными методами, так и ранее неизвестными, открываемыми в процессе решения (творческими).

Искусственный интеллект (ИИ) – это способность прибора (компьютера) перерабатывать информацию по заданному алгоритму. Человек вносит смысл в трансформированную ИИ информацию и может получить решение задачи. Компьютер не обладает способностью ПОНИМАТЬ информацию, которую перерабатывает. Он действует НЕСАМОСТОЯТЕЛЬНО.

Хотя ИИ «переиграл» в шахматы и го чемпионов мира, однако в сущности одни люди победили других, т.е. программисты переиграли чемпионов, а не ИИ как самостоятельное существо.

Выделяют слабый и сильный ИИ.

Слабый ИИ – это все известные варианты ИИ. Они основаны на алгоритмах, или программах, создаваемых людьми. Сильная сторона слабого ИИ – быстрота и полнота переработки информации. Слабая – неспособность к творчеству, созданию принципиально нового знания; отсутствие эмоций и самостоятельной связи с внешним миром, с природой.

Как предполагают некоторые учёные и футурологи, со временем специалисты по информатике доведут современные варианты слабого ИИ до сильного ИИ. Последний по определению сравним с человеком, прежде всего по творчеству, эмоциям, способности к самосовершенствованию, усложнению. Тогда может начаться война «машин против людей», и люди, очевидно, проиграют. Писатели-фантасты уже подробно описали эти сценарии, войны, апокалипсис и конец эры *homo sapiens*.

Однако есть существенные аргументы ПРОТИВ возможности создания человеком сильного ИИ (по крайней мере на основе мышления, господствующего в современной цивилизации).

Аргумент 1. *Человек не может создать объект столь же сложный как он сам.*

Познать и создать изоморфный образ какого-либо объекта, системы способен субъект принципиально более сложный, чем объект. Интуитивно это ясно. В то же время в математической логике и кибернетике доказан ряд теорем, подтверждающих этот тезис.

Изоморфный образ совпадает по элементам и структуре (по свойствам и отношениям элементов) с прообразом. Он возможен только в формальных науках (математике, логике) и то в достаточно строгом языке. Такое знание об объекте можно называть полным, соответствующим «абсолютной» истине. В содержательных науках можно говорить лишь о гомоморфизме (частичном отображении) объекта. Такое знание об объекте всегда неполно, соответствует относительной истине.

Если считать, что процесс полного познания человеком объекта сводится к созданию изоморфного образа, то, следовательно, полную копию человека (или хотя бы его интеллекта) может создать «сверхчеловек», но не человек. Для себя он – непознаваемая тайна, «вещь-в-себе» (И. Кант). Мы можем познать и создать аналог «предчеловека» (антропоида), но не себя.

В то же время по мере развития познания, научно-технического прогресса и культуры мы усложняемся и приближаемся к высшему существу, способному понять нас. Его различные варианты описаны Ф. Ницше, В.С. Соловьёвым и другими.

Ницше вводит концепт «*der Ubergensch*», который стоит «за гранью добра и зла». Образ супермена стал «супер» популярным в западной цивилизации, что делает эту цивилизацию сверхопасной для *homo sapiens*.

Соловьёв вводит противоположный, положительный концепт «Богочеловек» как высоко духовный идеал, приближающий человека к Абсолюту и дающий перспективу восхождения личностей и народов в интеллектуальном, этическом, эстетическом отношении.

Аргумент 2. *ИИ не способен понять актуальную бесконечность.*

По Аристотелю в сущности любая вещь есть единство формы и материи (организации и субстанции). Сходные концепции сохраняют влияние и сегодня. Например, в диалектике Г. Гегеля вещь есть единство содержания и формы. В системно-структурном подходе любая вещь (система) есть единство элементов и их отношений (структуры).

Если следовать Аристотелю, то сущность (форма, организация) ИИ – алгоритм. Он основан на растущем конечном (потенциальной бесконечности). Поэтому актуальная бесконечность закрыта для алгоритма. Именно по этой причине провалилась логицистская программа обоснования математики, выдвинутая Б. Расселом и А. Уайтхедом. Об этом впервые сказал Д. Гильберт.

Если называть сильным ИИ программу, действующую на основе какого угодно алгоритма, то такой ИИ не достигнет уровня естественного интеллекта (ЕИ).

В чём сущность человека (или даже его части - ЕИ) нам неизвестно. Но человек понимает абсолютное (в культуре это Дао, Брахма, Бог, Аллах и т.п.). Его выражение в философии и математике – бесконечность. Она «расположена» между относительным и абсолютным. Её основание – абсолютное [2, с. 168]. Актуальную бесконечность ввёл Николай Кузанский (15 в.), позже она появляется в математике (Ж. Дезарг – проективная геометрия, Г. Кантор – теория трансфинитных чисел и другие теории).

Гипотеза о математике развития. *Эволюционная возможность возникновения сильного ИИ.*

В то же время существует иная – эволюционная возможность возникновения сильного ИИ. Слабый ИИ мог бы превратиться в сильный, если бы его основа (математика) стала теорией развития. Пока эта наука основана на статических неизменных понятиях, что закреплено в законе тождества логики Аристотеля. На нём наука базируется более 2 тысяч лет. Но в 20 в. возникла постнеклассическая наука (В.С. Стёпин), составляющими которой являются антропный принцип, синергетика, виртуалистика, сложность. Парадигма Парменида сменяется парадигмой Гераклита (И. Пригожин). Мышление неподвижными понятиями сменяется мышлением движущимися «живыми» образами и понятиями. Математика покоя начинает обобщаться до математики движущихся и развивающихся мыслформ. Возникает диалектическая математика развития, математика эволюции[1].

Развиваясь на её основе, слабый ИИ получит возможность ускоренного усложнения и эволюции и превращения в сильный ИИ. Тогда и понятие алгоритма будет принципиально пересмотрено. Это является необходимым условием создания сильного ИИ. Кроме этого, вероятно, нужны и многие другие условия, описанные ранее (эмоции, рефлексия, связь с внешним миром и т.п.), что позволит стать ИИ самостоятельным существом и новым биовидом.

Где, в какой реальности будет существовать сильный ИИ?

Мы предполагаем, что и человек, и ИИ первоначально живут в базовой (эмпирически воспринимаемой) реальности. В процессе эволюции слабый ИИ может участвовать в ускоренном темпе в собственной эволюции на основе эволюционной математики, но тогда куда он придёт – останется ли он в базовой реальности или уйдёт в виртуальную реальность, НАВЯЗАННУЮ ЕМУ ЧЕЛОВЕКОМ через математику?

Если у эволюционирующего (в дальнейшем сильного) ИИ появится собственный богатый внутренний мир и свобода воли, то он способен выйти из рамок, навязанных ему человеком, и уйти в любой из внешних миров. Если же нет (свобода воли не появится), то ИИ останется в рамках мира, навязанного ему человеком, и будет жить в виртуальном мире.

Отсюда вывод: свобода воли зависит от возможности развиваться не в мире Парменида («Бытие есть, небытия нет»), а в мире Гераклита («Бытие есть, небытие также есть»), основанного на категориях «бытие-небытие» («что-ничто»), где есть движение, хаос, потенция, случайность, свобода, творчество, любовь ...

Литература:

1. Моисеев В.И., Войцехович В.Э. Возможна ли математика развития? // Вестник РФО. 2019. Вып. 1-2 (89-90). С. 129 – 132.
2. Свидерский В.И., Кармин А.С. Конечное и бесконечное. М.: Наука, 1966. 320 с.

Вольнов И.Н.

Московский Политех, директор Центра технологической поддержки образования. Кандидат технических наук

Ija-volnov@yandex.ru

Аннотация: Рассмотрен большой вызов цифровой трансформации общества в контексте кризиса познания и научного формата мышления. Выделены четыре аспекта этого кризиса: сложность картины мира; модельность представлений; семантическая исчерпанность чувственного восприятия реальности и потеря оснований. Предложены несколько подходов к его преодолению. Подчеркнуто, что в данных подходах акцент делается на мышлении и работе со смыслами – чисто человеческих качествах, отсутствующих у искусственного интеллекта, работающего с большими данными. Противопоставлены человеческие и нечеловеческие стратегии. Показана невозможность нечеловеческого в будущем, и в тоже время его необходимость в настоящем. Нечеловеческое может служить тем основанием, от которого следует оттолкнуться на пути дальнейшего развития, в котором не будет ограничений инерционности техносферы, а искусственный интеллект должен остаться в подчиненной человеку позиции.

Ключевые слова: кризис познания, цифровая трансформация, искусственный интеллект, мышление, человеческое и нечеловеческое.

From digital transformation to new cognition.

Volnov I. N.

Moscow Polytech, Center for technological support of education

Abstract: The paper investigates the major challenge presented by the digital transformation of society amidst the crisis of cognition and the scientific way of thinking. Four aspects of the crisis are outlined: the complexity of the worldview, models-based representations, semantic depletion of sensory perception of the reality, and the loss of foundations. The paper offers a number of approaches to overcome it. These approaches are based on thinking and handling meanings, which are exclusively human realms beyond the reach of artificial intelligence that works with big data. The paper reviews human against non-human strategies. The non-human is demonstrated to be impossible in the future while necessary now. The non-human can serve as the foundation for further development, which will not be limited by the inertia of the technosphere, and where artificial intelligence will remain subordinate to the human mind.

Keywords: crisis of cognition, digital transformation, artificial intelligence, thinking, human and non-human.

¹Большой вызов цифровой трансформации мы рассмотрим не с позиции двух наиболее распространенных образов будущего: циклической смены технологических укладов и технологической сингулярности, а с точки зрения другого, более важного процесса, а именно – кризиса познания или иначе – кризиса научного формата мышления.

Кризис познания выражен в нескольких аспектах. Первый аспект – это кризис сложности. Корпус современного знания, накопленного к настоящему моменту, оказывается настолько сложным, что собрать его в рамках единой картины мира, удержать и использовать как целое в рамках одного сознания не представляется возможным. Нет также возможности компактифицировать знания до приемлемого уровня. Второй аспект – это кризис модельного подхода. Научный формат мышления в своем описании реальности использует модельные представления. Мечта науки о создании единой теории природы, т. е. об описании реальности одной моделью, как теперь понятно, не осуществима. Но и ансамблем моделей реальность не ухватывается, а число моделей в таких ансамблях постоянно растет. Как указывает В. В. Налимов развитие науки через накапливание модельных представлений без их качественного преобразования немислимо [1]. Следующий аспект – кризис смыслов, на который также указывает В. В. Налимов, подчеркивая, что наука перестала быть основным поставщиком новых смыслов в культуру, связывая это с исчерпанностью семантического потенциала чувственного восприятия реальности [1]. И наконец, четвертый аспект – кризис оснований (онтологии), яркий пример которого мы видим,

например, в математике, в вынужденном конвенциональном характере ее аксиоматики.

Отметим здесь, что реакция научного сообщества на разные аспекты кризиса различна. Так, первые три аспекта игнорируются, не замечаются научным сообществом, в убежденности того, что они разрешатся сами собой или в процессе решения какой-либо частной, локальной задачи, количество которых в избытке предоставлено общей сложной ситуацией. Реакция на кризис оснований другая – он воспринимается как экзистенциальный кризис разрушения картины мира, складывавшейся зачастую на протяжении всей научной карьеры. Столкнувшись с таким кризисом, исследователь предпринимает все усилия чтобы от него уйти и избежать повторного столкновения.

Вызов цифровой трансформации может быть рассмотрен не только как очередной технологический тренд, обусловленный рыночной ситуацией, но как одна из реакций на кризис познания и попытка разрешить его за счет дальнейшего стихийного накопления цивилизационных знаний и умений и кумулятивного эффекта такого накопления, выраженного в ускоренном технологическом развитии и появлении все новых и новых технологий. На этом пути уже появились технологии больших данных и искусственного интеллекта, которым можно было бы делегировать функцию разрешения кризиса познания, т. е. сборки картины мира, без трудностей сложности такой картины, без затруднений модельного подхода и обусловленности познания чувственным восприятием и экзистенциального кризиса оснований.

Вместе с этим необходимо принимать во внимание, что технологическая сфера обладает инерционностью, которая растет вместе с ростом технологий, экспоненциально, а это означает, что мы оказываемся заложниками принятых ранее решений и созданных технологий. Мы становимся заложниками цифровой трансформации, искусственного интеллекта и больших данных, со всеми вытекающими отсюда хорошо известными угрозами и рисками.

Возможна ли альтернатива? Можно ли мыслить развитие иначе? Можно ли справиться с кризисом познания, не уходя в область нечеловеческого?

Первое с чего необходимо начать, отвечая на данные вопросы, – это констатировать вслед за Е. Вигнером [2], Д. Хорганом [3], В. В. Налимовым [1] и многими другими исчерпанность современного научного познания и в целом научного формата мышления, подобного по ближайшей аналогии исчерпанности схоластического формата мышления в свое время. Далее – задаемся вопросом, что могло бы выступить новым основанием познания, понимая, что предыдущие основания: очевидность формальных (аксиоматических) систем, физическая реальность в образе экспериментальной науки, исчерпаны. Приведем несколько точек зрения на возможность новых оснований.

В. В. Налимов роль современной науки видит не в новых ответах на старые вопросы, но в постановке новых вопросов: «Наука важна в другом плане – она расширяет горизонт Мироздания и таким образом ставит нас перед лицом новой реальности» [1, с. 89]. Новая реальность понимается Налимовым как единство физического и ментального (семантического) аспектов, примером чему является широкое употребление числа в современной культуре, имеющего не физическую, а семантическую природу. Здесь мы также подходим вплотную к мысли об утерянных современной культурой основаниях и попытке восстановить эти основания. Речь идет о возвращении математики в поле смысла и мифа, в то поле, куда она была введена великим Пифагором и откуда была окончательно насильственно изгнана в эпоху Нового времени под предлогом борьбы с примитивными знаниями, закреплёнными в числе. Это обернулось потерей самой возможности видения Мира через число. Однако такое видение Мира заявляет сегодня о себе все больше: сильный антропный принцип, фундаментальные физические константы и их числовые выражения, Мир, понимаемый как текст, организованный через ритм и его числовое выражение и т. д. Как указывает В. В. Налимов в нашем сознании глубинно заложена потребность в символическом или числовом видении Мира [1, с. 100].

По мнению С. Б. Переслегина новое основание познавательной деятельности следует искать в самом мышлении, которое Переслегин называет Мышление 3: «Мышление 1 относилось к онтологии Бога, Мышление 2 относилось к онтологии Природы. Мышление 3 должно относиться, собственно, к онтологии Мышления, которое рассматривается, как основополагающий и единственно необходимый инструмент познания» [4, с. 32].

Схожую мысль выражает У. Эко, вкладывая ее в уста Вильгельма Баскервильского, главного героя романа «Имя Розы» [5]: даже если исходить из заведомо ошибочных предпосылок продвинуться к истине можно, если использовать корректные методы мышления. Примеров этой мысли мно-

жество. Так теория электромагнетизма Максвелла строилась из предпосылки существования эфира. К. Э. Циолковский, как стало сейчас понятно, в своём видении полетов в космос исходил из неверных предпосылок, однако смог получить правильную формулу скорости ракеты с переменной массой, чем оказал принципиальное влияние на развитие космонавтики.

Следующая мысль – различение стратегий человеческого и нечеловеческого, объективация этих отличий и усиление человеческих стратегий в противовес усиливающимся в рамках больших вызовов цифровой трансформации стратегиям нечеловеческого (искусственного интеллекта и больших данных). Сравнение этих двух путей выявляет следующие противоречия: думающий объект (нечеловеческое) – думающий субъект (человеческое); информация – смысл; интеллект – мышление; потенциальная бесконечность информации (большие данные) – актуальная бесконечность смыслов (семантический вакуум); настоящее и прошлое больших данных – будущее новых, еще не распакованных смыслов. Последнее противоречие вселяет надежду на то, что в противостоянии человеческого и нечеловеческого, последнее всегда будет оставаться в подчиненной позиции т. к. большие данные – это всегда цифровой след, остающийся в прошлом. Таким образом, будущее мыслится только через человека. Человек в таком будущем переосмыляется через свои возможности практической работы с семантической бесконечностью (вакуумом), порождая иные смыслы, отсутствующие в предыдущем опыте и обеспечивающие развитие, без ограничения, накладываемого техносферой и ее инерционностью, о котором было сказано выше. Однако стратегии нечеловеческого могут сыграть сейчас положительную роль, как фон, на котором человеческое может быть оттенено, выявлено и усилено. Нечеловеческое может сыграть роль того невозможного, от которого следует оттолкнуться, ускоряя свое движение вперед, как в свое время нарождающаяся философия оттолкнулась от мифологии, а наука от схоластики.

Литература:

1. Налимов В.В. В поисках иных смыслов. 2-е изд. СПб. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 464 с.
2. Вигнер Е. Пределы науки. Этюды о симметрии. М.: Мир, 1971. 320 с.
3. Хорган Дж. Конец науки. Взгляд на ограниченность знания на закате Века Науки/Эврика. СПб: Амфора, 2001. 479 с.
4. Никитин В., Переслегин С., Парибок А. Инженерная онтология. Инженерия как странствие. Учебное пособие. Екатеринбург: Издательский Дом «Ажур», 2013. 230 с.
5. Эко У. Имя розы. М.: АСТ, 2016. 672 с.

Новые социотехноприродные закономерности развития современного мира

Дергачева Е.А.

ФГБОУ ВО «Брянский государственный технический университет», профессор. Замруководителя Междисциплинарной научно-философской школы исследований. Доктор философских наук, профессор РАН

eadergacheva2013@yandex.ru

Аннотация: Глобальное формирование социумом искусственной среды жизни – техносферы, трансформирующей и замещающей естественные природные процессы и биосферную систему жизни в целом, приводит к распространению процессов социотехноприродного развития мира и закреплению новых закономерностей такого развития. Все эти сложнейшие лавинообразные и непредсказуемые взаимодействия социальных, искусственных и природно-биологических систем и – как следствие – утраты естественных технологий воспроизводства жизни обуславливают необходимость переосмысления философией и наукой информационной эпохи меняющейся картины мира и новой направленности эволюции жизни, становящейся постбиосферной, а также расширения существующих методологий исследования в социально-гуманитарных, технических и естественных науках, пересмотра возможных сценариев складывающегося нового планетарного развития в техносферно-городской оболочке жизни. Данными вопросами занимаются ученые и философы Междисциплинарной научно-философской школы исследований социально-техногенного развития мира, строящие свои рассуждения на методологии социоприродного подхода В.И. Вернадского о взаимодействии общества и биосферы. Ставится вопрос о необходимости сохранения человечеством биосферно-биологической жизни в условиях нарастания трансформационных процессов.

Ключевые слова: биосфера, техносфера, социотехноприродные процессы, эволюция, социально-техногенное развитие.

New sociotechnonatural patterns of the development of the modern world. Dergacheva Elena Alexandrovna

Bryansk State Technical University (Russian Federation). Multidisciplinary Scientific and Philosophical School of Research

Abstract: The global formation of the artificial environment of life by society – the technosphere, which transforms and replaces natural processes and the biosphere system of life as a whole, leads to the spread of the processes of socio-techno-natural development of the world and the consolidation of new patterns of such development. All these complex avalanche and unpredictable interaction of the social, artificial and natural biological processes and loss of natural reproduction technologies of life necessitate a rethinking of the philosophy and science of the information age the changing picture of the world and a new focus for the evolution of life, becoming postbiospheric, as well as extensions to existing methodologies of research in social Sciences and Humanities, technical and natural Sciences, reviewing possible scenarios of the emerging new planetary technosphere development in urban shell life. These issues are addressed by scientists and philosophers of the Interdisciplinary scientific and philosophical school of research on the social and technological development of the world, who base their arguments on the methodology of V. I. Vernadsky's socio-natural approach to the interaction of society and the biosphere. The question is raised about the need for humanity to preserve biosphere-biological life in the conditions of increasing transformation processes.

Key words: biosphere, technosphere, socio-techno-natural processes, evolution, socio-technogenic development.

В начале текущего столетия в область внимания философии как сферы межпредметных исследований попадает активно формируемая индустриальным социумом искусственная среда жизни – техносфера, размер которой достигает масштабов остатков уничтожаемого живого вещества на планете, составляющего фундамент биосферной системы жизни. Эта система естественной регуляции жизни просуществовала на планете около 4 млрд лет. Утрата естественного биологического и экспансия искусственного, технического в различных его проявлениях – от индустриальных комплексов до синтетических веществ, биотехнологических организмов и электромагнитных полей – ведет к сложному взаимодействию

процессов социального, искусственного и природно-биологического развития, распространению явления социотехноприродной глобализации, что подробно исследовано автором [1]. В конечном итоге процессы нового интегрированного социотехноприродного развития мира приводят к смене многовековой биологической эволюции жизни в биосфере на искусственную, социотехнобиологическую – без биосферы как саморазвивающейся системы, о чем делают вывод исследователи Междисциплинарной научно-философской школы социально-техногенного развития мира [2], возглавляемой при БГТУ с 2002 г. проф. д.ф.н. Э.С. Демиденко [3]. По тематике научно-философских исследований школы в партнерстве с РАН проводился ряд конференций [4] и др. Господствующие на планете социально-экономические и техногенные процессы являются мощным фактором трансформаций в общественно-экономическом устройстве мира и биосфере, сопровождаются сложными изменениями в самом человеке как природном организме. Философия социально-техногенного развития мира и интегрированных социотехноприродных процессов позволяет расширить осмысление философией и наукой современной информационной эпохи [5], поскольку исследователи школы на основе анализа меняющегося характера биосферно-биологической эволюции жизни выявляют *новые закономерности планетарного развития*. Формируется новая картина мира, переходящего от биосферного к постбиосферному типу своего развития [4]. Поэтому необходим не узкодисциплинарный, а более широкий взгляд на мир, происходящие в нем изменения и возможные сценарии социотехноприродного развития планеты, чему призвано способствовать научно-философское просветительское мировоззрение в соединении с расширением и дополнением существующей методологии исследований в социально-гуманитарных, технических и естественных науках [6], а также новыми подходами к философии социальной педагогики [7].

Еще при аграрном способе производства стали формироваться фрагменты техносферы и техногенности развития на основе использования социумом ручной техники. К этому периоду, как справедливо подчеркивал Н.Н. Моисеев, относится становление социального круговорота веществ [8], включение социумом в биогеохимические циклы чуждых биосфере веществ. За последние три столетия индустриально-техногенного хозяйствования, особенно за последние пять десятков лет интенсивного научно-технического прогресса в сфере информационных, био- и разворачивающихся на наших глазах достижений в нано- и когнитивных технологиях, естественный природный мир в его основных оболочках жизни (почвенной, воздушной и водной) изменился колоссально, что несравнимо по масштабам с предшествующими веками земледельческой экономики.

Крупнейший методолог современности Д. Белл, предложивший в середине прошлого столетия концепцию постиндустриального (и информационного) общества, в своей теории делал акцент на либерально-технократический характер мировых социальных преобразований. Формально его прогнозы относительно становления высокотехнологичного наукоемкого сектора общества и соответствующего ему характера деятельности подтвердились в наиболее развитых странах мира. Однако в теории Д. Белла и его последователей не учитывается техногенность складывающихся социально-природных взаимодействий и формирование новых социотехноприродных закономерностей развития мира, что затрудняет прогнозирование совместных изменений в обществе и биосфере на основе глобализации техносферы. Поэтому автором было предложено расширить и дополнить существующую классификацию социальных систем в условиях современных трансформационных переходных процессов, рассматривая их как индустриально-техногенные и постиндустриально-техногенные общества [1]. Наряду с другими исследователями (Н.Н. Дьячковой, В.Е. Доля, Н.Н. Лапченко), автор трактует современное общественное развитие и как информационно-техногенное, поскольку базис информационных технологий составляет расширяющаяся искусственная среда жизни, непредсказуемо изменяющая ход эволюционных процессов. Современное глобализирующееся общество, укрепляясь на основе разнообразных индустриальных технологий техносферы, перестраивает и даже разрушает естественную природу и ее жизнь. Созданная социумом техносферная оболочка жизни преимущественно в городской среде, в которой проживает уже свыше половины населения планеты, становится новой постбиосферной системой. В этой искусственной среде жизни поддерживаются социально-экономические и биологические процессы [1, 6]. Исследования ученых Междисциплинарной научно-философской школы базируются на методологии *социотехноприродного подхода, восходящего в своих истоках к размышлениям В.И. Вернадского о ноосфере и меняющихся исторических параметрах общества и биосферы в ходе их взаимодействия* [9]. Ноосфера формируется преимущественно в облике техносферы и окультуренных организмов, концентрирующихся в городской и иной искусственной среде и направляющей мир по ступеням социотехнобиологической эволюции жизни.

Среди основных глобальных «маркеров» смены эволюции жизни на Земле, как показано в исследованиях проф. Э.С. Демиденко и автора статьи, необходимо отметить наиболее значимый для ее прогнозного развития – это разрушение и даже гибель биосферы как глобальной системы жизни, в которой развивалось человечество [2]. Это подтверждается потерями более двух третей лесов в мире, фактами ухода в небытие в XX-XXI вв. свыше двух третьих живых организмов. Для России пока что сохраняется относительно оптимистичный сценарий индустриально-техногенного развития, поскольку на ее территории находится значительно больше половины ресурсов биосферы, тогда как в США – 5% биосферных лесов и почв в сельском хозяйстве. Постоянное производство социумом новых токсичных химических веществ, действие большинства из которых на биосферную природу остается не изученным, негативно сказывается на самом человеке, что, наряду с другими заболеваниями, привело к росту в три раза онкологических заболеваний только за последние два десятилетия нового века. Все эти новые тенденции свидетельствуют о становлении социотехноприродных закономерностей мирового развития. Системное понимание общепланетарных изменений предоставляет возможности активного изучения социальных и техногенных трансформационных процессов в комплексе всеми науками – естественными, техническими и гуманитарными, расширения горизонта проблематики в решении методологических и практических проблем социальной философии, глобалистики, «зеленой» экономики, визуального моделирования трансформационных процессов в сфере информационных технологий, более глубокого исследования таких процессов, их прогнозирования.

Предназначение философии информационной эпохи – активизация взаимодействия внутри философского и научного сообщества в процессе обоснования необходимости более глубоких междисциплинарных исследований смены направленности эволюции жизни, изучения новых интегрированных социотехнобиологических закономерностей развития мира, разработки подходов к сохранению биосферы и поддержания воспроизводства биологического вещества биосферы, наполненного ценными для жизни человеческого организма веществами и микроэлементами. Для преодоления негативных технократических тенденций необходимо проведение фундаментальных исследований институтами РАН и других общественных организаций при поддержке Государственной Думы и Правительства России с привлечением сообществ региональной науки. На основе такой научной интеграции будут выработаны предложения для ООН с целью решения проблемы устойчивого развития общества и биосферы, внесены дополнения в систему современного образования.

Литература:

1. Дергачева Е.А. Концепция социотехноприродной глобализации: междисциплинарный анализ. М.: Ленанд/URSS, 2016. 256 с.
2. Демиденко Э.С., Дергачева Е.А. От глобальной деградации биосферы к смене эволюции жизни: научный доклад. М.: Изд-во РАН, 2017. 28 с. URL: <http://www.ras.ru/publishingactivity/issues/collections.aspx>
3. Dergachev K.V., Trifankov Y.T. Modern Philosophy in the Context of Interdisciplinary Studies of Human and Nature // Smart Technologies and Innovations in Design for Control of Technological Processes and Objects. Vol. 139. Springer Nature, 2019. P.129-135, available at: https://doi.org/10.1007/978-3-030-18553-4_29
4. Демиденко Э.С. Осмысление трансформации биосферной картины мира в условиях социально-техногенного развития жизни на Земле // Экономика в условиях социально-техногенного развития мира: матер. Междунар. конф. по фундамент. и прикладн. проблемам экономика-экологического развития (БГТУ совместно с РАН): в 2 т. / под ред. Е.А. Дергачевой. Брянск: БГТУ, 2016. Т.1. С. 12-15.
5. Философия социотехноприродного взаимодействия в век конвергентных технологий: коллективная монография / отв. ред. д.ф.н., проф. И.К.Лисеев (сектор био- и экофилософии ИФ РАН). М.; СПб: Нестор-История, 2018. 344 с.
6. Dergacheva E. Visualizing Socio-techno-natural Processes: Issues and Challenges // CEUR Workshop Proceedings of the 29th International Conference on Computer Graphics and Vision (Graphicon 2019), Vol. 2485, pp. 168-172. URL: <http://ceur-ws.org/Vol-2485/paper38.pdf>
7. Колесник Т.А. Философия социальной педагогики как новое направление адаптации человека в техногенном обществе // Социальная педагогика в России. 2019. № 4. С.3-13.
8. Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. М.: Устойчивый мир, 2001. 200 с.
9. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-Пресс, 2004. 576 с.

Рукин А. В.

ФГКВΟΥ ВО «Военная академия воздушно-космической обороны имени Маршала Советского Союза Г.К.Жукова» (г. Тверь). Кандидат философских наук, доцент

rukina.tver@yandex.ru

В статье анализируется способность человека к самоорганизации своего личностного внутреннего информационного мира. Рассматривается влияние интериоризированной человеком информации на разворачивание индивидуального жизненного пути. Обосновывается закономерная зависимость возникновения и развития в течение жизненного пути внутриличностного информационного пространственно-временного континуума.

Ключевые слова: информационная самоорганизация человека, человек, жизненный путь человека, закономерность информационной самоорганизации человека в процессе жизни.

Information Approach to Human Self-Organization and Its Life Way.

Rukin A.V.

FGKVOU VO "Military Academy of Aerospace Defense named after Marshal of the Soviet Union G.K. Zhukov" (Tver)

The article analyzes the ability of a person to self-organize his personal internal information world. The influence of information internalized by a person on the development of an individual life path is considered. The regular dependence of the emergence and development during the life path of the intrapersonal informational space-time continuum is substantiated.

Key words: informational self-organization of a person, a person, life path of a person, regularity of informational self-organization of a person in the process of life.

Дискуссии о природе человека и смысле его жизни возникают с зарождения философской мысли и не прекращаются в современной философии. Наряду с существующими в философии подходами к сущности человека имеет право на существование информационное толкование человеческой природы.

Способность человека к самосозиданию своего личностного внутреннего информационного мира является наиболее фундаментальной родовой характеристикой, которая ставит его в особый природно-информационный ряд.

Информационная модель бытия есть абстракция, содержащая лишь информационное измерение реальности. В информационной модели бытия человек рассматривается как самодостаточный субъект информационного пространства-времени.

Человек, в существующем информационном пространстве-времени рассматривается как его соучастник и сотворец, в целом человек представляется как «информационный человек» [2, с. 26-37]. В информационном пространстве-времени человек рождается и живет.

Интериоризированная в процессе существования человека информация образует его самого. С началом своего индивидуального жизненного пути человек активен во внутренней организации интериоризированной информации, иными словами человек с первых минут своей жизни воссоздает самого себя, свой внутренний информационный мир.

Глубинной сущностной характеристикой человека является его изначальная интенциональность на интериоризацию информации, которая позволяет человеку выделиться из мира природы и превратиться в человека способного не только интериоризировать, но и экстериоризировать потоки новой информации. Человек, интериоризирующий информацию внешней среды создает новую специфически человеческую форму бытия информации. Человек создает новый информационный мир, новое информационное пространство-время.

Человек с необходимостью включается в информационное пространство-время окружающей реальности, и в этом смысле он обречен быть непосредственным участником разворачивающегося бытия. Именно в информации проявляется наиболее глубинное субстанциальное единство человека и

Вселенной.

Интериоризированная индивидом информация образует внутриличностную информационную реальность, которая является результатом творческого самосозидания самого себя. Самоорганизация интериоризированной информации приводит к возникновению сложноорганизованной системы, в которой структурная сложность сохраняется на всех масштабных уровнях информационной организации.

Информация, превращенная во внутриличностные компоненты сущностной системы человека, находится в отношениях зависимости от информационных потоков внешней среды, уровня внутриличностной активности человека, развития внутренней способности критически оценивать воспринимаемую информацию внешней среды, конституционно заданных индивидуальных особенностей человека по интериоризации информации и времени включенности индивида в конкретный внешний информационный поток.

Информация интериоризированная человеком в процессе жизненного пути образует неповторимое по смыслу внутриличностное информационное пространство-время. Возникновение и развитие в течение жизненного пути внутриличностного информационного пространственно-временного континуума обуславливается следующей закономерной зависимостью:

<\$\$_рис. в приложении>

где:

n – показатель, отражает периоды жизненного пути человека.

Ил – показатель, характеризующий информацию интериоризированную индивидом;

Ив – показатель, характеризует действующий на индивида информационный поток внешней среды;

ВДД – комплексный показатель, отражающий меру внутриличностной духовной деятельности, уровень его внутриличностной активности по интериоризации информации внешней среды;

ВОД – комплексный показатель, определяющий уровень развития внутренней оценочной деятельности, позволяющей в соответствии со своим внутриличностным Я критически оценивать воспринимаемую информацию внешней среды.

КЗС – комплексный показатель, оценивающий индивидуальные особенности конституционно заданных способностей человека по интериоризации информации;

t – комплексный показатель, определяющий продолжительность включенности индивида в конкретный информационный поток внешней среды и количество повторяющихся периодов включенности индивида в конкретный информационный поток внешней среды.

Выделенная группа показателей, отражающих процесс информационного развития человека в процессе его жизненного пути, нуждается в разработке методик их расчета. Представляется, что метод экспертных оценок является наиболее эффективным в решении задач расчета количественных показателей отражающих смысловые компоненты информационных потоков.

Самоорганизация человека на основе интериоризации информации внешней среды по своей сути является педагогическим процессом, в котором индивид существует в течение всей своей жизни. На протяжении всего жизненного пути человека меняются участники и декорации педагогического процесса, но сам педагогический процесс непрерывен и неизбежен в жизни человека. Непрерывное участие человека в педагогическом процессе является необходимым условием его самоидентификации и актуализации специфически человеческого способа личностного существования.

Специфика человеческого бытия определяется его специфической человеческой способностью изменять бытие информации, превращая внешнее во внутреннее и развиваться до высшего уровня. На высшем уровне развития человек экстериоризируя новую информацию во внешнюю среду меняет окружающую реальность.

Таким образом, информационный подход позволяет выявлять и изучать динамику информационных потоков, обуславливающих внутриличностную самоорганизацию человека и его жизненного пути.

Анализ генезиса и эволюции наиболее фундаментальных взаимосвязей и взаимодействий создает достаточные условия для выявления универсальных процессов информационного развития человека в

процессе жизненного пути, которые не исключают личностную индивидуальность и неповторимость человека.

Универсальный характер связей и зависимостей интериоризируемой информации, внешних информационных потоков, уровня внутрличностной активности по интериоризации информации, развития внутренней оценочной деятельности, позволяющей выбирать интериоризируемую информацию и времени включенности человека в конкретный информационный поток позволяет отразить наиболее общую закономерность информационного развития человека на этапах интериоризации внешней информации.

Литература:

1. Каптерев, П. Ф. Дидактические очерки. Теория образования / П. Ф. Каптерев. Избранные педагогические сочинения. – М.: Педагогика, 1982. – 653 с.
2. Рукин, А. В. Информационный человек. / А. В. Рукин // Вестник Тверского гос. ун-та Сер. «Философия». – Тверь, 2008. – № 24 (84). – С. 26–37.
3. Рукин, А. В. Информационный подход к педагогической природе человека / А. В. Рукин // Вестник Тверского гос. ун-та Сер. «Педагогика и психология». – Тверь, 2017. – №4. С. 150–158.
4. Рукин, А. В. Жизненный путь человека: информационный подход (монография). – Тверь, ВА ВКО, 2016. – 208 с.

Синергетика: новая философия информационной эпохи.

Васильева Леся Николаевна

*Российский университет транспорта (МИИТ), кафедра «Философия и культурология». Доцент,
кандидат политических наук*

lessya-vasilieva@ya.ru

Аннотация. Автор статьи рассматривает синергетику, как «новую философию» информационной эпохи, где при анализе механизмов самоорганизации изучается поведение личности и резонансные явления, которые возникают в кризисные для социума моменты. Именно они играют ключевую роль для перехода общества как системы на новый структурный уровень. Речь идет об изменении картины мира, которая имеет огромное философское значение. Основной методологический вопрос синергетического подхода заключается в том, запускаются ли механизмы самоорганизации самопроизвольно или имеют вполне определенный «спусковой крючок» и четкую логику последующих реакций. «Сетевые» социальные структуры выстраиваются при помощи очень небольшого объема информации, где генератором этой информации являются когнитивные качества человека, который имеет возможность посредством интернета намного увеличить свои возможности получения и распространения информации. Характер создаваемых в процессе самоорганизации социальных структур определяется свойствами тех «микрочастиц» (индивидуумов), которые организуют социальное пространство в соответствии со своими «зонами влияния».

Ключевые слова: синергетика, самоорганизация, информация, хаос, фрактал, флуктуация, социальная сеть.

Synergy: a New Philosophy of the Information Age.

Vasilieva Lessya

Russian University of Transport (MIIT), Department of Philosophy and Cultural Studies

Abstract: The author of the article considers synergy as a “new philosophy” of the information age, where the analysis of the mechanisms of self-organization studies the behavior of the individual and resonant phenomena that arise in times of crisis for society. They play a key role in the transition of society as a system to a new structural level. It is about changing the picture of the world, which is of great philosophical importance. The main methodological question of the synergy approach is whether the mechanisms of self-organization are triggered spontaneously or have a definite “trigger” and a clear logic of subsequent reactions. “Networks” of social structures are built with the help of a very small amount of information, where the generator of this information is the cognitive qualities of a person who has the opportunity through the Internet to greatly increase their ability to receive and disseminate information. The nature of social structures created in the process of self-organization is determined by the properties of those individuals that organize social space in accordance with their “zones of influence”.

Keywords: synergy, self-organization, information, chaos, fractal, fluctuation, social network.

Современная наука – это сфера появления и развития междисциплинарных подходов. Одним из самых мощных и перспективных направлений развития научной мысли стала синергетика. С полным правом можно говорить о том, что она изменила картину мира, которая сформировалась благодаря достижениям классической науки. О роли и перспективах синергетики очень много и плодотворно рассуждали ее «отцы-основатели» - Илья Романович Пригожин и Герман Хакен. Они, как и их многочисленные продолжатели, отмечали, что основная задача синергетики состоит в выявлении способов и механизмов самоорганизации, которые присущи физико-химическим, биологическим, экологическим и социальным системам.

Огромным достижением синергетики послужило методологическое обоснование сравнения процессов, происходящих в живой и неживой природе. Происходит это через переосмысление характера социальных отношений с позиций теории информации. В философском плане синергетика совершенно по-другому ставит вопрос о роли каждого отдельного человека и логике развития всего человечества в процессе социальной эволюции. «Малым возмущением» в нелинейных системах, которыми можно считать человеческие сообщества, является поведение личности в кризисные для социума моменты.

Эти возмущения могут приводить к эффекту резонанса. В процессе самоорганизация осуществляется спонтанный переход открытой системы в неравновесном состоянии к сложным и упорядоченным формам на новом уровне организации. Отсюда понятен тот огромный интерес, который возник к этим общетеоретическим положениям в социальной философии и социологии. Синергетика помогает понять роль современных технологий в развитии социума и изменении мышления самого человека, обнаруживая не только великие достижения этого процесса, но и заложенные в нем потенциальные опасности, угрожающие существованию человечества.

Основой языка науки о всеобщей природе систем стали понятия «бифуркация», «нестабильность», «фрактал», «аттрактор», «фазовое пространство», - становление рассматривается как суть возникающего порядка. Интуитивные и механистические представления человека о мире претерпевают колоссальную трансформацию, смысл которой состоит в следующем. Порядок и хаос – сосуществующие состояния. Хаосу присущи внутренние механизмы саморазвития, которые являются предметом исследования для самых разных наук. Основной методологический вопрос, о какой бы дисциплине не шла речь, заключается в том, запускаются ли эти механизмы самопроизвольно или имеют вполне определенный «спусковой крючок» и четкую логику последующих реакций. Преодоление разрыва между знанием о поведении единичного объекта и условных «миллионов» таких объектов – это мейнстрим развития науки в течение ближайших десятилетий.

Обратившись от неживой природы к биологии и физиологии, можно проследить эволюцию такого явления как самоорганизация (т.е. процесс упорядочивания элементов в системе в соответствии с действием внутренних механизмов). Пониманию этих процессов значительно способствовали работы создателя фрактальной геометрии американского математика Бенуа Мандельброта. В 1982г. увидела свет его книга «Фрактальная геометрия природы»[1], в которой окружающий мир представлен как имеющий фрактальный характер. Неисчерпаемое многообразие природы обнаружило свое единство в существовании фракталов, структур, обладающих двумя определяющими признаками – самоподобием и изломанностью.

В соответствии с алгоритмом построения фракталы делятся на линейные (чьи алгоритмы роста определяются через линейные функции) и нелинейные (в которых самоподобие выражается в том, что часть является деформированной копией целого). Оба типа фракталов разбивают плоскость на «зоны влияния», где любая точка, участвующая в динамическом процессе, либо притягивается аттрактором (центром), либо «блуждает» на границе зон влияния аттракторов. Растущие организмы и турбулентные состояния атмосферы, нейронные сети, облака и излом береговой линии – все это примеры фрактальных структур.

Революционным в этом открытии был вывод о том, что за кажущимся «хаосом» обнаруживается определенный «порядок» роста фрактальной формы. Фрактальные структуры – это внешние проявления неравновесного состояния системы. Фрактальный способ самоорганизации при другой методологии рассмотрения «до прозрачности» прост и может быть описан при помощи очень небольшого объема информации: «Фрактальная геометрия обнаруживает простые правила и их сложные результаты и эффекты...»[2,с.25]. «Прочтение» этого кода на несколько порядков сокращает путь к истине как форме абсолютного знания, упрощая сбор и обработку колоссальных массивов эмпирических данных или обходясь вовсе без этого. Это соизмеримо с главным принципом аксиоматики как методологического принципа получения выводов, без обращения к эмпирическим данным.

Два вида опыта – коммуникации и когнитивного восприятия – связаны в сетевых структурах. Сетевые структуры привлекают сейчас внимание исследователей в самых разных областях человеческой деятельности – в биологии, социологии, философии, менеджменте и др. Информация преобразует мышление и поведение познающего субъекта, поскольку с точки зрения теории познания он является не пассивным её реципиентом, но и агентом коммуникативного воздействия. Любое общество – это комбинация горизонтальных и вертикальных связей. Норберт Винер отмечал, что предел действительной передачи информации ограничивает пределы распространения любого сообщества. На существование общества в объективной реальности накладывается виртуальная реальность, также данная нам в ощущениях и порождающая ряд иллюзий. Индивиды по принципу подобия «образа мыслей» собираются в «горизонтальные» сетевые структуры, бесконечно сложные и разветвленные в рамках «евклидовой геометрии», но просто вычленимые при выделении базовых признаков.

Есть две важных составляющих современного «информационного бытия»: во-первых, в виртуальном пространстве всегда и все можно исправить; во-вторых, высокая скорость циркуляции

информации помогает быстрому переходу на следующий этап решения поставленной задачи. В новом мире возникли свои формы самовыражения, «властители дум» и их последователи. Но синтез высоких технологий и сознания «потребителей» виртуальной продукции продолжает существование реального общества, а не наоборот. Однако здесь любое социальное действие претерпевает трансформацию, коорая обусловлена потреблением индивидом информации через ее интерпретацию. Д.Глэйк справедливо отмечает: «Вы не увидите объект до тех пор, пока верно выбранная метафора не позволит воспринять его»[3,с.64].

На содержание понятия информации можно посмотреть с той точки зрения, какое качество придает самоорганизующимся системам ее восприятие и переработка. Познание – это процесс «дешифровки» информации через символических посредников. В расшифровке содержания сигнала, получаемого из внешнего по отношению к объекту мира, проявляются особенности психики конкретного человека и той культурной среды, в которой он пребывает. Если мы говорим об информационном обществе, то важнейшую роль играет технологическая составляющая систем связи и их сетевой тип.

«Сеть» - это инструмент генерации информации, ее распространения с приращением качества и усложнения уровня организации системы. Генератором информации являются когнитивные качества человека, который имеет возможность посредством интернета намного быстрее получать и распространять информацию. Но личность первична не как звено «социальной сети», а как внешний по отношению к «социальной сети» элемент. Таким образом, онтология информационного общества представляет собой два основных вида бытия: индивидуальное через доступ к передовым технологиям и видоизменение социальных структур общества с перераспределением ресурсов.

Социальные кризисы, революции, периоды безвластия – это явления, которые ассоциируются с хаосом. Однако, его проявления его природы могут носить деструктивный или созидательный характер. Характер создаваемых в процессе самоорганизации социальных структур определяется свойствами тех «микрочастиц» (индивидуумов), которые организуют социальное пространство в соответствии со своими «зонами влияния». Социальный хаос – это состояние кратковременное. В кризисных состояниях «флуктуацией» является поведение личности, которая становится «центром притяжения» для большого количества других людей (возможно, для миллионов), определяя дальнейший ход социальной эволюции. Определяющим качеством этой личности будет характер ее ценностей и мотивация. Общественное благо или удовлетворение личных амбиций и тщеславия разведут траектории социального развития в диаметрально противоположных направлениях.

Литература:

1. Mandelbrot, B.B. The Fractal Geometry of Nature. New York US and Oxford UK: W.H. Freeman and Company. 1982. - 460 p.
2. Frame M.L., Mandelbrot B.B. Fractals, Graphics and Mathematical Education. Washington DC: Mathematical Association of America & Cambridge UK: The University Press, 2002. – 373 p.
3. Глэйк Дж. Хаос. Создание новой науки. СПб.; Амфора, 2001. – 398 с.

Информационное общество и личное пространство человека: социально-философский анализ

Крайнов А.Л.

ФГБОУ ВО Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова, доцент кафедры «Социально-правовые и гуманитарно-педагогические науки». Кандидат философских наук

krainoval@sgau.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме осуществления социального контроля с помощью информационных технологий. Интенсивное развитие нейронных сетей и создание на их основе искусственного интеллекта делают возможным стопроцентное распознавание любых объектов компьютером, будь то лицо человека, его силуэт или форма черепа. Укрыться от обилия «умных» камер, которыми в перспективе, будет оснащена вся социальная инфраструктура, нереально. С одной стороны, это позволяет снизить преступность и повысить качество жизни, с другой, лишает человека личного пространства, делая его постоянным объектом наблюдения. Основной вопрос, требующий философского осмысления, связан с поиском меры дозволенного в реализации новейших цифровых механизмов слежения и сбора информации о человеке. Важно спрогнозировать возможные социальные изменения вследствие осуществления тотального контроля с целью предотвращения негативных тенденций социального развития.

Ключевые слова: информационное общество, информационная культура, информационная цивилизация, информационные технологии, личное пространство человека, цифровой контроль, социальный контроль.

The Information Society and the Personal Space of Man: Socio-Philosophical Analysis. *Krainov A.L.*

Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov, Department of Humanities

Abstract: The article is devoted to the problem of social control by using information technologies. The intensive development of neural networks and the creation of artificial intelligence on their basis make it possible to completely recognize any objects by a computer, whether it is a person's face, his silhouette or the shape of a skull. To hide from the abundance of smart cameras, which in the future the entire social infrastructure will be equipped with, is unrealistic. On the one hand, this helps to reduce crime and improve the quality of life, on the other hand, deprives a person of personal space, making him a constant object of observation. The main issue requiring philosophical reflection is related to the search for measures permitted in the implementation of the latest digital tracking mechanisms and the collection of information about a person. It is important to predict possible social changes due to the implementation of total control in order to prevent negative trends in social development.

Keywords: information society, information culture, information civilization, information technologies, personal space of a person, digital control, social control.

Развитие информационного общества оказывает огромное влияние не только на стремительное совершенствование цифровых технологий, улучшая коммуникацию между людьми и способы передачи данных, но коренным образом меняет представление о личном пространстве человека, делая его предметом всеобщего обозрения, выводя из потаенности наружу. На первый взгляд, проблема наступления цифровизации на личное пространство человека кажется надуманной, так как открытость есть неременное условие для существования информационного общества. Каждый пользователь глобальной коммуникационной сети Интернет волей-неволей передает статистические данные о своей деятельности в ней провайдером, рекламодателям, производителям интернет-приложений, поисковым системам и прочим институтам, ответственным за сбор и анализ цифровых данных. Тем не менее, непрерывное совершенствование информационных технологий создало условия, при которых недавние «помощники» человека могут легко превратиться в его надсмотрщиков. Речь идет о нейронных сетях и искусственном интеллекте, как последнем тренде в развитии информационного общества [1, с. 151].

Особенность нейронных сетей заключается в том, что они самообучаемы, и на их основе компьютер может распознавать различные объекты, попадающие в поле зрения видеокамеры [2, с. 65]. Сегодня данные технологии применяются в камерах распознавания лиц, фигуры человека, человеческого черепа,

человеческой речи по движению губ и мимике, эмоционального состояния человека. С одной стороны, виден гигантский прорыв в развитии информационного общества, который можно использовать для обеспечения национальной безопасности, борьбы с терроризмом и экстремизмом, предотвращения правонарушений, с другой стороны, реализация этих новшеств способна нанести непоправимый вред личному пространству человека, сделав его объектом непрерывного наблюдения помимо его воли.

Примером успешной реализации стратегии цифрового контроля за гражданами является Китай, где миллионы видеокамер распознавания лиц, объединенные в единую компьютерную сеть на основе 5G-технологий, сканируют китайских граждан, чья биометрическая информация была заранее занесена в базу данных, на предмет лояльности общественным и государственным ценностям и законам. Система социального кредитования или социального рейтинга основана на присвоении всем гражданам стартового количества баллов или кредитных единиц и отслеживания посредством «умного» видеонаблюдения их деятельности. За любое правонарушение, будь то переход улицы в неполюженном месте или разговор по телефону во время управления транспортным средством, баллы будут вычитаться, а за социальную активность и следование идеалам коммунистической партии Китая, – прибавляться.

В итоге, люди с пониженным социальным рейтингом не смогут работать в госучреждениях, пользоваться скоростным железнодорожным и авиатранспортом, занимать руководящие должности, пользоваться социальными льготами, посещать элитные рестораны и люксовые гостиницы и т.д. [3, с. 114]. Они будут вытолкнуты на периферию жизни до тех пор, пока не исправятся, не начнут по-другому мыслить. Цифровой контроль жестко определяет условия лояльности к действующим социальным нормам, исключая какой-либо компромисс.

Китайская модель использования информационных технологий для реализации социального контроля предполагает наличие у граждан особой ментальности и полное отсутствие личного пространства. Если люди на Западе стремятся уважать индивидуальность, то китайцы, большинство которых (92%) представлено народом хань, слабо представляют себе, что такое личные границы и личное пространство [4]. Поэтому обилие видеокамер, контролирующих твоё поведение, в китайском мировосприятии тождественно безопасности, и не воспринимается, как вторжение в личную жизнь. Под прицелом видеокамер китаец чувствует себя защищенным, зная, что потенциальный злоумышленник не рискнет совершить противоправное действие против него и его собственности, а если отважится на криминал, то мгновенно будет вычислен.

На основе представленных данных невольно возникает вопрос об отношении китайской модели использования цифрового контроля за своими гражданами к остальному (западно-ориентированному) миру. На первый взгляд, это внутреннее дело Китая, и гражданам других государств не стоит беспокоиться, но если учесть китайскую экономическую экспансию мирового масштаба в рамках проекта «Один пояс – один путь», то потенциальную перспективу попасть под власть цифрового контроля имеет все население планеты. И совершенно не ясно, как западные ценности свободы, личного пространства, которое не подлежит огласке и обнародованию, смогут сосуществовать с ценностями цифровой диктатуры и тотального контроля.

Для подтверждения гипотетической угрозы наступления эры цифрового контроля достаточно привести примеры успешного экспорта Китаем систем тотальной слежки в Эквадор, Зимбабве [5] и Центральную Азию [6] под предлогом борьбы с уличной преступностью, терроризмом и экстремизмом. Согласно И.Н. Комиссиной, к 2030 году Китай намерен стать мировым лидером инноваций в области искусственного интеллекта [7, с. 150], что означает что китайские системы слежки, в основе которых лежит искусственный интеллект, будут распространены по всему миру. Не секрет, что все данные, проходящие через китайские цифровые устройства, будь то мобильный телефон или интернет-сервер, передаются гигантам китайской цифровой индустрии – компаниям Tencent, Alibaba и Baidu [7, с. 140]. Данная функция изначально заложена во все китайские цифровые гаджеты, таким образом Китай собирает о пользователях своих информационных технологий всю информацию, начиная от их предпочтений и увлечений, круга общения, заканчивая геолокационными данными дома, работы и часто посещаемых мест.

Такая информационная слежка не может не вызывать опасений. Безусловно, от камер распознавания лиц есть определенная польза, их применение действительно помогает раскрывать преступления и снижает уровень преступности, но, когда вся эта гигантская информационная сеть камер и баз данных людей фактически принадлежит третьей стороне (Китаю) и управляется ей, возникает угроза не только личному пространству человека, но и национальной безопасности. Когда одним из

современных трендов цифрового Китая является распознавание потенциально опасных личностей на основе данных камер, презумпция невиновности теряет всякий смысл, что чудовищно и недопустимо для развития гражданского общества и правового государства.

Таким образом, в эпоху глобальной информатизации и цифровизации общества важным представляется нахождение и поддержание баланса степенью внедрения информационных технологий и уровнем защищенности личного пространства человека. Если использование технологий искусственного интеллекта будет сужать личное пространство человека вплоть до его исчезновения, следует пересмотреть концепцию развития информационного общества, ограничив его деструктивное воздействие на социум.

Литература:

1. Пройдаков Э.М. Современное состояние искусственного интеллекта // Научно-исследовательские исследования. 2018. №2018. С.129-153.
2. Шотыло Д.М., Крайнова В.Е., Скурыдин А.В. Тенденция развития искусственных нейронных сетей в цифровой экономике // Экономинфо. 2018. Т.15. №4. С.65-69.
3. Галиуллина С.Д., Бреслер М.Г., Сулейманов А.Р., Рабогошвили А.А., Байрамгулова Н.Н. Система социального кредитования в Китае как элемент цифрового будущего // Вестник УГНТУ. Наука, Образование, Экономика. Серия: Экономика. 2018. 4(26). С.114-121.
4. Почему неприкосновенность частной жизни чужда китайской культуре [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://laowai.ru/pochemu-neprikosnovennost-chastnoj-zhizni-chuzhda-kitajskoj-kulture/> (дата обращения: 17.01.2020).
5. Лебедев Д. Слежка на экспорт. Как Китай стал экспортером новейших технологий социального контроля [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://republic.ru/posts/92871> (дата обращения: 17.01.2020).
6. Китай экспортирует в Центральную Азию системы тотальной слежки [Электронный ресурс]. Режим доступа: (дата обращения: <http://www.ca-portal.ru/article:52458> 17.01.2020).
7. Комиссина И.Н. Современное состояние и перспективы развития технологий искусственного интеллекта в Китае // Проблемы национальной стратегии. 2019. №1(52). С.137-160.

Анализ семантического статуса понятий «виртуальность» и «виртуальное производство»

Соснина Т.Н.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва», профессор кафедры философии. Доктор философских наук

tnssau@bk.ru

Аннотация: Рассматривается семантический статус понятий «виртуальность» и «виртуальное производство» (аналоги: корпорация, кампания). Феномен виртуальность анализируется с точки зрения его интегративной сущности, неоднозначности прочтения авторами его онтологической, гносеологической и социокультурной составляющих. Предлагается выделить три параметра: социальное, технико-технологическое и психосоматическое. Анализ понятий, сопряжённых с виртуальными видами деятельности, позволяет определить момент их общности и различий: наличие мышления, способного инициировать разработку и использование новых экономических и социальных моделей, получение продукции, сочетающей материальное и духовное производные в нетрадиционном пространстве-времени; рациональное использование цифровых потоков сетевых структур. Виртуальное производство сопровождается «размыванием границ» между средством и предметом труда, изменением контакта человека с ними и формирующимся продуктом.

Ключевые слова: Виртуальность; виртуальное производство; виртуальный продукт; виртуальный жизненный цикл; семантические характеристики понятий; простые моменты виртуального производства.

Analysis of the semantic status of the concepts “virtuality” and “virtual production». ***Sosnina T.N.***

Samara University

Annotation: The semantic status of the concepts “virtuality” and “virtual production” (analogues: Corporation, campaign) is considered. The phenomenon of virtuality is analyzed from the point of view of its integrative essence, ambiguity of the authors' reading of its ontological, epistemological and socio-cultural components. It is proposed to distinguish three parameters: social, technical and technological and psychosomatic. The analysis of the concepts associated with virtual activities allows us to determine the moment of their commonality and differences: the presence of thinking that can initiate the development and use of new economic and social models, obtaining products that combine material and spiritual derivatives in non-traditional space-time; rational use of digital streams of network structures. Virtual production is accompanied by a “blurring of boundaries” between the means and the object of labor, a change in human contact with them and the emerging product.

Keyword: Virtuality; virtual production; virtual product; virtual life cycle; semantic characteristics of concepts; simple moments of virtual production.

Развитие информационной техники и технологий, влияние их на экономику и общество является отражением революционного процесса, призванного перевести функционирующие материальное и духовное производство в новое, виртуальное качество. В последние десятилетия интерес к феномену виртуальности резко возрос, в научную терминологию буквально ворвалась группа понятий, производных от virtus (виртуальность, виртуальное пространство-время, виртуальные машины, фирмы, деньги, банки, культура и т.д.) Вскоре стало ясно, что трактовка понятия «виртуальное» далека от однозначности. Определим позицию. Корень «virtus» восходит к античности, где использовались два его смысла: реальность - образ (вариант Платона); актуальное - потенциальное бытие (вариант Аристотеля). Неоднозначная семантика сохраняется до сих пор. Воспроизведем трактовку понятий «виртуальность», «виртуальное производство», используемых в литературе.

«Виртуальность - это объект или состояние, которые реально не существуют, но могут возникнуть при определенных условиях. Онтологическая трактовка рассматривает виртуальность как некое потенциальное состояние бытия при наличии в нем определенного активного начала. Другой подход к виртуальности сформировался под влиянием компьютерных, информационных технологий.

С их помощью можно погрузиться в виртуальную реальность, где субъект не будет различать вещи и события действительного и виртуального мира: мир дан ему непосредственно в его ощущениях, а они оказываются на этом уровне неразличимыми. Виртуальная реальность характеризует состояние сознания и этим она отличается от реальности объективной. С аналогичной точки зрения следует рассматривать виртуальные реальности, встречающиеся в психологии, эстетике и в духовной культуре» [1, с.404].

«Виртуальность - (возможность) сила, то, что визуально, наличествует «в возможности», противостоит тому, что актуально, наличествует «в реальности», виртуальность как склонность к реализации» [2, с.38].

«Виртуальность имеет сложную интегративную природу. Первый ее уровень связан с объективными характеристиками, второй - с субъективными, третий - со сложными отношениями первых двух уровней, проявляющимися в материально-духовной деятельности человека. Виртуальное - есть промежуточное состояние, момент взаимосвязи, взаимообусловленности и взаимоперехода возможного и действительного, представляющее переплетение идеального (мыслимого) и материального (реализованного). Виртуальность пронизывает все наше существование, начиная от природного начала в человеке, где мощно проявляют себя психофизиологические феномены (например, сновидения), далее идет социальный уровень с его условностью и разноплановостью норм, правил и, наконец, культурный уровень, формирующий мировоззрение» [3, с.42].

«Виртуальность характеризуют следующие свойства: неопределенность существования во времени; иллюзорность; заданность измерения; конструированность; искусственность по отношению к естественному до- виртуальному».[4, с.60]

Используемое в литературе понятие «виртуальность» целесообразно рассмотреть в онтологическом, гносеологическом и социокультурном аспектах.

Виртуальность в онтологическом аспекте исследователями рассматривается в трёх вариантах. В рамках первого постулируется объективность виртуальных образований, второго признаётся как мнимое, иллюзорное, воображаемое, пребывающее в особом пространстве-времени. Третий вариант исходит из тезиса, что виртуальность существует как промежуточное образование между объективным и субъективным, материальным и идеальным. Особая группа представлена исследователями, для которых виртуальность есть всеобщая тотальная характеристика сущего.

Виртуальность в гносеологическом аспекте представлена также неоднозначно: одни считают образ реальности, возникающий в сознании, результатом рационализации и /или восприятия; другие утверждают, что познание мира «замещается» имитациями разного качества, включая состояние сознания, потерявшего способность отличать реальное от вымышленного, мнимого.

Социокультурный аспект виртуального ассоциируется с многоликими образованиями, связанными с компьютерными и программными артефактами; с пограничными, сумеречными состояниями человека, с парадигмой мышления, синтезирующей естественнонаучное, гуманитарное, технико-технологическое и философское начала.

Резюме. Понятие «виртуальность» используется по-разному, тем не менее, можно утверждать, что оно содержит:

- социальную составляющую (совокупность присущих субъекту природно-социальных качеств);
- технико-технологическую составляющую (совокупность технико-технологического обеспечения, воспроизведения специфического синтеза реальности актуальной и мнимой);
- психосоматическую составляющую (совокупность принципиально новых представлений человека о возможностях, раскрывающихся под воздействием информационных технологий конца XX - начала XXI века).

Какое содержание вкладывают исследователи в понятие «виртуальное производство» и его аналоги?

«Виртуальное производство отражает производственные отношения нового типа, основанные на компьютерных технологиях, где реальный продукт замещается циркулирующими электронно-цифровыми потоками данных, сетью кибернетического знания».[5, с.144-145]

«Виртуальная кампания - это объединение независимых хозяйственных объектов, расщепленных

территориально, осуществляющих взаимодействие в электронном пространстве, интегрирующих свои ресурсы и усилия для осуществления совместной деятельности. Объединенные ресурсы сохраняются в собственности участников, которые в любой момент могут оставить виртуальную компанию, сохранив за собой вложенные активы» [6, с.16].

«Виртуальная корпорация – компания, работающая по сетевому принципу. То есть имеющая небольшое число штатных работников, использующих разветвленную сеть внешних подрядчиков» [7, с.51].

Анализ понятий, имеющих отношение к виртуальному производству и сопряжёнными с ним по смыслу, позволяет обратить внимание на такие характеристики как-то:

- новое содержание экономической и социальной модели производства, соответственно наличие мышления, способного инициировать их разработку и использование;
- замещение продукта в традиционной его форме (материальное-нематериальное) нетрадиционной (сочетание материально-духовного в специфическом пространстве-времени);
- использование гибких сетевых структур при посредстве циркулирующих электронно-цифровых потоков данных..

Виртуальному производству присущ особый жизненный цикл, в котором формула «человек - средство труда - предмет труда - продукт труда» видоизменяется, сохраняя базовый статус.

Традиционный вариант жизненного цикла, реализуемый в сфере материального производства, исходит из признания, что за каждым простым моментом процесса труда стоит специфическая функция: субъект труда (инициатор действия); средство труда (проводник действия); предмет труда (компонент, испытывающий воздействие человека и орудий труда); продукт труда (результатирующая процесса труда - вещественное образование).

Средства труда, применяемые в сфере материального производства, являются вещью или комплексом вещей, которые человек «присоединяет к органам своего тела». Иначе говоря, предназначение средств труда материального производства состоит в том, чтобы, пользуясь механическими, физическими, химическими свойствами вещей, применить их как орудие воздействия на другие вещи с целью облегчения физического труда человека.

В сфере духовного производства формула «субъект труда - средство труда - предмет труда - продукт труда» «трансформируется», отражая изменение, касающееся функциональной привязки субъекта труда к средству производства: человек не только определяет цель деятельности, использует вещественные средства труда, но и свое сознание превращает в специфический инструмент влияния на процесс труда (в чистом виде это относится к фундаментальным наукам).

Средства труда духовного производства по мере их совершенствования становятся «продолжением или частью технического средства (ЭВМ)». Подобного рода метаморфозы становятся фактом в рамках виртуальных видов деятельности.

Человек реализует поставленную цель, используя «железо» и собственный интеллектуальный и эмоциональный капитал в виде симбиотически нерасчлененных образований, позволяющих создать виртуальную среду для познания и изменения реальных сущностей.

Продукт виртуального производства в итоге приобретает способность включаться в процессы реального бытия, как в вещественном, так и в невещественном виде: целеполагающие, контролирующие функции остаются за человеком, а средство и предмет труда могут, совмещая свои функции, обеспечивать получение виртуального продукта.

Логику жизненного цикла виртуального продукта целесообразно рассмотреть, принимая во внимание следующие варианты:

1. Технологические цепочки виртуального офиса и корпорации: сознание (мышление - мысль - речь - слово) + ЭВМ - программный продукт (невещественное образование; вещественное образование).
2. Технологические цепочки, обеспечивающие «вхождение в виртуальную среду»: сознание (мышление - мысль - речь - слово) + ЭВМ - эффект перехода в иллюзорный мир (продукт - симбиоз вещественного и невещественного образований).
3. Технологические цепочки «распредмечивание - опредмечивание - распредмечивание» .

Литература:

1. Носов Н.А. В кн.: Новая философская энциклопедия. в 4-х т., Т.3. - М.:2001. С.404.
2. Евразийская мудрость от А до Я. Философский толковый словарь. - Алма-Ата, Сизик-словарь, 2002. С.38.
3. Абрамов М.Г. Потенциал виртуальности //Экология и жизнь, 2006, № 9. С.42.
4. Немыкша О.И. Понятие «виртуальность» - в философском контексте //Гуманитарная наука. Философия, 2011, №1. С.60.
5. Иванов Д.В. Императив виртуализации: современные теории общественных изменений. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2002. С.144 - 145.
6. Цукерман В.А.. Энциклопедический словарь: промышленная, инвестиционная и инновационная политика. – Апатиты: Изд-во Кольского НЦ РАН, 2009. С. 161.
7. Кох Р. Менеджмент и финансы: от А до Я [пер. с англ. В.Швецова].-Санкт-Петербург-Москва-Харьков-Минск, 1999, с.51.

1.

Побочные эффекты информационного общества: прогнозы и реальность

Беденкова А.С.

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова. Факультет политологии, студентка

bedenkovaanastya@gmail.com

Аннотация: Процесс становления информационного общества и глобальной информатизации имеет не только положительные перспективы, но и ряд определенных негативных тенденций. Данная статья посвящена разбору «побочных эффектов», возникновение которых связываются с развитием информационно-коммуникационных технологий и становлением постиндустриального общества, в котором информация и знания играют решающую роль в развитии цивилизации и решении всевозможных конфликтов. Проводится сравнительный анализ основных положений классических теорий информационного общества, которые прогнозировали определенный вектор развития общественных процессов в XXI веке и современных реалий, с которыми мы сталкиваемся ежедневно. Исходя из полученных выводов, утверждается, что происходит постепенная деформация концепции информационного общества и формирование нового типа социальности. Происходит формирование единого информационного пространства, которое влияет на развитие всех общественных процессов.

Ключевые слова: информационное общество, информатизация, нетократия, дезинформация, информационная перегрузка, общество наблюдения.

Side effects of the information society: projections and reality.

Bedenkova A.S.

Lomonosov Moscow State University. Faculty of political science

Abstract: The process of establishing the information society and global informatization has not only positive prospects, but also a number of certain negative trends. This article is devoted to the analysis of “side effects” associated with the development of information and communication technologies and the emergence of a post-industrial society where information and knowledge play a decisive role in the development of civilization and the resolution to conflicts. There is comparative analysis of the basic provisions of classical theories of the information society, which predicted a certain vector of development of social processes in the XXI century and modern realities, which we face every day. On the basis of the conclusions received, it is stated that the concept of the information society is being gradually deformed and a new type of sociality is being formed. A single information space is being formed that affects the development of all social processes.

Keywords: information society, informatization, netocrata, misinformation, information overload, observation society.

В XXI веке мировое сообщество вступило в новую информационную или цифровую (Digital Age) эпоху, которая характеризуется главенствующей ролью информации и знаний в развитии всех общественных процессов. Такой переход является закономерным этапом развития цивилизации, происходящим в результате воздействия современных информационных и телекоммуникационных технологий, а также процесса глобализации на все аспекты жизни человека. Происходит информационно-коммуникационная революция, которая способствует быстрому распространению информационных технологий по миру и росту популярности «мировой сети».

Начало становления информационного общества относят к концу 70-х XX века и связывают с ускорением технического прогресса. Вхождение в новую эру было официально закреплено на международном уровне в виде Окинавской хартии (2000 год), а позже на всемирных саммитах в Женеве (2003 год) и в Тунисе (2005 год).

В связи с новой направленностью на информатизацию общества, ученых не могла не занимать проблема существования человека в таком мире. Впервые о становлении информационного общества начали говорить еще в середине XX столетия американские технократы-футурологи такие, как Д. Белл, Н. Винер, М.Маклюэн и другие.

В настоящий момент мы имеем множество концепций информационного общества, которые предвещали позитивные прогнозы повсеместного распространения технополисов и информационных

деревеньⁱ, воплощение новшеств «третьей волны»ⁱⁱ, которые демонстрируют становления общества нового типа. Однако, развитие информационных технологий и интенсификация процессов производства информации несут в себе и ряд отрицательных социальных последствий. Мы предлагаем рассмотреть основные из них в том виде, в котором они существуют в нашем обществе.

Одной из главных идей и целей информационного общества является обеспечение гарантий, что каждый отдельный гражданин может получить необходимый ему объем информации в независимости от времени и места.ⁱⁱⁱ Однако, в настоящее время мы имеем такой парадокс - вокруг много информации, но мало реальных знаний. Индивид утопает в огромном количестве ненужной ему информации, что приводит к дефициту внимания. Огромные массы информации не дают человеку сосредоточиться на чем-то конкретном. Все это приводит и к дефициту знаний – еще один побочный эффект информационного перенасыщения. Следует отметить, что одной из причин дефицита знаний является отсутствие навыка традиционного чтения. В совокупности с демагогическими приемами и активной манипуляцией это превращает современное общество в дезинформационное общество, где реальными знаниями обладают лишь избранные.

Таким образом, не решается проблема неравенства, а лишь возникает новый побочный эффект – рождение новой элиты. Общество разделено на два новых класса: нетократию и консумериат. Именно нетократы обладают реальными знаниями. В нетократическом обществе всегда включена дезинформационная дымовая завеса. Консумериат погружен в туман бесконечного количества информации, в котором невозможно разглядеть реальное знание. Каждый занят процессом распространения информации и не успевает познакомиться с ее содержанием. По мере того, как информация становится ключевым товаром *новой* экономики, а мир тонет в океане хаотических информационных сигналов, все большую ценность приобретает существенное и эксклюзивное знание, которое зачастую недоступно для широких масс общественности.^{iv}

Еще одним побочным эффектом тотальной информатизации является *информационная перегрузка*. Современное общество оказалось в такой ситуации, когда объем существующей и ежедневно перерабатываемой информации значительно превышает его когнитивные возможности. Человек не в силах справиться с таким напором, что зачастую приводит к подсознательному созданию эхо-комнаты. Люди пытаются ограничить круг источников поступающей информации, выбирая лишь проверенные из них. К посторонним источникам индивид испытывает недоверие.

Проблема информационной перегрузки тесно связана с проблемой информационного шума. В настоящее время благодаря развитию технологий web 2.0 стерты рамки между производителями информации и ее потребителями.^v Без каких-либо специальных навыков каждый пользователь глобальной сети может создавать свой контент. Рост информации никем не контролируется и это приводит к тому, что информационное пространство превращается в глобальную свалку. В таких условиях, когда какие-либо контролеры устранены и каждый может публиковать все, что угодно, значительная часть контента является либо ложью, либо пропагандой.

Такая мера делает нас еще более уязвимыми перед пропагандой и перенаправляет нас к следующему недостатку – уровень информационной грамотности. Большинство интернет-пользователей не понимают основных принципов работы в информационной среде. Все их навыки имеют частный и фрагментарный характер. Медиаграмотность (media literacy), то есть понимание и умение критически анализировать информацию и выбирать необходимый материал является одним из условий психологического выживания. Отсутствие такого навыка является хорошей почвой для манипуляции.

Стоит упомянуть еще один, крайне важный, позитивный прогноз, связанный с развитием и распространением коммуникационных технологий. Это возможности безграничного общения, вне зависимости от времени, места, языка и так далее. Но прогнозы не оправдались. Сейчас мы можем наблюдать, как новые технологии, наоборот, мешают и сводят все общение на нет. Люди не успевают за скоростью обновления социальных сетей и предпочитают лишь наблюдать со стороны, а не участвовать в самом процессе.

Еще одним неотъемлемым побочным эффектом развития информационного общества является формирование общества наблюдения, то есть системы тотального надзора по модели «Паноптикум». При помощи интернет-технологий власть становится невидимой, постоянно контролируя действия граждан, и собирая всю необходимую о них информацию в процессе. С развитием новых технологий коммуникации таких, как электронные гаджеты, сделать это становится в разы проще. В большинстве случаев люди сами готовы предоставить всю необходимую информацию о себе в социальных сетях. Все это может быть представлено как социальное негативное явление, которое представляет угрозу свободам индивида, его личной жизни.

Как мы можем наблюдать, многие прогнозы технократов и футурологов нашли свое отражение в новой эпохе, но в абсолютно противоположном виде.

Таким образом, обобщая все выше сказанное, мы можем выделить ряд ключевых проблем, которые детерминированы становление информационного общества, развитием информационно-коммуникационных технологий и проникновением сети во все сферы человеческой деятельности:

- Превращение информационного общества в дезинформационное
- Информационная перегрузка
- Цифровое неравенство, появление новой элиты – нетократии
- Рост информационного шума и массовое появление псевдо-экспертов
- Снижение уровня информационной грамотности
- Снижение уровня общения
- Формирование общества тотального наблюдения

Мы перечислили лишь основные и наиболее острые, на наш взгляд, проблемы, которые ставит перед нами общество нового типа. Сеть изменяет практически все в нашей жизни и не считаться с ее существованием нельзя. Успешное освоение и применение как интернета, так и информационно-коммуникационных технологий в настоящее время определяет потенциал роста всего общества. Информационное общество полностью модифицирует основы цивилизации и социальную природу общественных отношений, поэтому мы не имеем права игнорировать негативные тенденции такого влияния.

В настоящее время необходима новая модель информационного общества, которая бы учитывала «побочные эффекты» классических теорий и являлась бы практически применимой. В условиях, когда изменения происходят мгновенно и имеют глобальный масштаб, разработать такую концепцию представляется сложным, но необходимым для дальнейшего развития.

Литература:

1. McLuhan, Marshall, et al. The Gutenberg galaxy: The making of typographic man. University of Toronto Press, 2011. 159 p.
2. Тоффлер, Элвин. «Третья волна». М.: АСТ, 1999. 1214 с.
3. Ракитов, А. И. «Постинформационное общество» //Философские науки. 2016. № 12. С. 7-19.
4. Я.Зодерквист, А. Бард. «Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма.» СПб: «Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге», 2004. 252 с.
5. Кин, Эндрю. Ничего личного: Как социальные сети, поисковые системы и спецслужбы используют наши персональные данные для собственной. М.: Альпина Паблишер, 2016. 222 с.

i McLuhan, Marshall, et al. The Gutenberg galaxy: The making of typographic man. University of Toronto Press, 2011. 159 p.

ii Тоффлер, Элвин. «Третья волна». М.: АСТ, 1999. 1214 с.

iii Ракитов, А. И. «Постинформационное общество» //Философские науки. 2016. № 12. С. 7-19.

iv Я. Зодерквист, А. Бард. «Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма.» СПб: «Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге», 2004. 252 с.

v Кин, Эндрю. Ничего личного: Как социальные сети, поисковые системы и спецслужбы используют наши персональные данные для собственной. М.: Альпина Паблишер, 2016. 222 с.

Соловьева Л.Н.

*Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет) «МАИ»,
доцент кафедры философии. Кандидат философских наук*

luniso@rambler.ru

Аннотация: В статье предпринята попытка философского анализа проблем влияния цифровизации на жизнь современного человека. Показано, что ключевым результатом цифровой революции является формирование глобального информационного пространства средствами инфокоммуникативных технологий и систем искусственного интеллекта как принципиально новой невещественной среды жизни и деятельности современного человека. Смещение многих аспектов деятельности человека: работы, учебы, досуга в виртуальное пространство продуцирует новый вид коммуникации – виртуальную, все больше замещающую реальное общение. Обосновано, что для цифрового социума характерна дематериализация бытия и сделан вывод, что цифровизация выступает ярким маркером современных социокультурных преобразований и ключевым фактором изменения социума и человека, способствуя трансформации важных антропологических констант, таких как субъективность, идентичность, телесность, система ценностей и другие.

Ключевые слова: цифровизация, человек, информационное общество, цифровая реальность, виртуальная коммуникация, инфокоммуникативные технологии.

**Human Life in Digitalization: a New Format.
Solovieva L.N.**

Moscow Aviation Institute (National Research University) «MAI»

Abstract: The article attempts to philosophically analyze the problems of the impact of digitalization on the life of a modern person. It is shown that the key result of the digital revolution is the formation of a global information space by means of infocommunicative technologies and artificial intelligence systems as a fundamentally new non-material environment for the life and work of modern man. The shift of many aspects of human activity: work, study, leisure into virtual space produces a new type of communication - virtual, more and more replacing real communication. It is proved that digital society is characterized by the dematerialization of life and the conclusion is made that digitalization is a vivid marker of modern sociocultural transformations and a key factor in changing society and man, contributing to the transformation of important anthropological constants, such as subjectivity, identity, physicality, value system and other.

Keywords: digitalization, people, information society, digital reality, virtual communication, info-communicative technologies.

Бытие человека начала третьего тысячелетия конституируется в поле социокультурных трансформаций, обусловленных переходом на новую ступень цивилизационного развития – информационную. Ключевой вектор и динамика данных изменений детерминированы прежде всего прогрессом в области современных инфокоммуникативных технологий и систем искусственного интеллекта, благодаря чему информацию стало возможным передавать, обрабатывать и хранить в цифровом виде, а цифровизация из явления преимущественно экономического превратилась в глобальный социокультурный тренд. Под воздействием современных процессов цифровизации жизни радикально меняется не только технологический уклад социальной жизни, способы общественно-экономического развития, перестраивается социальная реальность, но и кардинально меняется сам человек, трансформируются его фундаментальные атрибуты, культура и существование в принципе. Все это указывает на актуальность и подчеркивает необходимость комплексного философского анализа влияния процессов цифровизации на жизнь современного человека.

Вся жизнедеятельность человека информационной эпохи в той или иной степени опосредована технологиями, которые сегодня из исключительно вспомогательного средства, способствующего повышению комфортабельности жизни, превратились в самостоятельный фактор социокультурных трансформаций, обусловив в том числе и современную цифровую революцию. Цифровая революция,

буквально означающая переход от аналоговых к цифровым способам передачи информации, на самом деле представляется весьма сложным многоаспектным явлением, не ограничивающимся только рамками технологической революции и экономической сферы, оказалась беспрецедентной по степени влияния на социум. Весьма непринужденно вошли в современную жизнь и очень быстро укоренились такие явления, как цифровая экономика, криптовалюты, блокчейн, цифровой банкинг, электронная демократия, квантовые компьютеры, облачные технологии, большие данные, 3D-печать, роботизация, умные вещи и многие другие, успев стать привычными и не вызывающими отторжения. Человек, будучи создателем технологий и тем, кто их все время совершенствует, также оказался под мощным «технологическим прессом» – сам стал претерпевать колоссальные изменения, скорость которых, неуклонно растет.

Действительно за последние 30-40 лет люди значительно изменились. Какими бы упорными не были технологические скептики, или представители старшего поколения, настороженно относящиеся к разного рода технологическим инновациям и гаджетам, очевидно одно – мобильный телефон – это уже неотъемлемая часть повседневной жизни и тех и других, а особенно смартфон как инфокоммуникативное средство, сочетающее функции мобильной связи и персонального компьютера. Интернет сегодня нам нужен здесь и сейчас. Если раньше для этого необходимо было иметь стационарный компьютер, подключенный к Сети, то теперь достаточно смартфона. Мы сильно не задумываемся о том, сколько раз в день и с какой целью берем в руки смартфон: позвонить, отправить сообщение, написать письмо, заказать такси, воспользоваться услугами мобильного банка, посмотреть погоду, новости, проложить маршрут, отследить статус заказа, а может ответить на сообщения в мессенджерах, или просто поставить лайки, пролистать новостные ленты в свободную минуту. И здесь совершенно прав оказался технический директор Google и футуролог Р. Курцвейл относительно тенденций дальнейшего технологического прогресса и перспектив развития искусственного интеллекта, верно определивший главный вектор всего технологического развития – тотальную интеграцию человека и компьютера [1].

Бытие человека цифрового мира протекает преимущественно в искусственном техногенном мире, а значительная часть его жизни и деятельности осуществляется в нематериальной, невещественной виртуальной среде – глобальном информационном пространстве: общение, работа, учеба, досуг. Сегодня повсюду можно встретить людей, уткнувшихся в монитор, планшет, смартфон, не случайно специалисты уже окрестили современное поколение «поколением с опущенной головой» [2, с. 185]. Жизнедеятельность в Интернет-пространстве обуславливает формирование и новых видов коммуникации – виртуальной. Реальное общение все более вытесняется в информационное пространство и замещается виртуальной коммуникацией: телефонные разговоры, смс-общение, общение в чатах, мессенджерах, социальных сетях и другое – тому подтверждение. Сайты, блоги, социальные сети, чаты, форумы – все это площадки для виртуального общения, а поговорка «Если тебя в Сети нет, значит, тебя нет» демонстрирует маркер современного существования – «быть в Сети». Теперь вполне понятным становится такое настойчивое стремление индивидов цифрового мира все время заявлять о себе – это их естественное желание существовать. А цитата из последней песни Д. Арбениной «Инстаграм» «...и каждый день мы встречаемся в Инстаграме... и пиши, что хочешь, только не блокируй» как нельзя лучше иллюстрирует жизнь в пространстве Сети.

Казалось бы, цифровая революция как переход на качественно новый виток цивилизационного развития задает мощный импульс не только экономического, но и социокультурного развития, способствуя продуцированию более комфортных условий жизнедеятельности современного человека, его здоровья, безопасности, гармоничного культурного развития. Однако среди очевидных благ таятся и даже уже отчасти проявляют себя негативные следствия цифровизации жизни, такие как дереализация реальности, дезориентация, манипуляция, навязывание обманчивых идеалов и ценностей, необоснованных мотивов поведения и т.д. Изменение ключевых онтологических, антропологических, аксиологических констант, радикально меняют представления человека о самом себе, социуме, культуре, о пространстве и времени, о реальности как таковой. Происходит своего рода «цифровое форматирование» личности – личность постепенно перестает быть абсолютно плотским субъектом, утрачивая свою телесность, а к гармоничному единству биологического, социального и психологического добавляется цифровой компонент. Такими новыми цифровыми атрибутами личности выступают профили в социальных сетях, аватарки, электронные медицинские карты, цифровые подписи, банковские счета, ведомости с оценками и много другое. Но следует заметить, что цифровой след на просторах глобального информационного пространства, не всегда и не обязательно отражает

объективную информацию о своем реальном двойнике, живущем в физическом мире. Т.В. Казарова называет современного человека «оцифрованным», поскольку его биологические, психологические и социальные черты выражаются числом [3, с. 165]. Данные цифровые атрибуты современного человека хранятся в информационных базах данных, оказывая на него непосредственное действие и задавая векторы новых социальных отношений. Соглашаясь с классиками, рисовавшими образ будущего в середине-последней трети прошлого столетия, С. Лемом, Э. Тоффлером, Д. Беллом, М. Кастельсом, можно сделать еще одно подтверждение: действительно, современная жизнь отчасти протекает в границах виртуального пространства и действительно, современный человек обрел цифровую атрибутику и эта дематериализующая бытие тенденция направлена в сторону ускорения темпов.

Иллюзорная свобода, предоставляемая глобальным виртуальным пространством, раскрывает широкие возможности для жизни вне устоявшихся веками социальных норм и правил, более того, дает возможность жизни и действия в противоестественных условиях, то есть не только перестать быть представителем биологического вида, устранив физическое тело, но возложить на себя миссию Творца – сконструировать себя вне законов привычного физического мира, наделить себя необъективными атрибутами: именем, полом, биографией, идентичностью. Возможности современных технологий таковы, что позволяют получать богатый комплекс самых ярких ощущений, вне определенной моторной и психической активности. Новое жизненное пространство, лишённое условностей и стереотипов, ценностей, идеалов, оказывается значительно привлекательнее, чем обычный физический мир. Жизнь в условиях тотальной свободы и отсутствия какой бы то ни было ответственности превращает человека в своего рода «цифрового гедониста» – потребителя разного рода благ, стремящегося жить и действовать в максимально комфортной среде и получающего богатый комплекс желаемых ощущений, благодаря современным технологическим возможностям.

Таким образом, можно заключить, что жизнь современного человека неразрывно связана с инфокоммуникативными технологиями, базирующимися на основе систем искусственного интеллекта, и детерминирована процессами цифровизации, в результате чего конструируется глобальное информационное пространство как принципиально новая, невещественная среда жизнедеятельности человека, альтернатива привычному физическому миру, в пространстве которой осуществляется новый вид коммуникации, виртуальная. Новый виртуальный мир обуславливает трансформацию ключевых антропологических атрибутов: субъективности, идентичности, системы ценностей, мировоззрения, телесности, помещая современного человека в ситуацию постоянного поиска себя, своей идентичности, собственного Я, ставя его перед необходимостью сохранить собственную субъективность, не растерять себя в бескрайних информационных потоках Сети, и заставляя вновь осмыслить, переоценить в контексте цифровых реалий и попытаться ответить на классический гамлетовский вопрос: «Быть, или не быть?».

Литература:

1. Курцвейл Р. Прогноз развития технологий до 2099 года // URL:<https://www.computerra.ru/226917/predictions-of-raymond-kurzweil/> (дата обращения: 25.02.2020).
2. Миронов В.В. Цифровая пещера как возможный вектор развития культуры // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости: Материалы XIX Международных Лихачевских научных чтений (г. Санкт-Петербург, 22-24 мая 2019 г.). СПб.: Изд-во СПбГУП, 2019. С. 183-186.
3. Казарова Т.В. Цифровое общество как уникальный культурно-исторический феномен // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: Сборник научных статей и материалов Международной конференции, (г. Коломна, 12-14 февраля 2016 г.) / Под общ. ред. Р.В. Ершовой. Коломна: Изд-во ГСГУ, 2016. С.161-166.

Миф о пещере и «бункер веры» как этапы процесса познания и эволюции общества

Дмитриева Т.В.

Московский государственный областной университет. Аспирант

tanusha_ber@mail.ru

В современном научном сообществе обозначен тренд по замене историко-философского термина «идол пещеры» на «бункер веры», при котором стремление людей к познанию истины снижается и заменяется желанием овладеть лишь утилитарными знаниями, потребными для удовлетворения примитивных потребностей общества потребления и получения от этого удовольствия. Данный тренд прослежен от притчи о пещере в трактате Платона «Государство» к «идолу пещеры» Ф.Бэкона и тезису Ф.Ницше о стремлении человека к ограниченной истине, достаточной для достижения душевного комфорта и получаемого в результате удовлетворения от жизни. Современная эпоха цифровизации усугубляет данный тренд через неразрешимое для большинства людей противоречие между возможностью доступа к огромному объему информационных ресурсов и утверждением человека в мысли о невозможности овладения ими, что может привести к катастрофическим последствиям - росту инфантилизма людей и доступности истинного знания только для управляющих групп (элит).

Ключевые слова: миф, пещера, идол, бункер веры, истина, распад истины, цифровизация.

The myth of the cave and the “bunker of faith” as stages of the process of knowledge and evolution of society.

Dmitrieva T.V.

Moscow state regional University

In the modern scientific community, there is a tendency to replace the historical and philosophical term “cave idol” with “bunker of faith”, in which the desire of people to know the truth is reduced and replaced by the desire to acquire only the utilitarian knowledge necessary to meet the primitive needs of the consumer society and get pleasure from it. This tendency can be traced from the parable of the cave in Plato’s treatise “the State” to the “cave idol” of F. Bacon and the thesis of F. Nietzsche about the desire of man for a limited truth, sufficient to achieve mental comfort and the resulting satisfaction from life. The modern era of digitalization exacerbates this trend, which can lead to disastrous consequences-the growth of infantile people and the availability of true knowledge only for units.

Keywords: myth, cave, idol, bunker of faith, truth, disintegration of truth, digitalization.

Миф о пещере — известная аллегория Платона, использованная им в трактате «Государство» для пояснения своего учения об идеях. Согласно Платону, человек, снявший оковы в пещере и взглянувший на вещи в солнечном свете, скорее всего, откажется от истинного знания, поскольку «правильный взгляд» с непривычки окажется болезненным. Такому человеку проще вернуться к прежним представлениям (в пещеру), ибо свет может опалить глаза: «А если заставить его смотреть прямо на самый свет, разве не заболят у него глаза, и не отвернётся он поспешно к тому, что он в силах видеть, считая, что это действительно достовернее тех вещей, которые ему показывают?» [1, А. 295-296]

В данной притче Платон акцентировал внимание на то, что познание и понимание сущности вещей требует труда и усилий. Именно поэтому его идеальным городом-государством управляли только философы, проникшие в сущность идей и, в особенности, постигшие идеи всеобщего блага. Однако, не стоит забывать мнение Платона о том, что потенциально философом может стать каждый.

Одним из продолжателей данной философской традиции выступил Френсис Бэкон, рассуждая в «Новом органоне» об «идолах разума» - препятствиях, возникающих на пути постижения истины даже у разумных и просвещенных людей. Одним из таких препятствий он назвал «идола пещеры» — индивидуальные стереотипы, возникающие по причине собственных предпочтений или антипатий.

Бэкон утверждает, что у каждого человека есть своя пещера, которая искажает истинное знание: «У каждого помимо ошибок, свойственных роду человеческому, есть своя особая пещера, которая ослабляет и искажает свет природы. Происходит это или от особых прирожденных свойств каждого, или от воспитания и бесед с другими, или от чтения книг и от авторитетов, перед какими кто преклоняется,

или вследствие разницы во впечатлениях» [2].

Оказывается, что человек склонен ценить и, соответственно, принимать за истину то, во что или в достижение чего сам вложил силы и средства. Причинами здесь выступают уровень образования, воспитание, влияние авторитетов, принятых стереотипов, а также честолюбие, эгоистические предпочтения и, на удивление, фактор лени человека, склонного к обладанию реальными, пусть ограниченными, но привычными благами сейчас, чем иллюзорными и большими в будущем. Эти индивидуальные особенности мышления, доведенные до крайности, могут привести к ошибкам познания и постижения истины.

Фридрих Ницше также отмечал, что человек хочет истины в ограниченной степени; «Людям нужна не столько истина, сколько душевный комфорт и получаемое в результате удовлетворение от жизни» [3].

То есть, людям привычнее и комфортнее смотреть на жизнь в «розовых очках», не задумываясь об её истинном смысле и происходящих процессах. Более того, они «доверяют» заниматься этими «скучными» вещами и делами избираемым ими политикам, имеющим свой оригинальный взгляд на происходящее, способным популярно и доступно все разъяснять. При этом доверие к органам исполнительной власти повсеместно уменьшается, поскольку не ошибается лишь тот, кто ничего не делает, их деятельность оценивается с изрядной долей скептицизма, а процент населения, участвующих в демократических выборах, как правило, не превышает 50%. Складывается парадоксальная ситуация, когда доверие к органам власти и официальным средствам массовой информации падает, а авторитет отдельных лидеров, вследствие их критичного отношения к принимаемым решениям, никак не подкрепленного практическими действиями, поддерживается на достаточно высоком уровне.

При этом наблюдается рост объема субъективного контента (лидеров, экспертов и др.) по отношению к фактической информации и увеличивается вероятность того, что тот же электорат столкнется со спекуляциями или откровенной ложью.

Еще в конце 20 века (1988 г.) академик А.Д. Сахаров признавал, что в будущем, с появлением «единой всемирной телефонной и видеотелефонной системы связи, а затем и всемирной информационной системы (именно так он называл современный Интернет), которая и сделает доступным для каждого в любую минуту содержание любой книги, когда-либо и где-либо опубликованной, содержание любой статьи, получение любой справки», едва ли не более грозным оружием, чем ядерная бомба, станет Постправда - мнимое множество правд, ведущая к отказу от поиска истины и выбора между добром и злом» [4]. К сожалению, 21 век оправдывает его опасения.

Ярким подтверждением данного тезиса может служить исследование американской компании RAND Corporation, которая в мае 2019 года провела круглый стол по теме «Распад истины» (Truth Decay), где прозвучали тревожные признания в кризисе американской идентичности. «Распадом истины» специалисты RAND назвали влияние на жизнь США «падающего значения фактов и их анализа в гражданском дискурсе» [5].

Основываясь на обзоре популярной и научной литературы, исторического анализа и данных социологических опросов, выделены 4 этапа распада истины в современном мире:

- растущее различие между фактами и интерпретированными фактами;
- размывание границы между фактами и мнениями;
- повышенный объём влияния мнения и личного опыта по сравнению с фактом;
- снижение доверия к источникам фактической информации.

Все больше людей не могут отличить факты от мнений и воспринимают специально созданную для них информацию за реальную. На первый взгляд, незначительные изменения в сознание людей, могут привести к губительным последствиям, таким как политический паралич, дезинтеграция социальных и политических институтов. Распад истины способен стать экзистенциальной угрозой нашего времени.

Там же прозвучал прогноз о возможности и реальности «распада истины» уже к 2025 году.

i RAND (англ. Research and Development — «Исследования и разработка») — американская некоммерческая организация, которая выполняет функции стратегического исследовательского центра, работающего по заказам правительства США, их вооружённых сил и связанных с ними организаций.

Аргументируется он многократным увеличением объема научных знаний в современных условиях и ещё большего объема информации, в результате часть людей делает индивидуальный выбор в пользу того, что считает невозможным освоить этот громадный массив данных и, соответственно, необходимым для себя овладения только знаниями, необходимыми для их профессиональной и духовной деятельности. То есть, по принципу «каждому – свое». Сегодня человеку нет необходимости ждать утренней газеты, чтобы узнать последние новости, и после пробуждения мы все привычно берем свои гаджеты и смотрим лишь те новости, которые нас интересуют, жестко лимитируя поток поступающей информации.

Современные СМИ не пытаются противостоять данному тренду, а, наоборот, подстраиваются в него. В нашем обществе много глобальных проблем, которые требуют всеобщего обсуждения и анализа, но они вытесняются из общественного сознания новостными сообщениями и личностными беседами в социальных сетях. Складывается ситуация, когда информационное поле оказывается жестко структурированным – по интересам, сферам, профессиям, кругу общения и др. То есть, наступает время информационных групп (бункеров) или «бункеров веры», где люди общаются исключительно с теми, кто им близок, дорог, интересен или является авторитетом.

Авторитеты могут быть совершенно разными – по выбору конкретного индивида - от политических, культурных, религиозных, профессиональных лидеров до националистических и сектантских. Наличие авторитетов приводит как к положительным (стремление к политическим, научным, спортивным, культурным достижениям), так и крайне негативным (рекордный рост радикальных групп, в том числе среди молодежи и детей) последствиям.

Представители этих бункеров оказываются в разных реальностях, где факты не нужны, а важна вера в них. Если эта вера подтверждается определенной и рациональной, с их точки зрения, трактовкой происходящих в мире (стране, регионе) процессов и явлений, то авторитет лидера данного бункера растет и последователи, если даже слушают, то уже не слышат иные точки зрения.

Таким образом, современная цифровая эпоха усугубляет данный тренд и сегодня речь идет об уже почти свершившемся факте доступности истинного знания исключительно для управляющих групп (элит). Для большинства народных масс это, якобы, и не требуется, поскольку им обеспечивается необходимый душевный комфорт, привычный и доступный уровень благ цивилизации. Они комфортно чувствуют себя в своих информационных «бункерах», целенаправленно ограничивают круг общения и удовлетворяются получаемыми в «бункере веры» комментариями.

Литература:

1. Платон. Государство // Собрание сочинений в 4 т. Т.3. Кн. 7 / пер. А.Н.Егунова. М.: Мысль, 1994. 654с. (Философское наследие).
2. Бэкон Ф. Новый органон. М.: РИПОЛ Классик, 2018 // [-;5:B@>=K9 @5AC@A]. URL: <https://www.litres.ru/frensis-bekon/novyy-organon/chitat-onlayn/> (дата обращения 19.12.2019).
3. Ницше Ф. Об истине и лжи во вненравственном смысле // [-;5:B@>=K9 @5AC@A]. URL: <http://www.nietzsche.ru/works/other/about-istina/> (дата обращения 17.12.2019)
4. Сахаров А.Д. Мир через пол века // [-;5:B@>=K9 @5AC@A]. URL: <https://knigogid.ru/books/62424-mir-cherез-polveka/toread> (дата обращения 27.12.2019)
5. Прохвятилов В. О западном взгляде на ход войны за умы и сердца // [-;5:B@>=K9 @5AC@A]. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2019/09/05/o-zapadnom-vzgljade-na-hod-vojny-za-umy-i-serdca-48937.html> (дата обращения 5.09.2019)

**Модель социодинамики цивилизационного кластера Союзного государства.
Конкуренция социотипов космического и молекулярного человека**

Колесников А.В.

Институт философии НАН Беларуси, ведущий научный сотрудник. Кандидат философских наук

kolesnikov@philosophy.by

Аннотация: С целью более полного понимания механизмов и прогноза социодинамических процессов, происходящих в Союзном государстве России и Беларуси, разработана клеточно-автоматная компьютерная модель. Модель воспроизводит конкуренцию двух основных социотипов, обозначенных как человек космический и человек молекулярный. Человек космический определяется как пассионарная личность, ориентированная на познание и синтез культуры. Молекулярный человек – это потребительский социотип. Отличительной особенностью программы является использование так называемых темпоральных чисел, позволяющих воспроизводить эмерджентные свойства социальных систем. В модели в качестве факторов, влияющих на поведение агентов, рассматриваются локальные социальные взаимодействия, коллективный психоэмоциональный фон, а также коллективная воля, присутствующая в социальной системе как генеральная идея или цель развития. В ходе вычислительных экспериментов установлено, что ключевое значение в прогнозе сценария эволюции социальной системы играет фактор коллективной воли. Если фактор коллективной воли менее чем на треть ориентирован на космического человека, то развивается потребительское общество с доминирующим молекулярным социотипом. Наименее конструктивным является режим неопределенности, когда оба социотипа сосуществуют одновременно и нивелируют социальную активность друг друга.

Ключевые слова: Цифровая философия, социальная философия, моделирование социальных систем, Союзное государство, клеточные автоматы, синергетика, общество потребления, космизм.

The model of sociodynamics of the civilization cluster of the Union State. The competition of sociotypes of cosmic and molecular human.
Kolesnikov A.V.

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

Abstract: *In order to better understand the mechanisms and prognosis of the sociodynamic processes occurring in the Union State of Russia and Belarus, a cellular-automaton computer model has been developed. The model reproduces the competition of two main sociotypes, designated as cosmic human and molecular human. Cosmic human is defined as a passionate personality, focused on cognition and synthesis of culture. A molecular human is a consumer sociotype. A distinctive feature of the program is the use of so-called temporal numbers, which allow reproducing the emergent properties of social systems. In the model, as factors influencing the behavior of agents, local social interactions, a collective psycho-emotional background, and also a collective will are present in the social system as a general idea or development goal. In the course of computational experiments, it was found that the factor of collective will plays a key role in forecasting the scenario of evolution of a social system. If the factor of collective will is less than a third oriented toward the cosmic person, then a consumer society with a dominant molecular sociotype is developing. The least constructive is the mode of uncertainty, when both sociotypes coexist at the same time and level each other's social activity.*

Keywords: digital philosophy, social philosophy, modeling of social systems, Union State, cellular automata, synergetics, consumer society, cosmism.

Для разработки стратегии построения лучшего будущего Союзного государства России и Беларуси необходимо понять механизмы и выявить основные причины, управляющие динамикой поведения этой сложной и специфичной социальной системы. В качестве основного фактора, определяющего социальную динамику данного цивилизационного кластера, нами рассматривается конкуренция двух базовых социотипов. Они обозначены условно как человек молекулярный и человек космический. Молекулярный человек представляет собой потребителя, чье социальное поведение опирается на власть эгоистичного гена и идеалы потребительского общества. Космический человек - пассионарная личность, движимая творческим императивом познания и синтеза культуры. На наш взгляд, именно

это фундаментальное противоречие формирует социальную динамику цивилизационного кластера Союзного государства. Именно от характера разрешения указанного противоречия будет зависеть сценарий его будущего развития. Основным фундаментальным фактором, определяющим сценарии развития социальных систем, является вовсе не экономика, а идеи, которые руководят поведением составляющих их индивидуумов. Экономика - это уже результат коллективного поведения, регулируемого базовыми идеями, владеющими умами агентов.

По своей идейной структуре общество может быть моногенным или полиморфным. В самом общем виде можно выделить две базовые идеи, определяющие будущее развитие человеческой цивилизации. С одной стороны, человек - продукт биологической эволюции и надстройка над геном, жаждущим реплицироваться. С другой стороны, жаждущий реплицироваться ген создал творческую личность, которая осознала свою самоценность и космическую миссию и готова освободиться от власти эгоистичного гена. Таким образом, в современном человечестве выделяется два основных социотипа - человек молекулярный и человек космический. Молекулярный человек - это надстройка над геном, средство копирования молекул ДНК. Молекулярный человек - это потребитель. Дыхание, питание, размножение в максимально комфортных условиях. Отсюда жажда власти и богатства. В современном своем виде молекулярный человек все больше напоминает последнего человека Ницше. Он уже не жаждет, а просто стремится к устойчивому комфортному существованию. Даже размножение уже не так его беспокоит (он чайлдфри, бесполой, вполне вероятно, что функция размножения будет делегирована техносфере). Предельный пункт эволюции молекулярного человека - homo insectum или человек-насекомое, Обитатель потребительского человекиника, спокойно проживающий свои дни по заведенным правилам, лишенный мук творчества и жажды познания (как, впрочем, и любой другой жажды).

Второй социотип - это человек, ставший человеком, осознавший свой разум, творческую энергию, жажду познания, стремление к красоте уникальным космическим феноменом, проявлением высшей воли Вселенной.

С целью более полного понимания процесса социодинамики цивилизационного кластера Союзного государства нами разработана клеточно-автоматная компьютерная модель конкуренции двух обозначенных выше социотипов в рамках единой социальной системы. Данная компьютерная модель может рассматриваться как упрощенный когнитивный протоконструкт динамики социальной системы. Исследуя его можно переносить демонстрируемые им свойства и особенности поведения на неизвестный исследуемый объект - социум.

Отличительной особенностью и новизной представленной модели является использование темпоральных чисел. Программа не использует случайных чисел. В алгоритме и коде программы не содержится информация о производимых ей результатах и сценариях. Результат работы формируется во взаимодействии программы с погрешностями работы цифрового оборудования электронно-вычислительной машины с числами с плавающей точкой. Некоторые их свойства совпадают со свойствами темпоральных чисел.

Модель построена на континуальных клеточных автоматах. В модели присутствует два взаимосвязанных игровых поля - поле агентов и поле социального действия. На первом игровом поле в шахматном порядке расположены ячейки агентов социальной системы и коллективного темпорального психополя. Правила перехода различны для ячеек агентов и ячеек психополя. Правила перехода для ячеек психополя предусматривают переход к хаосу через серию бифуркаций удвоения периода. Благодаря нелинейности, присутствующей в правилах перехода психополя, ячейки агентов после переходного процесса оказываются погружены в детерминированный хаос, который оказывает влияние на сиюминутные порывы при выборе поведенческих стратегий, что характерно для человеческого поведения, для поведения агентов, обладающих психикой. Кроме хаоса, на поведение агентов оказывают влияние их непосредственные соседи, а также параметр коллективной воли или генеральная идея, выработанная и действующая в данной социальной системе.

Вычислительные эксперименты показывают, что ключевым фактором, определяющим выбор сценария эволюции системы, выступает совокупная воля. Построение общества космического человека требует волевого усилия. Общество молекулярного человека, напротив, возникает в отсутствие или при недостаточном волевом усилии.

Особенность предлагаемой компьютерной модели состоит в том, что в качестве источника

эмерджентной спонтанности, характерной для поведения человекомерных социальных систем, используются неустраняемые погрешности работы цифрового оборудования при вычислениях с плавающей точкой. В обобщённом виде данный математический подход предлагается и позиционируется нами как темпоральное исчисление. Идея темпорального исчисления лежит несколько в стороне от традиционной математической теории чисел. Теория чисел – глубоко разработанная область математики. Однако числовые множества статичны. Данная идея отличается тем, что в основания математики вводится изменчивость и мимолетность. Это не ставит под сомнение и не опровергает все результаты традиционной детерминированной математики. Темпоральность приобретает значение в нелинейных динамических процессах, когда бесконечно малое различие способно принципиально изменить сценарий поведения всей системы.

В ходе компьютерных экспериментов установлено, что ключевое значение для формирования альтернативных сценариев формирования динамики исследуемой социальной системы имеет фактор коллективной воли. Наименее конструктивным оказывается режим неопределенности, когда волевого усилия недостаточно для формирования общества космического человека, но достаточно для поддержания полиморфизма конкурирующих социотипов. В этом случае их противоположно направленные социальные действия нивелируют друг друга, приводя к весьма неэффективному функционированию всего общества в целом. Отсутствие волевых усилий или, напротив, отрицательное волево усилие приводит к стихийному формированию потребительского общества молекулярного человека. Установленный нами в рамках данной модели условный порог волевого усилия, приводящего к формированию пассионарного общества космического человека, равен примерно 0.3333..., если выражать его в долях единицы.

Человек в цифровой цивилизации

Захарова Л.Н.

Тюменский государственный институт культуры, профессор кафедры социально-культурной деятельности, культурологии и социологии. Доктор философских наук

zaharova40@mail.ru

Аннотация: Цифровая цивилизация преобразует жизнедеятельность современного человека в экономической, социальной, духовной сфере. Меняется предмет труда, он превращается в символический, виртуальный. В социальной сфере личность осваивает новые роли в слоях и социальных группах. В сфере духовной на личность оказывает влияние массовая культура, потребляемая, как и другие товары. Роботизация и цифровизация изменяют место человека в системе «человек - машина», развивают способность человека к импровизации, к гибкой методике исследования, сбору большого количества данных, хранению их в памяти и воспроизведению в нужный момент. При цифровизации запрос на эти качества человека возрастает. Информационно-коммуникационные технологии с одной стороны, открывают новые перспективы для развития человека, но, с другой, делают его всё более уязвимым для разного рода воздействий, создают мощные каналы для манипуляции сознанием. Граница личного и публичного пространства всё более размывается.

Ключевые слова: цифровизация, человек, технологии, роботизация, способности, социальные слои, роли, противоречия.

Man in a digital civilization. Zaharova L.N.

Tyumen state Institute of culture - Department of social and cultural activities, cultural studies and sociology

Abstract: Digital civilization changes the life activity of modern man in the economic, social, and spiritual spheres. The subject of work is changing, it turns into a symbolic, virtual in the social sphere, the person learns new roles in social layers and social groups. In the spiritual sphere, the individual is influenced by mass culture, which is consumed like other goods. Robotics and digitalization change the place of a person in the “man-machine” system, develop the ability of a person to improvise, to a flexible method of research, to collect a large amount of data, store them in memory and reproduce them at the right time. With digitalization, the demand for these human qualities increases. Information and communication technologies, on the one hand, open up new prospects for human development, but, on the other, make it more and more vulnerable to various kinds of influences, create powerful channels for manipulating consciousness. The boundary between personal and public space is increasingly blurred.

Key words: digitalization, human, technologies, robotics, abilities, social layers, roles, contradictions.

При переходе к цифровой коммуникации человек испытывает противоречивое влияние нескольких сфер общества - экономической, социальной и других. В каждой из них наблюдается трансформация от традиционных видов деятельности и ценностных ориентаций к новым реалиям. В экономической сфере предмет труда теряет свою материальность, «бытийность», превращается в символический, виртуальный. Приобретает значимость владение и распоряжение информацией, акциями, идеями, банками данных. Всё это предъявляет новые требования к интеллектуальным качествам человека.

В социальной сфере личность осваивает новые роли в слоях и социальных группах, возникающих под влиянием цифровых коммуникаций. В сфере духовной на личность оказывает влияние массовая культура, потребляемая, как и другие товары, новые, цифровые виды искусства. Исчезают границы между искусством и жизнью, всё, что было характерно для артистической сферы, появилось и в повседневной жизни. Стиль жизни, который вела немногочисленная прослойка общества, стал копироваться многими. Информационно-коммуникационные технологии, с одной стороны, открывают новые перспективы для человеческого развития, но, с другой, делают человека всё более уязвимым для разного рода воздействий, создают мощные каналы для манипуляции сознанием.

Роботизация и цифровизация изменила место человека в системе «человек - машина». Английский

психолог А. Браун исследовал способы использования человека в системе «человек-машина». Человек может быть источником силы, энергии, и это тяжелый, изнуряющий труд (treadmill labor), который можно заменить другими источниками – животными, водяными колесами, ветряными мельницами, паровыми машинами и т.д. Человек может быть также источником монотонного, механического действия, усваивая ряд навыков путем многократного их повторения. Его действия напоминают движения зомби (zombie) – призраков из восточно-индийской мифологии. Предельные возможности человека и в данном случае ограничены, а сам он может быть заменён различными механизмами. Третья способность человека – умение приспосабливаться к окружающей среде, присущее всем высшим животным, напоминает труд кули (coolie labor), который также легко заменим. И лишь четвёртая способность человека, заключающаяся в умении обобщать, абстрагировать, распознавать (pattern recognition) – наиболее трудно заменима, поэтому она и представляет наибольшую ценность и уникальность в современной цивилизации [1] .

Исторически вытеснение человека машиной происходит постепенно - сначала он заменяется как двигатель стихийными силами: ветром, паром, водой. С изобретением машины этот процесс продолжается. Но машины и даже их система не могут обойтись без человека, хотя его роль в этой системе зачастую сводится лишь к бездумным автоматическим действиям, необходимым для нормального функционирования машины. Человек вынужден приспосабливаться к машине - жить, в таком же темпе, как и она. Автоматизация создаёт предпосылки к тому, чтобы машина приспосабливалась к человеку, а не он к ней. Человек в автоматизированном производстве уже не может рассматриваться простым придатком машины. Здесь необходимы такие его способности, как вероятностное мышление, умение предсказать события, соотнесение логических операций с реальностью. Органы человека способны воспринимать слабые световые и звуковые сигналы, их взаимосвязь, что необходимо в современном производстве, - так же, как и способность человека к импровизации, к гибкой методике исследования, сбору большого количества данных, хранению их в памяти и воспроизведению в нужный момент. При цифровизации запрос на эти качества человека возрастает.

В период индустриального общества не человек, а машины были дефицитны и дороги. Человек не обладал такой ценностью, потому что у рядового работника возможности преодолеть сложности в переработке информации были ограничены. Присущая человеку высокая координация зрения и руки – как раз то, что покупалось за заработную плату, пока более совершенные машины не стали делать это дешевле и быстрее. В современном производстве ситуация иная. Человек должен управлять процессами, что требует от него гибкости ума, чтобы справляться с чрезвычайно большим разнообразием как стандартных, так и незапрограммированных задач. Главным экономическим мотивом для привлечения человека к современной работе является способность работать с информацией, а не его моторные способности сами по себе. Приобретает наивысшую ценность способность человека к предвидению, отбору данных и суждению в сложных ситуациях, правильному выбору действия. Человек выходит на первый план в системе «человек-машина». Способ связи элементов в этой системе становится субъектным, что наиболее благоприятно для развития творческих способностей человека. Производство и общество в целом всё больше зависят от способностей человека, которые незаменимы машинами, роботами, автоматами.

Но, как отмечают в настоящее время ведущие отечественные учёные, информационно-коммуникационные технологии, с одной стороны, открывают новые перспективы для человеческого развития, с другой, делают человека всё более уязвимым для разного рода воздействий, создают мощные каналы для манипуляции сознанием. Граница личного и публичного пространства всё более размывается. В так называемом «цифровом обществе», в сторону которого постепенно движется наша цивилизация, колоссально возрастают возможности для внешнего управления человеческим поведением. Современный «техночеловек» не более, а менее автономен, чем европейский человек, живший сто лет тому назад [2]. Действительно современный digital человек становится максимально зависим от современных технических средств по сравнению с другими периодами развития системы человек-машина. Несвобода, зависимость человека от внешних факторов возрастает, несмотря на возможности развития его физически и интеллектуально.

Изменения в системе «человек - машина» повлияли на социальную сферу. Одной из основных социальных групп в современных обществах становится группа, занятая в информационной и культурной сферах. Некоторые учёные называют эту группу «третьим классом». Если «вторая волна» (Торфлер) - индустриальная - породила пролетариат, то «третья волна» - когнитариат (cognition - по-

знание, знание) - группу, для которой характерно использование в трудовой деятельности разума, знаний, а не мускульной силы. «Когнитариат» реально владеет, пользуется, распоряжается информацией, знанием.

В развитом современном обществе существует своеобразная интеллектуальная стратификация. Когда неграмотность была обычным делом, то люди, не умеющие читать и писать, были «периферией» общества. В информационном, компьютерно-цифровом обществе её образуют люди компьютерно-неграмотные. Возникает феномен «цифровой элиты». Формируются группы и общности, связанные с новым разделением труда.

Появился ещё один термин для людей интеллектуального труда - «креативный класс». В период перехода к цифровому обществу высоко ценится такое качество человека, как способность к творчеству, созданию нового. Считается, что понятие о творческой способности или «креативности» было впервые введено в 1927 году Альфредом Нортум Уайтхедом для обозначения сферы «свободного действия». Но широко этот термин стал употребляться в конце XX века, когда поиски новой модели человека, адекватной современным экономическим, культурным, социальным требованиям, стали необходимостью. Изменения в технологической, социальной, культурной сферах современных обществ, а также проблема взаимодействия с ними человека актуализирует необходимость изучения новых форм мышления и деятельности. Производство и общество в целом всё больше зависят от этих способностей человека, которые незаменимы машинами, роботами, автоматами.

Процессы, происходящие в «цифровом обществе», оказывают противоречивое влияние на человека. С одной стороны, есть возможности развивать креативность, творческие возможности человека, с другой - происходит деперсонализация человека, связанная с необходимостью программирования по типу робота, выполнения однотипных интеллектуальных действий. Эту противоречивость необходимо учитывать в целенаправленном воздействии на человека.

Литература:

1. Brown, A. Artefacts, Automation and Human Abilities. – In.: Operational Research and Social Sciences. L., 1966. - P. 241.
2. Человеческая субъективность в свете современных вызовов когнитивной науки и информационно-когнитивных технологий. Материалы «круглого стола». // Вопросы философии. 2016. № 10. С.5-20.

Создание картины социально-политической реальности в интернете: Власть versus альтернативные иллюстраторы

Гаджиев Х.А.

Кафедра политологии и политического управления Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, старший преподаватель. Кандидат политических наук

gadzhiev_hanlar@mail.ru

Аннотация. Информационная эпоха не просто привнесла другую значимость информации и новых коммуникационных технологий для современных обществ, но также изменила многие законы и ориентиры жизни социума. Не стала исключением и социально-политическая сфера, в которой в частности особое значение имеет интерпретация и понимание происходящих событий. И особое положение в данном процессе приобретает интернет. С учетом этого предпринята попытка обозначить сложившиеся тенденции и проблемы формирования информационной картины социально-политической реальности в интернет-пространстве. Показано, с какими новыми требованиями информационной эпохи сталкиваются власть и общество; какие в этих условиях возникают новые вызовы и риски; как воспринимает социально-политическую реальность граждане и как пользуются источниками информации; как в этом контексте перестраивается система отношений «власть-общество».

Ключевые слова: информационная эпоха, интернет, власть, общество, социально-политическая реальность.

Creating the Image of Socio-Political Reality In the Internet: Authority versus the Alternative Illustrators. Gadzhiev Kh.A.

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia).
Department of Political Science and Political Management of School of Public Policy*

Abstract. The information area has not just brought the new significance of information and new communication technologies for modern societies, but also has changed many rules and many orienting points in the life of society. The socio-political area, in which interpretation and understanding of occurring events is of special significance, has not become an exception. And the internet is getting a special position in this process. Taking this into account an attempt to point the tendencies and problems of creating the informational image of socio-political reality in the internet space was made. It is shown what new demands of the information area do authority and society come across with; what new challenges and risks appear under these circumstances; how residents perceive the socio-political reality and how they use informational resources; how does the system “authority and society” changes in this context.

Keywords: information area, the internet, power, society, socio-political reality.

В информационную эпоху, наряду практически со всеми нишами общественной жизни, в целом изменилась информационная среда системы отношений «власть-общество». Наиболее ярко все это проявляется в интернет-пространстве. Во-первых, здесь информация не просто избыточна, но и сложно «фильтруема». Это создает существенные проблемы и для власти, и для самого общества. В частности, не существует универсальных способов оперативной проверки гражданами информации на предмет достоверности. В результате появляется такая проблема, как «фейковые» новости, которые представляют собой реальную угрозу для общества и государства, для социально-политической стабильности.

На это наслаивается дефицит времени у людей на изучение всех возможных источников и зачастую даже бессмысленность такого подхода. В этой ситуации интернет-пользователи либо постоянно пользуются определенными ресурсами в качестве основных источников информации, либо просматривают более оперативно представленные интерпретации социально-политической ситуации. В обоих вариантах так или иначе возникает своего рода «борьба», конкуренция за внимание интернет-пользователей между государственными и провластными источниками информации, с одной стороны, и альтернативными им источниками – с другой. Причем в роли вторых необязательно и далеко не всегда

выступает оппозиция. Такого рода источники могут принадлежать и внешним силам, преследующим деструктивные цели, либо просто политически активным гражданам (прежде всего в социальных сетях).

Вообще отдельно особо подчеркнуть, что в интернет-пространстве именно внимание становится наиболее ценным ресурсом, а не сама информация. Здесь внимание, в отличие от информации, имеет ограниченный характер и рассматривается как нечто дефицитное [1]. Аргумент сторонников такого подхода примерно такой: информацией обмениваются только для того, чтобы завоевать внимание [2]. Такая позиция выглядит довольно убедительно, особенно если ее проецировать, например, на источники формирования картины социально-политической реальности (и властные, и альтернативные). Прежде чем продуцировать и распространять информацию им требуется привлечь внимание потенциальных «потребителей» этой информации. Правда, есть один немаловажный нюанс и даже сложность: привлечение внимания к такого рода информации, да и в целом любой другой, не всегда будет приводить к возникновению у реципиентов подлинного интереса к ней и уж тем более доверия.

Одной из важнейших черт информационной эпохи является в целом изменение условий для функционирования системы государственной власти. Способность и возможность первыми представлять свою версию социально-политической реальности и процессов – теперь одна из ключевых целей, стоящая перед властью в современных государствах, в которых развиты и распространены информационно-коммуникационные технологии. Государственные структуры могут получить преимущество именно при таком подходе. Метод неосвещения информации, особенно по решению социально значимых вопросов, уже не является выгодным даже для власти. Во-первых, негативные последствия от подобного замалчивания зачастую сопоставимы с затратами на устранение этих последствий [3], а во-вторых, с высокой вероятностью такая информация в любом случае будет представлена, но уже альтернативными источниками. Соответственно в этом случае появляется риск целенаправленного искажения социально-политической реальности и процессов другими акторами социально-политического пространства. Поэтому властным структурам в современных условиях зачастую выгоднее повышать свою оперативность в формировании информационной картины и уровень собственной открытости.

Вместе с тем изменилась необходимость не только в более оперативных действиях власти при формировании информационной картины, но также и более оперативное принятие решений и осуществление необходимых шагов по преодолению возникающих проблем. Стремительное распространение информации посредством интернета (прежде всего социальных сетей) все более популярных мобильных устройств значительно сокращает время на принятие решений. А при острых и резонансных событиях реакция власти вообще должна быть молниеносной: требуются объяснения официальных лиц, оценка ситуации и принятие необходимых мер.

Другое важное изменение в информационной среде, связанное с развитием информационно-коммуникационных технологий и в частности интернета, – это формат коммуникаций. Если в традиционных средствах массовой информации используется односторонний поток информации от власти к обществу, при котором необязательны механизмы обратной связи и официальные лица занимают особое положение, был и с некоторыми оговорками остается вполне приемлемым и привычным, то в интернете все обстоит иначе. Здесь властные структуры не просто вынуждены создавать в рамках интернет-коммуникаций механизмы обратной связи и быть более доступными для граждан, но также очень часто подстраивать формат преподнесения информации под специфику интернета. Наиболее яркие примеры – создание официальных сайтов публичных институтов власти, в которых нередко есть специальные инструменты обратной связи, постоянно обновляемая информация, отчеты о результатах деятельности и иные материалы. Другим примером может служить активное использование социальных сетей политиками: создаются официальные страницы, на которых регулярно публикуется информация об их активности, различные заявления и т.д. Это все объясняется стремлением соответствовать сложившемуся формату интернета. Однако с учетом того, что такой подход в абсолютном большинстве случаев не позволяет представителям власти отойти от «официальности» и рассматривается ими лишь как очередной формальный инструмент (хоть и более совершенный по сравнению с традиционными средствами) публичной сферы, а не как эффективный механизм обратной связи, то он не приносит ожидаемых результатов.

С учетом сказанного закономерно могут возникнуть несколько вопросов. Может ли власть в полной мере соответствовать формату интернет-пространства и полноценно использовать существующие в нем механизмы обратной связи? Может ли она подавать информацию для общества в том же

формате, в котором это зачастую делается на альтернативных источниках? Может ли власть выступать в качестве равного обычным пользователям интернета звена коммуникаций?

Очевидно, что все это сложно реализуемо и, пожалуй, только на первый вопрос можно дать положительный ответ, и то с некоторыми оговорками. Неофициальный формат информации на альтернативных источниках, которым зачастую присущ сенсационный окрас, сравнительно большая креативность и привлекательность, редко позволителен и приемлем для официального государственного уровня. Как минимум, это связано с тем, что официальные субъекты власти несут больше рисков, всегда находятся под пристальным социальным взглядом и должны представлять интересы всего общества, а значит – должны быть относительно более «нейтральны» в оценках и интерпретациях социально-политической реальности. В свою очередь, альтернативные источники, зачастую критикуя информационную картину официальной власти, могут, например, ограничиться транслированием интересов лишь части общества (чаще всего той, чьи интересы в большей степени ущемлены), могут пытаться опираться даже лишь на некоторые социальные группы; могут быть более резкими в своих оценках и высказываниях и т.д.

Наконец, не менее серьезно трансформирует информационную среду тот момент, что постепенно меняется общественное отношение к информации. В новых условиях люди менее критичны к качеству получаемой информации; часто даже не пытаются самостоятельно дать ответы на возникающие вопросы, а механически ищут их в виртуальном пространстве (там уже есть готовые ответы практически на любые вопросы). В итоге мышление людей становится значительно менее критичным. А в условиях дефицита времени и внимания это порождает небывалые риски по возможному манипулированию общественным мнением. Многое начинает зависеть от «сетевых» лидеров общественного мнения; от того, каким источникам удалось раньше сформировать информационную картину социально-политической реальности; от способности власти подстроиться под форматы виртуального мира и т.д.

Литература:

1. Williams J. Stand Out of Our Light: Freedom and Resistance in the Attention Economy. Cambridge: Cambridge University Press, 2018, 134 p.
2. Goldhaber M. H. The Attention Economy and the Net // First Monday. 1997. 2(4). URL: <https://journals.uic.edu/ojs/index.php/fm/article/view/519/440>
3. Доклад Об итогах внедрения системы «Открытое правительство» и перспективах до 2024 года. URL: <https://report.open.gov.ru/> (дата обращения: 22.02.2020).

Условия возможности сильного искусственного интеллекта

Шашков И.И.

Тверской промышленно-экономический колледж, преподаватель. Кандидат технических наук

shashkovi0@gmail.com

Максимова Н.Б.

Тверской промышленно-экономический колледж, преподаватель

nadejdamaximova@gmail.com

Аннотация: Рассматриваются условия возможности искусственного интеллекта (ИИ), обладающего осознанием себя как мыслящей личности. Такой гипотетический ИИ называется сильным (в отличие от слабого ИИ, таким осознанием себя не обладающего). В своей полноте сильный ИИ парадоксально единит в себе самообращенность (рефлексию) и интенциональность – направленность на объекты внешнего мира. Сравнение интегральной теории сознания с теорией сознания Н. Блока показало, что феноменальное сознание и сознание-доступ (понятия Н. Блока) являются аспектами целостного, сознающего себя сознания. Показано, что условиями возможности сильного ИИ являются: 1) наличие в техническом устройстве ИИ структурных физических элементов с собственным временем развития, направленного к достижению «края», на котором осуществляется абсолютная полнота; 2) достаточно большое число («критическая масса») таких взаимосвязанных физических элементов, обладающих квантово-релятивистскими свойствами.

Ключевые слова: Сильный искусственный интеллект, абсолютная полнота, квантово-релятивистская теория сознания.

The conditions for the possibility of strong artificial intelligence. Shashkov Igor I.; Maximova Nadezhda B.

Tver Industrial and Economic College

Abstract: The conditions of the possibility of artificial intelligence (AI), with self-awareness as a thinking person, are examined. Such a hypothetical AI is called strong (in contrast to a weak AI, which does not possess such self-awareness). In its entirety, a strong AI paradoxically combines self-reversal (reflection) and intentionality – focus on objects of the external world. Comparison of the integral theory of consciousness with the theory of consciousness of N. Blok showed that phenomenal consciousness and consciousness-access (concepts of N. Blok) are aspects of a holistic self-awareness consciousness. It is shown that the conditions for the possibility of a strong AI are: 1) the presence in the technical device of the AI of structural physical elements with their own development time, aimed at reaching the “edge” on which absolute fullness is realized; 2) a sufficiently large number (“critical mass”) of such interconnected physical elements with quantum relativistic properties.

Keywords: Strong artificial intelligence, absolute fullness, quantum-relativistic theory of consciousness.

1. В статье рассматриваются условия возможности искусственного интеллекта (ИИ), обладающего мышлением и осознанием себя как мыслящей личности. Такой гипотетический ИИ, называемый *сильным*, в отличие от *слабого* ИИ, должен обладать сознанием, по своей сути равносильным человеческому. Сознание при таком его понимании определяется/выражается через самого себя (С-С); это выражение само требует выражения сознанием (С-С-С) и т.д. При этом отличие сильного ИИ от человеческого сознания состоит в том, что ИИ представляет собой техническое устройство, которое строится на основе искусственного физического тела.

2. Тема возможности сильного ИИ рассматривается в рамках *Интегралки* – интегральной научно-философской системы, в основании которой лежит концепт *абсолютной полноты* [1].

К другим понятиям и принципам Интегралки, необходимым для понимания настоящей работы, относятся: 1) *принцип 2-3*, 2) *краевая логическая противоречивость (КЛП)*, 3) *коммуникативный резонанс (КР)*, 4) *интегральное выведение* [1].

В своих построениях мы учитывали, в первую очередь, результаты работ по квантовому моделированию сознания (см., например, В.И. Моисеев [2, с. 163-178]), по квантово-синергетической антропологии (В.Г. Буданов [3]); в нашей работе [4] квантовый подход синтезируется с релятивистским.

3. При определении сознания, бесконечно обращенного на самого себя (С-С-С-...) мы приходим, в пределе, к *краевой логической противоречивости* (КЛП), имеющей форму логического круга (ср. с представлениями В.И. Моисеева о предельных L-противоречиях [5]). Такой логический круг (кольцо коммуникативного резонанса) при полноте интегрального подхода оказывается не только допустимым, но и представляет собой устойчивую абсолютную реальность, лежащую в основании явленного нам мира.

4. Поскольку полнота является не только всеохватывающим максимумом, но и минимальным структурным элементом системы [1, с. 25-32], при ее достижении сознание мыслителя приходит к пределу, «дальше» которого работа в непротиворечивой логике невозможна – дедуктивное объяснение заканчивается краевой логической противоречивостью. Соответственно, относительно любой проблемы, отвечающей её предельному развитию, можно утверждать, что достижение при ее рассмотрении КЛП означает невозможность дальнейшего продвижения в ее решении.

Единственная возможность вести логически непротиворечивый разговор об этой проблеме заключается во взятии этой проблемы как элементарной Единицы-полноты, лежащей в основании нашего теоретизирования.

5. Сознание в своей полноте структурируется на основе *принципа 2-3*, согласно которому две модели, логически не сводимые одна к другой, парадоксальным образом единятся в эмерджентной третьей модели [6]:

1) в своей обращенности на самого себя, сознание понимается как осуществляющееся в своей полноте *самосознание*; это *сознание от первого лица*, в терминах теории сознания Н.Блока – *феноменальное сознание* [7, р. 380];

2) в своей открытости вовне себя, оно понимается как *интенциональное сознание* (осуществляется как *луч открытости*); это *сознание от третьего лица*, в терминах Блока – *сознание-доступ* [7, р. 382];

3) единение самосознания и интенционального сознания понимается как целостное сознание.

6. В теории Блока феноменальное сознание и сознание-доступ разделены, функционируют независимо друг от друга.

В Интегралике, в соответствии с принципом 2-3, самосознание (феноменальное сознание) и интенциональное сознание (сознание-доступ) как разделены, так и парадоксальным образом единятся в эмерджентном целостном сознании. **Без такого единения целостное, осознающее себя сознание (человеческое или равносильное человеческому) невозможно.**

Относительно сильного ИИ это означает, что в его структуре сильная, феноменологическая «часть» должна дополняться слабой, алгоритмической «частью» (с которой можно сопоставить сознание-доступ). Это отвечает тому, что полнота по определению необходимо включает в себя путь к себе самой, «маркируется» этим путем.

7. Таким образом, феноменальное сознание невозможно в отрыве от процесса его достижения во времени развития личности (от самоосуществления сознания-доступа), что отвечает одному из фундаментальных критериев адекватности моделей/теорий сознания, а именно – *критерию обладания сознанием собственным временем* [1, с. 129].

Относительно ИИ это означает следующее:

Для того чтобы ИИ обладал сознанием, равносильным человеческому, у него должна быть собственная история достижения полноты.

8. Частные случаи самоосуществления полноты (и отвечающей ей свободы), происходящие случайно на множестве взаимосвязанных структур ИИ, при превышении их количеством некоторой «критической массы» консолидируются и дают новое эмерджентное качество – качество *осознания*.

Такой процесс перехода от количества к новому качеству происходит в результате

трансформационного квантового скачка при перекрытии квантовых «зон неопределенности» отдельных квантовых структур, когда они, оставаясь разделенными одна от другой, парадоксальным образом представляют собой единую целостную нераздельную структуру.

При этом полнота, осуществляющаяся на отдельных структурах, переносится на новый, более высокий уровень – на единящую их целостную нераздельную структуру.

9. Общая структура более высокого уровня при этом «видит» одновременно (параллельно) множество структур более низкого уровня; благодаря этому происходит *скачок* от последовательности (луч открытости, последовательное *время*) к параллельности (которой отвечает замкнутость кольца КР, *пространство*). С каждой из нижних структур верхняя структура единится в кольце коммуникативного резонанса.

Эмерджентная сумма этих «видений» осуществляется как картинка на «экране сознания». Полнота единения в этой картинке целостной, единичной структуры более высокого уровня и множества структур более низкого уровня есть условие возможности осознающего себя сознания. Для объяснения такой полноты единения, происходящей при стягивании структур высокого и нижнего уровней на единый уровень, квантовой модели недостаточно – необходимо обращение к квантово-релятивистской модели [4].

То, что модель сознания, осознающего самого себя, должна быть квантово-релятивистской, означает, что соответствующие процессы на физическом уровне должны быть одновременно и квантовыми, и релятивистскими.

10. Таким образом, структура сознания в его полноте, в соответствии с принципом 2-3, следующая:

1) Релятивистский полюс – на нем осуществляется процесс перехода, единение уровней полноты и частичности, единение единичного и множественного за счет релятивистского сжатия времени перехода от полноты к частичности. На уровне полноты время замедлено (как у «космического корабля» при приближении его скорости к скорости света). Это *полюс времени*.

2) Квантовый полюс – на нем осуществляется свобода, недетерминированность самоосуществления полноты, случайность. Это *полюс пространства*.

3) Квантово-релятивистский полюс, единящий квантовый и релятивистский полюса – на нем осуществляется целостное, осознающее себя сознание. Это *полюс пространства-времени*.

11. Подытоживая, перечислим условия возможности сильного ИИ на физическом уровне: 1) обладание им структурными физическими элементами собственным временем развития, направленного к достижению абсолютной полноты; 2) достаточно большое число («критическая масса») таких самообращенных структурных элементов, взаимосвязанных на квантовом уровне и обладающих квантово-релятивистскими свойствами.

Литература:

1. Интегралика: от представления о полноте к интегрально-квантовой картине мира / Под общ. ред. И.И. Шашкова. – Тверь: Изд-во «Триада», 2017. – 328 с. URL: <http://integralics.com/books/4.html>.
2. Моисеев В.И. R-физика: проект физики неорганической и органической природы («большой физики») на основе релятивистской теории количества. В 2-х тт. Т.2: Основания. Гуманитарные приложения. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 464 с.
3. Буданов В.Г. Как возможна квантово-синергетическая антропология (синтетические миры телесности) // Телесность как эпистемологический феномен / отв. ред. И.А. Бескова. М.: ИФ РАН, 2009. С.55-70.
4. Шашков И.И., Максимова Н.Б. От представления об абсолютной полноте к квантово-релятивистской теории сознания // CredoNew, №1 (101), 2020. С. 150-172. URL: <http://credo-new.ru/archives/2052>.
5. Моисеев В.И. Лекции по неовсединству: лекция 14. Логика L-противоречий. http://neoallunity.ru/1/index.php?option=com_content&view=article&id=39&Itemid=33.
6. Войцехович В.Э., Шашков И.И. Социальный протокол как интегрально-квантовый феномен // Credo New, № 3(87), 2016. С.72–90. URL: <http://credo-new.ru/archives/861>.
7. Block N. On a Confusion about a Function of Consciousness // The Nature of Consciousness / Ed. by N. Block, O. Flanagan, G.Guzeldere. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1997.

Темпоральность цифрового транзита: Человек в условиях перманентной социотехнологической революции

Шестакова И. Г.

Санкт-Петербургский горный университет, доцент кафедры философии. Кандидат философских наук

irina_shestakova@inbox.ru

Временные рамки становления и развития цифровой цивилизации позволяют констатировать качественный скачок скорости развития, - на глазах одного поколения время технологической стабильности сменяется эпохой сверхбыстрых социотехнологических трансформаций, - человечество единомоментно попадает в новую темпоральную реальность. В статье эксплицируются некоторые, наиболее яркие проявления темпоральности цифровых продуктов в глобальных социоэкономических трансформациях, а именно появление и беспрецедентное развитие цифровых мобильных устройств и последовавшая за этим проблема этики искусственного интеллекта. Впечатляющая скорость развития цифровых мобильных устройств и острая реакция в обществе заставляют предположить, что мы являемся свидетелями революционизирующего процесса, сопровождающегося глубокими трансформациями социума, а возможно, и человеческой личности. Делается вывод, что новая реальность перманентной социотехнологической революции в темпоральном смысле означает эпоху непрерывного транзита, где фундаментальной проблемой становится то, что сужение горизонтов научного предвидения не позволяет сделать прогноз не только на среднесрочную перспективу, но даже на горизонт ближайшего будущего.

Ключевые слова: инфокоммуникационные технологии, цифровая цивилизация, темпоральность, социальное время, качественный скачок скорости развития, трансформации, перманентная социотехнологическая революция.

Temporality of Digital Transit: Man In the Conditions of Permanent Sociotechnological Revolution. **Shestakova I. G.**

St. Petersburg Mining University

The time frame for the formation and development of digital civilization allows us to speak about a qualitative leap in the speed of development, as a result of which humanity passes into a new temporal reality. The article explicates some of the most striking manifestations of the temporality of digital products in global socioeconomic transformations, namely the emergence and unprecedented development of digital mobile devices and the problems of artificial intelligence ethics that accompany them. It is assumed that we are witnessing a revolutionary process, which may be accompanied by deep transformations of society, as well as the human person. It is concluded that the new reality is a permanent sociotechnological revolution, the fundamental problem is becoming more and more obvious, which does not allow us to make a forecast not only for the medium term, but even for the near future.

Keywords: infocommunication technologies, digital civilization, temporality, social time, a qualitative leap of the speed of development, transformation, permanent sociotechnological revolution.

Приход цифровой цивилизации со стремительно ворвавшимися в бытие, невиданными и порой немислимыми новшествами привносит в жизненное пространство человека новую проблематику, а именно радикальное увеличение скорости социотехнологических трансформаций. Важнейшие поворотные события в технологической истории человечества были разделены интервалами десятка тысяч лет, постепенно сжимаясь до масштабов столетия, но внезапно прорывы в развитии технологий инфокоммуникаций во второй половине XX в. приводят к беспрецедентному моменту в истории человечества, - они стали случаться настолько часто, что можно констатировать качественный скачок скорости развития (СССР) [[1, с. 47-50], свидетельствующий о скачкообразном переходе в новую темпоральную эпоху.

Если в доцифровую эпоху радикальные изменения технологической среды и вызванные ими трансформации в жизни общества были растянуты по крайней мере на несколько поколений, предо-

ставляя возможность эволюционной адаптации, то при переходе в эпоху пост-СССР темп технической модернизации вырос таким образом, что радикальные социотехнологические изменения стали за время одной человеческой жизни случаться многократно.

Сама по себе тема ускорения научно-технического прогресса направляла многие исследования уже в XX столетии. Различные подходы к темпоральности общественных изменений обозначаются в научных трудах [2-5]. Так, современный исследователь Б. Гизен обращает внимание на асинхронизацию темпоральности, встречающуюся вследствие различных темпоритмов социальных систем [6]. По мнению П. Бергера и Т. Лукмана с «темпоральной структурой повседневной жизни» мы сталкиваемся как с «фактичностью», поэтому должны с ней считаться и постараться, чтобы наши проекты совпадали с ней по времени [7, с. 52].

Мыслители, рефлексировав по поводу радикальных изменений, произошедших в обществе, неоднократно приписывали этим изменениям категории «скачка», «революции», «смены парадигмы». Приход невиданных изменений ощущается в высказываниях «текущая современность» (З. Бауман) [8] или «ускользающий мир» (Гидденс) [9], «третья волна» (Э. Тоффлер) [10] и «общество непредвиденных последствий» (С. Лэш) [11].

Совершившийся на глазах ныне живущего поколения переход от времени технологической стабильности к эпохе сверхбыстрых изменений технологической инфраструктуры, совпавший с транзитом в цифровую эру, обозначенный как качественный скачок скорости социотехнологического развития означает, что человечество вступило в эпоху, когда революционные технологические прорывы и как следствие коренные трансформации социальной и экономической инфраструктуры стали происходить многократно в течение одной человеческой жизни, что повлекло за собой необходимость пересмотра важнейших аспектов человеческого существования. Обозначим лишь некоторые наиболее яркие выражения темпоральности глобальных трансформаций в социально-антропологическом измерении.

Пример особой темпоральности цифровых продуктов являют собой мобильные устройства, преобразившие мир в невероятно короткий срок. Хотя функциональные возможности уже первых смартфонов представлялись поразительными, их дальнейшее развитие происходило и продолжает происходить с такой скоростью, что то, что еще вчера поражало и, казалось, пришло из будущего, сегодня уже архаика. Другое проявление этой темпоральности — скорость, с которой цифровые мобильные устройства стали доступны, необходимы, во всем применимы и превратились в неотъемлемый атрибут, часть образа жизни и даже облика современного человека по всему миру независимо от гендерных, расовых, возрастных, религиозных и социальных различий [12, с. 43]

Еще один феномен этой темпоральности — небывалая краткость исторического периода, который понадобился, чтобы эти устройства стали существеннейшим образом влиять на важнейшие стороны социальной и индивидуальной жизни. Разумеется, самое очевидное здесь — это тотальное коммунитаризирование и доступ к информации и, как следствие последнего, прорывной рост количества и качества доступного on-line контента. Но к этому добавляется экономика («здесь и сейчас» финансовые операции, услуги, продажи и т. п.), образование, на наших глазах перетекающее в on-line, и как следствие доступ к любому, даже самому элитарному образованию, политика (горизонтальные связи, неподконтрольность информации, «цветные» революции, общение мировых лидеров с народом через соцсети, информационные войны и многое другое), наличие профессиональных инструментов, культура (например невероятная популярность определенных музыкальных направлений и конкретных исполнителей, возможность читать, слушать, смотреть).

Впечатляющая скорость развития цифровых мобильных устройств, от казавшихся только что невероятными мобильных телефонов до современных смартфонов, ставших в одночасье неотъемлемым элементом жизни человека и человечества, задает тренд на всё большее слияние человека со всё более мощными интеллектуальными машинами. Мобильность и соразмерность с человеческим мозгом и органами чувств делает эти устройства как бы продолжением человека, с одной стороны многократно усиливающим его специфически человеческие качества и способности, а с другой — освобождающим человеческий мозг от его привычных функций с не вполне предсказуемыми последствиями. Скорость, с которой это происходит, и острая реакция в обществе заставляют предположить, что мы являемся свидетелями очередного революционизирующего процесса, результатом которого может стать симбиоз человека и интеллектуальной машины, сопровождающийся глубокими трансформациями социума, а возможно, и человеческой личности.

В этой связи требуется обозначить еще один важный аспект темпоральности цифровых технологий, а именно - развивающийся искусственный интеллект, который приковывает внимание мыслящей элиты всего мира [см., например, 13]. Отметим, что дискуссия по поводу места человека в мире интеллектуальных машин в середине прошлого века была вызвана известной книгой Винера и затем почти затухла, но вдруг приобрела сверхактуальность и от интеллектуальных фантазий перешла в плоскость категорической необходимости ответа на вопрос, как общество должно реагировать на неожиданно возникший темп развития интеллектуальных машин.

Как следствие, современный мир впервые вплотную столкнулся с вопросом этики искусственного интеллекта. Попытка регулировать киберпространство, а также взаимодействие машины, наделенной интеллектом, и человека затрудняется темпоральностью цифрового мира. Учитывая тот факт, что современная машина обладает колоссальной скоростью принятия решения и масштабностью обчисляемых параметров, возникает вопрос о необходимости следовать предложенным ей решениям в экстренных ситуациях. Внезапное возникновение и вхождение интеллектуальных машин в человеческое бытие не позволяют социуму принять окончательное решение о возможности доверия машине.

Макиавелли в известном трактате «Государь» заметил, что «всякая перемена прокладывает путь другим переменам» [14, с. 4], сегодня мы констатируем - «скорость порождает скорость». Однако темпоральность цифрового мира подразумевает не просто последовательную цепочку перемен, происходящих в ускоренном режиме. Темп эпохи пост-КССР характеризуется многократными, в антропном измерении происходящими практически единомоментно, при этом, накладываемыми друг на друга прорывами в технологии, порождающими критические трансформации всего социоэкономического поля. В отличие от переломных моментов предыдущих эпох, когда мы из одной стабильной ситуации переходили в другую, новая реальность перманентной социотехнологической революции в темпоральном смысле означает эпоху непрерывного транзита. Сужение горизонтов научного предвидения приводит к тому, что в каждый момент времени мы не знаем куда мы идем, и что ожидает нас в среднесрочном и даже в ближайшем будущем.

Литература:

1. Шестакова И. Г. Качественный скачок скорости развития: Новая ментальность // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2017. № 8. С. 47-50.
2. Lynn F. Our Accelerating Technological Change // Management Review. 1967. March. Pp. 67-70.
3. Капица С. П. Об ускорении исторического времени. Новая и новейшая история. 2004. № 6. С. 3-16.
4. Валлерстайн И. Исторический капитализм. Капиталистическая цивилизация. — М., 2008.
5. Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем. — М.: Высшая школа экономики, 2016.
6. Giesen B. Noncontemporaneity, Asynchronicity and Divided Memories // Time & Society. 2004. Vol. 13. No. 1. Pp. 27-40.
7. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: «Медиум», 1995.
8. Бауман З. Б. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
9. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004.
10. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2004.
11. Lash S. Critique of Information. London, Thousand Oaks: Sage Publications, 2002.
12. Шестакова, И. Г. Человек в эпоху смартфона // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. 2015. № 6 (28). Т. 3. С. 43-48.
13. Bostrom N., Yudkowsky E. Forthcoming. The Ethics of Artificial Intelligence. New York: Cambridge University Press, 2011.
14. Макиавелли Н. Государь. М.: Планета, 1990.

От сложности математической к сложности эпистемологической

Дудаков С.М.

Тверской государственный университет, зав. каф. информатики. Доктор физ.-мат. наук

sergeydudakov@yandex.ru

Войцехович В.Э.

Тверской государственный университет, проф. каф. философии и теории культуры. Доктор философских наук

synerman@gmail.com

Аннотация: раскрываются современные трактовки сложности и новые результаты, основанные на концепции IFP-сложности, которая представляется естественной мерой сложности объектов реального мира и искусства. Вводится понятие эпистемологической сложности как познавательное отношение «субъект-объект», которое возникает, развивается и как бы «снимается» в процессе успешной эволюции субъекта.

Ключевые слова: алгоритм, бесконечность, сложность, простота, фрактал, субъект, развитие.

On Complexity: from Mathematical to Epistemic One.

Dudakov S.M.; Voitsekhovich V.E.

Tver state university - CS Dept.; Philosophy and Culture Dept.

Abstract: modern interpretations of the algorithm complexity and new results based on the concept of IFP complexity, which is represented as an effective measure of the complexity of real-world objects and art, are revealed. The concept of epistemological complexity is introduced as a cognitive relation “subject-object”, which arises, develops, and as it were “removed” in the process of successful evolution of a subject.

Keywords: algorithm, infinity, complexity, simplicity, fractal, subject, development.

Центральной проблемой современной науки стала сложность. Доказательства математических теорем могут занимать 500-1000 страниц, понять их способны лишь несколько специалистов. Передний край физики, теория фундаментальных частиц, космология — это десятки гипотез, изложенных труднейшим математическим языком. Проверить их эмпирически почти невозможно. Большой адронный коллайдер — это сотни миллиардов долларов, сложнейшие эксперименты и сотни лучших умов Земли, занятых поисками новых частиц и полей. Понять всё это человеку без специальной подготовки, пусть даже и с высшим образованием, невозможно. Сходная картина наблюдается в искусстве, религии и культуре вообще. Человечество потеряло ясность, простоту и цельность видения во многих областях.

Итак, разрешение проблемы сложности является актуальным вызовом, стоящим перед современной цивилизацией. Решить её — преодолеть кризис, выйти на следующую ветвь спирали познания и развития Homo sapiens [1].

Современные понятия сложности. Первое строгое определение принадлежит А.Н.Колмогорову: сложность объекта — это наименьший размер алгоритма, порождающего этот объект. Определение оказалось весьма удачным и стало активно применяться не только в математике и информатике, но и в гуманитарных областях, культуре вообще. Например, именно в терминах сложности Колмогоров определил меру «поэтичности» текста.

Другая концепция сложности восходит к работам М.Блюма: вычислительная сложность — это количество шагов некоторого итеративного процесса, которые нужно выполнить, чтобы этот объект получить или распознать.

Итеративные процессы, многократно повторяемые действия являются одним из основных способов порождения и абстрактных, и реальных объектов. Большая часть природы сформирована именно так: эволюционные процессы являются многократной итерацией, подчиняющейся на каждом шаге одним и тем же законам. Иногда результат можно получить за конечное число шагов, иногда — нет. **Примером последнего являются фракталы.** Их построение — пример итеративного процесса, резуль-

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект 18-511-00028).

тат которого проявляется только после (актуально) бесконечного числа шагов.

Математическое описание итеративных процессов даётся различными методами. Скажем, любое точное определение алгоритма — это описание итеративного процесса, выдающего результат за конечное число шагов. Но современные концепции программирования уделяют все большее внимание не императивным, а **декларативным** конструкциям, описанию **не действий, а принципов**. Для этого широко применяются логические языки. К сожалению, наиболее хорошо изученный язык логики предикатов недостаточно богат для таких целей, поэтому нужны его расширения.

Одним из них является оператор IFR — инфляционной неподвижной точки (С.Шелах, Ю.Гуревич). В терминах IFR-логики сложность объекта определяется как **номер шага, на котором этот объект будет окончательно построен** [2]. При этом можно выполнять любое **трансфинитное** число шагов. Так как процесс построения можно искусственно сократить или удлинить на произвольное конечное число шагов [3], то для инвариантности ведённой **IFR-сложности** следует ограничиться только **предельными ординалами** (ординал — тип вполне упорядоченного множества, обобщение натурального числа). Введённая мера сложности будет принимать значения предельных ординалов.

Возникает вопрос, можно ли применять столь абстрактные бесконечные объекты для описания сложности объектов реального мира и культуры?

Да. У ряда мыслителей прошлого можно найти подтверждение того, что применение концепции бесконечности позволяет преодолеть проблему сложности.

Одним из первых на бесконечность обратил внимание Зенон Элейский в своих апориях. Например, для современного учёного апория «Ахиллес и черепаха» решается переходом от потенциальной бесконечности к актуальной. Если мы рассматриваем отдельные стадии процесса, то их неограниченно много, и у нас возникает якобы противоречие: ни за какое конечное число этапов черепаху догнать нельзя. Но если рассмотреть всю бесконечность шагов как единое целое, соответствующее ординалу ω , весь процесс оказывает простым и завершённым.

Сам творец понятия «ординал» Г.Кантор, в споре с противниками актуальной бесконечности указывал на труды Августина. Так, в «О граде Божьем», гл.18, сказано, что Бог способен обозревать бесконечность объектов целиком. То, что простым смертным кажется сложным, неограниченным, для Бога — просто один актуально бесконечный объект. Другая ссылка — «О степенях могущества Господа Бога», опубликованная в трудах Академии наук Ватикана в 20-е годы 19в., где вводятся уровни могущества, подобные трансфинитным числам.

Аналогичные идеи в 15в. вводил Н.Кузанский. Они затем развивались в математике (Ж.Дезарг, Г.Кантор), а в 20в. и в диалектике. В.И.Свидерский и А.С.Кармин показали, что бесконечность является понятием «промежуточным» между абсолютным и относительным [4].

Концепция IFR-сложности представляется **естественной мерой сложности объектов реального мира и искусства**. Например, фракталы, которые в природе встречаются на каждом шагу, в простейшем случае требуют для полного построения ω шагов. Так, скажем, из треугольников строится «снежинка Коха». Но после её построения снова можно предпринять какие-то действия, чтобы получить ещё более сложные объекты, например, фракталы, исходными для которых являются не геометрические примитивы, а другие фракталы. Этот процесс можно итерировать. Подобное часто происходит в искусстве.

Эпистемологическое понятие о сложности. Понятие сложности «зрело» и в других областях — в искусстве, религии, философии. В истории познания оно понималось как «хаос, в котором невозможно разобраться», как «трудные задачи, неразрешимые в рамках старых представлений» и даже как «пропасти, в которых гибнут гении».

На наш взгляд процесс развития любой цивилизации всегда приводит к «стене сложности», то есть нарастающему количеству противоречий, антиномий, аномалий, которые множатся и приводят к высокой энтропийности системы знаний: информации всё больше, а открытий всё меньше. Только скачок качества разрешает противоречие и пробивает стену сложности.

Так, в Древней Греции уравнения писали обыденным языком («к кубу со стороны, равной сумме отрезков, добавить три ...»). Даже понять такой текст сложно, а решать задачи — ещё труднее. Один из величайших умов заката античности, Диофант это осознавал и пытался исправить ситуацию. Но только с введением Ф.Виетом в 16в. универсальной символики, уравнения стали интегративными, обозримыми. Алгебра начала быстро развиваться. Новый язык пробил стену сложности.

Ещё пример — теория инвариантов: к концу 19в. она была в основном завершена, П.Гордан получил основную теорему, доказательство заняло около 100 страниц. Но вскоре молодой Д.Гильберт опубликовал доказательство на двух страницах. Гордан отверг его, назвав «теологией, а не математикой». Но математическое сообщество признало результат Гильберта и пошло по его пути. Старое сложное знание было обобщено до нового — «высшего простого».

Таким образом, эпистемологически сложность — познавательное отношение «субъект-объект», которое периодически возникает, развивается и как бы «исчезает» (происходит «снятие» по Г.Гегелю) в процессе успешной эволюции субъекта, на следующем уровне совершенства [5].

Выводы. Математическое понятие сложности возникло в теории алгоритмов, стало одним из базисных понятий информатики, использует актуальную бесконечность и характеризует как целостность объекта, так и его динамику, эволюцию и развитие. В этом оно сблизилось с эпистемологическим понятием сложности, которое раскрывает степень эволюционного совершенства объекта. Математика как наука о «всех возможных формах» (С.Маклейн) обретает эволюционно-синергетический характер постнеклассической науки.

Литература:

- [1] Буданов В.Г., Аршинов В.И., Лепский В.Е., Свирский Я.И. Сложность и проблема единства знания. Вып. 1. К стратегиям познания сложности. М.: ИФ РАН. 2018. 105с.
- [2] Дудаков С.М. О границах трансфинитного построения инфляционной неподвижной точки // Вестник ТвГУ. Серия: Прикладная математика. Тверь: 2018, №3, С.72-80.
- [3] Dudakov S.M. On inflationary fix-point operators safety. // Lobachevskii J. Math., 36(4), (2015), P.328-331.
- [4] Свидерский В.И., Кармин А.С. Конечное и бесконечное. М.: «Наука». 1966. 320с.
- [5] Войцехович В.Э. Проблема сложности в постнеклассической науке // Теория и практика общественного развития. 2012. №4 Философские науки. С. 17-19.

Юго-западная Сибирь как важнейший центр диалога культур

Апёнышева Л.Г.

*Алтайский государственный аграрный университет, доцент кафедры гуманитарных дисциплин.
Кандидат философских наук*

apen-000@mail.ru

Аннотация. В докладе анализируются традиции межкультурного диалога в регионе Юго-Западной Сибири и особенно на Алтае. Здесь сходятся границы четырех крупнейших государств Азии: России, Китая, Казахстана и Монголии. Показывается, что исторические традиции мирного сосуществования и сотрудничества местных народов получают новый импульс к развитию. Культурный диалог разворачивается на уровне региональных органов власти, научных и общественных организаций, рядовых граждан. Это можно рассматривать как один из важных факторов стабильности межэтнических отношений в Алтайском крае и в Республике Алтай.

Ключевые слова: Юго-Западная Сибирь, Алтай, диалог культур, региональные органы власти, научные организации, народная дипломатия

The Southwestern Siberia as an important Centre of Dialogue of Cultures.

Apyonysheva L.G.

Altai State Agricultural University, Department of Humanitarian Sciences.

Abstract. The report analyzes the traditions of intercultural dialogue in the region of South-Western Siberia and especially in the Altai. Here the borders of the four largest Asian States converge: Russia, China, Kazakhstan and Mongolia. It is shown that the historical traditions of peaceful coexistence and cooperation of local peoples receive a new impetus to development. Cultural dialogue takes place at the level of regional authorities, scientific and public organizations, and ordinary citizens. This can be considered as one of the important factors of stability of interethnic relations in the Altai territory and in the Altai Republic

Keywords: South-Western Siberia, Altai, dialogue of cultures, regional authorities, scientific organizations, people's diplomacy.

Современная мировая ситуация все больше напоминает времена холодной войны, когда диалог различных культур испытывал колоссальное давление со стороны враждующих идеологических и политических систем, заставлял забывать историю или, наоборот, принуждал обращаться к тенденциозным ее интерпретациям, разобщающим народы. Нынешняя ситуация даже критичнее, ибо в условиях глобализированного медиaprостранства доступными для миллионов людей становятся откровенно лживые или идеологически предвзятые взгляды и мнения, манипулирующие массовым сознанием. Научные аргументы и рациональная критика культурных и исторических мифологем оказываются бессильными перед нескончаемым потоком бездоказательных и агрессивных мнений. Недаром все активнее, в том числе и в гуманитарных науках, начинает использоваться словосочетание «эпоха постправды». Не удивительно, что вчера еще братские народы оказываются по разные стороны политических баррикад, а культуры, веками мирно взаимодействовавшие между собой, встают на путь жесткой идейной конфронтации. Нынешние взаимоотношения между Россией и Украиной – наглядное тому подтверждение.

В этих условиях особую значимость и культурную ценность приобретают те регионы Земли, где в течение многих столетий разные народы находились в состоянии перманентного культурного диалога и обмена ценностями, где силы мира перевешивали силы вражды и ксенофобии и где, что особенно важно, исторические традиции мирного сотрудничества и взаимопонимания продолжают в настоящем. Одним из таких регионов является Юго-Западная Сибирь, куда в первую очередь относятся Алтайский край, Республика Алтай, Тыва и Хакассия. Здесь сегодня сходятся границы четырех крупнейших государств Азии: России, Казахстана, Монголии и Китая. Этот регион веками представлял собой место встречи этносов Сибири и Центральной Азии, земледельческих и кочевых культур, леса

и степи, славянских, монгольских и тюркских народов. Здесь соприкоснулись и установили мирные приграничные отношения две непохожих друг на друга великих империи – российская и китайская. На юге Западной Сибири, и особенно зримо опять-таки в Алтайском регионе, впервые непосредственно соприкоснулись все мировые религии – буддизм, ислам и христианство. Отношения между ними далеко не всегда были мирными, однако вокруг Алтайских гор, в конце концов, смогли мирно ужиться и достаточно органично вращаться друг в друга православно-христианский, буддийский и мусульманский миры. Их представляют русское, монгольское и казахстанское население. Здесь также до сих пор существует шаманизм, носителями которого выступают алтайцы и тувинцы.

К сожалению, в самое последнее время резко обострились этноконфессиональные взаимоотношения между мусульманами уйгурами и китайцами-ханьцами в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, граничащем с Республикой Алтай. Остается надеяться, что народы Синьцзяна вернуться к традициям тех времен, когда через территории Джунгарии и Кашгарии проходили мирные караванные пути, связывающие Запад с Востоком (Великий шелковый путь) и Север с Югом Евразии (Великий чайный путь). Важно отметить, что издревле, со скифского времени, существовало несколько торгово-паломнических путей, связывающих юг Сибири и северную Индию. Один шел на северо-восток через Тибет в Монголию и потом отклонялся к северу, к Алтаю и Саянам. Второй уходил от Гималаев строго на север и через хребет Каракорум и пустынный Синьцзян приводил к Алтаю. Индийские бронзовые зеркала и рубашка из шелка дикого индийского шелкопряда были обнаружены в скифских могилах на Алтае 7-4 в до н.э., а соболиные сибирские меха украшали одежды гималайских раджей. Когда первый европеец-англичанин попал в Тибет, то с удивлением обнаружил, что высшие чины тибетского буддийского духовенства прекрасно осведомлены о том, что происходит за тысячи километров к северу на российско-китайской границе [1, с.190].

Древний торгово-паломнический путь, связывавший две великие горные системы Алтая и Гималаев, Сибирь и Индию, как выясняется, действовал вплоть до середины прошлого века и был прерван лишь после оккупации Тибета Китаем. Междисциплинарные совместные российско-индийские исследования, проведенные алтайскими и гималайскими учеными в 2010-2016 годах, показали наличие зримых параллелей между культурами алтайских и гималайских народов, в том числе и за счет прямых культурных контактов, несмотря на значительные расстояния, отделяющие эти горные регионы друг от друга. Возобновление сибирско-индийского культурного диалога на новом уровне – важная задача, которая стоит между учеными двух стран [2,3].

Возвращаясь к современному опыту межкультурного диалога в регионе Юго-Западной Сибири, и особенно на Алтае, полезно выделить несколько базовых условий, способствующих его продуктивному осуществлению.

Во-первых, в активный межкультурный международный диалог оказалась вовлеченной региональная государственная власть, сумевшая вовремя откликнуться на инициативы, идущие снизу. Так, в 2002 году на Алтае был создан Международный координационный Совет «Наш общий дом Алтай», объединяющий представителей местных государственных органов, ученых и общественных организаций шести субъектов регионального алтайского сотрудничества – Алтайского края и Республики Алтай (Россия), Синьцзян-Уйгурского автономного района (Китай), Восточно-Казахстанской области (Казахстан), Ховдского и Баян-Ульгийского аймаков (Монголия). Под патронажем Международного Координационного Совета в настоящее время реализуется несколько культурных и научных проектов, в частности, ежегодная Международная летняя школа молодых ученых «Большого Алтая». Раз в два года проходят спортивные игры на открытом воздухе, где присутствуют национальные виды спорта народов Алтайского региона. Каждый раз игры принимает новая приграничная Алтайская территория. Стороны международного сотрудничества также регулярно обмениваются художественными выставками, гастролями творческих коллективов и т.д.

Во-вторых, главным инициатором многоуровневого культурного и научного сотрудничества на Алтае выступила вузовская общественность. Сегодня налажены довольно устойчивые научные и педагогические контакты между университетами Алтайского края, Республики Алтай, Восточного Казахстана и Западной Монголии. Действует совет ректоров «Большого Алтая». На базе Алтайского государственного технического университета издается международный электронный журнал «Наука, культура и образование Большого Алтая». Принципиально важно, что в основание регионального сотрудничества на Алтае по инициативе именно ученых были положены два фундаментальных принципа: необходимости совместного сохранения уникальной природы Алтая и уникальных

культурных традиций проживающих здесь народов [4]. Именно учеными на одной из международных конференций была сформулирована одна из важных этических максим межкультурного взаимодействия: «Народы умирают поодиночке, а выживают и встают на путь процветания только сообща».

В-третьих, деятельность государственных, научных и общественных субъектов межкультурного диалога в Алтайском регионе создали благоприятные условия для развития трансграничного туризма, налаживания контактов между молодежью и школьниками России, Казахстана и Монголии (к сожалению, в гораздо меньшей степени Китая), способствовали укреплению межличностных дружеских связей между простыми гражданами региона. Сегодня в результате долгой работы всех субъектов алтайского международного сотрудничества осуществляется безвизовое перемещение граждан по иностранным паспортам между монгольским, русским и казахстанским Алтаем.

Таким образом, можно говорить о складывании многоуровневого культурного диалога в регионе Юго-Западной Сибири, который разворачивается на трех уровнях: а) государственных органов; б) научно-образовательных, культурных и общественных организаций; в) простых граждан, т.е. на уровне народной дипломатии.

Как показывают современные социологические замеры, именно в Алтайском крае и в Республике Алтай степень этнической напряженности и конфликтности на этнокультурной почве являются наименьшими в Сибири [5]. Есть все основания предположить, что немаловажным фактором подобной стабильности как раз и являются уходящие вглубь истории и продолжающиеся сегодня традиции регионального межкультурного диалога.

Список литературы

1. Постников А.В. Первое путешествие просвещенного европейца в Тибет (1763-1769 годы) // 80 лет Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха: Материалы Междунар. научно-обществ. конф. 2008. М.: Междунар. Центр Рерихов; Мастер-Банк, 2009. 592 с.
2. Алтай-Гималаи: два устья Евразии. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2012. 325 с.
3. Алтай и Гималаи как уникальные культурно-биосферные территории Евразии. – Барнаул: РИО Алтайского ГАУ, 2017. – 336 с.
4. Ротанова И.Н., Иванов А.В., Журавлева С.М., Ефремов Г.А. Большой Алтай: биосферно-культурная уникальность как потенциал межгосударственного сотрудничества // Развитие территорий. 2016. № 1(4). С. 93. - 106.
5. Попков Ю.В. Этносоциальные проблемы в Сибири: актуальные вопросы теории и практики // Электронный журнал: Новые исследования Тувы. 2016. №2. Режим электронного доступа: <http://www.tuva.asia>

Крестьянский «мир» в Сибири: инструмент свободы или закрепощения русского крестьянина?

Артамонова Т.А.

*Алтайский государственный аграрный университет, доцент кафедры гуманитарных дисциплин.
Кандидат философских наук*

art-katun@mail.ru

Аннотация. Крестьянский «мир», который исторически представлял собой крестьянскую общину или сельское сообщество, сегодня все чаще воспринимается как самобытная социальная и духовно-нравственная константа жизни русского народа. Как же она соотносится с такой нравственной категорией как свобода? Был ли крестьянский «мир» институтом самодержавного закрепощения или важнейшей формой коллективисткой самоорганизации крестьянства, адекватной природно-климатическим и историческим условиям России? По мнению ряда исследователей, община явилась оптимальной формой организации хозяйственного и социального уклада жизни русского крестьянства, опирающейся на приоритет коллективистских ценностей. Историко-ретроспективный и социально-философский анализ дает основание считать общину устойчивой формой российского социального уклада, которая в начале XX века приобрела новые формы выражения в рамках кооперативного и артельного движения.

Ключевые слова: община, Сибирь, крестьянство, крестьянский «мир», ценности коллективизма, кооперация.

Peasant's "World" in Siberia: a Tool of Freedom or Enslavement of the Russian Peasant? *Artamonova T.A.*

Altai State Agricultural University, Department of Humanitarian Sciences

Abstract. The peasant's "world", which historically represented a peasant community or a rural community, is now increasingly perceived as an original social and spiritual-moral constant in the life of the Russian people. How does it relate to such a moral category as freedom? Was the peasant "world" an institution of autocratic enslavement or the most important form of collectivist self-organization of the peasantry, adequate to the climatic and historical conditions of Russia? According to some researchers, the community was the best form of organizing the economic and social way of life of the Russian peasantry. She relied on the priority of collectivist values. Historical and socio-philosophical analysis gives reason to consider the community as a stable form of Russian social structure. The community in the early twentieth century acquired new forms of manifestation in the framework of the cooperative and artel movement.

Keywords: community, Siberia, peasantry, peasant's "peace", values of collectivism, cooperation.

Крестьянский «мир», олицетворяющий крестьянскую общину или сельское сообщество, в оценках ведущих исследователей предстает в диаметрально противоположных значениях. Так, один из российских ученых, крупнейший современный исследователь общины Л.Б. Алаев считает, что в XVI-XVIII вв. сельская община была «инкорпорирована в феодальную общественную систему» и была инструментом крепостнического гнета, используемого помещиками и царской властью [1, с. 114]. Эта точка зрения подтверждается фактами совпадения размеров сельской общины с границами частных феодальных владений, установления норм права самими владельцами и закрепление их через сельский сход, укрепление круговой поруки. Другая точка зрения была сформулирована еще славянофилами. В 1842 г. в статье «О сельских условиях» А.С. Хомяков рассматривает особенности русской крестьянской общины, которая, по его мнению, возникает естественным образом и является продуктом самодеятельности самих крестьян. Философ считал сельскую общину единственным гражданским учреждением, которое сохранилось в России из ее достойного прошлого [2, с. 128]. Как

известно, высокую оценку русской общине дал К. Маркс в письме к В. Засулич. Он считал, что она имеет свою специфику, а главное, историческую перспективу. Современные исследователи, продолжившие традицию славянофилов в этом вопросе, рассматривают общину как «демократический союз местного самоуправления». «Крепостное право пришло в Россию сравнительно поздно, когда у крестьян уже сложились черты национального характера, выражаемого прежде всего самостоятельностью и инициативой в рамках традиций и обычаев самоуправляющейся общины» [3, с.152].

Чтобы ответить на вопрос о роли общины в крестьянском самоуправлении и степени ее зависимости от помещичьей власти, необходимо обратиться к истории. Рассматривая процесс формирования поземельной общины в Центральной России, многие исследователи сходятся в том, что, начиная с XV-XVI вв., она возникает в волостях. В процессе дробления волостных земель на вотчины и поместья волостная община распадается на более мелкие. Новые владельцы земли не только сохраняют сложившийся уклад крестьянского «мира», действующего ранее как институт самоуправления волости, но и расширяют его организационные и хозяйственные полномочия. Таким образом, процесс формирования крестьянской общины в российском обществе шел сложным путем: и как движение «снизу», сохранявшее традиционную крестьянскую форму коллективной самоорганизации жизни, и как инициатива «сверху», при которой община выполняла, прежде всего, функцию единого фискального и административного органа. Владелец крепостных крестьян и назначенный им управляющий были высшим звеном системы вотчинного общинного управления, а базовое звено составляли представители крестьянского самоуправления: староста, выборные, десятские и сотские [3, с.45-46]. Формирование многоуровневой административной системы при общинном землепользовании являлось признаком усиления процесса закрепощения крестьян в России того периода. Дальнейшее формирование феодально-крепостнической системы, а также нехватка плодородных земель при растущем населении страны в центральных областях России привело к тому, что крестьянство, вслед за торговыми людьми и промысловиками стало осваивать Сибирь. И уже к концу XVII в. крестьянское население в Западной Сибири, особенно в Тобольском, Тюменском, Верхотурском, Туринском уездах по численности равнялось служилому населению и в 4 раза превосходило население посадов [4, с.5].

Западная Сибирь XVI – XVII вв. заселялась разными категориями крестьян. Прежде всего это были «государственные переселенцы», т.е. те крестьяне, которые по «указу» или «прибору» царя направлялись в Сибирь для распашки государственных земель и снабжения хлебом служилых и посадских людей. Вторую группу составляли ссыльные, которые также использовались для обработки государственной пашни. В третью группу входили крестьяне, приехавшие в Сибирь по собственной инициативе и составившие основу сибирского крестьянства [4, с.21].

Первоначально крестьянам, отрабатывающим повинность на государевой десятинной пашне, предоставлялась временная льгота, ссуда и подмога в виде денежной или натуральной безвозвратной помощи. Но эта поддержка не могла обеспечить нормального развертывания хозяйства, поэтому со временем была отменена. В течение всего XVII в. происходит увеличение крестьянских повинностей и рост феодально-крепостнического гнета в сибирской деревне. Какова же роль общины в этот период в защите интересов крестьян? Один из крупнейших советских специалистов по истории крестьянства в Сибири В.И. Шунков приходит к выводу, что община очень редко выступала в качестве защитника интересов крестьянства, вступая в конфликт с приказчиком или центральной властью [4, с.207]. Попытки крестьян хотя бы частично освободиться от тягла встречают самый решительный отпор именно со стороны «мира»; также «мир» ограничивает и право выхода крестьян из сословия, например, в беломестные казаки, а ведь наличие такой возможности привело в Сибирь многих крестьян.

К аналогичной оценке роли крестьянского «мира» приходит и Л.Б. Алаев. Он рассматривает общину как инструмент эксплуатации крестьянина, только теперь со стороны общества и под руководством государства. Крестьянский «мир» должен был обеспечивать сбор государственных податей, следить за качеством обработки земли, наказывать нерадивых хозяев. Решением Сената от 10 сентября 1891 г. сельским обществам было дано «право вмешательства в хозяйственную обработку и способы культуры, производимые отдельными домохозяевами на их наделных участках мирской полевой земли» [1, с.124]. Как известно, даже после отмены крепостного права крестьяне не получили долгожданной свободы. По мнению Л.Б. Алаева, правительство боялось дать крестьянину свободу и пыталось сохранить его как сословие, используя для этого сложившийся аппарат общинного управления крестьянской жизнью [1].

В традициях самого крестьянства было иное отношение к «миру». Принцип «жить с миром со-

Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ и АНО ЭИСИ (проект № 20-011-31304) «Сибирь для всей России: основания и механизмы духовно-экологической цивилизационной трансформации».

вестно» воспринимался как прямая обязанность каждого члена крестьянского сообщества. Известно, что община спасала русского крестьянина как от голода, так и от нравственного упадка: разорившийся вследствие кутежа или пьянства общинник не мог продать или заложить свой участок земли. Земля переходила по наследству детям. Сельские общины брали на содержание сирот, одиноких вдов и стариков. На общие средства строились хлебные склады, больницы, школы, дороги. Общинники выступали против открытия в селах питейных заведений, накладывали запрет на употребление спиртного [5]. Когда крестьянин говорил: «мир собирался», «мир порешил», «мир выбрал», он придавал миру значение высшей духовно-нравственной инстанции.

Важно отметить, что в ходе аграрных реформ в России в конце XIX века община из самоорганизующейся общности превратилась в административно-фискальное звено государственной машины. Царское правительство, как и помещики, стремились «уложить» общину в «прокрустово ложе» и сделать из нее контролируемый инструмент социального управления. Все это привело к состоянию нравственной отчужденности и расслоению крестьян, а также к деградации принципов общинного самоуправления. Развал общинных устоев, а следовательно, и традиционных крестьянских ценностей, начался после реформы 1861 года. Во-первых, усилился процесс бюрократизации общинного мироустройства: в общине увеличивалось число должностных лиц; процесс делопроизводства стал более затяжным; принятие решений всё чаще носило формальный характер. Во-вторых, исполнение полицейской и финансовой функций крестьянского «мира» стало опираться не столько на общинный обычай, сколько на письменные инструкции. «Сельская община превращалась в *сословную корпорацию крестьянства*, санкционированную государством и помещиками», что помогало ей отстаивать свои права [6, с.433-434]. В итоге отдельный крестьянин попадал под такую сильную власть и опеку общины, что не мог самостоятельно принять какое-либо важное решение. В-третьих, этому способствовала и позиция правительства в связи с принятием закона 1881 г. об обязательном выкупе крестьянами земли. Чтобы предотвратить самовольный выход крестьян из общины, заставить их выкупать землю, необходимо было усилить власть общины и круговую поруку.

Почему же в сознании русского человека крестьянский «мир» и сегодня воспринимается как духовная ценность, как символ самобытного и свободного самоуправления народной жизнью? Ответ, очевидно, заключается в том, что община, несмотря на все свое несовершенство и деградацию в пореформенное время, опиралась на коллективистские ценности. Эти ценности и сегодня являются базовыми для многих евразийских народов, что подтверждается рядом современных исследований [7]. Община охраняла физическое и духовное существование русского крестьянина, была его социальным телом и душой. Видимо поэтому в ходе столыпинских реформ крестьяне, вышедшие из общин в центральных губерниях и получившие право свободного самоопределения, в Сибири вновь создавали сельскую общину, желая все вопросы землепользования решать «миром» [8]. И действительно, особую роль традиции общинного мироустройства сыграли при освоении русским крестьянством Сибири. Именно Сибирь позволяет более глубоко осмыслить дилемму русской общины: инструмент закрепощения – необходимая и естественная форма социальной организации в природно-климатических условиях России. Ведь в самые урожайные годы русский крестьянин получал урожай в 4 раза меньше, чем в Западной Европе, а в среднем по России выход растительной биомассы с 1 га почти в пять раз ниже, чем в США [9, с. 572]. Необходимость совместного ведения сельского хозяйства в условиях рискованного земледелия привело к тому, что коллективные формы труда так глубоко укоренились в народной жизни россиян.

Общинный тип жизни формировал сплоченность, социальную и нравственную ответственность, любовь к труду и родной земле, а именно эти качества позволяли русским переселенцам выжить и адаптироваться в суровых природно-климатических условиях Сибири и заложить основы сельского хозяйства. Как отмечал В.И. Шунков, «в то время как служилая бюрократия, промышленные и торговые люди занимались выкачиванием из Сибири пушнины, подрезая часто самые основы промыслового хозяйства местного населения, крестьянство несло сюда свои производственные навыки и развивало здесь земледелие» [4, с. 226]. Поиск оптимальной организации хозяйственного и социального уклада жизни русского крестьянства, а в нравственном плане – соотношения свободы и ответственности, привел к возрождению и продолжительному существованию общины в Сибири, а также к всплеску кооперативного и артельного движения в начале XX в. Артельный и кооперативный труд позволяли сочетать лучшие стороны общинного уклада и склонность работников к самостоятельности и предприимчивости. Чисто русской особенностью этих форм труда было сохранение круговой

поруки, как в общине. Каждый из работников ручался солидарно за всех остальных и воспринимал, в частности, артель не только как деловое объединение, в отличие от европейских артельщиков, но и как общественную организацию, опирающуюся на ценности коллективизма [3, с. 58].

Литература:

1. Алаев Л.Б. *Сельская община: «Роман, вставленный в историю». Критический анализ теории общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе. М. ЛЕНАНД, 2016. 480 с.*

2. Хомяков А.С., Киреевский И.В. Избранные сочинения / Сост., автор вступ. ст. и комм. Н.И. Цимбаев. М., 2010.
3. Платонов О.А. Русский труд. М.: Современник, 1991. 335 с.
4. Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. Москва-Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1946. 228с.
5. Затева В.Г. Нравственные ценности крестьянской общины на Алтае (конец XIX – нач. XX вв.) // История и культура народов Саяно-Алтая: в прошлом, настоящем и будущем: тезисы Межд. науч. конф., Горно-Алтайск, 21-22 сентября 1998 г. Горно-Алтайск: РИО «Универ-Принт», 1998. С.36-38.
6. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). 3-е изд., испр., доп. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. 549 с.
7. Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / Под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск: Нонпарель, 2010. 449 с.
8. Якимова И.А. Эволюция форм административной податной общины и систем распределения платежей и повинностей (по материалам Алтайского горного округа второй половины XIX в.) // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв. Выпуск 2. Барнаул, 2008.С. 174-185.
9. Национальная идея России: в 6 т. Т.1. М.: Научный эксперт, 2012. 752 с.

Сюжет алтайских петроглифических композиций как сакральный текст в культуре древнего населения Сибири

Белокурова С.М.

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, доцент кафедры «Русский язык как иностранный». Кандидат философских наук

belle.sonet312@mail.ru

Аннотация: Работа посвящена исследованию петроглифических композиций, получивших широкое распространение на территории Сибири и Алтая, в частности, с позиции культурософии. Исследуется возможность интерпретации отдельных произведений наскального искусства в качестве сакрального текста, причем текст понимается предельно широко, как понятие, включающее ритуал, обряд, магическое действие и т.д. Для анализа используется широко известный петроглифический комплекс Калбак-Таш, расположенный на территории Республики Алтай. Аналитическая работа над центральной частью композиции позволяет выявить семантическую связь между сюжетом композиции и ритуалом жертвоприношения, определить представления человека о структуре мироздания, а также своего рода ценностные установки. Полученные выводы подтверждают основную мысль автора и могут быть положены в основу более глубокого исследования данной проблемы.

Ключевые слова: петроглифы, древнее искусство Алтая, сакральный текст, проблема интерпретации наскального искусства, ритуал, семантика петроглифической композиции.

The Plot of the Rock Paintings in Altai as Sacred Text in the Culture of Ancient Peoples of Siberia.

Belokurova S.M.

Polzunov Altai State Technical University, Department "Russian as a foreign language"

Abstract: The paper is devoted to the study of petroglyphic compositions that are widely spread in Siberia and Altai, in particular, from the standpoint of cultural philosophy. The possibility of interpreting some compositions of rock art as a sacred text is being studied, and the text is understood extremely broadly as a concept that includes ritual, magical action, etc. For analysis, the well-known petroglyphic complex Kalbak-Tash, located on the territory of the Altai Republic, is used. Analytical work on the central part of the composition allows us to identify the semantic connection between the plot of the composition and the sacrifice ritual, to determine the person's ideas about the structure of the universe, as well as a kind of value attitude. The findings confirm the main idea of the author and can be the basis for a deeper study of this problem.

Keywords: petroglyphs, the ancient art of Altai, sacred text, the problem of interpretation of rock art, ritual, semantics of the petroglyphic composition.

Одним из интереснейших феноменов древней культуры на территории Сибири и Алтая, в частности, является пласт наскальных рисунков – петроглифов. Они являются предметом изучения истории, археологии, искусствоведения и культурологии [1; 2; 3; 4]. Однако мы можем рассматривать петроглифическую композицию как образное отражение неких абстрактных категорий, несущих ценностные ориентиры и структурные представления об окружающем мире. Кроме того, важной составляющей является и сакральный характер петроглифов, что подтверждается рядом исследований [5]. Интересна мысль Т.Ю. Сериковой, касающаяся рассмотрения петроглифов с точки зрения философии всеединства В.С. Соловьева. В этой парадигме петроглифическая композиция – это некий природно-культурный комплекс [6, с.195]. Продолжая эту мысль, можем предложить дополнительную, культурософскую трактовку петроглифических композиций: представим их не просто как комплекс, но как сакральный текст. В пользу этого говорит, в частности, сама природа текста, которая совпадает со структурой петроглифических композиций. Это подтверждается и исследованиями С.И. Вайнштейн и Р.С. Липец, исследуя зооморфные образы в скифском искусстве и тюрко-монгольском эпосе, полагают,

что несомненные параллели в изобразительном искусстве «скифского мира» и словесном искусстве тюрко-монгольских народов объясняются включением в эпос этих народов при его формировании древнейшего пласта, выступающего и в изобразительных памятниках скифо-сибирского искусства [7, с.68]. Анализ петроглифических комплексов через образную и сюжетную структуры героических эпосов был предпринят А.П. Окладниковым при исследовании многофигурных композиций петроглифов Ангары и Прибайкалья [там же, с. 69]. Интересна в этой связи гипотеза М.П. Грязнова о том, что героический эпос зарождается уже в эпоху бронзы, а наскальные рисунки содержат несколько каноничных сцен-моментов, иллюстрирующих некий архаический эпос [8, с.85].

С другой стороны, мы можем рассматривать петроглифы как некий особый вид философствования, если под этим термином понимать форму поиска утверждения истинных оснований и ценностных категорий. А если принять во внимание тот факт, что отдельные петроглифические композиции представляют собой сакральный сюжет и сакральную мифологию, то становятся актуальными слова Е.Н.Трубецкого, который убедительно показал, что икону можно рассматривать как особого рода умозрение – умозрение в красках [9, с.225]. Расширяя данное определение, можно сказать, что любой сакральный образ есть умозрение. Конечно, есть принципиальное отличие данного «философствования» от философствования подлинного: для философии символ является средством изложения идеи, в петроглифах символ является и формой и содержанием композиции. Продолжая мысль Платона, можно сказать, что в наскальных рисунках явлено некое знание, абстракция, выраженная символически, но лишенное рациональной интерпретации [10, с.75].

Близость и различие этих двух форм философствования отмечал П.А.Флоренский. Он писал: «Разница – лишь в том, что философ отвлеченнее, нежели народ. Там, где магическое мировоззрение ссылается на прямые факты и переживания, философ хочет доказывать логически». [11, с. 165]. Родство петроглифов (сакральных композиций) и текстов, таким образом, подтверждается дополнительно.

Древнейшие сакральные тексты возникли на ранней стадии первобытной культуры в виде заклинаний и мифов, несколько позднее рождаются молитвы, гимны, песнопения богам и некоторые другие виды текстов [12, с.15]. В сакральных текстах чаще всего сообщается о сверхъестественных существах и силах, хотя данный признак не может быть определяющим. Кроме того, важным является наличие у них магической силы. Эта магическая сила сакральных текстов выражается, в частности, в том, что текст (произнесенный, написанный или продуцируемый в невербальной форме) может выступать в роли амулета, отгоняя злые вредоносные силы и привлекая добрые, а, кроме того, продуцирование или восприятие текста влияет на душу и тело человека (коммуникатора и коммуниканта) и может даже изменять мир. Еще один очень важный и существенный признак сакрального текста (тесно связанный с предыдущим и в некотором смысле объясняющий его) – это сверхъестественное происхождение сакральных текстов. Говоря о происхождении сакральных текстов, необходимо учитывать два момента: во-первых, их реальное возникновение (с позиции соответствующей конфессии или учения), а во-вторых, их явленность людям [там же, с.36]. На первом месте в предложенном списке первобытные верования, характерные для традиционных культур. Сюда относятся мифы, заклинания, гимны и т.п.

Одним из основательнейших трудов в области исследования сакральных текстов является антология М. Элиаде «Священные тексты народов мира». Ценность этой работы не только в объеме собранных текстов и их фрагментов, но и проведенной классификации сакральных текстов по темам: «Боги, богини и сверхъестественные существа», «Отношение к смерти», «Человек и сакральное» и т.д. М. Элиаде также связывает сакральный текст с религиозными системами, однако рассматривает его шире. Так, например, исследователь включает в число сакральных текстов и шаманские обряды, например, ритуал жертвоприношения коня у алтайцев [13, с.207]. Этот подход позволяет максимально расширить понятие сакрального текста и предпринять теоретическую попытку включить такой пласт древней культуры, как петроглифы, получившие широкое распространение на всей территории Сибири.

Подытожим вышесказанное: сакральный текст – это повествование, выраженное вербально или невербально, связанное с трансляцией образа некой высшей божественной реальности и обладающее функцией изменения существующей реальности. Рассмотрим, насколько целесообразно трактовать с этих позиций петроглифические композиции Алтая. В качестве примера обратимся к широко известному и достаточно хорошо исследованному комплексу Калбак-Таш [1].

Основная композиция четко делится на три яруса. В верхнем ярусе мы видим изображение фантастического зверя, монстра, напоминающего кошачьего хищника, вертикально спускающегося вниз.

Размеры изображения, его необычный облик и расположение в композиции позволяют предполагать, что таким образом древний художник видел верховное божество. Средний ярус представляет собой ряд из изображений, танцующих или шествующих людей в грибовидных головных уборах. Центральная фигура отличается от остальных: она больше по размеру, и грудная клетка не заштрихована. Именно эта фигура, изображенная четко в центре композиции, на одной линии с фигурой «монстра», позволяют сделать вывод о значимости данного персонажа. Можно рассматривать его как жертву или главного исполнителя ритуала (шамана). Нижний ярус композиции – это фриз из фигурок оленей, направленный в ту же сторону, что и шествующие фигуры людей. Анализируя общий строй композиции, мы можем предполагать, что ее содержание – это посвященный божеству ритуал, в котором направляется просьба божеству о милости и благоденствии. Здесь же раскрывается представление древних о структуре мира: три яруса – это мир людей, подземный мир и мир небесный. Это структура часто воспроизводится в алтайских сказаниях.

Подводя итог, можем сказать, что петроглифические композиции, распространенные на территории Сибири и Алтая, содержат богатый материал как для историко-археологических изысканий, так и для искусствоведческих и культурологических. Анализируя свойства петроглифов, сюжетов композиций, мы можем сделать вывод о том, что они организованы в своего рода текст, который можно назвать сакральным, поскольку может воспроизводить некую высшую реальность, включаться в определенный ритуал и наделяться свойствами святыни.

Литература:

1. Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2010. 444 с.
2. Кадиков Б.Х. Петроглифы Алтая [Электронный ресурс] URL: <http://myaltai.ru/history/petroglify>
3. Белокурова С. М. К вопросу об анализе образной системы петроглифических композиций // Искусство Евразии. 2018. №2(9). С. 11-17.
4. Белокурова С.М., Шишин М.Ю., Ом Чанд Ханда. Петроглифы Алтая и Гималаев: общее и особенное, подходы к искусствоведческому анализу // Грамота. 2017. №12(86). С. 258-254.
5. Маточкин Е. П. Петроглифы Кейген-Кышту // Древности Алтая. 2002. №9. [Электронный ресурс] URL: <http://e-lib.gasu.ru/da/archive/2002/09/09.html>
6. Серикова Т.Ю. Владимир Капелько: мост между мирами // Космизм и органицизм: эволюция и актуальность: материалы V Международной научной конференции. 27–28 октября 2017 г. / под ред. О.Д. Маслбоевой, И.А. Сафронова. СПб: Изд-во СПбГЭУ, 2018. С.193-201.
7. Вайнштейн С.И., Липец Р.С. Проблемы взаимосвязи эпоса и народного изобразительного творчества // «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов. М.: Наука, 1980. С. 61-72.
8. Кубарев В. Д. Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2005. 640 с.
9. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М.: Республика, 1994. 431 с.
10. Платон. Апология Сократа / общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи // Собр. сочинений в 4-х томах. Т.1. М.: Мысль, 1994. С. 70-96.
11. Флоренский П.А. Общечеловеческие корни идеализма // Собр. сочинений в 4-х томах. Т.3(2). М.: Мысль, 2000. С.145-169.
12. Гриненко Г.В. Сакральные тексты и сакральная коммуникация. Логико-семиотический анализ вербальной магии. М.: «Издательский дом НОВЫЙ ВЕК», 2000. 437 с.
13. Элиаде М. Священные тексты народов мира. М: Крон-Пресс, 1998. 642 с.

Концепт русско-сибирской народности в философии и идеологии областничества

Головинов А.В.

Алтайский государственный университет, доцент кафедры конституционного и международного права. Кандидат философских наук

alex-golovinov@mail.ru

Аннотация: В настоящем докладе концептуализируется понятие русско-сибирской народности в философском наследии основоположников движения сибирских областников. Показано, что русские философы-областники пытались доказать, что культура полиэтничных по составу своего населения регионов Сибири отражает диалектику взаимодействия двух разных уровней сложности: глобального и локального. На примерах из истории отчего края они рассматривали трансграничные локальные сообщества в качестве перспективного цивилизационного моста, связующего Запад и Восток. Идеологи областничества делали акцент на евразийских фундаментальных основаниях будущего прочного единства региональных этнических культур. Автор установил, что «областной тип русской народности» как одна из важнейших составляющей областнической концепции переставляет собой комплексное учение о самобытности социокультурного мира локального сообщества, которая основывается на принципах диалогичности и выражается в ментальных, хозяйственно-культурных и этносоциальных особенностях.

Ключевые слова: сибирское областничество, культура, полиэтничность, Н.М. Ядринцев, Г.Н. Потанин, народность.

The concept of the Russian-Siberian nationality in the philosophy and ideology of regionalism. Golovinov A.V.

Altai State University, Department of Constitutional and International Law

Abstract: This report conceptualizes the concept of the Russian-Siberian nationality in the philosophical heritage of the founders of the Siberian regional movement. It is shown that Russian regional philosophers tried to prove that the culture of the regions of Siberia multiethnic in composition of their population reflects the dialectic of the interaction of two different levels of complexity: global and local. Using examples from the history of the region, they considered cross-border local communities as a promising civilizational bridge connecting West and East. The ideologists of regionalism emphasized the Eurasian fundamental foundations of the future lasting unity of regional ethnic cultures. The author found that the “regional type of Russian nationality” as one of the most important components of the regional concept rearranges a comprehensive doctrine of the identity of the socio-cultural world of the local community, which is based on the principles of dialogism and is expressed in mental, economic, cultural and ethnosocial characteristics.

Key words: Siberian regionalism, culture, multi-ethnicity, N.M. Yadrinsev, G.N. Potanin, nationality.

Проблема органичной модернизации пространства культуры, в котором могли бы сохраняться и развиваться своеобразные черты, присущие самостоятельному региональному «культурно-историческому типу» полиэтничного сообщества, только начинавшего формироваться в Сибири, рассматривалась Г.Н. Потаниным и Н.М. Ядринцевым уже в момент генезиса данного общественного движения, то есть во второй половине XIX в. Одно из центральных мест для мыслителей-областников занимала проблема формирования культуры современного типа и закрепления ее в этнопсихологическом менталитете русских сибиряков, а они составляют сегодня 80 % населения Сибири. К тому времени и культура регионального сообщества за период самостоятельного существования уже приобрела особые, присущие только ей черты. Проблема культурных связей и контактов населения Сибири с другими регионами России интересовала областников. Не остался без внимания идеологов сибирского областничества и вопрос о методологии философского анализа действующих в империи механизмов управления культурной сферой. Стратегически важной признавалась ими проблема теоретической разработки модели гармоничного равновесия региональных культурных структур будущей русско-

сибирской цивилизации.

Русские философы-областники пытались доказать, что культура полиэтничных по составу своего населения регионов Сибири отражает диалектику взаимодействия двух разных уровней сложности: глобального и локального. На примерах из истории отчего края они рассматривали трансграничные локальные сообщества в качестве перспективного цивилизационного моста, связующего Запад и Восток. Идеологи областничества делали акцент на евразийских фундаментальных основаниях будущего прочного единства региональных этнических культур.

Ссылаясь на исследования философа-историка А.П. Щапова и этнографов А.Н. Пыпина и П.А. Ровинского, областники создали оригинальное учение о русско-сибирской народности как локальном антропологическом и этнокультурном типе. Этот этнографический культурно-антропологический тип населения, согласно разработкам сибирских интеллигентов, складывается под действием целой группы факторов. Особое значение в формировании «областного типа русской народности» исследователи-областники придавали влиянию окружающей среды. В строго научном смысле идеологи областничества сторонниками географического детерминизма вовсе не были. Разделяя общие положения концепции американского ученого Д. Дрепера и теорию антропогеографии Ф. Ратцеля о влиянии климата на развитие национальной истории и этнической культуры, сибирские патриоты придавали географическому фактору большое, но не определяющее значение. Центральной же темой областничества философии, было культурное значение славяно-русской национальности во взаимодействии с сибирскими инородцами. Процесс этого взаимодействия и сближения разных культур как раз и приводит к образованию русско-сибирской народности. «Но, как и при всяком сближении, – замечал Н.М. Ядринцев, – здесь не могло не произойти взаимодействия и вместе с передачей инородцам кое-чего русского, усвоено и много инородческого. Способностью этой передачи и степень заимствования от инородцев может измеряться только степенью нашего культурного влияния за Уралом» [1, с. 188]. Таким образом, провинциальные мыслители выступали за культурное взаимодействие между народами, их теории была присуща идея культурных контактов как процесса взаимного обогащения, основанного на равноправном диалоге. Исследуя взаимодействие «коренных» и «пришлых» в рамках одной локальной территории, Н.М. Ядринцев и Г.Н. Потанин приходят к выводу о том, что культура не может развиваться без межэтнических контактов, а отсутствие контактного взаимодействия приводит к застою и даже деградации народонаселения. Рождение особого этнографического типа на территории Сибири областники определяли как продукт естественного и «вольнонародного» взаимодействия, рассматривая его как процесс стихийный. В духе философии русского народничества областники считали, что процесс межэтнического диалога-контакта должен осуществляться исключительно на народном элементе, вне предписаний государственной имперской политики.

Собрав и обобщив богатый этнографический материал по «колонизации» Сибири, сибирские интеллигенты заключают, что «казенные» переселения во многом приводят к унификации туземных народов со славяно-русским этнокультурным архетипом. В процессе же естественного хода этого взаимодействия сибирские интеллигенты указали на высокий адаптивный потенциал этнокультуры русско-сибирского субэтноса, а такие культуры обладают высокой степенью передачи своих элементов в другие культуры. Механизм согласования культур вырабатывает сама природа, совершенно естественно. Более того, посредством здоровой и естественной аккультурации наблюдается органичное соединение разнородных черт «коренных» и «пришлых». Такой органичный, динамично развивающийся тип культуры оптимально определяет общую этнокультурную идентичность.

В целом, инородческую культуру лидеры областничества воспринимали как «живую старину» и выступали против ее резервации. Областники не случайно задаются вопросом: «Чем отразится слитие нового мира Европы со старым миром Азии, какое оригинальное здание водрузится из этого объединения народов, когда-то разъединенных историей, – вот вопросы достойные остановить внимание философа-историка» [2, с. 194]. Само понятие «областного типа русской народности» в этом смысле воспринималось ими как конкретно исторический феномен, уникальный прообраз взаимодействия Востока и Запада в рамках локальной территории. Это положение выразилось, по мнению сибирских патриотов, в менталитете народов Сибири как базисной сферы евразийской цивилизации. А для такой цивилизации, по мнению современного исследователя евразийского пространства А.В. Иванова, свойственно диалектическое бытие между Востоком и Западом. У евразийских народов наблюдается гармоничное совмещение противоположностей: твердой охраны своих государственных границ и на-

циональной идентичности с открытостью к чужим культурным ветрам и готовностью к мудрому ученичеству [3, с. 44]. Поэтому формирование русско-сибирской этносоциальной общности, как можно заключать из выводов сибирских областников, есть продукт культурной диффузии восточных и западных элементов. Анализ пространственных и временных характеристик межкультурного взаимодействия позволил областникам выявить особенности этого диффузионизма. Каждая культура при этом рассматривается с точки зрения преобладания в ней самобытных или заимствованных культурных элементов. Особая культурно-антропологическая русско-сибирская общность в рамках межкультурного взаимодействия как результат культурной диффузии обусловлена взаимным культурно-историческим развитием контактирующих культур.

Культурные контакты, естественно возникающие между обществами любого типа, рассматривались областниками как обязательное условие прогресса, достижения общего блага. По мнению Г.И. Пелих, в концепции областников неоднократно проскальзывает идея о том, что характеры народов могут быть поняты лишь через контакты с другими народами и культурами. Возможно, здесь, как отмечает отечественный исследователь, сказалось влияние Гумбольда, восхищение идеями, которого Потанин никогда не скрывал [4, с. 115]. Поэтому вполне понятно, что в своей концепции областники разрабатывали теорию изучения пространственного движения культур и механизмов диффузии.

Позитивный культурный синтез русско-сибирской народности, согласно областничества мысли, основывается на том, что Сибирь исторически находилась на стыке и пересечении колонизационных волн, идущих как с Востока, так и с Запада. Сама Сибирь, поэтому есть особый социокультурный мир, складывающийся в постоянном диалоге этнических культур. Понимание и осознание собственной русско-сибирской самобытности в этом «разговоре на равных» двух культур и народов – главная задача цивилизационного самопознания. Стоит отметить, что подобная позиция позже была доведена до глубокого уровня анализа и обобщения в теоретических построениях известного философа-культуролога Ю.М. Лотмана, в которых принцип диалогичности является основополагающим при формировании региональных культур.

Таким образом, «областной тип русской народности» как одна из важнейших составляющей областничества концепции переставляет собой комплексное учение о самобытности социокультурного мира локального сообщества, которая основывается на принципах диалогичности и выражается в ментальных, хозяйственно-культурных и этносоциальных особенностях.

Литература:

Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы их быт и современное положение. СПб, 1891. 468 с.

1. Письмо Н.М. Ядринцева Г.Н. Потанину от 4 марта 1873 // Сибирские записки. – Красноярск, 1918. 180 с.
2. Иванов, А.В. Культурный феномен границы в бытие европейских и евразийских народов // Мир науки, культуры, образования. 2008. №2(9). С. 42-45
3. Пелих Г.И. Историческая концепция Г.Н. Потанина. Томск: Изд-во ТГУ. 2006. 186 с.

Интегральный смысл политической философии русско-сибирского регионализма (областничества).

Должиков В. А.

Алтайский государственный университет, профессор кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений. Доктор исторических наук

dolshikov@yandex.ru

Аннотация: В статье критически переосмысливаются мифологизированные представления о политической философии областничества, которой, по мнению некоторых авторов, якобы имманентно присуща сепаратистская тенденция. Цель исследования состоит в том, чтобы, во-первых, показать ошибочность таких оценок, а, во-вторых, подчеркнуть изначальную идейную связь областнического проекта с классической версией русского федерализма. Отмечается, что доминантной парадигмой системы взглядов родоначальников данного направления отечественной общественной мысли – Г.Н. Потанина, А.П. Щапова и Н.М. Ядринцева – являлась не сепаратистская, а федералистская по своему характеру идея национально-региональной автономии. Методологическими ориентирами для автора статьи служат концепция социального интегрализма П.А. Сорокина и футурфилософский прогноз О. Шпенглера относительно Русской Сибири как базовой территории будущей новой цивилизации. В центре внимания автора – стратегически смелый проект областников по коренному союзному переустройству российской государственности на принципах национально-региональной автономии, общественной самоорганизации и выборного самоуправления. Завершает статью авторский вывод о том, что с учетом вышеназванных исторических фактов периферийный русско-сибирский регионализм необходимо идентифицировать как версию федералистской интегральной философии.

Ключевые слова: Русская Сибирь, автономия, народничество, областничество, регионализм, федерализм, цивилизация

The integral meaning of the political philosophy of Russian-Siberian regionalism (oblastnichestvo). Dolzhikov V. A.

Altai State University, Department of Regional Studies of Russia, National and State-Religious Relations

Abstract: The article critically rethinks the mythologized ideas about the political philosophy of regionalism, which, according to some authors, is inherently separatist. The purpose of the study is, first of all, to show the fallacy of such estimates. Second, the author aims to emphasize the initial ideological connection of the regional project with the classic version of Russian federalism. It is noted that the dominant paradigm of the system of views of the founders of this direction of domestic social thought (G. N. Potanin, A.P. Schapov, and N.M. Yadrinsev) is the idea of national-regional autonomy, which is not separatist but federalist in nature. The methodological guidelines are the concept of social integralism developed by P. A. Sorokin and O. Spengler's futurophilosophical forecast regarding Russian Siberia as the base territory of a future new civilization. The author focuses on a strategically bold project of the oblast community on a radical union reorganization of the Russian statehood based on the principles of national-regional autonomy, social self-organization, and elected self-government. The article also provides the author's perspective on peripheral Russian-Siberian regionalism. The author argues that it must be recognized as a version of federalist integral philosophy.

Keywords: Russian Siberia, autonomy, populism, regionalism, federalism, civilization

Научная актуальность вынесенной в заголовок темы представляется бесспорной. Уже который раз, как только страна вступает в фазу очередного системного кризиса, вновь реанимируется «призрак сибирского сепаратизма» [1]. Полагаю, что после публикации экспертом Сибирского отделения Российской Академии наук В.И. Суловым в самом конце минувшего 2019 года резонансного

доклада о гипотетическом распаде страны по границам федеральных округов [2], наверняка будут предприниматься попытки оживить провокационную легенду о возможном «отделении Сибири от России».

Между прочим, Сибирь – это и есть собственно Россия. В действительности наше отечество состоит из двух частей: западной (европейской) и гораздо большей по размеру восточной (азиатской). Иностранцам, которым чужды стереотипы европоцентристского миропонимания, кстати, намного легче понять вроде бы очевидные географические реалии. Так, отвечая на вопросы журналистов алтайского еженедельника «Торговый мост» председатель правления крупного современного китайского холдинга Чжу Минъи заметил: «... Хочу изучить конъюнктуру в Барнауле и Алтайском крае. Я первый раз посетил центр России. Раньше я был в Москве, Санкт-Петербурге и на Дальнем Востоке» [3, с. 10]. Хотя многие соотечественники осознают данную реальность с большим трудом.

Политическую философию сибирского областничества современные исследователи крайне редко рассматривают в качестве одного из традиционных направлений русской (российской) мысли. Согласно распространенной трактовке, Г.Н. Потанин, А.П. Щапов, Н.М. Ядринцев – мыслители областнического направления – будто бы не только выступали за пресловутое «отделение Сибири от России», но даже и предпринимали в свое время попытку реализации сепаратистского проекта [4, 5].

Вообще-то сепаратизм как идеология, в отличие от шовинистических и экстремистских версий национализма, инициируется лидерами освободительных движений, возникающих на этнической основе и обращенных против дискриминационного угнетения со стороны государственной центральной власти, действующей в интересах так называемой имперской нации. В любом случае, с этническим сепаратизмом областничество не имеет ничего общего. Что же касается той новой общности, которая складывалась в Сибири посредством синтеза разнородных этнических компонентов, то, по мнению идеологов движения, она представляла собой не что иное, как «областной тип русской народности». Собственно, даже семантика самоназвания этой группировки свидетельствует о формальном отсутствии в нем сепаратистской компоненты. Популяризируя свои приоритетные идеи, мыслители-областники неслучайно ссылались на доминантный архетип регионального русского сознания. «Сибиряк, – фиксировал Н.М. Ядринцев этническую самоидентификацию старожилов-чалдонов, – ... считает себя русским, а на русского поселенца (т.е. на россиянина-новосела – В.Д.) смотрит как на совершенно чуждого ему человека и сомневается в его русской национальности». Поэтому недавних выходцев из метрополии коренные сибиряки называли с оттенком уничижительности «расейскими» [6, с. 50, 61]. В подобной антиномии отражалось бессознательное порой отчуждение русскими сибиряками всего, что могло исходить от «злой мачехи Расеи» – угнетательницы-Империи.

Процесс генезиса этнополитической философии областников обусловлен факторами национально-регионального свойства. Сами же они считали себя представителями формировавшейся русской гражданской нации, но при этом никак не хотели оставаться лишь подданными всероссийской Империи, нуждаясь в государственности, которая бы служила общенациональным интересам.

Ценным источником для реконструкции геополитической философии областничества является программная статья Г.Н. Потанина «Заметки о Западной Сибири» (1860 г.). Ключевой вывод ее отнюдь не «сепаратистский», а сформулирован в духе последовательного демократического федерализма. «Русский народ, – четко декларирует эту позицию, ведущий идеолог движения, – заложил здесь новые основания для продолжения своей жизни. Если представить в будущем Сибирь так же населенную, как нынешняя европейская Россия, то нельзя не подумать, что центр тяготения русского государства должен перейти на нее» (выделено мной – В.Д.). Однако для того, чтобы происходило заселение и полномасштабное хозяйственное освоение русским народом богатых ресурсами пространств с «американской быстротой», необходима, по оценке Потанина, «свобода труда и социальной жизни» [7, с. 194, 202]. Нетрудно заметить, полагаю, что высказывается диаметрально противоположная сепаратизму идея передислокации административного центра государственного управления в срединную часть страны («хартлэнд»). Добавлю, что не так уж давно, в середине 1990-х гг., по этнодемографическим данным Д.В. Ольшанского, доля русских в населении Сибирского федерального округа в процентном отношении составляла от 70 до 85 % [8, с. 15]. А это ровно столько же, сколько в европейской части современной России. Другое дело, что до настоящего времени количественно необходимую критическую массу государствообразующему суперэтносу Русской Сибири накопить, увы, не удается.

Точно так же, как в 1860-е гг., мыслители-областники оставались и в 1910-х гг. сторонниками

ликвидации жестко централизованной имперской государственности с последующим воссозданием традиционно русской национальной политической системы, которая предполагает федеративное, союзно-земское административное деление страны на самоуправляемые автономные регионы (области). «Процесс расчленения пугает робких публицистов, – возражал оппонентам Г.Н. Потанин, выступая на собственном 80-летнем юбилее 21 сентября 1915 г. – они думают, что тут и конец России. Этот страх напрасный: расчленение не есть распадение, есть могущественная сила, которая всегда области русской территории будет удерживать в связи и единении...». Такой скрепляющей силой, по его мнению, является «духовный багаж, который создан творческим духом русской народности» [9, с. 256]. В революционном 1917 году он снова заявлял, что «сибирские областники, сознавая себя членами русского народа и не желая с ним портить связь, – распространяют свой идеал на все государство; они мечтают, что вся Россия будет разделена на области, и что у каждой области будет свой парламент и свои министерства, и что государственные финансы будут распределены между областями, а над всей федерацией будет стоять объединяющая Государственная Дума. <...> Учредительное собрание установит пределы, в которых будет происходить законодательная деятельность центральной думы и областных дум» [10]. Вот и получается, что в существующей сегодня Российской Федерации конституционно-политические взгляды ведущего идеолога областничества если не фактически, то хотя бы формально уже воплотились в жизнь.

А.П. Шапов сумел первым лаконично сформулировать сверхзадачу, не решаемую до сих пор. «Избранный и поставленный всемирной историей на перекрестном пути между Западом и Востоком народ русский, – замечал он в своей редко цитируемой статье, – должен примирить, соединить в братский союз Восток с Западом». Полемизуя с разработчиками доктрины расистского европоцентризма Р. Кипплингом и Х. Чемберленом, русский историк противопоставлял ей в качестве альтернативы гуманистическую модель межцивилизационного интернационального сотрудничества [11, с. 4]. «Рождавшаяся в 1860–1863 гг. земско-областная теория Шапова, демократическая, партикуляристская доктрина, высшей ценностью которой провозглашались народ и свобода, – справедливо отмечает современный исследователь, – энергично отрицая этатизм государственной школы в русской историографии, уповала на земство, областность, децентрализацию и федерализм» [12, с. 27; выделено здесь и выше мной – В.Д.]. Так что вопреки провокационной мифологии «отцы-основатели» сибирского областничества никогда не были сепаратистами, а, тем более, не предпринимали никаких действий сепаратистского характера даже во время распада Империи [подробнее см.: 13].

Итак, если с современных позиций определять смысл политической философии сибирского областничества, то, разумеется, Г.Н. Потанин и другие общественные деятели этой группировки не должны считаться сторонниками «отделения» Русской Сибири (т.е. фактически центральной России) от западных, европейских регионов «метрополии». Наоборот, они всегда выступали за союзно-государственное целостное единство, но с полноправной политической автономией, самоуправлением и равноценностью всех областей страны в составе добровольной Федерации. Поэтому было бы, полагаю, правомерным считать областничество региональной разновидностью русского демократического федерализма. В этом отношении областники являлись провозвестниками будущей, по Шпенглеру [14], русско-сибирской цивилизации, которой, надеюсь, суждено когда-нибудь появиться на свет.

Литература:

1. Ремнев А.В. Призрак сепаратизма // Родина. 2000. № 5. С. 10–17.

2. Суслов В. Экономических оснований для развала СССР не было // Огонек. 2019. № 47. 2 декабря. С. 16–18.
3. Дружинин Р. Инвестиции сами просятся в руки // Торговый мост (Барнаул). 2006. № 31. 7–13 августа.
4. Голубчиков Ю. Русский щит для великих цивилизаций. Для чего России нужна огромная территория? // Правда. 1998. № 1. 4–9 января.
5. Ремнев А. В. Михаил Никифорович Катков в поисках «сибирского сепаратизма» // Личность в истории Сибири XVIII–XX вв. Новосибирск: Сова, 2007. С. 64–80.
6. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. *Спб.*: типография М.М. Стасюлевича, 1882. 472 с.
7. Потанин Г.Н. Заметки о Западной Сибири // Русское слово. 1860. № 9. С. 191–202.
8. Ольшанский Д.В. О «национальной» гордости «великороссов» // Родина. 1994. № 6. С. 10–16.
9. Потанин Г.Н. [Речь на юбилее] // Литературное наследие Сибири. Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1986. Т. 7. С.

256–258.

10. Потанин Г.Н. Прекрасный финал // Сибирская жизнь. 1917. 15 июня
11. Шапов А.П. Собрание сочинений. Дополнительный том к изданию 1905–1908 гг. Иркутск: Восточносибирское областное изд-во, 1937. 400 с.
12. Маджаров А.С. Историческая концепция А.П. Шапова и сибирское областничество // Дуловские чтения 1992 года. Тезисы докладов и сообщений. Ч. 1. Иркутск: Изд-во Иркут. госуд. пед. ин-та, 1992. С. 26–29.
13. Шишкин В.И. Сибирское областничество в контексте революционных событий марта-октября 1917 года // Acta Slavica Japónica. 2015. Vol. 37. pp. 47–71.
14. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. М.: Мысль, 1998. 606 с.

Сибирь как колония – мифология или реальность?

Журавлева С.М.

Алтайский государственный университет, доцент кафедры гуманитарных дисциплин. Кандидат философских наук

Jurav27@yandex.ru

Аннотация. В тезисах рассматривается проблема колониального статуса Сибири. Показывается, что она не является колонией в классическом европейском смысле слова. Однако с точки зрения беспощадной эксплуатации природных богатств Сибири европейской Россией рассматривать ее как колонию вполне правомерно. Программа развития Сибири должна быть направлена на преодоление ее роли колониального сырьевого придатка, а в перспективе и на превращение в глобального субъекта мировой истории. Миротворческий потенциал Сибири и современные глобальные тренды делают такой сценарий высоко вероятным.

Ключевые слова: Сибирь, Россия, Европа, колония, субъект исторического действия, миротворчество.

Siberia as a Colony – The Myth or Reality?

Juravleva S.M.

Altai State Agricultural University, Department of Humanitarian Sciences

Abstract. The thesis deals with the problem of the colonial status of Siberia. It is shown that it is not a colony in the classical European sense of the word. However, from the point of view of the ruthless exploitation of Siberia's natural resources by European Russia, it is quite legitimate to consider it as a colony. The program of development of Siberia should be aimed at overcoming its role as a colonial raw material appendage, and in the future, at becoming a global subject of world history. Siberia's peacekeeping potential and current global trends make this scenario highly probable.

Keywords. Siberia, Russia, Europe, colony, the subject of the historical action, peacemaking.

Сибирь лишь в самое последнее время стала предметом систематического философского осмысления [1,2,3] и с известной долей условности можно, на наш взгляд, говорить о начале формирования «философии Сибири», где комплексно анализируются особенности сибирского мегарегиона, его роль в формировании и развитии российской цивилизации, а также геополитические, геоэкономические, экологические и культурные функции, выполняемые Сибирью на всем евразийском пространстве. Кроме этого, философия Сибири призвана исследовать особенности сибирского характера и сибирской региональной идентичности, их влияние на национальную российскую идентичность.

Одна из важных дискуссионных тем в рамках философии Сибири – возможность трактовки ее как колонии. Колониальный статус Сибири был впервые четко зафиксирован в книге «Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении», принадлежащей перу известного сибирского публициста и одного из идейных лидеров сибирского областничества Н.М. Ядринцева [4]. В современной литературе можно встретиться с решительным отрицанием колониального статуса Сибири, как и вообще наличия колониальных территорий в составе Российской империи, СССР и постсоветской России. Действительно, Россия во все исторические периоды своего существования не знала классического деления на колонию и метрополию и всегда представляла собой территориально единое государство. К тому же все жители России, включая сибиряков, обладали равными гражданскими правами, не подвергались официальным ущемлениям и гонениям по культурным, этническим и конфессиональным основаниям, если не считать суровые преследования старообрядцев в 17-18 веках. Никогда отношение к сибирякам со стороны жителей европейской России не было пренебрежительным. Более того, такие устоявшиеся выражения как «сибирский характер», «сибирское здоровье», «сибирская закалка» свидетельствуют не только о положительном отношении россиян к жителям Сибири, но даже говорят о них, как о достойных образцах для личного подражания. Что касается научной и культурной

оценки Сибири и ее значения для России, то и здесь мы не найдем намеков на ее колониальный статус. Она может трактоваться как земля холода и страданий, как страшное место ссылки, но ее жители заслуживают не презрения и пренебрежения, а искреннего сострадания и помощи. Это органическая и равноправная часть страны, без которой развитие России невозможно. Общеизвестна также фраза М.В. Ломоносова, что «Россия Сибирью прирастать будет». Здесь подчеркивается ее статус будущей срединной и стратегически значимой территории страны, призванной стать локомотивом ее общего развития. Позднее именно так будут рассматривать Сибирь Д.И. Менделеев и В.И. Вернадский.

Однако если в основание трактовки какой-либо территории, как колонии, положить не гражданско-правовые, этноконфессиональные и культурно-психологические, а социально-экономические характеристики, как это делает, например, В.И. Суслов [5], то трактовка Сибири, как внутренней колониально эксплуатируемой части России, представится вполне резонной. Дело в том, что с самого начала освоения Сибири и вплоть до настоящего времени она подвергалась и подвергается интенсивной эксплуатации, когда ее не возобновляемые (металлы, алмазы, уголь, нефть и газ) и возобновляемые природные ресурсы направляются не на собственное социально-экономическое развитие, а на развитие других территорий России. Одновременно уровень жизни подавляющего большинства сибирского населения ниже уровня жизни населения европейской части России. Суровые климатические условия Сибири и обширность ее континентальных пространств обуславливают значительные экономические издержки, быстрый износ инфраструктуры, особую сложность жизни сельского населения. И эти объективные трудности жизни в Сибири не компенсируются адекватной материальной поддержкой и социальными предпочтениями со стороны государства, хотя фактически именно сибирские природные ресурсы обеспечивают экономическое существование России и ее государственный суверенитет. В последнее время обнаружились новые грани социально-экономической эксплуатации сибирского пространства – все нарастающий отток населения из России Азиатской в Россию Европейскую. Только Алтайский край ежегодно теряет свыше 6 тысяч человек, причем это в основном молодые люди. Настоящей катастрофой для воспроизводства научно-технической интеллигенции в Сибири стали реформы образования последних лет и особенно ЕГЭ, резко стимулировавший отток наиболее талантливых выпускников сибирских школ в вузы Европейской России, особенно Москвы и Петербурга. Учитывая эти обстоятельства, необходима долгосрочная государственная программа развития Сибири, направленная на преодоление ее колониально-сырьевого положения внутри России, на комплексное использование ее природного, социально-экономического, логистического и культурного потенциала в интересах проживающего здесь населения.

Такая программа тем более необходима, что Сибирь никогда не была колонией в западном понимании, предельно откровенно высказанном бывшим Римским папой Бенедиктом XVII. Вот что он пишет о нашей стране и о Сибири: «...Мир к востоку от Урала все больше становился своего рода пристройкой Европы; он был не Азией и не Европой, но Европа его формировала как субъект; сам же он остался объектом, а не носителем европейской истории. Возможно, это может послужить общим определением колониального статуса» [6, с.77-78]. Дело обстоит прямо противоположным образом: Сибирь никогда не была колонией с точки зрения исторической субъектности. Можно привести ряд примеров, когда она выступала важнейшим коллективным субъектом исторического действия, определяла пути развития не только нашей страны, но также Европы и всей мировой цивилизации. Так, именно участие сибирских дивизий обеспечило победу под Москвой осенью-зимой 1941 года. Они нанесли немецким войскам первое чувствительное поражение во второй мировой войне. Одновременно промышленность Сибири в годы войны стала важнейшим хозяйственным субъектом, обеспечившим победу над фашистской Германией. Кстати, и в годы первой мировой войны сибирский кооператор обеспечивал российско-германский фронт маслом и хлебом. Более того, Сибирь, которую две мировые войны обошли стороной, становилась территорией послевоенного примирения и взаимного познания народов. Пленные немцы, австрийцы, японцы именно в Сибири узнавали культуру и характер народов, которых хотели уничтожить и сделать рабами. Несмотря на суровые условия плена, большинство из них возвращалось на Родину с добрыми чувствами к сибирякам, прежде всего к их нравственным качествам.

Сибирь и сегодня является важным субъектом миротворчества. Через нее пролегают транспортные и культурные коридоры с Востока на Запад и с Севера на Юг Евразии. Здесь, как выясняется, находятся общие исторические корни многих народов – венгров и американских индейцев, корейцев и японцев. Здесь имеются достаточные природные ресурсы, особенно водные, чтобы обеспечить жизнь многих

миллионов людей, которым в будущем, возможно, придется переместиться сюда с прибрежных территорий в условиях глобального потепления и подъема уровня мирового океана. И эту роль Сибири, не как сырьевого колониального придатка России Европейской, а как глобального субъекта отечественной и мировой истории, необходимо начинать целостно осмысливать уже сейчас в рамках философии Сибири.

Список литературы

1. Диев В.С., Иванов А.В., Разумов В.И. Философия Сибири (к постановке проблемы)// Вестник ОмГУ. 2014. №4 (74). С. 76-83.
2. Супрун В.И. Мегарегион Сибирь в контексте новой индустриализации//Идеи и идеалы. 2017. №1. Часть1. С.107-117.
3. Донских О.А. Сибирь – проблема формирования целостности мегарегиона//Идеи и идеалы. 2017. №1. Часть1. С.107-117.
4. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 555 с.
5. Суслов В.И. Имиджи Сибири: экономика с историческим уклоном//Регион: экономика и социология. 2014. № 1(81). С. 90-91.
6. Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Ценности в эпоху перемен. О соответствии вызовам времени. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. 163 с.

Сибирь для всей России (к вопросу о цивилизационной миссии Сибири)*

Иванов А.В.

Алтайский государственный аграрный университет, директор Центра гуманитарного образования, профессор. Доктор философских наук

ivanov_a_v_58@mail.ru

Аннотация. Обосновывается существование трех стратегических геопроектов в истории России («северного», «южного» и «восточного»), превративших ее в великую европейскую, евразийскую и мировую державу. Особое значение имел и имеет «восточной» геопроект, связанный с освоением Сибири. Сегодня он должен перейти из экстенсивной в интенсивную фазу, когда социально-экономическое развитие носит инновационный, «зеленый», кооперативный и нравственно-ориентированный характер, нацеленный на сохранение и рачительное использование природного и человеческого капитала. Приоритетное развитие Сибири должно стать важным фактором модернизации всей России и средством усиления процессов евразийской интеграции; а также способствовать глобальному переходу к новой духовно-экологической или ноосферной цивилизации.

Ключевые слова: Сибирь, Россия, Евразия, геопроект, модернизация, духовно-экологическая цивилизация.

Siberia for all Russia (on the Question of the civilizational Mission of Siberia) .

Ivanov A.V.

Altai State Agricultural University, Center of humanitarian education

Abstract. The report substantiates the existence of three strategic geoprojects in the history of Russia (“northern”, “southern” and “eastern”), which have consistently turned it into a great European, Eurasian and World Power State. Of particular importance was and is the “eastern” geoproject associated with the development of Siberia. Today, it must move from an extensive to an intensive phase, where socio-economic development is innovative, “green”, cooperative and morally-oriented, aimed on preservation and prudent use of natural and human capital.. The priority development of Siberia should be an important factor in modernization of Russia, strengthen the Eurasian integration processes; and facilitate the global transition to the new spiritual-ecological or noosheric civilization.

Keywords: Siberia, Russia, Eurasia, geoproject, modernization, spiritual and ecological civilization.

В условиях резкого обострения международных отношений и краха либеральных глобалистских утопий со всей остротой вновь встают вопросы как о цивилизационном своеобразии России, так и о будущем всего земного сообщества.

Термин «цивилизация», известный своей многозначностью, будет использоваться в двух достаточно традиционных смыслах. Во-первых, как особый социокультурный тип, имеющий определенную географическую локализацию и обладающий исторически сложившимся своеобразием хозяйственной, социально-политической и духовной жизни. Так, русская цивилизация (или «русский мир») является частью евразийской мегацивилизации (или евразийского культурно-географического мегамира), лежащей между мегацивилизациями Востока и Запада. В евразийскую мегацивилизацию входят также тюркская, монгольская, угро-финская цивилизационные этнокультурные общности, а также особый мир северных палеоазиатских народов. Царская Россия, Советский Союз и постперестроечная Россия занимали и занимают ключевое пространственное положение в рамках евразийской мегацивилизации, при всех своих социально-политических различиях характеризуясь поликультурностью, поликонфессиональностью, направленностью на единение разных народов и сохранение их исторической памяти.

Во-вторых, под «цивилизацией» можно понимать исторически сменяющие друг друга глобальные

i Тезисы выполнены при поддержке гранта РФФИ и АНО ЭИСИ (проект № 20-011-31304) «Сибирь для всей России: основания и механизмы духовно-экологической цивилизационной трансформации».

типы мироустройства и образа жизни. Такова известная историческая периодизация: традиционная (доиндустриальная) – индустриальная (техногенная) – постиндустриальная (информационная) цивилизации. Выделение последней стадии вызывает, правда, довольно обоснованные возражения [1].

Наш ключевой тезис заключается в следующем: именно освоение Сибири, как исторически третий отечественный пространственный мегапроект, превратило Россию из великой европейской в великую евразийскую и мировую державу. Приоритетное развитие Сибири сегодня должно, во-первых, стать важным фактором модернизации всей России и средством усиления процессов евразийской интеграции; и, во-вторых, способствовать переходу к новому глобальному мироустройству, которое призвано прийти на смену нынешней тупиковой – техногенно-потребительской – цивилизации. Это новое мироустройство может быть названо цивилизацией духовно-экологической [2] или ноосферной [3].

В рамках этой новой глобальной цивилизации высшие потребности человека призваны подчинить и преобразовать его низшие витальные потребности, а сфера духовной культуры получить главенство над культурой материальной. Соответственно, экономика, финансы и политика из приоритетных сфер общественной деятельности должны превратиться в служебные, т.е. в первую очередь обеспечивать развитие образования, здравоохранения, науки и культуры. Человека же следует понимать не только как биосоциальное, но и как духовное существо, стремящееся к истине, добру, красоте и социальной справедливости. Важнейший атрибут духовности человека и рациональной организации его жизни – не просто сохранение собственной человеческой идентичности и рачительное использования природных ресурсов, а сознательная направленность на проявление собственного латентного эволюционного потенциала, равно как и на проявление латентного потенциала природы. Эта программа органической эволюции человека и общества, являющаяся альтернативой проектам механического «улучшения человека» (типа трансгуманизма), была выдвинута отечественной религиозно-философской мыслью. Она ясно сформулирована, например, в «Философии хозяйства» С.Н. Булгакова.

Возвращаясь к пространственным мегапроектам в истории России, следует отметить, что расширение страны было возможно лишь в направлении севера, юга и востока Евразии, учитывая наличие агрессивных западных соседей. Исторически первый – «северный» – геопроjekt был связан с движением в заволжские земли, выходом к Белому и Балтийскому морям. Его ключевой пункт – основание Петербурга. «Южный» проект, который начинается с конца XV века, был направлен на освоение степных черноземов и выход к Черному морю. Его поворотный пункт – завоевание Крыма и основание Севастополя. «Северный» и «южный» геопроекты превратили Россию в великую европейскую державу, причем их интенсивная реализация продолжается и поныне. Достаточно указать на превращение Петербурга в культурную и туристическую столицу России и на недавнее строительство Керченского моста.

Однако именно третий, «восточный» геопроjekt, начавшийся с похода Ермака, превратил Россию в великую евразийскую и мировую державу. Сибирь обеспечивала Россию сначала пушниной, с начала XVIII века – железом, медью и драгоценными металлами, а с XX века и по сию пору – лесом, всеми видами металлов, электроэнергией, алмазами, нефтью и газом. Свыше 90% ресурсных потребностей России покрывается за счет Сибири, через нее пролегают кратчайшие пути в Центральную и Юго-Восточную Азию, а также в Тихоокеанский регион.

К сожалению, освоение Сибири всегда носило и до сих пор носит преимущественно экстенсивно-колониальный характер, когда ее возобновляемые и не возобновляемые природные ресурсы, а также человеческий капитал, используются в первую очередь для развития других территорий. Нынешнее кризисное состояние России требует нового – интенсивного – этапа в реализации сибирского геопроекта. Это должно быть стратегически ориентированное развитие, сохраняющее и рачительно использующее уникальный природный потенциал Сибири, актуализирующее ее огромные геополитические, транспортно-энергетические, социокультурные и гуманитарные возможности. Речь идет о «зеленом», «кооперативном», и «нравственно ориентированном», т.е. духовно-экологическом, развитии с сохранением заповедных территорий и биологического разнообразия; с безотходной переработкой природного сырья и выпуском продукции с высокой добавленной стоимостью; с возрождением нравственных традиций нестяжательства, кооперативной и артельной взаимопомощи; с сельским хозяйством, ориентированным на производство «органического продовольствия»; с центрами опережающего научно-инновационного развития, типа Томска и Новосибирска. Кроме этого, Сибирь, всегда являвшаяся местом интенсивного диалога и взаимного обогащения евразийских культур (здесь особенно важен регион Алтая, где сходятся

границы четырех крупнейших государств Евразии), и сегодня обладает значительным миротворческим и культурно-синтетическим потенциалом. В Сибири многие народы ищут свои исторические корни, здесь пересекаются важнейшие широтные и меридиональные торговые и транспортно-энергетические коридоры Евразии. Словом, Сибирь обладает мощным биосферным, геополитическим и хозяйственно-культурным потенциалом, разумное использование которого может стать важным фактором позитивных трансформаций, рассматриваемых и в пространственно-синхроническом (евразийском), и в глобально-диахроническом цивилизационных аспектах.

В настоящее время предложено несколько комплексных социально-экономических программ развития Сибири. Одна из них, разработанная большим междисциплинарным коллективом ученых под руководством бывшего зам. министра экономического развития Российской Федерации, д.э.н. А.Н. Клепачем, называется «Русский ковчег» и уже достаточно широко представлена в информационном пространстве России [4]. Очень важно то, что философская и научно-проектная, провинциальная и столичная, государственная и общественная мысль движутся параллельно в понимании Сибири, как ключевого евразийского и мирового региона, имеющего исключительное значение для общего лучшего будущего.

Проект приоритетного развития Сибири может стать по-настоящему объединяющим цивилизационным проектом для России – тем самым русским «общим делом», без которого не обошелся ни один взлет в ее истории. Если раньше нахождение такого «общего дела» было связано с отражением внешней агрессии или ситуативной необходимостью сообща реагировать на природные или социальные потрясения, то сибирский проект является сугубо мирным, созидательным и устремляющим в будущее. Его можно назвать кратко: «Сибирь – для всей России», причем этот проект обладает объективной возможностью приобрести не только национальный, но евразийский и мировой консолидирующий характер.

Из истории также известно, что становление любого нового глобального цивилизационного типа требует эмбрионального периода созревания и первоначально «точечной» пространственной локализации. Так античная цивилизация зародилась в прибрежных полисах Малой Азии, христианская – в городах Византии. Классический европейский капитализм с мануфактурным производством и гуманистической идеологией – детище итальянских городов с Венецией и Флоренцией во главе.

В этом плане Сибирь и ее отдельные ключевые культурно-биосферные регионы, подобные Алтаю, призваны стать общеевразийскими, и одновременно глобальными, «стартовыми площадками» для глобального перехода человечества к цивилизации нового типа с соответствующими научно-технологическими, экологическими, социально-экономическими, политическими и культурными инновациями, конкретные контуры которых еще далеки от очевидности.

Можно, однако, уверенно предположить, что ключевым фактором трансформаций станет не качество технологий, а качества самого человека (здесь уместно вспомнить знаменитую формулу Н.М. Карамзина, что «не формы, а люди важны»), а собственное эволюционное преображение человека будет носить не внешний и насильственно-техногенный, а внутренний, естественно-эволюционный характер, связанный с актуализацией латентных, доселе «спящих» в нем духовных сил и способностей.

Список литературы

1. Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э., Кара-Мурза С.Г., Деева М.В., Сафонова Ю.А. Постиндустриализм. Опыт критического анализа. М.: Научный эксперт, 2012. 288 с.
2. Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. На путях к новой цивилизации (очерки духовно-экологического мировоззрения). Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2014. 219 с.
3. Степин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция. 2003. 744 с.
4. Субботин А. Ковчег надежды. В Сибири опробуют модель развития страны. Режим электронного доступа: <https://www.poisksnews.ru/skript/kovcheg-nadezhdy-v-sibiri-oprobuyut-model-razvitiya-strany/>

Традиции сибирского просветительства на примере деятельности А.М. Топорова и М.А.Лисавенко*

Каланчина И.Н.

*Алтайский государственный аграрный университет, доцент кафедры гуманитарных дисциплин.
Кандидат философских наук*

kalanchina62@mail.ru

Аннотация. В эпоху современного системного кризиса как никогда востребованы лучшие традиции в развитии культурного пространства Сибири. Это мощный потенциал, который складывался в процессе деятельности многих поколений российских просветителей. Автор исследует феномен просветительства как процесс, гармонизирующий, конструирующий социально-культурное и природное пространство, обеспечивающий передачу духовного опыта, накопленного обществом, будущим поколениям. В данной статье подобные достижения рассматриваются на примере деятельности известных просветителей Сибири: народного учителя А.М. Топорова и селекционера-садовода М.А. Лисавенко.

Ключевые слова: культурный ландшафт, сибирское просветительство, социо-культурная деятельность, просветительское направление, синтез этического, интеллектуального, эстетического и трудового воспитания.

Traditions of Siberian Enlightenment on the example of activities of A.M. Toporov and M.A. Lisavenko. Kalanchina I.N.

Altay State Agrarian University Departments of humanitarian disciplines

Abstract. In the era of modern systemic crisis, the best traditions in the development of the cultural space of Siberia are more demanded than ever. This is a powerful potential that has developed in the process of activities of many generations of Russian educators. The author explores the phenomenon of enlightenment as a process that harmonizes, designs a socio-cultural and natural space, ensuring the transmission of spiritual experience gained by society to future generations. In this article similar achievements are considered on the example of the activities of famous educators of Siberia: people's teacher A.M. Toporov and erudite selector of plants M.A. Lisavenko.

Keywords: Cultural landscape, Siberian enlightenment, socio-cultural activity, educational direction, synthesis of ethical, intellectual, aesthetic and labour education.

Освоение Сибири является темой множества исследований, которые осуществлялись с точки зрения самых разных подходов: философского, геополитического исторического, культурологического и др. И в целом можно говорить о формировании двух полярных взглядов на Сибирь. Первый рассматривает это пространство как страну холода, мрака, как колониальную территорию, пригодную исключительно для освоения и вывоза природных ресурсов. Этот подход отражен в целом ряде работ, например, в книге З. Бжезинского «Великая шахматная доска» [1].

Нам же представляется научно обоснованным и цивилизационно обусловленным отношением к Сибири как региону, представляющему ценность, прежде всего, как культурное пространство, имеющее большое значение для развития научного, культурного, социального потенциала современной цивилизации.

Поражают масштабы вклада большого числа групп и отдельных выдающихся личностей, чья деятельность связана с развитием культурной, научной, образовательной, экономической и хозяйственной жизни Сибири. Их вклад в освоение и обживание этого масштабного и сурового пространства требует нового осмысления и оценки.

История просветительства в Сибири началась задолго до появления там декабристов, и развивалась,

конечно, на протяжении не одного столетия, но в данной работе мы остановимся хронологически на первой половине XX в. Прежде всего отметим, что преемственность между всеми поколениями «культуртрегеров» (в том числе декабристами, областниками, народниками и их последователями) в просветительской деятельности в Сибири совершенно очевидна. При этом их идейная основа была порождена, по сути, схожими мотивами: любовью к Сибири («сибирефильством»), импульсом «местного» патриотизма. Поэтому вполне закономерно, что основной для всех них была идея просвещения коренных народов, пробуждения общепатриотического сознания с целью — обеспечить в будущем динамичное политическое и культурное развитие Сибири как исключительно значимой части Российского государства. Миссия декабристов и областников — просвещение сибирских народов — получила свое развитие в движении народников. В программе народников важное место занимала борьба с невежеством через распространение грамотности. Однако они утверждали, что достижение всеобщей народной грамотности не является единственно главной целью преобразовательной деятельности. Народники полагали, что это не цель, а средство, хотя и, безусловно, важное. Считалось, что приоритет необходимо отдавать философскому, историческому, естественно-математическому знанию и интеллектуальному развитию через постижение и понимание социальной действительности. Народники утверждали, что «развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении; воплощение в общественных формах истины и справедливости — вот краткая формула, обнимающая... все, что можно считать прогрессом» [2, с. 94–98.].

«Хождение в народ» не обошло стороной и территорию нынешнего Алтайского края. В частности, известно, что в отдельных районах края в качестве сельских учителей с конца XIX и вплоть до 50-х гг. XX в. работали осевшие выходцы из европейской части России — представители народнического движения. И хотя они работали в разных населенных пунктах, между ними поддерживалась связь, время от времени они собирались, обменивались опытом своей культурной и педагогической работы.

Просветительские усилия народников не канули в лету, и их реформаторские проекты, идеи широкого просвещения продолжили добровольные земледельческие коммуны (толстовцы), которые собирались по инициативе и желанию людей, по принципу той «естественной» самоорганизации в общины, о которой много размышлял Лев Николаевич Толстой.

Рассмотрим просветительскую специфику добровольных крестьянских объединений на примере деятельности коммуны «Майское утро» (ныне Алтайский край), одним из организаторов которой был А.М. Топоров, чье имя вошло в золотой фонд традиций сибирского просветительства. Адриан Митрофанович Топоров (1891 — 1984) родился неподалеку от Старого Оскола (ныне Белгородская область), и за несколько лет до революции с семьей своего наставника переехал в Барнаул. А позже — в близлежащее село Верх-Жилинское (ныне село Верх-Жилино Косихинского района Алтайского края), в 1920 году он активно включился в работу по созданию коммуны «Майское утро», где во всей силе проявился его просветительский дар. Вместе с крестьянами-коммунарами он построил там школу и в течение 20 лет обучал взрослых и детей грамоте. Кроме того, А.М. Топоров создал при коммуне краеведческий музей, народный театр, библиотеку, два хора, струнный оркестр (в первые годы после Гражданской войны в деревенской школе было 50 циммермановских скрипок!), исполнявший классические произведения.

По сути, Адриан Митрофанович осуществил уникальную и успешную программу по приобщению крестьян к высокой культуре, к лучшим образцам музыкального и литературного наследия. И, как ни парадоксально, в коммуне условия для такой работы оказались наиболее благоприятными, так как, с одной стороны, в ней собрались самые яркие и пассионарные личности — с непреодолимым стремлением к новому мироустройству, к знаниям и культуре. С другой стороны, коммуна открыла для крестьян широкие возможности, которые предоставляло общинное устройство — и в работе на земле, и в ведении хозяйственных дел, так как значительно сократилось время на рутинные бытовые заботы.

А.М.Топоров принципиально придавал большое значение творческой составляющей в образовательном процессе. Он был уверен, что развитие в детях чувства прекрасного и приобщение их к различным видам творчества существенно влияет на развитие мышления. В частности, многие его занятия были направлены на формирование в детях наблюдательности, любви к чтению классических книг, навыков письменной и устной речи.

Широкую известность Адриану Митрофановичу принесла изданная им в 1930 г. книга «Крестьяне о писателях», где он опубликовал отзывы своих товарищей по работе в коммуне на произведения, с которыми он их знакомил. В «Майском утре» он часто устраивал чтение вслух, где звучали произведения

Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ и АНО ЭИСИ (проект № 20-011-31304) «Сибирь для всей России: основания и механизмы духовно-экологической цивилизационной трансформации».

классиков: от А.С. Пушкина до Л.Н. Толстого, от Шекспира до Гейне. После чтения Топоров просил своих слушателей высказаться и записывал отзывы. Известно, что впоследствии эту работу высоко оценили А.М. Горький и известный русский библиограф, руководитель Международного библиотечного института Н.А. Рубакин.

Имя Топорова прогремело на всю страну в 1961 году, когда из космического полета вернулся Г.С. Титов, который называл Адриана Митрофановича своим «духовным дедом». Оказалось, что родители космонавта были первыми учениками Топорова в коммуне «Майское утро».

Педагогический опыт А.М. Топорова сегодня становится все более востребованным. Разработанные им принципы всестороннего воспитания детей значительно обогатили теорию и практику отечественной системы образования, но многое, к сожалению, еще не до конца изучено и нуждается в серьезном исследовании и популяризации.

Еще одним ярким представителем просветительского направления является основатель промышленного садоводства в Сибири М.А. Лисавенко (1897 – 1967.). Уже при жизни его называли «сибирским Мичуриным и родоначальником Алтайского садоводства, сибирским пионером-садоводом». Михаил Афанасьевич родился и провел детство в селе Боготол (ныне город, Красноярский край) в семье лесообъездчика. По воспоминаниям ученого, родившийся в суровом климате Восточной Сибири и не видевший плодовых деревьев, он с ранних лет почувствовал свое призвание и читал много специальных книг по садоводству. После окончания гимназии в Красноярске в 1917 году поступил на юридический факультет Томского университета и одновременно стал вольнослушателем на историко-философском факультете. После окончания двух курсов Томского университета, Лисавенко переезжает в Ачинск, где закладывает первый плодовый сад. Там же он приходит к мысли о необходимости широкого распространения идей «садоводства и озеленения» и проводит для школьников и взрослых экскурсии в своем саду.

20-30-е годы — сложный, напряжённый, но и активный период жизни Михаила Афанасьевича Лисавенко. Полный энтузиазма, творческих исканий и замыслов, он постоянно в поисках и экспериментах, пишет статьи и отправляет их в центральные научные журналы и «Крестьянскую газету». В Москве разглядели большой потенциал молодого садовода и направляют рекомендательное письмо секретарю Ойротского обкома ВКП (б): «...Лисавенко работает над разрешением проблемы северного пловодводства и уже имеет в этом направлении значительные достижения как в научной области, так и в области массовой работы по опытничеству... Тов. Лисавенко очень хотел бы работать на Алтае. Здесь он предполагает развернуть на основе мичуринского метода большую опытную работу с дикорастущими ягодниками, придав ей в последующем промышленное значение. Все данные к этому на Алтае имеются».

С поразительным упорством Лисавенко в одиночку и на свои средства осваивал участок в 2,5 га в Татанакновском логу. Только через год начали поступать финансы на развитие сада. При этом Михаил Афанасьевич совмещал сразу все должности и работал как пахарь, садовод, сторож, плотник, конюх, возчик, бухгалтер и кассир. В 1929 — 1931 гг. он успешно прошел заочные курсы при Тимирязевской сельскохозяйственной Академии. При этом за два года он посадил сотни саженцев яблонь слив, груш, а также кустарников, цветов. Когда не хватало светового дня, он умудрялся работать в саду ночью с фонарём. И уже с 1935 года коллективные хозяйства Алтая стали массово приобретать выращенные Лисавенко саженцы как более продуктивные и приспособленные к условиям Сибири.

Во время Великой Отечественной Войны станция садоводства в Ойрот-Туре перешла на самокупаемость и все пять лет живёт за счёт собственных доходов. Кроме овощей, фруктов и ягод там выращивали зерновые культуры, лечебные травы. Работали теплицы и пасека. Весь ассортимент овощей поставляли в госпитали для раненых.

В 1950 г. Алтайскую опытную станцию садоводства и ее руководителя переводят в Барнаул, которую намного позже переименовали в НИИСС (научно-исследовательский институт садоводства Сибири) имени М.А. Лисавенко. В это время, помимо новых достижений в селекционной и научной деятельности, в жизни Михаила Афанасьевича, происходят не менее значимые события: присвоение учёной степени доктора сельскохозяйственных наук, звания профессора; избрание в члены ВАСХНИЛ; получение Золотой медали имени И.В. Мичурина в области развития мичуринской агробиологии.

Трудно переоценить заслуги М.А. Лисавенко — ему удалось основать уникальную научную школу биологов, селекционеров-практиков (имеющих международную известность), благодаря совмест-

ной деятельности с которыми он буквально преобразил суровый сибирский ландшафт через развитие коллективного и приусадебного садоводства, повсеместное распространение плодовых, ягодных, декоративных, цветочных культур.

По воспоминаниям соратников и родных, Михаил Афанасьевич всегда щедро делился знаниями о новых технологиях и сортах, работал до преклонных лет в напряженном ритме, писал стихи, много читал и любил обсуждать классические произведения во время бесед с друзьями и близкими. Всегда пользовался безусловным авторитетом среди своих коллег, учеников и сотрудников.

Показательно, что традиции сибирского просветительства, основанные на сознательном синтезе научного, эстетического, нравственного, трудового и общекультурного развития, никогда не прерывались. Сегодня как никогда актуальна мысль о том, что культурно-просветительская деятельность таких подвижников, как А.М. Топоров, М.А. Лисавенко является важнейшей, так как именно таким образом происходит социальный прогресс, передача и закрепление лучшего культурного опыта, накопленного цивилизацией.

Таким образом, очень многое в жизни общества зависит от конкретных личностей, независимо от сложных политических условий и социальной среды. Преемственность цивилизации сохраняется усилиями конкретных подвижников на ниве просвещения и культуры. Казалось бы, известно, что передача знаний и традиций обеспечивается объективными историческими законами — как бы сама собой и от конкретных личностей не зависит. Но в данном случае можно говорить о двух уровнях цивилизационной преемственности. На первом уровне процессы протекают автоматически, и идет распространение новых знаний в сфере технологий и бытовых практик. На втором же — происходит преемственность ценностей, наиболее важных знаний, которые уже автоматически не передаются, а только лишь усилиями конкретных личностей, передовых деятелей культуры, которые идут в массы, пробуждают их активность и тем самым вовлекают в высшие культурные слои. И каждый, кто попадает в эту просветительскую ауру, уже начинает жить по-новому, поскольку повышается уровень его сознания и общей культуры. Поэтому идеи целого ряда просветителей о Сибири как исторической, культурной и этнографической ценности; о непреходящих нравственных основах и культе знания; оставленные нам в наследство, не теряют своей актуальности и составляют «силовой» каркас будущих достижений сибирского культурного пространства.

Литература:

1. Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. На путях к новой цивилизации (очерки духовно-экологического мировоззрения). — Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2014. — 219 с.
2. Должиков В.А., Зеленин Ю.А. Классическое народничество: социальные истоки и политико-идеологический смысл // Известия Алтайского государственного университета. — 2017. — № 2.
3. Топоров А.М. Интересное это занятие – жить на земле! — Барнаул: Алтайский дом печати, 2015, — 398 с.
4. Овчинникова О.С. Ближний круг академика М.А. Лисавенко // Огни над Бией. — 2008. — № 3. — С. 120-136.

Михалев М.С.

Российский Государственный Гуманитарный Университет (РГГУ), доцент Центра Социальной Антропологии

maxmikhalev@yahoo.com

Аннотация: Мировоззрение, присущее коренным народам Сибири, труднодоступно для понимания человека, воспитанного в западной философской традиции. То знание, что является основополагающим в картине мира, имеющей для них значение базиса, находится за пределами восприятия органами чувств, но при этом обладает способностью наделять существование смыслом. В этом случае оно, как правило, является разуму в виде неясных образов, нечетких идей и тонких импульсов, но при этом содержит в себе то вытесненное, что является его собственным отражением и одновременно подобием его невыразимой сущности. В какой-то мере, оно может быть описано как своего рода гнозис, который в подобной интерпретации является основой и содержимым духовной жизни коренных обитателей многих периферийных районов Евразии.

Ключевые слова: коренные народы Сибири, Алтай, бурханизм, народная философия, гнозис, философская антропология

The Weltanschauung of the Aboriginals of Siberia.
Mikhalev M.S.

Russian State University for Humanities, Centre of Social Anthropology

Abstract. The «Weltanschauung» of the aboriginal peoples of Siberia is often incomprehensible for the people brought up in the Western tradition. The knowledge that is fundamental for their worldview lies beyond the perception limits of our organa sensoria, but at the same time, it provides meanings for their existence. Unseen and unknown, it reaches the conscience in the form of blurred images, elusive ideas and tacit impulses, but at the same time, it borrows its power from the repressed that reflects its own nature that cannot be expressed otherwise. In a certain sense, it can be described as a gnosis of a sort, and in this interpretation, it can work as a basis and as an essence of the spiritual life of the aboriginal people inhabiting the periphery of Eurasia.

Keywords: Siberian aboriginals, Altai, Burkhanism, popular philosophies, gnosis, philosophical anthropology

В мировоззренческих системах, распространенных среди коренных малочисленных народов Сибири, в числе которых можно упомянуть, к примеру, алтайцев и тувинцев, упоминается особого рода знание, которое обретается не при помощи систематического узнавания, а достигается через страдание, любовь, самопожертвование, духовный поиск и погружение в океан таинственных символов [1;2]. Оно описывается как парящее нечто, что проявляет себя в этом мире, при этом обнаруживается, поглощается, ценится и почитается представителями данных народов превыше всего. Подобное знание, которое можно с натяжкой назвать гностическим, существенно отличается от знания классифицируемого, кодифицируемого и заключенного в книги в виде массива информации. Оно представляет собой совершенно иную субстанцию, будучи изменчивым, неуловимым, многогранным, субъективным и в целом необъяснимым. Можно сказать, что оно также не является статическим и хоть сколько-нибудь измеримым, и им невозможно овладеть раз и навсегда; скорее, оно есть неясный отблеск многозначной реальности. По той причине, что данная реальность пребывает в процессе вечной трансформации и предполагает неисчислимое количество аспектов и углов зрения, ни один человек не способен ухватить его содержание или, тем более, сформулировать его. По этой причине традиционное знание коренных народов Сибири невозможно привести в систему, кодифицировать, измерить, сохранить или использовать для выведения закономерностей, ведь только личный опыт каждого человека в тот или иной конкретный момент времени имеет значение. При этом, несмотря на то, что те же алтайцы относятся с глубоким уважением к формальному образованию и структурированному знанию, они все

же считают его вторичным и безжизненным, ибо убеждены, что с его помощью невозможно постичь неуловимую природу Истины.

Подобное, гностическое по своей природе, знание воспринимается разными людьми совершенно по-разному, однако, ибо оно может быть обнаружено, опознано, классифицировано и наименовано только при помощи имеющегося в их распоряжении вокабуляра, который, в свою очередь, обуславливается особенностями культуры и общим уровнем ее осмысления. Именно поэтому рядовому аборигену Сибири оно является в виде добрых или злых духов, в то время как в понимании местного же хранителя музея, сведущего в истории, оно принимает совершенно форму эпического персонажа. Для того же, кому не безразлична, к примеру, поэзия, это же самое знание является в виде стихов о священной любви, которые он принимает непосредственно из рук великого мистика древности. Мимолетные и едва уловимые проявления его могут принимать форму святого долга для тех, кто верит в особое предназначение своей земли, или форму проклятия для тех, кто убежден в том, что мумии обладают способностью поддерживать планетарный баланс и приводить миры в движение.

Что касается методов, которые те или иные народы берут на вооружение в процессе поиска подобного рода знания, то они различны в той же степени, в какой различны сами эти народы. Некоторые обращаются к прошлому, ведь именно далекие предки снабжают их теми таинственными кодами, что в состоянии интерпретировать многогранную реальность. В их представлении герои эпоса обладают способностью наделять людей истинным знанием, раскрывая им смыслы эзотерических символов. Для презируемых же время, но при этом ценящих пространство алтайцев единственным методом обретения истинного знания является путешествие. Они верят, что простое перемещение по родной земле, предпринимаемое без определенной цели и направления, является тем способом, с помощью которого человек приобщается к деяниям духа. С их точки зрения, только земля, которая является живым организмом, а также источником и воплощением высшего знания, способна наделять людей силой и мудростью [3].

Олицетворением знания в культуре многих народов Сибири является священный огонь. В этом нет ничего удивительного, ведь огонь неразрывно связан со светом, посредством которого он проявляет себя в мире. В то же самое время именно свет часто сравнивается со знанием, ибо и тот, и другое призваны освободить человека из капкана тьмы и невежества. На Алтае культ огня настолько же очевиден, как и в других уголках региона, однако в силу природного упрямства его жителей ему так и не была придана определенная ритуальная форма, а потому и проявляется он каждый раз по-разному. Бурханисты, к примеру, в ознаменование наступления нового года проводят на горе Тугая в центре Горно-Алтайска ритуал очищения. Участники верят, что именно огонь способен напитать силой духов Алтая, а также в состоянии очистить и укрепить их собственные души.

Как и большинство из нас, коренные народы Сибири боятся энергий, присущих подобному сокровенному знанию, ибо прекрасно осведомлены об их разрушительной силе. Однако в отличие от тех, кто живет в центральных районах страны и по этой причине менее подвержен их прямому влиянию, они не только выработали защитные механизмы, позволяющие им выживать в условиях постоянных атак, но и научились использовать эти силы себе во благо. Дело в том, что их особая культура, представляет в их распоряжение мощные и яркие символы, которые могут захватывать ступки гостевой материи и запаковывать ее содержимое так, что она становится полезным и могучим знанием. С их помощью люди могут проникать в глубины времен и смыслов, преодолевая порог восприятия реальности, и ловить в свои сети то самое бесформенное и неуловимое парящее нечто. Наполняющиеся в ходе этого процесса энергией символы обладают способностью доносить его содержимое в запечатанном виде, гарантируя то, что в ходе этого процесса оно не будет подвержено разрушительному воздействию анализирующего разума. Другими словами, с помощью инструментов, предоставляемых им их культурой, могут не просто переживать, но и догматизировать свой опыт. При этом разнообразие символов, обладающих возможностью вмещать в себя и в дальнейшем трансформировать содержимое коллективного бессознательного, воистину велико. Хранилищем растворенного в нем знания может стать все, что угодно: свеча у дерева или ленточка белой материи, пустой курган или Япон-хан [4], грациозный барс или приземистый дольмен, мумия Алтайской Принцессы [5] или заклинание шамана.

Та энергия, что они могут в себя заключить, может быть со временем утеряна, а может и продолжаться веками питать людей. Некоторые из символов навсегда остаются локальными, в то время как другие преодолевают границы и расстояния. Некоторые умирают, но позднее воскресают вновь, другие запрещаются властями, но продолжают пользоваться всенародным почетом. Одни и те же символы

могут вызывать любовь в одно время и ненависть в другое, почтение в одном месте и небрежение в другом. В зависимости от культурных особенностей, проявления гностического знания, присущего мировоззренческим системам коренных народов Сибири, воспринимаются то в виде духов, требующих опубликовать содержимое своих инструкций на страницах газет, то в виде профетических снов о грядущем мессии или плачущей принцессе.

Литература:

1. Шодоев Н.А., Курчаков Р.С. *Алтайский билик – древние корни народной мудрости России. Казань: Центр инновационных технологий, 2003. 107 с.*
2. Шодоев Н.А. Основы алтайской философии. Бийск: Типография ИП Кудрин, 2009. 205 с.
3. Мамыев Д.И. Духовная экология и культура в XXI // Н.А. Шодоев, Р.С. Курчаков. Алтайский билик – древние корни народной мудрости России. Казань: Центр инновационных технологий, 2003. с. 93–105.
4. Данилин А.Г. Бурханизм. Из истории национально-освободительного движения. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1993. 208 с.
5. Доронин Д.Ю. Что опять не так с «Алтайской принцессой»? Новые факты из ньюслорной биографии Ак Кадын // Сибирские исторические исследования. 2016. № 1. С. 74–104.

Философский образ Сибири и Алтая в поэзии К. Бальмонта

Останин В. В.

Алтайский государственный университет, доцент кафедры гуманитарных дисциплин. Кандидат философских наук

vadim_bh@mail.ru

Аннотация: в статье рассматривается философский образ Сибири и Алтая, представленный в поэтическом творчестве великого русского поэта и мыслителя К. Бальмонта. Особенное место в данном отношении занимает его сборник «Голубая подкова (Стихи о Сибири)», непосредственно посвященный указанной теме. В ходе исследования выявляется диалектический принцип противопоставления Бальмонтом философских образов Сибири и Запада. Философскими основаниями для данной процедуры становятся диалектические пары категорий: 1) свободы-несвободы 2) мира-войны и 3) спонтанной и институциональной религии. В итоге автор приходит к выводу, что Сибирь в творчестве поэта прочно ассоциируется со свободой, миром и спонтанной религиозностью. Запад, напротив, характеризуется несвободой, войной и институциональной религиозностью. Все вышесказанное относится и к Алтаю, как осевому региону Сибири, но в еще более контрастном виде.

Ключевые слова: Бальмонт, философия Сибири, свобода, мир, религия, поэзия.

The philosophical image of Siberia and Altai in the poetry of Balmont.

Ostanin V. V.

Altai State Agricultural University, Department of Humanitarian Sciences

Abstract: the article considers the philosophical image of Siberia and Altai, presented in the poetic work of the Great Russian poet and thinker K. Balmont. A special place in this regard is occupied by his collection “The Blue Horseshoe (Poems about Siberia)”, which is directly devoted to this topic. In the course of the study, the dialectical principle of contrasting the philosophical images of Siberia and the West by Balmont is revealed. The philosophical foundations for this procedure are dialectical pairs of categories: 1) freedom-unfreedom 2) peace-war and 3) spontaneous and institutional religion. As a result, the author comes to the conclusion that Siberia in the poet’s work is strongly associated with freedom, peace and spontaneous religiosity. While the West, on the contrary, is characterized by lack of freedom, war and institutional religiosity. All of the above applies to Altai, as the axial region of Siberia, but in an even more contrasting form.

Key words: Balmont, Siberian philosophy, freedom, peace, religion, poetry.

Константин Дмитриевич Бальмонт – великий отечественных прозаик и переводчик, бывший, прежде всего, поэтом, посвятил Сибири немало своих произведений. Тема Алтая в них тоже занимает особенное место. Сибири специально посвящен отдельный сборник поэта – «Голубая подкова (стихи о Сибири)», включивший в себя стихи разных лет.

Здесь может возникнуть закономерный вопрос: «Насколько вообще уместно говорить именно о “философии”, тем более, “философии Сибири”, когда дело касается размышлений поэта»? По нашему глубокому убеждению, такой разговор не только уместен, но и необходим.

Возможно, одно из самых знаменитых определений философии, данных в XX в., принадлежит Мартину Хайдеггеру. Оно содержится в его классической и во многом определяющей работе – «Основные понятия метафизики». По признанию самого Хайдеггера, он вывел данное определение «по путеводной нити изречения» другого известного немецкого мыслителя и, в первую очередь, поэта – Новалиса:

«Философия есть, собственно, ностальгия, тяга повсюду быть дома» [1, с. 86].

Обладал ли Бальмонт таким особым типом ностальгии и стремлением повсюду быть дома? Конечно же, да. Более того, после того, как Бальмонт отправился в иммиграцию в 1920 г., его ностальгия и щемящее ощущение дома приобрели вполне конкретные очертания. Это ностальгия по Родине –

России, потерянного дому поэта, в который ему так и не было суждено вернуться.

Родиной поэта была европейская часть России, но, очевидно, что Сибирь и Алтай были дороги ему не менее. Как уже было сказано, Сибири Бальмонт посвятил свой отдельный сборник «Голубая подкова». На выбор темы, очевидно, повлияло путешествие поэта по Сибири, предпринятое им в 1916 г. (половина стихотворений написаны в пути, а остальные уже позже в иммиграции), а также его крепкая дружба с алтайским писателем Г.Д. Гребенщиковым, носившим говорящий псевдоним «Сибиряк», прекрасно иллюстрировавший основную направленность его творчества. Гребенщикоу в сборнике посвящено три стихотворения, две его цитаты взяты в качестве эпиграфов. К тому же два стихотворения посвящены Л.В. Тульпе – знаменитому сибирскому литератору, поэту, некоторое время также жившему на Алтае, в Барнауле.

Как нам представляется, философствование поэтов вообще часто носит диалектический характер [2, с. 108], и поэзия Бальмонта здесь не является исключением. Указания на противоречия в мире и душе человека, на крайности – вполне свойственны ему.

В творчестве поэта Сибирь и Алтай принципиально противопоставляются Западу. Сибирь – символ свободы, бескрайности, широты, как в пространственном, так и во временном значении, свободы и широты души человека.

Вскрытие льда
В устье Амура.
Воет вода
Дико и хмуро.
Там, подо льдом,
Жадность свободы [3, с. 901].
Тайга, ты – тайна
В пути слепом.
Твоя нетронутость бескрайна,
В тебе бездомному есть дом [3, с. 903].
В довременной я Сибири,
Где и ветер в белой шири
Устает порой летать [3, с. 904].
Но жаром он и там, в раскинутой Сибири...
Там каждый, подходя, мне улыбался вольно,
Там каждая душа собой являла ширь...
Простором исполин, великая Сибирь [3, с. 910-911].

Запад же, напротив, являет собой символ несвободы, изгнания, захваченности властью, узости взглядов и мысли. В таких строчках у Бальмонта сквозит печаль расставания с Россией, невозможности для поэта вернуться на родину.

Ты из каторги бежишь,
В глушь тайги, в лесную тишь.
Ты бежал. Не тут-то было! [3, с. 905].
Тебе, суровый сын Сибири,
Что взором измерял тайгу,
Привет в изгнанническом мире,
На отдаленном берегу...
Прими в Провансе многоцветном
Бретонской чайки властный крик [3, с. 905].

Еще одно интереснейшее диалектическое противоречие представляют собой категории мира и войны. Сибирь устойчиво ассоциируется у Бальмонта с миром, Запад же с войной (первой мировой и кровавой русской революцией).

Разорвалось мирозданье,
В жуткий срыв раскрылась дверь.
Несосчитанность рыданья,

Непредвиденность потерь.
Затуманенные люди,
Ярость пропасти без дна,
О, когда же в новом чуде
Будет новая луна? [3, с. 902].
Но, пока весь мир в бреде,
Здесь [т.е. в Сибири] я с грезой речь веду [3, с. 904].
Чубек оставил чум свой и жену.
Прощай, тайга. От блесков снега млея,
Чубек на лыжах мчится на войну...
Без солнца бьет песцов якут Туртул.
Из узких глаз зрачки – как звезды ночи,
«Поход. Война. Зовет тебя сам царь» ...
Туртул на лыжах мчится на войну...
Уйби-Кута, тунгус, ребенок малый,
«Помочь царю» он понял мысль одну,
«И вновь к невесте, в куст малины алой».
Уйби-Кута уходит на войну.
Так всех – так всех – обманом – заманила
В свое жерло свирепая война [3, с. 911-912].

Еще одно не менее интересное противопоставление касается природы религиозности. Сибирь, ее жители представляют собой спонтанную природную религиозность, не ограниченную ограниченными рамками религиозной институциональности. Запад, напротив, есть организованная религиозность, религия как институт, иерархическое образование.

След, пробитый кабаном,
Чаш природные храмы.
Кто здесь молится водам?
Что гудит над холмами,
Вековым хороводом
И густыми псалмами? [3, с. 902].
Все, что в мире здесь [т.е. в Сибири] от Бога... [3, с. 903].
Был дух [в Сибири] равномерно-ничей [3, с. 903].
Лес молчит, и тают тихо
В синеве колокола.
Завтра праздник богомольный,
Синь над снегом небосклон [3, с. 909].

Тема Алтая затрагивалась Бальмонтом не раз. В стихотворении «Медвяная тишь» (1923) есть такие слова: «Далеко родимая Мать от Волги глядит до Урала, / От Белой волны на Закат, глядит чрез Алтай на Восток». В сборнике «Голубая подкова» Алтай упомянут пять раз. Ни один другой регион Сибири столь часто в нем не появляется. Посвящения «алтайцам» Гребенщикоу и Тульпе дополнительно подчеркивают важность алтайской тематики.

Создается устойчивое впечатление, что Алтай представлен Бальмонтом как наиболее репрезентативный регион Сибири. Многие философские образы и категории, что затрагивались в связи с Сибирью, приобретают еще более конкретные прорисованные очертания, но уже относительно Алтая.

Алтай как будто впитывает в себя всю широту и свободу Сибири, что резко контрастирует с узостью, безжизненностью Запада, навевающимися экзистенциальную тоску:

И златоверхого Алтая
Заря, смотря и в высь, и в ширь,
Гласит, под солнцем расцветая,
Что будет вольною Сибирь [3, с. 908].
Ты видел, мысля и мечтая,
Какого требует труда

В горах червонного Алтая
Золотоносная руда [3, с. 905].
Ветер с ветром. Вон их стая,
У червонного Алтая,
Зацепились за скалу,
И в пещерах тешат мглу [3, с. 904].
Алтай. Полет орла...

Но я сейчас в стране, где мысли в узких путях.
Тоскую длительно. Дух жизни здесь исчез [3, с. 911].

Именно духовные высоты Алтая наиболее рельефно выражают столь свойственную Сибири и сибирякам спонтанную религиозность:

И капля росинки...
Как дымка блестела,
Играя и тая,
И к Богу летела,
На выси Алтая [3, с. 902-903].

Итак, творчество К. Бальмонта, посвященное Сибири, являет серьезную глубину его философствования. Им в диалектическом ключе поднимается тема противопоставления Сибири и Западного мира. Сибирь становится у него символом: 1) свободы, широты души; 2) мирного существования и 3) спонтанной религиозности. Запад, напротив, характеризуется: 1) несвободой, узостью мысли; 2) военными конфликтами и 3) институциональной религиозностью. Алтай же становится «лакмусовой бумажкой Сибири, ибо все вышперечисленные темы приобретают в связи с ним особенную остроту.

Литература:

1. Хайдеггер М. *Что такое метафизика? М.: Академический Проект, 2007. 303 с.*

2. Останин В.В., Коновалов К.В. Диалектика времени в «индийском творчестве» Роберта Рождественского // Манускрипт, 2019. Том 12. Выпуск 5. С. 107-113
3. Бальмонт К.Д. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. М.: Альфа-книга, 2011. 1308 с.

Философия Сибири: потенциал, актуализация, воплощение¹

Разумов В.И.

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, заведующий кафедрой философии, профессор. Доктор философских наук

RazumovVI@omsu.ru

Аннотация: В 2010 г. в Новосибирске проходит Сибирский Философский Семинар, и традиция их проведения в разных городах Сибири сохраняется по настоящее время. С 2013 г. начинается процесс систематического осмысления особенностей философствования в Сибири. Рассматриваются два подхода к феномену Философии Сибири. В традиционном подходе сибирские философы представляются не опознанной мировым научным сообществом интеллектуальной сетью. Будущее философии Сибири связывают с преодолением таких недостатков как «провинциализм» и «туземство». Другой подход основывается на том, что развернувшийся с конца XX в. мировой системный кризис порожден сменой доминирования в интеллектуальной культуре от науки и образования к технологиям и технике. Формируется движение к новой эпохе, где на смену аналитизму приходят установки на синтез, междисциплинарные подходы. В этих условиях следует осуществлять самоопределение философии в целом, где в ранге пилотного проекта уместно рассматривать становление Философии Сибири. Сформулировано предложение Национального проекта «Мудрость России».

Ключевые слова: мировой системный кризис, модернизации, наука и образование, мудрость России, провинциализм и туземство, синтез, технологии и техника, Философия Сибири.

The philosophy of Siberia: potential, actualization, embodiment.

Razumov V.I.

Dostoevsky Omsk State University, Department of Philosophy.

Abstract: In 2010 the Siberian Philosophical Seminar is held in Novosibirsk, and the tradition of their holding in various cities of Siberia is preserved to the present. Since 2013 the process of systematic comprehension of the features of philosophizing in Siberia begins. Two approaches to the phenomenon of the Philosophy of Siberia are considered. In the traditional approach Siberian philosophers appear to be an intellectual network which is not recognized by the world scientific community. The future of the Siberian philosophy is associated with overcoming such drawbacks as “provincialism” and “natives”. Another approach is based on the fact that unfolded from the end of the XX century the global systemic crisis is caused by a change in the dominance of intellectual culture from science and education to technology and technics. A movement towards a new era is forming, where analytism is being replaced by attitudes toward synthesis, interdisciplinary approaches. In these conditions, self-determination of philosophy in general should be carried out, where it is appropriate to consider the formation of the Philosophy of Siberia as a pilot project. The proposal of the National Project “the Wisdom of Russia” is formulated.

Keywords: the global systemic crisis, modernizations, science and education, the wisdom of Russia, provincialism and natives, synthesis, technology and technics, the Philosophy of Siberia.

Характеристика философии по территориальному признаку явление распространенное. Как к этому относиться с учетом интенсивно протекающих глобализации и универсализации интеллектуальной культуры? Отметим, территориальная специализация сибирской философии есть уже состоявшееся явление в силу объективных и субъективных причин. К объективным причинам отнесем территориальную удаленность сибирских городов от мировых интеллектуальных центров. Субъективными причинами выступают, с одной стороны, иерархизация вузов России с 2010 г. с крайне неравномерным и, очевидно, не в пользу Сибири распределением ресурсов между вузами РФ, с другой
i Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07366.

стороны, разворачивается кооперация сибирских философов, захватывающая другие регионы. Это находит выражение в проведении с 2010 г. Сибирских Философских Семинаров (Новосибирск, Томск, Красноярск, Омск, Абакан, Горно-Алтайск) в статусе Всероссийских конференций, в которых активно участвуют представители других регионов. Укажем и возросший уровень рефлексии и самосознания философов Сибири [1-3].

Ценность всякого потенциала определяется его способностью для актуализации и воплощения в определенные и важные для системы процессы. Если использовать в оценке перспектив Философии Сибири идеи Р. Коллинза [4], то речь может идти о складывании интеллектуальной сети сибирских философов с перспективой их интеграции в мировые интеллектуальные сети. Данный процесс должен подчиняться «правилам», в частности, это преодоление ограниченностей «провинциальности» и «туземства» [5]. Рассмотрим другой вариант. Он основывается на идее углубления мирового системного кризиса и переходе к новой эпохе, в интеллектуальном основании которой закладываются установки на синтез. Причем, если причины начала кризиса укоренены в стагнации науки и образования к концу XX в., то выход из кризиса с переходом цивилизации в новое качество, возможно, будет происходить с другими лидерами интеллектуальной культуры. Для лучшего понимания сказанного сформируем такое чередование этапов развития культуры, где в развитии общества и человека последовательно доминировали повседневность (укорененность в быт), искусство (множество способов художественного постижения бытия), религия, наука и образование, технологии и техника. С XIX и по конец XX в. в культуре и цивилизации доминируют наука и образование, и именно в них со 2-й половины XX в. разворачиваются кризисные явления, распространяющиеся на другие сферы жизни общества. Основная претензия к науке и образованию в том, что им не удается обеспечить переход интеллектуальной культуры с экстенсивного на интенсивный формат развития. Пример, а что существенно лучшего было предложено в качестве категориальных схем, организующих мышление, рассуждения, в сравнении с логикой Пор-Рояль XVII в.? На фоне потери наукой и образованием статуса лидеров интеллектуальной культуры с началом XXI в. доминирование переходит к технологиям и технике. В таких условиях в обществе уже активно ведется серьезный пересмотр отношений к наукам и к философии. Если от древности до конца XX в. доминировала установка на то, что знание необходимо для создания и эксплуатации техники, то с началом XXI в. техника сопровождается не просто все более совершенными интерфейсами, а они таковы, что позволяют вполне осмысленное использование устройств ребенком, неграмотным человеком! В создании образцов новой техники предусмотренная в НИОКР последовательность движения от фундаментального открытия к серийному и массовому производству работает только в редких случаях. А каково обеспечение гуманитарно-социальными науками реформ, модернизаций в обществе? Насколько развитие современного общества уместно квалифицировать как научно-обоснованное? С началом XXI в. в России разворачивается процесс вытеснения философии на периферию интеллектуальной культуры, что остро проявляется в резком сокращении преподавания философии в вузах. Выскажем предположение о том, что рекомендации использовать для оценки текущего состояния и перспектив развития науки и образования, философии старых комплексов критериев есть путь тупиковый. Философам современной России необходимо активно участвовать в формировании новой реальности, генерировать идеи о ее устройстве, включаться в проекты создания гуманитарных и социальных технологий.

При этом не следует забывать, что только на сравнительно коротком отрезке развития постоянно усложняющиеся антропотехногенные комплексы могут развиваться относительно автономно от фундаментальной научной базы. Сказанное уместно соотнести и с тем, что глубокие модернизации, реформы в обществе осуществляются вне их серьезного философского осмысления. Это ярко проявляется в современной России. В качестве аргументации в пользу сказанному задумаемся над вопросом о том, как страна, успехи науки в которой на мировом уровне посредственны, и только несколько вузов входят в первую сотню рейтингов мировых университетов, обладает по факту передовой военной техникой?! Если этот аргумент принять, оказывается, что место и роль науки и образования в обществе существенно изменились. Философия, как это уже случалось не раз в истории, находится в ситуации нового радикального самоопределения. Старые системы координат, в которых привычно мыслили себя философы, перестают работать. Таким образом, установка на преодоление философами Сибири «провинциализма» и «туземства» утрачивает стратегический характер. У любого философа, сообщества философов появляется уникальный шанс актуализировать и воплотить свой потенциал самобытности. Естественно, это в полной мере относится к Сибири, географическое положение которой создало ус-

ловия для накопления в ней значительного интеллектуального потенциала. Сейчас в Сибири наблюдается процесс его актуализации.

В чем могут проявить себя философы Сибири? Если считать, что философия непосредственно нацелена на удовлетворение потребностей человека и общества в абстрактном, трансцендентном, экзистенциальном, то в обсуждениях, названных тем разными людьми язык, география и климат, менталитет обладают непреходящим значением. Современная интеллектуальная среда как никогда нуждается в разнообразии, оригинальности. Еще одной важной темой, причем связанной с кардинальными особенностями образа жизни сибиряков, выступают темы интеграции, кооперации, синтеза, и эта тенденция уже проявляется в работах сибирских философов [6-8]. Заявленная здесь способность и заинтересованность сибирских философов в кооперации открывает ряд важных направлений для воплощения интеллектуального потенциала Сибири. Нацеленность на синтез актуальна для включения философии в междисциплинарные исследования и проекты [6; 9]. Принимая тезис о сокращении роли влияния науки и образования в интеллектуальной культуре, с происходящими при этом нарушениями трансферов знаний и технологий, принципиально важным становится разработка новых интеллектуальных технологий, обеспечивающих трансляцию больших объемов разнородных интегрированных знаний в различные области практики [9]. Здесь перечислены некоторые перспективные области деятельности, где способен актуализироваться и воплотиться потенциал Философии Сибири.

Итак, на настоящее время в философской мысли России проявляет, рефлексивует и осознает себя сообщество философов Сибири. В данном материале мы исходили из соображения о том, что Философию Сибири удачнее всего осмысливать в контексте тех глубочайших перемен, которые протекают в современном обществе. В сообществе сибирских философов обсуждается идея выступить на Российском Философском Конгрессе с предложением Национального проекта «Мудрость России». Такой проект сыграет большую роль в интеграции интеллектуалов России, а также он существенно повысит уровень включенности философов в преобразование общества.

Литература:

1. Очерки зарождения философской мысли в Сибири и на Алтае. Сборник научных статей. Барнаул: Издательство АлтГУ, 2013. 163 с.
2. Диев В. С., Иванов А. В., Разумов В. И. Философия Сибири (к постановке проблемы) // Вестник ОмГУ. 2014. №4 (74). С. 76–83.
3. Сибирское измерение российской философии: школы, направления, традиции. Новосибирск: НГУ, 2019. – 335 с.
4. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз; Пер. с англ. Н.С. Розова, Ю.Б. Вертгейм. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 1281 с.
5. Соколов М., Титаев К. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239–275.
6. Иванов А.В. Новый опыт «метафизики всеединства». Барнаул: Пять плюс, 2017. 364 с.
7. Четвертый Сибирский философский семинар «Современная философия в России: междисциплинарные исследования в контексте традиций и инноваций (Омск, 15–17 октября 2014 г.) / Отв. ред. В. И. Разумов. Омск, 2014. 296 с.
8. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях): учебник / Г.Д. Боуш, В.И. Разумов. Москва : ИНФРА-М, 2020. 227 с.
9. Разумов В.И. Теория и практика междисциплинарных исследований и проектирования // Вестник Омского университета. 2019. Т. 24. № 3. С. 141-146.

Специфика сибирского искусства: три фактора формирования¹

Шишин М.Ю.

Алтайский государственный технический университет им И.И. Ползунова, директор Института комплексных исследований Большого Алтая, профессор. Доктор философских наук

shishinm@gmail.com

Аннотация. Обосновывается специфика изобразительного искусства Сибири. Выделяются три основных фактора, обусловивших формирование основных черт сибирской живописи: при этом отмечается, что влияние каждого из факторов всегда было двойственным, и его результат предстает в виде своеобразной оппозиции, двух противоположных полюсов. К данным факторам относятся, во-первых, пространственный, включающий, с одной стороны, стремление обособиться от подавляющей мощи природы, с другой стороны, захваченность ею; во-вторых, этнический, с известной оппозицией: вовлеченность в чужую культуру и стремление сохранить национальную идентичность; в-третьих, психологический, связанный с двойственностью «сибирского характера». Сложное сочетание этих факторов во многом сформировало основные черты сибирской живописи.

Ключевые слова: изобразительное искусство, живопись, Сибирь.

Specificity of Siberia Art: three formation factors.

Shishin M. Yu.

Polzunov Altai State Technical University, Institute for Comprehensive Studies of Greater Altai

Annotation. The specificity of the fine art of Siberia is substantiated. There are three main factors that determined the formation of the main features of Siberian painting. It is noted that the influence of each of the factors has always been dual, and its result appears as a kind of opposition, two opposite poles. These factors include, firstly, spatial, including, on the one hand, the desire to isolate from the overwhelming power of nature, on the other hand, its capture; secondly, ethnic factor, with well-known opposition: involvement in a foreign culture and the desire to preserve national identity; thirdly, psychological factor, associated with the duality of "Siberian nature." A complex combination of these factors has largely shaped the basic features of Siberian painting.

Keywords: art, painting, Siberia.

Вводя пространственный ракурс рассмотрения искусства, мы должны определить границы выбранного пространства. В нашем случае они могут совпадать с границами Сибирского федерального округа или включать лишь крупные города Сибири, где существуют профессиональные объединения художников. С другой стороны, речь может идти об определенной группе художников, которые живут на территории Сибири и которых объединяют некоторые общие черты в искусстве. Мы остановимся на первом варианте, то есть предметом исследования будем считать сибирское искусство в предельно широком смысле этого слова: все, что создано на территории бассейна двух великих рек Евразии — Оби и Енисея. Далее выделим лишь произведения, выполненные в реалистическом стиле, или, по крайней мере, имеющие очевидные элементы фигуративности и предметности. И, наконец, отметим, что один из важных элементов живописи — это именно реальное пространство, которое может быть передано с высокой степенью достоверности либо предельно условно, но в любом случае без этого живописное произведение немислимо. При этом пространственный модус в произведении искусства, по нашему мнению, очень хорошо отражает специфические особенности того или иного произведения в контексте заявленной проблемы.

Дискуссии насчет специфики сибирского, уральского и т. д. искусства ведутся давно. Многие художники и искусствоведы отрицают эту специфику, указывая, в частности, на то, что в век глобализации художник может творить на любом континенте и в различных природно-географических и культурных условиях. С этим трудно спорить, но, однако, практика говорит иное: трудно отрицать

особенность художников, которых устойчиво относят к сибирякам, уральцам и т. д. Художник может написать работу на сибирскую тему, не побывав в Сибири, но это будет «сочиненная» картина. Замечено, что одни художники сразу открываются навстречу «сибирскому влиянию»; есть и те, кто, уехав надолго или навсегда из Сибири, сохраняют незримую, но осязаемую связь с сибирскими ландшафтами и событиями и продолжают работать в «сибирском ключе». То есть время, проведенное в данном пространстве, не является существенным фактором феномена «сибирскости» в искусстве того или иного художника.

Наконец, есть мнение, что территориальная специфика искусства — это результат исключительно субъективных восприятий, которые ни подтвердить, ни опровергнуть невозможно, которые следует относить поэтому к некоей «метафизике» в теории искусства. В ответ можно сказать, что эти субъективные восприятия на самом деле являются довольно общими среди профессионалов. Более того, замечено, что чем выше профессиональный уровень и интуиция зрителя или искусствоведа, тем точнее подмечает он региональную специфику.

Теперь, если говорить о степени изученности феномена «сибирскости» («сибирского стиля»), то можно заметить, что эта тема уже давно волнует искусствоведов. Еще в 1927 г. художник И.Л. Копылов, проявивший себя и как интересный теоретик искусства, выдвинул тезис о «сибирском стиле». «В 1927 г. на Первом Всесибирском съезде художников, проходившем на фоне Первой Всесибирской выставки, его главный теоретик, художник-педагог И. Л. Копылов объявил о рождении “сибирского стиля” в советском изобразительном искусстве: “Сибирь даст в будущем и Венеции, и Флоренции, и Мюнхену, — Сибирь для развития большого искусства я считаю самым удачным местом в СССР”» [1]. Дискуссия об этом не прекращается: отметим лишь одну из последних масштабных конференций 2018 г. «Сибирский пейзаж от типа к топу». Изобразительное искусство Сибири становится предметом внимания со стороны как искусствоведов, так и философов и культурологов. Это продиктовано многими моментами. Во-первых, сложностью, многообразием и большими объемами артефактов древней и современной художественной культуры. Задачи их исследования в синхроническом и диахроническом единстве — обнаружение связанности всего художественного континуума, переосмысление в художественной практике идей и образов прошлого — актуализируют значение философской рефлексии. Во-вторых, в искусстве находят отражение константы культуры, и их экспликация может помочь в прояснении специфических граней сибирского мировоззрения и самоидентификации сибиряков. Это актуальная проблема, потому что, например, на последней переписи населения заметный процент жителей Сибири в графе «этнос» назвали себя сибиряками. Другими словами, на поверхность из глубин сознания прорывается ощущение собственной сибирской уникальности. В-третьих, начать философский дискурс по поводу сибирской специфики в искусстве побуждает усиливающаяся дискуссия среди художников и искусствоведов на эту тему, и становится очевидно, что только лишь искусствоведческими методами эта проблема не может быть раскрыта.

Анализ различных точек зрения на проблему «сибирскости» в искусстве показывает, что наиболее аргументированными бывают определения того или иного художника как сибирского на уровне идейно-тематическом. Все попытки признать, например, эпичность в качестве главной характеристики сибирского искусства, на наш взгляд, малоубедительны, потому что эпична, скажем, и картина И.И. Шишкина «Рожь», который, как известно в Сибири не был; кроме того, есть немало художников-сибиряков, что проявили себя как лирики, работая над сибирскими темами.

Художники, творчество которых бесспорно относят к «сибирскому стилю», придерживаются, как правило, классических форм, что дает возможность вести анализ их работ с опорой на сложившийся опыт интерпретации художественных произведений. Среди них есть живописцы, начавшие свой путь в различных кружках, в художественных школах на родине, а затем довольно долго обучавшиеся под руководством авторитетных мастеров в институтах в центральной части страны (институт им В.И. Сурикова в Москве, институт им И.Е. Репина в Санкт-Петербурге); есть и те, кто переехал в Сибирь, уже имея художественный опыт. В их творчестве на фазе приобщения (для тех, кто приезжает в Сибирь) или же возвращения в сибирское пространство происходят интересные флуктуации, которые, с одной стороны, говорят о смене творческих и духовных аксиом, с другой стороны, дают свежесть взгляда на сибирскую специфику, которая при этом становится особенно очевидной. Это, например, художник из Улан-Удэ А.В. Казанский, окончивший институт им В.И. Сурикова, написавший картину «Рыбаки Байкала» или алтайский художник Г.Ф. Борунов, обучавшийся в институте им И.Е. Репина, — у него отметим лишь одну картину «Земля родная». Творчество обоих художников можно рассматривать как

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке российско-монгольского гранта № 20-512-44001 «Ключевые фактора формирования изобразительного искусства Сибири и Монголии в XX-начале XXI вв.».

некий камертон «сибирскости».

Теперь постараемся выделить три основных фактора формирования специфики живописи Сибири; при этом влияние каждого из факторов всегда было двойственным, и его результат предстает в виде своеобразной оппозиции, двух полюсов.

Первый фактор — пространственный. Огромные пространства Сибири, суровая мощь ее природы всегда вызывали у художников двойственные переживания. С одной стороны, это стремление выжить, выстоять, защититься от природной стихии в условиях непроходимой тайги, сорокаградусных морозов. С другой стороны, — напротив, увлеченность и эмоциональная захваченность неизмеримыми просторами. В живописи это отразилось следующим образом. Первый «полюс» проявил себя в деревенских пейзажах, на которых мы видим близко стоящие дома, как бы прижимающиеся друг к другу среди огромных просторов. Таких пейзажей очень много, причем они могут быть выполнены в различных стилях и различных творческих манерах. Типичный пример — работы Б.Я. Рязова «В старой Курейке», 1951; «Горы. Рабочий поселок» 1960-е годы, «После заката» 1960-е. Второй полюс — классические эпические пейзажи, в которых показана мощь природы. Наиболее показательны здесь картины Г.И. Гуркина «Хан Алтай», «Озеро горных духов», а также полотно А.О. Никулина «Голубой Алтай».

В качестве второго фактора определим этнический фактор. Как известно, русские переселенцы в Сибири вступали в активные и многосторонние связи с местным населением, в том числе, в брачных отношениях. И здесь снова можно выделить две противоположных тенденции. Первая — интерес к чужой культуре, увлеченность ею, сложное межкультурное взаимодействие. Вторая — стремление сохранить свою национальную идентичность. Эти две тенденции отразились во многих произведениях. Примером может быть искусство Г.С. Райшева, отцом которого был хант, а мать — русская женщина. Творчество Райшева фактически воплощает эпический эпос хантов и манси, обогащенный русскими традициями и мироощущением. С другой стороны, тот же самый Г.И. Гуркин после работы в мастерской И.И. Шишкина, овладев мастерством живописца в рамках российской школы и возвратившись на родину, на Алтай, возрождает в себе языческо-пантеистические переживания и пишет картину «Корона Катуня», где остров на реке предстает в образе женщины-алтайки в национальном головном уборе. Это прямое воплощение алтайских верований и почитания Катуня как реки-госпожи, Кадын. Здесь явно проявил себя эффект вовлеченности в русскую культуру и одновременно стремление сохранить свою алтайскую специфику.

И, наконец, третий фактор — психологический. Его связывают с типом «сибирского характера», отличающегося, с одной стороны, стойкостью, мужеством, верностью долгу, преданностью идее, своей земле, своим братьям. Это нашло отражение во многих картинах; например, в картине А.В. Казанского «Рыбаки на Байкале», в полотнах Г.Ф. Борунова «Председатель. Осень» (об однокласснике художника, который смог поднять колхоз из полной разрухи). В его же картине «Отец», герой которой прошел и войну, и лагеря, предстает перед зрителем в образе механизатора в грязной телогрейке, прижимающего к своей груди маленькую дочурку с куклой, защищая ее и бесконечно ею гордясь. С другой стороны, то же самое мужество часто перерастает в безрассудство, а чувство долга, преданность и верность сменяются специфическим индивидуализмом и анархизмом. Современный художник из Красноярска Н.И. Рыбаков пишет целый ряд картин о выходцах «воровских деревень», известных в Сибири: «Сговор. Конокрады», 2013; «Лихоимец», 2017. Последнюю он сопровождает следующим объяснением: «Народная память более тяготеет к таким понятиям, как тот же беглый каторжник, ссыльный колодник, хищник, алчная душа. Таких случаев бродяжей доли бывало немало вдоль Тобольского тракта, по рекам Енисей, Витим, Лена и вокруг Байкала. На сибирских просторах беглые скрывались в потаенных местах вблизи деревень, где находили доступное пропитание. Местные жители выражали сочувствие к беглым, но и опасались, как бы лихоимцы им не навредили» [2, с.43].

Сложное сочетание этих факторов во многом сформировало основные черты сибирской живописи, но, разумеется, это лишь схема, которая нуждается в дальнейшем уточнении и разработке.

Список литературы

1. Драница Т. Г. Иркутский портрет [Электронный ресурс] // Сибирские огни. 2018. №3. Режим доступа: <http://xn--90aefkbasct4aisie.xn--p1ai/content/irkutskiy-portret> (дата обращения: 20.12.2019)
2. Рыбаков Н.И. Космогонические странствия: альбом-каталог. Красноярск: ООО ПК «Ситалл», 2018. 199 с.

Сибирская философия: прагматический проект

Илларионов Г. А.

Сибирский федеральный университет, доцент кафедры философии. Кандидат философских наук

bromov1917@yandex.ru

Кудашов В.И.

Сибирский федеральный университет, заведующий кафедрой философии, профессор. Доктор философских наук

vkudashov@mail.ru

Аннотация. Авторы отвечают на программное заявление профессора Н.С. Розова, предлагающего пути развития сибирской философии с потенциалом преодоления ее «провинциализма» и «туземства» и превращения в «столичную» науку. Обозначая проект как прагматический, авторы выделяют преимущества предложений формирования философской сети Сибири путем поиска научных «глубинных затруднений» и их обсуждения с выходом на контакт со «столичной» наукой. Будучи реализованным, проект способен увеличить интеллектуальный ресурс сибирской философии и интенсифицировать обмен с другими философскими сетями. К проблемам проекта относится использование навязанного, ценностно насыщенного языка концептов «провинциальной» и «туземной» науки, обесценивающего собственное философское творчество сибирских авторов на основании их тематической независимости от научных «столиц», незаинтересованности «столиц» в диалоге по «нестоличной» тематике. Методологическая основа проекта в целом характеризуется «социологическим редукционизмом», сведением философской деятельности к социальным отношениям статуса, стратификации, философской инфраструктуры. Недостаток подобного подхода в том, что принятый как максима поведения, он поглощает внутренние факторы развития философии — свободу выбора темы исследования и ориентации на получение знания, а не социального признания. Авторская версия «третьего пути» сибирской философии, несводимого к «провинциализму» и «туземству», заключается в усилении акцента на личностном аспекте философского творчества. Признание и интеллектуальные ресурсы при этом видятся не целью и средством, а важным, но необязательным результатом диалога философов Сибири между собой и со «столицей», основанного на совместном интеллектуальном служении внутренней потребности к познанию. Третий путь видится как создание философской сети, служащей «любви к мудрости», не сводимой к тем или иным социальным отношениям, сопровождающим философию.

Ключевые слова: сибирская философия, «столичная», «туземная», «провинциальная» наука, прагматический проект, диалог, философская сеть, «слышимость» философии.

Siberian philosophy: pragmatic project. Illarionov G.A. ; Kudashov V.I.

Siberian Federal University, Department of Philosophy

Abstract. The authors response to the policy statement of Professor N. Rozov, proposing ways of developing Siberian philosophy with the potential to overcome its «provincialism» and «nativism» and turn it into a «metropolitan» science. Designating project as pragmatic, the authors highlight the advantages of proposing the formation of a philosophical network of Siberia by searching for scientific «underlying difficulties» and discussing them with contact with «metropolitan» science. Being implemented, the project is able to increase the intellectual resource of Siberian philosophy and intensify the exchange with other philosophical networks. The problems of the project include the use of an imposed, value-rich concepts of «provincial» and «indigenous» science, which depreciates the philosophical work of Siberian authors on the basis of their thematic independence from scientific «metropolitan» and the disinterest of «metropolitan» in

the dialogue on «non-metropolitan» topics. The methodological basis of the project as a whole is characterized by «sociological reductionism», the reduction of philosophical activity to the social relations of status, stratification, philosophical infrastructure. The disadvantage of this approach is that, taken as a maxim of behavior, it absorbs the internal factors of the development of philosophy - the freedom to choose a research topic and focus on obtaining knowledge rather than social recognition. The author's version of the «third way» of Siberian philosophy, which is not reducible to «provincialism» and «nativism», is to strengthen the emphasis on the personal aspect of philosophical creativity. At the same time, recognition and intellectual resources are seen not as a goal and means, but as an important but optional result of the dialogue of the philosophers of Siberia with each other and with the «metropolitan», based on joint intellectual service of the inner need for knowledge. The third way is seen as the creation of a philosophical network that serves the «love of wisdom», not reducible to one or another social relationship that accompanies philosophy.

Keywords: Siberian philosophy, «metropolitan», «indigenous», «provincial» science, pragmatic project, dialogue, philosophical network, «audibility» of philosophy.

Известный новосибирский философ, профессор Н.С. Розов выдвигает идею превращения Сибири в один из центральных узлов мировой философской сети, понятийно основываясь на концепции «провинциальной и туземной науки» [1], перенесенной на сферу сибирской философии. Придерживаясь этой понятийной системы, мы предлагаем свои суждения о зарождающемся проекте. Хотя сам Н.С. Розов не обозначает заявленный им проект как прагматический, на наш взгляд, вполне корректно называть его таковым. Сибирская философия желает большего престижа, влияния и ресурсов, материальных и интеллектуальных, и ищет пути их получения. Вероятнее всего оценить данную интенцию как прагматическую. Рефлексивно оценивая общую методологию нашей мысли, можно отнести её к «провинциальной», включенной в контекст популярных дискурсов современности, что, впрочем, лишь подтверждает выводы профессора Розова о характере красноярской философии.

Понимая свою разобщенность, и даже желая ее преодолеть, сибирские философы испытывают трудности, поскольку этим желаниям не способствует как формальная среда, по причине ее бюрократизации, так и неформальная среда, по причине ее тематической, методологической и мировоззренческой фрагментации. И именно в организационной направленности мы видим ценность проекта профессора Розова. В прагматическом проекте развитие сибирской философии предполагается через сетевое взаимодействие как на локальном уровне, так и в виде включения в более широкие, даже общемировые философские сети. На наш взгляд, сибирская философская сеть, включенная ко всему прочему в сеть мировую, способна обеспечить работам сибирских философов большой вес как минимум в локальных рамках. Эта сеть тематически и локально способна стать поставщиком читателей для собственных членов, когда принадлежность к сети станет критерием отбора информации в философском творчестве. Такая своеобразная сетевая система «свой-чужой», где принадлежность к «своим» есть критерий высокого приоритета к ознакомлению, может при благоприятном развитии активизировать философский диалог на уровне Сибири, выводя его далее и на более широкие уровни, а роли «миссионеров» и «паломников» предотвратят самоизоляцию сети.

Наши возражения связаны с методологической основой проекта, демонстрирующей явный социологический экстернализм, скрыто и явно утверждая, что характер научной деятельности выражает суть коммуникативных структур, в которые ученый как актер включается посредством определенных форм коммуникации. Поэтому науку можно представить в виде набора устойчивых габитусов «научного разговора», которые обозначены как «столичный», «провинциальный» и «туземный». Принимая колониально-просветительский язык иерархии столиц, провинций и туземных сообществ, мы едва ли можем говорить о некоторых горизонтальных сетевых отношениях, на созидание которых и направлен прагматический проект. Фактически, принимая подобную систему ценностей как максимум поведения сибирских философов, мы лишь укрепляем навязанную иерархию ценностным ее признанием. Социологическая редукция, принятая как максима поведения философа, ведет к подавлению прочих аспектов философской деятельности, прежде всего личностного и когнитивного, следуя принципу, «что обсуждается, то важно». Задача ученого – быть «слышимым», задача института – стратифицировать ученых. На наш взгляд, попытка Сибири претендовать на «столичность» на условиях «столицы» будет приводить лишь к миграции «слышимых» ученых и еще большему снижению ценности «нестоличных».

На наш взгляд, главный экзистенциальный риск, который несет собой проект сибирской философии профессора Розова, заключается в вынужденной тематической подчиненности. Темы, которые предложены в качестве «глубоких затруднений» являются и актуальными и всячески достойными их изучения. Но если сибирская философия будет следовать логике внешней актуальности, жертвуя при этом актуальностью, исходящей из собственных субъективных, пусть и «туземных» причин, то она скорее окончательно потеряет себя, чем найдет.

Мы считаем, что прагматический проект сибирской философии обретает смысл только в случае его отхода от навязанных рамок «провинциально-туземного» дискурса. Всецело поддерживая идею расширения и углубления диалога, выявления «глубоких затруднений», а также создания и упорядочивания философской сети, облегчающей философский путь большинства мыслителей Сибири, мы не можем согласиться с тем, что «слышимость» и признание в «столицах» есть наилучшее средство для этого.

«Третьим путем» нам представляется рефлексивно осмысленный возврат к познанию ради него самого, ради «истины», которую искал Сократ, ради торжества знания над невежеством, сколь бы метафизичной и неverifiedируемой такая интенция не являлась. Это можно обозначить, как возврат к интерналистскому пониманию науки и философии. «Третий путь» между «туземством» и «провинциализмом» видится нам как путь интеллектуального служения и смирения, когда сибирская философия станет служить не собственному признанию, престижу и власти, а истине, познанию, благу. Служение означает, что не знание существует ради научного сообщества, а научное сообщество формируется вокруг поисков знания, и обретение «слышимости» и интеллектуального ресурса есть не цель и не средство, а результат научной деятельности.

Смирение же означает признание, что социальная успешность не есть первоочередная необходимость и потребность научной деятельности, и философ лишь тогда сможет добиться успеха, когда остается философом независимо от того, слушают ли его, построена ли вокруг него инфраструктура и признают ли его таковым социально. Интеллектуальное смирение проявляется в осознании возможности своей интеллектуальной ошибочности, которое приводит к открытости и пересмотру своих позиций, отсутствию самоуверенности в своих знаниях, уважении к точкам зрения других людей, а также отсутствию боязни интеллектуального разногласия. Современные философы определяют интеллектуальное смирение как «стремление к овладению своими интеллектуальными ограничениями». Наиболее отличительной чертой этих ограничений является необходимость быть внимательным к своему стилю мышления и умение управлять своим интеллектуальным потенциалом, а также чувство собственного достоинства [3, Р. 12]. На наш взгляд, интеллектуальное смирение не просто противостоит гордыне, но занимает срединное положение между крайностями высокомерия, интеллектуальной заносчивости с одной стороны, и самоуничужения, неуверенности в себе, с другой [См. 2].

Наши рассуждения о достоинствах и недостатках проекта сибирской философии происходят в двух измерениях: о преимуществах мы говорим в прагматическом, деятельностном аспекте; о недостатках же судим в ценностной сфере. Проект присоединения Сибири к философским сетям через «паломничество», «миссионерство», вступления в «беседы» и обсуждение «глубоких затруднений» представляется достойным путем развития и способом преодолеть формализованную инертность и «ризоматическую» хаотичность габитуса сибирской философии. Однако заимствование ценностных акцентов, встроенных в «столично-провинциально-туземный» дискурс, описывающий взаимоотношения внутри сферы философского творчества в контексте «метрополия-колония», цивилизаторства и даже некоторого «столичного цивилизационного превосходства» представляется путем скорее к ослаблению сибирской философии, подавлению ее внутренней, личностной интенции.

Список литературы

1. Соколов М., Титаев К. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. - С. 239-275.
2. Kudashov V., Mosienko M. Intellectual Humility in Public Discussion // ISPS Convention 2017. Vol. 2018, KnE Social Sciences. P. 384–393.
3. Whitcomb D., Battaly H., Baehr J., Howard-Snyder D. Intellectual humility: Owning our limitations // Philosophy and Phenomenological Research, 2015. 91(1). P.1-31.

Особенности семейного воспитания староверов в долине Уймон

Пономаренко О.П.

*Алтайский государственный аграрный университет, доцент кафедры гуманитарных дисциплин.
Кандидат философских наук*

o.ponomarenko2018@mail.ru

Логинова Н.С.

*Алтайский государственный медицинский университет, доцент кафедры гуманитарных наук.
Кандидат философских наук*

philosophia@mail.ru

Аннотация. Традиции семейного воспитания имеют высокий духовно-нравственный потенциал для функционирования и развития современного российского общества. Семейные традиции старообрядцев в долине Уймон не только сохранили лучшее из православной культуры Средневековой Руси, но и модернизировали данные образцы в соответствии с особенностями климата и ведения хозяйства своей новой Родины. Личный пример родителей, воспитание милосердия и уважения к человеку, любовь к природе, забота, труд, молитва, чтение духовной литературы были органичны жизни и быту данных сибирских крестьян. При воспитании благопристойности формировались горизонтальные и вертикальные связи в пространстве и времени (между поколениями, человеком, обществом, природой, Богом), создавалась особая гармония Красоты, Добра, Правды, где милосердие было причиной стремления к совершенной целостности как на уровне семьи (микрокосма), так и на уровне божественного мира (макркосма). Обращение к опыту семейного воспитания уймонских староверов может способствовать разрешению кризиса двух ключевых социальных институтов в современном российском обществе.

Ключевые слова: Семья, воспитание, староверы, долина Уймон, культура, традиции.

Features of family education old olders in Uimon Valley.

Ponomarenko O.P.; Loginova N.S.

*Altai State Agricultural University, Department of Humanitarian Sciences ; Altai State Medical University,
Department of Humanities*

Abstract: The traditions of family education have a high spiritual and moral potential for the functioning and development of modern Russian society. The family traditions of the Old Believers in the Uimon Valley not only preserved the best of the Orthodox culture of Medieval Russia, but also modernized these samples in accordance with the climate and farming of their new homeland. A personal example of parents, the cultivation of mercy and respect for people, love of nature, care, work, prayer, reading spiritual literature were organic to the life and life of these Siberian peasants. During the upbringing of decency, horizontal and vertical connections were formed in space and time (between generations, man, society, nature, God), a special harmony of Beauty, Goodness, Truth was created, where mercy was the reason for the pursuit of perfect integrity at the family level (microcosm), and at the level of the divine world (macrocosm). Turning to the experience of family education of Uimon Old Believers can help resolve the crisis of two key social institutions in modern Russian society.

Keywords: family, upbringing, Old Believers, Uimon Valley, culture, traditions.

В российском обществе важнейшим фактором развития и воспитания современного человека является формирование жизненно важных ценностей и нравственных ориентиров. Именно семья выступает первичным центром воспитания. Накопленные народной педагогикой традиции семейного воспитания, духовно-нравственный потенциал материнской школы в России при правильном их использовании будут способствовать сохранению и приумножению социокультурных достижений.

Семья у славян, русичей была одной из ключевых ценностей, определяющих специфику их жизнедеятельности. С принятием православия, изменилось отношение к семье как к социальному институту. Семейные традиции были тесно связаны с церковью, с государством. Православный патриотизм воспитывался в семье через любовь к ближним – «...такая традиция воспитания стала складываться на Руси именно после принятия христианства» [1, с. 4].

Процесс воспитания начинается с раннего детства. Значимую роль в процессе воспитания человеческих качеств и формирования человеческой личности играет семья, «никакая общественно-государственная система воспитания не способна заменить собой воспитание семейное, и уничтожение последнего ведет собственно к уничтожению самого воспитания, как явления общечеловеческого, и тех общечеловеческих ценностей, которые оно в себе нечет» [2, с. 92]. Владимир Сергеевич Соловьев представлял семью «элементарною, образцовою и образовательною ячейкою всемирного братства, или человеческого общества, как оно должно быть, идеальной нравственной моделью общечеловеческого единства» [3, с. 355].

Семейное воспитание выстраивается на положительном примере родителей и взрослых, на родительском авторитете (чаще встречается в верующих семьях), на духовной связи и преемственности поколений в семье, а также на четком разграничении сферы деятельности детей и взрослых с учетом возрастных и индивидуальных особенностей детей. В старообрядческой педагогике широко представлены следующие приемы и методы семейного воспитания: убеждение, поощрение, подражание, порицание.

Духовно-нравственное воспитание в семье старообрядцев в долине Уймон соответствовало принципам христианской веры. Семейная религия формировалась при соблюдении христианских заповедей, законов. Личный пример родителей был основой воспитания совершенной личности, служил фундаментом для формирования такой важной характеристики христианина, как милосердие (любовь). Автор статьи «Традиционное воспитание в старообрядческой семье (на примере уймонских староверов)» утверждает, что в приемах воспитания, применяемых матерью, не было мер воздействия, унижающих человеческое достоинство ребенка, а телесные наказания применялись представителями мужской половины семьи в исключительных случаях, например, за богохульство. [4] Такие качества как любовь, ласка, забота, терпение, уважение, труд в сочетании с молитвой создавали особый тип русского крестьянина (сибиряка). В семье уймонских староверов мальчиков с подросткового возраста на примере старших мужчин в роду воспитывались такие черты, как верность слову, защита родной земли, рода, активное участие в делах общества, проявление силы воли. В девушках ценилось проявление скромности, радушия, ласки, гостеприимства.

Процессом воспитания в семье занимались не только родители. Воспитание подрастающего поколения было частью трудовых обязанностей всех членов большой семьи, включающей несколько поколений. Ответственность за поведение детей была закреплена за родителями. Обязанностей по дому у матерей было много, в воспитании младших братьев и сестер помогали старшие дочери. Преимуществ в поощрении и наказании детей закреплялись за главой семейства. Данное распределение прав, обязанностей и ответственности воспринималось как должное и не вызывало конфликтных ситуаций. Традиционно мужчина воспринимался как хозяин, который отвечал «за ее внешнее пространство, а женщина-хозяйка – за внутреннее» [5, с. 118]. Распределение пространства на внутреннее, левое, природное (женское) находилось в подчинении к мужскому, но имело важное ритуальное значение, а вместе составляли единое целое (дом, мир). Авторитет старшей женщины или «Большухи» (свекрови или жены старшего брата) в традиционной патриархальной семье имел большое значение даже для взрослых сыновей.

Особое отношение в воспитании человечности в детях было обращение к идеальным характеристикам образа матери. В начале XX века в долине Уймон, сохранились черты матери-хозяйки дома, они проявлялись в трудолюбии, терпимости, отзывчивости. Такие характерные черты в семье уймонских староверов проявлялись при использовании методов воспитания как: «поучение, разъяснение, приучение, личный пример, материнское благословение, осуждение, укор. А самое главное – Божье слово и заповеди Божьи» [4, с. 148]. Соблюдение заповедей позволяло разрешить противоречия между нормами общественного поведения и волевыми качествами, эмоциями. Благопристойное поведение (целомудрие, супружеская верность, ответственное и заботливое отношение к семье, защита своей свободы, сохранение чести и достоинства, скромность, уважение к старшим) поддерживалось тради-

циями, народным правом.

Семейное духовно-нравственное воспитание формирует связь между поколениями. Колыбельные песни, пословицы, поговорки, сказки, легенды, былины воздействовали на бессознательное ребенка, создавали условия для формирования особого мышления, специфической картины мира. Вероисповедание оказывало значительное влияние на создание духовно-нравственного климата в обществе, на специфику проявления стереотипов поведения населения Уймонской долины.

Чтение святого писания, Библии, стихир влияло на структурирование целостного мировоззрения, на формирование целокупной личности, органичной окружающему миру, имеющей четкую цель (духовное совершенствование через проявление любви к Богу, к миру), а также смысл жизни. Грамотность стала одним из условий проявления целостной, органичной личности уймонских крестьян. Их бессознательное, сознание, а также душа, дух, тело, внутренний мир и внешний были взаимосвязаны на уровне семьи – микрокосма.

Большое значение для воспитания идеальной духовно-нравственной личности имела книга – оригинальная и переводная. Христианство оказало влияние на процесс становления средневекового древнерусского государства и общества. Староверы Уймонской долины в силу определенных причин явились продолжателями средневековых традиций. Русское православие, которое наиболее полно стремились сохранить старообрядцы, есть симбиоз христианства и язычества, в котором религиозные чувства сочетались с деятельностью по преобразованию мира. Специфика отношений с природой, запреты, обычаи были также связаны со специфическим дохристианским отношением с природой.

По мироощущениям уймонских крестьян природа воспринималась прекрасной, вдохновляющей. Через нее Бог открывает человечеству свои заповеди. При этом, староверы в долине Уймон отделяли мир культуры (например, пространство, где находились иконы) от мира природы (например, бани), что по описанию Е.А. Коляскиной, проявилось в традиции деторождения и пр. [5] Кажущееся противоречие в любви к украшению избы растительным орнаментом и запретом высаживать деревья перед домом и пр. объясняются «мифическими историями», связанными с предками переселенцев. Отличительной особенностью данных историй является их намеренная отдаленность от реальных событий.

Переселенцы из разных районов России закрепили те из привезенных с собой календарных и трудовых обрядов, обычаев, которые органично вписались в новую среду. Обычаи, обряды, сохранившиеся у уймонских крестьян с конца средневековья до XX века, постепенно модифицировались под влиянием контактов (в т. ч. браков) с инородцами, под действием торгово-экономических связей. Кроме того, ими были заимствованы некоторые из традиций иных переселенцев, проживающих на территории Уймонской долины. В большей степени это касалось особенностей ведения хозяйства, внедрения новых отраслей, сортов и пр. В меньшей степени это коснулось области сакрального, особенно свадебных и похоронных обрядов. Старые и новые регламентирующие жизнь действия или запреты на них объяснялись старцами цитатами из соборных постановлений и других значимых источников. Вероисповедание задавало систему ценностей, правила поведения человека в семье и обществе. Любовь к ближнему, как главная заповедь православия, становится основой и для семейного воспитания. Моральные устои настраивали на то, чтобы деяния человека приносили пользу, были общественно значимы, приносили благо ближним. Такая система формировала сильную личность, устойчивую к любым проявлениям нестабильности природы, общества. Стрессоустойчивость, приспособляемость, относительная мобильность, бесстрашие (без удачи, бахвальства), упорство – типичные черты уймонских крестьян.

Индивидуальная свобода члена общины староверов ограничивалась нравственными принципами (религиозными заповедями), традициями и пр. Свобода не была тождественна вседозволенности, распущенности. Именно на особенностях поведения был построен авторитет матери, в т. ч. «Большухи» и даже молодухи (новоиспеченной супруги) в большой семье старообрядцев.

Вступление в брак ранее пятнадцати и позднее восемнадцати лет было нежелательным. Чаще всего девушку выдавали замуж в пятнадцать или в шестнадцать лет (в соответствии с традициями средних веков). Новый социальный статус предполагал изменение родственных отношений. Свекр заменял отца (невестка звала его тятенькой), а свекровь – мать (маменька).

Судьба «перестарка» в дореволюционной России была незавидной – быть в подчинении у жен своих братьев или выйти замуж за вдовца с детьми. В семьях уймонских поселенцев такие случаи опи-

саны не были. Одна из причин – недостаток невест в достопыпинской Сибири. Кроме того, браки между близкими родственниками среди уймонских староверов также были запрещены. Невесту выбирали чаще среди староверов в другом селении (расстояния иногда измерялись несколькими днями пути), в т. ч. в Бухтарме. Зафиксированы случаи женитьбы на представительницах местного населения после принятия избранницами их веры (крещения/ перекрещения).

Еще одной особенностью семейных отношений являлось обращение ко всем членам новой большой семьи (около 20 человек), даже к детям с лаской и/или по имени отчеству. В основании уважительного отношения к каждому члену семьи, сообщества лежал посильный (в соответствии с полом, возрастом) труд. Труд был почетен, облагораживал личность, давал возможность для раскрытия творческих способностей, проявления силы характера, выносливости и иных ценностей православия.

В своем исследовании духовно-нравственного воспитания XI–XVII веков И.Р. Розен также подчеркивал, что до середины XVIII века традиции воспитания «были связаны не с ребенком, а с жизнью взрослых, приобщением ребенка к взрослой жизни» [6]. Лень, праздность порицались. Игра была инструментом научения, а не развлечение. В семьях уймонских старообрядцев такая установка сохранилась до наших дней.

Традиции воспитания, педагогические приемы, принятые в семьях уймонских староверов были продолжением традиций народной педагогики средних веков. Высокая нравственность, трудолюбие, любовь к природе, к Родине, стойкость, воля, предприимчивость, стабильность, сочетающаяся с пытливостью ума, стремлением познать мир, расширить его границы в поисках идеала (Беловодья) актуальны и для современного человека.

Мудрые люди в кризисный период социокультурного развития ищут наиболее устойчивые человеческие ценности в прошлом культуры. Преемственность традиций через семью подчеркивает особую значимость данного социального института. Такая система задает правильный контекст для чтения текста, имеющего смысл, значение для каждого члена сообщества. Кроме того, использование традиций прошлого в процессе корректирования системы образования проверено жизненным опытом многих поколений и не требует от государства строгого контроля, коррекции поведения отчужденного человека, а также особых мер для налаживания связей между членами разрозненного современного общества. При этом возможно разрешение многих современных проблем, в т. ч. во взаимоотношениях систем «человек–природа», «человек–человек», «человек–общество».

Список литературы

1. Руденко Л.В. Социальная миссия православного христианства в Древней Руси IX–XI вв. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/sotsialnaya-missiya-pravoslavnogo-khristianstva-v-drevnei-rusi-ix-xi-vv#ixzz48WarZugm>.
2. Глухова Е.М. Философско-педагогическая концепция В.С. Соловьева в контексте его философской системы «всеединства»: дисс. канд. филос. наук: 13.00.01. М. 1998. 236 с.
3. Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т.1. М., 1988. 892 с.
4. Боаги Н.М. Традиционное воспитание в старообрядческой семье (на примере уймонских староверов) // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Горно-Алтайск.: ГАГУ, 2007. С. 147–150.
5. Коляскина Е.А. «Красный угол / бабья кутья»: гендерная семантика пространства у русских старожилов и переселенцев Алтая во второй половине XIX – первой половине XX века. // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул.: АлтГПУ, 2015. С. 111–117.
6. Розен И.Р. Историко-педагогические основы духовно-нравственного воспитания детей на Руси XI–XVII вв. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.dslib.net/obw-pedagogika/istoriko-pedagogicheskie-osnovy-duhovno-nravstvennogo-vospitanija-detej-na-rusi-xi.html>.

Абдуллаева З.Э.

*. Дагестанский государственный медицинский университет, кафедра гуманитарных дисциплин.
Кандидат философских наук*

zaina1972@mail.ru

Аннотация: Доклад посвящен анализу понятий «мораль» и «нравственность» в медико-этической науке. Интерес представляет вопрос о том, чем чаще руководствуется врач в своей профессиональной деятельности: моралью или нравственными принципами? Мораль, на наш взгляд, формируется на основе силы общественного мнения, а нравственность, как сфера сущего и производная от должного (морали), определяется поступком в конкретной ситуации и зависит от субъективированного сознания. При моральном выборе в современном обществе, врач, по причине слабости самой правовой системы и низкого уровня правовой культуры, вынужден самостоятельно принимать решение: в какой степени необходимо «информировать больного», каким должен быть объем этой информации, как, информируя больного о состоянии его здоровья, методах лечения, риске и альтернативных обследованиях, не нанести ему вред и, при этом, определить степень ответственности самого больного о собственном здоровье. Мораль формирует уважение к себе, врачебное достоинство, нравственный долг и честь, которые в профессии выступают основными ценностями. Однако, милосердию, человечности, состраданию невозможно обучить, ибо они в душе, совести и в сердце. Нравственность, как субъективированное качество врача, способствует состраданию, любви, заботе и предупреждает формализм, фанатизм и косность в профессиональной деятельности.

Ключевые слова: мораль, нравственность, общественное мнение, моральные нормы, общественное мнение

Moralis and moral in bioethics.

Abdullaeva Z.

Dagestan state medical university, Department of humanitarian disciplines

Abstract: Report it is devoted to the analysis of the concepts “morals” and “morality” of medico-ethical science. The question of by what the doctor in the professional activity is guided more often is of interest; morals or moral principles? The morals, in our opinion, are formed on the basis of the power of public opinion, and the morality as the sphere real and derivative from due (morals), is defined by an act in a concrete situation and depends on subjective consciousness. At the moral choice in modern society, the doctor because of weakness of the most legal system and low level of legal culture, is forced to make independently the decision in what degree it is necessary “to inform the patient” what has to be the volume of this information as, informing the patient on state of his health, treatment methods, risk and alternative inspections, not to do it harm and, at the same time, to define degree of responsibility of the most sick, about own health. The morals form respect for itself, medical advantage, a moral duty and honor which in a profession act as the basic values. However, the mercy, humanity, compassion cannot train because they in soul, conscience and in heart. The morality as subjective quality of the doctor promotes compassion, love, care and the formalism, fanaticism and stagnancy in professional activity warns.

Keywords: morals, morality, public opinion, moral standards, public opinion

Мораль в этике определяется как форма общественного сознания, роль которой заключается в регуляции поведения людей в силу влияния общественного мнения. В современной биоэтике налицо поиск новых моделей отношений в сфере врачебного этикета. Возрастающая роль медицины в современном обществе актуализировала проблему определения сущности и содержания морально-нравственных ценностей врача. Чем чаще руководствуется врач в своей профессиональной деятельности – моралью или нравственными принципами? Мораль формируется на основе силы общественного мнения, а

нравственность, как сфера сущего, – производная от должного (морали), определяется поступком в конкретной ситуации и зависит от субъективированного сознания. Актуальность данного вопроса обусловлена неоднозначностью устоев мегаполиса и периферии, различием общественной жизни и культурными традициями. Так, европейские ученые-этики, следуя философскому рационализму и социокультурным традициям Запада, определяют приоритет права и морали. В их концепциях четко проводится идея первенства правовой и моральной справедливости над нравственным милосердием [1.С 92]. Если западная социокультурная матрица сохраняет приоритет общественных норм в виде законов и моральных принципов, то отечественное мировоззрение, в том числе и врачей, основанное на традиционных формах общения, сохранило в качестве ценностей взаимопомощь, терпение, долг личности перед соотечественником и народом.

В традиционной социокультурной среде право и правовое сознание становятся как бы внешними/формальными и даже излишними. Здесь главным является не право, а закрепленный традицией долг (нравственный долг) как моральный принцип. Традиция жить как велит долг, а не по правилам (закону), сохраняется и по сей день. Современный врач в своей профессиональной деятельности все чаще оказывается в «пограничных ситуациях», где выбор приоритетов ценностей сопровождается сложными морально-нравственными переживаниями. Общественное мнение, более ориентированное на нравственные ценности, не всегда способно правильно оценить правовые действия и поступки врача, подвергая их моральному осуждению и жесткой критике.

В обществе, где доминирует традиционное сознание, груз ответственности полностью ложится на плечи врача. В современном обществе врач, по причине слабости самой правовой системы в стране и низкого уровня правовой культуры, недостаточно осведомлен о том, в какой степени необходимо «информировать больного», каким должен быть объем этой информации, как, информируя больного о состоянии его здоровья, методах лечения, риске и альтернативных обследованиях, не нанести ему вред и, при этом, определить степень ответственности самого больного о собственном здоровье. Обнаруживается, что современный пациент еще не обладает должным уровнем моральной ответственности и компетентности, чтобы быть способным принять решение, руководствуясь разумными целями. Пациенту, морально-надломленному болезнью, очень сложно руководствоваться «здравым смыслом», дать добровольное согласие на лечение, выбрать нужные (с его точки зрения) альтернативные варианты.

Актуальность нашей проблемы обусловлена и тем, что в медико-этической науке, несмотря на существование комитетов по этике, нет однозначного определения понятиям «врачебная мораль и нравственность», «закон и долг». Невозможно четко определить границы и соотношения врачебной морали и права. Так, одни исследователи указывают на аксиологическую антиномичность морали и права, предлагая их жестко разграничивать [4.с. 48], другие, – на их единство, отмечая, что право морально содержательно [2.с 61], третьи, – соглашаются, что «право есть минимум нравственности» [3. 139]. Важно определить границы морали и права, выявить их общность и противоречия, обозначить и разделить сферы морального и нравственного в культуре врача. Научная дифференциация и определение этих дефиниций могут стать своеобразным ключом к разрешению морально-нравственных и морально-правовых конфликтов, переживаемых врачебным сознанием в профессиональной этике врача. Мораль или нравственность врача представляет собой усвоенные личностью нормы, ценности, установки, правила, которые сформировались под влиянием определенной социокультурной традиции на основе профессиональной деятельности. В структуре профессионального сознания врача мораль представляет собой ценностный компонент, отражающий особенности отношений личности врача к жизни другого и выражающийся в индивидуально-ответственном поведении.

Ценность профессиональной морали врача детерминирована профессиональными ценностями и традиционными нормами, усвоенными человеком в процессе социализации, где главной целью выступает спасение человеческой жизни. По содержанию мораль врача объективна, ибо в ней отражается вся гамма объективных отношений врача и окружающего его мира. В силу этого она динамична, как сама человеческая жизнь; но, в то же время, по форме проявления глубоко личностна и субъективна, ее областью является индивидуальное сознание. В этом плане мораль представляет собой самое сокровенное и святое для человека. Отступить от морали – значит потерять уважение к себе, свое врачебное достоинство, совесть и честь, которые в профессии врача выступают основным ценностями – абсолютными, категорическими и священными требованиями. Противоречия между

объективным и субъективным в моральном сознании врача есть выражение духовного конфликта, порожденного несоответствием индивидуальных ценностных ориентиров личности условиям его социальной жизни. Моральные нормы выступают не только внешней нормой поведения, навязанной извне; должное становится сущим, нравственность определяется как мораль в действии. Милосердие, человечности, состраданию невозможно обучить, ибо они не в разуме, а в совести и в сердце. Нравственность способствует состраданию, любви, заботе и не позволяет быть формализму, фанатизму и косности в профессии. Только нравственность, которую рождает совесть врача, служит ему внутренним голосом, который помогает ему поступать нравственно в самых различных жизненных ситуациях и формах выбора. Однако это совершенно не означает, что моральное сознание врача свободно от знаний нравственных требований и принципов. Рациональное знание и нравственные переживания находятся в постоянной взаимосвязи. Полнота нравственных знаний имеет особое нравственно-психологическое значение: чем глубже эти знания, тем активнее они превращаются в убеждения и становятся основанием формирования устойчивых качеств личности, необходимых для выполнения профессионального долга.

Литература:

1. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1994. – 340 с
2. Нерсесянц В.С. Философия права. М., 2000. 140 с.
3. Матвеев П.Е. Этика. Основы общей теории морали: курс лекций. Ч. 1. Владимир, 2002. 96 с.
4. Силуянова И.В. Биоэтика в России: ценности и законы. М., 1997. 320 с.

Симпозиум «Философия сложности: постнеклассический подход
(памяти В.С. Степина)»

Черникова Ирина Васильевна

Национальный исследовательский Томский государственный университет, зав. кафедрой философии и методологии науки. Доктор философских наук

chernic@mail.tsu.ru

Формирование человеческого познания, специфика которого в способности человека к самопознанию, шло через формирование новых когнитивных механизмов и слоев, среди которых логико-вербальное и символическое мышление, осуществляющееся посредством языка, традиции и морали. Культура как социокод – это новое средство трансляции информации, которое в значительной степени убыстрило процесс когнитивной и социальной эволюции. Уровень сложности социальных систем определяется транзицией в работе с информацией. У человека добавился еще один уровень сложности, обуславливающий взаимодействие человека с миром. Этот уровень связан с социолингвистической деятельностью, саморефлексией, моральной оценкой деятельности. Язык, мышление, нравственность создают новую архитектуру, в развитии которой также формируются новые уровни взаимосвязи человека и природы, регулируемые многоуровневой этикой, от утилитаристской до эволюционной перспективы.

Ключевые слова: глобальный эволюционизм, социальная эволюция, этика, универсальность морали, уровни сложности.

Morality as a mechanism of social evolution.

Chernikova I.V.

National Research Tomsk State University

The formation of human cognition, the specificity of which is in a person's ability to self-understanding, went through the formation of new cognitive mechanisms and layers, among which lies logical, verbal and symbolic thinking, carried out through language, tradition and morality. Culture as a sociocode is a new method of transmitting information that has significantly accelerated the process of cognitive and social evolution. The level of complexity of social systems is determined by the transition in work with information. Another level of complexity was added for individual, which determines the interaction of man with the wider world. This level is associated with sociolinguistic activity, self-reflection, moral assessment of activity. Language, thinking, morality create a new architecture, the development of which forms new levels of the relationship between man and nature, regulated by a multilevel ethics, from a utilitarian to an evolutionary perspective.

Keywords: global evolutionism, social evolution, ethics, the universality of morality, levels of complexity.

Технический прогресс изменил устоявшиеся культурные традиции: в отношениях человека с природой напряженность только возросла, под влиянием конвергентных технологий актуализирована проблема сохранения идентичности человека, требуется переосмысление традиционных этических норм. Дисбаланс между технологическим и моральным аспектами в социального развития в 21 веке только увеличился, а, как свидетельствует история, искусственные запреты и морализаторство не действуют. В этих условиях возрастает необходимость в рефлексивной деятельности по выявлению в культуре точек роста форм культурной регуляции необходимых для устойчивого цивилизационного развития.

Вследствие сказанного актуален вопрос: возможна ли экстраполяция на технологический прогресс опыта нравственного измерения истории, можно ли представить исторический процесс как эволюцию и естественно-исторический отбор программ человеческого поведения? Поставленная проблема решается в рамках эволюционной парадигмы, обозначаемой терминами «глобальный эволюционизм», «универсальный эволюционизм», «мегаистория». Анализируя проблему, можно ли нравственность, наряду с мышлением и языком, рассматривать как механизм социальной эволюции, главные возражения видим в плюрализме оценок нравственного поступка в разных культурах и на разных этапах истории.

Вопрос об общезначимости моральных принципов рассматривается в концепции универсальности морали. Р.Г. Апресян проанализировав несколько концепций универсальности в морали, пришел к

¹ Исследование выполнено по гранту РНФ 20-18-00188

выводу, о «недостаточности потенциала морали, основанной на дискурсе», поскольку нет ответа на вопрос об источнике «надперсональных и надситуативных моральных оценок» [1]. В этом отношении наиболее перспективным представляется подход О. Дробницкого, в котором мораль рассматривается как некая надперсональная сила. Однако, внутри концепции этического историзма О. Дробницкого отсутствует соответствующая онтология, которая бы объясняла генезис представлений о социальной всеобщности моральных требований. Действительно, это самый серьезный вопрос, на который, полагаем, ответ следует искать в метафизике, основанной на идее глобального эволюционизма.

Прежде чем начать исследование в этом направлении, напомним, что именно эволюционный подход позволил найти объяснение кантовских априорных форм познания, открыв дорогу эволюционной эпистемологии. К. Лоренц, один из основателей эволюционной эпистемологии, поставил вопрос: «возможно ли, чтобы законы нашего когнитивного аппарата не были связаны с законами реального внешнего мира?» [2, с. 16]. Ответ, предлагаемый сторонниками эволюционной эпистемологии, указывает, что наши когнитивные способности укоренены и закладывались на стадии биологической эволюции и то, что априорно для индивида, апостериорно для вида. Хотя К. Лоренц не использует термин глобальный (универсальный) эволюционизм, но именно этот подход лежит в основе рационального объяснения тайны жизни, тайны разума и тайны культуры. «Пропасти» между органическим и неорганическим, а также между человеком и животным можно «замостить», как отмечает К. Лоренц, средствами естествознания [3, с.63]. Сложнее с третьим разрывом: между высшими животными и человеком. Для характеристики единицы культурной эволюции Р. Докинз ввел понятие «мем», сопоставив механизмы репликации на стадии биологической и культурной эволюции. Наибольшие трудности для сторонников эволюционной эпистемологии представляло объяснение ценностных суждений, но именно в новом эволюционном подходе современного естествознания К. Лоренц видел «рост самосознания культурного человечества» [3, с. 69].

Следует упомянуть и об очень созвучных идеях Д. Деннета. В основании размышлений Д. Деннета о моральных феноменах, о свободе воли, отличающей человеческое поведение от поведения животных, лежат идеи, обозначенные как «эволюционный холизм». В центре творчества Деннета вопросы: как из лишней смысла Вселенной возникла жизнь, сознание свобода, моральность? [4, с.13]. Ответ на эти вопросы он ищет не в сфере спекулятивных размышлений, а в контексте естественнонаучного исследования механизмов эволюции.

Свободу воли как атрибут сознания и самости Д. Деннет объясняет в рамках подхода, который в его терминологии обозначается как «эволюционный холизм», и, по сути, совпадает с глобальным эволюционизмом. В рамках эволюционного холизма свобода воли рассматривается как еще один уровень сложности. Элементы свободного поведения отмечаются и у животных, но объяснение человеческого воления только адаптивным механизмом недостаточно, у человека добавился еще один уровень, этот уровень связан с социолингвистической деятельностью и саморефлексией. Для объяснения функционирования объекта на этом уровне сложности Д. Деннет предложил новую методологию - теорию установок, различая применение физической установки, установки дизайна и интенциональной установки для объяснения функционирования систем соответствующего уровня сложности. Моральная установка рассматривается как подкласс интенциональной и является нормативной, подлежащей рациональному и объективному описанию. Д. Деннет вводит понятия первичной или прото-интенциональности (Original Intentionality), свойственной природе, и производной интенциональности (derived intentionality), свойственной человеку. Интенциональность и мораль оказываются не внутренними, присущими только человеку и человеческой природе, качествами. В своей сознательной деятельности, в моральном поведении человек исходит из зафиксированных эволюцией значений. Эта мысль выражена и К. Поппером, отмечавшим, что мы понимаем, благодаря тому, что когнитивный порядок как бы привит нашему разуму.

Обосновывая, что искать рациональное объяснение источника надперсональных моральных оценок следует в контексте универсального эволюционизма, обратимся к концепции Э. Янча, в которой этика есть не что иное, как поведенческий код, настроенный эволюционно, а мораль воплощает в себе жизненный опыт такой гармонизации. Такой подход обоснован Э. Янчем в его книге «The self-organizing Universe: Scientific and human implications of the emerging paradigm of evolution», в которой идея глобальной эволюции оформляется в универсальную модель всеобщего развития, основанную на теории самоорганизации диссипативных структур И.Р. Пригожина.

Отталкиваясь от исходной установки наметить контуры универсальной парадигмы эволюции,

Э. Янч рассматривает основные формы общественного сознания, элементы культуры - этику, мораль, науку, экологию, технологию, религию. Каждая из названных форм является результатом творческой деятельности индивидов, но, будучи включенной в континуум эволюционной реальности, делает человека ответственным за культуру, общество, жизнь. Это ощущение взаимосвязанности человеческого мира с всеобщей эволюцией придает концепции глобального эволюционизма гуманистическую значимость. Автор подчеркивает, что естественная история, включая историю человека, может быть понята как история организации материи и энергии, но на нее можно взглянуть и как на организацию информации, более того, она может быть понята как эволюция сознания. Эволюционный процесс на уровне человека не завершается, он, скорее, дополняется самотрансценденцией.

Этическое поведение Э. Янч понимает как то, которое способствует эволюции, как механизм, регулятор процесса, который не дан априори, а возникает с развитием и следует за развитием. Поэтому этика предстает как многоуровневая саморазвивающаяся система. С каждым новым автопоэтическим уровнем в игру вступает новая этика, а также новый механизм, посредством которого эта этика действует как регуляторное устройство. В социобиологии этот механизм носит преимущественно химический характер, в человеческом мире оно состоит в основном из законов, правил поведения и табу, а также из морали как непосредственного внутреннего опыта. «То, что в западном мире мы называем этикой, это поведенческий код на социальном уровне, который в первую очередь направлен на обеспечение свободного раскрытия личности. Этика человека, больше, чем любая другая этика, является многоуровневой этикой... Чем выше число уровней и интенсивность, с которой мы живем, тем выше становится количество уровней и интенсивность, с которой наша мораль становится эффективной как аспект нашего сложного сознания» [5, р. 265].

Предлагаемый подход к проблеме всеобщности моральных требований заключается в том, что мы вписываем этическую концепцию в эволюционно-холистический подход, сопрягая достижения естественных, гуманитарных наук, различных форм социальной практики в оформлении этических нормативов. Проблемное поле формируется трансдисциплинарным взаимодействием философских учений о человеке, об эволюции мышления, деятельности и нравственности с одной стороны, а также философии науки, рефлексивной над феноменами технауки, и социальной оценки техники как вида социальной практики и современной формы этики науки, с другой. Пространство исследования задается сопряжением морально-нравственной ветви социоантропогенеза и этики как составляющей научной динамики.

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена вызовами технологической революции, угрожающими устойчивому развитию человечества. Неопределенность в отношении последствий технологических инноваций содержит и моральный аспект. Чем мощнее технологии по воздействию на человека и окружающую среду, тем более совершенные средства культурной регуляции необходимы для сохранения социума. Эта зависимость между технологическим потенциалом, качеством культурных регуляторов деятельности и жизнеспособностью социальной системы обозначается как закон техногуманитарного баланса [6]. Исследуя историю человеческого общества, философы отмечали, что не морализаторство, не ужесточение нравственных норм позволяло преодолевать кризисы социального развития, но сама мораль становилась человечней. На современном этапе социального развития, когда стратегические цели технического прогресса утрачивают свою определенность, исследование и анализ возможных механизмов нравственного самоконтроля важнейшая задача философии.

Литература:

1. Апресян Р.Г. Феномен универсализации в этике: формы концептуализации // Мораль и универсальность. М.: Гуманитарий, 2018. Вып. 1. С. 52-72.
2. Лоренц К. Кантовская концепция а priori в свете современной биологии // Эволюция. Язык. Познание. М.: Языки русской культуры. 2000. С.15-42.
3. Лоренц К. По ту сторону зеркала // Эволюция. Язык. Познание. М.: Языки русской культуры. 2000. С.42-70.
4. Юлина Н.С. Философский натурализм: О книге Д. Деннета «Свобода эволюционирует». М.: Канон+. 2007. 207 с.
5. Jantsch E. The self-organizing Universe: Scientific and human implications of the emerging paradigm of evolution. Oxford etc.: Pergamon press, 1980 - 343 p.
6. Назаретян А. П. Нелинейное будущее. Мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования. М.: Издательство МБА. 2013. 432 с.

Эпистемология XXI века: наблюдатель в постнеклассической науке и «природа ума» в философии буддизма

Пугачева Л. Г.

Московский государственный институт культуры, профессор кафедры философии. Доктор философских наук

lgpugacheva@yandex.ru

Специфика постнеклассической рациональности в подходе к проблеме субъекта познания может быть рассмотрена как попытка создания такой модели субъекта, которая последовательно, системно, доказательно представила бы все принципы, задающие спектр семантических возможностей и сделала бы «субъекта» структурным уровнем единого процесса понимания-означивания «объекта» познания. Если взглянуть шире, такой постнеклассический субъект может рассматриваться как описываемый в символах и знаках полюс самоорганизующейся реальности, который в современной культуре традиционно концептуализируется как «сознание». В философии буддизма существует подобная эпистемологическая модель, использующая концепт «наблюдающий ум», с которой работают в ходе медитативных практик. В данном случае «западный» и «буддистский» подходы к «сознанию» принципиально сближаются в своеобразном функциональном видении проблемы. У Гваттари и Делеза вводится понятие «частичных наблюдателей», которые оказываются, по сути, свойствами или качествами объекта наблюдения, а объект и собственно наблюдатель, добавим, полезными абстракциями. Такой же абстракцией, концептом, оказывается «наблюдатель» феноменов ума и шире, реальности, в буддизме. Очевидные концептуальные соответствия позволяют по-новому взглянуть на само противопоставление «сознания» - «реальности».

Ключевые слова: наблюдатель, постнеклассическая рациональность, эпистемология буддизма, сознание, модель, реальность, квалиа.

Epistemology in 21 century: observer in post-nonclassical science and “nature of mind” in philosophy of Buddhism. **Pugacheva L.G.**

Moscow State Institute of Culture, Department of Philosophy

Specific features of post-nonclassical rationality's approach to subject of cognition can be regarded as an attempt to create such a model of the subject, which would systematically and consistently represent all the principles forming the range of semantic possibilities. This model would make “the subject” a structural element of a single process of cognition-signifying the “object”. If take a wider view, such post-nonclassical subject could be seen as a pole of self-organized reality, described in symbols and signs, which in modern culture is referred to as a concept of “conscience”. There is a similar epistemological model in philosophy of Buddhism: it uses a concept “observing mind”, which is worked on during meditation practices. In this case the approaches of “western” and “buddist” philosophies come very close in peculiar functional vision of the problem. Guattari and Deleuze introduce a notion of “partial observers” that are in fact features and qualities of the object of observation. The object and observer themselves are useful abstractions. “Observer” of mind and, by extension, reality in buddism turns out to be abstraction or concept as well. Obvious conceptual similarity allows to reassess the very juxtaposition of “conscience” and “reality”.

Key words: observer, post-nonclassical rationality, epistemology of buddism, conscience, model, reality, qualia.

Парадигма постнеклассической науки В.С.Стёпина с ее значимыми идеями человекообразных систем и зависимости научного инструментария от социальных целей обладает большим потенциалом в контексте изучения роли исследователя (человека, индивида) в познании. В предлагаемом ключе, рассматривая взаимосвязь этических норм, социальных целей и целей науки, субъекта познания (наблюдателя), инструментов познания, объекта науки, результата познания (картины мира), задавая вопрос о возможном пределе развития данного логического ряда, приходим к фигуре конкретного исследователя – живого человека с его свободой, тотальностью проживания жизни и желанием быть счастливым. До настоящего момента научное познание по понятным причинам использует определенное «методологическое воздержание» от личности исследователя. Буддизм придерживается

иной позиции и в своей практике изучения природы человека и мира осуществляет то, что можно было бы назвать «человекообразной эпистемологией». По сути он заполняет лауну между «онтологиями первого» (Дж.Сёрль) и «третьего лица», от которого ведет исследования современная наука.

Однако, если разбираться, буддистское исследование сознания, человека и мира направлено дальше – в область, где конкретный человек с его образом мира и самого себя в его практической повседневной жизни может быть осмыслен как концепция, полезная абстракция на пути к «предельно возможному знанию». И тут для понимания глубоких находок буддистских исследователей и создания методологического моста между буддизмом и «западной» наукой было бы полезно использовать представление о науке как о «методике поиска алгоритмических сжатий» [1, с.81] В.И.Аршинова и Я.И.Свирского, в рамках развиваемой ими и другими исследователями парадигмы сложностного мира, а также роли в нем наблюдателя. Фактически дело может быть представлено так, что западную научную эпистемологию и буддистскую разделяет языковой барьер в большей степени, чем смысловой и даже культурный, если под культурой понимать бережное экологичное взаимодействие человека со средой обитания, другими людьми и всеми формами социальной и природной жизни вокруг.

Говоря о близости представления о науке как о методике сжатия символических описаний и некоторых эпистемологических установок буддизма, необходимо сосредоточить внимание на одной. Речь идет о буддистском преодолении «концептуального мышления» и о переходе к неконцептуальному переживанию жизни. Тут необходимо уточнение: речь идет не об отказе от интеллекта и науки, не об отказе работать со смыслом или строить теоретические конструкции там, где они уместны – в технике, в социальных и личных проектах и т.д., а, скорее, об экзистенциальном уровне проживания жизни, который выступает как наиболее глубокий уровень для принятия решений во всем вышеперечисленном, если смотреть с точки зрения индивидуального сознания. Именно оно может выйти за рамки концептуального мышления – при должном развитии человека. Речь идет о том, чтобы концептуальный ум личности, при всем его невероятном потенциале, все-таки оставался на своем функциональном месте и не вторгался в процесс самоорганизации жизни с попытками директивного или линейного управления. Хотя эта тема далеко не проста и неочевидна, но в первом приближении, ее все-таки можно увидеть так, как здесь предложено. Буддистская философия ведет практикующего к неконцептуальному, но при этом предельно осознанному переживанию жизни как к реализации невероятно сложной задачи по развитию человека, открывающему ему свободную природу его сознания. Это формулируется как практическая задача «разделить обычный рассудочный ум и его истинную природу» [2, с.36]. И тут встает вопрос: что такое это неконцептуальное, но при этом предельно осознанное мышление и переживание? Как вообще возможна осознанность без концептуализации (означивания и символизации)? Или даже: возможна ли она? Ответим на эти вопросы немного ниже.

Исследователи науки, в свою очередь, иногда говорят не о выходе за рамки концептуального мышления индивида, а подходят с противоположной стороны логически возможной шкалы градаций наблюдателя: от конкретной живой индивидуальности (позиция буддизма) – до абстрактно-символической системы, например, такой, как «субъект познания» или «наблюдатель в кибернетике второго порядка». Они говорят о пределах алгоритмических сжатий внутри самой науки как некой саморазвивающейся системы. По мысли Я.Свирского и В.И.Аршинова, «верхний предел сложности будет соответствовать «несжимаемой сложности», когда в предьявленной нам (наблюдаемой) последовательности символов (букв, цифр...) «подготовленный» наблюдатель окажется не в состоянии распознать какие-либо регулярности и не сможет построить новый, сжимающий алгоритм их сокращенного описания. И тогда верхний предел сложности будет соответствовать случайной последовательности чисел, символов, картинок, явлений». [1, с.81] Можно заметить, что логика рассуждения строится на оппозиции порядок-хаос или детерминированность-случайность. Невозможность дальнейшего алгоритмического сжатия здесь расценивается авторами с точки зрения наблюдателя как случайность. Однако порядок и случайность образуют пару противоположностей лишь на поверхностном уровне, являясь двумя необходимыми элементами одного и того же правила.

Буддизм предлагает более глубокую альтернативу – логике «порядка-случайности», а также «порядка-хаоса» в целом – назовем ее процессуальной осознанностью или коммуникативным ситуативным порядком. То есть, с одной стороны, мы имеем концептуальное мышление с его оппозицией порядка-случайности, с другой стороны – неконцептуальное мышление (которое может при необходимости использовать концептуальное как свой инструмент) – коммуникативный ситуативный порядок, процессуальную осознанность. Именно эта альтернатива, вероятно, может быть соотнесена с выходом за пределы концеп-

туального мышления в буддизме и с «несжимаемой сложностью» В.И.Аршинова и Я.И.Свирского.

После Э.Гуссерля это понятие несложно: все феномены развиваются в поле сознания, являясь манифестациями. Теперь обратимся к буддистской взгляду – эти манифестации не являются чем-то субстанциональным (самостоятельным), развивающимся в чем-то, как неком независимом поле или пространстве, хотя для удобства описания буддизм использует подобные идеи. В этом смысле буддизм продвигает эпистемологическую работу (и на уровне мышления буддистского практика - индивида как конкретного живого существа, и на уровне философских идей) по «расколдовыванию», десубстантивации смыслов (манифестаций). Язык и логика имеют дело с процессами номинализации и абстрагирования соответственно – превращения живых процессов в субстанции и абстрактные предметы – концепции, древнегреческие «эйдосы». Так работает экономика мышления (алгоритмы сжатия), когда каждое слово является, по сути, культурной технологией, культурной практикой, которую невозможно понять вне контекста целого. Например, пишущая ручка – чтобы понимать, что это за предмет, надо знать всю систему культуры, включая письменность, память, передачу информации между поколениями, их взаимосвязь, развитие и т.д. Для простоты язык превращает сложнейшую технологию культуры – то есть, огромную систему тончайших связей и взаимовлияний, живой процесс – в «предмет» – то, что существует для профанного взгляда самостоятельно и независимо ни от чего: ручку. Это практично, но таит в себе причины, возможно, ключевой для западной культуры эпистемологической ошибки. Ум начинает онтологизировать все, что подвергает алгоритмическому сжатию и превращает культурные функции (ручка, ложка, власть, дружба, свобода, деньги, материя, сознание, объект, субъект, существование, свобода и т.д.) в предметы. После чего, укоренив их в бытии, задает вопрос об их истинной сущности. Об этом можно сказать и иначе: ум (культура, наука, искусство, религия, политика и т.д.) творит порядки (культурно-исторические парадигмы) и разрушает их, когда скоро убеждается в их бесосновности. Ум творит предметы (абстракции, номинализации) в функциональных целях, для функционального использования. В этом смысле концептуальное мышление чрезвычайно полезно. Но на следующем этапе, ум забывает, откуда эти вещи взялись, субстантивирует, онтологизирует их, разрывая живые системные связи с целым, и теперь вынужден искать их источник а заодно истинный (ни от чего другого не зависящий) смысл. А это уже эпистемологическое заблуждение.

И тут возникает вопрос о наблюдающем уме (в буддизме) и «наблюдателе» «сложностного мира» в науке [1, с.81-82]. По нашему мнению, в буддизме, феномены или манифестации (все возможные опыты) переживаемые в потоке коммуникативного ситуативного порядка выступают как «частичные наблюдатели» – «качества»: «роль частичного наблюдателя – воспринимать и испытывать на себе, только эти восприятия и переживания принадлежат не человеку...., а самим вещам, которые он изучает». Для Ж.Делёза и Ф.Гваттари «наблюдатели есть всюду, где возникают чисто функциональные свойства опознания и отбора... В конечном счете, идеальные частичные наблюдатели – это чувственные восприятия или переживания, присущие самим функциям» [1, с.80-81]. Обратим внимание на ключевой момент в приведенной цитате: такие частичные наблюдатели обладают качеством недвойственности, то есть, объект и субъект, наблюдатель и наблюдаемый мир совпадают в них.

Частичные наблюдатели могут быть приравнены к квалиа с их спецификой неопишуемого – но переживаемого в опыте проявления (хрестоматийный пример - переживание красного цвета). В частичных наблюдателях или квалиа нет субъекта и нет объекта переживания, но с помощью номинализационной функции речи и то, и другое можно выделить, если нам захочется создать концепцию происходящего. Если же мы не будем этого делать, эти квалиа в качестве потока и составят коммуникативный ситуационный порядок. Сам по себе он не нуждается ни в каком дополнительном упорядочивании или протоколировании – так как в следующий момент он уже другой. В этом смысле поток частичных наблюдателей-квалиа не нуждается и в специальном супернаблюдателе как некой экспертной различающей позиции, т.к. частичные наблюдатели-квалиа сами по себе изначально осознаны в своей специфике. Таким образом, переживаемые в потоке ситуативного коммуникативного порядка частичные наблюдатели-квалиа (от простого уровня восприятия цвета – до тонких смысловых оттенков в поэзии или математике) оказываются предельно возможным опытом, по сути, реальностью, которая подвижна и самодостаточна и не нуждается ни в дополнительном наблюдателе, ни в алгоритмическом сжатии, хотя и не отвергает такой возможности – как одного из модусов своего проявления. Данная позиция, на наш взгляд, очень близко подходит к идее «недвойственности» в буддизме (аналогичные термины: «естественное состояние», «обыкновенный ум», «природа ума, тождественная обыкновенному уму» [3]), являющейся фундаментом для понимания отношения сознания и реальности.

Литература:

1. В.И. Аршинов, Я.И. Свирский. Сложностный мир и его наблюдатель. Часть первая// Философия науки и техники. 2015. Т. 20. № 2. С. 70–84
2. Намкай Норму Ринпоче. Три пути освобождения. Устный комментарий к тексту «Драгоценный светоч. Краткое объяснение трёх путей освобождения»: электрон.издание 2015 Институт Шанг-Шунг. 2016. URL <https://bookshake.net/b/3-puti-osvobozhdeniya-namkay-norbu-rinpoche> (дата обращения: 15.02.2019).
3. Такпо Таши Намгьял. Махамудра: Квинтэссенция Ума и Медитации. (Лучи лунного света Махамудры). Предисловие Чогьяма Трунгпа Ринпоче. Книга Вторая: Подробное разъяснение Махамудры, необщая медитация. Глава 5. Этапы добродетельной практики: электронное издание. 2019. URL <http://abhidharma.ru/A/Vedalla/Content/Mahamydra.html#o165> (дата обращения: 15.02.2019).

Проблема адаптации общества и человека к вызовам цифровой антропотехносферы

Асеева И.А.

Юго-Западный государственный университет, профессор. Д.филос.н.

irinaaseeva2011@yandex.ru

Аннотация: Проблема философского осмысления вызовов цифровой реальности и поиска адекватных компенсаторных механизмов для человека и общества остро стоит в ситуации растущей сложности инновационных и технологических процессов современной техногенной цивилизации. В статье обсуждаются проблемы, связанные с нарастающим распространением цифровизации в ключевых сферах общественной и личной жизни: деформация личности человека, вторжение в персональные данные, нарушение конфиденциальности личной информации и использование ее в корыстных целях, обострение конкуренции на рынке труда. Для подтверждения отдельных тезисов в статье использованы результаты авторского социологического исследования «Современные социальные технологии как инструмент управления установками личности», проведенного в июне-ноябре 2019 года среди жителей г. Курска (Россия).

Ключевые слова: философия науки и техники, цифровая реальность, антропотехносфера, техноэтика, цифровые компетенции, компенсаторные механизмы.

The problem of adaptation of society and human to the challenges of the digital anthropotechnosphere. Aseeva I.A.

Southwest State University, DSc., Prof.

Abstract: The problem of philosophical understanding of the challenges of digital reality and the search for adequate compensatory mechanisms for human and society is acute in a situation of increasing complexity of innovative and technological processes of modern technological civilization. The article discusses the problems associated with the increasing spread of digitalization in key areas of public and private life: the deformation of a person's personality, the invasion of personal data, the violation of the confidentiality of personal information and its using for selfish purposes, the aggravation of competition in the labor market. To confirm certain theses, the article uses the results of the author's sociological study «Modern social technologies as a tool for managing personal attitudes», conducted in June-November 2019 among residents of Kursk (Russia). The research was carried out with the support of the RSF grant No. 19-18-00504 «Sociotechnical landscapes of digital reality: ontological matrices, ethical and axiological regulatives, roadmaps and information support for management decisions».

Keywords: philosophy of science and technology, digital reality, anthropotechnosphere, technoethics, digital competences, compensatory mechanisms.

¹ В ситуации растущей сложности инновационных и технологических процессов современного этапа развития общества особенно актуальной становится проблема максимально мягкой коррекции основных моделей поведения и взаимодействия людей в различных сферах повседневной жизни, в экономике, политике и т.д. Многие из этих процессов уже немислимы вне технической, точнее, электронной или, как сейчас более распространено, цифровой реальности [1].

Появление Интернета, быстрое снижение цен на компьютеры и изобретение смартфонов значительно ускорили развитие информационно-коммуникативной сферы, усилили ее социальный аспект и добавили ранее неизвестные проблемы, связанные не только с новыми качественными возможностями и сложностью отбора и систематизации информации, но и появлением неоднозначных психических феноменов новой виртуальной реальности.

Обозначим лишь несколько важных проблем, связанных с нарастающим распространением цифровизации в ключевых сферах общественной и личной жизни.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №19-18-00504 «Социотехнические ландшафты цифровой реальности: онтологические матрицы, этико-аксиологические регулятивы, дорожные карты и информационная поддержка управленческих решений».

1. Деформация личности человека.

Современные исследования называют нашу эпоху «гиперинформационной». Например, по данным Facebook пользователи ежедневно обмениваются 500 терабайтами информации, 400 млн фотографий, а Google фиксирует 105 млрд запросов в месяц. Ученые отмечают, что обработка информации современным человеком переориентируется с понятийной на образную, с текста на картинку. Формируется феномен, получивший название «клипового мышления», «клипового сознания» [2], появляется склонность к принятию стремительных, неотрефлексированных решений, на основе первичных внутренних импульсов и эмоциональных впечатлений. При этом, возможна высокая скорость обработки, в том числе и параллельных потоков, информации, однако в ущерб глубине критического осмысления этой информации. По данным Лаборатории Касперского за 2018 год 40% детей до 10 лет в России и США, и 68% подростков в России, 60% - в США, 58% - в Германии постоянно находятся онлайн. 43% детей в младшей школе и 95% старшеклассников имеют страницы в соцсетях (данные Лаборатории Касперского за 2019 год). Постоянное пребывание в виртуальной реальности приводит, согласно результатам экспериментов, к подавлению дефолт-системы мозга, отвечающей за системное мышление [3, с. 19945], поверхностному взгляду, возникновению тревожности, стрессу, снижению креативности [4]. Медики отмечают развитие цифрового аутизма, выражающегося в невозможности поддерживать длительный личный контакт, снижении интереса к внутреннему миру другой личности, в обесценивании сострадания, эмпатии, ощущении социальной тревожности, депрессии, чувстве одиночества. Современный человек проводит 8 часов в виртуальной реальности и лишь 2,5 часа в сутки тратит на личное общение [5, с. 15], что приводит к постепенной утрате навыков социального взаимодействия, дисфункции дефолт-системы мозга.

Чтобы избежать подобных деформаций мышления на государственном уровне уже вводятся ограничения для детей в школах и для служащих в рабочее время в пользовании электронными устройствами. Сложность заключается в том, что так называемое «поколение Z» - «дети сети» уже сами становятся родителями и не мыслят своего существования без гаджетов. Возникает острое противоречие между формированием релевантных цифровых компетенций и моделей взаимоотношений (медиа-информационной грамотности) и форм нового агрессивного поведения: флеймы, флуд, спам, троллинг, кибербуллинг и др., а также ухудшением высших психических функций мозга (памяти, внимания, восприятия, речи, мышления), кардинальной трансформацией принятых в культуре социальных практик и механизмов формирования личности [6].

2. Вторжение в персональные данные.

Гиганты-монополисты в цифровой сфере могут наблюдать, как меняются интересы граждан, использовать эту информацию в своих целях и в определенной мере манипулировать ею. «Google видит, что люди ищут, Facebook – чем они делятся, Amazon - что они покупают» [7]. Мартин Энзеринк и Джилберт Чин в статье «Конец частной жизни» пишут о том, что с момента рождения и на протяжении всей жизни люди оставляют огромное количество электронных следов, обмениваются данными, делятся проблемами [8]. Поэтому все труднее сохранить в секрете личные данные человека, информацию о его здоровье, предпочтениях, финансовых возможностях и политических пристрастиях. Появляются технологии, способные распознать и установить личность человека по случайной фотографии, мелькнувшей в социальных сетях. Ян Ле Кун, руководитель исследований в сфере искусственного интеллекта Фейсбук (Нью-Йоркский университет), утверждает, что цель - не вторгаться в частную жизнь более чем 1,3 млрд активных пользователей Фейсбука, а в том, чтобы защищать ее. Как только система Дипфейс (Deep Face) идентифицирует лицо на одной из 400 млн новых фотографий, ежедневно загружаемых пользователями, «вы получите сигнал тревоги от Фейсбука, сообщающий вам, что вы появились на снимке», объясняет Ле Кун. После этого человек может стереть свое лицо со снимка, чтобы защитить свою частную жизнь [9]. *Мне представляется такое заявление некоторым лукавством. И дело не в том, что можно не успеть стереть компрометирующую личную фотографию, а в том, что ее невозможно стереть без следа, и в том, что не ясно, для чего будет использоваться автоматическое распознавание лиц и как вообще его можно юридически контролировать. Те же проблемы возникают и при распознавании голоса и использовании этой информации без согласия человека.*

Еще одна проблема, связанная с санкционированием проникновения в персональные данные, возникает при обсуждении приоритета личных или общественных интересов в ситуации, например,

крупных эпидемий, таких как вирус Эбола, H1N1 или китайский коронавирус. Большинство государственных регламентов направлены на защиту общественного здоровья в ущерб сохранению тайны частной жизни.

3. Нарушение конфиденциальности личной информации и использование ее в корыстных целях

Но использование личной информации может быть продиктовано не только благими намерениями и социальной значимостью, а еще незаконными или корыстными интересами третьих лиц. В 2007 г. кардиолог вице-президента США Дика Чейни не одобрил использование его пациентом беспроводного стимулятора сердца из-за риска постороннего вмешательства в его работу. Современные миниатюрные медицинские приборы, такие как инсулиновые насосы, непрерывные мониторы глюкозы, стимуляторы сердца или дефибрилляторы, могут с помощью интернета пересылать сообщения лечащему врачу. Но если для компьютеров и смартфонов созданы и применяются обновления безопасности, то для медицинских приборов на первом месте стоит надежность и легкость в использовании пациентами. Эксперты по безопасности демонстрируют, что с помощью легкодоступного оборудования, руководства для пользователя и знания кода прибора они могут взять под контроль прибор или осуществлять мониторинг посылаемых им данных [10].

С цифровизацией банковской и торговой сферы потребления и их сращиванием на основе скоринговых и скрининговых интересов связана угроза манипулирования данными, когда банки начинают собирать информацию о клиентской базе потенциальных заемщиков не только по социальным сетям [11], но и потребительской корзине клиентов с целью определения наиболее полного личностного профиля возможного заемщика. На самом деле речь идет и о еще более полной информации, восстановленной по оплатам банковской картой в кинотеатрах, аптеках, медицинских учреждениях, вокзалах. Фактически это не только социально-психологический профиль, но и проблемы здоровья, культурных и политических предпочтений и другие факты личной жизни, которые легко восстанавливаются в таком расширенном скрининге, нарушая этические нормы вторжения в приватные пространства личности [12]. Фактически, наши приватные данные, собранные полулегально через банковско-маркетинговый скрининг, все больше становятся товаром, что не может не вызывать чувства протеста.

На основе результатов проведенного нами в 2019 году социологического опроса¹ среди жителей г. Курска (Россия), было выявлено, что больше половины респондентов - 59,4% - считают себя объектом манипуляций с использованием социальных технологий (рекламы, в частности), 40,6% - не считают. Подавляющее большинство респондентов не согласны с несанкционированным использованием личной информации (67,9%), безразличны - 7,1%, а абсолютно согласны всего 4,6% опрошенных.

4. Обострение конкуренции на рынке труда.

Распространение машин с элементами интеллекта постепенно вытесняет человека не только из сферы опасных и вредных производств и тяжелого сельскохозяйственного труда, но и из наиболее распространенной во всем мире сферы услуг [13]. Эта тема широко обсуждается в СМИ и «проживается» в фантастических фильмах. И если еще несколько лет назад такие перспективы вызывали в обществе шок и панику, то сегодня люди понимают, чтобы конкурировать, а лучше, управлять такими машинами, необходимо постоянно повышать квалификацию, обладать оригинальным мышлением, осваивать новые подходы и методы. 57,7% респондентов в нашем исследовании уверены, что в результате цифровизации, распространения новых технологий, использовании роботов существенно поменяется структура профессий в будущем, большинство современных профессий сохранится, но появится и много новых. 77,8% респондентов не считают, что человек обязательно должен реализоваться только в одной профессии. Чтобы быть успешными 48,1% респондентов намерены совершенствовать свой профессиональный уровень, 19,1% готовы сменить сферу деятельности.

¹ Опрос проводился методом анкетирования в рамках авторского социологического исследования «Современные социальные технологии как инструмент управления установками личности», проведенного в июне-ноябре 2019 года среди жителей г. Курска (Россия). Генеральная совокупность - жители города в возрасте от 18 лет и старше - 321 тысяча человек, выборочная совокупность - 384 респондента.

Материалы социологического исследования находятся в открытом доступе на сайте «Курский социологический клуб», вкладка выполненные исследования - Проект «Современные социальные технологии как инструмент управления установками личности». URL: http://sociokursk.ru/?page_id=3979

Итак, возникающие вызовы цифровой реальности порождают множество проблем, требующих адекватного осмысления и формирования компенсаторных механизмов, способных снизить социальную напряженность и избежать необратимой деградации человеческой личности. Такие механизмы должны создаваться на государственном уровне на основе международного сотрудничества, поскольку эти проблемы приобретают черты глобальных, касающихся всех и каждого представителя современной техногенной цивилизации, наряду с угрозой мировой войны или сохранения экологии планеты.

Литература:

1. Социотехнический ландшафт цифровой реальности: философско-методологический концепт, онтологические матрицы, экспертно-эмпирическая верификация [Текст]: Коллективная монография / Аршинов В.И., Артеменко М.В., Асеева И.А., Буданов В.Г., Гримов О.А., Каменский Е.Г., Корневский Н.А., Маякова А.В., Родионова С.Н., Чеклецов В.В. / Отв. ред. В.Г. Буданов, И.А. Асеева. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2019.
2. Гиренок Ф. И. Клиповое сознание. М.: Академический проект, 2014.
3. Chen A.C., Oathes D.J., Chang C., Bradley T., Zhou Z.-W., Williams L.M., Glover G.H., Deisseroth K., Etkin A. Causal interactions between fronto-parietal central executive and default-mode networks in humans // Proceedings of the National Academy of Sciences, 2013. Vol. 110, no. 49. Pp. 19944-19949.
4. Mark G., Gudith D., Klocke U. The Cost of Interrupted Work: More Speed and Stress // Proceedings of the SIGCHI Conference on Human Factors in Computing Systems, CHI 2008, Florence, Italy, 2008. Pp. 107-110.
5. Signam A. Well connected? The biological implications of 'social networking' // Biologist. Vol. 56, no 1. February 2009. Pp. 14-20.
6. Хорошилов А.В. Возрастная периодизация и цифровая грамотность: базовые цифровые компетенции для каждого уровня образования ИКТ и Рамочная программа действий ЮНЕСКО «Образование 2030» // SMART RUSSIA: «Возрастная периодизация и цифровая грамотность: базовые цифровые компетенции для каждого уровня образования.» Москва 11 октября 2018.
7. The Economist (2017), «Difference Engine. Technology is eroding your right to tinker with things you own», available at: <https://www.economist.com/news/science-and-technology/21723679-digital-technology-eroding-peoples-right-tinker-things-they-own-end-ownership> (Accessed October 14, 2017)
8. Enserink M., Chin G. The end of privacy // Science. 2015, 30 January. Vol. 347, no 6221. Pp. 490–491.
9. Bohannon J. Unmasked // Science. 2015, 30 January. Vol. 347, no 6221. Pp. 492–494.
10. Clery D. Could your pacemaker be hackable? // Science. 2015, 30 January. Vol. 347, no 6221. Pp. 499.
11. Hagel J., Armstrong A. Net Gain: Expanding Markets Through Virtual Communities, Cambridge: Harvard Business Press, 1997.
12. Lengare K.B. Data ethics and its role in digital era. Review of Research. Vol.7, Issue 11. August 2018. Pp.1-7.
13. Budanov V., Aseeva I., Zvonova E. Industry 4.0.: socio-economic junctures // Economic Annals-XXI (2017), 168(11-12). Pp.33-37.

Балычева М.Б.

Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М.Губкина, доцент. Кандидат философских наук

balycheva.m@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются перспективы и особенности применения методологии изучения сложных систем в образовании. Делается вывод о том, что, рассматривая образование как сложную систему и применяя в изучении образовательных процессов методологию теории сложности, можно предполагать издержки образовательных реформ и новшеств. В связи с этим обращается внимание на необходимость учитывать такие особенности сложной социальной системы как несоответствие долгосрочных и краткосрочных реакций, наличие непредсказуемых точек влияния, резистентность к административным новшествам и др. Современное образование, рассматриваемое с позиций теории сложности, стремится к таким качествам как трансфеноменальность, трансдисциплинарность, интердискуссивность, моральная ответственность.

Ключевые слова: сложность, теория сложности, сложные социальные системы, образование.

Philosophy of complexity and Education.
Balicheva M.B.

National University of Oil and Gas «Gubkin University»

Abstract: This paper addresses the perspectives and features of applying the methodology for complex systems analysis in education. The conclusion is drawn regarding the possibility of anticipating the downsides of educational reforms and novations when the complexity theory is applied, and education is addressed as a complex system. The following aspects of complex social systems are highlighter: divergence between long-term and short-term reactions, unpredictable influence points, resistance to administrative innovations, etc. From the complexity theory viewpoint, modern education leans toward transphenomenality, transdisciplinarity, interdiscursivity, and moral responsibility.

Keywords: complexity, complexity theory, complex social systems, education

В классической рациональности образом мира являлся часовой механизм. Следствия рассматривались как функции причин. Незначительные причины приводили к незначительным переменам, а причины сложного порядка вели к серьёзным переменам. При таком типе рациональности в методологии научного познания сложность рассматривалась как отрицательная характеристика знания, опосредованная недостаточно глубоким знанием о предмете.

Научные открытия в естествознании XIX-XX вв. заставили изменить представления ученых о простоте мира. Методологическими предпосылками теории сложности являются теория катастроф и теория хаоса. Теория сложности дает представление о том, как сложные и постоянно меняющиеся системы перестают быть точно предсказуемыми, даже если их начальные состояния известны в деталях; как незначительная степень неопределенности начальных условий может впоследствии значительно вырасти и вызвать существенные изменения; как порядок и стабильность возникают из взаимодействия многих компонентов; как система или среда в целом зависят от отношений между своими составными элементами; как возникает «порядок из хаоса».

Методология изучения сложных социальных систем начала разрабатываться с середины XX века Дж. Форрестером. В 1970 г. Римский клуб предложил Дж. Форрестеру разработать модель глобального развития. Эта модель получила название Мир-1, впоследствии доработанная самим Дж. Форрестером (Мир-2) и его ассистентом Д. Медоузом (Мир-3). Результаты, полученные с помощью модели Мир-3, явились основой первого официального доклада Римского клуба («Пределы роста», 1972 г.) и оказали заметное влияние на общечеловеческое представление о мировом развитии.

Исследование социальных процессов с позиций теории сложности более всего развито в экономической сфере. Представляется, что это перспективное направление и для исследований в области образования. Философия образования как область философского знания существует уже более ста лет

и получила дисциплинарный статус, что говорит о ее заслугах в исследовании феномена образования. В то же время исследования в области образования определяются текущими запросами общества. При этом, как правило, упускаются из внимания возможные риски, связанные с реформированием образования. Отсюда перманентные смены и доработки образовательных стандартов, их фактическая нереализованность. Конечно, предвидеть всего невозможно. Но рассматривая образование как сложную систему и применяя в изучении образовательных процессов методологию теории сложности, можно хотя бы предполагать издержки образовательных реформ и нововведений.

Образовательные изменения являются результатом создания импульса в новом направлении. Теория сложности предлагает некоторые полезные идеи о природе непрерывности и изменений и таким образом представляет значительный интерес для философского понимания образовательных и институциональных изменений. Она имеет дело со средами, организациями или системами, которые сложны в том смысле, что большое число составляющих их элементов связаны и взаимодействуют друг с другом многими различными способами. Теория сложности как исследовательская парадигма, предостерегает нас от маргинализации или отказа от того, что кажется сейчас тривиальным или необъяснимым.

Особенностями сложной системы являются: 1) контринтуитивность (поведение системы, противоречащее нашей оценке на основе интуиции и здравого смысла); 2) нечувствительность к изменениям многих параметров системы (наблюдения за социальными системами показывают, что в них доминируют природные и психологические факторы, которые мало изменяются даже при изменении параметров социальной системы на несколько порядков); 3) резистентность к административным новшествам (обусловленной контринтуитивностью и нечувствительностью к изменениям); 4) наличие непредсказуемых точек влияния, способных изменить баланс системы (эти точки можно обнаружить лишь при тщательном анализе динамики системы); 5) нейтрализация системой корректирующих программ, которые имеют тенденцию лишь замещать соответствующие внутренние процессы в системе; 6) несоответствие долгосрочных и краткосрочных реакций (в сложной системе направление краткосрочных реакций, вызванных какими-либо изменениями, как правило, противоположно долгосрочной тенденции развития системы, поэтому часто в социальных системах краткосрочная реакция на нововведение оказывается прямо противоположной результатам, полученным через годы); 7) тенденции к ухудшению состояния (положительные результаты краткосрочных реакций вводят в заблуждение при оценке долгосрочных реакций системы, ухудшая отдалённые последствия); 8) построение моделей. [1, с.118-125] Моделирование применяется тогда, когда сам объект исследования не может исследоваться непосредственно. Моделирование выполняет ряд эвристических функций: определяет основные параметры, выявляет негативные тенденции, определяет позитивные пути решения проблем, предлагает альтернативные варианты. Модель, с одной стороны должна быть подобна объекту-оригиналу, с другой – быть способной к преобразованию в зависимости от возможных условий и обстоятельств.

Считается, что в образовании знание и познание неразделимы, но этот факт выражается в терминах двух отдельных явлений – преподавание и педагогика, включающей воспитательный аспект. В философии образования попытки решить дилемму обучение-воспитание имеют давнюю историю. На практике же эффективность образовательного процесса определяется либо предметной компетентностью преподавателя, либо эффективностью его педагогических навыков. Согласно тезису Дьюи учащийся и учебная программа – это два предела, которые определяют единый процесс. [2, с.11]

Теория сложности предполагает понимание, которое может быть достигнуто только при одновременном рассмотрении факторов, связанных с различными феноменальными уровнями объяснения (трансфеноменальность). [3, с.49-50] В образовании такими трансфеноменами являются: интеллект, технологии формирования личности, организация и функционирование социальных коллективов, знание, цели образования. Каждое из этих явлений является эмерджентным, т.е. каждое возникает во взаимодействии многих субкомпонентов или агентов, чьи действия, в свою очередь, опосредованы аналогичными динамическими контекстами. Таким образом, не всегда ясно, на чем следует сосредоточить внимание, чтобы понять такого рода явления.

Сложные социальные системы состоят из многих элементов, которые стали объектами и предметами отдельных наук. Чтобы исследовать сложную систему, необходимо устранить барьеры между различными дисциплинами, областями знаний. Взаимодействия психологических, экономических, технических, культурных и политических и других факторов могут быть более

важными, чем внутреннее содержание любого из них, взятого в отдельности. И если в процессе познания отдельные факторы будут изолированы, их взаимодействие никогда не попадет в поле нашего зрения. Трансдисциплинарность позволяет выйти за ограничительные пределы специфических методов для определенной дисциплины. Сложностное мышление (термин введен Б. Дэвисом и Д. Сумара [4, с.5]) – это не гибрид научных методологий. Это новое отношение к изучению отдельных видов явлений, позволяющее избежать абсолютов и стагнации. Можно заключить, что трансдисциплинарность – сущность образовательной практики.

Б. Дэвис приводит результаты интересного исследования. Группе учителей во время исследовательского семинара был задан вопрос: «Как у учащихся формируется понимание эволюции?» Анализ ответов показал, что опрашиваемые связали индивидуальное понимание эволюции с такими разноплановыми феноменами как генетическая предрасположенность (феномен изучается неврологией), личный опыт (феномен изучается психологией), культурно-символические инструменты (феномен изучается антропологией), социальные взаимодействия (феномен изучается социологией), диалог человека и биосферы (феномен изучается экологией). Анализ данного опроса показал, что такое «простое» явление, как личное понимание эволюции, требует трансдисциплинарного подхода, где в рамках теории сложности предлагается понимание, которое может быть достигнуто только при одновременном рассмотрении факторов, обычно связанных с явно различными дисциплинарными перспективами. [3, с.49-50]

Одна из главных проблем, связанных с понятием трансдисциплинарности, заключается в том, что дискурсы, которые присутствуют в различных дисциплинах, чаще всего рассматриваются как несовместимые, если не прямо противоречащие друг другу. Сложностное мышление можно описать как своего рода интердискурс, где дискурс понимается как структурно когерентная область использования языка. При этом деятельность, связанная с использованием этого языка, организует и ограничивает то, что можно сказать, сделать и подумать. Каждый дискурс имеет свой собственный набор правил и всегда функционирует во взаимосвязи или в оппозиции к другим дискурсам. Разные дискурсы переплетены, хотя и разнородны. Теория сложности предлагает инсайты, которые могут быть получены только при одновременном рассмотрении факторов, обычно связанных с явно различными дискурсами. Представляется, что образовательные процессы должны быть интердискурсивны.

Очень часто дискурсы, заимствованные и адаптированные из психологии, социологии, литературной критики и других областей, не вполне соответствуют конкретным прагматическим интересам преподавателей, т.к. фокусируются по большей части на характеристике и описании конкретного явления. Но в практической образовательной деятельности человек не “применяет” принципы сложности, он принимает участие в их формулировании и разработке. В исследовании сложности акцент должен делаться не на описании явлений, а на способах побудить возникновение явлений и способах повлиять на их характер.

В то же время любая попытка преобразовательной деятельности в области образования обязательно является глубоко этическим вопросом. Это относится как к исследованиям в области образования, так и к образовательной практике. Б. Дэвис призывает исследователей сложных систем в образовании быть внимательными к последствиям результатов своих исследований, т.к. они вносят определенный «вклад в форму возможности». [с.3, с.46-50]

Не все исследователи разделяют оптимизм в возможности применения теории сложности к образовательным процессам. К. Моррисон полагает, что теория сложности имеет сомнительную внутреннюю последовательность. Она является описательной теорией, которую легко неправильно понять как предписывающую теорию. Теория сложности молчит о ключевых вопросах ценностей и этики. Но, когда мы имеем дело со сложностью в социальной и человеческой сфере, мы не можем избежать момента выбора, а следовательно, мы никогда не свободны от нормативных соображений. Все, что мы делаем, имеет этические последствия. [5, с.19-34]

И хотя онтологический контекст идеи простоты ушел в прошлое, сохраняет смысл ее методологическая составляющая: «не умножай сущности без необходимости».

Литература:

1. Форрестер Дж. Динамика развития города. М.: Прогресс, 1974 г. 266 с.
2. Dewey J. The Child and the Curriculum. Chicago: The University of Chicago Press, 1902. 40 с.

3. Complexity Theory and the Philosophy of Education. Wiley-Blackwell, 2008. 254 с.

4. Davis B., Sumara D. Complexity and Education: Inquiries Into Learning, Teaching, and Research. Mahwah, New Jersey, London, 2006. 202 с.

5. Morrison K. Educational Philosophy and the Challenge of Complexity Theory // Educational Philosophy and Theory. 2008. Vol. 40, No. 1. P. 19-34

Окружающая среда и техническая среда в эпоху Четвертой промышленной революции: философский анализ соотношения понятий

Белкина В.А.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Юго-Западный государственный университет» (ЮЗГУ), аспирант

viktoria2206.1995@mail.ru

Аннотация: В представленных материалах рассматривается значимость междисциплинарного интегративного подхода к раскрытию содержания таких понятий, как окружающая среда и техническая среда. Современный этап промышленно-технологического развития определяется учеными, как Четвертая промышленная революция. Она вызывает изменения в различных областях человеческой деятельности. Данные изменения являются сложным, онтологически многослойным объектом междисциплинарного исследования. В первую очередь, Четвертая промышленная революция развивает новейшие технологии, которые изменяют и трансформируют окружающую нас природу среду в среду техническую. В настоящее время мы сталкиваемся с практически неконтролируемым ускорением в расширении различных технологий и в целом технической среды. Технологии могут изменять существующие среды, создавать новые и даже устранять ранее существовавшие. Следовательно, технологии имеет многочисленные последствия для окружающей среды и человеческой природы. Развитие современных технологий накладывает огромный отпечаток на окружающую среду в аспекте их влияния не только на природную среду, но и на природу самого человека, а также его жизнедеятельность.

Ключевые слова: окружающая среда, техническая среда, четвертая промышленная революция, технологическое развитие, технологии

Environment and the technical environment in the era of the Fourth industrial revolution: a philosophical analysis of the correlation of concepts.

Belkina V.A.

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "South-West State University" (South-Western State University)

Abstract: The presented materials discuss the significance of an interdisciplinary integrative approach to the disclosure of the contents of concepts such as the environment and the technical environment. The modern stage of industrial and technological development is defined by scientists as the Fourth Industrial Revolution. It causes changes in various fields of human activity. These changes are a complex, ontologically multilayered object of interdisciplinary research. First of all, the Fourth Industrial Revolution develops the latest technologies that change and transform the nature surrounding us into a technical environment. Currently, we are faced with almost uncontrolled acceleration in the expansion of various technologies and the technical environment as a whole. Technologies can modify existing environments, create new ones, and even eliminate existing ones. Consequently, technology has numerous implications for the environment and human nature. The development of modern technologies leaves a huge imprint on the environment in terms of their impact not only on the natural environment, but also on the nature of man himself, as well as his life.

Keywords: environment, technical environment, fourth industrial revolution, technological development, technology

¹ Происхождение дискурса Четвертой промышленной революции, или более известной, как Индустрии 4.0, и все идеи, присутствовавшие при его создании, сыграли решающую роль в формировании дискурса в его нынешнем виде. Технологии, которые стоят в основе Четвертой промышленной революции, во многом взаимосвязаны: в том, как они расширяют цифровые возможности, как они масштабируются, развиваются, встраиваются в окружающую среду и человеческую жизнь, как они взаимно дополняют друг друга [1, с. 34]. Особо значимы способности данных технологий в возможности концентрировать привилегии и бросать вызов уже существующим техническим системам. Быстро растущее значение и воздействие этих технологий обусловили необходимость регулирования технологического развития с целью максимизации его преимуществ и одновременного контроля за его возможными негативными

ⁱ Тезисы подготовлены при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-33020.

последствиями для природы человека и окружающей среды. В связи с этим, в условиях развития Четвертой промышленной революции, внимание к изменениям технической среды, ее эффектам и феноменам растет и трансформируется в междисциплинарные научные теории и исследования.

В эпоху Четвертой промышленной революции необходимо четко понимать, как соотносятся такие понятия, как техническая среда и окружающая среда. Понятие «окружающая среда» включает в себя все то, что нас окружает, а многие мыслители-экологи зачастую отождествляют ее с природной средой. Техническая среда подчиняется окружающей среде в том смысле, что она подчиняется ее законам и рассматривает их как незыблемые требования своей собственной деятельности. Однако, несмотря на это послушание законам окружающей среды, окружающая среда по своей сути никогда не является для технической среды чем-то законченным, где законы просто обязательны. Окружающая среда - это нечто, что должно постоянно закладываться заново, нечто, что должно формироваться многократно [2, с. 26]. Тот факт, что окружающая среда для технической среды никогда не будет закончена, не следует рассматривать как «неудачу» со стороны технической среды. Напротив, это позволяет окружающей среде постоянно открываться заново для технической среды - открытие в окружающей природной среде и изобретение в технической среде идут рука об руку.

Необходимо отметить, противоречие в отношениях окружающая среда – техническая среда. С одной стороны, технологии помогают нам стать еще более знакомыми с окружающим миром, а с другой стороны - мы все больше отчуждаемся от него, потому что технические модели, которые направляют нас при интерпретации окружающей реальности, сглаживаются и уменьшают, а иногда даже разрушают эту реальность. Последствия современной технологии проявляются в природе и окружающей среде, не только с точки зрения технооптимизма, но также и с точки зрения технопессимизма, в холодно прагматическом и объективном характере технологического общества со всеми присущими ему напряжениями.

Рассмотрим компоненты окружающей среды. В настоящее время в среде, которая окружает человека, выделяют 4 основных компонента [3]:

1. **Непосредственно природная среда** («первая природа»), или слабо измененная человеком, или видоизмененная в такой степени, что она еще не потеряла основных свойств – самовосстановления, саморегулирования). Непосредственно природная среда очень близка с той, которую называют «экологическим пространством».

2. **Преобразованная людьми природная среда** («вторая природа»), иначе среда квазиприродная. Она неспособна к самоподдержанию в течение продолжительного времени. Это различного вида «культурные ландшафты» (пастбища, сады пахотные земли, виноградники, парки и т. д.).

3. **Созданная человеком среда** («третья природа»), артеприродная среда. К ней относят жилые помещения, промышленные комплексы, городские застройки и т. п. Эта среда может существовать только при постоянном поддержании ее человеком. В противном случае она неизбежно обречена на разрушение.

4. **Социальная среда**. Она оказывает большое влияние на человека. Эта среда включает в себя взаимоотношения между людьми, степень материальной обеспеченности, психологический климат, здравоохранение, общекультурные ценности и т. п.

В эпоху Индустрии 4.0. широко распространенным является мнение, что человечество отчуждено от окружающей природной среды. Как правило, разговор об отчуждении от окружающей природной среды включает утверждение, что мы не признаем инаковость природы, но построенная сегодня техническая среда отличается от естественной природной среды вследствие внедрения в нее новейших технологий [4, с. 90]. Преодоление отчуждения потребует признания целостности окружающей среды и технической среды, в которой мы живем. Человеческое существование представляется как рационально усовершенствованное посредством труда, преобразующего окружающую природную среду в среду искусственную. Техническая среда, технологическое общество и его будущие инновации представляются как неизбежное следствие естественной эволюции и закономерностей, трансформирующих окружающую природную среду в ее первозданном виде.

Технологическая среда эпохи Четвертой промышленной революции отличаются от технической

среды предыдущих эпох. Так, традиционные технологии и технологии ремесленников характеризовались межличностным измерением. Воздействие таких технологий на окружающую среду было краткосрочным, а их негативное воздействие кратковременным, локальным и предсказуемым. Более того, эти технологии не наложили свой отпечаток на культуру, а были ее частью. Ремесленные технологии были как бы встроены в естественный порядок вещей. Очень важным является тот факт, что в этой довольно статичной ситуации не было никакого спроса на этику технологии. Это было нечто самоочевидное и совсем не проблематичное. Однако по сравнению с тем, что было даже столетие назад, мы оказались в совершенно новой ситуации. Современные технологии динамичны и чрезвычайно расширяются. Они оставляют свой след в культуре и становятся такой системой, которая охватывает весь мир. Таким образом, в современных технологиях все связано со всем остальным. Результатом является совершенно новая технологическая среда. Например, если убрать эти технологии из нашей повседневной жизни, из нашей окружающей среды - наша культура рухнет. Технологии стали необходимым предварительным условием для всей нашей жизни.

Современный технологический дискурс и практика эпохи Индустрии 4.0. являются результатом многочисленных изменений в нашем культурном составе. Так, технологические интервенции не только подчиняют природное в человеке ради культурного, но они также завоевывают и берут под контроль окружающую человека среду с помощью технологий, они разрушают концептуальные границы между природной средой, технической средой и культурой, заставляя их рушиться. Значение слова «окружающая среда» выросло в обыденном языке в связи с рождением искусственных сред, возникающих в результате технологических разработок. Среды, в которых живет человечество и с которыми оно взаимодействует, очень разнообразны, включая природные, культурные и искусственные среды. Это подразумевает необходимость найти адекватное отношение между ними и обнаружить необходимость привилегировать одну среду над другой.

Исторические исследования технологий, как правило, демонстрируют два основных направления. Их основной заботой обычно было то, что произошло или происходит в области оборудования, такого как инструменты, машины, структуры и даже предметы личного пользования. Вторых (и вторично), они интересовались тем, что было или является отношением, которое сопровождало изобретение, разработку или использование такого оборудования. Такие второстепенные соображения включают культурные матрицы, которые делают возможными такие изобретения и разработки, и культурные последствия их применения для окружающей среды. Один из способов, которым ученые выражали это различие акцентов, состоял в том, чтобы определить возможности технической среды с запасами технических средств, доступных для использования в течение данного исторического периода, как его культуру [5, с. 211].

Итак, подводя итоги нашим рассуждениям, мы можем заключить, что техническая среда в определенный этап исторического развития посредством технологий изменяет материальные условия человеческого существования и расширения горизонта наших возможностей — она изменяет нашу природную, культурную и социальную среды. Технологическое развитие оказывает существенное влияние на структуру и содержание окружающей среды в целом. Однако, в то же самое время, нельзя утверждать, что окружающая среда целиком и полностью стала зависимой от сложной, взаимосвязанной сети технологической инфраструктуры, состоящей из систем, устройств и методов. Окружающая среда - это не пассивная совокупность различных вещей, которые обеспечивают контекст для человеческого существования, а динамично развивающаяся система. Сохранение специфических форм окружающей среды является условием для сохранения специфических форм социального порядка.

Литература:

1. Budanov V., Aseeva I., Zvonova E. INDUSTRY 4.0.: SOCIO-ECONOMIC JUNCTURES // Економічний часопис-XXI. 2017. № 11-12 (168). С. 33-37.
2. Глозман А.Б. Проблема взаимосвязи природы и техники в философии техники // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2006. №2. С. 22-38.
3. Реймерс Н. Ф. Начала экологических знаний. – М.: МНЭПУ, 1993. 262 с.
4. Vogel S. On Alienation from the Built Environment // Ethic Theory Moral Practical. 2014. № 17. P. 87–96.
5. Hickman L.A. Techniques of Discovery: Broad and Narrow Characterizations of Technology // New Directions in the Philosophy of Technology. 1995. P. 207-218.

Обобщенные типы рациональности: тетраэдрические репрезентации модусов деятельности и цифровая таксономия реальностей

Буданов В.Г.

Институт Философии РАН, руководитель сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития. Д.филос.н.

budsyn@yandex.ru

Аннотация. Для произвольных видов деятельности введено геометрическое тетраэдрическое ее представление, позволяющее провести таксономию ее дискурсов. Для этих целей вводится деятельностное пространство и его подпространства-таксоны, которые задаются последовательной фиксацией некоторых из элементов деятельностной тетрады, именно таксоны и интерпретируются как определенные семантические дискурсы рассмотрения реальных жизненных проявлений деятельности. Проведена классификация этих дискурсов и ее репрезентация через графы на деятельностном тетраэдре. Такой подход позволяет легко осуществлять переходы между субъектными, проектными, инструментальными, исследовательскими модусами деятельности, что может быть важно для развития творческой рефлексии и создания новых подходов к построению нейроморфного искусственного интеллекта, новых методов освоения семантических пространств культуры и создания гибридных форм когнитивных систем в цифровой реальности. Особый интерес для дальнейших исследований является обобщение интерпретаций типов научной рациональности по В.С.Степину.

Ключевые слова: деятельность, рациональность, цифровая реальность, таксономия, репрезентация, большие данные.

Generalized types of rationality: tetrahedral representations of modes of activity and digital taxonomy of realities. **Budanov V.G.**

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Sector of Interdisciplinary Problems of Scientific and Technological Development

Abstract: For arbitrary types of activity, its geometric tetrahedral representation is introduced, which allows taxonomy of its discourses to be carried out. For these purposes, the activity space and its subspaces-taxa are introduced, which are defined by sequential fixation of some of the elements of the activity notebook, namely taxa and are interpreted as certain semantic discourses of considering real life manifestations of activity. The classification of these discourses and its representation through the graphs on the activity tetrahedron are carried out. This approach makes it easy to make transitions between subjective, design, instrumental, research modes of activity, which may be important for the development of creative reflection and the creation of new approaches to building neuromorphic artificial intelligence, new methods for mastering semantic cultural spaces and creating hybrid forms of cognitive systems in digital reality. Of particular interest for further research is the generalization of interpretations of types of scientific rationality according to V.S. Stepin.

Keywords: activity, rationality, digital reality, taxonomy, representation, big data.

Прежде всего, следует отметить, что деятельность, в отличие от других темпоральных модусов проявлений нашего бытия, таких как ментальная или физиологическая реакция, движение, практика, обычай, традиция, реализуется в промежуточном временном масштабе, на границе между индивидуальными и социальными модусами, соединяя их. Тем самым, деятельность доступна восприятию и нашей психики, и, одновременно, принадлежит психосемиотике и семантике культуры, создавая locus наиболее полных напряжений личности. Это место (деятельности) традиционно обжито темпоральными наблюдателями сложности на шкале масштабов времени. Напомним, что человек постоянно движется по шкале времени, фокусируясь то на быстрых движениях пальцев по клавиатуре, то обращаясь к прогнозу погоды или истории своего рода, и каждый из нас является темпоральным наблюдателем, однако, единовременно может быть лишь на одном из масштабов времени. Деятельность в огульном масштабе восприятия может интерпретироваться как событие, а в собственном масштабе – как синтагма, предложение, в котором есть способ, предмет и результат

действия. Тем самым деятельность можно представлять как основную смысловую единицу культуры, языка, образа. Причем каждая вещь может принадлежать различным деятельностным активностям, создавая дискурсы и «одевая» смысл вещи от знака к символу.

Деятельностный подход мы встречаем уже в трудах Аристотеля, выделявшего четыре типа причин происходящего, у К.Маркса в его политэкономических штудиях, а в XX веке в методологических подходах Г.П.Щедровицкого и основаниях типов научной рациональности у В.С.Степина. Обратимся к хорошо известной структуре деятельности «субъект --- средство --- объект --- результат», которую нам удобно изображать в виде тетраэдра, тогда все элементы тетрады симметризируются, а привычная линейная цепь от субъекта к результату станет лишь одной из многих траекторий обхода вершин тетраэдра. Покажем, что все эти варианты обхода вершин имеют реальный жизненный смысл, создавая особые дискурсы рефлексивной работы с деятельностью. Сегодня, в цифровую эпоху больших данных, можно попытаться провести полную классификацию этих дискурсов.

Введем хорошо известное представление деятельностной тетрады, точнее, множество всех возможных и невозможных (виртуальных) деятельностей $M: \{S-T-O-R\}$. Где S – субъект деятельности; T – инструмент, средство деятельности; O – объект деятельности; R – результат деятельности. При этом, элементы S, T, O, R принадлежат пространствам вполне возможных субъектов, инструментов, объектов, результатов S, T, O, R , соответственно, а сама деятельность является элементом прямого произведения пространств $M = S \times T \times O \times R$, называемым нами базовым множеством деятельностей. Последнее задается контекстами задач и культурно-историческими дискурсами их понимания.

Понятие возможности, реализуемости тех или иных сочетаний элементов деятельности задается через вероятность $P(S, T, O, R)$ – их совместимости в реальном деятельностном акте. Таким образом, над пространством деятельностей M задано скалярное поле вероятностей P , которое обнуляется для чисто виртуальных, нереализуемых деятельностей миров грез, фантазий абсурда, а также недоказуемых гипотез. На первый взгляд, столь широкое определение форм деятельности кажется избыточным, но если допустить работу с воображаемыми мирами, гипотетическими моделями и художественными образами культуры, то наше определение вполне оправдано.

Введем теперь четыре типа пересекающихся таксонов, в каждом из которых фиксирована одна из координат деятельности S^*, T^*, O^* или R^* , так называемые, таксоны первого порядка.

Субъектный таксон $\{S^*-T-O-R\}$ – задает вероятностный профиль способностей, компетенций данного субъекта выполнять все возможные деятельности из множества M с его участием. Здесь решается диагностика качеств и способностей конкретной личности в деятельностных процессах, оценка его квалификаций и компетенций, что важно, например, в задачах кадрового подбора или определения состояния здоровья.

Инструментальный таксон $\{S-T^*-O-R\}$ – задает вероятностный профиль эффективности данного конкретного инструмента при выполнении с его помощью различных деятельностей из базового множества деятельностей M . Это типично для сертификации, испытания техники и технологии в широком круге задач.

Исследовательский таксон $\{S-T-O^*-R\}$ – типичная исследовательская задача заданного объекта, причем, огромное число, большинство элементов таксона в пространстве M будут иметь нулевую вероятность.

Проектный таксон $\{S-T-O-R^*\}$ – задача поиска способов получения конкретного фиксированного искомого результата, отвечая на вопрос – кто, как и из чего он это сделает? Типичная задача возможности и оптимизации выполнения проекта.

Подчеркнем еще раз, что подавляющее большинство элементов таксонов будут иметь нулевые вероятности при фиксации одного из элементов в них, т.е. имеют чисто виртуальную природу. При переборе всех фиксированных элементов в одном из типов таксонов, совокупно получаем все базовое множество деятельностей M , т.е. таксоны одного типа со всеми возможными фиксированными элементами не пересекаются и образуют множество классов подразделяющих базовое пространство деятельностей M . Такой алгоритм очень удобен для работы с Большими базами данных.

Идею последовательной фиксации элементов деятельностной тетрады можно продолжить. Так таксон первого типа представляется суммой таксонов второго типа с двумя фиксированными элементами, где первый элемент фиксирован ранее, а по вторым элементам проводится суммирование. Например, инструментальный таксон первого типа представим тремя суммами таксонов второго типа:

$$\{S-T^*-O-R\} = \sum\{S^{**}-T^*-O-R\} + \sum\{S-T^*-O^{**}-R\} + \sum\{S-T^*-O-R^{**}\},$$

где сумма идет по всем фиксированным элементам с двумя звездочками**. Таким образом, каждый из четырех таксон первого типа представим тремя кластерами таксонов второго типа. Иначе, для представления всех форм деятельности из M необходимо использовать суммы 12 таксонов второго типа, суммируя по всем выделенным элемент с одной* и двумя** звездочками. Например, если фиксированный инструмент T^* в таксоне первого типа слева будет ружье, то в правой части будет три вида таксонов второго типа, отвечающих на вопросы: на что способен этот человек с ружьем?, что можно совершить с помощью ружья с этим объектом?, как ружье поможет достичь этой цели?

Совершенно аналогично вводим таксоны третьего типа с тремя фиксированными элементами тетрады, таковых будет 24 вида. Еще 24 вида таксонов будет четвертого типа, когда фиксированы все четыре элемента тетрады, т.е. обычные представление деятельностного акта. Таким образом, возникают $4+12+24+24=64$ видов таксонов или дискурсов, контекстов, вопросов, которые можно задавать по поводу осуществления любой практики, ее планирования и реализации. Интересно было бы сравнить эти дискурсы с 64 стратегиями китайской Книги Перемен, к чему мы надеемся позже вернуться.

Геометрически, последовательность фиксации элементов деятельностной тетрады, изображаемой вершинами тетраэдра, означает, что для таксонов первого типа фиксируются по одной вершине, для таксонов второго типа – две вершины (или одно направленное ребро), таксонов третьего типа – три вершины (или два последовательно составленных и направленных ребра тетраэдра), таксонов четвертого типа – четыре вершины, которые обходятся последовательно по трем ребрам тетраэдра. При этом таксоны четвертого типа задаются максимально определенно через нарратив, все вершины фиксированы. Таксоны 1,2,3 типов имеют свободные вершины и определяются, кроме нарратива, дополнительными вопросами.

Построенная таксономия позволяет структурировать пространства произвольных деятельностей, вписать их в семантический континуум культуры и рационализировать подбор деятельностей с заданными свойствами. Подобный подход, на наш взгляд, мог бы существенно облегчить планирование и анализ научных экспериментов, теории перевода и коммуникации, работы с большими базами знаний и стратегиями обучения антропоморфного искусственного интеллекта. Отдельной задачей пополнения нашего подхода стоит введение категорий неклассика и постнеклассика В.С.Степина для развития тетраэдрической репрезентации деятельностностей.

Блюхер Ф.Н.

Институт философии РАН, в.н.с., к.филос.н.

obluher@gmail.com

Гурко С.Л.

Институт философии РАН, н.с.

sgourko@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются методологические проблемы исторического знания. Простота объяснения в историческом сочинении обусловлена его идеологическим характером. Однако ученый историк уже на уровне конструирования предмета своих исследований сталкивается с методологической проблемой «простоты» и «сложности» в отображении исторических событий, которая фиксируется философией во второй антиномии И. Канта. Рассматривая диалектику «простого» и «сложного» в истории науки, авторы находят ее методологическое решение в механике и генетике. Высказывается предположение о возможной перспективе корпусных исследований в истории, которые могли бы положить в основу исторического исследования статистический анализ историй индивидов, открывая путь для превращения истории из описательной науки в своего рода «статистическую механику индивидов».

Ключевые слова: история, методология науки, простота, сложность, предмет, метод, историография.

Dialectics of the “simple” and “complex” in historical research.

Blyukher F.N.; Gourko S.L.

Institute of philosophy RAS

Abstract. The paper discusses the methodological problems of historical knowledge. The simplicity of explanation in a historical essay is due to its ideological character. However, a scientist historian, even at the level of constructing the subject of his research, is faced with the methodological problem of “simplicity” and “complexity” in the reflection of historical events, which is fixed by philosophy in the second antinomy of I. Kant. Considering the dialectics of the “simple” and “complex” in the history of science, the authors find its methodological solution in mechanics and genetics. An assumption is made about the possible prospect of corpus studies in history, which could lay a statistical analysis of individual histories as a foundation of a historical research, paving the way for the transformation of history from descriptive science into the so to speak «statistical mechanics of individuals».

Keywords: history, methodology of science, simplicity, complexity, subject, method, historiography.

Когда мы открываем книгу по истории нашей страны, одновременно с удовлетворением любопытства, мы решаем мировоззренческий вопрос о причине нашей неудовлетворенности ее настоящим состоянием. Это неудовлетворенность относительная, но с учетом понесенных в историческом прошлом потерь, мы готовы искать причину такой «несправедливости» именно в истории самой страны. На роль «конечной причины» поочередно претендовали: монголы татары, Иван IV, поляки, деспотизм Петра I, немцы, Павел I, «правитель слабый и лукавый», Николай I, Николай II, царский режим, Сталин, коммунисты, либералы. Этот перечень ответов и сама постановка вопроса показывает, что, читая историю, мы ищем в ней не научный, а идеологический ответ. Как заметил Никита Соколов: «Историки много чего знают наверняка. Ученым-историкам история России, в общем, ясна. Как любой ученый, историк занимается поисками ответов на вопросы «да» или «нет» — истинно или ложно некое высказывание о прошлом. Как только он получает этот ответ, его работа закончена. Но этот результат обществу, как правило, совершенно не интересен. Ему интересно, хорошо это или плохо.» [1]

Поиск простого персонифицированного ответа чаще всего связывают с идеологическим, а подчас и мифологическим контекстом исторического знания. В нашей интерпретации «идеологические» не означает ложные. Это смесь научных данных, обыденных представлений, религиозных и квазирелиги-

озных установок, которые помогают людям устанавливать надличностную коммуникацию в процессе согласования сложных социальных действий [2]. При этом нужно признать, что, так как идеология при построении коммуникационных шаблонов использует так же и научные данные, то объективные сложности, существующие в исторической науке, находят свое выражение и при использовании ее выводов в идеологии. Все просто, когда задачу удастся свести к элементарным критериям. Однако, простота при решении задачи не всегда есть синоним истинности ее решения. Тем более, что одно из утверждений антитезиса второй антиномии Канта звучит «вообще в мире нет ничего простого» [3, с. 411]. И хотя мы считаем, что ученый тоже человек и как любому человеку ему присуща та или иная идеологическая позиция, в данном тексте мы будем рассматривать исключительно позицию ученого гуманитария.

Надо иметь в виду, что в работах историков есть две разные по сути «простоты». Одна — простота позитивного знания (скажем, обнаружение подписанного документа однозначно решает вопрос о причастности лиц, его подписавших, к некоему событию, или, по меньшей мере, осведомленности о нём). Как ни заманчива чистая научность этой простоты, целостность исторического сочинения ею ограничена быть не может, так могут быть предъявлены лишь детали исторического механизма, не объединённые в осмысленное целое. Поэтому у историка всегда обнаруживается и другая крайность — простота обобщений и выводов, позволяющая назначать героев и злодеев исторической драмы безо всяких оговорок. Историк пристало разом уклоняться и от бессодержательности чистой фактуры, и от предвзятости идеологической позиции. При этом простота первого рода предоставляет собой свёрнутую сложность проведённого исследования (которое, однако, может быть и предъявлено целиком, если потребуется, для верификации подлинности находки), обрاملённую потенциальной сложностью объединения разысканных фактов в целостную картину. Простота же второго рода содержит скрытую сложную работу по отбору и интерпретации фактов в заданном идеологическом ключе (которую избегают эксплицитировать) и предполагает предстоящую сложность согласования построения с ранее неизвестными или просто неучтёнными фактами в случае, если стоит цель охранительная, или поиск опровергающих вывод фактов, если цель — критическая. То есть историческое сочинение оказывается результатом перераспределения сложности, выводящего на первый план ту или иную разновидность простоты.

Существует две принципиальные проблемы в обосновании предмета исторической науки, которые связаны с антиномией «сложности – простоты». Первая напрямую связана с вопросом «что исследует история?», вторая – с методом исторического исследования.

Предмет истории – ряд событий, происходивших во времени и связанных между собой. Относиться эти события могут по большому счету к любому предмету (территории, народу, искусству, культуре, государству, войне и т. п.) или периоду времени (античности, Столетней войне, «реальному социализму», определенному году или событию, охватывающему несколько дней или даже продлившемуся несколько минут), более того, есть истории непосредственно включающие в свои названия метод, которым они связывают эти события (история повседневности, история ментальности). По большому счету, историей может быть названа любая последовательность событий, которые объединяются вокруг какого-нибудь предмета. При этом любой социальный институт сам историчен. Государство, рынок, право, наука, искусство — развивались и меняли свою форму, эта смена форм является особым предметом исторической науки. И даже более, сама смена скорости этой динамики, является предметом исторического исследования. Можно утверждать, что предмет исторической науки – саморефлексия человечества и именно поэтому она как позитивная наука может заменить собой, по мысли К. Маркса, философию — науку, по преимуществу, трансцендентальную.

Однако любой историк скажет вам, что историком его делает мастерство, методика работы с источниками — историография. Возможно поэтому вопрос о профессиональной специализации для историка существенно зависит от знания языка источников, с которыми он работает. Сделаем простой логический шаг. Представим, что нам нужно обосновывать не всю историю человечества, а конкретную историю конкретного дела, и мы владеем неким мастерством, при помощи которого можем восстановить цепь событий так, чтобы получить однозначный ответ на поставленный вопрос. При этом со временем в нашем распоряжении могут появиться новые источники. сравнительный анализ которых может привести к неожиданным результатам (заочная дискуссия А.А. Зимина и А.А. Зализняка о «Слове о полку Игореве»), новые данные, полученные в смежных науках (филологии, лингвистике, археологии), которые могут поставить прежние выводы под сомнение, а то и опровергнуть их (дискус-

сия об авторстве «Тихого Дона»). Так как наш метод постоянно развивается, у нас нет гарантии, что с уточнением метода мы не получим несколько другой результат. Поэтому, делая какой-либо вывод в рамках конкретного исторического исследования, мы можем формулировать вывод лишь как вероятностное высказывание.

Можно констатировать, что ни при создании предмета истории, ни при выборе ее метода мы не можем руководствоваться критерием простоты. Но, с другой стороны, остановиться на неизбежной сложности мы тоже не можем. Во-первых, это запрещает нам тезис второй антиномии Канта, который утверждает, что «вообще существует только простое и то, что сложено из простого» [3, с. 410], во-вторых, в истоках новоевропейской рациональности, по меньшей мере, у Декарта и Пуанкаре мы находим рекомендацию разделить проблему на простые составляющие и начинать свой анализ с этих простых сущностей. И, если мы с вами хотим оставаться рациональными людьми, то должны согласиться, что хотя сам вывод из рациональных оснований может быть достаточно сложный, но для ученого главным является то, чтобы при его помощи можно было решить задачу.

Ведь если конкуренция методов — естественное состояние науки, то критерий простоты решения задачи оказывается полезным. При этом нужно понимать, что это за «простота». Это простота решения большого комплекса задач, которые могут относиться к разным классам явлений. Так законы классической механики могли быть применены не только к баллистике, но и к мостостроению, строительству зданий, проектированию автоматов и машин и другим областям, в которых до создания преобразований Лагранжа мог быть свой собственный теоретический уровень решения конкретных задач. Хотя уровень математической сложности лагранжевой механики существенно превосходит классические построения Ньютона, в целом за счет ее применимости к существенно большему классу задач общий уровень сложность в физике в целом был снижен. Если мы вернемся к исторической науке, то секвенирование генома человека — задача, требующая большого уровня технологической и теоретической сложности, однако во многом благодаря решению этой задачи сегодня переписывается история антропогенеза и многие проблемы, казалось бы неразрешимые при прежнем подходе, находят свое решение.

В наше время гуманитарное знание с необходимостью обращается к математическим методам представления и обработки данных и возможностям информационных технологий. И дело не только в облегчении выполнения рутинных процедур поиска и классификации. Эпистемологические основания современной науки, в том числе и гуманитарной, предполагают неустранимо вероятностную форму бытования знания. Практическое же представление этой формы имеет характер статистических закономерностей, то есть «простых» положений, выявляемых в результате анализа крайне обширного, а стало быть не человекоразмерного, и в этом смысле «сложного» массива данных. И если для языкознания роль инструмента, позволяющего переложить сложность обработки сырых фактических данных на компьютерные технологии и вывести на первый план простоту и наглядность графиков статистических распределений, сыграли национальные языковые корпуса, то уместно ожидать подобных решений и в других гуманитарных дисциплинах. Скажем, для историка таким инструментом, нам представляется, мог бы стать представительный корпус биографий. На основе статистического анализа множества отдельных жизненных траекторий можно было бы ставить вопросы и получать на них ответы именно в вероятностной форме, обеспечивая новый уровень научной объективности исторического знания.

Литература:

1. Соколов Н. Товарищ Сталин был очень хреновым менеджером // <https://lenta.ru/articles/2019/03/24/istoria/>
2. Блюхер Ф.Н., Гурко С.Л. Священные войны секулярной эпохи // *Философия и идеология: от Маркса до постмодернизма*. М.: Прогресс-Традиция, 2018. С. 198–218.
3. Кант И. Сочинение в шести томах, М., Мысль, 1964, Т. 3. 799 с.

Парадокс наблюдателя в постнеклассической философии

Кузнецов В.Ю.

МГУ имени М.В.Ломоносова, философский факультет, доцент кафедры онтологии и теории познания, кандидат философских наук

vassilik@yandex.ru

Аннотация: Постнеклассический идеал рациональности требует учитывать неустранимую роль субъекта, который понимается в современной философии и науке прежде всего как наблюдатель, осуществляющий процесс познания. Одновременно для получения объективного и рационального знания требуется устранить субъективный произвол наблюдателя. Причем для наблюдения наблюдателя требуется тоже наблюдатель. Тем самым возникает парадокс, который можно назвать парадоксом наблюдателя. Некоторые возможные подступы к разрешению данного парадокса наметил еще М.К.Мамардашвили, который предложил мыслить единый континуум бытия–сознания. Если постараться мыслить таким континуумом, тогда субъект и объект будут рассматриваться как его идеальные предельные полюса. А действия наблюдения будут производить во внутренней среде континуума те или иные возмущения, затрагивающие в том числе и наблюдателя. Тем самым наблюдатель, наблюдающий себя и других наблюдателей, парадоксальным образом окажется вписан в ту же самую картину мира, которую он выписывает.

Ключевые слова: идеалы рациональности, классика, неклассика, постнеклассика, наблюдатель, постнеклассическая философия, континуум бытия–сознания

The Observer Paradox in Post-non-classical Philosophy. Kuznetsov V.Yu.

Moscow State University, Faculty of Philosophy, Department of Ontology and Epistemology

Abstract: Post-non-classical ideal of rationality requires accounting for the inextricable role of subject in cognition. Contemporary philosophy usually conceives of the subject as an observer first and foremost. Therefore, in order to acquire objective and rational knowledge one has to eliminate the subjective and arbitrary interferences by the observer. Some tentative steps towards solving this paradox have been made by M.K.Mamardashvili who introduced the concept of mind-being continuum. From the perspective of such a continuum, the subject and the object are its ideal opposite poles. Any acts of observation produce various disturbances in the inner medium of this continuum, touching the observer themselves as well. Thus the observer observing themselves as well as other observers is, paradoxically, included into the same worldview they is describing.

Keywords: ideals of rationality, classical philosophy, non-classical philosophy, post-non-classical philosophy, observer, the mind-being continuum

Предложивший выделить наряду с классической и неклассической еще и постнеклассическую рациональность (на примере науки) В.С.Степин подчеркивал: «Становление постнеклассической рациональности требует нового углубления рефлексии над научным познанием. В поле этой рефлексии включается проблематика социокультурной детерминации научной деятельности. Она рассматривается как погруженная в социальный контекст, определяемая доминирующими в культуре ценностями. В таком подходе ценностно-целевые структуры субъекта науки становятся особым предметом анализа» [1, с. 293]. Аналогичным образом – посредством рефлексии ценностей – постнеклассические идеалы рациональности вполне могут быть прослежены и в философии [2, с. 13–14].

Чтобы наглядно изобразить эволюцию типов рациональности, В.С.Степин предложил использовать схематичное их представление [3, с. 14–15]. Согласно данной серии схем, практически без изменений воспроизводящейся и в его позднейших работах [1, с. 275, 279, 286] отчетливо видно, как в постнеклассической рациональности субъект включается в область необходимого внимания, иными словами – обязательно должен учитываться, не может уже никоим образом быть отмыслен от объекта. Тем не менее, для изображения преемственности различных типов рациональности и сохранения традиционного противопоставления субъекта и объекта соответствующую серию схем вполне можно модернизировать [4, с. 96].

Тогда для классики будет действительна бинарная оппозиция объекта и субъекта: $\{C-(O)\}$, где фигурными скобками обозначены рамки схемы, C соответствует субъекту, а O – объекту. Классический объект прямо противопоставлен объекту, причем классическое знание в полном смысле этого слова возможно только об объекте, для чего все остальное, понимаемое как субъективное (то есть относящееся к субъекту) из него должно быть устранено.

Версия для неклассики будет более сложная: $\{C \rightarrow (Cp \rightarrow M)\}$, где круглыми скобками обозначен неклассический объект, понимаемый как результат объективации комплекса, который включает наряду с материалом действия M также и средства действия Cp . В неклассической ситуации, когда использование различных средств к предположительно одному и то же материалу дает различные результаты, для получения корректного и полного (то есть воспроизводимого) описания наблюдаемого требуется включить в него объективированный комплекс средств и материала целиком.

Версия для постнеклассики еще сложнее: $\{C \rightarrow (ЦЦ \rightarrow Cp \rightarrow M)\}$, где круглыми скобками обозначен постнеклассический объект, понимаемый как результат объективации комплекса, который включает уже кроме материала действия M и средств действия Cp также цели и ценности $ЦЦ$ наблюдателя. Ведь именно от целей и ценностей напрямую зависит выбор тех средств, с помощью которых осуществляется взаимодействие с материалом, что в свою очередь и дает возможность получать те или иные результаты. Так что в постнеклассической ситуации для корректного и полного (то есть обеспечивающего воспроизводимую надежность) описания наблюдаемого требуется учитывать ценностную нагруженность всех используемых ресурсов.

Таким образом, возникает своего рода парадокс. С одной стороны, в постнеклассике действительно требуется учитывать неустранимую роль субъекта, который в философии и науке выступает в качестве так или иначе понимаемого наблюдателя, осуществляющего процесс познания. С другой стороны, для получения объективированного, рационального, воспроизводимого знания все равно требуется так или иначе устранить (или компенсировать) субъективный произвол наблюдателя. При этом для наблюдения даже наблюдателя требуется ведь наблюдатель. Как отмечает В.И.Аршинов, «проблема наблюдателя как медиатора интересубъективной коммуникации, как средства коммуникативной самореференции и инореференции применительно к постнеклассике пока еще ждет своего решения» [5, с. 95].

Для обнаружения подступов к возможному разрешению парадокса наблюдателя в постнеклассической философии стоит обратить внимание на тенденции процесса эволюции рациональности. При переходе от классики к неклассике средства отделяются от субъекта, так сказать, отслаиваются от него и объективируются. При переходе к постнеклассике от субъекта уже отслаиваются и объективируются еще цели и ценности. Тем самым знание постепенно релятивизируется относительно соответствующих комплексных сложных объектов. В некотором неоклассическом смысле можно, наверное, сказать, что объект постепенно в этом процессе субъективизируется. Однако, и субъект в таком случае должен пониматься как постепенно объективируемый. «Познающий субъект предстает не как изначально данный, а как конструируемый и воспроизводимый в определенных в определенных социальных институтах» [1, с. 293]. Эти тенденции можно понять по аналогии с тем, как квантовая механика на этапе своего становления проквантовала или, так сказать, дискретизировала волновые явления, считавшиеся ранее непрерывными, а уже после утверждения принципа квантово-волнового дуализма обратным ходом вместе с тем, так сказать, разволновала частицы, считавшиеся ранее дискретными.

То есть, хотя на имеющихся схемах этого не заметно, понимание субъекта тоже, конечно же, изменялось вместе с изменениями идеалов рациональности. Так, в XX веке в философии большое влияние обрели тенденции более или менее радикального отказа от субъекта, попытки его, так сказать, деконцептуализации, инспирированные еще во многом Ницше, Фрейдом и Марксом, но воплотившиеся в подходах Витгенштейна, Хайдеггера и многих других. Ведь если субъект формируется под воздействием внешних факторов, то именно они и будут определять его действия. Даже ранний Мишель Фуко (периода «Слов и вещей») может быть отнесен к этой фазе.

Однако ближе к концу века, практически вместе с формированием постнеклассики наметился поворот к реконцептуализации субъекта. Эта тенденция отчетливо заметна, например, у позднего Фуко в его «Герменевтике субъекта» [6] и у Жижека в его «Щекотливом субъекте» [7]. Если мы поняли и отрефлексируем различные внешние воздействия, который нас определяют, то мы уже можем предпринять какие-то усилия, чтобы в такой ситуации некоторым образом себя трансформировать, реализуя собственную субъектность. При этом, конечно, субъект уже никоим образом не понимается в классическом смысле как монолитная монада или центральное ядро личности.

С другой стороны, для наблюдения и описания различных субъектов (в том числе коллективных) требуется учитывать, что они сами выступают как наблюдатели и руководствуются собственной картиной мира. М.А.Розов поэтому предлагает ввести специальный термин: «Под системами с рефлексией мы будем понимать такие социальные образования, которые, осуществляя определенное поведение, способны это поведение описывать в виде последовательности целенаправленных действий и использовать полученные описания для дальнейшего воспроизводства этих действий» [8, с. 180].

Иными словами, наблюдателю приходится учитывать, что наблюдатель наблюдает в том числе и за наблюдателями. Как подчеркивает В.И.Аршинов, «наблюдатель, наблюдающий другого наблюдателя, – вот исходный пункт мысленных экспериментов Эйнштейна, а затем Гейзенберга, Бора, Вигнера, Бома, Хокинга, фон Неймана, Тьюринга, Серла» [5, с. 95]. Чтобы избежать путаницы, напрашивается терминологическое и рефлексивное разведение различных уровней или порядков наблюдателей. «Этот наблюдатель второго порядка (наблюдатель, наблюдающий себя как другого) явно или неявно присутствует в конструктивистских дискурсах автопоэзиса (Варела, Матурана), “теории обществ” Лумана, кибернетики второго порядка фон Ферстера, синергетики процессов наблюдения» – поясняет В.И.Аршинов [5, с. 95].

Однако парадокс наблюдателя таким образом в лучшем случае обходится, но все равно не снимается. Ведь наблюдатель, наблюдающий себя и других наблюдателей, должен быть вписан (должен вписать сам себя) в ту же самую картину мира, которую он выписывает. Возможно, решением в данной ситуации могло бы стать формирование нового, так сказать, постпостнеклассического идеала рациональности, который позволил бы мыслить парадоксально, мыслить парадоксами, – подобно тому, как в свое время диалектика позволила преодолеть апории статического понимания движения.

Некоторые возможные подступы к такому мышлению наметил еще М.К.Мамардашвили, который предлагал «оперировать понятием единого континуума бытия–сознания и рассматривать “бытие” и “сознание” лишь в качестве различных его моментов, имея в виду области, где теряют смысл классические различия объекта и субъекта, реальности и способа представления, действительного и воображаемого и т.д.» [9, с. 281]. И в другом месте отмечал, что «...расположение сознания и его образований мы должны представлять в измерении, которое я и называл неразделимым континуумом “бытия–сознания”» [10, с. 89]. В.И.Аршинов и Я.И.Свирский тоже считают, что «контекст сложности всегда предполагает некую имманентную неопределенность, открытость необозначенному. Эта неопределенность располагается не между наблюдателем и наблюдаемым, а объединяет их в некий континуум. Объединяет не в нечто целое, а вписывает их в некую единую ткань. Они оказываются как бы нарисованными на одном ковре, на единой поверхности» [11, с. 82–83].

И если попытаться мыслить подобный континуум, если постараться мыслить континуумом, тогда субъект и объект, наблюдатель и наблюдаемое должны будут рассматриваться как идеальные (во всех смыслах этого слова) абстракции, представляющие предельными полюсами такого континуума, своего рода выколотыми точками, задающими его протяженность, но в чистом виде не встречающимися. А внутренний градиент непрерывных градаций такого континуума, разделяемый условно на различные фазы, стадии, этапы, будет включать более или менее объективированные или субъективированные компоненты, в среде которых действия наблюдения производят те или иные возмущения, затрагивающие в том числе и наблюдателя. Тем самым наблюдатель и наблюдаемое парадоксальным образом окажутся в одном контексте описанной модели.

Литература:

1. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения // Постнеклассика: философия, наука, культура / Отв. ред. Л.П.Киященко и В.С.Степин СПб.: Издательский дом «Мир», 2009. С. 249–295.
2. Кузнецов В.Ю. Сдвиг от классики к неклассике и наращивание порядков рефлексии в философии // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2008, № 1. С. 3–18.
3. Степин В.С. Становление идеалов и норм постнеклассической науки // Проблемы методологии постнеклассической науки / Отв. ред. Е.А.Мамчур. М.: ИФРАН, 1992. С. 3–16.
4. Кузнецов В.Ю. Единство мира в постнеклассической перспективе. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2016. 288 с.
5. Аршинов В.И. Чем для меня является постнеклассическая наука // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. XXXVI. № 2. С. 92–95.

6. Фуко М. Герменевтика субъекта / Пер. А.Г.Погоняло. СПб.: Наука, 2007. 677 с.
7. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / Пер. С.Щукиной. М.: Дело, 2014. 528 с.
8. Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. Смоленск: СмолГУ, 2006. 439 с.
9. Мамардашвили М.К. Превращенные формы // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. Изд. 2. М.: Прогресс-Культура, 1992. С. 269–282.
10. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности. М.: Логос, 2004. 240 с.
11. Аршинов В.И., Свирский Я.И. Сложностный мир и его наблюдатель. Часть 2 // Философия науки и техники. 2016. Т. 21. № 1. С. 78–91.

Постнеклассический подход к регулированию сложности в саморазвивающихся полисубъектных средах

Лепский В.Е.

Институт философии РАН, главный научный сотрудник. Доктор психологических наук

VELepskiy@mail.ru

Аннотация: Обосновано повышение актуальности проблемы сложности в управлении и развитии социальными системами и целесообразность использования постнеклассического подхода к решению этой проблемы. В центре внимания оказываются саморазвивающиеся полисубъектные (рефлексивно-активные) среды, для организации которых базовым является субъектно-ориентированный подход. Субъектно-ориентированный подход позволяет по-новому подойти к постановке и решению проблемы сложности в управлении и развитии социальных систем. Выделены и рассмотрены актуальные аспекты исследования проблемы сложности в управлении и развитии социальными системами: цивилизационный, рефлексивный и структурно-функциональный аспекты. Цивилизационный аспект исследования проблемы сложности органично связан с анализом и критикой техногенной цивилизации. Рефлексивный аспект исследования проблемы сложности имеет свою специфику с позиций разных типов научной рациональности и соответственно с позиций разных типов кибернетики. Структурно-функциональный аспект исследования проблемы сложности в значительной степени связан с ориентацией на создание действенных механизмов включения общества в процессы контроля, управления и развития.

Ключевые слова: постнеклассический подход, саморазвивающиеся полисубъектные среды, кибернетика третьего порядка, сложность, рефлексивность, общественное участие.

Post-non-classical approach to controlling complexity in self-developing poly-subjective environments. Lepskiy V.E.

Institute of Philosophy Russian Academy of Science

Abstract: The increase in the relevance of the problem of complexity in the control and development of social systems and the feasibility of using a post-non-classical approach to solving this problem are substantiated. The focus is on self-developing poly-subjective (reflective-active) environments, for the organization of which the base is a subject-oriented approach. The subject-oriented approach allows us to re-examine the problems of complexity in the control and development of social systems. The relevant aspects of the study of the problem of complexity in the control and development of social systems are highlighted and considered: civilizational, reflexive and structural-functional aspects. The civilization aspect of the study of the problem of complexity is organically linked to the analysis and criticism of technological civilization. The reflexive aspect of the study of the problem of complexity has its own specifics from the standpoint of different types of scientific rationality and, accordingly, from the standpoint of different types of cybernetics. The structural and functional aspect of the study of the problem of complexity is largely related to the orientation towards the creation of effective mechanisms for the inclusion of society in the processes of control and development.

Keywords: post-non-classical approach, self-developing poly-subjective environments, third-order cybernetics, complexity, reflexion, public participation.

Проблема сложности в организации управления и развития социальными системами в последние десятилетия приобретает все большую научную актуальность и практическое значение, о чем свидетельствует создание в ряде стран новых исследовательских центров, которые оказались востребованными для решения крупномасштабных задач в сфере экономики и политики. В частности, одним из такого рода центров (Институт Санта-Фе - независимый институт междисциплинарных исследований, занимающийся междисциплинарными исследованиями фундаментальных свойств сложных систем, включая социальные системы) были разработаны концепция «управляемого хаоса» и технологии ее реализации, которые оказали существенное влияние на инициирование оранжевых революций и свержение неугодных режимов. В этой связи следует упомянуть и концепцию «мягкой силы» как эффективного инструмента управления. Как следствие следует сделать вывод,

что разработаны и широко используются разнообразные технологии управления сложностью, как эффективные технологии управления субъектами мировой политики в сложных социальных системах. Государства, не обладающие и не использующие современные технологии управления сложностью, становятся объектами управления в интересах других субъектов мирового сообщества.

Повышение актуальности проблематики сложности связано также с динамичным возрастанием сложности социальных систем за счет массовой цифровизации различных сфер жизнедеятельности, внедрения технологий искусственного интеллекта, широким использованием социальных сетей и других форм цифровых коммуникаций. Традиционно сложившиеся механизмы и кибернетические модели управления оказываются неадекватными для решения проблемы сложности в социальных системах. Эту проблему невозможно решить без разработки и использования новых форм консолидации государства и общества, без новых форм общественного участия в управлении и развитии социальными системами.

Адекватным подходом для решения проблемы сложности является постнеклассический подход. В центре внимания этого подхода оказываются субъекты познания и практической деятельности, вместе с их ценностно-целевыми структурами, а также с объектами, включенными в их сферы деятельности и используемыми средствами [1, с. 634–635]. При этом большое внимание следует уделять организации коммуникативных процессов и обеспечению свободы субъектов для установления равноправно-партнерских отношений между собой и с природными процессами [2, с. 46-47].

Саморазвивающиеся системы становятся базовыми объектами рассмотрения постнеклассического подхода [1, с. 619-636]. Развитие идей В.С. Степина позволило разработать постнеклассическую социогуманитарную кибернетику саморазвивающихся полисубъектных (рефлексивно-активных) сред - кибернетику третьего порядка [3, 4]. Логика становления кибернетики третьего порядка базируется на возрастании роли субъектности и рефлексивности в процессах управления и развития. В процессе эволюции кибернетики имеет место существенное изменение представлений об объекте и системе управления. В классической кибернетике первого порядка (Норберт Винер) мы имеем дело с объектами как «наблюдаемыми системами». В кибернетике второго порядка (Хейнц фон Ферстер) - с объектами как активными «наблюдающими системами». В кибернетике третьего порядка объект и система управления органично сливаются в единое целое в саморазвивающейся полисубъектной (рефлексивно-активной) среде. Принципиально важно, что саморазвивающаяся полисубъектная (рефлексивно-активная) среда рассматривается одновременно как саморазвивающаяся система и как метасубъект.

В кибернетике третьего порядка на смену деятельностному и субъектно-деятельностному подходам, в качестве базового предлагается субъектно-ориентированный подход, фокусирующий свое внимание на субъектах и их связях с обществом и культурой, а также снижение роли нормативов в различных видах деятельности. Субъектно-ориентированный подход позволяет по-новому подойти к постановке и решению проблемы сложности в управлении и развитии социальных систем.

Выделим отдельные наиболее актуальные, на наш взгляд, аспекты исследования проблемы сложности в управлении и развитии социальными системами:

- цивилизационный аспект;
- рефлексивный аспект;
- структурно-функциональный аспект.

Цивилизационный аспект исследования проблемы сложности органично связан с анализом и критикой техногенной цивилизации, большое внимание которой уделял В.С. Степин [5, с. 185-188]. В последние годы все более четко проявляется Осознание ограничений техногенной цивилизации становится все более распространенным в современной науке. Важнейшее ограничение связано с ориентацией на унификацию локальных цивилизаций, на свертывание многоцивилизационного мира [6, с. 350-352]. Фактически через механизмы техногенной цивилизации осуществляется управление сложностью локальных цивилизаций, что может быть использовано для повышения эффективности процессов управления лидерами глобализации. Нейтрализация этих процессов может быть осуществлена при переходе к пост-техногенной цивилизации, в которой базовыми станут социальные ценности и ориентация на сохранение многоцивилизационного мира. В центре внимания окажутся, неразрывно связанные с рассмотрением сложности, проблемы сборки субъектов развития и становления субъектности развития цивилизаций. В качестве базовой модели цивилизаций предлагаются саморазвивающиеся полисубъектные среды [7, с. 33-48].

Рефлексивный аспект исследования проблемы сложности имеет свою специфику с позиций разных типов научной рациональности и соответственно с позиций разных типов кибернетики. В контексте классической научной рациональности и кибернетики первого порядка - это в основном связано с учетом личностной рефлексии при принятии решений. В контексте неклассической научной рациональности и кибернетики второго порядка - это в основном связано с учетом коммуникативной рефлексии. В контексте постнеклассической научной рациональности и кибернетики третьего порядка - многообразие форм рефлексивных механизмов регулирования сложности задается через систему онтологии саморазвивающихся полисубъектных (рефлексивно-активных) сред, а также задаются основания для интеграции рефлексивных механизмов, характерных для других типов научной рациональности [8, с. 60-81].

Структурно-функциональный аспект исследования проблемы сложности в значительной степени связан с ориентацией на создание действенных механизмов включенности общества в процессы контроля, управления и развития. Этот подход позволяет по-новому подойти к решению проблемы сложности в управлении социальными системами, позволяет обеспечить согласование сложности системы управления и объекта управления. Что обеспечит выполнение одного из важнейших принципов кибернетики, принципа Эшби. Важнейшим условием для обеспечения включенности общества в процессы управления и развития социальными системами является проектирование двухконтурной структуры организации процессов консолидации государства и общества. Первый контур включает в себя сложившиеся структуры и механизмы управления, фактически включает в себя традиционный «исполнительный механизм» управления. Во втором контуре доминируют общественные структуры и механизмы, в которых взаимодействуют представители общества, бизнеса и администраций. Система онтологий саморазвивающихся полисубъектных сред обеспечивает консолидацию двух контуров, которая осуществляется на основе конвергенции иерархических, сетевых и средовых механизмов в условиях гибридной реальности (субъектная, цифровая, физическая). Разработанная структура функций для системы онтологий саморазвивающихся полисубъектных сред позволяет системно подойти к решению проблемы общественного участия в механизмах управления и развития социальных систем и корректно решать проблему сложности [9].

Постнеклассический подход к регулированию сложности в саморазвивающихся полисубъектных средах является перспективным направлением совершенствования механизмов управления и развития в социальных системах. В центре внимания оказываются субъектно-ориентированные аспекты рассмотрения проблемы сложности. Успешность практической реализации этих идей связана с необходимостью становления новой области научного знания - постнеклассической кибернетики саморазвивающихся полисубъектных (рефлексивно-активных) сред, а также области научно-практического обеспечения - социогуманитарной эргономики саморазвивающихся полисубъектных (рефлексивно-активных) сред. В настоящее время ведутся исследования и разработки для становления этих областей знания.

Литература:

1. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744с.
2. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. 256 с.
3. Lepskiy V. Evolution of cybernetics: philosophical and methodological analysis // *Kybernetes*. 2018. V.47, Iss.2. pp.249–261.
4. Лепский В.Е. Философско-методологические основания становления кибернетики третьего порядка // *Философские науки*. 2018. № 10. С. 7–36.
5. Степин В.С. XXI век – радикальная трансформация типа цивилизационного развития // *Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего : XVII Международные Лихачевские научные чтения, 18–20 мая 2017 г. СПб.:* СПбГУП, 2017. С. 185–188.
6. Смирнов А.В. Проект многоцивилизационного мира как основание идеи многополярности: концепция всечеловеческого сегодня // *Национальная философия в глобальном мире: тезисы Первого белорусского философского конгресса*. Минск: Беларуская навука, 2017. С. 350-352.
7. Лепский В.Е. Системные основания для перехода от техногенной цивилизации к социогуманитарной цивилизации // *Проблемы цивилизационного развития*. 2019. № 1. С.33-48.
8. Буданов В.Г., Аршинов В.И., Лепский В.Е., Свирский Я.И. Сложность и проблема единства знания. М.: ИФ РАН, 2018.
9. Лепский В.Е. Общественное участие в саморазвивающихся полисубъектных средах. М.: Когито-Центр, 2019. 141 с.

Трансформация аксиологических детерминант в информационную эпоху

Малахова Е.В.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ». Институт международных отношений, кафедра международных отношений (55), доцент. Кандидат философских наук

e.v.malahova@mail.ru

Аннотация: основные задачи, которые мы ставим – рассмотреть, что такое современное информационное общество, обладает ли оно особой культурной или даже цивилизационной спецификой, и, в первую очередь, какие ценности способствовали его возникновению и влияют на дальнейшее развитие. Философский анализ ценностной сферы феномена информационного общества заставляет обратиться к аксиологии как фундаментальному учению о ценностях. Необходимо понять, каковы источники основных детерминант аксиологии, какую роль играет она в мировоззренческой системе, и как проявляется ее практическое значение для легитимизации тех или иных видов деятельности, для постановки и достижения целей, создания фундамента этики. Важно также выяснить, имеет ли место феномен культурного запаздывания в динамике современных ценностно-нормативных комплексов, какие векторы аксиологической трансформации намечаются, и чего нам стоит ожидать в этой сфере в ближайшем будущем.

Ключевые слова: информационное общество, аксиология, ценности, личная ответственность, культурный лаг

Transformation of axiological determinants in the information age.

Malakhova E.V.

National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute). Institute of international relations, Department of international relations (55)

Abstract: the main task that we set is to consider what a contemporary information society is, whether it has a special cultural or even civilizational specificity, and, first of all, what values contributed to its emergence and influence its further development. Philosophical analysis of the value sphere of the information society phenomenon makes us turn to axiology as a fundamental doctrine of values. It is necessary for us to understand what the sources of the main determinants of axiology are, what role it plays in the worldview system, and how it manifests its practical significance for the legitimization of certain activities, for setting and achieving goals and for creating the foundations of ethics. It is also important to find out whether a phenomenon of cultural lag takes place in the dynamics of modern value-normative complexes, what tendencies of axiological transformation emerge, and what we should expect in this area in the near future.

Key words: information society, axiology, values, personal responsibility, cultural lag

Информационное общество или общество знаний – эти понятия часто выступают в качестве характеристик современного состояния социума несмотря на чрезвычайную широту их толкования и множественность оценок и исследовательских интерпретаций.

Не ставя себе целью рассмотреть здесь интереснейший феномен информационного общества всесторонне, мы сосредоточимся на одной весьма актуальной на наш взгляд проблеме: а именно, на процессе видоизменения его ценностных ориентаций, а также на возможных причинах и направлениях этих постепенных аксиологических сдвигов. То, что последние в принципе имеют место, мы также постараемся обосновать.

Даты начала современной информационной эпохи достаточно условны. Можно привязать их ко времени появления кибернетики в 40-е годы XX века или к началу использования самого термина «информационное общество» в 60-е годы в работах Ф. Махлупа [1] и других авторов. Осмысление данного феномена длится и по сей день. Понятие информационного общества как общества знаний, где высшей ценностью станет информация, разрабатывалось в трудах П. Друкера [2] и Д. Белла [3]. Дальнейшее исследование этого нового типа общества происходило также под влиянием работ Кастельса [4], Вебстера [5], Тоффлера [6]. *Мультикультурализм, плюрализм, размывание устоявшихся границ: временных, пространственных и социальных – все эти характеристики информационного общества одновременно завораживали и настораживали многих исследователей.*

Параллельно развивалась теория постиндустриального общества, в создании которой нередко принимали участие те же авторы – как например, Д. Белл.

Две названные концепции сразу же оказались в тесной и одновременно очень сложной взаимосвязи между собой, так как с разных позиций рассматривали один и тот же имеющий глобальное значение процесс – сложение некой новой формы общественного устройства, масштабность которой такова, что некоторые исследователи уже всерьез говорят о возникновении новой цивилизации [7].

В дальнейшем к вышеуказанному добавляются теории пятого и шестого технологических укладов и четвертой промышленной революции. И в этой связи, как нам представляется, ряд важнейших вопросов должен ставиться перед гуманитарным знанием: ведь изменения в масштабах цивилизации затрагивают не только технологии и экономику, но и вообще все области личного и общественного бытия человека, в том числе и ядро его мировоззрения – сферу смыслов и ценностей [8, с.27].

Когда происходят серьезные технологические и экономические изменения, это неизбежно влечет за собой подвижки в мировоззренческой, и в том числе в ценностной области, так как бытие, действительно, во многом определяет сознание, и с точкой зрения марксистов здесь довольно сложно спорить. Но возможно и обратное влияние, описанное еще Вебером: те случаи, в которых возникшие мировоззренческие доминанты начинают оказывать мощное воздействие на поведение больших групп людей, в том числе и в экономической сфере.

Сейчас, как мы полагаем, эти взаимно направленные процессы идут быстро, во многом стихийно и с разной скоростью в различных социальных группах в зависимости как от их уже существующих культурных и ценностных детерминант, так и от таких показателей, как технологический уклад, доступ к информации и образованию, уровень жизни в целом. Все это делает изучение и оценку данных процессов делом достаточно непростым. Осложняется ситуация еще и тем, что технологии в течение последних десятилетий развиваются настолько стремительно, что существующие культурные паттерны не успевают перестроиться и адаптироваться. В результате мы нередко сталкиваемся с феноменом «культурного лага» или запаздывания. Многие схемы поведения и принятия решений, работавшие раньше, сейчас перестают отвечать меняющимся реалиям.

В результате происходит то, что некоторые авторы называют кризисом целеполагания, *указывая, что он носит системный характер и является симптомом более глубокого мировоззренческого, или, по мнению ряда исследователей [9, с.73], идеологического кризиса.*

Постановка и достижение любых целей невозможны без соответствующей мотивации. Если же спросить, откуда она берется, то ответ будет очевиден: мотивирует то, что желанно, важно, ценно. Целеполагание и мотивация невозможны без представления о ценностях. Последние же, возникнув, выстраиваются в более или менее четкую систему и образуют иерархию.

Таким образом, телеологические проблемы оказываются напрямую связаны со сферой аксиологии.

Аксиология является основой этики и представляет собой личностную, связанную с конкретно-практической деятельностью часть мировоззрения. Ценности – это своего рода идеальные модели того, каким нечто должно быть [10, с.550]. Однако модели сущего и должного всегда являются частью онтологической системы и на нее опираются. Так, учение Платона о Благе было бы невозможно без его учения об идеях и всей созданной им онтологии.

Аксиология как учение о ценностях невозможна без онтологии – целостного и внутренне непротиворечивого учения о бытии: в том числе о космосе и человеке. Важнейшее назначение аксиологии в том, что она превращает мир вообще в «мир-для-нас», позволяя судить не только о строении, но и о значении и назначении реальности и нас самих, как ее части. Само наше существование, как и прогресс в любой из сфер, немислимы без ценностей, целей и смыслов. Поэтому тот кризис ценностей, который мы наблюдаем сейчас, вызван, как представляется, общим мировоззренческим, онтологическим кризисом. Среди ныне существующих картин мира едва ли найдется такая, которая одновременно исполняла бы все необходимые функции: и объяснения реальности, и придания ей смысла.

Информационное общество как феномен возникло, в первую очередь, в результате научно-технического прогресса и опирается, в основном, именно на научную картину мира. А в науке основная ценность – истина и ее достижение. Большая же часть иных ценностей для науки имеет внешний характер, находясь в ведении религии и философии. Эта сложившаяся практика приводит к тому, что в современном обществе аксиологические и этические проблемы иногда трудно даже адекватно сформулировать (так, чтобы они затрагивали и науку) [11, с.300-303], уж не говоря о каких-то решени-

Кудашов В.И.

Сибирский федеральный университет, зав. кафедрой философии. Доктор философских наук

vkudashov@mail.ru

ях. Здесь можно возразить, что этика науки все-таки существует и занимается в том числе проблемами ответственности ученого перед обществом. Однако до сих пор есть довольно много приверженцев тезиса об этической нейтральности научного познания, полагающих, что внешние ограничения, даже если они во благо общества, искусственно тормозят развитие науки. Такой плюрализм оценок естественным образом приводит к довольно печальному аксиологическому и этическому релятивизму.

Тем не менее, есть ряд тенденций, вызывающих более оптимистичную оценку. Информатизация общества диктует, пусть и во многом стихийно, определенные формы поведения, которые при благоприятных условиях могут в дальнейшем внести свою лепту в формирование новых ценностных систем. Среди таких тенденций исследователи [12, с.6-8] отдельно отмечают повышение уровня личной ответственности индивида за принимаемые решения в ситуации возросшей осознанности и свободы личного выбора в целом ряде ситуаций от бытовых до экзистенциальных. Это заставляет личность развиваться, переходя от усвоенных стереотипных реакций к осмыслению, аргументации и сознательному принятию или формированию собственной системы ценностей. Возможно, это и прозвучит чересчур оптимистично, но мы все же надеемся, что сократический идеал осознанной и обоснованной аксиологической и этической системы будет распространяться, и информационное общество постепенно станет действительным обществом знания.

Можно также предположить, что формулировка аксиологических детерминант формирующегося типа цивилизации будет возможна при построении новой метатеоретической философской системы, которая вновь смогла бы включить в себя науку как одну из своих частей, объединив при этом различные области научного знания.

Ведь наука способна ответить на вопрос: «Как нечто устроено?», но не на вопрос: «Зачем?». «Что я должен делать?» и «На что я могу надеяться?» - эти кантовские вопросы касательно дальнейшего развития общества даже поставить способна лишь философия, и она же только и может предлагать какие-либо варианты решения.

Литература:

1. Machlup F. The Production and Distribution of Knowledge in the United States. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1962. 436 p.
2. Drucker P. The Age of Discontinuity. London: Heinemann, 1969. 380 p.
3. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. New York: Basic Books, 1999. 616 p.
4. Castells M. The Rise of the Network Society. The Information Age: Economy, Society and Culture. Volume 1. Wiley-Blackwell; 2nd Edition, 2009. 656 p.
5. Webster F. Theories of the Information Society. London: Routledge, 2002. 304 p.
6. Toffler A. The Third Wave. New York: William Morrow and Company, Inc., 1980. 552 p.
7. Переслегин С.Б. Русская цивилизация: работа над ошибками // Изборский клуб 2017. №6 (52). С. 52-61.
8. Mamychyev A. Y., Kim A., Miroshnichenko O. I., Ostrovsky V. A., Tereshchenko V. V. Transformation of the Socio-Political Sphere in Digital Era: Some Problems of Value-Normative Harmonization // Journal of Politics and Law; 2019. Vol. 12, No. 3. P.26-33.
9. Иванов В.В., Малинецкий Г.Г. Будущее цифровой реальности // Контуры цифровой реальности: Гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего / Под ред. В.В. Иванова, Г.Г. Малинецкого, С.Н. Сиренко. М.: ЛЕНАНД, 2018. С. 63-108.
10. Иванов А.В., Миронов В.В. Университетские лекции по метафизике. – М.: «Современные тетради», 2004. 647 с.
11. Буданов В.Г. Социо-антропологический форсайт и конвергентные технологии // Контуры цифровой реальности: Гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего / Под ред. В.В. Иванова, Г.Г. Малинецкого, С.Н. Сиренко. М.: ЛЕНАНД, 2018. С. 293-305.
12. König P. D. The place of conditionality and individual responsibility in a “data-driven economy”. // Big Data & Society. 2017. Vol. 4 No. 2. P. 1–14.

Аннотация: Образовательные системы, институты и практики демонстрируют множество особенностей сложных систем, являющихся динамичными и развивающимися, нелинейными организациями, работающими в непредсказуемых и меняющихся внешних условиях. Эти системы адаптируются к социальным изменениям, и, благодаря самоорганизации, реагируют и формируют среду, частью которой они являются. Анализ образования как сложной системы пока еще только начинается и, хотя теория сложности демонстрирует некоторые элементы «хорошей» теории, выявляются и проблемы ее применения в образовании. Сыграет ли теория сложности определенную роль в теории и практике образования или проявит себя больше в естественных науках, зависит от того, станет ли она полезным инструментом для понимания и развития образования. Применение теории сложности оправдано за пределами простого концептуального удобства в образовательном дискурсе, объединяя множество важных элементов и функций в целостную структуру, предоставляя концептуальную основу для философского осмысления современного образования.

Ключевые слова: образовательная система, теория сложности, самоорганизация, непредсказуемость, разнообразие.

Educational systems in complexity theory. Kudashov V.I.

Siberian Federal University, Department of Philosophy

Abstract: Educational systems, institutes and practices demonstrate many features of complex systems that are dynamic and developing, non-linear organizations that operate in unpredictable and changing external conditions. These systems adapt to social changes and react and form the environment which they are a part. An analysis of education as a complex system has just begun, and although the theory of complexity demonstrates some elements of a “good” theory, problems of its application in education are also identified. Whether the theory of complexity plays a role in the theory and practice of education, or if it manifests itself more in the natural sciences, depends on whether it becomes a useful tool for understanding and developing education. The use of complexity theory is justified beyond simple conceptual convenience in educational discourse, combining many important elements and functions into a coherent structure, providing a conceptual basis for philosophical understanding of education.

Key words: educational system, complexity theory, self-organization, unpredictability, diversity.

Современная теория сложности довольно быстро развивалась в различных сферах естествознания, не очень глубоко внедряясь в гуманитарно-социальные науки, за исключением антропологии и экономики. Проникновение сложностного мышления в образовательный дискурс все еще находится на ранней стадии, даже несмотря на то, что некоторые сборники исследований [1] представляют теорию сложности и приводят примеры ее применения к образованию.

Теория сложности в целом - это теория изменений, эволюции и адаптации, причем зачастую через сочетание сотрудничества и конкуренции. Классические прямые причинно-следственные модели, эпистемологические принципы линейности, предсказуемости и редукционизма, атомистический, аналитически-фрагментарный подход к пониманию явлений, сменяется органическим, нелинейным и целостным подходами, в которых важны отношения внутри взаимосвязанных сетей [2]. Некоторые из принципов теории сложности не являются принципиально новыми, но объединение нескольких ключевых моментов в более или менее единой теории придает этой теории привлекательность и импульс для развития.

Сложные адаптивные системы воспринимают внешние влияния окружающей среды, а затем вносят свои коррективы, чтобы успешно выжить в этих изменениях внешней среды. Процессы, которые способствуют этому, включают самоорганизацию и автокатализ, где катализатор изменений находится в самой системе, которая выступает в кооперативной целостности с окружающей его средой.

Когда самоорганизация эффективна, эта система характеризуется адаптивностью, открытостью, обучаемостью, коммуникативностью и усложнением. Самоорганизованные изменения и появление различных образовательных «сложных адаптивных систем» происходит в непредсказуемых нелинейных средах через автокатализ, сетевые отношения, дифференциацию, коэволюцию, обратные связи и распределенный порядок [3].

Создание уникальной и коллективной идентичности дает системе и ее составным элементам возможность выживания путем увеличения дифференциации - они становятся непохожими на другие системы, и, таким образом, их уникальность обеспечивает их нишу в мире и способствует их выживанию. В конкурентной борьбе эта уникальность, хотя и вынужденная, обеспечивает некоторые гарантии выживания. Нужно при этом учитывать, что чрезмерное отличие, как и чрезмерное сходство, может угрожать системе. Поэтому требуется найти свою особую нишу для выживания, будучи как похожим, так и отличным от других, хотя это довольно сложно. В этом проявляется частично антиномическая природа некоторых аспектов теории сложности: сотрудничество наряду с конкуренцией, сходство вместе с различием, индивидуальность в коллективности, связь вместе с разделением, необходимое отклонение с необходимым соответствием, разнообразие с единообразием, частичная предсказуемость с непредсказуемостью. Но именно таким образом из более низких уровней сложности и начальных форм через обратную связь, рекурсию, автокатализ и самоорганизацию, возникают более высокие уровни сложности и дифференцированности неравновесных систем. Творческое развитие требует процесса изменений и, частично определяясь необходимостью выживания, является процессом, характеризующимся сетевым взаимодействием и обратной связью. Эта связность, в свою очередь, требует распределенной системы знаний, которые не сосредоточены в центре управления и контроля (например, кабинет директора или центральный правительственный департамент), а циркулируют по всей системе. Поэтому общение и сотрудничество являются ключевыми элементами теории сложности [4]. Самоорганизация возникает и генерируется изнутри, а не является продуктом внешнего управления.

Теория сложности дает возможность для переосмысления многих образовательных тем, которые были относительно мало артикулированы в современной ситуации тотального контроля всех уровней образования, регламентации его содержания, подкрепленной системами оценок с постоянным наблюдением за производительностью и экономически понимаемой эффективностью образовательной деятельности. Теория сложности переопределяет сами основы образования, критически переосмысливая ценности контролируемого и контролирующего предметного образования и становление открытой, междисциплинарной и конструктивистской учебной программ на проективной основе. Кроме того, теория сложности предполагает восходящее развитие и изменения в процессе принятия решений в сфере образования, переориентацию на конвергенцию интересов всех участников образовательной деятельности, отказ от строго линейного учебного программирования и движение к нелинейному самообучению. Теория сложности демонстрирует некоторые элементы «хорошей» теории: экономность, оперативность, внутренняя согласованность условий, концептуальность, продуктивность, способность породить исследовательские проекты и предложить методологические основания исследования. Осветив ключевые элементы этой теории в некоторые аспекты образования как сложной системы, укажем проблемы применения теории сложности в образовании.

1. Возникает вопрос о том, насколько нова сама теория сложности и не является ли она современным вариантом теорий структурной и интеракционистской социологии, хотя и примененным на более широком поле? Является ли сложность образования просто утверждение очевидного? Не могли бы несколько заумные термины и конструкты теории сложности быть выражены на простом разговорном языке, опирающемся на здравый смысл и повседневный опыт?

2. Насколько полезна теория сложности, которую можно рассматривать как объяснение с ограниченными прогнозирующим потенциалом: она может описать, что произошло и что происходит, но не то, что произойдет, потому что будущее непредсказуемо. Можно ли использовать эту теорию для предписаний действий, способствующих изменениям и развитию, например, для возникновения самоорганизации в обучении путем поощрения творчества, открытости, разнообразия, ситуаций порядка без контроля, обратной связи и распределенной власти? Насколько хороша самоорганизация, приводящая к разнообразию, ведь она вполне может привести и к потере эффективности, времени, анархии и риску утраты связи между элементами организации и ее ценностями? Почему директора школ должны поддерживать и терпеть риски, если это может привести к неудачам, особенно если будущее неопределенно? Проблема здесь в том, что переход от существующего к должному в теории сложно-

сти - это не только недостаточно обоснованно и логично, но может быть неоправданно рискованно. Наука о сложности не говорит педагогам, что им надо делать в каком-либо предписывающем смысле, «но может дать прямой совет о том, как сосредоточить усилия при подготовке к обучению» [5, 318]. Уменьшает ли это значение теории сложности или просто заставляет определить более четко границы ее применимости? Но приемлемо ли для образования, как морально-гуманистического вида деятельности, призывать к морально нейтральной теории?

3. Теория сложности опирается на непредсказуемые, нелинейные изменения, которые весьма проблематичны в образовательном контексте, предполагающем ответственность за то, что происходит сейчас и планируется в будущем. Если нельзя предсказать последствия своих действий, как можно нести за них ответственность? И если нельзя предсказать, каким будет результат, насколько это оправдывает менеджеров, планирующих любые реформы в образовании? Ведь если образование является ценностным, гуманистическим и моральным, можно ли придерживаться теории, в которой ответственность, гуманизм и мораль так неясны и в которой ценности кажутся непостоянными? Можно пойти дальше и усомниться не только в том, желательна ли самоорганизация, но и в том, действительно ли она работает с теми, кто не готов и не собирается развиваться. Должны ли образовательные организации посвятить себя неопределенному будущему просто на основании теории, должны ли они верить в то, что появится приемлемый порядок, и быть готовыми терпеть потенциальный хаос и неизбежные трудности? Почему теория сложности будет лучше и эффективнее в улучшении образования, чем альтернативные, линейные теории?

4. Теория сложности имеет недостатки преднамеренной избыточности, приводящей к неэффективности; неконтролируемости вследствие отсутствия авторитета; непонятности, поскольку причинность является разнонаправленной; длительности, поскольку развитие сложных систем требуют времени. Эти особенности подчеркиваются теми, кто ищет эффективность, контроль, понятность и немедленные решения. Действительно, если будущее неопределенно, а результаты нелинейны, то почему деньги и усилия должны быть потрачены на образование, если они не гарантируют быстрое улучшение результатов?

5. Теория сложности включает глубоко укоренившийся прагматизм, оправданный эгоистичным выживанием и предполагающий, что правильно лишь то, что работает на его обеспечение. Но является ли это достаточным в качестве важнейшего требования теории образования?

6. Как уже было упомянуто, существует несколько антиномий теории сложности, хотя большинство ее центральных элементов взаимно усиливают друг друга. Можно также добавить вопрос, есть ли эпистемологическое противоречие в основе теории сложности - в противостоянии непредсказуемости закономерному характеру самоорганизации, обратной связи, коэволюции; регулярности и неизбежности неопределенности и нелинейности. Если теория сложности предписывает и предсказывает будущее, то это неубедительно, поскольку она подрывает свои собственные принципы непредсказуемости; но если она не предписывает и не предсказывает будущее, то она слаба теоретически.

Учитывая эти проблемы, можно предположить, что теория сложности пока еще находится в неопределенном положении в осмыслении современного образования. Сыграет ли она определенную роль в теории и практике образования или проявит себя больше в естественных науках, зависит от того, станет ли теория сложности полезным практическим инструментом для понимания и развития образования. Многие проблемы и элементы сложности являются повседневными предметами современной образовательной практики: распределенный контроль, самоорганизация и развитие, связь и общение, креативность и открытость, отношения и динамические системы, непредсказуемость и нелинейность, обратная связь и обучение для развития, избыточность и разнообразие, коллективность и связанность, постоянное развитие и адаптация, социальное конструирование знаний.

Литература:

1. Complex Dynamical Systems in Education: Concepts, Methods and Applications. L.: Springer, 2016. 416 p.
2. Майнцер К. Сложносистемное мышление: материя, разум, человечество. М.: Либроком, 2009. 464 с.
3. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Едиториал УРСС, 2003. 310 с.
4. Cilliers P. Complexity and postmodernism. Understanding complex systems. L.: Routledge, 2002. 167 p.
5. Davis, B. and Sumara, D. J. Challenging images of knowing: complexity science and educational research // International Journal of Qualitative Studies in Education. 2005. Vol. 18. No. 3. P. 305–321.

Трансmodalная субъектная аналитика состояний субъекта, средств познания и объекта

Хохлова Л.П.

Московский социально-педагогический институт, профессор, кандидат психологических наук

wissen.kraft@mail.ru

Аннотация: Задача развития постнеклассической формулы конвергенции субъектов, средств и объектов познания в полицентричном мире. Выявлены новые возможности для исследовательских проектов и для практики решения разнообразных проблем людей и сообществ. Эмпирическим путем выявлен феномен гетерогенности познающего субъекта, средств познания и объекта. Гетерогенность рассматривается как сцепка разнородных смысловых контекстов в достаточно устойчивый узел, который может трансформироваться путем специализированной работы. В противном случае, диссипативная структура застревает и не может пройти точку бифуркации, при этом она не рассыпается и не может заново вступить в игру. Такие смысловые ловушки невозможно преодолеть силовыми или административными способами. Объединение усилий субъекта логики, рефлексивного субъекта, трансуровневого субъекта и субъекта здравого смысла в соединении с методами трансmodalной субъектной аналитики, предоставляют человеку и обществу возможности управления субъектной событийностью, возможностью выбора целесообразных вариантов.

Ключевые слова: трансmodalная субъектная аналитика, гомогенность-гетерогенность, застревание диссипативных структур, субъектная событийность

Transmodal subject analysis of the States of the subject, means of cognition, and object. Khokhlova L.P.

Moscow social and pedagogical Institute, professor

Abstract: The task of developing a post-non-classical formula for the convergence of subjects, means, and objects of knowledge in a polycentric world. New opportunities have been identified for research projects and for the practice of solving various problems of people and communities. Empirically revealed the phenomenon of heterogeneity of the cognizing subject, means of knowledge and object. Heterogeneity is considered as a coupling of heterogeneous semantic contexts into a sufficiently stable node that can be transformed by specialized work. Otherwise, the dissipative structure gets stuck and cannot pass the bifurcation point, while it does not crumble and cannot re-enter the game. Such semantic traps cannot be overcome by force or administrative means. The combined efforts of the subject of logic, reflexive entity, transurania of the subject and the subject of common sense in connection with the methods of TRANS-modal subject analysts, offer the individual and society to control the subject for historical events, selection of appropriate options.

Keywords: transmodal subjective analytics, homogeneity –heterogeneity, jamming of dissipative structures, subject eventfulness

Академическая наука, базирующаяся исключительно на классической и неклассической методологии, руководствуется принципом экстраполяции предыдущих моделей развития человеческого общества в условиях, когда появилось множество разнородных систем, а в неопределенных средах изменения стали происходить быстрее и чаще. Психика людей, как и движущие силы ее развития, понимаемые в том формате как они определены классической наукой, сталкиваются с густо выраженными гетерогенными событиями и ситуациями, которые не в состоянии определить, классифицировать, дать адекватную интерпретацию и способ конструктивного реагирования. Все чаще возникает дезорганизация, имеющая гетерогенную природу. Не только конкретный человек, но и группы людей и страны сталкиваются интенсивным выбросом искаженных и патологических интерфейсов во внешний мир, что приводит к слому законов и порядка даже на международном уровне. Современный мир вошел в стадию возникновения абсурдных способов поведения и кризисов, которые не поддаются типовым описаниям и способам их разрешения.

Постнеклассическая научная рациональность предоставила методологическое основание для целостного подхода к конвергенции субъектов, средств и объектов познания. Надо отметить, что

постнеклассические идеи существенно влияют на развитие различных теорий и практик. Вместе с тем возникает задача развития известной формулы (С-Ср.-О). Можно поставить вопрос о гетерогенных (либо гомогенных) состояниях познающего субъекта, гетерогенной (или гомогенной) природе объекта познания и гетерогенности (либо гомогенности) способов, инструментов познания. Гомогенное состояние- это такое состояние открытой системы, где параметры однородны, заданы и определены. Гетерогенное состояние обременено разнородными “слипшимися” смысловыми контекстами в структуре индивидуального сознания, которые согласно социально-психологических законов могут иметь распространение в массах. Эмпирически эти феномены были выявлены в 1979 г. (Хохлова Л.П.) при обработке большого массива данных матриц интеркорреляции. В связи с дальнейшими эмпирическими исследованиями, проводимыми в трансmodalной субъектной аналитике, была определена и представлена классификация состояний субъекта (С), средств познания (Ср.) и познаваемого объекта (О) в зависимости от типа методологии (классической, неклассической и постнеклассической). Где ГтС - субъект, находящийся в гетерогенном состоянии, ГмС- субъект, находящийся в гомогенном состоянии; ГтСр – гетерогенные, неопределенно действующие средства познания, ГмСр – гомогенные, определенные средства познания, действующие на основе точных измерений; ГтО- гетерогенный объект познания, семантически неопределенный, трактуемый неоднозначно. ГмО - объект, вписывающийся в тот или иной классификатор. Можно выделить не менее двадцати четырех комбинаций, описывающих разнообразные варианты взаимоотношений между этими состояниями. Если же отталкиваться от того, что состояния гомогенности и гетерогенности могут иметь конструктивный или деструктивный характер, то количество комбинаций значительно возрастает.

Вопрос о “гомогенности–гетерогенности” категориальных структур индивидуального сознания важен не только с точки зрения их классификации и констатации этих состояний, но и в связи с динамикой этих уникальных состояний, обладающих силой быть потенциалом причины. различных событий. Как известно, в точках бифуркации диссипативные структуры могут разрушаться, либо прорываться к одному из многих состояний порядка. Эмпирические исследования в трансmodalной субъектной аналитике показали, что существует третье состояние в точке бифуркации - это когда диссипативная структура застревает и буксует в категориальной сетке разума. Это застревание невозможно высвободить силовыми методами или методами диалога и прочими классическими способами. При этом люди и различные системы испытывают напряжение, муку, проявляя имплицитную агрессию, направленную либо на кого-то, либо во внутрь системы, происходит интенсивное искажение информации и коммуникации, возникают затяжные кризисы.

Говоря о состоянии субъекта, который может справиться или не справиться с распаковкой гетерогенных смысловых узлов, можно выделить субъекта логики, рефлексивного субъекта, трансуровневого субъекта и субъекта здравого смысла. Субъект логики мыслит схемами, моделями, шаблонами, оперирует знаниями первого порядка. Рефлексивный субъект гарантирует гомогенную и внутренними средствами достигаемую стабильность. Различия им понимаются как противоречия, которые связываются в третьем синтетическом понятии и благодаря антиномии учреждается рефлексивно-гомогенное пространство познания. Вопрос с гетерогенностью остается открытым, т.к. знания второго порядка являются здесь необходимыми, но недостаточными для разрешения проблемы с гетерогенностью.

Трансуровневый субъект познает объект интуитивно-чувственным способом. В его задачу входит поиск противоречивых структур, мешающих раскрытию потенциала системы и самоактуализации. Трансуровневый субъект имеет дело с холодинамическими матрицами, в которые влетены абсурды разного уровня. Холодинамическая матрица представляет из себя многомерное смысловое устройство, каждый из элементов обладает резонансной частотой и каждый элемент матрицы может быть источником вероятностной информации о внутреннем и внешнем мире человека, о прошлом, настоящем и будущем. И на этом этапе в качестве способа познания выступает холодайн как интуитивно-чувственная и смысловая мета-структура разума, живущая в резонансном состоянии trans (сквозь или через). Т.о. трансуровневый субъект мыслит внутри “черного ящика” сознания, в полной темноте логики, оперирует знаниями третьего порядка.

Трансуровневый субъект обнаруживает абсурд и опирается на архусы, которые выступают как операторы нелинейного мышления. Архусы имеют следующие функции:

1. Распутывают запутанный, не понятный смысл;
2. Соединяют не соединяемые с точки зрения логики факты, события, явления для нового понимания;

Свирский Я.И.

Институт Философии Российской Академии Наук, ведущий научный сотрудник. Доктор философских наук

svirskhome@yandex.ru

3. Наполняют смыслом пустоту;
4. Соединяют субъекта познания с чувственно окрашенным “корнем” события, т.е. с его сутью;
5. Продуцируют “белый резонанс”, это когда ученик, находясь в поле мастера усваивает материал волновым образом и начинает знать и уметь как бы вдруг;
6. Обеспечивает производство присутствия в гетерогенной среде, т.к. архусы умеют продуцировать смысл из абсурда. Абсурд- это то, что противоречит здравому смыслу, но с момента реагирования на абсурдный текст, составленный субъектом из холодайнов, начинает зарождаться новый смысл, который выводит разум из смыслового тупика;
7. Освобождают из смыслового плена и обеспечивают проход через точку бифуркации застрявшие диссипативные структуры;
8. Осуществляют апгрейд смыслового поля личности или социальной общности.

Субъект здравого смысла действует в условиях недостаточности основания для выбора предпочтений и должен выбрать самый вероятностный сценарий события, предугадать его и достичь желаемого результата. Вероятностная логика в сочетании с развитым интуитивно-чувственным восприятием дает основание для фронезиса, эффективного ситуационного мышления, помогающего принимать правильные решения, умения отличать хорошее от плохого в конкретных жизненных ситуациях.

Таким образом, трансформация смыслового поля, включающего как гомогенные, так и гетерогенные структуры, представляет особый интерес в условиях полицентричности поведения систем. Исследования динамики гетерогенных и гомогенных структур в экспериментальных и контрольных группах показали статистически значимые различия между этими группами. В контрольных группах гетерогенные структуры не распаковываются, сохраняется напряжение, которое ведет либо к агрессии, выплескивающейся наружу, и часто немотивированной и абсурдной по своим замыслам, либо идущей вовнутрь (болезни). Не проработанная гетерогенность оказывает отрицательное влияние на производительность труда и качество жизни, межличностные отношения и личностное развитие. В экспериментальных группах застрявшие диссипативные структуры успешно распаковываются, при этом значительно обновляя уставшие гомогенные структуры, наполняя их новой энергией и смыслом. Подобные трансформации интересны и тем, что оказывают влияние на протекание событий. Конечно пространство событийности изначально имеет собственные постоянные изменения. Вместе с тем, вариантами событийности можно и нужно управлять, выбирая оптимальные.

Существует множество застрявших проблем, которые невозможно решить административными, гомогенными способами. В данный исторический момент наша страна нуждается в работе над структурированием и оптимизацией геополитического пространства, росте народонаселения, улучшения уровня жизни, росте экономики, укреплении института семьи и реализации прочих позитивных программ. С позиции постнеклассической научной рациональности субъект опирается на этические нормы и в современном мире должен активно создавать субъектную среду, моделируя аттракторы оптимального будущего. Трансмодальная субъектная аналитика предоставляет человеку и обществу потенциал для существенно новых форматов познания, мышления и действия. Готовящиеся изменения в окружающей среде созревают в гетерогенных слоях сознания, представляя собой склад аттракторов будущего, т.е. есть здесь можно говорить об особом проявлении субъектной силы и проявлении феномена производства присутствия, т.е. получению доступа к управлению субъектной событийностью. Субъект здравого смысла, опираясь на другие стороны субъектности (логику, рефлекссию, интуитивное чувство), выходит на процесс выбора оптимальных и целесообразных вариантов будущего и трансформацию негативных моделей настоящего.

Аннотация. В предлагаемой статье рассматриваются некоторые аспекты предложенной французским философом Жильбером Симондоном концепции принятия формы самыми разнообразными «субстратами» (от физических до социальных). Согласно Симондону форму следовало бы характеризовать не только через ее количественные и качественные характеристики, но и через ее напряжение. Содержательность, или напряжение, формы конституируется не ее стабильностью, а способностью структурировать разнообразные гетерогенные области. Структура и форма возникают благодаря информационному напряжению формы, вызываемому затравкой, и энергии, содержащейся в поле-среде. Показано, что особый тип отношения между напряжением формы структурной затравки и информативной, метастабильной областью, содержащей потенциальную энергию, превращает операцию обретения формы в трансдуктивную операцию модуляции.

Ключевые слова: форма, структура, метастабильность, поле, трансдукция, архетип, гилеморфизм, корреляция.

Gilbert Simondon's energy concept of taking form. Svirskiy Y.I.

Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Abstract: This article discusses some aspects of the concept of the adoption of forms by the most diverse “substrates” (from physical to social), proposed by the French philosopher Gilbert Simondon. According to Simondon, the form should be characterized not only through its quantitative and qualitative characteristics, but also through its tension. The content, or tension, of a form is constituted not by its stability, but by the ability to structure diverse heterogeneous regions. The structure and form arise due to the information tension of form caused by the germ, and the energy contained in the field-medium. It is shown that a special type of relationship between the tension of form of the structural germ and the informative, metastable region, containing potential energy, turns the operation of acquiring a form into transductive operation of modulation.

Keywords: form, structure, metastability, field, transduction, archetype, hilomorphism, correlation.

Неоднократно отмечалось, что философская стратегия Жильбера Симондона дает немало возможностей для осмысления самых разнообразных междисциплинарных сюжетов, связанных с индивидуацией технических, биологических, психических и социальных образований. Большинство тем, поднимаемых Симондоном, сводятся к поиску аксиоматики, способной конституировать условия для построения общей теории наук о человеке и технике. Отыскание подобной аксиоматики сопровождается глубоким анализом понятия формы. Причем Симондон отмечает, что «существует определенная связь между исследованием технического объекта и проблемой *формы, информации и потенциалов*. Технический объект предназначен только для того, чтобы служить *моделью, примером, парадигмой* для интерпретации ... проблемы отношений между понятием *формы*, под ее различными видами, понятием *информации* и, наконец, понятием *потенциального*, или потенциальной энергии» [1, p. 538].

Симондон задается вопросом: *почему существует многообразие гуманитарных наук, задающих, в принципе, разные способы и поля исследований, тогда как мы можем, в определенном смысле, говорить о некоем единстве естественнонаучного подхода в познании? Он говорит о росте возможностей унитарной аксиоматизации, например, в физике, ссылаясь на усиливающуюся корреляцию между физикой и химией, и ратует за то, чтобы такая же работа велась в области гуманитарных наук.*

Но дело в том, что «в социологии не существует группы всех групп, а в психологии внутри индивида нет элемента, атома мысли, который мы могли бы изолировать, чтобы создать аналог простого химического тела, допускающего любые перекомпоновки благодаря комбинированиям с другими простыми элементами» [1, p. 539]. И Симондон предлагает вернуться к самым древним принципам объяснения, предложенным внутри гуманитарных наук, начав с понятия формы, как оно вводится с

помощью платоновского Архетипа и гилеморфизма Аристотеля.

У Платона форма, как нечто высшее и неизменное, обосновывает социологию идеальной группы, более стабильной, чем индивиды. Идеальный город неизменен, а его инвариантом является Идея, фундирующая метафизическую социологию. Напротив, гилеморфизм Аристотеля предполагает, что форма пребывает внутри индивида и не является вечной и неизменной. Она существует вне материи и учреждает «горизонтальное», а не «вертикальное», как у Платона, отношение между индивидом и формой. Индивид уже не постигается в виде группы, он - не микрокосм, выступающий аналогом города. Более того, отношение форма-материя указывает на становление, ведущее индивида к состоянию энтелехии. Это - операторное отношение.

Вплоть до конца 19 века имели место попытки соединить данные две позиции. Наиболее успешным, согласно Симондону является проект гештальтпсихологии и, прежде всего, вводимое в его рамках понятие поля, заимствованное из естествознания. Поле «устанавливает взаимность онтологического статуса и операторных модальностей между целым и элементами» [1, р. 544]. Элемент внутри поля подчиняется силам последнего, и сам модифицирует силовые линии поля. Понятие поля в гештальтпсихологии отказывается как от эмпирического, так и от идеалистического видения формы Аристотеля и Платона. Все поле делится на поле субъекта (внутреннее) и поле объекта (внешнее) и задача - обнаружить общую для них структуру. Недостаток такой теории формы, согласно Симондону, в том, что структура здесь рассматривается как результат состояния равновесия. Между понятием *устойчивого равновесия* и понятием так называемой хорошей формы есть противоречие: «конвергентная эволюция не может объяснить стабильность формы; она может объяснить только стабильность состояния, а не превосходство формы, которое заключается в активности, способности освещать новые области» [1, р. 548]. И именно здесь, согласно Симондону, прорисовывается теория информации.

Информация - это то, благодаря чему приемник, может обнаруживать себя в передатчике; цель передачи информации - сблизить функционирование приемника и функционирование передатчика, чтобы обеспечить корреляцию между ними. Но перенос так понятой информации в психологию и социологию ведет к парадоксу: «чем более тесной является корреляция между передатчиком и приемником, тем меньше количество информации» [1, р. 549], что требует модификации теории информации. Для объяснения процесса взаимодействия, форму следовало бы характеризовать не только через ее количество, но и через ее напряжение. Хорошая форма соответствует высокому напряжению. «Напряжение» - необычный термин; но если допустимо использовать такую аналогию между науками о природе и тем, что Симондон предлагает в качестве заправки для гуманитарных наук, то уместно обратиться к этому понятию, предполагающему корреляцию между разными терминами. Тогда хорошая форма близка к парадоксу. Напряжение формы можно определить так: «приближение к парадоксу, не становясь парадоксом, приближение к противоречию, не становясь противоречием» [1, р. 549, 550]. Напряжение формы может пониматься как качество информации, как объединение противоположностей. Богатая потенциалом форма - напряженный комплекс, систематизированная, концентрированная множественность. Содержательность, т.е. напряжение, формы (и информации) состоит не в ее стабильности, а в способности структурировать разнообразные гетерогенные области. Но информационное напряжение формы не обладает всей энергией для осуществления трансформации. Оно есть только то напряжение, которое модулирует более значительные энергии, поступающие в обретающую структуру поле-среду. Структура и форма возникают благодаря информационному напряжению, вызываемому заправкой, и энергии, содержащейся в поле-среде. Поле-среда должно пребывать в напряженном метастабильном состоянии.

Особый тип отношения между напряжением информации структурной заправки и информативной, метастабильной областью, содержащей потенциальную энергию, превращает операцию обретения формы в модуляцию. Кроме того такая операция является трансдуктивной. Отметим, что «трансдукция - это режим динамической эффективности, генерирующий возможности для эмерджентности благодаря открытию зияния между результатом и условиями ситуации, между ее причинами и завершениями. Трансдукция - это динамическое отношение, порывающее с линейной причинностью, это модус отношения, который влияет на модификации или модуляции в силу того, как элементы удерживаются вместе или собираются вместе, и который несет на себе все элементы сразу. Трансдукция - это не линейная причинность, а квази-причина». [2, р. 101] Более того, квази-причина - это причина, которая действует как «созидательное участие будущего ... поскольку [она] больше похожа на аттрактор в теории хаоса,

чем на действующую материальную причину». [3] Тогда, в сфере трансдуктивных операций, именно будущее вызывает изменения в настоящем. «Будущая причина, однако, актуально не является причиной; она - виртуальная причина, или квази-причина». [3]

Но благодаря трансдуктивной операции модуляции не любая форма может запустить актуализацию потенциальной энергии любого метастабильного поля. Напряжение формы зависит от поля, к которому та относится: в возможных сцеплениях формы и материи есть определенная, но ограниченная свобода. Структурная заправка, слишком отличающаяся от характеристик структурируемого поля, более не имеет информационного напряжения по отношению к этому полю. Напряжение может определяться только в поле, способном формировать ретикулярную сеть. Поле способно принимать форму, если присущие ему потенциальные энергии конституируют метастабильность, благоприятную для трансформаций. Именно такая метастабильность способствует трансдуктивному принятию формы, распространяющемуся по всему полю, начиная со структурной заправки. Можно сказать, что материя - это метастабильное поле до принятия формы, а принятие формы - это переход от метастабильности к стабильности. Представленная Симондоном энергетическая концепция принятия формы может воссоединить схемы мышления, общие для теории информации и кибернетики. Фактически, действие структурной заправки на структурируемое поле - в метастабильном состоянии, - которое содержит потенциальную энергию, и является модуляцией. Архетипическая заправка может быть крайне малой и не добавляет, или почти не добавляет, энергии; достаточно того, что она обладает весьма слабым модуляторным полем. Архетипическая заправка после модуляции некой области непосредственно контактирует с ней, использует эту близкую область как новую архетипическую заправку, чтобы продвигаться дальше. Прimitивная архетипическая заправка произведет вокруг себя первую зону индивидуации; она, таким образом, создает более крупный модулятор, который затем модулирует вокруг себя поле-среду, все более и более увеличиваясь.

Можно с большой уверенностью утверждать, что и социальная реальность также содержит потенциалы. С энергетической теорией принятия формы у нас появляется метод, не наделяющий никакой привилегией стабильные конфигурации. Тогда, энергетическое истолкование напряженности формы, будучи по существу междисциплинарным истолкованием, указывает на возможности построения некой синтетически организованной аксиоматики, способной актуализировать движение познавательной деятельности по самым разнообразным «полям» наук о человеке, включающим в себя, в том числе, технические, ментальные, экономические, социальные и другие виды практик.

Литература:

1. Simondon Gilbert. L'Individuation à la lumière des notions de forme et d'information. Grenoble: Éditions Jérôme Millon, 2013. 567 p.
2. Boucher Marie-Pier. Infra-Psychic Individualization: Transductive Connections and the Genesis of Living Techniques // Gilbert Simondon. Being and Technology - Edinburgh University Press Ltd, 2012, p. 92-108
3. Brian Massumi, 'Of Microperception and Micropolitics: Exploring EthicoAesthetics', Inflections (2009). http://www.senselab.ca/inflections/volume_4/n3_massumi.html – Обращение 24.01.2020.

**Жизнь искусства в ситуации неопределенности.
Постнеклассика как эрзацклассика**

Топорина Е.А.

Российский Государственный Университет нефти и газа имени И.М. Губкина, кафедра философии и социально-политических технологий, старший преподаватель, кандидат философских наук

top-kate@yandex.ru

Аннотация: В статье предпринимается попытка рассмотреть положение классики в постнеклассическую парадигму путем обращения к современной художественной практике прочтения классических текстов. Данная тема представляется весьма актуальной в ситуации тотальной неопределенности, потери ценностных ориентиров. В связи с этим особенно непростым является существование классики как носителя ценностей. Рассматриваются проблемы взаимодействия новаторства и классики, ценностного подхода к искусству, проблемы адекватности прочтения. При насильственном внедрении нового, поверхностном следовании традиции, стремлении совместить несовместимое возникает такое явление как эрзацклассика. Другие возможные и связанные с этим явлением подходы как домысливание, приписывание и прочие заставляют задумываться – какой будет дальше жизнь классического искусства, какой путь ему определят?

Ключевые слова: Творчество, неопределенность, новое, эрзацклассика, интерпретация, ценность, традиции, безобразное.

The life of art in a situation of uncertainty: neoclassics as “ersatz classics”.
Toporina E.A.

National University of Oil and Gas “Gubkin University” (Gubkin University), Department of Philosophy, Social and Political Technologies

Abstract. The paper attempts to consider the position of the classics in the post-non-classical paradigm by referring to the present artistic experience of reading classical texts. This topic is very relevant in a situation of total uncertainty and loss of value orientations. In this regard, the existence of classics as a supporter of traditional values is particularly difficult. The problems of interaction between innovation and classics, the value approach to art, and the problems of reading adequacy are also considered. So-called “ersatz classical art” is a specific phenomenon, has risen because the new (innovations), perfunctory following the traditions, the desire to combine the incompatible were forcibly introduced in neoclassic. Other possible and related approaches such as speculation, attribution, and others make you wonder future classical art, what path will be determined for it.

Keyword. Uncertainty, art, classics, ersatz classical art, interpretation, value, modernity, creativity, tradition, the ugly.

Памяти Веры Ильиничны Самохваловой

Жизнь – явление творческое, а значит, напрямую связано с неопределенностью. Постмодернизм, с одной стороны, ничем не ограничивает нас, с другой, отсутствие ограничений является тяжелым испытанием. Многими исследователями неопределенность напрямую связывается с риском. При этом, можно с уверенностью сказать, что это проблема не только естественных, технических наук, но и искусства. Речь здесь идет об «экзистенциальных рисках», угрожающих культуре и человеческой идентичности. Мы остановимся на проблеме интерпретации произведения искусства.

В эпоху ПОСТ-культуры, когда осуществляется переход «неведомо к чему» [1, с.563] трактовка творчества, научного или художественного, как работы против энтропии, «в высвобождении порядка из хаоса, формы из бесформенности и невыразительности» [2, с.10] приобретает особенное звучание. «Творчество является одним из высших, если не самым высшим, свойством мозга» [3, с.27,26, 2, с.33] «и прекраснейшим из человеческих достояний» [2, с.33], связано с «самораскрытием души вечным смыслом и ценностям» [2, с.10], поиском выхода из состояния неопределенности. Неопределенность можно толковать как свободу (иногда иллюзорную), возможность выбора, непредсказуемость, неизвестность..., как обман, заблуждение, недопонимание, смешение смыслов, в эстетике возможна связь

с вариативностью, даже с «уходом» в безобразное. Тем не менее, в наше время все чаще звучит мысль, что наиболее, творчески мыслит тот, кто прибегает к ценностному релятивизму, а само слово «творчество» стало употребляться неуместно или с заменой на модное «креативность» (хотя слово это, на наш взгляд, отражает чисто технический момент).

Если говорить о классическом литературном тексте, то его смысл читатель постигает, как правило, интуитивно правильно, как бы «схватывает» его в целом. Однако читатель, интерпретатор может оказаться в ситуации неопределенности (существует, по выражению М.Михайловой, «молчание классического текста»), когда может быть предложено, условно говоря, несколько вариантов прочтения, иногда весьма неожиданных. (Можно вспомнить сцену из фильма по повести В.Шукшина «Позови меня в даль светлую», когда герой в исполнении М.Ульянова приходит к совершенно неожиданной трактовке образа Руси-тройки и Чичикова «Мертвых душ» Гоголя). При художественной интерпретации произведения, будь то кино- или театральная постановка, глубина и адекватность постижения связана с личностью читателя-интерпретатора, способностью дать, кроме всего прочего, нравственную оценку художественному произведению.

Эта способность, как это ни странно может показаться, напрямую связана с существованием искусства [4]. Высокое искусство всегда имеет нравственное содержание. Кроме того, классическое искусство чуждо постмодернистскому снобизму и обращено к каждому, а потому вмешательство «разной степени тяжести» зритель воспринимает как вмешательство в личное пространство. Конечно, предложить объяснительную схему можно относительно всего (в том числе телевизоров в опере «Кармен»). А вот понять – нет.

Искусство, как и наука по смыслу своего существования, предполагают попытку вырваться из энтропии, хаоса возможностей к чему-то определенному и совершенному. В этом смысле опора на классическое искусство, с его ориентацией на идеал, норму, гармонию, выглядит вполне закономерной. Однако в ситуации постнеклассики самой классике места часто просто не находится. В попытке создать новое, свое видение классики, совместить, условно говоря, консерватизм и новаторство (традицию и творчество, если воспользоваться выражением С.Франка) под прикрытием традиционных ценностей порой создаются заведомые подделки под классику, своего рода эрзацклассика. Так, в спектакле Р.Маликова «Последний герой» во МХАТе, переформатированном на новый лад Э.Бояковым, была осуществлена заявка по-новому представить вполне актуальную и классическую тему взаимоотношений разных поколений. Для этого были использованы три разных способа сценического бытования: документализм, русская реалистическая школа, модный телесный экспрессионизм. Правда, из-за низкого уровня литературного материала и режиссуры (что для МХАТа им. М.Горького ранее было совсем нехарактерно) получился довольно странный гибрид, в котором как раз русская реалистическая школа (ограниченная маловразумительными сюжетными линиями), предполагающая довольно строгий подход к исполнительскому мастерству, была представлена менее всего. Сама по себе телесная выразительность, на которую делали упор создатели спектакля, вполне уместна, тем более, что в свое время были успешные опыты обращения к ней (можно вспомнить «На дне», «Гамлет», созданные еще при руководстве театром Т.В. Дорониной), однако излишняя эмоциональность и избыточность действия, шума, скорее вызывали нервозность, чем катарсис, до которого постановщики, безусловно, собирались «довести» зрителя. Чтобы сделать зрелище правдоподобным, использовались и современная девиантная лексика, и даже выезд танка, но правды так и не «получилось». В поисках создания новой классики был достигнут эффект прямо противоположный – ее «уценка», «правдоподобие без правды», своеобразный перевертыш. В сущности, погоня за новым ради нового мало плодотворна и превращает искусство в один большой эпатажный эксперимент, а опыты Боякова мало чем, несмотря на кажущуюся противоположность эстетических и этических устремлений, отличаются от опытов Серебренникова и Богомолова. Вообще, не очень понятно, как в академических театрах с достаточно серьезными традициями могут совмещаться (как после прихода во МХАТ им.М.Горького нового руководства) классические спектакли с кружками по йоге и новомодные арт-проекты, ведь все слишком новое, злободневное почти сразу превращается в устаревшее, несовременное, не со-вечное, а все, что слишком пытается казаться современным, скоро перестает выглядеть таковым.

Для постнеклассической парадигмы характерно стремление как бы договориться, ужиться одновременно и с маргинальным, и с классическим. В этом русле можно обратиться и к военно-патриотической тематике, показав героев вполне современными молодыми людьми близкими нам, без «комсомольского задора» (сериал «Молодая гвардия»). Игнорирование далеко не исчерпанной

себя русской советской традиции прочтения классических текстов стало также привычным явлением для художественной практики вообще и кинематографа в частности. Дело здесь, видимо, даже не в поиске новой эстетики, поиске самовыражения, но в каком-то страхе перед вполне живой традицией, «охранители» которой задвинуты «дельцами от искусства на самый задний план» [1, с.564].

Так, экранизации романа А.Толстого «Хождение по мукам» Г.Рошаля (1957-1959) и В.Ордынского (1977) были произведениями высокохудожественными, событиями в творческой жизни разных периодов советской эпохи. Несмотря на разницу в подаче материала, в обеих интерпретациях огромное значение уделялось музыкальности, и музыкальность трактовалась достаточно широко, не только в пределах упрощенного понимания киномузыки как звукооряда. Первое киновоплощение «Хождения по мукам», (как произведения другого классика - Ф.М.Достоевского; по А.Гозенпуду [6]) было буквально выстроено по музыкальным законам с нагнетанием атмосферы, разрядкой, кульминацией, умело расставленными акцентами. В сравнении с ним фильм Ордынского был более плавным, повествовательным, временами казавшимся чересчур спокойным, но завораживал зрителя красотой главных женских образов и интонационной чуткостью их диалогов.

В погоне за насильственной модернизацией, созданием нового реализма (?) в искусстве в первую очередь страдают именно интонация и слово. В последней экранизации (2017) романа «Хождение по мукам» одна из главных героинь произносит трудно представимую для дамы эпохи Серебряного века фразу: «Юг Франции мне сейчас не по зубам». «Неопределенность» финала, которую можно усмотреть в произведении А.Толстого, приобретает определенность «в умах» создателей сериала, решивших по своему усмотрению (и совсем необоснованно) участь героев романа. Такое «вытягивание» зрителя на разговор выглядит слишком натянутым, хотя и распространенным приемом создания псевдоклассики. Получается, правда, скорее не диалог с текстом, а своеобразный договор.

В условиях постмодернистского «можно все» приписывание или домысливание стали одним из наиболее распространенных вариантов «существования» произведения, будь то литературное или музыкальное. Так, в постановке оперы «Огненный ангел» (ГАБТ) перед зрителями появляется фигура Сталина (?) или «посланца Лубянки» (по выражению И.Корябина [7]), олицетворяющего собой инквизитора. Присутствует необходимая для советского строя, по мнению иностранного постановщика, Ф.Замбелло, атрибутика – партбилеты, кожаные пальто, быт коммунальных квартир, Персонаж, олицетворяющий собой Сталина-инквизитора, появляется в зрительской ложе, оказывая психологическое давление не только на героиню, но и на зрителя. Трудно не согласиться с критиком, высказавшимся по отношению к постановке «Огненного ангела»: «Обычно в таких случаях говорят сакраментальную фразу: «Могло бы быть и хуже...» [7].

На примере множества постановок можно увидеть, что «борозда насилия» (по выражению И.Барсовой) может проходить не только по человеку, но и произведению. Ведь, как и сложный организм, произведение искусства – это определенная система, которая не создается простым набором элементов без внутренней связи и сочетания. В сущности, разница между человеком и текстом не так велика, и, как к человеку, так и к тексту необходимо ценностное отношение. В противном случае, при всей гибкости формы классического произведения, вряд ли получится диалог зрителя и произведения, так как всеядность, как и абсурд, к классике неприменимы [8]. Можно сказать, здесь вопросы искусства и нравственного отношения смыкаются, а этот момент был крайне значим для эстетики русских писателей. Так, для Ф.М. Достоевского во многом предназначением искусства, охваченного подлинной красотой и истиной, была возможность выхода за пределы безобразного. Нельзя не вспомнить картину, которая его взволновала – «Христос во гробе» Г.Гольбейна-мл., которую, несмотря на ее жесткость, можно трактовать как символ грядущей победы над смертью, болезнью, тлением, пороком, адом. Такое понимание миссии искусства характерно не только для христианского мировидения Достоевского, но классики в целом. «Ни Достоевский, ни Малер «жестокостью» не исчерпываются. Это художники, «для которых гораздо важнее образное воплощение идеи мировой гармонии» [9,с.113], а, значит, победы над жестокостью хаоса, в который мы часто, и, увы, с помощью искусства, превращаем нашу действительность.

Литература:

1.Бычков В., Бычкова Л. Предельные метаморфозы культуры – итог XX века //Лексикон неонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века/Под общей редакцией В.В. Бычкова. М.: Росспэн, 2003. С.555-581.

- 2.Самохвалова В.И. Творчество: божественный дар, космический принцип, родовая идентичность человека. М.: РУДН, 2007. 538с.
- 3.Бехтерева Н.П. Магия мозга и лабиринты жизни. М.-СПб.: АСТ, 2007. 349с.
- 4.Митрополит Антоний Сурожский. Красота, уродство, смысл. Беседы об искусстве и реальности. Лекции. [Электронный ресурс]. Доступно по адресу: <http://www.mitras.ru/seminary/seminar40.htm>. Дата обращения 21.02.2020.
5. Франк С.Л. Духовные основы общества //Духовные основы общества/Сост. П.В. Алексеев. М.: Республика, 1992. С.13-144.
- 6.Гозенпуд А. А. Достоевский и музыкально-театральное искусство. Л.: Советский композитор. 1981. 224с.
- 7.Корябин И. Второе пришествие «Огненного ангела» на сцену Большого. [Электронный ресурс]. Доступно по адресу: <https://www.belcanto.ru/12022801.html>. Дата обращения 13.02.2020.
- 8.Незнамова С.П. Проблема понимания художественного текста и произведения. Дисс. на соискание ст. к.ф.н. Воронеж, 2005.
9. Барсова И.А. Музыка. Слово. Безмолвие. СПб.: Издательство имени Н.И. Новикова, 2017.508с.

Цифровой антропоцен

Чеклецов В.В.

Юго-Западный Государственный Университет, научный сотрудник. Кандидат философских наук

chekletsov@gmail.com

Аннотация: В докладе рассматривается философское измерение концептов киберфизических систем: интернета вещей, интернета всего, распределенного интеллекта, проникающего компьютеризации, разумной среды, дополненной реальности, цифровой реальности, кибер-поворота и некоторых других. Исследованы и классифицированы антропологические трансформации и микросоциальные процессы, обусловленные внедрением в повседневную жизнь технологий гибридной реальности. Исследуются сценарии городского развития малых гибридных социальных групп. Также, были намечены подходы к исследованию темпоральной наблюдаемости эволюции цифровой реальности и проведено мягкое картирование социотехнических ландшафтов и методологии навигации в цифровой реальности по координатам ее базовых технологий и практик. Вводится понятие цифрового антропоцена, как продолжения традиции ноосферного мышления и смыслового горизонта эволюции разумной среды.

Ключевые слова: социальная оценка техники, STS, философия информационных технологий, интернет вещей, умный город, цифровой антропоцен

Digital anthropocene.
Chekletsov V.V.

South-Western State University

Abstract: The report examines the philosophical dimension of the concepts of cyber-physical systems: the Internet of things, the Internet of everything, ambient intelligence, pervasive computing, smart environment, augmented reality, digital reality, cyber-shift, and some others. Anthropological transformations and microsocial processes caused by the introduction of hybrid reality technologies into everyday life are investigated and classified. Scenarios of urban development of small hybrid social groups are investigated. Also, approaches to the study of temporal observability of digital reality evolution were outlined and soft mapping of sociotechnical landscapes and methodology of navigation in digital reality by coordinates of its basic technologies and practices was carried out. The concept of the digital anthropocene is introduced as a continuation of the tradition of noospheric thinking and the semantic horizon of the evolution of the intelligent environment.

Keywords: social assessment of technology, STS, information technology philosophy, Internet of things, smart city, digital anthropocene

ⁱ Рассмотрим несколько возможных сценариев вплетения философских элементов в дизайн биометрических носимых устройств, систем умного дома (smart home) и умного города (smart city). Чтобы в совокупной сложности множеств SmartX концептуализировать понятие **цифрового антропоцена**, как гуманитарного основания социотехнического единства Разумной Планеты (Smart Planet).

Un-zuhause

Состояние, вызываемое столкновением с миром, Хайдеггер именуется *Un-zuhause* / дословно: «не-дома», «не по себе». *Взывающее же* - это Здесь-Бытие (Dasein) в своей бесприютности: изначальное, брошенное Бытие-в-Мире, как бескровность. *Взывающее* незнакомо с *самим-собой-в-повседневности*, это Нечто -вроде голоса иного. [1, с. 6] Вглядимся пристальнее в ситуацию, когда *заброшенного-в-карьеринг* мещанина с фитнес-браслетом накрыл внезапный *Angst*. Очевидно, что уровень и глубина **Страха может быть разной**. Спектр Ангста можно разложить по амплитуде и «частоте колебаний»;

ⁱ Публикация подготовлена при поддержке Гранта РФФИ № 19-18-00504 «Социотехнические ландшафты цифровой реальности: онтологические матрицы, этико-аксиологические регулятивы, дорожные карты и информационная поддержка управленческих решений»

частоту эту резонно сопоставить с интенсивностью страха. Глубина ранжирруется от экзистенциального ужаса бытия с переходом в паническую атаку до легкой метафизической тревоги-предвестника маниакальных блужданий (в зависимости от фазы циклотимии, в которой находится хозяин браслета). Высота же пускai определяется результатом данной конкретной ситуации: здесь креативный эффект простирается от «нуля» (апатия) до восторженно-бодрящей псевдофилософской возвышенности. В первом приближении, браслет должен отличать опасные и условно-опасные состояния своего владельца от условно-неопасных и безусловно-неопасных историй. Как не пропустить по-настоящему серьезную беду? Каким образом, по каким параметрам «неодушевленная» техносциальная система (браслет, сенсоры, алгоритмы...) может определить несомненно-опасный случай заброшенности в Ничто с высоким риском суицида, риском насилия или самоповреждения?

Что будет, когда цифровые алгоритмы неизбежно, уже в силу самой эмерджентной сложности систем и сетей, начнут сами модифицировать нормы своей процессуальности? Посчитав фитнес-браслет не продолжением тела человека, но- продолжением своего тела? Что будет, когда вследствие непредсказуемого взаимодействия частных или корпоративных интересов, мы будем постоянно перекраиваться по независящим от нас причудливым лекалам? Что будет, когда носимая электроника станет способной к тонкой, но уже *прямой* нейромодуляции нейротрансмиттерами, к прямым *эндокринным* воздействиям путем, к примеру, неощутимого нановспрыска гипоталамического гормона регуляции? Важно не проглядеть значение этих вновь обретенных тонких цифровых прокладок-интерфейсов между антропо-биологическим, технофизическим и социотехническим измерениями Бытия. Вполне осознать опасности и возможности новой гибридной телесности и ментальности. Найти или построить свой собственный эволюционно-устойчивый технобиоценоз. Постараться увидеть перспективу нелокальности, взаимоопределения и коэволюции с *био-иными, когнитивно-иными, техно-иными* в усложняющейся ноосфере антропоцена.

Как обрести единство топологии расслоенных пространств техноцифрени, увидеть их скрытые параметры. Смысл? Значение? Как найти, вернуться в свой *дом*? (Heimat)

Technē Tou Biou

В своей «Герменевтике Субъекта», Фуко обращается к идее сопротязженности заботы о себе и искусства жизни (знаменитой *technē tou biou*), которое, начиная с Платона и особенно в постплатоновских направлениях, станет главным определением философии. [2, с. 103]

Искусство жизни как *technē* в классической эллинистической традиции, во французском вкусе ее (жизни) радости, очевидно, отличается от разной глубины понимания *удобства* домашней жизни, продвигаемых производителями «умной техники» и систем Smart Home.

Умные термостаты, подобные Nest уже несколько лет кряду собирают безумный по своему трафику объем данных рядовых американцев, решившим *не думать* каждый раз, какую кнопку нажать на пульте кондиционера или системы отопления. Nest делает это за них автоматически, изучая температурные предпочтения жильцов в разное время суток, недели, времени года и тд. Домашнее пространство обретает простейшие рефлекторные дуги, становится умнее, активнее. Уже не просто «умное», но стремящееся обрести разумность техно-*оно* обретает чувствительность (кнопки, сенсоры), зрение (камеры наблюдения) и, важный в контексте последних технотрендов, *слух*. Так называемые *умные колонки* с интеллектуальными помощниками от Google, Яндекс, Microsoft, Amazon, Apple и бесчисленных китайских производителей всего пару лет назад начали колонизацию наших жилых пространств. Эти намеренно минималистичные незаметные «уши» с распознавание естественного языка призваны стать платформами, центральным узлом для дальнейшего внедрения компонентов Умного Дома. Значительный интерес представляет гендерный вопрос, связанный с наименованием интеллектуальных помощников (у Яндекса Алиса, у Эпл- Сири, у Амазон- Алекса, у Майкрософт-Кортана). Исключение составляет гендерно нейтральное заклинание «ок,гугл», пробуждающее колонки «корпорации добра» Alphabet от цифрового (псевдо)сна. [3]

Продолжая тенденцию интеллектуального помощника женского пола, вспомним недавно вышедший римейк классического фильма «Бегущий по лезвию» Ридли Скотта (1982), созданного по мотивам научно-фантастического романа Филипа Дика «Мечтают ли андроиды об электроовцах?» (1968). В римейке 2017-го года (Bladerunner 2049) главный герой актера Брайяна Гослинга приходит домой из экзистенциальной напряженности *un-zuhause* к своей домашней голографической подруге,

которая является, грубо, некоей экстраполяцией интеллектуальных помощниц, описанных нами выше. Кстати, этот же романтический сюжет (с тем же драматическим ходом отсутствия/обретения тела «ожившей» операционной системой) был краеугольным в фильме «Она» («Her», 2014) с Хоакимом Фениксом. Надо признать, что *technē tou biou* таких историй имеет мало общего с потребительской философией *удобства* умного дома или чувственным измерением производителей секс-роботов. Скорее, *кто-то-кто-ждет дома* имеет какое-то отношение к метафизической бесприютности *un-zuhause*. И жаждой ее преодоления. Которая рождает, как повезет, галлюцинаторные *или же - технореальности*.

D-Anthropocene

Дискурс Антропоцена, сам этот термин, продолжающий традиции ноосферных междисциплинарных исследований, очень популярен сейчас. Конец унилатеральной глобализации и пришествие Антропоцена форсирует нас говорить о космополитике в социальной философии и о так называемом «онтологическом повороте» в философской (и не только) антропологии. «Экология-это новая политика»,- выражение Тимоти Мортена, одного из приглашенных лекторов одноименной долгосрочной программы музея современного искусства «Гараж» и автор недавно вышедшего в России бестселлера «Стать экологичным» [4]. Шумиха вокруг речи шестнадцатилетней эоактивистки Греты Тунберг в ООН, превращение ее в гиперпопулярный мем, как будто подтверждает своего рода экоповорот в общественном сознании. Для многих людей пластиковое загрязнение океана, глобальное потепление или круговорот наночастиц в биосфере важны не сами по себе, но- как повод для «масштабного взгляда» на планетарную динамику.

«Умная Земля» (Smart Earth) является завершающим (пока) масштабом разворачивающихся сфер концепции SmartX (Smart Things, Smart Home, Smart City...). Далее, мы попытаемся проанализировать, в какой степени изменилась ноосферная связность с бурным распространением цифровых технологий – со времен Вернадского, де Шардена и Лавлока. Можем ли мы говорить о качественно-новой стадии техно-антропосферы- *Цифровом Антропоцене*?

Начнем с того общепризнанного факта, что впервые в истории Земли, люди начали ориентироваться по *картам онлайн*. Совсем не так давно, в течение менее десяти лет, подобная ориентировка на местности стала ежедневной практикой *большинства* активного населения. Сложность подобной техносциальной системы сложно вообразить: она включает в себя орбитальную группировку сотен космических спутников GPS и ГЛОНАСС, тысяч центров обработки информации, вышек сотовых операторов, серверов компаний, предоставляющих навигацию, программных картографических решений, наконец, чудодейственной быстроты современных смартфонов. [3]

Данные поисковых сервисов и социальных сетей со всего мира преимущественно концентрируются и обрабатываются в районе их разработки- кремниевой долине залива Сан-Франциско. Почти все смартфоны делаются в китайском Шеньчжэне на другом конце Земли. Это беспрецедентная глобальная связность. Не приходится, очевидно, доказывать, что смартфоны, карты, навигация, рекомендательные сервисы и соцсети играют в их общей массе в настоящий момент играют не просто важную, а *определяющую* роль в наших перемещениях. Выбор данного конкретного маршрута в каждый момент во многом зависит от сложных сопряженных процессов, в цепочках которых все более возможно проявление квантовых эффектов на макроуровне.

Антропоцен, при всей глобальности этого понятия, является все же «оболочкой» нашей конкретной, третьей от Солнца планеты. В прошлых работах, мы рассматривали вопрос, может ли антропоцен «отпочковаться» от планетарного контекста? Может ли техносциальная динамика, техносциальное тело воплотиться в искусственной киберфизической среде, природе второго порядка, некоем гибридном материально-символическом технобиоценозе, являющимся новой ступенью космогенеза? Можно ли создать полностью рукотворный антропоцен, космическую мега-станцию, Землю-2, чтобы не зависеть от предопределенности околосолярных орбит? В этом ли состоит некий возможный *предел космополитики*? На противоположном полюсе- идея *терраформинга самой Земли*. Чтобы избежав глобальных и не очень природных и техногенных катастроф, сделать нашу планету пригодной для жизни и развития самых разных, порой невообразимых существ, общностей, историй, идей.

Литература:

1. Padgett A. Dasein and the philosopher: responsibility in Heidegger and Mamardashvili / FACTA UNIVERSITATIS. Series: Philosophy, Sociology and Psychology Vol. 6, No1, 2007, pp. 1 – 21
2. Фуко М. Герменевтика субъекта. СПб, «Наука», 2007
3. Гринфильд А. Радикальные технологии. Устройство повседневной жизни. «Дело», М., 2019
4. Мортен Т. Статья экологичным. «Ад Маргинем Пресс», 2019

«Схема» как основное понятие представления творческих процессов в современном образовании

Кудрова И.А.

НОУ МИМ ЛИНК (г. Москва), доцент, канд. пед. наук

ikudrova@mail.ru

Аннотация: Подчеркивается, что в связи с усложнением в современных условиях коммуникативных взаимодействий усиливается внимание к субъект-субъект-объектным методологиям, в том числе в образовании. В этой связи «схематизация» может быть интересна как одна из перспективных методологий организации образовательного процесса. Проанализированы представления о «схеме» в истории философии и выявлены ее основные характеристики. Вместо обыденного понимания термина «схема» как чертежа или как изложения чего-либо в общих чертах предлагается понимание «схемы» как особого конструкта, который позволяет мыслителю от постановки проблемы перейти к видению, а затем к объективации представлений. Показано, что такое понимание «схемы» хорошо представляет творческие процессы, коррелируя с такими их значениями, как личностная включенность, процессуальность и результат. Поскольку под творчеством понимается открытая система, готовая к восприятию множества альтернативных вариантов, намечены этапы процесса обучения, создающие условия для достижения синергии в инновационном мышлении на фундаменте базовых характеристик понятия «схема» и методологических принципов синергетики.

Ключевые слова: «схема», проблема, видение, личностное начало творчества, коллективное мышление, методология синергетики.

Abstract: Increasing complexity of interactions between people in modern circumstances leads to the growth of attention to subject-subject-object approaches, including in the sphere of education. In this regard, “schematization” can be interesting as one of the promising approaches of educational process organization. The author of this work analyzed the idea of schema in the history of philosophy and indicated its common characteristics. Instead of a common understanding of the term “scheme” as a drawing or as a presentation of something in general terms, the current work proposes an understanding of “scheme” as a special construct that allows the thinker to go from setting the problem to vision and then to objectification of ideas. It is shown that such an understanding of the “scheme” represents creative processes in a good way and correlates with their meanings such as personal inclusion, processuality and outcome. Since creativity is understood as an open system, ready for the perception of many alternative options, the steps of the learning process are identified. These steps create conditions for achieving synergy in innovative thinking on the foundation of the basic characteristics of “scheme” and methodological principles of synergetics.

Key words: “scheme”, problem, vision, identity principle of creativity, collective mind, methodology of synergetics.

В условиях турбулентности информационной жизненной среды происходят новые антропологические вызовы. Молодые люди, включенные в плотный информационный поток, все активнее используют интуитивный канал творчества. Новые условия требуют новых когнитивно-деятельностных технологий обучения. Учитывая наметившиеся изменения статуса обучаемого как некой сложной саморазвивающейся системы, перспективной представляется нетрадиционная педагогика на основе идей синергетической методологии.

В своих исследованиях мы опираемся на концепцию методологии синергетики В.Г. Буданова, предлагающую в том числе решение синергетического моделирования в гуманитарной сфере [1]. С целью разработки актуальной образовательной методологии применим данную концепцию в контексте представлений о творческих процессах в группах учащихся и представлениях о «схеме».

Число публикаций, посвященных понятию «схема» как одной из форм мышления, связанной с коллективным сознанием, растет [2,3]. Подчеркивается, что «схемы» конституируют наше мышление, и именно с этой точки зрения «схематизация» может быть интересна как одна из перспективных методологий организации образовательного процесса [4]. В нашем анализе понятия «схема» как ключевого понятия представления творческих процессов в современном образовании мы будем опираться, в том

числе, на концепцию В.С. Степина о *человекомерности* систем исследования [5, с.160-162].

В обыденном и техническом (чаще инженерном) понимании принято рассматривать схему как чертеж, как изложение чего-либо в общих чертах. В отличие от обыденного и технического понимания понятие «схема» можно рассматривать в рамках гуманитарного подхода, т.к. в условиях усложняющихся коммуникаций повышается значимость не только когнитивных проблем исследования, но и личностного начала.

Первые упоминания о «схеме» встречаются уже у Платона [6]. Однако, по-настоящему в истории философии понятие «схема» разработано в работах *Канта*. Кант считает схему продуктом деятельности не рассудка и не чувственности, а продуктивной силы воображения, вследствие чего она имеет отношение не к понятию и не к образу, а к *методу*, посредством которого создаются различные понятия и образы. «Схема» по Канту представляет собой итог чистого синтеза воображения сообразно правилу единства на основе понятий вообще и потому «есть продукт и как бы монограмма чистой способности воображения a priori» [7, с.223]. В понятии схемы у Канта важно отметить следующее: с одной стороны схема отличается от объекта («предмета»), который по Канту задается категориями, а с другой она конструктивна (создается мыслящим), поскольку Кант подчеркивает, что ученый сам a priori создает объект. Кроме того, кантовская схема задает видение объекта: схема «есть лишь, собственно, феномен или чувственное понятие предмета».

Важнейшим инструментом методологии считал схемы *Г.П. Щедровицкий*, у которого «схема» приобретает *проектно-конструктивный* характер «Наука ведь не кладет объект в мир. Это функция философии. ... Таким образом, «надо было мышление положить как объект в мир» [8, с.108-109]. «Я говорю: мы должны породить эту структуру, мы должны ее осознать, осмыслить, мы должны ее нарисовать, мы должны ее положить перед всеми. И теперь она становится тем, что осваивается как форма и содержание. Теперь она стала неким знанием, употребляемым в онтологической картине. И это есть результат нашей работы. Мы должны ее нарисовать» [9, с. 365].

Следующий шаг в развитии представлений о «схеме» сделал *В.М. Розин*. Возникшее противоречие между познанием и практическим действием он снимает следующим образом: «... мы можем сформулировать следующую гипотезу: схемы создаются как предварительное условие познания, они позволяют задать основные характеристики объекта изучения, подводят нас к нему, но только подводят, собственно изучение этого объекта разворачивается в сфере познания, однако часто только на схемах мы можем нащупать основные характеристики объекта, который мы исследуем» [2, с.17].

Таким образом, схема – это объективное семиотическое образование, которое может быть графически или нарративно выражено и обладает следующими характеристиками:

- 1) схема создает новое *видение*
- 2) схема позволяет *действовать*
- 3) схема позволяет человеку от *проблемы* перейти к *видению*, а затем к конструированию *объекта*.

Таким образом, схема - это важное средство методологии. Наряду с мышлением она является важным способом получения знаний. Но в отличие от знака схема – это особый конструкт, который позволяет от наших проблем переходить к видению, а далее схема обращается в объект, на котором разворачивается действие. Особенно актуально обратиться к такому языку в современных условиях, когда глобальное информационное общество вносит все большие изменения в *конструктивно-познавательную* деятельность, в том числе образовательную. С другой стороны, в современном научном познании акценты все больше смещаются с *субъект-объектных* отношений на *субъект-субъект-объектные* отношения [10, с. 158-179].

В условиях возрастания плотности информации и усложнения коммуникаций значение разработки новых методологий работы с принципами неопределенности все более возрастает [11]. То есть требуется методология, способствующая созданию творческой среды. В целом термин «творчество» в научном исследовании выполняет стимулирующую функцию, направленную на действия. При этом все этапы творческого процесса представляют собой сложное взаимодействие сознательно отбираемых стратегий решения задачи, упорядочивания данных по интересующей мыслителя проблеме и неосознаваемых установок, предпочтений, ценностных ориентиров, фрагментов информации. Суммируя, можно сказать, что многообразие значений понятия «творчество» объемлет собой *сферы личности, процесса и результата*, причем часто без их ясного различения [12].

Как значения понятия «схема», выявленные выше, коррелируют с представлениями о творческих процессах? Было показано, что схема, позволяя от наших *проблем* переходить к *видению*, а далее обращаясь в *объект*, является эффективным посредником между сферами личности, процессами мышления и получаемыми результатами. С одной стороны, выделяя, а с другой стороны объединяя эти значения, «схема» хорошо представляет творческие процессы, коррелируя с такими их значениями, как *личностная включенность*, *процессуальность* и *результат*,

Под творчеством понимается обычно открытая система, способная к восприятию множества альтернативных вариантов. При этом инновационная творческая среда призвана генерировать *синергию акторов коллективного мышления* [13, с.142–153]. Поэтому считаем возможным, опираясь на концепцию В.Г. Буданова [1, с.69–73], рассматривать творческие процессы в современном образовании как организацию пространства альтернативных точек зрения с целью достижения синергии в инновационном мышлении на фундаменте методологических принципов синергетики¹.

В практике, от которой мы отталкиваемся, есть несколько этапов. На первых этапах происходит постановка задачи, а также выбор дискурса и проблемы для изучения объекта или явления. Далее *проблема* анализируется. При этом каждый участник создает, разворачивает свое поле решений, которое подсказывает другим иной способ исследования. У участников, оказавшихся в общем поле, появляются новые условия для собственных решений. Так постепенно нарабатывается поле контекстов и связей, что способствует формированию структуры объекта или явления. Последующий анализ проблемы выявляет не только базовые процессы, но и обратные связи, что позволяет учитывать в том числе динамику объекта. Такая совместная работа создает условия для следующего, ключевого этапа (этапа самосогласованной сборки), когда у некоторых участников появляется возможность сконструировать собственные *схемы*. И после этого возникает возможность рационально обсуждать каждую схему.

Отметим, что возникающая в таком процессе синергия, очевидно, создает новое *семиотическое и эмоциональное* поле, которое необходимо для творчества каждого участника. Учитывая, что *гуманитарные методологии организации коллективного мышления и действия* все более выходят на первый план, при разработке этих методологий процесс схематизации дает возможность учитывать, как интеллектуальные, так и психологические, и социальные, и духовно-нравственные аспекты. При этом в основе организации так понимаемых творческих процессов лежит связанная с принципами сложных саморазвивающихся систем стержневая идея синергетики, которая и позволяет изменить отношения учитель – ученик с субъект-объектных до более сложных, учитывающих «человекомерные» особенности обучаемого. В целом это делает процесс обучения более живым, многогранным, личностно-ориентированным.

Представляется, что перспектива дальнейшей разработки понятия «схема» как важного понятия в представлениях о творческих процессах и перестройки обучения в направлении синергетической методологии открывает новые возможности для развития личности, которая будет *иначе* работать с объектом средствами, которыми она овладеет.

Литература:

1. Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. М.: ЛЕНАНД, 2017.
2. Розин В.М. Введение в схемологию. Схемы в философии, культуре, науке, проектировании. М., Книжный дом «Либроком», 2011.
3. Морозов Ф.М. Схемы как средства описания деятельности (эпистемологический анализ). М., 2005.
4. С.Попов. Методология организации общественных изменений // Этюды по социальной инженерии: от утопии к организации. М., 2002.
5. Кудрова И.А. Синергетическая методология: новые возможности для образования // Первые Степинские чтения. Современный этап развития науки и техногенной цивилизации. Материалы конференции с международным участием. Москва, 5-6 ноября 2019 г. Курск, ЗАО «Университетская книга», 2019. С. 160-162.
6. Лосев А.Ф. §9. Предметно-смысловые модификации. История античной эстетики. Т.2, М., 1969.
7. Кант И. Соч. в 6 т., т. 3. М., 1964.
8. На досках. Публичные лекции по философии Г.П. Щедровицкого. ШКП, М., 2004.
9. ОДДИ-1 // Организационно-деятельностные игры. М., 2006.

ⁱ В дальнейшем мы предполагаем продолжить более детальное исследование описанных В.Г.Будановым этапов синергетического моделирования в гуманитарной сфере.

10. Буданов В.Г. Конструирование сложности в антропной сфере // Синергетическая парадигма. М., 2011. С. 158-179.
11. Герасимова И.А. Неопределенность в познании и в социальных практиках // Эпистемология и философия науки. 2019. Т.56, №4. С. 8-20.
12. Бескова И.А., Касавин И.Т. Творчество // Новая философская энциклопедия. Т.4, М., 2001 С.18-20.
13. Алексеева И.Ю., Аршинов В.И. Информационное общество и НБИКС- революция. М., ИФ РАН, 2016.

**Философия индивидуации и творчество В.Т. Шаламова:
трансдуктивный генезис свидетеля**

Тимашов К.Н.

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Институт философии человека, Кафедра философской антропологии и истории философии, аспирант

timashovkn@yandex.ru

Аннотация: В докладе продемонстрирован теоретический потенциал философии индивидуации Жильбера Симондона для конвергенции естественнонаучного и гуманитарного знания. Доказывается тезис о когерентности трансдуктивного генетического метода и литературной рефлексии В.Т. Шаламова на примере концептов метастабильности, до-индивидуального и др. Осуществлена концептуализация лагерного опыта, претворённого им в рассказах и стихах, в свете проблемы индивида как большего, чем Одно. Противоположно В.Н. Порусу, усматривающего в свидетельстве Шаламова опыт Ничто, развивается идея В.А. Подороги и Б.М. Завьялова о письме как самопознании и исследовании. Особое внимание уделено персонажу, который переживает в лагере физическую и духовную деградацию, но затем восстанавливает силы и возвращается к творчеству. Выявленные уровни индивидуации открывают возможности анализа трудовых лагерей как сложностного феномена.

Ключевые слова: генезис, индивидуация, опыт, свидетель, Симондон, трансдукция, Шаламов.

**Philosophy of Individuation and Literary Works of V.T. Shalamov: Transductive Genesis of
The Witness.
Timashov K.N.**

Herzen State Pedagogical University of Russia, Institute of Human Philosophy, Department of Philosophical Anthropology and History of Philosophy

Abstract: This paper demonstrates the theoretical potential of the philosophy of individuation that was developed by Gilbert Simondon and makes possible the convergence of science and humanities. It proves the coherence of the transduction genetic method and Varlam Shalamov's reflective literary work with the reference to such concepts as metastable and pre-individual. The camp experience in his writings is analyzed in the light of the problem of individual as more than One. In opposition to V.N. Porus, who reads the testimony of Shalamov as a description of experience of Nothing, this analysis seeks to intensify V.A. Podoroga's and B.M. Zavyalov's idea of the writing as self-knowledge and search. Particular attention is paid to the character, who survives in the camp in spite of his physical and spiritual degradation and returns to creativity. Identification of the levels of individuation provides a possibility to the analysis of the labor camps as a complex phenomenon.

Keywords: genesis, individuation, experience, Shalamov, Simondon, transduction, witness.

В рамках философии сложности актуализируется необходимость разработки подходов, создающих возможности для конвергенции естественных и гуманитарных наук. В этой связи большой интерес представляют философские стратегии французского мыслителя второй половины XX в. Жильбера Симондона. Он разработал фундаментальную онтологию становящихся систем и метод их познания, обратившись к термодинамике, квантовой механике, кибернетике, а также психологии, социологии и др. Далёкие от метафорической трактовки, такие термины как фаза, потенциал и др. получают у Симондона глубокое наполнение, реализуя теоретический потенциал современной науки и обновляя философский язык.

Предметом рефлексии Симондона является индивид, трактуемый весьма широко, охватывая физическую, биологическую, психическую, социальную и техническую реальности. Оригинальность Симондона проявляется не столько в разграничении указанных уровней, а в концептуализации отношений, существующих между индивидом, средой и тем, что он называет *до-индивидуальным*. Эта мысль направляется призывом «познавать индивида через индивидуацию, а не индивидуацию исходя из индивида» [1, р. 24]. Именно поэтому на первый план выдвигаются *стратегии осмысления генезиса индивидов, их становления как всегда большего, чем единое*. В то же время, им продумыва-

ются пути создания модели культуры, в которой была бы возможна коммуникация указанных уровней как *реальность отношений* — в рамках философской стратегии «генетического энциклопедизма» [2, р. 27].

Для Симондона характерно стремление к удержанию смысла *становления как трансдуктивного процесса*, поэтому он расходится как с экзистенциалистскими стратегиями, которые склонны усматривать в не-бытии Ничто, так и со структуралистским редукционизмом. Я.И. Свирский, подчёркивая центральную значимость термина «трансдукция» в онтологии и гносеологии Симондона, считает, что «трансдукция может быть понята как *операция создания основания*, не предусматривающая априорное *субстантивное основание*» [3, с. 66].

Одновременно с этим, в поле современной философской рефлексии активно включаются литературные тексты, трактуемые как свидетельства, но не в юридическом смысле этого слова: из пьес и романов С. Беккета выходит такой концептуальный персонаж как «исчерпанный» (Ж. Делёз), из текстов П. Леви – «*homo sacer*» (Дж. Агамбен), из поэзии русских модернистов – «свидетель зияния» (Я.И. Свирский) и др. А.А. Грякалов в своей рефлексии над творчеством русских писателей обращается к теме «свидетельств утверждения» [4]. Интересен тот факт, что здесь концептуализация опыта диагностирует *отсутствие как формального, так и субстанциального априорного основания субъективации*.

К этому ряду может быть отнесено и творчество В.Т. Шаламова. Его прозаический цикл «Колымские рассказы» и поэтический сборник «Колымские тетради», несмотря на глубокий трагизм, заряжены энергией утверждения. По признанию их автора, эти тексты не следует воспринимать как воспоминания, поскольку они есть, как он пишет в одном письме, «попытка разгадать самого себя на бумаге, выворотить из мозга, осветить какие-то дальние уголки» [5, с. 136]. В то же время, он отмечает, что ««Колымские рассказы» — попытка поставить и решить какие-то важные нравственные вопросы времени, вопросы, которые просто не могут быть разрешены на другом материале» [5, с. 108]. *Труд Шаламова обретает свою завершенность не в описании-припоминании, а в самопознании и осмыслении своего опыта*.

Многообещающей представляется та перспектива, которую задаёт В.А. Подорога, когда утверждает, что Шаламов «изучает себя как доходягу» [6, с. 120]. Такая установка всё ещё редка, но именно познание «колымчанина» через схватывание его опыта подводит нас к пониманию вопросов и ответов, поднятых творчеством писателя.

Прибегнув к разграниченным Симондоном уровням индивидуации на физическую, биологическую, психическую, социальную, а также техническую, можно с удивлением обнаружить их корреляцию с проблемами, над которыми размышлял Шаламов. Прибегая вслед за Симондоном к терминологии термодинамики, можно констатировать далёкую от равновесия *метастабильность индивидов, населяющих систему колымских лагерей сталинского времени*: «здесь изображены люди в крайне важном, не описанном ещё состоянии, когда человек приближается к состоянию, близкому зачеловечности» [5, 487].

В «Колымских рассказах» перед нами предстаёт серия картин лагерной жизни с довольно хаотичным сюжетом. При этом ясно вырисовывается цельная фабула: депортация на Колыму молодого поэта («Причал ада»), где он переживает крайний упадок духовных и физических сил, причиной которому изнурительный труд, холод, голод, болезни, побои («Тифозный карантин»), несмотря ни на что «воскресает» («Сентенция»), возвращается к поэтическому творчеству («Тропа») и в конце концов уезжает («Поезд»). Именно поэтому трудно согласиться с В.Н. Порусом, который считает, что «лагерная проза Шаламова — скорбная песнь о духовной смерти», что «ни о каком сопротивлении — физическом или духовном — нечего и думать» [7, с. 47]. Напротив, Б.М. Завьялов усматривает в опыте Шаламова «поиск опоры», которая бы не дала пасть в «за-человечность», под которой он понимает «переход границы, за пределами которой ставится под вопрос сама возможность человеческого» [8, с. 108]. Остаётся всё же не ясным, как именно реализуется эта человеческая свобода в нечеловеческих условиях.

Здесь оказывается полезным генетический метод Симондона, применённый к познанию генезиса индивида-персонажа. Познавая вернувшегося к жизни «доходягу», мы не можем прийти к пониманию его индивидуальности через дедуцию «человеческого», даже противопоставив его «за-человеческому». Не более продуктивным оказывается путь индукции, который привёл бы нас путём накопления знания

о «доходяге» к некоторому обобщению. Симондон утверждает, что индивид не предшествует своей индивидуации — ни как изначальная субстанция, ни как заданная цель. Единственно возможное — познавать индивидуацию, *трансдуктивный генезис системы в метастабильном состоянии, в котором основание не предшествует становлению.*

Глубинная интуиция физической индивидуации «доходяги» звучит в словах Шаламова «человек живет в силу тех же самых причин, что живет дерево, камень, собака» [9, с. 209]. Поэтому его герой обнаруживает своё родство с лиственницей и стлаником. Эти «силы» того же порядка, что и потенциал до-индивидуального, реализующийся в термодинамических системах. При этом, в отличие от физических, биологические процессы не стремятся к пределу равновесия: для организма это гибель, наподобие описанного в «Шерри-Бренди» слабого мерцания угасающей на этом пределе исчерпанной жизни.

В вопросе о связях между психикой индивида и коллективом Симондон удерживается как от психологизма, так и от социологизма [10, с. 24]. Вводя концепт транс-индивидуального, он очерчивает поле отношений, которые не в полной мере предшествуют индивидам как членам коллектива, но являются единством отношения внутренне-внешнее как *отношение отношений*. Во почему нельзя принять онтологизацию зла, которая приводит российского исследователя к выводу о том, что «устроители [колымского] ада знали, что он создаётся не только и не столько насилем одних людей над другими, (...) его возможность укоренена в антропологических глубинах, заключена в самом человеке» [7, с. 53]. В действительности, *лагерник не предшествует лагерной реальности, но его индивидуацию невозможно мыслить вне её.*

Как показывает рассказ «Тачка II», уровень технической организации лагеря, механизация труда и организованная конкуренция между лагерниками в условиях навязанного дефицита ресурсов индивидуирует трудовые отношения. Между заключёнными устанавливаются метастабильные межиндивидуальные отношения, которые во многом инвестированы как внешним (организация труда, лагерная иерархия, ранжирование по статьям), так и внутренним (принципиальность отказывающихся работать «троцкистов», моральная стойкость сектантов, руководство «законами» представителей блатной субкультуры). На уровне коллективной индивидуации осуществляется этика Шаламова, обретается та «опора», в чём-то созвучная кантовскому императиву: «я не буду добиваться должности бригадира, дающей возможность остаться в живых, ибо худшее в лагере — это навязывание своей (или чьей-то чужой) воли другому человеку, арестанту, как я» [9, с. 77].

Данный анализ подводит нас к глубинному истолкованию смысла названия «Колымских рассказов», в котором звучит наименование реки: замерзающий и тающий стихийный поток оказывается символом метастабильного состояния, текучих потенциалов в индивиде, и который наделяет систему способностью к фазовому переходу и трансдуктивной коммуникации между до-индивидуальным и транс-индивидуальным уровнями.

Литература:

1. Simondon G. L'individuation à la lumière des notions de forme et d'information. Grenoble: Jérôme Millon, 2013. 563 p.
2. Barthélémy J.-H. Simondon. Paris: Les belles lettres, 2016. 269 p.
3. Свирский Я.И. Трансдукция как способ междисциплинарной конвергенции // Идеи и идеалы. 2019. № 2-1. С. 63-78.
4. Грякалов А.А. Топос и субъективность: свидетельства утверждения. М.: Наука, 2019. 568 с.
5. Шаламов В.Т. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. 605 с.
6. Подорога В.А. Время После. ОСВЕНЦИМ и ГУЛАГ. М.: letterra.org; Логос, 2013. 172 с.
7. Порус В.Н. По ту сторону человеческого? // Поезд Шаламова. Проблемы российского самосознания: судьба и мировоззрение В.Т. Шаламова (к 110-летию со дня рождения). Материалы 14-й Международной научной конференции Института философии РАН с регионами России (Москва, 15 июня 2017 — Вологда, 17-18 июня 2017 г.) / Отв. ред. С.А. Никольский. М.: Голос, 2017. С. 44-58.
8. Завьялов Б.М. Антропология В.Т. Шаламова: поиск точки опоры // Там же. С. 108-118.
9. Шаламов В.Т. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. 671 с.
10. Свирский Я.И. Отношение в перспективе индивидуации // Мир психологии. 2019. № 1(97). С. 13-25.

На пути к наблюдателю семиотической сложности

Аршинов В.И.

Институт философии РАН, главный научный сотрудник. Доктор философских наук

varshinov@mail.ru

On the way to the observer of semiotic complexity. Arshinov V.I.

Institute of Philosophy RAS

Аннотация: Всепроникающая цифровизация человеческого бытия коррелирует с экспоненциальным ростом его сложности. В этой связи остро встает проблема понимания, осознания человечеством своего эволюционного пути. Для это необходима новая концептуальная оптика, выработка новых знаний, новая междисциплинарная и трансдисциплинарная методология, ориентированная когнитивные практики работы с эволюционирующей сложностью как развертывающегося во времени разнообразия с сохранением внутреннего единства во всех ее (сложности) измерениях-индивидуальном, социальном и культурным, естественным и искусственным. Сложности, которая исключает редукцию к любому из своих аспектов, будь то естественно-биологический или же искусственно-цифровой. Выдвигается абдуктивное (смысле Пирса) предположение, что эвристический потенциал концепта сложности может быть значительно усилен, будучи коммуникативно сопряженным с «полиокулярной» оптикой парадигмы семиотической сложности.

Ключевые слова: сложность, цифровая реальность, междисциплинарность и трансдисциплинарность, семиотический наблюдатель сложности, эмерджентность

Техногенная цивилизация наших дней вступает, видимо, в завершающую стадию своей эволюции, непосредственно связанной с перспективой всепроникающей глобальной цифровизацией всех аспектов человеческого и нечеловеческого бытия. Осознание реальности этой перспективы остро ставит вопрос, который можно кратко сформулировать словами названия недавно вышедшей в русском переводе книги физика и космолога Макса Тегмарка: «Жизнь 3.0 Быть человеком в эпоху искусственного интеллекта». [1] Действительно искусственный интеллект (ИИ) является своего рода символом, кульминацией эволюции техногенной цивилизации с порождаемой ею всеобъемлющей цифровой реальностью, которая, в свою очередь, становится реальностью виртуальной, дополненной и пугающе непонятной, магической, и в конце концов — нечеловеческой в том смысле, что в этой реальности таится угроза полного исчезновения, или, во всяком случае, утраты исконо человеческого начала. И в этом очевидно «бифуркационном» контексте выбора дальнейших путей своей эволюции, выбора «быть или не быть», со всей остротой встает проблема понимания, осознания человечеством своего эволюционного пути, общим вектором которого является рост сложности как развертывающегося во времени бытийного разнообразия с сохранением внутреннего единства во всех его (сложности) измерениях-индивидуальном, социальном и культурным, естественным и искусственным. Речь идет об осознании качественно новой, эмерджентной онтолого-эпистемической ситуации коэволюционирующей сложности, которая исключает редукцию к любому из своих аспектов, будь то естественно-биологический или же искусственно-цифровой. И эта проблема осознаваемого понимания человеком самого себя в контексте собственного развития требует не только обращения к накопленной веками эволюционной мудрости, но и выработки новых знаний, создаваемых совместными междисциплинарными усилиями всех наук: естественных, технических, социальных и гуманитарных. Но для этого, помимо прочего, нужна и новая, ориентированная на конструктивно осмысленный концепт сложности междисциплинарная и трансдисциплинарная методология. По нашему мнению когнитивный потенциал этого концепта может быть значительно усилен, будучи сопряженным с «полиокулярной» оптикой парадигмы сложности в смысле Э. Морена [2]. Эта оптика порождает многомерный онто-эпистемический ландшафт множественных реальностей, онтологий, эпистемических перспектив, конструктивно схватываемых в посредством введения множества наблюдателей сложности как семиотически связанного многообразия операторов наблюдения в том смысле, в каком это предполагается Спенсером-Брауном в его «Законах формы». Тем самым онто-эпистемический ландшафт в оптике сложности становится субъект-ориентированным,

конструируемым и одновременно семиотизированным. При этом важно отметить, что так осмысленный сложностно-семиотический мульти-перспективизм выступает своеобразной платформой сетевой сборки, конвергенции гуманитарных, социальных и естественно-научных методологий. Сборки, избегающей крайностей как монодисциплинарного редукционизма, так и плюралистического релятивизма. Тем самым наблюдатель сложности становится темпоральной сетью наблюдателей эмерджентных процессов коэволюции человека, общества и техногенно семиотизируемой ими окружающей среды. В соответствии с основными принципами мышления в сложности выстраивается концепт онто-эпистемического ландшафта, понимаемого в качестве многомерной, расслоенной семиотико- цифровой среды (Умвельта) означенных и ценностно нагруженных аффордансов. Ситуация здесь аналогичная той, что имеет место в квантовой механике, где наблюдаемые квантовые феномены неотделимы от наблюдающей их системы приборов и сетевых сознаний квантовых наблюдателей множества вселенных. Важным моментом в реализации такого рода подхода является обращение к творческому наследию Ч.С.Пирса, его концепции знака как динамического рекурсивного процесса и семиозиса как становящейся сети знаков. В свою очередь концепция знака Пирса, как и вообще вся его философия с необходимостью предполагает интерпретацию его интерпретанта как семиотического наблюдателя сложности. В контексте этой интерпретации (быть может несколько спекулятивно), открывается возможность мыслить семиозис как эмерджентный процесс, в основе которого лежит логика абдуктивного вывода, рекурсивно сопряженная с дедуктивными и абдуктивными умозаключениями. А сам семиотизированный наблюдатель сложности становится наблюдателем предвосхищаемого будущего. Обращение к семиотике Пирса и концепту абдукции как особого логического вывода (наряду с индукцией и дедукцией) в контексте нашего рассмотрения обусловлено так же и тем, что его идеи находят применение в современных проектах нейросетевого (нейроморфного) компьютеринга. И в этом случае абдуктивный семиотизированный наблюдатель предполагает введение еще одного важного концепта, а именно аффорданс. Этот термин был введен психологом Гиббсоном в широко известном труде «Экология восприятия» [4]. Этот термин довольно многозначен и может быть переведен как зывание вещи, предмета, знака и т.д к действию субъекта-наблюдателя. Современным примером может служить графический интерфейс компьютера, где главный сенсо-моторный инструмент это мыш-курсор, наводимый на зывающий ко мне объект на экране. При всем различии вкладов экологической, телесно воплощенной и знакативистской теорий познания все они так или иначе подчеркивают «точку зрения самого организма» понимаемого, в свою очередь, как интенциональный центр осмысленного поведения. Вследствии такого, по сути мультиперспективистского подхода в когнитивных науках мир раскрывается как множество аффордансов, то-есть возможностей действия, к которому зывают воплощенного семиотического наблюдателя вещи, знаки и всякого рода естественные и искусственные творения, населяющие его экологическую нишу. Или—Умвельт, жизненный мир. В этом же контексте заново возникают понятия «ландшафт» аффордансов и поле релевантных аффордансов. При этом под ландшафтом аффордансов имеется ввиду целостный ансамбль аффордансов, доступных для той или иной популяции в данной среде. Понятие ландшафта соответствует тому, что в биологии и антропологии называется «нишей». Наконец, цифровые медиа, будучи чрезвычайно гибкой формой материальности, открыты растущему использованию аффордансов в цифровых и социальных исследованиях. Цифровые медиа и их пользователи могут мыслиться как стабильные сборки (ассмбляжи), где аффордансы играют ключевую роль узлов, вокруг которых возникают новые межличностные взаимодействия и новые эмерджентные отношения с другими личностями. В этой связи можно представить, что для каждой эмерджентной цифровой платформы имеются некоторые базовые аффордансы, которые образуют их онтологические основания. А так же возникающие (эмерджентные) аффордансы, которые могут или не могут быть актуализированы в зависимости от интерактивной активности пользователя. В этом месте рассуждений встает вопрос о цифровом дизайне новых Умвельтов как новых мультиперспективных ландшафтов, а так же о возможностях их (коммуникативной) связанности между собой посредством такого концептуального персонажа каковым является сетевой наблюдатель семиотической сложности.

Литература:

1. Тегмарк М. Жизнь 3.0 АСТ, 2019. 553 с.
2. Морен Э. О сложности. М.: Институт общегуманитарных исследований. 2019, 283 с.
3. Гибсон Дж. 1988. Экологический подход к зрительскому восприятию. М.: КоЛибри 1988. 383 с.

Философия трансдисциплинарности: парадоксальность рефлексивно-рекурсивных субъект-объектных отношений постнеклассики.

Кнященко Л.Н.

Институт философии Российской академии наук, ведущий научный сотрудник. Доктор философских наук

larisakiyashchenko@gmail.com

В статье предпринимается попытка осмыслить вопросы, которые возникают в связи с распространением трансдисциплинарных стратегий в философии науки постнеклассического типа. И прежде всего это вопросы к актуализации рассмотрения трансдисциплинарности, как феномена, иерархически сопряженного с междисциплинарной формой человеческой деятельности, которая в статье рассматривается, как эвристическая праоснова современной стилистики философствования. Она опирается и одновременно уточняет, переопределяет через фильтр решаемых экзистенциальных проблем общепринятые положения и законы дисциплинарных знаний, используя парадоксальность рефлексивно-рекурсивных субъект-объектных отношений постнеклассики. Философия трансдисциплинарности ориентирована на отслеживание совместного становления, как предмета проблемной области междисциплинарного исследования, так и его метода, вбирающего в себя, помимо дисциплинарных ограничений, искусство научного поиска в отношениях между субъектом и объектом. В тенденции нередуцируемые усложнения рекурсивного схематизма в постнеклассическом варианте неизбежно выходят на уровень неклассических форм рефлексивного осознания необходимости философского «непритязательного» обобщения действий наблюдающего и поступающего субъекта, реализующего жизненную установку и нравственные убеждения исследователя в его становлении личностью. Современная философия, ориентирована на нередуцируемую сложность объекта познания, на актуальные проблемы и практики жизненного мира. Перед нею стоит задача контекстного и в тоже время конкретного определения не силовых взаимодействий между субъектом и объектом, основанных на возникающих кооперативных и эмерджентных эффектах трансдисциплинарности в горизонте мировоззренческих перспектив.

Ключевые слова: междисциплинарность, трансдисциплинарность, философия сложности, постнеклассика, рекурсивные отношения, неклассическая рефлексия

The philosophy of transdisciplinarity: the paradox of reflective-recursive subject-object relations of postnonclassics. Kiyashchenko L.P.

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

The article attempts to comprehend the issues that arise in connection with the spread of transdisciplinary strategies in the philosophy of science of the post-non-classical type. And first of all, these are questions to the actualization of the consideration of transdisciplinarity, as a phenomenon hierarchically associated with an interdisciplinary form of human activity, which in the article is considered as the heuristic basis of modern philosophizing stylistics. It is based and at the same time refines, redefines the generally accepted provisions and laws of disciplinary knowledge through a filter of existential problems to be solved, using the paradox of reflective-recursive subject-object relations of post-non-classics. The transdisciplinarity philosophy is focused on tracking the joint formation of both the subject of the problem area of interdisciplinary research and its method, which incorporates, in addition to disciplinary restrictions, the art of scientific research in the relationship between subject and object. In the trend, the irreducible complications of recursive schematism in the post-non-classical version inevitably reach the level of non-classical forms of reflexive awareness of the need for a philosophical “unpretentious” generalization of the actions of the observing and incoming subject, which implements the researcher’s life orientation and moral convictions in his becoming a personality. Modern philosophy, focused on the irreducible complexity of the object of knowledge, on current problems and practices of the life world. Its task is the contextual and at the same time concrete definition of non-force interactions between the subject and the object, based on the emerging cooperative and emergent effects of transdisciplinarity in the horizon of world-view perspectives.

Keywords: interdisciplinary, transdisciplinarity, complexity philosophy, postneclassics, recursive relationships, non-classical reflexion

Логиновская Ю.В.

Национальный исследовательский Томский государственный университет, магистрант.

urucel@yandex.ru

Аннотация: Вопросы будущего человечества и планеты содержат в себе угрозы и перспективы. В исследовании раскрыт подход к вызовам и перспективам будущего известного современного французского философа Бернара Стиглера. в котором представлено множество новых терминов: эпохе «антропоцена» противопоставляется «негантропоцен», утверждается необходимость «негэнтропии», а «негантропический потенциал» рассматривается как возможное решение вызовов будущего. Проведен анализ и сопоставление новых понятий, концепция Стиглера проанализирована с точки зрения постнеклассической методологии. Обозначены перспективы и точки роста в контексте тематики Конгресса: идеи индивидуализации и полицентричности, возможные способы нахождения решений в полицентричном мире.

Ключевые слова: эволюция, будущее, антропоцен, негантропоцен, саморазвивающиеся системы, сознание, потенциал, полицентричность

Современный мир стоит у тонкой грани, когда излишнее влияние человеческой деятельности на облик планеты может быть как разрушающим, так и созидательным. Для созидательного функционирования целостной саморазвивающейся системы «человек-планета» необходимо сознание, способное отобразить (а также, вообразить и преобразить) процессы, происходящие в ней, с точки зрения участия в ходе эволюции. Согласно идеям глобального эволюционизма, «субъект входит в познаваемую им систему как активная составляющая этой системы <...> и в то же время субъект – участник эволюционного процесса («самосознание эволюции», по Э. Янчу), возникнув, он рекурсивным образом воздействует на все уровни иерархии природной целостности» [1, с. 91]. Таким субъектом, выполняющим интегрирующую, мирозидательную функцию, на наш взгляд, может выступить философское сознание и сообщество профессиональных философов.

Декларируемая философским сообществом идея полицентричного мира предполагает новую, более зрелую организацию человеческого общества, в которой философии отводится важнейшая роль формирования единого пространства смыслов, ценностей и открытий. Согласно В.А. Лекторскому, «философия имеет важную нормативную составляющую, которая задает будущие состояния, проектирует культурную и человеческую реальность», она не может не участвовать в понимании и трансформировании человека и мира [2, с. 34]. Вопрос только в том, насколько согласованно меняется мир природы и мир человеческий, а также внутренний мир человека, каковы необходимые критерии и перспективы такого взаимовлияния. Как отмечает И.В. Черникова, научно-технический прогресс привел нас к таким достижениям, которые ранее считались утопическими. «Перед нами открывается перспектива становления постчеловеческого будущего, постчеловеческой реальности и постчеловеческой цивилизации. Если прежде технологии были направлены на улучшение качества жизни, то теперь NBIC-технологии приоткрывают завесу тайны на пути к изменению человеческой природы» [3, с. 85]. Возможность воздействия человека на свою природу небезопасна и должна регулироваться этическими ценностями, устанавливающими границы такому вмешательству.

Полицентричность философских взглядов на перспективы развития человека и человечества кристаллизуются в новые философские концепции, которые условно можно отнести к системно-эволюционному подходу (по терминологии). Так, сложная проблема будущего в трудах известного современного французского философа Бернара Стиглера приобретает неожиданный ракурс: он анализирует вызовы эпохи антропоцена и разрабатывает альтернативную идею «негантропоцена» (по аналогии с «негэнтропией») [4].

Под термином «антропоцен» понимают неофициальное название новой геологической эпохи, в которой влияние деятельности человека становится тотально значимым фактором, стирающим границы природы и культуры и изменяющим состояние биосферы [5]. Бернар Стиглер рассматривает антропоцен как серьезную угрозу человечеству и природе и обозначает его (вслед за Леви-Строссом, пессимистически назвавшим антропологию «энтропологией») как «энтропоцен», подразумевая процесс нарастания энтропии из-за человеческой деятельности в огромных масштабах, угрожающих су-

ществованию живого на планете. Антропоцен в понимании Стиглера проявляется как «неустойчивый, мощный высокоскоростной процесс разрушения», выход из которого возможно найти лишь в возвращении к деавтоматизации труда и к индивидуализации человека. Причины возникновения данного процесса он связывает с пролетаризацией, автоматизацией и разрушением знаний. Автоматическое общество, построенное на технологиях и «больших данных», в понимании Стиглера, нежизнеспособно и энтропично, оно теряет свое органическое (природное) начало и, следовательно, не имеет будущего [6]. Угрозы будущего, связанные с технологическим развитием человеческого общества, требуют переоценки, выработки новых понятий и подходов.

Стиглер предлагает решение через формирование процесса, который поможет выбраться из «тупика космических измерений» и вводит понятие «негантропоцена». Влияние человеческого фактора критично для биосистемы планеты в том смысле, что воздействие на природу может быть не только разрушительно, но и созидательно. Необходимо заложить основания для перехода в новую эпоху, в которой воскреснет человеческая индивидуальность как основа развития общества и возобновится процесс постижения новых знаний, способных изменить ситуацию.

Сама идея «негантропоцена» Стиглера созвучна размышлениям космистов (В.И. Вернадского, П. Тейяра-де-Шардена и др.) о ноосфере, но он проецирует свою концепцию больше в область политической философии и видит способ избежать угроз будущего в необходимости создания эко-нейро-геополитики, сфокусировав внимание на новом ноэзисе [4, р. 81]. Стиглер утверждает, что человечеству необходимо обогащать нообразнообразие и усиливать негантропический потенциал каждого индивида, чтобы человек своими сознательными действиями способствовал снятию энтропии и организовывал жизньсообразно знанию. Настоящее знание является открытой системой, способной к деавтоматизации и негэнтропии, то есть, к саморазвитию. Обретение новых знаний является процессом, противостоящим хаосу. Если человеческий потенциал не развивается через постижение нового знания, система знаний, по Стиглеру, из открытой системы превращается в закрытую, что системно приводит к её исчезновению и нарастанию хаоса. Но именно человек способен снизить энтропию в природе. Таким ключом к решению проблем, согласно Стиглеру, является «негантропический» потенциал как потенциал нового знания, включающего знания-умения (преодолевать и не входить в хаос), жизненное знание («то, что обогащает и индивидуализирует общественную организацию, в которой человек живёт») и концептуальные знания, определяющие, что является негэнтропийным для человеческого существования [6].

Рассмотрим, как вписывается понятие «негантропического потенциала» в контекст постнеклассической науки и как оно связано с технологиями? Стратегия научного и технологического развития в постнеклассической методологии направлена на исследование сложных саморазвивающихся «человеко-размерных» систем. К таковым В.С. Стёпин относит такие сложные комплексы, как «человек – технико-технологическая система, плюс экологическая система, плюс культурная среда, принимающая новую технологию» [7, с. 79]. Преобразовательный процесс в современном обществе осуществляют высокие технологии с помощью техники, разрабатываемой человеком. Включение негантропического потенциала происходит в научно-исследовательском процессе на этапе разработки технологий. Важность момента в том, что в саморазвивающихся системах, согласно В. С. Степину, новая надстройка выполняет управляющую и преобразовательную функции: «когда появляется новый уровень иерархии, он обязательно меняет нижние уровни. Вплоть до того, что он накладывает ограничения на функционирование законов нижних уровней, таково условие целостности системы» [8, с. 10].

Однако, Стиглер высказывает опасения по поводу значения техники для будущего, вплоть до угрозы исчезновения самого будущего [9]. В книге Б. Стиглера «Техника и время» тема будущности объявляется главной: «объект данной работы – техника, рассматриваемая как горизонт всех будущих возможностей [à venir] и всех возможностей будущего [d'avenir]. В то же время, отсутствие будущего в современной эпохе объявлено как коллапс ориентации, который определяет наиболее экстремальный вызов мышлению в рамках этого горизонта: парадоксальным образом время должно открывать нам очевидность будущего [un avenir], но никогда ранее неминуемая опасность невозможности наступления будущего [à venir] не была настолько острой [10]. Опасения Стиглера заключаются в том, что скорость развития техники обгоняет скорость развития культуры. Развивая идеи Ж. Дерриды, А. Леруа-Гурана и Ж. Симондона, он рассматривает жизнь в целом как отрицательную энтропию или негэнтропию и техническую жизнь, в частности, как «усиленную, гиперболическую форму негэнтропии, не органическую, а органологическую». При этом идёт непрерывное развитие форм жизни через

преобразование, в ходе которого техника, в свою очередь, формирует человека. Роль техники будущего понимается в двух смыслах: как техника, которая грядет, которая возникнет в будущем и ляжет в его основу; и как техника производства будущего [9, с. 120].

Наращивание негантропологического потенциала обусловлено трансформационной способностью знаний к бесконечности вариантов развития. «Негантропологическая функция разума в конечном итоге состоит в возможности открытия бифуркаций, которые могли бы быть не просто вероятностными, но крайне невероятными» [4, р. 31].

В нашем понимании предложенное Стиглером понятие «негантропический потенциал» входит, по сути, в понятие «творческий потенциал» или даже «эвристический потенциал» человеческого сознания, устанавливающего новый порядок и открывающий новые пути развития. Он реализуется в художественном и научном творчестве, в осознанном выстраивании отношений, в познавательной и исследовательской деятельности. Индивидуализация человечества, упоминаемая Стиглером, сопрягается с идеей полицентричности, заложенной в основу современного философского сообщества, в которой каждый индивид способен выступить центром изменений.

Идея полицентричности видится как способ обозначения многомерности, заложенной в возможностях человеческого духа. «Центричность» предполагает наличие в каждом человеке не просто наблюдателя, а внутреннего центра принятия решений, с уникальными когнитивными и творческими возможностями. Таким источником нового в человеке является именно его творческий потенциал и наработанное сознание, способное не просто пассивно отображать происходящие в реальности процессы и явления, а преобразовать и раскрывать новые мерности бытия.

Таким образом, перспективы нахождения созидательных решений для будущего находятся в раскрытии новых измерений, которые в постнеклассической методологии задаются именно активным соучастием человека в эволюционных процессах. Современная эпистемология рассматривает социальные взаимодействия как источник нового. Человеческое самосознание как творческий центр взаимодействий способно это новое увидеть, воспринять и запустить в развитие. Что может выступить основным условием осуществления эффективных взаимодействий в ситуации полицентричности, где каждый обладает эвристическим потенциалом? Резонанс как согласие, поддержка и вовлечённость в поиск единого пути развития, запускает коэволюционное движение в общем поле взаимодействий. Резонанс достигается через общие этические ценности, через культуру общения и достижения внутреннего согласования точек зрения. Он даёт возможности выхода к новым, неожиданным и парадоксальным решениям за счёт эффекта синергии и совместной созидательной работы.

В поле межкультурных полицентричных взаимодействий каждая предлагаемая точка зрения или точка наблюдения может стать творческим центром – точкой преобразования и нового развития темы, идеи или проекта. Через такую творческую, преобразующую работу сознания происходит прирост потенциала всех участников процесса взаимодействий, а также развитие, обогащение и обновление когнитивных структур самого человека. В итоге происходит приращение творческого потенциала (негантропического в терминах Стиглера), формируются новые мерности сознания, охватывающие всё более возрастающую сложность мира, и это даёт возможность найти решение актуальных вопросов.

Литература:

1. Черникова И. В. Когнитивные аспекты сложности / Черникова И. В., Черникова Д. В. // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 4 (20), вып. 1. С. 91-98.
2. Лекторский В.А. Философия как понимание и трансформирование // Человек в мире знания: К 80-летию Владислава Александровича Лекторского / Отв.ред.-сост. Н.С. Автономова, Б.И. Пружини; науч.ред. Т.Г. Щедрина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 31-40
3. Черникова Д. В. Когнитивные технологии: перспектива социального развития VS утопия трансгуманизма / Д. В. Черникова, И. В. Черникова // Сибирский психологический журнал. 2013. № 47. С. 85-94.
4. Stiegler B. The Neganthropocene / Ed., trans., introd. by D. Ross. London: Open Humanities Press. 2018. 349 p.
5. Исбернен Л-Р., Лена Ф. Антропоцен: научные споры, реальные угрозы // Курьер ЮНЕСКО. 2018. №2. URL: <https://ru.unesco.org/courier/2018-2>
6. Stiegler B. Escaping the Anthropocene / Trans. by D.Ross. Durham University. 2017. URL: https://www.academia.edu/35202183/Bernard_Stiegler_Escaping_the_Anthropocene_2017_
7. Стёпин В.С. Конструктивные и прогностические функции философии // Человек в мире знания: К 80-летию

Владислава Александровича Лекторского / Отв.ред.-сост. Н.С. Автономова, Б.И. Пружини; науч.ред. Т.Г. Щедрина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 70-98

8. Философия управления сложностью в условиях конвергенции социогуманитарных и естественно-научных знаний материалы «круглого стола» / В. И. Аршинов, И. Ю. Алексеева, В. Г. Буданови др. // Философия науки и техники. 2017. Т. 22, № 1. С. 5-29.
9. Кучинов Е.В., Закаблукковский Е.В. Техника будущего (Симондон, Гваттари, Брайант, Стиглер) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). Тамбов: Грамота, 2016. № 8. С. 120-126.
10. Stiegler B. Technics and Time. V.1. The Fault of Epimetheus. Stanford. 1998. 316 p.

Измерение ценности любви в контексте междисциплинарных исследований сознания

Бубновская О.В.

Дальневосточный федеральный университет, Школа искусств и гуманитарных наук, департамент психологии и образования, доцент. Кандидат психологических наук

bubnovskaia.ov@dvfu.ru

Леонидова В.В.

Дальневосточный федеральный университет, Школа искусств и гуманитарных наук, департамент философии и религиоведения, директор. Кандидат философских наук

leonidova.vv@dvfu.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме измерения ценности любви в контексте современных междисциплинарных исследований сознания. Любовь рассматривается не только как этическая и метафизическая категория, но также как комплекс когнитивных представлений и эмоциональных переживаний, которые можно зафиксировать и проанализировать при помощи современной научной методологии и инструментов измерения. Приводятся данные междисциплинарного исследования значимости и доступности для человека сферы любви, полученные при помощи психодиагностической методики и психофизиологических измерений с использованием полиграфа. Сделан вывод о том, что применение субъективных и объективных методов исследования сознания позволят глубже понять как соотношение когнитивных и чувственных сторон человеческого сознания, так и основы функционирования человека в жизненно важных сферах, которые в философии считаются недоступными для эмпирических аналитических процедур.

Ключевые слова: любовь, ценность, измерение, философия, психология, нейронауки, сознание

**Measuring the value of love in the context of interdisciplinary research of consciousness.
Bubnovskaia O.V.; Leonidova V.V.**

Far Eastern Federal University, School of Arts and Humanities: Department of Psychology and Education for Development, Department of Philosophy and Religious Studies

Abstract. The article is devoted to the problem of measuring the value of love in the context of modern interdisciplinary research of consciousness. Love is considered as a set of cognitive representations and emotional experiences that can be recorded and analyzed using modern scientific methodology and measurement tools. The data of psychological and psychophysiological research of the significance and accessibility of the sphere of love for a person, obtained using the method "The level of the ratio of value and accessibility in various spheres of life" and the use of a polygraph, are presented. It is concluded that the use of subjective and objective methods of consciousness research will allow a better and deeper understanding of the relationship between the cognitive and sensory aspects of human consciousness, as well as the basics of human functioning in vital areas that in philosophy are considered not available for empirical analytical procedures.

Keywords: love, value, measurement, philosophy, psychology, neuroscience, consciousness

В настоящей статье на примере анализа значимости сферы любви для человека показаны возможности современной междисциплинарной интерпретации философской проблемы соотношения сознания и тела с учетом результатов конкретных психофизиологических исследований и достижений нейронаук.

Экзистенциал любви является важнейшей характеристикой человеческой жизни с точки зрения ее полноты и осмысленности. В философии она является одной из ключевых категорий онтологических, антропологических и этических учений, выражая наиболее сильные нравственные и эмоциональные

качества человеческой личности и характеризуя творческое проявление абсолюта в бытии.

В истории философской мысли категория любви рассматривалась во взаимосвязи с такими понятиями как эрос, пол, телесность, брак, семья, считаясь безусловной ценностью и абсолютным благом в учениях идеалистического толка. Являясь эмоциональным началом и ассоциируясь с велением сердца, она часто составляет оппозицию разуму как рациональному началу. Также известны этические оппозиции «любовь-ненависть», «любовь-долг».

Несмотря на то, что у любви есть эмпирические проявления, включая половые отношения и брак, она во многом является идеалом (например, платоновское учение об Эросе [1], учение о Софии в русской религиозной философии [2]), достижение которого сопряжено с преодолением ее эмпирических смыслов.

Современные гуманитарные науки о человеке также признают любовь одной из значимых сфер человеческой жизни [3,4], но в отличие от классического философского знания наука утверждает возможность измерения любви при помощи конкретных эмпирических методов. Конечно, «измеряется» не сама любовь как метафизический феномен, а ее психофизиологические проявления, по которым можно судить о том, насколько значимой она является для человека.

Классические философские идеи о ценности любви, сформулированные еще в античности [5], являются актуальными и для современного гуманитарного знания, но сегодня философские представления можно дополнить оценкой значимости любви и ее составляющих для конкретного человека с учетом его когнитивных процессов и эмоциональных переживаний.

Поскольку речь идет о значении любви в жизни человека, рассмотрим ее психологические и психофизиологические компоненты. Человек имеет представления о любви (когнитивный компонент), чувства, сопровождающие любовь (эмоциональный компонент), реакции на любовь (поведенческий компонент). Соотношение когнитивных и чувственных (эмоциональных) сторон человеческой личности является традиционной проблемой философской гносеологии, которая приобрела наибольшую остроту в дуалистической концепции сознания Р. Декарта [6], противопоставившего их. Современные нейронауки и нейрофилософия, отвергая классический субстанциальный дуализм, пытаются предложить более тонкие решения проблемы сознания, находя корреляции между феноменами мысли и их материальным субстратом [7, 8]. И хотя эти решения далеки от окончательных, они помогают лучше понять, как взаимодействуют идеальная и чувственная стороны человеческой личности.

Так, важнейшими положениями современной нейронауки, которые необходимо принять во внимание в контексте нашего исследования, являются следующие [9,10]:

- в основе сознания лежит физическая реальность;
- сознание является субъективной реальностью, но оно не сводимо к так называемому квали-индивидуальному, уникальному содержанию сознания, выражающемуся в отчете от первого лица;
- связь между сознанием и мозгом является функциональной, подобной отношению между информацией и ее носителем [9, с. 32-36];
- признание возможности сведения феноменов сознания к физическим, нейробиологическим, химическим процессам [10, с. 267].

Если принять во внимания данные тезисы, то для понимания любви важно не только представление о любви и оценки индивида своего состояния, но и фиксация переживания этого чувства.

Учитывая, что субъективная реальность сознания имеет физический субстрат, который поддается эмпирическому наблюдению и измерению, проявления сознательной жизни субъекта можно изучить, опираясь не только на данные самоописания, но и зафиксировав психологические, физиологические и иные реакции человека на стимулы, связанные с его отношением к жизненно важным сферам. При этом полученные с помощью триангуляции субъективных и объективных методов познания данные позволяют судить не только о конкретных вопросах жизнедеятельности человека, но и вносят вклад в решение классических философских проблем.

В нашем исследовании на примере эмпирического анализа значимости и доступности жизненно важной сферы – Любви, мы показываем возможность анализа субъективных и объективных оценок и их соотношения при изучении когнитивных и чувственных сторон сознания в их взаимосвязи.

Для определения «ценностного ядра» личности, значимости и доступности для нее жизненно важной сферы – Любви, мы использовали самооценочную психодиагностическую методику, основанную на методе парных сравнений – «Уровень соотношения ценности и доступности в

различных жизненных сферах (далее – УСЦД)» [11, 12], а также одновременную регистрацию с помощью полиграфа нескольких физиологических показателей при предъявлении визуального материала, отражающего жизненно важную сферу – Любовь. Полиграф предназначен для оценки достоверности сообщаемой информации и ее значимости для человека с помощью одновременной регистрации нескольких физиологических показателей: верхние (ВДХ) и нижние (НДХ) дыхательные пути; кожно-гальваническая реакция (КГР); фотоплетизмограмма (ФПГ) и плетизмограмма (ППГ); артериальное давление (АД); пульс (ЧСС).

В исследовании приняли участие студенты департамента психологии и образования Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, слушатели программ повышения квалификации в Дальневосточном федеральном университете, средний возраст – 34,2 года, женщины.

По процедуре исследования испытуемому необходимо попарно оценивать по критериям «ценность» и «доступность» жизненно важные сферы: Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком), Здоровье (физическое и психическое), Активная, деятельная жизнь, Материально-обеспеченная жизнь, Интересная работа, Познание, Счастливая семейная жизнь, Красота природы и искусства, Наличие хороших и верных друзей, Уверенность в себе, Свобода. При обработке полученных данных подсчитывается количество выборов по каждой сфере, определяется их значимость и доступность, вычисляется их рассогласование с определением внутренних конфликтов и вакуумов личности.

Психофизиологическое измерение включает ознакомительно-демонстрационное тестирование, замеры с помощью датчиков, фиксирующих психофизиологические изменения, а также психологическую консультацию по полученным результатам. Анализ полиграмм осуществляется путем автоматического компьютерного подсчета и качественной экспертной оценки. Полученные с помощью методики УСЦД и полиграфа результаты сопоставляются и анализируются, их интерпретация осуществляется с учетом имеющихся в современной науке данных о работе мозга и сознания человека, достижений нейронаук, улучшающих наше понимание работы мозга, что может существенно изменить устоявшиеся представления о сознании и поведении человека, включая восприятие самости, вопросы свободы воли и ответственности, любви, красоты, творчества и т.д.

На примере нашего исследования продемонстрировано, что субъективные представления и знания о жизненных сферах не всегда коррелируют с эмоциональными переживаниями человека. Самоописание человека в подобных исследованиях может быть искажено в силу желания испытуемого сохранить положительный социально-желательный «образ Я». Однако, измерение психофизиологических параметров, которое используется для предупреждения и контроля подобных aberrаций, показывает расхождение между содержанием самоописания и скрытыми за ним эмоциональными переживаниями. Это говорит о том, что сознание – не есть автономная идеальная субстанция, способная взять под абсолютный контроль мозг и порождаемые им когнитивные процессы и эмоциональные реакции.

В целом, введение и концептуализация психофизиологических данных о переживаниях любви углубляет саму концептуализацию любви, которой на протяжении веков занималась философия, поэтому нейрофилософия может быть новым шагом в понимании философии любви, а также других экзистенциалов, которые используются в философском знании для характеристики человека. Кроме того, изучение жизненно важных сфер может служить дополнительным материалом для развития нейрофилософии, которая зачастую основывается на данных изучения животных или патологических состояний (см., например, интервью П. Чёрчленд <https://postnauka.ru/video/66871>).

Итак, классическая философская проблема соотношения сознания и физической реальности может быть дополнена конкретными эмпирическими данными и интерпретирована с учетом представлений современных нейронаук о работе мозга. В целом, отметим, что для решения сложных онтологических и гносеологических вопросов сегодня необходим междисциплинарный подход, включающий гуманитарные и естественнонаучные методы исследования. Конечно, интеграция этих методов не приведет автоматически научное знание к нахождению окончательных ответов, но позволит увидеть новые аспекты обсуждения классических философских тем.

1. Платон. Пир // *Собрание сочинений в 4 т.: Том II / Под ред. Л.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; Примечания А.Ф. Лосева и А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. С. 81-135.*
2. Соловьев В.С. Смысл любви // *Избранные сочинения.* Ростов н/Д.: Феникс, 1998. С. 426-504.
3. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах / пер. с англ. В. Анурина. СПб.: Питер, 2004. 208 с.
4. Фромм Э. Искусство любить. М.: Педагог, 1990. 157 с.
5. Чанышев А.Н. Любовь в античной Греции // *Философия любви: В 2 ч. М., 1990. Ч.1. С. 44-46, 53-56.*
6. Декарт Р. Размышления о первой философии // *Сочинения в 2 т. Т.2./ пер. с лат. и франц. С. Я Шейнман-Топштейн и др., под ред. В.В. Соколова. М.: Мысль, 1994. С. 3-73.*
7. Деннет Д. Сладкие грёзы: чем философия мешает науке о сознании / пер. с англ. М. О. Кедровой; вступ. Сл. Д. Б. Волкова. М.: УРСС: Ленанд, 2017. 304 с.
8. Muang H.H. Dualism and its place in a philosophical structure for psychiatry // *Medicine, Health Care and Philosophy.* 2019. Vol. 22. P. 59–69.
9. Дубровский Д.И. Нейрофилософия и проблема сознания // *Актуальные проблемы нейрофилософии.* — 2015. Ежегодник. Материалы международного междисциплинарного семинара «Нейрофилософия» / Под ред. А.Ю. Алексеева, Д.И. Дубровского, В.Г. Кузнецова. М.: ИИнтелл, 2016. С. 28-39.
10. Ярославцева А.В. Измененные состояния сознания как предмет нейрофилософии // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке.* 2015. № 6. С. 265-278.
11. Фанталова Е.Б. Об одном методическом подходе к исследованию мотивации и внутренних конфликтов (на контингенте больных артериальной гипертензией и здоровых лиц) // *Психологический журнал.* 1992. Т. 13. № 1. С. 107-117.
12. Фанталова, Е.Б. Методика «Уровень соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах» // *Журнал практического психолога.* 1996. № 2. С. 32-37.

Зайцева Н.В.

*Всероссийская академия внешней торговли, кафедра гуманитарных и социальных наук, профессор.
Кандидат философских наук*

natvalen@list.ru

Аннотация. На примере амодального завершения — когнитивной процедуры восполнения скрытых частей до целостного восприятия предмета — продемонстрирована универсальная фундирующая роль встроенного телесно воплощенного механизма аналогизирующей апперцепции (аппрезентации). Изложение строится на сопоставлении эволюции концепции аппрезентации Гуссерля от второго тома «Логических исследований» через «Анализ пассивного и активного синтеза» к «Картезианским размышлениям» с современными данными когнитивной психологии и нейронауки.

Ключевые слова: аппрезентация, амодальное завершение, нейрофеноменология, когнитология, нейронаука, познание.

Neurophenomenological Interpretation of Amodal Completion. Zaitseva N.V.

Russian Foreign Trade Academy

Abstract: By the example of amodal completion — a cognitive procedure of reconstructing hidden parts of an object in order to complete perception — the universal grounding role of the built-in embodied mechanism of analogizing apperception (appresentation) is demonstrated. The presentation is based on a comparison of the evolution of the concept of Husserl's appresentation from the second volume of "Logical Investigations" through "Analysis Concerning Passive and Active Synthesis" to "Cartesian Meditations" with modern data of cognitive psychology and neuroscience.

Keywords: appresentation, amodal completion, neurophenomenology, cognitology, neuroscience, cognition.

В настоящее время происходит когнитивный поворот в науке, связанный с бурно развивающимися эмпирическими исследованиями мозга и не менее активно прогрессирующими концепциями сознания. Сознание, в силу своей специфики, оказалось объектом как естественнонаучного, так и гуманитарного спекулятивного знания. Установив взаимозависимость мозга, его нейроструктур с феноменами сознания, доступными в актах рефлексии, мы, казалось бы, должны с очевидностью осознать продуктивность взаимопроникновения философии и эмпирических наук, изучающих когнитивный опыт. Все чаще ученые, занимающиеся эмпирическими исследованиями в самых разных научных областях, обращаются к метафизике, поднимая в своих работах вопросы оснований мира и познания, сознания и морали, мышления и языка. Главная задача этой статьи — продемонстрировать, как возможно философское осмысление исследований в сфере когнитивной нейронауки. На примере нейрофеноменологической интерпретации амодального завершения будет показана фундирующая роль встроенного телесно воплощенного когнитивного механизма аналогизирующей апперцепции (аппрезентации), лежащего в основе, казалось бы, разноуровневых познавательных процедур: от типизации и категоризации до рассуждений и моделей обучения. Наиболее точное и последовательное исследование апперцепции было предложено основателем феноменологии Э. Гуссерлем.

Гуссерль непосредственно обращается к аналогизирующей апперцепции в «Картезианских размышлениях» в размышлении 5 «Раскрытие сферы трансцендентального бытия как монадологической intersубъективности», когда он сталкивается с проблемой alter ego и intersубъективности. Однако задолго до этого, практически сразу после «Логических исследований» в неопубликованных лекциях 1907 года «Вещь и пространство» [3], а также еще через десять лет в работе «Анализ пассивного и активного синтеза: лекции по трансцендентальной логике» [2], которые также не были опубликованы при его жизни, Гуссерль, можно сказать, создал задел для дальнейших исследований взаимосвязи ин-

терсубъективности и субъективности. Исследование этой темы предполагало ответы на ряд вопросов, среди которых первым и чрезвычайно важным является вопрос о том, как наше сознание конституирует вещь – «объект непосредственного опыта». По мнению Гуссерля, процесс конституирования есть переход от пассивности к активности, результатом которого является формирование объекта таким, каким он «дан» сознанию. Изначальный, пассивный синтез объекта предполагает новый ответ на старый, поставленный еще Кантом вопрос о том, на каком основании и каким образом мы принимаем несколько различных восприятий за восприятие одного и того же объекта. Для Гуссерля конституирование объекта, обеспечивающее восприятие объекта как целого, основано на общности его чувственно воспринимаемых сторон. В свою очередь, эта общность достигается благодаря специфическим ассоциациям, которые обеспечивают единство и разнообразие и включают удвоение, сходство, однородность, гетерогенность, слияние и контраст и т. д. Именно ассоциации, основанные на удвоении и сходстве, оказываются прообразом аналогизирующей апперцепции.

Исследуя проблему *alter ego* в «Картезианских размышлениях», Гуссерль отмечает, что Другое Я и его субъективный опыт не даны нам изначально и непосредственно, поэтому интенциональный опыт Другого характеризуется опосредованием, возникающим на основе «первопорядкового мира» и дающим возможность представить сознанию то, что само по себе не присутствует и никогда не может достичь самосущности. Речь идет, соответственно, о некоей *аппрезентации*. [1, с. 51]. Гуссерль показывает, что Другой конституируется как проекция меня самого. Эта проекция основана на более фундаментальной, низкоуровневой процедуре «подобия» между новым стимулом (другим телом в нашем случае) и объектом-образцом, воспринятым ранее. Эта аналогия поддерживает перенос смысла с объекта-образца на новый объект, соответственно типизируя последний. Так получает развитие идея осмысления как встраивания: даже физические вещи этого мира, впервые представленные, оказываются известными в отношении их типа.

Гуссерль пытается понять глубинную природу самой аппрезентации и исследует более низкоуровневую процедуру удвоения, фундаментирующую аппрезентативный перенос. Удвоение, проявляющееся как пара, а затем, в более общем случае, как группа или множественность, есть «универсальное явление трансцендентальной сферы», и в то же время это первичная форма ассоциации. При удвоении происходит взаимное пробуждение и наложение смыслов, связанных с членами пары. В наиболее выраженном случае это совпадение выражается как полное «подобие». В результате происходит передача смысла, основанная на парных данных, то есть сама апперцепция. Важно, что аппрезентация — это не рассуждение (по аналогии) и не логический вывод, это особая когнитивная процедура, выполняющаяся анонимно и автоматически.

Гуссерль различает различные виды аппрезентации. В частности, он говорит о «конкретной аппрезентации», которую он называет также «индикацией». Примером ее является восприятие следа, оставленного диким животным, которое говорит охотнику, что животное находится где-то поблизости, и таким образом указывает на его присутствие. Гуссерль вводит временной критерий различения апперцепций, на основе которого можно говорить о (1) «одновременной» апперцепции, (2) предвосхищающей, или перспективной, апперцепции, относящиеся к будущим событиям, и (3) ретроспективной апперцепции, относящейся к «припоминаемому» содержанию актов восприятия. Все это говорит о том, что аппрезентация лежит в основе актов самого разного качества и уровня, являясь фундаментальной универсальной когнитивной процедурой, связанной прежде всего с типизацией. Не нужно думать, что апперцепция обязательно подразумевает воображаемое темпоральное достраивание конкретного объекта. Распознавание предъявленного стимула есть скорее «достраивание» до типа, обусловленное реактивацией имеющегося образца, хранящегося в памяти. Аналогизирующую апперцепцию следует трактовать как пред-понимание, соответственно наделяя ее точечным, «вневременным» характером переживания.

Эта когнитивная процедура действительно является универсальным фундаментальным когнитивным механизмом, лежащим в основе когнитивного опыта не только человека, но и других животных. Ее задача, по-видимому, состоит в типизации мира, позволяющей избежать его бесконечного многообразия, в структурировании умвелта в соответствии со структурной организацией самого агента. Безусловно, такое понимание апперцепции расширяет наше определение познания, погружая его в контекст биологической адаптации и эволюции. Апперцепция свойственна животным, о протомышлении и протосознании которых мы все больше узнаем на основе экспериментальных данных. Животные имеют реальную онтологию, они, как и человек, живут в мире типизированных объектов. Кошка реагирует на мышшь как на тип!

Проявления аппрезентации можно обнаружить в самых разных областях: в категоризации и обучении на основе примеров, в формировании понятий и в риторических рассуждениях. Рассмотрим в качестве примера когнитивную процедуру амодального восприятия (амодального завершения). Термин «амодальное завершение» был введен Альбертом Мишоттом. Амодальное завершение – это способность воспринимать целостный (завершенный) объект, когда некоторые его части скрыты. Удобно иллюстрировать различие между модальным и амодальным завершением на примере треугольника Канижа. Мысленное достраивание треугольника на заднем плане, когда мы завершаем построение объекта, скрытого преградой, – это пример амодального завершения. Считается, что этот процесс происходит автоматически и бессознательно. Модальное завершение происходит, когда объект осознанно переживается как находящийся на переднем плане, как в случае восприятия белого воображаемого треугольника на схеме Канижа.

Амодальное завершение – это частный случай нашего обычного восприятия мира. Почти постоянно мы воспринимаем объект как целое, основываясь на неполной информации. Феномен амодального завершения весьма широко обсуждается в литературе. В частности, дискуссия о том, как оно представлено на нейронном уровне, еще далека от завершения. В связи с этим уместно упомянуть так называемую «гипотезу тождества», согласно которой модальное и амодальное завершение вызвано сходными механизмами.

Даже предложенное выше поверхностное описание амодального восприятия предполагает сходство между этой когнитивной процедурой и аппрезентацией Гуссерля. Прежде всего, следует отметить, что Гуссерль практически демонстрирует близость этих процедур при описании процесса познания и во втором томе «Логических исследований», и в работе «Анализ пассивного и активного синтеза», в которой на примере амодального восприятия стола делает чрезвычайно важное замечание: глядя на стол, я не просто вижу его сторону, на самом деле я воспринимаю *стол* как видимый с определенными сторонами!

Согласно современным исследованиям (см. работы [6] и [7], в которых приводится обширный обзор литературы) нейронные механизмы, ответственные за модальное и амодальное завершение, очень близки. В обоих случаях это участки первичной зрительной коры головного мозга. Как резюмирует автор [7], «с точки зрения нейронауки, модальное и амодальное завершение весьма схожи, если не эквивалентны». Такой вывод в поддержку гипотезы тождества находит свое подтверждение и при нейрофеноменологической интерпретации восприятия в духе Гуссерля. Как модальное, так и амодальное завершение основаны на встроенном телесновоплощенном когнитивном механизме, обозначенном Гуссерлем как аналогизирующая апперцепция, и относящемся к сфере пассивного синтеза. И в том, и в другом случае внешние различия вторичны по отношению к глубинной природе этой познавательной процедуры. Дополнительным свидетельством в пользу универсального фундаментирующего характера аппрезентации служат исследования познавательной активности животных, например, нечеловекообразных приматов [5], также демонстрирующих способность к амодальному восприятию.

Литература:

1. Гуссерль Э. Картезианские размышления. Москва: Наука. 2006. 320 с.

- Husserl E. Analysen zur passiven Synthesis. Aus Vorlesungs und Forschungsmanuskripten, 1918–1926. (1966). M. Fleischer (Ed.). The Hague: Martinus Nijhoff; Analyses concerning passive and active Synthesis: Lectures on transcendental logic. A. Steinbock (Trans.). Dordrecht: Springer, 2001.
- Husserl. E. Ding und Raum. Vorlesungen, 1907. (1973) Ulrich Claesges (Ed.). The Hague: Martinus Nijhoff; Thing and space: Lectures of 1907. R. Rojcewicz (Trans.). Dordrecht: Springer, 1997.
- Husserl E. Logical Investigations. (trans. by J. N. Findlay). London: Routledge, 1970. 211 p.
- Miller C. T., Dibble E., Hauser M. D. Amodal completion of acoustic signals by a nonhuman primate // Nature neuroscience. 2001. Vol. 4, No. 8. P. 783-784.
- Nanay B. The importance of amodal completion in everyday perception // I-Perception. 2018. Vol. 9, No. 4. 2041669518788887.
- Thielen J., Bosch S. E., van Leeuwen, T. M., van Gerven, M. A., van Lier, R. Neuroimaging findings on amodal completion: A review // I-Perception. 2019. Vol. 10. No. 2. 2041669519840047.

Как рождается мысль? (об идеях современной психиатрии в области нейрофилософии)

Плужникова Н.Н.

Московский технический университет связи и информатики, кафедра философии, истории и межкультурных коммуникаций, доцент. Кандидат философских наук

pluzhnikova@bk.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению научной проблемы «сознание и мозг» как одной из ключевых проблем в области нейрофилософии. Автор предлагает концептуальный подход, объединяющий наработки в области изучения мозга в нейронауках, с включением данных о мозговой деятельности в области психиатрии. Предметом исследования является деятельность неокортекса – достаточно молодой и мало изученной коры головного мозга, которая, по мнению автора, сможет помочь прояснить связь между деятельностью мозга и сознанием. Автором представлен трансдисциплинарный подход к изучению природы сознания, основанный на данных социогуманитарных и компьютерных наук, а также психиатрии. С позиций данного подхода автором дано определение сознания как комплексной структуры по созданию когнитивных моделей действительности, деятельность которой определяется постоянным воспроизводством новых нейронных связей в неокортексе.

Ключевые слова: сознание, мозг, мозговая деятельность, нейрофилософия, психиатрия, неокортекс, когнитивное восприятие

How is a thought born? (On the ideas of modern psychiatry in the field of neurophilosophy.) Pluzhnikova N.N.

Moscow Technical University of Communications and Informatics, Department of Philosophy, History and Intercultural Communications

Abstract: The article is devoted to the study of the scientific problem «consciousness and brain» as one of the key problems in the field of neurophilosophy. The author offers a conceptual approach combining the achievements in the field of studying the brain in neurosciences with the inclusion of data on brain activity in the field of psychiatry. The subject of the study is the activity of the neocortex - a fairly young and little studied cerebral cortex, which, according to the author, can help clarify the connection between brain activity and consciousness. The author presents a transdisciplinary approach to the study of the nature of consciousness, based on data from the socio-humanitarian and computer sciences, as well as psychiatry. From the perspective of this approach, the author defines consciousness as a complex structure for creating cognitive maps of reality, the activity of which is determined by the constant reproduction of new neural connections in the neocortex.

Keywords: consciousness, brain, brain activity, neurophilosophy, psychiatry, neocortex, cognitive perception

На первый взгляд, нейрофилософия и психиатрия – это научные области, мало связанные между собой. Однако, и нейрофилософия и психиатрия как области, в первую очередь, насыщенные эмпирическими данными, могут быть источниками к изучению того, что в современной науке еще со времен Р. Декарта называется «mind-body problem». Известный австралийский философ Д. Чалмерс указывает, что проблема сознания – это сложная проблема, находящаяся на стыке науки и философии [См.: 1, с. 12]. Вопрос, который объединяет нейрофилософию и психиатрию сегодня – область изучения феномена сознания, а также, что более значимо, связи феномена сознания с деятельностью мозга. В исследовании феномена сознания нейрофизиология шире, чем психиатрия, поскольку она включает в себя специализированные исследования проблемы «сознание и мозг» в области социогуманитарных, естественных и технических наук.

Одной из основных трудностей нейрофилософии является, как указывает Д.И. Дубровский, попытка обосновать связь явлений сознания с процессами, протекающими в головном мозге: «Между описанием явлений субъективной реальности (в понятиях содержания, смысла, ценности, цели, воли, интенциональности) и описанием физических явлений (в понятиях массы, энергии и т.п.) нет прямых логических связей. Чтобы установить такие связи, необходим концептуальный мост. Как его создать? В аналитической философии это называется «провалом в объяснении» [2, с. 12].

Данный «провал в объяснении» может быть ликвидирован, на наш взгляд, только трансдисциплинарным анализом, в котором решающее значение имеют достижения современной психиатрии. Сегодня проблема сознания требует включения данных психиатрии. Психиатрия, которая занимается изучением психических патологий, может прояснить мозговую деятельность, которая как раз и окажется тем самым «концептуальным мостом» на пути к решению трудной проблемы сознания. Достаточно интересный материал о работе мозга, а также современные достижения в области исследования мозговой деятельности (например, о работе зеркальных и конических нейронов) можно найти в работах таких зарубежных нейрофизиологов как В. Рамачандран и О. Сакс. Рамачандран связывает сознание и самосознание с деятельностью нейронов в специальных отделах головного мозга: «Самосознание оказалось особенно трудным для понимания, но мы увидели, какие подходы к нему можно найти через изучение психической жизни неврологических и психиатрических пациентов. Самосознание является чертой, которая не только делает нас людьми, но и парадоксальным образом заставляет нас быть больше чем просто людьми. Как я сказал в моих лекциях на Би – би – си, «наука говорит нам, что мы просто животные, но мы ощущаем себя иначе. Мы ощущаем себя ангелами, спрятанными в тела животных, вечно стремящимися к преодолению своих границ». В общем-то в этом и заключается главная проблема человека» [3, с. 210].

Мозг и мозговая деятельность сегодня достаточно хорошо изучены в нейрофизиологии и нейробиологии. Однако, если применить эволюционный подход, и посмотреть как мозг эволюционировал в процессе антропогенеза, то достаточно новой и наиболее сложной областью мозга в процессе эволюции стал «неокортекс»: «эволюция привела к многослойному строению мозга, состоящему из старых субкортикальных структур и относительно молодой коры головного мозга (кортекса) с особенно молодой подгруппой – неокортекс (новая кора головного мозга)» [4, с. 35]. Как считают нейробиологи, именно неокортекс отвечает за формирование когнитивных моделей реальности благодаря работе в них так называемых «аттракторов»: «аттрактор это сжатая констелляция нейронов (нервных клеток, необходимых для обработки информации в мозге) с сильными связями между ними» [4, с.35]. Изучение деятельности аттракторов показывает, что при познании мира мозг достраивает новые констелляции нейронов, то есть выращивает новую нейронную основу, которые продуцируют субъективный образ объективного мира – когнитивную модель реальности. С этих позиций наше сознание напоминает скорее фильм, состоящий из следующих друг за другом когнитивных моделей реальности, формируемых нейронами неокортекса.

Согласно данным нейробиолога С.В. Савельева, в процессе эволюции человека и высших приматов сложился конфликт между деятельностью лимбической системы, которая возникла для управления эмоционально-когнитивным поведением, и деятельностью неокортекса, который возник для интегрированного обслуживания более сложных задач, связанных с рассудочной и оценочной деятельностью: «Что же может противопоставить неокортекс лимбической системе? К сожалению, очень немного. Неокортекс обладает одним неоспоримым преимуществом – индивидуальной памятью. Она хранит физиологические и социальные достижения особи, социальные правила и условности, вычислимые формы поведения, которые могут быть рассогласованы с врожденным видовым опытом» [5, с. 92]. Другими словами, неокортекс, деятельность которого поддерживается нейронами, отвечает за действия, выходящие за пределы нейрохимических механизмов, контролирующих работу мозга.

За счет неокортекса мозг самостоятельно достраивает сценарии поведения, конструируя те или иные модели действительности, которые могут входить в противоречие с уже наработанными сценариями. Мозг в процессе такого достраивания осуществляет то, что называется механизмом мышления – активной деятельностью головного мозга, которая заключается в создании нестандартных решений в стандартных и привычных ситуациях или сценариях поведения. Само же поведение становится результатом мыслительной деятельности, которое передается как социокультурный код: «Относительно большой совокупности специализированных культурных кодов, обеспечивающих совместное суще-

ствование людей, т.е. их социальность, можно констатировать, что они задают порождающий паттерн внутренне дифференцированной целостности, которая, собственно, и называется человеческим обществом. Значит, внутренняя структура человеческого общества либо соответствует, либо стремится соответствовать паттерну, образуемому культурными кодами и имеющему искусственное происхождение. Поскольку этот паттерн для определенной культуры является всеобщим, то он задает строение всех ее аспектов, включая как индивидуальное, так и коллективное поведение, а также структуры мышления» [6, с. 53]. Посредством трансформации культурных кодов, на которых держится культура, задаются структуры социокультурной целостности.

Неокортекс, как считает Э. Голдберг, отвечает не только за образование качественно новых нейронных связей. Он отвечает за особый вид памяти – видовую память, которая и связывает воспроизведение когнитивных моделей в единый комплекс того, что мы называем наше внутреннее «Я» или самостью, которое реализуется в способности к абстрактному и критическому мышлению, а также в области принятия нравственных решений. Таким образом, мысль представляет собой результат деятельности аттракторов в неокортексе в виде когнитивных образов действительности, а сознание – это воспроизведение когнитивных моделей, которое воспринимается внутренним «Я» как субъективный образ объективного мира: «Когда изучаешь восприятие и думаешь над законами, которые лежат в его основе, то рано или поздно появляется желание узнать, каким образом эти законы фактически основываются на деятельности нейронов. Единственный способ это узнать взломать чёрный ящик, то есть экспериментировать непосредственно на мозге. Существует три традиционных способа: неврология (изучение пациентов с повреждениями мозга), нейрофизиология (наблюдение за активностью нейронных цепей или даже отдельных клеток) и сканирование мозга. Специалисты в каждой из этих областей взаимно презирают друг друга и склонны рассматривать свой собственный метод как самое важное окно в мир работы мозга, но в последние десятилетия специалисты все больше понимают, что необходимо объединить усилия, разрешая эту проблему. Теперь в бой вступили даже философы. Некоторые из них, например Пэт Черчленд и Дэниел Деннет, обладают той широтой взгляда, которая может послужить мощным противовесом против тупика узкой специализации, в который было загнано большинство нейрочеловек» [3, с. 49].

Таким образом, изучение проблемы «сознание и мозг» требует трансдисциплинарного подхода, который должен с необходимостью включать данные о мозговой деятельности, а также о патологиях этой деятельности, которые расширяют горизонт понимания такого сложного феномена, как сознание. Деятельность сознания невозможна без мозга, который воспроизводит основу, «базис» сознательной деятельности за счет деятельности нейронов в неокортексе. Результатом этой деятельности становится воспроизведение когнитивных моделей действительности, которые представлены в сознании как внутреннее «Я» или самость.

Литература:

1. Чалмерс Д. *Сознающий ум. В поисках фундаментальной теории.* М.: Книжный дом Либроком, 2015. 509 с.
2. Дубровский Д.И. Нейрофилософия и проблема сознания // Философские науки. 2015. № 11. С. 9-22.
3. Рамачандран В.С. *Мозг рассказывает: что делает нас людьми.* М.: Карьера Пресс, 2014. 394 с.
4. Голдберг Э. Научное опровержение «старческого слабоумия». М.: Поколение, 2007. 384 с.
5. Савельев С.В. Двойственность поведения приматов // Как человек заселил планету. М.: Фонд содействия охране памятников археологии «Археологическое наследие», 2006. С. 75-100.
6. Пигалев А.И. Неизбежность полноты, или теорема Гёделя для культурных кодов // Полигнозис. 2011. №3-4. С.51-61.

Теория глобального нейронного рабочего пространства С. Деана.

Пролович Т. О.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, философский факультет, кафедра философии и методологии науки, аспирант

tatiana.provolovich@gmail.com

Аннотация. За последние десятилетия развития нейробиологии появилось большое количество разнообразных нейробиологических теорий сознания. Одной из самых современных и популярных является теория глобального нейронного рабочего пространства С. Деана, которая, используя нейрофизиологические данные, пытается выстроить объяснение корреляции между мозгом и сознанием. С. Деан, критикуя философские и квантово-механические подходы к исследованию сознания и опираясь на эволюционную теорию, предлагает способ разграничения сознательных и бессознательных состояний, на основе выделения четырех автографов сознательной мысли (такие нейрофизиологические маркеры, которые сопутствуют появлению сознательного опыта), выстраивает схему глобального распространения информации по нейронной структуре мозга и определяет дальнейшие перспективы нейрофизиологии по решению каузальной проблемы и расшифровки нейронного кода.

Ключевые слова: глобальное нейронное рабочее пространство, С. Деан, сознание, бессознательное, автограф сознания, физикализм, легкая проблема сознания, трудная проблема сознания.

Global neuronal workspace theory of S. Dehaene. Provolovich Tatiana O.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy, Department philosophy and methodology of science

Abstract. Over the a past few decades a vast variety of neurobiological theories of consciousness have emerged. One of the most modern and popular is the concept of a global neural workspace proposed by St. Dehaene. St. Dehaene's theory is using neurophysiological data in attempt to explain the correlation between the brain and consciousness. Criticizing philosophical and quantum-mechanical approaches to the study of consciousness St. Dehaene offers an approach based on evolutionary theories that opens up new ways to distinguish between conscious and unconscious states. He bases his theory on the concept of four signatures of conscious thought (such neurophysiological markers that accompany the emergence of conscious experience). It also allows him to build a scheme for the global distribution of information on the neural structure of the brain and determine the future prospects of neurophysiology to solve the causal problem and decipher the neural code.

Keywords: global neuronal workspace, St. Dehaene, consciousness, unconscious, signature of consciousness, physicalism, easy problem of consciousness, hard problem of consciousness.

В публикации будет представлен подход к анализу теории глобального нейронного рабочего пространства французского нейробиолога Станисласа Деана. На примере данной теории будут продемонстрированы основные методологические приемы физикалистских программ по исследованию и определению сознания.

Теория глобального нейронного рабочего пространства является доработанной и расширенной версией теории глобального рабочего пространства голландского психолога Б. Баарса, первая версия которой была изложена в 1988 году в работе «Когнитивная теория сознания», и с некоторыми изменениями в последующих работах [1,2,3]. И в когнитивной модели теории глобального рабочего пространства Баарса, и в нейробиологической модели теории глобального нейронного рабочего пространства Деана сознание рассматривается как результат совокупности процессов обработки мозгом информации.

Теория глобального нейронного рабочего пространства имеет ряд основополагающих положений, на основе которых делается вывод, что сознание — это глобальное распространение информации в мозге человека или структура без единого центра управления, благодаря которой отдельные центры мозга слаженно работают.

Прежде чем перейти к теории глобального нейронного рабочего пространства, стоит остановиться на критических замечаниях Деана философских подходов к определению сознания. Он предлагает отказаться от разделения ментального на две компоненты: психологической и феноменальной, поскольку под вторым понимается определенный, уникальный и индивидуальный сознательный опыт или квалиа, который присущ только отдельному индивиду. По мнению Деана, выделение феноменального сознания приводит к дуализму, что только усложняет проблему сознание-тело. Также, французский ученый не соглашается с делением Чалмерса проблемы сознания на «легкие» и «трудную» [4]. Деан полагает, что по мере решения «легких» проблем, «трудная» проблема постепенно будет уходить из предметного поля исследователей. Поэтому будут представлены возможные аргументы в защиту как выделения двух понятий ментального, так и двух проблем сознания.

Предваряя рассмотрение теории глобального нейронного рабочего пространства, Деан останавливается на трех основополагающих концепциях сознания: бодрствовании, внимании и доступе в сознательный опыт. Он предлагает отделять состояния бодрствования и сознательные состояния поскольку первые включают в себя большой объем различных состояний, относящихся как к телу, так и к внутреннему ментальному миру. Для подтверждения своей позиции французский нейробиолог рассматривает людей в вегетативном состоянии и комы, у которых может сохраняться цикл сон/бодрствования, но при этом даже при самых детальных исследованиях мозга невозможно однозначно зафиксировать сознательный отклик на внешние стимулы (его научная группа проводила исследования на наличие информационного обмена между отдаленными участками коры у людей с разными неврологическими нарушениями). Относительно внимания, он пишет, что это бессознательный отбор информации, как поступающей из внешнего мира, так и от тела. Деан полагает, что поскольку большую часть стимулов человек не осознает, то внимание является особым фильтром, благодаря которому только небольшая доля информации переходит в область сознательного переживания. И уже после вычленения наиболее важной для человека информации начинает работать доступ в сознательный опыт, благодаря которому человек помнит, чувствует, проживает сознательные состояния.

Следующим этапом его анализа доступа в сознательный опыт является разделение ментальных состояний на сознательные и бессознательные. Детальный анализ бессознательного является для него важным, поскольку переход стимула из бессознательной области в сознательную может являться тем решающим критерием, благодаря которому возможно проследить корреляцию между определенным рода нейронной активностью и возбуждением сознательного опыта (например, соотношение частоты колебаний и сознательных переживаний). Под бессознательным можно понимать такие внутренние процессы, протекание которых не требует активного ментального отклика и не приводит к глобальному возбуждению нейронной сети. В то время как сознание сопровождается глобальным (относительно нейронной системы индивида) распространением информации.

В качестве аргументов, подкрепляющих такое деление ментальных состояний он предлагает четыре автографа сознания. Под автографом сознания он понимает однозначное подкрепление сознательного опыта нейроактивностью. Первый автограф фиксируется при поступлении сенсорной информации, которая возбуждает и распространяет активность в мозге, при этом возбужденная активность доходит до различных регионов префронтальной и теменной долей; второй автограф фиксирует «медленные положительные волны в верхней и задней части головы» [5, 159], которые появляются только при осознании поступивших стимулов, после чего, эти волны, нарастая, распространялись, например, от зрительной области до префронтальной коры и возвращались назад; данный особый вид волны обозначили как P300 (P3), при том, что появление этой волны сопутствовало доступу к сознательному объекту восприятия; третий автограф фиксирует, что «сознательному восприятию сопутствует длительный всплеск высокочастотной электрической активности (появление гамма-ритма и его сохранение более 300 миллисекунд), свидетельствующей о сильном возбуждении локальных нейронных цепочек» [5, 175]; а четвертый состоит в массовой синхронизации электрических сигналов между разными отделами мозга, сопровождающийся их взаимным обменом этими сигналами, и, как следствие, выстраивание единой нейросети. На всем протяжении своего исследования и, в особенности, после

выделения автографов сознания, Деан сталкивается с каузальной проблемой ментального. Он совершенно верно подмечает, что его метод демонстрирует связь или общую схему возможной корреляции, но не причинность сознательного опыта. Вследствие чего предполагает, что по мере развития научных технологий и практик каузальная проблема тоже будет решена естественно-научными методами. В силу амбициозности его проекта могут быть представлены критические замечания его прогнозов не только в решении этой проблемы, но и возможности считывания нейронного кода с его последующей расшифровкой, то есть «чтения мыслей».

Глобальное нейронное рабочее пространство является продуктивной научной теорией, поскольку предлагает реальные практики описания связи между мозгом и сознательным опытом, в том числе и для выстраивания контакта с людьми, которые утратили все возможности для него. Важно отметить, что представленная теория, наряду с эмпирическими методами, подчеркивает ведущую роль интроспекции. Но на примере данной теории возможно проследить ограниченность естественно-научных методов по исследованию сознания.

Литература:

1. Baars B. A cognitive theory of consciousness. New York: Cambridge University Press. 1988. 448 p.

2. Baars B. In the theater of consciousness: The workspace of the mind. New York: Oxford University Press. 1997. 210 p.
3. Baars B. The conscious access hypothesis: Origins and recent evidence. Trends in Cognitive Science Vol. 6 (1). 2002. P. 47-52.
4. Чалмерс Д. Сознательный ум. В поисках фундаментальной теории / Пер. с англ. В. В. Васильев. М., УРСС. 2013. 512 с.
5. Деан С. Сознание и мозг. Как мозг кодирует мысли / Пер. с англ. И. Ющенко. М., Карьера-Пресс. 2018. 416 с.

Сушин М.А.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, старший научный сотрудник. Кандидат философских наук

sushchin@bk.ru

Аннотация: Предлагается метафора сознания как активного последовательно функционирующего координатора многошаговых познавательных процессов и многошаговых действий.

Данная метафора дополняет идущие от Гельмгольца представления о восприятии как о бессознательных умозаключениях. Эти представления легли в основу недавно возникшей в когнитивной науке программы предсказывающего кодирования. С этой точки зрения, сознание предстает как пассивный получатель наиболее вероятной интерпретации воспринимаемых объектов и сцен. В противоположность, отмечается, что сознание представляет собой активный процесс, необходимый для выработки и координации отдельных шагов в последовательности многошаговых познавательных процессов, сохранения и перенаправления промежуточных результатов на каждом шаге и сохранения в устойчивой форме конечного результата.

Ключевые слова: сознание, внимание, восприятие, мозг, предсказывающее кодирование, когнитивная наука

Predictive Coding and Consciousness Studies.

Sushchin M.A.

Federal State Budgetary Scientific Institution the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Abstract: A metaphor of consciousness as an active sequentially operating coordinator of multistep cognitive processes and multistep actions is proposed. This metaphor complements Helmholtz's conception of perception as unconscious inference. This conception has served as a foundation for the recent cognitivist research program of predictive coding. From this point of view, consciousness appears as a passive receiver of the most probable interpretation of perceived objects and scenes. In contrast, it is pointed out that consciousness is an active process for finding and coordinating individual steps in a sequence of multi-step cognitive processes, preserving and redirecting intermediate results at each step, and maintaining the final result in a stable form.

Keywords: consciousness, attention, perception, brain, predictive coding, cognitive science.

Последнее десятилетие развития когнитивной науки было отмечено возникновением новой программы исследований – программы предсказывающего кодирования, или предсказывающей обработки (predictive coding, predictive processing). В основе этой программы, уже успевшей стать законодателем мод в когнитивных исследованиях, находится попытка синтеза нескольких гипотез о природе познавательных процессов.

Во-первых, следуя Г. фон Гельмгольцу, сторонники этого направления исходят из того, что разум не имеет непосредственного доступа к воздействовавшим на сенсорный вход причинам в мире. Эти причины всегда скрыты за «завесой сенсорного входа» [1, с. 2]. Соответственно, для того чтобы заключить о возможных причинах воздействия на органы чувств, а также нивелировать эффекты сенсорной неопределенности и шума, мозг с этой точки зрения может полагаться на процессы вероятностного байесовского вывода (и, соответственно, репрезентировать информацию в форме распределения вероятностей).

Во-вторых, приверженцами идей предсказывающего кодирования предполагается, что механизмы познания и действия являются в фундаментальном смысле предсказывающими и иерархически

организованными. Находящаяся на верхнем уровне иерархии модель мира (так называемая генеративная модель) порождает перцептивные и моторные предсказания. Отобранная в процессе байесовского вывода гипотеза выступает в роли предсказания о том, с чем организм может иметь дело в следующий момент. Далее это предсказание через иерархию уровней сопоставляется с зарегистрированными органами чувств сигналами. И если между предсказанием и сенсорными сигналами обнаруживается несоответствие, это расхождение (так называемая ошибка в предсказании, prediction error) сообщается на верхний уровень иерархии для внесения корректив в модель мира (с целью порождения более точных предсказаний). После этого весь цикл повторяется.

Наконец, в-третьих, в соответствии с представлениями того же Гельмгольца о бессознательных умозаключениях [2], приверженцы программы предсказывающего кодирования полагают, что иерархическая система предсказывающих механизмов познания и действия функционирует без участия сознания. Сознание имеет дело только с результатом отбора наиболее вероятной гипотезы в процессе байесовского вывода. «Сознание, – пишет один из ведущих теоретиков ППО, философ Я. Хохви, – представляет собой результат бессознательного перцептивного вывода. Наше сознание не участвует ни в байесовском обновлении наших априорных вероятностей в свете новых данных, ни в предсказании и подавлении сенсорного входа. То, что сознается, есть результат вывода – заключения. Т.е. сознаваемое восприятие определяется гипотезой, в лучшей степени предсказывающей вход и, таким образом, получающей наибольшее значение апостериорной вероятности» [1, с. 201].

В русле этого направления было представлено несколько моделей возможных механизмов определенного типа опыта. Так, в модели С. Куидера и др. [3] была предпринята попытка показать, как взаимодействие нескольких ключевых компонентов (идущих из внешнего мира сигналов, субъективной уверенности, что сигнал идет из внешнего мира, и предшествующего знания, соответствующего априорной вероятности в теореме Байеса) приводит к возникновению того или иного типа опыта (нормального сознаваемого восприятия, когнитивной слепоты, перцептивной иллюзии, подпорогового восприятия, галлюцинации и восприятия пустоты). Так, при сильном сигнале, значительной субъективной уверенности в сигнале и слабом влиянии предшествующего знания имеет место нормальное восприятие. Сочетание же слабого сигнала, сильной уверенности и сильного влияния предшествующего знания может приводить к перцептивной иллюзии и т.д.

Другими развитыми в рамках этой программы моделями механизмов опыта стали предложенная Я. Хохви, А. Ропстерффом и К. Фристом модель феномена бинокулярного соперничества [4] и модель так называемых «позитивных симптомов шизофрении», представленная в работе П. Флетчера и К. Фрита [5].

С нашей точки зрения, предлагаемое в рамках программы предсказывающего кодирования понимание феномена сознания должно быть расширено, чтобы учитывать активную роль, которую сознание играет в руководстве познавательными процессами и действиями. Мы утверждаем, что сознание нужно рассматривать не только как пассивный получатель гипотез, вырабатываемых предсказывающими вероятностными механизмами мозга, но и как активный фактор, который направляет и организует работу этих механизмов.

Полезная метафора в этом отношении была предложена ведущим французским нейроученым современности С. Деаном [6]. В противоположность авторам, рассматривающим сознание как своего рода эпифеномен, Деан полагает, что современная экспериментальная наука позволяет говорить о наличии у сознания определенных присущих исключительно ему функций. В духе байесовских моделей в психологии и нейронауке Деан видит функцию бессознательных перцептивных механизмов в сборе данных и выработке как можно более совершенных перцептивных гипотез. «С другой стороны, наше сознание, – пишет он, – предлагает нам только мимолетное впечатление об этом вероятностном универсуме – то, что статистики называют «выборкой» из этого бессознательного распределения. Оно преодолевает всю неопределенность и достигает упрощенного видения, сводки лучшей текущей интерпретации мира, которая затем может быть передана нашей системе принятия решений» [6]. Между тем такого рода способность интегрировать информацию в единое целое теряется с исчезновением сознания – например, при общем наркозе. Кроме того, переход информации в сознание, замечает Деан, позволяет создавать устойчивые мысли и воспоминания.

После того как определенная информация стала достоянием сознающего разума, защищающего ее от быстрого угасания, с ней могут совершаться определенные операции, требующие участия созна-

ⁱ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ (проект № 17-18-01536).

ния. Важнейшим типом такого рода операций, согласно Деану, являются производимые в сознании последовательные вычисления – скажем, последовательные арифметические операции.

Например, задача умножения 12 и 13 часто решается в два шага – сначала путем возведения 12 во вторую степень и далее при помощи сложения промежуточного результата (т.е. 144) и 12. В этом примере сознание сформулировало общую задачу и подзадачи для каждого отдельного вычислительного шага, далее делегировало первую подзадачу для исполнения бессознательным системам, сохранило промежуточный результат вычислений и, наконец, после исполнения второй подзадачи сохранило в устойчивом виде итоговый результат. Как было показано в экспериментах Деана и его коллег, такого рода многошаговые операции невозможны без участия сознания, формулирующего и координирующего отдельные вычислительные операции.

Таким образом, по крайней мере, у человека сознание может играть одну исключительную и неотъемлемую роль – оно может выступать в качестве организатора и связующего отдельных звеньев в цепи рассуждений и многошаговых вычислительных операций. Поэтому сознающий мозг, полагает Деан, может быть уподоблен биологической машине Тьюринга, с той оговоркой, что оригинальная модель Тьюринга является идеализированной, тогда как реальные процессы познания у человека далеко не всегда осуществляются в строгой последовательности. Тем не менее «Последовательные и символичные операции, – пишет Деан, – запечатлеваемые последовательно работающей машиной Тьюринга, составляют достаточно хорошую модель операций, доступных сознающему разуму человека» [6]. В результате возникает «гибридная последовательно- параллельная машина, в которой стадии массивных параллельных вычислений чередуются со стадией сознательного принятия решения и координации информации» [6].

Мы утверждаем, что используемая Деаном метафора сознающего мозга как биологической машины Тьюринга может быть расширена для многошаговых познавательных процессов в общем и для многошаговых действий. Так, аналогичную координирующую роль сознание выполняет и в восприятии – например, в процессе зрительного поиска информации. Скажем, задача подсчета автомобилей красного цвета на автостоянке может быть решена сходным образом – путем сознательного формулирования отдельных подзадач (подсчитать автомобили красного цвета в каждом ряду, начиная с ближнего ряда и последовательно переходя к крайнему), делегирования этих подзадач предсказывающим вероятностным перцептивным и моторным механизмам, сохранения промежуточных результатов подсчета на каждом шаге и далее сохранения в устойчивом виде конечного результата. Наша гипотеза заключается в том, что любая многошаговая познавательная операция (решение задачи, выработка стратегии и т.д.) или любое многошаговое действие требует координирующего участия сознания.

Данная метафора сознания как активного последовательно функционирующего координатора дополняет предлагаемое с позиций предсказывающего кодирования видение механизмов восприятия и действия. Сознание представляет собой не пассивного адресата наиболее вероятной интерпретации воспринимаемых объектов и сцен, а активный процесс, который направляет и организует восприятие и действие. Таким образом, эта метафора дополняет идущие от Гельмгольца представления о бессознательных умозаключениях, подчеркивая неотъемлемую активную роль сознания.

Литература:

1. Hohwy J. The Predictive Mind. Oxford: Oxford University Press, 2013. 294 pp.

2. Helmholtz H. von. Concerning the Perceptions in General // Helmholtz H. von. Treatise on physiological optics. Vol. 3. Ch. 26. 3rd edn. Translated by J.P.C. Southall, 1925, Op. Soc. Am. Section 26, reprinted New York: Dover, 1962. P. 1–37.
3. Kouider S. de Gardelle V. Sackur J., Dupoux E. How rich is consciousness? The partial awareness hypothesis // Trends in cognitive sciences. 2010. Vol. 14. No. 7. P. 301–307.
4. Hohwy J., Roepstorff A., Friston K. Predictive coding explains binocular rivalry: An epistemological review // Cognition. 2008. Vol. 108. No. 3. P. 687–701.
5. Fletcher P. C., Frith C. D. Perceiving is believing: a Bayesian approach to explaining the positive symptoms of schizophrenia // Nature Reviews Neuroscience. 2009. Vol. 10. No. 1. P. 48–58.
6. Dehaene S. Consciousness and the Brain: Deciphering How the Brain Codes Our Thoughts [Ebook]. New York: Viking Press, 2014.

Абрамова Марианна Григорьевна

*Факультет политологии МГУ им. М.В.Ломоносова, к.и.н., доцент кафедры государственной, к.и.н.,
доцент кафедры государственной политики*

Наступившее третье тысячелетие явно отличается от других периодов развития человеческой цивилизации. Речь идет не просто о войнах, кризисах, революциях, а о системных изменениях принципов и характеристик современной социальной организации, о таких вызовах традиционным экономическим и социально-политическим структурам, разрушение которых может привести к деконструкции всей человеческой цивилизации. Представляется, что вызовы третьего тысячелетия можно объединить в несколько групп: финансово-экономические, правовые, политические, культурные. Речь идет о цифровых, так называемых сквозных технологиях, которые сегодня определяют облик всех сфер жизни общества. Новыми вызовами в экономической сфере являются также проблемы продовольственного [1] и энергетического суверенитета [2]. В современной реальности такими «радикальными технологиями» являются цифровые инновации и биотехнологии. Традиционная индустриальная модель уходит, уступая место новым международным (транснациональным) социально-технологическим группам, в которых большинство населения будет безработным в той или иной форме.ⁱ

Снижение численности групп индустриального пролетариата и крестьянства в разных его видах и их вклада в общественный продукт не могло не отразиться на их политической роли. Промышленные города, массовые партии, профсоюзы и другие системные признаки индустриальной эпохи модернизируются, освобождая место новым институтам: классическая демократия заменяется «постдемократией». Место сокращающегося повсеместно среднего класса занимает прекариат – группа новых безработных и частично занятых. Как поведет себя новый класс структурных безработных – можно только предполагать.

Именно эти слои общества постепенно выходят на политическую арену. При этом они совершенно меняют политическую повестку дня, ставя во главу угла моральные, а не политические ценности, и апеллируя при этом к религии, которая как своеобразная форма общественного сознания более эффективно отвечает на новые вызовы и проблемы. Именно поэтому начало третьего тысячелетия стало своеобразным рубежом, вновь поставившим вопрос о месте религии в общественных отношениях. После торжества секулярности в XX в., в период постмодерна стало ясно, что прошедшее рациональное «расколдовывание мира» не стало концом религии. Вызовы глобализованного мира продемонстрировали, что сила религиозной веры прямо пропорциональна уровню неуверенности, который вызван скоростью глобальных перемен во всех сферах общественной жизни, а индивиды начали создавать для себя маленькие системы новых верований, соответствующие их желаниям и опыту. Можно ли говорить в таких условиях распада традиционных институтов и идеологий о политике как некоем публичном проекте, выработке общественного идеала, устраивающего общество в целом? Или в эпоху постсекулярности «у каждого своя правда», и индивидуализация и субъективизация веры и общественной сферы в целом привели к дерегулированию политических практик, и теперь индивидуумам некому делегировать свои новые социальные запросы?

Яркий пример иллюстрации этих процессов мы находим в современной Латинской Америке, где с 1970 по 2014 г. количество католиков сократилось на 23%, «евангелистов» выросло на 15%, а количество атеистов достигло 8%. Налицо потеря католической церковью своей религиозной монополии в латиноамериканских странах. Под так называемым процессом «евангелизации» понимается переход из католичества в различного рода традиционные протестантские общины (лютеране, баптисты, методисты, пятидесятники и др.), и неопротестантские, представленные, прежде всего, неопятидесятниками. Имея более 340 млн. последователей по всему миру,ⁱⁱ большинство из которых живет в современной Латинской Америке и Африке, неопятидесятничество (или «Движение веры») является сейчас самой быстро растущей (псевдо)христианской деноминацией.

ⁱ В 2015 г. не имели официальной работы 20,2% трудоспособных жителей Евросоюза до 25 лет. Особенно сложная ситуация сложилась в Испании и Греции, где молодежная безработица достигает 50%, а также в Италии (40%), Хорватии (43%) и Португалии (32%) В России уровень безработицы среди молодежи составляет 16%, что в три раза выше, чем по трудоспособному населению в целом.

ⁱⁱ Кроме Латинской Америки неопятидесятничество в огромных масштабах распространяется в Индии, Южной Корее, России.

Некоторые авторы определяют неопротестантизм в целом как «культурно нейтральную форму христианства», а это означает, что он становится привлекательным для представителей различных этнических групп, которые, отказавшись от жесткой идентификации этничности и традиций, конструируют новую религиозную идентичность, основанную на общих моральных ценностях. Таким образом, возникла наднациональная религиозная идентичность, сущность которой концентрируется в «теологии процветания».

Неопятидесятникам впервые удалось создать массовое «поп-христианство» для потребительского общества массовой телевизионной культуры: в Бразилии действуют четыре круглосуточных телевизионных канала, транслирующих массовые моления с музыкой и танцами, шоу-проповедниками, которых уже принято называть «телеевангелистами». Опасными для психики являются практики «падения в духе», «святого смеха», «молитвы мук рождения» и другие распространенные на собраниях неопятидесятников практики тяжелой истерии. Если для евангелистов поколения 1960-х и 1970-х гг. (традиционных протестантов) преобладающими религиозными идеями были страдание, протестантская аскеза и грех, то евангельское поколение 1990-х гг. (неопятидесятники) выросло с идеями наслаждения, устранения боли и богословия Воскресения. Это стало причиной широкой популярности их «теологии процветания»: истинный верующий (неопятидесятник) должен быть — и не может не быть — богатым, здоровым, процветающим и счастливым.

Для традиционных протестантов в 1960-1970-е гг. был характерен социальный и политический эскапизм, стремление уйти от навязываемых государством императивов социального поведения, ибо религиозная община противопоставлялась государству как порождению темных сил, греховности человека. Протестанты игнорировали общественно-политическую жизнь, участие в избирательных кампаниях.

В новом мировоззрении «теологии процветания» мир больше не является чем-то, от чего нужно бежать: напротив, это место, которое нужно завоевать и наслаждаться, без чувства вины. В связи с этим новые общины совершенно по-другому позиционируют себя в политике: они ориентированы на переустройство социальной и политической жизни современного общества на основе библейских религиозных ценностей — так появляется течение «реконструкционизма». Можно констатировать, что эти новые верующие не замыкаются в личной вере: они выдвигают новый публичный политический проект, в котором, преобладающее значение имеют морально-нравственные ценности.

В 2000-е гг. в неопятидесятническое движение вошла молодежь, искавшая свое место в новых условиях глобальной рыночной экономики. Начались массовые протестные выступления, поводом к проведению которых стали служить многочисленные социальные проблемы, решение которых увязывалось с моральным (религиозным) выбором. Печатные издания неопятидесятников стали заявлять о готовности «переустроить погрязшую в грехе страну», сделать ее «страной бога», сформировать «христианское правительство», отменить «безбожные законы», установить религиозный контроль системы образования и воспитания, медицинского обслуживания, социальной сферы.

Что не устраивает неопятидесятников в современных общественных отношениях? Несмотря на то, что католическая церковь выступает против аборт и однополых браков, латиноамериканские католики в этих вопросах, как правило, менее консервативны, чем неопротестанты. Публичный политический проект неопятидесятников включает тотальную христианизацию общества, сакрализацию социальных институтов и общественных отношений, говорит о создании «христианского правительства». Эта идея основывается на эсхатологических представлениях неопятидесятников, апеллирует к чувству неудовлетворенности членов общин своим экономическим и социальным статусом, который значительно ухудшился после либеральных рыночных реформ и стал причиной правого политического разворота стран Латинской Америки (Аргентина, Эквадор, Бразилия). Выдвигаемая неопятидесятниками политическая модель — это последующий демонтаж светской политической системы и ее замена на систему теократического правления.

Таким образом, глубина и сложность вызовов XXI века приводит, по сути, к отказу от традиционных моделей демократии, к смешению левых и правых идеологий и к выходу на политическую аванцену религиозности как модели, дающей самые простые ответы на идеологические запросы населения и обеспечивающей сохранение традиционных ценностей в быстро меняющемся глобализированном мире.

Литература:

1. Абакарова Р. Ш. Продовольственная безопасность — основа существования государства // Теория и практика общественного развития, 2015, № 3. С. 50-52; Шагайда Н.И., Узун В.Я. Продовольственная безопасность в России: мониторинг, тенденции и угрозы. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 110с.; Корво Паоло. Биосоциальные продовольственные риски: международные аспекты // Вестник МГИМО-Университета, 2017, № 1 (52), С.67-82.
2. Симония Н.А., Торкунов А.В. Энергобезопасность ЕС и Россия // Вестник МГИМО-Университета, 2015, № 4 (43), С.18 -25; Пахомов Н.В. Энергетическая безопасность как глобальное общественное благо // Вестник МГИМО - Университета, 2017, №1 (52), С.173 – 186.
3. Стэндинг Г. Прекариат: Новый опасный класс. М.: Ад Маргинем, 2014.

Артамонова Юлия Дмитриевна

*Кафедра истории и теории политики факультета политологии МГУ им. М.В.Ломоносова.
Кандидат философских наук, доцент*

juliaartamonova@yahoo.com

Аннотация. При моделировании политической коммуникации часто используются предпосылки и мыслительные ходы XIX века, что легко увидеть по используемому понятийному аппарату (понятия «мировоззрения» и «точки зрения», класса, политического языка, интересов и др.). В статье дается их комплексный анализ, показывается основные составляющие романтической модели коммуникации и ее «либерального» идеала, предполагающего согласование интересов и «прозрачность» логики их артикуляции и взаимодействия. Анализируются возможности работы этих предпосылок в современных условиях, показывается их ограниченная годность и формулируются возможные идеи современного моделирования политической коммуникации.

Ключевые слова. Мировоззрение, диалог, массовая коммуникация, политический язык, «коннективная идентичность», медиа

Artamonova Yulia D.

Lomonosov Moscow State University

Abstract. When modeling political communication, assumptions and thought processes of the XIX century are often used, which is easy to see from the conceptual apparatus used (the concepts of «worldview» and «point of view», class, political language, interests, etc.). The article provides a comprehensive analysis of these issues and shows the main components of the romantic model of communication and its «liberal» ideal, which presupposes the coordination of interests and the «transparency» of the logic of their articulation and interaction. The author analyzes the possibilities of these prerequisites in modern conditions, shows their limited validity, and formulates possible ideas for modern modeling of political communication.

Keywords. Worldview, dialogue, mass communication, political language, «connective identity», media.

Когда мы говорим о политической коммуникации, то при всем разнообразии моделей предполагаем ряд допущений классической романтической модели (или либерального идеала коммуникации). Под моделью мы будем понимать, вслед за Р. Шенноном, представление об объекте, системе или идее в некоторой форме, отличной от самой целостности [1].

Конечно, можно говорить о том, что проблема взаимодействия двух людей с помощью символов является древней, и проследить развития политической коммуникации с царских ритуалов Древнего Египта или кодексов Хамураппи, но стоит заметить, что феномен коммуникации становится центральным для исследований не ранее середины XIX века, а осознается как центральный позднее. Действительно, ряд концептов, необходимых для анализа коммуникации, появляется на рубеже XVIII-XIX веков. Это, прежде всего, концепт диалога, идеологии, классов и политического языка. Они, в свою очередь, предполагают концепты «точки зрения», «мировоззрения», трансформацию концепта «критика».

В это время впервые во всей истории европейской культуры утрачивается идея общего и доступного всем, хоть и в разной степени смысла. Прерывается традиция, сформировавшаяся еще в античности и транслировавшаяся образовательной традицией [2, с. 65-66].

Правила представления вещи в мышлении становятся центральной проблемой (теория познания становится центром философских учений, появляется и сам термин «теория познания»). Формируется идея мировоззрения как уникальной конструкции мира, и в анализе появляются следующие проблемы, становящиеся ключевыми для развития идеи коммуникации: проблема «искажения» реальности в сознании отдельного человека и, позже, достижимости реальности как таковой; проблема

воспроизводства в выражении особой логики конструирования «своей» реальности (или особой логики мировоззрения) – не случайно семиотика, проблематизирующая в первую очередь логику производства знака (а не просто знак как «заместитель» предмета), при всей ее кажущейся универсальности, как целостное учение и отрасль знания оформляется не ранее этого времени; проблема «взаимодействия» двух разных картин мира – и соответственно, проблематизация возможности их взаимодействия, а также поиск и обоснование возможности взаимодействия различных сознаний.

Отметим также, что часто под коммуникацией подразумевается по умолчанию массовая коммуникация; ее рождение датируют самое ранее рубежом XVIII-XIX вв. Х. Энциенбергер, Ю. Хабермас, У. Эко и Ж. Бодрийяр выделяют следующие обязательные условия этой «индустрии сознания» и «взаимодействия политического и социального»: общество индустриального типа, множественность коммуникации (в том числе посредническая роль развития грамотности, массовой печати газет, организации рабочих кружков для обсуждения любых проблем), формирование публичной сферы жизни общества.

Язык фиксирует произошедшие изменения. Ряд понятий («агитация», собственно «политический язык») появляются не ранее XVIII века.

На основе этого формируется «романтическая» модель коммуникации. Эта модель предполагает:

- слои и группы, имеющие разные интересы; отметим момент «объективности» этих интересов – они связаны с устойчивым местом в системе общественного производства;
- устойчивое осознание людьми принадлежности к определенной социальной группе, имеющей свои партикулярные интересы (устойчивая социальная идентификация);
- общественные организации, которые эти интересы выражают;
- идеи, посредством которых эти интересы артикулируются (опять же, иногда в превратной форме – см. этимологию и философские импликации понятия «мировоззрение»);
- единую для всех реальность, которая обсуждается в рамках различных идеологий;
- в пределе общедоступное общественное пространство, в котором циркулируют эти взгляды, идеи, концепции;
- возможные расхождения, вплоть до противоречий, взглядов, идей, концепций, циркулирующих в общественном пространстве, и их соперничество («идейная борьба»).

Если допустить, что, несмотря на разницу в положении в обществе, возможен консенсус и взаимоучет интересов различных групп (и это, заметим, не мешает дальнейшему развитию общества), то можно сформулировать нормативные требования к сфере коммуникации, известные как либеральный идеал коммуникации. Речь идет, повторим, о следующем: «идея о СМИ как создателе феномена публичности; ...медиаплюрализм, трактуемый с подачи Р. Даля как одна из семи ключевых предпосылок развития демократии; ориентирующей функции СМИ, в т.ч. в политическом пространстве...; базовые демократические функции медиасистемы с «плюралистской» точки зрения – такие, которые способствуют большему плюрализму мнений, большей вовлеченности граждан в процессы обсуждения и принятия политических решений, открытости политического процесса, росту его рациональности и подконтрольности, четкой и быстрой артикуляции социально-групповых запросов и другим характеристикам политического процесса, которые говорят о свободном доступе к нему рядовых граждан; ... демократичность публичной сферы (делиберативная вовлеченность, рациональность дискуссии, гомогенность и равноправие акторов)» [3].

Современное состояние коммуникации не может быть описано традиционной моделью, поскольку в современном обществе «не работают» как раз базовые допущения этой модели.

Мы имеем социальные группы с подвижными границами в силу неустойчивой идентификации людей; к тому же, размывание устойчивых практик и медиатизация пространства действия и взаимодействия способствуют формированию новых, «коннективных» идентичностей, когда основой может быть возведенный в статус «образующего» любой фрагмент стиля жизни, к тому же, в силу этого обязательно противопоставленный другим стилям жизни. Коммуникативное пространство является неоднородным. Мы имеем не совсем взаимосвязанные вещи: «умное» и дифференцированное интернет-комьюнити, состоящее из групп, создаваемых на основе как гибридных «когнитивных идентичностей», так и «традиционных» идентичностей, массовые и быстро кончающиеся поветрия в интернете, захватывающие ряд групп, а также толпу на улице, часто карнавализованную. И если

интернет-толпа способна только на «хореографический протест» (термин А. Гербаудо), то уличная «толпа претендует на возвращение народу прав на то политическое поле, которое демократия пытается фрагментировать и контролировать в условиях коммуникативного капитализма» [4, с. 230]. Многие исследователи согласны в том, что такое «взаимодействие» этих локальных сообществ с подвижными границами – это перспектива развития всерьез и надолго.

Единой реальности, к которой можно свести различные симулятивные реальности, а также единых правил перевода различных симулятивных реальностей друг в друга нет. Поэтому сама реальность теряет «логичность» и, соответственно, «управляемость». К постмодернистской проблеме множественной, виртуальной реальности, то есть новой действительностью, лишенной ограничений (автор термина «виртуальная реальность» Дж. Ланир заметит: «Каким бы реальным не был физический мир, <...> виртуальный мир столь же реален и достигает такого же статуса, но в то же время для него характерна и неограниченность возможностей» [5, с. 16]) и иллюзорности коммуникации в ней [6], добавляется мощное обособление локальных сообществ, которые не всегда устойчивы.

Важно также то, что образуемые смыслы уже не являются разными интерпретациями одной и той же реальности – они образуются в локальных мирах, у каждого из которых «своя реальность»; логика их образования может совпадать лишь в некоторых моментах. Поэтому удачным термином для описания взаимоотношения этих смыслов будет предложенный В. Беньямином термин «конstellации» [7], где взаимосвязи этих смыслов уподобляются взаимосвязям звезд внутри созвездия.

Кроме того, мы говорили о мощном обособлении элиты и новых механизмах навязывания смыслов, как это зафиксировал, например, в своей модели каскадной активации Р. Энтман [8].

В старых романтических моделях политической коммуникации предполагается публичный разговор в общем пространстве, где позиции определены; соответственно, роль медиа – оптимизация этого разговора. Современное общество, состоящее из обособленных локальных миров с подвижными границами и специфическими «реалиями» и смыслами, не имеет механизмов налаживания диалога, поскольку лишено прежних его гарантий (единой реальности и общей логики существования в этом мире) – кроме локального и временного совпадения в некоторых фрагментах некоторых из этих миров. Это даже не реализм в политике – это ситуативизм. Не случайно в фильме С. Жижека «*Marx: reloaded*» звучит фраза А. Негри: «А представляешь, если коммунизм на самом деле похож на ситуацию с картины Брейгеля “Пословицы”, когда каждый живет в меру своей глупости?»

Коммуникация скорее представляется как подтверждение или переопределение границ групп, поэтому на первый план выходят иные модели и стратегии исследования коммуникации. Поэтому первая задача – собственно картирование групп и схватывание ситуативной логики их возникновения, функционирования и коммуникации с другими. Здесь востребованными оказываются сетевые подходы, системно-функциональные подходы (например, подходы «культурной истории» и т.д.), а также методы схватывания функционирующей «логики» имеющейся и уже выделенной группы (подходы «реальной социальной науки», базирующиеся на идее фронесиса, фрейминг, подход когнитивной теории метафоры, дискурс-анализа в его различных формах и т.д.). Интересна, хотя и спорна, идея выделения целостного диспозитива медиа. Второе направление исследований – логика переопределения границ. Мы встречаемся с попытками двух уровней: «нижнего» - технологического и самого «высокого» – абстрактного уровня. На втором речь идет о новых формах старой символической борьбы и символического насилия в терминологии П. Бурдьё, связанных теперь уже не просто с навязыванием выгодной одной позиции в поле капитала образа реальности находящимся на другой позиции, а как раз систематического поддержания, либо целенаправленного переопределения существующих групп. И именно в общем ключе обсуждаются техники «гегемонии», проблема маргинализации, «повстанческой политики», популизма; и это лишь краткий перечень. Между тем, выделение «технологий» такого сохранения/переопределения групп, работа на «среднем уровне» могла бы способствовать решению задачи. И разработки в рамках когнитивного картирования, «материалистической онтологии» и др. должны быть проанализированы и использованы.

Литература:

1. Шеннон Р. Имитационное моделирование. М.: Мир, 1978. 424 с.
2. Гадамер Х.Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
3. Бодрунова С. С. Медиакратия: СМИ и власть в современных демократических обществах. Дис. ... д. полит. н. СПб., 2015. 498 с.

4. Дин Д. Толпа и публика // *Stasis*. 2017. Vol. 5. № 1. С. 220-246.

5. цит. по Whyte, J. *Virtual Reality and the Built Environment*. Oxford: Architectural Press, 2002.

6. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было. М.: Рипол-классик, 2016. 224 с.

7. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избранные эссе. М.: Медимум, Культурный центр имени Гете, 1996. – 240 с.

8. Entman R.M. *Projections of Power: Framing News, Public Opinion, and US Foreign Policy*. Chicago [IL]: University of Chicago Press, 2004.

Имманентный субъективизм» как философский метод Р.В. Иванова-Разумника (1878-1946)

Болдин В.А.

МГУ имени М.В. Ломоносова

boldin.v.a@gmail.com

В 2018 г. впервые под одной обложкой были изданы обе части литературного сборника «Скифы (1917 и 1918 гг.)», что заставило нас вновь вспомнить о забытом направлении в русской социально-политической мысли – «скифстве» – и его идеологе Р.В. Иванове-Разумнике (1878-1946).

Группа «Скифы», в которую входили писатели, поэты, деятели культуры и политики, принявшие революцию как глоток свежего воздуха, сложилась вокруг своего идейного вдохновителя, литературного критика, историка общественной мысли Разумника Васильевича Иванова, более известного под литературным псевдонимом Иванов-Разумник (1878-1946). Уже в предреволюционные годы Иванов-Разумник выдвинул требования революционных преобразований культуры и духовных основ общества, которые позже легли в основу его концепции «скифства» [2. С.229]. Считая себя последователем А.И. Герцена и Н.К. Михайловского, Иванов-Разумник формулирует свой уникальный философский метод — «имманентный субъективизм», через его призму рассматривая историю русской общественно-политической мысли. Согласно Иванову-Разумнику, вся история русской мысли — это борьба творческой интеллигенции с «всесловным мещанством» и духом конформизма. Именно интеллигенция [4. С.251] является силой, способной положить конец «мещанству», принеся освобождение не только отдельной личности, но и всему народу, сначала в индивидуальном, а затем и в общественном, политическом плане. А концентрированное выражение философия интеллигенции находит в литературе. Как верно замечает современный исследователь, Иванов-Разумник, видя в интеллигенции главную силу общественных изменений, в то же время продолжает традицию «социально-этического» толкования этого понятия, распространенного в России XIX века, когда к интеллигенции относили, прежде всего, тех, кто был критически настроен к современному обществу и его идеалам [6. С.39].

«Скифство» стало бунтом интеллигенции против мещанского мира, а высшей точкой этого бунта была русская революция, воспринятая Ивановым-Разумником и его окружением как революция одновременно национальная и антибуржуазная. Образ «скифа», с подачи Иванова-Разумника, отождествлялся с русским революционером-социалистом, готовым бросить вызов всей западной, «мещанской» цивилизации, чтобы на ее руинах основать новый, справедливый мир. По мысли Иванова-Разумника сборник должен был объединить литераторов «народнической направленности», т.е. близких идеологии социалистов-революционеров, которой симпатизировал сам Иванов-Разумник. Среди товарищей-единомышленников, и по совместительству редакторов первого сборника «Скифов», были видные эсеры Сергей Дмитриевич Мстиславский (1876-1943), будущий советский писатель и участник ареста Николая II, и Сергей Порфирьевич Постников (1883-1965), в 1917 г. выпускающий редактор газеты «Дело народа», центрального печатного органа партии эсеров. Также к группе на первых порах примыкал старый народник Александр Иванович Иванчин-Писарев (1849-1916). Но душой литературной группы был, конечно, Иванов-Разумник. Благодаря его усилиям к «скифам» примыкает весь свет русской интеллигенции Серебряного века: поэты Андрей Белый (вместе с Ивановым-Разумником редактор второго сборника «Скифы») и Александр Блок, «новокрестьянские» поэты Николай Клюев и Сергей Есенин, писатель Евгений Замятин, теоретики левого искусства Константин Эрберг (Сюннерберг) и Арсений Авраамов, писатели А. Терек (Ольга Форш) и Алексей Чапыгин, философ Евгений Лундберг, поэты Алексей Ганин и Петр Орешкин, художник Кузьма Петров-Водкин (оформивший обложки сборников). В определенный период были близки к кружку писателя Алексей Ремизов и Михаил Пришвин, философ Лев Шестов, видная революционерка Вера Фигнер. Несмотря на отсутствие единой идеологической платформы, «в идейном плане “скифы” были близки к левым эсерам (они осуждали мировую войну как империалистическую (однако голосовали против Брестского мира); ратовали за передачу земли крестьянам; а в 1918 году были близки к анархистам)... «Скифом» считался духовно и интеллектуально независимый максималист, враг мещанства, готовый к революции, откры-

тый мистическим переживаниям» [5. С.74].

Два сборника «Скифов» (1917, 1918 гг.), несмотря на общий идейно-теоретический и концептуальный посыл, имеют все же и одно важное различие, обусловленное временем их выхода в свет. Если первый сборник, задуманный еще в 1916 г., основной своей задачей ставил осмысление Первой мировой войны, то второй стал в большей степени осмыслением грянувшей в России революции. Суть этих размышлений емко была выражена в программных статьях Иванова-Разумника — «Испытание огнем» (1917 г.) и «Две России» (1918 г.). Статья «Испытание огнем» стала своеобразным приговором социалистам всех мастей, которые не выдержали главного «испытания» — испытания войной, и, под воздействием националистических настроений, спутали эту империалистическую войну, с войной «народной» и «освободительной», чем, по мнению автора, и предали идеалы социализма. «Вечный дух мещанства», о котором писал еще Герцен, стал тем ядом, который разложил некогда единый лагерь социалистов [3. С.261].

Но вот в России грянула долго ожидавшаяся «скифами-социалистами» революция. Прошли ли социалисты это новое «испытание»? На этот вопрос пытается ответить Иванов-Разумник в статье «Две России» (1918 г.), ставшей программной для второго сборника и выразившей его общее настроение. Две России — это удивительно тонкая и верная метафора, которую Иванов-Разумник подбирает для характеристики того политического, социального и духовного раскола, в котором оказалось русское общество после революции. То, что свято на одном берегу, греховно на другом, что божественно там, демонично здесь — вот правда русской революции, правда «двух России». Но почему же произошел этот грандиозный раскол общества? Несмотря на то, что «великая русская революция» прошла бескровно, почему она скатилась в пучину гражданской войны? Причина этому «вечный Хам» — мещанство, несущее страх расстаться с прошлым, с ложными ценностями старого мира.

А злая шутка истории в том, что вскоре авторы сборника «Скифы», в том числе и его главный идеолог Иванов-Разумник, сами пострадают от пламени революции. Вслед за кадетами, большевики расправились и со своими ближайшими товарищами — левыми эсерами, к которым был близок «наркомскиф» Иванов-Разумник. Так и не выйдя в свет третий сборник «Скифов», открывать который должны были знаменитые «Скифы» Блока и его поэма «Двенадцать», а вскоре и сам Блок умирает после тяжелой болезни, так и не дождавшись разрешения на выезд за границу на лечение. Иванов-Разумник так и не опубликует свою статью «Испытание в грозе и буре», а после неудачи левоэсеровского восстания случится разгром издательства «Революционный социализм», газет «Знамя труда» и «Знамя борьбы», журнала «Наш путь», где публиковались «скифы». А в 1919 г. Иванова-Разумника и вовсе посадят в тюрьму.

Литература:

1. Задорожнюк И.Е. Иванов-Разумник // Русская философия: Энциклопедия. 3-е изд., дораб. и доп. / Под общ. ред. М. А. Маслина. М., 2020.
2. Иванов-Разумник Р.В. Две России // Скифы: сборник. СПб., 2018.
3. Малинин В.А., Ширинянц А.А. Интеллигенция // Русская философия: Энциклопедия. 3-е изд., дораб. и доп. / Под общ. ред. М. А. Маслина. М., 2020.
4. Петров В.В. Революция 1917 года в современной ей литературно-философской апока-липтике // Революция, эволюция и диалог культур. Доклады к 100-летию русской революции на Всемирном дне философии в Институте философии РАН 14 и 16 ноября 2017 г. / Отв. ред. А.В. Черняев. М., 2017.
5. Ширинянц А.А. Вне власти и народа. Политическая культура интеллигенции России XIX — начала XX века. М., 2002.

Сетевые гражданские инициативы как фактор развития общественных ценностей

Бронников Иван Алексеевич

Кафедра российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Кандидат политических наук, доцент

ivbronn@gmail.com

Аннотация: по мнению автора, важным позитивным моментом создания сетевого ландшафта стало превращение «коммуникационной пропасти» в коммуникационные возможности акторов, прежде всего путем удовлетворения социальных и политических проблем на местном уровне и реализации различных практик гражданского активизма. Показано, что тенденция формирования общественной значимости принимаемых политических решений способствует постепенному внедрению сетевых гражданских инициатив в ценностное поле политики. Автором делается вывод о том, что сетевые гражданские инициативы являются активизирующим фактором населения, приобретают публичную ценность и быстро переходят в категорию политического. Сетевые гражданские инициативы формируют важные векторы развития гражданского общества в России, которые трансформируют сложные формы общественного развития посредством включения постматериальных публичных ценностей.

Ключевые слова: политическое участие, социальные медиа, гражданский активизм, публичные ценности, глобальные общественные блага,

Network civil initiatives as a factor in the development of social values. Bronnikov I.A.

Lomonosov Moscow State University

Abstract: according to the author, an important positive aspect of creating a network landscape was the transformation of the «communication gap» into the communication capabilities of actors, primarily by meeting social and political problems at the local level and implementing various practices of civil activism. It is shown that the tendency to form the public significance of political decisions contributes to the gradual introduction of network civil initiatives in the value field of politics. The author concludes that network civil initiatives are an activating factor of the population, acquire public value and quickly move into the category of political. Network civil initiatives form important vectors of civil society development in Russia, which transform complex forms of social development by including post-material public values.

Keywords: political participation, social media, civil activism, public values, global public goods

Информационно-коммуникационное изобилие сегодняшнего дня позволяет акторам эффективно применять индивидуальные и коллективные действия для осуществления политической и неполитической деятельности путем публичного объявления о проблемах. Современный мир, пронизанный сетевыми коммуникациями и простыми инструментами консолидации, показывает новые реальности гражданской способности к выражению своих интересов и общему желанию политического участия. По меткому замечанию К.Ширки, сейчас возросла возможность коллективных действий сетевых граждан. Гражданские инициативы рассматриваются нами как неформальные добровольные объединения граждан с целью защиты собственных интересов и создания общественного блага.

На сегодняшний день, значительное количество гражданских инициатив, реализуемых акторами, нацелено на развитие общественных ценностей. Они содержат технологии, инструменты, алгоритмы, необходимые для преобразования релевантных ожиданий и требований граждан в политические институты. Происходят процессы политизации запросов и ожиданий граждан, которые характеризуются разной скоростью, направленностью и интенсивностью. Более того, с одной стороны, современное общество является «перегруженным медиа», что провоцирует крайне конфликтную

атмосферу политического порядка, с другой – сетевой ландшафт гражданских инициатив способствует превращению «коммуникационной пропасти» между государством и институтами гражданского общества в коммуникационные возможности акторов, прежде всего, минимизацией «политической глухоты» и запуском «вирусных» качеств гражданского активизма.

Сегодня информационное поле взаимодействий и коммуникационное «горячее» (по М.Маклюэну) изобилие политических коммуникаций ключевых акторов приобретают невообразимые масштабы влияния [1], что приводит к конструированию качественно новых децентрализованных коммуникационных структур и практик, обладающих адаптивной способностью к самоорганизации.

Как можно видеть, зачастую люди действуют и принимают решения, опираясь на ценностно понятные мотивы и интересы. Важным становится роль публичных ценностей и наличие открытых каналов и площадок для вовлечения граждан в политический процесс современной России. В повседневной жизни индивид смотрит на происходящую действительность через свою систему убеждений и ценностей. При этом именно ценности повышают субъективность оценок тех или иных событий, явлений, процессов, они детерминируют отношение граждан к политическим объектам и определяют предъявляемые к ним ожидания [2, с. 31-32]. Как видится, трансформация публичных ценностей постинформационного общества будет способствовать выработке «зон контактов» между государством и акторами гражданского общества на новой сетевой основе.

Существующие практики гражданского активизма не способны комплексно удовлетворить возрастающие запросы и требования граждан постинформационного общества, вкусивших все преимущества сетевых коммуникаций как на межличностном, так и на глобальном уровнях. В работах последних лет [3-7], посвященных исследованию публичного диалога между государством и институтами гражданского общества, отмечается тесная связь между сетевой кооперацией граждан и уровнем общественного участия, отражающим включенность в процесс выработки политико-управленческих решений.

Однако усиливающиеся авторитарные тенденции и повышение роли вертикальных связей в государственном управлении [8] подталкивают граждан к выстраиванию сетей кооперации по насущным проблемам между собой, что способствует увеличению коммуникационной пропасти между государством и обществом, в перспективе, приводящей к политической «глухоте» с обеих сторон.

В начале XXI в. на почве нарастания критических суждений в адрес теорий гражданского участия начался поиск альтернативных концепций. Важным направлением подобного поиска стало переосмысление основных положений теории политических ценностей (Р. Инглхарт, К. Вельцель, М. Рокич, Ш. Шварц, С. Фельдман), формулирование концепции глобальных общественных благ [9], а также принципов public value management (менеджмент публичных ценностей).

Обращение к концепту общественных ценностей связано с переосмыслением политико-управленческих процессов в сторону политической инклюзивности и формирования общественной значимости принимаемых решений. К. Талбот даже высказал мысль о появлении новой «великой идеи» в публичном управлении [10, с. 313].

Для российского общества процесс эволюции публичных ценностей имеет противоречивую природу. Разнонаправленность публичных ценностей российских граждан доказывает актуальность тезиса Н.А. Бердяева об антиномичности русского национального сознания. По данным социологов большинство наших сограждан (62%) убеждены, что «России нужна демократия». Однако представления о демократии крайне неоднородны. Для одних демократия – это «общественное устройство, при котором власть заботится о нуждах людей» (34%), а для других – это «общественное устройство, при котором граждане могут свободно высказывать свою точку зрения о политике» (31%) [11, с. 87]. Из этого следует, что для одних патернализм как стремление государства опекать общество, вмешиваться в частную жизнь граждан оказывается обыденным, а для других инвариантными элементами современного политического процесса являются: подотчетность власти, соревновательность политических курсов и инклюзивное участие.

В сознании россиян преобладают ценности, ориентирующие на успех личной, приватной жизни. К примеру, финансовое благополучие (54%) и семья, дети (57%). Критерии успешности, связанные с миром публичных ценностей и общественных благ, не актуальны. Только 19% респондентов смотрят на успешность через призму того, приносит ли человек пользу окружающим, 12% – заслуживает ли

он признание и уважение с их стороны. Публичные ценности, связанные с политическими свободами, артикуляцией своих интересов, гражданским активизмом, находятся в арьергарде и не воспринимаются как жизненно значимые [12, с. 88-89].

В этой связи не выглядит странным, что приоритеты глобальных целей для России в глазах наших сограждан заключаются, прежде всего, в становлении одной из 10-15 наиболее преуспевающих стран мира (45%), а также возвращении себе статуса супердержавы (34%). Причем если ранее «членство в клубе» ведущих стран могло быть обеспечено за счет развитой экономики (в 2014 г. об этом говорили 52%) и сильной армии (42%), то сегодня значимость этих факторов существенно снизилась (до 33% и 19%, соответственно), тогда как на первый план вышел показатель высокого уровня благосостояния граждан (43% в 2019 г. и 25% в 2014 г.) [13]. Однако, существенно и то, что новые методы проявления гражданского активизма на сетевой основе обуславливают медленную и поэтапную адаптацию традиционной системы ценностей в политике.

Поскольку традиционные институты представительства не способны комплексно удовлетворить артикулированные запросы граждан, в последнее время общественная активность формируется в социальных и конвергентных медиа. Данные общественные импульсы все чаще проявляются в политической реальности, а гражданский активизм теперь не существует без своей репрезентации в онлайн пространстве. Нынешнее время показало, что чем шире участие народа в политическом процессе, тем объективнее проработанные управленческие решения, глубже информированность граждан и выше уровень доверия к публичным институтам.

Часто говорят, что новые способы осмысления политического мира провоцируют сложности в реализации гражданских форм участия. Несмотря на видимые блага общества потребления, заметную обеспокоенность вызывает создание массового конформного потребителя с достаточно сильными абсентеистскими позициями и безответственным отношением к происходящим событиям. З. Бауман как-то говорил, что атомизированному социуму присущи следующие характерные свойства: утрата индивидом контроля над социальными процессами, уязвимость его перед нарастающими изменениями, а также неспособность человека к долгосрочному планированию и акцент на мгновенные краткосрочные успехи [13, с. 98]. Впрочем, вопреки критикам гражданские инициативы развиваются и создают новые формы [14], о чем свидетельствует рост цифрового волонтерства, акций «одного требования», политических интернет-объединений, экологических движений и протестных выступлений.

Среди основных причин вовлечения населения в гражданскую активность можно выделить большое количество нерешенных и, что более важно, нерешаемых проблем, а также необходимость самореализации и достижения частных целей [15, с. 146]. Всплеск сетевых инициатив снизу и протестных акций связан с запросом на изменения и осознанием узости консервативно-охранительной парадигмы, реализуемой государством в обществе XXI в. Постматериальные ценности подталкивают граждан к формированию все новых и новых очагов сетевых инициатив (гражданская экспертиза, консолидированная помощь политическим заключенным, благотворительные онлайн-магазины, защита памятников архитектуры, экологические проекты и пр.), которые уже заняли свою нишу.

Когда народ выступает как совокупность граждан, имеющих групповую идентичность, на каждом уровне общества создаются соответствующие сетевые платформы, способствующие поиску выходов из сложившихся проблем и нахождению компромиссных решений на качественно новом политическом измерении. Надо особо отметить, что при разрушении привычных сетевых связей между людьми, коммуникационные провалы углубляются как между обществом и властью, так и между обычными гражданами, что может привести к дестабилизации всей политической системы.

Таким образом, сетевые гражданские инициативы – новый инструмент совместной работы управляющих и управляемых, имеющий определенную общественную ценность, активное освоение которого позволит совершенствовать существующий социальный уклад, а выработка научного основания для институционализации сетевых гражданских инициатив увеличивает эффективность социально-политических решений и способствует повышению открытости политического процесса в целом.

Более того, многогранность сетевых гражданских инициатив позволяет властным структурам отследить волнующие общество проблемы (мониторинг общественных настроений) и действовать на опережение, принимая «умные» решения.

Научное изучение потенциала сетевых гражданских инициатив в области анализа и оценки возможностей и рисков в современном политическом процессе позволит начать планомерную работу по выстраиванию и развитию системы эффективного диалога между органами государственной власти и институтами гражданского общества, значительно повысит эффективность государственных программ и процесса их выполнения.

Литература:

1. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровые стигматы как инструмент манипуляции массовым сознанием в условиях современного государства и общества // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 117-123.
2. Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993-2018) / Отв. ред. Книги Е.Б. Шестопал. М.: Издательство «Вест мир», 2019. 656 с.
3. Berbera, Casas, etc. Who Leads? Who Follows? Measuring Issue Attention and Agenda Setting by Legislators and the Mass Public Using Social Media Data // APSR, 2019.
4. Moskalenko, S., & McCauley, C. Measuring Political Mobilization: The Distinction Between Activism and Radicalism // Terrorism and Political Violence. 2009. Vol. 21. Issue 2. P. 239-260
5. Rød E. G., Weidmann N. B. Empowering activists or autocrats? The Internet in authoritarian regimes // Journal of Peace Research. 2015. 52(3). P. 338-351
6. Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43-60.
7. Трофимова И.Н. Гражданский активизм в современном российском обществе: особенности локализации // Социологические исследования. 2015. № 4 (372). С. 72-77
8. Gel'man V. Authoritarian Russia: analyzing post-Soviet regime changes // Pittsburgh, Pa.: Univ. of Pittsburgh press, cop. 2015, 208 p.
9. Kaul I., Grunberg I., Stern M. Global Public Goods – 6. Concepts, Policies and Strategies // Global Public Goods: International Cooperation in the 21st Century / I. Kaul, I. Grunberg, M. Stern (eds.). N. Y.: Oxford University Press, 1999.
10. Пушкарева Г.В. Менеджмент публичных ценностей: можно ли говорить об аксиологическом повороте в государственном управлении // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 68. С. 312-329.
11. Гражданский сектор государственного управления / Под ред. Проф. А.И. Соловьева. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2018. 440 с.
12. Россия – священная наша держава [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9709> (дата обращения 30.08.2019).
13. Воронцова Т.Н., Юдина Е.В. Социокультурная специфика гражданской активности россиян // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Серия: Социально-экономические науки. 2017. № 1. С. 97-101.
14. Макаренко Б.И. Гражданское общество как ресурс развития России // Сравнительная политика. 2013. № 3 (13). С. 74-94.
15. Никовская Л.И. Гражданский активизм и публичная политика в России: состояние и вызовы // Государство и граждане в электронной среде. Сборник научных статей. Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики; Библиотека Российской Академии наук. Санкт-Петербург, 2017. С. 146.

Бубнов А.Ю.

МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет политологии. Кандидат философских наук

alexandr-bubnov@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется память о войне как центральный элемент национальных идентичностей. Описывается феномен «войн памяти», как конфликта противостоящих версий памяти. Автор, опираясь на теорию Б. Гизена о четырех типах символических фигур, рассматривает роль памяти о войне в кодировании культурных представлений об идентичности. Описывается специфика российской памяти о Великой Отечественной войне, в центре которой находится фигура героя-победителя. Анализируется отличие национальных версий памяти о войне в Восточной Европе. Обращается внимание на новую конструкцию общеевропейской памяти о войне, для которой характерно развенчание культа героев и вывод на первый план нарратива о жертвах. Вводится представление о трех типах «войн памяти», описывающих противостояние исторических нарративов о Второй мировой войне, характерных для России, Западной и Восточной Европы.

Ключевые слова: войны памяти, коллективная память, политика памяти, национальная идентичность.

The memory of the war and the war of memory.

Bubnov A. Yu.

Moscow State University M.V. Lomonosov, Department of Political Science

Abstract: The article analyzes the memory of the war as a central element of national identities. The phenomenon of “memory wars” is described as a conflict of opposing versions of memory. The author, drawing on B. Giesen’s theory of four types of symbolic figures, examines the role of memory of the war in coding cultural representations of identity. The specifics of the Russian memory of the Great Patriotic War is described, in the center of which is the figure of the victorious hero. The difference between national versions of the memory of the war in Eastern Europe is analyzed. Attention is drawn to the new design of the pan-European memory of the war, which is characterized by the debunking of the cult of heroes and the bringing to the fore of a narrative of victims. The idea of three types of “memory wars” is introduced, which describes the opposition of historical narratives about the Second World War, characteristic of Russia, Western and Eastern Europe.

Keywords: memory wars, collective memory, politics of memory, national identity.

Связь исторической памяти и национальной идентичности, возможно, лучше всего объясняется через конструктивистскую концепцию Бенедикта Андерсона, образы прошлого позволяют «воображению сообществ» создавать национальное единство [1]. К этому можно добавить еще один аспект, на который меньше обращается внимание. Историческая память для нации – это преимущественно память о войнах. Война выступает как предельное испытание на прочность для государства и национального характера. Координирующие государства Нового времени формировались преимущественно вокруг военной функции. Именно война обеспечила взрывной рост расходов государственного аппарата и распространение государственного контроля на гражданское общество. На следующем этапе войны стали рассматриваться как общее дело формирующихся классов-наций, что проложило дорогу к формированию национализмов [2].

Память о войне также играет центральную роль в кодировании культурных представлений об идентичности. В теории Бернхарда Гизена типы коллективной памяти зависят от исторического опыта народа и могут быть сведены к четырем символическим фигурам: триумфального героя, трагического героя, жертвы и преступника [3]. По Гизену, причиной формирования триумфальной или травматической памяти является вторжение в повседневность человеческих сообществ мощных переживаний, сопоставимых с рождением и смертью. Массовый характер такой памяти в основном имеет своим

источником масштабные войны и эпидемии. В зависимости от исхода и обстоятельств войны возникает память победителей и память побежденных, которые будут опираться на разные символические фигуры. В случае победы это будет фигура героя-триумфатора, который внутри сообщества выступает как символическая репрезентация победы над обстоятельствами. В меньшей степени, но так же важна для победителей фигура трагического героя, бросившего вызов обстоятельствам, хотя и не преодолевшего их. В тоже время память побежденных будет тяготеть к трагическому герою и жертве, под которой понимается фигура, потерявшая субъектность, ставшая объектом насилия и неконтролируемого хода обстоятельств. В крайнем случае память побежденных формируется как память вины за преступления, и тогда в ней ключевую позицию занимает фигура преступника, того кто лишает других субъектности через смерть и сам лишен ее в наказание победителями. Модель четырех фигур может быть применена к большому числу примеров и рассмотрена как общее объяснение формирования идентичности через память о войне.

Советская память о Великой Отечественной войне формировалась вокруг фигуры героя-триумфатора, в роли которого выступал как советский народ-победитель в целом, так и отдельные его представители: маршалы Победы, Герои Советского Союза. Не менее важную роль для советской идентичности играла фигура трагического героя, так же выступавшая в личном и обобщенном качестве: и как Зоя Космодемьянская, и как Брестская крепость. Фигура трагического героя, столь же сакральная для общества, как и фигура победителя, объясняла и легитимировала поражения начального периода. Лишь фигура жертвы находилась на периферии советской идентичности. В советском нарративе о войне называлось общее количество жертв, говорилось о преступлениях оккупантов, но в основном без персонализации и без формирования долгосрочной памяти о вине преступников. Причины такого подхода – отдельный вопрос, связанный как с советской внутренней политикой, интернационализмом, проблемой коллаборационизма, так и с отношениями внутри советского блока. Трансформация памяти о войне в постсоветское время заключалась в частичном переносе акцентов с триумфальной составляющей на трагическую. Проблема больших военных потерь и ошибок советского командования, замалчивавшихся ранее по понятным причинам, была включена в новый нарратив о войне. В этом плане показательным является сооружение к 75-летию Победы Ржевского мемориала. Это сделало национальный миф о войне более объемным, без крупных лакун и фигур умолчания. При этом общая конструкция памяти осталась без изменений, триумфальная память продолжает выступать ядром теперь уже российской идентичности как народа, преодолевшего вызов войны на уничтожение.

Память о войне как важный элемент национальной идентичности, в современном мире выступает основным пространством для «войн памяти». «Войны памяти», или «мемориальные сражения» по определению Алейды Ассман [4, с. 267] описывают ситуацию конфликта противоположных коллективных памяти внутри национального сообщества или между сообществами и государствами. С одной стороны, это конфликт интерпретаций истории, «больших нарративов», но также конфликт и идентичностей, опирающихся на эти нарративы, и противостоящих символических фигур и образов. Понимаемые таким образом «войны памяти» могут рассматриваться как борьба политических субъектов за контроль над символическим пространством, и в этом смысле они родственны информационным войнам. Но к информационной составляющей таких войн следует добавить и активные действия государства в сфере законодательства («мемориальные законы») и образования, сводящиеся к ограничению противостоящих точек зрения, что определяется рядом исследователей как историческая политика. В таком ракурсе «войны памяти» приобретают вид государственных ограничительных политик, наподобие торговых войн.

Рассматриваемые в научной литературе примеры войн памяти [5] описывают в основном конфликты вокруг ревизии советского нарратива о Великой Отечественной войне в постсоветских странах и странах Восточной Европы. Прагматические цели политических элит этих государств заключаются в создании и укреплении собственных национальных мифов, а стратегии работы с национальной идентичностью включают изменение позиций символических фигур репрезентирующих национальную память, создание образов народов-жертв и инверсию преступников и героев.

Другой вид конфликта нарративов связан с изменением исторической памяти о войне в Западной Европе. Немецкая память была сформирована вокруг Холокоста и немецкой вины за него, которая стала коллективной травмой народа. Такая конфигурация памяти подразумевала отсутствие фигуры героя, ее замену на фигуры преступника и жертвы. Героизм и фигура героя стали рассматриваться как социальный конструктор, нечто созданное социальными конвенциями и подлежащее пересмотру. С этой

точки зрения советская и российская традиция памяти о войне, с ее триумфализмом и центральной фигурой победителя, воспринималась как элемент исторической политики авторитарного государства, легитимирующего свою власть. Тенденция переноса акцентов с героев на жертвы, с триумфа победителей на негативные уроки войны, становится со временем основой новой общеевропейской конструкции памяти [3, с. 6].

Таким образом, можно выделить несколько фронтов этой «войны памяти». Противостояние российского мифа о Победе и национальных мифов о трагических героях и народах-жертвах в Восточной Европе, с одной стороны. С другой, столкновение российского триумфализма с постгероическим западноевропейским нарративом. Наконец, противоречие между Восточной Европой, которая через уравнивание вины фашизма и коммунизма как версий тоталитарного режима отрицает исключительность преступлений нацистов, и Западной Европой, основывающей свою новую конструкцию памяти на уникальности Холокоста [6, с. 117].

Литература:

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
2. Манн М. Источники социальной власти. В 4 т. Т.1 История власти от истоков до 1760 года н. э. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 760 с.
3. Giesen V. Triumph and Trauma. Boulder: Paradigm Publishers, 2004. 208 p.
4. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
5. Бордюгов Г.А. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. М.: АИРО-XXI, 2011. 256 с.
6. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: РОССПЭН, 2015. 207 с.

Роль социокультурного метода в формировании российской политики

Василенко Ирина Алексеевна

Факультет политологии МГУ им.М.В.Ломоносова, профессор, доктор политических наук

vasilenko.irina@mail.ru

Аннотация: В докладе обосновывается значение социокультурного (цивилизационного) метода в формировании российской политики. Автор считает, что этот метод предполагает рассмотрение российской политики в широком контексте национальной культуры и цивилизационных традиций. Показано, что для методологии цивилизационного анализа ключевым является понятие «цивилизации» как типа человеческих сообществ, создавших уникальные формы религии, архитектуры, живописи, нравов, обычаев. Эти сакральные ценности — вера, почва и кровь — для народов, принадлежащих к одной цивилизации, в ситуации политического выбора являются более значимыми, чем любые экономические или политические выгоды. Автор приходит к выводу, что социокультурный анализ в политике предполагает ценностное обоснование политического курса страны с точки зрения архетипов и кодов национальной культуры, активизацию в общественном сознании древней сакральной триады веры, почвы и крови.

Ключевые слова: социокультурный (цивилизационный) анализ, культура, цивилизация, социокультурная идентичность, российская политика, архетипы и коды культуры.

The role of the sociocultural method in shaping Russian policy.

Vasilenko Irina A.

Lomonosov Moscow State University.

Abstract: The report analyzes the importance of the sociocultural (civilizational) method in the formation of Russian policy. The author considers that this method involves the analysis of Russian policy in the broad context of national culture and traditions. It is shown that for the methodology of civilizational analysis, the key is the concept of “civilization”, which is considered as the form of human community that created unique forms of religion, architecture, painting, mores, and customs. These sociocultural attractions - faith, soil, and blood - for peoples belonging to the same civilization, in a situation of political choice, are more significant than any economic or political benefits. The author comes to the conclusion that sociocultural analysis in politics involves a serious value justification of the country's political course in terms of archetypes and codes of national culture, and the activation in the public mind of the ancient sacred triad of faith, soil and blood.

Keywords: sociocultural (civilizational) analysis, culture, civilization, sociocultural identity, Russian politics, archetypes and cultural codes.

Основополагающее значение для объяснения и понимания современной российской политики имеет социокультурный (цивилизационный) метод, который предполагает рассмотрение российской политики в контексте национальной культуры и цивилизационных традиций. Цивилизационная парадигма пришла в политику из культурологии, где успешно развивалась с 18 века. Для методологии цивилизационного анализа ключевым является понятие «цивилизация», которое первоначально означало просвещенное общество в противовес дикости и варварству, а также научный и культурный прогресс, развитие свободы и справедливости: «Цивилизация означала в первую очередь идеал и, в значительной степени, идеал моральный» [1, с. 242-247]

В политической науке цивилизационный анализ одним из первых использовал русский ученый Н. Данилевский в книге «Россия и Европа». В этой работе цивилизационная парадигма представлена как метод политического анализа, рассматривающий влияние культуры как решающий фактор в сфере формирования политики. Данилевский считал, что цивилизации основаны на духовных предпосылках — «сакральных ценностях» или «больших идеях» — вокруг которых формируются сложные духовные системы, а вслед за этим возникают институциональные структуры в виде государственных образований. Особое значение имеет вывод автора о том, что в мире не может быть особых, привилегированных культурно-исторических

типов, поскольку ни одна цивилизация не может создать «окончательные», универсальные формы общественного устройства: «Прогресс состоит не в том, чтобы всем идти в одном направлении, а в том, чтобы все поприще исторической деятельности человечества исходить во всех направлениях». [2, с. 109].

Таким образом, в рамках социокультурного анализа цивилизация рассматривается как живой организм, возникающий и развивающийся в пространстве по некоторым законам, которые важно учитывать при разработке политического курса. Выдающиеся политические мыслители - М. Вебер, А. Тойнби, П. А. Сорокин, О. Шпенглер - подчеркивали особую роль религиозной этики в формировании цивилизационной идентичности. Они утверждали, что цивилизации представляют собой типы человеческих сообществ, создавших уникальные формы религии, архитектуры, живописи, нравов, обычаев. Эти социокультурные притяжения — вера, почва и кровь — для народов, принадлежащих к одной цивилизации, в ситуации политического выбора являются более значимыми, чем любые экономические или политические выгоды.

Таким образом, социокультурный анализ базируется на ценностном обосновании политики. В частности, политика государства должна быть направлена на укрепление политической независимости, отстаивать цивилизационное своеобразие, исключать слепое политическое копирование чужих политических образцов, пусть даже вполне прогрессивных: у каждой цивилизации свой путь. При этом самой большой опасностью при разработке политики в рамках этой парадигмы является опасность отрыва от национальных истоков. Как ни важны при обыкновённом, мирном течении жизни экономические и финансовые вопросы, торговые, колониальные или дипломатические выгоды - все они отступают на задний план, когда речь идет о духовной жизни и смерти народов, т.е. об исполнении ими исторического призвания.

Особое значение в рамках социокультурного метода имеет обоснованный Данилевским политический закон о защите российской цивилизации с помощью дисциплинированного энтузиазма. В решительные минуты, в кризисы народной жизни на первый план выступают не деньги, даже не та или другая военная организация, а два нравственных двигателя, при посредстве которых только и возможно то напряжение всех сил народных, что все сокрушает и ничем само сокрушено быть не может: «Это — дисциплина, или дар повиновения, или энтузиазм, или беспредельная готовность к самопожертвованию» [2, с. 458]

Следовательно, цивилизационная парадигма в российской политике предполагает, что главным фактором, интегрирующим большие пространства России, является цивилизационная идентичность. Основное следствие этой парадигмы состоит в том, что основным разрушительным фактором, с этой точки зрения, необходимо признать цивилизационную раздробленность: «политическое раздробление в среде одного и того же культурно-исторического типа имеет вредную сторону, состоящую в том, что оно лишает его политической силы, а следовательно, возможности успешного противодействия внешнему насилию» [2, с. 102].

Все это приводит к выводу о том, что социокультурный анализ в политике предполагает последовательное ценностное обоснование политического курса страны с точки зрения архетипов и кодов национальной культуры, активизацию в общественном сознании древней сакральной триады веры, почвы и крови.

Российская цивилизация — это богатая сокровищница традиций, ритуалов, моделей социальной самоидентификации и политической социализации. Политическая культура является стержнем российского политического процесса и политической деятельности, она формирует смыслы и ценности политического мира России, поскольку каждый политический акт в той или иной мере включает определенные культурные составляющие.

Таким образом, социокультурный метод позволяет современному политологу рассматривать российскую политику в широком ракурсе цивилизационных процессов, где мир политического органично включен в социально-экономическое и духовное развитие. Именно поэтому социокультурный метод играет сегодня ключевую роль при формировании современной российской политики.

Литература:

1. Февр Л. Цивилизация: эволюция слова и группы идей // Февр Л. Бои за историю. М. : Наука, 1991.
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М. : Книга, 1991.

Субъектность цифровой самокоммуникации в условиях технологической эволюции Интернета: перспективы и угрозы

Володенков С.В.

*Кафедра государственной политики факультета политологии МГУ им.М.В.Ломоносова, профессор
Доктор политических наук*

s.v.cyber@gmail.com

Аннотация: В условиях интенсивного развития и проникновения технологий массовой цифровой самокоммуникации в ключевые сферы жизнедеятельности общества возникают научные вопросы, связанные с проблемой субъектности политической коммуникации, а также трансформации процессов генерации и трансляции смыслового общественно-политического контента. Цифровые симулякры, берущие на себя в Интернет-пространстве функцию репрезентации личности, создают крайне смещенные по отношению к объективной реальности субъективные модели восприятия социально-политической действительности в рамках вирусного распространения общественно значимого контента, осуществляют вторжение и даже управление комментарийными дискуссиями реальных пользователей. В свою очередь, адресатом информационных сообщений также во многих случаях могут выступать цифровые симулякры. В результате формируется эффект цифровых самокоммуникаций, в которых реальной личности отводится вторичная роль наблюдателя, который пассивно воспринимает обсуждаемые цифровыми симулякрами социально-политические события, процессы, явления. Коллективные смыслы в процессах самокоммуникации также вырабатываются во многих случаях независимо от самих пользователей. Развивающиеся нейросетевые алгоритмы способны уже сегодня осуществлять самостоятельную коммуникацию от лица политических агентов, заменяя их в процессах их репрезентации. Активное участие основанных на нейросетевых технологиях цифровых симулякров в комментарийных дискуссиях позволяет напрямую управлять восприятием и интерпретацией любых сообщений, содержащих смысловой контент. Возникает проблема субъектности в процессах цифровой коммуникации, а также важный вопрос – насколько подобного рода нейросетевые коммуникации будут контролироваться человеком в дальнейшем. Насколько конструирование социально-политических смыслов и их трансляция в Интернет-пространстве останутся процессами, принадлежащими человеку, а не нейросетевым алгоритмам. Манипулятивно-пропагандистский потенциал нейросетевых коммуникаций и функционирующих на их основе киберсимулякров базируется при этом на возможностях точечного таргетирования, использовании для достижения максимального эффекта информационно-коммуникационного воздействия индивидуальных «цифровых следов» пользователей, формирующих массивы больших данных, хорошо поддающихся анализу и алгоритмизации. В связи с указанными обстоятельствами проблема симулякризации цифровых социально-политических коммуникаций приобретает высокую актуальность в условиях развития современного информационного общества и требует своего изучения учеными, в т.ч. философами и политологами.

Ключевые слова: субъектность коммуникации, самокоммуникация, киберсимулякр, массовое сознание, нейросетевые алгоритмы

The subjectivity of digital self-communication in the technological evolution of the Internet: prospects and threats. Volodenkov S. V.

Lomonosov Moscow State University

Abstract: In conditions of intensive development and penetration of mass digital self-communication technologies into key spheres of the life of society, scientific questions arise related to the problem of political communication subjectivity, as well as the transformation of the processes of

generation and translation of socio-political content. Digital simulacra, which take on the function of representing the person in the Internet space, create subjective models of socio-political reality perception that are extremely biased towards objective reality within the framework of the viral distribution of socially meaningful content, invade and even manage commentary discussions of real users. In turn, digital simulacra can also be the addressee of information messages in many cases. As a result, the effect of digital self-communications is formed in which the real person is given the secondary role of an observer who passively perceives the socio-political events, processes, and phenomena discussed by digital simulacra. Collective meanings in self-communication processes are also developed in many cases, regardless of the users themselves. Evolving neural network algorithms are already capable of independent communication on behalf of political agents, replacing them in the processes of their representation. The active participation of digital simulacra based on neural network technologies in commentary discussions allows us to directly control the perception and interpretation of any messages containing semantic content. There is a problem of subjectivity in the digital communication processes, as well as an essential question - how much a person will control this kind of neural network communications in the future. How much the construction of sociopolitical meanings and their translation in the Internet space will remain human-owned processes and not neural network algorithms. The manipulative and propaganda potential of neural network communications and the cyber simulacra functioning on their basis is based on the possibilities of point targeting and the use of individual "digital traces" of users, who form large data arrays that can be easily analyzed and algorithmized, to achieve the maximum effect of information and communication. In connection with these circumstances, the problem of simulating digital socio-political interactions is becoming highly relevant in the context of the development of the contemporary information society. It requires its study by scientists, including philosophers and political scientists.

Keywords: subjectivity of communication, self-communication, cyber simulacrum, mass consciousness, neural network algorithms

Первые этапы формирования и эволюции Интернета как цифрового пространства массовых коммуникаций оптимистично характеризовались многими учеными, как переход к новому типу технологической демократизации государств и глобальной свободе коммуникаций. С появлением социальных сетей и ресурсов социальных медиа возник эффект самокоммуникаций, описывающих интерактивное взаимодействие интернет-пользователей в цифровом пространстве. Данный этап эволюции Интернета породил не только новые коммуникационные возможности для общества, но и сформировал потенциал манипуляционно-пропагандистского влияния на массовое сознание в пространстве социальных медиа.

В процессах самокоммуникации сначала стало появляться значительное число ботов, транслировавших в вирусном формате общественно-политическую информацию, а затем цифровые коммуникации стали характеризоваться применением киберсимулякров - функционирующих в интернет-пространстве виртуальных личностей, симулирующих репрезентацию реально существующих сетевых пользователей [1, с.18]. Данные виртуальные конструкты активно внедрялись для организации массовых пользовательских дискуссий и управления ими в пространстве социальных медиа, позволяя сформировать эффект общественного мнения, влиявший на массовые представления сетевых онлайн-пользователей.

Постепенно цифровое пространство массовых самокоммуникаций все в более значительной степени наполнялось манипуляционно-пропагандистским контентом, а киберсимулякры стали играть значимую роль в процессах воздействия на массовое сознание в Интернете, выступая инициаторами, активными участниками массовых дискуссий, связанных с анализом и интерпретацией общественно-политических явлений и событий, а также выработкой коллективных смыслов в процессах онлайн-самокоммуникаций. Так, во время выборов Президента США в 2016 году при помощи киберсимулякров было сгенерировано не менее 20% всех сообщений в Twitter (подавляющее большинство из них использовались в интересах кандидата от республиканцев).

Оценка масштабов работы, связанной с генерацией и трансляцией политического контента, выполненная специалистами, исследовавшими цифровое пространство в процессе американских выборов, позволяет говорить о десятках и сотнях тысяч сообщений «реальных пользователей», с

помощью которых наполнялось публичное пространство Twitter [2, p.389].

По мере технологической эволюции Интернета на современном этапе его функционирования все большее развитие получают так называемые нейросетевые алгоритмы, способные коммуницировать на основе самообучения и анализа цифровых массивов больших данных, представляющих из себя совокупность цифровых следов сотен миллионов пользователей по всему миру.

Искусственный интеллект и нейросетевые алгоритмы все более широко имплементируются в актуальную практику современных цифровых самокоммуникаций, формируя значительно более высокий потенциал воздействия киберсимулякров, уже не требующих управления собою со стороны операторов – людей. Нейросетевой алгоритм на сегодняшний день способен самостоятельно генерировать и транслировать контент в различные целевые аудитории Интернета с учетом особенностей их ценностно-смысловых картин мира, специфичных когнитивных моделей восприятия окружающей действительности, что позволяет в дальнейшем влиять на поведенческие реакции представителей целевых аудиторий.

Как пишет в этой связи Шон Гурли, «мы медленно движемся от «машин предсказания» к тому, что можно называть «машинами убеждения», что другие с более пессимистическими взглядами могут назвать «машинами манипуляции... Выборы 2016 года будут первыми выборами, когда ключевую роль сыграют те, кто сможет осуществлять подталкивание поведения, изготавливать и применять поведенческие импланты» [3].

Все необходимые данные для управления поведением пользователей, по сути, уже имеются. Экс-директор Google Эрик Шмидт по этому поводу сделал следующее заявление в одном из своих публичных выступлений: «мы не нуждаемся в том, чтобы вы нажимали на все клавиши в вашем компьютере. Мы знаем, где вы находитесь и где вы были. Мы можем узнать в общих чертах, о чем вы думаете... мы знаем все, что вы делаете, и правительство может за вами наблюдать. Мы узнаем, где вы находитесь, в районе 50 см, и мы сократим это расстояние до нескольких сантиметров. Ваша машина будет вести вас сама, и это неправильно, что машины были изобретены до компьютеров. Вы никогда не бываете одни, и вам не скучно» [4].

Иными словами, искусственные алгоритмы на основе анализа индивидуальных цифровых профилей обеспечивают выдачу персонализированного контента. Персонализированная новостная лента в Facebook, персонализированные результаты поисковой выдачи в Google, персонализированная реклама на основе интересов пользователя отсекают его от возможных альтернатив, погружают в своего рода персональную цифровую капсулу, выбраться из которой он уже не способен.

Окруженный в пространстве социальных медиа киберсимулякрами, выдающими себя за реальных пользователей, нейросетевыми алгоритмами, генерирующими персонализированный контент на основе анализа личности, индивид попадает в ловушку, в которой субъекты коммуникационных актов ему не ясны и зачастую симулированы. Технологически никто не мешает уже в ближайшем будущем заместить и самого индивида нейросетевым алгоритмом, задачей которого станет осуществление коммуникационной активности от лица пользователя на основе анализа его предпочтений и предыдущего опыта, усвоенного искусственным интеллектом.

В случае реализации подобного сценария мы столкнемся с новым феноменом самокоммуникаций, в которых отсутствуют субъекты как таковые, так как их будут замещать программные алгоритмы. Какова будет роль человека в данных процессах? Насколько индивид будет способен (в случае желания коммуницировать самостоятельно) справиться за счет своих исключительно человеческих способностей, с нейросетевыми комплексами, анализирующими партнера по коммуникации, например, при ведении дистанционных переговоров? Насколько человеческая личность сможет противостоять на равных программному алгоритму? Каков будет манипуляционный потенциал нейросетей, способных на основе анализа цифровых следов осуществить точечное воздействие на сознание человека, убежденного в том, что он коммуницирует не с искусственным интеллектом, а с реальным индивидом? Эти вопросы уже в самое ближайшее время, на наш взгляд, могут приобрести актуальность в цифровом пространстве, и ответы на них необходимо искать уже сегодня.

Более того, весьма важным представляется и вопрос о том, как будут эволюционировать нейросетевые алгоритмы, освобожденные от «ручного управления». Весьма показательным в данной связи является эксперимент корпорации Microsoft по внедрению в Интернет-пространство нейросетевого комплекса Tay с элементами эмоционального интеллекта. В результате своего самообучения на основе

анализа результатов своего сетевого интерактивного взаимодействия с реальными пользователями Тау «радикализировался» и в итоге стал не только поддерживать радикальные идеи, но и в итоге цитировать Гитлера [5, с.45]. Весьма неудовлетворительные итоги были получены и в ходе обучения искусственного интеллекта в рамках аналогичного проекта китайским специалистами.

Если допустить, что нейросетевые алгоритмы будут допущены до практики цифровых самокоммуникаций, то какие идеи они станут транслировать в сетевом пространстве реальным пользователям, не подозревающим, что он коммуницирует не с живым человеком, а лишь искусственным интеллектом? Каковы будут коллективные смыслы, выработанные в процессе массовых дискуссий и коллективных обсуждений в пространстве социальных медиа? Какая роль в итоге будет отведена живому человеку в данных процессах? Какова будет роль субъектов, а не интересантов в системе цифровых самокоммуникаций? Ответы на поставленные вопросы будут формироваться в рамках практики цифровых коммуникаций, которая уже, очевидно, будет сопряжена с существенными рисками и угрозами в сфере общественного развития и сохранения субъектной диалоговой коммуникации.

Нам представляется, что представленная нами в данном докладе проблематика субъектности цифровых самокоммуникаций требует своего внимательного и глубокого рассмотрения учеными и специалистами. Как справедливо считает Б. Барбер, ««новая технология может стать опасным проводником тирании... Более опасной тирании, чем невидимая и мягкая, не существует. Такая тирания, в которой подданные становятся соучастниками своего собственного жертвоприношения и в которой порабощение является результатом не намерений, а обстоятельств» [6, р.581-582].

Литература:

1. Володенков С.В. Киберсимулякры как инструмент виртуализации современной массовой политической коммуникации // Информационные войны. 2014. №4(32). С. 18-21.
2. Baecker R.M. Computers and Society: Modern Perspectives. Oxford: Oxford University Press, 2019. 549 p.
3. Gourley S. Get Ready for the Robot Propaganda Machine // WIRED. URL: <http://www.wired.co.uk/article/robot-propaganda> (дата обращения: 04.04.2020)
4. Watson P. J., Jones A. Google-Berg: Global Elite Transforms Itself For Technocratic Revolution // Infowars. URL: <http://www.infowars.com/google-berg-global-elite-transforms-itself-for-technocratic-revolution/> (дата обращения: 04.04.2020)
5. Федорченко С. Н. Значение искусственного интеллекта для политического режима России: проблемы легитимности, информационной безопасности и «мягкой силы» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 41–53. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-1-41-53
6. Barber B. (1998) Three Scenarios for the Future of Technology and Strong Democracy // Political Science Quarterly, Winter 1998-199, vol. 113, no 4, pp. 573-589. <https://doi.org/10.2307/2658245>

Современные теоретико-методологические подходы в исследованиях феномена «нового национализма»

Голубев Сергей Игоревич

Развитие стран Европы и Америки в середине 2010-х гг. сопровождалось целым рядом крупных общественно-политических потрясений. Миграционный кризис 2015 года, референдум о выходе Великобритании из Евросоюза и избрание на пост президента США Д.Трампа в 2016 году, слабые результаты традиционных центристских («народных») партий на выборах в странах континентальной Европы – все это ознаменовало собой начало масштабной перестройки партийно-политических систем стран «коллективного Запада». Одним из проявлений этой перестройки стало резкое усиление влияния крайне правых сил (на протяжении нескольких десятилетий для их идентификации использовались различные термины схожего семантического ряда – «новые правые», «крайние правые», «радикальные правые», «популистские правые»): партий, движений и самого крайне правого политического дискурса. Присутствие крайне правого элемента в поствоенной политике стран Европы и Америки не является принципиальным новшеством и уходит своими корнями ещё в 70-е годы прошлого века, однако масштаб общественной поддержки на современном этапе свидетельствует о том, что его положение в общественно-политической жизни рассматриваемых стран достигло нового качества. Эти обстоятельства позволили исследователям говорить о появлении в середине 2010-х гг. комплексного феномена т.н. «нового» или «неонационализма».

В настоящее время понятие «неонационализма» претерпевает процесс активной разработки как в зарубежной [8, 9, 10, 11, 14, 15, 19, 20], так и в отечественной научной литературе [1, 2, 5, 6, 7]. Основные теоретико-методологические подходы к объяснению причин появления сущности «национализма» можно подразделить на следующие группы.

Прежде всего, необходимо выделить подходы, рассматривающие подъем крайне правых политических сил с точки зрения повышения в общественно-политическом пространстве «спроса» на соответствующую идеологию. В качестве базовой предпосылки в данном случае предполагается, что в основе повышения «общественного спроса» на крайне правую повестку дня лежит долговременная кризисная эволюция модели «государства всеобщего благосостояния» с конца 1970-х гг., главным содержанием которой с 1990-х гг. для стран Западной Европы и Америки стали процессы глобализации, а для стран Центральной и Восточной Европы – сложной посткоммунистической трансформации. Непосредственный же механизм повышения «спроса» объясняется теориями данной группы по-разному: экономико-ориентированные концепции подчеркивают тяжелые социальные последствия глобализации мирового хозяйства для отдельных слоев населения стран Запада, культурно-ориентированные – роль защиты собственной культурной идентичности в условиях масштабного иммиграционного притока. Особой теорией, объясняющей повышенный спрос на крайне правую повестку дня, является концепция т.н. «культурной контрреволюции», акцентирующая внимание не на внешних по отношению к самим западным обществам факторах, а на внутренней трансформации их собственных ценностных предпочтений.

Другая группа подходов, стремящихся объяснить феномен «неонационализма», обращается к факторам на стороне идейно-политического «предложения». Среди них выделяются теории, подчеркивающие изменения в традиционных партийно-политических силах (фактическое устранение идеологических различий между умеренно-правыми и умеренно-левыми силами, «психологическая усталость» избирателя от многолетней политической «рутины» и т.п.) как предпосылку для повышенного стремления к голосованию за более радикальные и отчасти маргинальные силы. Иные теории данной группы подчеркивают роль демократических политических институтов западных обществ как ещё одного фактора, способствующего повышению роли крайне правых в условиях новых возможностей для доведения своей повестки дня до населения и избирателей с помощью новых технологий коммуникации и обновленной медиасреды.

Таким образом, существующие в научной литературе теоретические подходы к изучению феномена «нового национализма» характеризуются, с одной стороны, разнообразием предложенных объяснительных моделей явления, а с другой - отсутствием среди них какого-либо одного общепризнанного, что делает актуальным проведение дальнейших исследований по данному вопросу.

Литература:

1. Аллаяров Р.А. Европейский неонационализм как начало конца глобализации / Устойчивое развитие науки и образования. 2018. № 11. С. 277-285.
2. Осолков П.В., Тэвдой-Бурмули А.И. Европейский правый популизм и национализм: к вопросу о соотношении функционала / Вестник Пермского университета. Политология. 2018. № 3. С. 19-33.
3. Сафронов В.В. Голосование за радикальные правые партии в Европе: роль культурного изменения и партийной поляризации (Часть 1) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2018. № 6. С. 15-22.
4. Сафронов В.В. Голосование за радикальные правые партии в Европе: роль культурного изменения и партийной поляризации (Часть 2) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2019. № 1. С. 2-11.
5. Семененко И.С. Национализм, сепаратизм, демократия... Метаморфозы национальной идентичности в "старой" Европе / Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 70-87.
6. Семененко И. Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса / Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 11. С. 91-102.
7. Узнародов И.М. Новый национализм в современной Европе / Современная Европа. № 5. 2015. С. 79-90.
8. The Oxford Handbook of the Radical Right. Ed. by J. Rydgren. New York: Oxford University Press. 2018.
9. Bieber F. Ethnopolitism and the Global Dynamics of Nationalist Mobilization. *Ethnopolitics*. 2018. Vol. 17. № 5. P. 558-562.
10. Bieber F. Is Nationalism on the Rise? Assessing Global Trends, *Ethnopolitics*. 2018. Vol. 17. № 5. P. 519-540.
11. Bonikowski B. Ethno-Nationalist Populism and the Mobilization of Collective Resentment. *The British Journal of Sociology*. 2017. Vol. 68. № 1. P. 181-213.
12. Bonikowski B., Halikiopoulou D., Kaufmann E., Rooduijn M. "Populism and Nationalism in a Comparative Perspective: A Scholarly Exchange." *Nations and Nationalism*. 2018. Vol. 25. № 1. P. 58-81.
13. Brubaker R. Between nationalism and civilizationism: the European populist moment in comparative perspective. *Ethnic and Racial Studies*. 2017. Vol. 40. № 8. P. 1191-1226.
14. Eger M.A., Valdez S. 2015. Neo-nationalism in Western Europe. *European Sociological Review*. № 31. P. 115-130.
15. Halikiopoulou D., Vlandas T. What is new and what is nationalist about Europe's new nationalism? Explaining the rise of the far right in Europe. *Nations and Nationalism*. Vol. 25. № 2. 2019. P. 409-434.
16. Inglehart R., P. Norris. *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. NY: CUP, 2019.
17. Jenne E.K. Is Nationalism or Ethnopolitism on the Rise Today? *Ethnopolitics*. 2018. Vol. 17. № 5. P. 541-561.
18. Malešević S. *Grounded Nationalisms: A Sociological Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
19. *Populist Nationalism in Europe and the Americas*. Edited by Fernando López-Alves, Diane E. Johnson. New York: Routledge, 2018.
20. Valluvan S. Defining and challenging the new nationalism. *Juncture*. 2017. № 23. P. 232-239.

Становление политико-философского дискурса в современной России: основные парадигмы

Гуторов В.А.

Санкт-Петербургский государственный университет, заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии. Доктор философских наук,

gut-50@mail.ru

Аннотация: В посткоммунистической России политическая философия как вполне самостоятельное направление общественной мысли и университетская дисциплина завершает период становления. Многие из идей, которые с 1990-х становятся достоянием отечественного научного и философского дискурсов, имели важное значение для разработки новых, лишенных идеологической ангажированности принципов анализа. Предпочтение отдавалось преимущественно тем методологиям, в рамках которых осуществлявшаяся под лозунгами демократизации трансформация коммунистической олигархии в посткоммунистическую могла быть осмыслена на уровне «респектабельного понимания» основных тенденций современного мирового политического процесса, имманентно порождавших в условиях глобализации всеобщий кризис демократических институтов и традиций.

Ключевые слова: Россия, посткоммунизм, политическая философия, марксизм, философский дискурс.

The formation of political and philosophical discourse in modern Russia: the main paradigms. Gutorov V.A.

Saint Petersburg State University

Abstract: In post-communist Russia, political philosophy as a completely independent direction of social thought and university discipline completes its formation. Many of the ideas of the 1990s being the property of domestic scientific and philosophical discourses, were important for the development of new principles of analysis, devoid of ideological bias. Preference was given mainly to those methodologies within which the transformation of the communist oligarchy into a post-communist one, carried out under the slogans of democratization, could be comprehended at the level of a "respectable understanding" of the main trends of the modern world political process, which immanently generated a global crisis of democratic institutions and traditions.

Keywords: Russia, post-communism, political philosophy, Marxism, philosophical discourse.

В посткоммунистической России политическая философия как вполне самостоятельное направление общественной мысли и университетская дисциплина завершает период становления. Таким образом, задаваемый еще в начале XXI века вопрос - «нужна ли философия политике?» [1] - по-видимому, на данном этапе решен вполне положительно. Однако этот, безусловно позитивный, процесс развивается на фоне общего упадка философского знания. Тем не менее, интеллектуальная потребность в философском понимании проблем и парадоксов политики в России пока очевидна. Об этом свидетельствуют не только постоянно возрастающее количество университетских учебников или переводов признанных классическими трудов современных западных философов, но, что не менее важно, и появление большого количества оригинальных книг и статей, авторы которых отчетливо демонстрируют стремление развивать основные направления политической мысли, возникшие на Западе и в России в эпоху модерна и постмодерна. Разумеется, характер отечественного «постмодерна» очевидно выглядит весьма ограниченным, находящимся в плену «проклятых вопросов», главный из которых определяется формулированием непосредственных и перспективных целей политического и экономического развития.

Следует подчеркнуть, что многие из идей, ставших с 1990-х гг. достоянием отечественного научного и философского дискурсов, имели важное значение для разработки новых, лишенных

идеологической ангажированности принципов анализа как основных векторов российской политики, так и того политического режима, который складывался в эти годы. Предпочтение отдавалось преимущественно тем методологиям, в рамках которых осуществлявшаяся под лозунгами демократизации трансформация коммунистической олигархии в посткоммунистическую могла быть осмыслена на уровне «респектабельного понимания» основных тенденций современного мирового политического процесса, имманентно порождавших в условиях глобализации всеобщий кризис демократических институтов и традиций. Российским ученым не могла не импонировать, например, позиция неомакиавеллистов относительно природы современной демократии, которую весьма сочувственно обобщал в своих лекциях Реймон Арон [2, с. 108-109].

Другим весьма популярным источником, закреплявшим в 1990-е гг. в российском политическом дискурсе макиавеллистские стереотипы мысли, стали философские идеи социологии Пьера Бурдьё. Несмотря на определенный налет политического идеализма, связанного с несколько преувеличенной оценкой степени революционного радикализма польских и чешских диссидентов, ставших первоначально на рубеже 1980-1990-х гг. основой посткоммунистической элиты, П. Бурдьё удалось вслед за М. Вебером и В. Парето обосновать на новом социологическом материале ту принципиально важную мысль, что идеологические концепты и клише нередко являются лишь фетишистским прикрытием свойственного любым политическим режимам механизма делегирования, способствующего институционализации или «объективации» политического капитала и его «материализации в политических “машинах”, постах и средствах мобилизации» [3, с. 215].

В настоящее время явно развеиваются без остатка последние реминисценции, связанные с линейной прогрессистской схемой эволюции государства от его примитивных форм к демократической форме правления в ее либерально-конституционной, социальной, «когнитивно-делиберативной» или элитарно-консервативной версиях. Иными словами, демократия уже не является «венцом творения», но рассматривается, скорее, как государственный строй, вступивший в «пост-позитивную» стадию развития наряду с традиционными авторитарными режимами и многочисленными гибридами демократии и авторитаризма в африканском, азиатском или посткоммунистическом их формате. Поэтому неудивительно, что на рубеже XX-XXI вв. в чисто статистическом плане в России стали превалировать научные и философские труды, авторы которых демонстрируют скептическое отношение если не к демократическим институтам как таковым, то к многочисленным мифам, окружающим идею демократии. Многие российские гуманитарии столь же хорошо усвоили все опасности увлечения философией марксизма, как это в свое время сделал Лешек Колаковский, просто и рельефно рассказавший в одном из своих интервью 1990-х гг. о причинах своего первоначального увлечения марксистскими формулами: «Как вы знаете, поворот к марксизму всегда был двойным поворотом... Марксизм привлекал меня, как и многих других людей, тем, что он по видимости предлагал рациональное и, вместе с тем, несентиментальное видение истории, в рамках которого все было объяснено..., не только прошлое, но и будущее становились в равной степени прозрачными... Сартр однажды сказал, что марксисты были ленивы именно в том смысле, что марксизм, особенно в его упрощенной, примитивной форме, долгие годы господствовавшей как политическая идеология, было легко изучать» [7, р. 342]. Но это означало также, что, отказавшись от простых идеологических формул, российские интеллектуалы не могли не натолкнуться на дилемму, подобную той, которая сравнительно недавно была вновь очень пластично сформулирована Марселем Гоше: «Если мы действительно вынуждены раз и навсегда отказаться от марксизма, то что же тогда должно занять его место? А это уже как раз является основной заботой политической философии» [4, с. 12].

Разумеется, сближение России и Запада в 1990-е гг. по многим структурным параметрам в чисто теоретическом плане не могло не способствовать рационализации проблемы переходного характера, в котором оказалась российская политология. В поиске новых методов интерпретации политики и политического российские философы нередко сталкивались с теми же проблемами, что и их западные коллеги. Переходный характер политической теории в целом ряде аспектов трансформировал и гораздо более фундаментальную проблему: «... Является ли политическое теоретизирование [проявлением] когнитивной активности неких лиц, которым в рамках их собственных социо-исторических контекстов приходится ограничиваться благоразумной формой резонерства в отношении того, что по определению является следствием изменяющихся обстоятельств? Или же политическое теоретизирование является некой формой вневременной активности деятельных личностей, призванных прояснять необходимую и неизменную истину о политике, которая рассматривается как нечто независимое от мелочей реальной

жизни отдельных лиц и условных языков, которыми они пользуются для демонстрации своих мыслей относительно нее?» [6, р. 10].

Совершенно очевидно, что вопрос о цели, предмете и этической направленности политического философствования всегда сохранял известную двойственность и до сих пор по большей части формулируется в зависимости от абстрактно-субъективных или моральных установок того или иного философа. К примеру, Шелдон Волин подчеркивает, что «попытка философа придавать значение политическим феноменам неминуемо сопровождается и ограничивается некоторой степенью порядка, некоторым уровнем согласованности, которые существуют независимо от того философствуют философы или нет. Другими словами, границы и содержание предмета-вопроса (subject-matter) политической философии в большой степени детерминируются практиками существующих обществ» [9, р. 7].

Сформулированная выше Жанет Коулман дилемма политического философствования имеет еще один важный аспект – этический. В современной традиции уже давно укрепилась тенденция, разграничивающая политическую и моральную философию: например, если первая определяется как «оценочное изучение политических обществ», то вторая – как «изучение того как мы должны действовать и быть или, в более общем плане, как мы должны жить» [8, р. 4].

В посткоммунистической России моральная философия и политическая этика как философская дисциплина оказались в более трудном положении по сравнению с другими гуманитарными направлениями. Но в целом ситуация, сложившаяся в сфере чисто академических философских исследований в современной России, свидетельствует о том, методологическая рекомендация Поля Рикёра – «преодолеть культурную дистанцию, расстояние, отделяющее читателя от чуждого ему текста, и таким образом включить смысл этого текста в нынешнее понимание, каким обладает читатель» [5, с. 40] – была философами услышана.

Литература:

1. Алексеева Т.А. Нужна ли философия политике? М.: Эдиториал УРСС, 2000. 128 с.
2. Арон Р. Демократия и тоталитаризм / Пер. с фр. Г.И. Семенова. М.: Текст, 1993. 303 с.
3. Бурдьё П. Социология политики / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
4. Гоше М. Задачи политической философии / Пер. с фр. С. Рындина // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2012. № 6 (86). С. 10-46.
5. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр. И. С. Вдовиной М.: Академический проект, 2008. 695 с.
6. Coleman J. The Voice of the 'Greeks' in the Conversation of Mankind // The History of Political Thought in National Context / Ed. by D. Castiglione, I. Hampsher-Monk. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 10-39.
7. On Marxism, Christianity and Totalitarianism. An Interview with Leszek Kolakovsky // Totalitarianism and Political Religions. Volume I. Concepts for the Comparison of Dictatorships / Ed. by Hans Maier. London; New York: Routledge, 2004. P. 342-348.
8. Simmons J.A. Political Philosophy. New York; Oxford: Oxford University Press, 2008. 180 p.
9. Wolin Sh. S. Politics and Vision. Continuity and Innovation in Western Political Thought. Expanded Edition. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2004. 760 p.

Национально-государственная идентичность: философское и политологическое измерения

Евгеньева Татьяна Васильевна

МГУ им. М.В. Ломоносова. Доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии. Канд. ист. наук

etv133@mail.ru

Аннотация: Сегодня наличие целостной системы позитивных темпоральных конструктов – представлений об историческом времени в целом, и адекватного видения собственного пространства становится не только ключевым фактором коллективного ответа на философский вопрос «кто мы?» как в исторической ретроспективе и перспективе, так и в геополитическом измерении, но и условием политической конкурентоспособности современного государства. Исследование показало, что национально-государственная идентификация респондентов не только определяет восприятие места России в мировом пространстве, но и формирует в зависимости от этого восприятия образы прошлого и будущего страны и государства. Фрагментированный характер представлений об истории России, символическая бедность образов становится препятствием для формирования представлений о желаемом будущем как для себя лично, так и для России. А когнитивная и символическая бедность образа пространства своей страны у представителей молодого поколения, создает у части респондентов представление о его избыточности, являющейся источником дополнительных проблем.

Ключевые слова: национально-государственная идентичность, политическая самоидентификация, политическое восприятие; пространственные образы; темпоральные образы.

National State Identity: Philosophical and Political Dimensions. Evgenyeva Tatiana

Lomonosov Moscow State University.

Abstract: Today, the existence of an integrated system of positive temporal constructs - ideas about historical time in general, and an adequate vision of one's own space is not only a key factor in the collective answer to the philosophical question of "who are we?" both in historical retrospect and perspective, and in the geopolitical dimension, but also a condition for the political competitiveness of the modern state. The study showed that the national-state identification of respondents not only determines the perception of Russia's place in the world, but also forms images of the past and future of the country and state, depending on this perception. The fragmented nature of ideas about the history of Russia, the symbolic poverty of images becomes an obstacle to the formation of ideas about the desired future both for himself and for Russia. And the cognitive and symbolic poverty of the image of the space of their country among the representatives of the young generation, creates the idea among some respondents that it is redundant, what makes it a source of additional problems,

Keywords: national-state identity, political self-identification, political perception; spatial images; temporal images.

Противоречивость тенденций глобального развития, динамизм современной культурной и политической «повестки дня» требуют системного междисциплинарного анализа процессов формирования национально-государственной идентичности в современном мире, в том числе, с точки зрения её общего философского содержания и политического профиля.

Сегодня наличие целостной системы позитивных темпоральных конструктов – представлений об историческом времени в целом и адекватного видения собственного пространства – становится не только ключевым фактором коллективного ответа на философский вопрос «кто мы?» как в исторической

ретроспективе и перспективе, так и в геополитическом измерении, но и условием политической конкурентоспособности современного государства.

Вопрос устойчивости этого пространственно-временного континуума, представлений о прошлом и привлекательности общенационального образа будущего, коллективного самопозиционирования в мировом пространстве рассматривается сегодня сквозь призму жизнеспособности отдельного государства в условиях усиления иных – транснациональных – акторов мировой политики (от глобальных информационных структур до международного терроризма).

В этом контексте можно говорить и о необходимости изучения закономерностей формирования структурно-содержательной специфики национально-государственной идентичности в условиях глобальных трансформаций XXI века. При этом важно констатировать, что ключевое место в «матрице» национальной идентичности занимает темпоральная «система координат» – макросоциальные образы прошлого и будущего времени, пространственные представления в их реальном и символическом измерении, от рельефности и содержания которых зависит динамика политических настроений в обществе, устойчивость политической системы в целом.

Указанная научная задача имеет и прикладной ракурс, связанный с необходимостью изучения массовых представлений о времени и пространстве, формирующихся в современной России, их места в образно-символическом пространстве российской макрополитической идентичности. Её важность обусловлена, в том числе, широким спектром внутренних политико-психологических и внешних геостратегических вызовов, стоящих перед Российским государством в начале третьего тысячелетия.

Размытость, когнитивная слабость и символическая аморфность этих базовых образов и представлений выделяют, как правило, среди «проблемных точек» российской идентичности. В ряде исследований особо подчеркивается, что национально-государственная идентичность в России 2010-х гг. пребывает в стадии посткризисного развития. «Матрица» российского национального самосознания несет в себе отпечаток системного ценностно-психологического кризиса 1990-х - начала 2000-х гг. – и одновременно находится перед лицом новых вызовов «цифровой эпохи» и глобальной политической нестабильности.

В этом контексте главной исследовательской проблемой становится как теоретический анализ, связанный с необходимостью более глубокого понимания значимости пространственно-географических и темпоральных факторов в формировании образа государства, влияющего на национально-государственную идентификацию граждан, так и прикладные аспекты проблемы, связанные с необходимостью защиты национальной безопасности и развитием международного сотрудничества.

В этом контексте была сформирована комплексная политико-аналитическая модель, предполагающая изучение трех базовых уровней политической самоидентификации граждан: политико-психологическое ощущение «образа России», конкретное ценностно-смысловое наполнение российской идентичности и совокупность символов прошлого и будущего. Первая составляющая позволяет проанализировать пространственные и темпоральные характеристики, образ «Я» в контексте представлений о том, «кто мы?». Второй уровень рассматривает представления респондентов о российской истории, территории, настоящем и будущем российской государственности, месте России в современном мире. А третий учитывает символическую репрезентацию самоидентификации российских граждан в условиях динамичной социально-политической реальности, в том числе под воздействием технологий репрезентации образов прошлого и будущего через традиционные СМИ и новые медиа (в пространстве Рунета).

Идентификационное измерение исследования особенностей восприятия России и ее места в пространстве и времени опирается на политико-психологический подход к пониманию национально-государственной идентичности в качестве идентичности макрополитического типа, определяемой как исторически и культурно обусловленная психологическая самоассоциация личности с геополитическим образом (образами) определенной национально-государственной общности, имеющая в своем основании личностные мотивы и социальные ценности, закрепляющаяся и проявляющаяся через символические репрезентации.

Ключевое место в этой системе координат занимают пространственные и временные образы и символы, позволяющие ориентироваться в социальной и политической реальности, оценивать происходящие события.

Указанная политико-аналитическая модель включает в себя потребность в разработке и

использовании политико-психологического подхода, разработанного в рамках научной школы кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, возглавляемой Е.Б.Шестопал. Специфика данного подхода предполагает изучение как рациональных, так и неосознаваемых аспектов национально-государственной самоидентификации российских граждан, в том числе образных и символических репрезентаций пространства и времени в их политическом сознании.

Указанная специфика требует применения совокупности количественно-качественных методов, важное место среди которых занимают проективные методики (рисунок, картоидный тест) – нацеленные на диагностику эмоциональных и глубинных оснований восприятия российскими гражданами образа России и окружающего политического пространства. Указанные методики позволяют оценить неосознаваемую составляющую исторической памяти россиян, реконструировать многомерную пространственно-темпоральную модель образа России, сложившегося у различных политических поколений российских граждан.

Инструментом качественного политико-психологического исследования временной составляющей российской идентичности является проективная методика сопряженных психологических рисунков «Россия мой дом» в прошлом, настоящем и будущем. Указанная проективная методика позволяет выявить целостную картину темпоральных представлений «прошлое-настоящее-будущее» сложившуюся в сознании российских граждан.

Использование картоидных тестов позволяет выявить пространственные представления российских граждан о возможных (желаемых) изменениях границ России в будущем (территориях, которые могут войти в состав РФ или выйти из него).

Анализ данных проективных тестов осуществляется на основе психологической оценки цветового решения, характера заполнения листа, размера и расположения изображений на листе, силы/слабости, сложности/простоты, абстрактности/конкретности, структурированности/фрагментарности, уникальности/стереотипности, модальности, динамизма объектов.

Разработанная модель исследования географического и геополитического восприятия пространства России в идентификационном измерении, позволила выявить взаимосвязь не только между пространственными и темпоральными аспектами процесса восприятия, но также их место в самоидентификации личности.

Национально-государственная идентификация респондентов не только определяет восприятие места России в мировом пространстве, но и формирует в зависимости от этого восприятия образы прошлого и будущего страны и государства.

Фрагментированный характер представлений об истории России, символическая бедность образов различных периодов российского прошлого, а иногда и настоящего становится возможным препятствием для формирования как рационально обоснованных, так и неосознаваемых представлений о желаемом будущем как для себя лично, так и для России.

А когнитивная и символическая бедность образа пространства своей страны, связанная с не до конца сформированной национально-государственной идентичностью представителей молодого поколения, создает у части респондентов представление о его избыточности, являющейся, по их мнению, лишь источником дополнительных проблем, что, в свою очередь, может стать препятствием для полноценной самоидентификации в качестве гражданина России.

Эпистемологические измерения политической культуры

Завершинский К.Ф.

Санкт-Петербургский государственный университет, факультет политологии, профессор кафедры теории и философии политики. Доктор политических наук

Zavershinskiy200@mail.ru

Аннотация: В тезисах рассматривается значение эпистемологии исследования политической культуры. По мнению автора, доминирование позитивистских исследовательских стратегий в работах, посвященных политико-культурной динамике общества, только частично отражает качественные изменения в современных политических коммуникациях. Дезинтеграция современных политических порядков в национальных сообществах, вариативность политических идеологий и структур управления актуализируют исследование антропологических аспектов политической культуры. В этом случае политическая культура предстает как *семантическое программирование коллективного политического опыта* посредством символической типизации политических событий в пространстве и времени. Если концепт «*политическая культура*» в традиционном политологическом дискурсе политической науки позволял наблюдать динамику идеального в политических коммуникациях с позиций «рационального гражданина», то анализ идеального в политике посредством понятия «*политическая память*» позволяет отвечать на вопросы о том, как и каким образом идеальное имеет значение для прагматики политического существования. Используя теорию и методологию культурсоциологического анализа политической культуры как эпистемологическую основу, автор предлагает новый теоретический подход к изучению политической культуры.

Ключевые слова: политическая культура, эпистемология политической культуры, культурсоциология, политическая память, символические практики.

The Epistemological Dimensions of Political Culture.

Zavershinskiy K. F.

St. Petersburg State University

Abstract: The paper discusses the significance of the epistemology of the study of political culture. The author believes that the dominance of positivist research strategies in the studies of the political and cultural dynamics of society only partially reflect the qualitative changes in modern political communications. The disintegration of the contemporary political orders into a varied range of national communities, political ideologies, and structures of governance has highlighted a necessity to properly theorize anthropological dimensions of political culture. In this case, political culture appears as a semantic programming of the collective political experience through the symbolic classification of political events through space and time. If the concept of political culture in the traditional discourse of political science made possible to observe the dynamics of the ideal in political communications from the standpoint of a rational citizen, then an analysis of the ideal in politics through the concept of political memory allows answering questions how and why is “the ideal” important for political pragmatism. Using the theory and methodology of cultural sociological analysis of political culture as an epistemological basis, the author proposes a new theoretical approach to the study of political culture.

Keywords: political culture, epistemology of political culture, cultural sociology, political memory, symbolic practices

Дискуссии о теоретико-методологических основаниях исследования политической культуры достаточно регулярно возникали в науках о политике во второй половине XX столетия в связи дебатами по поводу значимости культуры в политическом процессе. Критические замечания по поводу способов объяснения политико-культурных феноменов, высказанные авторитетными философами и социологами, не только не утратили актуальности, но и приобрели еще большую

значимость на фоне усиливающегося замещения «дискурса политической культуры» многообразными концепциями политических коммуникаций, теориями политической идентичности, символической политики и исследованиями политики памяти, лавинообразно продуцирующими и декларирующими приоритетность «прикладных» исследований политико-культурных различий, не обремененных поисками объединяющей эпистемологии. Показательна в этом отношении позиция британского ученого, специализирующегося в изучении теории и философии политической культуры [1, с.36, 91,112], который выделяет в многообразии исследовательских стратегий политической культуры два магистральных подхода — позитивистский и интерпретативный, подчеркивая, что ограничения в результатах исследований политической культуры неизбежны в силу неразрешимости «онтологической дуальности» в понимании природы отношений культуры и политики. Преодоление эпистемологических «дефектов» подобной «онтологической дуальности», несовместимости описания стабильного, статического и динамического в политической культуре упомянутый автор видит в смещении акцента на изучение динамики и взаимосвязи практических и дискурсивных измерений политического в контексте развития эпистемологии социального, обозначенной Мишелем Фуко. Дискурсивные практики выступают связующим звеном онтологии «статического» и «динамического», а методология их исследования совмещает достоинства позитивистской и интерпретативной стратегий, как полагает британский ученый. Не подвергая сомнению продуктивность подобных социологических или политико-философских рефлексий для систематизации и критического анализа существующего многообразия подходов в исследовании политической культуры, нельзя не замечать, что они только лишь отчасти проясняют природу нарастающей теоретической и методологической эклектики в исследованиях политической культуры.

По мнению автора тезисов, более отчетливо артикулирует проблему смены эпистемологических ориентиров в исследовании политико-культурных процессов Бруно Латур. Используя для объяснения эпистемологических апорий познания политической реальности аллегорию Платона о пещере, он акцентирует внимание на проблеме «демократической» миссии научного познания, способного выступить посредником в противостоянии «реальности внешнего мира» и «ада социального», ставя под сомнение эпистемологическую универсальность доминирующей в науках об обществе установки на приоритет рационального и объективного познания социальной реальности [2, с. 18–27]. Политическая эпистемология — не способ избежать «осквернения» хорошей науки «грязными политическими соображениями», как и не способ помешать позитивистам «скрываться за претензией на объективность». Позитивизм в любой его форме (природной или социальной), как полагает Б.Латур, ошибочен не потому, что забыл о «человеческом сознании» и последовательно придерживается установки на объективные данные, а потому, что смешивает две задачи: «задачу достижения множественности и задачу объединения» («развертыванием ассоциаций и собиранием их в коллектив»), за что его справедливо критикуют «адвокаты герменевтической социологии» [3, с. 348, 351]. Выход он видит в изменении концепции научных практик и концепции сетевого взаимодействия, которое он представляет, как динамичное и многоуровневое многообразие конфигураций акторов и артефактов, замечая при этом, что «понятие культуры является артефактом, созданным путем вынесения природы за скобки», и частью процесса создания «человеческих, божественных и нечеловеческих существ» [4, с. 178–181].

На ограниченность стратегии позитивистской фактографии указывают и российские философы, обосновывающие необходимость более комплементарной эпистемологии социокультурных феноменов: «Не нужно рассматривать истину только как результат совпадения с объектом, а заблуждение — только как продукт социальной иллюзии и ангажированности. Истина не бессубъектна, а заблуждение не безобъектно. Знания обоих родов — и истинные, и ошибочные — в равной степени обусловлены комплексом социально-культурных условий и обстоятельств» [5, с. 15]. По нашему мнению, анализ политико-культурной динамики современных политических коммуникаций предполагает выход за рамки доминирующей в исследованиях политической культуры эпистемологической матрицы научного познания социокультурной реальности, оформившейся в Новое время и предполагающей нормативное разделение знаний, верований на два разряда (группы): истинные, научно обоснованные, эмпирически подверженные знания — и заблуждения (мнения) [5, с. 63–73]. В политологических исследованиях статусом заблуждений наделяют идеологические и разнообразные мифоконструкции, мнения и верования, в которых политика репрезентируется как нечто непредсказуемое, вариативное и «переинтерпретируемое». Нетрудно обнаружить теоретическую близость второго подхода политической эпистемологии Б.Латура. В центре позитивистски ориентированной группы эпистемологических посылок

находится познавательная активность индивидуального субъекта и соответствующая трактовка природы политики и политической культуры. Для второй группы важнее коллективная природа знания и его действенность («драматургия»), динамичность в процессе разрушения или достижения политической солидарности. Снятие этой дихотомии истинного «фактологического знания» (независимо от материалистических или идеалистических версий того, что можно считать фактом) и «ложности верований» начинает проследиваться в рамках эпистемологии современной теоретической культурсоциологии политического, где позитивно то знание, которое действенно в практике легитимации социального порядка и «обуздания» / «воспроизводства» «ада социального». Используя эти социально-философские посылки, можно попытаться артикулировать эпистемологические приоритеты и исследовательские стратегии, преодолевающие дилеммы противостояния позитивизма и интерпретативных способов отображения политико-культурной действительности, способных объединить исследователей в предметной области политико-культурных феноменов.

Автор тезисов полагает, что на данный момент объединяющей «эпистемой» в политико-культурных исследованиях могут выступить теоретико-методологические посылки современной культурсоциологии (cultural sociology), развиваемые, в частности, в работах Дж.Александера и его уже достаточно многочисленных последователей. Американский исследователь подчеркивает, что большинство моделей в традиционной социологии и социальной философии культуры страдают фундаментальными изъянами в силу того, что в них культура не выступает независимой переменной, а является производной от более «жестких» переменных социальных структур [6, 7]. Подобная установка, как полагает Дж.Александр, достаточно уязвима не только в аспекте очевидной приверженности прогрессистским или консервативным схемам трактовки природы опыта рационального познания, но и в связи с тем, что она не учитывает важность комплементарности макро- и микроуровня анализа, совершая ошибки натурализма (naturalistic fallacy) в трактовке фактической действенности тех или иных событий или политических решений, которые признаются значимыми [8, с. 16]. Необходимо осуществить переход от поиска объективных или субъективных оснований культурного процесса к пониманию символической природы и роли социальных феноменов в социальном конструировании политического [9]. Важна не «истинная» онтология, а «эпистемология смысла». «Именно смыслы обеспечивают чувство шока и страха, а вовсе не события сами по себе». Фактические события — «это одно дело, а репрезентация этих событий — совсем другое» [8, с. 18]. Политические системы общества могут реально переживать масштабные деформации, институты могут не работать, правительства не в состоянии обеспечить базовую защиту, но все это может представляться политическими акторами как временные проблемы «победного шествия демократизации» и не рассматриваться в качестве значимых, в то время как вымышленные действия способны наделяться статусом катастрофических или успешных. Сегодняшняя коммуникативная реальность политики полна подобных свидетельств. Чтобы факты обрели коллективную значимость не только для интеллектуалов и элит, а для общества в целом, реальные социально-политические проблемы «должны стать культурными кризисами» [8, с. 17–18].

Развитие подобной опции в наблюдении политической культуры, по нашему мнению, наиболее комплементарно исследованиям специфики политической культуры современных обществ, в отличие от более традиционных теоретических моделей политической культуры, описывающих культурный процесс с позиций «рационального гражданина» и либерально-демократических ценностных ориентаций, упрощающих процесс нарастающей фрагментации политико-культурного пространства. Эпистемология культур-социологического анализа политико-культурной реальности ориентирует на исследование политической культуры как исторической формы «социальной памяти», проявляющейся в наличии «некоторых заведомо известных “предположений” о реальности, которые не нужно специально вводить в коммуникацию и обосновывать в ней» [10, с. 104]. Социальная память при этом выступает не столько хранилищем воспоминаний о прошлые или идеологические интерпретации прошлого в настоящем, сколько пространством семантического «свертывания» представлений о прошлом в символические фигуры, которые стимулируют возникновение «обосновывающих воспоминаний», что позволяет распознавать новые ситуации, воспринимать их как повторение некой прошлой ситуации. Полагаем, что в такой опции исследования политической культуры на первый план выходит изучение практик символизации политического пространства и времени, ориентирующих политических акторов на антропологические модели политической солидарности и когнитивные схемы политической повседневности, тесно связанные с базовыми, часто мифическими в своих основаниях, способами кодирования и идентификации национальной памяти.

Литература:

1. Welch S. The Theory of Political Culture. Oxford University Press, 2013. 288 p.
2. Латур Б. Политики природы. Как привить наукам демократию М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 336 с.
3. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
4. Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / пер. с фр. Д. Я. Калугина; науч. ред. О. В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 240 с.
5. Касавин И. Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Альфа - М, 2013. 560 с.
6. Alexander J. C. The meanings of social life: a cultural sociology. New York: Oxford University Press, 2005. 312 p.
7. Alexander J. C. Clifford Geertz and the Strong Program: The Human Sciences and Cultural Sociology // Cultural Sociology. Los Angeles; London, 2008. Vol. 2(2). P. 157–168.
8. Александер Д. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 6–40.
9. Alexander J. C. Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy Social Performance // Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual / eds J. C. Alexander, B. Giesen, J. L. Mast. Cambridge University Press, 2006b. P. 29–89.
10. Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. 256 с.

Всякая ли женщина ведьма? Причины «охоты на ведьм» в Средневековой Европе на основании «Ведьмы» Жюль Мишле и «Молота ведьм» Генриха Крамера

Зверева М.С.

МГУ имени М.В. Ломоносова. Магистрант I курса факультета политологии

manutaz@mail.ru

Аннотация: В течение почти пяти веков в Средневековой Европе не переставали полыхать костры со сжигаемыми на них еретиками, ведьмами и колдунами. Святая инквизиция использовала все возможные методы дознания, чтобы выявить и осудить новых вероотступников. Однако, были ли эти причины сугубо религиозными или во многом во всех этих гонениях была замешана политика? В докладе проводится анализ причин начала и распространения «охоты на ведьм» на основании двух источников: «Молота ведьм» Г. Крамера и «Ведьмы» Ж. Мишле. Сопоставление двух взглядов на происходящее позволяет оценить не только различную точку зрения на причины гонений, но и влияния эпох на формирование этих взглядов: в Средневековой Европе и Франции середины XIX века.

Ключевые слова: охота на ведьм, Мишле, Крамер, положение женщин, Средневековая Европа.

Is every woman a witch? Reasons for the “witch hunt” in Medieval Europe based on Jules Michelet’s “La Sorcière: The Witch of the Middle Ages” and Heinrich Kramer’s “Hammer of Witches”.

Zvereva M.S.

Lomonosov Moscow state University

Abstract: For almost five centuries in Medieval Europe bonfires blazed with heretics, witches, and sorcerers. The Holy Inquisition used all possible methods of inquiry to identify and condemn new apostates. However, whether these reasons are purely religious, or in many ways during all of these persecutions were politically involved? The report analyzes the reasons for the beginning and spread of the “witch hunt” based on two sources: the “Hammer of Witches” by G. Kramer and the “La Sorcière: The Witch of the Middle Ages” by J. Michelet. Comparing the two views on what is happening allows us to assess not only the different points of view on the causes of persecution, but also the influence of epochs on the formation of these views: in Medieval Europe and France in the middle of the XIX century.

Keywords: witch hunts, Michelet, Kramer, the status of women, Medieval Europe.

В средневековом обществе у женщины было подчиненное положение на протяжении всей жизни: сначала она находилась под опекой отца, после замужества – под опекой мужа. Такой статус нередко становился причиной притеснений и гонений – женщин часто обвиняли в колдовстве, обрушившим на страну голод, мор или войну.

Оккультные искусства в разных формах существуют уже давно: суеверия, обряды, ворожение – всё это считалось в том или ином виде колдовством. Средневековый человек в силу постоянного страха и неопределенности часто обращался именно к суевериям для объяснения природных явлений и в поиске помощи.

В начале XIV века в силу климатических изменений в части Северной и Западной Европы погибла большая доля урожая, у крупного рогатого скота и лошадей стали массово развиваться болезни, некоторые из которых передавались человеку, например, сибирская язва. Все это привело к потере примерно трети населения [1, с. 42]. В 1347 на этой почве стала быстро распространяться Черная смерть. В это же время половина Европы была втянута в Столетнюю войну. Появились страхи, что это конец мира и на землю пришли четыре Всадника Апокалипсиса. Народу требовалась какая-то духовная поддержка. Люди, будучи по большей части католиками, не понимали, почему Бог посылает им столько испытаний. Перед Римской католической церковью встала философская проблема зла и его причин [1, с. 43].

Ведьмой во все времена называли женщину, которая обладает неким знанием, тайной. По мнению ряда исследователей, во многих языках слово «ведьма» этимологически образуется от корней, означающих «ведать», «обладать знанием». Ведьмы разбирались в лекарственных травах, умели лечить недуги, особенно женские. Французский историк Ж.Мишле в работе «Ведьма» писал: «Женщина этой эпохи никогда не допустила бы к себе врача-мужчину, не доверилась бы ему, не высказала бы ему своих тайн. Только ведьма тогда лечила и была, в особенности для женщин, единственным врачом» [2, с. 86]. Ведьм боялись, но вместе с тем относились к ним с уважением и обращались за помощью в самых разных ситуациях. К XIV веку в каждой деревне была, по крайней мере, одна женщина, способная излечить от болезней с помощью заклинаний, заговоров и отваров [1, с. 43].

Однако, при массовых детских смертях во время пандемии, именно ведьм стали обвинять в летальных исходах, и быстро стало распространяться мнение, что ведьмы могут заклинаниями и заговорами не только помогать людям, но и вредить.

Со временем начало распространяться мнение, что ведьмами становятся женщины, заключившие договор с дьяволом, что ухудшило отношение к ним со стороны общества – усиливается «народная истерия» [3, с. 194]. Ведьмам стали приписывать почитание демонов, ночные полеты и занятия злой магией. Все это позволило трактовать колдовские практики как ересь и причислять к преступлениям не против общества, а против Бога [3, с. 91-92]. С распространением власти католической церкви миссионеры, короли и папы все больше пытались искоренить языческие пережитки в христианизированных регионах – многие священники продолжали практиковать около-языческие ритуалы.

С XV века средневековую Европу охватили костры Святой инквизиции, призванной бороться с ересью, в том числе с колдовством. В арсенале борьбы с вероотступниками у инквизиции были все виды дознания и пыток. Для оправдания насилия, средневековая церковь утверждала, что так помогает душам заблудших спастись и под пытками и стяжаниями демоны оставят души осужденных [3, с. 196].

Жюль Мишле (1798-1874), французский историк и публицист, представитель романтической историографии. Несмотря на субъективизм в его исторических трактатах и очерках, определенный интерес представляет его эссе «Ведьма», изданная в 1862 году. Книга состоит из двух частей. Первая – аллегорический роман, представление средневекового общества глазами женщины. Притесняемая феодальным террором, женщина, чье имя не называется на протяжении всего повествования, что превращает ее в собирательный образ, соглашается на сделку с демоном. В результате, она проходит сложный путь возвышения от бедной крестьянки до богатой дамы и последующего падения до изгнанницы-одержимой дьяволом. В эссе Мишле проникается состраданием к осужденной, невольно оправдывает ее и критикует действия церкви.

Вторая часть книги – своеобразный исторический обзор деятельности инквизиции и «охоты на ведьм». Воспринимать данную работу в качестве достоверного источника событий сложно, так как, описывая инквизицию, Ж.Мишле опирался на работы Хуана Антонио Льоренте («Критическая история инквизиции Испании») и Этьен-Леона де Ламот-Лангона («История инквизиции во Франции»), достоверность работ которых ставится под сомнение современными историками.

Мишле объясняет эпоху инквизиции через попытку подавления неявного протеста народа против угнетения феодализма и римско-католической церкви. В условиях жестких рамок средневекового общества люди все чаще стали возвращаться к пережиткам прошлого, а именно – к языческим традициям и обрядам. Еще одной причиной гонений на женщин Мишле называет своеобразную «войну мужчин против женщин». В патриархальном устройстве общества Средневековой Европы, по его мнению, женщине отводилась незавидная подчиненная роль. При этом духовенство в целом и инквизиция в частности, активно содействовали подобному положению вещей, и именно поэтому гонения на ведьм представлялись Мишле частью проводимой церковью политики закрепощения и подчинения женщин. Такое мнение поддерживалось общей тенденцией эмансипации женщины в середине XIX века. Однако, подобную трактовку опровергает ряд историков, приводящие в качестве доказательства данные по количеству осужденных – около трети были мужчинами [4, с. 124].

В качестве еще одного доказательства подобной политики Мишле рассматривает шабаш. Шабаш – это ночные собрания ведьм для совместного проведения обрядов. Довольно долгое время такие сборища ведьм считались совершенно реальными и многие осужденные под пытками признавались, что участвовали в шабашах. Однако, сегодня исследователи ставят под сомнение вообще существования такого феномена когда-либо [1, с. 41]. По мнению Скотта Э.Хендрикса, концепция шабаша развивалась

Католической церковью и позже инквизицией как полезный механизм для распространения информации о заговоре ведьм и укреплении оснований для «охоты на них» [1, с. 47].

Мишле интерпретирует первоначальную функцию шабаша как сбор людей с целью знакомства и последующим созданием семьи. Из-за того, что по средневековым законам абсолютно все семейные связи (кровные и некровные, близкие и дальние) считались родственными, найти жену или мужа в своей деревне было невозможно.

По мнению Мишле, многие инквизиторы и судьи пытались всеми возможными способами доказать виновность осужденных и причастие к ереси или колдовству, руководствуясь страхом потерять свою работу и впасть в немилость представителей церкви или феодала. Причем иногда обвинение противоречило реальным фактам. Для иллюстрации Мишле рассматривает следующий пример: в Испании во время пыток женщина признается, что похитила с кладбища труп недавно умершего ребенка. Для проверки вскрывают могилу и находят. Однако, судья заключает, что это созданная дьяволом иллюзия, и опирается на признание обвиняемой. В итоге, женщину сожгли как ведьму [2, с. 144].

Этим же мотивом можно объяснить и написание Г.Крамером «Молота ведьм». Поводом для написания трактата послужил судебный процесс в Инсбруке в 1485 году, где были освобождены все обвиненные Крамером женщины. В результате этого фиаско епископ Инсбрукский предложил инквизитору покинуть город. Чтобы оправдаться и восстановить свою репутацию Крамер берётся за написание трактата по колдовству. Мишле характеризует работу, при этом авторство отдавая Якобу Шпренгеру, как «обстоятельную книгу, написанную дураком и параноиком».

«Молот Ведьм, уничтожающий Ведьм и их ереси, подобно сильнейшему мечу», или кратко «Молот ведьм», – трактат доминиканского инквизитора Генриха Крамера в соавторстве с деканом Кёльнского университета, инквизитором Якобом Шпренгером, написанный в 1487 году. Работа представляет собой собрание всех известных на момент издания книги сведений и понятий, связанных с колдовством и, главным образом, с ведьмами. Стоит отметить, что «Молот ведьм» в первую очередь был написан о женщинах-колдуньях, так как в самом названии употребляется слово «maleficagum» («колдовское преступление»), переводимое именно в женском роде [5, с. 30]. «Молот ведьм» на долгое время стал руководством для других инквизиторов. Учитывая большее доверие именно к письменным источникам в Средневековой Европе, делая из написанного текста неопровержимое и объективное доказательство [1, с. 48], «Молот ведьм» стал важным основанием для действий инквизиции.

Работа стала крайне популярной в Западной Европе и несколько раз переиздавалась и переводилась на французский, итальянский и немецкий языки. Крамер приходит к выводу, что в Европе действительно существует огромный заговор ведьм, угрожающий структуре всего общества. Это утверждение объясняет поддержку Крамера и его работы со стороны папства и королевской власти. Таким образом, трактат становится мощным инструментом не только в руках инквизиции в сугубо религиозных делах, но и как политическим механизмом управления обществом посредством страха. Как говорилось выше, народ стал бояться ведьм и обвинял их в несчастьях людей. Крайне патриархальное общество только усиливало такой контраст и добавляло больше оснований для обвинения именно женщин-ведьм, основанных уже больше на традициях и религиозных догматах греховности женщин. В работе, также, прямым текстом указывалось, что во всех бедах (от болезней до падения целых государств) виноваты всегда женщины, как наиболее подверженные искушению дьяволом [6, с. 126]. Риторика работы, определяющая изначальную виновность осужденных, не давала и шанса на спасение женщины.

Таким образом, причина «охоты на ведьм» формулируется у Г.Крамера и Ж.Мишле противоположным образом, что объясняется социально-политическим контекстом написания работ – патриархальное общество и усиление роли церкви в первом случае и процесс эмансипации женщин и попытка «обеления ведьм» – во втором.

Литература:

1. Hendrix S.E. The pursuit of witches and the sexual discourse of the sabbat / Scott E.Hendrix // Antropologija. – 2011. – № 11 (2). – с. 41–58.
2. Мишле Ж. Ведьма / Пер. с франц. под ред. В.Фриче; Худож. В.П.Литвиенко. – К.: Изд-во СП «СВЕНАС», 1992. – 304 с.
3. Рассел Дж.Б. Колдовство и ведьмы в Средние века / Пер. с англ. Татлыбаева А.М. – СПб.: Издательская группа «Евразия», 2001. – 480 с.
4. Христофорова О.Б. Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. – М.: РГГУ, 2010. – 432 с.

5. Maxwell-Stewart, P.G. Witchcraft in Europe and the New World, 1400–1800. – N.Y.: Palgrave, 2001. – 128 p.
6. Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот федьм / Пер. с латинского Н.Цветкова. Предисл. С.Лозинского. – М.: Издательство СП «Интербук», 1990. – 352 с.

Направления социально-философского осмысления современного политического мифа

Иванов А.Г.

Липецкий государственный технический университет, зав. кафедрой философии. Д-р филос. наук

agivanov2@yandex.ru

Аннотация: Актуальность социально-философского осмысления политического мифа продиктована как текущей социально-политической конъюнктурой, так и отсутствием внятных дефиниций феномена современного социального мифа. Предлагается системный подход к изучению современного политического мифа, где политический миф рассматривается как вид социального мифа, реализующийся преимущественно на «инструментальном» уровне, но постоянно демонстрирующий свои «архаические» корни. Политические мифы более отчетливо показывают практические проявления современного мифа, реализацию соответствующего проектного потенциала, которые могут приводить как к конструктивным, так и к деструктивным последствиям для развития социума. Обозначаются направления социально-философского осмысления современного политического мифа в рамках основных разделов философского знания (онтология, гносеология, аксиология, праксиология, антропология): нарративное измерение, символическая политика, политика памяти, модальность влияния на общество, идентичность. Делается вывод, что целостное понимание политического мифа сегодня возможно с позиций социальной философии, и, в частности, философии политики.

Ключевые слова: уровни социального мифа, системный подход, современный политический миф, «инструментальный» уровень политического мифа, разделы философского знания, проектный потенциал политического мифа, функции политического мифа.

Directions of Socio-Philosophical Understanding a Contemporary Political Myth. *Ivanov A.G.*

Lipetsk State Technical University

Abstract: The relevance of the socio-philosophical understanding of the political myth is dictated by both the current socio-political situation and the lack of clear definitions of the phenomenon of contemporary social myth. We propose a system approach to the study of contemporary political myth, where the political myth is considered as a kind of social myth, which is implemented mainly on the «instrumental» level, but constantly demonstrates its «archaic» roots. Political myths more clearly show the practical manifestations of the contemporary myth, the implementation of the corresponding project potential, which can lead to both constructive and destructive consequences for the development of society. The directions of socio-philosophical understanding a contemporary political myth within the framework of the main sections of philosophical knowledge (ontology, epistemology, axiology, praxiology, anthropology) are designated: narrative dimension, symbolic policy, memory policy, modality of influence on society, identity. It is concluded that a holistic understanding of political myth is possible today from the standpoint of social philosophy, and, in particular, political philosophy.

Keywords: levels of social myth, system approach, contemporary political myth, «instrumental» level of political myth, sections of philosophical knowledge, project potential of political myth, functions of political myth.

В последнее время общим местом в сообщениях в СМИ стали сетования на фейковые новости, которые специально запускаются с целью оказать влияние на общественное сознание в необходимом определенному политическому классу ключе. Особенно активно такого рода сообщения циркулируют в ситуациях, когда речь идет об исторической, национальной памяти.

Влиятельным инструментом, способствующим формированию желаемого пространства понимания общественных событий, является политический миф. Средством, «дополняющим» социальную реальность, и даже инструментом пропаганды он стал практически сразу, однако смысл, которым наде-

ляют данный термин те или иные исследователи, разный. Чрезвычайно важно достичь единого понимания категории «политический миф» для лучшей ориентации в изменчивой социально-политической конъюнктуре. Но сам политический миф зачастую оказывается неуловимым перед четкими дефинициями, выскальзывает из жестких интерпретативных рамок социальной теории.

В условиях неупорядоченности понятийно-категориального аппарата, описывающего пространство современного мифа, и существования самых разнообразных представлений о природе социального мифа, считаем целесообразным применение системного подхода к изучению политического мифа. При этом, предполагая возможность применения к исследованию политического мифа системного подхода, мы разделяем мнение И.В.Блауберга и Э.Г.Юдина, отмечавших, что «... системный объект обычно не дается исследователю прямо, непосредственно в качестве системы. Его системность схватывается поначалу лишь интуитивно, лишь как результат сопоставления сложных, противоречивых и вместе с тем взаимосвязанных свойств и характеристик объекта» [1, с. 166-167]. Характеризуя особенности системного подхода, отечественные исследователи отмечали важность понимания характера связей и отношений между определенными элементами [1, с. 168], а также учет присущих социальным системам ценностных регулятивов [1, с. 224]. Конечно, системность политического мифа «схватывается интуитивно», но позволяет, при последующем изучении особенностей отдельных элементов мифа и взаимодействий между ними, приблизиться к пониманию феномена современного политического мифа.

Прежде всего, следует отметить, что политический миф является разновидностью социального мифа. Современный социальный миф характеризуется тем, что содержит в себе два уровня, которые мы называем «архаическим» и «инструментальным». Первый уровень содержит некие архетипические конструкты, второй – искусственные составляющие, сконструированные элитой. Перефразируя слова Р. Барта, говорившего о мифе как об особой системе, формирующейся на основе уже ранее существовавшей семиологической цепочки [2, с. 239], мы можем отнести эти предположения и к мифу политическому: политический миф – это система, базирующаяся на основе «архаического» мифа с «надстраиваемым» современным «инструментальным» уровнем.

Особенность политического мифа состоит в том, что он располагается главным образом на «конъюнктурном» уровне, но постоянно стремится продемонстрировать свою связь с «архаическим» уровнем. Также политический миф наиболее явно из всех разновидностей социальных мифов показывает специфику современных мифологических процессов в практическом плане. Еще в середине XX в. Э. Кассирер отметил, что миф перестал быть свободной и спонтанной игрой воображения, что его хорошо отрегулировали, приспособили для политических нужд и использовали с весьма конкретными политическими целями [3].

Формально современный социальный миф можно считать системой, благодаря наличию в нем вышеуказанных уровней. При этом происходит постоянное взаимодействие между «архаическим» и «инструментальным» уровнями в каждом социальном мифе. Такое взаимодействие составляет главную особенность современного политического мифа. Так, миф о герое оказывается политическим в случае, когда, например, стадии путешествия героя (описаны в работе Д. Кэмпбелла [4]) экстраполируются на современную политическую практику, а самому герою начинают приписываться характеристики общенационального (общегосударственного) масштаба: патриотизм, стратегическое видение и т.п.

Социально-философское осмысление политического мифа предполагает выделение и характеристику функций, связанных с основными разделами философского знания: онтология, гносеология, аксиология, праксиология, антропология. Кратко охарактеризуем отмеченные направления осмысления.

Многое зависит от онтологии политического мифа, от того, что лежит в его основе. Так, Р. Барт определял современный миф как слово [2, с. 233]. Интересно, что один из теоретиков символической политики О.Ю. Малинова, формулируя свое определение политического мифа, использует термин «нарратив»: «Политический миф – это убеждение / нарратив, который разделяется социальной группой, воспринимается ею как констатация “естественного порядка вещей”» [5, с. 13]. Можно согласиться с авторами и отметить, что в основе мифа находится некий фрагмент повествования.

Отдельно следует выделить символ, который следует рассматривать здесь, прежде всего, как компонент познавательного механизма, как средство передачи смысла мифа. Без понимания подлинного

значения транслируемых в политических мифах символах практически невозможно обойтись при социально-философском изучении мифа. Причем символ важен для понимания процессов и мифологизации, и мифотворчества, а также для осмысления современных мифо-ритуальных практик.

Ценности, проверенные временем, оказываются в центре внимания итальянской исследовательницы К. Боттичи, которая полагает, что современные политические мифы могут быть религиозными, научными и историческими, причем такой тип как исторические политические мифы легко определяется и формализуется, так как может быть облечен в форму «рационализированной памяти» [6, р. 259-260]. И в этом – в апеллировании к памяти – еще одна особенность и главное отличие политического мифа от идеологии и утопии, которые, как правило, обращены в будущее.

Рассмотрение праксиологического аспекта открывает пространство для оценки проектного потенциала мифа (прежде всего, конструктивного) и, что особенно важно, позволяет в целом говорить о соответствующей политике. То, как именно будет реализован проектный потенциал политического мифа, во многом зависит от социального контекста.

Политический миф можно также считать существенной частью замысла или проекта соответствующего национально-территориального образования, имея в виду следующее высказывание Х. Ортеги-и-Гассета: «...нации формируются и живут лишь постольку, поскольку воплощают в себе некое стремление осуществить общую программу грядущего» [7, с. 83]. Заметим, что преимущественно в политической плоскости находится проектный потенциал социального мифа в целом. При этом мы исходим из того, что политическому мифу имманентно присуща конструктивно-деструктивная роль. Более того, некоторые политические (а также исторические) мифы могут представлять известную опасность и даже угрозу для общественной жизни на современном этапе. Вместе с тем, существуют современные социальные мифы, которые способны нести положительный заряд и выполнять конструктивные функции в социуме, в том числе и применительно к политической сфере, к сфере государственного управления. Д. Армстронг назвал такие мифы «конституирующими», призывая к тому, что именно вокруг них должна выстраиваться соответствующая политика: «конституирующие мифы» (мифомоторы) представляют собой сложные мифические структуры, позволяющие определять идентичность группы в отношении к государственному образованию [8]. Связь с мифом как с маркером идентичности, на наш взгляд, имеет, главным образом, антропологический характер.

Полагаем, что можно выделить следующие направления социально-философского осмысления современного политического мифа в соответствии с аспектами (разделами) философского знания (см. Таблицу).

Аспект философского знания	Направление социально-философского осмысления современного политического мифа
Онтологический	Нарративное измерение
Гносеологический	Символ, символическая политика
Аксиологический	Политика памяти
Праксиологический	Модальность (конструктивная / деструктивная) влияния на развитие социума
Антропологический	Идентичность

Интересно, что в классификациях функций политического мифа, предпринятых отечественными специалистами по проблеме, прослеживаются примерно схожие с предлагаемыми нами основания деления.

В частности, функциональный потенциал мифа оказывается в центре внимания известного политолога Г.И. Мусихина, когда он выделяет четыре функции политического мифа [9, с. 108-110]. К таким функциям он относит следующие процессы: упорядочивание, смыслонаделение (обоснование), интеграция и легитимация / делегитимация. Размышляет об этом и О.Ю. Малинова, указывая на ряд политических функций мифов: мифы как когнитивные схемы, облегчающие восприятие реальности за счет упрощения и селекции того, что вписывается в освоенные смысловые модели; мифы как неотъемлемый элемент политики идентичности; мифы как фактор легитимации власти и оправдания ее действий; мифы как средство формирования солидарности, в том числе и в условиях отсутствия консенсуса; мифы как «лекарство» в условиях кризисов [5, с. 15-19].

В результате складываются следующие направления или актуальные ракурсы социально-фило-

софского осмысления современного политического мифа: специфика нарративности политического мифа; роль символов как средств трансляции смысла политических мифов, в частности, особенности проявления мифосимволики исторического прошлого как части символической политики; возможность встраивания мифа в процесс реализации политики памяти; влияние политического мифа на развитие социума; место, которое отводится мифу при формировании национальной, групповой идентичности.

Полагаем, что последовательное изучение политического мифа по отмеченным направлениям приведет, в конечном счете, к целостному пониманию и всестороннему осмыслению феномена; а достигнуто это может быть с позиций социальной философии, в частности, такого ее направления как философия политики.

Литература:

1. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. *Становление и сущность системного подхода*. М.: Наука, 1973. 271 с.

2. Барт Р. Мифологии / Пер. с фр. С. Зенкин. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. 320 с.

3. Cassirer E. *The Myth of the State*. New Heaven: Yale University Press, 1946. 303 p.

4. Кэмпбелл Д. Тысячеликий герой / Пер. с англ. А. Хомик. М.: Рефл-Бук; Киев: Ваклер, 1997. 384 с.

5. Малинова О.Ю. Миф как категория символической политики // Символическая политика: Сб. науч. тр. / Ред. кол.: Малинова О.Ю., гл. ред. и др.; Вып. 3. Политические функции мифов. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 5-24.

6. Bottici C. *A Philosophy of Political Myth*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 286 p.

7. Ортега-и-Гассет Х. *Бесхребетная Испания* / Пер. с исп. А. Матвеев // Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. С. 71-190.

8. Armstrong J. *Nations before Nationalism*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982. 411 p.

9. Мусихин Г.И. Политический миф как разновидность политической символизации // *Общественные науки и современность*. 2015. № 5. С. 102-117.

«Будьте свободными, но повинуйтесь!»: концепция политического порядка И. Канта и современный либеральный дискурс

Иохим А.Н.

МГУ имени М.В. Ломоносова, ассистент кафедры истории социально-политических учений факультет политологии. Кандидат политических наук

andrey.iokhim@gmail.com

Аннотация: Современный либеральный дискурс конструирует универсальную идентичность человека как субъекта всеобщих и неотчуждаемых прав. Через секьюритизацию человеческой жизни и всеобщих прав, проявляющуюся в том числе в практиках гуманитарных интервенций, «экспорта демократии», установления критериев демократизации и т.п., универсальная человеческая идентичность конституируется как результат исключения инаковости и оказывается присвоенной отдельными, преимущественно западными сообществами. Тем самым универсальные права и свободы человека не вступают в противоречие с существующей моделью суверенитета порядка, а, напротив, утверждают его. Этот принцип легитимации политического порядка, определяемого через права и свободы, на наш взгляд, был определен уже в работах И. Канта и, в частности, в знаменитом требовании «будьте свободными, но повинуйтесь!».

Ключевые слова: Кант, свобода, либеральный дискурс, права человека, политический порядок, суверенитет

“Be free, but obey!”: I. Kant’s concept of political order and modern liberal discourse. Iokhim A.N.

Lomonosov Moscow State University

Abstract: Modern liberal discourse constructs a universal human identity based on the concept of universal and inalienable rights. Through the securitization of human life and universal rights, which is manifested, among other things, in the practices of humanitarian interventions, the «export of democracy», the establishment of criteria for democratization, etc., the universal human identity is constituted as a result of the exclusion of otherness and is appropriated by individual, mainly Western communities. Thus, universal human rights and freedoms do not conflict with the existing model of the sovereignty of the order, but, on the contrary, affirm it. This principle of legitimation of the political order defined through rights and freedoms, in our opinion, was already defined in the works of I. Kant and, in particular, in the famous demand «Be free, but obey!».

Keywords: Kant, freedom, liberal discourse, human rights, political order, sovereignty

Рассуждения И. Канта о Просвещении как состоянии человеческого «совершеннолетия» оказываются соотносимы с современным либерально-универсалистским дискурсом. «Просвещение, — пишет Кант, — это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине; [н]есовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого» [1, С. 27]. Свободное использование рассудка для Канта есть условие свободы человека в политическом сообществе, которое заключается не в свободе от гнета государственной машины, а в свободе от «ложных истин» религий и «культур», в способности публичной критики: «Офицер говорит: не рассуждайте, а упражняйтесь! Советник министерства финансов: не рассуждайте, а платите! Духовное лицо: не рассуждайте, а верьте! (Лишь один-единственный повелитель на свете говорит: рассуждайте сколько угодно и о чем угодно, но повинуйтесь! (курсив мой – Авт.))» [Там же, С. 29]. Свобода критики и беспрекословное повиновение политическому порядку является, по мнению Канта, условием выхода человека из состояния «несовершеннолетия», как и условие построения того, что позже он назовет «всемирным гражданским обществом». В требовании «будьте свободными, но повинуйтесь!» заключен сам принцип легитимации политического порядка, определяемого через права и свободы человека: эта свобода не вступает в противоречие с существующей моделью суверенитета, а, напротив, утверждает его. М. Фуко так комментирует Канта: «Чем больше свободы вы предоставите

мысли, тем в большей степени вы можете быть уверены в том, что дух народа будет прибывать в повиновении, [и т.] таким образом, перед нами вырисовывается перенос политического преимущества свободного использования разума на сферу частного подчинения» [2, С. 52].

«Будьте свободными, но повинуйтесь!» — это максима, которая может быть переформулирована следующим образом: «свобода дозволена в той мере, пока она остается условием легитимности политического порядка (суверенитета)». Используя эту «формулу» в качестве аналитического инструмента, несложно понять, почему либерализм «безболезненно» эволюционировал из олигократии образца XIX века в нынешнюю массовую демократию посредством расширения числа участников общественной жизни — от провозглашения прав женщин до защиты прав всевозможных меньшинств. С этой же точки зрения концепция «человеческой безопасности» оказывается совместимой с современным пониманием суверенитета постольку, поскольку политизация и секьюритизация человеческой жизни через политику защиты прав человека является гарантией легитимности современной модели суверенитета, относительно которой конструируется западная политическая идентичность.

Именно политическая идентичность и суверенитет, в основе легитимности которого находится частная свобода человека («рассуждайте о чем угодно и сколько угодно»), безопасность которой он гарантирует (для этого лишь «повинуйтесь!»), выступают одновременно и секьюритизирующим актором, и референтным объектом гуманитаризма как практики секьюритизации. Даже поверхностный анализ дискурса гуманитарных интервенций показывает, что если угроза человеческой жизни где-либо обретает чрезвычайный, то есть политический, статус, то она постулируется как угроза конкретному человеку или группе людей лишь в последнюю очередь. Чтобы обрести политический статус, эта угроза должна быть представлена как потенциально дестабилизирующая целостность всей политической идентичности. И поскольку партикулярная западная идентичность стремится к своей универсализации, то угроза для этой идентичности всегда дискурсивно конструируется как угроза для всего цивилизованного человечества, или «мирового сообщества»: «Неопровержимые факты говорят о том, что до тех пор, пока Саддам остается у власти, он угрожает благополучию своего народа, миру в регионе, безопасности во всем мире» (Б. Клинтон, 1998); «...я выступаю перед этим парламентом с целью сообщить его уважаемым членам о том положении, в котором оказалось наше правительство в виду кризиса, связанного с Ираком, который противопоставляет себя мировому сообществу» (Х.М. Аснар, 2004); «Это война против убийц, хладнокровных убийц, которые поддерживают идеологию ненависти. Их видение мира противостоит нашему видению. Мы верим в права человека, человеческое достоинство, права меньшинств и религиозные права. Мы верим в универсальные свободы» (Дж. У. Буш, 2005) и т.д.

Кантовская концепция правового государства и «всемирного гражданского общества» формируется вокруг вопроса о преодолении индивидуальной партикулярности и нахождении способа прямого «подключения» индивида к универсальной идентичности. Поэтому Кант отвергает возможность какого-либо компромисса среди множественных партикулярных идентичностей человека: поскольку каждый разумный индивид представляет собой единичное воплощение универсальности, то любые его коммунарные (социальные) идентичности — этническая, религиозная и любая другая идентичность, т.е. всё то, что Кант относит к области «частного применения рассудка», — должны являться предметом свободы выбора (воли) индивида и составлять частную сферу, не претендуя на то, чтобы являться универсальным законом для каждого. Более того, в противовес возникшим впоследствии концепциям публичной сферы, которые были предложены в разных вариациях Арндт, Рорти и Хабермасом, Кант не признает диалог и консенсус партикулярных коллективных идентичностей и социальных групп в качестве основания для построения разумного политического порядка для всех. Перефразируя уже сказанное, подчеркнем, что для Канта человек как субъект общественной жизни предстает универсальным лишь в своей единичности, полностью «освобожденный» от любых коллективных идентичностей.

Таким образом, публичная сфера (т.е. политика как таковая) у Канта предстает пространством господства (универсальности) и подчинения (единичности), пространством функционирования не коммуникативной (делиберативной), а технологической (инструментальной) рациональности, основывающейся на том, что Кант выражает исчерпывающей метафорой «механизма природы». Поэтому в трактате «К вечному миру» Кант утверждает, что государство может быть создано даже для «дьяволов» при условии, что они разумны (т.е. единично универсальны), — вопрос лишь в политических технологиях организации системы господства и подчинения: «[Нужно] так расположить некое

число разумных существ, которые в совокупности нуждаются для поддержания жизни в общих законах, но каждое из которых втайне хочет уклоняться от них; так организовать их устройство, чтобы, несмотря на столкновение их личных устремлений, последние настолько парализовали друг друга (курсив мой — Авт.), чтобы в публичном поведении людей результат был таким, как если бы они не имели подобных злых устремлений» [3, С. 284-285]. Такая «парализация» частных идентичностей («личных устремлений») очевидным образом должна выполнять две функции: являться условием сохранения частной свободы и автономности индивида и выступать механизмом прямого включения индивида в универсальный порядок.

Проект «всемирного гражданского общества» и взгляды Канта на проблему политического порядка сегодня частично объективировались в «реалистической утопии» прав человека, где система отношений «универсального человека» (субъекта всеобщих прав и свобод) и «универсального порядка» (гаранта этих прав и свобод в лице суверенитета) становится объектом постоянно прогрессирующей институализации и технологизации политики защиты прав человека. Публичная сфера этой политики представляет собой процедурную демократию, в рамках которой «универсальная человеческая свобода» становится продуктом политической инженерии, элементом социологической статистики и основанием для построения рейтингов эффективности бюрократических механизмов защиты этой самой свободы. Такая технократическая политика оказывается замкнутой на самой себе, образуя порочный круг: неспособность защитить человека с помощью существующих механизмов или «недостаточность» свободы человека, порождаемая, в том числе, этими механизмами, трактуется как несовершенство самой бюрократии, а значит, требуют разработки очередных «технологий» защиты, умножения деклараций и прописывания новых трактовок содержания человеческих прав и свобод. Провозглашая человека, его универсальные права и свободы своей главной целью и ценностью, технократия в лице государства и межгосударственных объединений попросту обрушивает на этого человека всю мощь бюрократической машины, не только фиксируя ограничения человеческой свободы, но и при необходимости ликвидируя её во имя и ради неё же самой.

Литература:

1. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение? // Кант И. Сочинения в 6-ти томах. Т. 6. М.: Мысль, 1966.
2. Фуко М. Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982-1983 учебном году. СПб.: Наука, 2011.
3. Кант И. К вечному миру // Кант И. Сочинения в 6-ти томах. Т. 6. М.: Мысль, 1966.

Каратеев А.Ю.

МГУ им. М.В. Ломоносова, факультет политологии, доцент. Кандидат исторических наук

artem.karateev@gmail.com

Ежегодно в мире рассчитывается множество различных индексов свободы: индекс экономической свободы (Index of Economic Freedom), индекс демократии (Democracy Index) и т.д. Индексы получают для стран и используют для составления рейтингов авторитарных и демократических режимов, оценок рисков инвестиций и т.д.

Вместе с тем, открытым остается вопрос о том, чью конкретно свободу характеризуют индексы свободы: гражданина, хозяйствующего субъекта, объединения граждан или страны в целом? Надо сказать, что ни теоретические работы, ни существующие методики практического анализа данных не демонстрируют единого понимания этой проблемы.

Такие теоретики, как Ф. Хайек [1], Л. Мизес [2], М. Фридман [3], на работы которых опираются современные методы измерения уровня свободы, в своих рассуждениях склонны рассматривать политическую и экономическую свободу как характеристику, которая одинакова для всех жителей определенной страны. При этом чаще всего они рассматривают свободу с позиции отдельного гражданина и интерпретируют ее как возможность совершать какие-либо действия или отсутствие ограничений на совершение этих действий. Соответственно, под экономической свободой понимается, например, возможность распоряжаться своим трудом, входить в трудовые отношения с работодателем. В этом случае субъектом свободы является гражданин. Но, помимо этого, экономическая свобода мыслится еще и как возможность работодателя входить в трудовые отношения с гражданами, возможность развития бизнеса, возможность устанавливать цены на свою продукцию и т.д. Здесь, как видно, субъектом свободы выступает уже не столько отдельный гражданин, сколько хозяйствующий субъект. Аналогично, субъектом политических прав может выступать как гражданин, так и объединение граждан.

Существующие методы измерения свободы, результатом которых являются вышеперечисленные индексы, предполагают сбор информации по многим направлениям и замеры многих характеристик, среди которых присутствуют одновременно и те, которые связаны с индивидуальными свободами, и те, которые скорее можно назвать коллективными. В частности, индекс экономической свободы учитывает одновременно и свободу отдельного человека распоряжаться без ограничений своим трудом, и свободу работодателя входить в трудовые отношения и разрывать их. Таким образом, проблема размытости субъекта свободы возникает уже на этапе расчета индексов.

Однако особую значимость эта проблема приобретает в межстрановых исследованиях, в частности, при расчетах средних значений свободы для нескольких стран (например, при расчете индекса экономической свободы или индекса демократии какого-либо региона). Так, авторы ежегодных отчетов рассчитывают глобальные индексы как простые средние арифметические индексов всех стран. Простота этого метода имеет существенный недостаток: получается, что, например, вклад Китая (58,4) и вклад Сингапура (89,4) в итоговый показатель оказываются одинаковыми. При этом, что в Китае значение 58,4 характеризует жизнь 1434 млн. человек, а в Сингапуре значение 89,4 – всего лишь 5 млн. (данные 2019 года) [4]. Таким образом, при расчете средних значений субъектом экономической свободы оказывается уже не человек, а страна в целом. Аналогичные расчеты производятся в другими индексами свободы.

Как следствие, неясность в определении субъекта свободы приводит к заметным неточностям при расчете мер разброса, а также при анализе корреляции индексов свободы с другими характеристиками общественного развития и при построении регрессионных моделей, которые являются на сегодня самым, наверное, популярным инструментом количественного анализа между показателями развития.

В нескольких наших исследованиях мы уже поднимали проблему определения субъекта свободы, показывая, как можно учитывать население страны при количественных исследованиях свободы, что позволяет считать субъектом экономической свободы именно гражданина, человека. Этот метод представляется более правильным как с точки зрения логики производимых расчетов, так и с точки зрения консервативно-либертарианской, ставящей во главу угла именно отдельного человека и его интересы [4,5].

Заметим, что различные методики расчета индексов в межстрановых исследованиях дают различные как количественные, так и качественные результаты. Так, отчет по индексу экономической свободы 2017 года показывает, что 92 страны попадают в категорию в той или иной мере свободных и 88 – в категорию в той или иной мере несвободных. Тем не менее, это равновесие между свободными и несвободными странами (51% свободных и 49% несвободных) при ближайшем рассмотрении оказывается кажущимся, так как учет населения, проживающего в этих странах, показывает, что в «свободных» странах проживает всего лишь чуть более 30% населения Земли, тогда как в «несвободных» – почти 70% [6].

Таким образом, проблема определения субъекта свободы при расчете и дальнейшем анализе индексов свободы становится не только проблемой теоретической, но и практической, оказывающей влияние как на оценку современного состояния развития стран и регионов, так и на прогнозирование и управление этим развитием.

Литература:

1. Hayek F. The Road to Serfdom. University of Chicago Press, Chicago. 1944.
2. Mises L. Planning for Freedom. Libertarian Press, 1952.
3. Friedman M. Capitalism and Freedom. University of Chicago Press, Chicago. 1962.
4. 2019 Index of Economic Freedom. URL <https://www.heritage.org/index/ranking>
5. Каратеев А.Ю. Что и как измеряет индекс экономической свободы? – Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 40. С. 266-276.
6. Каратеев А.Ю. О соотношении экономической и политической свобод: количественный анализ корреляции индекса экономической свободы и индекса демократии. // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки, № 4, 2018. С. 73-90.
7. 2017 Index of Economic Freedom / T. Miller, A.B. Kim. – Washington, DC: The Heritage Foundation, 2017.

Козиков И.А.

*МГУ им. М.В. Ломоносова. Профессор кафедры истории социально-политических учений
факультета политологии. Доктор философских наук*

kozikov_i@mail.ru

Аннотация: Выступление посвящено актуальной проблеме соотношения исторической политики и исторической памяти на примере важнейшего события XX века – Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: историческая политика, историческая память, Великая Отечественная война.

Historical politics and historical memory.

Kozikov I.A.

Lomonosov Moscow State University

Abstract: The report is devoted to the actual problem of the correlation of historical politics and historical memory on the example of the most important event of the XX century – the Great Patriotic war.

Keywords: historical politics, historical memory, the Great Patriotic war.

Приближается 75 годовщина Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Это священная дата для наших народов в их истории. В нашей исторической памяти воспоминание об этом великом событии для наших народов сегодня приобретает особую значимость и актуальность. Со стороны врагов и недругов наших народов идет фронтальное наступление на эту дату – день нашей Победы. Это наступление на нашу историческую память ведется давно, но сегодня особенно масштабно, цинично, коварно, используя современные информационные возможности.

Главной целью этого наступления является всяческое умаление роли советского народа в разгроме фашизма и во Второй мировой войне. Решающую роль в этом разгроме, фальсифицируя реальную историю, отдается союзникам СССР по антигитлеровской коалиции. Таким образом, принимаются усилия, чтобы отнять у нашего народа эту Победу, исключить из нашей, да не только из нашей, исторической памяти, это важное, доставшееся дорогой ценой для нашего народа, событие нашей истории.

Важнейшим фактором борьбы за священную дату нашей исторической памяти, борьбы против фальсификации истории Великой Отечественной войны, за историческую правду о великом подвиге нашего народа в истории человечества, является историческая политика нашего государства и общества.

Историческая политика, как и всякая политика государства и общества, является особой деятельностью субъекта политики по согласованию, удовлетворению и формированию потребностей и интересов в сфере истории и исторической памяти тех или иных социальных образований, в данном случае своего народа, своего Отечества. Объектом исторической политики являются не только исторические события в жизни данного народа, государства, но и социальные институты исторической, социальной памяти. А также различные памятники, символы, исторические даты памяти или памятных лет, исторических событий и в той или иной форме их замечания и отчисления.

В реальной жизни историческая политика проявляется довольно сложно. Она осуществляется как формирование представлений о прошлом в зависимости от стратегии, конкретных целей, интересов государства или определенных в нем групп, социальных субъектов. Реально каждое социальное образование, каждое общество, государство, нация формирует свою матрицу исторического наследия, свое представление о своем прошлом. В соответствии с этой матрицей, соотнося с конкретными задачами времени, осуществляется историческая политика.

В настоящее время как для российского, так и для белорусского, и других народов очень важно вести борьбу против фальсификаций о таком историческом событии в их истории, как Великая Отечественная война; важно отстоять и защитить историческую правду о героическом подвиге

советского народа в этой войне. Это важно не только для объективного освещения своей истории, но и для защиты своего реального места в истории человечества, в борьбе за свое настоящее существование, которое и сегодня подвергается реальным угрозам.

Сегодня проведение исторической политики нашего государства в интересах сохранения и укрепления Отечества, защиты интересов всего населения страны, интересов будущего России связано и с защитой факта нашей Победы в Великой Отечественной войне. Эта политика должна использовать это событие для укрепления единства многонационального российского народа.

Следует особо помнить, что историческая политика является важнейшим инструментом формирования патриотического сознания народа, особенно молодых поколений. Для российского общества эта проблема сегодня чрезвычайно актуальна. Можно сказать, что защита нашей исторической памяти о победе над фашизмом играет и будет дальше играть наряду с другими факторами для патриотического воспитания исключительную роль.

Сейчас в стране готовятся грандиозные мероприятия по празднованию 75 годовщины дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Эти мероприятия сыграют большую роль в защите нашей исторической памяти, правды о нашей истории. Но особенно важно, чтобы нужная для сохранения и защиты нашего Отечества, его развития историческая политика проводилась в этом направлении и дальше активно во всех её направлениях, в том числе и за пределами нашего государства в мировом сообществе.

Куликов В.И.

МГУ имени М.В. Ломоносова. Соискатель кафедры истории социально-политических учений факультета политологии

v.i.kulikov@mail.ru

Аннотация. В работе анализируется философия политики Ивана Александровича Ильина (1883–1954) и ее актуальность сегодня. Делается вывод о необходимости включения творческого наследия И.А. Ильина в современный социально-политический контекст и использовании его идей в публичной дискуссии о моделях преобразования России.

Ключевые слова: И.А. Ильин, философия политики, история социально-политических учений России

**I.A. Ilyin's philosophy of politics and modernity.
Kulikov V.I.**

Lomonosov Moscow State University

Annotation. The paper analyzes the philosophy of politics of Ivan Ilyin (1883-1954) and its relevance today. The author concludes that it is necessary to include the creative heritage of I.A. Ilyin in the modern socio-political context, and use his ideas in public discussion about the models of transformation of Russia.

Keywords: I.A. Ilyin, philosophy of politics, history of social and political studies of Russia

Творчество выдающегося русского мыслителя *Ивана Александровича Ильина (1883–1954)* [см.: 1–4], особенно в части анализа его политической философии, представляет несомненный научный интерес именно в перспективе сопряженности его теоретических воззрений с актуальной практикой политических исследований с одной стороны, а также в плане релевантности идейных положений его политической концепции сегодняшней социальной повестке дня с другой стороны.

И.А. Ильин своевременен в модальности нынешнего мировосприятия, поскольку удачно вписывается в контекст текущих и предстоящих социально-политических преобразований в России. Кроме того, методологические принципы и исследовательские стратегии Ильина актуальны в отношении альтернативных способов и моделей рефлексии социально-политических процессов в современной России.

С одной стороны, концептуальные идеи И.А. Ильина могут быть представлены в формате реконструкции оптики личного мировосприятия через аналитику ментальных и мировоззренческих оснований его консервативных взглядов. С другой стороны, само творческое и научное наследие русского философа отражает его сопринадлежность и сопричастность прошлой и настоящей традиции социально-политических исследований в России.

Действительно, социально-политическая теория И.А. Ильина вписывается в некий общий концептуальный фон исследований, называемых нами консервативными, поскольку соотносится с такими идеологическими маркерами консервативной теории как традиционализм, органицизм, иррационализм, трансцендентализм, интуитивизм и т.п. По своим ключевым основоположениям, социально-политическая доктрина Ильина может быть признана в качестве альтернативной любым модернистским проектам политической реконструкции (либерализм, социал-реформизм, коммунизм).

В условиях очевидного «кризиса идей», который спровоцирован существующей практикой политических и социально-экономических преобразований в России, опыт теоретического осмысления проблем общественного развития, представленный в работах И.А. Ильина, оказывается максимально востребованным в соответствующей области политических исследований. Кроме того, социально-философские и политологические реконструкции Ильина служат своеобразным ориентиром будущих научных изысканий в консервативном спектре политических исследований.

Политические идеи и воззрения И.А. Ильина обладают высокой степенью актуализации, главным образом, в контексте существующих тенденций изменения современной ментальной сферы российского общества. Очевиден социальный заказ на консерватизм и на такие его смысловые корреляты, как субстанциализм, примордиализм, трансцендентализм, органицизм, традиционализм и т.д. Консервативный тренд можно считать существенной чертой современной национальной внешней и внутренней политики. В этом смысле проявляется особый консервативный стиль мышления, широко распространенный в среде правящей политической элиты. То есть Ильин созвучен не только современной эпохе, он еще и косвенно является медиатором тех идей, которые бы позволили соединить предыдущий опыт политического развития России с политическими реалиями наших дней. Более того, Ильин своевременен и в методологическом плане, поскольку творческие и научные изыскания отечественного мыслителя комплементарны тем методологическим принципам и стандартам научной деятельности, которые соответствуют современному уровню развития политической науки.

Необходимость включения творческого наследия И.А. Ильина в современный социально-политический контекст является одной из актуальных задач отечественной политической науки. На наш взгляд, апелляция к творческому наследию Ильина как глубоко укорененному в традиции отечественных социально-политических исследований и одновременно признание академичности его авторского стиля имеет пропагандистский и мобилизационный потенциал в пространстве публичной дискуссии о моделях будущих социальных и политических изменений.

Литература:

1. Куликов В.И. «Дух времени»: Иван Ильин и Павел Новгородцев // *Власть*. 2015. № 9. С. 86–89.

2. Куликов В.И. «Третий путь» И.А. Ильина // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. 2016. № 1 (54). С. 53–60.

3. Куликов В.И. Идеальная аксиоматика политической концепции И.А. Ильина // *Вестник Российской нации*. 2015. Т. 5. № 5 (43). С. 68–76.

4. Куликов В.И., Ширинянц А.А. Консервативный дискурс в концептуальном пространстве современной политической науки // *Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал)*. 2015. № 3. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/692>.

Возвращаясь к человеку: будущее политической науки в антропоцентричной перспективе

Ляховенко О.И.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник факультета политологии. Кандидат политических наук

oleg.lyakhovenko@gmail.com

Аннотация: Научно-технический прогресс и развитие цифровых средств коммуникации формируют техноцентрическую парадигму общества, диктующую примат формальных и машинных принципов и ставящую конечной целью преодоление человека как несовершенного вида. Утрата обществом и наукой гуманистической антропоцентричной перспективы не только усиливает классическую проблему отчуждения человека, но и обуславливает многочисленные гносеологические тупики в науке и размывание привычных онтологий. При этом «религиозная вера в научно-технический прогресс» не способствует решению этих проблем, а усугубляет их. Не претендуя на создание новых идеологий или утопий, автор акцентирует внимание на том, что восстановление антропоцентричной перспективы на человека, общество и технику не просто открывает возможности для пересборки концептуальных оснований политической науки, но дает ключи для решения внешних по отношению к науке проблем – общественных и политических.

Ключевые слова: технический прогресс, гуманизм, философия науки, политическая наука

Restoring human: the future of political science in anthropological prospect. *Lyakhovenko O.I.*

Lomonosov Moscow State University

Abstract: Scientific and technological progress and the development of digital communications give birth to a technocentric paradigm of society which dictates the primacy of formal and machine principles and claims the overcoming of human (such an imperfect species) as the final cause. The loss of a humanistic anthropocentric prospect by society and science not only strengthens the classical problem of human alienation, but also causes numerous epistemological deadlocks in science and the erosion of traditional ontologies. Moreover, the “religious faith in scientific and technological progress” does not contribute to the solution of these problems but enhances them. Without pretending to create new ideologies or utopias, the author focuses on the fact that the restoring of the anthropocentric prospect on a person, society and technology not only opens up opportunities for reassembling the conceptual foundations of political science, but also provides keys for solving social and political problems, external towards science in self.

Keywords: technological progress, humanism, philosophy of science, political science

В формате одного доклада невозможно изложить фундаментальную концепцию. В силу этого в данной работе, преимущественно в тезисной форме, будут затронуты определенные философские проблемы, имеющие значимость в разрезе фундаментальных оснований не только политической науки, но и, шире, в контексте существования человека как существа политического и социального в современную эпоху.

Мы сознательно не берем в фокус внимания современные дискуссии о том, живем ли мы в эпоху «позднего модерна», «постмодерна», «постпостмодерна», «научно-технической революции» и так далее. Отметим, что провозглашенный постмодернистской парадигмой «отказ от больших нарративов» в целях высвобождения познающего субъекта из-под репрессивного диктата всевозможных традиционалистских систем в действительности привел не к освобождению человеку для познания и творчества, но к его еще большему закреплению внутри всевозможных концептуальных схем, объяснений, дискурсов и т.д., а также, что более важно, к закреплению человека внутри собственных познавательных и интеллектуальных ограничений, на простую констатацию которых наложено

табу. В этом смысле показательно, что философы 60-80-х гг. XX века, во многом предвосхитившие на философско-концептуальном уровне появление Интернета, сетевого общества и всеохватной сетевой коммуникации (Ж. Делез, М. Фуко и другие), будучи глубоко несвободными в личностном и психологическом плане, скорее экзальтировались собственными тупиками познания, болезненно проживая их, нежели предлагали решение и выход из них. В этом плане Интернет и социальные сети, дающие иллюзию свободного выбора в получении, распространении и потреблении информации, не внесли ничего нового на философском уровне и при всей декларативной «свободе» лишь усиливают несвободу человека, превращая его в знак, чип, набор стандартных функций и поведенческих моделей.

Самый поверхностный анализ современных теорий сетевого общества, научно-технических революций, программируемого развития искусственных интеллектуальных и робототехнических систем, всевозможных прогрессистских теорий в социальной, экологической, политической сферах (и тем более личное знакомство с адептами и евангелистами данных концепций и учений) дает однозначный вывод о том, что в основе всех подобных теорий лежит глубоко античеловеческая установка. Человек признается ошибочным, несовершенным, даже вредным. Об этом открыто говорят и радикальные эколо-активисты, подменяя реальную защиту природы крестовым походом против самого человечества, и всевозможные теоретики научно-технологического развития, утверждающие, что машина рано или поздно превзойдет человека. Постулируется, что в конечном итоге человек должен быть максимально исключен из любых процессов, от производства, транспорта и сбыта до организации судебной системы, политики, самого общества и т.д. «Окончательному решению» подлежат даже искусство и философия (вроде бы изначально гуманистические и антропоцентричные сферы). Утверждается, что высококачественные искусственные нейронные сети смогут создавать произведения искусства и разрабатывать специализированные философские концепции и онтологии непосредственно под задачи искусственного интеллекта, на уровне абстракции и скоростях, выходящих далеко за пределы доступного человеку. А последней вехой должно стать и вовсе преодоление человека в рамках одной из очередных популярных трансгуманистических систем (биологической, технической, цифровой и т.д.). Здесь совершенно вторичен вопрос, в чьих интересах разрабатываются, внедряются и продвигаются подобные концепции – некой абстрактной «машины» («прогресса», «техники», «науки») или же узкой группы транснациональных корпоративных элит, поскольку результат в любом случае противопоставлен человеку в его гуманистической перспективе.

Данные проблемы формируют лишь общий фон, на котором развивается политическая наука, пытающаяся – в той мере, в какой это получается, – рефлексировать ту реальность, которая возникает на наших глазах под влиянием в самом общем виде обозначенных выше вызовов.

Первый вызов связан с тем, что провозглашенная (совершенно справедливо) мультипарадигмальность и расширение предмета политической науки на сопредельные отрасли и сферы действительно значительно расширили возможности и свободу познающего субъекта. С другой стороны, сегодня развитие политической науки загоняется в еще более жесткие рамки и подвергается таким видам цензуры, которые были просто немыслимы в XX веке. Это парадигмальный и идеологический диктат: ученый не сможет самореализоваться в профессии, если не вписывается в рамки двух-трех доминирующих на научном рынке парадигм. «Диктат общих правил» – лишь вскользь упомяну проблему наукометрии и публикационной активности как ключевого индикатора значимости исследователя вне зависимости от содержания работ. Диктат информационно-технологический – в эпоху максимальной открытости и доступности информации становится все более сложно найти конкретные интересующие материалы и исследования, если только они не получили специальную медийную или политическую поддержку или не были признаны рынком, в результате чего усиливается разделение на «нишевые» (малодоступные) и «массовые» (зачастую бессмысленные) публикации, исследования, школы. В результате растет разделение на тех, кто способен ориентироваться в растущем информационно-публикационном хаосе, и тех, кто теряется в нем, и это касается ученых, студентов, бизнесменов, политиков, обычных граждан (и здесь как нигде будет уместно вспомнить известную цитату про «у имеющего прибавится, а у не имеющего отнимется»).

С другой стороны, мультипарадигмальность политической науки на современном этапе делает все более реальной проблему истоновских «маленьких круглых столиков» (или разбегающихся галактик), когда каждая школа все более специализируется на собственном предмете и неформальных правилах.

Наконец, усиливается подмена научно-исследовательского творчества преимущественным упором на методические и процедурные вопросы. Политическая наука сегодня постоянно сбивается

на то, чтобы «изучать методы», вместо того, чтобы рефлексировать над своими основаниями, ставить проблемы, анализировать смыслы (достаточно, например, ознакомиться с повесткой мероприятий той же Международной ассоциации политической науки). В этом смысле мы также видим «триумф знака», о котором было сказано в начале работы применительно к общему социальному контексту. Не просто доминируют формальные правила, но исключается сама постановка вопросов «что», «зачем», «почему», «что это значит», «к чему это приведет». Вместо этого в фокус берутся «процедура» и «соответствие».

Общая картина, таким образом, изложена, пусть и поверхностно (каждый тезис можно и нужно развивать и одновременно оспаривать). Однако целью доклада совершенно не является рисование очередной «карты страхов» и алармистских прогнозов. Ниже хотелось бы предложить (набросать в самом общем виде) возможные ответы, которые, на наш взгляд, связаны с восстановлением антропологической перспективы на человека, общество и технику.

Мы не ставим своей целью создание новой школы, теории, парадигмы, идеологии или утопии и тем более не призываем к восстанию против сложившихся правил и норм научного сообщества (странового и общемирового). Ответ, если он возможен, лежит внутри человека – ученого, исследователя, практика, способного выстраивать контакт с реальностью минуя любые объяснительные схемы. Речь идет о перенастройке познающей оптики. Необходимо вернуться к гуманизму как определяющему принципу существования и развития человека. Но какого человека? Человека активного, творческого, познающего, человека прометеевского, человека действующего, *homo faber*. В практическом философском аспекте речь идет о том, чтобы вернуть технике ее место – инструмента, а человеку – место хозяина, того, кто разумно использует этот инструмент. Здесь в полной мере сохраняют актуальность решения, предложенные классикой человеческой интеллектуальной мысли – о «субботе для человека» и «человеке как цели, а не средстве».

Антропологическая перспектива в политической науке означает, что каждая школа, научное направление, дисциплина, исследуя собственный предмет в соответствии с выработанными правилами и рамками, тем не менее, должна исходить из ценности человека как познающего субъекта и конечной цели познания. Речь не о поиске абстрактной истины (в идеологии, технике, религии, поклонении прогрессу как религии и т.д.), а об утверждении истинного человека, который создает внутреннюю ценность. Очевидным образом, этот принцип способен распространиться со сферы научного познания также и на педагогику, в том числе в политических науках.

Подводя итог, отметим, что именно современная ситуация – ускорение технического прогресса, порождающее абсолютно антигуманные идеологии, многочисленные гносеологические тупики, вызванные приматом формы над содержанием и отказом в субъектности познающего ученого, размывание привычных онтологий под воздействием технологий и информации – требует, чтобы на первый план вышел ответственный, разумный человек, руководствующийся в своих намерениях и действиях гуманистическими ценностями.

Применительно к сфере науки (в том числе науки политической) это означает преодоление существующих парадигм и их подчинение человеку – тому, кто способен отбирать, определять и направлять вектор познания, синтезируя знание и создавая ценность. За восстановлением гуманистической основы открываются совершенно новые онтологические и гносеологические горизонты, начиная с самого простого – с восстановления в фокусе внимания политической науки проблематики глобального развития общества и взаимоотношений человека с последствиями научно-технического развития.

Возвращение антропологической перспективы значимо и в отношениях науки с другими сферами общества – политикой, государством, бизнесом, включая вопросы управления наукой (очевидно, что необходимо восстановление статуса реального эксперта). Без человека и гуманистической основы научного знания невозможно преодоление тирании знака во всех сферах социальной жизни.

Бернард Уильямс — политический философ

Маргушева А.З.

МГУ им. М.В. Ломоносова, аспирант

alinamankunian@gmail.com

Аннотация: Речь пойдет о британском философе Бернарде Уильямсе (1929–2003), авторитетном мыслителе в области нормативной этики и моральной философии, чьи поздние политико-философские труды, написанные в 1990-х—начале 2000-х гг., позволяют относить его к ряду ключевых политических философов своего времени. Уильямс много писал о статусе и смысле политической философии как области знания, ее методах исследования, тем самым рисуя образ «идеального» политического философа, которому сам же стремился соответствовать. Как представителя аналитической традиции в философии, Б.Уильямса характеризует логическая стройность изложения и последовательная политическая аргументация, прежде всего, в вопросах соотношения политической сферы и области универсальных моральных категорий — центральной проблеме как политической философии Уильямса, так и современной политической теории.

Ключевые слова: Бернард Уильямс, политическая философия, морализм, политический реализм.

Political Philosopher Bernard Williams.

Margusheva A.Z.

Lomonosov Moscow State University

Abstract: The article is about the British philosopher Bernard Williams (1929–2003), a well-known author in the field of normative ethics and moral philosophy, whose later works in political philosophy, written in the 1990s and early 2000s, allow referring him to a number of key political philosophers of his time. Williams wrote about the nature of political philosophy as a humanistic discipline, its research methods, thereby drawing the image of the “ideal” political philosopher, which he himself sought to match. As a representative of the analytical tradition in philosophy, Williams is characterized by logical consistency of presentation and consistent political argument, primarily in the relationship between the political and moral dimensions — a central problem of Williams’s political philosophy and modern political theory as well.

Keywords: Bernard Williams, political philosophy, moralism, political realism

Бернард Уильямс (1929–2003) — британский философ, чьи работы в области этики и моральной философии получили всеобщее признание в 1980-х гг., заняв видное место в англо-американской философской традиции второй половины XX века. Часто можно встретить мнение, согласно которому Уильямс смог заработать репутацию доблестного критика, при этом не преуспев в том, чтобы внести весомый позитивный вклад в философскую мысль [1, с. 546]. Автор монографии, посвященной Уильямсу, писал следующее: «Наиболее примечательный вклад Уильямса заключается не столько в формулировании новых философских позиций, содержащих ясные ответы, сколько в дестабилизации уже существующих воззрений» [2, с. 6]. Действительно, Уильямс в своих работах в области этики и моральной философии выступал против возможности построения автономных теоретических, в частности, этических концепций вообще, в связи с чем исследователями отмечается, что тем самым он нес на себе «миссию системоразрушителя» [3, с. 103]. Так, два основных направления этической мысли — утилитаризм и кантианство — являлись предметом его критики, но при этом аргументация «против» выступала основанием для самостоятельных концептуальных решений Уильямса.

С конца 1980-х гг. в работах Уильямса случается резкий «политический поворот», и автор преимущественно обращается к политико-философской тематике. В этой области его взгляды так же не являлись результатом позитивного построения теории или политико-философской концепции, а представляли собой следствие целенаправленной критики, столь свойственной манере Уильямса, в адрес либерального проекта американского философа Джона Роулза, который был изложен в известной и значимой для политической теории работе «Теория справедливости» [4]. Работа

возродила интерес современников к широкому спектру проблем в области политической философии. Предметом развернувшейся дискуссии среди преимущественно англо-американских теоретиков были статус, роль и предназначение политической философии как дисциплины, так и основные вопросы социально-политической проблематики, затрагивающие сущностные аспекты общественной жизни, в частности, проблему соотношения свободы и равенства. Действительно, Уильямс входил в круг идейных оппонентов Роулза наряду с другими известными идейными противниками Роулза на уровне политической теории, которыми были Роберт Нозик, представитель либертарианской мысли, а также Аласдер Макинтайр, автор коммунитаристской критики в адрес положений «Теории справедливости».

Именно полемическое отношение к теории справедливости Роулза и либеральным концепциям этического характера второй половины XX в. (Р. Дворкин, А. Макинтайр) позволило Уильямсу произвести свой способ аргументации в вопросах о природе политических явлений и занять позицию, которую можно отнести к политическому реализму — прежде всего, как к принципу, согласно которому политическая философия или теория не должны быть формами моральной философии и прикладной этики, а должны представлять собой самостоятельный способ описания политической действительности.

«Вначале было дело» — так звучит не только название сборника политико-философских трудов [5] Уильямса, но и общий девиз его работ в области политической теории. Измененное библейское изречение, в котором «слову» Уильямс предпочитает «дело» указывает на проблему противопоставления морализма и реализма в политической теории, в рамках которого сам Уильямс выступает в защиту политического реализма.

О содержании понятия политического Уильямс рассуждает в своей статье «Реализм и морализм в политической теории» [6]. Вместо попытки дать всеобъемлющее определение сферы политического, которую Уильямс заранее считает тщетной, он дает следующее объяснение: политическое возникает в тех случаях, где необходимо мыслить «политически», а не в соответствии с моральными принципами — тем, что Уильямс называет политическим морализмом. «Политическим морализмом я буду называть точки зрения, отстаивающие приоритет морального над политическим» [6, с. 4]. Одной из версий политического морализма и является теория справедливости Роулза, в рамках которой на политические действия накладываются строгие моральные ограничения, в результате чего политическая теория становится прикладной этикой. Подобные моральные ограничения по своей природе неисторичные и лежат в плоскости универсальной системы моральных убеждений, за пределами мыслимой системы исторических координат, тем самым лишая возможности критиковать их.

Политический реализм, напротив, подразумевает рефлексивное политическое мышление. Уильямс призывает к рассмотрению сложившихся в современной политической теории убеждений, взглядов, интересов как производных от конкретных исторических обстоятельств, и вследствие этого вступающих в естественное противостояние, — не по причине того, что одни убеждения в отличие от других могут быть морально, в этом же смысле нормативно, обоснованы и вследствие этого иметь непревзойденное преимущество. Обращение к историческому контексту позволяет проследить процесс становления различных политических убеждений, превращение взглядов меньшинства в позицию большинства, и наоборот. Поэтому сама политическая философия и теория должны представлять собой поле для равной борьбы противоположных точек зрения и аргументов, а их сторонники должны находиться в роли политических оппонентов, а не «правых» и «неправых», «просвещенных» и «заблуждающихся». Так, важным доводом в пользу способа мыслить «политически» является то, что политическое решение — как результат обсуждения, включающего всевозможные соображения нескольких сторон, но выраженного в виде решения в пользу преимущественно одной из них — свидетельствует не о том, что другая сторона не согласуется с моральными принципами, или просто неправа, а прежде всего о том, что другая сторона проиграла в аргументах [6, с. 10].

Наиболее часто в работах Уильямса звучит тезис о том, что если политическая философия и способна состояться в том, чтобы прояснять смысл политической жизни, то политические философы обязаны обращаться к истории концептов (понятий), которые они используют, имея в виду ту силу объяснения, которой они обладают. Еще одним важным требованием, которое Уильямс выдвигал политическим философам, является отсутствие попытки превратить политическую философию в «системы мысли», поскольку любая систематизация мысли, по мнению Уильямса, так и или иначе предполагает исключение конфликта между идеями или сведение его к минимуму, что особенно противоречит реальной политической жизни, которая всегда «включает в себя не только конфликты

интересов, но противоположные принципы, вступающие в противоречие ценности, и более того, конфликт интерпретаций одних и тех же ценностей...» [8, с. 164]. Современные исследователи политико-философского наследия Уильямса называют его подход к политической философии «этикой достоверности» или «этикой верности фактам» (the ethic of truthfulness) [7, с. 284], что означает, во-первых, стремление рассматривать ход политической мысли и развитие политической теории через помещение базовых политических концептов (понятий) в исторический контекст, во-вторых, необходимость свободного восприятия политической действительности, — свободного от внешних, несоотнесимых с конкретными историческими обстоятельствами, моральных суждений.

Несмотря на то, что Бернард Уильямс и его работы обладают как большой известностью, так и авторитетом в англоязычной среде, как в области этики и моральной философии, так и в области современной политической философии, перевод текстов Уильямса на русский язык, упоминания о нем, изложения его взглядов практически отсутствуют в отечественной исследовательской литературе, что прямо указывает на перспективу дальнейшего исследования взглядов британского философа, в том числе с целью знакомства русскоязычного читателя с ними.

Литература:

1. Hall E. Contingency, Confidence, and Liberalism in the Political Thought of Bernard Williams. // *Social Theory and Practice*. 2014. Vol. 40. № 4. pp. 545–569.
2. Jenkins M. Bernard Williams. Chesam: Acumen, 2006.
3. Мюрберг И.И. Бернард Уильямс: преобразование этики в политическую философию свободы // *История философии*. № 15, 2010. С. 102–110.
4. Rawls J. *A Theory of Justice*. Cambridge, 1971.
5. Williams B. In the Beginning was the Deed: Realism and Moralism in Political Argument. — Princeton University Press, 2005.
6. Williams B. Realism and Moralism in Political Theory // *Contemporary Political Philosophy: An Antology, Third Edition* / Edited by Robert E. Goodin and Philip Pettit. — Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2019.
7. Hall E., Sleat M. Ethics, Morality and the Case for Realist Political Theory // *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. № 20, 2017. pp. 276–290.
8. Williams B. *Philosophy as a Humanistic Discipline*. — Princeton University Press, 2008.

Политико-философские проблемы современного пространственного развития России

Нечай В.Н.

МГУ имени М.В. Ломоносова, аспирант факультета политологии

vnnechay@gmail.com

Аннотация: Принятие Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года свидетельствует о концептуализации проблемы на государственном уровне. Попытка унификации процессов равномерного территориального развития вызывает закономерный вопрос – насколько эти процессы и инструменты применимы для всех регионов страны, какова их эффективность и как оценить результаты? Отвечая на этот вопрос, следует провести историческую рефлексию, где есть возможность понять, по какой логике и с какой эффективностью происходило освоение и развитие территорий. Здесь же следует обратиться к политико-философским категориям – что является пространством? что важнее: социальное или политическое пространство? существовало ли оно всегда или было сконструировано в соответствии с вызовами времени.

Ключевые слова: территория, пространство, развитие, Стратегия, история освоения, инфраструктура.

Political and Philosophical Issues of Territorial Development of Russia. Nechay V.N.

Lomonosov Moscow State University

Abstract: Acceptance of Strategy of territorial development of Russian Federation until 2025 underlines the process of conceptualization of a territorial issue. Standards, which are given in this Strategy, create an issue: How is possible to introduce and execute these standards across the country? How to measure an effectiveness? How to estimate this process? One should hold an historical review to find the answer, which is supposed to explain a process of territorial development. We need to define – what is territory? What is more important: social or political space? Was it created by the calls of time or it was as eternal category.

Key words: territory, space, development, Strategy, history of development, infrastructure.

Особая специфика изучения территориального развития России в период конца XIX века во многом основывалась на принципах пространственной экономики и описательных методов. По большей мере на это влияло следующее: а) экономическое районирование, включая природно-географические характеристики, при помощи которых можно было выявить предварительный экономический потенциал; б) государственная мотивированность исследования территорий, стремление выявить причины и механизмы воздействия для формирования идеальных условий для освоения пространства; в) преобладание практических исследований, фрагментарность теоретических знаний и дефицит систематики, а также слабая развитость национальных исследовательских школ.

Значительное влияние на становление российской исследовательской школы оказало сам характер научной деятельности. Если в англосаксонской системе исследования проводились в университетах, то отечественные проводились усилиями Императорской Академии наук. Здесь прослеживается и ключевое отличие – все исследования проводились по государственному заказу, таким образом решая задачи прикладного характера для государственного устройства.

К концу XIX в. к изучению пространственного развития и территорий подключились правительственные ведомства и учреждения, а именно Статистическое отделение МВД и Министерство государственных имуществ. Фиксация статистических показателей экономических характеристик и условий развития территорий Российской империи и позже в СССР велась непрерывно, тем самым формируя эмпирические данные о потенциале городов и регионов. Таким образом, статистика стала ключевым инструментом в пространственной экономике и экономической географии в описании территорий, учета характеристик и показателей.

Параллельно с пространственной экономикой и экономической географией, которые были сосредоточены на изучении хозяйственно-экономических показателей территорий, возник термин «коммерческая география». Предположительно термин возник в результате спроса на профессию коммерсанта, которая стала востребована государством.

Другим, не менее важным импульсом в развитии теоретической базы и представлений о территориях страны, стало создание Комиссии по изучению естественных производительных сил (КЕПС) в 1915 году. В рамках работы Комиссии функционировал отдел промышленно-географического изучения России [1]. К 1930 году КЕПС была реструктурирована в Совет по изучению производительных сил (СОПС), в рамках которого дальнейшая исследовательская работа в сфере хозяйственно-производственных процессов была продолжена и расширена.

В послевоенный период произошло переосмысление идей о пространстве и территориальном принципе разделения труда. Н.А. Вознесенский подверг анализу структуру распределения отраслевого производства. Отдельным, но не менее важным направлением в изучении пространственного развития России в советский период является исследования в сфере освоения целины. Особая актуальность в изучении и освоении целинных земель появилась еще в 50-е гг. XX века, когда в послевоенное время того требовали экономические показатели. Однако, по сельскохозяйственным нуждам данный вопрос поднимался намного ранее, еще в довоенное время. Так, Н.И. Вавилов, Н.М. Тулайков активно высказывались о необходимости освоения новых земель [2].

Проблема изучения пространственного развития в современной истории России приобретает комплексную структуру и носит скорее мультидисциплинарный характер. Сама идея пространственного развития концептуализируется, ее основы начинают применяться на мезо- и макроуровне, т.е. на уровне субъектов и федеральных округов. Тем не менее, подобная тенденция не приводит к единству понимания, что действительно несет в себе понятие стратегии пространственного развития. Во многом теоретические наработки и прикладные наблюдения авторов касаются стратегий социально-экономического развития регионов или федеральных округов. История формирования идеи стратегического планирования современной России берет свое начало с 1992 г., когда подобные решения имели скорее тактико-прикладной характер. В этом году выходят первые указы Президента и постановления Правительства, которые затрагивали вопросы региональной политики и финансирования программ социально-экономического развития. Одной из первых стала региональная стратегия Ленинградской области в 1997 году.

В 2014 году данное направление закрепило на государственном уровне – был принят Федеральный закон от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [3]. Закон подразумевал начало подготовки нового документа, который бы всецело охватил проблему дифференцированного развития регионов и пространства, в целом. Из-за сложности и многозадачности проекта, документ находился на подготовительном этапе в течение 5 лет и 13 февраля 2019 года Распоряжением Правительства РФ № 207-р Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года была утверждена [4]. Принятие подобного документа свидетельствует о качественно новом этапе развития и изучения данной проблематики, актуализируя ее.

Проблема освоения пространства, вне зависимости от того, какая характеристика дается ему – социальное или политическое – создает отдельную эпистемологическую проблему. Территория или пространство как исследуемая категория до сих пор остается понятием с весьма неточным определением в рамках политико-философского подхода. Суть проблемы заключается в том, что с точки зрения географических и экономических наук территория и пространство является тождественными понятиями. С позиции политико-философских воззрений под категорию пространства могут попадать «социум» и «политика», что создает дополнительный объем для исследования. С другой стороны, возникает противоречие: нужно ли эти понятия включать в исследование при изучении пространственного развития современной России? Проблема остается дискуссионной.

Литература:

1. Кольцов А.В. Деятельность комиссии по изучению естественных производительных сил России: 1914-1918 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. №2. С.128-139.
2. Вавилов Н.И. Организация сельскохозяйственной науки в СССР: избранные статьи и выступления. Москва, 1987.
3. Минэкономразвития РФ. Стратегия пространственного развития России. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/planning/sd/indexdocs>
4. Правительство РФ. Об утверждении Стратегии пространственного развития до 2025 года. URL: <http://government.ru/docs/35733/>

Перевезенцев С.В.

Русский консерватизм как специфическое явление отечественной общественно-политической и религиозно-философской мысли XIX — начала XX вв. базировался на неких идеях, которые возникли намного ранее, нежели сама отечественная консервативная мысль. Думается, немаловажную роль в формировании русского консерватизма сыграли некоторые историсофские и духовно-политические учения XI–XVII вв., ведь именно эти учения выполняли в сознании отечественных мыслителей и политических деятелей XIX–XX веков роль национальной идейно-политической традиции, возвращение к которой было значимой частью в теоретических построениях и практических рекомендациях русских консерваторов. Тем более важно понять, какие именно реальные идеи древнерусских мыслителей могли оказать влияние, пусть даже и опосредованное, на духовные и идейные поиски их далеких потомков.ⁱ

Прежде всего, на протяжении многих веков русское общество было *традиционным*. Эта очень характерная черта — *приверженность традиции* — была присуща и самой власти, и большинству политических мыслителей того времени. А всякие новшества рассматривались прежде всего с точки зрения их соответствия традиции, и только потом принимались, со временем становясь частью традиции.

С принятием христианства важнейшей традицией в социально-политической мысли России стала христианская традиция, а именно православие. И это определило еще одну важнейшую особенность русской социально-политической мысли XI–XVII вв.: значимость социальных и политических идей в этот период определялась их духовным содержанием, тем, насколько они способствуют реализации в социально-политической практике православных идеалов. Поэтому можно говорить, что русская социально-политическая мысль в XI–XVII вв. развивалась в русле православной традиции и была прежде всего *духовно-политической*. Своеобразие духовно-политической мысли состоит в том, что она предлагает *политическими средствами решать духовные, религиозные задачи*. В этом случае сами политические предпочтения, учения и идеалы выстраиваются в зависимости от религиозных предпочтений, учений и идеалов, которые в свою очередь являются основополагающими для выстраивания собственно политической идеологии. Именно духовные, религиозные идеалы становятся критериями для оценки как конкретных политических деятелей, так и создаваемой ими политической системы общества. А политическая идеология и политическая практика направляются на то, чтобы социально-политическое состояние общества в максимально возможной степени соответствовало духовным, религиозным идеалам.

Еще одной особенностью можно считать то, что для средневековых русских духовно-политических мыслителей — как, впрочем, и для политических деятелей — типичным было *религиозно-мистическое мировосприятие*. И социально-политические идеи формировались в соответствии с общим религиозно-философским восприятием окружающего мира, а собственно политическая мысль практически не существовала в России как самостоятельное, оторванное от православия явление. Православное мировосприятие определяло и тот факт, что на Руси социально-политическая мысль основывалась не столько на рациональном, сколько на *интуитивном знании*. Само рациональное знание интересовало отечественных мыслителей того времени в достаточно малой степени. Поэтому древнерусские книжки не разрабатывали развернутые, многоуровневые философско-политические системы, но их политическое творчество выражалось чаще всего в символах. Символическое мышление, прежде всего, конечно, *христианское символическое мышление*, в то время занимало доминирующее положение.

Еще одна черта социально-политического творчества в XI–XVII вв. — отсутствие традиционных, например, для Запада, объемных политических трактатов. Зато большинство социально-политических сочинений в Древней Руси создавалось *в форме литературно-художественных или публицистических произведений* — «слов», поучений, посланий, сказаний, притч, повестей и т.д. Подобная форма изложения позволяла древнерусским любомудрам сочетать глубину мысли с образностью и художественностью повествования.

ⁱ См. подробнее работы автора: Перевезенцев С.В. К вопросу о специфике русской политической мысли XI–XVII вв. // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2008. № 4. С. 11–22; Перевезенцев С.В. Идейные истоки русского консерватизма // Хранители России. Антология. Т. I. Истоки русской консервативной мысли. XI–XVII вв. / Под ред. С.В. Перевезенцева. Авт.-сост. Р.В. Михайлов, С.В. Перевезенцев, А.А. Шприняц. Подг. текстов: А.А. Горохов, О.Е. Пучнина, А.С. Хелик, А.Б. Страхов, Д.А. Ананьев. М., 2015. С. 10–35; Перевезенцев С.В. Святорусское царство: История русской святости. 2-е изд. М., 2018; Перевезенцев С.В. Русские смыслы: Духовно-политические учения России XVI–XVII вв. в их историческом развитии. М., 2019 и др.

Своеобразными были и некоторые «сквозные» темы русской политической мысли XI–XVII вв. Так, немаловажное значение для политического мышления средневековой Руси имела тема *идеала*. Свое видение политических задач, стоящих перед обществом, русские мыслители облекали в форму идеалов, неких представлений о том, как должен быть устроен мир и как должен жить всякий человек. При этом сами идеалы воспринимались и формулировались, прежде всего, как *нравственные христианские идеалы*. Ведь нельзя в качестве идеалов выбирать что-то конкретное, уже существующее в жизни — раз оно существует, следовательно, это уже не идеал, а реальность.

С христианской точки зрения все человеческие идеалы изначально задаются Богом, именно Божественное Провидение формирует и руководит ходом человеческой истории. Следовательно, и познание идеала — это познание Божественного. В этом отношении важнейшей являлась тема *соответствия социально-политического устройства России православному духовному идеалу*, а именно *Божественному замыслу*, представление о котором искали в священных христианских текстах. Поэтому русская политическая мысль XI–XVII вв. была самым непосредственным образом связана с *богословием*, ибо все знание о мире в то время существовало только как Божественное Откровение. Причем русские книжники уже с XI в. показали себя глубокими знатоками богословия.

Богословские размышления над сущностью политического устройства общества выводили отечественных мыслителей на тему *святости*. В идее святости выражен христианский идеал человеческого существования на земле. Смысл жизни верующего христианина заключается в том, чтобы соблюдая веру, стать избранником Божиим и заслужить посмертное вечное спасение. Высшая степень избранности — признание святым после смерти.

Для религиозного сознания вообще и, в частности, для русского православного сознания характерно и крайне важно состояние *уподобления*. Православный человек, устраивая свою повседневную жизнь, стремится подражать, уподобляться Христу, ведь именно Спаситель явил миру истинный пример земного существования, оставил людям Новый Завет, в котором даровал необходимые правила земного человеческого бытия. Но жить по Христу и во Христе — задача невероятно сложная для простого человека, обремененного многообразными грехами. Поэтому те люди, кто своими земными деяниями доказал приверженность Христовой вере, смог уподобиться Спасителю, свершил подвиг во имя Христа, начинали, в свою очередь, служить примером для православного народа.

Со временем в русской духовно-политической мысли сложилось понимание, что идея уподобления Христу важна не только для отдельного человека, но и для всего государства, для всего народа. Так, в XVI в. возник *идеал-образ Святой Руси как земного уподобления России Небесному Царству Христову*. И если в идее святости мы находим идеал человеческого существования на земле, то в идеале-образе Святой Руси получили выражение основные смысловые и целевые установки земного бытия русского народа, Русского государства и Русской Церкви.

В понимании тогдашних русских политических мыслителей всякая власть имеет свое предназначение. Это предназначение заключается в том, что сама власть служит Богу и явлена на Земле для исполнения Божественного Промысла. Поэтому одна из важнейших политических задач всякой власти — *сохранение истинной веры*. Вопросы о том, *как избежать греха* и *как спастись* (т.е. заслужить восхождение и вечное спасение после смерти), занимали самое серьезное место в размышлениях русских политических мыслителей.

Для русской духовно-политической мысли важными были и некоторые другие темы, например, тема *правды и справедливости*. Конкретное социально-политическое состояние русского общества оценивалось в зависимости от того, насколько в социально-политической системе России воплощены христианские идеалы правды и справедливости. Или тема *«истинного правителя»* — по убеждению русских духовно-политических мыслителей XI–XVII вв. именно правитель государства (великий князь, позднее, царь) был обязан Богом вести народ и все русское общество к достижению православных идеалов, следовательно, вопрос об «истинности» правителя имел первостепенное значение. Наконец, на протяжении всего данного периода отечественной истории в русской духовно-политической мысли важное место занимала темы *свободы*, при этом сама «свобода» понималась достаточно широкоⁱ, а содержание этого понятия в XI–XVII вв. заметно эволюционировало: если в домонгольское время

ⁱ В статье «свобода» в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» выделяется восемь различных смыслов этого понятия, в том числе, свобода как вольность, независимость (втч. и национальная), свобода как состояние свободного человека, личная свобода как социальное положение; кроме того, свобода как возможность действовать по своей воле, свобода как освобождение, избавление от кого-то или чего-то. См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 23 (св—сдымка). М., 1996.

на первый план выходили идея личной свободы (принцип свободы воли, уходящий корнями в восточно-христианское учение о человеке) и идея общинной свободы (имеющей исток в традиционных вечах в начальных политических организациях славянских племен), то в годы «ордынского плена» свобода стала соотноситься, прежде всего, с идеей национальной независимости.

И, наконец, еще одна важнейшая тема, которая проходит через всю историю русской социально-политической мысли — *тема России*.ⁱ Если внимательно проанализировать историю Руси XI–XVII вв., то окажется, что на протяжении этого периода Россия как особая цивилизация готовилась только к одному, но самому важному деянию — к битве с антихристом. Более того, русские православные люди стремились побороть антихриста еще до его прихода на Землю, а, если и не побороть, то максимально ослабить его воинство. В этом и состояло главное предназначение России, как оно понималось нашими предками. Причем создатели духовно-политических «идеалов-образов» достаточно оптимистично смотрели в столь грозное будущее, ибо искренне верили в то, что если Россия исполнит свое предназначение, то воскреснет и спасется, обретя жизнь вечную.ⁱⁱ

Историософские построения русских книжников достигли своего пика развития на рубеже XVI–XVII веков, приняв вид вполне определенных духовно-политических идей, которые формировали целевые установки существования России. *Первое*: Россия — это особая цивилизация, богоизбранное государство, единственное на земле, хранящее правую веру. *Второе*: смысл существования России заключается в сохранении истинной веры для того, чтобы в решающий час вступить в битву с антихристом — и тем самым заслужить спасение и жизнь вечную. *Третье*: силой, способной повести Россию и к земному величию, и к посмертному спасению, стала считаться светская власть (а именно государь), которая, конечно же, в союзе с Церковью, способна взять на себя исполнение божественных предначертаний.

Как представляется, именно этот комплекс идей о месте, смысле и цели существования России, выработанный древнерусской историософией, нашел позднее то или иное отражение (и продолжение) в различных отечественных религиозно-философских и духовно-политических учениях, и в первую очередь, в русской консервативной мысли XIX — начала XX вв.

Научно-технические возможности преобразования человека в XXI в.: политологический аспект

Пучнина О.Е.

МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет политологии, кафедра истории социально-политических учений, старший научный сотрудник. кандидат политических наук

srkpdv@gmail.com

Аннотация: В статье подчеркивается принципиально новая постановка вопроса о возможностях и путях преобразования человека и общества в связи с развитием технологий в XXI в. Раскрывается суть идеи трансгуманизма и возможных последствий ее развития для социально-политической сферы.

Ключевые слова: трансгуманизм, биоинженерия, технологии, утопия, неравенство, общество

Scientific and technical capabilities of human transformation in the XXI century: political aspect. Puchnina O.E.

Lomonosov Moscow State University

Abstract: The article emphasizes a fundamentally new formulation of the question of the possibilities and ways of transforming man and society in connection with the development of technology in the XXI century. The essence of the idea of transhumanism and the possible consequences of its development for the socio-political sphere is revealed.

Keywords: transhumanism, bioengineering, technology, utopia, inequality, society

Идея несовершенства человека и общественного устройства, проблема преобразования и создания идеального порядка — вечная тема интеллектуальных поисков человечества. Во все исторические периоды мыслители представляли свои варианты перехода к совершенному обществу и государству, ставили задачу воспитания нового человека.

Особенно активными эти поиски стали в эпоху Нового времени, а затем Просвещения — бурное развитие науки и техники, культ разума, человек впервые «примерял» на себя роль творца-преобразователя природы, окружающего мира и общественных отношений. В дальнейшем, несмотря на проявившиеся ограничения «безграничных» возможностей человеческого разума, особенно в деле изменения человеческой природы и установления идеальных общественно-политических систем, общий пафос технократической рациональности только усилился, особенно на фоне «революционных» открытий в естественных науках, прежде всего в биологии, в конце XX-начале XXI вв.

Большое количество проблем, стоящих перед каждым отдельным человеком и обществом, породило большое количество возможных решений, накоплен огромный опыт анализа фундаментальных вопросов человеческого существования — понимание жизни и смерти, свободы и необходимости, справедливости, равенства, прогресса и т.д. Однако, на современном этапе очевидно происходит принципиальный сдвиг в постановке этих «вечных» вопросов. Многочисленные болезни, войны, революции и другие социальные катаклизмы были страшны, но, тем не менее, речь не шла о выживании человечества в принципе. Сегодня же все чаще в контексте глобальных экономических, экологических и социальных проблем, говорят о приближении антропологической катастрофы и необходимости принципиальной трансформации человека.

В утопических проектах Платона, Т.Мора, Т. Кампанеллы, теориях К. Маркса, М.А. Бакунина или В.И. Вернадского предполагалось преобразование внешней по отношению к человеку среды, которое неизбежно повлечет за собой преодоление противоречий общественной жизни, совершенствование общества и новую ступень нравственного развития личности. На современном этапе революционное развитие технологий, глобализация и информатизация настолько глубоко затронули все сферы общественной жизни, что речь идет уже о возможностях «внутреннего» преобразования человека, автоэволюции. Успехи кибернетики, биоинженерии и биоинформатики, не смотря на реальные и потенциаль-

i В данном случае, понятие «Россия» используется в несколько расширительном смысле, ведь само это понятие стало применяться лишь с конца XV века. До этого времени более употребительными были понятия «Русская земля», «Русь» и др.

ii У С.Н. Булгакова есть определение, которое можно использовать в данном случае — «светлый образ эсхатологии» (Булгаков С.Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. М., 1991. С. 375, 385). Н.В. Сеницына считает, что это понятие вполне применимо, например, к историософским и эсхатологическим идеям старца Филофея. См.: Сеницына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). С. 248–252.

ные возможности улучшения «качества жизни» человека, порождают немало опасений.

Так называемая НБИК-конвергенция – соединение и синергетическое усиление нано-, био, информационных и когнитивных технологий позволяет говорить о преобразовании природы человека технологическими средствами в очень недалекой перспективе. Понятие «трансгуманизм», возникшее в современном понимании в середине XX в. благодаря биологу Дж. Хаксли, отражает идею о том, что именно человеку принадлежит исключительное право определять и направлять эволюцию, познать и преодолеть собственные границы. В трансгуманизме утверждается мысль о человеке как об одном из звеньев эволюции, отнюдь не последнем. И в этой связи главными врагами человека и общества объявляются уже не внешние силы и явления, борьбе с которыми были посвящены усилия всех предыдущих поколений, а внутренние – то есть биологическая природа человека – болезнь, старость, смерть. В центре внимания – вопросы радикального улучшения здоровья, искоренение болезней, в том числе генетических, избавление от страданий, увеличение интеллектуальных, физических эмоциональных способностей человека. Предполагается, что «трансчеловек будет обладать сверхразумом, сверхспособностями, в нем будут преобладать разного рода импланты, существо будет бесполом, размножаться искусственным путем и существовать в нескольких образах – биологическом, техническом, информационном и цифровом» [1, С. 35]. Более того, ставится вопрос о принципиальных возможностях преобразования не только собственной телесной и психической природы, но и расширение человеческой экспансии вширь – например, космическая экспансия.

Разумеется, велико искушение оставить подобные рассуждения философам-футурологам и писателям-фантастам, однако ежедневные достижения естественных наук и популярность трансгуманистических идей в общественном сознании ставит реальные проблемы уже сегодня.

Научно-технический прогресс в отношении преобразования человеческой природы можно условно разделить на два направления. Первое связано с развитием информационных технологий и потенциальным сращиванием человека и искусственного интеллекта, «апгрейдом» человеческих способностей. Такие исследования ведутся во многих странах мира и далеко не первый год. Второе направление связано с генной инженерией и возможностью «коррекции» человеческого организма на стадии зародышевой линии. Несмотря на активное обсуждение этической стороны вопроса, перспектив и опасностей бесконтрольного развития исследований, требования государственного регулирования и конвенционального соглашения ученых, в 2018 г. в Китае уже появились на свет генномодифицированные девочки-близнецы, организм которых потенциально может противостоять заражению ВИЧ. [2, С. 57]. А операции по замене органов и установлению разного рода имплантов, кардиостимуляторов, протезов уже давно стали частью повседневной жизни.

Подобное стирание границ между естественным и искусственным, живым и неживым ставит новые проблемы перед человечеством. Почти все гуманитарные науки по-своему оценивают процесс сращивания технологии и жизни. Идея о существовании единственного ответа на вызовы современной цивилизации и научно-технического прогресса, создания общества всеобщего благополучия путем преобразования биологической природы человека подвергается многочисленной критике, однако продолжает активно развиваться.

Среди массы вопросов, которые порождает подобный сценарий развития человека и общества, можно отдельно выделить политический аспект проблемы. С точки зрения общественного развития и управления, появление транс- или даже постчеловека, ставит разнопорядковые, однако острые политические проблемы. Не останавливаясь на многократно обыгранном в фантастических фильмах злонамеренном использовании новых технологий, кратко обозначим основные опасения современных исследователей в этой сфере.

1. Проблема государственного регулирования генных и информационных технологий. С одной стороны, очевиден острый этический характер дискуссий о подобных исследованиях, неразработанность правового пространства, необходимость контроля и регламентации в мировом масштабе. С другой стороны, речь идет о прямом интересе различных государств в опережающем изучении новых технологий как о конкурентном преимуществе в борьбе за мировое лидерство и искушении их монопольного использования.

2. Принципиально иная постановка вопроса о сущности «человеческого» в человеке и новых критериях личности, появление нового политического субъекта. К примеру, в 2015 г. гражданами Бельгии был усыновлен робот-гуманоид Пеппер, получивший свидетельство о рождении, а в 2017 г. гиноид

София получил официальное гражданство Саудовской Аравии.

3. Популярность в общественной среде идей трансгуманизма, появление общественных и политических движений. В 2014 г в США была создана Трансгуманистическая партия Соединенных Штатов, а ее лидер Иштван Золтан в 2016 г. баллотировался в президенты. Во всех странах мира, и в том числе России, существуют организации по координации и поддержке трансгуманистических политических партий. Предполагается, что значение подобных движений для политики и культуры будет возрастать по мере новых прорывов в биотехнологиях.

4. Принципиальная возможность создания трансчеловека, то есть существа, выходящего за традиционные биологические пределы, фактически означает смерть либеральной системы ценностей, предполагающей равенство индивидов и свободу личности. Вмешательство в геном человека на стадии зародыша отрицает возможность его свободного выбора, а расширение интеллектуальных и физических возможностей человека посредством технологического «апгрейда» разрушает идею равенства.

5. Технологический прогресс очевидно перестроит всю систему общественных отношений в сфере производства, уже сегодня отмирают целые экономические отрасли, в которых происходит замещение человека роботами, издержки содержания которых несравнимо меньшие. Как следствие востребованными окажутся лишь люди, значительно превосходящие большинство в творческом и интеллектуальном плане, а для миллионов человек технологии обернутся массовой безработицей, социальной напряженностью и дополнительной нагрузкой на государственный бюджет.

6. Высокая стоимость процедур по совершенствованию собственной природы неизбежно приведет к невиданному ранее разделению общества. По сути, речь будет идти о глобальном и непреодолимом межвидовом неравенстве, что породит новые типы эксплуатации и конфликтов. Высказываются опасения, что отказавшихся «улучшаться» или не имеющих на это возможностей, новый технически улучшенный вид будет рассматривать как низших существа, точно так же, как мы сегодня, например, обезьян.

7. Некоторые ученые указывают на потенциальные опасности развития искусственного интеллекта для существования человеческого социума в принципе. Создание максимально комфортной среды для жизни человека оборачивается колоссальным снижением умственной нагрузки на мозг и в перспективе означает все большую зависимость человека от технологий. Самообучающиеся алгоритмы искусственного интеллекта в какой-то момент будут способны обогнать человека в развитии настолько, что смогут выполнять любую работу и вытеснят человека во всех сферах, вплоть до полного уничтожения как неполноценного существа.

Это далеко не полный перечень проблем, связанных с возрастающим значением технологий в жизни человека и общества, которые требуют взвешенного и внимательного анализа со стороны общества. Идея построения рая на земле сменилась искушением вечной молодости и бессмертия, а человек как никогда в истории близок к роли Творца.

Литература:

1. Гречкина Е.Н. Трансгуманизм – мировоззрение XXI века или цивилизационная угроза человечеству // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 8.
2. Чумаков П.М. Утопии и мифы биоинженерии / Мифология века НТР: утопии, мифы, надежды и реальность новейших направлений науки. М., 2020.

Политические ценности в российском обществе: философские основания и социально-психологические характеристики

Селезнева А.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет политологии, кафедра социологии и психологии политики, доцент. Доктор политических наук

ntonina@mail.ru

Аннотация: В статье представлены концептуальные политико-философские, политико-социологические и политико-психологические основания анализа проблемы ценностей в обществе. Обозначены сложившиеся в социогуманитарной науке направления теоретического и эмпирического исследования политических ценностей. Политические ценности рассматриваются как смыслообразующие детерминанты в сфере политики, имеющие психологическую природу. Определены социально-психологические характеристики политических ценностей отдельных личностей, социальных групп и общества в целом: фундаментальность и устойчивость, немногочисленность и системная организованность, абстрактность и символичность. На основе результатов эмпирических исследований автора представлена динамика политических ценностей в российском обществе на протяжении последних пятнадцати лет. Показано, что наиболее значимыми для российских граждан являются такие ценности, как мир, законность, порядок, безопасность, свобода, справедливость, права человека, которые определяются как универсальные.

Ключевые слова: политическая философия, политическая психология, политические ценности, российское общество, универсальные ценности, политическое сознание.

Political values in Russian society: philosophical foundations and socio-psychological characteristics. *Selezneva A. V.*

Lomonosov Moscow State University

Annotation: The article presents the conceptual political-philosophical, political-sociological and political-psychological foundations of the analysis of the problem of values in society. The directions of theoretical and empirical research of political values that have developed in socio-humanitarian science are indicated. Political values are considered as meaning-forming determinants in the political sphere, having a psychological nature. The socio-psychological characteristics of the political values of individuals, social groups and society as a whole are determined: fundamentality and stability, scarcity and systemic organization, abstractness and symbolism. Based on the results of empirical research, the author presents the dynamics of political values in Russian society over the past fifteen years. It is shown that the most significant values for Russian citizens are such values as peace, law, order, security, freedom, justice, human rights, which are defined as universal.

Keywords: political philosophy, political psychology, political values, Russian society, universal values, political consciousness.

Социально-экономические и политические трансформации, которые происходят в России на протяжении всего постсоветского периода, проявляются не только в институциональных изменениях, но и в серьезных сдвигах в политическом сознании и поведении российских граждан. Эти процессы являются взаимозависимыми и взаимообусловленными. С одной стороны, перемены, происходящие в сознании граждан, определяются внешними обстоятельствами их жизни. С другой стороны, одним из условий политической трансформации является ценностная система общества [1, с. 7].

Политические ценности являются одним из основополагающих объектов исследования в социогуманитарных науках. В философии, социологии, политологии и психологии накопился огромный пласт работ, представляющих теоретико-методологические и эмпирические аспекты проблемы.

С политико-философской точки зрения ценности рассматриваются как общественные идеалы, то есть принципы гармоничного устройства государства и общества. Работы зарубежных и отечественных мыслителей XVI – XX веков сформировали основные политико-идеологические течения – консерватизм, либерализм и социализм. В современных исследованиях эти классические ценностные наборы и отдельные ценностные категории рассматриваются и в историко-ретроспективном ракурсе [2, 3, 4],

и в текущем политико-управленческом и культурно-идеологическом контексте [5, 6, 7].

Проблема пространственного распространения и масштабов регулятивного влияния политических ценностей находит свое научное выражение в противостоянии двух парадигм: универсалистской, определяющей наличие общечеловеческих, универсальных, единых для всех государств ценностей и принципов [8, 9, 10], и релятивистской, обозначающей культурно-цивилизационную специфику каждого общества с присущими ему политическими ценностями [11, 12, 13].

Политико-философский подход к анализу политических ценностей, таким образом, определяет ценностно-смысловые рамки идеологического пространства политики, обозначает функциональные особенности ценностного компонента политических процессов, а также формирует теоретико-методологическую базу для их дальнейшего эмпирического изучения на уровне конкретных обществ, социальных групп и отдельных индивидов в рамках социологического и политико-психологического подходов.

Социальная природа политических ценностей обуславливает их существование на уровне обществ и социальных групп в виде обобщенных идей о совершенстве в сфере политики. Такая интерпретация позволяет рассматривать их в сравнительном межстрановом аспекте, выделяя сходства и различия между государствами на основе разделяемых их гражданами политических ценностей [14, 15, 16], и во внутривнутристрановом ракурсе, выявляя в массовом сознании конкретного общества доминирующие ориентации или определяя структуру дифференцирующих его идеологических установок [17, 18].

Анализ представленных в научной литературе социологических трактовок позволяет обозначить важные для нас сущностные признаки политических ценностей, существующих на уровне общества в целом или отдельных социальных групп: они системно организованы и иерархически упорядочены, имеют интегрирующий или дифференцирующий характер, осуществляют регулятивную функцию [19, 20].

Политико-психологический подход к анализу ценностей рассматривает их как психологические конструкты в структуре личности, являющиеся результатом индивидуального жизненного опыта и регулирующие политическое поведение и деятельность отдельного человека. Политические ценности в этом случае определяются как устойчивые, имплицитно присущие отдельной личности, социальной группе или обществу в целом смысловые доминанты, определяющие идеологические приоритеты и политические принципы социальных отношений [21, с. 178].

Атрибутивными социально-психологическими свойствами политических ценностей являются их фундаментальность и устойчивость, немногочисленность и системная организованность, абстрактность и символичность. Они существуют в индивидуальном и массовом политическом сознании, выполняют регулятивную функцию и сложно поддаются прямой вербализации.

Результаты политико-психологических исследований показывают, что на протяжении последнего десятилетия верхний уровень ценностной иерархии россиян составляют такие политические ценности, как мир, законность, порядок, безопасность, свобода, справедливость, права человека. Наименее важной для граждан продолжает оставаться ценность национализма.

Если посмотреть на содержательное наполнение ценностных понятий в динамике, то существенных трансформаций не наблюдается. Мы не имеем оснований говорить ни о прояснении ценностных категорий, ни об изменении их смысла. На протяжении всего десятилетия данные ценности актуализируются преимущественно потребностями в безопасности, а поведенческий вектор носит в основном экстернатальный характер со слабой установкой к действию. Основным субъектом реализации ценностей является «государство», и в этом устойчиво проявляется традиционная для нашей политической культуры патерналистская ориентация.

Отдельного рассмотрения заслуживают несколько моментов. Во-первых, ядро ценностных представлений граждан о свободе в 2005 году составляла только категория «автономия», тогда как с 2014 года к ней присоединилась «законность». Это свидетельствует, на наш взгляд, о возрастающей потребности правового регулирования отношений в обществе, ограничения вседозволенности, обеспечения границ свободы каждого человека. Актуализация данной категории обусловлена потребностями в безопасности.

Во-вторых, в ядре ценностных представлений о законности в середине 2010-х гг. появляется категория «мораль», что не фиксировалось в исследовании десятилетней давности. И в представлениях о справедливости существенно усилилась категория «правда», которая обозначает морально-нравственный аспект данной ценности. Символическая составляющая ценностной системы граждан также включает в себя символы порядочности и честности. В этом, на наш взгляд, проявляется зафиксированный Е.Б. Шестопал запрос общества на морально-политические ценности [22].

В-третьих, по-прежнему наиболее неоднозначной из наиболее значимых политических ценностей

для граждан является справедливость. Разноаспектность представлений о справедливости, зафиксированная исследователями в начале 1990-х годов [23], продолжает сохраняться на протяжении всех последующих лет. При этом, если в первое постсоветское десятилетие наблюдалась тенденция «юридизации» этого понятия («люди испытывают все большую потребность в регулировании социальной жизни «нормальными» правилами и законами» [там же, с. 45]), то в настоящее время усилился вектор его «морализации». Кроме того, сохраняется особенность соотношения морального смысла справедливости к индивидуальному поведению, а не к социально-политическому устройству общества, что проявляется в выявленном нами экстернальном поведенческом векторе со средней установкой к действию.

Опираясь на существующие в политической науке точки зрения, мы можем дать типологическое определение наиболее значимых для граждан политических ценностей как универсальных.

Литература:

1. Бродовская Е.В. Взаимовлияние политической трансформации и эволюции ценностной системы современного российского общества. Тула: Изд-во ТулГУ, 2006. 540 с.

2. Ширинянц А.А. Консерватизм в современном идеологическом и политическом пространстве России // Вестник Российской нации. 2015. Т. 4. № 4. С. 175-187.
3. Орлов Б.С. Российская социал-демократия: история и современность (к 100-летию РСДРП). Науч.-аналит. обзор. М.: ИНИОН РАН, 1998. 55 с.
4. Гоголевский А.В. Очерки истории русского либерализма XIX – начала XX века. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1996. 152 с.
5. Цыганков П.А. Ценности в мировой политике: теоретические споры, международная практика, позиции России // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012. №3. С. 25-30.
6. Коваленко В.И. Интегративная идеология в России: основания, проблемы, перспективы // Вестник Московского университета. Серия 12. Социально-политические исследования. 1994. №1. С. 3-7.
7. Якунин В.И. Государственная идеология и национальная идея. Конституционно-ценностный подход // Власть. 2007. № 3. С. 3-12.
8. Универсальные ценности в мировой и внешней политике / под ред. П.А. Цыганкова. М.: Издательство Московского университета, 2012. 224 с.
9. Радиков И.В. Ценностный подход в процессе формирования общей повестки дня международной безопасности // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012. №3. С. 41-45.
10. Гуторов В.А. Толерантность как универсальный ценностный фактор мировой политики? // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012. №3. С. 46-51.
11. Цыганков А.П. Русские ценности и внешняя политика // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012. №3. С. 93-96.
12. Кочетков В.В. Война и мир ценностей во внешней политике России // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012. №3. С. 97-101.
13. Манойло А.В. Ценностные основания управления межцивилизационными конфликтами: российская модель // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012. №3. С. 89-92.
14. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
15. Halman L., Sieben I., Zundert M. van. The atlas of European values. Trends and traditions at the turn of the century. Leiden: Brill, 2011. 137 p.
16. Fischer R., Schwartz S.H. Whence Differences in Value Priorities? Individual, Cultural, or Artifactual Sources // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2011. Vol. 42. P. 1127-1144.
17. Руднев М.Г., Магун В.С. Ценностный консенсус и факторы ценностной дифференциации населения России и других европейских стран // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2011. № 4. С. 81-97.
18. Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь мир, 2017. 424 с.
19. Van Deth, J.W., Scarbrough, E. The impact of values. New York: Oxford University Press. 1995. 294 p.
20. Яницкий, М.С. Ценностное измерение массового сознания. Новосибирск: Издательство СО РАН. 237 с.
21. Селезнева А.В. Концептуально-методологические основания политико-психологического анализа политических ценностей // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 177–192.
22. Шестопал Е.Б. Представления, образы и ценности демократии в российском обществе // Полития. 2011. №3. С. 34-47.
23. Здравомыслова О.М. Новый взгляд на общество? Изменяющиеся представления о власти, справедливости и солидарности // Полития. 2003. №1. С. 34-51.

Методологический плюрализм как основа объективного научного исследования в экономике и политологии

Сидорович А. В.

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, профессор кафедры государственной политики факультета политологии, директор Казахстанского филиала МГУ имени М.В.Ломоносова. Доктор экономических наук

avsidorovich@rambler.ru

Аннотация: Автор рассматривает различные уровни методологического плюрализма и характеризует их роль в анализе общественных явлений и процессов. В качестве его первичной формы автор выделяет субъективный методологический плюрализм, который сводится к многообразию подходов исследователей. В статье показано, что объективный методологический плюрализм социальных наук основывается на обособившихся в процессе их развития направлениях науки. В каждом направлении социальной науки формируется устойчивая методологическая система, и создаются возможности для всестороннего анализа объекта. Полученные в результате использования различных методологических принципов результаты исследования требуют их «положительного синтеза», который должен достигаться путем сопоставления и коррекции полученных результатов анализа.

Ключевые слова: Политическая экономия, методология, плюрализм, научные системы, структура науки.

Общественная и экономическая жизнь общества постоянно находится в процессе развития. Она приобретает новые формы, проявляются свойственные каждому этапу развития противоречия и закономерности, возникают, развиваются и даже исчезают экономические общественные системы. Все это требует совершенствования методов и способов анализа общественной жизни. Научное познание протекающих процессов позволяет вырабатывать системное, целостное знание об изучаемых объектах и их развитии. Решение данной задачи достигается использованием средств и методов, которые позволяют перейти от внешнего описания явлений к пониманию их взаимосвязи и тенденций изменения. Вся история науки неизбежно связана, следовательно, с развитием методов исследования, многообразие которых опирается не только на развитие технической базы исследователя, как в естественных науках, на использование математических методов, но и на особые методы, свойственные общественным наукам. Применение методов при этом неизбежно связано с философской культурой исследователя, его умением практически пользоваться методами с учетом специфики объекта. Особенностью научного познания в общественных науках является то, что оно неразрывно связано с идеологией, ценностными установками, которые формируются в обществе в условиях конкретных общественных систем. Этот «неизбежный недостаток» познания в общественных науках предъявляет особое требование к методам, которыми они пользуются. В силу особой сложности общественной жизни, ее постоянной изменчивости, общественные науки по своей природе отрицают формально-логический подход как принцип построения методов исследования, хотя и активно использует эти методы.

Методология научного исследования – учение о методах и средствах познания – определяет взаимосвязанную совокупность методов, которая позволяет получить целостное представление о природе и тенденциях изменения изучаемого объекта. Следовательно, методология по своей природе – системное учение о методах. Такое изучение неизбежно сталкивается с внутренним противоречием самой методологии. Сложность и многомерность изучаемого объекта социальных наук такова, что его одностороннее воспроизведение неизбежно оказывается неполным и даже, в конечном счете, неточным. Ограниченность одномерного подхода к обществу неизбежно приводит к столкновению его с реальным развитием объекта. История развития дает много примеров этого. Одним из последних является судьба применения избранной модели социалистического развития в нашей стране. Другим историческим примером являются те тупики, с которым столкнулась рыночная экономика и ее исследования в ходе развития в XX веке. Возникновение кейнсианства и методов кейнсианского анализа явились реакцией на тупики концепции свободного рыночного хозяйства и методологии неоклассики. Следовательно, в ходе развития неизбежно возникают противоречия, которые отторгают методологию одномерного подхода к исследованию объекта и политики, которая основана на таком подходе. Для научного анализа требуется многомерный подход и применение **систем методов или методологический плюрализм**.

Идея методологического плюрализма достаточно широко обсуждается в философских исследованиях и в общественных науках. Однако, на наш взгляд, при этом не уделяется должного внимания структурному аспекту проблемы. Как показывает история науки, мы полагаем, необходимо выделять и разграничивать *субъективный и объективный методологический плюрализм*.

Объективная сложность объекта анализа, многообразие форм проявления его природы заставляют исследователя использовать собственный набор методов и приемов для поиска ответа на вопрос о природе объекта исследования. На этой основе возникает так называемый «субъективный методологический плюрализм», который отражает многообразие подходов в анализе и является, следовательно, неизбежным спутником и элементом научного познания. Наиболее последовательно идею такого плюрализма выразил Пол Фейерабенд, который считал, что применение одной единственной методологии ошибочно, что создание как можно большего количества альтернативных теорий является необходимостью прогресса научного исследования и ведет к увеличению используемых данных. Его концепция, получившая название *методологического анархизма*, прямо противостоит навязыванию обществу любых «мейнстримов», которые, по его мнению, фактически противостоят научности исследования. Такой подход можно назвать методологическим плюрализмом с большой условностью. В данном случае каждый исследователь сам выбирает совокупность методов, которые, по его мнению, позволяют ему решить задачи исследования. Анализируя данный принцип исследования, А.Г.Здравомыслов справедливо отмечал, что при этом важно, чтобы анализ принципа плюрализма не превращался в «теоретическую игру», «плетение» научных, а может быть даже наукообразных «кружев». По его мнению, многообразие научных подходов связано с многослойностью социальной реальности, что вызывают различные ее интерпретации в условиях многообразия интересов и политических пристрастий авторов. [1]

История экономической науки показывает, что многообразие подходов авторов в конечном счете приводит к формированию научных школ, которые основываются на общих методологических принципах исследования и наборе методов. Ярким примером этого служит эволюция австрийской школы, которая, исходя из методологии индивидуализма, осуществляя маржиналистскую революцию, на первом этапе широко использовала предельный математический анализ, и, по выражению У. Джевонса, являлась «чисто математической». Теория новой австрийской школы, также исходила из принципа методологического индивидуализма, но фактически полностью отказалась от математических методов исследования и сосредоточилась на качественном анализе процессов рыночных и общественных отношений. Каждая из известных экономических школ, оказавших влияние на развитие науки, делала акцент на том или ином наборе методов и принципов экономической политики. Например, социальная школа Германии – на этико-правовых отношениях, чикагская школа – на финансовых, кейнсианство – на особой роли государства. Многообразие школ и подходов поэтому не случайно приводило даже выдающихся исследователей к выводу, что утрачивается общий предмет науки, и вместо него формируется набор исследовательских программ. [2, с. 12]

Другой подход к методологическому плюрализму исходит из междисциплинарности как принципа развития науки. В данном случае развитие методологии науки тесно связано с развитием методологии других социальных и естественных наук. Каждый исследователь обращается к результатам науки в смежных областях и использует достижения естественных наук в целях своего исследования. Это простейшее понимание междисциплинарности свойственно всем направлениям науки и особенно значимо в социальных науках. Используя данные истории, географии и других наук, политическая экономия разработала свой исторический метод исследования. «Мануфактурная» политическая экономия Адама Смита, «промышленная» политэкономия Карла Маркса опирались на закономерности становления материального базиса рыночной экономики – переход от мануфактурного к промышленному производству. Другой уровень междисциплинарности проявляется при соединении выводов политической экономии и психологии – изменяется направление науки. Применение математики в исследованиях материализовалось в ряде современных направлений общественных наук. Каждый шаг в использовании методов другой науки не только обогащает и стимулирует исследования, но и вызывает полемику между методами различных наук. Наиболее ярким примером таких дискуссий является полемика об использовании формальных методов в экономических исследованиях, в которые в той или иной форме вовлечено большинство исследователей и научных школ. Как отмечал блестящий математик, лауреат Нобелевской премии Морис Алле: «Сегодня настоящая опасность для экономической науки – не сопротивление использования математики там, где это необходимо, а

возможное злоупотреблению ее. Строгость выводов математики не должна создавать иллюзии». [3, с. 40]

Применение методов других наук, как показывает история, может катализировать создание целых направлений науки. Так, применение психологических методов в экономических исследованиях поставило под сомнение принцип полной рациональности, свойственный неоклассике. Принцип ограниченной рациональности, выработанный институциональной экономикой, опирался не только на достижения психологической науки, но и культуры, социологии, политики, других социальных наук, а также ограничения, при которых субъект экономики действует в обществе. Перенос выводов экономики на другие общественные науки, в том числе на политологию («экономический империализм»), способствовало развитию новой политэкономии. По мнению Г.Беккера «модель рационального выбора дает многообещающую основу для разработки системного подхода к анализу социума учеными-естествооведами». [4, с. 249]

Развитие научных школ и междисциплинарный подход неизбежно ведут не только к взаимному обогащению методологии отдельных общественных наук, но и формированию общих принципов и методологических подходов для этих школ, что формирует целостные направления науки. При этом, по мнению некоторых исследователей, даже само изменение способов или техники исследований способно катализировать появление новых направлений науки и обостряет дискуссии о методах. [5, с. 6]

Объективное обособление таких направлений – результат развития не только методологии, но и самой объективной реальности. Неспособность того или иного направления науки отвечать на вызовы времени требует развития методологии исследования в рамках данного направления или приводит к возникновению новых направлений науки. Этот вывод подтверждается историей развития не только неоклассики, но и других направлений экономической науки.

Объективный методологический плюрализм возникает тогда, когда в самой науке сформировались несколько обособленных направлений в рамках ее предмета. Претендуя на научность, каждое направление использует свою систему методов, которые позволяют добиться достижения главной цели – адекватно описать объект в единстве внешних и внутренних связей. Столкновение различных подходов, как правило, опирающихся на различные философские и идейные основания, ведет к столкновению систем методов исследования, что не раз приводило к «спору о методах».

В этом отношении показательна история политической экономии, которая первоначально развивалась как наука о богатстве и лишь в период классической английской политической экономии получила воплощение в системе категорий. Классический этап науки, связанный с именами У. Петти, А. Смита, Д. Рикардо, К. Маркса знаменовал стремление экономической науки исследовать общественное отношение как социально-экономическую систему, в которой субъекты экономики вступают в объективные независимые от них связи и преследуют свои собственные интересы. Развитие рыночных отношений, борьба с классовой ориентацией марксистской политической экономии, а также появления возможности применения математических методов в анализе экономики привели к возникновению новой системы методов и новых методологических принципов анализа, что нашло воплощение в маржиналистской революции и полном отрицании маржинализмом экономических отношений как предмета науки. Данному подходу в наибольшей степени соответствовала методология индивидуализма и принцип рациональности как основной принцип действий субъектов в рыночной экономике. В ходе последующего развития экономической науки преодолевалась и эта ограниченность принципов «мейнстрима». Концепция ограниченной рациональности как основной принцип институционализма вступила в прямое противоречие с основным постулатом неоклассики. Дальнейший поиск связи неоклассики с реальностью и экономики с другими общественными науками нашел свое воплощение в возникновении новой политэкономии как особого направления экономической науки, которое имеет предметом анализа взаимосвязь экономики с политологией и другими науками об обществе.

Принципиально важным является то, что на критериальном уровне эти направления несводимы друг к другу и, следовательно, выводы из их анализа по-разному (с разных сторон) характеризуют объект исследования. В этой связи возникает особая проблема «положительного синтеза», который позволяет «достичь консенсуса понимания реальности». [6, с. 227] Такой подход позволяет научно и беспристрастно решить проблему объективного анализа на основе реального плюрализма методологий.

Литература:

1. Здравомыслов А. Г. Поле социологии в современном мире. М: 2010.
2. Шумпетер Йозеф А. История экономического анализа, Т 1, Санкт-Петербург, 2001.
3. Алле М. Экономика как наука. М., 1995.
4. Лауреаты Нобелевской премии по экономике. Автобиографии, лекции, комментарии. СПб: Наука. 2009.
5. Автономов В. С., Автономов Ю. В. Общая теория «споров о методах» в экономической науке // *Общественные науки и современность*. 2016. №4. С. 5-20.
6. Корнаи Я. Размышления о капитализме. М: Издательство Института Гайдара, 2012.

Особенности исследования мифологизированного образа страны в контексте современного российского внешнеполитического восприятия

Смулькина Наталья Валентиновна

МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель кафедры социологии и психологии политики, факультет политологии, кандидат политических наук

smulkina@mail.ru

Аннотация: Доклад посвящен стратегиям исследования в политической науке мифологизации восприятия современными россиянами страны как субъекта международных отношений, встроеного в текущий мировой порядок и политический процесс. Рассмотрены мифологизированные образы государств, символические репрезентации международных отношений в российском массовом сознании. Доклад опирается на опыт эмпирических исследований, в которых участвовал автор. Внимание сфокусировано на геохронополитических аспектах восприятия стран.

Ключевые слова: политико-психологический подход, внешнеполитическое восприятие, образ страны, факторы политического восприятия, мифологизированный образ, идентичность, время, пространство

Features of the study of the mythologized image of the country in the context of modern Russian foreign policy perception. **Smulkina N.V.**

Lomonosov Moscow State University

Abstract: The article is devoted to research strategies in political science of mythologizing the perception by modern Russians of a country as a subject of international relations, embedded in the current world order and political process. The mythological images of states, symbolic representations of international relations in the Russian mass consciousness are considered. The report draws on the experience of empirical research in which the author participated. Attention is focused on the geochronopolitical aspects of the perception of countries.

Keywords: political and psychological approach; foreign political perception; country image; factors of political perception; mythologized image; identity; time; space.

ⁱ Изучение современного геополитического образа России в рамках исследовательских стратегий политико-психологического подхода является на сегодняшний момент несомненно актуальным в условиях значительно меняющегося международного контекста; оно обусловлено поколенческими особенностями формирования политических представлений в современном обществе, спецификой политической социализации молодых россиян. При этом в фокус пристального научного внимания последних лет все чаще попадает тема мифологизации как психологического механизма политического восприятия. В наибольшей степени это связано с популярностью междисциплинарных исследований идентичности. Среди российских исследований можно встретить все больше работ данной тематики [1, 2]. Трендом последних лет является рассмотрение символического (и мифологизированного) образа России с точки зрения коммуникативных аспектов его формирования. Усиление влияния СМИ на восприятие рядовыми гражданами вопросов внутренней и внешней политики, России и других взаимодействующих с ней стран находит свое отражение в росте стереотипизации образов, когнитивной бедности представлений о мировой политике. При этом отчеты по исследованиям политических психологов пестрят упоминаниями о когнитивной бедности и пустом символическом пространстве внешнеполитических образов. Актуальным здесь видится рассмотрение релевантных стратегий исследования и рационализированных и неосознаваемых слоев восприятия. Предполагается, что детальное рассмотрение данных уровней восприятия в наибольшей степени возможно при помощи политико-психологического инструментария, включающего проективные техники.

ⁱ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 18-011-01138А «Образ страны в российском обществе: политико-психологический анализ».

Данная гипотеза была подтверждена в ходе реализации исследовательского проекта на кафедре социологии и психологии политики МГУ имени М.В. Ломоносова. В 2018-2019 гг. было проведено эмпирическое исследование, посвященное особенностям восприятия россиянами своей страны (выборка составила 700 респондентов), а также других стран (выборка составила 900 респондентов). Кроме того, гипотеза нашла свое подтверждение согласно результатам авторского исследовательского проекта, проведенного в 2019 году и посвященного рассмотрению символических репрезентаций политической карты мира, представленных в российском массовом сознании (выборка составила 287 респондентов). Исследовательская стратегия предполагала использование стандартизированных интервью в сочетании с такими проективными техниками, как картоидный метод, проективный рисунок страны, модифицированный тест ТАТ, метод направленных ассоциаций.

Для того, чтобы более внимательно рассмотреть предложенный методологический инструментарий, обратимся к теоретической и прикладной разработанности темы. Здесь в первую очередь следует обратить внимание на исследования мифологизации образа страны и внешнеполитического восприятия. Феномен мифологизации образа России затронут в работах философов, культурологов и социологов, рассматривающих концепцию мифа, особенностей формирования образов друга и врага, концепции времени и пространства [3,4,5].

Интересными для нас становятся и работы политических географов и регионалистов, которые рассматривают образ страны в сознании ее граждан с точки зрения пространственных аспектов восприятия. При том, что в рамках данных подходов внимание уделяется преимущественно когнитивной стороне образов (за скобками остаются эмоциональные и поведенческие особенности восприятия), именно в политической географии существуют наиболее фундаментальные разработки образа территории [6,7]. Например, достаточно подробно географический образ страны рассматривается с учетом стереотипов, символов, представлений о пространстве в концепции Д.Замятина [8]. Исследования в политической регионалистике позволяют заимствовать интересный опыт изучения феноменов «пограничности», «психологии окруженности» [9,10,11].

Внешнеполитическое восприятие активно изучается политическими социологами. Меняющиеся геополитические реалии выдвигают на первый план вопросы отношения россиян к роли своей страны на мировой арене, восприятия стран-друзей и стран-врагов. Российские и зарубежные центры исследования общественного мнения в последние годы регулярно публикуют отчеты своих проектов, посвященных отношению россиян к отдельным событиям мировой политики и странам [12,13,14,15,16,17]. К сожалению, количественные стандартизированные опросы, обычно используемые в таких исследованиях, не позволяют выявить скрытые установки. Выделяемые социологами символические репрезентации в ходе изучения внешнеполитического восприятия относятся лишь к осознаваемому слою сознания. Возникает необходимость наряду с устоявшимися рациональными мнениями людей о своей и других странах, о международных отношениях – выявить эмоциональные, неосознаваемые компоненты их восприятия.

Исследований, посвященных бессознательным аспектам внешнеполитического восприятия, стереотипизированным и архитипичным, символически очерченным сюжетам международных отношений, не так много [18,19,20]. Наиболее ценными здесь становятся **исследовательские стратегии, частично заимствованные в проектах, посвященных изучению национально-государственной идентичности и политики идентичности** [1,2,3,4]. Не менее важными для разработки концептуально-теоретической модели изучения мифологизации образа страны в российском восприятии являлись современные исследования, посвященные концепциям символических репрезентаций, разработанные в рамках рефлексивного, интенционального, конструктивистского теоретических подходов, теории «символической власти», концепции символической политики М.Эдельмана, концепции социального конструирования реальности П.Бергера и Т.Лукмана [21,22].

Результаты исследования

Полученные результаты позволили утверждать, прежде всего, о неконгруэнтности восприятия образов России и других стран. Так как в фокусе нашего внимания находился именно мифологизированный образ страны, рассмотрим более детально выявленные в ходе исследования геохронополитические аспекты восприятия.

Во-первых, согласно полученным материалам, у россиян присутствует двойственное восприятие собственной территории. С одной стороны, земля воспринимается ими не как субъект, а скорее, как производящая субстанция, богатейшая кладовая ресурсов, богатств, а также как символ плодородия,

кладовая российского человеческого потенциала (обладает необъяснимой способностью порождать выносливых людей). С другой стороны, респондентами российская земля воспринимается зачастую как по-прежнему суровый край, неосвоенная территория, таящая в себе потенциальные опасности. Скрытый бессознательный страх в отношении собственных территорий подкрепляется символической пустотой и мирового пространства, карты мира. Применение картоидного метода позволило определить наиболее символически пустые геополитические пространства. К ним относились страны Африки, Австралии и Латинской Америки. Нередко здесь актуализировался стереотип «неведомой земли». Респонденты, рисовали данные регионы как пустое пространство (комментарии: «пустынная, безлюдная земля», «...там джунгли без людей»). Мифологемы неведомой земли, однако, дополнялись общими стереотипизированными представлениями о благополучных и неблагоприятных регионах. Например, если в отношении африканского региона звучали пессимистичные мифологизированный оценки (один из комментариев к раскрашенной контурной карте: «перекати-поле, пустыня, никто не знает, что здесь происходит, но все плохо»), *то в случае более экономически благополучной Австралии звучали более позитивные оценки («там странно, но хорошо», «хорошо, где нас нет...»).*

Во-вторых, при изучении пространственных трансформаций образов стран заметны тенденции сужения своего пространства в представлениях, прежде всего, молодежи и его расширение у респондентов средней и старшей возрастных групп. Наблюдаемая тенденция сужения собственного символического пространства в российском массовом сознании, не является новшеством, так как встречалась в 1990-х годах, однако она имеет специфику. Часть респондентов молодого поколения стремится рационализировать собственную склонность к сужению пространства, стремится дать объяснение, почему следует избавиться от «нерентабельных территорий». Склонность к пространственному расширению нередко была связана с ориентацией россиян не на государственные, а скорее на символические границы («наша территория там, где звучит русская речь, где живут российские люди»). Стремление сделать другое (как правило, близлежащее) пространство потенциально своим, может быть объяснено, скрытыми тревогами общества на уровне массового сознания, бессознательным стремлением обезопасить себя, очертив безопасное поле.

В-третьих, рассматривая темпоральный аспект восприятия страны, следует, в первую очередь, отметить, что упомянутый ранее образ земли имел тесную связь и со временем. Прослеживается взаимосвязь территориального образа страны и образов личного и государственного прошлого. При рассмотрении темпорального образа России была слабо заметна связь образа земли с образом будущего своей страны. Вероятно, это связано с несформированным в массовом сознании образом будущего. Результаты показывают, что современный россиянин зачастую не видит себя субъектом, частью будущего своей страны, испытывает страх в его отношении, неосознанно снимая с себя ответственность за будущее. При этом коммуникативный фактор способствует формированию в массовом сознании ощущения «точки перелома». Мифологизированный образ прошлого России в массовом сознании более четок, однако, в свою очередь, фрагментирован, сверхчувствителен к информационному дискурсу. Оценки прошлого страны опираются на представления о нелинейном времени с контрольными точками в виде отдельных, не связанных между собой событий, на восприятие современной российской истории как «бесконечно длящегося настоящего». Восприятие и прошлого и будущего других стран респондентами было заметно россиецентрично (характеризовалось через взаимоотношения со своей страной).

В-четвертых, темпоральный аспект внешнеполитического восприятия актуализируется при рассмотрении ожиданий россиян в отношении активности России в международных отношениях. В массовом сознании сейчас нет единого мнения относительно текущей роли России на мировой арене. Однако, даже при наличии у ряда респондентов негативного отношения к возрастающей роли России в мире сейчас, на неосознаваемом уровне восприятия акценты внимания смещались в сторону ожиданий сильной и самодостаточной позиции страны, выступающей в качестве одного из мировых лидеров. Оценивая взаимоотношения России с другими странами, респонденты неосознанно обращались к теме справедливости и к вопросу активного сопротивления злу. По мнению многих, нереализованный потенциал своей страны, сила и своеобразная «ментальная исключительность» дает ей право проявлять активность в международных делах.

Литература:

1. Евгеньева Т. В., Титов В. В. Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи // Полис. Политические исследования. 2010. № 4. С. 122-134.

2. Семенов И.С., ред. Идентичность. Личность Общество. Политика. Энциклопедическое издание. М.: Весь мир, 2017.
3. Символическая политика: Сборник науч. трудов/ ред. кол.: Малинова О.Ю. М.: РАН.ИНИОН. Вып.3 Политическая функция мифов. 2015. 371с.
4. Символическая политика: Сборник науч. трудов/ ред. кол.: Малинова О.Ю. М.: РАН.ИНИОН. Вып.4 Социальное конструирование пространства. 2016. 371с.
5. Митрофанова С.Ю. Образ «страны-врага» и «страны-друга» в представлениях современных студентов технического вуза // Экономика и социология. 2016. № 2. С.19-23.
6. Замятина Н.Ю. Смысл положения: место в ментально-географических пространствах // Культурная география. 2011. № 4. С. 60-67.
7. Колосов В. А., Зотова М. В. Геополитическое видение мира российскими гражданами: почему Россия не Европа // Полис. Политические исследования. 2012. № 5. С. 170-187
8. Замятин Д.Н. 2010. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. Т. 9. № 3. С. 26-50.
9. Бабурин В.Л., Даньшин А.И., Елховская Л.И. География Российского порубежья: мы и наши соседи. М.: Просвещение, 1999.
10. Берендеев М.В. Калининградцы в поисках идентичности // Социологические исследования. 2007. № 4. С. 127-132.
11. Чернышов Ю.Г. Пограничное пространство как барьер между утопическими и реальными образами стран и регионов // Дневник АШПИ. 2015. № 33. С. 76-81.
12. Горшков М.К., Петухов В.В. Внешнеполитические ориентации россиян в контексте вызовов современной глобальной политики. Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития: научное издание. Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Изд-во Аспект Пресс, 2016. С. 606-634.
13. Представления о дружеских и вражеских странах. – ФОМ. 13.04.2016. Доступ: <http://fom.ru/Mir/12600> (дата обращения: 17.01.2020).
14. Россияне решили, кто им враги. – Левада-Центр. 2.06.16. Доступ: <http://www.levada.ru/2016/06/02/rossiyane-reshili-cto-im-vragi/> (дата обращения: 17.01.2020).
15. Романова А.П. Образ «чужого» на постсоветском пространстве // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2016. № 4. С.159-166.
16. Россия и страны мира. – ФОМ. 11.07.14 Доступ: <http://fom.ru/Mir/11607> (дата обращения: 17.01.2020).
17. «Друзья» и «враги» России: эпоха санкций. – ВЦИОМ. 09.10.2014. Доступ: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115016> (дата обращения: 17.01.2020).
18. Caplan В. 2001. Rational Ignorance versus Rational Irrationality. Kyklos. Vol. 54. No. 1. P. 3-26.
19. Herrmann R.K. 2003. Image Theory and Strategic Interaction in International Relations // Oxford Handbook of Political Psychology / ed.by D.O. Sears, L. Huddy, R. Jervis. Oxford University Pres. P. 285-314.
20. Шестопал Е.Б. Проблема восприятия стран ближнего зарубежья в России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2017. № 4. С.93-98.
21. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
22. Бурдые П. Социология социального пространства. М. : Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя,– 2007.– С. 288;

Ф.М. Бурлацкий о вкладе Макиавелли в современную политологию

МГУ имени М.В. Ломоносова. Научный сотрудник кафедры истории и теории политики факультета политологии, кандидат политических наук

sobvlad1992@yandex.ru

Аннотация. В работе анализируется вклад Никколо Макиавелли в современную политологию, исследованный в творчестве Федора Михайловича Бурлацкого (1927–2014). Ф.М.Бурлацкий посвятил Макиавелли несколько трудов, но наиболее значимый из них является «Загадка и урок Никколо Макиавелли». Широкий тираж, доступный и живой стиль изложения сделали данную книгу достаточно популярной, что пробудило в советском обществоведении исследовательский интерес к творчеству Макиавелли. Делается вывод, что Бурлацкий в книге «Загадка и урок...» поднимает ряд актуальных и сегодня для политической науки проблем, среди которых вопросы о политической роли советников, консультантов, экспертов, об их участии в принятии государственных и политических решений.

Ключевые слова: Ф.М.Бурлацкий, Никколо Макиавелли, политическая наука в СССР, история политической науки России

F.M. Burlatsky on Machiavelli's contribution to modern political science. Sobolev V.A.

Lomonosov Moscow State University, Department of History and Theory of Politics of Faculty of Political Science

Annotation. The paper analyzes the contribution of Niccolo Machiavelli to modern political science, studied in the work of Fyodor Burlatsky (1927–2014). Burlatsky dedicated several works to Machiavelli, but the most significant of them is “Mystery and lesson of Niccolo Machiavelli”. The wide circulation, accessible and lively style of presentation made this book quite popular, which aroused in Soviet social science research interest in the work of Machiavelli. It is concluded that Burlatsky’s book “Mystery and lesson...” raises a number of topical issues for political science today, including questions about the political role of advisers, consultants and experts, and their participation in state and political decision-making.

Keywords: Burlatsky, Machiavelli, political science in the Soviet Union, history of political science

Исследование вклада *Никколо Макиавелли* в современную политологию можно начать с обращения к книге Федора Михайловича Бурлацкого (1927–2014) [см.: 1–5] под названием «Загадка и урок Никколо Макиавелли» [см.: 6; 7]. В ней Ф.М.Бурлацкий предлагает, прежде всего, обратиться к личности самого Макиавелли [см.: 8]: «дело именно в неразгаданности загадки великого мистификатора. Меня больше всего заинтересовала парадоксальность жизненного пути этого человека. Посмотрите только, как странно сложилась его биография. Если попытаться нарисовать графическую линию его судьбы, то она выглядела бы наподобие треугольника с одной стороной, устремленной вверх, кульминационной точкой надлома и таким же резким падением вниз. В двадцать девять лет он занял довольно видный пост секретаря Флорентийской республики и четырнадцать лет выполнял ее ответственные поручения. Потом опала, тюрьма, ссылка и литературная деятельность, показатели которой надо учитывать уже в другой системе координат» [9, с. 7].

Ф.М. Бурлацкий задается вопросами: «Почему же человек, который заявил себя перед всем миром как выдающийся политический мыслитель, так не преуспел как политический деятель? Почему он сам не смог воспользоваться советами, которые так щедро раздавал правителям и деятелям своего времени?» [9, с. 7].

В книге «Никколо Макиавелли: Советник государя» Ф.М. Бурлацкий объясняет одну из причин обращения к наследию Макиавелли: «Как-то я встретился с одним из секретарей Сталина. И он рассказал мне, что Сталин нередко запрашивал томик трудов Макиавелли, изданный у нас в 1934 году. Судьба этого издания сама по себе любопытна. В старой России было запрещено публиковать Макиавелли как наставника тиранов. И вот впервые было начато издание его сочинений. Начато и тут же остановлено

по указанию того же Сталина. Вышел в свет только первый том. Причиной запрета следующих томов послужил тот факт, что инициатором всего издания был Лев Каменев. Ему же принадлежала и вступительная статья к первому тому. Впоследствии, во время процесса против «правотроцкистского блока», А. Вышинский, выступавший в качестве государственного обвинителя, заклеил Каменева как макиавеллиста» [10, с. 11–12].

Ф.М. Бурлацкий акцентирует внимание на любопытной детали: «Запрашивая книгу Макиавелли из библиотеки, Сталин неизменно возвращал ее обратно. Видимо, этот человек... чувствовал какую-то неловкость от того, что его соратники могут увидеть в его кабинете на книжной полке или на столе томик Макиавелли. Перечитывая «Государя», я действительно убеждался, что Сталин нередко следовал наставлениям флорентийца» [10, с. 12; см.: 11].

Ф.М. Бурлацкий не случайно выделяет работу «Государь» — книгу, вокруг которой концентрируются «ожесточенные страсти сторонников и противников великого флорентийца». Вдумайтесь только в такие факты. Макиавелли написал множество работ: «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», «Военное искусство», «Историю Флоренции», комедию «Мандрагора», новеллы. После него осталась блистательная, искрящаяся, как шампанское, переписка с Франческо Веттори и другими современниками, выполненная в лучших традициях эпистолярного жанра. Его донесения Совету Десяти по поводу политических миссий при дворе Цезаря Борджиа, французского короля Людовика XII, германского императора и других властителей того времени являются самостоятельным объектом исторического и литературного анализа» [9, с. 8].

По мнению Ф.М. Бурлацкого именно работа «Государь», написанная всего за несколько месяцев, создала Макиавелли славу — «странную, неровную, отчасти даже скандальную. С какой целью был написан «Государь»? Служит ли эта работа, в которой, по мнению многих, Никколо Макиавелли заявляет себя сторонником тирании, выражением его подлинных взглядов? Или это поступок, вызванный преходящими соображениями, подобно тому как это было с Галилеем, отречьшимся от своих взглядов?» [9, с. 8–9].

Ф.М. Бурлацкий обращает внимание на судьбу учения Макиавелли: «действительно странно, что именно «Государь» — книга, может быть, второстепенная для самого Макиавелли, оказалась в центре внимания последующих поколений. Это пристрастие читателей можно было бы отнести на их собственный счет: в конце концов, каждый ищет то, что хочет найти. Но, видимо, дело не только в читателе. В самой книге есть достаточно поводов для самых нелестных предположений о позиции, да и о самой личности ее автора. Но дело не только в этом. Так ли уж разителен контраст между «Государем», «Рассуждениями» и «Историей Флоренции», если брать за основу мировоззрение флорентийского секретаря?

Правда, в первом случае он как будто заявляет себя сторонником тирании, а во втором и в третьем — сторонником свободы и республики. Но что вы скажете об исходных посылах этих работ? О политической философии Макиавелли? Не кажется ли вам, что даже в комедии «Мандрагора» мы находим строки, которые мог сказать только Мыслитель, и только Макиавелли, и никто другой?» [9, с. 9].

Кроме того, Ф.М. Бурлацкого интересовали вопросы: «Был ли сам Макиавелли макиавеллистом? Является ли его учение действительно тем, что в нем пожелали увидеть многие? Или правы те мыслители, начиная от Спинозы и Руссо, которые открыли в учении Макиавелли нечто иное — первый по-настоящему глубокий анализ политической власти, выполненный к тому же с прогрессивных патриотических позиций?» [9, с. 10]. Для Бурлацкого остается неясным, по какой причине работы Макиавелли породили подлинно макиавеллистическое истолкование. Подлинной загадкой остается судьба учения Макиавелли...

Отдельно Ф.М. Бурлацкого занимало соотношение личности Макиавелли и макиавеллизма: «Макиавеллизм, как известно, приобрел совершенно однозначное толкование. В этом слове сошлось все самое худшее, самое отвратительное, что можно увидеть, сказать и помыслить о жестокости и лицемерии, беспринципности и хитрости, коварстве и лживости политического человека, политической власти. Слово «иезуит» звучит менее одиозно. «Макиавеллический замысел», «макиавеллический план», «макиавеллическая улыбка» — все это прочно закреплено в сознании как синоним худших проявлений худших качеств худших из людей. Цель оправдывает любые средства — эта ужасная формула, как полагают многие, не была нигде изложена с большей откровенностью, чем в «Государе», где она к тому же облечена еще в научную форму» [9, с. 9–10].

Для Ф.М. Бурлацкого главная и подлинная загадка Никколо Макиавелли — загадка его души, его призвания: «Этот человек мечтал о карьере чиновника в небольшой Флорентийской республике, совершенно не понимая своей природы... Помните его письма к Франческо Веттори и другим друзьям с бесконечными занудными жалобами на свою судьбу, с униженными просьбами исходатайствовать у сильных мира сего хоть какую-нибудь, пускай самую завалющую и паршивую, должностишку в государственном аппарате. Макиавелли в одно и то же время пишет великолепные «Рассуждения», блистательную «Мандрагору» и жалкие прошения о возвращении на жалкую должность во Флорентийском государстве. Так не понять себя! Такая слепота в отношении своей природы и своего призвания!» [9, с. 10].

В итоге, Ф.М. Бурлацкий преподносит нам Макиавелли как многоликого человека, которого невозможно охватить, объять одним определением: «Наставник тиранов в «Государе» уступает место убежденному демократу в «Рассуждениях», суровый мыслитель — легкомысленному комедианту, бескомпромиссный ученый — искательному чиновнику. Мне страстно захотелось приоткрыть секрет этой Атлантиды» [10, с. 12]. Каждая из версий о том, кем был Макиавелли, имеет основание в его трудах и поступках — заключает Бурлацкий.

Таким образом, Ф.М. Бурлацкий в книге «Загадка и урок Никколо Макиавелли» поднимает ряд актуальных и сегодня для политической науки проблем, среди которых вопросы о политической роли советников, консультантов, экспертов, об их участии в принятии государственных и политических решений.

Литература:

1. Соболев В.А. Значение Ф.М. Бурлацкого для становления и развития политической науки в России // Русская политология. 2018. № 1 (6). С. 152–158.
2. Соболев В.А. Ф.М. Бурлацкий (1927–2014): Жизнь и труды. Становление политической науки в СССР. М.: Издательство Московского университета, 2019. 224 с.
3. Соболев В.А., Ширинянц А.А. Ф.М. Бурлацкий и становление политической науки в СССР // Политическая наука. 2016. № 5. С. 25–42.
4. Шестопал Е.Б., Шутов А.Ю. Памяти Ф.М. Бурлацкого (1927–2014) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 3. С. 124–127.
5. Sobolev V.A. F.M. Burlatsky about development of political science in the USSR // Russian Political Science. 2019. № 1 (10). pp. 12–17.
6. Зоткин А.А., Козиков И.А. «Анти-Макиавелли» Фридриха Великого о благе мира и войне во имя справедливости // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2019. № 3. С. 17–27.
7. Юсим М.А. Макиавелли. Мораль. Политика. Фортуна. М.: Канон+, 2011. 578 с.
8. Юсим М.А. Макиавелли: карьера чиновника и судьба мыслителя // Новая и новейшая история. 2006. № 5. С. 226–229.
9. Бурлацкий Ф.М. Загадка и урок Никколо Макиавелли. М.: Молодая гвардия, 1977. С. 7.
10. Бурлацкий Ф.М. Никколо Макиавелли: Советник государя. М.: Собрание, 2008. С. 11–12.
11. Юсим М.А. Сталин и Макиавелли. Заметки о политике и морали // Новая и новейшая история. 2008. № 4. С. 152–165.

Проблема поиска философских оснований концепции полицентричного мира: к современным дискуссиям в российской международно-политической науке

Столетов О.В.

МГУ им. М.В. Ломоносова, доцент кафедры международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии, кандидат политических наук

Oleg-Stoletov1@yandex.ru

Аннотация: В статье исследуется проблема определения философских оснований концепции полицентричного мира в российской международно-политической науке. Актуальность данной проблемы связывается с усилением запроса российской науки о международных отношениях и мировой политике на развитие междисциплинарной методологии, позволяющей осуществлять адекватные анализ и прогнозирование актуальной и перспективной мирополитической реальности. В исследовании выделяются причины, по которым целостная концепция полицентричного мира на данный момент не сформирована. В качестве ключевого фактора, формирующего потребность в философском осмыслении феномена полицентричности XXI века, в статье рассматривается актуализация дискуссий об определении адекватной научной картины мира, способной лечь в основу проведения релевантных международно-политических исследований. Автор приходит к выводу о том, что ввиду продолжающихся научных дискуссий относительно вопроса о наиболее подходящей для объяснения международно-политической реальности научной картины мира, концепция полицентричного мира продолжает находиться в становлении.

Ключевые слова: философские основания, полицентричный мир, политическая наука, международные отношения.

The problem of finding the philosophical foundations of the concept of a polycentric world: toward contemporary discussions in Russian international relations and political science.

Stoletov O.V.

Lomonosov Moscow State University

Abstract: The article explores the problem of determining the philosophical foundations of the concept of a polycentric world in Russian international relations and political science. The relevance of this problem is associated with the increasing demand of the Russian science of international relations and world politics for the development of an interdisciplinary methodology that allows adequate analysis and forecasting of actual and perspective world political reality. As a key factor shaping the need for a philosophical understanding of the phenomenon of polycentricity of the 21st century, the article reviews the actualization of the discussions on determining an adequate scientific picture of the world that can form the basis of relevant international relations research. The author comes to the conclusion that, in view of the ongoing scientific discussions regarding the question of the most suitable scientific picture of the world for explaining the international political reality, the concept of a polycentric world continues to be established.

Keywords: philosophical foundations, polycentric world, political science, international relations.

В современной российской международно-политической науке усиливается запрос на развитие междисциплинарной методологии, позволяющей осуществлять адекватные анализ и прогнозирование актуальной и перспективной мирополитической реальности [1]. Для этого запроса существует несколько стимулов, в числе которых усложнение мира, нарастание глобальной геополитической и геоэкономической конфликтности, логика развития самого научного знания. Важным интеллектуальным ресурсом для решения этой научно-исследовательской задачи являются философия и различные ее отраслевые направления (в частности, философия науки, политическая философия, философия истории).

Фундаментальные мирополитические изменения, протекающие на различных уровнях современной международно-политической системы, ставят перед российской международно-

политической наукой теоретико-методологические вопросы, ответы на которые требуют от сообщества исследователей-международников системной саморефлексии. Актуальность научного поиска в русле осмысления философских оснований международно-политической науки определяется тем, что во многом эта работа призвана обеспечить стратегическую внутривнутриполитическую стабильность и международно-политическую устойчивость России в XXI веке. Одной из важнейших задач в рамках этих исследований является поиск и последующий глубинный анализ философских оснований концепции полицентричного мира.

В современных российских научных текстах, посвященных международно-политической проблематике, понятие «полицентричный мир» фигурирует достаточно часто [2]. Ряд отечественных исследователей предпринимают попытки выделить некоторые признаки становящейся полицентричности мира [3]. Тем не менее, целостная концепция полицентричного мира на данный момент не сформирована. По нашему мнению, подобная ситуация вызвана рядом причин. Во-первых, концептуально категория «полицентричности» менее теоретически проработана в зарубежной международно-политической науке, нежели категория «многополярности». Концепция многополярного мира разрабатывалась многими зарубежными авторами, выдающимся российским ученым-международником Е.М.Примаковым, всесторонне исследовалась во многих отечественных работах по международным отношениям как консервативно-реалистской (А.Г. Дугин [4]), так либеральной направленности (А.В. Кортунов [5]). Однако, показательно, что весьма отличающиеся друг от друга по своему научному бэкграунду исследователи, А.Г. Дугин и А.В. Кортунов, полагают, что даже полноценная теория многополярного мира все еще не создана. Во-вторых, в связи с полипарадигмальностью теории международных отношений понятия «центр» и «центральность» являются дискуссионными [1]. В-третьих, понятие «полицентричный» часто используется исследователями-международниками для характеристики текущего состояния современного мира, однако, в связи с тем, что современный миропорядок находится в состоянии транзита, попытки описать сущностные характеристики полицентричного мира наталкиваются на объективные трудности [6].

Ключевым фактором, формирующим потребность в философском осмыслении феномена полицентричности XXI века, является актуализация дискуссий об определении адекватной научной картины мира, способной лечь в основу проведения релевантных международно-политических исследований. Одни исследователи обращают внимание на необходимость адаптировать исследования в сфере международных отношений и мировой политики, которые по преимуществу продолжают структурироваться «вокруг ньютоновской оси», к неклассической и постнеклассической научным картинам мира [7, с. 39]. Исследователи этой категории склонны трактовать полицентричный мир как мир сложности и риска, лишенный однозначных определенностей [8], а также характеризующийся фрагментацией, динамической нестабильностью [9], турбулентностью [10] и многовариантностью будущего. Сторонники данной точки зрения, в частности, полагают перспективной теоретико-методологической основой исследования трансформирующегося миропорядка квантовую физику и синергетику [11]. Начало системной академической разработки данного подхода в России стимулируется происходящим в этом русле теоретико-методологическим поиском в зарубежной международно-политической науке (например, А.Вендт, Дж. Дер Дериан [12], Д. Оррелл [13]), в рамках которого, в частности, рассматриваются процессы внедрения квантовых технологий в фундаментальные сферы мирополитической реальности (например, наука, финансы, безопасность), а также возрастанием значимости социально-сетевых технологий «управляемого хаоса» в актуальной мировой политике (например, «Арабская весна», миграционный кризис в Европе, движения «Оссиру», «Желтые жилеты» во Франции, «Возмущенные» в Испании, единообразные феминистские акции протеста в различных странах мира) [14, 15].

Вторые считают, что доминирование единственного представления об истинной научной картине мира невозможно в принципе и плюрализм в этой области является закономерным и естественным [16]. Например, О.Ф. Русакова констатирует наступление постсовременного этапа в развитии политической философии, характеризующегося переходом от постмодернистской парадигмы деконструкции господствующего дискурса к парадигме дискурсного конструирования нового мира, освобожденного от критикуемых форм господства [17]. В рамках такого подхода предусматривается наличие возможности конструирования новых идентичностей для существующих политических акторов [18], позволяющей модифицировать полицентричность мира. Дискурсивное измерение полицентричности приобретает особую значимость в условиях усиления государств Азии, сопровождающегося глобальной экспансией

Китая и продолжающимся подъемом Индии, стимулирующего ведущие страны Запада, а также широкий круг других государств, в том числе и Россию, переосмысливать собственные национально-государственные идентичности [19]. Результатом этих процессов могут становиться существенные внутригосударственные изменения, актуализирующие значимость внутренних различий, которые на определенном этапе способны перерасти в конфликты (например, вооруженные конфликты на Украине, в Сирии и Ливии, внутривластные кризисы и массовые беспорядки во многих странах мира). В то же время продолжающиеся попытки научного поиска разумных синтетических форм организации мирополитического взаимодействия в условиях формирующейся полицентричности, принимающих во внимание объективность различий, показывают, что часть исследователей продолжает видеть в международной коммуникации потенциал для снижения остроты глобальных и региональных кризисных явлений [20, 21].

Третьи, выходя за рамки технократических представлений [22], полагают, что в современных международных отношениях и мировой политике продолжают преобладать детерминанты, характерные для исторических циклов, которым на новом этапе научно-технологического развития оказываются присущи сходные в сущностном отношении качества. А.В. Фененко, например, делает акцент на том, что современная полицентричность с неизбежностью будет порождать «гибридные» политические конфликты, сходные с конфликтами раннего Нового времени [23]. Современная геоэкономическая конкуренция ведущих мировых держав, связанная с агрессивной борьбой за доминирование на глобальных рынках (например, на рынках энергоносителей), обладает рядом существенных сходств с эпохой Нового времени.

Наличие в международно-политической науке описанного выше многообразия теоретико-философских подходов порождает попытки формирования концептуальных представлений о текущей фазе становления полицентричного мира как о внутренне конфликтном «гибридном мире» [24], сочетающем в себе элементы архаики, модерна, постмодерна и неомодерна [25], глобализации и деглобализации, которые могут проявлять себя различным образом в зависимости от конкретных особенностей конституирующих их акторов. В таком мире происходит перманентная эскалация противоречий между инновациями и традициями, между сферами материального и нематериального, между сильно зависимыми и слабо зависимыми от пространственных границ феноменами. Таким образом, ввиду продолжающихся научных дискуссий относительно вопроса о наиболее подходящей для объяснения международно-политической реальности научной картины мира, концепция полицентричного мира продолжает находиться в становлении.

Литература:

1. Алексеева Т.А. Теория международных отношений как политическая философия и наука: Учеб. Пособие для вузов. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. – 608 с.
2. Россия в полицентричном мире / под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. – М.: Весь Мир, 2011. – 580 с.
3. Столетов О.В. Политические аспекты формирования полицентричного мира в условиях «гибридных войн» // Русская политология – Russian political science. – 2016. – №1. – С. 88-97.
4. Дугин А.Г. Теория многополярного мира: Компендиум. – Кишинев: Народный Университет, 2014. – 175 с.
5. Кортунов А.В. Между полицентризмом и биполярностью: о российских нарративах эволюции миропорядка: рабочая тетрадь РСМД № 52. – М.: НП РСМД, 2019. – 40 с.
6. Неклесса А.И. Мировой транзит: от критических технологий к сложной практике // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – № 1 (33). – С. 93-107.
7. Алексеева Т.А. Теория международных отношений в зеркалах «научных картин мира»: что дальше? // Сравнительная политика. – 2017. – Т. 8. – № 4 (2017). – С. 30-41.
8. Лукьянов Ф.А. Зачем нужна многополярность // Россия в глобальной политике. – 26.09.2019. URL: <https://globalaffairs.ru/redcol/Zachem-nuzhna-mnogopolyarnost-20201> (дата обращения: 28.02.2020).
9. Век многосторонней дипломатии близится к концу? Александр Грушко о новом миропорядке // Валдайский клуб, 21.05.2019. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vek-mnogostoronney-diplomatii/> (дата обращения: 28.02.2020).
10. Полулях Д.С. Турбулентность в современной мировой политике: дискурсы и практика // Дисс. к.полит.н. – М., 2016. – 173 с.
11. Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарёв И.Д. Квантовая теория в международных отношениях? // Вестник МГИМО-Университета. – 2016. – № 3(48). – С. 7-16.
12. Der Derian J., Wendt A. ‘Quantizing international relations’: The case for quantum approaches to international theory and security practice // Security Dialogue. – 05.02.2020. – 15 p.
13. Orrell D. The value of value: A quantum approach to economics, security and international relations // Security Dialogue. –

27.02.2020. – 17 p.

14. Антоновский А.Ю. Философия в полицентричном мире. Навстречу российскому философскому конгрессу // Эпистемология и философия науки. – 2020. – Т. 56. – № 4. – С. 117-138.
15. Бартош А.А. Стратегии информационной войны. // Национальная безопасность / Nota Bene. – 2016. – № 4. – С. 485-499.
16. Лебедев С.А. Научная картина мира в ее развитии // Вестник Московского университета. – Серия. 7: Философия. – 2012. – №3. – С. 3-27.
17. Русакова О.Ф. Интеллектуальные вехи и дискурсные повороты в истории современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2011. – Вып. 11. – С. 7-22.
18. Иохим А.Н. Гуманитарный дискурс как фактор формирования политической идентичности (на примере внешней политики России в постсоветский период) // Дисс. к.полит.н. – М., 2019. – 187 с.
19. Столетов О.В. К вопросу о цивилизационной идентичности в международно-политическом дискурсе современной России // Социально-гуманитарное обозрение. – 2018. – № 1. – С. 89-96.
20. Гемават П. Мир 3.0: Глобальная интеграция без барьеров. – М.: АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР, 2013. – 415 с.
21. Столетов О.В. Стратегия «разумной силы» в политике глобального лидерства. – М.: Издательство Московского университета, 2018. – 288 с.
22. Макеев С.В. Технократические идеи и концептуальные построения в их историческом становлении и развитии. Монография. – М.: Изд-во МГОУ, 2006. – 282 с.
23. Фененко А.В. Какими будут войны будущего? // Россия в глобальной политике. – 24.07.2017. URL: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Kakimi-budut-voiny-buduschego-18863> (дата обращения: 29.02.2020).
24. Костин А.И., Изотов В.С. Интеграционные системы в парадигме глобалистики: обновление исследовательских подходов // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2015. – №2. – С. 7-32.
25. Кортунов А.В. От постмодернизма к неомодернизму, или воспоминания о будущем // Россия в глобальной политике. – 2017. – №1 (15). – С. 8-19.

Философские основания государственной исторической политики России XVI-XVII вв.

Страхов А.Б.

МГУ им. М.В. Ломоносова. Кафедра истории социально-политических учений факультета политологии, аспирант.

falconian@yandex.ru

Аннотация: Историческая политика присуща любому государству в любую эпоху, и Россия не является исключением. Всякая историческая политика имеет под собой философские основания. В выступлении проведен анализ идейных (философских) оснований, которые стали базой исторической политики России в XVI-XVII вв. Приведено понимание историософии как ключевой философской основы исторической политики. Показано непрерывное развитие философских оснований исторической политики России XVI-XVII вв., что позволяет говорить о стабильности всего комплекса духовно-политической мысли.

Ключевые слова: историческая политика, духовно-политическая мысль, историософия, общерусское единство.

Philosophical foundations of the state historical politics of Russia in the XVI-XVII centuries. Strakhov A.B.

Lomonosov Moscow State University

Abstract: Historical politics is inherent in any state in any era, and Russia is no exception. Every historical policy has a philosophical basis. The report analyzes the ideological (philosophical) foundations that became the basis of the historical policy of Russia in the XVI-XVII centuries. The understanding of historiography as the key philosophical basis of historical politics is given. It shows the continuous development of the philosophical foundations of the historical policy of Russia in the XVI-XVII centuries, which allows us to speak about the stability of the entire complex of spiritual and political thought.

Keywords: historical politics, spiritual and political thought, historiography, all-Russian unity.

Одним из главных направлений символической политики является историческая политика, которая выполняет функции легитимизации, прогнозирования, регулирования отношений в обществе и т.д. Естественно, что главным субъектом исторической политики всегда выступает государство как наиболее заинтересованный и наиболее мощный актор символической политики.

Историческая политика является проводником определенных идей, которые государство транслирует обществу, и стремится сделать их господствующими, и легитимизирует их через прошлое, показывая примеры и проводя аналогии с современностью. Эти идеи и являются философскими основаниями исторической политики. Более того, их можно назвать историософскими. Под историософией, или философией истории, следует подразумевать «раздел философского знания, связанный с постижением смысла и закономерностей исторического процесса» [1, с. 212]. Хотя А.С. Панарин предлагал считать историософию проявлением кризисов: «Соответствующий тип сознания активизируется в переходные, нестабильные эпохи, когда рушатся привычный уклад, казавшиеся неизблемыми учреждения и проблематизируется само человеческое бытие. Философия истории решает вопрос о соотношении прошлого, настоящего и будущего, сама постановка которого свидетельствует о неудовлетворенности настоящим» [1, с. 212], исторические примеры показывают, что историософия в преломлении исторической политики существует и в стабильные эпохи.

Не является исключением и историческая политика России XVI-XVII вв. Она интересна тем, что представляет собой непрерывный в развитии и функционировании комплекс, который одинаково успешно действовал как в моменты расцвета и подъема (например, 1550-е гг. или вторая половина 1660-х гг.), так и в глубочайший кризис Смутного времени. Историческая политика России в XVI-XVII вв. зиждилась на трех главных историософских основаниях.

1. Особое отношение Бога к русскому народу.

Сознание русских – как простого народа, так и власть имущих – до петровских преобразований было глубоко религиозно. Это отражалось и на политической мысли: «Русская социально-политическая мысль в XI-XVII вв. развивалась в русле православной традиции и была прежде всего духовно-политической» [2, с. 15].

Поэтому неудивительно, что оставшаяся единственным независимым православным государством Россия начала осознавать себя как новое избранное Богом царство.

Так, ещё в начале XVI в. в посланиях старца Филофея постулируется особое расположение Бога к России, ставшее возможным благодаря благочестию русских князей: «Стараго убо Рима церкви падеся невѣрием аполинариевы ереси, втораго Рима, Константинова града церкви, Агаряне внуцы секирами и оскордъми разсѣкоша двери, сиа же нынѣ третиаго, новаго Рима, дрѣжавнаго твоего царствия святая соборная апостольскаа церкви, иж в концых вселенныа в православной христианстей вѣре во всей поднебесней паче солнца свѣтитса» [3, с. 300-302]. В середине XVI в. была создана Степенная книга царского родословия, грандиозный исторический свод, в котором «содержатся образы ведущей к Богу лестницы, райского сада» [4, с. 195]. Бог в представлении авторов Смутного времени не оставляет своих избранников, даже посылая на них свой гнев: «По Всеволоде содержаше скиетръ Росийскаго государства сынъ его князь великии Ярослав Всеволодич, его же соблюде Бог от Батыя в великом Новѣграде і з детми, і по плененіи безбожнаго Батыя святую и непорочную хрестьянскую вѣру распротрани, і святые церкви паки обнови» [5, с. 23], но строго карает за грехи. Окончательно богоизбранность русского народа и России закреплялась и видимыми образами: «Зримым центром вселенского православия должен был стать Ново-Иерусалимский монастырь под Москвой – он был построен как подобие знаменитого Иерусалимского храма Воскресения Господня (храма Гроба Господня), местность вокруг монастыря была переименована в честь святых мест Палестины, в храме предполагалось устроить пять престолов, в которых одновременно могли служить четыре вселенских патриарха во главе с Патриархом Московским и всея Руси» [6, с. 453].

Таким образом, идея богоизбранности России пронесена через все два столетия и остается основной темой исторической политики Русского государства.

2. Исключительная роль правителя в истории России

Божья милость (как и гнев) распространялась на Россию опосредованно, через правителя, поэтому фигуре князя, а затем царя, историческая политика того времени уделяла особое внимание. Со временем и сам правитель становился сакральной фигурой, а не только проводником Божьей воли.

В 1503 году было создано послание Спиридона-Саввы «о Мономаховых дарах». В течение следующих 20 лет оно было отредактировано и легло в основу официального Сказания о князьях владимирских. Именно в нём впервые была сформулирована легенда о происхождении Рюриковичей от Октавиана Августа, первого императора Римской империи: «Август же начят ряд поклатати на вселеную. Постави брата своего Патрикия царя Египту... и Пруса в брезех Вислы... [новгородцы] обретоша тамо некоего князя именем Рюрика, суца от рода римска царя Августа, и молиша его с посланми всех новгородцев. Князь же Рюрик прииде к ним в Новгород» [7, с. 161-162]. Это положение прочно закрепилось в политическом сознании. Так, Иван Грозный в своём послании Юхану III пишет: «И римская печать намъ не дико: мы от Августа кесаря родствомъ ведемса» [8, с. 116].

В середине XVII в. Соборным уложением окончательно был закреплён особый самодержавный статус царя, покушение на него становилось не просто государственным преступлением, но и грехом. При этом закон лишь фиксировал окончательно сложившееся отношение к фигуре правителя как к сакральной: «А нынѣ Великому Государю нашему, Его Царскому Величеству, вѣдомо учинилось, что Англичане всею землею учинили большое злое дѣло, Государя своего, Карлуса Короля убили до смерти: и за такое злое дѣло въ Московскомъ Государствѣ вамъ быть не довелось» [9, с. 169].

Подытоживая, можно сказать, что отношение к правителю на протяжении времени менялось, однако неизменно оставалось понимание исключительности русских династий.

Воссоединение русских земель оставалось одной из ключевых задач внешней политики России на протяжении XVI-XVII вв. и требовало обоснования.

В XVI в., однако, эта проблема лишь отчасти отражалась в исторической политике. Так, вторая часть Сказания о князьях владимирских, Родословие литовских князей, с презрением повествует об истории литовской династии, которая из-за своего низкого происхождения не имеет права на владение русскими землями: «Родословие литовских князей как бы противопоставляется родословию князей русских и оба вместе в своём противопоставлении служат возвеличению княжеской власти на Руси» [7, с. 87].

Совсем иначе к обоснованию воссоединения русских под скипетром московского царя относились при первых Романовых.

В 1674 г. в Киево-Печерском монастыре был издан Синописис, первый учебник русской истории. Эта книга интересна и важна для понимания исторической политики России по множеству причин (автором её был игумен, крещёный немец Иннокентий Гизель; Киев воссоединился с Россией относительно недавно); царская семья была не просто знакома с ней, но и имела минимум тринадцать экземпляров. В нём обоснование общерусского единства достигло своего пика. Прерванное нашествием Орды и литовским завоеванием, оно в полном соответствии с исторической логикой («В ономъ [Владимире] столицу или престоль свой Царскій отъ Кіева пренесль бѣ, и содежашеся Столица Царская тамо» [10, с. 62], «Начаша Митрополиты Кіевскіи въ Москвѣ жити, а въ Кіевѣ токмо Намѣстники бяху» [10, с. 193]) восстановлено московским царём: ««Отъ древняго достоянія Царскаго паки въ достояніе Царское прииде, егда Царь Царемъ и Господь Господемъ паче прочіихъ Царей земныхъ возносяй рогъ Христа своего, Великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца» [10, с. 205]. Сама история показывает, что русские земли должны воссоединиться, и весь пафос Синописиса направлен на подтверждение этого факта.

Можно сказать, что общерусское единство является самым новым идейным основанием исторической политики России XVI-XVII вв., однако со временем он затмевает и другие.

Подытоживая, необходимо подчеркнуть, что все три философские основания исторической политики России XVI-XVII вв. не были неподвижными, раз и навсегда застывшими идеями. Они активно развивались вместе с обществом и государством, взаимодополняли друг друга, и в конечном счёте в той или иной степени некоторые из них сохранились до наших дней.

Литература:

1. Панарин А.С. Философия истории // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / пред. науч.-ред. совета В. С. Стёпин. 2-е изд., испр. и доп. М. : Мысль, 2010. С. 212-213.
2. Перевезенцев С.В. История социально-политических учений России. Часть 1. Духовно-политические учения России X-XIV вв. М.: Издательство Московского университета, 2020. 194 с.
3. Послания старца Филофея // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. Т. 9: Конец XIV — первая половина XVI века. СПб.: Наука, 2000. С. 290-306.
4. Усачёв А.С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. СПб.: Альянс-Архео, 2009. 760 с.
5. Утверждённая грамота об избрании на Московское государство Михаила Фёдоровича Романова (с предисловием С.А. Белокурова). М., 1906.
6. Перевезенцев С.В. Истоки русской души. М., 2015. 528 с.
7. Дмитриева Р.П. Сказание о князьях владимирских. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1955. 216 с.
8. Иван Грозный. Послание шведскому королю Юхану III 1573 года // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. Т. 11: XVI век. СПб.: Наука, 2001. С. 116-136.
9. Полное собрание законов Российской империи: собр. 1-е. Т. 1: 1649-1675. СПб., 1830. 1072 с.
10. Киевский синописис. Киев, 1836. 406 с.

Телин К.О.

МГУ имени М.В. Ломоносова. Научный сотрудник кафедры государственной политики факультета политологии. Кандидат политических наук

kirill.telin@gmail.com

Аннотация: В своем исследовании автор предпринимает попытку внедрения в методологию и понятийно-категориальный аппарат политических исследований понятие «пастиш», тесно связанное с идеологией и актуальными особенностями политического управления. Опираясь на современную практику различных политических режимов, включая «гибридные» и сталкивающиеся с популистскими трендами, автор определяет «пастиш» как «детерриториализирующий» элемент идеологических практик, выражающий склонность режима к имитации фундаментальных ценностно-идеологических решений и формально-декоративному обращению к дискурсу «традиции» или «особого пути». Исследование посвящено выделению различных видов политического пастиша, их функций и актуальных примеров во внутренней и внешней политике некоторых государств. Особое внимание уделяется рассмотрению возможностей и угроз, связанных с «внутренним» пастишем и его популярностью среди современных политических элит.

Ключевые слова: пастиш, политическое управление, детерриториализация, идеология, политический режим, дискурс

Telin Kirill

Lomonosov Moscow State University

Keywords: pastiche, governance, deterritorialization, ideology, political regime, discourse

Как предполагал немецкий философ П. Слотердаjk, одним из символов современной эпохи, которую можно охарактеризовать, среди прочего, и как раз «постидеологическую», является феномен «цинического сознания», дополнившего прежнюю марксистскую триаду «зablуждение – ложь – ложное сознание». В отличие от этих элементов, «циническое сознание» можно определить как «интегрированный в общество антиобщественный тип», специфическое состояние притворства и имитации включенности в социальные процессы, «приспособленчество, вполне сознающее себя таковым и вынужденное «по необходимости» пожертвовать знанием о лучшем» [1, с. 31]. «Быть, а не казаться», – гласило когда-то популярное этическое правило; «казаться, а не быть», – рассуждает все большее число современных политиков, понимающих, как часто их электорат следует той же максиме в своей повседневной жизни. Очевидно, что такое приспособленчество серьезно повлияло на привычный и, казалось бы, переживший собственную содержательную трансформацию идеологический арсенал современного политического управления.

Безусловно, ключевую роль в этом влиянии сыграли медиатизация и виртуализация политики, резко увеличившие число содержащихся в ней «симулякров» и в известной степени даже превратившие их из определенного исключения в широко распространенное правило; несмотря на ту войну, которую представители истеблишмента или «классических» масс-медиа развязали против «фейковых новостей» (fake news), именно они парадоксальным образом являются главными поставщиками ложных сигналов, искаженной статистики и откровенно оппортунистических интерпретаций ключевых процессов и событий. Однако не меньшую роль в становлении «кривого идеологического зеркала», в настоящем исследовании представляемого через феномен пастиша, сыграли и экономические изменения: глобализация привела к разгерметизации не только государственных, но и политико-культурных границ, а деколонизация и появление на карте мира новых независимых государств, аккуратно названных «развивающимися», привело к формированию множественных пограничных и даже «гибридных» идентичностей [2].

Действительно, о неразрывном взаимопроникновении экономики, культуры и социальных следствий последней неоднократно писали и А.Сен [3], и М.Маклюэн [4], и Д.Хелд [5]. Среди

обывателей распространено представление о деструктивной роли глобализации, связываемой с эрозией государственного суверенитета, распадом прежних структур управления и вообще изменением управленческих практик как таковых, - и отчасти эти беспокойства обоснованы (хотя вызвавшие их перемены объективны и, вероятно, неизбежны). Глобализующийся мир действительно упраздняет не только экономические, но и политические границы – в этом дает убедиться хотя бы масштаб трудовой или вынужденной миграции, с которой сегодня сталкиваются развитые страны, или распространенность неолиберального курса во внутренней политике, обычно привязываемая к ярлыку «Вашингтонского консенсуса». Вместе с тем, как замечают М.Хардт и А.Негри, внутри глобализации зреет, кроме разрушительной, и другая тенденция – появление «системы пространственной всеобщности» [6, с.14], «каркаса, в рамках которого необходимо осознать новый, всеобъемлющий, глобальный, внутренне неоднородный характер субъектов» [6, с.38].

Внутри этого каркаса известные культурные образцы, «стержневые» ценности, традиции, доселе не оспариваемые, начинают подвергаться деконструкции и ревизии, после чего они, подобно истории в трактовке французских авторов, рассыпаются на осколки [7]. Это приводит к тому, что Ж. Делез и Ф. Гваттари называли «детерриторизацией» – невозможностью воспроизводства некогда целостных макродискурсов; в мире политического происходит своеобразный разрыв с «пространством» – как в географическом, так и в более общем социальном плане. В современном мире даже те культурные модели, которые воспринимаются в качестве «национальных» или «консервативных», начинают отрываться от некогда породивших их основ, существовать в новом, переосмысленном, качестве: собственно, сам факт обращения к идеям без наличия факторов, в свое время объяснявших их появление, и является примером детерриторизации. Эскалацию подобного разрыва Делез и Гваттари также напрямую связывают с капиталистической экономикой [8, с.129], и потому не удивительно определенное созвучие «цинического сознания» и «детерриторизации»: все они касаются новой конфигурации общественных отношений, особенно интересной с точки зрения ее политических аспектов. «Капитализм, – пишут Делез и Гваттари, – неотделим от движения детерриторизации, однако это движение он отклоняет посредством фальшивых и искусственных ретерриторизаций» [9, с.161]; новые формы господства он стремится легитимизировать через привычные формулы и заклинания. Как в новых условиях происходит обращение к классическим категориям политического, таким, как «демократия», «федерализм» или, к примеру, «консерватизм»? Почти повсеместно мы можем наблюдать [локализирующее] обращение политиков к известным образам и формам прошлого: боливаризму, «средне зажиточному обществу», «традиционным ценностям».

Мы можем заметить, впрочем, что в большинстве случаев подобная имитация, в особенности имитация архаическая, представляет собой так называемый пастиш [10] – бессодержательное заимствование стилистических особенностей, элемент идеологической практики, направленный на создание симулякров и описание актуальной действительности мифологемами универсального характера. В отличие от имитации в целом, пастиш, воспроизводящий, к примеру, некие «самобытные» и «традиционные» культурные маркеры в чужеродной для них политической реальности, не направлен на трансформацию всего политического пространства, ограничиваясь формально-декоративным его уровнем. Важной становится не качественная имитация, к примеру, «консервативного разворота», а создание иллюзии его завершенности; ровно такой же может быть имитация «демократизации» или «плюрализма».

Будучи направленным, как уже было отмечено, на внешнюю, «витринную» составляющую политического порядка, пастиш не предполагает формирования стройной системы суждений и взглядов, которую обычно и обозначают в качестве идеологии; вместо этого он представляет собой властную ориентацию одновременно на «гипернормализованный» язык и искаженную (детерриторизированную, деконтекстуализированную) повестку. По сути, пастиш начинает имитировать не только и не столько реальность, сколько ту самую идеологию, которая ранее применялась для «сокрытия» реальности.

Литература:

1. Слотердайк П. Критика цинического разума - М.: АСТ МОСКВА, 2009
2. Bhabha H. K. The Location of Culture. Routledge, 1994
3. Sen, Amartya (1984). Collective Choice and Social Welfare (2nd ed.). New York, NY:
4. McLunah M. 1962 The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man; 1st Ed.: University of Toronto Press;

5. Held, David; Koenig-Archibugi, Mathias (2014). Global policy: power, governance and accountability. Cambridge, UK
6. Хардт М., Негри А. Империя - М.: Праксис, 2004, URL: <http://hegel.narod.ru/knigi/empire.pdf>
7. Блок М. Апология истории, или ремесло историка. — М., 1986
8. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? - М., «Алетейя» URL: <http://www.lib.ru/FILOSOF/DELEZGVATTARI/filosof.txt>
9. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения — Екатеринбург: -»Фактория», 2007
10. Телин К.О. Игра в имитацию: феномен политического пастиша // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. — 2016. — Т. 12, № 2. — С. 77–97.

Фахретдинова Л.М.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, ассистент кафедры общей и этнической социологии

fahretdinova.lm@yandex.ru

Аннотация: В работе рассматриваются возможности применения категории события в социальной и политической теории. Описываются отличия события от родственных понятий происшествия и действия, приводится различие события и псевдособытий. Автор обращается к философским, историческим и социологическим теориям событий, позволяющим выявить существенные черты феномена. Раскрывается нарративный характер события, анализируется влияние события на формирование альтернативных политических дискурсов на примере идей А. Бадью и С. Жижека. Предлагается рассмотрение не только словесных, но и визуальных средств нарративизации событий на примере фотографий и художественных полотен. Раскрываются особенности трёх возможных модусов события в зависимости от его темпорального характера: прошлое событие, будущее событие и событие-в-действии. Приведены основные критерии, позволяющие идентифицировать отдельные события.

Ключевые слова: событие, нарративность, темпоральность, псевдособытие, случай, происшествие, история.

**Event in social and political theory: identification and narrativity.
Fakhretdinova L.M.**

Kazan (Volga region) Federal University

Abstract: The paper considers the possibilities of applying the event category in social and political theory. The differences between an event and related concepts of event and action are described; the distinction between an event and pseudo-events is given. The author refers to the philosophical, historical and sociological theories of events that allow us to identify the essential features of the phenomenon. The author reveals the narrative nature of the event and analyzes the influence of the event on the formation of alternative political discourses on the example of the ideas of A. Badiou and S. Žižek. It is proposed to consider not only verbal, but also visual means of narrativization of events on the example of photographs and artistic canvases. The author reveals the features of three possible modes of an event depending on its temporal nature: past event, future event, and event-in-making. Criterias for identifying individual events are given.

Keywords: event, narrativity, temporality, pseudo-event, occurrence, happening, history.

Категория события выступает заметным элементом социального теоретизирования, к примеру, в работах, посвящённых историческому процессу, политике или медиа, однако не имеет однозначной позиции в тезаурусе социальных наук. Поскольку анализ событий затрагивает множество вопросов, изучаемых в современных социальных науках, в числе которых можно назвать социальные движения, идеологию, политические процессы, коллективную память, разговоры и т.д., важно определить содержание термина и отграничить его от близких по значению понятий, выделить специфические черты.

Одной из главных проблем является различие события и не-события (non-event). Л.Гриффин выделяет в качестве основания то, что события наделяются определённой значимостью. Событие дифференцируется от происшествия (happening) или случая (occurrence) и «определяется как более осмысленное по сравнению с происшествием и не полагаемым субъективно по сравнению с понятием действия». Для выражения существенных особенностей события, отличающих его от онтологически близких феноменов, Й. Маккензи и Р.Вагнер-Пацифици используют категорию событийности (eventness).

Одним из базовых подходов к пониманию события выступает концепция П.Рикёра, для которого нарратив выступает свойством дискурса, а основную роль в понимании нарратива играет категория темпоральности.

Категория события выступает инструментом анализа политического дискурса и сопряжена с феноменом властной гегемонии. События связываются с невозможностью продолжения привычного социального или политического повествования, а также с появлением возможностей формирования альтернативных дискурсов. А.Бадью определяет событие в качестве того, что создаёт возможности, которые ранее были невидимыми или даже немислимыми. Событие связывается им с последующими действиями коллективных или индивидуальных субъектов, необходимых для реализации открывшейся возможности. Бадью обращает внимание на стратегию политической власти представлять текущую ситуацию в качестве безальтернативной, в то время как политическое событие выступает демонстрацией существования возможной альтернативы. Событие обнаруживает в существующем институциональном дискурсе лакуны, обнажающие потенциал формирования заинтересованными субъектами альтернативных, протестных нарративов.

Нарративы могут создаваться не только словесными средствами, но также осуществляться средствами визуального повествования. Д.Бурсин ввёл термин «псевдособытие», которое противопоставлялось им «аутентичному» событию, имеющему спонтанный характер. Псевдособытия создаются намеренно и расчётливо, имеют чрезмерно драматизированный характер и существуют, в основном, для того, чтобы быть запечатлёнными и транслируемыми медиа. Концепция псевдособытий не только обнажает такие имплицитные характеристики события, как спонтанность или непредсказуемость, но позволяет увидеть нарративные возможности медиаизображений.

Инес и Эяль Вайцманы в книге «До и после» показывают, как реальные события запечатлеваются, согласно неартикулируемой интенции фотографа. Они приводят в качестве примера две фотографии, сделанные Р.Фентоном в период Крымской войны. На одной фотографии изображена дорога на Севастополь, усеянная пушечными ядрами, на другой она свободна. Согласно исследователям, изображение дороги, свободной от снарядов, является первоначальным, а Фентон позже намеренно разбросал снаряды для достижения драматического эффекта.

В попытке создания целостной социальной теории события многие исследователи обращаются к истории как наиболее ранней науке, сосредоточившейся на изучении событий, более того, сосредоточенной на производстве нарративов. Историк Х.Уайт отмечает, что нарратив выступает в качестве определённого формального понимания в «виртуальном хаосе «событий», которые сами по себе не могут быть названы в принципе обладающими конкретной формой, тем более той, что мы ассоциируем с «историями». Он задаётся вопросом, каким именно значением историческое повествование (storying) наделяет события, являющиеся следствием человеческой агентности в прошлом и теперь именуемые «историческими событиями». Поддерживая суждение Л.Минка о том, что «одно и то же множество событий может быть правдоподобно нарративизировано как трагедия или комедия, как мелодрама или фарс», Уайт подчёркивает способность нарратива обладать моральным содержанием. По его мнению, родственность здравому смыслу, изначально несвободному от моральных импликаций, определяет подобное свойство исторического нарратива, выражающего намерения субъектов исторического процесса и непосредственное осуществление этого намерения. Понимание нарратива события как продукта конкретного историко-культурного контекста делает его вариативным и допускает разнообразные интерпретации в разных обществах или в различные временные периоды.

В общем виде модель события, полагаю, можно описать чередой следующих вопросов, вдохновлённых Г.Лассуэллом: Что произошло? Когда? Где? С кем? При каких обстоятельствах? По какой причине? С какими последствиями? Первый вопрос относится к содержательным характеристикам события, последующие два описывают, соответственно, его временное и пространственное измерения. Вопрос об обстоятельствах протекания события позволяет прояснить социальный, исторический, политический или культурный контекст, выявив уникальность, отличие от прочих событий того же рода, и раскрыв непосредственную значимость, подтверждающую событийность ситуации. Перечисленные вопросы относятся к специфицирующим характеристикам события, определяющим его отличия от других феноменов, среди которых – происшествие, случаи и действия. Вопросы о причинах и последствиях, наоборот, демонстрируют включённость события в непрерывный временной поток, его связь с другими событиями, процессами, действиями и т.д. Хотя множество причин и последствий каждого события невозможно исчерпать ввиду естественных границ человеческого наблюдения и познания, природа нарратива делает неизбежным приписывание таковых. Данная описательная модель, например, позволяет дифференцировать два события одного рода: Великую французскую буржуазную революцию и Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Хотя оба события объединены

родовым понятием революции, ряд временных и средовых условий, приписываемые причины и последствия, а через них и признаваемая значимость позволяют однозначно их различать.

В зависимости от темпорального модуса, полагаю, можно различать три типа событий: прошлое событие, будущее событие и событие-в-действии (event-in-making), относимое к настоящему времени. Все три типа событий обладают относительной вариативностью, поскольку как прошлое, так и будущее событие может быть переопределено в нарративе или трансформироваться в коллективной памяти. Однако наибольшей гибкостью обладает событие-в-действии, поскольку его течение может коренным образом перемениться в любое мгновение.

Будущее событие, которое ещё лишь ожидается сообществом, способно оказывать существенное влияние на жизнь и действия его членов. Не столь важно осуществление будущего события, существующего как нарратив о нём. Оно может относиться всё дальше в будущее, рассказчик может усложнять условия его осуществления, трансформировать содержание и т.д.

Непрерывная длительность делает затруднительным определение временных границ события-в-действии. Полагаю, в качестве завершения уместно рассматривать переход в состояние прошлого события, т.е. момент, когда индивидуальный или коллективный субъект мысленно обращается к событию, чтобы рассказать о нём в ретроспективе. Рассказ о событии-в-действии в момент его непосредственного протекания, однако, например, в жанре репортажа.

Событийный нарратив разворачивается по общим правилам развития сюжета. Любое социальное событие вписано в определённые пространственные координаты, включает в себя некоторое число участников, выполняющих конкретные действия и переживающих отдельные состояния. Именно благодаря связи тех или иных мест с определёнными событиями существуют феномен исторических памятников, практика туристических и религиозных паломничеств и т.д. Не только прошлое, но и будущее событие вписывается в некое подходящее место, к примеру, в пространство футуристического города или степь, которой суждено стать полем битвы.

В работе о политическом событии А.Ф. Филиппов акцентирует внимание на значении пространства для теории событий. Размещённый в некотором пространстве определённым образом наблюдатель регистрирует события, границы его наблюдения определяются характеристиками пространства. Участники социальных событий, за которыми осуществляется наблюдение, размещаются и перемещаются в некотором пространстве, обозримом или нет, относительно друг друга и наблюдателя. Сложное единство времени, места и действия, которые субъекты упорядочивают в хаотичном множестве случайных необозримых происшествий, связывая сюжетом и наделяя значимостью, составляет содержание события. Оно может выступать частью персонального опыта или быть разделяемым поколениями, его можно отнести к повседневности или рассматривать в качестве всемирно значимого, трансцендентного. Событие составляет выражение потребности в последовательном описании эпизодов частной и общественной жизни, отвечает экзистенциальной потребности в упорядочивании хаотического множества происшествий, наделянии их смыслом и значением, поскольку нарратив никогда не бессмыслен, но имеет обоснование в себе.

Литература:

1. Борисенкова А. Поль Рикёр и социология события. URL: <http://gefter.ru/archive/10544>
2. Бадью А. Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2013. – 192 с.
3. Бодрийар Ж. Америка. – СПб.: Владимир Даль, 2000. – 203 с.
4. Борисенкова А. Теория повествования Поля Рикера: от нарративной организации опыта к нарративным основаниям научного знания // Социологическое обозрение. Том 6. № 1. 2007. С. 55-63.
5. Вайцман И., Вайцман Э. До и после: архитектура катастрофы и ее документация. – Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка», 2014.
6. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. – М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. – 160 с.
7. Жижек С. Событие. Философское путешествие по концепту. – М.: РИПОЛ классик, 2018. – 240 с.
8. Филиппов А. Ф. Пространство политических событий // Sociologia: наблюдения, опыты, перспективы. Том 2. – СПб.: Владимир Даль, 2015. – С. 63-97.
9. Borisenkova A. "Narrative Refiguration of Social Events: Paul Ricoeur's Contribution to Rethinking the Social." Etudes Ricoeuriennes / Ricoeur Studies, vol. 1, no. 1, 2010, pp. 87-98.
10. Sewell W.H. "Logics of History: Social Theory and Social Transformation". Chicago; London: The University of Chicago Press, 2005, pp. 396.

11. Viens S. "The Hyperreality of Daniel Boorstin". Journal of Media Literacy Education no. 6(2), 2014, pp. 93-95.
12. Wagner-Pacifici R. E. "What is an Event?" Chicago; London: The University of Chicago Press, 2017.
13. White, Hayden. "The Narrativization of Real Events." Critical Inquiry, vol. 7, no. 4, 1981, pp. 793–798. JSTOR, www.jstor.org/stable/1343152.
14. Žižek S. "What is an Authentic Political Event?" URL: <https://www.newstatesman.com/culture/2014/02/slavoj-zizek-what-authentic-political-event>

Цыганков П.А.

МГУ имени М.В. Ломоносова, факультет политологии, профессор. Доктор философских наук

tsygankp@mail.ru

Аннотация: Одним из условий эффективной внешней политики государства является нахождение оптимального баланса национальных интересов и ценностей. От этого зависит достижение внешнеполитических целей, т.е. желаемых результатов, позволяющих обеспечивать суверенитет и безопасность страны, возможности роста благосостояния людей и сохранения национальной идентичности. Значение баланса национальных интересов и ценностей показано на трех примерах. Внешняя политика России претерпела с 1990-х гг. тройную эволюцию – от попыток опереться на западные либеральные стандарты демократии, рыночных отношений и индивидуальных свобод, к деидеологизированному прагматизму национальных интересов, а затем к его дополнению консервативными ценностями. Противоположная тенденция наблюдается в странах ЕС – от абсолютизации европейских ценностей к поиску национальных интересов. Пример современной Украины демонстрирует, что разбалансированность интересов и ценностей, как и пренебрежение объективными основами при их формулировании, имеют разрушительные последствия для внешней политики страны, для государственности в целом.

Ключевые слова: внешнеполитическое поведение, национальные интересы, ценности, взаимное отрицание, баланс

**Dialectics of motives of the state's foreign policy behavior.
Tsygankov P.A.**

Lomonosov Moscow State University

Abstract: One of the conditions for an effective foreign policy of the state is to find the optimal balance of national interests and values. Finding such balance determines achievement of foreign policy goals, i.e. desired results, allowing to ensure the sovereignty and security of the country, the possibility of increasing the well-being of people and preserving national identity. The balance of national interests and values is shown in three examples. Since the 1990s, the foreign policy of Russia has undergone triple evolution - from trying to rely on Western liberal standards of democracy, market relations and individual freedoms, to the non-ideological pragmatism of national interests, and then to complementing it with conservative values. The opposite trend is observed in the EU countries - from the absolute prioritization of European values to the search for national interests. The example of modern Ukraine demonstrates that the imbalance of interests and values, as well as the neglect of objective principles in their formulation, have devastating consequences for the country's foreign policy and for statehood in general.

Key words: foreign policy behavior, national interests, values, mutual negation, balance

Внешнеполитическое поведение – это часть внешней политики государства, осуществляемая за пределами его границ. Центральное место среди мотивов внешнеполитического поведения занимают национальные (государственные) интересы и ценности. Национальные интересы формулируются политическими лидерами, но имеют корни в анархической природе международных отношений, в геополитическом положении государства, связаны с его ресурсами и теми вызовами, с которыми оно имеет дело в области безопасности и развития. Что касается национальных ценностей, то они отражают культурно-исторические традиции страны и бытующие в ней представления, иначе говоря, идеи о надлежащих правилах и принципах внешней политики и ее моральном содержании.

Для внешнеполитического поведения государства характерно существование противоречия между интересами и ценностями. Политика, которая исходит из национальных интересов, предполагает рациональность, контролирование собственных импульсов и страстей, способность принимать в расчет легитимные интересы других. Она учитывает имеющийся потенциал, отвлекается от универсаль-

ных ценностей и предпочитает этику ответственности нормам обыденной морали. Однако, если она опирается на сугубо материальные потребности, уповает только на силу, не уравновешена приемлемыми идеалами и игнорирует международный престиж государства как важный элемент национальных интересов, то она может восприниматься другими (в том числе и обоснованно) как агрессивная. С другой стороны, внешняя политика, которая декларирует приоритет стандартов морально-нравственных принципов и считает «грубым эгоизмом» национальные интересы, включающие законное применение силы для защиты безопасности государства, может вырождаться в морализаторство. В этом случае она теряет способность понимать легитимные интересы других и особенности национальных социокультурных ценностных систем. Эмоциональный фон, создаваемый вокруг такой политики, может служить государству оправданием для вооруженных операций против действительных или мнимых виновников нарушения идеалов внешнеполитического поведения.

В западных традициях внешнеполитического мышления противоречие интересов и ценностей получило отражение в различных версиях конкурирующих школ. Так, например, представители *классического реализма* и *экономического неолиберализма* отдают приоритет интересам перед ценностями. Национальные интересы, с их точки зрения, представляют собой преимущественно материальные сущности, объективные потребности государства, рационально осмысляемые и формулируемые лидерами. Разница в том, что если для реалистов основу национальных интересов составляет военно-силовой потенциал, обеспечивающий физическую безопасность государства, то неолибералы понимают их как экономический расчет, позволяющий предусматривать результаты внешнеполитического поведения в терминах предполагаемых материальных выгод или потерь. С другой стороны, представители *канонического либерализма* настаивают на том, что понятие «национальный интерес» правомерно использовать только при условии, если его содержание составляют моральные нормы и глобальные проблемы, например, права человека. *Конструктивисты*, в свою очередь, не отрицая значимости национальных интересов в поведении государств в глобальной системе, считают их вторичными по отношению к нормам и ценностям международной жизни.

Неоднозначно трактуется соотношение интересов и ценностей и в отечественной внешнеполитической мысли. Так, например, *державники* подчеркивают, что во внешней политике «нет места предпочтению и произволу; она является делом бесстрастного расчета, ограничивается здравым смыслом и историей» [1, с.IV]. Напротив, отечественные *западники* считают, что российская внешняя политика должна исходить из географической и культурно-исторической близости и, соответственно, общности ценностей и идеалов России и Европы. Что касается «расчета», то он рассматривается с позиций, близких западному экономическому неолиберализму. *Цивилизационисты* также настаивают на значимости ценностей, однако, для них главным из идеалов, определяющих в том числе и внешнеполитическое поведение государства, выступает самобытность, в основе которой лежит российская геополитическая и культурная самодостаточность.

Разумеется, указанные западные и отечественные течения далеко неоднородны, они содержат нюансы, которые имеют значение. Однако в контексте рассматриваемой проблемы важно отметить другое.

Во-первых, существование «взаимного отрицания» между интересами и ценностями не исключает, а предполагает их взаимодополняемость. Национальные интересы не могут не опираться на ценности, точно так же, как национальные ценности невозможно понять вне интересов. Как писал Макс Вебер: «Интересы (материальные и духовные), а не идеи непосредственно господствуют над деятельностью людей; но и “картины мира”, создаваемые “идеями”, очень часто служили вехами, указывающими путь, по которому следовала динамика интересов» [2, с.55]. Не случайно и реалисты, говоря о безопасности как одном из ключевых элементов национального интереса, подчеркивают ее связь с угрозами центральным ценностям и со страхом, что эти ценности могут стать объектом нападения [цит. по: 3, р.461-462].

Во-вторых, как содержание, так и приоритетность обоих мотивов внешнеполитического поведения государства меняются, вернее, носят конкретный характер, определяемый внутренними обстоятельствами и международной средой. В данном отношении международная практика последних лет обнаруживает разнонаправленные сдвиги в соотношении интересов и ценностей во внешней политике государств.

Так, например, внешняя политика постсоветской России претерпела тройную эволюцию – от попыток опереться на западные либеральные стандарты демократии, рыночных отношений и инди-

видуальных свобод в 1990-е гг., к свободному от идеологии прагматизму национальных интересов в 2000-е гг. и к его дополнению консервативными ценностями после 2013 года. Это объясняется тем, что политика «присоединения к цивилизованным странам» и иллюзий об отсутствии внешних угроз, которой придерживалось правительство Ельцина в начале 1990-х гг., тяжело отразилась на экономике, социальной и политической ситуации внутри страны, на ее безопасности, престиже и положении в мире. Приближение к границам России военного блока НАТО, не принимающее в расчет ее интересы, не менее стремительная экспансия ЕС, поглощающая пространство российского влияния, наконец, прямая военная агрессия НАТО против Югославии в 1999 году заставили правительство Путина пересмотреть приоритеты, сместив их в сторону восполнения «жесткой силы» и максимальной опоры на собственные ресурсы в экономическом развитии. Последующие события, в частности грузино-российский вооруженный конфликт 2008 года, подтвердили эффективность выбранного курса. В свою очередь, растущее экономическое давление, «мягкосиловое» вмешательство во внутреннюю жизнь России, попытки дискредитации ее истории, культуры и политики на международной арене, давление т.н. «европейских ценностей» привели к необходимости усилить внимание к национальным идеалам справедливости, долга, семьи, отечества, суверенитета – иначе говоря, к традиционным и в этом смысле «консервативным» ценностям.

В странах Евросоюза наблюдается, условно говоря, движение в противоположном направлении – от абсолютизации единых европейских ценностей к национальным интересам. Причинами стали события, обнажившие «темные стороны» глобализации и бессилие перед ними европейской бюрократии – мировой финансовый кризис 2008-2009 гг., миграционный кризис 2015 г., распространение «джихадизма» на Европу, наконец, начавшееся с 2016 года президентство Д. Трампа, провозгласившего первостепенность «величия Америки» перед ее союзническими обязательствами. Как подчеркивает директор Французского института международных отношений Т. Гомар, если для Н. Саркози, а затем и для Ф. Олланда был характерен упор на ценностный дискурс во внешней политике, то Э. Макрон, не пренебрегая ценностями, исходит из приоритетности национальных интересов [4].

Таким образом, в обоих случаях происходит поиск оптимального соотношения между интересами и ценностями. Как свидетельствует практика международной жизни, постоянное внимание к их балансу представляет собой одно из важнейших условий эффективной внешней политики. Ведь, в конечном счете, речь идет не только о мотивах внешнеполитического поведения государства, но и о его целях, т.е. желаемых результатах, позволяющих обеспечивать суверенитет и безопасность страны, возможности роста благосостояния людей и сохранение идентичности народа при оптимальных ресурсных издержках и наращивании потенциала дальнейшего развития.

Опыт современной Украины показывает, что полная разбалансированность основных мотивов внешнеполитического поведения может вести к тяжелым последствиям не только для внешней политики, но и для государственности в целом. Причинами такой разбалансированности стали игнорирование «постмайданным» руководством объективных оснований при формулировании национальных интересов страны и стремление сконструировать ценности на отрицании собственного культурно-исторического прошлого и на ненависти к другим. Дезориентация общества и политических элит, потеря территорий и утрата субъектности государства – только несколько из наиболее общих последствий такой политики, анализ которой заслуживает, конечно, отдельного внимания.

Литература:

1. Татищев С.С. Дипломатические беседы о внешней политике России: Год первый. 1889. Русская точка зрения на иностранную политику. – Изд 2-е. – М.: ЛЕНАНД, 2016. 181 с.
2. Вебер М. Избранное. Образ общества.: Пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. 704 с.
3. Dario Battistella. Théories des relations internationales. 2e édition revue et augmentée. – Paris. Presses de Science Po. 2006. 588 p.
4. Gomart T. La politique étrangère d'Emmanuel Macron : retour au réalisme ? URL : <https://www.revuedesdeuxmondes.fr/politique-etrangere-demmanuel-macron-retour-realisme/>

Об опыте латиноамериканских моделей развития через призму марксистского анализа

Арабаджян А.З.

ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Центр проблем развития и модернизации, младший научный сотрудник

aleche28@gmail.com

Аннотация: В докладе поднимается вопрос важности применения марксистского анализа для исследования современных общественно-экономических систем разных государств Латинской Америки. Подчеркивается необходимость изучения наработок самих латиноамериканских марксистов, в т.ч. представителей теории зависимого развития, а также теоретиков «социализма XXI века». С применением категории «суперэксплуатации» (Р.М. Марини) выдвигается гипотеза о том, что актуальная ситуация в Латинской Америке, связанная со способом производства в этих странах, позволяет назвать государства региона слабыми звеньями цепи в современной капиталистической системе. На примере Венесуэлы объясняется провал практической реализации теории «социализма XXI века». Отдельное внимание уделяется кубинской социалистической модели, которую автор относит к раннесоциалистической революции (В.А. Вазюлин) и считает, что ее опыт может быть применен другими государствами региона.

Ключевые слова: Латинская Америка, Куба, Венесуэла, суперэксплуатация, теория зависимого развития, социализм XXI века

**About the experience of Latin-American development models through Marxist analysis prism.
*Arabadzhyan A.Z.***

Primakov IMEMO RAS: Center for Development and Modernization Studies

Abstract: The report tackles the issue of applying Marxist analysis so as to investigate contemporary social and economic systems of various Latin-American countries. It draws attention to the importance of studying papers and theories of the Latin-American scientists that tried to develop Marxist theory, such as the representatives of the dependency theory and the partisans of the 21st Century Socialism. Using the category of super-exploitation (R.M. Marini) the author makes a hypothesis that the current situation in the region connected to the mode of production provides evidence to affirm that these countries are the weakest links of the chain in the contemporary capitalist system. The example of Venezuela explains the failure of the attempt to implement some ideas of the 21st Century Socialism. Further, the author embraces the significance of the experience of the Cuban socialist model, described as an early socialist revolution (V.A. Vaziulin), and its relevance for other states in the region.

Key words: Latin America, Cuba, Venezuela, Super-exploitation, Dependency Theory, XXI Century Socialism.

Анализ капиталистической системы, проведенный К.Марксом в ключевом исследовании «Капитал», стал возможен во многом благодаря тому, что объект исследования – капитализм – предстал перед немецким ученым в развитой форме. Это позволило применить метод восхождения от абстрактного к конкретному и выявить наиболее важные сущностные противоречия, обеспечивающие движение изучаемого объекта.

Действительно, те характеристики капиталистической системы, которые мы видим в Капитале, удивительно точно отражают ситуацию современной Марксу Великобритании – той самой мастерской мира, локомотива капитализма в XIX в., первой страны промышленной революции, где были обеспечены свобода контракта и гарантированы права собственности на средства производства.

Однако фокус Маркса оставался прикован, в первую очередь, к капиталистической системе в рамках национального государства. Сам Маркс отмечал, что «предметом моего исследования

в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена. Классической страной капитализма является до сих пор Англия. В этом причина, почему она служит главной иллюстрацией для моих теоретических выводов». [1, с. 4].

При этом подчеркнем, что отнюдь не отрицаем пионерского вклада Маркса в развитие проблематики колониализма, с которым можно познакомиться в 24 и 25 главах «Капитала», в ряде других статей [2; 3].

В дальнейшем Роза Люксембург [4], Владимир Ленин [5] и ряд других продолжателей дела Маркса применили его метод для анализа капиталистической системы, рассматривая ее уже на новом этапе – на этапе империализма, который невозможно изучить, отталкиваясь от одного государства.

Применение результатов исследования империализма оказалось крайне значимым для анализа специфики капиталистического развития в странах т.н. Третьего мира. На наш взгляд, в этом смысле латиноамериканский регион представляет особый интерес, поскольку абсолютное большинство стран получили политическую независимость еще в первой четверти XIX в. Формально независимые, государства региона, тем не менее, развивались под влиянием тех ключевых факторов, которые были заложены в их способ производства еще в колониальный период, а также в постоянной зависимости от более развитых экономик Европы (в первую очередь – Великобритании), а позднее и США.

Такая ситуация, с одной стороны, значительно затрудняла задачу ученых, пытавшихся проводить исследования в рамках марксистской парадигмы, поскольку колониальный характер, а затем – наследие этого исторического этапа развития и периферийность положения никогда не могли полностью быть объяснены через классический марксистский категориальный аппарат. Более того, вплоть до сегодняшнего дня идут споры историков и политэкономов касательно характера способа производства тех или иных латиноамериканских обществ как до революций, приведших к независимости, так и после них. С другой стороны, латиноамериканские страны в качестве сложных объектов исследования стали полем творческого развития марксистско-ленинского учения.

Представляется, что анализ хозяйственной динамики этих стран является важным вкладом в развитие марксизма, что пытался сделать один из первых крупнейших латиноамериканских марксистов, перуанец Хосе Карлос Мариатеги [6]. А в некоторых случаях, вероятно, это развитие марксизма даже оказывалось смелой попыткой его снятия – в случае представителей теории зависимого развития. Их стали называть депендентистами (от исп. Dependencia – зависимость). Речь идет о школе, которая сформировалась к концу 1960-х в Чили, куда бежал ряд теоретиков Бразилии, где в 1964 г. случился военный переворот и начался период диктатуры. Эти исследователи (Теотонио Дос Сантос и его супруга Ваниа Бамбирра, Руй Мауро Марини) работали при Университете Чили в Центре социально-экономических исследований, где плодотворно сотрудничали с учеными из других стран региона. [7, с. 29–43].

Я думаю, что некоторое обобщенное и отнюдь не полное введение в тему латиноамериканского марксизма заслуживает внимания по следующим причинам. Во-первых, «забыть», в которое марксизм погрузился после распада социалистического лагеря и СССР, наиболее быстро было преодолено именно в Латинской Америке. Сейчас как академическая среда, так и гражданское общество в регионе являются, пожалуй, одними из наиболее левых в мире. Удивительно, но латиноамериканцы прекрасно знают и изучают не только Маркса, Энгельса и Ленина и своих марксистских исследователей, они интересуются также более поздними советскими работами как в области политэкономии, так и в психологии, педагогике и т.д. Был бы в России такой интерес к собственному научному прошлому. Во-вторых, латиноамериканский марксизм во многом сфокусирован на деформациях капитализма в странах, существующих в условиях неоколониализма. На мой взгляд, именно такие хозяйства сегодня можно рассматривать в качестве слабого звена капитализма, учитывая их способ производства. В таких хозяйствах производительные силы во многом развиваются за счет перенесения туда производства стран центра и не являются абсолютно отсталыми, напротив, ряд технологий инновационен. Производственные отношения, тем не менее, продолжают носить отпечаток суперэксплуатации, категории, которую в свое время предложил Руй Мауро Марини [8]. Суперэксплуатация предполагает, что в случае зависимого развития хозяйства внутренний рынок практически не влияет на производство в стране, которое уже встроено в экономики более развитых стран и работает на них. В такой ситуации владелец средств производства может платить наемным рабочим зарплату ниже стоимости рабочей силы.

Как следствие, разрыв между производительными силами и производственными отношениями увеличивается, социальное и экономическое неравенство в латиноамериканском регионе является наиболее высоким в мире. Собственность на средства производства либо концентрируется в руках верхушки социальной иерархии, нередко связанной с иностранным капиталом, либо контролируется последним напрямую. В странах т.н. «левого поворота», взявших за основу идеи «социализма XXI века» [9, 10], где, как многим казалось, к власти пришли прогрессивные социалистически ориентированные силы в действительности ситуация обстоит не многим лучше. Да, эти правительства сделали акцент на социальных программах и перераспределении средств в пользу бедных, за счет чего им удалось повысить уровень жизни и начать решать проблему нищеты. Однако они не трансформировали систему коренным образом, право частной собственности на средства производства осталось неизменным с тем лишь изменением, что левые правительства стимулировали национального производителя в противовес некоторым владельцам иностранного капитала. В конечном итоге такая политика затрещала по швам в тот момент, когда мировые цены на экспортируемые товары стали падать.

Наиболее ярким примером здесь является Венесуэла, сумевшая при Уго Чавесе за счет притока нефтедолларов осуществить значительные инвестиции в социальные программы и тем самым вытаскать из состояния крайней бедности огромное количество венесуэльцев. Тем не менее, после падения цен на нефть и в условиях американских санкций эта ставка провалилась. Более того, вместо диверсификации производства ради повышения уровня самообеспечения, Венесуэла с течением времени стала закупать за рубежом, среди прочего, и те товары, которые ранее производила: от промышленных товаров и металла до сельскохозяйственной продукции. Многие предприятия либо сократили масштабы производства, либо закрылись. Почему? Потому что логика капитала как самовозрастающей стоимости такова: инвестировать туда, где ожидаемая прибыль окажется наиболее высокой. Нет смысла поддерживать завод по производству машинного масла, возиться с устаревающим оборудованием, разбираться с местным профсоюзом, если это масло дешевле купить у зарубежного поставщика. Вот только для таких закупок нужна валюта, которая есть до тех пор, пока бесперебойно возрастает экспорт нефти по высоким ценам. А также для этих закупок нужен поставщик, не боящийся американских санкций.

В этой связи опыт латиноамериканских стран, осуществленные ими попытки применения новых теорий, которые пытаются развивать марксизм или отталкиваются от него, должны быть проанализированы с применением марксистского анализа. В этих случаях важно суметь критически рассмотреть, почему теория «социализма XXI века» не привела к успеху, в чем ошибочность предлагаемых в ее рамках методов политической экономии.

Однако анализа заслуживает не только опыт стран «левого дрейфа», важно исследовать другие существующие модели – те же неолиберальные попытки развития. Но более интересно для марксистской политэкономии, на наш взгляд, углубиться в опыт кубинского социализма. Здесь специфика особая, поскольку Куба вскоре после торжества революции 1959 г., официально – в апреле 1961, провозгласила социалистический путь развития. И не только провозгласила, но и пошла по нему. Национализация коснулась не только ключевых стратегических отраслей производства, но в 1960-е затронула даже мелкие предприятия. Фактически, права собственности на средства производства стали общественными, за исключением собственности крестьян на ограниченные по площади участки земли. Как таковой рынок не существовал, цены на товары потребления регулировались государством. По этим и ряду других критериев кубинскую модель 1960-1980-х гг. вполне можно назвать социалистической [11].

Шагая по этой каменистой тропе, кубинцы сумели достичь многого: начиная от искоренения неграмотности, заканчивая удивительным скачком в развитии наукоемких отраслей, например, биофармацевтики. Безусловно, успех Кубы во многом обеспечивался за счет помощи СССР. Но и после его краха остров свободы так или иначе пытается удержаться на избранном пути, и, хотя и внедряет рыночные элементы, пока делает это скорее вынужденно, подчиняясь внешним условиям.

Какая бы судьба ни ждала кубинскую социалистическую революцию, я считаю, что ее опыт необходимо досконально изучить на всех этапах, в т.ч. и на современном. Вероятно, кубинская революция может быть отнесена к раннесоциалистическим. Как отмечал В.А. Вазюлин, такая социалистическая модель «возникает и развивается на не вполне адекватной для социализма материально-технической базе» [12, с. 29] и вынуждена существовать во враждебном капиталистическом окружении. В ней преобладает формальное, но не реальное обобществление. Эти черты как раз присущи современной Кубе, где собственность на средства производства пока что преимущественно является общественной. По этой причине строгое применение марксистского анализа или методов, предложенных теоретиками

зависимого развития, к изучению этого примера, в отличие от других стран региона, крайне затруднено. Здесь задача исследователя усложняется, поскольку нужно думать об ином категориальном аппарате, применимом к раннесоциалистическому обществу.

Выявление ключевых элементов кубинской социалистической модели может быть полезно и в дальнейшем для других стран региона, которые сегодня все больше убеждаются в исчерпанности моделей развития в рамках капиталистического способа производства.

Литература:

1. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. 793 с.
 2. Маркс К. Британское владычество в Индии // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в трех томах. Т.1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1979. С. 517–523.
 3. Маркс К. Будущие результаты британского владычества в Индии // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в трех томах. Т.1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1979. С. 524–530.
 4. Люксембург Р. Накопление капитала. Т. 1–2. М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. 463 с.
 5. Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // Сочинения. Т. 22. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 173–290.
 6. Мариатеги Х.К. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М.: Издательство иностранной литературы, 1963. 423 с.
 7. Давыдов В.М. Латиноамериканская периферия мирового капитализма. – М.: Наука, 1991. 240 с.
 8. Marini, R.M. La acumulación capitalista dependiente y la superexplotación del trabajo. [Электронный ресурс]. URL: http://www.marini-escritos.unam.mx/043_acumulacion_superexplotacion.html (дата доступа 19.01.2020)
 9. Dieterich H. El Socialismo del Siglo XXI. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rebellion.org/docs/121968.pdf> (дата доступа 09.02.2020)
 10. Casanova A. Una aproximación teórica del “Socialismo del siglo XXI” // Iberoamérica. 2019. №4. P. 165–183.
 11. Бородаев В.А. История формирования и развития новой политической системы на Кубе (1953-2008 гг.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук (07.00.03). М., 2009. 596 с.
 12. Вазюлин В.А. Об альтернативности истории // Марксизм и современность. 2004. №1. С. 27–30.
- Философско-методологические подходы к исследованию межстрановых различий в формах организации капиталистических общественно-экономических систем

Философско-методологические подходы к исследованию межстрановых различий в формах организации капиталистических общественно-экономических систем

Благих И.А.

Санкт-Петербургский государственный университет, профессор кафедры истории экономики и экономической мысли, доктор экономических наук, профессор

ivan-blagikh@yandex.ru

Аннотация: Рассматриваются философско-методологические подходы к исследованию межстрановых различий в формах организации капиталистических общественно-экономических систем. Обращается внимание на то, что вплоть до конца XX века данный анализ осуществлялся преимущественно на исходной модели капитализма западноевропейских стран. Отвечая на запросы современной компаративистики необходимо разработать методологию анализа капитализма в государствах с формирующимися рынками. На основе проведенного исследования автор предлагает четыре подхода к объяснению механизмов формирования «нового капитализма» в экономиках бывших соцстран, азиатских, африканских и других традиционно-некапиталистических обществ. Согласно одному из них, в странах «нового капитализма» происходит процесс специфической «гибридизации» локальных и западных институтов, сопровождающийся обратным «переносом» норм и практик на зарубежные рынки (феномен институционального взаимобмена). По мнению автора именно такие формирующиеся «гибридные» модели могут стать основным направлением нового этапа конвергенции общественно-экономических систем и господствующим типом капитализма современности.

Ключевые слова: экономическая история России, социализация политической экономии, модернизация экономики, методология экономической науки.

Philosophical and methodological approaches to the study of cross-country differences in the forms of organization of capitalist socio-economic systems.

Blagikh I. A.

St. Petersburg state University, Department of history of Economics and economic thought

Abstract: The article considers the origins of economic and theoretical approaches to the possibility of transformation of economic structures in the conditions of modernization of the Russian economy. The material of economic reforms of the second half of the XIX century is mainly analyzed, but the authors ask the question: what worldview approaches did the reformers rely on when trying to transfer the Russian economy to the “European rails”? This issue is still relevant in modern conditions. Do borrowed ideas and transplanted institutions justify themselves only in conditions of improving the standard of living of the majority of the country’s population, or, as S. Yu. Witte said, should we make certain “sacrifices” for the sake of the survival of transplanted institutions and count on their effectiveness in the future? The authors try to find the answer to this question not only in the empirical component of Russian history, which is generally known and understandable, but also in the “caches” of Russian economic thought, the evolution of which has yet to be understood and explained. In this regard, the article contains a number of controversial provisions, but the authors do not entertain the illusion that they know the absolute truth. The process of knowledge development consists in the joint search for correct judgments.

Keywords: economic history of Russia, socialization of political economy, economic modernization, methodology of economic science.

Исследования в области эволюции экономических доктрин являются важнейшим направлением экономической науки. Они относятся к фундаментальному, метатеоретическому уровню экономического знания. В них синтезируются и методология, и история экономической науки, на которых, в свою очередь, базируются принципы, выводы и доказательства многих экономических положений, теорем и теорий. Учение об основных методах экономической науки и сама совокупность методов, т. е. методов,

имеющихся в распоряжении экономистов-исследователей, играет важное значение в развитии экономической теории и имеет свою историю(2, с.121).

В период своего становления экономическая теория развивалась под влиянием двух основных научных направлений, унаследованных от древних греков и римлян – греческой философии и римского права. Далее в трудах средневековых схоластов была развита определенная совокупность устойчивых правил, предназначенная для достижения какой-либо цели. Из римского права средневековые цивилисты и схоласты привнесли в экономическую науку идеи практицизма и действия, которые отсутствовали в греческой философии созерцания и абстрактного мышления. Становление западноевропейской науки вообще и экономической в частности происходило в борьбе с религией, католической церковью и каноническим правом. Идея естественного, природного права не только подорвала догматы о сотворении «всего сущего», но и дала сильнейший импульс представлениям о человеческих возможностях изменить это «сущее» при помощи специального знания(12,с.109).

Значительный вклад в синтез рационалистической и эмпирической методологии внесла немецкая классическая философия в лице И.Канта и Г.В.Ф. Гегеля. Как отмечал впоследствии Гегель, Кант первым предпринял плодотворную попытку синтезировать эмпирическое направление Локка — Юма и рационалистическое направление Декарта — Лейбница, но, при этом, саркастически замечает Гегель, Кант все же не связал концов с концами. «И в самом деле, само научное познание должно быть единством и истиной этих двух моментов, но у Канта и мыслящий рассудок [разум] и чувственность [эмпирика, опыт] остаются обособленными, соединенными лишь внешним, поверхностным образом, подобно тому, как связывают, например, деревяшку [протез] и ногу веревкой» (8, с.68). При таком «синтезе» нога остается ногой, а деревяшка – деревяшкой, сращивания не происходит.

Гегель привнес в философию и, соответственно, в научную методологию, понятие историзма. Благодаря историческому подходу, при котором процесс эволюции разума дополняется эволюцией материальных условий его существования, и не только существования, но и развития, диалектика, как учение о развитии, дополнилась историческим материализмом. В философии права, где более явно прослеживается неразрывность мышления и бытия, Гегель более удачно, чем Кант синтезировал эмпиризм и рационализм, однако не смог избежать обвинения в идеализме, поскольку провозглашенный им принцип субстанциальности мышления, может служить безусловным основанием для зачисления Гегеля в лагерь философов – рационалистов.

Рационалистическая и дедуктивная в своем содержании философско–методологическая концепция исторического процесса, разработанная Гегелем, легла в основу критического анализа, положенным в основу методологии немецкой исторической школой.

С самого возникновения классической политической экономии считалось, что она пользуется номографическими (всеобщими) исследовательскими методами. Немецкая историческая школа в политической экономии, опираясь на философские, методологические и исторические работы Виндельбанда и Риккертта, поставила этот тезис под сомнение, доказав, что английская политическая экономия использовала на самом деле идеографические (индивидуальные) построения, получившие статус всеобщих не благодаря эмпирическим совпадениям, а вследствие многовековой экономической и идеологической экспансии Англии на континенте(7,с.232).

Применяя исторический подход Гегеля к критике «смитианства», немецкие историки-экономисты радикальным образом пересмотрели индивидуалистическую парадигму английской политической экономии. Творцом истории немецкие экономисты считали не индивидов, не отдельные личности, а народ, причем под народом понималась не хаотическая совокупность индивидов, совершающих различного рода и выгодные лишь для себя сделки, а «национально и исторически определенное, объединенное государством единое целое». Личность, индивид – не является «гомункулусом», выращенным в пробирке, она - продукт той или иной цивилизации и исторически определенного этапа развития нации. Континентальная политэкономия (прежде всего, немецкая и французская), стала развиваться по второму пути. Под «общей» или «чистой» ее частью в большинстве европейских университетах понималось изложение «начал» политической экономии, построенное по дедуктивному методу, как ряд положений, составляющих непреложные выводы экономической науки. «Особенная» или «прикладная» часть политической экономии, напротив, строилась на основе индуктивных умозаключений, выводимых на основе объяснения новых явлений, возникающих в результате волевых изменений в народном хозяйстве. Синтез объективных экономических закономерностей и субъективных действий,

вызывающих «пертурбации естественного порядка» и приводящих к трансформации теоретически выявленных и сформулированных в началах политической экономии «чистых» экономических законов, предполагалось разрешить на путях методологии позитивизма.

Перед отечественной экономической наукой всегда стояла задача «найти законы хозяйственных явлений, слагающихся под влиянием разнообразных и изменчивых условий». При этом сторонники либеральных и социалистических взглядов, противопоставляя естественный порядок вещей – существующему, видели в естественном порядке не тот, который установился самим ходом истории, а идеальный порядок, который следовало бы установить в будущем. Либеральная школа основывала идеальный социально-экономический порядок будущего на неограниченной свободе частного интереса. Социальные школы, полагая, что свобода частных интересов ведет к угнетению слабого сильным, искали социально-экономический идеал в новой организации труда и, соответственно, в формировании на ее основе новых общественных отношений.

Характерно, и в этом мы видим одну из знаменательных особенностей отечественной академической и проправительственной экономической мысли, что принятое в середине XIX столетия в европейских университетах (прежде всего – Германии и Франции) деление политической экономии на «общую» и «особенную», «чистую» и «прикладную», в России не абсолютизировалось. Другими словами, не существовало строгого деления экономических законов на объективные и субъективные. Так, Н.Х. Бунге, А.И. Чупров, Д.И. Пихно и другие, в своих лекциях подчеркивали, что «на деле общая часть политической экономии или науки о народном хозяйстве содержит в себя положения, относящиеся к разряду гипотез, а не к непреложным научным выводам. Иногда так называемые экономические законы содержат в себе лишь научные вопросы, требующие разрешения путем переработки значительного количества данных, полученных из наблюдения однородных явлений в различных отраслях хозяйственной деятельности»(16,с.245).

Разделение политической экономии на «общую» и «особенную» произошло, полагали они, из-за недостаточной разработки предмета этой науки. «Деление исчезнет само собою, когда общие положения получат значение доказанных и точно сформулированных истин, выведенных из ряда правильных и систематизированных наблюдений, т.е. когда наука будет обработана по положительному методу, что конечно составляет еще задачу будущего»...

Литература

1. Булах Е.А., Благих И.А., Гаркавенко И.С. О взаимосвязи экономического анализа с историей и эволюцией./Проблемы современной экономики.- 2014. - № 2 (50). - С. 356-359.
2. Благих И.А. Теоретико-методологические подходы к обоснованию экономической политики современной России./ Вопросы политической экономии. - 2016. -№ 2. -С. 67-75.
3. Булгаков С.Н. Философия хозяйства.- Москва: Экономика, 1999.-305 с.
4. Бунге Н.Х. Истоки. Киев: Экономика,2010. - 462с.
5. Гегель Г. В. Ф. Сочинения в 20- и тт., т.6. -Москва: Госполитиздат, 1985. - 360 с.
6. Greskovits B. Leading sectors and the variety of capitalism in Eastern Europe. In: State and society in post-socialist economies. London: Palgrave Macmillan. 2008. P. 19-46.
7. Кошелев А.И. Сочинения.В 2-х тт.,т.2. -Москва: Изд-во МГУ, 1985,-285с.
8. Polanyi K. The Great Transformation. New York: Farrar & Rinehart, 1944 - 296 p.
9. Реуэль А. Русская экономическая мысль 60х-70х годов XIX века и марксизм. - Москва: Госполитиздат, 1956.- 326с.
10. Самарин Ю.Ф. Сочинения в 2-х тт., т.2. Москва: Изд-во МГУ, 1995.- 160 с..
11. Сон Л.Б., Благих И.А., К вопросу о взаимосвязи сберегательного и страхового дела в дореволюционной России / Проблемы современной экономики. - 2010. -№ 1 (33). -С. 431-435
12. Михайловский Н.М. Сочинения в 10-и тт., т.5. Санкт-Петербург: Колос,1910. -376с.

Концепция устойчивого развития в контексте трансформаций экономической теории

Бобылев С.Н.

МГУ им. М.В.Ломоносова, Экономический факультет, зав. кафедрой. Доктор экономических наук

snbobylev@yandex.ru

Аннотация: Недостаточное внимание экономической науки к экологическим проблемам способствовало развитию многих кризисных явлений в мире. Развитие цивилизации происходило в условиях «пустого мира» с обилием пространств и ресурсов, но за последние пятьдесят лет гигантский экономический рост привел к «полному миру», лишенному новых резервов и нарушающему экологические лимиты. Продолжение траектории «пустого мира» приведет человечество к глобальному кризису. Для формирования новой экономической реальности нужна новая философия развития, в основе которой должно лежать сбалансированное развитие экономических, социальных и экологических процессов. С такой философией связана концепция устойчивого развития (sustainable development). В основе перехода к такому развитию должна лежать адекватная экономическая модель; в качестве такой модели предлагается зеленая экономика. Экологическая трансформация экономики и переход на траекторию устойчивого развития является широкой экономической концепцией, включающей большое количество разнообразных экономических, экологических, социальных и институциональных факторов, она тесно связана с многими естественными и гуманитарными науками.

Ключевые слова: устойчивое развитие, зеленая экономика, экологический кризис.

Concept of sustainable development in the context of economic theory transformations. Bobylev S.N.

Moscow Lomonosov State University, Faculty of Economics

Abstract: The insufficient attention of economics to environmental problems has contributed to the development of many crisis phenomena in the world. Civilization developed in an “empty world” with an abundance of spaces and resources, but over the past fifty years, gigantic economic growth has led to a “full world”, devoid of new reserves and violating environmental limits. Continuing the trajectory of the “empty world” will lead humanity to a global crisis. To form a new economic reality, a new development philosophy is needed, which should be based on the balanced development of economic, social and environmental processes. Such a philosophy is associated with the concept of sustainable development. The transition to such a development should be based on an adequate economic model; a green economy is proposed as such a model. The ecological transformation of the economy and the transition to the trajectory of sustainable development is a broad economic concept, which includes a large number of various economic, environmental, social and institutional factors, it is closely connected with many natural and human sciences.

Key words: sustainable development, green economy, environmental crisis.

Современные экологические деформации в определенной степени порождены недостаточным вниманием к ним экономической мысли. Ни классики экономической науки А.Смит и Д. Рикардо, ни последующие экономические школы и ученые не придавали должного значения экологическим ограничениям в экономическом развитии. Для такой ситуации были объективные причины, которые можно описать в терминах, предложенных американским экономистом и экологом Германом Дейли (Herman Daly). Развитие цивилизации происходило в условиях «пустого мира» (empty world) с обилием пространств и ресурсов. Соответственно экономические приоритеты, идеология, институты, стандарты потребления и т.д. также во многом определялись такой ситуацией. И лишь в 1970-е гг. XX в. резко обострившиеся экологические проблемы поставили перед экономической наукой задачу осмысления сложившихся тенденций эколого-экономического развития и разработки принципиально

новых концепций. Гигантский экономический рост привел к «полному» миру (full world), лишенному новых резервов и нарушающему экологические лимиты. Такого осознания сейчас нет. Продолжение траектории «пустого мира» приведет человечество к глобальному кризису.

Экологическая проблема поставила человечество перед выбором дальнейшего пути развития: быть ли ему по-прежнему ориентированным на безграничный рост производства и потребления, или этот рост должен быть согласован с реальными возможностями природной среды и разумными человеческими потребностями, соразмерен не только с ближайшими, но и с отдаленными целями развития.

Одним из первых осознал эту новую реальность наш великий соотечественник В.И. Вернадский. Он подчеркивал, что человечество становится мощной геологической силой, способной производить глобальные изменения на Земле. В связи с этим биосфера, как область активной жизни, превращается в ноосферу, сферу разума. В.И. Вернадский писал о последней, что это «такого рода состояние биосферы, в котором должны проявиться разум и направляемая им работа человека, как новая небывалая на планете геологическая сила». Понятие «ноосфера» является центральным междисциплинарным понятием и играет важную роль в построении целостного комплекса знаний о системе «общество-природа-экономика» во взаимосвязанности всех ее частей. Теория ноосферы способствует объединению человечества, сочетает интересы стран и народов; природы, общества и экономики; научного знания и государственной политики. Из теории ноосферы Вернадского вытекает важный принцип совместной коэволюции общества и природы, необходимости гармоничного совместного развития человечества и биосферы. Этот принцип обосновывал академик Н.Н.Моисеев.

К сожалению, до идеалов В.И. Вернадского еще далеко и назвать современную биосферу с ее критическим состоянием сферой разума сложно. Экономическое развитие человечества в XX в. и XXI в. игнорировало законы биосферы. И лишь в самые последние десятилетия пришло осознание, что без адаптации экономического развития к природным закономерностям, подчинения экологическому императиву (перехода к экологически устойчивому типу производства и потребления) человечество ожидает катастрофа.

Для формирования новой экономической реальности нужна новая философия развития, в основе которой должно лежать сбалансированное развитие экономических, социальных и экологических процессов. С такой философией связана концепция устойчивого развития (sustainable development). Достаточно сложно определить временную точку возникновения экономической теории, связанной с устойчивым развитием. Некоторые авторы в качестве такой точки отсчета выделяют 1987 г., когда вышел Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) (комиссия Г.Х.Брундтланд), созданной по инициативе ООН. Само название этой комиссии говорит о том, что исходным пунктом возникновения концепции устойчивого развития были экологические аргументы. Положения Доклада МКОСР вошли в фундаментальный документ ООН «Повестка дня на 21 век», касающийся будущего всего человечества и принятый на первой глобальной конференции ООН по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро всеми странами мира (1992). Классическое определение устойчивого развития содержит достаточно философский посыл о необходимости развития, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности.

За последние четверть века изданы тысячи монографий, появились сотни определений устойчивого развития, как в научных трудах, так и в глобальных, национальных, региональных и локальных стратегиях и программах. Устойчивое развитие в настоящее время является консенсусной парадигмой развития человечества в 21 веке, что отражено в концептуальных документах ООН, поддержанных всеми странами-членами этой организации. В основе перехода к устойчивому развитию должна лежать «правильная» экономика, без формирования адекватной экономической модели путь к устойчивости невозможен. В качестве такой модели в научных исследованиях, документах ООН и многих стран предложена зеленая экономика. В экономическом контексте этот термин впервые был обоснован в работе известных английских экономистов Д.Пирса, А.Маркандии и Э.Барбера «Проект для зелёной экономики» (Pearce D., Markandya A., Barber D. Blueprint for a Green Economy) (1989), где обосновывалась необходимость экономических трансформаций для учета экологических ограничений. Тем не менее, до середины 2000-ых годов концепция зеленой экономики в мире разрабатывалась слабо. В России внимание в научных работах к этому вопросу минимально. В качестве различных моделей зеленой экономики в настоящее время развиваются циркулярная экономика (экономика замкнутого цикла), низкоуглеродная экономика, биоэкономика и др. Эти экономические модели быстро воплощаются в жизнь в развитых странах.

По мере усложнения функционирования экономических систем, увеличения производства и потребления роль экологических ограничений и факторов постоянно усиливается. Очевидно, что экологическая трансформация сложившейся модели экономики и переход на траекторию устойчивого развития является широкой экономической концепцией, включающей большое количество разнообразных экономических, экологических, социальных и институциональных факторов, она тесно связана с многими естественными и гуманитарными науками.

Философские аспекты формирования эффективной экологической политики

О.В. Зражевская

Институт социэкономки МФЮУ, ведущий научный сотрудник, кандидат экономических наук

ozrazhevskaya@inbox.ru

Аннотация. Доклад посвящен роли экологической философии и политической экономии в формировании эффективной экологической политики. Рассматриваются вопросы организации природоохранных компаний и роли гражданского сообщества в их реализации. Формулируются и аргументируются тезисы, доказывающие, что совершенствование экологической политики возможно только при условии внесения природоохранных вопросов во все формы современной науки: политэкономическое, правовое сознание, мораль, искусство, философию. Проблема охраны окружающей природной среды и сохранения природного богатства не может быть решена только путем решения чисто технических вопросов снижения негативного воздействия на отдельные компоненты природно-ресурсного потенциала. Необходимо комплексное решение проблемы, в котором основополагающую роль должны играть экологическая философия и политическая экономия. Рассматривается роль гражданских сообществ в реализации природоохранных целей, и пути и методы организации их деятельности.

Ключевые слова. Экологическая философия. Политическая экономия. Экологическая политика. Гражданское сообщество.

Экологическая философия представляет собой одно из важнейших направлений развития современной философии, и, наравне с политической экономией и правовым регулированием, может и должна создать основу для разработки принципов, целей и методов осуществления успешной природоохранной деятельности.

Наблюдаемый в мире экологический кризис до сих пор не был объяснен и оценен с философской точки зрения. Причины его возникновения, так же, как и пути и способы преодоления его последствий, рассматриваются преимущественно с позиций решения технологических и организационных вопросов. По нашему мнению, игнорирование роли политической экономии и философии не может не привести к низкой успешности преодоления экологических проблем.

Мы согласны с мнением, состоящим в том, что радикальное улучшение экологической политики возможно только при условии внесения природоохранных вопросов во все формы современной науки: политэкономическое, правовое сознание, мораль, искусство, философию.

Философия не может не играть главенствующую роль в развитии общественного сознания и активной позиции гражданского общества при решении экологических проблем. Без участия человека как индивидуума и человека как члена общественных формальных и неформальных организаций достижение цели охраны окружающей природной среды невозможно. Сейчас повсеместно наблюдаются стихийные и разрозненные попытки населения добиться от властей решения важных вопросов, позволяющих снизить негативное воздействие техногенных процессов на жизнь и деятельность населения: утилизация и переработка отходов, изменение климата, загрязнение водной среды и атмосферного воздуха, выбросы CO₂ от огромного количества автомобилей и пр. Все это волнует людей, но как правильно оформить свои усилия и перевести неорганизованные выступления в целенаправленную деятельность они не знают.

Для того чтобы быть услышанными, людям необходимо разработать и реализовать природоохранную кампанию, направленную на достижение поставленной цели. Говоря о природоохранной кампании, можно выделить следующие основные элементы:

- 1) Определение важнейших элементов компании;
- 2) Целевые группы, подходы к работе с ними и их использование;
- 3) Лозунг и символ компании;

4) Руководство для самостоятельной деятельности общественности, в том числе и за рамками проводимой компании

Успешная реализация компании не возможна без повышения осведомленности населения, отчетливого понимания целей и задач кампании, осознания роли гражданского общества и его членов в их достижении. Именно здесь необходимы фундаментальные разработки, выполненные в рамках экологической философии и политической экономии.

Как отмечается в исследовании Джона Нельсона МакКея «Руководство для Правительства и Неправительственных Организаций: взаимодействие с гражданским обществом»: «Общественность и некоммерческие специалисты по передаче информации подготовлены к ведению игры, в которой не возможно выиграть». И это справедливо, и не потому, что невозможно, а потому, что не требуется выигрывать «коммуникационную битву», когда на повестке дня стоят общие интересы, к которым, без всякого сомнения, относятся вопросы охраны окружающей среды.

Средства массовой информации стали действительно массовыми и раздражают большое количество людей постоянным потоком сведений и обращений. Реклама стала чрезмерной, конкуренция в связи с передачей информации путем рекламы достигла высокой интенсивности.

Специалисты по общению и связям с общественностью проходят подготовку с учетом возможной конкуренции. Они знают как правильно подготовить информацию и активно распространить ее так, чтобы проникнуть в сердца и мысли людей. Интересы больших интернациональных компаний, а также малого и среднего бизнеса, могут оказаться внедренными в рекламу. Политики могут оказаться в выигрыше, если они потратят на это достаточное количество денег, и если за ними стоят и их поддерживают влиятельные организации. При организации природоохранной компании это не нужно. Сообщество, заинтересованное в решении экологических проблем своего региона, или же в стране в целом, достаточно мотивировано и заинтересованно в успешной реализации природоохранной компании.

В традиционном понимании, сообщество – это то, где живут люди, иными словами их непосредственное соседство, деревня, город или населенный пункт. Оно включает в себя организации, такие, как государственные структуры, школы и церкви, оно обеспечивает каждодневные потребности жителей. По мере того, как в течение столетий шло развитие СМИ, бурное развитие социальных сетей в последние годы, сообщества перестали быть географическими, поскольку члены сообщества объединяются по принципу общих интересов и обстоятельств.

Поскольку сутью сообщества является место или общий интерес, его роль состоит в соединении человека с большой общностью людей. В том случае, если общий интерес лежит в сфере экологии, повышении осведомленности об имеющихся проблемах, ключевыми элементами успешности являются построение сообщества и пропаганда важности передаваемой информации.

Соединение экологического сознания и философии представляет собой, с одной стороны, обширное поле для исследования всей совокупности идей и мнений, касающихся охраны окружающей среды, а с другой стороны, позволит предложить методы повышения роли философских знаний в решении современных экологических проблем.

По нашему мнению, нельзя сводить решение экологических проблем только к совершенствованию технологий, поиску путей и методов снижения негативного воздействия на окружающую среду, хотя это и крайне важно. Без философии и политической экономии, дающих основу для формирования экологической политики, она не может быть эффективной.

Метод «Капитала» как инструмент исследования качественных превращений экономических систем

Колганов А.И.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, экономический факультет, заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем. Доктор экономических наук

onaglo@mail.ru

Аннотация: Преобладающие в настоящее время в экономической теории методологические и теоретические концепции не предоставляют исследователю сколько-нибудь эффективные возможности для изучения процесса перехода от одной экономической системы к другой. Неоклассическая экономическая теория, равно как и институционализм (за исключением расплывчатого представления об «институциональной матрице»), не ставят перед собой задачу найти подходы к экономике, как к целостной системе, способной к качественным превращениям. В какой-то мере этот недостаток восполняется эволюционной экономической теорией, которая изучает развитие экономических институтов. Однако она не обладает собственным развитым представлением о том, что такое экономическая система. До сих пор единственной целостной концепцией, специально ориентированной на изучение причин перехода от одного экономического строя к другому, остается марксизм.

Ключевые слова: методология, экономическая система, трансформация, развитие, марксизм

The method of the “Capital” as a tool for research of qualitative transformations of economic systems.

Kolganov A.I.

Moscow State University, faculty of economics

Abstract: Contemporary prevailing methodological and theoretical concepts in economic theory do not provide for researcher effective in any opportunities to study the process of transition from one economic system to another. Neoclassical economic theory as well as institutionalism (except for vague idea of “institutional matrix”), do not set ourselves the task to find out the approach to the economy as a solid system, which able for qualitative transformations. In some extent this disadvantage is compensated by evolutionary economic theory, which is studying the development of economic institutions. But it have not its own comprehensive concept of the nature of economic system. Till now the Marxism remain the single solid concept, which is oriented specially on the causes of transition from one economic system to another.

Keywords: methodology, economic system, transformation, development, Marxism

Господствующие в экономической науке теоретические концепции не представляют собой в настоящее время исследовательские инструменты, пригодные для изучения процесса трансформации одной экономической системы в другую. Единственным исключением был возникший на сравнительно краткое время интерес к проблеме трансформации постсоветских экономических систем, но и он не опирался на общетеоретические и методологические обобщения (лишь к частичным исключениям из этого правила можно отнести работы [1], [2, с. 39-63]).

Большая часть исследований в этой области, в той мере, в какой они все-таки носили теоретический характер, сводилась к попыткам выявить закономерности превращения «плановых» национальных экономических систем в «рыночные» (обзор такого рода исследований представлен, например в [3]).

Неоклассическая экономическая теория в принципе не ставит перед собой подобные исследовательские задачи. Если мы обратимся к формулировке предмета неоклассической экономической теории, то она прямо игнорирует исторический характер предмета исследования.

Новый институционализм, также, как и классический (начиная с Т.Веблена), уделял большое внимание исследованию исторической эволюции экономических институтов, импорту и трансплантации

институтов. В этой связи можно упомянуть классические работы новых институционалистов Д. Норта [4] и А. Алчиана [5, с. 211-221]. Однако институционалисты не рассматривают эти процессы под углом изменения системного качества экономического строя общества в целом.

В какой-то мере этот недостаток восполняется эволюционной экономической теорией, которая признает развитие экономических систем. Однако она не обладает собственным развитым представлением о том, что такое экономическая система, фактически заимствуя эти представления частью из неоклассики, частью из институционализма, и дополняя эти взгляды шумпетерианским подходом к нововведениям.

Характер этих заимствований трактуется разными представителями данного течения весьма различным образом. Так, в работе Ричарда Нельсона и Сиднея Уинтера, считающихся основоположниками собственно эволюционной экономической теории, понимание шаблонов поведения (рутин), влияющих на принятие хозяйственных решений сведено фактически к решению проблем внутри коммерческих организаций [6, с. 138-139]. Джеффри Ходжсону свойственен более широкий подход к пониманию рутин и институтов, распространяющийся практически на все сферы, где может осуществляться хозяйственная деятельность – от домашнего хозяйства до деятельности общественных объединений [7, с. 202-205]. Но совокупность рутин и институтов, сколь бы широкое значение им ни придавалось в эволюционной экономической теории, не рассматривается в качестве системы.

Таким образом, до сих пор единственной целостной концепцией, специально ориентированной на исследование природы экономического строя общества и на изучение причин перехода от одного экономического строя к другому, остается марксизм. Речь идет о рассмотрении экономической системы как системы отношений людей по поводу производства и обмена, основанной на определенном уровне развития производительных сил общества.

Согласно этому подходу, производственные отношения, выступая как общественная форма развития производительных сил, сами эволюционируют под влиянием изменения этих последних. В ходе этого развития наступает момент, когда внутренние противоречия системы производственных отношений, равно как и конфликт между производительными силами и производственными отношениями, оказываются неразрешимы при сохранении прежнего системного качества экономического строя. Происходит объективно обусловленная революционная трансформация прежней экономической системы в другую, призванную дать новый импульс развитию производительных сил. Постепенно под влиянием обусловленных новой системой производственных отношений целей и критериев хозяйственной деятельности, происходит развитие производительных сил, при котором они приобретают уровень и характер, адекватный уже новой системе.

Именно таким образом К.Маркс рассматривает в «Капитале» исторический переход от простой кооперации к мануфактуре, а затем, через промышленный переворот, к фабрике, основанной на системе машин. Так, переход от простой кооперации к мануфактурному разделению труда целиком обусловлен задачами более эффективного производства прибавочной стоимости. К.Маркс характеризует мануфактуру следующим образом: «Как специфически капиталистическая форма общественного процесса производства, — а на той исторической основе, на которой оно возникает, оно может развиваться только в капиталистической форме, — оно есть лишь особый метод производить относительную прибавочную стоимость или усиливать за счет рабочего самовозрастание капитала» [8, с. 377]. Переход к применению машинной техники точно также обусловлен капиталистическими производственными отношениями: «Подобно всем другим методам развития производительной силы труда, они должны удешевлять товары, сокращать ту часть рабочего дня, которую рабочий употребляет на самого себя, и таким образом удлинять другую часть его рабочего дня, которую он даром отдает капиталисту. Машин — средство производства прибавочной стоимости». [8, с. 382].

Именно из анализа развития техники под влиянием условий производства прибавочной стоимости К.Маркс выводит и свой прогноз относительно будущей эволюции, как материальных условий производства, так и технологического применения науки. Рассматривая результаты приложения его теоретической концепции к исследованию современной эволюции экономического строя капитализма, мы можем прийти к выводу, что прогнозы К.Маркса относительно основных тенденций эволюции производительных сил в рамках капиталистической системы вполне оправдываются.

В 50-е годы XIX века К.Маркс сумел обосновать развитие таких процессов, как **«превращение процесса производства из простого процесса труда в научный процесс, ставящий себе на службу**

силы природы и заставляющий их действовать на службе у человеческих потребностей» [9, с. 208], как трансформация производства в «экспериментальную науку, материально творческую и предельно воплощающуюся науку» [9, с. 221].

Не менее точным был и его прогноз относительно изменения роли труда: «труд выступает уже не столько как включенный в процесс производства, сколько как такой труд, при котором человек, наоборот, относится к самому процессу производства как его контролер и регулировщик» [9, с. 213]. **Подобные сдвиги в содержании трудовой деятельности человека меняют и его место в непосредственном процессе производства: «Вместо того, чтобы быть главным агентом процесса производства, рабочий становится рядом с ним»** [9, с. 213].

В последние несколько десятилетий блестяще оправдываются и предвидения К. Маркса о том, что творческая деятельность в сфере технологического применения науки занимает ключевое место в развитии производства. К.Маркс точно определили природу этой творческой деятельности, опирающейся на неограниченную и универсальную кооперацию исследований (как между современниками, так и с предшественниками), что получило у К. Маркса обозначение всеобщего труда [9, с. 110].

Хотелось бы еще раз напомнить, что свои теоретические выводы К.Маркс сделал на основе обобщения закономерностей прогресса производительных сил в условиях капитализма более 150 лет назад. Не стоит ли признать, что тот характер преобразования производительных сил капиталистическими производственными отношениями, который происходил последние полтора века точно «по Марксу», дает основания признать весьма вероятным и наступление тех последствий, которые предвидел К.Маркс – а именно, подрыв материальной основы существования стоимостных и капиталистических отношений?

Концентрация капитала и монополистические тенденции на рынке, равно как и вмешательство государства в хозяйственную деятельность, ставшие очевидными уже с конца XIX века, лишь существенно модифицировали отношения товарного производства, не устраняя их господства (хотя масштабы нерыночного перераспределения сейчас достигают в развитых странах 30-55% от ВВП). Но в конце XX века развитие производительных сил достигает новой ступени, на основе которой происходят и новые существенные сдвиги в производственных отношениях [10], [11, с. 123-143] [12].

Пусть и в небольших масштабах, но впервые происходит реальное проникновение в экономическую систему капитализма устойчивых производственных отношений принципиально некапиталистического типа, вполне соответствующих марксистскому определению коммунистических отношений. Речь идет о бесплатном добровольном сотрудничестве в сфере исследований и разработок, в производстве программных продуктов и иных интеллектуальных и культурных благ (crowdsourcing, wikinomics). Приобретает значимые масштабы явление полностью или частично бесплатного доступа к интеллектуальным и культурным продуктам freeware, open source, copyleft и им подобные (более подробно об этом смотри в [13, с. 575–598]).

Тот подход, который был применен в «Капитале» для исследования формирования отношений, разлагающих прежние, докапиталистические общественные классы, и выделяющих из них новые, протокапиталистические социальные слои, может быть применен и к современному позднему капитализму.

Рост творческого содержания труда приводит к выделению из среды наемных работников особого социального слоя, характеризующегося определенными сдвигами в их отношениях с капиталом. Этот социальный слой – работники, занятые в значительной мере творческими функциями, главным образом, в сфере НИОКР, характеризуется размыванием т.н. реального подчинения труда капиталу. Если по социально-экономической форме эти лица остаются наемными работниками, и обеспечивают производство прибавочной стоимости, то с точки зрения своего положения в производстве они уже не являются приложением к системе машин, а, напротив, обладают существенной свободой в характере своей деятельности. Более того, теперь уже капитал в определенной мере попадает в зависимость от того «неявного знания», которым они обладают.

В позднем капитализме происходит рост роли и значения экономических феноменов, названных К.Марксом «превращенными формами», и оказывающих негативное влияние на воспроизводство капитала. Эти феномены, наиболее ярко проявляющие себя в сфере самых поверхностных отношений капиталистической системы в сфере финансового рынка, существенно искажают те действительные отношения, которые лежат в их основе. Превратное отражение в этих поверхностных формах

действительных отношений оказывает уже заметное влияние и на хозяйственную практику.

Колебания цен на инструменты фиктивного капитала дают ложные сигналы субъектам предпринимательской деятельности, производителям и потребителям, тем самым расшатывая равновесие капиталистического рынка и подрывая нормальный процесс воспроизводства капитала. Это усиливает принципиальную неопределенность, свойственную капиталистическому рынку, и увеличивает риск, связанный с циклическими кризисами. Сейчас уже очевидно, что и возможности экспансии капитала в сфере финансового рынка, и возможности дальнейшего развития глобализации сталкиваются с нарастающими проблемами

Решение проблем воспроизводства капитала на основе периодического обновления технологической основы производства также встречает препятствия. При видимом инновационном буме, охватившем развитые и значительную часть развивающихся стран, намечается явная тенденция к измельчанию инноваций [14, с. 980–986], [15, с. 496–509], [16]. Давно прогнозируемая новая технологическая революция отодвигается все дальше в будущее.

Все эти симптомы заставляют ставить вопрос не только о накоплении предпосылок качественного перехода от капитализма к иной экономической системе, и не только о формировании элементов этой новой системы внутри капитализма, но и о растущей неспособности капитализма к воспроизводству без использования этих новых элементов, равно как и о неспособности в полной мере воспользоваться возможностями, содержащимися в этих элементах нового.

Литература:

1. Аукуционек) Аукуционек С.П. Теория перехода к рынку. М.: SvR-Аргус. 1995
2. Kornai J. Transformational Recession: The Main Causes. // Journal of Comparative Economics, 1994, Vol. 19, issue 1. P. 39-63
3. Катъшев П.К., Полтерович В.М. Политика реформ, начальные условия и трансформационный спад. / Препринт #2006/065. - М.: Российская Экономическая Школа. 2006
4. North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press. 1990
5. Alchian A. Uncertainty, Evolution and Economic Theory// Journal of Political Economy, 1950, Vol. 58, Issue 3, pp.211-221.
6. Нельсон Р.Р.; Уинтер С.Дж. Эволюционная теория экономических изменений. М.: Дело. 2002
7. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. М.: Дело, 2003
8. Маркс К. Капитал. Т. I. // Маркс К, Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23 М: Политиздат, 1960.
9. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. // Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. II. М: Политиздат, 1969.
10. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики. 2010
11. Корсани А Капитализм, биотехнонаука и неолиберализм Информация к размышлению об отношениях между капиталом, знанием и жизнью в когнитивном капитализме // Логос, 2007, №4 (61). С. 123–143.
12. Haug W. F. High-Tech-Kapitalismus: Analysen zu Produktionsweise, Arbeit, Sexualität, Krieg & Hegemonie. Berlin: Argument, 2003
13. Buzgalin A., Kolganov A. Critical political economy: the 'market-centric' model of economic theory must remain in the past – notes of the post-soviet school of critical marxism // Cambridge Journal of Economics. — 2016. — Vol. 40, no. 2. — P. 575–598.
14. Huebner J. A possible declining trend for worldwide innovation // Technological Forecasting & Social Change. 2005, Vol. 72, issue 8 P. 980 – 986
15. Strumsky D., Lobo J., Tainter J. A. Complexity and the productivity of innovation. // Systems Research and Behavioral Science. September/October 2010, Vol. 27, Issue 5 Pages: 496–509.
16. Gordon R. J. Is U.S. Economic Growth Over? Faltering Innovation Confronts the Six Headwinds. / National Bureau of Economic Research. NBER Working Paper, 2012, No. 18315. <http://www.nber.org/papers/w18315.pdf>

Диалектический метод и его возможности в изучении современного капитализма.

Рязанов В.Т.

Санкт-Петербургский государственный университет, заведующий кафедрой экономической теории.
Доктор экономических наук

v.rjazanov@mail.ru

Аннотация: В докладе раскрываются роль диалектического метода в исследовании современного капитализма.

Его реализация связывается с возможностью использования данного метода в развитии марксистской политической экономии. Он необходим в целях улучшения возможности исследования природы и перспектив современного глобально-монополистического капитализма в условиях развертывания новой индустриальной революции. Совершенствование использования диалектического метода в изучении современного капитализма предполагает дополнение и уточнение принципа экономического детерминизма. Он должен принимать во внимание действие всей совокупности неэкономических (цивилизационных), внутренних и внешних, объективных и случайных предпосылок и факторов.

Ключевые слова: диалектический метод, классическая политэкономия, марксизм, экономический детерминизм, неэкономические факторы, современный капитализм. Случайные факторы *Accidental factors* случайность.

Dialectic method and his possibilities in study of modern capitalism. Ryazanov V.T.

St. Petersburg State University, Department of Economic Theory

Abstract: The report reveals the role of the dialectic method in the study of modern capitalism. Its implementation is associated with the possibility of using this method in the development of Marxist political economy. It is necessary to improve the discoverability of nature and prospects of contemporary global monopolistic capitalism in the midst of deploying a new industrial revolution. Improving the use of the dialectic method in the study of modern capitalism involves the addition and refinement of the principle of economic determinism. It must take into account the whole set of non-economic (civilizational), internal and external, objective and accidental preconditions and factors.

Keywords: dialectic method, classical political economy, marxism, economic determinism, non-economic factors, modern capitalism.

Самое ценное и сохраняющее актуальность в экономическом наследии К.Маркса заключается в разработке им диалектико-материалистического метода, который был творчески реализован в исследовании капиталистического общества. Этот метод позволил содержательно и глубоко раскрыть имманентную его природу с присущими ему противоречиями и ограничениями в развитии, которые легли в основание объяснения объективных причин неизбежности ухода с исторической арены. Именно на значение метода в концепции К.Маркса особое внимание обратил Ф.Энгельс.

Вопрос, который не может не вызывать интереса, связан с тем, насколько опора на этот метод дает возможность обеспечить точность и полноту характеристики развития современного капитализма и его перспектив, выступая вместе с тем как развивающийся метод, воспринимающий новые достижения в экономической методологии и в используемых аналитических инструментах?

Важность разработки метода в изучении любой общественно-экономической системы объясняется тем, что от его обоснованности в значительной мере зависит достоверность в выявлении ее сущности и основных характеристик, возможностей и ограничений, также как и перспектив развития. Не случайно, что К.Маркс, приступив к систематическим занятиям политической экономией, с самого начала пристальное внимание уделил методу исследования, разработка которого в то время стала новаторской. Отметим, что до него никто из представителей классической школы политической экономии к методологии исследования специально не обращался.

На этом пути Маркс как философ по своим изначальным интересам превратился в философа-политэконома, соединив политическую экономию с диалектической системой Гегеля, что и позволило ему завершить разработку классической версии политической экономии и одновременно

развить и обогатить сам диалектический метод.

Маркс, признавая авторитет и заслуги Гегеля в развитии диалектики и прежде всего в разработке ее законов, вместе с тем с позиции материализма подверг серьезному критическому разбору гегелевское понимание диалектического метода. Будучи отражением «логического, спекулятивного мышления», сам этот метод, развиваемый Гегелем, характеризовался как «диалектика чистой мысли». Поэтому для него как идеалиста рассматриваемые им сущности (богатство, труд, государственная власть и т. д.) равнозначны сугубо мыслительным категориям, а потому выступают продуктом абстрактного философского мышления. Отсюда ограничения и недостатки в использовании этого метода, которые не позволяли раскрыть действительные противоречия буржуазного общества и мешали полноценной его реализации в научной и практической деятельности.

Особенность и отличие метода Маркса заключаются в том, что используемые им научные абстракции образуют неразрывную связь с конкретной действительностью как со своим реальным бытием, а потому теоретический анализ соответствует реальному историческому процессу.

Если суммировать изложенные характеристики разработанного и реализованного Марксом метода в процессе исследования буржуазного общества как диалектико-материалистического, то можно сделать следующие выводы. Во-первых, то, что из всей совокупности общественных отношений им были выделены производственные отношения, от воли людей не зависящие, и они были определены как первичные и основные, раскрывающие особенности действия принципа экономического детерминизма.

Во-вторых, опора на диалектико-материалистический метод позволила объяснить органичную неразрывность производительных сил и производственных отношений, которая обусловлена уже тем, что работник является персонификацией первых и вторых, их неотделимости друг от друга. При этом в развитии способа производства ключевое значение приобретает положение о действии закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил, который закладывает надежную методологическую базу в объяснении логики исторического развития и характер смены общественно-хозяйственного строя, основанную на материалистическом понимании исторического процесса.

В-третьих, реализуемый диалектический подход как универсальный метод и активная форма мышления в единстве с материалистическим пониманием истории раскрывает причинно-следственные связи в экономике, которые определяют особенности действия экономических законов и категорий буржуазного общества в рыночной системе координат, обусловленные господством частной собственности. На этой основе выявляется имманентно присущая капиталистическому способу производства системная эксплуатация, возникшая в условиях отделения труда от собственности и порождающая неустраняемые (антагонистические) противоречия, в центре которой находится противоречие между производительными силами и производственными отношениями.

Можно утверждать, что опора на диалектический метод по-прежнему помогает в реализации аналитических задач, формируя костяк фундаментального знания о типологии современного глобально-монополистического капитализма в условиях развертывания новой индустриальной революции и его перспективах. Но было бы заблуждением исключать потребность в его совершенствовании. То, что он придает осмыслению экономики необходимую глубину и содержательность, не равнозначно его полноте и достаточности. Это означает, что сам принцип экономического детерминизма должен принимать во внимание действие всей совокупности неэкономических (цивилизационных), внутренних и внешних, объективных и случайных предпосылок и факторов.

В раскрытии полной и точной современной картины общественно-хозяйственной деятельности необходимо учитывать многообразную комбинацию факторов, которая как дополняет и усиливает, так в чем-то корректирует и противодействует определяющему влиянию экономики. Причем такое сложное и динамичное сочетание факторов и обстоятельств может напрямую подтверждать действие принципа экономического детерминизма, также как и его возможное отклонение в каких-то конкретных ситуациях. Иначе говоря, хотя неэкономические факторы вторичные по своей сути, но это не значит, что они второстепенные. При этом их действие нельзя понимать по принципу обратного влияния, они, будучи вторичными, тем не менее, встроены в общую и сложно организованную динамичную систему детерминант.

Еще одним нестандартным примером, влияющим на общественно-хозяйственную жизнь и изменения

в ней, выступает действие «фактора случайности», т.е. внезапное появление в сфере общественно-хозяйственной жизни непредвиденных и недостаточно просчитываемых процессов. Их значение в современный период нарастания неопределенности и высоких рисков в сложившемся миропорядке получило дополнительное усиление. Во многом это обусловлено непредсказуемой ролью субъективного фактора (человека), в поведении которого заложены как рациональные, так иррациональные и переменчивые мотивы.

Наконец, новизна самой экономики обусловлена появлением вместо производственных процессов как традиционного объекта анализа их виртуального образа – симулякров, возникающих в сфере хозяйственной деятельности, но не имеющих локализации в ее реальном пространстве и превратившиеся в виртуальные игровые биржевые площадки. Такой процесс нарастающей виртуализации хозяйственной деятельности в условиях возможностей информационно-компьютерных технологий породил создание системы манипулирования и управления массовым сознанием и поведением, что придает экономическому детерминизму еще более скрытый характер и требует разработки новых приемов в исследовательской практике.

Таким образом, успешное использование диалектико-материалистического метода в изучении современного капитализма уже не следует рассматривать как самодостаточный и единственный. Его использование предполагает более точный учет самой природы экономического знания, своеобразие и происходящие в нем изменения. Ведь в каждой области научного знания есть свои существенные отличия, а потому всеобщность и универсализм данного метода не исключает его уточнения применительно к предметному полю экономики, а потому теория метода как инструментальная часть экономической теории, должна развиваться в единстве с теорией экономического знания (*эпистемологией*).

Важно также обращать внимание и на особенности участия человеческого фактора в хозяйственной деятельности. Экономическая реальность творится в ходе непосредственной производственной деятельности людей. В хозяйственной жизни действуют не только зависимости и связи между отдельными процессами и явлениями в экономике, но должны учитываться мотивы и интересы индивидов и коллективов (групп людей), их не всегда предсказуемая динамика. В этом случае речь идет о целесообразности возвращения экономической науки к своим истокам, когда она относилась к разряду морально-этических наук. Речь идет о том, что преобладающий в ее современной версии натурцентризм должен быть дополнен антропоцентризмом (культуроцентризмом и социоцентризмом). Это означает, что индивид как действующий субъект с ограниченными характеристиками, как это присутствует при самодостаточной версии экономизма, превращается в человека во всей полноте его качеств, учет которых необходим для точности и достоверности социально-экономического анализа. В свою очередь, применение диалектического метода в системе координат «антропологической картины мира», расширяет его возможности и открывает новое пространство для развития экономической науки.

«Вертолетные деньги» и базовый доход: радикальный либерализм или казарменный коммунизм?

Смолин О. Н.

*Первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы по образованию и науке.
Доктор философских наук, профессор, академик РАО*

ozhoginala@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется один из парадоксов политико-экономической постсоветской реальности – использование идей уравнилельного распределения политиками и экономистами радикально-либеральной ориентации. При этом автор не соглашается ни с предложением о равной раздаче т.н. вертолетных денег, ни с крайне ограниченным объемом помощи гражданам и организациям, которая реализуется Правительством России. Альтернативой, на взгляд автора, является ограничение социального неравенства, поддержка общественных групп с низкими и средними доходами и увеличение доли граждан, материально стимулируемых к воспроизводству человеческого потенциала страны. Аналогичным образом в среднесрочной перспективе автор считает нецелесообразным введение т.н. базового дохода, но и в данном случае полагает необходимым перераспределение части национального дохода в пользу общественных групп, формирующих человеческий потенциал страны – основу ее модернизации. Статья имеет ярко выраженный дискуссионный характер.

Ключевые слова: «вертолетные» деньги; базовый доход; радикальный либерализм; «казарменный» коммунизм; ваучерная приватизация; пандемия коронавируса; Фонд национального благосостояния; золотовалютные резервы; низший, средний и высший низший класс; распределение общественного богатства.

The Helicopter Money and Basic Income: Radical Liberalism or Barrack Communism? Smolin O. N.

First Deputy Chairman of the State Duma Education and Science Committee. Russian Academy of Education

Abstract. The article analyzes one of the paradoxes of the post-Soviet political and economic reality – the use of ideas of equalizing distribution by politicians and economists of radical liberal orientation. At the same time, the author neither agrees with the proposal for equal distribution of so-called helicopter money, nor with the extremely limited amount of assistance to citizens and organizations, which is implemented by the Russian Government. The alternative, in the author's opinion, is to limit social inequality, support social groups with low and middle incomes, and increase the share of citizens who are financially stimulated to reproduce the country's human potential. Similarly, in the medium term, the author considers it impractical to introduce the so-called basic income, but also in this case considers it necessary to redistribute part of the national income in favor of social groups that form the human potential of the country-the basis for its modernization. The article has a pronounced debatable character.

Keywords: “helicopter” money; basic income; radical liberalism; “barrack” communism; voucher privatization; the coronavirus pandemic; the national welfare Fund; gold and foreign exchange reserves; the lower, middle and upper lower classes; the distribution of public wealth.

В постсоветской российской истории (т.е. истории после разрушения Советского Союза) известен случай, когда стереотипы самого примитивного, «казарменного» коммунизма («всем – поровну!») были использованы для введения примитивного, «олигархического» капитализма. Этот случай – ваучерная приватизация.

Казалось бы, одного урока достаточно. Однако, похоже, правы Гегель и Маркс: история повторяется дважды: первый раз в виде трагедии, второй – в виде фарса. Пандемия коронавируса неожиданно

реанимировала тему всеобщего распределения части общественного богатства поровну - в виде помощи в период «коронакризиса». Причем с идеей в очередной раз выступили... радикальные либералы: не только политики (А. Навальный) и журналисты (Ю. Латынина), но также и экономисты (С. Гуриев). Аргументируются предложения трояким образом.

Во-первых, Россия имеет большие финансовые резервы, в т.ч.:

- Фонд национального благосостояния (ФНБ) - по данным Минфина, на 1 мая 2020 года – 12,4 трлн. руб. [1];

- золотовалютные резервы Центрального банка РФ - на 1 мая 2020 года – 566 млрд. долларов США (по данным МВФ, 4-е место в мире, по данным Всемирного Банка, 5-е место в мире) [2].

Во-вторых, кризис наступил стремительно, а выстраивать модели адресной помощи нет времени. – Отметим мимоходом, что новый экономический кризис прогнозировался многими серьезными экономистами, включая директора-распорядителя Международного валютного фонда К. Георгиеву и председателя ЦБ РФ Э. Набиуллина.

В-третьих, деньги гражданам выдают все или почти все развитые страны, в т.ч. такие, которые имеют государственный долг, не сопоставимый с российским. С последнего аргумента и начнем.

Действительно, объем помощи населению и бизнесу, который установило российское руководство, заметно меньше, чем в развитых странах Запада и Востока. По заявлению министра труда и социальной защиты А. Котякова, гражданам (преимущественно, детям) будет выплачено примерно 570 млрд. руб. и еще примерно 1,5 трлн. руб. предполагается выделить на поддержку организаций, в т.ч. так называемых системообразующих, а также малого и среднего бизнеса [3]. Если эти данные верны, речь идет примерно о 2% ВВП, тогда как в большинстве стран на эти цели выделяется примерно 10% ВВП, а в Японии – около 20%.

Председатель ЦБ РФ Э. Набиуллина заявила о том, что Россия не намерена «разбрасывать деньги с вертолета», но будет выделять их исключительно адресно. Однако отчасти этот принцип был нарушен решением Президента В. Путина выделить по 10 тыс. руб. на поддержку всех детей в возрасте от трех до наступления 16 лет.

Однако, вопреки мнению отечественных либералов, следует иметь в виду, что даже в самой богатой стране мира, обладающей к тому же «печатным станком» резервной мировой валюты, деньги выделяются не всем. В частности, семьи, имеющие годовой доход более 100 тыс. долларов, в США денег не получают. Автор не располагает официальной американской статистикой, однако доля тех, кто получит государственную помощь в США, явно более половины всего населения – значительно больше, чем в России. Например, согласно решению Президента, по 10 тыс. руб. получают примерно 22 млн. детей, т.е. примерно 15% всех граждан. Не говоря уже о том, что и в пересчете по паритету покупательной способности 10 тыс. руб. никак не сравнимы с 1200 долларов.

На взгляд автора, даже в условиях кризиса помогать высокодоходным группам населения бессмысленно как с социальной (они в этом не нуждаются), так и с экономической точки зрения: деньги в этом случае не увеличат платежеспособный спрос и не будут стимулировать оживление экономики, но превратятся, например, в валютные накопления. Напротив, как с социальной, так и с экономической точки зрения, государство, на взгляд автора, должно помочь двум категориям граждан.

Во-первых, это наиболее пострадавшие (за исключением высокодоходных) группы граждан, в т.ч. оставшиеся практически без средств к существованию. Заметим, что российские пособия по безработице на уровне минимального размера оплаты труда проблем в большинстве случаев не решают, ибо отечественный прожиточный минимум, к которому якобы приравнена «минималка», на самом деле является «непрожиточным».

Во-вторых, что менее очевидно, - это группы граждан с низкими доходами вообще. При этом, на взгляд автора, следует решительно отказаться не только от официального российского представления о бедности, связанного с доходами ниже прожиточного минимума, но и от концепции Всемирного банка, согласно которой к среднему классу относятся люди, имеющие доходы в полтора раза выше минимального размера оплаты труда (на эту концепцию, как известно, ссылался Президент Российской Федерации) [4].

Методика Всемирного банка явно разрабатывалась для европейских и других высокоразвитых стран, где минимальная заработная плата обеспечивает более или менее приемлемый уровень жизни.

Напомню: по данным ФНПР (а это организация не оппозиционная, но активно поддерживающая

Президента), минимальный потребительский бюджет в стране составляет 40 тысяч рублей на человека, т.е. более чем вдвое превосходит тот, который, по мнению Президента, определяет принадлежность гражданина к среднему классу [5].

Приведу данные одного из опросов ВЦИОМ (май 2017 года) – одной из официальных социологических служб России [6]:

- 10% граждан не хватает денег на еду;
- 29% на еду денег хватает, но не хватает на одежду;
- у 41% деньги есть на еду и одежду, но не хватает на приобретение товаров длительного пользования;
- 14% могут позволить себе все вышеперечисленное, но не более;
- лишь 3% могут без проблем приобрести автомобиль, но квартиру или дачу уже не могут.

При всех «чудесах» отечественной статистики бурную дискуссию в свое время вызвали результаты «Комплексного наблюдения условий жизни населения» Росстатом за 2018 год [7], которые показали, что 79,5% российских семей испытывают явные финансовые трудности.

Это исследование, на взгляд автора, также подтверждает описанную выше структуру социального расслоения в нашей стране.

Очевидно: если помогать только бедным, их окажется около 40% населения. Если же помогать все представителям низшего класса, - около 80%. Выбор, разумеется, будет определяться экономическими возможностями и политическими ориентациями правящей элиты.

В стране, где Председателем Правительства является недавний руководитель Федеральной налоговой службы, нетрудно определить уровень доходов если не каждого гражданина, то, по крайней мере, всех налогоплательщиков, и быстро принять решение о числе и категориях граждан, нуждающихся в помощи государства. В конце концов, именно для этого в свое время создавался т.н. Фонд национального благосостояния, который, правда, на благосостояние граждан до сих пор влиял отрицательно, изымая деньги из экономики и не возвращая их людям.

С точки зрения социоэкономической, такая помощь позволила бы если не избежать падения производства, то, во всяком случае, значительно его уменьшить. Стоит напомнить: Председатель Правительства В. Путин, выступая с отчетом в Госдуме, признал, что в 2008-2009 годах Россия оказалась рекордсменом «Большой двадцатки» по глубине кризиса. В настоящее время различные структуры прогнозируют спад российской экономики до восьми и более процентов. Восстанавливать же хозяйство всегда труднее, чем предотвращать его падение.

Другими словами, оценить программы российского правительства и российских внесистемных либералов можно было, перефразируя известное изречение царя Соломона: «И ты не прав, сын мой, и ты не права, дочь моя!»

В условиях нарастающего мирового циклического кризиса капиталистической экономики, усиленного фактором пандемии, еще более актуализируются требования левых о более справедливом распределении национального богатства. Даже аполитичные наблюдатели признают: кризис делает бедных - беднее, а богатых – богаче. Между тем, российское правительство не поднимает вопроса о введении прогрессивного налогообложения доходов и имущества, и страна остается единственной в «Большой двадцатке», где такие налоги отсутствуют. Платить за кризис, как обычно, приходится людям с низкими и средними доходами.

Политологи и футурологи активно обсуждают вопрос о том, что будет после кризиса. В этой связи не могу не остановиться еще на одной проблеме т.н. вертолетных денег, которая давно обсуждается в литературе и даже апробируется на практике как проблема базового дохода, т.е. о возможности для каждого гражданина, независимо от трудового вклада в создание ВВП, получать определенный уровень материального благосостояния.

В странах, наиболее развитых в экономическом отношении, эту дискуссию породил новый виток технологической революции, связанный с внедрением многофункциональных роботов. Понятно, что для России с ее технологическим отставанием эта проблема не актуальна. И все же позволю себе высказать по этому поводу суждение, быть может, спорное.

Убежден: прежде чем вводить так называемый базовый доход, следовало бы увеличить численность работников, которые в настоящее время развивают человеческий потенциал на платной

основе (педагогов, медицинских работников, работников культуры и социальной защиты), а также оплачивать социальную работу по формированию и развитию человеческого потенциала, которая в традиционном и индустриальном обществах не оплачивалась и рассматривалась как сама собой разумеющаяся.

Одним из главных направлений последней, безусловно, должна стать работа по уходу и воспитанию детей их родителями, усыновителями и иными законными представителями.

На взгляд автора, преимущества такой системы очевидны.

Во-первых, при современном уровне сознания базовый доход может стимулировать часть трудоспособного населения к отказу от работы, тогда как оплата части социальной работы в рамках семейных ролей эту работу дополнительно стимулирует.

Во-вторых, уравнивание доходов вообще не работающих (в прежней советской терминологии – тунеядцев) с доходами людей, выполняющих социально полезные функции, будет восприниматься массовым сознанием как несправедливость.

В-третьих, опыт СССР и других стран «реального социализма» показал, что чрезмерно высокий для данного уровня общественного сознания уровень социального равенства тормозит экономическое развитие, как тормозит его и чрезмерно высокий уровень социального неравенства, например, в современной России.

Наконец, в-четвертых, и главное, если мы признаем, что именно развитие человеческого потенциала, способного превращаться в человеческий капитал, является ключом к экономическому развитию и модернизации современного общества, работа по развитию этого потенциала, в т.ч. в рамках семейных ролей, должна оплачиваться никак не ниже, чем труд в сфере материального производства. А сама социальная сфера – не как сфера услуг, но как важнейшая составляющая производства – воспроизводство самого человека.

Другими словами, альтернативами радикальному либерализму, эксплуатирующему идею уравнительного распределения, могли бы стать ограничение социального неравенства, поддержка общественных групп с низкими и средними доходами и увеличение доли граждан, материально стимулируемых к воспроизводству человеческого потенциала страны.

Что же касается долгосрочной перспективы, то новая волна технологической революции и, в частности, массовое внедрение роботов, уже через несколько десятилетий позволит вывести человека из большинства отраслей материального производства и обеспечить каждому так называемый базовый доход.

Однако при капитализме это приведет, скорее, к моделям, описанным Куртом Воннегутом в «Утопии 14» или Олдосом Хаксли в романе «О, дивный новый мир». Только общество, основанное на началах социальной справедливости и научного управления, позволит создать условия для многостороннего развития каждому или подавляющему большинству. Альтернативой, увы, является глобальная катастрофа. Так что в данном случае основой для оптимизма выступает крайне пессимистический альтернативный сценарий развития. Хотелось бы надеяться, что человечество вовремя это осознает.

Литература:

1. Объем Фонда национального благосостояния // Официальный сайт Минфина России. [Электронный ресурс]. URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=27068-obem_fonda_natsionalnogo_blagosostoyaniya
2. Международные резервы Российской Федерации // Официальный сайт Банка России. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/hd_base/mrrf/mrrf_m/
3. Котяков заявил, что число безработных в России продолжит расти в мае и июне // Из интервью Министра труда и социальной защиты А. Котякова в программе «Познер» на Первом канале. [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/ekonomika/8504309>
4. Из интервью Президента России В. Путина информационному агентству ТАСС. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/63007>
5. Минимальный потребительский бюджет // Солидарность (центральная профсоюзная газета). – 2019. – 20 июня. [Электронный ресурс] URL: <https://www.solidarnost.org/special/profdict/minimalnyy-potrebitelskiy-byudzhets.html>
6. Потребительские возможности россиян: мониторинг. 29 июня 2017 года // Официальный сайт ВЦИОМ. [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116289>
7. Комплексное наблюдение условий жизни населения за 2018 год // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс] URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html

«Восхождение от простейшего к сложному» vs «восхождение от абстрактного к конкретному»

Сорокин Александр Владимирович

МГУ им. М.В. Ломоносова, экономический факультет, кафедра политической экономии, профессор,
доктор экономических наук

soral@mail.ru

Аннотация: В философской и экономической литературе принято считать «восхождение от абстрактного к конкретному» единственно правильным методом. Формула задавала направление исследования: абстракция, ее пределы и различные уровни и т.п. Метод Маркса определялся как «диалектико-материалистическое восхождение от абстрактного к конкретному», в отличие от диалектико-идеалистического восхождения Гегеля. Между тем «правильным в научном отношении методом» Маркс считает не «восхождение от абстрактного...», а «восхождение от простейшего...» на втором пути политической экономии. Маркс характеризует «ход абстрактного мышления» как «восхождение от простейшего к сложному». Метод «восхождения от простейшего **конкретного** к сложному **конкретному**», принципиально отличен от гегелевского. Восхождение идет по диалектическим законам общим мышлению и бытию в рамках материализма. Простейшее конкретное «может существовать только как абстрактное, одностороннее отношение некоторого уже данного конкретного живого целого». В этом смысле простейшее можно назвать абстрактным. Метод «восхождения от простейшего...» нацеливает на поиск простейшего. В «Капитале» это «экономическая клеточка», но согласование с геномикой позволяет обнаружить простейшее на молекулярном уровне, на уровне «экономической молекулы ДНК».

Ключевые слова: Маркс, «Капитал», метод, «от абстрактного», «от простейшего».

“Advancing from the abstract to the concrete” vs “advancing from the simplest to more complex”.

Sorokin Aleksandr Vladimirovich

MSU named after M.V. Lomonosov, Faculty of Economics, department of Political Economy

Abstract: In philosophical and economic literature, it is customary to consider the “advancing from the abstract to the concrete” the only correct method. The formula set the direction of research: abstraction, its limits and various levels, etc. Marx’s method was defined as “a dialectical-materialistic advancing from the abstract to the concrete”, in contrast to Hegel’s dialectical-idealistic advancing. Meanwhile, Marx considers the “scientifically correct method” not “advancing from the abstract...”, but “advancing from the simplest...” on the second course of political economy. Marx characterizes «the “procedure of abstract reasoning” as “advancing from the simplest to more complex». The method of “the advancing from the simplest concrete to more complex concrete” is fundamentally different from Hegel’s. Ascent proceeds according to the dialectical laws of general thinking and being within the framework of materialism. The simplest concrete “cannot exist except as an abstract, unilateral relation of an already existing concrete organic whole”. In this sense, the simplest can be called abstract. The method of the “advancing from the simplest...” aims to search for the simplest (for this one). In Capital, this is an “economic cell”, but coordination with genomics allows one to detect the simplest at the molecular level, at the level of the “economic DNA molecule”.

Keywords: Marx, “Capital”, method, “from the abstract”, “from the simplest”.

1. Тезис о восхождении от абстрактного к конкретному как «единственно правильном научном методе»

Маркс не публиковал работ специально посвященных методу «Капитала». Текст «Введения» — незаконченный черновик, о котором он писал: «Общее введение, которое я было набросал, я опускаю, так как по более основательном размышлении решил, что всякое предвосхищение выводов, которые еще только должны быть доказаны, может помешать, а читатель, который вообще захочет следовать за мной, должен решиться восходить от частного к общему» [7, с. 5]. Но метод «Капитала» оказался на-

столько сложным, что прочтение трех его томов не позволяло сделать окончательные выводы. Поэтому даже черновая работа с параграфом, озаглавленным «Метод политической экономии» привлек пристальное внимание философов и экономистов. Опираясь на текст «Введения» они пришли к выводу, что единственно правильным в научном отношении методом является «восхождение от абстрактного к конкретному».

В работе Кушина И. А. «Диалектическое строение капитала К. Маркса» [4] 1929 года ничего не говорится о «восхождении...». В диссертации А.А. Зиновьева 1954 года (переиздана в 2002 г.) оно дается в названии: «**Метод восхождения от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса)**» [2]. М. М. Розенталь в монографии 1955 года «Вопросы диалектики в «Капитале» Маркса» [11] (второе переработанное и дополненное издание под названием «Диалектика «Капитала» К. Маркса» вышло в 1967 г.), пишет, что «второй метод, или способ (политической экономии, — С.А.), Маркс считает правильным в научном отношении. Этот метод он называет методом восхождения от абстрактного к конкретному» [11, с. 299]. В «Диалектике абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса» 1960 г. Э. В. Ильенков пишет: «Метод восхождения от абстрактного к конкретному, при котором абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления» Маркс и определяет как метод «правильный в научном отношении» [3, с.113]. В работе «Метод восхождения от абстрактного к конкретному в «Капитале» К. Маркса» 1961 г. В. Н. Типухин пишет: «Метод от абстрактного к конкретному представляет собой способ воспроизведения конкретного как мысленной целостности... Метод восхождения от абстрактного к конкретному, являющийся, по определению Маркса, единственно правильным в научном отношении, есть метод исследования диалектически расчлененного целого, а также метод последовательного теоретического изложения науки» [12, с.4]. В работе Л. А. Маньковского «Логические категории в «Капитале» К. Маркса» 1962 г. дается следующий тезис: «излагая эволюцию логического метода в истории политической экономии, Маркс отмечает в ней два этапа: первый — движение мысли от конкретного к абстрактному, и второй — «обратный путь», движение от абстрактного к конкретному, причем именно второй этап Маркс считает собственно научным исследованием. «Последний метод есть, очевидно, правильный в научном отношении» [5, с.41].

В «Комментариях к «Капиталу» Маркса» Д.И. Розенберг отмечает, что «сущность метода Маркса...заключается... в применении диалектико-материалистического восхождения от абстрактного к конкретному. При пользовании абстракциями необходимо, прежде всего, решить вопрос о пределах научного абстрагирования» [9, с. 32].

В.А. Вазюлин в работе «Логика «Капитала» К. Маркса» 1968 г. разделяет тезис о восхождении от абстрактного к конкретному и дает «ряд определений исходной абстракции восхождения» [1, с.32].

2. Первый путь политической экономии — не от конкретного к абстрактному, а от сложного к простейшему. Второй путь — не от абстрактного к конкретному, а от простейшего к сложному. «Восхождение от простейшего конкретного к сложному конкретному» — метод, правильный в научном отношении.

Положение о «восхождении от абстрактного к конкретному» как правильном методе задает направление исследования. «Разработка способа восхождения от абстрактного к конкретному была связана с решением ряда сложнейших вопросов диалектической теории познания. Особенно важное значение имели вопросы об абстракции, о различных уровнях абстракции, соответствующих разным ступеням исследования, о соотношении абстрактного и конкретного, об отношении логики движения мысли к реальному историческому процессу развития (проблема исторического и логического) и др. Конечно, Маркс начинал исследование этих, как и многих других, вопросов не на пустом месте. Многие из них исследовались уже Гегелем. Но Гегель рассматривал их в абстрактной форме, и, что самое главное, его идеалистические воззрения так или иначе наложили свою печать на их решение» [10, с.18].

Анализ текста «Введения» показывает, что первый путь политической экономии — это путь от сложного конкретного к простейшему конкретному, а второй путь, это путь от простейшего к сложному конкретному.

«Кажется правильным начинать с реального и конкретного... если бы я начал с населения, то это было бы хаотическое представление о целом, и только путем более детальных определений я аналитически подходил бы ко все более и более простым понятиям: от конкретного, данного в представлении, ко все более и более тощим абстракциям, пока не пришел бы к **простейшим определениям**. Отсюда пришлось бы пуститься в обратный путь, пока я не пришел бы, наконец, снова

к населению, но на этот раз не как к хаотичному представлению о целом, а как к некоторой богатой совокупности многочисленных определений и отношений.

Первый путь — это тот, по которому политическая экономия исторически следовала в период своего возникновения. Например, экономисты XVII столетия ... заканчивают тем, что путем анализа выделяют некоторые определяющие абстрактные всеобщие отношения, как разделение труда, деньги, стоимость и т. д. Как только эти отдельные моменты были более или менее зафиксированы и абстрагированы, стали возникать *экономические системы, восходившие от простейшего*... Последний метод есть, очевидно, правильный в научном отношении» [6, с. 37].

Ни во Введении, ни в других работах Маркс не пишет о том, что «восхождение от абстрактного...» — единственно научный метод. Во «Введении» Маркс использует формулу «восхождения от абстрактного...», критикуя метод Гегеля: «Гегель поэтому впал в иллюзию, понимая реальное как результат себя в себе синтезирующего, в себя углубляющегося и из самого себя развивающегося мышления, между тем как *метод восхождения от абстрактного к конкретному* есть лишь тот способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное... Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного» [6, с. 37 —38]

Маркс дает полную формулировку правильного в научном отношении метода далее. Он пишет о том, что «деньги могут существовать и исторически существовали раньше капитала, раньше банков...» и приходит к выводу «в этом смысле *ход абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному*, соответствует действительному историческому процессу» [6, с.39].

Уточнение научного метода кажется мудрствованием вокруг мелочей, но между двумя «восхождениями» есть принципиальное различие. Первое предполагает переход от абстрактного к конкретному, в то время как второе – движение или развитие исключительно в области конкретного: «восхождение от простейшего *конкретного* к сложному *конкретному*».

Маркс приводит пример меновой стоимости – это не абстракция, а простейшее конкретное, которое «существовать только как абстрактное, одностороннее отношение некоторого уже данного конкретного живого целого». Меновая стоимость как конкретное простейшее становится односторонним отношением сложного конкретного, живого целого и только в этом смысле абстрактным отношением. Но не наоборот.

Метод «восхождения от простейшего конкретного к сложному конкретному», принципиально отличен от гегелевского. Восхождение идет по диалектическим законам общим мышлению и бытию в рамках материализма. Он позволяет ответить на вопрос, каков же «процесс возникновения самого конкретного». И в истории, и в познании процесс возникновения конкретного – это «восхождение от простейшего к сложному», диалектический закон развития общий мышлению и бытию.

3. Направление исследования – анализ материалистического метода Маркса, и поиск простейшего конкретного

Текст «Введения» вызывает вопросы. «Возникает вопрос, почему Маркс характеризует свой метод как метод восхождения от абстрактного к конкретному. Не вернее и не точнее ли было бы его определить как метод движения мысли от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному, но уже к такому конкретному, которое познано на основе глубокого анализа, со всем богатством его определений? (Почему – С.А.) Маркс для определения своего метода взял только вторую часть этого единого процесса познания» [11, с. 304].

Почему он выходит за рамки объекта и ставит вопрос о том, «...не имело ли место также и независимое историческое или естественное существование этих простых категорий до появления более конкретных категорий?» [6, с. 38]. «Простейшая экономическая категория... меновая стоимость... может существовать только как абстрактное, одностороннее отношение некоторого уже данного конкретного живого целого. Напротив, как категория, меновая стоимость ведет допотопное существование» [6, с.38].

Ключ к пониманию метода Маркса дает ссылка на «экономическую клеточку» в предисловии к первому тому Капитала. Можно предположить, что Маркс согласовывал свой метод с передовой по тем временам клеточной теорией Т. Шванна (1839) и Р. Вирхова (1858 г.), согласно которой развитие и дифференциация клеток многоклеточного организма начинается с клетки, имеющей самостоятельное существование.

«Товарная форма продукта труда, или форма стоимости товара, есть форма экономической клеточки буржуазного общества» [8, с.6] это (1) простейшее конкретное, имеющее самостоятельное историческое существование, и (2) простейшее, одностороннее отношение некоторого уже данного конкретного живого целого, из которого развивается весь экономический организм.

Согласование с геномикой позволяет обнаружить простейшее не на клеточном, а на молекулярном уровне, на уровне «экономической молекулы ДНК».

Литература:

1. Вазюлин В. А. Логика «Капитала» К. Маркса. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. — 295 с.
2. Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К.Маркса). М.: 2002. — 321 с.
3. Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960. — 285 с.
4. Кушин И. А. Диалектическое строение капитала К. Маркса. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. — 180 с.;
5. Маньковский Л. А. Логические категории в «Капитале» К. Маркса //М.: Издательство Московского Государственного педагогического института им. В. И. Ленина Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, 1962. Т. 179. —320 с.
6. Маркс К. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч.1 — М.: Политиздат, 1962.
7. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. — М.: Политиздат, 1960.
8. Розенберг Д. И. Комментарии к «Капиталу» К. Маркса. М.: Экономика, 1984. — 720 с.
9. Розенталь М. М. Диалектика «Капитала» К. Маркса. Изд. 2-е доп. и переработ. М.: «Мысль», 1967. —592 с.
10. Розенталь М.М. Вопросы диалектики в «Капитале» Маркса. М.: Госполитиздат, 1955. — 428 с.
11. Типухин В. Н. Метод восхождения от абстрактного к конкретному в «Капитале» К. Маркса //Омск: Труды Омского с-х. ин-та им. С. М. Кирова, 1961. Т. XLV. — 180 с.

К.А.Хубиев

МГУ имени М.В.Ломоносова, Экономический факультет. Доктор экономических наук

khubiev48@mail.ru

Аннотация. Деньги – одно из величайших творений человечества. Авторство данного творения принадлежит экономической деятельности человечества на протяжении тысячелетий. За этот длительный период продукт глобального творения непрерывно развивался. Лишь в контексте общего исторического развития можно раскрыть происходящие изменения в природе и функциях денег в виде криптовалюты. История развития денег свидетельствует о неуклонном движении к качеству всеобщей формы общественного богатства. Исторически совершался процесс накопления в единичном (деньги) свойств всеобщего (развернутый мир благ). Электронная форма денег была последней формой перед появлением криптовалюты. Но качество всеобщности ограничивается государственным декретированием и контролем. Криптовалюта оказалась способом преодоления данного ограничения. Контроль вытеснен доверием. Но новая форма порождает комплекс проблем, связанных с гарантиями, защитой, страхованием и способом осуществления функций денег. Подходу к данной проблеме и попыткам определения зачатков качественных и количественных изменений денег в феномене их нового облика посвящена данная работа.

Ключевые слова. Деньги, капитал, богатство, криптовалюта, единичное, всеобщее, всеобщая форма богатства

Под знаком четвертой промышленной революции происходит проникновение цифровых технологий во многие важнейшие сферы экономики. Финансовый сектор оказался в числе лидеров. Но нет еще теоретически обоснованных оценок содержания новых технологий и связанных с ними рисков и выгод. Сложность и многоуровневость данной области распространения цифровых технологий требует выработки соответствующего методологического подхода. Основы наиболее развитой методологии и теории возникновения и развития денег содержится в «Капитале» К.Маркса. Выделим несколько важных положений:

- Прежде всего, со стороны практики это великая инновация в экономической истории. Деньги - это не благо, удовлетворяющее какие-либо человеческие потребности, а нечто большее, общественно значимое. Это благо общественного транзакционного уровня, масштабы выгод от которого не поддаются ни расчетам, ни воображению. Это ценность феноменально общественного уровня. В данном случае мы имеем в виду только определенность денег как таковых, о чем будет сказано ниже.
- Деньги всеобщая форма общественного богатства. В единичном (деньги) представлено всеобщее, весь качественно разветвленный мир товаров и услуг и даже нерукотворных ценностей. Это качество обеспечивается «боевой готовностью» денег ко всеобщей непосредственной обмениваемости.
- Из всеобщности богатства вытекает власть денег над миром благ. Общественная власть в рыночной экономике является силой частного лица. Теперь уже всеобщее концентрируется в единичном.
- Деньги обладают монополиями на функцию всеобщего средства обращения. Однако структуры публичной власти и управления всегда стремились монополизировать контроль над функцией денег. Декретированная форма современных денег отражает эту монополизацию монополии. Однако эти внешние ограничения противоречат природе всеобщности формы денег. Стремление к всеобщности движет внутренне развитие денег к своей адекватной форме – абсолютному качеству или «качеству без дальнейших определений». Нам представляется, что появление криптовалюты - это попытка денег преодолеть институциональные ограничения и выйти на новый этап всеобщности, где вместо внешнего контроля появляется ключевое понятие «доверие». На основе затронутой методологии предстоит исследовать возможные последствия этого качественно нового уровня развития денег в направлении всеобщности: какие выгоды

и риски могут наступить с распространением новой формы денег в систему экономических отношений, какие защитные гарантии и механизмы, каковы будут сравнительные транзакционные издержки.

- Для корректности анализа предварительно рассмотрим простое содержательное отличие денег как таковых и усложненных экономических отношений, где деньги содержательно служат формой для более сложных экономических отношений.

Развитие качества всеобщности денег происходит в разных направлениях: натуральных и общественных. Движением к единому качеству денежного материала, портативности, мобильности, сохранности товарные деньги сменялись металлическими, затем бумажными, безналичными, электронными. Криптовалюта, очевидно, является этапом движения в этом направлении.

Другой линией развития всеобщности денег является качество непосредственной обмениваемости, в чем проявляется их всеобщая форма общественного богатства. Эти две линии взаимосвязаны. Например, появление электронной формы денег увеличило силу непосредственной обмениваемости или качество всеобщности формы общественного богатства.

Теперь рассмотрим цифровой фактор в развитии экономических отношений, сопровождаемых деньгами от простого к сложному. Криптовалюта, очевидно, сохраняет все функции денег, но она освобождается от всех ограничений, связанных с деятельностью регулятора. Освобождение от внешних регуляторных ограничений, очевидно и есть этап развития всеобщности денег как таковых. Правда здесь возникает вопрос о стоимостной генетической основе денег, которая в системе декретированных денег перерастает в резервное обеспечение.

Имея собственное содержание, деньги становятся формой капитала. Капитал – это не очередной этап развития денег, а другое отношение, для которого необходимо денежное сопровождение. Становясь формой движения капитала деньги, сохраняют свое содержание и формы проявления, в том числе в виде их функций. Природа капитала как возрастающей стоимости не претерпевает существенных качественных изменений. Но количественные изменения происходят. Например, цифровые технологии повышают производительность, вытесняют живой труд, сокращают издержки и увеличивают прибыль. Вытесненный живой труд пополняет технологическую безработицу. Отношение капитала развивается в сторону одного полюса.

История развития денег свидетельствует о неуклонном движении к качеству всеобщей формы общественного богатства. Исторически совершался процесс накопления в единичном (деньги) свойств всеобщего (развернутый мир благ). Электронная форма денег была последней формой перед появлением криптовалюты. Но качество всеобщности ограничивается государственным декретированием и контролем. Криптовалюта оказалась способом преодоления данного ограничения. Контроль вытеснен доверием. Но новая форма порождает комплекс проблем, связанных с гарантиями, защитой, страхованием и способом осуществления функций денег.

Прогнозируемое распространение криптовалюты требует комплекса новых научных и практических решений. Научным фундаментом послужит методологический подход, основанный на диалектике единичного и всеобщего (через особенное)

Каждый этап развития денег сопровождался нарастанием рисков. Появление монет и бумажных денег - фальшивомонетничеством. С появлением электронной формы денег появилось кибермошенничество. Появление криптовалюты сопровождается оценками в розовых тонах. Но закономерная линия, по нашему мнению, продолжится. Основанием для рисков является отрыв денег от своей генетической стоимостной основы. Труд майнеров криптовалюты стоимость не создают, резервных учреждений нет. Едва ли все это можно заменить доверием, не являющимся в строгом смысле экономической категорией. На теоретической и практической повестке дня актуально стоят задачи упреждающего изучения соотношения выгод и рисков, связанных с появлением и распространением криптовалюты.

Кооперативная система хозяйствования как альтернативная модель социально-экономического устройства России

Царик А.А.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет политологии,
студент*

zariksasha852@gmail.com

Социально-экономическое неравенство – это тема, которая в условиях капиталистической системы общественных отношений является одной из самых актуальных и волнует сейчас, пожалуй, каждого человека на земле. Поиск альтернативной модели социально-экономического устройства представляет научный интерес на протяжении последних десятилетий.

Такая модель в рамках одного хозяйства была создана и использована в конце 1980-х гг. в колхозе имени Орджоникидзе Акушинского района Дагестанской ССР. Председатель колхоза Магомед Абакарович Чартаев разработал новую и очень своеобразную систему организации производства – пример соединения частного и общественного интересов. Чартаев создал комплексную модель, действующую на базе рыночных отношений, но близкую даже не к советским колхозам, а к тому «строю цивилизованных кооператоров», о котором в начале 1920-ых годов писал В.И. Ленин в своей работе «О кооперации».

В соответствии с разработанным руководством колхоза планом каждому жителю территории колхоза открывался именной счет (счет открывается по факту рождения человека на этой земле), на который поступала часть средств, заработанных всем хозяйством. Также каждому работнику открывался второй счет, на который начислялись средства, полученные от продажи выращенного урожая.

Но самое главное, исключительно иное качество, которое отличало данное хозяйство от капиталистического, заключалось в следующих принципах:

1. Все работники являлись собственниками-совладельцами имущества хозяйства. На собрании работников колхоза принятие решений осуществлялось на основе принципа «один человек - один голос».
2. Расчетное распределение между работниками дохода от продажи продукции хозяйства осуществляется по социалистическому принципу. Участие работников в доходе хозяйства в зависимости от результата их труда и величины средств, вложенных ими в имущество колхоза.
3. Рыночным механизмом регулируется принцип формирования дохода работника (коллектива работников). Последний получает разницу между стоимостью произведенной и проданной ими продукции и его затратами на ее производство и сбыт.
4. Плата работником за используемые им основные фонды хозяйства (оборудование, сырье, земля, скот) в форме арендной платы.
5. Размер оплаты труда руководителей определяется на общем собрании работников или же на собрании уполномоченных представителей трудовых коллективов коллективного хозяйства в соответствии с размером дохода хозяйства, причитающегося каждому из них с учетом его конкретного вклада в производство и сбыт продукции хозяйства.
6. Система внутрихозяйственного хозрасчета на основе согласованных самими работниками цен.
7. Увязка результатов труда отдельного непромышленного производителя и всех тех, кто прямо и косвенно его обслуживает как внутри хозяйства, так и за его пределами.
8. Работники хозяйства сами инвестируют в развитие колхоза.
9. Право жителей данной территории на получение дохода от природных ресурсов, вовлеченных в производство.
10. Неприкосновенность собственности Союза.
11. Полная независимость хозяйственной деятельности от государственных органов и общественно-политических организаций.
12. Выборность коллегиального руководства.
13. Отчетность перед владельцами-собственниками всех органов управления.

Каковы же были итоги работы коллективно-кооперативного хозяйства по рассматриваемой системе? В 3-4 раза в первые три года функционирования Чартаевской системы уменьшилась себестоимость выпускаемой колхозом продукции, за 10 лет возросла в 64 раза производительность труда, валовая продукция сельского хозяйства с 1985 по 1993 год увеличилась более чем в 14 раз при той же численности работников, урожайность возросла в 3 раза. Также в 3 раза увеличилось поголовье крупного рогатого скота. Повысился уровень жизни в колхозе относительно остальной страны, каждый работник коллективно-кооперативного хозяйства имел свой трехэтажный дом, уже через несколько лет после начала экономического эксперимента рождаемость в 6 раз превысила смертность.

Однако самое главное достижение экономической модели Чартаева – это преодоление отчуждения работника от продукта своего труда, путем появления заинтересованности работников в результатах своего труда, а также успехах своего соседа и ответственности за свою работу всех участников производства вне зависимости от должности. В ходе такой трансформации социально-экономических отношений произошло также изменение существующей системы духовных ценностей, центр внимания в такой общественной системе занял человек. Было разрешено противоречие между общественной и частной собственностью. Экономическая модель Магомеда Чартаева способствовала свободному развитию индивида, сведению к минимуму власти государства в экономической сфере.

В заключение стоит сказать, что такая социально-экономическая модель может стать ячейкой нового иного общества, общества, где средства производства находятся в коллективной собственности и полностью преодолено отчуждение работника от результатов своего труда.

Литература:

1. Чартаев М.А. «Союз собственников-совладельцев – выход из тупика», 1995.
2. Чартаев М.А. «Ищите главное звено», 1991.
3. Чартаев М.А. «Чья земля?», 1991.
4. Чартаев М.А. «Устав союза собственников-совладельцев «Шукты», 1996.
5. Тюрин Г.В. «Модель комплексного развития сельской общины Магомеда Чартаева» из книги «Как поднять нашу глубинку. Локальная экономика в России и в мире», 2017.
6. Сивако С.Н. «Идеи самоуправления становятся жизненной практикой: система Чартаева», 2002.
7. Ленин В.И. «О кооперации», 1923. Полн. собр. соч., т. 45, С. 370—371.

К вопросу о возможности посткапиталистического общества: опыт синтеза теории ноономики С.Д. Бодрунова и Франкфуртской школы

Шачин С. В.

Мурманский Арктический государственный университет, доцент кафедры философии и социальных наук, кандидат философских наук, доцент

s_shachin@mail.ru

Аннотация: Цель доклада состоит в обозначении пути решения вопроса о возможности посткапиталистического общества. За основу берётся разработанная С.Д. Бодруновым теория ноономики как постэкономики, или экономики, основанной на развитии разума. Поскольку при этом происходит дематериализация производства и общественной жизни, общественные отношения становятся посткапиталистическими. Дополняется теория С.Д. Бодрунова концепцией коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса и А. Хоннета как лидеров Франкфуртской школы. Необходимость такого теоретического синтеза обусловлена феноменологией разума, что не позволяет сводить его только к когнитивному и производственно-прикладному аспекту. Проводится анализ разума и вскрываются его различные уровни: теоретический, инструментальный, практический и коммуникативный разум. Ноономика предполагает сбалансированное и равномерное развитие трёх уровней рациональности: когнитивно-инструментального, морально-практического и эстетически-экспрессивного, в связи с чем её теория может стать универсальной познавательной парадигмой, закладывающей основу для диалога между представителями различных сообществ, реализующих разные формы разума.

Ключевые слова: ноономика, инструментальный разум, коммуникативный разум, технологии доверия, посредничество, свобода, справедливость.

To the possibility of a post-capitalist society: experience of synthesis of noonomics theory by S.D. Bodrunov and Frankfurt school. Shachin S. V.

Murmansk Arctic State University, Department of Philosophy and Social Sciences

Abstract: The purpose of the report is to identify a solution to the possibility of a post-capitalist society. It is based on S.D. Bodrunov's theory of noonomics as a post-economy, or an economy based on the development of reason. As the formation of noonomics results in the dematerialization of production and social life, social relations become post-capitalist. Further, S.D. Bodrunov's theory is supplemented by the concept of communicative rationality by Yu. Habermas and A. Honneth as leaders of the Frankfurt School. The need for such theoretical synthesis stems from the phenomenology of the mind conducted in the report, which does not allow it to be reduced only to the cognitive and production-application aspect. The analysis of the mind is carried out and its various levels are revealed: theoretical, instrumental, practical and communicative mind. Noonomics involves the balanced and balanced development of three levels of rationality: cognitive-instrumental, moral-practical and aesthetically-expressive, in connection with which this theory can become a universal cognitive paradigm, laying the basis for dialogue between representatives of different communities implementing different forms of mind.

Keywords: noonomics, instrumental mind, communicative mind, trust technologies, mediation, freedom, justice.

1. Введение: к вопросу о возможности конструктивной критики современного капиталистического общества.

В книге по теории социализма один из лидеров Франкфуртской школы А. Хоннет пишет, что в современном западном сознании господствует массовое возмущение несправедливостью, царящей в кризисном капиталистическом обществе, но отсутствует сколь-нибудь серьёзное представление о том, как же должно выглядеть более совершенное общество, которое призвано прийти на смену современному [6, S. 15 – 16]. Можно в качестве причины такого положения дел считать недостаточное развитие критической методологии осмысления экономических процессов в силу доминирования неолиберальной парадигмы, а данное обстоятельство имеет уже более глубокое основание, заключаю-

щееся в том, что общественные порядки современного глобального неолиберального капитализма содействуют становлению превратного мировоззрения, характерного для товарно-денежного фетишизма [об этом см.: 3, т. 1, с. 242 – 243; т. 2, с. 83 – 85].

И всё-таки возмущение несправедливостью, с которого Хоннет начинает свой анализ, имеет основой не просто эмоциональную реакцию маргинализирующихся общественных групп, превращающихся в «прекариат», а объективные процессы в самом экономическом фундаменте современного общества, которые, нарастая, приводят к универсальной трансформации капитализма. Дело в том, что подвергается всё большему отрицанию сам экономический характер общества, предполагающий недостаточность материальных ресурсов и обязательность труда исключительно ради борьбы за существование, поскольку производительные силы в обозримой исторической перспективе достигают такого уровня, что материальное производство будет передано автономным техническим системам и искусственному интеллекту, которые будут производить все блага, необходимые для выживания индивида и человеческого рода в целом.

2. Методологические идеи С.Д. Бодрунова: к определению понятия ноономики как посткапиталистической экономики.

Итак, на смену экономики приходит ноономика, что показал в своём труде С.Д. Бодрунов [2, с. 128 – 129, 149 – 151]. Это предполагает, что ценность знания в стоимости готового продукта труда будет прогрессирующе возрастать, а материально-вещественной составляющей – уменьшаться (что даёт своего рода крест на графическом изображении) ([1]; [2, с. 78 – 79, 215]). Отсюда вытекает, что отношения собственности по поводу средств производства будут во всё большей мере становиться незначимыми, а на передний план в качестве критерия общественного положения человека будет выходить уровень его общего образования и – самое главное – креативности [2, с. 105 – 108]. В результате возникает важный комплекс общественных конфликтов: прежде всего между креативной элитой общества, которая получила доступ к качественному образованию и сформировали в себе мотивацию к саморазвитию и деятельности на благо общественного целого, и остальным обществом, члены которого не научились творчеству или не имеют достаточных личностных способностей для него, а вместо этого стремятся к удовлетворению «симулятивных потребностей» (т.е. излишеств или потребностей, которые в принципе не могут быть удовлетворены, но могут сопровождаться растратой ресурсов) [2, с. 187 – 196, 201 – 202, 209 – 212, 220 – 223.]. Вторым конфликтом является то, что прогрессирующее высвобождение работника из сферы материального производства приводит к увеличению свободного времени, однако при капитализме существует жёсткая структура «работы на выживание – потребления в свободное время»; следовательно, большинство людей может развивать всё более симулятивные потребности, расточающие ресурсы и делающие невозможным переход к ноономике, что может иметь своим последствием срыв человечества в ситуацию тотального рабства «техноцивилизации» [2, с. 119, 213 – 215, 251].

3. Некоторые направления творческого продолжения теории ноономики: общеполитические соображения

Творческое продолжение концепции С.Д. Бодрунова возможно на основе философского анализа самого разума как такой способности человека и рода в целом, которая может предложить ориентиры для создания совершенного общественного строя, гарантирующему соблюдение человеческого достоинства каждого, а не монстра «цифрового концлагеря», в котором каждый будет принуждаем к соучастию в накоплении капиталов кучки избранных посредством манипуляции его сознанием и тотального контроля за его поведением.

Общество сможет взять под контроль процесс материального производства в условиях ноономики путём развития той формы разума, которую открыли теоретики Франкфуртской школы Ю. Хабермас и А. Хоннет – это коммуникативный разум. Данный разум содержится в языке в качестве предпосылок взаимопонимания между участниками диалога. Носителем такого разума является коммуникативная общественность, т.е. сообщество людей, способных к публичному применению своего разума в ходе дискуссий о смыслах и перспективах общественного развития. Коммуникативная общественность есть самая творческая сила демократического правового государства, а последнее и является той социальной силой, которая сумеет реформировать капитализм в направлении его всё большей гуманизации.

Следовательно, экономические отношения в ноономике должны быть устроены таким образом, чтобы способствовать развитию институтов коммуникативной общественности [4]. Чтобы конкретизировать эту идею, необходимо согласовать друг с другом развитие сфер семьи, гражданского общества и государства как трёх подсистем общества с целью высвобождения их разумного потенциала (каким образом это сделать – показал А. Хоннет в книге «Право свободы» и в книге «Идея социализма») [5].

Развитие теории ноономики возможно на основе методологии, восходящей к классическому немецкому философскому рационализму, традицию которого продолжает Франкфуртская школа. Разум можно понимать как так называемое «конкретное тождество» (Г. Гегель), то есть как единство в многообразии и многообразии, восходящее к единству. Очевидно, что философы могут дополнить экономиста: последний рассматривает разум прежде всего под аспектом применения его потенциала людьми в их в хозяйственной деятельности, а философы показывают, что разум есть сложный комплекс форм, имеющих свои собственные познавательные возможности и своё содержание, выражающее коллективный опыт взаимоотношений человеческого рода и бытия: как единство прикладного уровня, воплощенного в технологиях, и более глубоких уровней разума – теоретического, практического и коммуникативного. Ноономика предполагает развитие разума во всех его составляющих, а не просто прикладного уровня разума. Переход же от экономического к социально-философскому анализу ноономики позволит найти сделать теорию С.Д. Бодрунова междисциплинарной, интересной и социологам, и психологам, и педагогам. Тем самым социальные науки станут вносить важный вклад в процесс становления нового (6-го) технологического уклада, а не будут ограничиваться чисто прикладным аспектом когнитивистики, о чём также пишет С. Бодрунов, сетуя тем самым на то, что социальные науки пока ещё не в состоянии сказать своё важное слово, нужное для экономического развития человечества [2, с. 151].

4. К вопросу о синтезе теории ноономики и социальной философии Франкфуртской школы на основе анализа коммуникативного разума.

Если мы связываем ноономику со знаниями, которые реализованы в технических системах, то мы для начала должны понять, какие именно знания могут быть предметом нашего анализа. Прежде всего речь идёт о тех, которые дают экономическую эффективность, повышают производительность труда и увеличивают материальное благополучие общества в целом, что несомненно. Однако экономическая эффективность не может иметь последний голос при решении вопроса об ориентирах развития ноономики.

Первым шагом для выработки приемлемой альтернативы являются постепенно распространяющиеся в среде прогрессивных капиталистов представления о социальной ответственности бизнеса в масштабе общества в целом. Следующий важный шаг заключается в том, чтобы ориентироваться на отдалённые последствия деятельности капиталистических организаций и общества в целом: в таком случае в сознании общественности также постепенно распространяются идеи устойчивого и сбалансированного развития. Здесь мы и выходим на необходимость развития гуманитарного познания.

С.Д. Бодрунов близко подходит к идеям о коммуникативном разуме, когда пишет, что при генезисе ноономики всё большее развитие получают «*технологии доверия*», дающие возможность сотрудничества без посредников – это касается экономических отношений между людьми, в форме которых происходит удовлетворение потребностей» [2, с. 269]. Продолжая эту мысль, можно отметить диалектику снятия экономического посредничества при сохранении посредничества как такового, предполагающего смену его формы с экономической на герменевтическую. Содержание технологий доверия может быть конкретизировано в том смысле, что они будут способствовать установлению символических взаимосвязей между социальными классами, далеко отстоящими далеко друг от друга на иерархической лестнице: жизненные миры этих сообществ станут проницаемыми друг для друга, в результате будет возможным формирование мировоззрения, в котором будет совершенно опосредование конфликтующих позиций. Например, мы можем представить диалог между бедным и богатым так: одна сторона покажет, сколько радостей можно найти и за пределами денежных отношений, а другая – поделится своим опытом разумного (а не расточительного) применения богатства; также – и диалог между специалистом в узкой области и универсалом, остающимся дилетантом в деталях; диалог между носителями различных форм постижения истины – эстетической, научной, этической, религиозной и пр.

5. Заключение.

Таким образом, благодаря развитию в человечестве коммуникативного разума будет обеспечено сбалансированное и равномерное развитие трёх измерений рациональности: когнитивно-инструментального, морально-практического и эстетически-экспрессивного, и предотвращено имеющее место сегодня навязывание логики первого измерения всем остальным ценой необратимой деформации самих способов порождения знаний в этих измерениях (в чём и заключается современная форма «товарно-денежного фетишизма»). Ноономика как особая стадия развития общества, предполагающая преодоление диктата экономической необходимости над человечеством, будет иметь вторую составляющую, внеэкономическую: научно-техническое и производственно-прикладное знание должно быть дополнено таким знанием, которое будет получено путём развития в человечестве коммуникативного разума.

Литература:

1. Бодрунов С.Д. Нооиндустриальное общество: шаг к неэкономическому развитию. // Экономическое возрождение России. 2018. № 1 (55). С. 5 – 15.
2. Бодрунов С.Д. Ноономика. – М.: Культурная революция, 2018.
3. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. – М.: ЛЕНАНД, 2015. Т.т. 1, 2.
4. Шачин С.В. Коммуникативная теория разума Ю. Хабермаса: Опыт диалектической реконструкции теории коммуникативного действия. – М.: Эдиториал УРСС, 2019.
5. Шачина А.Ю., Шачин С.В. Обзор книги: Honneth A. Das Recht der Freiheit: Grundriss einer demokratischen Sittlichkeit. В.: Suhrkamp, 2011. // Кантовский сборник. 2012. № 1 (39). С. 91 – 100.
6. Honneth A. Die Idee des Sozialismus – Versuch einer Aktualisierung. Berlin: Suhrkamp-Verlag, 2015.

Яковлева Н.Г.

МГУ им. М.В. Ломоносова: Научно образовательный центр современных марксистских исследований философского факультета - ведущий научный сотрудник. Центр экономической теории социального сектора Института экономики РАН - ведущий научный сотрудник. Кандидат экономических наук

tetn@yandex.ru

Аннотация: Определяется основное противоречие процесса образования на современном этапе развития общественно-экономической системы (позднего капитализма), заключающее в том, что образование, являясь по своей природе общественным благом в системе позднего капитализма, приобретает форму коммерческой услуги. Фиксируются негативные тренды в сфере образования и воспитания – коммерциализация, менеджеризация, бюрократизация и финансиализация, характеризующие ее кризисное состояние. Определяются причины трансформации сферы образования, в основе которых лежит диалектическая связь между социально-экономическими отношениями в соответствующей общественно-экономической системе и системой образования и воспитания в данном обществе. А именно, образование в широком понимании (обучение и воспитание), с одной стороны, обусловлено доминирующими социально-экономическими отношениями, с другой стороны является важнейшей сферой, оказывающей сильное влияние на их (отношений) формирование и развитие. Подчеркивается, что социально-экономические отношения, характерные для той или иной общественно-экономической системы, формируют определенный тип личности.

Ключевые слова: социально-экономические отношения, образование, обучение и воспитание, кризис образования, коммерциализация образования, тип личности.

Education in XXI century: social-philosophical and political economy view. Yakovleva N.G.

Lomonosov Moscow State University: Faculty of Philosophy (Center of modern Marxist research). Institute of Economics (Centre of Economic Theory of the Social Sector), Russian Academy of Sciences

Abstract: The main contradiction of the process of education at the present stage of development of the socio-economic system (late capitalism) is determined. Education, being by its nature a public good, takes the form of a commercial service in the system of late capitalism. Recorded negative trends in the sphere of education – commercialization, managerization, bureaucratization and financialization. The reason for the transformation of education is the dialectical relationship between socio-economic relations in the corresponding socio-economic system and the system of education and upbringing in this society. On the one hand, socio-economic relations that dominate the socio-economic system condition education. On the other hand, education is an important area that has a strong influence on the formation and development of social relations.

Keywords: socio-economic relations, education, training and upbringing, education crisis, commercialization of education, personality type.

Многие ученые и практики во всем мире подчеркивают, что стратегическим ресурсом дальнейшего развития общества и экономики в XXI веке являются не финансовые или природные ресурсы, а человеческий ресурс, а точнее, творческий потенциал человека. Для этого необходимы соответствующая система воспитания и образования, направленные на всестороннее гармоничное развитие личности.

Однако сегодня в России и во многих других странах мира наблюдается кризис сферы образования, который выражается в негативных процессах коммерциализации и бюрократизации образования и, как следствие, экономизации деятельности школ и университетов и менеджеризации в их управлении.ⁱ Современное образование из сферы творческой и содержательной все больше превращается в казарменно-офисную сферу с жесткими формальными правилами и процедурами.

Все это следствие того, что образование, по природе своей являющееся общественным благом, на

ⁱ Подробнее о вышеупомянутых негативных процессах в образовании см. в статье автора [1, с. 122-131].

этапе позднего капитализма, приобрело форму коммерческой услуги. Для сферы образования в данных условиях, характерно глубокое противоречие. С одной стороны, Четвертая промышленная революция, и технологический прогресс обуславливают изменение роли образования в социальной жизни – экстенсивный («вширь») и интенсивный («вглубь») прогресс образования во всех возможных формах, что приводит к социальной востребованности образования для всех и через всю жизнь. Как таковое образование – это создание неограниченных общественных благ (благ, которые можно «раздавать, не теряя»), и как таковое оно должно было бы и с социальной точки зрения быть общедоступно (в частности, бесплатно для учеников, финансируясь из общественных источников – государством, некоммерческими организациями и фондами и т.п.). С другой стороны, усиление неолиберальных трендов, де-социализация и сокращение общественного (государственного и т.п.) финансирования гуманитарного сектора экономики, в частности образования, приводит к обратным результатам.

Причины данной трансформации образования следующие.

1. Образование и воспитание в том или ином обществе определяется системой социально-экономических отношенийⁱ

Например, в докапиталистических общественно-экономических системах, образование необходимо было исключительно для власти господствующего класса, который только и имел доступ к образованию. Для буржуазной общественно-экономической системы индустриального типа образование уже было необходимо не только для управления производственной сферой, но и для ее непосредственного функционирования, отсюда расширившийся доступ к образованию и появление рабочих специальностей и профессионального обучения. Сегодня, на этапе позднего капитализма, мы наблюдаем процессы финансиализации экономики, т.е. преобладание финансового сектора над реальным (производственным), отсюда и формирование системы массового образования, воспроизводящий в основном «офисный планктон», который необходим для обслуживания сферы услуг, в частности финансового сектора.

Вывод: цели и задачи системы образования и воспитания, его содержание и методы изменяются в различные эпохи (общественно-экономические системы), а в одну и ту же эпоху различно понимаются разными общественными силами.

2. Социально-экономические отношения формируют определенный тип личности.

Итак, как формируется человеческая личность? В раскрытии этого вопроса важной является социально-философская посылка, в соответствии с которой общественное бытие определяет общественное сознание.ⁱⁱ Наиболее точно это выражено в известной формуле К. Маркса, согласно которой сущность человека (имеется в виду его личности) «есть совокупность всех общественных отношений» [4]. Как утверждал философ Э. Ильенков, «Марксистское учение о человеке никогда не отрицало того бесспорного факта, что личность есть единство биологической, психологической и социальной структур, но марксизм рассматривает биологические и психологические особенности личности как свойства, формирующиеся социальным бытием, а потому и проявляющие себя только в социальном контексте» [5]. Иными словами, каждый человек представляет собой клубок или точнее сгусток тех общественных отношений, в системе которых он бытийствует, и его биологические и психологические особенности развиваются и проявляются именно под влиянием этих общественных отношений.

Вывод: каждой общественно-экономической системе, присущи свои закономерности формирования человеческой личности и типа личности. Поэтому в одной общественно-экономической системе формируется «человек патриархальный», в другой - «человек советский», в третьей - «человек экономический», а сегодня - «человек финансовый».

3. В связи с тем, что образование оказывает влияние на развитие личности, соответственно, оно может оказывать значимое воздействие на характер и возможные направления развития системы общественных отношений, общественного бытия. К. Маркс здесь подметил тонкую диалектическую взаимосвязь: «...С одной стороны, для установления правильной системы образования требуется изменение социальных условий, с другой стороны для того, чтобы изменить социальные условия, нужна соответствующая система образования» [6].ⁱⁱⁱ

ⁱ Более подробно о влиянии общественных отношений на систему образования см. в статье автора [2, с. 45-62].

ⁱⁱ Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание". Это положение настолько просто, что оно должно было бы быть само собой разумеющимся для всякого, кто не завяз в идеалистическом обмане" [3].

ⁱⁱⁱ Запись речей К. Маркса о всеобщем образовании в современном обществе (из протокола заседания Генерального совета 10 и 12 августа 1869 года).

Каким образом система образования в капиталистической общественно-экономической системе может влиять на общественные отношения, изменяя их в сторону прогресса общества и человека или наоборот регресса?

Для ответа на поставленный вопрос отметим, что система господствующих на современном этапе позднего капитализма отношений социального отчужденияⁱ подчиняет человека общественному разделению труда, рынку и капиталу. Человек становится марионеткой в руках капитала, ему становятся чуждыми его труд, коллектив, семья, в итоге сама его жизнь. В данных условиях система образования может быть ориентирована либо на снятие социального отчуждения в обществе, либо, наоборот, на его усиление.

Итак, в заключении отметим, что образование, т.е. обучение и воспитание в широком смысле этого слова имеет двойственную противоречивую природу, будучи продуктом господствующих социально-экономических и других общественных отношений и в тоже время важнейшей сферой, оказывающей сильное влияние на их (общественных отношений) формирование и развитие.

С одной стороны, социально-экономическая система, для которой характерен закат неолиберального этапа позднего капитализма [8], порождающий экспансию государственного авторитаризма и корпоративного бюрократизма (менеджеризма), формирует подобные изменения и в системе образования. Для последнего все более характерным становятся такие тренды как одновременная коммерциализация и бюрократизация, менеджеризм и финансиализация.

С другой стороны, система образования способна оказывать активное влияние на социальные процессы, предполагает возможность общественного человека, т.е. человека в его бытии творца истории, противостоять названным выше негативным процессам, происходящим в обществе в целом и в системе образования в частности. Для этого сама система образования и воспитания должна претерпеть глубокие изменения и стать общественным пространством, в котором осуществляется деятельность, нацеленная на снятие отношений социального отчуждения (разотчуждениеⁱⁱ) путем формирования всесторонне и гармонично развивающейся личности.

Литература:

1. Яковлева Н.Г. Коммерциализация, бюрократизация, менеджеризация образования постсоветской России: политэкономический взгляд // Проблемы теории и практики управления. 2017. №3. С. 122–131.
2. Яковлева Н.Г. Противоречия образования XXI века: взгляд сквозь призму марксистской методологии». // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия». 2018 № 6. С. 45-62.
3. Маркс К., Энгельс Ф. О воспитании и образовании. В 2-х т. Т. 2. – М.: Педагогика, 1978.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. - С. 265.
5. Духовное производство (социально-философский аспект проблемы духовной деятельности). М.,1981.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16.
7. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. Т. 2: Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы. Изд. 4-е. М.: ЛЕНАНД, 2018.
8. David M. Kotz. The Rise and Fall of Neoliberal Capitalism, Harvard University Press, 2015.
9. Булавка-Бузгалина Л.А. Разотчуждение: от философской абстракции к социокультурным практикам // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 169-179

i «В мире отчуждения собственные качества и способности Человека – творца истории (цели и средства, процесс и плоды его деятельности, его чувства и отношения к другим людям) превращаются в мир внешних, чуждых, неподвластных человеку и непознаваемых им социальных сил. Эти социальные силы – разделение труда и отношения эксплуатации, государство и традиция, денежный фетишизм и религия – как бы присваивают человеческие качества, и тем самым превращают Человека-творца в функцию и раба данных внеличностных сил» [7].

ii Булавка-Бузгалина Л.А. определяет понятие «разотчуждение» «снятие конкретно-исторических форм отчуждения посредством особого вида творческой деятельности, созидающей не только некий готовый результат («вещь»), но и новое общественное отношение, несущее в себе развернутую логику его сотворения (становления)» [9, с. 169-179].

О некоторых направлениях прикладной этики

Алхасов А.А.

Ульяновский государственный технический университет, ассистент

alysh_alkhasov@mail.ru

Аннотация: Современные дебаты в области прикладной этики касаются широкого круга вопросов, включая как общие, так и специальные этические проблемы. В качестве философской дисциплины, основанной на единстве теории и практики, прикладная этика исследует наиболее актуальные вопросы морали, политики, права, справедливости, насилия, войны, здравоохранения, искусственного интеллекта и др. Этическое мышление, наряду с эмпирическими исследованиями, предоставляет замечательный материал для понимания нравственных норм, фактов, ценностей и моральных принципов, которые определяют поведение человека как морального субъекта. Наследие этики огромно. Целью этого доклада является рассмотрение трех областей прикладной этики: права и политики, здравоохранения, искусственного интеллекта.

Ключевые слова: прикладная этика, право и политика, *медицина, здравоохранение, искусственный интеллект*

On Some Approaches in Applied Ethics.

Alkhasov A.A.

Ulyanovsk State Technical University

Abstract: Contemporary debates in the field of applied ethics concern a wide range of issues, including both general and special ethical problems. As a philosophical discipline based on unity of theory and practice applied ethics takes the most urgent questions of morality, politics, law, justice, violence, war, healthcare, artificial intelligence et. c. into account. Ethical thinking, along with empirical research, provide a notable material for understanding moral standards, facts, values, and moral principles that determine the behavior of a person as a moral subject. The legacy of ethics is enormous. This report's aim is to explore the implications of three realms of applied ethics: law and politics, healthcare, artificial intelligence.

Keywords: applied ethics, law and politics, medicine, healthcare, artificial intelligence.

Прикладная этика как философская дисциплина уже сама разделилась на собственные исследовательские направления. Плоды подобной специализации становятся интересны и необходимы не только философам, но представителям других научных направлений. Как междисциплинарное направление прикладная этика вносит замечательный вклад в прояснение моральных вопросов медицины, биологии, развития технологий, государственного и социального устройства и т.д. Само это разделение на направления не всегда является строгим. Часто темы, поднятые в рамках одной темы, находят отклик в других. В этом докладе мы рассмотрим три направления прикладной этики.

Прикладная этика и вопросы права и политики

Прикладная этика в области права и политики имеет широкое поле для исследований. Помимо фундаментальных вопросов философии права и политической философии, исследователей интересуют следующие темы и проблемы:

- Этические проблемы и вопросы, с которыми сталкиваются институты правоохранительных органов от судов до исправительных учреждений.
- Моральные проблемы в области права на интеллектуальную собственность. Здесь рассматриваются такие проблемы как политическое регулирование прав на интеллектуальную собственность, наука и интеллектуальная собственность, размещение, лицензирование и защита интеллектуальной собственности.

- Проблемы ответственности и наказания, прощения, извинения и ретрибутивного наказания, проблемы коллективной ответственности, корпоративной ответственности и наказания, а также и вопросы возмещения и компенсации, например, в случаях, когда правительства тех или иных стран проводили жестокую политику по отношению к коренному населению.
- Связь насилия и морали. Здесь исследователи рассматривают вопросы легитимизации и утаивания жестокости, морали и посредников насилия и раскрывают различные взгляды по отношению к насилию со стороны виновных и потерпевших.
- Исследования пропорциональности наказания. В философскую дискуссию вводятся такие темы как проблемы пенитенциарной системы, серьёзность преступления, тяжесть наказания со стороны государства и т.д.
- Целый блок важных вопросов о социальной справедливости. В этом направлении рассматриваются проблемы справедливости в условиях неопределенности, социальная справедливость на практике, проблемы консервативной справедливости.
- Вопросы правовых методов, развития и приложения правовых норм. Здесь раскрываются взаимоотношение и влияние философии и права в прикладной этике, а в частном случае, такие темы как моральные аспекты адвокатской деятельности, уголовного преследования, гражданских судебных процессов и т.д. [см. 1]
- Вопросы дискриминации, неравенства и несправедливого обращения. Эта исследовательская область имеет пересечение с темой политической философии и патернализма.
- Проблема несправедливого наказания. Эта проблема тесно связана с пониманием моральной ответственности, реализация которой должна приводить к признанию несправедливого наказания и минимизации его последствий.
- Проблемы, касающиеся этики государственной политики. В этой сфере рассматриваются этические решения, связанные с философскими подходами к государственной политике, прагматическими проблемами государства, внешней и внутренней политикой, уголовным правосудием, налогообложением, семьей, голосованием, различными слоями населения и т.д. [см. 2].
- Проблемы войны и этики. Здесь исследователи ищут решения вопросов о моральных принципах, которые лежат в основе справедливой войны, об условиях их адаптации в процессе изменения социальных и военных обстоятельств. Сюда входят также темы о пацифизме, интервенции, моральном статусе гражданских лиц и врагов.

Прикладная этика и вопросы здравоохранения

Одни из самых острых и противоречивых дебатов в прикладной этике относятся к области медицины. Споры о концепции здоровья помогают по-новому взглянуть на моральную составляющую медицинской сферы. Прикладная этика стремится не только объяснить, но и выработать основы для принятия моральных действий в области здравоохранения.

Рассматривая, например, клиническую практику, прикладная этика, исследует организационные и институциональные вопросы, стремится выработать для них этически обоснованные решения. Внедрение технологий и развитие генной инженерии, которые устремлены на изменение природы живых существ с целью улучшения их здоровья, вызывает, однако, у многих людей сомнение и страх. Биотехнологии и их интеграция в повседневную жизнь человека являются одной из тем исследования прикладной этики. Этические споры в области биотехнологий показывают широту взглядов по этой теме, а также степень заинтересованности граждан той или страны в решении этого вопроса и степень готовности государств передавать гражданам право полномочий в его решении.

Вопросы предпочтения и автономии в связи с выбором способа ухода из жизни представляют собой другое исследовательское направление прикладной этики в области здравоохранения. Эта тема связана непосредственно с пониманием того, что является справедливым в здравоохранении, как должно быть оценено здоровье, каковы функции здоровья и чем оно отличается от других благ. Не последнюю роль здесь получают такие темы как индивидуальная ответственность сотрудников медицинских организаций, справедливое распределение медицинских услуг и других расходов.

В этике здравоохранения широко обсуждается тема самостоятельности пациентов. Здесь ключевыми вопросами становятся этика ухода, информирования и согласия в принятии медицинских решений, также взаимосвязь и доверие между врачом и пациентом. [см. 3]

Тема медицинского патернализма и антипатернализма, его различных форм и связь с репродуктивной медициной и автономией пациента является также весьма дискуссионной в философской среде. Изменения и реформы в области здравоохранения приводят к переосмыслению проблем, связанных с патернализмом в медицине.

Вопросы в сфере охраны психического здоровья, моральных аспектов независимости пациента, его права на конфиденциальность, понимания и определения психического заболевания, принятие этических решений в профессиональной медицинской сфере, создание медицинских этических кодексов дают плодородную почву для исследований в прикладной этике [см. 4].

Немаловажную роль в исследованиях по прикладной этике в области здравоохранения представляют темы о роли, истории и методах медицины, соотношения законодательства и институтов здравоохранения, моральных основ в вопросах оздоровления пациентов, биомедицинские и генетические разработки и сферы их применения.

Прикладная этика и вопросы искусственного интеллекта

Вопросы создания, становления и функционирования искусственного интеллекта (далее ИИ) в последнее время вызывают оживлённую полемику и дебаты. Может ли человек создать машины, которые будут не только выполнять сложные математические алгоритмы, но и «думать», «действовать» как сам человек? Реализация такого проекта направляет этические размышления в области робототехники, когнитивных наук, инженерии и т.д.

Сложность ИИ и быстрые темпы его развития дают широкий простор для исследования этических нюансов в рамках его интеграции в общество. С этим связаны такие вопросы как «Какой тип ИИ мы хотели бы получить?», «Каковы будут сферы его применения?», «Каковы будут моральные последствия специального и повсеместного использования ИИ?».

Другой стороной исследования становятся вопросы моральной ответственности как разработчиков, так и заказчиков (в широком и узком смысле) развития ИИ. Это даёт возможность для пересечения этого направления с областью профессиональной этики. Широкое технологическое пространство, возможные преимущества и минусы использования ИИ открывают дальнейшие перспективы для исследователей.

Ещё одним исследовательским направлением становится рассмотрение проблем и вопросов, связанных с возможностью появления морали у интеллектуальных машин [см. 5]. Это направление предполагает ещё долгую, кропотливую и совместную работу философов, инженеров, математиков, представителей естественнонаучных дисциплин и когнитивных наук.

Литература

1. Paulo N. The Confluence of Philosophy and Law in Applied Ethics. UK: Palgrave Macmillan, 2016. 250 p.
2. The Routledge Handbook of Ethics and Public Policy. Routledge Handbooks in Applied Ethics / Ed. by Lever A., Poama A. London: Routledge, 2019. 560 p.
3. Schermer M. The Different Faces of Autonomy: Patient Autonomy in Ethical Theory and Hospital Practice. Dordrecht: Springer Science+Business Media, 2002. 212 p.
4. Moyer M., Crews C. Applied Ethics and Decision Making in Mental Health. SAGE Publications, 2017. 635 p.
5. Pereira L.M., Saptawijaya A. Programming Machine Ethics. Springer International Publishing, 2016. 175 p.

В.И.Бакштановский

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тюменский индустриальный университет», директор НИИ прикладной этики, доктор философских наук*

priclet@tsogu.ru

М.В.Богданова

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тюменский индустриальный университет», главный научный сотрудник НИИ прикладной этики,
доктор социологических наук*

bogdanovamv@tyuiu.ru

Аннотация: Прикладная этика сегодня представлена множеством парадигм. В тезисах описаны методологические основания инновационной парадигмы прикладной этики. В отличие от традиционной парадигмы, в ее основе лежит идея двух способов приложения прикладной этики: как нормативно-ценностных подсистем, конкретизирующих мораль, и как теории конкретизации морали, проектно-ориентированного знания, технологий целенаправленных преобразований таких подсистем. Ноу-хау инновационной парадигмы – в акцентировании роли морального выбора в решении этико-прикладных задач. Представлен опыт игрового моделирования ситуаций морального выбора, характерных для переходного периода жизни общества. В том числе в сфере профессий, в ценностно-нормативном ярусе которых занимают особое место профессиональная автономия и саморегулирование. Проблематизирован потенциал инновационной парадигмы в познании ситуаций выбора в современном обществе.

Ключевые слова: инновационная парадигма прикладной этики, традиционная парадигма прикладной этики, ситуация морального выбора, игровое моделирование

**Applied Ethics: Apology for an Innovation Paradigm.
Bakhtanovsky, Vladimir Iosifovich ; Bogdanova, Marina Vladimirovna**

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Industrial University of Tyumen» (IUT), IUT Applied Ethics Research Institute (AERI)

Abstract: Applied Ethics Presented by Many Paradigms. The theses describe the methodological foundations of the innovative paradigm of applied ethics. Unlike the traditional paradigm, it is based on the idea of two ways of applying applied ethics: as normative-value subsystems that specify morality, and as a theory of concretization of morality, project-oriented knowledge, and technologies for targeted transformations of such subsystems. The know-how of the innovation paradigm is in emphasizing the role of moral choice in solving ethical and applied problems. The experience of game modeling of situations of moral choice, characteristic of the transitional period of society's life, is characterized. Including in the field of professions, in the value and regulatory tier of which occupy a special place professional autonomy and self-regulation. The topic of the potential of the innovation paradigm in understanding situations of choice in modern society is updated.

Keywords: innovative paradigm of applied ethics, traditional paradigm of applied ethics, situation of moral choice, game modeling

Инновационная парадигма прикладной этики

Прикладная этика сегодня уже является вполне очевидным и неотъемлемым элементом этического знания. Еще четыре десятка лет назад прикладная этика в нашей стране существовала в своей единственной – «тюменской» - ипостаси, которая отчаянно боролась за право существования. Сегодня ситуация иная: за характеристикой «прикладная этика» теперь стоит множество интерпретаций, парадигм.

В инновационной парадигме, наследующей той единственной ипостаси, (ее авторы В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов), акцентируется наличие двух способов существования фено-

мена «приложения» в прикладной этике: с одной стороны, как нормативно-ценностные подсистемы («малые системы»), конкретизирующие мораль (этика бизнеса, журналистская этика, биоэтика, университетская этика и т.п.). С другой – как теории конкретизации морали, проектно-ориентированного знания, фронестических технологий приложения, приуроченных для целенаправленных преобразований в «малых системах» [1]. При такой конкретизации феномена «приложения» важное значение имеет задача этической концептуализации соответствующей сферы нравственной жизни – предметного поля университетской этики, этики журналиста, этики воспитания и др. Два способа существования феномена «приложения» предусматривают, во-первых, исследование особенностей нормативно-ценностной системы той или иной сферы (своего рода конкретизацию морали), а, во-вторых – проектное воздействие на инфраструктуру соответствующей нормативно-ценностной системы.

Определение «инновационная» в наименовании парадигмы требует уточнения – в сравнении с чем она является инновационной? Прежде всего, в сравнении с традиционной парадигмой этики, в основе которой лежит идея наложения философского этического знания на практические проблемы. Ноу-хау инновационной парадигмы – в акцентировании роли морального выбора в решении этико-прикладных задач. При этом взаимодействие прикладной этики и моральной практики осуществляется через систему технологий как субъектно-субъектное отношение – между моральными субъектами.

В инновационной парадигме прикладной этики различаются практичность этики и ее приложение. Такого рода различие предполагает ответы на вопросы: «что прикладывается?» – «к чему прикладывается?» – «каким образом прикладывается?» – «для чего прикладывается?». Синонимизация понятий «прикладная этика» и «практическая этика» с точки зрения инновационной парадигмы прикладной этики ограничивает современное этико-прикладное знание потенциалом практичности моральной философии. В свою очередь, этико-прикладное знание предусматривает не столько приложение готового этического знания, сколько создание нового знания.

Среди методов прикладной этики в инновационной парадигме особое место занимает метод игрового моделирования. В отличие от широко распространившегося «методологического направления», в инновационной парадигме прикладной этики базовой категорией игрового моделирования является ситуация морального выбора. Соответственно, участники игрового моделирования идентифицируются как субъекты морального выбора, а не объекты управления. При этом методы: экспертный опрос, игровое моделирование, проектирование этических инфраструктур, этических документов, экспертных заключений – применяются в системе.

Прикладная направленность проектно-ориентированного знания предполагает подчинение задачи познания нормативно-ценностных подсистем задаче их развития. Такого рода направленность проявляется в конструировании моделей инфраструктуры нормативно-ценностных подсистем, в разработке технологий сопряженности этического знания с моральной практикой, в проектировании институций экспертизы, принятия решений.

Ретроспектива становления парадигмы.

Существует версия, что понятие «прикладная этика» было заимствовано на Западе. Однако, работавшие с этим понятием, например, болгарские философы пользовались им не как заимствованным. Разрабатывая концепцию научного управления идейно-воспитательной работой, они пришли к идее приложения этического знания, его воздействия на нравственную жизнь, нравственное воспитание, оснащая его достижениями в сфере социальной технологии, социальной инженерии, социального проектирования и т.п.

Становление и развития отечественного этико-прикладного знания было обусловлено возникшим общественным запросом на оправдание морального выбора: потребностью человека оправдать самому себе, для чего он поступает так, а не иначе, почему он идет или не идет вслед за принятым поведением. Это наглядно проявилось в период Перестройки, когда у человека возникла задача оправдать для себя необходимость выбора новых целей и новых решений. Такого рода рационализация включала праксиологическое обеспечение морального выбора. Задачи прикладной этики и задачи управления нравственными процессами в этот период для инициаторов создания нового направления совпадали: это был его первый «модус вивенди».

Уже на начальном этапе становления отечественной прикладной этики понимание миссии

прикладной этики было созвучно тезису К. Маркса о Фейербахе, в котором акцентируется преобразовательная установка философии в мире. Прикладная этика на этом этапе понималась не только как рефлексия актуальных моральных проблем, но и как своеобразная «производительная сила» в проектировании общественных процессов, нормативно-ценностных систем. Реальные результаты такого рода проектной деятельности отражены в проектах игрового моделирования в период Перестройки, например, таких как практикум «Партия в ситуации выбора» (на котором была смоделирована фракционная структура реформируемой партии), или «Самотлорский практикум-2», посвященный этно-экологической политике в отношении коренных народов Тюменского Севера [2].

Игровое моделирование ситуаций морального выбора как ноу-хау инновационной парадигмы прикладной этики

Формирование и развитие методологии игрового моделирования ситуаций морального выбора в инновационной парадигме прикладной этики осуществлялось через проекты, сосредоточенные, прежде всего, на ситуациях морального выбора, обострившегося в условиях переходного общества. Речь шла о ситуациях в сфере профессий, значимое место в ценностно-нормативном ярусе которых занимали профессиональная автономия и саморегулирование. Опыт игрового моделирования ситуаций морального выбора представлен далее фрагментами ряда игр, акцентирующими методологические подходы к этической проблематизации ситуаций и экспертные позиции участников игры.

Определенный опыт игрового моделирования ситуаций морального выбора содержится в проекте 2005 года «Профессионализм современного журналиста: сервисное ремесло на информационном рынке и/или гражданственность высокой профессии?», участниками которого были тюменские журналисты [3]. Участники семинара-игры предприняли гуманитарную экспертизу, обращенную к собственной профессии. Им предстояло отразить сопричастность ценностных ориентиров СМИ ценностям гражданского общества.

Ценности гражданского общества образовывали в тот период предмет осознанного морального выбора для общества, общностей, профессиональных корпораций. В том числе и для журналистской корпорации. Актуальность размышлений об ответственности СМИ за судьбы гражданского общества была обусловлена не имеющей очевидных решений проблемной ситуаций (со)существования таких ценностей журналистики, как профессионализм и гражданственность.

Этическая проблематизация, сформулированная проектом в виде дилеммы трактовки природы профессионализма современного отечественного журналиста: «Профессионализм журналиста: сервис ремесленника и/или гражданственность высокой профессии?» позволяла уклониться от абстрактной дискуссии о том, что выше – гражданственность или профессионализм журналиста и от решения «ки то важно, и другое». Основное внимание уделялось вопросу о соотношении профессионализма и гражданственности через проблематизацию природы самого профессионализма современного журналиста.

Идея проекта была конкретизирована в виде гипотез. Одна из них – предположение об оправданности намеренно дилеммной формулировки темы проекта «Профессионализм современного журналиста: сервисное ремесло на информационном рынке и/или гражданственность высокой профессии?» – была обусловлена, во-первых, сомнением в адекватности природе профессионализма журналиста навязываемой сегодня характеристики «сервис ремесленника». А, во-вторых – уверенностью в том, что суть профессионализма журналиста заключается в служении высокой профессии (в ряду профессий врача, учителя, адвоката, священника), отвечающей своей миссией перед гражданским обществом.

На основе анализа материалов предварительного экспертного опроса тюменских журналистов были сформированы модели самоопределения: «Сообщать миру новости – честь и ответственность»; «Позиция «Чего изволите?» в нашей профессии изначально»; «Я где-то посередине»; «Все зависит от личного выбора журналиста». Разделившись на группы – в соответствии с предпочитаемой моделью – участникам игры было предложено в процессе групповой работы обосновать свой выбор, при необходимости скорректировать предложенные модели и защитить их в процессе дискуссии с другими группами. Этико-прикладная направленность проектно-ориентированного знания в этом проекте реализовывалась через алгоритм работы: экспертный опрос тюменских журналистов; игровое моделирование (в том числе, самоопределение участников к моделям выбора, обнаружившимся в

процессе экспертного опроса); анализ материалов игрового моделирования; аналитический обзор проекта в целом; публичное предъявление его результатов.

Другой опыт игрового моделирования ситуаций морального выбора содержится в проекте 1996 года «Утро после выпуска» [4]. Перед его участниками – студентами выпускных курсов и педагогами Тюменского городского педагогического колледжа № 2 была поставлена цель – уловить складывающиеся в тот период в нашей стране тенденции этики педагогического успеха. Этическая проблематизация в этом проекте предусматривала своего рода «вторжение» в этос, чтобы произвести в нем желательные перемены.

Проблемная ситуация в этике педагогического успеха представляла в этом проекте как модельная экспертиза (в режиме игрового моделирования) готовности завтрашних выпускников колледжа к встрече со своим будущим. Успешная адаптация к новой деятельности, в том числе зависимость успеха в освоении будущего от (а) педагогического этоса, «впитанного» в колледже, (б) от наличия способности выбирать среди новых образовательных альтернатив – составляли предмет экспертизы.

Предмет игрового моделирования образовывали такие влияющие на выбор стратегии деятельности будущих педагогов характеристики, как развитость ценностной ориентации на успех в профессиональной деятельности, стремление к формированию ориентации на успех у своих будущих учеников, восприятие своего выпуска как сообщества, способного поддержать каждого своего члена в столкновении с будущим, в том числе – с другими системами педагогических ценностей.

Будущие выпускники колледжа в игровом режиме проживали стратегии своего профессионального успеха применительно к школам разного типа. Сценарное оформление через «примиривание на себя» давало возможность каждому участнику освоить многообразие моделей современной образовательной деятельности. В этой связи для студентов колледжа сценарно создавались необычные обстоятельства, в том числе адаптации выпускника к школе. Движение от начального этапа игры к завершающему в ходе «примиривания» разных педагогических ценностных систем показало готовность ее участников к культурным и педагогическим изменениям.

Потенциал инновационной парадигмы прикладной этики и современные ситуации морального выбора

Представленные выше характеристики инновационной парадигмы прикладной этики, ретроспектива ее становления и развития, а также опыт применения игрового моделирования ситуаций морального выбора естественно порождают вопрос: каков потенциал парадигмы в познании современных ситуаций морального выбора?

Для понимания современных ситуаций морального выбора методологические подходы инновационной парадигмы прикладной этики являются актуальными. В том числе, установка на то, что этико-прикладное знание предполагает не только приложение существующего этического знания, но и создание нового знания. Идентификация участников игрового моделирования в качестве субъектов морального выбора, а не объектов управления сегодня является особенно значимой – в условиях, когда моральная субъектность человека в ситуациях все более технологизирующегося общества снижается. В сфере журналистики это связано, например с широким распространением дипфейков, в педагогической профессии – с тотальным внедрением онлайн-обучения. В том и в другом случае речь идет о проблеме моральной субъектности профессионала и востребованности нового этического знания с опорой на уже имеющееся.

Литература

1. Бакштановский В.И. Новые-старые проблемы инновационной парадигмы прикладной этики // Миссия прикладной этики: актуальные вызовы. Вестник прикладной этики. Вып. 45. Тюмень: НИИ ПЭ. 2014. С. 10-24.
2. Самотлорский практикум-2. Материалы экспертного опроса. Под редакцией В.И. Бакштановского. Тюмень, 1988. 214 с.
3. Тетради гуманитарной экспертизы (6). Профессионализм современного журналиста: сервисное ремесло на информационном рынке и/или гражданственность высокой профессии? / Отв. ред. В.И. Бакштановский. Тюмень: Центр прикладной этики: XXI век. 2005. 88 с.
4. «Утро после выпуска»: опыт игрового моделирования моральных ситуаций педагогического успеха // «Успешный профессор» vs «Честный профессор»? Вестник прикладной этики. Вып. 49. Тюмень: НИИ ПЭ. 2016. С. 197-219.

Феномен доверия в философии Никласа Лумана, Адама Селигмена и Энтони Гидденса

Быкова О.Е.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, аспирантка.

olgaevbykova@gmail.com

Аннотация: Доверие изначально воспринималось мыслителями как нечто, тождественное «вере». Однако работы немецкого социолога Никласа Лумана изменили представление о данном феномене. Теперь доверие понимается как неотъемлемый элемент ежедневных интеракций. Оно исследуется не только в межличностном взаимодействии (на микроуровне), но также во взаимодействии с социальными институтами и системами (на макроуровне). Луман обозначил гораздо больший спектр влияния феномена доверия в нашей жизни, чем это было принято до него, и дал импульс другим мыслителям для дальнейшей разработки данной темы. Целью настоящего исследования является изучение, определение и выявление особенностей понимания феномена доверия философами и социологами Н. Луманом, А. Селигменом и Э. Гидденсом и проведение сопоставительного анализа полученных результатов.

Ключевые слова: доверие, вера, уверенность, Никлас Луман, Энтони Гидденс, Адам Селигмен, мораль, социальные институты

The phenomenon of trust in the philosophy of Niklas Luhmann, Adam Seligman and Anthony Giddens. **Bykova O.E.**

Lomonosov Moscow State University

Abstract: Trust was initially perceived by thinkers as something identical to “faith”. However, the work of the German sociologist Niklas Luhmann changed the idea of this phenomenon. Trust is now understood as an integral part of daily interactions. It is studied not only in interpersonal interaction (micro-level), but also in interaction with social institutions and systems (macro-level). Looman outlined a much larger spectrum of the influence of the phenomenon of trust in our lives than was accepted before him, and gave impulse to other thinkers to further development of this topic. The purpose of this work is to study and identify the features of understanding the phenomenon of trust by philosophers and sociologists N. Luhmann, A. Seligman and E. Giddens and conduct a comparative analysis of the obtained results.

Keywords: trust, faith, confidence, spiritual intimacy, Adam Seligman, Niklas Luhmann, types of trust, morality, social institutions

С середины XX в. наблюдается повышенный интерес со стороны научного мира к проблеме доверия, который вызван осознанием и принятием того, что доверие - очень важный механизм, который играет значимую роль в общении, позволяет выстраивать эффективные отношения в политической, экономической и других сферах общества, укрепляет и способствует его сохранению и развитию. Н. Луман, Э. Гидденс и А. Селигмен являются теми учёными, которые написали фундаментальные труды, посвящённые доверию, и внесли огромный вклад в его исследование.

Изучая их работы, удалось выяснить, что феномен доверия является очень сложным и неоднозначным по своей сути. Единственная точка соприкосновения, которую разделяют Н. Луман, А. Селигмен и Э. Гидденс относительно феномена доверия - это неопределённость мотивов и поведения другого в процессе общения как необходимое условие существования доверия. В остальном их концептуальный подход к данному феномену различается.

Никлас Луман в ходе развития своей теории «социальных систем» первым в научном мире разделил доверие к индивидам, доверие к другим социальным субъектам (компаниям, частным организациям и т.п.) и доверие к системам [7]. В теории «социальных систем» учёный описывает строение

общества как набор различных систем, которые обособлены друг от друга. По его мнению, существуют политическая система, экономическая система, система науки и т.д. Системы не пересекаются и не интегрируются друг в друга, но могут обмениваться информацией. Луман отмечает, что наличие огромного количества систем порождает напряжение в социальном мире и называет данный феномен «complexity», или комплексность [3, с. 35]. Подобное положение дел создает необходимость распространения и культивирования социальных добродетелей, которые позволяли бы снять напряжение и тревогу, вызываемые современной жизнью. В связи с этим возрастает интерес к исследованию феномена «доверия» как к одному из видов социальной добродетели. Но в ходе своих исследований он приходит к выводу, что доверие возможно лишь на межличностном уровне, а обобщённое доверие, наличие которого допускают многие социологи и философы, может быть лишь уверенностью в работе определённых систем и именуется данным феноменом «confidence» [6, с. 95]. Доверие всегда предполагает личную вовлечённость в ситуацию и взятие рисков, ответственности за неблагоприятный исход событий на себя. В случае же взаимодействия с социальными системами нам необходимы гарантии, которые при неудачном стечении обстоятельств компенсируют наши потери. И здесь уже стоит говорить не о доверии в отношениях между индивидами, а об ином феномене – доверии к системам, или, как он позже назвал этот феномен, – уверенности в системах, уверенности в надёжности, стабильности и эффективности их работы, которая подтверждается предыдущим положительным опытом взаимодействия с ними. Уверенность, по мнению учёного, предполагает такой вид взаимодействия, который не связан с риском и не повлечёт для индивидов непредвиденных негативных обстоятельств, которые пришлось бы самостоятельно нейтрализовывать. Доверие и уверенность хоть и не тождественны друг другу, но являются взаимосвязанными феноменами. Уверенность предполагает межличностное доверие как базовое условие существования доверия к системам. При утрате уверенности к системе индивид будет вынужден обеспечивать самостоятельно все свои нужды, что брала на себя система, и в худшем случае будет испытывать чувство отчуждения. Если же человек утратит доверие, то он лишит себя какой-либо возможности осуществлять акты своей воли и взаимодействовать с другими людьми, что приведёт его к изоляции. Поэтому утрата доверия, по Луману, несёт намного более тяжёлые последствия, нежели утрата уверенности. Что же касается их взаимовлияния, то межличностное доверие укрепляет доверие к системам и наоборот. Наличие уверенности в системе стимулирует активность индивидов в ситуации неопределённости и риска. Доверие и уверенность в равной степени нуждаются друг в друге и при достаточном уровне последних позволяют расширять поле активности и увеличивают возможности и пространство для деловой деятельности социальных субъектов.

Энтони Гидденс, как и Луман, рассматривает феномен доверия в рамках своей научной концепции, которая отражает особенности строения современного социального мира [2]. Но в отличие от Лумана, Гидденс феномен доверия применял и по отношению к людям, и по отношению к абстрактным системам. К характерным чертам современности Гидденс относит беспрецедентный динамизм, который имеет своими источниками пространственно-временную дистанцию и действие «механизмов высвобождения». По мнению Гидденса, именно пространственно-временная дистанция и «механизмы высвобождения» [2, с. 16] актуализировали феномен доверия. Дистанция в пространстве и времени означает отделение пространства социального взаимодействия от конкретного места и точного времени, что позволяет вступать в интеракцию со вторым социальным субъектом даже тогда, когда тот непосредственно физически отсутствует. Гидденс называет это «действием на расстоянии». Подобные социальные преобразования являются предпосылками для формирования «механизмов высвобождения». Под «механизмами высвобождения» понимаются системы и механизмы, которые не привязаны к определённому месту и позволяют индивиду вступать в интеракцию с данными системами, будучи пространственно дистанцированным от них. Они включают в себя символические системы (деньги и пр.) и экспертные системы (предоставление услуг, профессиональная экспертиза), которые вместе составляют «абстрактные системы». Но решиться на подобное взаимодействие с данными системами можно только тогда, когда ты доверяешь данным системам, в противном случае возможность взаимодействия с ними трудно представима. Доверие здесь имеет своим объектом те принципы и правила, на которых строят свою работу «механизмы высвобождения». Например, доверие к политической и экономической системам, доверие к системе здравоохранения и пр.

Рассматривая доверие между индивидами, Гидденс не обособляет доверие, веру и уверенность друг от друга, считая последние близкими и взаимозаменяемыми феноменами. Под межличностным доверием Гидденс понимает уверенность в надёжности человека, веру в его положительную репутацию

и благие намерения, но, при этом, отсутствие осведомлённости об истинных мотивах его поступков. Он дал следующее определение доверия: «доверие ... есть уверенность в надёжности человека или системы в отношении некоторого данного множества ожидаемых результатов или событий, где эта уверенность выражает веру в доброе имя или любовь другого, или в правильность абстрактных принципов» [2, с. 150]. Также Гидденс рассматривал доверие как некую общую установку, которая не предполагает обязательного вовлечения индивида в ситуацию; это некоторое мировоззрение, помогающее снять напряжение от неопределённости и непредсказуемости современного мира.

Адам Селигмен связывает формирование феномена доверия с социальными трансформациями, которые претерпело современное общество [4]. Уточним, что к современным обществам мы относим общества, которые сформировались в Новое время, то есть начиная с XVI в. Увеличение количества социальных ролей на одного индивида и углублённое разделение труда, становление индивидуализма, по мнению социолога, являются ключевыми моментами, которые породили необходимость существования доверия в социальных взаимодействиях. Эти факторы влияют на то, что поступки человека становятся практически невозможным предсказать из-за многочисленных моделей поведения, которые индивид реализует в социуме. В новых условиях, согласно Селигмену, люди выражают себя посредством поступков, которые выходят за рамки предписанных социальными ролями и всегда отражают особенности отдельного человека. Индивид актуализирует себя как личность путём перехода от одной социальной роли к другой именно в том пространстве, где нет чётких предписаний и норм поведения. Доверие в данном случае даруется или не даруется человеку в зависимости от того, как тот проявляет себя за рамками установленных правил и социальных ожиданий. Селигмен определяет доверие следующим образом «... доверие есть нечто такое, что входит в социальные отношения, когда имеется возможность отклонения от ролей, то, что, возможно, может быть названо «открытыми пространствами» ролей и ролевых ожиданий» [4, с. 21].

Он не выделяет доверия к системам и в данном случае принимает точку зрения Лумана, что последнее есть уверенность, но, в отличие от Лумана и Гидденса, никоим образом не связывает уверенность с доверием к системам и видит в уверенности совершенно иной, не тождественный и не схожий с доверием феномен. Уверенность, согласно Селигмену, базируется на регламентациях, нормах и договорённостях. Главное, что отличает уверенность от доверия, - это наличие гарантий, успешного опыта по проведению определённых взаимодействий в обществе или возможность в будущем обезопасить себя при помощи санкций от негативных последствий. Доверие же возникает тогда, когда существует неопределённость в поведении другого, ход его действий невозможно предсказать, лишь опираясь на ролевые ожидания, - человек в данной позиции уязвим и не защищён никакими правилами или законами.

Подытоживая вышесказанное, можно отметить, что феномен доверия достаточно сложен и неоднозначен в своём понимании. Он является очень важным элементом социальной жизни, обеспечивает функционирование многих социальных институтов и общественных отношений. Учёным ещё предстоит решить многие задачи, связанные с трудностями изучения данного феномена, а также прийти к некоторому консенсусу относительно его главной сути.

На мой взгляд, изучение доверия есть одна из приоритетных задач для научного мира в силу большого масштаба влияния этого феномена на благополучие и развитие общества.

Литература

1. Бёгельсдейк Ш., Маселанд Р. Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 464 с.
2. Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011. 352 с.
3. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007. 648 с.
4. Селигмен А. Проблема доверия/ Перевод с англ. И. И. Мюрберг, Л. В. Соболевой. М.: Изд-во Идея-Пресс, 2002. 256 с.
5. Пороховская Т.И. Понятие обобщённого доверия в социальной философии // Международная научная конференция «Россия на пути к России: концептуальный поиск и хозяйственная стратегия»: Сборник тезисов выступлений. / М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2017. С. 247-249.
6. Luhmann N. Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives, in Diego Gambetta (ed.) Trust: Making and Breaking of Cooperative Relations. Oxford: Blackwell, 1998, pp. 94-107.
7. Luhmann N. Trust and Power. Chichester: John Wiley and Sons Inc., 1979, p. 99.

Прикладные аспекты стоической этики

Гаджикурбанов А.Г.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, философский факультет,
доцент. Доктор философских наук*

gadzhikurbanov@yandex.ru

Аннотация: В своем трактате «Об обязанностях» Цицерон воспроизводит общестойческую топик моральных размышлений и говорит о том, что морально-совершенное (*honestum*) начало как таковое свойственно одним только мудрым людям. Обычные люди, не обладающие совершенной мудростью, в своей практической жизни способны достигать только некоторого ее подобия. Цицерон основное внимание в своем трактате уделяет именно таким феноменам нравственного совершенства, доступной ординарному, «среднему» человеку. Ранние стоики в определенной мере пренебрегали этой сферой моральной жизни, в то время как Средняя и Римская Стоя выделила в качестве объекта своего морального интереса не столько мудреца, сколько человека еще только «стремящегося» к мудрости, который в силу особенностей своего морального опыта и недостаточного совершенства должен в сложных жизненных ситуациях принимать решения, имеющие вероятностный и неоднозначный характер. В этих случаях базовые моральные принципы стоической доктрины каждый раз обретают вполне прикладной характер, адаптируясь к порядку следования «средним» обязанностям.

Ключевые слова: Цицерон, стоики, морально-совершенное, мудрость, «стремящийся к мудрости, прикладные обязанности.

Applied Aspects of Stoic Ethics. Gadzhikurbanov A.G.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy

gadzhikurbanov@yandex.ru

Abstract: In his treatise “On the Moral Duties,” Cicero reproduces a general-ethical topic of Stoic moral reflection and says that a moral-perfect (*honestum*) as such is a property of wise man alone. Ordinary people who do not have perfect wisdom are able in their practical lives to achieve only some of its similarity. In his treatise, Cicero focuses precisely on such phenomena of moral perfection, accessible to an ordinary, “common” person. The early Stoics to some extent neglected this area of moral life, while the Middle and Roman Stoics singled out as an object of their moral interest not so much a wise man as a person who is still “striving” for wisdom. Due to the peculiarities of his moral experience and insufficient perfection of his mind, he must make in difficult life situations decisions that are probabilistic and ambiguous. In these cases, the basic moral principles of the Stoic doctrine acquire a completely applied character, adapting to the order of following the “common” responsibilities.

Keywords: Cicero, Stoics, moral-perfect, wisdom, the striving for wisdom, applied duties.

Прикладные аспекты стоической этики.

В третьей книге своего трактата «Об обязанностях» Цицерон рассуждает о природе нравственно-прекрасного, опираясь прежде всего на труды представителя Средней Стои Панэтия. Как он утверждает, в своем образцовом трактате о нравственных обязанностях Панэтий выделил три раздела. В одном из них он, по словам Цицерона, говорил о том, как правильно различать *нравственно-прекрасное*, если оно вступает в противоречие с тем, что нам кажется *полезным*. Здесь Цицерон воспроизводит общестойческую топик размышлений об особенностях нравственно-прекрасного как такового, согласно которой морально-совершенное (*honestum*) начало как таковое свойственно одним только мудрым людям и никогда не может быть отделено от моральной доблести (*virtus*). Эту добродетель можно

назвать нравственной красотой (в этом случае римское *honestum* примерно соответствует греческому *kalon*). Между тем, обычные люди, не обладающие мудростью, не могут владеть даром совершенной нравственной красоты, но в своей практической жизни они способны достигать некоторого подобия нравственной красоты в меру их приближения к ней. Цицерон, ссылаясь на стоиков, основное внимание в своем трактате уделяет именно таким феноменам нравственного совершенства, доступной ординарному, «среднему» человеку. Заметим, что ранние стоики в определенной мере пренебрегали этой сферой моральной жизни, в то время как Средняя и Римская Стоя выделила в качестве объекта своего интереса не столько мудреца, сколько человека еще только «стремящегося» к мудрости. Очевидно, что стремящийся к мудрости, действительно, занимает некоторую «среднюю» позицию между морально совершенными существами (мудрецами) и людьми, далекими от каких-либо моральных притязаний. В то же время, его отличает однозначный моральный интерес. Возможно, Цицерон объединил в своем представлении о носителях «средних» обязанностей два типа людей, так или иначе заинтересованных в своем моральном совершенстве - тех, для кого это становится целью их жизни (таким он хотел видеть своего сына, которому посвящен трактат) и тех, кто должен решать разовые моральные задачи, которые ставит перед ними жизнь в исключительных ситуациях. Моральные обязанности, о которых идет речь в книге Цицерона, как он говорит, «касаются всех людей и находят себе широкое применение; многие постигают их по доброте своей натуры и благодаря своим успехам в учении» [5, с. 128]. Это отличает характер их обязанностей от совершенных и безусловных обязанностей мудреца, которые ранние стоики называли «прямыми» обязанностями. Соответственно, для них мудрец в своей моральной практике должен избегать приблизительных, вероятных или неоднозначных решений тех или иных нравственных коллизий, в частности, при выборе между нравственно-прекрасным и полезным он должен быть безусловно убежден в том, что полезно одно только нравственно-прекрасное (императив совершенного знания, прилагаемый к стоическому мудрецу в его идеальном выражении, не позволяет ему попадать в амбивалентные ситуации и, соответственно, не допускает необходимость выбора между двумя *равными* возможностями). В размышлениях Цицерона о сущности нравственной красоты и ее коллизиях с утилитарными началами в моральной практике имеются прямые ссылки на две традиции, сложившиеся в его время в стоической моральной доктрине. Первая опирается на базисный тезис стоической этики о том, что между определениями морального добра и зла в их подлинной природе не может быть никаких «средних» квалификаций моральной практики, поскольку «все остальное» они относили к сфере морально «безразличного». Использование Цицероном термина «средние» или «вторичные» обязанности (*media, secunda officia*), которые, по его словам, в какой-то мере приближаются к совершенным, говорит о том, что в этом случае он скорее ссылается на идеи Средней Стои. Второй детерминантой его рассуждений могло быть различие между понятиями *vita beata* (жизнь блаженная) и *vita beatissima* (жизнь блаженнейшая), проводимое представителем платоновской Академии Антиохом Аскалонским, с личностью и идеями которого Цицерон хорошо был знаком. Как полагал Антиох, жизнь блаженнейшая характеризуется тем, что в ней добродетель соединяется с внешними благами, отсюда следует, что она создает такое пространство жизни, где возможны и допустимы определенные aberrации морального идеала. Как показывает Цицерон, в обыденной моральной практике ординарного нравственного субъекта в силу особенностей его нравственного опыта и недостаточного совершенства его разума ему приходится принимать неоднозначные решения. В этом случае базовые моральные принципы стоической доктрины в том или ином контексте каждый раз обретают вполне *прикладной* характер, можно сказать, адаптируясь к порядку следования «средним» обязанностям. Таких прикладных моральных казусов в практической жизни человека обнаруживается множество, их примерами исполнены сохранившиеся до наших дней сочинения римских стоиков Сенеки, Музония Руфа (Руф даже составил своего рода практические таблицы с разбором тех или иных типичных моральных коллизий, с которыми сталкивается в своей жизни обычный человек) [3, с. 17-18], Эпиктета (характерный заголовок одного из разделов его «Бесед» - «Чем следует руководствоваться в обстоятельствах». Кн. I 30) [2, с. 92]. и Марка Аврелия (Ян Унт, современный комментатор «Размышлений» Марка Аврелия, следующим образом характеризует моралистический стиль сочинения римского императора: «Его записи представляют процесс применения абстрактных рассуждений к своей жизни, опыт самовнушения и самоусовершенствования при помощи напоминания и убедительного письменного выражения хорошо знакомых ему общих положений и наставлений» [4, с. 110]. Для этих стоических мыслителей разбор подобного рода апорий морального сознания служит практической цели - выработать определенные инструментари, позволяющие простому человеку в его повседневной жизни по мере возможности приближаться к идеальным нормам стоической этики;

одновременно обращение самого стоика к известным примерам чьих-то добродетельных деяний или к прецедентам из его собственной моральной жизни могут рассматриваться как примеры свойственной античной этике практики формирования внутренней дисциплины или «заботы о себе» (по словам А.А. Столярова, «Конкретные предписания, касавшиеся отдельных практических ситуаций, были основным предметом практической этики (моралистики)...увещательные сочинения составляли значительную часть наследия стоицизма, причем для Поздней Стои - подавляющую»; такого рода «школьная паренетика» впоследствии стала неотъемлемой частью европейской моралистики) [1, с. 710]. Соответственно, в этих случаях вырабатываемые средними и новыми стоиками нравственные рецепты носили вероятностный, приблизительный или прикладной характер; в отличие от однозначных этических императивов Ранней Стои, они допускали даже альтернативные варианты решения сложных жизненных проблем. Не вызывает сомнения, что примеры обращения названных стоических мыслителей к эмпирическому жизненному материалу свидетельствуют о наличии у них живого интереса к прикладным аспектам стоической моральной доктрины, тем более, что практическую часть своего морального учения они ставили выше теоретической: «Следовательно, каждую обязанность, способную оберегать объединение и общественные узы между людьми, надо ставить выше обязанности, состоящей в познании и занятиях наукой» [5, с. 99]. Интересно, что Цицерон находит у стоика Гекатона ставший хрестоматийным вопрос о том, будет ли мудрец при кораблекрушении отнимать спасительную доску у глупого человека. Или еще: «Если в открытом море придется выбросить какой-либо груз, то что лучше: выбросить дорогого коня или жалкого раба, не представляющего ценности?». В этом смысле современный нам создатель теории вагонеток уже не мог бы претендовать на оригинальность своей доктрины, хотя предлагаемые Цицероном решения не всегда могли бы отвечать критериям современного морального сознания.

Литература

1. Античная философия. Энциклопедический словарь. Прогресс-Традиция. М., 2008 896 с.
2. Беседы Эпиктета. Пер. и прим. Г.А.Тароняна. Ладомир. М., 1997. 312 с.
3. Гай Музоний Руф. Фрагменты. Вступ. статья, перевод и коммент. А.А. Столярова. М., 2016. 144 с.
4. Марк Аврелий Антонин. Размышления. Издание подготовили А.И. Доватур, А.К. Гаврилов, Ян Унт. Спб. Наука. 1993. 248 с.
5. Марк Туллий Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях / Пер. с лат. и комм. В.О. Горенштейна. М., «Наука», 1974. 249 с.

Формирование профессиональной морали как основания гражданского благополучия

Акимова Н. А.

Саратовский государственный медицинский университет им. В.И.Разумовского, кафедра философии, гуманитарных наук и психологии, доцент. Кандидат философских наук

not@bk.ru

Аннотация: В данной работе рассматривается становление норм профессиональной морали с точки зрения теории общественного договора и стремления общества существовать в соответствии с некоторыми регулятивами. При этом нормы профессиональной морали понимаются в качестве необходимого элемента, гармонизирующего социальные отношения как внутри конкретной профессиональной группы, так и общества в целом. Профессиональная мораль анализируется в контексте норм всеобщей морали; однако, особое внимание обращено на специфические особенности, приобретаемые нормами морали в конкретной профессии, в частности, формируемые в процессе официальной кодификации норм. В результате нормы профессиональной морали определяются как представления о должном поведении и взаимодействии членов конкретного профессионального сообщества, а процесс принятия кодекса – как общественный договор, официально закрепленный документом, с целью благополучия этого сообщества.

Ключевые слова: профессиональная мораль, профессиональная этика, профессионально-этический кодекс.

Professional Morality Formation as the Basis Civil Welfare.

Akimova N.A.

Saratov State Medical University named after V.I.Razumovsky, Department of Philosophy, Humanities and Psychology

Abstract: This paper discusses the professional moral standards formation through the prism of the social contract theory and the society desire to exist in accordance with some regulations. At the same time, the norms of professional morality are understood as a necessary element that harmonizes social relations both within a specific professional group and society as a whole. Professional morality is analyzed in the context of universal morality; however, special attention is paid to specific features acquired by moral standards in a particular profession, formed in the process of official norms codification. As a result, the standards of professional morality are defined as ideas about the proper behavior and interaction of a particular within professional community. The process of adopting a code is defined as a social contract formally fixed by a document with a view to the well-being of this community.

Keywords: professional morality, professional ethics, professional ethical code.

В начале XVII века Т. Гоббс [1] считал, что оставив человеку естественные права, мы рискуем жить в состоянии «*bella omnia contra omnes*» (лат.). По Т. Гоббсу, из этого следует первый уровень морали, соответствующий догражданскому состоянию общества, поскольку в природном состоянии человек руководствуется стремлением к удовольствию; и все, что способствует удовольствию, является добром, все, что препятствует – злом. Переход от первого уровня морали к следующему, в соответствии с теорией Томаса Гоббса, связан с поиском путей самосохранения. Самосохранение – это общезначимое благо, заставляющее искать мир и противодействующее взаимному истреблению. С целью выживания нам требуется сильное государство и совместный договор для регуляции отношений. То есть в государстве мораль уже не является индивидуальным желанием, а, скорее, совместным стремлением «жить как можно более приятным образом». В этом заключается второй уровень морали в концепции Т. Гоббса. В основе устройства общественной жизни и ее законов должен быть высший моральный закон – гражданское благополучие общества, что можно представить как третий уровень морали.

Концептуально опираясь на положения Т. Гоббса, мы можем считать, что человек, будучи достаточно уязвимым от природы, осознает необходимость соблюдения моральных норм и правил, позволяющих обществу существовать в согласии. Данные правила должны быть внутренне обусловленными и закономерно сформированными под влиянием культурных особенностей общества, традиций, внутренней логики исторического развития.

Правила профессиональной морали, на наш взгляд, являются тем необходимым «аргументом», который позволяет обществу перейти ко второму и третьему уровням морали, организуя благополучие конкретной социальной подгруппы как внутри – в социальном общении его членов, та и во всем обществе – при взаимодействии с другими профессиональными подгруппами.

В современном социуме нередко личностные качества человека соотносятся, а нередко и совпадают с ее профессиональными характеристиками, т.е. отношением к труду, уровнем профессиональной компетентности. Особенно это характерно для профессий социономического типа, для тех сфер деятельности, где требуется непосредственное взаимодействие с человеком, обществом. Профессионал в любой сфере деятельности опирается, прежде всего, на нормы общепринятой морали, в частности, такие как долг, ответственность, честность, дисциплинированность. В профессиях типа «человек-человек» профессионализм, который, как правило, понимается как совокупность умений, знаний и навыков, определяется также и как нравственная характеристика личности [2]; при этом к таким профессионалам со стороны социума предъявляются особые требования: моральное становится профессиональным. Современные авторы рассматривают профессионализм с точки зрения его аксиологической ценности [3], отмечая, однако, что этимология данного термина изначально не связана с нравственными характеристиками: профессионализм сегодня является важнейшим фактором развития цивилизации, источником гуманизации человеческих отношений, утверждения созидательных ценностей.

В профессиональной сфере мораль приобретает специфические особенности, не только отражая теорию профессиональной этики или констатацию некоторых моральных императивов, но и приобретая новые тенденции развития в контексте конкретной профессии. Некоторые специалисты рассматривают профессиональную этику в качестве раздела философской науки, требующего изучения источников, исторических тенденций развития общества, внешних и внутренних закономерностей. Так, анализируя журналистскую этику, Г.В. Лазутина определяет профессиональную мораль как регламентацию «поведения в процессе труда субъекта конкретной деятельности на основе представлений, сложившихся в профессиональном сознании конкретной группы» [4, с. 39]. Нормы профессиональной морали требуют личной осознанности, их принятия человеком как специалистом, и как личностью. В процессе выполнения трудового долга нормы профессии становятся для истинного профессионала личными моральными нормами; таким образом, осуществляется не только процесс профессионализации, но и социализации личности. Данное обстоятельство «отсылает» к мысли, сформулированной еще в Античности Сократом: «Познай самого себя».

Понятие моральной нормы в профессиональной деятельности исследуется в рамках научных трудов И.В. Бакштановского [5], Ю.В. Согомонова [6; 7], а также складывается под влиянием общей теории морали (А.А. Гусейнов, Р.Т. Апресян [8], П.И. Смирнов [9]).

Существует и другая точка зрения, согласно которой профессиональная мораль представляет собой совокупность морально-этических кодексов, а этика при этом классически определяется как наука о морали [10]. Однако, сформированность самих кодексов означает и сформированность моральных требований, не только профессиональных, но и общих требований морали, характерных для конкретного общества на определенном этапе развития. Изменения в кодексах провоцируются объективными изменениями профессионально-моральной системы. То есть можно сказать, что кодекс отражает (или должен отражать) все изменения, которые происходят в рамках профессионально-этической системы. Данное положение подтверждается и другими исследователями (О.И. Мамонтова) [11]. Главный аспект, обращающий на себя внимание, – это закрепленность, зафиксированность в определенном документе норм профессиональной морали в отличие от нормы вообще. Таким образом, нормы профессиональной морали можно определить как кодифицированные представления о должном в рамках определенной профессии.

Кодекс не идентичен профессионально-моральной системе, скорее, он является ее формализованным представлением, достаточно схематичным изложением сформированных моральных норм в результате исторического развития определенной профессии. Наличие кодекса предполагает

проведение предварительной работы по анализу, изучению и систематизации профессиональных норм, а также процесс легитимизации данного документа. Существуют примеры профессиональных групп, когда кодификация профессиональных норм происходила значительно позже появления профессии и представлений о нравственном облике профессионала. Так, например, первый этический кодекс психолога, разработанный Американской психологической Ассоциацией, был принят в 1953 году; в России подобный документ появился впервые в 2003 году. Однако, активный социальный запрос на психологическое знание возник еще во второй половине XIX века. То есть кодификация – это достаточно длительный процесс, как и становление самих норм профессиональной морали. Априорно предполагается, что кодекс составляется на основе реально функционирующих в профессиональном сообществе профессионально-нравственных императивов.

Принятие кодекса – это, по сути, гражданский договор профессионального сообщества с целью его дальнейшего благополучного существования. Профессионально-этический кодекс легитимизируется как профессиональной группой, так и обществом в целом, что означает принятие принципов деятельности и требований к личностным качествам специалистов. Кодекс возникает, как правило, тогда, когда представления о профессиональном долге конкретной социальной группы сформировались эмпирически в качестве целостной системы. Отличительная особенность положений кодекса от норм профессиональной морали – это наличие авторов и разработчиков, а также определенная завершенность этих норм и положений, легитимность, обязательность для исполнения, неизменность до официального пересмотра. Нормы профессиональной морали – это достаточно динамическая развивающаяся система, лишь подразумевающая ее исполнение, однако, как и любая мораль, не требующая формальной обязательности.

Таким образом, в трудовой деятельности человека находят свое отражение общие моральные нормы, а профессиональную мораль необходимо рассматривать только в соответствии с принятой в обществе системой морали. Появление профессиональной этики в практике взаимодействия представителей конкретной профессиональной группы связано с появлением гражданского осознания общественного благополучия и стремлением преодолеть состояние «войны всех против всех». Данный факт свидетельствует о переходе от обыденного к теоретическому уровню понимания профессиональной морали.

Литература

1. Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. 478 с.
2. Мальцева Л.В. Профессионализм как нравственная черта личности (мораль и право) // Общество: политика, экономика, право. 2010. № 2. С. 45-47.
3. Цвык В.А. Профессионализм как нравственная ценность // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2012. Т. 10. Вып. 4. С. 72-77.
4. Лазутина Г.В. Профессиональная этика журналиста. М.: Аспект-Пресс, 2011. 224 с.
5. Бакштановский В.И. На пути к инновационной парадигме: Становление Товарищества «Прикладная этика» В.И. Бакштановского и А.Ю. Согомонова // Этическая мысль. М., 2013. Вып. 13. С. 246-261.
6. Согомонов А.Ю. Генеалогия успеха и неудач. М.: ООО «Солтэкс», 2005. 384 с.
7. Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Общепрофессиональная этика: концептуальный замысел. М.: Секрет фирмы, 2004. Вып. 5. 65 с.
8. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. М.: Гардарики, 2000. 472 с.
9. Смирнов П.И. Норма: регулятор поведения и одно из основных понятий социологии // Теоретический журнал Credo new. 2011. № 3 (67). С. 98-99.
10. Смирнова Е.А. Дистинкция норм профессиональной этики, профессиональной морали и общей нравственности в понимании Г.В. Лазутиной и Д.С. Аврамова // Правовые и этические аспекты журналистики. Ежегодник-2013. М.: ф-т журн. МГУ, 2014. С. 79-82.
11. Мамонтова О.И. Профессиональная этика как область знания: генезис, структура и особенности развития. 2012. URL: http://www.presscouncil.ru/index.php/teoriya-i_praktika/knigi-i-stati/1913-professionalnaya-etika-kak-oblast-znaniya-genezis-struktura-i_osobennosti-razvitiya (дата обращения: 3.02.2020 г.)

Практическая этика рыцаря

Бурла М.И.

МГУ им. М.В. Ломоносова, студентка 2 года магистратуры философского факультета

mariaburla@mail.ru

Аннотация: Рыцарство даёт пример действенной этической системы, основанной на развитии добродетелей и следовании долгу. Возвышенный идеал требовал практических действий, а сами действия понимались в парадигме долженствования. Рыцарь обязан сражаться за добрые и справедливые дела, оказывать покровительство тем, кто нуждается в помощи, быть отважным, щедрым и великодушным. Он служит Богу, своему королю и даме сердца и использует каждую возможность, чтобы совершить героический поступок. Принятые на себя обязательства помогают проявиться лучшим качествам человека, делая его примером настоящего достоинства, чести и мужества. Идеал распространялся и на женщин, которым следовало культивировать чистоту, нежность, милосердие и доброту. Как для рыцарей, так и для дам, ключевым было применение высоких этических норм в жизни.

Ключевые слова: рыцарь, рыцарство, этика долга, этика добродетели, средневековье, героическое служение.

Practical ethics of a knight.

Burla M.I.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy

Abstract: Chivalry gives an example of an effective ethical system based on the development of virtues and the pursuit of duty. The lofty ideal required practical action, and the actions themselves were understood in the paradigm of duty. A knight must fight for good and just causes, provide protection to those who need help, and be brave, and generous. He serves God, his king, and his lady, and uses every opportunity to perform a heroic deed. The commitments that people take help to manifest their best qualities, making a person an example of true dignity, honor and courage. The ideal extended to women who were to cultivate purity, tenderness, charity, and kindness. For both knights and ladies, it was essential to apply high ethical standards in life.

Keywords: knight, chivalry, ethics of duty, ethics of virtue, middle ages, heroic service

Со второй половины 19 века и на протяжении всего 20-го европейская культура переживала серьёзные трансформации, связанные с дискредитацией основных понятий этики, с утратой определённых ориентиров и оснований. В силу катаклизмов, которые пережило общество, системообразующие этические понятия теряют свою актуальность, значимость и авторитет. На смену нормативной морали приходит дискурсивная. Этика формируется как отдельная дисциплина и разделяется на теоретическую и практическую составляющие. В данном исследовании мы обратимся к эпохе средневековья, оставившей в наследство Европе прекрасные образы рыцарей и дам, и выделим основные черты практической этики рыцарства. Работа основана на материале средневековых легенд, наставлений, кодексов чести представителей тех орденов, которые старались воплотить в жизнь высокий идеал служения и отдачи.

Рыцарская этика сочетала в себе добродетели и долг. Примеры этики долга мы видим во многих традициях: от кшатриев в Древней Индии до русских дворян. При этом рыцарский этос, сформированный в Европе 12-15 веков уникален. Основатель ордена Тамплиеров Бернар Клервосский в «Похвале новому рыцарству» говорит о новом типе рыцарства, неизвестном прошедшим векам. Такой рыцарь «непрерывно ведёт войну на два фронта, против зла во плоти и против духовного его воинства на небесах» [1]. От человека ожидалось тройное служение – Богу, королю и Даме сердца. И в отношении каждого необходимы были постоянные подвиги! Недостаточно стать прославленным героем: в английских легендах говорится, что если в течение года рыцарь не подтвердит своего статуса соответствующими благородными и отважными поступками, он не получит права сидеть за Круглым Столом [2].

Считалось благородным брать на себя обязательства, даже в тех случаях, когда можно было избежать этого. С какой лёгкостью герои рыцарских легенд и романов решаются отправиться на подвиг, исход которого кажется совершенно безнадежным. При этом никто не требует от них ехать, иногда наоборот стараются удержать, но они всё же пускаются в странствие, преодолевают множество препятствий, прежде чем встретятся со своим главным испытанием.

Похоже, здесь и нужно искать ключ к пониманию рыцарского этоса: этих людей никто не заставлял следовать кодексу чести, совершать подвиги и жертвовать собой — они делали это добровольно, потому что не могли иначе, потому что рыцарский идеал требовал практических действий и выбор в той или иной ситуации был очевиден. Стоит отметить, что в понимании долга как высшего закона рыцарство было близко к той деонтологии, которую через несколько столетий выстроил Кант, сделав долг следования нравственному закону основой морального поведения.

В чем состоит долг рыцаря? Во-первых, это борьба со злом во всех его проявлениях. Но сила рыцарства должна быть направлена не на разрушение, а на созидание. Сражение всегда идёт за справедливость, за тех, кто слабее, а не против неприятеля.

Принимая вызов и выходя на сражение, рыцарь должен быть отважным. Он никогда не бежит от врага, даже значительно превосходящего его силой. Также он не может уклониться от участия в поединке из-за ранения. Обвинение в недостатке мужества считалось одним из самых тяжёлых [3]. Исполнить долг верности часто было бы невозможно без этого качества. Страх сковывает и не даёт действовать, а нужно выпустить на волю силу, которая скрыта в человеке, — тогда он на многое способен. Рыцарь — это не обычный человек; он ближе героям древних времён с их понятиями чести (тима), Доблести и достоинства (арете), силы побеждать (клеос) и славы (кюдос). Миссия, которую он принимает на себя, наделяет его силой и превосходством, которые проявляются в поступках.

Рыцарь должен проявлять смирение и почитать Бога, потому что есть в мире то, что выше, сильнее, мудрее его самого; потому что он не одинок, если встаёт на путь сражения за мир, в котором было бы больше справедливости, правды, чести, отваги и подлинной красоты.

Было одно важное качество рыцаря, дававшее гарантию, что его сила не обернётся жестокостью, — сострадание. Каким бы он ни был воином, пройти мимо чужой беды, напасть на безоружного или убить того, кто молит о пощаде, недостойно рыцарского звания [4].

Для рыцаря характерно великодушие к тому, кто слабее, в том числе к противнику, оказавшемуся в затруднительном положении. Известны случаи в 14 веке, когда во время войны англичане лечились у французов, а в другой раз победители с почётом принимали побеждённых и пировали вместе [3].

Щедрость — также неотъемлемая черта рыцаря. Он должен был подарить любому то, что он просит, не раздумывая и не торгуясь. За принятый же дар следовало воздать сторицею. Разориться считалось меньшим злом, чем прослыть скупым [3].

Ещё одно проявление рыцарственности — куртуазные отношения к даме, которое предполагает уважение и защиту. В легенде о сэре Герэте дама не знает о рыцарском звании своего спутника и обзывает его «кухонным мужиком», потому что он по доброй воле провёл год, служа в Камелоте на кухне, а затем вызвался сопровождать её. Кротость и смирение рыцаря в сочетании с самыми достойными поступками заставляют даму понять, кто он на самом деле [2]. Помочь любой даме и сражаться за неё, если понадобится, было делом чести.

Рыцарство предполагало путь внутренний параллельно с внешним. Часто вначале герои совершают ужасные ошибки и даже преступления, и это заставляет их принять на себя обязательства и измениться. В символическом ключе легенды рассказывают не столько о битвах в лесах и под стенами крепостей, сколько о внутренней борьбе, которая идёт постоянно — о преодолении собственной внутренней темноты, сражении за свет, за лучшее в себе самом. Исход боя не во всём зависит от человека, но остаться верным слову и чести — только от него самого зависит.

Идеал касался не только мужчин, показывая путь от мужчины-воина — до Рыцаря, но и на женщин: им тоже нужно было измениться, чтобы стать настоящими Дамами. Самая известная из них — супруга короля Артура Гвиневера. Красота, нежность, милосердие, доброта, чистота — в этом сила Дамы. Она хозяйка замка, в её присутствии всё наполняется жизнью, красотой и светом. Такие женщины возвышали нравы эпохи. Дело не только в нарядах, лёгких и грациозных движениях — появление Дамы подобно лучу света, озаряющему комнату. Она умеет исцелять раны, заботиться о больных, знает

травы, близка к природе и тонко чувствует её (здесь прослеживаются кельтские корни легенд). Она также искусна в танце и музыке, умеет хорошо говорить. Всё это нельзя скопировать или надеть как маску — этим нужно жить. Истоки подлинной красоты находятся во внутреннем мире.

Рыцарский идеал пробуждал лучшие качества человека, давал связь с идеей более великой, сильной и чистой, чем всё, что окружало людей. Служа королю, они каждый на своём задании и все вместе создавали государство, которое бы жило по законам чести и справедливости. Для рыцаря служение было выбором, он верил в то, за что сражался, и совершить бесчестный поступок означало бы перечеркнуть саму миссию, которую он на себя брал. Его чувство долга исходило из любви и преданности.

Основные этические положения, которым человек должен был следовать, записывались в кодексе чести. Приведём выборку из «Книги о рыцарском ордене» Раймонда Луллия:

- Рыцарь - это человек, который пользуется силой для достижения мира.
- Рыцарь должен быть скромным, ибо скромность возвышенна.
- Рыцаря украшает честь.
- Не одежда делает его благородным, а добродетели.
- Поднимаются - по достоинствам и заслугам. Падают из-за недостатков.
- Рыцарю свойственны честь и благородство.
- Сила рыцаря в его достоинствах, а не в коне и мече.
- Мир судит о рыцарях по их делам [5].

Кодекс задавал планку, ниже которой нельзя опускаться. Он принимался добровольно, как и обеты, которые следовало исполнить даже ценой жизни.

Возвышенный рыцарский идеал нашёл отражение в деятельности первых монашеско-рыцарских орденов — тамплиеров, госпитальеров, ордена святого Иоанна, ордена святого Лазаря. Вступая в орден, человек начинал свой путь обучения и конкретного служения в мире, которое состояло в защите паломников, лечении больных, помощи бедным. Таким образом служение Богу осуществлялось через служение людям, выполняя заповеди христианской морали.

Видится, что этическое послание рыцарства вновь актуально сегодня. Хотя формы совсем иные, наше время несёт черты средневековья: одна эпоха закончилась, старые подходы в разных сферах жизни больше не работают, а новые ещё не сформированы; размыты критерии в морали, очень не хватает долговременных ориентиров и точек опоры. Если рыцарское вооружение и методы ведения войны интересуют скорее историков, то внутреннее содержание рыцарства, тот идеал, который был дан, чтобы изменить жизнь людей, — поле исследования философов. В символическом ключе он касается каждого, кто стремится изменить к лучшему что-то в мире и в себе самом. А для этого необходимо сражение, усилия, определённая планка кодекса чести и моральные обязательства. Накладывая ограничения на инстинктивную природу человека, они позволяют проявиться высшему в нём, завоевать своё именно человеческое достоинство. Как гласит знаменитый девиз, «Делай, что должно, — и будь, что будет». Долг же диктуется идеалом, который ведёт и вдохновляет тех, кто стремится ему следовать.

Литература

1. http://templiers.info/historical_materials/index.php?id=sources_translation&sources_translation=de_laude_novae_militiae_rus-1-5
2. Грин Р.Л. Приключения короля Артура и рыцарей Круглого Стола. М.: Молодая гвардия, 1981.
3. Оссовская М. Рыцарь и буржуа. М.: Прогресс, 1987.
4. Эшенбах В. Парцифаль. Русский путь, 2004.
5. Луллий Р. Книга о рыцарском ордене. СПб.: Наука, 2003.

Вишневецкая Анна Александровна

*Московский Государственный Университет имени М. В. Ломоносова, философский факультет,
студентка I курса магистратуры*

anvishnevetskaya@gmail.com

Аннотация: В докладе рассматриваются стратегии становления нейроэтики как самостоятельной дисциплины, ее отношение к биоэтике, возможные подходы к пониманию нейроэтики и методологические установки. Анализируется роль нейроэтики в решении актуальных практических, теоретических и философских задачах, возникающих в связи с развитием нейронаук. Осмысливается концепция «нейронного улучшения» и связанные с ней вопросы о понимании человеческой природы и трансформации восприятия человека как морального агента. Рассматривается проблема натуралистического представления о природе морали в свете нейронаучного знания, а также значение нейронаучных экспериментов в дискуссиях о детерминизме, свободе воли, моральной ответственности.

Ключевые слова: нейроэтика, методология, технологии улучшения человека, философия морали, свобода воли, этика нейронауки

Current problems of neuroethics.

Vishnevetskaya Anna

Moscow State University

Abstract: The report examines the strategies for the development of neuroethics as an independent discipline, its relation to bioethics, possible approaches to understanding neuroethics, and methodological guidelines. The role of neuroethics in solving practical, theoretical and philosophical problems arising in connection with the development of neuroscience is analyzed. The concept of “neural improvement” and related questions about the understanding of human nature and the transformation of human perception as a moral agent are conceptualized. The article considers the problem of a naturalistic idea of the nature of morality in the light of neuroscientific knowledge, as well as the importance of neuroscientific experiments in discussions about determinism, free will, and moral responsibility.

Keywords: neuroethics, methodology, human improvement technologies, moral philosophy, free will, ethics of neuroscience

Современное нейронаучное знание позволяет беспрецедентно глубоко проникнуть в тайну человеческого мозга, открывая новые способы понять разум и даже контролировать его. В связи с этим возникает множество этических проблем, уже не укладывающихся в ряд вопросов биоэтики. Эти этические проблемы выводят нас в другие философские области, такие как философия сознания или философия ума (philosophy of mind), философия психологии, философия права и философия нейронауки в целом. Так, на формирующемся дисциплинарном поле нейроэтики встречаются философы, нейробиологи, неврологи, юристы, социологи, психологи и экономисты. На текущий момент нейроэтика не имеет строго определенных методологии или нескольких методологических стратегий, но выстраивает свои границы и самопонимание через определение своего проблемного поля.

В этих условиях нейроэтика призвана осмысливать связи между нейронаучными данными и философскими понятиями, что необходимо для определения, какова роль нейробиологических исследований в решении социальных, этических и фундаментально философских проблем. Предположительно, нейроэтика может выполнять роль некоторого медиатора, примиряющего результаты нейронаучных исследований и различные этические установки. Речь идет не только о том, чтобы сбалансировать взгляды на процессы, действующие в области морального познания, но и об объединении естественных и гуманитарных наук для решения вопросов, касающихся моральной жизни человека. А также о последовательной постановке этических, правовых и социальных вопросов о том, каким образом можно интерпретировать результаты исследований.

В настоящий момент продолжают дискуссии том, есть ли основания считать нейроэтику самостоятельной дисциплиной, или же нейроэтика должна рассматриваться в составе биоэтики как одно из ее направлений. Исследователи придерживаются разных взглядов о вопросе включения или невключения нейроэтики в состав биоэтики. Однако, инклюзивный и эксклюзивные подходы к пониманию отношений нейроэтики и биоэтики в определенной мере являются теоретическим приемом для того, чтобы исследовать нейроэтику как новую область знания и способ понимания морали. Есть основания говорить о том, что нейроэтика, по крайней мере, может отражать биоэтику. Можно выделить много общих проблем, связанных с исследованиями нервной системы, которые содержатся в биоэтике. Например, проблемы информированного согласия, конфиденциальности, идентичности, проблемы, связанные когнитивными нарушениями и возникающие при применении результатов научных исследований в коммерческой сфере, педагогике и др. Такой подход к нейроэтике можно назвать «нейробиоэтическим». Здесь мы имеем дело с этическими проблемами, возникающими в ходе нейронаучных исследований и их применением за пределами медицинской практики. Этическая теория и аргументация привлекается к решению практических вопросов, возникающих при исследовании мозга, в медико-клинических разработках, при хранении и передаче полученной информации.

Возможен подход «эмпирической нейроэтики», при котором нейроэтика будет рассматриваться как дисциплина, в рамках которой стремительно растущий объем эмпирических данных нейронауки используется как основа для разработки теоретических и практических вопросов. Таким образом, нейронные и психические явления могут рассматриваться в качестве основы этических концептов. Вопрос, каким образом эмпирические данные нейроисследований могут влиять на этические концепции, остается дискуссионным. Здесь проявляется острая необходимость в методологической проработке проблемы и определении характера связи между эмпирическими данными нейронауки и этической теорией.

Также «нейроэтика» может пониматься как область концептуального анализа нейронауки, направленная на уровень интерпретации научных данных, устанавливающая связь между научными данными и философскими концепциями. Концептуальный анализ ключевых научных понятий, включающий в себя анализ их эпистемологического и онтологического статуса, при формулировании научных вопросов позволяет получить комплексную картину исследования. Нейроэтика способствует концептуальному уровню интерпретации научных данных, устанавливающему связь между научными фактами и философскими концепциями. Осмысление связи между нейронаучными данными и философскими понятиями необходимо для определения роли нейробиологических исследований в решении фундаментальных проблем, почему или как эмпирические знания о мозге могут иметь отношение к социальным, этическим и фундаментально философским проблемам. Действительно ли моральное суждение может быть редуцировано до нейронной активности определенных участков мозга? Этот вопрос уже нельзя назвать эмпирическим, так как он затрагивает методологические и концептуальные проблемы. Нейроэтика как дисциплина, которая стремится к самостоятельности, остро нуждается в собственной методологии. Именно разработка специфической методологической стратегии или нескольких, способна отстоять уникальность нейроэтики относительно философии и нейронаук и окончательно утвердиться в качестве отдельной дисциплины, а также стать основой для последующей разработки методологии нейроэтики в будущем.

Понимание нейроэтики как принципиально новой области основано на убеждении, что при изучении мозга мы сталкиваемся с уникальными этическими дилеммами, не входящими в область исследования биоэтики. Нейроэтика исходит из того, что нейронауки производят настолько мощный прорыв в понимании мозга и когнитивных процессов, что оно, в свою очередь, способно изменить наше понимание разума и человеческой идентичности. И действительно, биоэтическая рефлексия выходит за рамки биомедицины, когда в дело вступают биотехнологии, так как те направлены на улучшение естественных человеческих когнитивных и физических способностей. Философская проблема улучшения человека состоит в том, что за всю историю научно-технического прогресса человек впервые становится не только субъектом технологического вмешательства, но и его объектом. Позиция улучшения связана с направленностью на усиление, совершенствование и расширение исходных природных возможностей человека с помощью применения достижений биотехнологического прогресса. Биотехнологии открывают перед человеком перспективу активного преобразования своей биологической природы во всех проявлениях его жизни. Реальность свободы воли, морального долга и выбора обретает, таким образом, совершенно иной модус нравственного существования. Нейронаука

исследует такие явления, как альтруизм, эмпатия, сознание, психопатия, закономерно возникает вопрос и о возможности морального улучшения. Это проблематизирует понимание всего этического аппарата человека и влечет переосмысление его онтологического статуса. Если в контексте этой моральной нейробиологии можно предположить, что возможно такое вмешательство в мозг, которое заставит его быть моральным и поступать в соответствии с определенными этическими нормами, то в контексте практик биотехнологического улучшения речь идет о полной трансформации понимания процессов размышления и морального сознания. Также идея улучшения вызывает дискуссии о самом понимании человеческого, человеческой природы, и вытекающих из этого этических принципов, а также определение и соотношение «естественного» и «нормального». Так, нейроэтика призвана исследовать, как понимание нейробиологических основ морального поведения способно повлиять на восприятие человека как социального и морального агента. Также появляется возможность проанализировать натуралистическое представление о морали в свете новых данных нейронауки: как выражение природного процесса, эволюционно обусловленный способ адаптации к реальности. Здесь нейробиологи выходят на традиционную территорию философов, задавая вопросы о существовании и смысле свободы воли, морали, идентичности и сознании, и нейроэтика, пытаясь осмыслить мораль в свете новых эмпирических данных нейронауки, призвана избежать ошибки нивелировать специфику морали, редуцируя ее к естественным категориям.

Нейронаучные эксперименты также спровоцировали новую волну дискуссий о детерминизме, свободе воли, моральной ответственности. Появилось понятие «нейродетерминизм», обозначающее нейронную обусловленность наших решений и поступков. В этой связи открывается новое пространство для осмысления фундаментальной философской проблемы свободы воли, возможное благодаря новым данным нейронауки.

Литература

1. Апресян Р.Г. Этика. Энциклопедический словарь. URL: https://iphras.ru/enc_eth/137.html
2. Юдин Б.Г. «Улучшение» человека: биоэтическая рефлексия за пределами биомедицины // Философские проблемы биологии и медицины: материалы 10-й научно-практической конференции, Москва, 26-27 октября 2016 г. Саратов: СГТУ, 2016. Вып. 10. С. 23-25.
3. Разин А.В. О морали и нейрофилософии: возражения Патриции Чёрчленд,
4. Франсу де Ваалу и Джону Сёрлу // Философия, наука, технологии. 2015. № 11. С. 31-39.
5. Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/gas_raz/index.php
6. Попова О.В. Биотехнологическое улучшение человека и современная нейроэтика: философские и религиозные проблемы // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. Т. 19. № 4. С. 117-131.
7. Де Вааль Ф. Истоки морали: в поисках человеческого у приматов. М.: Альпина-нон-фикшн, 2017.
8. Сидорова Т. А. Нейроэтика между этикой и моралью // Идеи и идеалы. 2018. № 2. Т. 1. С. 75-99.
9. Голубев В.Н. Нейроэтика: основные этапы развития // Достижения фундаментальной, клинической медицины и фармации. Витебск, 2017. С. 529-530.
10. Лазуренко Д.М., Кирой В.Н. Современные проблемы нейроэтики // Валеология. 2012. № 4. С. 74-80.
11. Криволапова Ю.К. Естественные основания морали в свете научных исследований. URL: www.gramota.net/materials/3/2017/7/25.html
12. Фролов И.Т. Человек и его будущее (научный, социальный и гуманистический аспекты). URL: <https://iphras.ru/uplfile/root/news/Frolov.pdf>
13. Разин А.В. Свобода и необходимость // Вестник РУДН. Серия Философия. 2015. № 2. С. 9-15.
14. Roskies A. Neuroethics // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. (Spring 2016 Edition) / Ed. by Edward N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/neuroethics/#Bib>

Философия и психопатия: опыт междисциплинарного взаимодействия

Гаврилов Максим Викторович

МГУ им. М.В. Ломоносова, магистрант философского факультета

mrcapy@yandex.ru

Аннотация: Сегодня психопатия привлекает значительный исследовательский интерес. Она находится в поле зрения психологов, криминологов, юристов, нейроученых, биологов, философов и многих других специалистов. В статье описываются проблемы, которые возникли у философов при трактовке эмпирических исследований, касающихся обсуждения моральной ответственности психопатов. Едва ли такое междисциплинарное взаимодействие можно охарактеризовать как продуктивное. Делается вывод, что положение дел в изучении психопатии на данный момент не позволяет однозначно трактовать полученные в ходе наблюдений данные. Поэтому они могут оказать лишь ограниченную помощь в выявлении истинных корреляций между аморальным поведением, моральными суждениями и психологическими способностями индивидов. Это значит, что поставить точку в спорах о возможности вменения психопатам моральной ответственности, в ближайшее время едва ли получится.

Ключевые слова: психопатия, PCL-R, эмпатия, моральная ответственность, моральные суждения, междисциплинарность

Philosophy and Psychopathy: Experience of Interdisciplinary Interaction. Gavrilov Maksim Viktorovich

Lomonosov Moscow State University, Faculty of philosophy

Abstract: Today psychopathy attracts significant research interest. It is monitored by psychologists, criminologists, lawyers, neuroscientists, biologists, philosophers, and many other specialists. The article describes the problems that philosophers have encountered when interpreting empirical research concerning the discussion of the moral responsibility of psychopaths. This interdisciplinary interaction can hardly be described as productive. It is concluded that the current state of affairs in the study of psychopathy does not allow for a clear interpretation of the data obtained during observations. Therefore, it can provide only limited help in identifying the true correlations between immoral behavior, moral judgments and psychological abilities of individuals. This means that putting an end to disputes about the possibility of imputing moral responsibility to psychopaths is unlikely to happen in the near future.

Keywords: psychopathy, PCL-R, empathy, moral responsibility, moral judgments, interdisciplinarity

Выход бестселлера «Лишенные совести. Пугающий мир психопатов» [1] и самого популярного опросника по психопатии «Контрольный перечень психопатических черт» [2] (сокращенно PCL-R), авторства известного канадского психолога и криминолога Роберта Хаэра, вызвал большой интерес со стороны ученых разных специальностей. К этому времени интерес к психопатам в обществе уже серьезно подогревался новыми книгами, фильмами и песнями в массовой культуре.

Согласно Google Scholar, до 1995 года выходило не более пятисот научных публикаций в год, в которых встречалось слово «психопатия». Начиная с 2000 года их насчитывается уже не менее тысячи, с 2006 года - не менее двух тысяч, с 2016 года - не менее шести тысяч.

Проблемой психопатии занялись не только криминологи, психологи, психиатры, юристы и нейробиологи, но и философы. Согласно PhilPapers, крупнейшей международной базе философских публикаций, категории «психопатия» соответствуют 490 статей. Они расположены в категории «философия психиатрии и психопатологии». Психопатия находится в этом разделе на первом месте по количеству научных статей. Тематика раздела, по словам его редактора, расположена на стыке философии науки, философии сознания и этики.

Какие философские проблемы выявляются при изучении феномена психопатии? В первую очередь, философы исследуют обоснованность данного диагноза как психического расстройства.

Феномен психопатии обсуждается как аргумент в поддержку этического сентиментализма против рационализма, а будущая возможность нравственного совершенствования психопатов путем биологических интервенций интересует исследователей в области биоэтики.

Также философов крайне заинтересовала идея о том, что существует реальный класс аморальных по своей природе людей – безответственных хладнокровных хищников, которые лишены морального чувства и скрываются под маской нормальности.

Многие философы нашли привлекательной идею, что в основе безнравственности психопатов лежит дефицит эмпатии. Что может быть более убедительным, чем следующее утверждение: человек обманывает, плохо обращается с другими и причиняет им вред просто из-за недостатка сочувствия? Исходя из этого, существование таких людей как психопаты стало одним из аргументов в пользу этического сентиментализма.

Опираясь на эмпирические исследования, которые показывали отсутствие у психопатов эмпатии и наличие аффективных и когнитивных нарушений, философы часто утверждали, что психопаты не должны нести моральную ответственность за свои поступки. К выводам на основании этих данных пришли, например, такие известные теоретики моральной ответственности как Гарри Уотсон, Нил Леви и Дэвид Шумейкер. Однако за последние годы появляется все больше публикаций скептического характера по поводу использования философами эмпирических данных о психопатии.

Дело в том, что эти эмпирические исследования позиционируются в философских публикациях как достоверные и обоснованные, и многие не сомневаются в их истинности. Из-за этого философы долгое время обсуждали не саму проблему достоверности отсутствия у психопатов эмпатии, а то, следует ли связывать с безнравственностью этот неоспоримо принимаемый ими в качестве факта дефицит эмпатии, или нет.

Однако если абстрагироваться от действий, в которых психопаты выражают заметное отсутствие сочувствия к своим жертвам, сами экспериментальные доказательства отсутствия этого сочувствия выглядят противоречивыми. Впрочем, сомнение вызывает не только вопрос дефицита сочувствия.

Далеко не все исследования подтверждают отсутствие у психопатов таких важных для философии факторов, как эмпатия, чувство страха или печали. Jalava и Griffiths считают, что философы допустили множество ошибок в интерпретации экспериментальных данных. Но больше всего их удивило, почему философы постоянно ошибались не в сторону осторожности, а наоборот? По их мнению, философы просто следовали за психологами: «Наиболее вероятное объяснение состоит в том, что многие философы просто следуют примеру ученых социальных наук, чьи выводы первые просто воспроизводят для новой аудитории. Действительно, некоторые ученые социальных наук также призывали к снижению моральной и/или уголовной ответственности психопатов» [3, с.7].

Но есть и еще одна, может быть, даже более серьезная проблема, которую философы тоже замечают редко. В их произведениях психопатия часто представляется как единое и реальное расстройство с четко очерченными параметрами. И в некотором смысле так и есть: например, в прагматической плоскости психопатия в целом имеет умеренный прогностический эффект в отношении будущего насильственного поведения, что было показано во многих исследованиях последних десятилетий [4].

Но психопатия, такая, какой она диагностируется в настоящее время, едва ли представляет собой «естественное расстройство». Maibom отмечает: «В настоящее время существует общее мнение, что психопатия бывает двух типов: первичная и вторичная. Это разделение важно потому, что поведение, представляющее особый интерес для исследователей - аморальное и преступное поведение - по-видимому, проистекает из по крайней мере частично различных причин в этих двух типах» [5, с. 70]. Это могут быть просто два внешне схожих и лишь иногда пересекающихся психических расстройства.

Если два данных типа различны, это может помочь объяснить, почему данные о моральных способностях психопатов настолько противоречивы. Если различие между первичной и вторичной формами психопатии действительно существует, то ученым еще предстоит пересмотреть некоторые важные аспекты концепции психопатии. И это еще одна причина, почему философам не стоит делать столь категоричных утверждений о психопатах - о том, что им не хватает эмпатии или практического разума.

В связи с этим очевидно, что научные работы по психопатии в настоящее время могут оказать лишь ограниченную помощь в выявлении истинных корреляций между аморальным поведением, моральными суждениями и психологическими способностями, такими, как внимание, тревога, эмпатия, страх, печаль, способности к контролю и обучению. С другой стороны, несомненно, что аффективные

и когнитивные нарушения явно способствуют плохому соблюдению моральных и правовых норм у психопатов. И философам нужно выявить, являются ли эти психологические факторы в случае нарушения данных норм - морально релевантными.

Выходит так, что многие философы просто одобрили заключения психологов о моральной ответственности и вместе с ними перенесли эти выводы в юридическую плоскость. Едва ли это можно охарактеризовать как продуктивное междисциплинарное взаимодействие.

Вот, например, несколько предложений из заключения одной высокоцитируемой философской статьи на эту тему: «Мы утверждали здесь, что привлекать к уголовной ответственности психопатов - значит игнорировать существенные и все возрастающие свидетельства того, что психопаты значительно ослаблены в понимании морали... Мы не отрицаем, что психопаты-преступники - опасные и расчетливые хищники. Однако игнорировать существенные доказательства того, что психопаты-преступники не несут уголовной ответственности, представляет собой большую угрозу для уголовного правосудия» [6, с. 440].

Не очень понятно, оказывает ли философия хоть какое-то влияние на другие дисциплины в проблеме изучения психопатии. Jalava и Griffiths приходят к выводу, что, к примеру, диалог между психологией и философией глубоко асимметричен: психологи по-прежнему говорят только с психологами, а философы - только с философами; разница лишь в том, что теперь и те, и другие делают это в терминах психологии [3].

Но наличие влияния философии в принятии судебных решений о психопатах весьма вероятно. В последние годы некоторые судьи в США значительно сокращали сроки наказания при предоставлении доказательств биохимической причины психопатического поведения [7]. Они допускали, к примеру, врожденную нехватку необходимых для морального поведения нейронных связей.

С одной стороны, в опубликованных отчетах из судов отсутствуют ссылки на философские работы, с другой - вполне возможно, что некоторые судьи учитывали и могут учитывать в своих решениях философские размышления. «Получается, что хотя большинство философских дискуссий о моральной ответственности носят теоретический характер, следует серьезно отнестись к возможности их применения судьей и/или присяжными» [3, с.9].

Указанные обстоятельства возлагают определенную степень ответственности на размышления философов. Jalava и Griffiths считают, что в отсутствие надежных доказательств преждевременно использовать эмпирические данные для определения ответственности психопатов [3]. Возможно, если обсуждение этой темы не должно быть приостановлено, то, по крайней мере, следует избегать однозначных выводов из-за противоречивости результатов исследований.

Если исследования, на которые опираются философы, вдруг окажутся истинными и получат полное подтверждение, то их труды по поводу ответственности психопатов внесут свой вклад в развитие междисциплинарности науки. Философия может осмысливать данные из одной области (например, психологии), а затем её выводами может воспользоваться другая область (например, право).

Однако, если данные, на которые ссылается философия, не подтверждены, то её размышления могут лишь усложнить и без того запутанную область исследований. Упрощенное и выборочное прочтение не только бесполезно, но и может подорвать ценность междисциплинарного сотрудничества ученых, представляющих социальные науки и философию [3].

Литература

1. Hare R.D. Without Conscience: the Disturbing World of the Psychopaths Among Us. New York: Simon & Schuster Inc, 1993.
2. Hare R.D. The Hare Psychopathy Checklist-Revised, 2nd ed. Toronto: Mental Health Services, 2003.
3. Jalava J., Griffiths S. Philosophers on Psychopaths: A Cautionary Tale in Interdisciplinarity // Philosophy, Psychiatry & Psychology. 2017. Vol. 24. No. 1. P. 1-12.
4. Douglas K. S., Vincent G. M., Edens J. F. Risk for criminal recidivism: The role of psychopathy // Handbook of psychopathy / Ed by C. J. Patrick. New York: The Guilford Press, 2018. P. 682 – 709.
5. Maibom H. L. What Can Philosophers Learn from Psychopathy? // European Journal of Analytic Philosophy European Journal of Analytic Philosophy. 2018. Vol. 14. No.1. P. 63-78.
6. Fine C., Kennett, J. Mental impairment, moral understanding and criminal responsibility: Psychopathy and the purposes of punishment // International Journal of Law and Psychiatry. 2004. Vol. 27. P. 425-443.
7. Aspinwall L.G, Brown T.R, Tabery J. The Double-Edged Sword: Does Biomechanism Increase Or Decrease Judges' Sentencing Of Psychopaths? // Science. Vol. 337, Issue 6096. 2012. P. 846-849

Кашников Б.Н.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», профессор. Доктор философских наук

bkashnikov@hse.ru

Аннотация: Самоопределение народов является одним из принципов международного права и одним из основных коллективных прав, закрепленных в уставе ООН и целом ряде международных правовых документов. Этот принцип и право были предметом вооруженной борьбы и идеологических призывов, которые подкреплялись моральными требованиями и принципами. Между тем при ближайшем рассмотрении моральная составляющая этого принципа вызывает большие сомнения и сам принцип раскалывается на по меньшей мере три различные исторические практики, имеющие между собой мало общего и мало собственно моральной составляющей. Принцип самоопределения может приобрести моральный и практический смысл лишь отказавшись от статуса неотъемлемого права и с учетом принципа реальности, то есть учитывая интересы реальных политических сил.

Ключевые слова: самоопределение народов, национализм, этика международного права, сецессия, суверенитет.

Ethical meaning of the right to self-determination of peoples.

Kashnikov B. N.

Higher school of Economics

Введение

Право народов на самоопределение закреплено во многих основополагающих актах международного права. Например, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года утверждает «Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие» [1]. Между тем при ближайшем рассмотрении это право вызывает много вопросов, главным из которых остается вопрос о возможности его реализации в качестве универсального морального принципа, равно как и о морально приемлемой практической реализуемости в виде той или иной формы политического суверенитета.

Три движения и три смысла самоопределения народов.

Понятие самоопределения народов можно понимать как миф XX-го века, паразитирующий на кантовском понятии самоопределения личности. В действительности, здесь нет прямого соответствия, только романтическое желание привести второе в соответствие с первым. Самоопределение личности означает обретение моральной ответственности. Иное дело самоопределение народов. Народ не является моральным субъектом. Самоопределение народа может означать только решение вопроса о политическом статусе вплоть до суверенитета. Суверенитет, в свою очередь, означает главным образом возможность распоряжаться ресурсами определенной территории. За прекрасными провозглашениями прав народов на самоопределение стоят реальные интересы реальных элит и реальных государств. Можно отчетливо различать три этапа развития принципа самоопределения, начиная от его провозглашения Вудро Вильсоном в 1918 году. Каждый из этих этапов предполагал особую идею самоопределения и смысл, вкладываемый в понятие самоопределение, был совершенно разным. Исходная идея заключалась в том, что на месте побежденных империй, появятся новые национальные государства. Однако применяемый принцип самоопределения оставался политическим, а не универсальным моральным принципом. Самоопределение народов не означало, что народ получит желаемый суверенитет или даже автономию. При этом принцип даже не был закреплен в качестве

принципа международного права и тем более не был провозглашен в виде права народов.

Иной смысл этот принцип приобрел после завершения второй мировой войны и начавшегося процесса деколонизации. На этом этапе он был закреплен в уставе ООН и ряде документов международного права, из которых важнейшими являются две конвенции о правах 1966 г. В конвенциях дано определение этого права. Это обстоятельство явилось следствием изменения политического баланса сил на международной арене. Страны третьего мира при содействии Советского Союза сумели навязать свою волю колониальным странам, которые решили добровольно отказаться от колониальных претензий, ввиду бесперспективности сопротивления. Однако и в этом случае право самоопределения не приобрело смысла универсального морального принципа. Во-первых, самоопределение предоставлялось не народам в полном смысле этого слова, а только вполне сложившейся политической элите колониальных территорий в рамках территориальных границ, обозначенных колониальными державами. Эти элиты очень быстро обнаружили не только желание освободиться от опеки колониальных держав, но и подавлять всякие попытки народов, проживающих на этой территории, заявить о своем праве на самоопределение. В завершение, сложившиеся «свободные» государства действительно были свободны от прежних колоний, но степень их внутреннего самоопределения ввиду, диктаторских и коррупционных устремлений новых элит оказалась весьма невысокой.

Третий этап развития принципа самоопределения, наступил после завершения процесса деколонизации и последовавшего вскоре падения Советского Союза. Принцип самоопределения приобрел смысл сецессии, приобретшей в 90е годы характер эпидемии. Такое положение дел было предсказуемым. Действительно, прежнее международное право и молчаливое согласие мировых держав было враждебно всяким формам односторонней сецессии. Всеобщее распространение либеральных ценностей и демократии способствовало слишком буквальному пониманию ее принципов. Народ может воспользоваться демократическими процедурами и коллективными правами для того, чтобы подкрепить эти права еще и политическим суверенитетом. В случае, если этой демократии нет, он может начать борьбу за демократию, как способ осуществления борьбы за суверенитет. В 1990х годах возникло особое направление прикладной этики под названием «философия международного права» и даже «этика сецессии», которые развивали право самоопределения в направлении морально оправданной сецессии. Возникли три основные теории морально оправданной сецессии.

Первая, это националистическая теория, которая утверждает, что всякая нация должна получить гарантированное право на создание национального государства [2]. Вторая, это демократическая теория, которая утверждает, что право на отделение принадлежит любой административной общности, если только она способна приобрести суверенитет не принося ущерб другим. [3, 4]. Обе эти теории вместе взятые представляют почти прямую противоположность третьей теории. Если первые две теории ищут право на государственное отделение в некоторых общих признаках народа, то третья теория, названная теорией справедливой сецессии, рассматривает отделение лишь в качестве крайнего средства и как результат многочисленных нарушений прав человека. [5]. Первые две группы теорий, на мой взгляд, совершенно лишены перспективы с точки зрения возможности придания самоопределению моральный смысл, но третья теория может составить основу дальнейшего развития.

Самоопределение и моральная ответственность

Означает ли все это, что право народов на самоопределение, которое разрабатывалось для деколонизации, потеряло всякий смысл в условиях завершения этого процесса. Самоопределение имеет не только внешний, но и внутренний смысл. По этой причине, прежде чем требовать отделения, логично было бы добиться либерально-демократических прав и свобод в одной отдельно взятой стране. Если их нет, то за них следует бороться, в том числе и посредством сецессии. Если они есть, то ими следует воспользоваться для укрепления культурных и социальных прав, вплоть до внутренней автономии. Этот вывод содержится в работе Бьюкенена. Однако его теория справедливой сецессии, содержит некоторые характерные иллюзии 90х годов. Первая из этих иллюзий может быть названа иллюзией народа, вторая иллюзией условий его самоопределения.

Иллюзия народа заключается в том, что существует некоторый субъект, названный народом, которые остаются неизменными в процессе осуществления самоопределения и приобретает суверенитет подобно тому, как отдельный индивид приобретает сапоги. В действительности, если такой коллектив-

ный субъект когда-то и существовал, то он не существует в современном динамичном и глобальном мире. Процессы самоопределения это и есть процессы создания народов, чтобы мы ни понимали под народом. Народ возникает нередко в результате угрозы или несправедливости, нависшей над ранее никогда не имевшими ничего общего людьми. С другой стороны, создав общую концепцию справедливости и начав ее реализовывать, индивиды создают общность, которая противопоставляет себя правящей элите. Подобное понимание народа, требует изменения представления о правах человека, в том числе коллективных правах. Язык права, особенно если он применяется в условиях либерального общества, это язык требования и скрытой угрозы [6]. Дальнейшее развитие права на самоопределение должно быть связано с отказом от самого языка права и переход на язык ответственности. Самоопределение, в особенности в форме суверенитета, это не столько право, сколько ответственность и язык к которому должен прибегать самоопределяющийся народ, это не язык ультиматумов, а язык компромисса и сотрудничества.

Другая иллюзия, о которой стоит также упомянуть, есть характерная для 90х годов иллюзия благого глобального суверена, который внимает мольбам угнетенных народов и дарует им в случае необходимости суверенитет [7]. Эта иллюзия, которую теория справедливой сепарации разделяет с теорией справедливой войны. В действительности глобальный суверен в лице США не оказался благим. Более того, он не состоялся как глобальный суверен. В современном мире многополярность становится все более очевидной реальностью. Это означает, что право на обретение автономии будет распределяться многими суверенами, а не одним только глобальным сувереном. Решение они будут принимать далеко не только на основе моральных мотивов.

Заключение

Вопреки устойчивым иллюзиям политический принцип самоопределения народов не является моральным принципом. Попытки придать ему этот смысл начали предприниматься только с начала 90-х годов, когда как грибы после дождя стали появляться многочисленные теории справедливой сепарации. Дальнейшее успешное движение в этом направлении, если только вообще возможно, требует отказа от характерных иллюзий, которые я обозначил как иллюзия народа и иллюзия благого суверена.

Литература

1. Международный пакт о гражданских и политических правах. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.
2. Tamir Y. Liberal Nationalism. Princeton: Princeton University Press, 1995.
3. Philpott D. In Defense of Self-Determination // Ethics. 105 (1995). P. 352-85.
4. Wellman C. A Defence of Secession and Political Self-Determination // Philosophy and Public Affairs, 24/2 (1995). P. 142-71.
5. Buchanan A. Democracy and Secession // National Self-Determination and Secession. Ed. by Margarethe Moore. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 14-34.
6. Megret F. Earned, Not Inherent // A Theory of Self-Determination (ASIL Studies in International Legal Theory). Edited by Fernando R. Teson. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
7. Steiro M. The Right to Self-Determination under International Law. "Selfistans", secession, and the rule of the great powers. London and New York: Routledge, 2013.

Этическая экспликация концепции исторической памяти П. Нора

Котунова О.В.

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, философский факультет,
аспирант 1 года обучения*

soimemeetunautre@gmail.com

Аннотация: Пьер Нора известен как автор концепции мест памяти, но сам этот термин является вспомогательным для более крупной теоретической конструкции, которая определяет способ восприятия, понимания и трансляции знаний о прошлом, актуальный настоящему моменту. Современное общество, по мнению Нора, принадлежит мемориальной парадигме, пришедшей на смену парадигме исторического канона. Главной чертой такого общества будет плюрализм локальных сообществ, основанный на поиске и определении собственных идентичностей. Наиболее важной здесь будет смена регистра рассмотрения проблем исторического: в частности, для исторической памяти менее жестко стоит проблема эпистемологической истины, в то время как на первый план выходит этическая проблематика.

Ключевые слова: Пьер Нора, историческая память, история, места памяти, идентичность, Другой.

Ethical Explication of the P. Nora's Concept of Historical Memory. Kotunova O.V.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy

Abstract: Pierre Nora is known as the author of the concept of places of memory. However, this is just a supporting term for a larger theoretical construct which defines the way of perceiving, understanding and translating knowledge about the past, which is relevant to the present time. According to Nora, contemporary society is characterized by a new memorial paradigm, which has replaced the paradigm of the historical canon. The main feature of such society is pluralism of the local communities, which is based on the search and the definition of their own identities. The most important thing is a change of the register of considering historical issues: in particular, the issue of epistemological truth for historical memory is less rigid, while ethical issue comes to the first.

Keywords: Pierre Nora, historical memory, history, places of memory, identity, other.

Тема исторической памяти на сегодняшний день представляется одним из наиболее актуальных, перспективных и активно развивающихся направлений. Само обращение к этому термину характеризует поворот, открывающий проблематику прошлого в качестве исследовательского пространства для целого ряда гуманитарных наук. Проблематика эта оказывается достаточно широка и позволяет поставить нетривиальные вопросы, освещающие различные грани того, что прежде было суверенной предметной областью исторической науки, а также открывает новые возможности для развития как традиционных локальных, так и гибридных областей знания. Последнее на настоящий момент является скорее исследовательской перспективой «исторической памяти», нежели реальностью, на что справедливо указывают некоторые авторы [1, с. 189–192]. В то же время процесс трансформации очевиден, и в этой работе он будет продемонстрирован на примере того, как проблематика исторической памяти осваивает пространство этического в теории Пьера Нора.

Пьер Нора – французский историк, представитель третьего поколения школы «Анналов» – наиболее известен как автор концепции мест памяти, которая была изложена и проиллюстрирована в многотомном издании с привлечением к работе более чем ста специалистов в области истории Франции. Места памяти представляют собой вербализованные материальные или духовные объекты, несущие в себе символический и функциональный смысл. Главной их задачей оказывается сохранение памяти некоторой общности, которая сознательно означает определенный объект, выделяя его из ряда других и помещая из пространства профанного в пространство сакрального или же из пространства временного в пространство вечного, будто бы недоступного для механизмов забвения.

Поскольку такой объект является символическим, его смысл оказывается доступен только тем, кто владеет языком и способен провести процедуру декодирования. Однако при этом символический объект не является жесткой системой – его значение может изменяться со временем, утрачиваться и возрождаться вновь, приобретая совершенно иную смысловую нагрузку. Подобное оказывается возможным благодаря тому, что Пьер Нора называет игрой памяти и истории, их взаимным проникновением, и отсылает к его теории восприятия прошлого.

Согласно этой теории, можно выделить три последовательные парадигмы восприятия прошлого относительно места и роли памяти: непосредственная память, память, захваченная историей и косвенная память. Первая парадигма обращается к архаическим сообществам, являющим собой модель подлинной памяти, для которой характерно временное единство – отсутствие дистанции между прошлым, настоящим и будущим, а также спонтанность, тотальность. Такая память еще не осознает себя в качестве памяти, она организует сакральное пространство ритуальных действий, которое способствует постоянному возвращению наследия и работает на укрепление древних связей идентичности.

Именно этот абсолютный и неизменный процесс пребывания в вечности оказывается взорван историей – с её идеей линейного времени, разрывом между прошлым, настоящим и будущим. Внимание исторической парадигмы приковано непосредственно к будущему и всем тем возможным изменениям, которые его определяют и конституируют, и лишь опосредованно – к прошлому, которое выступает возможным условием для изменений. Именно в этой связи появляется метафора взрыва памяти – её сакральное пространство циклических повторений оказалось захвачено и фрагментировано. Формирование обществ нового типа потребовало разрыва прежних идентичностей и формирования новой: «Золотой век» принадлежал теперь будущему, в котором созидалась новая идентичность во всей своей полноте. Прошлое хоть и лишилось идеального статуса мифологического истока, однако сохранило за собой часть организующих функций, фрагментированная память была подвергнута рефлексии и селекции, составив предметную область исторической науки, которая далее двигалась по позитивистскому пути, все более и более ревизируя и эксплуатируя память и экспансивно вытесняя её за пределы естественного пространства.

Этот процесс смены парадигм Пьер Нора назвал сползанием от мемориального к историческому: «...от мира, где были предки, в мир случайных отношений с тем, что нас сделало, переход от тотемической истории к истории критической...» [3, С. 28]. Именно в этом процессе рождаются места памяти – узловые точки и последние пределы, где фрагментированная, но еще не утраченная память может найти свое убежище и воплощение. В обществе модерна, где новое ценится больше старого, такие места создаются и сохраняются либо посредством исторического канона, либо посредством частной воли.

Однако в двадцатом веке парадигма восприятия прошлого меняется вновь – процесс историзации в какой-то момент сам становится объектом исторического исследования и осуществляется переход от исторической критики к критической истории. Новая современная нам парадигма знаменует собой возвращение памяти – взорванной, отрефлексированной, выхолощенной, но иногда и сохраненной, переинтерпретированной, возрожденной из ничего. Современное общество переживает всемирное торжество памяти – оно всеми силами стремится преодолеть разрывы, восстановить связи и собрать из осколков новые типы целостностей, которые были утрачены по пути из прошлого в настоящее.

Появление современной мемориальной парадигмы Нора связывает с двумя факторами. Во-первых, для сегодняшнего дня характерно новое понимание времени, связанное уже с разложением темпорального режима модерна. Будущее потеряло очарование нового «золотого века» и видится скорее неопределенным, а значит все внимание переносится на настоящий момент. Таким образом, каждый здесь и сейчас должен найти ответы на вопросы о собственной идентичности, это становится насущным и неотложным вопросом.

Последнее тесно связано с другим фактором – трансформации самого общества путём распада модернистской целостности до локальных сообществ разных типов. Это стало возможным благодаря мощным освободительным движениям, Нора прежде всего указывает три эмансипационных направления: внешняя деколонизация этнологических меньшинств, внутренняя деколонизация социальных меньшинств и идеологическая деколонизация сообществ, находившихся под властью тоталитарных режимов.

Нетрудно заметить, что выделение подобных сообществ влечет за собой также выделение из целостного модернистского исторического канона, которое осуществляется путём обращения к памяти, не искорененной позитивной историей. Однако предшествующая парадигма ставит перед собой ряд проблем, одной из которых оказывается нехватка собственных аутентичных мест памяти. Вынужденный поиск этих мест среди строгих канонических архивов, наполнение иным смыслом привычных форм, пересмотр и пересборка не фактов, но связей между ними – все это характеризует работу памяти сегодня. Другой характерной чертой будет непрерывное и всеобъемлющее означивание настоящего, создание полного символического архива в наследство незнакомым и неопределенным будущим поколениям.

Сам автор видит в новой мемориальной парадигме существенное преимущество – собранная из осколков память оказывается результатом работы самосознания и самоопределения и знаменует собой не общую истину, а частную верность. Последнее замечание хорошо демонстрирует смещение проблематики прошлого в разных парадигмах: если история ищет в прошлом условие идеального будущего и потому делает особый акцент на эпистемологических процедурах, то память пытается найти в нем истоки плюрального настоящего и потому ставит уже этические проблемы и выделяет новые этические категории. Об этом свидетельствуют следующие слова Пьера Нора: «По сравнению с историей, которая во все времена находилась в руках власть имущих, ученых или профессионалов, память обладает новым престижем демократичности и протеста» [2, с. 398].

Отдельно следует отметить, что протест наряду с демократией наделяется ценностной силой и оказывается положительной характеристикой, как одно из условий выделения локальных сообществ, он позволяет состояться плюральности. С одной стороны, такая плюральность и вариативность является несомненным плюсом – установление собственной идентичности является здесь условием свободы. С другой же стороны, не следует забывать, что локальное сообщество выделяется только за счет того, чем оно не является. Таким образом, оно существует только благодаря фигуре Другого, которая по своей сути является неустойчивой, а значит легко трансформируется в Чужого, то есть приобретает образ врага. Многообразие локальных сообществ и возможность одновременного членства порождает и многообразие Других, а значит и многообразие потенциальных врагов.

Последнее замечание становится особенно важным ввиду того, что память в отличие от истории не имеет канона, обладает особой гибкостью, способностью к пересмотру собственных границ и наполнению старых символов новым смыслом. Становится понятно, что Других не просто много, Другим может оказаться каждый. Фигура Другого как потенциального Чужого, размытость и случайность врага, нестабильность системы в целом и тяга к сакрализации пространства переводит проблему исторической памяти в этическую плоскость, обладающую большим исследовательским потенциалом.

Литература

1. Савельева И.М., Полетаев А.В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого. Ред. Савельева И.М., Полетаев А.В. М.: ГУ ВШЭ, 2005. С. 170-221.
2. Нора П. Всемирное торжество памяти // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. Ред. Габович М.Е. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 391-402.
3. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: СПбГУ, 1999. С. 17-50.
4. Джадт Т. «Места памяти» Пьера Нора: Чьи места? Чья память? // Империя и нация в зеркале исторической памяти: сб. ст. / Под ред. А. М. Семенов и др. М.: Новое издательство, 2011. С. 44-71.

Факторы доверия

Пороховская Т.И.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, философский факультет,
доцент. Кандидат философских наук

632712@mail.ru

Аннотация: В тезисах рассматриваются основные точки зрения по вопросу о специфике доверия и обуславливающих его факторах (Н. Луман, Э. Гидденс, А. Селигмен), а также типология доверия Р. Левицки и Б. Банкера. Э. Гидденс, А. Селигмен вслед за Н. Луманом разделяют доверие на микро- и макроуровне. Доверие в межличностных отношениях понимается как генерализованное ожидание того, что другие будут вести себя в соответствии с разделяемыми всеми нормами. Доверие на макроуровне - доверие к абстрактным системам - в строгом смысле слова доверием назвать нельзя, это отношение имеет иную природу и является специфическим для современного общества (наиболее обстоятельно оно описано Э. Гидденсом). Автор приходит к выводу, что тема доверия это особый ракурс рассмотрения многих уже известных проблем - рассмотрение их с позиции индивида. Новым в этой теме является уточнение понятия и концептуализация доверия, расширение представлений об условиях и факторах укрепления или ослабления доверия, и, главное, - введение понятия генерализованного доверия.

Ключевые слова: доверие, свобода, вера, уверенность, риск, механизмы «высвобождения».

The Factors of Trust.

Porokhovskaya T.I.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy

Abstract: The theses consider the main points of view on the question of the specifics of trust and the factors of its determination (N. Luhmann, A. Giddens and A.B. Seligmen), as well as the typology of trust by R.J. Lewicki and B.B. Bunker. A. Giddens and A. Seligmen, following N. Luhmann, who consider trust at the micro and macro levels. Trust in interpersonal relationships is understood as a generalized expectation that others will act in accordance with shared norms. Trust at the macro level the trust to abstract systems in the strict sense of the word cannot be called trust, this relationship has a different nature and is specific to modern society (it is described in detail by A. Giddens). The author comes to the conclusion that the topic of trust is a special angle of consideration of the many well known problems - consideration of them from the position of an individual. New to this topic is the clarification of the concept and conceptualization of trust, the clarification of ideas concerning the conditions and factors for strengthening or weakening trust, and, most importantly, the introduction of the concept of generalized trust.

Keywords: trust, freedom, faith, confidence, risk, mechanisms of "release".

Проблема доверия начинает широко обсуждаться в современной философии с последней трети XX в., после выхода работы Н. Лумана «Доверие - механизм редуцирования социальной сложности» (1968) [1]. Концепция доверия Лумана остается, по общему признанию, самой богатой глубокими идеями. Осмыслением феномена доверия занимались также А. Селигмен, Б. Барбер, Э. Гидденс, С.Н. Айзенштадт, Р. Харт, Р. Хардин и др. Практически сразу же эта тема подхватывается как прикладная: анализируется значение доверия и его границы в политике, экономике, медицине и других общественных сферах. Однако, недостаточная определенность понятия «доверие» ставит под вопрос и достоверность прикладных исследований по этой теме. Расплывчатость понятия «доверие» приводит к тому, что уточнение его смысла способно кардинальным образом изменить и результаты социологического обследования. В качестве примера Ш. Бёгельсейк и Р. Маселанд ссылаются на результаты сравнительного изучения доверия у американцев и японцев. Показатели обобщенного доверия, которые по версии Всемирного исследования ценностей 1997 г. у японцев составили 43%, а у американцев - 36%, кардинально изменились, когда из совокупности значений понятия «доверие»

убрали значение «осторожность», в результате чего показатель доверия оказался теперь уже выше у американцев, чем у японцев [См.: 2, с. 264].

Необходимость тщательного рассмотрения феномена доверия Н. Луман связывает, с одной стороны, с возрастанием сложности общества, ростом неопределенности и рисков выбора, а, с другой, - с онтологической свободой человека, не позволяющей с точностью предсказать его действия. Доверие, по Луману, является одним из способов противостояния хаосу в общественных отношениях, редуцирования социальной сложности. Н. Луман разграничивает доверие на микро- и макроуровнях. Доверие в межличностных отношениях он определяет как «генерализованное ожидание того, что другой будет удерживать свою свободу, свой неупорядоченный потенциал для разнообразной деятельности, поступая в согласии со своей личностью или, скорее, с той личностью, которую он предъявляет другим, делает социально явленной» [Цит. по: 4, с. 14]. Доверие, следовательно, - это ожидание того, что человек, с которым мы вступаем во взаимодействие, не воспользуется своей свободой в ущерб другому, что он будет удерживать свою свободу, хотя как свободное существо мог бы поступить и иначе. Доверие, пишет Луман, балансирует между верой и неуверенностью, оно всегда в некотором смысле «слепое», - не только смягчает риск, но и предполагает его. Доверие оказывается добровольно, его нельзя предписать, нельзя требовать, можно только оказывать и принимать. Доверяя, мы выбираем стратегию, расширяющую возможности действия, поскольку трудно обманывать человека, оказавшего доверие, а малейшие признаки злоупотребления доверием способны спровоцировать радикальное изменение отношения [См.: 3, с. 182]. «Недоверие, - замечает он, - является более ограниченной (но все-таки расширяющей) стратегией. На риск идут, если предусмотрели все случайности, например, когда располагают санкциями или надежно застрахованы от ущерба» [3, с. 182]. Понятие риска, в отличие от понятия опасности, по Луману, возникло не так давно. Оно связано с осознанием того, что большая часть случайностей, влияющих на результаты человеческих действий, создается людьми. Доверие на макроуровне Луман понимает как системное, обобщенное доверие, показатель того, насколько в целом можно доверять в данном обществе людям и институтам. Доверие на этом уровне обеспечивается хорошей работой институтов и бюрократических систем.

Э. Гидденс различает доверие к личностям, доверие к институционализированным личностным связям и доверие к абстрактным системам (последние два типа доверия у него четко не разделены). Одной из фундаментальных особенностей современного общества Э. Гидденс считает отделение пространства от места, в результате чего акты социального взаимодействия высвобождаются из локальных контекстов. Взаимодействие с теми, кто в данный момент физически отсутствует, становится возможным благодаря символическим знаковым системам (деньги и др.) и распространению экспертных систем (систем технического исполнения и профессиональной экспертизы). Символические знаковые системы и экспертные системы Гидденс называет механизмами «высвобождения». «Под высвобождением, пишет он, - я понимаю «вынесение» социальных отношений из местных контекстов взаимодействия и их перестройку в неограниченных пространственно-временных масштабах» [5, с. 135]. Эти механизмы функционируют благодаря сохраняющемуся доверию к ним (например, вере в то, что и другие будут приписывать денежным знакам ту же стоимость или так же доверять экспертизе). Вера в абстрактные принципы (научно-технические знания), в которых обычный человек, как правило, не разбирается, поддерживается благодаря наличию экспертных систем, которым большинство доверяют. Для доверия к институтам, общественным системам (обобщенное доверие, макроуровень) важно, считает Гидденс, поддерживать «онтологическую безопасность». Кратко ощущение онтологической безопасности он описывает как ощущение того, «что всё в порядке». Любовь и забота близких формируют базовое доверие, если оно не сформировано, человек постоянно испытывает экзистенциальное беспокойство. Любовь и забота близких формируют базовое доверие, если оно не сформировано, человек постоянно испытывает экзистенциальное беспокойство. Безопасность Гидденс определяет как «ситуацию, в которой определенное множество опасностей нейтрализовано или минимизировано» [5, с. 153]. В связи с этим появляется новое понятие допустимого риска, которое играет основную роль в поддержании доверия к системам. Институционализируются не только «допустимые» риски, но и стереотипные формы принятия риска. Э. Гидденс доказывает, что в отношении к абстрактным системам речь идет не о доверии, а об уверенности, основанной на знании того, как работают общественные системы, уверенности в правильности научных принципов, повседневно подтверждаемой собственным эмпирическим опытом.

Тема доверия, по мнению А. Селигмена, выходит на первый план в индивидуалистическом сознании, и, в особенности, в сознании эгоцентрически ориентированного индивида, занятого

Разин А.В.

МГУ имени М.В.Ломоносова, философский факультет, заведующий кафедрой этики. Доктор философских наук

razin54@mil.ru

рыночным обменом. Как специфическое отношение доверие возникает в индивидуализированной дружбе и затем уже - но на другой основе - распространяется на институционализированные личностные связи. Доверие как основа современных форм солидарности опирается на представление об автономии и взаимозависимости индивидов в обществе и представляет собой ожидание того, что члены некоторого сообщества будут демонстрировать поведение, основанное на общепринятых нормах и духе сотрудничества. Доверие приходит на смену вере (в божественное) как безусловному и само, в свою очередь, является безусловным в том смысле, что оно коренится в автономии индивида, опирается на его нравственность, совесть [См.: 4, с. 54, 58] и не зависит от того, как на него отреагирует объект доверия. Доверие является средством смягчения риска, «смазкой» отношений: поведение, обусловленное нормативно заданными социальными ролями, более-менее предсказуемо, однако там, где существует возможность отклонения от ролей или по какой-либо иной причине ролевые ожидания больше не оправдываются, сквозь появившиеся зазоры системы отношений во взаимодействие проникает доверие [См.: 4, с. 21-24] и восстанавливает ткань человеческих отношений.

В прикладных исследованиях по вопросу об основаниях доверия весьма популярна точка зрения Р. Левицки и Б. Банкера [См.: 2, с. 223-224; 6, с. 244-246]. Согласно позиции этих исследователей, доверие может быть основано либо на угрозе наказания, либо на знании, обобщающем опыт общения с конкретным человеком (репутации), либо на идентификации. Наиболее хрупким является доверие, основанное на рациональном расчете, согласно которому угроза наказания, страх перед возможными последствиями действия, скорее всего, подтолкнут партнера выполнять свои обязательства. Однако для обоснованности подобного рода доверия наказание должно быть неотвратимым, а ущерб от потенциальной утраты возможности дальнейшего взаимодействия с другой стороной должен перевешивать возможную выгоду от несоблюдения обязательств. Доверие, основанное на знании, базируется либо на собственном опыте взаимодействия с данным индивидом, либо на опыте других людей, который обобщается в репутации индивида. Доверие, основанное на идентификации, возникает из ощущения сходства между партнерами, эмпатии, ощущения духовной близости с другим. Однако, как полагают Луман и Селигмен, здесь речь идет скорее об уверенности, а не о доверии.

Таким образом, тема доверия – это особый ракурс рассмотрения многих уже известных проблем, в частности, такой фундаментальной, как человеческая солидарность, - рассмотрение их с позиции либерального представления об обществе и человеке. Новым в этой теме является уточнение понятия и концептуализация доверия, расширение представлений об условиях и факторах укрепления или ослабления доверия, и, главное, - введение понятий генерализованного доверия и доверия к абстрактным системам. Концептуализация доверия позволила аналитически выделить понятие доверия, уточнить его соотношение с другими смежными понятиями («вера», «уверенность», «эмпатия», «риск», «опасность» и др.). Результаты теоретической разработки понятия доверия широко используются в прикладных исследованиях при измерении уровня доверия в различных сегментах общества. Такой критерий, как уровень доверия в сообществе, уровень доверия к власти и институтам общества, в последнее время стал применяться в качестве одного из показателей социально-психологического здоровья общества. Однако это весьма субъективный критерий и потому не может быть точным индикатором общественного состояния. Что же касается доверия к абстрактным системам, то Э. Гидденс достаточно убедительно показал, что в данном случае следует говорить не о доверии, а об уверенности.

Литература

1. Luhmann N. Vertrauen: Ein Mechanismus der Reduktion sozialer Komplexität. F. Enke, Stuttgart, 1968. S. 105. (Luhmann N. Trust and Power. Chichester: John Wiley and Sons Inc., 1979, 208 p.).
2. Бёгельсейк Ш., Маселанд Р. Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения в области практического применения в современности / Пер. с англ. Н.В. Автономовой. М.; СПб.: Изд-во Ин-та Гайдара; Изд-во МО; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2016.
3. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. И.Д. Газиева. СПб.: Наука, 2007. 644 с.
4. Селигмен А. Проблема доверия / Пер. с англ. И.И. Мюрберг, Л.В. Соболевой. М.: Идея-Пресс, 2002. 256 с.
5. Гидденс Э. Последствия современности / Пер. с англ. Г.К. Ольховикова, Д.А. Кибальчица. П.: Праксис, 2011. 352 с.
6. Роббинз С.П. Основы организационного поведения / Пер. с англ. О.Л. Пелявского. М.: Изд. дом «Вильямс», 2006. 448 с.

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые основополагающие подходы к определению прикладной этики. Показывается, что сводить всю современную этику к прикладным проблемам, считать, что прикладная этика и есть современный этап развития этического знания неверно. Такие проблемы, как свобода воли, объяснение источников возникновения морали, ее обоснование относятся к области теоретической этики. Определение меры ответственности в конкретных областях деятельности, решение конфликтных ситуаций, регуляция взаимоотношений конкурирующих субъектов составляет предмет прикладной этики. При решении прикладных проблем важно иметь специальные знания для рефлексии всех условий деятельности человека и определения требуемой для выполнения конкретных функций квалификации. Мы предлагаем подход, согласно которому решение прикладных проблем идет не только по пути уточнения уже известных в истории этики императивов, но и формулирования совершенно новых правил поведения. Более того, именно потребность разработки таких правил в значительной степени влияет на развитие самой теоретической этики.

Ключевые слова: этика, мораль, прикладная этика, правила, ответственность, противники, соподчинение, экспертиза.

Theoretical and Applied Ethics: on the Issue of Mutual Influence.

Razin A.V.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy, Head of the Department of Ethics

Abstract: The article discusses some fundamental approaches to the definition of applied ethics. It is shown that to reduce all modern ethics to applied problems, to consider that applied ethics is the modern stage in the development of ethical knowledge is wrong. Problems such as free will, an explanation of the sources of morality, its justification belong to the field of theoretical ethics. Determining the measure of responsibility in specific areas of activity, resolving conflict situations, regulating the relationships of competing individuals is the subject of applied ethics. For the solving applied problems, it is important to have special knowledge to reflect all the conditions of human activity and determine the qualifications required to perform specific functions. We propose an approach according to which the solution of applied problems goes not only along the path of clarifying imperatives already known in the history of ethics, but also formulating completely new rules of behavior. Moreover, it is the need to develop such rules that significantly affects the development of theoretical ethics itself.

Keywords: ethics, morality, applied ethics, rules, responsibility, opponents, subordination, expertise.

Специалисты по этике до сих пор ведут споры о специфике и областях прикладной этики. Мы не ставим своей задачей подробное описание различных подходов к этой проблеме, но хотим подчеркнуть то, что имеет место взаимное влияние теоретической этики на прикладную, с одной стороны, и обратное влияние прикладной этики на развитие теоретической – с другой.

Однако, для рассмотрения вопроса необходимо предварительно охарактеризовать хотя бы несколько основных подходов к пониманию того, что же такое прикладная этика. Неплохая классификация различных подходов к определению прикладной этики дана в редакционной статье директора НИИ прикладной этики В.И. Бакштановского, опубликованной в журнале: Парадигмы прикладной этики. Ведомости. Вып. 35, специальный / Тюмень: НИИ ПЭ, 2009.

В ней автор предлагает специалистам по этике высказаться на страницах журнала по актуальным вопросам прикладной этики и, в то же время, обозначает ряд основных позиций вместе со своими комментариями.

Свою позицию В.И. Бакштановский определяет как проектную парадигму в прикладной этике, также связанную с изучением нравственных запросов, проявляющих себя в малых системах: «Парадигма прикладной этики охватывает, с одной стороны, нормативно-ценностные подсистемы («малые системы»), конкретизирующие мораль (этика бизнеса, журналистская этика, биоэтика, этика образования, экологическая этика и т.п.); с другой – теорию конкретизации морали, проектно-ориентированное знание, фонетические технологии приложения» [1, с. 14].

Это означает, что развитие кодексов и других инструментов воздействия на реальность осуществляется в практике проведения круглых столов, бизнес тренингов, деловых игр по проблемам прикладного характера. Такой подход имеет преимущества в объяснении возникновения специальных требований, индивидуализации их характера для разных коллективов. Но это именно объяснения специфики возникновения требований прикладного характера, а не определение их предметной области. Кроме того, я думаю, что нельзя бесконечно вырабатывать новые кодексы, когда-то нужно чтобы они проходили практическую апробацию, в том числе - не только в тех коллективах, где они были впервые предложены, а затем и распространение. Собственно так и происходит в процессе исторического развития морали в глобальном социально-историческом плане.

Не имеет смысла повторять все то, что было высказано В.И. Бакштановским в обозначенной статье. Я хочу остановиться только на двух позициях, подвергающихся анализу: позиции академика А.А. Гусейнова и профессора Р.Г. Апресяна.

А.А. Гусейнов отмечает: «Прикладная этика», если брать это понятие в том специфическом содержании, которое отличает его от понятий «профессиональная этика» и «повседневные нравы», и фиксирует то новое, что рождается в моральном опыте нашего времени, может быть интерпретирована как современная стадия (форма) этики. Речь идет не о том, что этика дополняется прикладной частью наподобие того, как фундаментальные науки трансформируются в технологические проекты, а о том, что сама этика становится прикладной. [2, с. 129].

В.И. Бакштановский считает, что при таком подходе, который А.А. Гусейнов в том числе связывает с открытыми проблемами, собственно прикладной характер различных областей не выявляется, и такую этику можно было бы просто назвать практической. Но я думаю, что главная проблема не в этом, а в том, что при таком подходе вся современная этика превращается в прикладную.

В то же время, я полагаю, что нельзя ставить знак равенства между теоретическими и прикладными проблемами. Все-таки есть разница между такими проблемами, как свобода воли, мотив и результат поступка, объяснение источников возникновения морали, ее обоснование, определение признаков морального субъекта и т.д. и такими проблемами, как определение меры ответственности в конкретных областях деятельности, решение конфликтных ситуаций, регуляция взаимоотношений конкурирующих субъектов. Понятно, что второй класс проблем можно считать более конкретными, требующим знания положения и условий деятельности человека в конкретных сферах деятельности, что и будет определять их прикладной характер.

Второе определение специфики прикладной этики, которое я хочу обозначить, принадлежит Р.Г. Апресяну: «Предметным полем прикладной этики является императивное и ценностное содержание конкретных, профессионально и/или предметно определенных практик; ее задачей является этическая рационализация, т.е осмысление, критика или обоснование тех или иных стратегий, тактик и методов профессионально и/или предметно определенных практик» [3, с. 171].

В.И. Бакштановский говорит, что в таком случае прикладная этика сводится к профессиональной. Но дело не только в этом. Р.Г. Апресян формулирует представление о прикладной этике по модели развития обычного этического знания, в котором происходит рационализация уже существующих в тех или иных группах или обществах моральных норм. Между тем, решение прикладных проблем идет не только по пути уточнения уже известных в истории этики императивов, их ограничения или смягчения, но также зачастую предполагает формулирование совершенно новых, особых правил, так же как и обоснование необходимости их исполнения. Более того, именно потребность разработки таких правил в значительной степени влияет на развитие самой теоретической этики.

На разработку новых теоретических проблем в современной этике прежде всего оказывает влияние необычайное разрастание сферы публичной морали. Ясно, что, при исполнении многих публичных функций, просто невозможно относиться к другому так же, как к самому себе. В ряде случаев человек по необходимости оказывается вынужденным действовать против другого, состязаться с ним, как

например, защита действует против обвинения во время судебного процесса. Отношения соподчинения тоже ставят людей в неравное положение. Соответственно, «золотое правило нравственности» не может использоваться здесь в непосредственном виде. Понятно, что это требует разработки особой этики, основой которой являются правила честной игры, уважения к противнику, учета общественного интереса.

Понятно, что нуждается в ограничениях, да и не только в ограничениях, а и в осмыслении всех условий применения кантовский категорический императив. По меткому замечанию Гегеля, Кант нигде не говорит о том, что конкретно может стать предметом универсализации, и реально универсализирует лишь одну сторону противоречия, забывая о другой [4, с. 210 - 211]. Но для прикладной этики как раз очень важно оценить, что и в каких случаях, мы можем универсализовать, а в каких случаях - нет. Например, в каких случаях требуется особая индивидуальная ответственность, которую универсализовать никак нельзя.

Исследуя проблему современной морали, А.А. Гусейнов отмечает, что ее спецификой стало расширение нравственно нейтральной зоны, стремление к освобождению от мировоззренческих обоснований и, во многом, - от комплекса, связанного с развитой мотивацией, поиском индивидуальных решений. «В современных развитых обществах, как принято считать, по крайней мере, экономика, политика, наука начинают функционировать по законам социальных систем. Каждая из этих социальных практик оказывается тем эффективнее, чем менее она зависит от личных связей и, что особенно кажется парадоксальным, от индивидуальной моральной мотивации» [5, с. 119].

С этим, на мой взгляд, нельзя полностью согласиться. Конечно в условиях традиционного капитализма XIX в. мораль, во многом теряла свои позиции. Но сейчас труд человека в производстве все более и более становится творческим, а творческий труд плохо поддается внешнему контролю, его ритм не задается внешними факторами системной организации производства, по крайней мере, не задается столь жестко, как этими факторами может быть задан конкретный труд, связанный с выполнением отдельных производственных операций. Более того, такой труд требует квалификации, а она (ее приобретение) как раз связана с добродетелью.

В публичной сфере мы постоянно сталкиваемся с ситуациями, когда человек отвечает не только за то, что он сделал что-то плохое, нравственно осуждаемое, но и за то, что он не выполнил то, что предусмотрено его профессиональными обязанностями. Поэтому требование профессиональной компетенции, служебного соответствия становятся важнейшими требованиями публичной морали. И часто, несмотря на все профессиональные кодексы, человек оказывается вынужденным принимать уникальные решения, за которые он отвечает порой столь же строго, как и за неисполнение прямых требований долга.

Известный специалист по этике бизнеса Питер Друкер, ввел термин «обработчик знаний», и показал, что в современном обществе человек все более и более работает в команде. Это требует от него добродетели не в меньшей степени, чем это требовало от человека античное общество. Но команда означает не только умение работать с другими, но и коллективную ответственность.

Прикладная этика с моей точки зрения включает в себя три больших области. Это профессиональная этика, корпоративная этика и этическая экспертиза. Если с первыми двумя областями многое уже достаточно ясно, они существуют давно, то с этической экспертизой вопрос обстоит сложнее. Можно сказать, что окончательные процедуры ее проведения еще не выработаны, так же как и не определены четко условия, показывающие необходимость ее проведения.

Здесь самой общей рекомендацией может быть соединение мнения профессионала с широкой общественностью, а основной коллективной ответственности - ответственность тех, кто сертифицирует продукт, скажем тех, кто дает добро на выпуск беспилотного автомобиля.

Литература

1. Парадигмы прикладной этики. Ведомости. Вып. 35, специальный / Тюмень: НИИ ПЭ, 2009. 252 с.
2. Гусейнов А.А. Размышления о прикладной этике // Общепрофессиональная этика. Ведомости. Вып. 25. Тюмень: НИИ ПЭ, 2004. С. 248 - 265.
3. Апресян Р.Г. Вид на профессиональную этику // Общепрофессиональная этика. Ведомости. Вып. 25. Тюмень: НИИ ПЭ, 2004. С. 166 - 188.
4. Гегель Г.В.Ф. О научных способах исследования естественного права. // Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М.: Наука, 1978. 439 с.
5. Гусейнов А.А. Философия, мораль, политика. М.: ИКЦ «Академкнига», 2002. 300 с.

Саввина О.В.

Российский университет дружбы народов, доцент кафедры этики. Кандидат философских наук

savvina-ov@rudn.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема формулирования принципов научной этики, актуальных для современного этапа развития научного знания и организации труда в научно-исследовательских корпорациях. Автор анализирует критику нравственных императивов Р. Мертона и делает вывод, что эта критика справедлива во многом потому, что наука всегда имела признаки технонауки, всегда содержала в себе техническую рациональность. Ценностями технонауки является не только познание истины (академическая наука), но и благо человечества, отражающее техническую сторону современной науки. Обеспечить следование этим ценностям можно внедрив ряд запретов. В статье показывается, что на практике в этике науки и научных публикаций часто применяются именно запреты. Концепция «негативной этики» А.А. Гусейнова является хорошей базой для прикладной этики науки.

Ключевые слова: Мертон, Митрофф, этика науки, ценность, прикладная этика, Гусейнов.

Scientific Ethics in Research Corporations. Savvina O.V.

Peoples' Friendship university of Russia, the Department of Ethics

Abstract: the article considers the problem of formulating the principles of scientific ethics relevant to the modern science and labor organization in research corporations. The author analyzes the criticism of the R. Merton's imperatives of scientific ethos, and concludes that this criticism achieves the target largely because science has always had the characteristics of technoscience, always contained technical rationality. The values of technoscience are not only the search for truth (academic science), but also the beneficence for humankind. The last value reflects the technical part of the modern science. It is possible to ensure adherence to these values by implementing a number of prohibitions. In the article it is shown that ethics of science and publication ethics are based on prohibitions in practice. A.A. Guseynov's concept of "negative ethics" is a good basis for applied ethics of science.

Keywords: Merton, Mitroff, ethics of science, value, applied ethics, Guseynov.

¹ В 1942 году Р. Мертон охарактеризовал этос научного сообщества и вывел четыре нравственных императива, которым следует научное сообщество. В своей работе он дает следующее определение этоса науки: интуитивный (affectively toned) комплекс ценностей и норм, который должен соблюдать человек науки [1]. Вот императивы, которых должен придерживаться ученый, если он хочет стать частью научного сообщества: Универсализм, Коммунизм (Коллективизм), Незаинтересованность, Организованный скептицизм [1]. Впоследствии нормы научного этоса дополнялись такими качествами как безэмоциональность и рациональность (безэмоциональность как средство достижения рациональности), а также рядом других, например, оригинальность и честность (honesty) [2,3]. Если ученый следует всем указанным принципам, в особенности, принципу Коммунизм (Коллективизм), то всё, что остается ему для самоутверждения в научном сообществе, это признание первенства научного открытия. Следование корыстным интересам – обогащению не поощряется в научных кругах. Поэтому среди ученых, в особенности академических, такое большое внимание уделяется научным публикациям. Каждый истинный ученый мечтает опубликовать своё исследование в престижном журнале и получить признание коллег.

Дальнейшие исследования социологов в области этики науки показали, что далеко не все ученые следуют данным нормам, а иногда наоборот, чтобы добиться признания в науке, нужно следовать

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-311-00063 мол_а «Нравственные императивы в работе современного учёного».

антинорме. Целый ряд исследователей второй половины XX века предлагали системы антинорм, которых следует придерживаться, если ученый желает преуспеть на научном поприще [4,5,6]. И. Митрофф в 1974 опубликовал работу, в которой вывел шесть антинорм, противопоставленных императивам Р. Мертона и впоследствии дополненных рациональностью и безэмоциональностью [4]. В противовес безэмоциональности Митрофф ставит эмоциональную вовлеченность в процесс исследования; универсализму – партикуляризм (приоритет одних, более именитых ученых над другими); коммунизму (коллективизму) – нужду (misericord), то есть распространение права собственности на открытие, необходимость держать открытие в секрете; незаинтересованности – заинтересованность; организованному скептицизму – организованный догматизм, который предполагает, что ученый должен верить в истинность своих собственных выводов и сомневаться в выводах своих коллег. Отвечая на критику Митрофа, Мертон вводит понятие амбивалентности этоса науки [3]. Указанные им императивы – это идеал, ориентир к которому следует стремиться. Несомненно, практика научного поиска сложнее теоретической модели и порой ученому приходится приспосабливаться к обстоятельствам, например, быть восприимчивым к новым революционным идеям, но в то же время не поддаваться научной «моде».

К современной науке, базирующейся на науке научно-технических корпораций, часто применяют понятие технонаука [7]. Технонаука ориентирована не только на поиск научной истины, но и на решение практических задач (добыча полезных ископаемых, полет в космос, создание атомного оружия и т.д.). Технонаука сильно интегрирована в другие сферы деятельности человека, прежде всего в коммерческую деятельность и деятельность государственных корпораций. Цели коммерческой деятельности и государства сильно отличаются от целей чистой науки и идеала чистого научного познания. Кроме того, наука всегда была, пусть и в меньшей степени технонаукой. Поиск Колумбом пути в Индию через Атлантический океан, проект Петра I по объединению бассейнов Дона и Волги и тем самым Каспия и Черного моря с целью создания транспортных путей, опирались на научные, по тем временам гипотезы, для своей реализации требовали научного знания. В статье Касавина И.Т. «Мегапроекты и глобальные проекты: наука между утопизмом и технократизмом» подробно рассматривается проект Петра I по созданию транспортных путей с использованием рек, каналов и озер, целью которого было создание условий, когда «торговать через Россию станет выгоднее, чем в обход (Курсив - Касавин И.Т.)» [8]. Западный проект Петра по созданию речных транспортных путей потерпел неудачу, поскольку базировался на ошибочной теории, согласно которой исток Дона находился в Иван-озере. Научное знание, таким образом, было призвано работать на государственный аппарат, оно являлось частью единого проекта, в котором были задействованы не только технические достижения того времени, но и экономическая ситуация в стране, амбиции царя и иные, менее значимые составляющие. На протяжении столетий способность науки решать проблемы государства, общества и коммерческих структур возрастала, поэтому она всё более становилась технонаукой. Можно даже сказать, что наука всегда была технонаукой, и упускать из виду техническую составляющую науки как деятельности было бы неуместно.

Таким образом, академическая наука, о которой писал Р. Мертон, во многом отличается от реальной технонауки. Не редко академических ученых в университетах называли учеными из «башни из слоновой кости» [6, с. 158-160], что означало их отдаленность от мира и его повседневных задач и устремлений, непонимание жизни за пределами университетских стен. Академические ученые действительно порой сильно углублялись в свои мысли и теории, теряя связь с миром, но, следует признать, что в этом есть как свои минусы, так и плюсы. И. Кант когда писал о превосходстве «низшего» факультета – философского, менее других связанного с практикой и запросами внешнего мира по сравнению с «высшими» теологическим, юридическим и медицинским факультетами, основными факультетами средних веков и Нового времени, вплоть до 19 столетия, он рассматривал эту оторванность как шанс на объективную истину [9]. Будучи не привязанным к ни чьим запросам, философский факультет приобретал свободу исследования, необходимую для стремления к истине. «Башня из слоновой кости» таким образом, становится не просто далекой от мира сего, где философы и ученые вольны играть в свои абстракции, но они тем самым приобретают независимость от этого мира, независимость научного и философского поиска. В этом плане академические ученые имеют преимущество по сравнению с техноучеными, вынужденными постоянно взаимодействовать с внешним миром и ориентироваться не на истину (что предполагают нормы ученого Р. Мертона), а на

требования извне. Одновременно с этим технонаука достигает истинности, проверяя на практике свои проекты, используя эксперимент как способ эмпирического познания мира, в чем обычно ограничены академические теоретики. Этика научного этоса Мертона, как справедливо замечали его критики, не вполне хорошо сочеталась с процессом производства научного знания, как раз потому что не учитывала его техническую рациональность.

Отвечая на вопрос, что может соответствовать требованиям современной науки, базирующейся в научно-исследовательских корпорациях с их организационной структурой и большим количеством научных сотрудников, вспоминается концепция «негативной этики» А.А. Гусейнова. Его основная мысль заключалась в том, что мораль «зиждется на запретах» [10, с.287]. Этот подход можно применить в прикладной этике науки и очертить ряд запретов, которые ученый не должен переступить. Эти запреты должны касаться таких научных «грехов» как фабрикация и фальсификация научных знаний; плагиат и его формы, нарушения этики научных публикаций. Эти запреты давно уже стали основами этики научных публикаций [11, 12]. По сути, этика науки во многом базируется на том, что нельзя делать, и Комитет по этике научных публикаций является подтверждением этого тезиса. Комитет часто вводит новые правила относительно того, чему не пристало заниматься ученым [13].

Ряд ограничений задает практическое воплощение этики науки, так как соблюдение запретов свидетельствует об этичности ученого, его способности следовать моральным нормам, ограничивающим неэтичное поведение. В тоже время запреты вряд ли смогут вдохновить ученого. Для этого ему нужны высокие идеалы, ценности, способные вести его в сложные моменты жизни, когда приходится выбирать между личными интересами и интересами дела, то есть науки. Таким образом, ценности технонауки, включающие как научный ориентир, которому служат нравственные императивы Мертона, а именно – достижение истины, так и цели техники – служение интересам человека, а в высшем воплощении этой ценности – интересам человечества, должны вести настоящего ученого, вдохновлять его и заставлять соблюдать запреты, диктуемые ему приверженностью к ценностям «технонауки».

Литература

1. Merton R. The Normative Structure of Science. / Panarchy. URL: <https://www.panarchy.org/merton/science.html> (дата обращения: 19.09.2018).
2. Лазар М.Г. Этнос науки в социологии Р. Мертона: судьба и статус в науковедении // Социология науки и технологий. 2010. №4. С. 124-139.
3. Демина Н.В. Концепция этоса науки: Мертон и другие в поисках социальной геометрии норм. // Социологический журнал. 2005. №4. С.5-47.
4. Mitroff I.I. The subjective side of science: A philosophical inquiry into the psychology of the Apollo Moon scientists. Amsterdam and San Francisco: Elsevier and Jossey-Bass, 1974.
5. West S.S. The ideology of academic scientists. // IRE Transactions on Engineering Management. 1960. Vol. EM-7. No. 2. P. 54-62.
6. Соколов М., Губа К., Зименкова Т., Сафарова М., Чуйкина С. Как становятся профессорами: академические карьеры, рынки и власть в пяти странах. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
7. Юдин Б.Г. Об этосе технонауки. // Философские науки. 2010. № 12. С. 58-66.
8. Касавин И.Т. Мегaproекты и глобальные проекты: наука между утопизмом и технократизмом. // Вопросы философии. 2015. № 9. С. 40-56.
9. Кант И. Спор факультетов. URL: <http://kant-online.ru/wp-content/uploads/2015/08/TSelikom.pdf>
10. Апресян Р.Г. Три понятия морали Абдусалама Гусейнова. // Российская философия продолжается: из XX века в XXI. Под ред. Б.И. Пружинина. М.: РОССПЭН, 2010. С.258-311.
11. Kaiser M. The Integrity of Science — Lost in Translation? // Best Practice and Research Clinical Gastroenterology. 2014. Vol. 28. P. 339-347.
12. Tsvyk V.A., Savvina O.V. Publication Ethics in the Context of Scientific Ethics. // Proceedings of the 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts SGEM, 2016. P. 791-797.
13. Committee on Publication Ethics // Official site. URL: <https://publicationethics.org/> (дата обращения: 26.11.2019).

Практика реализации духовно-нравственных ценностей современных молодежных движений России

Ситникова Ю.Н.

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

yu100577@rambler.ru

Аннотация: В статье рассматриваются понятия молодежной субкультуры, этические ценности, присущие молодежным сообществам современности, а так же практика их применения.

Ключевые слова: философия, культура, этика, духовно-нравственные ценности, субкультура, молодежный патруль.

Practice of Realization of Spiritual and Moral Values Of Modern Youth Movements In Russia. Sitnikova J.N.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya
Department of Philosophy

Abstract: The article discusses the concepts of youth subculture, ethical values inherent in the youth communities of our time, as well as moral criteria that guide the participants of youth movements.

Keywords: philosophy, culture, ethics, spiritual and moral values, subculture, youth patrol.

Современное общество переживает период динамичного развития во всех социальных сферах, преобразуя привычные для нас модели общения в новые формы, придавая им особое, отличное от общепринятого, значение. Человек стремится заявить о себе, позиционируя свою личностную индивидуальность через множественные возможности, предоставляемые обществом. Особенно остро вопрос самоидентификации и социализации стоит у представителей молодого поколения в возрасте от 14 до 30 лет. Желание быть отличными от других, найти собственное «Я» или воссоединиться с близкими по идеям и интересам людьми реализуется через участие во всевозможных сообществах, организациях, движениях, в том числе и субкультурах. На сегодняшний день на территории России осуществляют свою деятельность более 400 тысяч подобных молодежных объединений. Их деятельность весьма разносторонняя и объединяет людей по различным критериям – от культурных интересов и внешней атрибутики до политических взглядов.

Но наиболее активными и быстро развивающимися остаются молодежные субкультуры – это часть культуры общества, представляющая собой совокупность собственных эстетических, этических представлений, и особых социальных установок, формирующихся на творческой, географической, профессиональной, спортивной, этнической и иных основах. Основными критериями самоидентификации субкультур являются - самоназвание; внешние признаки (одежда, прическа); языковые характеристики (собственный сленг); традиции (обычаи, ритуалы); творческие, досуговые и спортивные направления (музыка, литературные произведения, различные виды спорта) и многим другим.

Изначально субкультуры формировались на принципе отрицания общепринятых норм культуры, морали, этики или внешнего вида. Многие (например такие, как готы, стилиаги, хиппи, панки и др.) противопоставляли себя обществу, ставя в качестве основных ценностей свободу выбора внешнего вида, культурно-развлекательных увлечений, стремление к праздному образу жизни. Развиваясь внутри собственных приоритетов и культивируя существующие субкультурные идеи участники подобных объединений не стремились выходить за искусственно очерченные границы своих интересов. Представителями субкультур вырабатывались собственные правила поведения, традиции, предпочтения в музыке, литературе, проведении досуга. Зачастую общение в социуме ограничивалось семьей и учебным заведением. Отличия между общепринятыми морально-нравственными нормами и самоопределяющими признаками субкультур были весьма существенными. Так, например, представители стилиаг в своё время были порицаемы и даже преследуемы идеологами того времени.

Сегодня молодёжные субкультуры, как и, во многом, молодёжные сообщества и объединения, претерпевают значительную трансформацию. Меняются не только сами субкультуры, приобретая всё новые многообразные формы и виды, но и изменяется идеология внутри субкультур. Духовно-нравственные ценности молодых людей под влиянием общих мировых интеграционных процессов значительно изменились, принимая более обширное, контрастное и сублимированное состояние. Молодежные субкультуры современности – это разделение молодого поколения на множественные группы, сообщества, организации, которые стремятся не только проявить себя лично, но и выстроить новую систему этических ценностей в обществе. Наблюдается рождение молодежи, как гражданского субъекта. Формируется молодое поколение, приоритетами которого становятся активное участие в социальной жизни, влияние на общественные процессы. Появляются новые виды молодёжных объединений, которые не противопоставляют себя обществу, а наоборот, стремятся реализовать себя внутри социума, заявить о себе как о мыслящих и способных к борьбе и созиданию. И идеи этой продвинутой части молодежи начинают восприниматься и более широкими группами. Этой точки зрения придерживается ведущий руководитель Центра молодёжных исследований Высшей школы экономики в Петербурге, российский философ, доктор социологических наук, профессор Е.Л. Омельченко [1]. Специалисты Центра предлагают новое понятие молодёжных сообществ – это «солидарности», для участников которых значимыми в первую очередь становятся внутренние нравственные ценности. Имевшие значение раньше внешние признаки, такие как одежда, сленг, творческие интересы, традиции отходят на второй план. И теперь внутри даже достаточно сплоченных, идеологически и исторически сформировавшихся субкультур возможно разделение во взглядах, касающихся политических вопросов, вероисповедания, гендерных предпочтений, семейного уклада и многих других.

С точки зрения этических ценностей, присущих той или иной субкультуре, на сегодняшний день следует обратить внимание на формирование следующих групп:

- объединения, руководствующиеся в первую очередь принципами удовлетворения индивидуально-личностных приоритетов. К ним относятся субкультуры, основанные на литературно-музыкальных предпочтениях, хобби и досугово-развлекательных интересах;

- движения и организации, осуществляющие свою деятельность в реализации гражданской позиции, общественно-значимых и духовно нравственных ценностей. В их число можно включить различные субкультуры спортивных направлений, ЗОЖ, добровольные молодёжные дружины, волонтерские объединения и другие. Именно этой группе субкультур хотелось бы уделить особое внимание.

На сегодняшний день в России к социально активным молодёжным сообществам относятся «Молодёжный патруль», волонтерские организации, «Культурный патруль», «Вежливый патруль» и другие. Одним из ярких примеров таких организаций является созданное в 2008 году Краснодарское добровольное молодёжное объединение «Молодёжный патруль».

Участники молодёжного движения руководствуются не только действующим законодательством, но и этическими нормами. Так, представители молодёжного патруля г. Геленджик создали свой «Золотой кодекс» [2], в котором определены основные нравственные принципы и духовно-нравственными ценности.

1. Первым нравственным критерием обозначен принцип справедливой и объективной оценки происходящих событий. Члены молодёжного патруля призываются к умению объективно рассматривать все обстоятельства происходящих событий, в каждом случае спокойно и взвешенно принимать решения, опираясь на принцип справедливости и долженствования.

2. Второе нравственное качество, описанное в Золотом кодексе - приверженность общему делу через принадлежность к определенной группе, единение в одно целое. Личностная оценка происходящего является существенно значимой, однако при недостатке эмпирического опыта или неполном объеме имеющихся фактических сведений возможно принятие неверного решения. Поэтому институт наставничества и кураторства в подобных организациях несёт существенную практическую задачу воспитания молодого поколения и сплоченности коллектива.

3. Третьим этическим качеством, обозначенным в кодексе, является выбор нравственного соответствия собственных поступков распространяемым принципам поведения и образа жизни. Участники объединения должны не только пропагандировать здоровый образ жизни, отказ от алкоголя и курения, но и сами стремиться отказаться от пагубных привычек. В данном случае рассматривается не только

активное участие в борьбе с распространением алкоголя и табака среди несовершеннолетних, но и стремление своим собственным примером убедить подростков отказаться от их употребления.

4. Четвертым нравственным критерием, являющимся основополагающим в Золотом кодексе, можно назвать вежливость. Члены молодёжного патруля должны быть воспитаны, тактичны, не поддаваться на провокации со стороны окружающих, что требует достаточного мужества и твердости духа. Участвуя в борьбе с противоправными действиями в обществе, активисты молодёжного объединения нередко противостоят агрессии, унижениям и оскорблениям со стороны подростков. И необходимо обладать достаточной силой воли и уверенностью в своей правоте, чтобы не поддаваться на подобные провокации. Контроль над эмоциональным состоянием в моменты морального давления - вот ключ к решению многих конфликтов.

5. Одним из самых важных вопросов, с которым сталкивается каждый участник молодёжного патруля, - проблема нравственного выбора. Кодекс требует активного реагирования на противоправность. И в первую очередь это должно выражаться в незамедлительном уведомлении правоохранительных органов о противоправных действиях, свидетелями которых становятся участники патруля. Каждый человек, принимающий решение вступить в молодёжное движение, становится перед выбором – активной борьбы с несовершенствами общества или пассивного неприятия и неучастия в противоправных и безнравственных поступках. В наше время всё чаще люди принимают позицию нейтралитета или просто игнорирования. Зачастую, становясь невольными свидетелями противоправных действий или конфликтов, человек старается избегать участия в подобных ситуациях. Однако участники молодёжного патруля не имеют морального права оставаться в стороне от беззакония и несправедливости. В данном пункте морального кодекса в первую очередь прописан призыв не быть равнодушными. И каждому предлагается сделать выбор между активной борьбой со злом или пассивным непротивлением злу. Золотой кодекс молодёжного патруля поддерживает позицию активного противления и противостояния злу, в отличие от пассивного неприятия такового. Не к насилию и физическому воздействию призываются участники молодёжного движения, а к незамедлительному реагированию и информированию компетентных уполномоченных организаций о фактах совершенного противоправного деяния.

Исходя из сказанного анализ этических норм молодёжных субкультур, их динамика и развитие приобретают значительную мировоззренческую актуальность, которая диктуется необходимостью выработки существенных изменений в методах воспитания молодого поколения и формирования новых духовных и качественно целостных нравственных приоритетов. Углубленный, духовно-нравственный подход к работе с молодёжными организациями позволяет вернуть этическим нормам то императивное значение, которое им присуще, но которое долгое время игнорировалось. И одним из значимых аспектов влияния на решение данной проблемы является поддержка со стороны государства и общества. Необходимо сформировать устойчивую нормативно-правовую, образовательную и воспитательную систему, которая будет способствовать повышению уровня духовно-нравственных ценностей общества.

Литература

1. Молодежь в России действительно политизируется? // Meduza. URL: <https://meduza.io/feature/2019/10/14/govoryat-ranshe-molodye-lyudi-v-rossii-stanovilis-neformalami-a-teper-liberalami-eto-pravda-protest-novaya-subkultura> (дата обращения: 08.08.2019)
2. Золотой кодекс молодёжного патруля. URL: https://molodpatrool-zolotoi-kodeks-molodezhnogo-patrulya?ref=group_block (дата обращения: 08.08.2019)

Скворцов А.А.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, философский факультет,
доцент кафедры этики. Кандидат философских наук*

lambis@mail.ru

Аннотация: Экспериментальная этика – это новое направление в современной этике, не имеющее на данный момент ни традиции, ни общепризнанного предмета изучения. В небольшом количестве публикаций, посвященных перспективам развития этой исследовательской области, проводится мысль, что она – просто хорошо информированная моральная философия, которая должна ориентироваться как на новейшие данные когнитивных наук, так и на обыденные интуиции относительно моральных вопросов. Но автор статьи показывает, что экспериментальной этике как разновидности прикладной этической теории имеет смысл скорее обращаться к экспериментальным данным социальной психологии и социологии, ещё не получившим глубокого этического осмысления. Во многом это произошло потому, что классическая этика уделяла небольшое внимание воздействию внешних обстоятельств на поступки. Но сегодня, по мнению автора, настало время по-новому взглянуть на проблему соотношения внешних и внутренних факторов, влияющих на моральную позицию, используя богатый эмпирический материал.

Ключевые слова: этика, прикладная этика, экспериментальная этика, мораль, поступок, обстоятельства.

Experimental Ethics: Discussions on the Subject. Skvortsov ..

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy, Department of Ethics

Abstract: Experimental ethics is a new approach in the current ethics, which at the moment has neither tradition nor a recognized subject of study. In a small number of publications devoted to the development prospects of this research area, the idea is drawn that it is simply a well-informed moral philosophy, which should be guided by both the latest information from the cognitive sciences and ordinary everyday intuitions regarding moral issues. But the author of the article shows that experimental ethics as a kind of applied ethical theory makes sense to refer more to the experimental data of social psychology and sociology, which have not yet received a deep ethical understanding.

Keywords: ethics, applied ethics, experimental ethics, morality, act, circumstances.

Экспериментальная этика – это направление моральной философии, не имеющее на данный момент ни общепризнанной традиции, ни значительного количества последователей. Само словосочетание скорее выражает не конкретную предметную область исследований, а в большей степени пожелание для этики уловить тенденцию современных гуманитарных наук, направленную на все более частое применение экспериментального метода исследования. Так, в исторической науке уже давно и успешно используется моделирование событий древности и их критическая проверка, которую можно назвать экспериментальной. Педагогика одобряет, теоретически обосновывает, активно изобретает и проводит педагогические эксперименты. Не остается в стороне и философия: с начала 21-го века достаточно успешно развивается «экспериментальная философия», чьей задачей изначально было прояснить базовые интуиции носителя обыденного сознания, касающихся различных вопросов, в т.ч. и моральных. В этой парадигме, как правило, вспоминают одно из направлений аналитической философии, посвященное изучению условий формулирования моральных суждений, а также занятое проблемой их обоснования. В таких исследованиях часто используются обсуждение моральных дилемм, мысленных экспериментов, данные когнитивных наук и опытные проверки утверждений известных философов. Так, в статье «Экспериментальная моральная философия», размещенной в Стэнфордской электронной энциклопедии, утверждается: «Экспериментальная моральная философия

- это эмпирическое исследование моральных интуиций, суждений и поведения. Как и другие формы экспериментальной философии она включает сбор данных с использованием экспериментальных методов и использование этих данных для обоснования, подрыва или пересмотра философских теорий» [1]. Похожей точки зрения придерживается автор книги «Эксперименты в этике» К.А. Аппиа [2], систематически изложивший взгляд аналитического метода на возможности этики стать эмпирической. Также он показывает, сколько важной информации моральная философия может взять от экспериментальных наук, в т.ч. нейронаук.

Однако данный взгляд трудно назвать в полной мере «экспериментальным», скорее в нем речь идет о наблюдении, понятом как освоение и приспособление к теоретическим исследованиям новейших научных данных. В нем нет ничего принципиально нового: этика, стремившаяся быть практической философией, всегда внимательно наблюдала за окружающими явлениями и никогда не отрицала важности эмпирических данных, полученных в особенности от наук, изучающих поведение. Но что могло бы помочь ей обрести статус экспериментальной науки помимо использования мысленных экспериментов и обсуждения острых коллизий социальной практики? С одной стороны, кажется, что от имени этики нельзя проводить эксперименты над людьми; этика и в своих теоретических выводах, и в прикладной части немало сделала для того, чтобы защитить живых существ от бесчеловечных опытов. Далее, сомнение вызывает возможность экспериментально проверить моральность человека, либо его владение какой-либо добродетелью в силу теоретической дискуссионности этих понятий. Из истории этики мы знаем, какие споры велись вокруг сущности некоторых нравственных качеств, и насколько расплывчатыми по содержанию являются такие, например, понятия, как милосердие, сострадание, терпимость и т.д. Современная психология личности разработала огромное количество тестов, позволяющих охарактеризовать личность с разных сторон и проверить её на наличие различных качеств. Но для этики их результаты не могут быть достоверными, поскольку её интерес касается не абстрактных качеств, а реальных поступков. Однако утверждения о том, какие именно качества, в какой мере и вообще, - насколько именно личностные качества мотивируют человека на поступки, - будут всегда дискуссионными и едва ли проверяемыми в экспериментальных условиях.

Отсюда исследовательской области, обозначаемой как «экспериментальная этика», можно придать, иной более практический смысл. Поступки совершаются людьми не только под влиянием внутренних качеств, но и под воздействием обстоятельств, т.е. внешних факторов. Они могут быть разнообразными: окружающая среда, поступки других людей, их мнения, суждения, приказы. Справедливо отметить, что этика, если брать её классические, возвышенные образцы, уделяла немного внимания внешним обстоятельствам, влияющим на поступки. Их создатели полагали, что моральное поведение складывается из двух составляющих: внутренних качеств, либо убеждений (добродетелей либо соображения долга) и веры в существование морального мира, выраженного практически в наилучших отношениях людей. Для этики важно, чтобы цель могла быть достигнута своими усилиями, вопреки соблазнам и иным гетерономным влияниям, и чем сильнее эти влияния, тем упорнее должна быть моральная воля и тем выше наша оценка усилий морального субъекта. Поэтому влияние окружающих обстоятельств принималось во внимание этикой в значительно меньшей степени. Конечно, можно вспомнить рассуждения Эпикура о влиянии страха, Спинозы о роли аффектов, или подробное толкование Гегелем субъективной и объективной сторон поступка, где под «объективным» подразумевается воздействие обстоятельств. Однако все они считали не только возможным преодолеть внешние влияния, но и признавали такое преодоление должным.

Тема о влиянии окружающих обстоятельств на личную моральную позицию человека особенно ярко зазвучала в XX веке, когда моральные идеалы разрушались под воздействием бесчеловечных практик мировых войн, тоталитарных режимов и других практик дегуманизации. Часто складывалось так, что отстаивание собственной моральной позиции даже в плане отказа творить насилие, стоило человеку жизни. С другой стороны, у моралистов вызывало недоумение, что массовые расправы творили люди, получившее стандартное моральное воспитание, основанное на представлениях об универсальных нравственных ценностях. Почему же, в таком случае, их поведение мотивировали не моральные убеждения, а другие, далекие от моральности факторы? Означает ли это, что моральные убеждения на какой-то момент вытеснились из сознания, или же, возможно, они приспособивались другими агентами воздействия ради их человеконенавистнических целей? Один из оригинальных ответов на эти вопросы дала Х. Арндт, утверждавшая, что ужасные вещи творили люди со стандартным моральным сознанием, но только ставшие жертвой непреодолимых внешних факторов. Гипотеза

Арендт, высказанная в т.ч. в книге «Эйхман в Иерусалиме» вдохновила С. Милгрэма [3] на проведение Йельского эксперимента, посвященного изучению влияния авторитета на совершаемые поступки. Уместно заметить, что именно эксперимент Милгрэма совершил «этический поворот» в социальной психологии, после которого было проведено множество экспериментальных исследований на тему влияния различного рода социальных факторов на моральное поведение.

Экспериментальная этика может исходить из следующего положения. Если возможность опытной проверки обладания человеком внутренних моральных качеств сомнительна, то влияние внешних факторов на моральное поведение вполне можно проверить эмпирически. Это опять же не означает, что этика будет вправе организовывать собственные эксперименты, но этика может привлекать богатый материал социальной психологии, а вместе с ним и сведения из социологии и психологии личности, полученные экспериментальным путем. Сегодня этика активно пользуется данными из социологии и психологии, но в меньшей степени адаптировала сведения из социальной психологии. Но результаты многих известных социально-психологических экспериментов, открывающих очень важные факторы, несомненно влияющие на поступки, в достаточной мере не были осмыслены этикой. К примеру, влияние конформизма на поведение, открытое С. Ашем, выводы, сделанные С. Милгрэмом по итогам исследований давления авторитета, «эффект Люцифера», описанный Ф. Зимбардо, т.е. ситуация, когда морально зрелый человек, находящийся под воздействием системных насильственных факторов, совершает жестокие поступки, либо влияние увеличения темпа жизни на повседневный альтруизм, исследованное Д. Дарли и Д. Бейтсоном. Итоги этих экспериментов нельзя понимать как некие непогрешимые выводы, принимаемые всеми социальными психологами. Речь идет о целых богатых практических мирах, которые, осмысленные этически, могут дать очень много ценных сведений о различных, порою малозаметных факторах, влияющих на повседневные поступки.

Изучение влияния внешних факторов на поведение отнюдь не означает, что экспериментальная этика не будет принимать во внимание либо принижать нравственные качества человека. Напротив, названные выше социальные психологи, утверждавшие, что ситуация (обстоятельства) имеет большое значение для объяснения поведения, много сил потратили, чтобы понять, как личность могла бы преодолевать отрицательное воздействие обстоятельств. С другой стороны, этика классической эпохи слишком сильно уповала на незыблемость моральной позиции и была склонна недооценивать значение ситуационных переменных. Отсюда одной из задач экспериментальной этики видится изучение соотношения влияний внешних и внутренних факторов на возможности морального поведения.

Литература

1. Alfano, M., Loeb, D. and Plakias, A. Experimental Moral Philosophy // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2018 Edition), Edward N. Zalta (ed.) URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2018/entries/experimental-moral/>
2. Appiah, K.A. Experiments in Ethics. Cambridge: Harvard University Press, 2010.
3. Милгрэм С. Подчинение авторитету. Научный взгляд на власть и мораль. М.: Альпина нон-фикшн, 2016.

Беляева Л.А.

Уральский государственный педагогический университет, профессор кафедры философии, социологии и культурологии. Доктор философских наук

labeledyaeva278@mail.ru

Чугаева И.Г.

Уральский государственный педагогический университет, доцент кафедры педагогики и психологии детства. Кандидат педагогических наук

irinachugaeva555@mail.ru

Аннотация: Современная информационная среда способствует формированию нового феномена в интеллектуальном развитии подростков, получившего название – клиповое мышление, в основе которого лежат наглядные представления, отражающие лишь внешние свойства, не затрагивающие существенные связи и отношения предметов и явлений. Это рассудочно-эмпирическое мышление, формирующееся в ущерб рефлексивно-теоретическому мышлению. Человек, обладающий клиповым мышлением, не способен анализировать, сравнивать, обобщать, делать выводы и осуществлять обоснованный выбор. Для развития рефлексивного мышления старшеклассников на основе разработанной нами понимающей педагогики и рефлексивной модели понимания в статье предлагается вариант философского образования подростков-старшеклассников (16-17 лет) в рамках адаптированного к школьной программе курса по выбору: «Философия науки», включающего два аспекта ее изучения: наука как система знаний и методология познавательной деятельности.

Ключевые слова: клиповое мышление, философское образование подростков, понимающая педагогика, рефлексивная модель понимания, информационно-образовательная среда.

**Reflective Model of Understanding as the Basis of Philosophical Education of Teenagers.
Belyaeva L.A.; Chugaeva I.G.**

Ural State Pedagogical University - Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies; Department of Pedagogy and Psychology of Childhood

Abstract: The modern information environment contributes to the formation of a new phenomenon in the intellectual development of adolescents, called - clip thinking, which is based on visual representations, reflecting only external properties, not affecting significant connections and relationships of objects and phenomena. This is a reasonable-empirical thinking, formed at the expense of reflexive-theoretical thinking. A person with clip-thinking is not able to analyze, compare, generalize, draw conclusions and make informed choices. The authors propose a variant of the philosophical education of high school teens (16-17 years) to develop the reflexive thinking of high school students on the basis of our understanding pedagogy and reflexive model of understanding which will be realized as the course of choice: "Philosophy of Science", which includes two aspects of its study: science as a system of knowledge and methodology of cognitive activity, adapted to the school curriculum.

Keywords: clip thinking, philosophical education of teenagers, understanding pedagogy, reflexive model of understanding, information and educational environment.

Современная психология фиксирует появление нового феномена, получившего название «клиповое мышление», которое особенно свойственно современным подросткам. Для носителей клипового мышления характерно неумение критически мыслить, анализировать информацию с точки зрения ее содержания, слабое развитие способности к обобщению, систематизации знания, рефлексии. Например, С.В. Докука характеризует клиповое мышление как несистемное, преимущественно визуальное и ассоциативное, архаичное и лишенное временных и пространственных категорий и делает вывод:

«Очевидно, что носители клипового мышления обладают низким уровнем рефлексии» [1, с.174].

А между тем в ФГОС ОО определено, что метапредметные результаты освоения основной образовательной программы основного общего образования должны отражать: «умение определять понятия, создавать обобщения, устанавливать аналогии, классифицировать, самостоятельно выбирать основания и критерии для классификации, устанавливать причинно-следственные связи, строить логическое рассуждение, умозаключение (индуктивное, дедуктивное и по аналогии) и делать выводы» [2]. Также обращается внимание на необходимость формирования умения подростков самостоятельно определять цели своего обучения, ставить и формулировать для себя новые задачи в учебе и познавательной деятельности, развивать мотивы и интересы своей познавательной деятельности [2].

В связи с тем, что в современном обществе появляются новые источники знания (мировая и локальная сеть Интернет), новые дистанционные формы получения образования (электронные образовательные платформы, цифровые школы и др.), философия образования и науки об образовании решают сложную проблему преобразования информационной среды в информационно-образовательную среду. Образовательная среда включает в себя совокупность образовательно-обучающих и культурно-воспитывающих условий, которые отражают политическое и социально-экономическое развитие, отечественные национально-культурные и исторические традиции, состояние духовно-нравственной сферы общества, то есть, условия, которые развивают и формируют личность.

Для эффективного функционирования информационно-образовательная среда должна обладать следующими характеристиками:

1. Открытость ИОС для внешних изменений и нововведений. Информационно-образовательная среда обеспечивает образовательное, информационное и социокультурное взаимовлияние и взаимодействие субъектов образования, помогает, таким образом, системе образования избежать консервативности. Взаимодействие субъектов происходит в процессе дидактической коммуникации, основанной на диалоге относительно содержания образования, его осмысления. ИОС обеспечивает более активное вовлечение субъектов в процесс познания, партнерство в ходе извлечения, передачи, переработки информации. ИОС активизирует социальные механизмы взаимодействия: кооперацию, взаимообучение, взаимоконтроль, самооценку и др.

2. *Рефлексивность ИОС.* Рефлексивность подразумевает, что, с одной стороны, субъекты образования (образование в целом, образовательное учреждение, педагог, родитель и др.) организуют образовательный процесс для ученика, в соответствии с его потребностями, способностями, особенностями личности; а с другой - рефлексивность позволяет самому молодому человеку осознать важность и значимость процесса образования не только как процесса получения знаний, умений и навыков, но и как процесса социализации, диалогизации, самоопределения и информатизации его жизненного пространства [3, с. 13].

Важное место в образовательной среде школы должно занять философское образование подростков, нацеленное на формирование рефлексивного мышления. Именно подростковый возраст является сенситивным периодом для развития рефлексивно-теоретического мышления. Оно связано с освоением таких мыслительных операций как дедукция, классификация, анализ, обобщение. Предметом данного типа мышления становятся собственные мыслительные операции и их самооценка. Рефлексивная функция мышления обеспечивает поиск и рассмотрение внутренних, существенных оснований собственных действий. Она позволяет анализировать свою деятельность, ориентироваться на общие и существенные условия ее выполнения.

В рамках разработанной нами понимающей педагогики были определены условия развития рефлексивно-теоретического мышления учащихся в процессе философского образования на основе рефлексивной модели понимания, составляющими элементами которой являются: во-первых, историко-культурная реконструкция знания, позволяющая представить знание в жизненной пульсации движения становления; во-вторых, активное участие в поисках истины самого познающего субъекта, его заинтересованность в этом процессе; в-третьих, проблемная реконструкция знания [4, с. 16-29]. Используя возможности информационно-образовательной среды современного подростка необходимо так построить процесс обучения, чтобы представить знание в виде проблемы, требующей ее решения. При этом проблема имеет проектный характер, она задает программу познавательной и исследовательской деятельности подростков. В процессе ее решения происходит систематизация знания, его концентрация и обнаружение нового знания.

Важным условием развития рефлексивно-теоретического мышления подростков является внедрение педагогических технологий, которые позволяют учащимся овладеть универсальными способами получения нового знания. Для этого в философском образовании старшекласников, на наш взгляд, необходим адаптированный к школьной программе курс по выбору: «Философия науки», включающий разделы: «наука как система знаний» и «наука как познавательная деятельность», позволяющий познакомиться с морфологией научного знания, методами и приемами познавательной деятельности. Знание приемов, правил и операций мыслительной деятельности активизирует способность школьников к самостоятельной организации познавательного процесса. Осознанное использование методов познавательной деятельности подростками благотворно влияет на развитие рефлексии, самопознания, формирует адекватную оценку своих возможностей. В данном случае предметом внимания и оценки подростка становятся его собственные интеллектуальные операции, способы действия, самоотношение. Для подростков это очень важно, так как в процессе приобретения положительного опыта самостоятельной познавательной деятельности у них формируются устойчивые познавательные интересы, ведущие к позитивному отношению к учебным предметам и процессу познания в целом. Такая организация процесса обучения позволяет выявить основную закономерность развития теоретико-рефлексивного мышления подростков, заключающуюся в том, что данный вид мышления развивается в процессе познавательной деятельности, организованной как «процесс самодвижения по пути познания под руководством наставника». В связи с этим задача учителя состоит в том, чтобы «научить ориентироваться в информационных полях культуры, увлечь и разжечь стремление самостоятельного поиска истины и смысла, решения проблем и выхода из конкретных познавательных ситуаций» [5, с.146].

Литература:

1. Докука С.В. Клиповое мышление как феномен информационного общества // *Общественные науки и современность.* 2013. № 2, С. 169-176.
2. Приказ Минобрнауки России от 29.12.2014 № 1644. Электронный ресурс: <https://fgos.ru>
3. Блинова О.А., Чугаева И.Г. Формирование образовательной среды младшего школьника посредством информационно-коммуникативных технологий // *Гуманитарно-педагогические исследования.* 2018. Т.2. № 1. С.12-23.
4. Беляева Л.А. Рефлексивная модель понимания и проблема неприсвоенности научного знания // *Проблема понимания в педагогической деятельности. Учебное пособие к спецкурсу / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 1995. 74 с.*
5. Беляева Л.А. Философское образование школьников в контексте современной философии образования // *Педагогическое образование в России.* 2014. № 3. С. 144-148.

Реализация методики игрового философствования в проекте философских балов «Школы Сократа» при ЦДРИ

Васильева Е.В.

Межрегиональная детская общественная организация «Философия – детям», секретарь МДОО.
Кандидат философских наук

evgenyposta@gmail.com

Аннотация: Анализ опыта проведения философских балов представлен для ознакомления с актуальным форматом и развитием авторской методики философствования. Игровые занятия в рамках семейного философского клуба «Школа Сократа» при Центральном Ордена Дружбы Народов ДOME Работников Искусств выросли в ежегодные открытые праздничные мероприятия, участники которых в рамках заявленного историко-культурного пространства в импровизационно-игровой манере выполняют различные интеллектуальные задания, объединённые канвой сценария и философским содержанием. Просветительская направленность философских балов напрямую исходит из обращения к значимым культурным пластам и наследию мыслителей в виде опорного цитатного материала для развёртывания дискуссий или конкурсов, как командных, так и индивидуальных. Однако наибольший интерес представляет атмосфера непринужденного творческого взаимодействия и максимальной включенности разновозрастных гостей бала в процесс практической философии, что и является основной задачей реализуемой методики.

Ключевые слова: практика философствования с детьми, методика философской игры, историко-культурный контекст, организация интеллектуального развлечения, традиции, «Школа Сократа».

Implementation of the Game Philosophizing Methodology in the Project of Philosophical Balls by «Socrates School» at the Central House of Arts.

Vasilieva E. V.

Interregional Children's Public Organization «Philosophy for Children»

Abstract: The analysis of the experience of conducting philosophical balls is presented to familiarize ourselves with the current format and development of the author's philosophizing technique. Game classes in the framework of the School of Socrates philosophical club family under the Central Order of Peoples' Friendship of the House of Arts Workers grew into annual open celebrations, the participants of which, within the framework of the declared historical and cultural space, perform various intellectual tasks in an improvisationally-playful manner, combined by the outline of the script and the philosophical content. The educational orientation of philosophical balls proceeds directly from the appeal to significant cultural strata and the heritage of thinkers in the form of supporting quotation material for the development of discussions or contests, both team and individual. However, the atmosphere of a relaxed creative interaction and the maximum involvement of ball guests of different ages in the process of practical philosophy are of the greatest interest, which is the main task of the implemented technique.

Keywords: practice of philosophizing with children, methodology of philosophical play, historical and cultural context, organization of intellectual entertainment, traditions of «Socrates School».

Практическая философия как образовательное направление актуальна во всем мире и интересна, прежде всего, авторскими методиками. В России уже более четверти века развивается проект философских игр для детей и взрослых профессора Л. Т. Ретюнских, доктора философских наук, автора учебных пособий для занятий философствованием с детьми, начиная с младшего школьного возраста.

В созданном при ЦДРИ семейном философском клубе «Школа Сократа» ежемесячно проводятся тематические встречи, на которых каждый участник имеет возможность высказаться и выслушать различные мнения, дискутировать и интерпретировать оригинальные цитаты философов, в том числе в

виде разнообразных творческих заданий. «Принцип диалогии опирается на маевтику (метод Сократа) и предполагает активизацию мыслительного процесса, стимулирование его развития с помощью особым образом организованной беседы, которая создает условия для совместного поиска ответов... Хотя диалог и планируется заранее, подбираются вопросы, мини-игры, он всегда содержит в себе элемент импровизации, поэтому трудно предположить, какие ответы могут быть даны... и в какую сторону они повернут беседу» [1, с. 20-21]. Отсюда очевидна направленность методики на «делание философии» здесь и сейчас, исходя из реального опыта и интересов конкретных участников. На таких занятиях главное – сам процесс философствования, то есть актуализация познания, не ограниченная оценочными «правильными» или «неправильными» ответами. Философствование дополняется принципами творческого решения задач и опоры на первоисточники. Безусловным плюсом является совместное выполнение заданий участниками разных возрастов, поскольку подразумевает партнерство взрослых и детей: для представления и развития некоей идеи в заданиях предполагается обмен мнениями и опытом. Интеллектуальный уровень задач при этом остается высоким, так как подразумевает поддержку взрослых в аналитике и структуре выполнения задания, тогда как дети ярче проявляют себя в эвристике, неформальной логике, образной и креативной составляющих.

В результате мы получаем уникальный интеллектуальный продукт, способствующий «становлению мировоззренческих ориентиров, включающих гносеологические, нравственные, эстетические и др.; воспитанию культуры диалога, дискуссии, уважения к чужому мнению; формированию механизмов самостоятельного принятия решений» [1, с. 11]. Наконец, организация философствования как игры способна снять предрассудок «сложной науки», дарить радость и сохранять интерес участников, принося интеллектуальное удовольствие – по мнению Эпикура, высшее из всех доступных человеку.

Двенадцать лет тому назад предновогодняя философская игра была проведена в формате бала, в модной тенденции возвращения к культурным традициям. Организаторы рискнули ввести новый праздничный колорит и разнообразить ход игры танцевальными эпизодами и практикой светского этикета. В результате полученные положительные отзывы и впечатления дали старт уникальной серии исторических философских балов «Клуба Сократа».

Наименование «бал» пришлось кстати и закрепилось за новогодними открытыми встречами, так как подразумевает определенный масштаб: оформление большого пространства, прием и развлечение гостей, торжественное открытие и проведение всех этапов большой философской игры. Однако понемногу последующие балы стали обретать конкретные исторические черты: эпоха Возрождения (с соответствующими костюмами, аутентичными танцами в сопровождении ансамбля старинной музыки МГУ) и её гуманистические устремления; затем бал при дворе Людовика XIV, а после – Петровские Ассамблеи – показали перспективу путешествия по странам и эпохам. Одновременно наметилась линия театрализации. Например, введение ролей известных исторических персонажей: двор Людовика XIV немислим без интриг кардинала Ришелье, а король открывает бал в паре с королевой Анной Австрийской. Представление и общение гостей, также примеривших на себя исторические образы, подразумевало импровизацию в заданиях и танцах. Разумеется, соответствующие танцы все присутствующие разучивали под руководством студентов – «танцмейстеров». Таким образом, постепенно в игровых сценариях стали появляться сюжетные линии, частично заимствованные из реальных событий выбранной эпохи и страны, но дополненные фантазийными решениями для последующего развития и максимального охвата присутствующих. Например, средневековый бал в Англии по случаю возвращения из Крестового похода Ричарда Львиное Сердце проходил под сводами старинного подвала ЦДРИ, где «команде» рыцарей и свите короля приносила присягу «команда» вольных стрелков Робина Гуда. Появление персонажа народных легенд, знакомого даже самым юным участникам, задало живое прочтение темам справедливости, верности, свободы и выбора.

В истории проекта настал поворотный момент, когда идея бала переросла свой формат и воплотилась в «игры-путешествия» по странам и культурам. Грандиозный Китайский бал уже больше напоминал прием послов при дворе Императора Поднебесной. Все разучивали сложную церемонию приветствия Императора, погружались в традиции древнейшей культуры посредством презентаций и имитаций театральных постановок классических китайских сюжетов и этических цитат Конфуция, постигали многозначность иероглифов и составляли новогодние благопожелания под руководством настоящего китайского профессора каллиграфии. На следующий год «В гости к князю Игорю» собрались славяне-язычники, поэтому новогодний бал трансформировался в фольклорные ритуальные игрища Зимнего солнцестояния (Карачун и Коляда), отражавшие мифологическое сознание и обрядо-

вость жизненного цикла. Гости по жребью становились славянскими племенами кривичей, вятичей, древлян и пр. Каждая команда- «племя» создавала и обыгрывала свои легенды, обереги, и подносила свадебные дары славному князю Игорю и княгине Ольге.

Самым сказочным был Персидский Новый год в «Школе Сократа». Вдохновителем этого действия стала замечательная музыкальная сказка «Али-баба и сорок разбойников», любимая многими и прекрасно создающая атмосферу Востока. Музыкальное оформление подсказало роскошное сочетание знаковых персонажей: на базаре в Багдаде встретились сам Али-баба, прекрасная рассказчица Шехеразада и мудрец Ходжа Насреддин. Тройка ведущих представляла гостям великого Гаруна аль-Рашида, прославленного Авиценну и абсолютно фантастического Джинна из той самой лампы. Разноплановые герои позволили запустить несколько драматургических линий и планов взаимодействия в игре, представить разные сферы достижений науки и искусства средневекового востока – от алгебры и астрономии до медицины и поэзии, и не только. На условную «сказочность» замечательно отреагировали как дети, так и взрослые, активно включаясь в конкурсы и танцы. Наконец, эпичными можно назвать еврейский и индийский новогодние балы. Своеобразие индийской культуры и мировоззрения постепенно раскрывалось в сюжетных импровизациях на сюжет «Рамаяны» - пока единственный сценарный опыт полного следования литературному источнику.

Таким образом, за двенадцать лет были опробованы самые разные варианты сценарных решений для большой философской игры. При этом неизменными остались принципы диалогичности, опоры на первоисточники, творческого решения задач и импровизации. Сохранилась и структура игры, включающая вводную беседу с участниками, отборочные туры для командных творческих заданий и игру с залом, дающую возможность проявить себя гостям, не вошедшим в состав команд. Учитывая то, что количество гостей балов всегда превосходит обычное число участников клуба на рядовых встречах, организаторы должны дополнительно предусмотреть сценарные ходы для участия всех присутствующих и сохранения интереса к общему действию.

Уровень исторического соответствия мероприятий определяется в основном не внешней атрибутикой (все элементы костюмов и декорирование - на усмотрение организаторов и участников игры), а знакомством с культурными и мировоззренческими установками эпохи, представленными в наследии ее знаковых представителей. Это популяризаторский ход, позволяющий прикоснуться к истории человеческой мысли, найти идеи, созвучные или противоположные современному мировосприятию. Погружение в условную атмосферу весьма действенно для осознания культурного многообразия, возможностей познания и развития. В формате философских балов наиболее полно воплотились общеметодологические принципы системности, доступности и гуманизма, составляющие основу методики игрового философствования.

Литература:

1. Ретюньских Л.Т. «Школа Сократа»: Философские игры десять лет спустя. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЕК», 2003. 208 с.

Формирование научного мышления как условие влияния на развитие демократического сообщества

Груздева О.С.

*ГБОУ школа № 163 (Санкт-Петербург), учитель истории, методист. Кандидат философских наук
olena020670@rambler.ru*

Аннотация: Статья посвящена анализу важной составляющей философии образования Д. Дьюи – процессу формирования научного мышления. Необходимым условием создания «демократического сообщества» Д. Дьюи считал коммуникацию, опирающуюся на развитое научное мышление и практический опыт. Понимая научное мышление как рефлексивное, творческое, коммуникативное, направленное на решение проблем, Д. Дьюи обосновал необходимость развития научного мышления на всех стадиях обучения при соблюдении определённых условий: опоре на природные способности ребёнка, создании возможности для наиболее полного проявления ребёнком своей индивидуальности, наличии методов преподавания, способствующих развитию всесторонней коммуникации. Сформированное научное мышление, по мнению Д. Дьюи, необходимо человеку для успешного решения актуальных социальных проблем и активного участия в демократизации общества.

Ключевые слова: философия образования, научное мышление, рефлексивное мышление, творческое мышление, коммуникативные навыки, абстрактное мышление.

The Formation of Scientific Thinking as a Condition of Influence at the Development of Democratic Society. Gruzdeva O. S.

School № 163 (St. Petersburg)

Abstract: The article is devoted to the analysis of an important point of Dewey's philosophy of education, which is the process of the formation of scientific thinking. Dewey considered that communication based on developed scientific thinking and practical experience is the necessary condition for creating a "democratic community". Scientific thinking Dewey understood as reflective, creative, communicative, aimed at solving problems. He substantiated the need to develop a scientific thinking at all stages of educational processes as well as certain conditions: the rely on the innate abilities, creating the possibility of total manifest of personality, the availability of teaching methods contributing to the development of comprehensive communication of a child. Formed scientific thinking, by Dewey J. is necessary for successful solving of social problems and active participation in the process of democratization.

Keywords: philosophy of education, scientific thinking, reflective thinking, creative, communicative skills, abstract thinking.

Развитие демократического сообщества связано у Д. Дьюи со способностью человеческого разума преобразовывать окружающий мир, опираясь на достижения наук. Д. Дьюи подчёркивал, что максимально использовать все возможности для осуществления своих целей сможет только человек с развитым в процессе образования научным мышлением.

Началом развития научного мышления можно считать вторую половину XVI века, когда возникает наука в современной её понимании. Наука становится важнейшим социальным фактором общественного развития во второй половине XIX века. *Постнеклассическая наука*, переход к которой начался в середине XX века, характеризуется утверждением, развитием и уточнением принципов, возникших в неклассической науке. Философскими основаниями постнеклассической науки являются антропологизм, плюрализм, коммуникативность, диалогизм, конструктивизм, междисциплинарность, социокультурная обусловленность научного познания. В современной понимании термин «научное мышление», считает Г.Ю. Мошкова, употребляется в трёх разных значениях в определённых ситуа-

циях. Но в целом, научное мышление – это мышление человека, профессионально занимающегося научной деятельностью, направленное на познание закономерностей природы с целью их объяснения и использования и осуществляющееся в условиях высокой неопределенности с помощью социально-исторически выработанных средств познания, адекватных природе изучаемых объектов [1].

Основные черты, присущие научному мышлению конца XX – начала XXI вв., были определены Д. Дьюи ещё в начале XX века в рамках неклассической философии. Он не только описал научное мышление как рефлексивное, творческое, коммуникативное, нелинейное – направленное на решение проблем, но и предложил механизм его формирования. По мнению Д. Дьюи, период детства, который отличается богатым воображением, пылкостью ума и любовью к опытам и исследованиям, находится «очень близко к состоянию научного мышления». Соответственно, главный фактор образования «находится в признании конечной целью постановки ума, такой привычки мышления, которые мы называем научными» [2, С.9]. С точки зрения Д. Дьюи, формирование у ребёнка научного мышления в процессе образования создаст возможность развития навыков жизни в демократическом сообществе.

Рефлексивное мышление Д. Дьюи понимал как «активное, настойчивое и внимательное рассмотрение какого бы то ни было мнения, или предполагаемой формы знания, при свете оснований, на которых оно покоится, и анализ дальнейших выводов, к которым оно приводит» [2, С.15]. Рефлексивное мышление – это умозрительная работа человека, направленная на осмысление собственных действий и, соответственно, приводящая к уверенности человека в своих действиях. Соглашаясь с Д. Дьюи, Г.П. Щедровицкий во вт. пол. XX в. писал, что рефлексия образует ядро мыслительной деятельности: «Рефлексия есть то, что приобщает индивидуальное мышление и индивидуальную деятельность к социальному, к общечеловеческому, то, что создаёт социальную и общезначимую сторону мышления» [3, С.418].

«Воспитание ума», размышлял Д. Дьюи, должно опираться на существующие прирожденные способности ребёнка, среди которых он выделял любопытство, внушение и интуицию, их упорядоченность. Перечисленные качества присущи творческому мышлению, которое отличается гибкостью, оно невозможно без озарения и предполагает принципиально новое решение любой проблемной ситуации, приводящее к непривычным идеям и открытиям. Функция творчества измеряется лёгкостью или быстротой, объёмом или разнообразием, глубиной или постоянством. Работать с детьми надо в соответствии с перечисленными функциями. Учитель должен опираться в своей работе на независимое мышление детей, наблюдать за направлениями интересов, стремлениями ребёнка, чтобы определять степень его развития, ступень, на которую он готов подняться и ни в коем случае не подавлять вкусы ребёнка. Таким образом, Д. Дьюи полагал, что разум не противостоит бессознательному: он включает в себя внерациональные способности человека, как инструменты творчества, являющиеся высшим проявлением свободы.

Признание ценности индивидуального не отрицает у Д. Дьюи ценности социального взаимодействия. «Сообщество состоит из индивидов, каждый из которых является субъектом мышления», – писал в это же время Л. Витгенштейн [4]. Социальное действие имеет у Д. Дьюи коммуникативный характер. Коммуникативное мышление предполагает умение достигать взаимопонимания и согласия, признания со стороны Другого. Поэтому для формирования коммуникативного мышления у ребёнка необходимо развивать и совершенствовать язык как средство социальной коммуникации и речь как средство индивидуального самовыражения. Развитое коммуникативное мышление позволит личности увязывать свои интересы с интересами других людей без ущерба для своей идентичности, обсуждать свои позиции, находить новые согласованные решения проблем с учётом потребностей разных социальных групп. Будет создана возможность для существования «коммуникативного сообщества, то есть сообщества, достигающего взаимопонимания и согласия благодаря существованию «общих топосов» – способов смыслополагания и смыслопостижения» [5].

Ещё одной характерной чертой научного мышления Д. Дьюи называл способность к абстрактному мышлению: «Когда мышлением пользуются для какой-нибудь цели, хорошей или низкой по значению, оно конкретно; когда им пользуются просто как средством для дальнейшего мышления, оно абстрактно» [2, С.130]. Значит, человек, которому свойственна способность к двум типам мышления, выше, чем тот, который владеет только одним, поэтому цель образования – достижение уравновешенного взаимодействия обоих типов мышления.

В целом, по мнению Д. Дьюи, такие черты как рефлексия, творчество, коммуникация, абстракт-

ность присущи не только научному, но и философскому мышлению. Следовательно, развитие в ребёнке навыков научного мышления формирует способность и к философскому мышлению. Его точка зрения созвучна взглядам Ю. Хабермаса, писавшего, что «философское мышление проистекает из рефлексивного становления (Reflexivwerden) разума, воплощенного в познании, в речи (Sprechen) и действии» [6]. В юношеском возрасте, когда происходит личностное самоопределение, важно научиться познавать окружающий мир, понимать процессы, происходящие в нём, определять смысл и цели своего существования, осознать себя личностью. «Философское мышление, субъектом которого является не человек вообще, а личность, обладающая своим собственным внутренним миром, своей отличной от других иерархией ценностей, нацелено на создание своей собственной картины мира, своей личной философии, которая не претендует на всеобщность, но служит способом самовыражения и самоопределения» [7, С.117], – отмечает Е.М. Сергейчик. Философское мышление позволяет личности создать свой мир, осознать себя неповторимой индивидуальностью, выразить своё миропонимание и донести его до других.

Научное мышление, размышлял Д. Дьюи, помогает стремлению человека к постоянному самообразованию, т.е. непрерывному образованию. Необходимость развития непрерывного образования объясняется признанием человека существом незавершённым, признанием непрерывности развития человека и его мышления. Непрерывное образование помогает постоянному развитию способностей человека, делает его личностью, обладающей высоким уровнем культуры.

В целом философско-педагогические идеи Д. Дьюи о необходимости формирования навыков научного мышления оказали большое влияние на развитие образования не только в США, но и во всём мире. Так, во второй половине XX века идеи Д. Дьюи повлияли на создание в США «школ, которые учатся». Предлагаемые в них «основные дисциплины» (личное мастерство, совместное видение, мысленные модели, обучение работе в команде, системное мышление) разрушают существующий повсеместно образец школ, «обучающих людей беспрекословно подчиняться начальству и следовать правилам» [8, С.9]. Обучающиеся школы стали центрами образовательных и социальных перемен не только для учащихся школ и их родителей, но и для сообществ, на территории которых действует школа. Они поставили себе задачу служить ученикам, которые будут жить в информационном обществе. А идея непрерывного образования, изложенная Д. Дьюи, предшествовала идее компетентностного подхода, родившейся в Европе в 60-е годы XX века.

Таким образом, Д. Дьюи доказал необходимость и возможность формирования научного мышления в процессе приобретения знаний на всех стадиях обучения и создание возможностей для формирования философского мышления. Он полагал, что наука и философия образования смогут объединить «усилия для преодоления разрыва между знанием и действием, между теорией и практикой, который столь глубоко и пагубно сказывается сегодня на образовании, да и на обществе в целом» [9, С.255-256].

Литература:

1. Мошкова Г. Ю. Научное исследование в контексте жизненного пути ученого // Философия науки. М.: ИФ РАН, 2003. Вып. 9. С. 245-252.
2. Дьюи Д. Психология и педагогика мышления. М.: Совершенство, 1997. 208 с.
3. Щедровицкий Г.П. Об одном направлении в современной методологии // Философия. Наука. Методология. М.: Шк. Культ. Политики, 1997. С. 418.
4. Гутнер Г.Б. Коммуникативное сообщество и субъект коммуникативного действия // Философия науки. М.: ИФ РАН, 2005. Вып. 11. С. 82-108.
5. Огурцов А.П. От нормативного Разума к коммуникативной рациональности. // Философия науки. М.: ИФ РАН, 2005. Вып. 11. С. 54-81.
6. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Вопросы социальной теории. 2007. Том 1, Вып. 1. С. 229-245.
7. Сергейчик Е.М. Что значит «мыслить абстрактно» // Философия для школьников и дошкольников. СПб: АППО. 2014. С. 117.
8. Школы, которые учатся: книга ресурсов пятой дисциплины. М.: Просвещение, 2010. С.576.
9. Дьюи Д. Проблемы человека // Реконструкция в философии. Проблемы человека. М.: Республика, 2003. 494 с.

Дудина М.Н.

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, профессор
кафедры педагогики и образования. Доктор педагогических наук*

mndudina@yandex.ru

Аннотация: Цифровая цивилизация, стремительное распространение информационных технологий, радикально меняющих жизненное и образовательное пространство, увеличивают масштаб и глубину неопределенности настоящего и будущего, существенно влияют на идентификационные процессы личности учителя и учащихся – смысловые ориентации, осознанность выбора системы ценностей, достижение ассертивности. В этих условиях практика «заботы о себе» (своем теле, душе и духе по критериям и показателям антропологической соразмерности/несоразмерности) представляется авторам педагогически продуктивной, в том числе и для «философии для детей». Меняющаяся личность в меняющемся мире – проблема междисциплинарная, только единство наук позволяет выработать оптимальную модель модернизации системы образования.

Ключевые слова: неопределенность, трансформация идентичности личности, антропологическая соразмерность/несоразмерность, «забота о себе», избирательность, уверенность в себе, ассертивность.

Philosophy for Children: a Creative Practice of «Self-Care».
Dudina M.N.

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Department of Pedagogy and Education

Abstract: The anthropological principle of a personality-oriented model of education in conditions of uncertainty has been updated. Digital civilization, the rapid spread of information technology, radically changing living and educational space, increase the scale and depth of the uncertainty of the present and future. A pedagogically productive appeal from school years to the practice of “caring for yourself”: your body, soul and spirit according to the criteria and indicators of anthropological proportionality / disproportion. This is promising in “philosophy for children” in the context of philosophical anthropology, in the process of knowing the world and yourself in it. The rapid spread of information technology radically affects the dynamics of the identity of the teacher and students - meaningful life orientations, awareness of the choice of a value system, achievement of assertiveness as a necessary practice of “taking care of yourself”. A changing personality in a changing world - an interdisciplinary problem - orients the education system to the modernization of the goals, process, learning outcomes and education of students who are creatively developed, open to innovations, willing to use them for the benefit of man, nature and society, capable of creating new things.

Keywords: uncertainty, transformation of personality identity, anthropological proportionality / disproportionality, «self-care», selectivity, self-confidence, assertiveness.

Только ответственный - свободен, и только свободный - ответственен
(Н.А. Бердяев)

Содержание концепта «заботы о себе» трансформировалось в процессе исторического развития. Мы рассмотрим его в контексте проблемы неопределенности существования человека и человечества, понимаемой как «конец определенности» (И.Р. Пригожин) и «вызов неопределенности, сложности и разнообразия», (А.Г. Асмолов). М. Фуко, идя от античного понятия *epiteieia heautou* – заботы о себе, поставил вопрос об «эстетике существования» в контексте конкретной «культуры себя», которая подразумевает «делание» человеком самого себя с использованием соответствующих той или иной культуре техник саморазвития. Они заданы на основе существующего уровня знания/незнания в реальной практике свободы. Модус «притязательной самости» (Self, soi) – долициозной формации собирает и организует активность человека, внутри которой духовная практика предполагает заботу о себе. М. Фуко описывал определенный образ человека, осознающего свое существование в качестве собственной задачи: «Человек проявляет заботу о себе для самого себя, и именно в этом забота о

себе получает свое вознаграждение» [1]. Пространством реализации этой заботы в обществе, как правило, становится система образования. Эффективность и оптимальность этой системы во многом зависят от принятых в ней стандартов. Существующие в отечественной системе образования стандарты не отвечают, на наш взгляд этим целям. Эти стандарты подверглись резкой критике академиком А.Г. Асмоловым, обратившим внимание на социальные и гуманитарные риски системы школьного образования страны: «падение уровня мотивации детей и подростков к обучению в школе; ослабление физического и психологического здоровья школьников в результате перегрузки в школе и дома, механического зазубривания содержания слабосвязанных между собой школьных предметов; снижение работоспособности учителей и ослабление их внимания к индивидуальным интересам детей из-за возрастания различных форм контроля и отчетности; нарастание деструктивных социальных установок детей и подростков вследствие потери интереса к школьной жизни, который проявится в расширении масштаба различных форм буллинга и суицидального поведения; снижение шансов школьного образования нашей страны занять достойное место среди стран, лидирующих в сфере общего образования» [2]. По нашей оценке, имплицитно речь идет о потере названным проектом ФГОС антропологического принципа в образовании, предложенного К.Д. Ушинским, развитого Н. И. Пироговым, П. Ф. Лесгафтом. В настоящее время он требует адекватной интерпретации.

Информатизация, к сожалению, несет в себе не только возможность доступности знаний, но угрозу дегуманизации, бесчеловечности как «антиантропности» образования. В связи с этим, педагогика ставит перед собой задачу поиска критериев и показателей его антропологической соразмерности/несоразмерности. Постановка и поиск ответа на экзистенциальный вопрос: «В чем смысл человеческого существования?» непосредственно и опосредованно формирует личность в рефлексивном этическом поиске и поведенческих стратегиях. Этот вопрос сопряжен и с другими философскими вопросами – о добре и зле, любви, дружбе, счастье и т.д., составляющими по сути смысловой поиск. Именно их мы относим к критериям антропологической соразмерности воспитания человека «через всю жизнь», обеспечивающего продуктивное развитие личности, нарастание гуманности. Этим обусловлена и ценность философии для детей. Вместе с тем, восхождение к гуманности осложняется за счет других экзистенциальных векторов, таких как свобода и ответственность, враждебность, агрессивность, потеря смысла жизни, «психический мораторий», абсурд существования, утрата идентичности личности в разных возрастах (М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, А. Камю, В. Франкл, Э. Эриксон), справиться с которыми и призвана практика «заботы о себе».

Условия неопределенности влияют на развитие личности – жизнедеятельность и общение, сознание, познавательные способности, стремление постигать истину, что сопровождается пересмотром морально-этических и эстетических основ, нравственных ориентиров. Полагаем, что в ситуации нарастающей неопределенности основополагающим ориентиром антропологической соразмерности/несоразмерности является избирательность. Развитие личности всегда связано с процедурой выбора, отбора лучшего или худшего, отвечающего какому-либо назначению: «кто избирает, тот век измеряет», согласно русской поговорке, записанной В. И. Далем [4, с. 11]. Забота о себе – это и есть выбор лучшего. По мнению С.С. Хоружия: «забота о себе» как стратегия человеческого существования, охватывающая социальные и культурные измерения и «имеющая своим стержнем, ядром некоторую практику себя, так что сама она также принадлежит к разряду практик себя» [5, стр. 91]. Возникает вопрос: с какого возраста начинается практика «заботы о себе»? Ответ находим в культурно-исторической теории развития высших психических функций Л.С. Выготского. Психодидактика на него ответила его устами и опытом многочисленных последователей (Д.Б. Эльконин, В.В. Давыдов, Л.В. Занков, Г.А. Кудина, З.Н. Новлянская, Н. С. Юлина, Л.Т. Ретюнских, М.Н. Дудина, Л.А. Беляева, С.В. Борисов, Е.М. Сергейчик и др.) С ранних детских лет, если «обучение забегают вперед развития», то «ведет развитие за собой» [6, стр. 246-247], значит, надо учить заботиться о себе, понимать собственную ценность как личности, имеющей огромный потенциал развития на основе возникновения возрастных новообразований. В их числе «забота о себе», своем теле, разуме и душе. Тело дано, а сознание и душа развиваются: это и есть моя жизнь, которую творю сам, поэтому забота о себе – это забота о своей жизни от начала до конца. За меня ее никто не проживет, как и никто не ответит на многочисленные вопросы, связанные с заботой уже не только о себе, но и о других.

Исходя из данного понимания «заботы о себе», нами было проведено конкретное эмпирическое исследование самооценки студентов разного возраста. Полагая, что самооценка начинается с проявления внимания к себе и отражается в анализе своих растущих потребностей, интересов,

Коженова Л.В.

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, старший преподаватель кафедры социальной работы и права. Кандидат философских наук

CojenovaL@yandex.ru

мотивов деятельности и общения, своего интеллекта, речи (в которой «проговаривается» человек любого возраста), отражающей его мышление, его эмоции и чувства (самый правдивый язык), в целом деятельность – общение как достигаемый результат «здесь и сейчас». Адекватность самооценки проецирует новое состояние, связанное с повышением уровня притязаний к себе и другим как возможный созидательный результат. Инструментарий вбирает различные методики (в зависимости от возраста): рисунок человека, анкета определения понятия «забота о себе», самооценка в императиве «имею право!», тесты(смысложизненные ориентации; ценностные ориентации Рокича).

«Что делать?» «Зачем жить?», «Как жить?». На наш взгляд, в ответах на эти вопросы и содержится решение проблемы «заботы о себе». Как понимается студентами термин «забота о себе»? Вот что показало эмпирическое исследование студентов-гуманитариев (81 чел.). «Забота о себе» признается как личное дело каждого (42 чел.), как результат правильного самовоспитания (34 чел.), целенаправленного воспитания (22 чел.). Из предложенных определений понятия «забота о себе» большинство респондентов связывают с эгоистической направленностью – 56 чел.; с заботой о других – 22 чел.; с собственным развитием – 20 чел. Конкретные факты: «забота о себе» начинается с «критики себя» – 47 чел., «с вопрошания о себе» – 29, с «делания себя» – 22 чел. Направленность «заботы о себе»: на свой разум – 48 чел., на свое тело – 29, на свою душу – 21 чел.

Итак, Я- концепция личности субъектов образования становится основной в познании мира и себя, самоценным инструментом, позволяющим расширять контекст, в котором растущий и взрослеющий человек находит смыслы своей субъективности в «заботе о себе». Благодаря пониманию и переживанию в образовательном процессе и в жизни формируется субъективность ассертивного человека, уверенного в себе [9], реального и необходимого в ситуации нарастающей свободы и ответственности.

Литература:

1. Фуко М. Забота о себе. История сексуальности. Т. 3 / Пер. с фр. Т.Н. Титовой и О.И. Хомы под общ. Ред. А.Б. Мокроусова. Киев: Дух и Литература, 1998. 288 с.
2. Асмолов А.Г. Письмо президенту Российской Федерации о стандартах образования. // Психологическая газета 12 декабря 2019 г. Режим доступа: <http://www.psy.su/7787/>.
3. Антропологическая соразмерность: материалы Всерос. науч. конф. Казань: Изд-во Казан. гос. технол. ун-та, 2009. 297 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого русского языка: в 4 т. Т. II. М.: Русский язык, 1979.
5. Хоружий С.С. Античная забота о себе и практика исихазма: компаративный анализ (заметки на полях «Герменевтики субъекта» Фуко) // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 89–102.
6. Выготский Л.С. Мышление и речь. // Собр. соч.: в 6 т. М. «Педагогика», 1982. Т. 2.
7. Бердяев Н.А. Философия свободы Харьков «ФОЛИО», Москва «АСТ», 2002. – 733 с.
8. Дудина М.Н. Философская пропедевтика, Или философии все возрасты покорны. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 426 с.
9. Дудина М.Н. Ассертивное поведение в этико-педагогическом дискурсе // Известия Уральского федерального университета. Серия №1 Проблемы образования, науки и культуры. 2014. № 4 (132). С. 163-170.
10. «Забота о себе» как образовательная практика современного классического университета: сб. статей и материалов Междунар. науч. конф. (24–25 ноября 2017 г.) / отв. ред. Г. И. Петрова. Томск: Изд-во Томск. ун-та., 2018. 306 с.

Modern education in the context of the philosophy of connectivism.

Kozhenova L.V.

St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design, Department Social Work and Law

Annotation. The article discusses the problems of the methodology of modern education, which are expressed in the discrepancy between the forms and methods of the modern educational process to the educational request of the information society. The philosophical conception of the connectivity of George Simmenson is presented as an actual philosophy of education. In the context of this concept, forms of online education and offline education are shown. The possibilities by means of these organizational educational forms are indicated for creating skills relevant to life in a developing network space such as group work, ranking information according to the degree of novelty and significance, the possibility of creative interpretation, creating a graphic or artistic image, developing the ability of self-esteem according to jointly developed and agreed upon in group of criteria, the formation of communicative and collaborative skills, creativity, critical thinking, orientation on self-realization and productive action in a networked society.

Keywords: education, online learning, offline learning, philosophy, connectivity, communication, creativity, critical thinking.

Каждая историческая эпоха создает типы обществ, в которых обретают свои особенные социальные формы политические доминанты, экономические приоритеты, культурные и образовательные идеи. Система образования организует свою внутреннюю структуру по образу форм и смыслов современного для нее общественного уклада, аккумулируя способы и тенденции функционирования и развития социума. Вместе с тем, то знание, которым образование питает подрастающее поколение призвано выводить это поколение за пределы современной ему социальной реальности. Знание «образовывает» тех, кто будет использовать воспринятые научные истины не сегодня, но завтра. Таким образом, важно стремиться организовать и наполнить образовательный процесс в соответствии с запросом завтрашнего дня.

В стремительно изменяющихся современных реалиях и коннотациях, практиках и интенциях повседневности и науки эта задача кажется все более трудновыполнимой. Еще вчера актуальное знание сегодня беспрецедентно устареваает. Так классический контекст образования, дающий незыблемую основу для постановки целей и движения к вершинам научных, социальных или личностных

конструктов, стал архаично-непродуктивным. Неклассическое образование, которое расчленило объект образовательного воздействия и представило его разнообразием субъектов с индивидуальными психо-культурными особенностями, способностями, целеполаганием, видением собственной образовательной траектории, также оказывается трудно применимым сегодня. Гуманистическая основа неклассического понимания процесса образования привлекает наше внимание и обуславливает попытки реализовать его принципы в современных учебных реалиях, но ускорение всех процессов современной действительности лишает достаточной временной составляющей необходимую скрупулёзную разработку, реализацию и оценку индивидуализированных образовательных проектов. Итак, классические и неклассические формы осуществления процесса образования не располагают возможностями осуществить актуальное образование.

Внимание к данным историческим форматам образования является не только желанием окунуть ретроспективным взглядом аутентичные своему времени образовательные контенты, оно обусловлено актуальностью их интегративной перспективы, а именно реализации индивидуализированного образования в процессе коллективного взаимодействия и для коллективного взаимодействия. Авторы доклада «Образование для сложного общества» утверждают, что «уже осознана потребность, и на наших глазах рождается образовательный подход другого типа – «образование коллективности», в котором учат не отдельных людей, а команды, организации и сообщества». Но сегодня, считает профессор австралийского университета Маккурори Янг Шерман, школы и университеты, все еще, по большей части учат «для прошлого» [1]. Обучение классической триаде письму, чтению и счету «лежит во главе угла» современного образования, хотя мы способны считать с помощью интегральных матриц и наслаждаться чтением высокой литературы. Подобную проблему в российской высшей школе анализирует старший преподаватель МГИМО А.В. Бровкин, он пишет, что «значительное число исследований, связанных с повышением качества высшего образования, излишне консервативны и проведены с упором на разработку государственных стандартов, учебных программ и методических комплексов, основанных на устаревших подходах, без учета запросов быстро меняющейся внешней среды» [2, С.3]. Очевидно, подчеркивает А.В. Бровкин, что студентов готовят к будущему «старыми методами».

Цифровые технологии сегодня привели к формированию совершенно новой экосистемы, считает Янг Шерман, и потому, как и многие современные мыслители, он утверждает, что «нам необходима новая образовательная экосистема, которая не сосредоточена на достижении «знания вещей», а вместо этого развивает навыки решения проблем путем установления связей и сотрудничества». Необходим образовательный процесс, который будет развивать способность у субъекта образования решать проблемы, т.е. способствовать развитию творческой, креативной составляющей, но не в изолированном, идеалистическом пространстве в заданный отрезок времени. Напротив, критерием актуальности «образовательной экосистемы» выступает способность устанавливать связи, коммуницировать, коллаборировать, критически оценивать условия, процесс и результат, быть источником креативных идей.

В данном контексте важно обратить внимание не на распространенный сегодня формат онлайн-образования, который, несмотря на очевидное его достоинство – возможность прослушать лекционный курс самых харизматичных лекторов и самых ярких представителей науки, продолжает оставаться парадигмально классическим, декларативным, формирующим навык пассивного слушания. Но важно обратиться к онлайн-обучению (как и офлайн-обучению), которое формирует навыки сетевого взаимодействия, поскольку «сложное общество» с интенцией и стремительным движением ко все большему самоусложнению, требует развития способности жить и творить в условиях синергетической нестабильности – постоянных и незапланированных, а часто, и непредсказуемых изменений.

Философская концепция коннективизма Джоржа Сименсона показывает развитие образовательного процесса в контексте идеи информационной сети [3]. Суть сети и сетевых процессов наглядно представили через понятие «ризомы» Жиль Делез и Феликс Гваттари. «Ризома» – это образ открытой системы, принципом развития которой является выстраивание связей между любыми произвольными точками данной системы, в отличие от иерархических систем [4]. Учебный процесс, основанный на такой образовательной парадигме, в большей степени будет соответствовать социальному запросу сегодняшнего дня, поскольку в таком образовательном пространстве формируются обозначенные выше «качества четырех «k»».

Методические приемы и формы, через которые реализуется сетевое онлайн-образование, перечисляет Янг Шерман: «Такие курсы обычно включают следующие элементы: короткие видеоуроки известных профессоров; опросы с автоматической оценкой; задания, выполнение которых оценивают другие учащиеся; открытые дискуссионные форумы, которые частично модеруются ассистентами

профессора; набор вспомогательных ресурсов в форме дополнительных материалов для чтения, мультимедийных ресурсов и ссылок; определенную форму сертификации после успешного выполнения заданий; средства аналитики учебного процесса, позволяющие преподавателям предлагать поддержку отстающим или изменять свои курсы на основе данных о вовлеченности пользователей» [1, С.28]. Таким образом, к обучению применяется сетевой подход, где автономные учащиеся вступают во взаимодействие через открытые социальные сети. В процессе осуществления взаимных действий по различным образовательным направлениям, каждый из участников через коллаборические связи вносит свою лепту в образование каждого.

Ризомный принцип для пространства офлайн-образования осуществим в практике позиционной модели обучения. Один из основателей метода позиционного обучения профессор МПГУ Н.Е. Веракса описал данную образовательную модель на основе культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, теории деятельности А.Н. Леонтьева и др. Он пишет: «Снятие отчужденности между изучаемым предметом и личностью студента может быть достигнуто построением нескольких самостоятельных пространств: пространства студента в содержании предмета, пространства предмета в субъективном пространстве смыслов студента, и совместного пространства преподавателя и студентов <...> Вводя термин «пространство», мы подчеркиваем, что позиция, которую занимает или может занимать студент, характеризуется субстанциональной определенностью. Другими словами, всякая позиция есть не просто отношение, а обязательно отношение к чему-то. Тем самым позиция выступает как место, в котором в результате разрешения противоречия между субъектом и объектом порождается предметное содержание» [4, С.124].

Технология образовательного позиционного процесса реализуется через четыре основных этапа: подготовительный, организационный, позиционное чтение или обсуждение, презентация своей позиции и ее «защита». Возможны различные модификации технологических этапов: найти и подобрать материал по теме занятия, затем обсудить и оценить по предложенным параметрам, самостоятельно разработать задания для проверки темы. Таким образом, задачами позиционного обучения являются: конкретно-познавательная задача, связанная с решением конкретной учебной проблемы; коммуникативно-развивающая, формирующая навыки общения внутри и за пределами группы; социально-ориентированная, направленная на адекватную социализацию индивида в обществе. Для решения задач формулируются самые различные позиции, с точки зрения которых, нужно приступить к знакомству или решению поставленной проблемы. Вот некоторые из таких позиций: «тезис», «понятие», «апологет», «схема», «оппозиция», «ассоциация», «символ», «поэзия», «вопрос», «эксперт», «прогноз» и т.д. Например, работа группы, которая рассматривает вопрос с позиции «тезис», направлена на то, чтобы выделить, обобщить и тезисно сформулировать основные идеи рассматриваемого вопроса.

Такое обучение направлено на формирование обобщенных знаний, умений работать в группе, ранжировать информацию по степени новизны и значимости, творчески интерпретировать, графически оформлять материал, содержит возможность совершить переход от взаимного оценивания к полной самооценке по совместно разработанным и согласованным критериям. В результате появляется реальная возможность для интеграции различных дисциплин, формируется направленность на самореализацию, приобретаются навыки для продуктивного действия в сетевом обществе.

По мысли Д. Сименса, прелесть сетей в простоте их устройства. Сеть требует наличия только двух элемента – узлов и соединений. Один из принципов коннективизма констатирует, что «способность расширяться важнее накопленного», поскольку, способность узнавать новое – это возможность получить еще больше накопленных знаний. Для этого нужно просто присоединить еще один узел к знаниевой сети.

Литература:

- Шерман Янг От «подрыва» к инновациям // Вопросы образования. 2018. № 4. С. 21-43.
 Гуреева Л. В., Козьмина Н. А. Коннективистская теория обучения // Молодой ученый. 2014. №6. С. 695-697.
 Бровкин А.В. Проблемы современной российской системы высшего образования и пути их решения в интересах всех участников образовательного процесса: часть 1 // Современное образование. 2018. №1. С.1-10.
 Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.
 Веракса Н.Е. Модель позиционного обучения студентов. // Вопросы психологии. 1994. №3. С.122-129.

Философия для детей как путь гуманной педагогики

Кокшарова С.Л.

Армавирский Государственный Педагогический Университет, аспирант; МДОУ центр развития ребенка – детский сад №41, г. Сочи, старший воспитатель; Детский центр «Развитие», учредитель, директор, педагог

Sve19762006@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам преподавания философских курсов детям. Автор приводит аргументы о необходимости введения курса философии в общеобразовательные организации, начиная со старшего дошкольного возраста. В статье проведен обзор пяти программ по философии, которые на рубеже 20 и 21 столетий были предложены учеными и педагогами России, Ближнего Зарубежья и США для организации педагогической работы с детьми. Были рассмотрены курсы «Основы религиозных культур и светской этики», «Философия для детей» М.А. Андрианова, «Философия для детей» Л.Т. Ретюнских, «Философия для детей» М. Липмана, а также теория гуманно-личностной педагогики Ш. Амонашвили, которая реализуется через практический курс «Школа жизни». Предлагаемый материал может быть полезен руководителям общеобразовательных организаций, педагогам, аспирантам и магистрантам.

Ключевые слова: феномены детства, философия для детей, гуманно-личностная педагогика, мировоззренческое знание.

Philosophy for Children as a Way of Humane Pedagogy. Koksharova S. L.

Armavir State Pedagogical University; MDOU child development center - kindergarten No. 41, Sochi; Center for Children "Razvitie".

Abstract. The article is devoted to the issues of teaching philosophical courses to children. The author gives arguments about the need to introduce a philosophy course in general education organizations, starting from the senior preschool age. The article provides an overview of five programs in philosophy, which at the turn of the 20th and 21st centuries were proposed by scientists and teachers of Russia, the Near Abroad and the USA to organize pedagogical work with children. The courses "Fundamentals of Religious Cultures and Secular Ethics", "Philosophy for Children" by M. A. Andrianov, "Philosophy for Children" by L. T. Retunskikh, "Philosophy for Children" by M. Lipman, as well as the theory of humane-personal pedagogy were considered Sh. Amonashvili, which is implemented through the practical course "School of Life". The proposed material may be useful to the leaders of educational institutions, teachers, graduate students and undergraduates.

Keywords: childhood phenomena, philosophy for children, humane-personal pedagogy, worldview knowledge.

Информационная революция 21 века порождает новые феномены детства. Современные дети растут в атмосфере поликультурности: обилие ценностных установок задает высокие требования к подрастающему поколению – способность переключаться, быть гибким, уметь различать скрытые связи. Не каждый ребенок, а тем более подросток, способен успешно ориентироваться в ошеломляющем информационном потоке.

Одним из новых феноменов детства является феномен растерянности. Ребенок не имеет целевых ориентиров собственной жизни в отсутствии хоть каких-то минимальных рамок «что такое хорошо и что такое плохо». Он не чувствует опоры своей жизни, не видит «света в конце тоннеля», не знает, куда ему идти и зачем.

Феномен хамелеона – еще одно «новшество» современного детства. О феномене хамелеона обычно говорят в контексте политических потрясений, однако, мы считаем, что в данный момент

это применительно и к детству. Феномен хамелеона – особый тип адаптации, основывающийся на специфической, редуцированной идентичности [1, С.13]. «Дети-хамелеоны» хорошо знакомы многим педагогам и родителям. Ради собственных интересов они способны притвориться кем угодно, кого хочет увидеть в данный момент взрослый, от которого они зависимы. Но стоит удовлетворить интересы такого ребенка, стать нейтральным по отношению к его потребностям, как он покажет свое истинное лицо, которое часто пугает даже опытных педагогов.

Ускорение темпа жизни, увеличение интенсивности труда и продолжительности рабочего дня родителей, которым некогда выделить время на простое общение приводит к эмоциональной бедности в семье: всё сводится к требованию выучить уроки, прибраться в комнате и прочую суету, для родителей главное, чтобы учился хорошо в школе и «был удобен в быту»: не надоедал играми, не шумел, не давал повода волноваться. Такая семейная формализация приводит к дефициту витальности.

Феномен снижения возрастной планки депрессий является непосредственным результатом скудности семейного общения. Детские и подростковые самоубийства, уход в виртуальную реальность, влекущую за собой нарушения психики и смертельную опасность. Суицидальные онлайн игры, зависимость от социальных сетей, употребление в детском и подростковом возрасте веществ, изменяющих сознание – всё это следствие ощущения ненужности, неприятия, «холодности» родителей.

Увлеченность взрослых добыванием материальных благ, достижением вождельного материального благополучия приводит к появлению нового феномена – феномена «укутанности в вату». У родителей нет четко транслируемых ожиданий от детей, только желания им благополучия [1, С.16]. Ограждение ребенка от любых усилий и напряжений – гиперопека. В результате чего у ребенка отсутствует воля, желание добиваться результатов. В дальнейшем это грозит появлением озлобленности, зависти, склонности обвинять всех вокруг в собственном неуспехе. Вместо того, чтобы «встать и пойти», подросток-взрослый «ребенок» сидит на диване, ругая всех вокруг.

Таким образом, изменения в семейном воспитании, вызванные современными экономическими и информационными изменениями, приводят к появлению тревожных феноменов детства:

- нежелание детей взрослеть;
- изменение ролей в семье: дети становятся учителями родителей;
- появление двойных стандартов в семье;
- отсутствие в жизни ребенка уважаемого авторитетного взрослого (порождение вседозволенности);
- появление феномена буллинга – травли слабых, отличных от общей массы, детей в образовательных организациях и детских коллективах.

Выход в создавшейся тревожной ситуации мы видим в повышении сознательности ребенка. Философские программы для детей, начиная со старшего дошкольного возраста, при условии ненавязчивого, мягкого введения в образовательные программы, являются, на наш взгляд, мощным инструментом «сбережения» детства.

В 2000-х годах в России поэтапно ввели программу философско-религиозной направленности, которая к 2012 году получила витиеватое название: «Основы религиозных культур и светской этики», сокращенно – ОРКСЭ. Родителям предлагалось на выбор 6 модулей программы:

- 1) основы православной культуры;
- 2) основы исламской культуры;
- 3) основы иудейской культуры;
- 4) основы буддийской культуры;
- 5) основы мировых религиозных культур;
- 6) основы светской этики.

Однако, по нашему мнению, опыт внедрения ОРКСЭ в образование неудачен в силу отрывочности его преподавания: повсеместно ОРКСЭ преподают только в 4 классе начальной школе, попытки продолжить обучение в средней и старшей школе были провалены и не получили широкого распространения. Кроме этого, существовали и продолжают существовать определенные проблемы педагогических кадров: предмет религиозной направленности обязали вести учителей начальных классов или гуманитариев – историков и литературоведов. Именно эти «обязательства» наложили свой отпечаток на качество подачи сложного и многозначного предмета: для передачи мировоззренческих знаний очень важно понимание и проживание педагогом философского материала. Кроме этого,

значительная часть педагогической и родительской общественности встретила с настороженностью и неодобрением курс ОРКСЭ. Результатом этого стал формальный характер преподавания в школе.

Попытки привнести философское знание в мир детей продолжались. Профессор Л. Т. Ретюнских строит свой курс философии для детей на работе с литературными текстами. В этом намерении она идет путем основоположника детской философии в мире Мэтью Липмана, который определяет философию, как предмет, требующий проживания и осмысливания, а не заучивания и внушения стереотипов [2, С.17].

Цель курса философии для детей Л.Т. Ретюнских – научить ребенка мыслить, а не заучивать, высказывать свое мнение, а не повторять за педагогом чужие умозаключения, находить собственные ценности, а не присваивать готовые. Курс рассчитан на старший дошкольный возраст: уже в таком раннем возрасте ребенок способен осмыслить специально подобранный литературный текст. При этом очень высокие требования предъявляются к самим текстам: ребенок встречается с лучшими образцами детской мировой литературы.

Учитывая ошибки государства при введении курса ОРКСЭ в школы, Л.Т. Ретюнских предлагает специально готовить учителей для работы с философскими предметами для того, чтобы педагоги могли овладеть базовыми философскими знаниями, умением задавать философские вопросы, вести беседу [3, С.42-43].

М.А. Андрианов, автор многочисленных книг для родителей по философии, предлагает семейную форму философского воспитания: в беседах родителей с ребенком, построенных определенным образом, согласно рекомендациям, предложенным в книге. На наш взгляд, такая форма подачи имеет определенные преимущества, а именно участие родителей в совместном с ребенком овладении философским знанием [4].

М.А. Андрианов является приверженцем теории гуманно-личностной педагогики, основоположником которой является Ш. Амонашвили, чья теория гуманно-личностной педагогики строится на аксиоматических началах. По Амонашвили, школа – лестница к Любви и Свету, урок – поиск собственной миссии, а учитель – носитель Света, т.е. знания [5, С.58]. Ярко выраженная религиозность «Школы жизни», практической формы реализации теории, затрудняет широкое внедрение гуманно-личностной педагогики в общеобразовательную практику. Международный Центр Гуманной Педагогики, возглавляемый Ш. Амонашвили, проводит регулярно обучающие мероприятия для учителей, педагогов дошкольного образования и родителей.

В заключение, хотим отметить, что несмотря на недостаточно широкое распространение программ по философии для детей дошкольного и школьного возраста, а также провал реализации государственного курса ОРКСЭ, ситуация всё же меняется: всё большее количество общеобразовательных организаций, сталкиваясь с последствиями современных феноменов детства, принимают деятельные решения о введении мировоззренческих курсов в свои образовательные программы.

Литература:

1. Кривцова С.В. Существенные признаки современного мира и новые феномены детства // Академический вестник, 2011, №3. С. 13-16.
2. Lipman M. Philosophy for children // Metaphilosophy. 1976.
3. Ретюнских Л.Т. «Философия для детей» в России и Америке // Вестник РФО. М.: 2004. 3(31). С. 42-43.
4. Андрианов М.А. Философия для детей (в сказках и рассказах) пособие по воспитанию в семье и школе, Минск, «Современное слово». 2003. 280 с.
5. Амонашвили Ш.А. Основы гуманной педагогики. В 20 кн. Кн. 6. Часть 3. Педагогическая симфония. Единство цели. 2013. 304 с.

«Простая» и «трудная» проблемы ценностей в P4C

Конопляник А.А.

The Philosophy Foundation (Великобритания), философ-фасилитатор Школа Лето́во; Лицей РАНХиГС, преподаватель философии

alexandra.konoplyanik@gmail.com

Авдиева А.В.

Детский Философский Клуб (Москва), основатель и руководитель Школа Лето́во; Лицей РАНХиГС, преподаватель философии

avdieva.anastasia@gmail.com

Аннотация. Философия для детей (P4C) обычно позиционирует себя как ценностно-нейтральную практику. Однако желательна и возможна ли это? Мы предлагаем выделять два уровня проблематики: “простая проблема” (Следует ли P4C прививать детям хотя бы какие-то ценности в явной форме или стремиться оставаться подчеркнута ценностно-нейтральной практикой?) и “трудная проблема” (Возможно ли в принципе заниматься P4C с позиции ценностного нейтралитета? Где в P4C скрываются неявные ценностные установки и что с этим делать?). Для анализа “трудной проблемы” мы предлагаем использовать аналогию с вопросом явных и неявных ценностей в науке. Мы считаем, что ответственный подход к работе P4C должен включать в себя выведение из тени неявных ценностных установок и принятие осознанных решений об их допустимости в рамках практики.

Ключевые слова: P4C, философия для детей, философия - детям, ценности, простая проблема ценностей, трудная проблема ценностей, явные и неявные ценности.

The easy problem and the hard problem of values in P4C.

Konoplyanik A.A.; Avdieva A.V.

The Philosophy Foundation (UK), Letovo school, RANEPa Lyceum; Children's Philosophy Club (Moscow), Letovo school, RANEPa Lyceum

Abstract. Philosophy for children (P4C) typically positions itself as value-neutral. But is this desirable and even possible? We propose to look at this question at two distinct levels: “the easy problem” (Should P4C promote at least some values explicitly or aim to remain as value-neutral as possible?) and “the hard problem” (Is value neutrality at all possible in P4C? Where are the implicit values hiding and what can be done about that?) For the analysis of “the hard problem” we propose to use the analogy of explicit and implicit values in science. We believe that a responsible approach to P4C should include the explicitation of implicit values and taking reflective decisions on the permissibility of the specific values within the practice.

Key words: P4C, philosophy for children, philosophy with children, values, the easy problem of values, the hard problem of values, explicit and implicit values.

Философия для детей (P4C) обычно позиционирует себя как ценностно-нейтральную практику. Однако здесь возникают вопросы: 1. Возможно ли это? и 2. Нужно ли это? В вопросе о ценностях в контексте философии для детей как практики (P4C) можно выделить два фундаментальных уровня проблематики, назовем их – «простая проблема» и «трудная проблема»

1) “Простая проблема” это проблема ценности самого нейтралитета для философии для детей. Что именно мы как практики P4C делаем в своей работе с детьми? Передаем ценности, прививаем определенные добродетели или только проблематизируем их? Т.е. целенаправленно воспитываем или только создаем благоприятную среду для развития, в которой детям прививается привычка критически осмысливать предлагаемые их окружением, социумом ценности, где в итоге выбор того, что ценно – за ними?

Типичные аргументы в пользу позиции заявленного нейтралитета звучат примерно так: а) Мы не можем быть уверены, какие качества и ценности будут оправданы и полезны в будущем. б) Детям нужно учиться общаться с людьми, не разделяющими их ценности (важно для функционирования демократического общества). с) Если ребенок пришел к какому-то выводу самостоятельно, в процессе

дискуссии, то он с большей вероятностью будет исходить из этой позиции в своих реальных действиях, чем если ему ее навязали. Свободный ценностный выбор в принципе лучше, чем авторитарно навязанный ценностный выбор. (Э. Уорли, с.15-18)

Пример современного аргумента против нейтралитета: Предположение, что ребенок (и будущий взрослый) в своем поведении будет опираться на моральные выводы, к которым он пришел рационально в ходе обсуждения в классе, не учитывает степень иррациональности человеческой природы и важность нашего условного бессознательного (в терминологии Д. Хайдта - “слон” vs “погонщик”) в формировании нашего поведения. Идея возможности свободного ценностного выбора и опоры только на рациональное начало в человеке - опасный пережиток Эпохи просвещения. (Д. Хайдт, с.163-165). Можно продолжить приводить аргументы «про» и «контро». Однако, на наш взгляд, приведенных аргументов вполне достаточно, чтобы сделать вывод о неоднозначности тезиса о ценности самого нейтралитета в философии для детей.

2) “Трудная проблема” **может быть сформулирована следующим образом:** возможно ли в принципе заниматься Р4С с позиции полного ценностного нейтралитета и что с этим делать?

Стандартная практика Р4С подразумевает ценностный нейтралитет философа-фасилитатора, за исключением процессуальных ценностей, необходимых для организации совместного исследовательского процесса, а также базовых интеллектуальных ценностей (логичность, непротиворечивость, аргументированность). На практике это означает, что социально-нравственные ценности, такие как свобода, справедливость, равенство и т.д. могут критически рассматриваться (проблематизироваться), с открытым исходом в рамках каждой конкретной сессии Р4С.

Однако ценности в практике Р4С в неявной форме пронизывают саму практику, составляют ее сущность. Поиск истины – фундаментальная подразумеваемая ценность-цель Р4С. Впрочем, ее можно соотнести с ранее обозначенными интеллектуальными ценностями. Напомним, что каждая сессия в Р4С начинается с выбора объекта обсуждения, который может быть предложен группой, либо задан модератором. Выбор объекта для каждого конкретного обсуждения имеет ценностный характер, это – еще один неявный способ привести ценности, указывая своим выбором на то, что важно.

Итак, можно ли заниматься Р4С с позиции полного ценностного нейтралитета? Несмотря на доминирующее в среде Р4С представление, что ответ - “да”, предлагаем свой ответ: «полный ценностный нейтралитет невозможен».

Предлагаемая аналогия: Явные и неявные ценности в науке. (А. Александрова, с.6-8)

Используя эту аналогию, можно предположить, что ценности в неявной форме прячутся в Р4С, как минимум, в следующих формах:

о Ценности как причины для занятия Р4С в целом

Примеры:

- “Морализаторство – плохо, критическое мышление – хорошо, поэтому Р4С как практика, обучающая критическому мышлению – это нужно”.
- Истина как самоценность vs истина как инструментальная ценность для лучшей жизни (ради чего Р4С помогает приблизиться к истине).

о Ценности-цели: то, что мы решаем обсуждать. Что важно?

Примеры:

- Выбор объекта/темы для каждого конкретного обсуждения (свобода, справедливость, счастье, экологические проблемы...).

о Ценности как этические процедурные ограничения (или сознательное отсутствие таковых)

Примеры:

- Говорим, только когда дают слово?
- Обсуждаем только идеи или также характеристики и личные качества участников?
- Позволяем участникам ссылаться на свой жизненный опыт или только на абстрактные аргументы?
- Считаем ли, что в Р4С нет неправильных ответов?
- Фасилитатор и участники – равносильные субъекты исследования или фасилитатор – субъект, участники – объекты?

- Должен ли фасилитатор применять к себе такие же строгие интеллектуальные требования, как и к участникам? Например, допустимо ли использование манипулятивных риторических приемов в “образовательных” целях? (Привлечение внимания, провокация, проверка и т.п.).

Тот или иной ответ на эти вопросы, чрезвычайно важные для организации занятий в парадигме Р4С, будет означать выбор ценностей. Следовательно, фасилитатор уже не нейтрален. То же можно сказать о всех ниже приведенных вопросах.

о Ценности как арбитры неопределенности, когда одной логики недостаточно

Примеры:

- Если аргументы в пользу противоположных позиций одинаково сильны, будет ли апелляция к ценностям приниматься как дополнительный/решающий аргумент или же ценность нейтральности predetermined оставление вопроса открытым? (пример: этические дилеммы).

о Ценности как определители стандартов подтверждения (достаточности аргументации)

Примеры:

- Индуктивный аргумент какой силы будет приниматься как достаточный?
- Будет ли апелляция к вере приниматься как аргумент?

о Ценности как источник индивидуальных когнитивных искажений и намеренного манипулирования (психологический фактор)

Примеры:

- Фасилитатор, имеющий личную тягу к доминированию или садистские наклонности, может незаметно для себя делать выбор в пользу уничижающей критичности и категоричности, а не в пользу принципа благотворительности (интерпретация предлагаемых аргументов в их самой сильной версии)
- И наоборот, более мягкий, а также творческий по своей природе фасилитатор может чрезмерно поощрять генерирование даже слабых и отвлеченных идей и в недостаточной степени уделять время критическому осмыслению аргументов

Если подобные ценности не выявляются в обязательном порядке, то каждый фасилитатор Р4С отвечает себе на эти вопросы самостоятельно, в основном в неявной форме. Отсюда разница в важных аспектах практики между некоторыми организациями/ философами.

Что делать?

На наш взгляд, целесообразно, продолжая ту же аналогию, использовать три правила процедурной объективности для научного процесса (А.Александрова, с.17-19):

о Выявить неявные задействованные ценности в методике

Пример:

- Профессиональным объединениям составить, утвердить и распространить чек-листы явных и неявных типов ценностей (пример возможной типологии приведен выше) для философов Р4С. Сделать публикацию ответов на эти чек-листы “лучшей практикой” или даже обязательным требованием для каждой организации-участника (включая независимых философов Р4С).

о Проверить, влияет ли разница в неявных задействованных ценностях на искомые образовательные результаты

Пример:

- Определиться, какие возможные ответы дисквалифицируют философа/организацию от участия в конкретных профессиональных ассоциациях Р4С, а какие – допустимая вариация, и сделать эту информацию публичной.

о Обсудить с задействованными сторонами

Пример:

- Регулярные обсуждения всего вышеперечисленного в рамках профессиональных ассоциаций и конференций, а также через открытые публикации.

Подведем итог нашему рассуждению в терминах диалектического мышления.

Диалектика “простой” проблемы:

Тезис:

Надо воспитывать/учить заданным ценностям. Доминирующая ценностная ориентировка – социальная гармония. Фокус на обязанности. (Образование на протяжении большей части человеческой истории, “патриотическое” воспитание в России сегодня).

Возможное опасное следствие: стереотипное мышление, подверженность манипулированию, догматизм.

Антитезис:

Надо учить думать и выбирать ценности самостоятельно, независимо. Доминирующая ценностная ориентировка – свобода личности. Фокус на права. (Западное либеральное образование сегодня. P4C в тренде (P4C как критическое мышление)).

Возможное опасное следствие: вседозволенность, непонимание связи свободы и ответственности.

Синтез:

Надо предлагать ценности к обсуждению, рассказывать и демонстрировать, почему важно (здесь допустимо присутствие личности философа-фасилитатора, обоснование и демонстрация его ценностного выбора), а также открывать для критического, многофокусного, междисциплинарного осмысления. В дополнение необходимо давать пространство для обсуждения вопросов/ ценностей, предлагаемых самими участниками (детьми). Прививать мысль: Выбор = ответственность! Учитывать инсайты из психологии: интернализация = теория + практика + обратная связь. Ценностная установка: осмысленный выбор + ответственность за его последствия. Баланс прав и обязанностей стороны социального контракта. (Куда постепенно движется прогрессивное образование. P4C необязательно брать на себя ответственность за весь объем работ (можно оставить фокус на поиске истины), но важно осмыслить и ответственно выполнять свою роль, а также понимать, что эта роль – не исчерпывающая).

Диалектика “трудной” проблемы:

Тезис:

P4C ценностно-нейтрален (доминирующая позиция P4C сегодня).

Возможное опасное следствие: Ребенок выходит с занятия с идеей, что “торговать людьми – нормально” (реальный пример из практики авторов). Полное отсутствие опор, ориентиров неблагоприятно для незрелой детской психики.

Антитезис:

В любой образовательной практике, включая P4C, всегда будут присутствовать как минимум неявные ценностные установки (предлагаем к осмыслению как “трудную проблему”).

Возможное опасное следствие: Некоторые организации и практики P4C могут в неявной форме транслировать идиосинкратические ценности, противоречащие общему подразумеваемому/ заявляемому этосу P4C.

Синтез:

“Процедурная объективность” (по аналогии с ценностями в науке – см. выше) – возможный путь решения. Практическая задача для сообщества P4C. Тем более, что P4C уже (в идеале) следует духу процедурной объективности при обсуждении конкретных вопросов в рамках каждой сессии.

Таким образом, представляется обоснованным положение о невозможности полной нейтральности в P4C.

Литература:

1. Worley E. Character Education and the Problems of Morality // The Future of Education. The Essay Collection. Institute for Public Policy Research. 2019. P.15-18.
2. Haidt J. The Happiness Hypothesis: Putting Ancient Wisdom and Philosophy to the Test of Modern Science. Cornerstone Digital. 2015. P.163-165.
3. Alexandrova A. Can the Science of Well-Being Be Objective? // The British Journal for the Philosophy of Science. 2016. P.1–25.

Детство, игра и философия

Ретюньских Л.Т.

МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры философии естественных факультетов. Доктор философских наук

larisa@phil4chil.ru

Аннотация: Статья исследует изменение понимания детства в психологической, педагогической и философской традиции, фиксируя возможность анализа его в экзистенциальной парадигме. Это позволяет отказаться от пропедевтической концепции и определить детство как совокупное единство ментальных характеристик. Автор утверждает, что важнейшими составляющими детства являются игра и философия, что создает возможность организации специальных занятий с детьми и создания курсов философии для детей.

Ключевые слова: философия детям, игра, детство, экзистенциальная парадигма.

Childhood, play and philosophy. Retunskikh L.T.

Lomonosov Moscow State University

Abstract: The article tells us about changing of childhood's understanding in the psychology, pedagogy and philosophy. The author claims the possibility of analyzing it by existential paradigm. This allows us to define childhood as the unity of mental characteristics. Play and philosophy are very important components of childhood, which creates the possibility of organizing special classes with children and creating philosophy courses for children.

Keywords: philosophy for children, play, childhood, existential paradigm.

Что такое детство? Именно этот вопрос задают себе исследователи, занятые поиском базовых составляющих человеческого бытия. Дэвид Кеннеди [2] стремится описать взгляд на детство, сложившийся в современной культуре, фиксируя изменение смыслов трактовки детского и детства в культуре и философии. Он отмечает, что со времен Аристотеля мало что изменилось в понимании детства как в науках, так и в обыденном опыте. Большинство взрослых, полагает он, до сих пор относятся к детству как к ненастоящему периоду в жизни, подготовительному.

Современная психология отказалась от взгляда на детство как некую пропедевтику взрослой жизни. По мнению Зеньковского: “Личность ребенка есть живое и органическое единство, основа которого лежит во внеэмпирической сфере; от первых дней его жизни личность уже окрашена чем-то индивидуальным...”[6, с 312].

С этим вряд ли будут спорить как биологи, так и философы. Каждый человек обладает сугубо индивидуальным набором генов и множеством надбиологических маркеров индивидуальности. Дает ли наличие этих признаков право ребенку считаться полноценным человеком? И да, и нет. До физиологического созревания он еще не может претендовать на способность самовоспроизводства, это делает его «недочеловеком», т.е. особью вида Homo Sapiens, не достигшей полноты своих функциональных возможностей. До социальной зрелости (завершение образования, приобретения специальных профессиональных навыков и т.п.) не позволяет ребенку занять собственное место в системе общественных отношений. Однако, если с физиологическим созреванием все более или менее ясно, существуют объективные критерии его достижения, то социальная зрелость – понятие весьма размытое, с чрезвычайно подвижными границами, часто не имеющими количественных критериев (15-18-21 год и т.п.).

Поэтому понимание специфики детства с признанием или непризнанием за ребенком права на антропологическую «полноценность» будет целиком зависеть от субъективных критериев, которые мы положим в основу его определения. Я выбираю для себя экзистенциальный подход, который позволяет говорить о существовании субъекта в границах здесь-бытия через совокупность и подлинность своих переживаний, соединяемых в экзистенции, т.е. базовые, смыслообразующие психоэмоциональные состояния.

Ребенок живет, чувствует, страдает, размышляет, а не готовится жить, любить, страдать. Он не

знает традиции, а постоянно созидает мир: творит язык (мало кто не восхищался способностью детей осваивающих языковое общение выражать свои мысли и потребности в совершенно неповторимых словах и выражениях); выстраивает иерархию отношений; формирует систему ценностей, отличную от традиционной (например, ржавый гвоздь в кармане гораздо ценнее, чем тысяча дорогих костюмов от Армани). Эта позиция базируется на исследованиях, берущих свое начало от изменения пропедевтической концепции детства примерно в первой половине XX века.

Так, например, К. Гросс [4], задает направление поиска биологического основания психики ребенка, в то время как Д.М. Болдуин [1] начинает направление социально-психологического рассмотрения детства, поиска социальных оснований душевной жизни ребенка. Пиаже в работе *The Child's Conception of the World, 1929* года приходит к выводу, что детство не есть пропедевтика взрослой жизни.

Американские авторы (D. Kennedy, G. Matthews), например, включают в круг проблем философии детства как проблемы когнитивного и морального развития, социальной роли детства, рассмотренных на уровне теории, так и ряд вопросов, которые мы не отнесли к разряду философских – проблемы прав ребенка, статуса детского искусства и детской поэзии (мы бы сказали детского творчества). Gareth Matthews, проф. Массачусетского университета, в книге «Философия детства» (*Philosophy of Childhood. N.Y. 1982*) рассуждает о проблемах детского мышления и нашего (взрослого) восприятия этого мышления. В американской традиции философия детства включается в рамки философии образования.

Интересно понимание детства в богословской литературе. Обращение христианской религиозной философии и богословия к проблеме детства оправдано библейскими текстами: Будьте как дети, ибо их есть царствие небесное. Например, А. Рогозянский [7, с. 1] в предисловии к книге «В доме отца моего», представляющей собой сборник, составленный из сочинений разных авторов по проблемам православного воспитания, ссылается и на Соловьева, и на Розанова как на авторитеты, в то время как современной православной церковью их учения не одобряются, хотя и имеют ярко выраженную религиозную окраску. Однако в качестве базовых фигур он выделяет И.А. Ильина, В.В. Зеньковского и Сергия Четверякова (эмигрант первой волны), указывая, что идеи православной педагогики формировались авторами русского зарубежья, которые полагали ребенка ближе стоящим к Богу нежели взрослого. А отсюда и самоценность детства.

Таким образом, пропедевтическая концепция детства постепенно уступает место представлениям о детстве как самобытной реальности. Я готова согласиться с тем, что детство не вмещается в рамки возрастных границ и буду понимать под детством не некий период в жизни человека, а определенное состояние его ментальности, сопряженное с ощущением своей зависимости от другого человека и одновременно внутренней свободы, необходимостью и стремлением к росту (самосозиданию), заниженной мерой ответственности за собственную жизнь в сочетании с повышенной мерой свободы самовыражения и др.

Какое место в Мире детства занимают игра и философия? Мир Детства существует как самостоятельная бытийность, фиксирующая высокий статус игры. Именно в детстве игра приобретает экзистенциальный характер, т.к. конституирует его социально-психологическое пространство. Сопряженное с игрой удовольствие, осмысленность и наполненность бытия, характерные для детства, делают игру «привлекательной» и востребованной в Мире Взрослости, куда человек входит со всем багажом смыслов Детства. Однако эти смыслы переоцениваются, и человек попадает в зону «запретности» игры. Под «запретностью» игры понимается вытеснение ее на периферию развертывающегося жизненного сценария. Игра перестает быть основным делом и основным смыслом, но остается источником удовольствия. Вырываясь из своей «запретной зоны», игра наполняет Мир Взрослости детской искренностью, непосредственностью и радостью. Детство качественно отлично от Взрослости и в социокультурном, и в экзистенциальном аспектах. Социальный статус ребенка определяется его не-включенностью в функционирование единой хозяйственно-экономической системы общества. Он не производит материальных и духовных благ, используемых в масштабах общества в целом, а потому сам процесс взросления в социально-психологической литературе оценивается, как правило, через его пропедевтический характер. Однако, такой подход не дает возможности зафиксировать экзистенциальные смыслы Детства, Детскости и перехода к Взрослости. Мира Детства и Мира Взрослости качественно отличны друг от друга, имеют разные ценностные ориентиры, разные эмоциональные и ментальные доминанты. Иными ловами, «Некто» в детстве, и он

же во взрослой жизни – это разные люди, которым подчас трудно понять друг друга.

Детская игра чрезвычайно содержательна, многогранна, она составляет основное содержание жизни ребенка. А что составляет содержание игры? – Жизнь, во всем ее многообразии и проявлениях. Это взаимопроникновение игры и жизни, их взаимообусловленность характеризуют не только детскую игру, но игру вообще. Заметим, что в онтологическом плане нет существенной разницы между детской игрой и игрой взрослой, это различие носит психологический характер, который прослеживают психологи, четко различающие разные виды игры (детскую, ролевую, деловые игры, игры-тренинги и т.д.) и отдельно исследующие их. Тем не менее, в контексте детства игра реализуется и проявляется, «опредмечивается» полнее и ярче. Наверное, этим можно объяснить то, что большинство психологических исследований игры, выводящих анализ на философский уровень, были предприняты именно в области психологии детства, это и работы Ж. Пиаже, Ф. Бойтендайка, К. Кофки, К. Бюллера, К. Гросса, В.С. Выготского, Д.Б. Эльконина и др.

Смысловая наполненность игры, ее содержание, как привнесенное из внешнего мира (образы, герои, отношения – например, дети играют в войну: война есть привнесенное содержание и т.д.), так и внутреннее – эмоционально-волевое (играя в войну, ребенок активно «ненавидит» «врага» и «чувствует плечо друга», эти эмоции и составляют внутреннее содержание игры) питают и поддерживают эту подлинность.

Игра в Мире Детства является стержневым направлением движения от Детства к Взрослости. Игровой мир «тает» по мере «наступления «взрослости». Когда «должен» вытесняет «хочу» на всех уровнях, не только на уровне поведения, но и на уровне чувств, игре остается все меньше и меньше места. Она «прячется» в самые потаенные уголки нашего Взрослого Мира, чтобы вновь и вновь заявить о себе в непреодолимой жажде приключений, необычных историй, стремлении вырваться из круговорота дел и событий. Игра не уходит из Мира людей никогда. При переходе из Мира Детства в Мир Взрослости она меняет свои формы, дает новые импульсы к творчеству, созидает новые горизонты. И каждый раз, когда мы счастливы и ощущаем эмоциональную наполненность жизни, жажду свершений, мы говорим: «Хорошо как в детстве». Когда мы играем, мы выпускаем свое детство из потаенных уголков своего серьезного взрослого мира и погружаемся в искреннее веселье и радость такой силы, которые мы испытали только в детстве. Отсюда, игра выполняет функцию трансмиссии детства во взрослую жизнь, сохранения целостности личности, фиксации ранее выработанных смыслов и ориентиров на живом поле базовых человеческих экзистенций.

Осмысление же самого себя происходит средствами философии, даже если мы это так не называем. Философские вопросы, философские идеи, философские споры – все это есть в мире детства.

Методологический отказ от понимания детства как подготовки к жизни, а не самой жизни, дает основание предполагать, что дети могут быть субъектами философствования, ибо их также, как и взрослых, интересуют вопросы смысла жизни, сущности добра и зла, справедливости и несправедливости и т.п. Получив «признание», детство быстро набрало дополнительные бонусы в исследовательском пространстве, «завоевав» право иметь права, свою литературу, свои фильмы, свою одежду и т.п. Философия как способ, тип мышления, без сомнения была в Мире детства всегда. Однако во времена Ж.Ж. Руссо и др., создания первых концепций воспитания и образования, ребёнок все-таки рассматривался как объект, а никак не субъект воспитания. Его учили наукам, морали, не оставляя за ним права на собственное мнение, что делает современная культура, принимающая детское философствование.

Философствование – привилегия зрелого сознания. Подобное «заблуждение» часто встречается в мире взрослых, и особенно философов. Однако, как сказано у Эпикура в «Письме к Менекею»: «Пусть никто в молодости не откладывает занятия философией, а в старости не устает заниматься философией: ведь никто не бывает ни незрелым, ни перезрелым для здоровья души». [8, с. 354]. Перефразируя это высказывание, можно сказать: никто не бывает слишком молод и слишком стар для занятия философией. Значит, философии есть место и в мире детства, где игра играет важнейшую роль.

Именно поэтому вовлечение детей в мир философии происходит легко и органично игровыми средствами, а игровые технологии позволяют сделать это максимально эффективным. Именно поэтому может существовать такая педагогическая практика как философские игры. Именно так называется моя программа, существующая с 1992.

«Философия и дети? Несовместимо... Зачем детям философия? У них итак высшая математика

уже в первом классе», – приходится часто слышать от скептиков. Однако, философия – это не набор готовых истин, а любознательность, движение мысли. Как только человек начинает мыслить, он начинает философствовать. Поэтому каждый ребенок – стихийный философ. Каждый рано или поздно задумывается над вопросами: Кто я такой? Зачем я живу? Что такое счастье? Оно одно для всех или у каждого свое?

У ребенка, так же, как и у взрослого, есть свои ответы на эти вопросы, и свои вопросы, например: «Почему взрослые врут?» Расширим его – «Почему люди лгут?» Вот что говорили дети об этом: потому что они не все знают; потому что любят фантазировать; потому что хотят выдать желаемое за действительное; потому что иногда, чтобы скрыть горькую правду, лучше придумать что-нибудь.

К сожалению, в последнее десятилетие из наших школ активно «вымывался» тот самый воспитательный компонент, который когда-то цементировал всю систему образования. Да, он был уродлив, однобок в силу своей идеологичности. Однако, уберите идеологическую составляющую из пионерского движения, комсомольской организации – что останется? Взаимопомощь, дружба, жизнь в коллективе (а не в компании), интересные дела (одни стройотряды и трудовые лагеря чего стоят..., а тимуровское движение)? Кто отменил доброту, помощь слабым, заботу о стариках и т.п., которым учили «юных пионеров»? Разве важно, что сделало человека добрым, честным, справедливым – коммунистический, христианский, мусульманский, буддистский или какой-то другой идеал? Лишь бы он был таким. Древние говорили: «Добродетелен не тот, кто поступает хорошо, а тот, кто не может поступать плохо». Мне кажется, что, размышляя о добре, человек становится добрее. Думая о справедливости, он учится отделять справедливое от несправедливого. Это делает моральное размышление важной частью самосозидания. Впрочем, как и любое другое размышление о главном, т.е. попытка найти ответы на вечные философские вопросы, не имеющие правильных и неправильных ответов, но стимулирующие нас к размышлению.

Размышление привносит в Детство Игру, а Игра создает размышление. Все это вместе соединяется в поиск ответов на смысложизненные вопросы. Следовательно, эти процессы приводят к философии, которая непременно присутствует в Море Детства, часто под другими именами.

Литература:

1. Болдуин Д.М. Духовное развитие индивидуума и человеческого рода. М.: Либроком, 2011.
2. Kennedy D. The Well of Being: Childhood, Subjectivity, And Education (Sunny Series, Early Childhood Education: Inquiries and Insights) N/Y, 2006.
3. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса / Выготский Л.С. Психология. М., 2000. 108 с.
4. Гросс К. Душевная жизнь ребенка. Киев, 1916, СПб., 1998.
5. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы// Собрание соч. в 10 томах, т. 9, М., 1958.
6. Зеньковский В. В.. Психология детства. М., 1996. 347 с.
7. Рогозянский А.Б. В доме отца моего: Сб. ст. о роли христиан. семьи в религиоз. воспитании ребенка / [Сост. А. Рогозянский]. М.: Храм Трех Святителей на Кулишках: Благотвор. фонд «Сев. Обитель», 2001. 301с.
8. Эпикур. Письмо к МЕНЕКЕЮ//Антология мировой философии. Т.1. М., 1969. С.354.

Коммуникация и развитие сетевого мышления

Сергейчик Е.М.

Санкт-Петербургская Академия постдипломного педагогического образования, профессор кафедры философии образования. Доктор философских наук

elena.sergeichik@gmail.com

Аннотация: В современном информационном обществе источником нового знания является коммуникация, которая стимулирует процессы как персонализации, так и коллективного сотрудничества. Оптимальной формой генерации нового знания является сетевая коммуникация, которая придает системе образования открытый, динамичный, диалогический характер, где преобладают горизонтальные связи, а отношения между институтами и людьми построены по принципу координации. Сетевая логика слабоструктурированного неустойчивого образовательного пространства создает необходимые условия для новаторской человеческой деятельности. Сетевое образование направлено на развитие сетевого мышления – нелинейного дивергентного, обеспечивающего способность к созданию нового в процессе усиления интенсивности, скорости и плотности коммуникационных потоков. Развитию сетевого мышления способствует визуализация образования, использующего емкие концептуальные аудиовизуальные образы, нуждающиеся в расшифровке, интерпретации, раскрытии смысла и объяснении.

Ключевые слова: коммуникация, сетевое образование, креативность, сетевое мышление, визуализация образования.

Network Thinking: Communication and Development.

Sergeichik E.M.

St. Petersburg Academy of Postdegree Pedagogical Education, Department of the philosophy of education

Abstract: Nowadays information society is the source of new knowledge and communication that stimulates both personalization and collective cooperation. The best form of generating a new knowledge is a network communication that gives the education system an opens dynamic, dialogical character, horizontal connections prevail and relations between institutions and people are in cooperation here. The network logic of a poorly structured unsustainable educational space creates the necessary conditions for innovative human activity. Network education is aimed at developing network thinking - non-linear divergent providing the ability to create a new in the the process of increasing the intensity, speed and density of communication flows. The development of network thinking is facilitated by the visualization of education, using capacious conceptual audiovisual images that need to be deciphered, interpreted, meaningful and explained.

Keywords: communication, network education, creativity, network thinking, educational visualization.

Современное информационное общество – это общество инновационное, в котором фундаментальную роль играют наука и образование. «В новом, информациональном способе развития, – пишет М. Кастельс, – источник производительности заключается в технологии генерирования знаний, обработки информации и символической коммуникации. Разумеется, знания и информация являются критически важными элементами во всех способах развития, так как процесс производства всегда основан на некотором уровне знаний и на обработке информации. Однако специфическим для информационного способа развития является воздействие знания на само знание как главный источник производительности» [1, С. 39—40]. Источником нового знания является коммуникация – диалогический процесс, направленный на поиск общих смыслов и новых идей как основы солидарных действий для решения жизненно важных проблем. Речь идет о том, что в результате совместных усилий –аргументированной презентации позиций всех участников обсуждения, критического осмысления представленных мнений, толерантной и взвешенной дискуссии, – принимается принципиально новое решение проблемы. Поскольку новое рождается вне логических детерминаций, коммуникацию

характеризует, как отмечал Н. Луман, «контингентность» – непредсказуемость, ненаправленность, случайность или, выражаясь иначе, нелинейность [2, С.327-355]. Креативный характер коммуникации делает ее основным элементом социальной системы, обеспечивающим ее обновление, фактором, придающим системе нестабильность и неустойчивость, которые являются условиями инновационных трансформаций. Постоянно возрастающее количество, скорость и разнообразие коммуникационных потоков стимулирует процесс персонализации, выбора человеком самого себя, и вместе с тем усиливает необходимость совместной деятельности, коллективного сотрудничества. Как показывают исследования Д. Тапскотта, коллективное сотрудничество в любых сферах способствует более быстрому нахождению оптимальных решений актуальных проблем [3].

Оптимальной формой генерации нового знания, его хранения и распространения является сетевая коммуникация, которая наполняет социальное пространство разнообразными дискурсами, не подчиняющимися единой логике развития и не имеющими общих оснований [4]. Информационные потоки, структурированные по принципу сети, многократно увеличивают скорость и интенсивность общения, способствуют появлению все новых идей. Стандартная образовательная среда, которая состоит из традиционных иерархических, нормативных, анонимных, безличных систем, стремящихся поддерживать порядок, постепенно трансформируется в систему коммуникативных действий, подчиняющихся динамичной экспансии сетевой логики. Морфология сети с присущей ей сетевой логикой, пишет М. Кастельс, приспособлена к растущей сложности взаимодействий и к непредсказуемым моделям развития, возникающим из творческой мощи таких взаимодействий. Сетевая логика нужна для структурирования неструктурированного при сохранении в то же время гибкости, ибо неструктурированное есть движущая сила новаторства в человеческой деятельности [1, С.77]. В сетевом образовании взаимодействия между социальными институтами, социальными группами и отдельными людьми выстраиваются по принципу электронных сетей, что приводит к усложнению, диверсификации, децентрализации образовательного пространства и вместе с тем к нарастанию интенсивности и плотности коммуникации.

Сетевое образование – образование полицентричное, антииерархичное, в нем преобладают горизонтально-сетевые структуры, отношения между которыми строятся по типу координации. Сетевая система имеет открытый, диверсифицированный характер, но ее целостность сохраняется благодаря постоянно возникающим, перемещающимся, исчезающим центрам притяжения – сетевым узлам, или проблемам, которые интегрируют усилия научных сообществ. Слабая структурированность сетевого образования делает его динамичным, нестабильным, быстро реагирующим на перемены, создающим условия для решения возникающих проблем и обеспечивающим постоянное обновление образовательной системы. Сетевое образование – это образование, предполагающее массовое, организованное по принципу сетей сотрудничество людей, имеющих свободный доступ к открытым источникам информации, свободно обменивающимся информацией, объединяющихся для решения социально значимых проблем. Дело не только в возможности преодоления ограничений, которое накладывает разделяющее людей географическое пространство и временные пояса, а в том, что сама институциональная структура науки и образования размывается, становится более мягкой и динамичной. Возникают неформальные объединения ученых, сплоченные группы – невидимые колледжи и научные школы, которые решают проблему не столько «по должности», сколько «по интересу». Следствием такой сетевой коммуникации могут выступать новые направления исследований, научные дисциплины, новые научные сообщества и новые учебные курсы [5].

Сетевой способ организации научного и образовательного пространства способствует развитию сетевого мышления, или Net-мышления (дивергентного, нелинейного, «ризомного»), которое оптимально для генерации нового знания, возникающего вне логических детерминаций. Сетевое мышление, с одной стороны, это мышление глубоко индивидуализированное, субъектное, рефлексивное, критическое, позволяющее самостоятельно ориентироваться в возрастающем разнообразии разнонаправленно действующих потоков информации. С другой стороны, сетевое мышление – это мышление коммуникативное, диалогическое, которое обеспечивает развитие креативного мышления, способность к генерации новых идей. «Реальность человеческой коммуникации, – отмечает Гадамер, – в том, собственно, и состоит, что диалог – это не утверждение одного мнения в противовес другому или простое сложение мнений. В разговоре они оба преобразуются. Диалог только тогда можно считать состоявшимся, когда вступившие в него уже не могут остановиться на разногласии, с которого их разговор начался. Нравственная и социальная солидарность оказывается возможной только

благодаря общности, которая перестает служить выражением моего или твоего мнения, будучи общим способом миростолкования» [6, С.48]. Сетевое мышление делает психику человека более гибкой, стрессоустойчивой, формирует способность адаптироваться к изменениям и тем самым противостоять кризисным явлениям, принимать неопределенность, нестабильность, неустойчивость как константу цивилизационного развития.

Вместе с тем, сложность коммуникации в том, она всегда носит ассиметричный характер, поскольку уровень знаний, сила убежденности, умение отстаивать свои позиции, склонность к рефлексии, место в иерархической соподчиненности у участников диалога различны. Столкновение мнений нередко сопровождается желанием утвердить свою точку зрения, переубедить другого, «переиграть» его, пренебрегая моральными предписаниями, что придает коммуникации напряженный характер. Подавление различных мнений вплоть до господства одного «я» над другими ведет к превращению диалога в монолог, порождая широкий спектр нравственных проблем: эгоцентризм, пренебрежение мнением другого, неуважение к личности оппонента, использование его в качестве средства для достижения своих целей. Незрелость критической рефлексии, неготовность принять ограниченность, относительность своей позиции купирует стремление к признанию нового нетривиального решения. В этой связи исследователи коммуникативной культуры всегда подчеркивают необходимость актуализации в процессе диалогического обучения таких нравственных качеств личности, как уважение к мнению другого, толерантность, самокритичность, готовность пойти на компромисс и т.д. Таким образом, сетевое мышление – это мышление не только креативное, прогностическое, критическое, но и моральное, содержащее установку на признание ценности других людей, ориентированное на достижение солидарности с другими, согласованности действий с ними.

Развитию сетевого мышления способствует мультимодальный характер образования, где все большее значение приобретает использование аудиовизуальных образов, которые являются эффективным способом структурирования, обработки, передачи нарастающего потока информации [6]. Речь идет о таких визуальных образах, которые не иллюстрируют вербальные тексты, а являются сложными самодостаточными полноценными носителями идей и переживаний, герменевтическими и семиотическими средствами расшифровать содержание социальных значений и смыслов в их визуальной символике. Эти сложные полисемантические образы концептуальны и нуждаются в осмыслении, расшифровке, интерпретации, что предполагает необходимость развития когнитивных, коммуникативных, креативных способностей. Визуализация образования, опираясь на яркие, динамичные, суггестивные образы, способствует развитию сетевого мышления, обладающему большим потенциалом креативности. Иными словами, речь идет о том, что образование должно развивать культуру зрения, формировать визуальную грамотность как базовую культурную компетентность. Развитие сетевого нелинейного мышления как условия креативности – одна из важнейших задач образования в современном электронно-цифровом обществе.

Литература:

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
2. Луман Н. Введение в системную теорию М.: Логос, 2007. 360 с.
3. Тапскотт Д., Уильямс Э.Д. Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет все. М.: Best Business Books, 2009. 392 с.
4. Кастельс М. Власть коммуникации М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
5. Проценко Л. Г. Стратегии исследования неформальных научных сообществ: «невидимые колледжи» vs научные школы // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 3. С.153-162.
6. Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 368 с.
7. Габова М.В. Визуальная культура современного общества (опыт типологии) // Человек. Культура. Образование. № 2 (24), 2017. С.30-40.

Teenager Philosophicum в перекрестье требований современной философии и современного постсоветского общества

Сидорова Н.М.

МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры философии естественных факультетов. Кандидат философских наук

martenovna@mail.ru

Аннотация. Решение сложных проблем современного научного познания и социальных взаимодействий невозможно без соответствующего качества мышления. Мышление тоже должно быть сложным. Занятия философией усложняют картину мира подростка, открывают возможности делать более широкие и продуманные обобщения, прививают культуру рассуждения, эрудицию, развивают самосознание, делают молодого человека более ответственным за слова и поступки и более толерантным к своим оппонентам. Знакомство с традициями античного и нового европейского скептицизма, с идеями критической философии Канта и критическим рационализмом К. Поппера, принципами фаллибилизма и фальсификационизма обязательно должны присутствовать в курсах преподавания философии в школах и кружках. Но воспитанный на этих принципах подросток за пределами своей группы, во внешнем мире, оказывается в очень уязвимой позиции именно потому, что он критичен к результатам собственного мышления, рефлексивен, ориентирован на высокие интеллектуальные стандарты и нравственные образцы. Согласно эффекту Даннинга-Крюгера менее знающие и менее рефлексивные люди более уверены в собственной правоте и оценке ситуаций, а более знающие видят сложности проблемы и несовершенство своих знаний. Они проигрывают, и в истории нашей страны можно найти много тому подтверждений. Карьерные перспективы детей, рано вкусивших философии, печальны.

Ключевые слова: подросток, скептицизм, рефлексия второго порядка, Кант, Поппер, фаллибилизм, фальсификационизм, эффект Даннинга-Крюгера.

Teenager Philosophicum at the Crossroads of the Requirements of Modern Philosophy and Modern Post-Soviet Society. *Nataliya M. Sidorova*

Lomonosov Moscow State University

Abstract. The solution of the complex problems of modern scientific knowledge and social interactions is impossible without an appropriate quality of thinking. Thinking must also be complicated. Classes in philosophy complicate the picture of the teenager's world, open up opportunities to make broader and more thoughtful generalizations, instill a culture of reasoning, erudition, develop self-awareness, make a young man more responsible for words and actions and more tolerant of his opponents. Familiarity with the traditions of ancient and new European skepticism, with the ideas of Kant's critical philosophy and C. Popper's critical rationalism, with the principles of fallibilism and falsification must be present in philosophy teaching courses in schools and circles. But a teenager raised on these principles outside his group, in the outside world, finds himself in a very vulnerable position precisely because he is critical of the results of his own thinking, reflective, focused on high intellectual standards and moral standards. According to the Dunning-Krueger effect, less knowledgeable and less reflective people are more confident in their own correctness and assessment of situations, and more knowledgeable people see the complexity of the problem and the imperfection of their knowledge. They lose, and in the history of our country you can find a lot of evidence of this. The career prospects of children who have tasted philosophy early are sad.

Keywords: teenager, skepticism, second-order reflection, Kant, Popper, fallibilism, falsificationism, the Dunning-Krueger effect.

Философия есть рефлексия второго порядка, направленная на социальные процессы, научное познание, оценочную деятельность, герменевтические практики и т.д. В принципе, этим занимаются профессионалы, но в каждом новом поколении всегда встречается какое-то количество детей и подростков, которых привлекают философские вопросы и которые с жаром неопитов обсуждают их на уроках обществознания в старших классах или еще раньше, в философских кружках для детей. Этот новый мир философских проблем, радость и «удовольствие мыслить иначе» (выражение Ф.И. Гиренка), освоение новой терминологии и глубоких смыслов зачастую контрастируют с приземленными интересами семьи и одноклассников. Но внутри группы единомышленников, интересующихся философией, ребенок обычно чувствует себя комфортно, тем более что занятия в философских кружках для детей чаще всего проходят в форме свободных дискуссий с элементами игры. Одной из важных компонент процесса, в котором развиваются философские потенции ребенка, с моей точки зрения, является знакомство со скептическими традициями античности и новоевропейской философии; это позволяет начать формирование более сложного, гибкого, рефлексивного мышления, преодолеть свойственный детям наивный догматический максимализм.

Для более взрослых ребят, настоящих teenagers philosophicum, представляет интерес сопоставление методического сомнения Декарта и попперовского критического реализма [1]. Осознание того обстоятельства, что доказательное научное знание всегда неокончательно, погрешимо, содержит незаметные на первый взгляд ошибки, одним словом, *фаллибилистично* – важное условие интеллектуального взросления. Поиск и устранение ошибок способствует научному прогрессу больше, чем возведение «баррикад» из непреложных доказательств. Тем более, что при более детальном рассмотрении никакое доказательство не может быть признано полным и окончательным (эти аргументы суммированы в так называемой «Трилемме Мюнхгаузена» Ханса Альберта) [2], а научные факты оказываются достаточно изменчивыми и пластичными, что было показано в интересной наукометрической работе Арбесмана «The Half-life of Facts...» [3]. Но это означает, что научная теория должна быть сформулирована так, чтобы была возможна ее *фальсификация* т.е. опровержение, а класс ее потенциальных фальсификаторов не был пустым. Таким образом, у ребят формируется представление, что ученые имеют право на ошибки, с одной стороны, и обязанность их выявлять и устранять, – с другой. Хорошим примером для обсуждения с детьми служит попперовское сравнение амёбы и Эйнштейна. Неправильное «представление» о мире, воплощенное в физическом устройстве организма, выбраковывается вместе с самой амёбой, а Эйнштейн, используя дескриптивные и аргументативные возможности человеческого языка, отправляет на смерть свои теории, не рискуя личным благополучием. Кстати, именно этим занимался великий физик последние годы своей жизни, безуспешно пытаясь создать единую систему уравнений поля. Вместе с тем широкие возможности языка позволяют уворачиваться от фальсификации (опровержения) идеологическим, мифологическим, паранаучным конструкциям. Такие «прятки» – свидетельство научной несостоятельности. Поэтому Поппер имел все основания написать, что «рост знания – и процесс учения – не является повторяющимся или кумулятивным процессом, он есть процесс устранения ошибок. Это есть дарвиновский отбор...» [1, с. 486].

Это негативное эпистемическое требование нуждается в уравновешивании позитивными моральными нормами добросовестности и всесторонности исследования проблемной ситуации, толерантности и уважения к оппоненту, обязанности говорить правду и не допускать подтасовки фактов или их избирательного использования. Но что получится, если эти методологические требования, применяемые для нормирования исследовательской деятельности, будут перенесены философствующими подростками в большой мир? Как минимум, и моральная и гносеологическая ситуации резко осложнятся по многим параметрам.

Во-первых, требование говорить правду и только правду за порогом философских игр и дискуссий, т.е. в реальной школьной и семейной жизни, вызывает массу проблем и конфликтов. Например, обсуждение небольшой статьи Канта «О мнимом праве лгать из человеколюбия» [4, с.292-297] современными детьми показывает, что для них запрет на прямую ложь не распространяется на врага; подтвердить, что сосед списывал на контрольной, – донос и предательство дружбы; что не просто можно, но нужно соврать, дабы не огорчать своими неудачами больную мать и т.д. Поскольку испытание категорическим императивом выдерживают очень немногие поступки как детей, так и взрослых, обычно выбор делается в пользу психологически более комфортного умолчания, затем полуправды и наконец лжи ради благой цели. И до поры до времени эти средства неплохо работают в реальной жизни, но только до поры.

Суворова И.М.

*Петрозаводский государственный университет, профессор кафедры философии и культурологии.
Доктор культурологии*

suformih@list.ru

Теперь допустим, что педагогу удалось не только показать принципиальную разницу между неполнотой и ошибочностью многих человеческих представлений о мире, включая наиболее достоверные научные знания, т.е. фаллибилизмом, и сознательным искажением картины мира, но и сделать высокие стандарты самокритичности внутренней позицией учеников: не лгать из выгоды или страха, с одной стороны, и жестко оценивать собственные знания, заведомо зная об их несовершенстве, – с другой. Такой маленький рыцарь сразу попадает в ситуацию, описанную «эффектом Даннинга–Крюгера» [5]. Согласно этому эффекту, выявленному в ходе опросов и тестирований студентов-психологов Корнельского университета, меньше всего сомневаются в собственной компетентности и правоте люди, наименее отягощенные профессиональными знаниями. Я думаю, мы все знакомы с подобной ситуацией и без специальных тестов. Для решения сложных проблем малокомпетентные люди предлагают простые «лобовые» решения, обещают быстрый практический эффект и не «заморачиваются» ненужными сомнениями. Наоборот, чем сложнее организовано мышление субъекта, чем больше факторов проблемной ситуации он принимает во внимание, тем более критично оценивает свои знания и умения. И только на вершине мастерства сомнения уступают место уверенности и высокой самооценке, однако до этого еще надо «дожить». Доживают немногие.

В недавнем заявлении межрегионального профсоюза работников образования «Учитель» говорится: «Подростки испытывают сильнейший стресс от несоответствия наших слов тому, что происходит за стенами школ. Тем самым со школьной скамьи они привыкают никому и ничему не верить, теряя моральную опору в обществе тотальной лжи, насилия и лицемерия» [6]. А те, кто в юные годы выработал в себе способность критически и самостоятельно мыслить, сохранил высокие моральные стандарты, подозрительны в глазах власти. Поразительно, в нашем обществе прилагательные «умный» и «честный» часто используются как бранные и унижительные («Ну ты, умным себя считаешь? Честным хочешь остаться?»). Но если честные и умные выглядят «белыми воронами», если наши педагогические усилия по развитию философских потенциалов подростков и возвращению рефлексивных и высокообразованных молодых людей делают их уязвимыми и создают социальные проблемы, может, что-то не так с нашей страной и властью? Конечно, тем, кто отдает приказание, хочется иметь бодрых и не сомневающих исполнителей. Однако, если интересы свободного развития и достоинство граждан приносятся в жертву удобствам администрирования, то с такими людьми невозможно достичь великих целей. Это было подробно аргументировано более 150 лет назад Дж. Ст. Миллем в его замечательной работе «О гражданской свободе» [8].

Какие выводы можно сделать из вышесказанного? Занятия философией в школьном возрасте не ставят целью сделать из детей философов, но открывают для них мир свободного, красивого, критичного мышления, создают дополнительные возможности творчества и саморазвития, а это должно обеспечить их будущие успехи в любых областях деятельности. Однако успехи зависят не только от внутренних потенциалов, но и от внешних – благоприятных или неблагоприятных – социальных условий. К сожалению, сегодня в России соотношение между уровнем развития философствующего подростка и его социальными перспективами обратно пропорционально. Так что не будем рассказывать детям о судьбе Сократа как о далеком прошлом. Боюсь, что это прошлое у нас еще впереди.

Литература:

1. Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. 606 с.
2. Альберт Х. Трактат о критическом разуме. М.: УРСС, 2010. 264 с.
3. Arbesman S. The half-life of facts: why everything we know has an expiration date Pinguin Press. 2012. 256 p
4. Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. 707 с.
5. Dunning D. Why people fail to recognize their own incompetence – in Current Directions in Psychological Science. Vol. 12 №3 p. 83-87
6. Петиция от 15 февраля 2020 на сайте pedagog-prof.org
7. Милль Дж. Ст. О гражданской свободе М.: URSS. 2016. 236 с.

Аннотация. В данной статье рассматриваются содержательные и доказательные аспекты философских эссе старшеклассников, написанные в конкурсном формате на заданные темы. Изначально анализируется современное состояние проблемы исследования детского философского творчества в научной литературе, а затем производится анализ эмпирического материала конкурса философского эссе, традиционно проводимого Петрозаводским государственным университетом – опорным вузом Республики Карелия. Автором выбран сравнительный подход в оценке выбора тем философских эссе на уровне структуры философского знания. Особенное внимание уделено сравнительному анализу тезисов и аргументов старшеклассников, использованных ими в ходе своего философствования. В заключение автором делается вывод об особенностях современного философского творчества в контексте современной культуры и с учетом возрастной специфики современных старшеклассников-подростков.

Ключевые слова: философия, эссе, старшеклассники, тезисы, аргументы, творчество.

The Specifics of Children Philosophizing in a Form of Essay. Suvorova I.M.

Petrozavodsk State University, Department of Philosophy and Cultural Studies

Abstract. The article considers the substantive and evidentiary aspects of philosophical essays of high school students written in a competitive format on the given topics. Initially, the current state of the problem of research of children's philosophical creativity in scientific literature is analyzed, and then the empirical material of the contest of philosophical essay traditionally conducted by Petrozavsk State University - the support university of the Republic of Karelia is analyzed. The author has chosen a comparative approach in assessing the choice of topics of philosophical essays at the level of the structure of philosophical knowledge. Special attention is paid to comparative analysis of theses and arguments of high school students used by them in the course of their philosophy. In conclusion, the author concludes on the peculiarities of modern philosophical creativity in the context of modern culture and taking into account the age specifics of modern teenage high school students.

Keywords: philosophy, essays, high school, arguments, creativity.

Детский опыт философствования в формате игры и диалога традиционно является популярным предметом внимания и изучения философов, особенно философов-педагогов. Эссеистический же вид детского философствования в меньшей мере представлен в аналитической литературе. В немногочисленных анализах детских философских эссе у отечественных и зарубежных ученых представлены разные аспекты. Так, например, у Борисова С.В. «главной особенностью экзистенциального философствования у ребенка является именно «наивность», выражающаяся, например, в повышенной эмоциональности. Языковые выражения, описывающие опыт его переживания, базирующиеся на рефлексии экзистенциальных состояний, становятся «орудиями» его философствования» [1, с. 18]. Присутствие повышенной эмоциональности в детском тексте на философские темы с нашей точки зрения может быть оправдано не столько «наивностью», сколько «свежестью» восприятия бытия и стремлением быть откровенным и понятым.

В то же время Васильева Е.М. отмечает, что в «в современных условиях детской и подростковой языковой субкультуры заметна ограниченность активного словаря, порождающая ограниченность пространства выражения мыслей, упрощенность и уплощенность смысловой перспективы слов» [2, с. 24]. В такой ситуации свободный стиль философского эссе как нельзя лучше позволяет ребенку

почувствовать себя свободным в изложении мысли и мотивирует к овладению богатыми ресурсами языка. Ощущение свободомыслия во время детского философствования приходит к ребенку непосредственно из школьной установки, что «неправильных рассуждений в философии не бывает», поэтому границы его возможностей становятся «неосызаемыми». Однако здесь его ожидает известный «подводный камень» в виде недостаточной аргументации или явного логического противоречия. И, если в диалоге с взрослым подобный «курьез» может быть устраним посредством сократова метода – майевтики, то в монологе (философском эссе) ребенок-автор остается наедине с возникшими проблемами, которые может зафиксировать как внутреннюю неудовлетворенность своим рассуждением. И здесь уже возникает психологическая ситуация «незаконченности» процесса мышления над актуальным вопросом, которая может побудить философствующий субъект к дальнейшей практике его осмысления.

В практике сербского исследователя М. Еремича философское эссе используется как составная часть герменевтического семинара для детей, который мотивирует детей «читать, слушать, писать философские тексты». Также подобная практика, по мнению автора, «задействует и совершенствует все четыре вида навыков: исследование, рассуждение, упорядочивание информации и перевод. А главное: все, что происходит во время семинара – это реальные вещи, а не подготовка к жизни или имитация жизни. Дети сталкиваются с реальными философскими проблемами и проживают их» [3, с. 54]. Таким образом, приобщение к миру философии через общую проблематику становится еще одним аспектом, привлекающим детей к философствованию.

Многолетний опыт организации конкурса философских эссе на основе работы «Сократовского клуба Петрозаводского государственного университета» позволяет проанализировать и обобщить выбор тем детских работ и характер аргументации авторов. Примечательно, что к конкурсу привлекаются ежегодно старшеклассники Северо-Запада Российской Федерации (Республика Карелия, Мурманская, Архангельская, Ленинградская, Вологодская области), которые сами выбирают из предложенных тем подходящие для рассуждения.

Анализ философских эссе старшеклассников за последние три года (2017-2019) позволяет прояснить определенные особенности выбора тем и аргументации собственных тезисов авторов. Темы для философских эссе предлагались в виде цитат авторитетных деятелей науки и искусства разных эпох из таких разделов философского знания как: этика, гносеология, философская антропология, эстетика, онтология и философия техники.

Наибольшей популярностью у детей пользовалась философия техники в контексте таких тем, как: «Машинная техническая цивилизация опасна, прежде всего для души» (Н.А. Бердяев); «Одна машина может сделать работу пяти обычных людей; ни одна машина не сделает работу одного незаурядного человека» (Э. Хаббард). Интересно и глубокомысленно выглядят и выводы авторов эссе, например: «С каждым годом наше молодое поколение падает с «духовной лестницы» стремительно вниз, и если мы не хотим допустить того, чтобы наша молодежь достигла самого «дна» духовной жизни, нужно уже сейчас задуматься над теми проблемами, которые «всплывают» в этом плане, и тогда мы сохраним хоть какие-то знания, касающиеся нашей страны и не только» (Волонен З.); «Процесс технического развития не остановить, но вместе с новыми открытиями и изобретениями необходимо помнить и о духовных ценностях жизни. Самое главное, не дать человеческой душе угаснуть» (Июдин Д.); «Того, что сердца наши не выдержат «прикосновения холодного металла», опасаться не стоит. И сердца, и души выдержат всё. Для этого всего лишь нужно отыскать собственную гармонию: не отказываться от технических устройств – и беспрестанно обогащать свой внутренний мир с их помощью» (Кисюк К.).

На втором месте по популярности выбранной тематики оказалась философская антропология. Цитата Иммануила Канта: «Кто боязливо заботится о том, как бы не потерять жизнь, никогда не будет радоваться ей» вызвала особый интерес у авторов, что способствовало весьма разнообразным суждениям, например: «Жизнь многогранна и каждый может найти для себя нечто такое, что покажется ему близким и важным; такое, ради чего захочется жить. Это может быть человек, какая-либо жизненная идея или религия, но если человек наполнил это своим смыслом и счастлив благодаря этому, это нечто обладает поистине невероятной силой» (Опуховская М.); «Возможно это весьма категоричная точка зрения, но я считаю, что людям стоит тратить меньше времени на глубокие, непостижимые думы, и больше заниматься тем, чем хочется. Это просто и банально, но нужно делать то, чего требует от вас душа. Каждый человек должен послушать себя, свой внутренний голос, который обязательно подскажет правильное направление» (Петрук К.); «Я призываю людей оставаться искренними с собой, не тратить время на размышления о смысле жизни, а действовать. Ваш смысл жизни, вера и любовь

сами найдут вас, но только при условии движения им навстречу» (Сеидова Д.).

На третьем месте по популярности была эстетическая проблематика, а цитата Винсента Ван Гога «Подлинные художники пишут вещи не такими, как они выглядят, а так, как они чувствуют их» вызвала эмоциональный резонанс у авторов эссе, например: «Настоящий художник пишет не только о счастье. Он пытается ответить на вопросы. И только истинный творец способен вдохнуть в своих зрителей желание разобраться в них. Искусство не должно доставлять только эстетическое удовольствие, оно должно заставлять людей думать, чувствовать, развиваться» (Жигалова Р.); «Думаю, что главная задача творчества – тревожить душу, рождать мысли. И нести в этот мир искренность. Без собственного, отличного от других взгляда, нет настоящего художника, а потому подлинное творчество всегда так не похоже на действительность» (Курчавова Л.).

Анализ аргументации тезисов философских эссе старшеклассников показал, что в подавляющем большинстве авторы обращались к общественному и личному опыту жизни. Не менее популярными были примеры из художественной литературы, упоминались произведения Г. Уэллса, М.А.Булгакова, Р. Брэдли, А.А. Фета, Ф.И. Тютчева, А.С. Пушкина, М. Горького. Из исторических персонажей чаще всего были упомянуты М.В. Ломоносов, А.В. Суворов, Петр I, а из деятелей искусства – К. Малевич, Леонардо да Винчи, П. Пикассо, В. Ван Гог и С. Дали. В меньшей мере аргументация авторов философских эссе касалась кинематографа, научной литературы и статистических данных.

В общем и целом, хочется отметить нестандартный и оригинальный подход старшеклассников к написанию философских эссе. Несмотря на заданную шаблонность школьных литературных эссе, авторы конкурса по философии сумели проявить индивидуальность и творчество. Как написал один из учеников: «Творчество – это не только создание музыки, картин или произведений литературы. Оно читается во всем человеческом существе. Это то, чем мы отличаемся друг от друга. Творчество может быть в наших глазах, в эмоциях, в мыслях, в умении говорить и молчать. Мы – тоже искусство. А путь к нему лежит через созидание и обнуление. Тогда все встанет на свои места. И афоризм Ницше «Жить – это значит: постоянно отбрасывать от себя то, что хочет умереть; жить – это значит: быть жестоким и беспощадным ко всему, что становится слабым и старым в нас, и не только в нас») станет мировоззрением поколений» (Воробьева М.).

Литература:

1. Борисов С.В. Диалог с ребенком как часть философского дискурса // Философия – детям. Язык и сознание. Материалы Шестой Международной, научно-практической конференции памяти Н.С. Юлиной. М. 5-7 ноября 2014 г. – М.: Издатель Воробьев А.В., 2014. С.17-20.
2. Васильева Е.В. Детское философствование как уникальная интеллектуальная практика развития образования дискурса // Философия – детям. Язык и сознание. Материалы Шестой Международной, научно-практической конференции памяти Н.С. Юлиной. М. 5-7 ноября 2014 г. – М.: Издатель Воробьев А.В., 2014. С. 22-25.
3. Еремич М. Что такое «Герменевтика с детьми?» // Философия – детям. Эмоциональное и рациональное. Материалы Седьмой Международной, научно-практической конференции М. – СПб., 2-6 ноября 2016г. – М.: Издатель Воробьев А.В. 2016. С. 52-55.

Философский лагерь в России: опыт организации и проведения

Трушкина Е.Ю.

Российский государственный гуманитарный университет, заведующий научным кабинетом-библиотекой академика Вяч.Вс. Иванова, доцент факультета культурологии. Кандидат философских наук

e.trushkina@gmail.com

Аннотация. Философская практика с детьми становится сегодня все более и более популярной в Мировом сообществе, и Россия не исключение. Существует множество неформальных организаций, которые включают в свою деятельность философскую практику с детьми и взрослыми (философские кафе, клубы, семинары, тренинги и др.). Примером такого философского объединения является образовательная программа «Территория мысли», в рамках которой организуются выездные детские и семейные смены философского лагеря. Философский лагерь «Территория мысли» проводится по инициативе его основателя и руководителя д.ф.н., профессора МГУ имени М.В. Ломоносова Ретюнских Л.Т., а также ее коллегами – членами Межрегиональной Детской Общественной Организации «Философия-детям». Сегодня выездные смены философского лагеря регулярно проходят в различных регионах России. Философский лагерь – это уникальный проект, направленный на развитие непрерывной философской практики в рамках всех активностей смены лагеря.

Ключевые слова: философия детям, философский лагерь, образовательная программа «Территория мысли», практическая философия.

Philosophical Camp in Russia: experience of organization. Trushkina E.Y.

Russian State University for the Humanities, Faculty of Cultural Studies

Abstract. Philosophical practice with children becomes more and more popular in the World and in Russia as well. There are many informal organizations that involve people into the process of philosophizing (philosophical cafes, clubs, workshops, seminars, trainings and etc.). One of these informal unions for philosophizing is the Philosophical Camp. The Philosophical Camp for children and adults is actively practiced in Russia. The philosophical educational program «Territory of Thinking» was founded by professor Retyunskikh L. and her colleagues from Interregional Children Public Organization «Philosophy for Children» (Russia). It annually holds in different regions of Russia. The Philosophical Camp with children and adults is a total immersion into the space of thought and philosophizing whole day long and every day of the Camp.

Keywords: philosophy for children, camp, program «Territory of Thinking», philosophical practice.

Философская практика с детьми и взрослыми сегодня является весьма перспективным направлением образования. Поиск нового знания, а также желание развить логическое, критическое, рефлексивное, креативное и другие виды продуктивного мышления способствуют возникновению повышенного интереса к подобным практикам как со стороны взрослых, так и детей. Сегодня образуется все больше и больше неформальных организаций, вовлекающих людей в процесс философствования (философские кафе, кружки, семинары, мастер-классы, тренинги и т.п.) [1].

Рассмотрим подробнее одну из философских практик – организацию философского лагеря для детей и взрослых, получившего название ТеМы (Территория Мысли), на примере проведения летних, осенних и весенних выездных тематических смен в Подмосковье и на севере Карелии. Идея семейного философского лагеря (а впоследствии философского лагеря для детей) возникла в рамках занятий философией с детьми вместе с их родителями в семейном философском клубе «Школа Сократа». Школа была основана в 1992 году доктором философских наук, профессором МГУ имени М.В. Ломоносова, Президентом Межрегиональной детской общественной организации «Философия – Детям» Ларисой Тимофеевной Ретюнских. Первый выездной философский лагерь был организован в 2009

году. Через некоторое время лагерь обрел свою организационную структуру, а также название – философская образовательная программа «Территория мысли» или сокращенно «ТеМы».

Таким образом, начиная с 2009 года философская образовательная программа «ТеМы» организует регулярные выездные смены в различных регионах России с периодичностью три раза в год. Как правило во время школьных каникул: осенью и весной проводятся краткосрочные семейные смены с выездом в Подмосковье (на базе пансионата). Краткосрочная программа включает в себя три дня интенсивного погружения детей совместно с родителями, которые также активно принимают участие во всех мероприятиях программы, в философскую практику. Каждая смена имеет свою тему. Также летом проводится еще одна длинная десяти- или пятнадцатидневная детская смена на севере Карелии на базе туристического дайвинг-центра и детского лагеря «Полярный круг». Каждый день участникам программы предлагаются разнообразные активности (выезды на острова, походы, игры, лекции, мастер-классы) и занятия по философии (с 10.00 до 22.00), которые помогают детям углубить знания по предложенной неизменно философской теме смены.

Подробнее хотелось бы остановиться на вопросах, касающихся организации и проведения философского лагеря. Стандартный день в лагере в рамках образовательной программы «ТеМы» включает в себя различные виды деятельности, такие как спорт, прогулки на природе, разнообразные мастер-классы и лекции, затрагивающие тем или иным образом основную тему лагеря, и, безусловно, занятия по практической философии с детьми (или взрослыми в случае семейной смены). Детские и родительские группы занимаются отдельно, детские группы по необходимости могут быть разбиты на возрастные подгруппы (младшую 7-11/12 лет и старшую 12/13-17 лет). Чтобы углубить и всесторонне охватить предложенную тему лагеря, мы привлекаем специалистов из различных научных областей. Например, рассматривая тему «Человек» на одной из последних смен в рамках проведения летней смены «ТеМы» на Белом море, мы попросили профессионального биолога подготовить для нас лекцию на тему эволюции человека; такая информация стала бесценным материалом для последующей философской дискуссии по заданной проблематике.

Для каждой новой смены лагеря мы предлагаем новую философскую тему, которую планируем детально и всесторонне исследовать на протяжении всех (3/10/15 дней) смены. Так, за годы практики в рамках смен философского лагеря уже были рассмотрены такие базовые философские категории как: красота, чудо, любовь, мечта, язык, человек, коммуникация, природа и многие другие. Важная особенность философского лагеря «ТеМы» состоит в том, что каждая смена является уникальной, и темы, отобранные для проведения той или иной смены, не используются повторно [2].

В рамках работы лагеря мы практикуем различные формы философствования с детьми. Данная практика прежде всего направлена на развитие рационального, а также эмоционального мышления, и помогает детям глубже погрузиться в тему философской дискуссии. Педагоги программы широко применяют технику философского диалога, основанную, в том числе, на идеях Липмана М. (*Matthew Lipman*), которая, прежде всего, направлена на развитие логических и рациональных механизмов мышления. Однако наряду с рациональным мышлением существует эмоциональное, которое мы также стремимся развивать в рамках философской практики. В частности, в занятия включены элементы философской игры, разработанной профессором Л. Ретюнских [2]. Включение в практические занятия различных форм экспрессивного искусства, таких как перформанс, ролевая игра, инсталляция, философский театр и других, позволяет значительно расширить возможности и предложить новые «инструменты» для философствования. Так, работая с различными видами текста (сказки, мифы, мультфильмы, фильмы и др.), мы обсуждаем заложенные в них идеи, учимся задавать вопросы и отвечать на них, а также с помощью различных средств художественной выразительности (рисунка, инсталляции, театральной постановки и др.) включаем эмоциональное мышление, которое позволяет значительно глубже погрузиться в исследуемую философскую проблему, «прожить» ее с разных сторон.

Мышление – это естественный акт, на который способен каждый из нас, начиная с раннего возраста. Выражение собственных мыслей является основным требованием философской практики как со взрослыми, так и с детьми. Во-первых, это дает возможность лучше понимать собственные идеи и алгоритмы порождающего их мышления. Во-вторых, проговаривание мыслей вслух позволяет выявлять некоторые трудности, которые свойственны мышлению как таковому: его непоследовательность, противоречивость, тавтологичность и т. д. В-третьих, это дает толчок для развития критического мышления: не принимать все на веру, осознавать причины сказанного, видеть разнообразие позиций и

подходов. Философствование с детьми и взрослыми видит своей основной задачей развитие навыков контроля собственного мышления, а также развитие мышления критического [3].

Основными элементами, на которые опирается предлагаемая нами философская практика, являются: вопрошание, проблематизация, концептуализация, аргументация. Данные элементы являются в то же время и навыками, которые обретает ребенок в ходе занятий философией. Помимо вышеперечисленных достоинств практики, есть и другие немаловажные аспекты, о которых стоит упомянуть отдельно. Философствование с детьми (так и со взрослыми) – это прекрасная возможность для социализации. В ходе философской практики, выражая собственные мысли, каждый может не только выделиться из группы, но и вступить с другим участником в диалог, настроить свое понимание на мысли другого. Критическое мышление предоставляет в некотором смысле уникальную возможность – изменить позицию другого, а также и свою собственную. Любая проблема или трудность, возникающая в ходе практики, может стать объектом, заслуживающим особого обсуждения и осознания.

Поскольку любая мысль может быть опровергнута в ходе философской беседы, это вырабатывает у участников привычку занимать позицию наблюдателя-исследователя, отделяться от своих взглядов, рассматривать любую идею как бы со стороны. Такой подход во многом позволяет сменить компульсивную, эмоциональную реакцию, вызванную той или иной идеей, на последовательное и рациональное ее осмысление [3].

Таким образом, философский лагерь – это уникальный проект, направленный на развитие и выработку навыков рационального выбора, критического мышления, аргументации и интерпретации в процессе непрерывной философской практики в рамках всех активностей смены.

Литература:

1. Ретюньских Л.Т. Игра и статус детства // Проблемы современного образования. 2016. №6. С. 9 –19.
2. Ретюньских Л.Т. Путешествие в лабиринтах мудрости. Философия для младших школьников. Книга для совместного чтения и размышлений детей 8-10 лет. 2-е издание, переработанное. М.: Вита-Пресс, 2019. 173 с.
3. Лазарева Ю.А., Трушикина Е.Ю. Философствование с детьми как педагогическая практика // Философия – детям. Эмоциональное и рациональное. Материалы Седьмой Международной, Научно-практической конференции. Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова (МОСКВА-Санкт-Петербург, 2-6 ноября 2016 г.) / Ред. Л.Т. Ретюньских. М.: Издатель Воробьев А.В., 2016. С.85 – 87.

Творческая среда в развитии философского мышления

Тузова В.Л.

Санкт-Петербургская Академия постдипломного педагогического образования, аспирант

vera_tuzova@mail.ru

Аннотация. Современная философская антропология характеризует человека как существо деятельное, свободное, незавершенное, открытое миру, наделенное способностью к творчеству. Обладая способностью рефлексии и накапливая опыт практической активности, человек способен увеличивать свои возможности. В современном тревожном мире именно философское мышление может способствовать разрешению целого ряда острых современных проблем. Философское мышление можно развивать в творческой среде, которая представляет собой систему условий и возможностей для развития, реализации, формирования личности, становления субъектности. Творческая среда создается в процессе жизнедеятельности коллектива. Творческая жизнедеятельность – это процесс взаимодействия человека с миром, окружающими людьми и с самим собой, где происходит реализация личностного потенциала и создание нового для всего общества, для своего коллектива и лично для себя. Условиями личностного развития, формирования философского мышления в творческой среде становятся отношения творческого содружества поколений, коллективная творческая деятельность, коллективная организация жизни.

Ключевые слова: творческая среда, философское мышление, творческая жизнедеятельность, коллективная рефлексия.

Creative Ambience in the Development of Philosophical Thinking. Tuzova V.L.

St. Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education

Abstract. Modern philosophical anthropology characterizes a person as an active, free, incomplete, open to the world, endowed with the ability to creativity. Possessing the ability of reflection and accumulating the experience of practical activity, a person is able to increase his abilities. In today's troubled world, it is philosophical thinking that can help resolve a number of the most acute contemporary problems. Philosophical thinking can be developed in a creative environment, which is a system of conditions and opportunities for the development, implementation, formation of personality, the formation of subjectivity. The creative environment is created in the process of the life of the team. Creative life activity is a process of a person's interaction with the world, surrounding people and with himself, where the realization of personal potential and the creation of a new one for the whole society, for his team and for himself are taking place. The conditions of personal development, the formation of philosophical thinking in a creative environment are relations of a creative community of generations, collective creative activity, collective organization of life.

Keywords: creative environment, philosophical thinking, creative life, collective reflection.

Современное общество социологи называют тревожным: неопределенность, растущее социальное расслоение, экологические проблемы – эти и другие вызовы приводят к пониманию важности философии, которая помогает подняться над суетностью жизни. По мнению Е.А. Пушкарёвой, философская рефлексия способствует постижению жизни как целостности, разрешению некоторых острых современных проблем, помогает сделать лучше не только жизнь, но и самого человека [1, с. 75].

Современная философская антропология характеризует человека как существо деятельное, свободное, незавершенное, открытое миру и его перспективам, наделенное способностью к творчеству, т.е. изменению окружающего мира и себя в нем [2, с. 16-31]. Она говорит о предназначении человека – стать тем, кем он уже с самого начала является (реализовать «заданное» и «должное»), поскольку человек есть человек в той мере, в какой он сам себя делает [3, с.1095-1097]. Тогда деятельность, как существенная и универсальная характеристика человека, состоит в том, чтобы «найти свой путь среди открытых перед нами возможностей» (К. Ясперс). Именно философская антропология предлагает изучать человека в его целостности и творческом проявлении. При этом свобода понимается через ответственность за действия, последствия которых человек должен в максимальной степени предвидеть (В.И. Вернадский, С.Л. Рубинштейн, Г.Л. Тульчинский).

Целостность личности обеспечивает культурная среда как имманентное условие духовной жизни человека. Философская антропология обосновывает способность человека понимать чужую культуру, осваивать ее, приносить свою культуру в культуру других людей (Э. Ротхакер, М. Ландман). Человек, являясь активной частью культурной среды общества, учится находить способы общения с окружающими, формирует индивидуальный «Я»-образ, строит себя в процессе взаимодействия с другими людьми, осваивает выработанные в обществе образы и смыслы, предьявляет и формирует собственные. Обладая способностью рефлексии и накапливая опыт практической активности, человек способен увеличивать свои возможности.

Мир в философской антропологии имеет ценностное измерение, он понимается как самоистолкование человека и раскрывается в зависимости от отношения человека к миру. Творчество, как потребность и способность человека изменять окружающую действительность и себя, является одной из экзистенциальных характеристик человека. Творчество, как высшее проявление свободы, предполагает выход за пределы наличного бытия и создание бытия нового, изменяющего, творящего самого человека и окружающий его мир. Благодаря способности человека к творчеству, его деятельность проективна – имеет незавершенный, открытый характер, постоянно создает «неопределенность», которая служит импульсом дальнейшего творчества.

Существует две позиции в определении творчества. Так, одни специалисты, в частности У. Эко, понимают под творчеством изобретения, которые несут новизну всему обществу, и которые общество готово признать, принять, усвоить и использовать. Другие, например Н. Роджерс, творчеством считают создание нового, ранее не бывшего для всего общества, а для своего коллектива или лично для себя: «Творчество исходит из нашего целостного существа, и у каждого из нас есть врожденное стремление и потребность выражать себя, используя воображение и внутренние ресурсы» [4, с.65]. Объединяя оба мнения, считаем, что творчество важно и для совершенствования окружающей жизни, и для самовыражения и личностного роста человека. Таким образом, философская антропология описывает человека как обладающего непрерывным развитием, наделенного способностью к свободной творческой деятельности, т.е. выбирающего из уже существующего и еще не существующего, строящего жизнь и несущего за это ответственность.

Педагогическая антропология, базирующаяся на принципах философской антропологии, рассматривает человека как предмет не только воспитания и самовоспитания, но и становления и самоосуществления, развития и саморазвития в многогранных проявлениях его бытия [5, с.24]. Показывая человека в движении, в постоянном преобразовании себя, в самообразовании (создании собственного образа), педагогическая антропология, как отмечает И.А. Колесникова, разрабатывает практические пути работы с человеком в его целостности [6, с.79]. Педагогическая деятельность рассматривается как деятельность по созданию условий саморазвития и самовоспитания человека, поиска возможностей свободного и творческого действия человека, обеспечения для него пространства выбора.

Отмечая значимость создания условий для творчества, Н. Роджерс сравнивает внутренний мир человека с тайным садом, местом, где живёт наше внутреннее «Я». Он показывает разные возможности творческого совершенствования. Творческие люди растут сами, без чьей-то помощи, другие развивают в себе творческие импульсы как реакцию на враждебное окружение, используя творчество как способ выживания. Однако большинство людей ощущает прилив творческих сил тогда, когда находятся в благоприятной среде [4, с. 64-73]. Поэтому необходима творческая атмосфера в создании стиля жизни, способствующего максимальной самореализации человека. Кроме того, существует настоятельная необходимость в помощнике – фасилитаторе (учителе, консультанте, родителе), который создаст такое окружение, такую среду, в которой люди смогут актуализировать свой творческий потенциал.

Интерес к влиянию среды на процесс развития ребёнка возник в России в 20-х гг. XX века. Благодаря исследованиям Г.А. Ковалёва, Ю.Г. Абрамовой, И.В. Равич-Щербо, В.И. Панова, В.В. Рубцова, В.И. Слободчикова, Е.А. Климова, В.А. Ясвина разработано понятие «образовательная среда», сформировались разные модели среды, концепция развивающей образовательной среды, которая предлагает рассматривать «возможности» среды для удовлетворения потребностей ребёнка. Используя «теорию возможностей» Дж. Гибсона, В.А. Ясвин определил образовательную среду как систему влияний и условий формирования личности и возможности для ее развития, которые содержатся в социальном и пространственно-предметном окружении [7, с.14]. Свободному развитию активного ребёнка способствует творческая образовательная среда.

В.А. Ясвиным также были выделены пространственно-предметный, информационно-органи-

зационный, технологический и социальный компоненты образовательной среды. В формировании и развитии личности наибольшее значение имеет социальный компонент. Используя положения В.А. Ясвина, определим творческую среду как систему условий и возможностей для развития личности, становления субъектности. Отметим, что творческая среда создается в процессе жизнедеятельности коллектива. Творческая жизнедеятельность – это процесс взаимодействия человека с миром, окружающими людьми и с самим собой, где происходит реализация личностного потенциала, создание нового для всего общества, для своего коллектива и лично для себя [8, с.415-417]. Именно в творческой жизнедеятельности создаются условия для личностного развития, для формирования философского мышления, для творческого содружества поколений, коллективной творческой деятельности.

Одной из форм организации общей жизни учащихся младшей школы является общий сбор. На нём проходит планирование и обсуждение коллективных событий, осуществляется коллективная рефлексия над происходящим [9, с.40-45]. Общие собрания проходят также в воспитательном коллективе – коллективе взрослых (учителей и родителей), где также высказываются предложения по формам и содержанию работы и мнения о проведенных творческих делах. На одном из таких собраний коллектива «Светлячок» возникла идея летней развивающей тетради для первоклассников, которая стала педагогическим проектом по решению проблемы – поиска условий успешной учебы, развития у детей класса заботливого отношения к окружающей жизни и окружающим людям. В тетради, созданной с учетом возрастных особенностей детей и их интересов, были представлены разнообразные задания и философские вопросы, направленные на понимание себя и окружающей жизни: Чему ты научился в этом году? Что тебе нравится в школе? Чему ты хочешь научиться летом? и др. На общих сборах после летних каникул проводились обсуждения творческих тетрадей и поставленных в них вопросов. Позднее были созданы тетради для каждого класса начальной школы с учетом предложений ребят и взрослых, изменяющихся интересов и возрастных особенностей [10, с. 110-117].

Для выпускников начальной школы была разработана тетрадь «Литературные путешествия светлячков», построенная на любимых произведениях родителей. Было использовано пятьдесят художественных текстов для детей, придумано множество заданий по семнадцати темам и сформулированы новые философские вопросы: В чем разница между вежливым человеком и воспитанным? Почему «вежливость — это ещё не всё воспитание»? Почему люди по-разному воспринимают то, что происходит? Ты знаешь, кем ты будешь? Почему? Что для этого нужно уметь? Есть ли в вашей семье вещи, которые передаются по наследству? Почему важно знать и не нарушать обычаи других стран? и др.

Вопросы, которые обращают ребенка к самому себе, воспитывают культурного, думающего человека. Все события творческой жизнедеятельности, построенные на общении и взаимодействии ребят и взрослых, создают почву для развития философского мышления.

Литература:

1. Пушкирёва Е.А. Философское мышление для формирования рефлексивности познания в образовательном процессе // Электронный журнал «Вестник Новосибирского государственного педагогического университета, 2012, №1(5). С.74-78.
2. Сергейчик Е.М. Основные идеи философской антропологии. // Гуманитарная культура учителя: Сборник статей /Сост. Н.И. Элиасберг; под ред. В.Г. Воронцовой. СПб.: СПбГУПМ, 2002. С.16-31.
3. Абушенко В.Л.//Новейший философский словарь: 2-е изд., переработ. и дополн. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2001. С.1095-1097.
4. Роджерс Н. Фасилитация творчества // Вопросы психологии. 2007. №6. С.64- 73.
5. Липская Л.А. Философско-антропологический фундамент современного образования // Педагогика, 2006. №2. С.23-28.
6. Колесникова И.А. Педагогическая реальность: опыт межпарадигмальной рефлексии. Курс лекций по философии педагогики. СПб.: «ДЕТСТВО-ПРЕСС». 2001. 288 с.
7. Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. М.: Смысл. 2001. 365 с.
8. Тузова В.Л. Творческая жизнедеятельность как условие развития заботливости, активности и самостоятельности в начальной школе // Проблемы психолого-педагогической работы в современном образовательном учреждении. СПб.: НИЦАРТ. 2017. С. 415-417.
9. Тузова В.Л. Ещё раз про общий сбор// Начальная школа плюс ДО и ПОСЛЕ. М. 2006. №3. С.40-45.
10. Тузова В.Л. Педагогический проект «Летняя тетрадь» как фактор развития учащихся, родителей и педагога// Методологическое и методическое обеспечение образовательных достижений. СПб. «Школа «Эпиграф». 2013. С.110-117.

2020_RFK_217_

*Симпозиум «Философские проблемы когнитивистики
и неоматематика»*

Баксанский О.Е.

ФГБОУ ВО МПГУ, Москва. Доктор философских наук, профессор

obucks@mail.ru

Скоробогатова А.В.

ФГБУН ФИАН им. П.Н. Лебедева РАН, Москва, аспирант

9197775727@bk.ru

Аннотация: Мировоззрение каждого отдельного человека и общества в целом возникает как результат овладения ими информацией о сущности мира и характере их взаимодействия с ним. На сегодняшний день методологическая область образования характеризуется фрагментарным видением, целостная картина проблем и единая традиция их постановки и интерпретации не сложилась.

Ключевые слова: картина мира, образование, когнитивная наука, когнитивная методология, философия образования.

Abstract: The outlook of each certain person and society in general arises as result of mastering by them information on essence of the world and the nature of their interaction with him. Today the methodological field of education is characterized by fragmentary vision, the complete picture of problems and uniform tradition of their statement and interpretation hasn't developed.

Keywords: world picture, education, cognitive science, cognitive methodology, education philosophy.

Постижение смысла своего существования – это главная и значимая задача человечества, которая волнует его с давних времен. Еще философы древности полагали найти ее решение в осмыслении законов мироздания, а также места человека в нем (Зенон, Сократ и Платон). Теологи, в свою очередь, стремились находить жизненные цели в вере (Бернар Клеровский либо Августин Блаженный). Определенный призыв к интроспективному наблюдению, как к некому единственно возможному пути познания внутреннего мира были озвучены в работах Мена де Бирака и Б.Паскаля, которые разделяли познание окружающей действительности и самопознание [1].

Кьеркегор, представитель датской идеалистической философии, описывал три стадии саморазвития, а именно: этическую, эстетическую и религиозную, на пути к пониманию смысла своего существования. Философ также указывал на тот факт, что далеко не каждый человек может постичь смысл своей жизни.

Похожей была теория Э. Гуссерля, который говорил о методе уяснения смысловых полей, как интуитивного усмотрения идеальных феноменов, которые обладают непосредственной достоверностью. Поясним, жизненные ценности согласно автору, могут характеризоваться точной универсальностью, теоретически, доступной многим, но, достижение будет носить индивидуальный характер, а также происходит на разных этапах жизненного пути.¹

Когнитивный компонент – это выбор целей, предпочитаемые личностью, для определения собственных жизненных ориентиров, а аффективный компонент – это эмоциональные реакции, которые выражаются в негативных либо позитивных переживаниях личности, при ее взаимодействии с другими людьми либо обществом, при выполнении некой деятельности.

М. Рокич выделил два вида ценностей: терминальные и инструментальные. Согласно его мнению, терминальные ценности могут быть представлены в виде глобальных человеческих ценностей, направленностях и личностных смыслах, а инструментальные ценности, в свою очередь, представлены средствами, используемыми человеком для достижения собственных жизненных целей. Мы ввели для исследования первым делом М. Рокича, так как его главной заслугой является попытка определить ценности, которые смогли бы стать общими для всего человечества, однако они имели бы различную степень выраженности, в зависимости от индивидуальных особенностей любой личности.

¹ Психологические, философские и религиозные аспекты смысла жизни (материалы III –V симпозиумов). –М., 2001.

Первой системой практической психологии, которая обратилась к понятию личностного смысла для поведения человека был психоанализ. В трудах З.Фрейда впервые можно обнаружить понятие смысла, которое было включено в ряд объяснительных понятий научной психологии. Но тут, Д.А. Леонтьев делал оговорку касательно «двух теорий» Фрейда, то есть клинической теории, а также метапсихологии, согласованность между которыми определяла желать лучшего.

Первую альтернативу фрейдскому пониманию личностного смысла, предложил А.Адлер, который связал поведенческие смыслы со смыслом жизни всей личности, а также ее жизненным стилем и планом. Смысл жизни у А.Адлера является первичным касательно смысла отдельных действий, так как он связывает смысл жизни с представлениями о трех фундаментальных жизненных проблемах, которые вытекают из трех аспектов бытия человека, а именно:

- факт жизни на Земле, который порождает проблемы труда и профессионального самоопределения;
- факт жизни человека в общества, который порождает проблему межличностных отношений, дружбы и кооперации;
- факт существования двух полов, который порождает проблему любви и брака.

Смысл жизни, согласно А.Адлеру — это определенному данными тремя связями понятие, где верное решение данных проблем помогает обрести личностный смысл [2].

Центральным понятием личности в работах американского психолога К.Роджерса является самость. К. Роджерс понимает самость, как «организованную, подвижную, но последовательную концептуальную модель восприятия характеристик и взаимоотношений «Я», или самого себя, и вместе с тем систему ценностей, применяемых к этому понятию». По мнению американского психолога, самость формируется не только под воздействием индивидуальных особенностей личности, но и путем заимствования общественных ценностей. Заимствованные ценности очень часто воспринимаются человеком, как свои собственные. Самость, как считает К. Роджерс, является ядром личности и представляет собой подвижную модель взаимовосприятия, оценки своих собственных чувств и поступков, хранилищем ценностных ориентаций. Таким образом, К. Роджерс понимает самость, не как застывшую структуру личности, а как постоянно изменяющуюся. Главной направленностью личности, по К. Роджерсу, является стремление к самоактуализации, благодаря которой, человек реализует свой сущностный потенциал. Другими словами, главным смыслом и ориентиром личности является ее стремление к росту и развитию своих человеческих возможностей. Сущность человека, определяется К. Роджерсом, как изначально добрая. Таким образом, человек в своем поведении, в своей жизнедеятельности изначально направлен на совершение добрых поступков, на любовь к «ближнему» и на созидание, и творческую деятельность [3].

Обсуждая возможности нахождения смысла своего существования, автор указывал на многообразие вариантов, которые существовали для каждой определенной личности: смысл, опираясь на его концепцию, может быть найден в любви, работе, неудачах либо в понимании конечности собственного существования. Уникальные смыслы индивидуальных ситуаций – это основа саморазвития, а также самоактуализации человека и основа его индивидуальности. Уникальный выбор способа реализации собственного смысла опирается на совесть индивида, которая связана с общечеловеческими ценностями, сформированными Франклом как ценности переживания, творчества и отношений.

В. Франкл подчеркивал важность факта соблюдения моральных и нравственных норм общества для адекватного построения смыслового жизненных ориентаций любого человека.

Так, С. Мадди, автор концепции жизнестойкости, определял интегральную личностную черту, которая ответственна за успешность преодоления человеком жизненных трудностей, включал в нее: вовлеченность в ход жизни, уверенность в подконтрольности серьезных событий собственной жизни и готовность проявлять контроль [4].

Теория закономерности развития смысловой сферы личности, несмотря на свое богатство, объединяется в положение о зависимости процесса целеполагания степени цивилизованности и просвещенности социума. Условно можно в данной теории выделить три группы:

1. Те, что определяют ценностные ориентации общества, как основу для создания смыслового жизненных ориентаций определенной личности;
2. Те, что рассматриваются в качестве самых существенных для хода целеполагания отдельно значимых для личности ситуаций;

3. Утверждающие возможности создания смысла жизни личностью независимо от внешних обстоятельств [5].

Личность, как главный фактор создания смыслового жизненных ориентаций, рассматривали представители концепции «Я–мир». Основателем данной концепции Дж. Бюдженталь говорил, что баланс элементов конструкта «Я и мир», оказывающий мощнейшее воздействие на процесс целеполагания, может создавать для личности способы восприятия и переработки информации, которая поступает из окружающей среды. Непосредственно смысл – так называемое внутренне зрение – позволяет понять, в какой степени человек подчинился абстрактным нормам и правилам в противовес внутренней природе.

Смысловая сфера личности может быть определена общей направленностью жизни субъекта как целого, обеспечивая смысловую регуляцию целостной жизнедеятельности во всех ее аспектах. Истинный смысл жизни человека будет определяться по объективным направлениям жизни, который репрезентуется как адекватное переживание интенциональной направленности своей жизни. В ходе характеристики смысла жизни, как обобщенной и стержневой динамически смысловой системы (ДСС), Леонтьев определял ее как «относительно устойчивую, а также автономно иерархически организованную систему, которая включает в себя ряд разно уровня смысловых структур, функционируя при этом, как единое целое [6].

Помимо вышеперечисленных авторов, проблемами смыслового жизненных ориентаций занимался выдающийся психолог С.Л. Рубинштейн, который в ходе рассмотрения ценностей личности писал, что они производны от соотношения человека и мира, выражая при этом то, что в мире, включая и то, что создает человек в ходе истории, значимо для человека. Другими словами, автор подчеркивал значимость субъективного отношения к миру, а также его преобразующей деятельности. Рубинштейн полагал, что смыслового жизненные ориентации могут характеризовать субъект – как личность.

Исходя из этого можно сказать, что С. Л. Рубинштейн и другие отечественные психологи могут связывать личность с высшими нравственным, этическими и ценностными ценностями. Если рассматривать смыслового жизненные ориентации с точки зрения субъектно–деятельностного подхода, то процесс становления личности будет происходить в прямой связи деятельности окружающего мира и субъекта. Только совершенствуя и преобразуя окружающий мир, личность может стать исследователем субъективной реальности [7].

В.С. Мухина также определяла понятие смысла жизни, как психологический способ переживания жизни в ходе ее осуществления. Согласно ее учению, смысл жизни – это не только будущее, либо жизненная цель, но и постоянное ее осуществление. Исходя из этого, в процессе достижения поставленных целей, человек не утрачивает смысл, а только усиливает его [8].

Таким образом, можно отметить, что единого, общего взгляда на понятие «смысл жизни» среди психологов, как отечественных, так и зарубежных, не прослеживается. Однако проведенный выше обзор психологической литературы показывает, что в процессе психического развития человека происходит иерархизация смыслов, возникает рефлексия, складывается обобщенное отношение к жизни, расширяется ценностно–смысловое пространство личности, выстраивается единая жизненная линия и выявляются противоречия между нею и жизненными обстоятельствами, возникает направленность на цели, связанные с отдаленным будущим. Смысл жизни в процессе возрастного развития облегчает межфазовые переходы, а его ломка или сужение негативно сказываются на целостности личности, ведут к ее деградации [9].

Смыслового жизненные ориентации могут определять центральную позицию личности, которая в процессе формирования на всех возрастных этапах, придает смысл собственному существованию человека и является одной из главных духовных потребностей в любом возрасте. Осознание человеком своего места в обществе, уникальное видение мира, интересы и представления о реализации целей являются основополагающими при создании гармонического целого отношения к миру. Синтез этих составляющих формируют смысл жизни человека, который направляет затем, весь ход истории жизненного пути. Смысл доступен любому человеку вне зависимости от пола, возраста, характера [10].

На ценностно–смысловую сферу личности в каждом возрастном периоде жизни оказывают влияние не только события настоящего времени, и обстоятельства, сложившиеся в нем, но и в значительной мере важен ход развития личности на предыдущих этапах. Важнейшей задачей на пути к становлению внутренних содержательных смыслов является благополучное разрешение онтогенетических кризисов в процессе жизненного пути человека [11].

Ключевым понятием должна стать категория «готовности» к будущему. Готовности и учителя, и ученика. Только через призму «готовности» можно оценить всё имеющееся у нас многообразие методологических средств образования. В большинстве случаев, в условиях укрупненных образовательных комплексов присутствуют в том или ином виде многие из тех элементов, которые необходимы для формирования соответствующей образовательной среды. Но между этими элементами не установлена адекватная система связей, не создана соответствующая топология, которая, в свою очередь, определяется системой целеполагания всей образовательной деятельности. Если целью становится готовность выпускника к успешному движению в мире конвергентных технологий, то и образовательная среда школы обязана структурироваться совершенно иначе.

Как всегда, это ключевой вопрос. Но на него, скорее всего, нет прямого, «технологического» ответа. И это, в данном случае, вполне соответствует логике решаемой проблемы. Выскажем осторожное предположение, что «прямого», логически выверенного пути к вхождению в мир будущего просто не существует. Как, собственно, нет логики и у самого будущего. Неопределенность, многовариантность будущего требует от своих участников готовности именно к неопределенности и многовариантности. Если угодно, готовности к тому, что все может прекратиться в любой момент. И ничего пугающе-страшного в этом нет. Логике и определенности будущего нет, но есть люди как носители замыслов, целей, идеальных представлений и возможностей коммуникации. Поэтому первый шаг, предлагаемый нами, не содержит в себе особой премудрости: максимально расширить число и разнообразие коммуницирующих субъектов образовательной среды [12].

Сделать их коммуникацию неформальной и внесистемной, что не означает хаотичности и беспредметности. Внутри современного образовательного сообщества, несмотря на его постоянное внешнее расширение, сохраняется слишком много внутренних границ – коммуникативных барьеров. Не всегда полезно разрушать все барьеры, но естественное размывание границ уже идет, вне зависимости от нашего желания. Информационные потоки цифрового мира всё увереннее ликвидируют главную границу – между имеющими и не имеющими доступ к информации. Универсальность доступа к информации существенно меняет статус учителя. Причём путей возможного изменения два.

Литература,

1. Аронов Р.А., Баксанский О.Е. Когнитивная стратегия А.Эйнштейна// Вопросы философии, 2005, № 4, сс. 66-75.
2. Баксанский О.Е. Когнитивные репрезентации: обыденные, социальные, научные. – М., 2009.
3. Баксанский О.Е. Методологические основания модернизации современного образования// Философия и культура, 2012, № 9, сс. 105-111.
4. Баксанский О.Е. Физики и математики: анализ основания взаимоотношения. – М., 2009.
5. Баксанский О.Е. Философия, образование и философия образования// Педагогика и просвещение, 2012, № 2, сс. 6-19.
6. Баксанский О.Е., Гнатик Е.Н., Кучер Е.Н. Естествознание: современные когнитивные концепции. – М., 2008.
7. Баксанский О.Е., Гнатик Е.Н., Кучер Е.Н. Нанотехнологии. Биомедицина. Философия образования в зеркале междисциплинарного контекста. – М., 2010.
8. Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Когнитивный образ мира: пролегомены к философии образования. – М., 2010.
9. Баксанский О.Е. Когнитивные науки: От познания к действию. М., 2005.
10. Баксанский О.Е., Кучер Е.Н., Плигин А.А. Личностно ориентированный подход к обучению физике.\\ Физика в школе. 2003. № 4.
11. Баксанский О.Е., Чистова М.В. Проблемное обучение: обоснование и реализация.\\ Наука и школа. 2000. № 1.
12. Дергачева Е.А., Баксанский О.Е. Социотехноприродная реальность: социально-экономические риски конвергенции.\\ Фундаментальные исследования. 2016. № 12-3. С. 612-617.

Субъектно-ориентированные образовательные среды в преподавании физики

Бычков С.Н.

Московский педагогический государственный университет, профессор кафедры педагогики Института «Высшая школа образования». Доктор философских наук

byte@mail.ru

Зайцев Е.А.

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, заведующий сектором истории математики, к.ф.-м.н.

e_zaitsev@mail.ru.

Аннотация. Сегодня всё более актуальной становится задача создания субъектно-ориентированных образовательных сред для различных школьных дисциплин. Одной из наиболее сложных в этом отношении является физика. В работе показано, что при изложении простейшего физического закона - закона инерции - главную помощь должны оказать не возможности современных ИКТ, а обращение к реальной истории механики. Когда законы классической физики (законы Ньютона) уже известны, конкретные исторические обстоятельства их открытия выглядят малозначительными. Совсем по-иному данные обстоятельства выглядят в контексте воссоздания исторической картины открытия этих законов. То, что выглядело несущественным, оказывается весьма и весьма существенным (роль возрастающего использования махового колеса в технике XVI в.). Без осознания учащимся данного факта едва ли возможен переход от овладения физикой на уровне сведений к более глубокому уровню понимания сущности физических законов.

Ключевые слова: образовательная среда, научная революция XVII в., закон инерции.

Subject-oriented Educational Environments in Physics Teaching.

Bychkov S.N.; Zaitsev E.A.

Moscow Pedagogical State University; S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, RAS

Abstract. Today the task of creating subject-oriented educational environments for various school disciplines is becoming more and more urgent. One of the most difficult in this regard is physics. The paper shows that when describing the simplest physical law - the law of inertia - the main help should be provided not by the capabilities of modern ICT, but by referring to the real history of mechanics. When the laws of classical physics are already known, the specific historical circumstances of their discovery seem insignificant. These circumstances look very different in the context of recreating the historical picture of the discovery of these laws. What looked insignificant turns out to be highly significant (the role of the increasing use of the flywheel in the technique of the XVI century). Without students' awareness of this fact, it is hardly possible to move from mastering physics at the level of information to a deeper level of understanding of the essence of physical laws.

Keywords: educational environment, scientific revolution, the law of inertia.

Сегодня много говорится о необходимости создания субъектно-ориентированных образовательных сред для преподавания школьных дисциплин. Если в математике эта идея нашла практическое воплощение благодаря заделу, созданному работами Д. Пойа, И. Лакатоса, Г. Фройденталя, то в физике по-прежнему господствует объектно-ориентированный стиль преподавания. Благодаря современным информационно-коммуникационным технологиям в исследовательской работе ученых-физиков произошли существенные изменения, однако они никак не отразились на практике обучения этой дисциплине.

Более полувека назад, когда ИК-технологии находились еще в зачаточном состоянии, А.Н. Колмогоров отметил возможность компьютерного моделирования такого сложного явления, как

поэзия: «Вся поэма («Евгений Онегин» – авт.) представляет собой неразложимое единство, где все обусловлено и необходимо, нельзя выкинуть ни одного слова без нарушения целостности и т.д. Но каждый, знакомый с конкретными путями творчества (хотя бы по черновикам поэта), легко поймёт, что это неразложимое и неповторимое единство создано из множества случайностей. Будь совершенно несущественные детали жизненного опыта Пушкина немного другими, такое же неразложимое единство создано бы из других имён, сравнений, отдельных ритмических ходов и т.д. Следует обдумать такой мысленный эксперимент: не только существенные черты эпохи, но даже все наследственные и воспитанные черты автора остаются неизменными, а меняется только погода в дни написания отдельных строф, путевые впечатления Пушкина при поездках, вывески в Торжке, которые ему попадались на глаза и т.п. Мне кажется, что легко понять, что разложенный на буквы, слова и отдельные строки **ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН**, написанный при таком изменении условий, оказался бы совсем другим в смысле этих составляющих его материальных элементов. <...> Так же обстоит дело и с самим Пушкиным, и с любым человеком» [1, с. 210–211].

Данные слова можно понять как осторожный намек выдающегося математика на возможность компьютерного моделирования указанных обстоятельств.

Мысли А.Н. Колмогорова, касающиеся поэтического творчества, можно было бы следующим образом учесть при создании субъектно-ориентированной среды в физике. Поскольку в своем современном виде эта дисциплина восходит к работам Г. Галилея, Р. Декарта и И. Ньютона, то воссоздание хода мысли её родоначальников могло бы облегчить многим школьникам овладение её непростыми понятиями.

Успехи искусственного интеллекта в решении формализованных задач подспудно рождает надежду на то, что рано или поздно ему удастся справиться и с теми проблемами, которые пока еще плохо поддаются формализации. В частности, что он сможет воссоздать предпосылки, приведшие в работах классиков теоретической механики к созданию тех самых формализмов, в рамках которых так хорошо работают современные компьютерные технологии. Тем самым при помощи искусственного интеллекта будет заложена основа для создания субъектно-ориентированной образовательной среды в преподавании физики. Насколько обоснованы эти надежды?

Наиболее элементарными формализмами современной физики являются три закона классической механики – принцип инерции, закон пропорциональной зависимости ускорения от силы и закон равенства действия и противодействия. Казалось бы, вопрос об использовании искусственного интеллекта для моделирования процесса становления этих законов (в рамках проектируемой информационной образовательной среды) может быть решен положительно. Действительно, представим машину, которая анализирует массив информации, относящейся к движению, распознает однотипные виды этих движений и, обнаруживая их характерные свойства, выражает их в виде формализмов классической механики (т.е. в форме дифференциальных уравнений).

Однако именно при объяснении *происхождения* ньютоновских законов подобный эмпирический подход терпит неудачу. Из простого наблюдения над природными (и даже техническими) движениями – в принципе – невозможно извлечь идеи, лежащие в основе этих законов. Покажем это на примере принципа инерции.

Согласно этому принципу тело, на которое не действуют силы, сохраняет состояние покоя или равномерного прямолинейного движения. Если первая часть – о сохранении покоя – не вызывает возражения, то вторая – о сохранении прямолинейного движения, напротив, представляется проблематичной. Опыт повседневной жизни учит, что в отсутствие поддерживающей силы движение обречено на остановку. Налицо противоречие, которое никакой искусственный интеллект разрешить не в силах.

Чтобы понять «механизм» формирования идеи инерции, следует обратиться к истории научной революции, в ходе которой инерциальные движения были возведены в ранг всеобщих законов природы.

В средние века считалось (в соответствии с точкой зрения наивного эмпиризма, характерного и для современного школьника), что всякое насильственное движение, происходящее в отсутствие внешнего агента, обречено на остановку (типичный пример – полет брошенного камня или вращение мельничного жернова после удаления силы). При этом полагали, что замедление движения происходит из-за постепенного уменьшения импульса – силы, вложенной в тело в начальный момент. Уменьшение импульса объяснялось действием сил сопротивления – внешних и внутренних. К внешним причинам

относили силу трения и силу сопротивления среды. К внутренним относили, прежде всего, склонность к противоположному движению (*inclinatio ad motum oppositum*). Так, в средние века полагали, что при броске камня вверх его импульс уменьшается под действием силы тяжести. Другой внутренней причиной замедления считалась естественная склонность тел к покою (*inclinatio ad quietem*); её действием объясняли остановку «нейтрального» движения, не являющегося ни естественным, ни насильственным. К нейтральным движениям относили, например, вращение мельничного жернова, продолжающееся после прекращения действия на него движущей силы.

Очевидно, что понятие инерциального движения предполагает возможность абстрагирования от вышеперечисленных видов сопротивления. В этом, однако, и состоит главная трудность. С точки зрения наивного эмпиризма, сопротивление в принципе невозможно элиминировать из теории. Если нет сопротивления – нет движения во времени, т.е. всякое перемещение должно происходить мгновенно. Особенно трудно было абстрагироваться от естественной склонности к покою, тормозящей движение даже тогда, когда внешнее сопротивление ничтожно мало, а склонность к противоположному движению отсутствует. Так, на вращение мельничного жернова практически не оказывает влияния ни сопротивление воздуха, ни трение (при хорошей смазке), ни сила тяжести (из-за его перемещения исключительно в горизонтальной плоскости).

Отказаться от учета склонности тяжелых тел к покою стало возможным тогда и только тогда, когда в поле зрения теоретиков попали новые, неизвестные ранее виды движения, в которых эта склонность «побеждалась» более сильным стремлением к продолжению движения. К движениям, обладающим указанным свойством, относится, в частности, вращение махового колеса. Оно обладает большим моментом инерции в силу того, что его вес сосредоточен в ободе, как можно дальше от оси вращения.

Как отдельный элемент, специально созданный для повышения момента инерции, маховое колесо вошло в обиход в XV–XVI вв., т.е. практически накануне научной революции. Оно применялось в качестве аккумуляторов энергии в машинах, создаваемых для **преодоления значительного сопротивления** (ворота для подъема руды из шахт, насосы для откачки воды с больших глубин, толчеи для измельчения руды и компонентов пороховой смеси). Кроме того, инерционность махового колеса использовалось при штамповке (чеканке) монет. В качестве регулятора, демпфирующего неравномерности вращения, оно вошло в состав токарных и прядильно-ткацких станков [2, 3].

Наличие реально работающих маховых колес говорит о том, что *практическое* освоение инерциального движения произошло раньше теоретической формализации соответствующего понятия и закона. В ходе экспериментов по созданию движений определенного вида практические механики нашли или, точнее, искусственно создали материальный носитель той идеи, которой через столетие суждено было стать понятием классической механики. Отметим, что практически все творцы новой науки XVII в. являлись приверженцами принципа круговой инерции (некоторые, как Галилей, вообще считали, что круговая инерция является единственно возможной) [4].

Внедрение маховых колес сопровождалось попытками понять причину их эффективности. Среди механиков XVI в. было распространено мнение о том, что при выполнении энергозатратных работ маховик служит дополнительным источником энергии. Считалось, что он «создает дополнительную силу», которая увеличивает «силу» машины-двигателя (в качестве этой машины обычно выступал человек). Разумеется, такое представление иллюзорно, ибо энергия вращающегося маховика в точности равна работе, затраченной на его раскручивание. Тем не менее именно это воззрение на маховое колесо мы встречаем у ведущих механиков-практиков XVI в.: Леонардо да Винчи, Григория Агриколы («О металлургии», 1556), Жака Бессона («Театр инструментов и машин», 1582), Фаусто Веранцио («Новые машины», 1585). По логике этих авторов свойственное маховому колесу стремление к продолжению движения создает энергию, необходимую для преодоления сопротивления, вызванного стремлением к противоположному движению или к покою. Парадоксальным образом, именно эта, некорректная с точки зрения классической механики идея, оправдывает отказ от учета сопротивления и принятие идеализаций классической механики.

Сказанное означает, что для восстановления хода мысли Галилея и Ньютона недостаточно разыскания и осмысления новых фрагментов их работ, ибо мысль учёного может управляться едва ли не более сложными законами, нежели мысль деятеля искусства. Для создания субъектно-ориентированной образовательной среды раскрытие подобных законов представляется одновременно и педагогически актуальной, и весьма интересной с точки зрения истории науки проблемой.

Литература:

1. Колмогоров А.Н. Семиотические послания // Успенский В.А. Труды по нематематике. 2-е изд., испр. и доп.: в 5 кн. Кн. 2: Филология. М.: Объединенное гуманитарное издательство, 2012. С. 207–250.
2. Зайцев Е.А. Идеальное движение // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2016. Т.2. № 2(8). С. 34–42.
3. Зайцев Е.А. Всеобщее содержание природы в зеркале практической механики (от античности до научной революции XVII в.) // Научные ведомости Белгородского университета. Философия, социология, право. 2017. Вып. 41. С. 12–19.
4. Зайцев Е.А. Нелинейная история становления понятия инерции в XVII в. // Турбулентная история науки и техники. Труды семинара ИИЕТ РАН 2018–2019 гг. / Отв. ред. Ю.Н. Батулин. М.: ИИЕТ РАН, 2019. С. 107–125.

Оптимизация обучения логике естественного языка как методу познания

Жалдак Н.Н.

Белгородский национальный исследовательский университет, доцент. Кандидат философских наук

zhnn3@rambler.ru

Аннотация: Данная статья посвящена обучению научно представленной системе логики естественного языка как методу познания. Логика естественного языка – это его логические средства и правила использования их для формирования понятий, суждений и умозаключений, т.е. для мысленного познания. Такие логические средства – это экзистенциальные квантификаторы («есть», «нет ни одного», «все», «не все», «только», «не только», «только все», «не только все», «все, кроме», «есть только» и т.п.; вопросительные слова и конструкции и др.) Для оптимизации обучения логике естественного языка как методу познания надо представить ее как научную систему, охватить ею как можно больше логических средств этого языка, усовершенствовать изобразительные (диаграммные и др.) методы чисто формального перехода от посылок к заключениям, организовать поэтапное целенаправленное обучение этой логике с детства. Автор в основном проделал в своей педагогической деятельности такую оптимизацию и опубликовал результаты.

Ключевые слова: наука учения, познание, естественный язык, логика, диаграммы, вопросы.

Optimization of teaching the logic of natural language as a method of cognition.

Zhaldak N.N.

Belgorod National Research University

Abstract: This article is devoted to teaching a scientifically presented system of natural language logic as a method of cognition. The logic of a natural language is its logical means and the rules for their use for the formation of concepts, judgments and conclusions, i.e. for mental cognition. Such logical means are existential quantifiers (“there is”, “no one”, “all”, “not all”, “only”, “not only”, “only all”, “not only all”, “everything, except”, “there is only”, etc.; interrogative words and constructions, etc.). To optimize teaching the logic of a natural language as a method of cognition, it is necessary to present it as a scientific system, to include in it with as many logical means of this language as possible, improve the pictorial (diagrammatic, etc.) methods of a purely formal transition from premises to conclusions, and to organize a phased goal-directed teaching in this logic since childhood. The author basically did this kind of optimization in his teaching activities and published the results.

Keywords: science, teaching, cognition, natural language, logic, diagrams, questions.

В статье о содержании конференции «Математика и будущее педагогики», посвященной 425-летию Я. А. Коменского, который называл математикой науку об учении как познании, среди актуальных проблем Меськов В. С. и др. отметили: «Отсутствие «Логики» в системе образования», а также «Преподавание языков в полилингвальном государстве», «Профессиональная ориентация», «Нужна ли школе ранняя профессионализация и как она влияет на развитие творческих способностей человека?». Меськов В. С., работая начальником управления гуманитарного образования Комитета по высшей школе Миннауки России, содействовал тому, чтобы автор этой статьи работал над решением первой из означенных проблем. Данная статья о результатах этой работы.

Автор основывался на признании естественного языка основным, на котором в части дисциплин с некоторыми искусственными привнесениями собственно и излагаются тексты, считающиеся научными, и основным на котором в науках и обучении им разъясняются все условности любых специальных искусственных языков. При этом существует проблема, как строго доказывать логическую правильность или неправильность выводов в рассуждениях на естественном языке. Эта проблема часто игнорируется и определение правильности рассуждений на естественном языке отдается на откуп интуитивной уверенности. Также признание логики методом познания требует сознательного контроля

над применением этого метода. Но в таком случае и обучение наукам должно включать обучение сознательному логическому контролю и самоконтролю.

Познание и обучение человека начинается и всю его жизнь продолжается с использованием естественного языка в целом и логических средств этого языка в особенности. Эти логические средства и правила оперирования ими в процессе формирования понятий, суждений и умозаключений, т.е. в процессе мысленного познания, составляют логику естественного языка. Эта логика служит методом познания. Обычно логика естественного языка используется интуитивно, а приобщение к такому ее использованию осуществляется спонтанно через общение с окружающими. Но эта логика, как и грамматика, может быть осознана, представлена как научная система и может использоваться с осознанием ее правил, как сознательно контролируемый метод. Такое научное представление системы логики естественного языка как метода познания посредством диаграмм и других изобразительных форм, выработал в процессе обучения студентов автор этой статьи [2]. Основной принцип отбора методов в таком представлении: обеспечить как можно более эффективное обучение, т.е. соответствие преподаваемого материала интересам эффективной деятельности, т.е. при затрате всех имеющихся ресурсов максимизировать получаемые нужные результаты за счет минимизации затрат на каждый отдельный нужный результат. В такой формулировке этот принцип является принципом оптимизации и всего обучения, в котором отдельным нужным результатом выступает выпускник, обладающий нужными компетенциями, и принципом построения системы логики, в котором отдельный нужный результат - это решенная логическая задача. Это же и необходимый принцип современной науки об обучении (неоматетики), поскольку наука вообще служит повышению эффективности обучения. Вполне в духе Я. Коменского будет сказать: Чтобы научиться эффективно действовать надо учиться у того, кто эффективно действует обучая. Автор сократил своими диаграммами и устройствами в десятки раз количество знаков необходимое для записи решения логических задач на построение и проверку умозаключений из атрибутивных суждений на естественном языке. Это позволяет учащемуся за 10-20 минут строить диаграммные умозаключения с 5-6 терминами со сложными терминами в посылках без потерь информации в заключениях. Далее - 4 принципа, производных от этого основного.

1. Познавая предмет, познавай его весь, а не только его часть. Обучаясь оперированию логическими средствами естественного языка надо охватывать все эти средства, а не искусственно выделенную и проинтерпретированную их часть. Автор составил наиболее полные словари логических средств языка, открытые для их дополнения. Те значения, которые придаются основным логическим средствам естественного языка массой его пользователей, и именно поэтому должны быть признаны свойственными этому языку, выявлял социолингвистическим исследованием, включавшим анкетирование и собеседование.

2. Не просто выучить и знать логические слова и другие логические средства языка, а понимать, что они обозначают, т.е. образно представлять их значения. Автор сделал словари логических форм суждений диаграммными. Предложенные им линейно-табличные диаграммы существования есть сокращенная форма передачи логической информации таблиц, древнего способа изображения множеств, отношений между ними и операций с ними. Диаграммы в двуязычном или многоязычном диаграммном словаре служат оптимальным идентификатором значений логических средств языка для эквивалентного перевода с одного языка на другой (разумеется, после социолингвистического исследования носителей обоих языков). Это важное условие взаимного понимания людей в многоязычном государстве и мире.

3. Получать знания, не просто, чтобы помнить, а чтобы самому ускоренно делать выводы, вычерчивая диаграммы, изображая или образно представляя обозначаемое посылками, а не передоверяя все умозаключения компьютеру. Основное ускорение (примерно в 6 раз) обеспечивалось вычерчиванием линейно-табличных диаграмм от руки в тетрадах в клетку. В дополнение к этому автор изобрел и запатентовал логическую линейку, ускоряющую вычерчивание диаграмм в 2-3 раза, изобрел устройства для решения силлогистических задач. Запатентовал устройства для слабовидящих, позволяющие строить такие диаграммы тактильными.

4. Закреплять осознанное владение научным представлением логики естественного языка социальным спросом на эти знания. Здесь автор хотел бы иметь намного большие возможности. Удавалось немного. Заинтересовал в чтении своих авторских курсов логики на время своей работы руководителей кафедр, и факультетов университетов, в которых работал, администрацию Белгородского педагогического колледжа, в котором проводил педагогический эксперимент, и т.п. Руководил студенческими

научными исследованиями и стимулировал использование логики как метода познания в написании курсовых и дипломных работ. Настоящая система стимулирования к усвоению логических знаний должна была бы включать запрос на такое использование со стороны преподавателей других дисциплин. Разработал формы задач, по которым могут строиться логические задачи на содержательном материале любых других дисциплин, в первую очередь тех, которые необходимы для профессиональной подготовки. Такие задачи должны служить для осмысленного изучения этого изучаемого материала, вместо необдуманного или слабо обдуманного запоминания, которое предназначено для простого воспроизведения.

Руководствуясь теми же принципами, разработал метод построения диаграмм с графами для проверки и построения умозаключений о двухсторонних отношениях, т.е. из посылок с двухместными предикатами [2].

Автор показал, что в дедуктивных умозаключениях соединением по определенным правилам вывода информации посылок с разными терминами производится новое знание, за счет чего дедуктивная логика служит методом познания вообще, теоретического в особенности [2].

Важнейшая составная логики естественного языка - вопросительные слова и конструкции. Чтобы познавать, надо уметь выражать вопросами недостаток некоторого знания и потребность получить его. Автор опубликовал книгу «Познавательная логика вопросов и ответов» в которой дал набросок представления системы категорий «Науки логики» Гегеля в виде системы логических форм вопросов и ответов, предназначенной быть методом познания [3].

Сделав наиболее эффективные методы построения и проверки рассуждений на естественном языке, провел десятилетний педагогический эксперимент по выработке и испытанию средств, методов и технологии поэтапной подготовки к изучению метода построения линейно-табличных диаграмм с дошкольного возраста, а также технологии профессиональной подготовки учителей и воспитателей к целенаправленному формированию логичности мышления дошкольников и младших школьников [4]. Соединил моторику пальцев с выполнением на них логических операций, т.е. с изображением значений логических форм отдельных суждений и посылок умозаключений с тремя терминами с экзистенциальными квантификаторами: «есть», «нет ни одного», «все», «не все», «только», «не только», «только все», «не только все», «все, кроме», «есть только» и т.п. Написал и успешно опробовал в обучении мнемонический стих из 24 вопросительных слов и конструкций, система вопросов с которыми служит кратким изложением метода познания. Логические упражнения, пригодные для детей, судя по некоторым контактам, признаются полезными и для борьбы с деменцией в старости.

Вывод: обучение логике естественного языка как методу познания можно оптимизировать, представив ее в виде научной системы, выбирая наиболее эффективные способы изображения диаграммами, на пальцах и др. значений по возможности всех логических средств этого языка и поэтапно целенаправленно обучая ей с раннего детства.

Литература:

1. Меськов В. С. Новичков В. Б. Сабанина Н. Р. Матетика и будущее педагогики: трансдисциплинарный контекст [Электронный ресурс]. URL: - URL: (<https://cyberleninka.ru/article/n/matetika-i-budushee-pedagogiki-transdistiplinarnyy-kontekst>). (Дата обращения: 25.11.2019)
2. Жалдак Н.Н. Изобразительный логико-семантический анализ естественного языка науки. 2-е изд-е, испр. и доп. – Белгород : ЛитКараВан, 2018. – 291 с.
3. Жалдак Н. Н. Познавательная логика вопросов и ответов. – Белгород : ЛитКараВан, 2010. – 104 с.
4. Жалдак Н.Н. Образная практическая логика – М.: Московский философский фонд, 2002. – 408 с.

Марчукова Светлана Марковна

*Исследовательского педагогического центра им. Я.А. Коменского Немецкой гимназии «Петершувле» (Санкт – Петербург). Руководитель комениологической секции Санкт-Петербургского союза ученых.
Доктор педагогических наук*

marchukova@bk.ru

Аннотация. В статье раскрыта целесообразность объединения сочинений Коменского «Всеобщий совет об исправлении дел человеческих» и «Матетика». В этих сочинениях раскрыты, с одной стороны, философский фундамент метода Коменского, с другой стороны – средства его практического применения. Таким образом достигается осмысление целостности наследия основоположника педагогической науки на новых онтологических и гносеологических основаниях. Рассмотрен эристический потенциал тезиса Коменского о трех ступенях к достоверному знанию: эмпирической, эпистемической и эвристической. Показана роль троицы, объединяющей рациональный, эмоциональный и интуитивный аспекты знаний, в достижении целостного знания о мире и человеке. Отражена роль пансофии и математики в разработке идеи образования, способной стать основой новых образовательных концепций в социокультурных условиях современного мира.

Ключевые слова: Я.А. Коменский, идея, «Всеобщий совет об исправлении дел человеческих», «Пансофия», «Матетика», троица, эмпирическая, эпистемическая и эвристическая ступени знаний.

**Y.A. Comenius today: pansophia and mathetic.
Svetlana Marchukova**

*Research Pedagogical Centre JA Comenius German gymnasium “Peterschule” (St. Petersburg). Head
komienological section of the St. Petersburg Union of Scientists.*

Annotation. The article reveals the feasibility of combining the works of Comenius «De rerum humanarum emendatione consultatio catholica» and Я«Mathetic». In these essays, on the one hand, the philosophical foundation of the Comenius method is disclosed, on the other hand, the means of its practical application. Thus, an understanding of the integrity of the heritage of the founder of pedagogical science on new ontological and epistemological foundations is achieved. The eristic potential of the Comenius thesis on three steps to reliable knowledge is considered: empirical, epistemic and heuristic. The role of the trinity, uniting the rational, emotional and intuitive aspects of knowledge, in achieving holistic knowledge about the world and man is shown. The role of pansophia and mathematics in the development of the idea of education, which can become the basis of new educational concepts in the socio-cultural conditions of the modern world, is reflected.

Keywords: Y.A. Comenius, idea, «De rerum humanarum emendatione consultatio catholica», «Pansophia», «Mathetic», trinity, empirical, epistemic and heuristic levels of knowledge.

*«Сперва мы на опыте узнаем, что вещь имеет место.
Потом через познание причин понимаем, какова она.
А к эвристике относится знание того, что из неё можно
получить, то есть насколько разнообразным может быть
её действие. Знание применения вещи – высшая ступень или
венец познания. Это последняя вершина мудрости»
Я.А. Коменский «Пансофия»*

Поиски путей осмысления проблем образования человека XXI века лежат в плоскости диалога с педагогическими системами разных эпох. Особая роль в этом процессе принадлежит педагогической системе Я.А. Коменского, разные аспекты которой открываются в новых переводах текстов основоположника педагогической науки. Один из таких текстов – «Матетика», раскрывающая взгляд автора на основы ученичества, умения учиться. Всероссийская научно – практическая конференция с международным участием «Матетика и будущее педагогики», посвященная 425-летию Я.А. Коменского была проведена в МПГУ с 30.11.17 по 01.12.17 в рамках «Недели науки и образования

в интересах мира и развития» [1, с. 202]. Основной задачей конференции было «рассмотреть идею образования (курсив мой – С.М. Марчукова), задаваемую Я.А. Коменским в труде «Всеобщий совет об исправлении дел человеческих» (далее – «Всеобщий совет»). Эта идея, как подчеркивалось далее, должна была определить идею образования «в различных временных масштабах». В «Основных положениях итогового документа», принятого на конференции, утверждается, что идеи являются «нормотворческими идеалами Коменского» [1, с. 203-207].

В заявленных приоритетах отчетливо видно продолжение и развитие логики и традиций российской историко-педагогической мысли. Так, М.М. Рубинштейн отмечал, что если убрать временное и преходящее с целью вычленения «исторических элементов, способных войти в непреходящий инвентарь истории», такими элементами «большую часть оказываются общие педагогические идеи» [2, с. 93]. Категория идеи – основополагающая в наследии Коменского: «Идея – смысловая сущность вещи», «все, что только ни совершается, осуществляется сообразно идеям», «идея есть определенный план или разум вещи», в идеях содержится «как общий ключ к пониманию вещей, так и норма для действий, удивительный указатель новых изобретений» [3, сс. 507, 508, 512]. Недостаточное внимание к фундаментальным идеям его педагогики отмечалось в трудах Л.Н. Модзалевского, С.И. Миропольского, К.Д. Ушинского, П.П. Блонского, А.С. Смирнова, Н.Н. Бахтина, С.И. Гессена и других исследователей.

Уже при жизни Коменского, как известно, его друзья разделились на два лагеря: одни видели в нем философа - автора пансофии, другие – диакта, автора учебников. Актуальная задача современной комениологии – широкой области междисциплинарных исследований – осмысление целостного наследия основоположника педагогической науки в социокультурных условиях современного мира. Достижению этой цели способствует объединение «Всеобщего совета» и «Матетики». Что позволяет нам сделать такой вывод?

Именно в «Пансофии», третьей части «Всеобщего совета», Коменский формулирует и обосновывает тезис о «трех ступенях достоверного знания: эмпирической; эпистемической и эвристической» [3, т.2, с. 364]. Эпистемическая ступень, восходящая в своих основах к «эпистеме» Платона, заключается, по его мнению, в «понимании» вещи через «познание причин». Этот тезис многократно объясняется и иллюстрируется в Матетике. Знание, понимание и использование вещи Коменский соотносит с тремя вопросами: «Что это?», «Как это образуется?», «Для чего это предназначается?». Он предостерегает читателя от того, чтобы довольствоваться только поверхностным, эмпирическим знанием о существовании вещи. Знание причин её существования он сопоставляет с пониманием того, из каких частей состоит целое и благодаря чему оно образуется. Венцом знания называет он в Матетике такое знание употребления вещи, которое основано на понимании её природы и позволяет избежать злоупотреблений.

Как достичь такого знания? Три ступени познания вещей Коменский связывает в «Матетике» со средствами обучения – чувственным восприятием, знанием и верой. Эти средства отражают его основную трихотомию, о которой он сообщает читателю в «Предвестнике всеобщей мудрости»: «Истину «может открыть только приведение в единство принципов познания (которые могут быть только тройственными: чувство, разум и божественное откровение) и консолидация из до непоколебимой силы» [3, с. 520 - 521].

Этот тезис развивается позже в правилах «Великой дидактики» и аксиомах «Пампедии», становится основой синкретического метода Коменского, отражающего целостность пансофического знания. Коменский многократно возвращается к мысли о значении трихотомий, об их роли в становлении целостного знания: «Трихотомические деления. Это особенно имеет место в нашем методе в такой удивительной степени в силу того, что все важнейшие представления вещей совершаются в нем при помощи трихотомий <...> эти трихотомии сами собою представлялись мне (коренящимися) в некоторых важных, имеющих большое значение обстоятельствах, в первых атрибутах вещей (едином, истинном, добром), так что иногда я останавливался в изумлении, пораженный новизною дела. Я начинал, исходя из примеров в какой - либо одной отрасли, и видел, что то же самое имеет место и везде» [3, с. 520].

Троица, объединяющая рациональный, эмоциональный и интуитивный аспекты знаний, и сегодня способствует развитию междисциплинарности и многомерности в образовании. Так, Питирим Сорокин (1889-1968) рассуждает о трехмерном пространстве веры, разума и чувств, выделяет три аспекта целостного познания (рассудочный, сенсорный, интуитивный) и соответствующие

им методы [4, с. 123-125]. Размышляя о перспективах использования этого синтеза в методологии педагогических исследований, необходимо вспомнить о современных направлениях системных исследований, основанных на принципах тринитарного мышления и системных триадах, структура которых определяется семантической формулой «рацио – эмоцио – интуицио» [5, с. 61-65]. По своим сущностным характеристикам такие системные триады характерны как для педагогической системы Коменского, так и для тенденций развития современной педагогики, предполагающей не столько обновление педагогического инструментария, сколько обновление педагогического мышления [6, с. 120-123].

Современные исследователи осознают недостаточно глубокое понимание наследия Коменского, эвристического потенциала его трудов (М.В. Богуславский, Б.М. Бим – Бад, Э.Д. Днепров, И.А. Колесникова, Г.П. Мельников, Е. Ю. Рогачева и др.). Г.В. Сорина и В.С. Меськов рассуждают о поисках пути от пантехнократии к пансофии, об исследовании идей и концепций Коменского, позволяющем преодолеть «оковы не только чужих мыслей, но и собственных химер» [7, с. 5]. Музейные исследования трудов Коменского в контексте его эпохи выявляют эвристический потенциал его пансофических устремлений, способных стать основой современных исследовательских проектов [8, с. 5]. Среди «главных концепций и инструментов», характерных для «развития парадигмы трансдисциплинарности» названы, в частности, синергетика и хаос, концепт «наблюдатель сложности» [1, с. 205]. Среди математических проблем названы проблемы самопознания, саморазвития и самореализации [там же]. В русле этих терминов можно рассмотреть обращенное к юношеству сочинение Коменского «Лабиринт света и рай сердца»: как категории порядка и лабиринта у Коменского соотносятся с категориями порядка и хаоса, актуальными для современных системных исследований? [6, с. 129].

Организаторы конференции «Матетика и будущее педагогики», о которой упоминалось в начале статьи, постарались создать эффект «линзы времени», когда «наблюдатель», находясь в настоящем, обращен в прошлое – на 425 лет назад» [1, с. 203]. Какая перспектива открывается при этом наблюдателю? Рассуждая об этом, было бы уместно обратиться к старому смыслу слова «перспектива», к тому, который оно имело во времена Коменского. Термин «перспектива» (от лат. «perspicere» – смотреть сквозь, проникать взором) применялся для обозначения оптических приборов, с помощью которых далекие предметы делаются более близкими. Подобные перспективы открывают возможность осмысления пансофии и матетики в их единстве и целостности, раскрывают эвристический потенциал «трихотомий» Коменского на новых онтологических и гносеологических основаниях в социокультурных условиях современного мира.

Литература:

1. Меськов В.С., Новичков В.Б., Сабанина Н.Р. Матетика и будущее педагогики: трансдисциплинарный контекст // Наука и школа, № 2, 2018, с. 202 – 209.
2. Рубинштейн М. М. История педагогических идей в ее основных чертах. — М.: тип. И. Иванова, 1916. — VI, 267 с.
3. Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения : в 2 т. / под ред. А. И. Пискунова [и др.]. — М.: Педагогика, 1982. — Т. 1. — 656 с.; Т. 2. — 576 с.
4. Сорокин П. А. Интегральная теория познания социальной реальности // Реальность и субъект. — 1998. — Т. 2, № 2/3. — С. 98–125.
5. Баранцев, Р. Г. Становление тринитарного мышления. — М.: Ижевск: РХД: R&C Dynamics, 2005. — 123 с.
6. Марчукова С.М. Человек в лабиринте мира: уроки Я.А. Коменского / Кожевникова М.Н., Козырев Ф.Н., Костецкий В.В., Марчукова С.М. Горизонты новой социальности в образовании. Коллективная монография / Отв. редактор М.Н. Кожевникова. — СПб.: Издательство РХГА, 2015. — 447 с.
7. Сорина Г. В., Меськов В.С. Вперед к Коменскому: (глобальный характер проекта Коменского в соврем. условиях) // Ценности и смыслы. — 2012. — № 4 (20). — С. 4–18.
8. Zemek P. Comenius known and unknown. Muzeum Jana Amose Komenskeho v Uherskem Brode, 2018 — 144 s.

Неоматетика чтения и творения научных текстов: экспликация, интерпретация, экстраполяция

Меськов Валерий Сергеевич

Институт «Высшая школа образования» – профессор кафедры педагогики; профессор кафедры теологии института филологии, Московский педагогический государственный университет (МПГУ). Научный руководитель Международного славянского института (МСИ). Профессор, доктор философских наук

vs.meskov@mpgu.su, mvs947@yandex.ru

Аннотация. Неоматетика чтения является трансдисциплинарной областью исследований задатков, способностей, готовности и мотивации субъектов к творению и прочтению текстов. Причём, необходимость создания данной новой области исследования продиктована снижением интереса современной молодёжи к чтению и, соответственно, затруднением в приобретении компетенций к пониманию и созданию научных текстов. В свою очередь, такое положение дел, на наш взгляд закономерно: знаниевая парадигма теряет актуальность в современном мире. Разрыв между наличным и потенциально-достижимым знанием в культуре (когнитивный провал) становится столь велик, что для достаточно согласованного сосуществования людей в рамках человеческой цивилизации требуются новые основания взаимодействия. Более того, знание в отрыве от необходимых для его применения ценностей в сознании человека, становится фактором разрушения, как социально-культурных сред, так и самого человека. Навстречу этому вызову, в современной философии образования формируется телесно-когнитивно-ценностная парадигма образования и её методологический инструментарий – неоматетика творения и прочтения постнеклассических текстов культуры.

Ключевые слова: неоматетика, матетика, дидактика, трансдисциплинарность, экспликация, интерпретация, экстраполяция.

Neomathetics of reading and creating scientific texts: explication, interpretation, extrapolation.

Meskov Valery Sergeevich

Institute of Postgraduate Education, Moscow Pedagogical State University (MPGU). Institute of Philology Department of Theology MPGU. Scientific Director of the International Slavic Institute (ISI)

Abstract. Neomathetics of reading is a transdisciplinary field of research on the makings, abilities, readiness and motivation of subjects to create and read texts. Moreover, the need to create this new field of research is dictated by the decrease in the interest of modern youth in reading and, accordingly, the difficulty in acquiring competencies in understanding and creating scientific texts. In turn, this state of affairs, in our opinion, is logical: the knowledge paradigm is losing relevance in the modern world. The gap between existing and potentially achievable knowledge in culture becomes so great that for a reasonably coordinated coexistence of people within the framework of human civilization, new grounds for interaction are required. Moreover, knowledge in isolation from the values necessary for its application in the human mind, becomes a factor in the destruction of both socio-cultural environments and the person himself. To meet this challenge, in the modern philosophy of education, there arises the body-cognitive-value paradigm of education and its methodological tools - the neomathetics of the creation and reading of post-non-classical texts of culture.

Key words: neomathetics, mathetics, didactics, transdisciplinarity, explication, interpretation, extrapolation.

Одной из методических проблем, которая, впрочем, имеет и методологическое значение для продуктивного мышления является формирование компетенций чтения и создания научной литературы. Очень важно, чтобы подобного типа компетенция была сформирована самими обучающимися

исходя из задатков, на основании триединства способностей, готовности и мотивации в процессе самотрансценденции.

Под самотрансценденцией будем понимать способность субъекта преодолевать когнитивные провалы (знаниевый, смысловой), креативные, ценностные провалы как реализация внутренней мотивации к когнитивной деятельности, то есть способности реализации свободы воли.

Вслед за Я. А. Коменским слово “Mathetica” будем понимать как «ученичество», которое можно трактовать, также, как умение учиться. Коменский увидел необходимость более глубокого изучения того, как именно человек приобретает знание. Практически он заложил основания «науки о познании» применительно к образованию и назвал это направление «Матетика» (по-видимому, по аналогии с Дидактикой – в переводе «учительство» или «наука о том, как учить») [1, с. 114]». Причём, в понимании Коменского целостное знание приобретает по ступеням: «Первая называется просто Знать, то есть Познать (искать знание); Вторая – Понимать в силу чего нечто существует (что дает внутреннее знание вещи, то есть понимание, из каких частей эта вещь состоит, как эти части соотносятся между собой и как они связаны, как благодаря им образуется само Целое); Третья - Пользоваться, Присваивать (... указывает на употребление вещи: всесторонне знать, как применить ее, нигде не допуская злоупотребления вещью, — это качество, присущее мудрецу)» [1, с.115].

Термин неоматетика был предложен к. филос. н. Гоншорекон С. Н. не только с целью оттенить временной лаг в 400 лет, но, более того, по нашему представлению, показать реальную новизну результатов науки о познании для образования. Прежде всего эта новизна выражается сегодня в меж- и трансдисциплинарном характере исследования этого феномена. В этом контексте объект неоматетики отличается от объекта матетики и, соответственно, необходимо модифицировать понимания предмета, методов и принципов, что должно привести к новым результатам. Еще более значительные изменения получают в случае трактовки неоматетики как деятельности. Основные характеристики здесь: объект, субъект, среда, контент и, конечно, результаты. Для того, чтобы осуществить эту деятельность необходимо построить соответствующую систему на метауровне.

Для построения прототипа модели матетики чтения, ученичество будем понимать как познание, а само познание - как установление причин вещей, событий, процессов. В случае неоматетики прототипы будут иметь значительно более сложный характер, мы уже создаем метаобъекты, метасубъекты, метасреды и метаконтенты, мутауровневый характер будут иметь и результаты. Визуализацию данного процесса можно представить следующим образом:

Любой научный текст можно рассматривать в его постнеклассической трактовке как находящихся в отношении тринитарности доязыка (действия), информационно-знаковой системы (язык) и пост-текста (деятельности).

Для анализа такого типа феноменов на метаметауровне нами создан Метод восхождения от абстрактного к конкретному (модифицированный) – «МВАК(м), предполагающий осуществление следующих шагов:

1. Выбор прототипов и языка, принятие онтологических допущений.
2. Конструирование идеальных объектов (абстракций).
3. Построение модели (идеализированные модели, идеализации).
4. Создание базовой методологии (пресупозиции, основные принципы, характеристические черты).
5. Определение методов оперирования с базовыми идеализированными объектами.
6. Формулирование допустимых способов рассуждения с заданными объектами.
7. Построение общих методологий деятельности.
8. Исследование модели в соответствии с результатами (4 – 7) на адекватность, непротиворечивость, полноту и разрешимость.
9. В случае обнаружения признаков на модели отсутствующих в прототипе переносим их (признаки) на прототип.
10. Проектирование приложений к выделенным областям деятельности (таблица экстраполяций).
11. Верификация метода [2, с. 119]».

Для случая перевода метарезультатов на объектный уровень классического текста МВАК(м) редуцируется на основании принципа соответствия до последовательного применения операций экспликации, интерпретации и экстраполяции.

Под экспликацией (1) будем понимать выявления и уточнение всех синтаксических составляющих текста: имен, понятий, высказываний и суждений, а так же логических констант.

Под интерпретацией(2) - семантические характеристики экспликатов (уточнённых синтаксических составляющих текста). В случае имен это будут: смыслы и значения, для понятий - содержания и объёмы, для высказываний - истинностно-значная трактовка логических констант, для простых суждений - установление отношений между понятиями или между именами на основании операций определения и деления.

При решении вопроса об условиях истинности высказываний и суждений необходимо учитывать прагматическую составляющую семиотического анализа. Ясно, что при формировании прототипа исходными являются, как правило, контекстуальные характеристики, в том числе разного типа неявные определения, включая контекстуальные. Причём, при построении модели мы должны максимально пользоваться явными определениями.

Под экстраполяциями (3) будем понимать результаты выводов и доказательств, полученных при исследовании модели (ей) построенных в соответствии с их экспликацией и экстраполяцией. Важным моментом здесь является определение множества различных областей интерпретации.

В силу осуществлённой последовательности (1), (2) и (3) мы можем оценить непротиворечивость, полноту, разрешимость моделей и их модификаций.

И наконец, в случае гомоморфизма или изоморфизма сделаем заключение об адекватности модели (лей) прототипу.

И так, выделяем базовые термины, исходя из анализа текста, даем им определения и формируем их как понятия, задавая соответствующие содержания и объёмы. Следующий шаг - это установление отношений между этими понятиями. На основании чего мы формулируем соответствующие суждения (высказывания). Множество этих суждений составляет базу для систематизации исходного текста. Далее, установив дедуктивные или индуктивные систематизации, мы из этих умозаключений получаем соответствующие заключения и определяем их истинность. Множество этих заключений и есть результат нашего индивидуального аутентичного прочтения исходного научного текста. Все это вместе и есть наше понимание неоматетического прочтения текста путем познания и построения моделей, адекватных прототипам.

Естественно, в ряде случаев читатели могут не согласиться с автором в результатах систематизации и, более того, может быть показана некорректность базовых определений.

Мы можем предложить корректный путь создания научных собственных текстов. Прежде всего, базовые термины должны удовлетворять требованиям непротиворечивости, полноты и разрешимости. Этим же требованиям должно удовлетворять множество сформированных из них высказываний (суждений). Затем следует вычленить множество умозаключений. Посылками в умозаключениях являются ранее построенные суждения, в то время как заключения в этих умозаключениях, можно рассматривать как созданный авторский текст. Этот текст симметрично является результатом дидактического анализа прототипа, и одновременно, представляет собой модель.

Последовательно совмещая в неоматетике эти два метода: дидактику и матетику прочтения и создания постнеклассического текста, которые находятся в отношении реципроктности, мы создадим современную постнеклассическую методологию обучения адекватную телесно-когнитивно-ценностной парадигме образования.

Литература:

1. Comenius J. A. Spicilegium Didacticum. Typis Christophori Cunradi, 1680 / Typis Caroli Salva, 1895. [На лат., изложение перевода опубликовано в статье: Меськов В.С., Сабанина Н.Р. Матетика Яна Амоса Коменского: ученичество – наука о познании // Журнал «Наука и Школа». 2017. № 3. С. 113-124].
2. Меськов В.С. Образование как концепт матетики // Наследие Я.А. Коменского: взгляд из XXI века: материалы международного научно-практического форума (Санкт-петербург, 7-8 июня 2017 г.) / Ред. С.М. Марчукова. СПб.: Петершуле, 2017. С. 118-130.

Философские проблемы неоматетики правосознания в условиях столкновения цивилизаций

Попадейкин В. В.

Международная академия наук экологии и безопасности жизнедеятельности, руководитель проблемного совета «Экологическая цивилизация». Доктор юридических наук

ispib-dvvp@yandex.ru

Коломейцев А. Е.

Московский педагогический государственный университет, доцент кафедры педагогики. Кандидат философских наук

alexander-e-kolomeytsev@j-spacetime.com

Аннотация: Анализируются философские проблемы формирования правосознания молодежи в условиях глобализации и столкновения цивилизаций. Сделан акцент на особенности правосознания будущих поколений в рамках голографической картины мирового сообщества. Рассмотрены проблемы гуманитарного воспитания молодежи в аспекте когнитивистики и неоматетики. Особое внимание уделено становлению комплексного гуманитарного образования, охватывающего основные исторические рубежи становления философских знаний от Сократа до наших дней первой половины XXI века.

Ключевые слова: культура, философия права, гуманитарное образование, правосознание, правовое государство

Neonatelike philosophical problems of justice in conditions of clash of civilizations.

Popadeykin V.V.; Kolomeitsev A.E.

Abstract: The article analyzes the philosophical problems of the formation of legal awareness of young people in the context of globalization and the clash of civilizations. The emphasis is placed on the peculiarities of legal awareness of future generations within the holographic picture of the world community. Describes the problems of humanitarian education of youth in the aspect of cognitive science and nomothetic. Special attention is paid to the formation of a comprehensive humanitarian education, covering the main historical boundaries of the formation of philosophical knowledge from Socrates to the present day of the first half of the XXI century.

Keywords: culture, philosophy of law, humanitarian education, legal awareness, legal state .

Мировая и российская системы образования в начале XXI века находятся в центре масштабных преобразований, которые должны адекватно ответить требованиям новой ступени социально-технического прогресса. На первый план выдвигаются задачи подготовки молодежи к жизнедеятельности в условиях интеграции социальной общности человечества как глобальной социально-экономической системы в рамках экологической цивилизации. В разработанной ЮНЕСКО «Дорожной карте осуществления Глобальной программы действий по образованию в интересах устойчивого развития» подчеркивается, что «решение серьезных проблем, связанных с устойчивым развитием, не может быть обеспечено исключительно за счет политических договоренностей, мер финансового стимулирования и технологических решений. Для этого требуется радикально изменить наш менталитет и принципы, лежащие в основе наших действий, пересмотреть отношение к окружающим нас людям, а также взаимоотношения с экосистемами, обеспечивающими нашу жизнедеятельность. Для построения более справедливого, мирного и устойчивого мирового сообщества каждый отдельный человек и каждое общество должны быть вооружены знаниями, навыками и ценностными ориентирами, а также обладать четким пониманием того, как добиться подобных изменений» [1].

Голографическая картина современного мира и когнитивные провалы в сознании отдельных международных и региональных сообществ требуют от будущей системы образования в России и за рубежом глубокого осмысления всего многообразия философско-правовых языков мира и культур-

но-исторического опыта народов мира от Сократа до выдающихся философов XXI века [2-6]. Именно в этих условиях разработка образовательных программ и государственных стандартов на основе когнитивистики, неоматетики и медиации приобретает важную роль в формировании правосознания молодежи, направленной и гарантирующей взаимопонимание и дружбу народов мира, построения правового государства [7-,9].

Интеграция мировой философии, языка права, когнитивистики и медиации как относительно новое явление привлекает интерес в основном аналитиков социологии и философии права, например, Архипов В.В., Дидикин А. Б., Оглеzneв В.В, Суровцев В.А., Харт Г. Л. А. и др. Во многом это объясняется тем, что разрешение конфликтов и споров «государство – государство», «государство – общество – человек», «бизнес – общество – человек», «природа – экономика – научно-технический прогресс» предъявляют принципиально новые и повышенные требования к образовательным программам и профессиональной подготовке молодежи в области гуманитарных, естественных и технических наук на международном уровне в условиях глобализации.

Если право – необходимая движущая сила истории, о нем необходимо заботится и осознанно управлять его развитием посредством разумной научной правовой политики и соответствующего гуманитарного образования каждого школьника и студента Это станет возможным в случае возвращения к старому дуалистическому делению науки о праве на общую науку о существующем праве и науку о праве желаемом (естественном), направленную помимо прочего на поиск «идеала» права» [10, с. 132], включая:

- стремление к интегративизму, характерному для русской философии права конца XIX - начала XX века;
- приоритет принципа «человеческого достоинства», обоснованный И. Кантом;
- главенство в жизни общества «права человека на достойное существование», которое впервые в России было развито в трудах философа В. С. Соловьева.

В свете изложенного возникает необходимость формирования нового международного правосудия и юридической ответственности, обеспечивающих безопасность и справедливость всем народам Земли. Первые попытки создания новой международной системы правосудия были предприняты в ходе Первой мировой войны. В первую очередь это коснулось формирования института международной уголовной ответственности юридических лиц на основе постнеклассической концепции культуры и когнитивистике как фундамента подготовки юристов-международников [11 - 13].

В свете изложенного представляется целесообразным обсудить проблему становления и развития «международной техногенной преступности» в ходе ведения хозяйственной деятельности, наносящей вред природной среде, строительстве опасных объектов за рубежом, локальных военных конфликтов, создании условий для дестабилизации политических режимов, представляющих угрозу устойчивому развитию мирового сообщества, международной безопасности государств и человечества в целом на базе принципов педагогики А. Я. Коменского. В настоящее время особое значение приобретает социальная правовая психология населения мира в целом. М. Мамардашвили в своих лекциях справедливо подчеркивал: « например, существуют законы (я имею в виду юридические законы); помимо всего прочего, что в них содержится, в них есть еще одна сторона: законы эти существуют, воспроизводятся в пространстве и времени в зависимости от того, что в каждый данный момент находится энное число людей, которые эти законы понимают, то есть для которых закон вырастает из невозможности жить иначе, из совершенно неизбежной потребности в этих законах. Вот лиши их этих законов, и жизнь не имеет смысла. Когда это есть, есть и эти законы. Сами по себе законы не длятся, не существуют во времени, а каждый раз как бы заново рождаются в зависимости от понимания – не рассудочного понимания чего-то, а понимания как условия. Ведь когда закон есть, какой термин мы к нему применяем? Закон есть. Что такое «есть»? Есть – это бытие. Так вот, оказывается, что есть – то он есть, но есть при условии, что он непрерывно заново рождается через связку бытия, или существования, закона с наполнением его живым в каждый данный момент возрождающимся пониманием» [14, с.317].

В этой связи вызывает тревогу позиция определенных слоев российского общества, направленная на свертывание юридического образования, предоставления приоритета техническим ВУЗам в сфере подготовки инженерных кадров для производства, выполняющих прямой заказ бизнес – сообщества. Возвращение к августиновскому «катехизису» вряд ли отвечает требованиям оптимального решения международных проблем безопасности жизнедеятельности человечества в XXI веке, становления и

развития правовых государств на Планете Земля, где сегодня нет «хат с краю» [15].

В условиях глобализации, принципиально новых возможностей массового психологического воздействия на население, информационной войны, тайных операций спецслужб, финансирования оппозиции третьей стороной и т.д., особую значимость приобретает эффективное, объективное и неотвратимое международное правосудие.

Литература:

1. Дорожная карта осуществления Глобальной программы действий по образованию в интересах устойчивого развития: выдержки // Вестник экологического образования в России. 2016. № 1, январь – март. С. 18.
2. Харт Г. Л. А. Философия и язык права. – М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2017. – 384 с.
3. Сабанина Н. Р. Постнеклассическая концепция культуры: трансдисциплинарное монографическое исследование. – М.: РУСАЙНС, 2018. – 400 с.
4. Матетика и будущее педагогики. Кн. 1. Материалы (коллективная монография) по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 425-летию Я. А. Каменского. – М.: РУСАЙНС, 2018. – 248 с.
5. Матетика и будущее педагогики. Кн. 2. Материалы (коллективная монография) по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 425-летию Я. А. Каменского. – М.: РУСАЙНС, 2018. – 270 с.
6. Очерки по когнитивистике: когнитивные исследования как основания педагогики: коллективная монография по итогам международной научно-практической конференции «Когнитивные исследования как основания педагогики» 22 апреля 2017 года, Москва. – М.: РУСАЙНС, 2018. – 244 с.
7. Понасюк А. М. Медиация и адвокат: новое направление адвокатской практики. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – 384 с.
8. Данниген Ф. Дж. Самые горячие точки XXI века. Как будут развиваться события. – М.: Эксмо, 2014. – 832 с.
9. Манн М. Темная сторона демократии: Объяснение этнических чисток. – М.: Изд-во «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2016. – 928 с.
10. Философия права: П. И. Новгородцев, Л. И. Петражицкий, Б. А. Кистяковский. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 511 с.
11. Полторац А.И. Нюрнбергский эпилог. – М.: Юридическая литература, 1983. – 416 с.
12. Епифанов А.Е. Организационные и правовые основы наказания гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР. 1941 – 1956 гг. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2017. – 703 с.
13. Звягинцев А.Г. Главный процесс человечества. Нюрнберг: документы, исследования, воспоминания. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2012. – 656 с.
14. Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 640 с.
15. Августин А. Исповедь. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. – 400 с.

Аннотация. В данной статье мы предложим рассмотрение сущности ценностей, с точки зрения логико-когнитивных детерминант познания (бесконечность/конечность, первоначало/цикличность, простое/целостность, граница/безграничное, первопричина/ естественная причинность, всеведение/бессознательное), определяющих необходимость культурно-эволюционного возникновения ценностей сознания. Автору показался интересным ряд терминов: матетика (предложен Я.А. Коменским), антитетика (И. Кант) и номотетика (И. Кант), близких между собой, с точки зрения способности человека добывать и фиксировать знание ((Thesis (греч.) положение, утверждение, тезис; син.: основоположение, догма; Mathesis (acc. (греч.) 1) (по)знание (преим. математическое); 2) астрология), которое становится основой его модели мира и мировоззрения, и различающихся тем, что они указывают на существующие способы рассмотрения подходов к исследованию результатов познания. Обосновывается тезис о том, что путь порождения ценностей складывается последовательно в процессе познания человеком причин вещей (матетика), далее, им обнаруживаются границы познаваемого (трансцендентальная антитетика), и, наконец, будучи поименованными и сформулированными в виде законов (трансцендентальная номотетика) эти границы могут быть преодолимы на новых этапах становления сознания.

Ключевые слова: матетика, трансцендентальная антитетика, номотетика, познание, ценность, будущее.

Mathetica, antithetica, nomotetica of values.

Nataly R. Sabanina

*Institute of Postgraduate Education, Moscow Pedagogical State University (MPGU), Institute of Philology
Department of Theology MPGU. International Slavic Institute (MSI)*

Annotation. In this article, we will offer an examination of the essence of values, from the point of view of the logical and cognitive determinants of cognition (infinity / finiteness, origin / cyclical, simple / integrity, border / unlimited, root cause / natural causation, omniscience / unconscious) that determine the need for cultural and evolutionary origin values of consciousness. A number of terms seemed interesting to the author: mathetica (proposed by Ya.A. Komensky), antithetica (I. Kant) and nomothetica (I. Kant), close to each other, from the point of view of a person's ability to acquire and fix knowledge ((Thesis (Greek). position, statement, thesis; synonym: foundation, dogma; Mathesis (acc. (Greek) 1) (by) knowledge (predominantly mathematical); 2) astrology), which becomes the basis of his model of the world and worldview, and differing topics that they point to existing ways of considering approaches to the study of the results of cognition. The thesis is substantiated that the way of generating values develops sequentially in the process of a person's knowledge of the causes of things (mathetica), then he reveals the boundaries of the knowable (transcendental antithetica), and finally, being named and formulated in the form of laws (transcendental nomotetica), these boundaries can be overcome at new stages in the formation of consciousness.

Key words: mathetica, transcendental antithetica, nomotetica, cognition, value, future.

Наука, занимающаяся исследованием того, как именно мы формируем общие представления и утверждения относительно причин вещей (осуществляем познание или «рациональное изучение») была названа Я.А. Коменским – «Mathetica». Mathetica Я. А. Коменского в переводе с латинского обозначает буквально «ученичество» или, как называл его Коменский «наука о познании» [1, с. 25]. Открытием Коменского в Матетике становится выявление трех главных орудий познания: Чувства, Разума и Веры, и подробное описание Триадического метода познания. При этом Коменский не только не решает, но даже не ставит вопроса о границах человеческого познания.

И. Кант в трансцендентальной антитетике, стремится установить границы способности познания человека. «Если сумму догматических учений назвать тетикой, - пишет И.Кант – в своей Критике чистого разума, - то под антитетикой следует разуметь не догматические утверждения противоположного, а противоречие между догматическими по виду знаниями, из которых ни одному нельзя отдать предпочтение перед другим. Следовательно, антитетика ...рассматривает общие знания разума только со стороны противоречия их между собой и причин этого противоречия. Трансцендентальная антитетика есть исследование об антиномии чистого разума, причинах и результатах ее» [2, с. 363].

Номотетика (от греч. νομοθετικῆ – законодательное искусство) – способ познания, имеющий целью установление общего (сходного, родственного) в явлениях, которое рассматривается как их закон [3].

Основным положением статьи, является то, что ценности являются приобретением человека, позволяющим ему действовать надрационально, то есть продолжать осознанно и целенаправленно действовать в условиях неопределённости, недостатка информации, требующейся для достоверного (рационального) вывода о результатах деятельности на основании принятого решения. Правда, следует оговориться, такой способ деятельности нужно называть скорее не целенаправленным, а ценностно направленным. В этом случае, человек вынужден продуцировать «свободный» от прямых следствий и очевидных результатов ряд событий. Стремление к созданию нового, как реализации субъективированной причинности, основанной в том числе, на применении познанных «понятий чистого разума» или «трансцендентальных идей» [2, с. 295], одной из которых является идея свободы, есть путь Творения: «...нас побуждает необходимо выходить за границы опыта и всех явлений идея безусловного, которое разум необходимо и по справедливости ищет в вещах в себе в дополнение ко всему обусловленному, требуя, таким образом, законченного ряда условий...» [2, с. 37]. Оставаясь в рамках осознанности такой способ деятельности построен на основании результат осуществлённого акта творения: нового предмета, идеи (первоначально существующего в сознании человека). Данная новизна задана столкновением сознательной формы жизни с вероятностными событиями, осуществлением выбора и может стать вектором развития будущего.

Для различных форм жизни и неживого, существуют различные подходы к описанию будущего. Первый подход к описанию времени, заключается в том, что характер будущего предзадан и осуществляется в рамках природных Земных жизненных циклов. Однако, уже если понятие «природных», заменить на «космологических», включая в них понимание космической эволюции, мы получим существенное возрастание неопределённости по отношению к будущему. В пределе, для развитого сознания, в отличие от настоящего, будущее не существует вовсе, так как Земля, не есть необходимое условие существования сознания, но возможно - в самом сознании. То есть сознание само становится условием существования человека. В таком виде среда существования будущего нерепрезентативно для человека и воспринимается им как небытие, ничто.

Всю свою жизнь, человек сопротивляется/готовится к вхождению в «состояние будущего». Граница между настоящим и будущим человека определена не только его физическим восприятием пространства-времени, но и определённой/неопределённостью видения будущего. Эта граница – есть граница различения [4, с. 31] настоящего и будущего. Человек в сознании и деятельности стремится расширить, углубить «границу различения» как можно дальше от настоящего своего состояния, что является его первичной, базовой, экзистенциальной потребностью, снимающей страх перед неизвестным, пустотой, страх смерти. Как это достижимо?

Человек, моделирует своё будущее, опираясь на явные (сформулированные) или неявные (подсознательные) основания. Иммануил Кант стремился построить «систему чистого разума: Метафизику» [2, 67-68, 618, 619] и первоначально предположил, что в основе любых суждений лежит способность познавать условия существования мира и самого себя. Эти условия заданы двояко - в пространстве и во времени, что определяет двойственную природу восприятия мира: внешне и внутренне обусловленную. Причём эти миры могут быть познаны, опираясь на тройственность разумной способности человека: созерцаний, синтеза аналитических понятий, формирования «истин чистого разума». Кант, стремится приоткрыть завесу любого неведения. «Всякое неведение есть или неведение вещей, или неведение определения и границ нашего знания. Если неведение случайно, то оно побуждает меня в первом случае догматически исследовать вещи (предметы), а во втором случае - критически исследовать границы моего возможного знания. Если же мое неведение является безусловно необходимым..., то это можно установить не эмпирически, путем наблюдения, а только критически, путем исследования первоисточников нашего познания» [2, с. 566].

Итак, следуя рассуждению Канта, для того, чтобы определить границы нашего познания, необходимо достичь его первоисточников, то есть осуществить восхождение разума к «безусловному». Этот путь Кант описывает в своей трансцендентальной антитетике, и делает вывод о четырёх необходимых направлениях такого восхождения (регрессии к первоисточнику):

- Восхождение к началу мира.
- Определение границы мира.
- Достижение абсолютной простоты/целостности.
- Выявление причинности как естественной необходимости/абсолютной самодеятельности (свободы, свободной причинности).

В основе любой антиномии чистого разума лежат две экзистенциальные направленности: первая – внешняя, обеспечение жизни здесь и сейчас, вторая – внутренняя, формирование неопределённого будущего. Отсюда – различные, зачастую противонаправленные и противоречащие друг другу системы ценностей, картины мира. Определение закономерностей их формирования может служить предметом нового содержания образования, необходимого для установления глобального, общечеловеческого мира и согласия.

На наш взгляд, можно назвать ещё три взаимосвязанных характеристики, задающих границы познания - энергия-вещество - информация, рассуждение о которых построено на освоенных способах оперирования эви-объектами [5, с. 44]. Их описание соответствует пяти принципам конструирования постнеклассической модели мира: порождение, субъектность, становление, саморазвитие, n-мерность. В отличие от классического подхода, объединяющим элементом в построении рассуждения является сознательная способность субъекта познания (в пределе – идея всеведения). Причем, оперирование эви-объектами рассматривается как сложностная трансцендентальная идея.

Таким образом, мы можем определить следующий ряд взаимодополняющих областей исследования:

Наконец, представим некоторые идеи относительно трансцендентальной номотетики.

Почему невозможна универсальная наука *Mathesis Universalis* (теория всего *Theoria Omnia*) и как она возможна? Данное высказывание является антитетическим по своей природе. В нем заданы два вопроса, ответы на которые должны отрицать друг друга и, одновременно, могут являться истинными, что в классике невозможно. Логическая проблема из области трансцендентальной номотетики, по отношению к содержанию вопроса, – как можно и можно ли непротиворечиво поставить такой и подобный ему вопросы? Предварительный ответ о возможности рассуждения на эту тему дает неклассическая, и возможно, постнеклассическая логика (для случая ценностей).

Отвечая на этот вопрос, далее мы можем определить правило формулирования ценностей, с одной существенной поправкой к трансцендентальной природе ценностей.

Ценности фиксируют парадокс, связанный с несводимостью «чувственного» и «чистого разума». В свою очередь, ценность, по определению [5, с. 232], есть вербализованное чувство, указывающее на принципы осуществления формы жизни обладающей сознанием. Это означает, что переживание ценности должно сопровождаться определённым чувственным аффектом, связанным, по-видимому, с погружением человека в изменённое состояние сознания [5, с. 192]. Так, Э. Гуссерль с помощью метода феноменологической редукции (III этап: Трансцендентальная редукция) описывает созерцание «чистого сознания» [6, с. 76]. На этом ограничивается содержание трансцендентальной номотетики.

Номотетика ценностей, потребует также зафиксировать проживание ценности на некотором временном (пространственно-временном) промежутке. Начиная от момента бессознательного стремления – к его осознанию – деятельности – осознанию результата деятельности – переживанию и «телесной» фиксации результата деятельности. Таким образом, номотетика ценностей, в отличие от этики, будет задавать закон освоения и применения данной ценности человеком в контексте культуры.

Литературы:

1. Comenius J. A. *Spicilegium Didacticum*. Typis Christophori Cunradi, 1680 / Typis Caroli Salva, 1895. [На лат., изложение перевода опубликовано: Меськов В.С., Зискин К.Е., Сабанина Н.Р. Введение в матетику. Кн. 1: научно-методологическое издание М.: РУСАЙНС, 2018. 260 с.]

2. Кант И. Критика чистого разума. Предисловие к первому изданию. // Пер. с нем. Н.О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. языки. М.: Наука, 1999. 655 с.
3. Электронная библиотека ИФ РАН » Новая философская энциклопедия » НОМОТЕТИЧЕСКИЙ МЕТОД// <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHa6633ca863a532e1cc6ca6> , 14.02.2020.
4. Антоновский А.Ю. Никлас Луман: эпистемологическое введение в теорию социальных систем. М.: ИФ-РАН, 2007. 135 с.
5. Сабанина Н.Р. Постнеклассическая концепция культуры: трансдисциплинарное монографическое исследование. Под н. ред. Меськова В.С. М.: РУСАЙНС, 2018. 400 стр.
6. Гуссерль Э. Феноменология [Статья в «Британской энциклопедии»]; Его же. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. М.: ДИК, 1999. С. 76.
7. Большой латинско-русский словарь // Режим доступа: <http://linguaeterna.com/vocabula/alph.php> , 12.02.2020.

Аксиологическая природа человека и искусственный интеллект.

Самохвалова В.К.

Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ, кафедра гуманитарных и социальных наук, доцент. Кандидат философских наук

bar-bar@mail.ru

Аннотация: Предлагается объяснение факту неравнозначности одной и той же информации для человека, в зависимости от характера ее источника – естественного (ответ личности) или искусственного (ответ компьютера). Причина неравноценности ответов связывается с априорной аксиологической шкалой, характеризующей природу человека. Ценности представлены двумя типами: высшим – эссенциальным и низшим – предикативным. Фундаментальной эссенциальной ценностью человеческой природы выступает личность. Неотъемлемой характеристикой личности является свобода. Свобода реализуется в нравственном поле. Проблема рационального обоснования морали требует установления априорного характера нравственных ценностей, норм. Наименее критично или наиболее успешно с этой задачей справляются религиозные системы морали, в частности – христианская этика. Априорный (*данный Богом*) характер высших эссенциальных ценностей, характеризующих человеческую природу и закреплённый в качестве норм христианской этики представляется гарантом нетождественности результатов деятельности искусственного и естественного разумов.

Ключевые слова: естественный разум, искусственный интеллект, априорная аксиологическая шкала, ценности, личность, свободный выбор, мораль.

Axiological nature of man and artificial intelligence. Samokhvalova V. K.

Russian Foreign Trade Academy (VAVT), Department of Humanities and Social Sciences.

Abstract: An explanation is proposed for the fact that the same information is not equivalent for a person, depending on the nature of its source – natural (personal response) or artificial (computer response). The reason for the unequal responses is associated with an a priori axiological scale characterizing the nature of man. Values are represented by two types: higher - essential and lower - predicative. The fundamental essential value of human nature is the individual. An integral characteristic of personality is freedom. Freedom is realized in the moral field. The problem of rational substantiation of morality requires the establishment of the a priori nature of moral values and norms. The least critically or the most successfully with this task the religious systems of morality cope, in particular, Christian ethics. The a priori (God-given) character of the highest essential values characterizing human nature and enshrined as the norms of Christian ethics seems to be a guarantee of the not identical results of the activities of artificial and natural minds.

Keywords: natural mind, artificial intelligence, an a priori axiological scale, values, personality, free choice, morality.

Тема искусственного интеллекта сверхпопулярна. Мне бы хотелось рассмотреть ее сквозь призму интеллекта естественного, как специфического фундаментального основания человеческой природы. Мне представляется очень важным установить в чем заключается принципиальное отличие естественного разума от его предполагаемого усовершенствованного «двойника» – разума искусственного. Поскольку, если мы не в состоянии в принципе указать на фундаментальные отличия двух типов интеллектов, то острота вопроса о возможностях и ограничениях искусственного разума рискует выглядеть несколько преувеличенной [1].

В самом деле, если мы не видим (или не сможем увидеть и зафиксировать в будущем) отличий между двумя типами разума, то тогда, какая нам разница от какого из них ожидать (в недалеком или далеком будущем) благ или, напротив, катастрофических неприятностей для человеческого рода. Если на уровне причины каких-либо изменений, мы не усматриваем разницы между началами, приведшими

к определенному результату, то, как будто очевидно, что этой разницей можно пренебречь. Как писал в своей программной статье Дж. Серл, «соответствующим образом запрограммированный компьютер с нужными входами и выходами и будет разумом в том смысле, в котором человеческий разум – это разум» («the appropriately programmed computer really is a mind, in the sense that computers given the right programs can be literally said to understand and have other cognitive states») [2, с. 417].

Однако, напротив, не смотря на рациональность приведенного довода, и достаточного количества примеров, подтверждающих успешное применение искусственного интеллекта во множестве сфер человеческой жизни, вопрос об искусственном или же естественном основании получаемых результатов остается важным – и во многих случаях решающим – в конечной оценке полученных результатов. Идентичность результатов деятельности искусственного и естественного интеллектов во многих случаях приобретает лишь «кажущийся», «призрачный» характер. Часто установление искусственного источника «разумных» решений, пусть и приведших к желаемому результату, способно абсолютно нивелировать значимость последних для нас.

Почему так происходит? В чем причина того, что в одних случаях нас совершенно не затрагивает разница в том, из какого источника исходят нужные нам сведения, а в других – источник играет первостепенное значение настолько, что мы перестаем воспринимать полученные с его помощью сведения, в качестве тех, в которых мы как раз нуждались?

Я уверена, что приближение к ответу на подобные вопросы заключается в изначально присущей природе человека ценностной иерархии (соприродной каждому человеку системе ценностей). Именно в соответствие с тем, что я бы назвала априорной аксиологической шкалой, мы в каждом конкретном случае устанавливаем значимость для нас как запрашиваемой информации, так и получаемого ответа.

Ценности в качестве априорных антропологических характеристик прежде всего представлены двумя типами. Первые – так называемые «предельные» – онтологические ценности, сопряженные с классическим (идушим от Платона) пониманием сути бытия как Блага. Они представляет собой целостную проекцию человеческих устремлений: цель, предел, устанавливаемый каждым человеком для самого себя. В этом смысле понятие ценности сопряжено с установлением самой сущности человека, его жизненного мира. Как мыслимая идеальная сущность человека может не совпадать с индивидуальным человеческим существованием, так и данные ценности могут быть частично неосознаваемы отдельным человеком, не интересовать его. Здесь-то и возникает необходимость введения второго типа ценностей.

Второе философское понимание ценности исходит из трактовки ее как простой значимости для человека отдельных материальных или духовных предметов и явлений. В такой интерпретации ценность выступает в более сниженной, «служебной», предикативной ипостаси по отношению к целостной человеческой жизни, чем в ее первом эссенциальном значении. В данном прочтении любой предмет может представлять собой ценность как для отдельного человека, так и для социальной группы и общества в целом. Речь идет о способности вещей или событий удовлетворять материальные или духовные потребности человека, которые могут быть весьма разнообразными. Поэтому следует видеть различие между ценностями в значении должного, идеала и – в значении сущего, преходящего. И, как мне представляется, в обширной области человеческой жизни, которая не связана напрямую с ценностями высшего эссенциального порядка, а как раз концентрируется на каждый раз сиюминутных задачах, облегчение в их решении вполне можно и должно предоставить искусственному интеллекту.

Но, определенно, существуют вопросы, ответы на которые ценны для нас именно их личностной окрашенностью: апелляция к важности чужого мнения по любому значимому для нас поводу, потеряет всякий смысл, как только мы узнаем, что это мнение – лишь результат успешного перебора и комбинации возможных вариантов. И это не обязательно сверхзначимые мировоззренческие вопросы (хотя они, конечно, в первую очередь), но, вообще, любые вопросы, адресатом которых выступает личность в качестве ценности самой по себе. До тех пор пока сохраняет актуальность фактор ценности мнения другой личности, ценности ее позиций, взглядов, в целом – присущей каждой личности самооценки – до тех пор, представляется невозможным полное отождествление результатов деятельности искусственного и естественного интеллектов.

Особую наглядность приводимые положения получают в этической сфере, по причине ее глубинной сущностной антропологичности, где фундаментальным атрибутом личности в первую очередь выступает свобода. В частности – свобода реализации собственного самосознания в поведении.

Специфика же нравственных вопросов такова, что при их решении требуется осуществление осознанного и самостоятельного морального выбора, опирающегося всякий раз, именно, на личную свободу [3]. Осуществлять такого рода выбор бесконечно сложно и чрезвычайно болезненно. Именно поэтому, как свидетельствуют общечеловеческий опыт и философия, свобода – это не только фундаментальная характеристика личности, величайшее благо и основополагающая ценность человеческой жизни, но наряду с этим – тяжкий груз и непосильное бремя. И как раз в этой области очевидно бессилие искусственного интеллекта, поскольку именно свобода ему неведома. К этому, как мне кажется, в пределе и сводим ответ на вопрос о различии в основании двух типов интеллекта – естественного и искусственного.

Технический разум не может (в настоящее время) и не должен (в будущем) существовать без руководства со стороны разума естественного, в его практической (моральной) ипостаси. А поскольку жизненный мир людей представляет собой не простую совокупность их жизненных этапов, базирующуюся на рационально-соматической разделенности человеческой природы, но прежде всего является отражением специфически- человеческой системы ценностей, в качестве собственных фундаментальных оснований, постольку именно на сохранности основных аксиологических доминант личности, характеризующих интеллект естественный, следует сосредоточить особенное внимание.

Существуют разнообразные подходы к ценностному обоснованию морали, в том числе и такие, которые отрицают или негативно относятся к возможности ее рационального обоснования: в частности, современный прагматизм, неопозитивизм, утилитаризм, метаэтика и т.д. На мой взгляд, явным преимуществом в решении этого сложнейшего философского вопроса обладают религиозные системы обоснования морали, в частности – христианская этика. Преимущество последней заключается в ее убежденности в априорном (данном Богом) характере нравственных ценностей [4] и в ее универсальном статусе.

В основе христианской этики как универсальной системы морали лежат фундаментальные человеческие идеи: приоритета моральных мотивов и побуждений в человеческой жизни; любви; добра; веры; равенства всех людей перед Богом; свободы; милосердия; благодеяния; стойкости; терпения и т.д. Христианская мораль органично сочетает в себе две главные этические парадигмы: этику долга Канта и этику добродетелей Аристотеля, поскольку состоит из трех равноправных частей – этики добра, этики долга и этики отклика [5]. Последнее обуславливает в свою очередь одновременное сочетание в единой этической теории таких характеристик, как универсализм и партикуляризм, любовь и польза, безусловное долженствование и практические достижения, запрет на использование человека как средство и моральное формирование в социальном окружении, признание равного достоинства всех людей и учет личных достижений и т.д. Кроме того, этика Нового Завета не требует внешнего регулятива или императива для человеческого поведения. Моральное поведение здесь является личным, внутренним делом.

Одним словом, именно универсализм христианской этики позволяет рассмотреть в ней самые разнообразные моральные интенции, характерные для других этических систем. Соответственно, она представляет собою (в данном случае) самую широкую аксиологическую и этическую платформу. Поэтому представляется закономерным, что ведущей современной тенденцией развития этики считается как раз синтетический универсализм, объединяющий в себе как мирскую, так и религиозную системы этики. Думается, ценности и нормы христианской этики вполне пригодны для оценки любых человеческих деяний, включая сюда результаты и последствия создания искусственного интеллекта. Наличие в жизни людей априорных ценностей и незабвение человеком этих вечных начал позволяют надеяться на то, что человечество *in toto* в своей погоне за технологическими достижениями не утратит собственной природы, не превратит человеческое общение в социальную коммуникацию и не трансформирует мораль в интеллектуальную игру.

Литература:

1. Тьюринг. А. Может ли машина мыслить? (Перевод с англ. Ю.А. Данилова; Редакция и предисловие проф. С.А. Яновской). М.: Государственное издательство физико-математической литературы, 1960. С. 12-38.
2. Searle J. Minds, Brains, and Programs // The Philosophy of Artificial Intelligence / Boden M (ed.) Oxford, 1990. Перевод выполнен А. Л. Блиновым. Впервые статья была опубликована в журнале: «The Behavioral and Brain Sciences», 1980, № 3, pp. 417- 424. © Cambridge University Press.
3. Самохвалова В. К. О философско-антропологическом статусе проблемы нравственного выбора // Система ценностей

современного общества: сборник статей. / Под ред. Чернова С.С. Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества, 2015, № 39, с. 23 – 28.

4. О'Каллахан Д.Ф. Что «особенного» в христианской морали? // Современное католическое богословие / под ред. Хейза М.А., Джирона Л. / Пер. с англ. М.: ББИ св. апостола Андрея, 2007. С. 419.
5. Барбур Иен. Этика в век технологии. М.: ББИ св. апостола Андрея, 2001. С. 54 – 56.

Шишлаков И.П.

Магистрант Московского педагогического государственного университета (МПГУ)

ivanshisha@mail.ru

Аннотация. Действительность - ИКТ-революция - требует от педагогики нового взгляда и на содержание образования, и на методологию педагогики, и на методы и средства обучения. Методологической основой процесса обучения является теория познания. На современном этапе логичным результатом междисциплинарного подхода к исследованию процессов познания стала новая наука - когнитивистика. Ее основные категории - мышление, сознание, мозг. В статье рассмотрены методологические вопросы: использование достижений когнитивистики в педагогике и её роль в повышении результативности процесса обучения. Обращено внимание (также с позиций результативности) на актуализацию педагогического опыта в аспекте дидактики, на адаптацию роли и функций преподавателя в условиях новой образовательной среды средствами формирования оптимального образовательного контента и использования эффективных педагогических технологий.

Ключевые слова: теория познания, когнитивистика, процесс обучения, процесс преподавания, мотивация.

Cognitive science, creativity, culture.
Shishlakov I.P.

State budgetary educational institution of the city of Moscow "School No. 1195". Postgraduate Education, Moscow Pedagogical State University (MPGU)

Annotation. Reality-the ICT revolution-requires pedagogy to take a new look at the content of education, the methodology of pedagogy, and the methods and means of teaching. The methodological basis of the learning process is the theory of knowledge. At the present stage, the logical result of an interdisciplinary approach to the study of cognition processes has become a new science, cognitive science. Its main categories are thinking, consciousness, and the brain. The article deals with methodological issues: using the achievements of cognitive science in pedagogy and its role in improving the effectiveness of the learning process. Attention is drawn (also from the point of view of effectiveness) to the actualization of pedagogical experience in the aspect of didactics, to the adaptation of the role and functions of the teacher in the new educational environment by means of creating optimal educational content and using effective pedagogical technologies.

Keywords: cognition theory, cognitive science, learning process, teaching process, motivation.

Информационные технологии захватили мир. Человеческое сообщество использует цифровые технологии во всех сферах жизни. ИКТ-технологии, разработка искусственного интеллекта, философские и естественнонаучные теории об устройстве сознания и процессе познания не могут не затронуть сферу образования. Необходимо только определить характер влияния инноваций на процесс обучения. На рубеже 70-80 гг. XX в. появился термин «когнитивистика». Им определялась область трансдисциплинарных исследований задатков, способностей, готовности и мотивации субъекта к познанию, задаваемой специфическими средой и контентом, с целью построения моделей и соответствующих им методологий.

Процесс обучения - это специфический вид познавательной деятельности человека. Учение предполагает создание учеником представления об окружающем мире путем формирования личностно значимого образа мира. Ученик усваивает субъективно новое, т.е. то, что уже известно человечеству, но должно быть пропущено через субъективный опыт. В педагогическом сообществе существует устойчивая парадигма, в которой сущность обучения выражается в педагогическом общении того, кто обучает (процесс преподавания), и того, кто учится (процесс учения). Ученик усваивает дидактически адаптированный вариант, при этом взаимодействие с педагогом в процессе передачи социально-исторического опыта является обязательным. Педагогическое общение рассматривается и как прямое, не-

посредственное, и как косвенное, опосредованное.

Переосмысление роли учителя в новой образовательной среде является важной задачей педагогики. Необходима разработка научных обоснований и формирование педагогических технологий для осуществления креативно-ценностной парадигмы образования: для придания смыслов тем сведениям, которые ученик получает в процессе образования; для создания условий и сред, в которых будет востребовано творчество в процессе познания ценностей культуры. Способы решения этих задач должны быть реализованы на основе фундаментального знания. В современных условиях внимание уделяется исследованиям процесса познания и когнитивистике как дисциплине, аккумулирующей в себе достижения наук, изучающих познавательную деятельность.

Современное преподавание связано с тем, что учитель не просто дает информацию ученику, которую ученик хочет получить от учителя (но также может получить её из Интернета), а транслирует дидактически адаптированный (к возрастным учебным возможностям, особенностям учеников) контент. Следовательно, мастерство педагога может сделать познание ученика более эффективным. Использование достижений когнитивистики может стать шагом к преобразованию педагогических технологий.

Сегодня когнитивистика - междисциплинарная область знаний, имеющая собственные предмет познания (работа человеческого мозга), методологию (символизм, коннекционизм) и методы (компьютерное моделирование, экспериментальные методы исследования). Когнитивистика включает в себя теорию познания, когнитивную психологию, нейрофизиологию, когнитивную лингвистику, невербальную коммуникацию и теорию искусственного интеллекта.

К когнитивистике имеет прямое отношение и термин «нейропедагогика». В отечественной литературе «нейропедагогика» трактуется как прикладная по отношению к педагогике область междисциплинарных нейроисследований (нейропсихология, дифференциальная психология и др.). Ее цель – оптимизация образовательного процесса и обучения. Следует отметить, что в последнее время ряд экспертов отмечает наличие методологических проблем, возникающих на стыке педагогики и нейропедагогики. Частью исследователей особо выделяется направление нейропедагогики, ориентирующееся на использование данных когнитивных наук для формулировки фундаментальных принципов обучения в соответствии с законами работы мозга. При этом отмечается, что речь идет об уже известных и общепризнанных в педагогике подходах (положительная мотивация; важность сосредоточенного внимания и периферийного восприятия; связь обучения с сознательными и бессознательными процессами; уникальность каждого мозга; важность практики; важность самостоятельного структурирования учебного материала учащимися и пр.).

Несмотря на фундаментальный характер когнитивистики, высказываются предостережения, что импорт результатов исследований по одному когнитивному фактору – в его изоляции – в поле (педагогику), в котором существенно важен интегрированный подход, целостный контекст, создает необыкновенные трудности, т.к. не учитывает мотивацию ребенка, его здоровье, семью, её финансовые возможности – всё то, без учета чего учитель не может реализовать эти рекомендации. «Данные когнитивистики – это, скорее, линзы, предназначенные для расширения понимания учителями того, как учащиеся учатся, чтобы принимать решения о том, как и когда выбирать, интегрировать и вводить педагогические элементы в когорту используемых» [1, с.32]. Практической ценностью когнитивистики эксперты называют конкретизацию допустимых границ моделирования педагогической реальности, формулировку на языке педагогики законов работы мозга, которым не должен противоречить процесс обучения («экологический императив в педагогике»). При этом проблемы адаптации данных нейропсихологии, когнитивистики, нейробиологии собственно к дидактике остаются нерешёнными.

Методологические сложности «диалога» результатов исследования когнитивистики и теории педагогики не влияют на использование в учебной практике научно-технических достижений, порожденных когнитивистикой. Расширение информационного поля, доступность информации, моделирование и создание индивидуально адаптированных учебных курсов и программ – всё это преимущества ИКТ, основанных на когнитивных исследованиях.

Однако при всех преимуществах, которые дает процессу образования использование достижений ИКТ и когнитивистических исследований, его специфичность, а именно – социальный характер обучения, делает необходимым условием результативности овладения знаниями творческую деятельность педагога.

Президент швейцарского Международного института управленческого развития (IMD) Ж.-Ф. Манзони вспоминал, что пятнадцать лет назад они с коллегами записывали курсы на видеокассеты,

но вскоре поняли, что выучиться по записанному курсу невозможно – люди хотят слушать лекции преподавателей вживую [2].

Ничто не заменит живого общения педагога и ученика. На «суррогат» можно переложить тот объем занятий, который не требует серьезного обсуждения, тем самым высвободив время для общения «лицом к лицу».

Действительно, можно получать информацию из Интернета, пользоваться электронными книгами и курсами, но это не заменит живого контакта ученика с преподавателем. В.С. Меськов приводит такой пример: «Б.М. Величковский работает в Курчатовском центре и специально занимается когнитивными исследованиями. Он обнаружил, что живой контакт говорящего и слушающего «глаза в глаза», когда преподаватель что-то преподает ученику, незаменим, а если его нет, не так материал усваивается, не так понимается» [3, с. 37]. Следует добавить, что полнота усвоения данного материала влияет на готовность к последующему обучению и на его эффективность, и, соответственно, прямое взаимодействие преподавателя и ученика при контроле и оценке результатов обучения определяет дополнительные обучающие и образовательные возможности. Процессы получения и освоения информации – разные процессы. Расширение информационного поля само по себе не гарантирует получение нового личностного знания. «Риском современных информационных технологий является потеря Человека как сознающего существа, который имеет свободу воли и отвечает за свои поступки» [3, с. 37]. Кроме научного аспекта эта проблема имеет и культурный, и морально-ценностный аспект. Классическое образование за свою многовековую историю обеспечило человечеству научно-технический, информационный прорыв, что характеризует его как эффективное и имеющее право на существование. Движущей силой процесса познания остается при этом мотивация.

Чтобы человек стал всесторонне образованным, способным к самообразованию, необходима его осознанная заинтересованность в получении знаний, в овладении методологией их актуализации. Главная задача на этом пути – мотивация учения.

С одной стороны, мотивация - весь комплекс факторов, направляющих и побуждающих поведение человека, с другой стороны, мотивация представляет собой действия по активизации мотивов другого человека (по Е.В. Сидоренко [4]). Учитель влияет на учебную мотивацию учеников, ориентируясь на личность ученика.

Используя мотивацию, обусловленную личными качествами ученика, преподаватель имеет возможность организовать учебную ситуацию таким образом, чтобы ученики за короткий срок проявили интерес к учебному процессу и были готовы к совместной работе. Также учитель способен создать длительный познавательный интерес к предмету, способствующий развитию когнитивного и мотивационного потенциала учеников. Формируя положительную эмоциональную атмосферу учебного процесса, педагог обеспечивает дополнительный мотивационный ресурс ученика. Обучение становится более эффективным.

Прогресс в информационно-технологической сфере при новых возможностях ИКТ (широкий доступ к источникам информации и т.д.) несет с собой и новые риски, новые сложности социокультурного характера (в образовательной среде, в частности). Как показывают социологические опросы, современный ученик, студент не выходит зачастую за пределы *Google* при поиске информации, и это явление носит название «гугливизация образования». Такая тенденция формирует знания невысокого уровня, т.к. они основываются на элементарных и не всегда верных понятиях, фактах из Википедии и пиратских библиотек. Навыки построения методологии познания, методики научного исследования для дальнейшего непрерывного образования выработаться в таких условиях не смогут. Творческая деятельность педагога должна обеспечить и творческую познавательную активность ученика.

Литература:

1. Дзятковская Е.Н. Нейронауки и перспективы развития педагогики // Социальные и психологические проблемы современного образования. Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. 29 ноября 2018 г. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2018. С. 30-36.
2. Образование в цифровую эпоху // Аккредитация в образовании. 2017. № 6 (98). С. 14–22.
3. Гольдберг Э.А., Гоншорек С.Н., Лекторский В.А., Меськов В.С., Сабанина Н.Р. Давай создадим человека: пять когнитивных революций // Наука и школа. 2017. № 5. С. 34-43.
4. Сидоренко Е.В. Мотивационный тренинг. СПб: Речь, 2000. 240 с.

Сложность исторической памяти

Алексеев Александр Петрович

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, философский факультет,
заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов*

aleksandr.alekseev.57@list.ru

Историческая память рассматривается как сложный феномен, являющийся объектом воздействия разных социальных субъектов, находящихся в сфере влияния различных ценностно-нормативных систем. Особая роль философии в меж- и транс-дисциплинарных взаимодействиях, связанных с изучением феномена исторической памяти, объясняется включением в сферу философских исследований ценностно-нормативных систем как разных наук, так и родов вне-научной деятельности. Автор считает, что всестороннее рассмотрение феномена исторической памяти, учитывающее сложность данного объекта, должно принимать во внимание результаты психологических исследований индивидуальной памяти человека. В частности, необходимо отдавать должное роли ассоциаций и эмоций и в процессах запоминания и забывания, а также значимости запоминаемого и воспроизводимого материала для деятельности субъекта. Все это (как и различение памяти долговременной и оперативной), помогает прояснить роль и место исторической науки в процессах формирования исторической памяти.

Ключевые слова: историческая память, сложность, история, психология памяти, историческая политика, междисциплинарные исследования, трансдисциплинарность

Complexity of Historical Memory. *Alekseev Alexander P.*

Lomonosov Moscow State University, Philosophical Faculty

The author treats historical memory as a complex phenomenon that is under influence of social actors regulated by different systems of values and norms. Since philosophy considers systems of values and norms of different sciences and activities beyond Science, the role of philosophy in the interdisciplinary and transdisciplinary interaction is very important. The author believes that results of psychological studies of individual memory should be taken into consideration in comprehensive study of historical memory as a complex object. In particular, it make sense to pay attention to the role of associations and emotions in the processes of remembering and forgetting. And we should not discount the importance of the memorized and reproduced material for the activities of the subject. All this (as well as the distinction between long-term and operational memory) helps to clarify the role and place of works by historians in the formation of historical memory.

Keywords: historical memory, complexity, History, psychology of memory, historical policy, interdisciplinary research, transdisciplinary problems.

Психология изучает память как сложный феномен, проявляющийся в процессах запечатления, сохранения, воспроизведения образов предметов и событий, а также в процессах узнавания и забывания этих образов. Известно, сколь большую роль в запоминании и узнавании играют ассоциации, механизмы построения и закрепления целостных образов, интерес и эмоции, и конечно же, значимость запоминаемого материала для деятельности субъекта. Не вызывает сомнений и то обстоятельство, что научные знания занимают лишь малую часть памяти человека – даже если речь идет о человеке весьма образованном и занимающемся научными исследованиями. Сказанное относится не только к памяти вообще, но и к биографической памяти личности. Это имеет смысл учитывать и в дискуссиях об исторической памяти той или иной социальной общности.

Подходы и методы психологических исследований памяти индивида не могут быть напрямую применены в изучении феноменов социальной и исторической памяти. Тем не менее, знания, накопленные в области психологии памяти, не следует сбрасывать со счетов, если мы хотим выйти за

рамки упрощенных представлений об исторической памяти, о соотношении памяти с исторической наукой, а также о переписывании истории и «политическом использовании прошлого».

Прежде всего, следует подчеркнуть, что содержание исторической памяти отнюдь не исчерпывается знаниями, добытыми исторической наукой. Это верно не только в отношении «живой памяти» - то есть памяти о событиях, участниками, очевидцами или просто современниками которых были ныне живущие люди. (Ряд исследователей, начиная с М. Хальбвакса, отделяют данную часть памяти о прошлом от исторической памяти как таковой, относя эту часть к «социальной памяти» или «культурной памяти» [1], [2]. Мы же, как и большинство авторов, рассматриваем память о сравнительно недавнем прошлом как часть исторической памяти в целом, обладающую, конечно же, некоторыми особенностями). Даже память о далеком прошлом, о событиях, происходивших века и тысячелетия тому назад, не является монополией ученых-историков. На формирование исторической памяти влияют произведения художественной литературы и разных видов искусства (включая искусство кино), архитектурные и монументальные сооружения, названия городов, сел, улиц, организаций и многое другое.

То обстоятельство, что историческая наука не обладает монополией на историческую память общества, порой дает повод для противопоставления с одной стороны памяти, а с другой - истории как науки и/или истории как разворачивающегося во времени и пространстве процесса развития человечества. Ситуация характеризуется как «жесткое противостояние, доходящее до разрыва», когда память «встала над историей в качестве главного способа управления прошлым» [3, с. 109]. Не удивительно, если с подобных позиций выход историка в область массовых представлений о прошлом понимается как включение в альянсы «власти и памяти» («власти и забвения»), несущее соблазн «историзации» современной политической реальности [4, с. 170].

Подобные взгляды обусловлены не в последнюю очередь сложностью междисциплинарных и транс-дисциплинарных взаимодействий в рефлексии над исторической памятью, требующих учета специфики ценностно-нормативных систем не только разных научных дисциплин, но и разных профессий и родов деятельности, существенно отличных от научно-исследовательской [5]. Ценности и нормы работы ученого-историка можно рассматривать как результат «воплощения» в специфическом материале общих ценностей и норм науки, и данный результат имеет отличия от результатов воплощения того же общего в специфических материалах психологии, социологии, политологии и философии. Особая роль философии в междисциплинарных и транс-дисциплинарных взаимодействиях обусловлена тем, что именно философия делает предмет своего рассмотрения ценностно-нормативные системы всех участников этих взаимодействий.

Несправедливо зачислять в категорию «непрофессионалов» всех «не-историков», оказывающих влияние на историческую память общества. В числе таких людей – и те, на кого распространяются требования профессиональной этики журналиста, и те, кто находится в сфере действия императивов и ценностей художественного творчества.

Подобно тому как психологи различают долговременную и оперативную память человека (это различие стали проводить более полувека назад под влиянием «компьютерной метафоры») [6], имеет смысл различать долговременную и оперативную историческую память общества. Знания, добываемые ученым-историком, поступают, как правило, в «складские помещения» исторической памяти. Что же касается памяти оперативной, то она находится под непосредственным воздействием не столько историков, сколько представителей других профессий. Ее содержание определяется не в последнюю очередь значимостью воспроизводимого материала для мобилизации ценностного потенциала общества – мобилизации, необходимой для ответа на современные вызовы, для решения текущих и стратегических задач.

Общество, желающее иметь адекватную информационно-ориентировочную основу собственной жизни, вправе требовать, чтобы публицисты, писатели, создатели кинопродукции и другие субъекты влияния на историческую память с должным вниманием и уважением относились к плодам исторической науки. При этом нельзя не учитывать, что в эпоху «пост-правды» и «пост-культуры» [7] не только выполнение, но даже осознание таких требований весьма затруднено. Манипулятивные технологии, использующие все более изощренные методы скрытого воздействия на сознание и поведение людей в интересах манипулятора (или его заказчика), получают повсеместное распространение. Использование подобных приемов уже не становится предметом морального осуждения, но, напротив, получает одобрение в качестве условия эффективных и успешных действий. Манипуляции применяются в

«исторической политике» государств и влиятельных социальных групп, становятся важной частью политических технологий. Приверженность политтехнолога интересам обслуживаемого лица или организации (заказчика) – признанная норма профессиональной этики. Однако этот факт оттесняет на задний план то обстоятельство, что представитель любой профессии должен принимать во внимание интересы общества. Такое должностное поведение приобретает особый смысл, когда речь идет об отношении к историческому материалу, актуализируемому в контексте современных вызовов. Допустимо ли здесь «конструирование прошлого в технике коллажа» с «совмещением элементов противоположных смысловых систем, не сопровождаемым их содержательной реинтерпретацией» [8, с. 74]? Необходим ли подобный стиль конструирования? Способствует ли он повышению степени доступности информации для массового сознания? Не являются ли используемые приемы проявлением неуважения к человеку и народу? Независимо от того, какие ответы будут даны на поставленные вопросы, не вызывает сомнений несоответствие подобных методов задачам просвещения.

В этих условиях особенно важной становится просветительская миссия философии и других гуманитарных наук. Распространение гуманитарных знаний в обществе непосредственно философами, историками, психологами требует от представителей этих профессий умений и навыков, не являющихся необходимыми не только в научном исследовании, но даже в преподавательской работе. Не удивительно, что не все ученые обладают соответствующими способностями и склонностями. Однако объективно существует (хоть и не всегда осознается) массовая потребность в знании о способах защиты от манипулятивных воздействий, о ценностях и нормах деятельности разных категорий социальных и политических субъектов и групп, об истории страны и народа.

Так или иначе, сложность феномена исторической памяти, как и сложность взаимодействия разных категорий субъектов, изучающих этот феномен и влияющих на него – тема, достойная самого серьезного внимания современной философии.

Литература

1. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память (Перевод с франц.) // Неприкосновенный запас. 2005. № 40-41(2-3). С. 8–27.
2. Головашина О. В., Линченко А. А., Аникин Д. А. Память о Великой Отечественной войне: День Победы в историческом сознании россиян // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 38. 2017. С. 63-70.
3. Федорова М. М. История/память: «трудная дилемма» // История философии. 2018. Т. 23. № 1. С. 108-121.
4. Савельева И. М., Полетаев А. В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого. М.: ВШЭ, 2005. С. 170–220.
5. Алексеева И. Ю., Алексеев А. П. Философия исторической памяти // Вопросы философии. 2018. № 10. С. 67-76.
6. Зинченко Т. П. Память в экспериментальной и когнитивной психологии. СПб.: Питер, 2002. 320 с.
7. Алексеев А. П. Культура аргументации в посткультурном контексте // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 2 (43). С. 276-282.
8. Малинова О. В. Использование символов прошлого в политике постсоветской России: эволюция подходов // Вестник РГНФ. 2014. №1 с. 69-78.

Дискурс исторической ответственности: между личными воспоминаниями и социальной идентичностью

Аникин Даниил Александрович

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры истории и теории политики. Кандидат философских наук

dandee@list.ru

Понятия исторической памяти и исторической ответственности тесно переплетаются друг с другом. Вместе с тем, существенной проблемой остается выяснение механизмов возникновения исторической ответственности в контексте динамики коллективной и индивидуальной памяти. Объектом исследования является историческая ответственность, а предметом исследования – социальные основания формирования исторической ответственности в индивидуальном сознании человека. Методология исследования включает в себя обращение к феноменологии власти Х. Арендт, а также к процессореляционному подходу Д. Олика. В выступлении предполагается рассмотреть основные концепции исторической ответственности, а также выявить возможность создания философско-исторических моделей обращения к прошлому и его актуализации в онтологическом, этическом и социальном аспектах, выявить взаимосвязь данных аспектов в процессе формирования исторической ответственности и ее динамики в контексте современного социума.

Ключевые слова: историческая ответственность, идентичность, коллективная память, сетевой подход.

Discourse of historical responsibility: between personal memories and social identity. Anikin Daniil A.

Moscow State University, Department of History and Theory of Politics

The concepts of historical memory and historical responsibility are closely intertwined. However, the identification of mechanisms for historical responsibility in the context of collective and individual memory dynamics remains a significant challenge. The object of the study is historical responsibility, and the object of the study is social grounds for the formation of historical responsibility in the individual consciousness of the person. The methodology of the study includes an appeal to the phenomenology of H. Arendt 's power as well as D. Olick 's process-relational approach. The presentation is intended to consider the main concepts of historical responsibility, as well as to identify the possibility of creating philosophical-historical models of addressing the past and its mainstreaming in ontological, ethical and social aspects, to identify the relationship of these aspects in the process of formation of historical responsibility and its dynamics in the context of modern society.

Keywords: historical responsibility, identity, collective memory, network approach.

¹ Понятия исторической памяти и исторической ответственности тесно переплетаются друг с другом. Еще М. Хальбвакс указывал, что историческая память, являясь социальной по своей природе, представляет собой не просто совокупность отдельных образов прошлого, циркулирующих в обществе, а определенный набор воспоминаний, который общество в целом (или отдельная социальная группа) пытаются сохранить для передачи последующим поколениям. В этом смысле императив сохранения прошлого обусловлен осознанием ответственности за его сохранность. Вопрос только заключается в том, что перед кем эта ответственность артикулируется. Э. Вышгород отмечает, что ученый как носитель исторической памяти представляет собой «гетерологичного историка» (heterological historian), неопределенная идентичность которого представляет собой результат смешения двойственной ответственности – ответственность по отношению к предшествующим поколениям и ответственность по отношению к его социальному окружению [1, р. 4]. Случай совпадения этих форм ответственности

является чересчур идеалистичным в силу того, что предполагает неизменность не только социальных границ определенного сообщества, но и культурных установок представителей данного сообщества. В реальности же имеет место столкновение различных форм ответственности, что усугубляется тем фактом, что ответственность перед предшествующими поколениями также является предметом социального конструирования.

Проблема заключается в том, что вопрос о природе и истоках исторической ответственности относится к числу междисциплинарных. Д.А. Томильцева рассматривает историческую и политическую ответственность как пересекающиеся сферы, порождающие частично совпадающее проблемное поле [2, с. 27]. Исторический дискурс стремится раскрыть предпосылки возникновения исторической ответственности, дать оценку событиям прошлого в контексте их соответствия или несоответствия когнитивным рамкам исследования. Этический дискурс стремится соотнести поведение определенных индивидуальных или коллективных акторов с вневременными моральными нормами, установить возможность возникновения ответственности в случае нарушения соответствующих норм. Политический дискурс стремится раскрыть вопрос об акторах исторической ответственности, обозначить последствия принятия этими акторами на себя исторической вины.

В рамках политического дискурса большое значение имеет определение акторов ответственности. Ю.А. Нисневич проводит различие между индивидуальными и коллективными акторами: «Индивидуальными субъектами политической ответственности выступают политики, в том числе должностные лица, занимающие политические должности в системе публичной власти, а также граждане, участвующие в политических мероприятиях. В качестве коллективных субъектов политической ответственности могут выступать различные политические институты, в которых имеет место как коллегиальное, так и индивидуальное принятие политических решений» [3, с. 82]. Более концептуальными представляются критерии Х. Арендт, которая утверждала, что существуют два основных условия исторической ответственности:

1. Разрыв между виной и ответственностью, то есть готовность индивида признать себя ответственным за те проступки, которые не были совершены конкретно им;
2. Связь ответственности и коллективной идентичности, то есть понимание индивидом того обстоятельства, что принадлежность к определенному сообществу налагает на него необходимость быть ответственным за деяния этого сообщества, даже в том случае если он лично имеет к ним опосредованное отношение [4, с. 207].

В указанных рассуждениях большое значение имеет понимание ответственности в контексте наличествующей вины, что заставляет придавать самому понятию «историческая ответственность» негативный смысл. Как указывает Е.В. Беляева, «ответственность чаще всего мыслится как результат вины и подразумевает наказание виновных, это всегда ответственность за зло и практически никогда за позитивные исторические события» [5, с. 101]. Данное замечание справедливо по отношению к немецкой традиции трактовки исторической ответственности, берущей свое начало в работах К. Ясперса и Т. Адорно, но в более широком культурном контексте можно наблюдать и примеры «позитивной исторической ответственности», в частности, культ Победы в Великой Отечественной войне в современном российском обществе.

Более важным представляется выделение двух видов исторической ответственности – индивидуального и коллективного.

Индивидуальная историческая ответственность предполагает личную заинтересованность человека в сохранении и актуализации определенных исторических образов, причем эта ответственность может отражаться в создании и публикации мемуаров, участии в коммеморативных практиках. Например, если часть бывших узников концлагерей предпочли забыть (или, по крайней мере, публично не артикулировать) свой личный травматический опыт, то другая часть как раз увидела свою персональную ответственность в том, чтобы сохранить трагизм прошлого и сделать его доступным для следующих поколений.

Коллективная историческая ответственность предполагает принятие на себя определенным сообществом чувства общей вины, вне зависимости от персональной принадлежности конкретного представителя сообщества к совершенным проступкам. Эта ответственность возникает не на основании индивидуальных действий, а на основании принадлежности индивида к определенному сообществу. Субъектом ответственности в данном случае выступает определенный «организованный коллектив», в

¹ Исследование выполнено за счет Российского научного фонда (проект №19-18-00421).

качестве которого обычно выступает корпорация или государство [5, с. 104].

Вместе с тем, в политическом дискурсе и в случае индивидуальной и в случае коллективной ответственности присутствует общая черта – репрезентация в самом акте признания ответственности не только персональной вины конкретного человека, но вины всего политического субъекта в целом. Даже в том случае, если политический деятель признает свою персональную вину за совершение какого-либо проступка, то эта вина неминуемо ложится на то политическое сообщество, от имени которого он выступает. В этом смысле политическая ответственность является исторической по определению, поскольку предполагает не только память о политической преемственности, но и готовность нести ответственность за действия, которые совершались предшествующими политическими лидерами или представителями данного сообщества.

Но коллективная историческая ответственность возникает не в сам момент совершения неправомерного действия, а в момент публичного признания его неправомерным [4, с. 210]. Соответственно, ответственность как раз и заключается в возможности сделать соответствующее признание при важном сопутствующем условии, что акт установления ответственности является результатом свободного решения. В своей работе «Vita Activa» Х. Арндт реконструирует связь свободы и публичного пространства, выстраивая генеалогия родства этих понятий со времен возникновения античной демократии как таковой. Публичное пространство изначально функционирует как пространство свободы, поскольку, в отличие от приватного пространства, предполагает альтернативные решения, не обусловленные природной необходимостью. Применительно к проблеме ответственности это положение может быть переосмыслено следующим образом: не существует онтологических оснований для возникновения ответственности, поэтому ее признание представляет собой акт свободного волеизъявления коллективного субъекта и/или конкретного политического деятеля, которому делегирована возможность говорить от имени этого субъекта.

И в том, и в другом случае можно вести речь о том, что установление исторической ответственности – вне зависимости от того, заключается данный акт установления в ее признании или в предписывании другому сообществу – является результатом определенной мемориальной политики. Политические акторы выступают в качестве инициаторов установления исторической ответственности, при этом вопрос укоренения и воспроизводства подобной ответственности становится результатом учета интересов различных сообществ, составляющих современное государство.

Литература

1. Wyschogrod E. An Ethics of Remembering: History, Heterology, and the Nameless Others (Religion and Postmodernism Series). Chicago: Univer. of Chicago Pr., 1998. 232 p.
2. Томильцева Д.А. Историческая и политическая ответственность: совпадение границ проблемного поля // Politeia - Journal of Political Theory Political Philosophy and Sociology of Politics, 2016, № (4 (83)), с. 25-35.
3. Нисневич Ю.А. Об акторах политической ответственности // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2013. Т. 6. № 3. С. 82-87.
4. Арндт Х. Коллективная ответственность и суждение. М.: Издание Института Гайдара, 2013. 412 С.
5. Беляева, Е. В. Историческая ответственность за добро / Е. В. Беляева // Историческая ответственность: от мифов прошлого к стратегиям будущего: сб. науч. ст. I международ. науч. конф. 22–23 сентября 2016 / под общ. ред. Д. А. Томильцевой, И. А. Симоновой. – Екатеринбург : Деловая книга, 2016 – С. 100–106.

Медиапамять как социально-эпистемологическая категория

Артамонов Денис Сергеевич

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, доцент. Кандидат исторических наук

artamonovds@mail.ru

Тихонова Софья Владимировна

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, профессор. Доктор философских наук

segedasv@yandex.ru

Статья посвящена медиапамяти как новой социально-эпистемологической категории. Она призвана зафиксировать изменение механизмов исторической памяти в условиях цифрового поворота, в которых собственно эпистемические эффекты основаны на новых социальных практиках. Авторы показывают изменение модели формирования исторической памяти, снижение значимости нисходящих от академического корпуса историков потоков исторической информации по сравнению с восходящими потоками контента, формируемого в социальных сетях обывателями. Формируя собственную идентичность, пользователи создают субъективно окрашенный исторический контент, позволяющий им приобщиться к прошлому и погрузиться в него. Ключевым способом создания такого контента выступает медиатекст, гибридирующий форматы достоверного объективного знания и оценочных мнений. Создание медиатекста разрушает автокоммуникативное постижение индивидом истории, поскольку опирается на изначальную интенцию разделения создаваемого смысла с широкой аудиторией. Медиатизация исторической памяти демократизирует ее механизмы, связывая их с повседневными мировоззренческими потребностями создающих контент массами обывателей.

Ключевые слова: историческая эпистемология, медиапамять, цифровой поворот, цифровое общество, социальные медиа, memory studies.

Media memory as a socio-epistemological category.

Artamonov Denis S.; Tikhonova Sophia V.

Saratov State University

The article deals with media memory as a new socio-epistemological category. The goal is to record the change in the mechanisms of historical memory in the conditions of digital turn, in which epistemic effects are based on new social practices. The authors show a change in the model of historical memory formation, a decrease in the importance of historical information flows descending from the academic body of historians in comparison with the ascending streams of content formed in social networks by ordinary people. Forming their own identity, users create subjectively colored historical content that allows them to join the past and immerse themselves in it. The key way to create such content is media text, which hybridizes the formats of reliable objective knowledge and evaluative opinions. The creation of media text destroys an individual's autocommunicative comprehension of history, since it is based on the original intention of sharing the created meaning with a wide audience. Mediatization of historical memory democratizes its mechanisms, linking them to the everyday worldview needs of the masses of ordinary people who create such content.

Keywords: historical epistemology, media memory, digital turn, digital society, social media, memory studies

¹Повсеместное проникновение в повседневность интернет-технологий сказывается на практиках исторического познания. Письменная память уступает место новой электронной форме, а распространение сервисов социальных сетей открывает широкий доступ массам пользователей к созданию и распространению знания о прошлом. Профессиональное познание истории, осуществляемое корпусом ученых-историков, продолжает играть роль «твердого ядра» формирования образов Прошлого. Однако это ядро размывается в широчайшем массиве контента, создаваемого непрофессионалами, становится основой множества вольных интерпретаций, искажений, опровержений, каждая из которых способна

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ: проект «Социальное конструирование исторической памяти в цифровом мире», № 19-011-00265

оказать значительное влияние на общественное сознание. При этом сами профессиональные историки все чаще прибегают к методам исторической информатики, 3D-реконструкции и цифровым архивам. Цифровой поворот в историческом познании требует категориальных поисков на уровне социальной и исторической эпистемологии.

К теме цифрового поворота чаще всего обращаются в контексте количественного роста интернет-интеракций и широты их внедрения в социальное пространство повседневности. Однако цифровой поворот нельзя свести только к инструментальным аспектам, поскольку цифровые технологии меняют саму конфигурацию системы производства знания, демократизируя ее за счет изменения пропорции производитель знания-потребитель. Как справедливо отмечает А.В. Голубинская, знание не заперто в лаборатории или кабинете ученого, и если оно покидает её стены, то встраивается в самые разные отношения, оказывая значительное влияние на ход социального развития и истории в целом [1, с. 23]. Цифровой поворот означает переход к новым формам коммуникации научного знания и знания повседневного, неформального, в условиях сверхнасыщенной интерактивной медиасреды, в которой роль субъекта принадлежит тем, кто в эпистемологии долгое время рассматривался как пассивное молчаливое большинство.

Отметим, что парадигма *memory studies*, аккумулирующая данные о массовых способах распространения представлений о Прошлом, имплицитно выстраивается вокруг тезиса о примате профессионального исторического знания в формировании исторической памяти. Классики исторической эпистемологии – Г. Баттерфилд, А. Мегилл, Ф. Анкерсмит, Х. Уайт, Р. Козеллек, Н. Копосов, исследовавшие проблемы исторического познания [2, с. 155], исходили из аксиоматического представления о том, что исторические знания создаются историками.

Пирамидальная модель трансляции исторического научного знания в массы через нисходящие потоки сменяется сегодня сетевой моделью, где очаги научного знания обрастают густыми сетями производства и трансляции неформального контента. Свобода взаимодействия и сотрудничества позволяет пользователям легко переходить от практик краудсорсинга к трансляции личного мнения. Практики выдвижения лидеров мнения становятся намного более динамичными, гибкими, чувствительными к ситуативному контексту. Лидеры мнения все реже связаны с корпорациями и социальными институтами, их влияние опирается на их личную коммуникативную компетентность и медиа-грамотность. Тиражируемый контент частного и полупри частного характера больше не замкнут масштабами локальных домашних групп, через новостные ленты социальных медиа он быстро становится достоянием широких слоев общественности. Сам контент подчиняется логике функционирования гибридных жанров, а, значит, легко синтезирует фрагменты достоверной информации с оценочными суждениями. Культура знания в социальных сетях (Facebook и другие) основана на культуре субъективного комментария на любые темы.

Новой формой объективации обыденного знания в социальных сетях становится медиатекст, содержание которого основано на личном опыте автора, эмоционально и субъективно. Распространяя свой контент по целенаправленно созданным кластерам слабых связей, пользователи формируют его на основе дискурсов постправды. При этом широта распределения контента зависит от эффективного использования новых инструментов легитимации и верификации, а, именно, репутационных систем социальных сетей.

Эта тенденция характерна для всех областей знания, однако далеко не все они одинаково привлекательны для масс. Наибольшей популярностью обладают психологические и исторические знания, играющие важную роль в обеспечении социальной активности индивида. Если популярная (в широком смысле, включая профанизированные и откровенно эзотерические учения) психология используется для управления межличностными связями и преодоления кризисов личностного развития, то исторические знания подкрепляют процессы самоидентификации, выбора гражданской позиции и включения в базовые коллективные идентичности. При этом для обывателя важно «человекообразное» постижение истории, в котором понимание обретается через эмпатию, персонализацию и «вчувствование», а не через оперирование абстрактными категориями, описывающими закономерности исторического процесса.

Например, национальная история осваивается индивидами через семейную историю, когда краеведение, генеалогия и/или историческая реконструкция не просто поставляют знания о прошлом, но создают основу для когнитивного и эмоционального погружения в воссоздаваемые эпохи ради укрепления личных связей с предыдущими поколениями, обретение корней. Цифровые технологии, социальные сети и интернет-площадки делают доступной историческую информацию, позволяя индивидам

без особых усилий обращаться к архивам, воспоминаниям, кино- и фотографическим свидетельствам ушедших лет, консолидировать свои усилия и ресурсы, необходимые для этих целей.

Кроме того, любая интернет-активность имеет мемориальное значение, поскольку оставленные ею следы позволяют индивиду поддерживать память о своих прошлых мнениях, позициях, состояниях и оценках. Коммуникативная деятельность медиа в любой момент способна выполнять мнемоническую функцию. Роль медиа невозможно свести к нейтральному хранению информации, их использование почти в автоматическом режиме запускает активное конструирование представлений о Прошлом.

Если в классических концепциях исторической памяти подчеркивались способы приобщения индивидов к коллективной памяти через потребление накопленного исторического опыта, то в условиях цифровой среды такое потребление неотделимо от практик участия в производстве потребляемого продукта. Приобщение через создание собственной интерпретации прошлого, объективированное в формате медиатекста, доступно для воспроизведения. Оно перестает укладываться в рамки автокоммуникации, поскольку требует обнародования и разделения с другими людьми в самом техническом факте производства медиатекста (записи в блоге, тегированной фотографии, поста или комментария). Вклад публичных репрезентаций истории в формирование образов Прошлого растет, зачастую легко выдерживая конкуренцию с солидными академическими источниками благодаря привлекательной форме.

Поскольку участие в производстве и поддержании медиапамяти имеет минимальные цензы, в основном, связанные с медиа-грамотностью, преодолимые для большинства населения планеты, мы имеем основания считать медиапамять демократичной. Выступая цифровой системой хранения, преобразования, производства и распространения знаний о прошлом, медиапамять, с одной стороны, обеспечивает формирование исторической памяти индивидом и коллективными общностями, а, с другой стороны, – селекцию исторической информации. Работа медиапамяти как механизма забвения и забывания опирается на доминирование дискурсивных и жанровых форм репрезентации истории в пространстве повседневности, подчиняющееся потребностям пользователей.

Таким образом, категория медиапамять отражает вызванные цифровым поворотом изменения в функционировании исторической памяти и учитывает новые социальные практики постправды, основанные на гибридизации научного, повседневного и художественного знания о прошлом.

Литература

1. Голубинская А.В. Цифровой поворот в теории познания // Российская общественно-гуманитарная наука перед вызовами современности. Саратов: СГЮА, 2019. С. 22-29.
2. Шиповалова Л.В. Современная историческая эпистемология. Аналитический обзор направления исследований // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2018. Т. 1. № 4. С. 153-167.

Опираясь на основные идеи теории события, автор проводит различие события и события памяти. Представлена дефиниция категории события на основе идей некоторых основоположников теории (Г. Зиммель, А. Бадью), отмечается большое значение языковых конструкций для фиксирования события. Автор рассматривает два направления в исследовании событий, показывает, что для *memory studies* имеет значение изучение абсолютных событий, так как именно они остаются в социальной памяти. При этом фигура наблюдателя не подходит для фиксирования событий памяти, так как не может быть свидетелей событий памяти, поэтому их формирование зависит от сети различных акторов (Р. Вагнер-Пачифичи). И для события и события памяти характерна неисчерпаемость, однако событие памяти формируется под действием сложившегося нарратива.

Ключевые слова: событие, социальная память, теория событий, нарратив

Event and event of memory.

Golovashina Oxana V.

Tambov state University named after G. R. Derzhavin

Based on the main ideas of the event theory, the author distinguishes between an event and a memory event. The article presents the definition of the event category based on the ideas of some of the founders of the theory (G. Simmel, A. Badiou), and notes the great importance of language constructions for fixing the event. The author considers two directions in the study of events, shows that the study of absolute events is important for memory studies, since they remain in the social memory. In this case, the observer figure is not suitable for recording memory events, since there can be no witnesses to memory events, so their formation depends on a network of different actors (R. Wagner-Pacifici). Both the event and the memory event are characterized by inexhaustibility, but the memory event is formed under the influence of the established narrative.

Keywords: event, social memory, event theory, narrative.

Социальная память, как правило, представляет собой память о событиях, поэтому, для того, чтобы осмыслить различные аспекты социальной памяти, нам необходимо, во-первых, определить, что такое событие, во-вторых, понять, как соотносится событие и память о событии.

С точки зрения различных социальных теоретиков, событие, с одной стороны, трактуется как социальное действие в условиях пассивности действующего субъекта (А.Ф. Филиппов, Д. Дэвидсон, Р. Эмерсон и др. [1-6]). То есть, событием может быть любой эпизод, практически что угодно – падение камня, переход дороги и т.д. С другой – под событием имеется ввиду довольно редкие масштабные явления, «преобразующие структуры» (Сьюэлл), меняющие траектории развития сообществ [7-11]. Представители второго направления обращают внимание не столько на событие как произошедшее, сколько на последствия этого события. Нельзя сказать, что эти линии существуют как исключаящие друг друга, но их выделение в предлагаемом докладе обусловлено тем, что память, тем более, социальная, о событиях первого типа, как правило, не сохраняется, так как их последствия незначительные.

Поэтому в дальнейшем под событием мы будем иметь в виду именно уникальное происшествие, представляющее собой единство понимаемого содержания и определенного места во времени (Г. Зиммель), последствия которого непредсказуемы и приводят к появлению новой нормативности (А. Бадью); больше значение для концептуализации события имеет его обозначение, то есть, событие представляет собой событие языка (Ж. Делез).

Концептуализация события в предлагаемой работе предполагает различие онтологического и эпистемологического уровня события, причем для дальнейших рассуждений нам важен именно

эпистемологический уровень события. Мы говорим не о произошедшем самом по себе, а о том, как это произошедшее остается в памяти. Память не сохраняет произошедшее, а трансформирует его под свои потребности и специфические особенности. Процесс этой трансформации оказывается одной из основных проблем, разрешением которой занимаются исследователи памяти. Таким образом, память о событии предполагает концептуализацию именно эпистемологического уровня события. Эпистемология события была довольно подробно разработана А.Ф. Филипповым, который показал, что благодаря наблюдателю, а точнее, сообществу наблюдателей, мы можем говорить о событии. То есть, важно не что было «на самом деле», а кто это наблюдал, как проинтерпретировал и как рассказал. В теории Филиппова наблюдатель выступает в качестве конститутивного субъекта, от которого зависит смена перспектив [4, с. 12]. Однако мы не можем говорить о наблюдателе, применительно к событиям социальной памяти. Чем же тогда будет определяться событие?

Для разрешения указанного противоречия обратимся к идеям современного социального теоретика Р. Вагнер-Пачифичи и представлениям об априорном нарративе Д. Карра.

Р. Вагнер-Пачифичи добавляет еще одну характеристику события, на которой не акцентировали свое внимание Г. Зиммель и А.Ф. Филиппов – динамичность. События в ее трактовке не случаются раз и навсегда, а постоянно создаются «множеством социальных агентов и сил», борются за «внимание и действия исторических субъектов» [12, р. 12]. Событие оказывается онтологически неопределённым – это один из основных тезисов монографии Вагнер-Пачифичи, но работа различных акторов – наблюдателей, наблюдателей за наблюдателями, информационных, технических и так далее объектов создает определённый логический образ события. Причем, Вагнер-Пачифичи подчеркивает, что такая эпистемологическая структура события не мешает ему нести вполне реальные онтологические последствия.

«В сложном, неопределённом и формирующемся мире событий функция любого конкретного слова, фразы, изображения или жеста неоднозначна» [12, р. 32], то есть, события, несмотря на участие различных сил, «ускользают от постоянной фиксации» [12, р. 33], это не то, что произошло, а то, что стало (и продолжает становиться) событием [12, р. 89]; фиксация не делает событие стабильным, сама «форма» оказывается лишь формированием. В качестве примера Вагнер-Пачифичи приводит отчет по событиям 9/11, который был опубликован в 2004 году на основе воспоминаний жертв и свидетелей. Этот отчет, изданный большим тиражом, также распространявшийся бесплатно в сети Интернет, легитимизировал ту трактовку события, которая получила дальнейшее распространение и, следовательно, окажет определяющее влияние на формирование того образа, который потом останется в памяти. То есть, событие – это не то, что произошло, а что было вписано в определённый нарратив и получило распространение в этом качестве. Такое определение не противоречит необходимости наблюдателя за событием, но переставляет акценты с наблюдателя как определенной верховной инстанции, на плоский мир интерпретаций, свидетельств, формирующих динамичную, меняющуюся картинку события.

Как мы отметили выше, событие предполагает появление новой нормативности. Однако таком качестве (в терминологии А.Ф. Филиппова – абсолютное событие), оно выступает началом нового социального порядка, описание которого при помощи существующей системы различий оказывается очень затрудненным. Поэтому революционеры пытаются создать новый язык, а атаку на торговый центр в США мы знаем как 9/11. Описание события, при помощи использования нового языка описания или адаптации сложившихся языковых конструкций под новые реалии – это способ восстановить нарушенным абсолютным событием существующий социальный порядок.

Если говорить про событие как часть социальной памяти, то в качестве основного различия его от события самого по себе необходимо назвать то, что носители социальной памяти будут уже жить в условиях «после-события», соответственно в ситуации уже этой новой нормативности. То есть, говоря о социальной памяти, мы подчеркиваем, что событие в этом случае присваивается памятью, причем сообщества оперируют событиями памяти уже в рамках какого-либо существующего социального порядка. Если революцией в 1920-е называли весь процесс строительства нового общества, то затем события 1917 года были разделены в соответствии с марксистской теорией на буржуазную и социалистическую революцию, сейчас акторы политики памяти все чаще предлагают термин Русская революция, соединяющий нарратив о трансформациях, поменявших траекторию развития России.

Таким образом, для анализа события в социальной памяти имеет значение не столько нарратив, который определяется событием, но и тот нарратив, который определил событие. Для его прояснения

обратимся к ресурсам теории Д. Карра. Базовой для дальнейших размышлений для нас является его идея о том, что нарративная природы характерна для самой реальности, а не только текста. Само повествование оказывается с этой точки зрения опытом переживания времени, а нарратив выступает не повествованием из событий, а априорной конструкцией, которая только отражается в тексте, а не конструируется им [13, р. 174]. Для наших задач важна не специфика априорности нарратива, а то, что для событий памяти нарратив является преданным, то есть, мы можем говорить о нем как об априорном. Событие памяти оказывается, таким образом, частью структуры уже существующего нарратива, например, 1990-е годы в России поменяли представление о Дне Победы. Происходящие события, помещаемые в нарратив, безусловно, должны оказывать на него влияние, но тогда появится уже новый нарратив с учетом новых событий, который будет априорным для последующих событий. Получается, что если событие нельзя вписать в существующий нарратив, то событие памяти зависит именно от сформированного нарратива.

Итак, и событие, и событие памяти обладает неисчерпанностью, то есть последствия этих событий непредсказуемы. Формирование события зависит от сети действующих акторов. Но если событие выступает источником новой нормативности, то событие памяти формируется в учетом существующего нарратива, выступающего в качестве априорного для самого события.

Литература

1. Davidson D. *Essays on Action and Events*. Oxford, 1980.
2. Davidson D. *Inquiries into Truth and Interpretation*. 2nd Edition. Oxford, 2001.
3. Emerson R. M. *Observational field work* // *Annual Review of Sociology*. 1981. Vol. 7. P. 351–378.
4. Филиппов А. Ф. К теории социальных событий // *Логос*. 2004. № 5 (44). С. 3–28.
5. Филиппов А. Ф. Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода // *Гуманитарные исследования ИГИТИ*. Вып. 5 (12). М., 2004.
6. Филиппов А. Ф. Базовый словарь теории социальных событий // *Пути России: Проблемы социального познания* / Под общ. ред. Д. М. Рогозина. М., 2006. С. 195–208.
7. Abbott A. *Against Narrative: A Preface to Lyrical Sociology* // *Sociological Theory*. 2007. Vol. 25. № 1. P. 67–99.
8. Griffin L. J. *Narrative, Event- Structure Analysis, and Causal Interpretation in Historical Sociology* // *American Journal of Sociology*. Vol. 98. № 5. P. 1094 – 1133.
9. Nathanson C.A. *Problems, Crises, Events and Social Change: Theory and Illustrations* // *Sociological Research Online*. 2009. Vol. 14. № 5. <http://www.socresonline.org.uk/14/5/11.html>.
10. Sahlins M. *The Return of the Event, Again: With Reflections on the Beginnings of the Great Fijian War of 1843 to 1855 between the Kingdoms of Bau and Rewa* // *Clio in Oceania: Toward a Historical Anthropology*, edited by Aletta Biersack. Washington, 1991. P. 37–99.
11. Tilly Ch. *From Mobilization to Revolution*. Mass., 1978.
12. Wagner-Pacifici R. *What Is an Event?* Chicago-London, 2017.
13. Carr D. *Time, Narrative and History*. Indianapolis: Indiana University Press, 1986.

Философия памяти: методологический выбор в поле глобального плюрализма

Дахин Андрей Васильевич

Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, заведующий кафедрой. Доктор философских наук

nn9222@rambler.ru

В докладе отмечаются современные обстоятельства, которые актуализируют философскую дискуссию о природе социальной памяти. Отмечается, что в поле современного постмодернистского плюрализма выявляется тенденция определения памяти в качестве объекта конструирования. Альтернатива постмодернизму требует преодоления безграничного плюрализма через решение проблемы методологического выбора в пользу утверждения фундаментального значения социальной памяти в становлении и развитии человека и общества.

Ключевые слова: социальная память, социальный субъект, теоретический плюрализм, методологический выбор.

Memo Philosophy: Methodological Choice in the Global Environment of Pluralism. Dakhin Andrey V.

Nizhny Novgorod Institute of management – the branch of Russia Academy of National Economics and Public Administration under the President of RF

Reflecting some contemporary trends social environment, the author underlines some of them which have increase the level of memory studies discussion. The paper reflects a trend of the postmodern pluralism field, where the social memory is defined as an object for free constructing. The alternative philosophical approach demands to rethink this pluralism by the decision of methodological choice towards memo philosophy which climes the idea of fundamental mission of social memory for social history and future development.

Keywords: social memory, social actor, theoretical pluralism, methodological choice

Активизация и радикализация мемо-политики на постсоветском евразийском пространстве актуализирует не только прикладные аспекты (исторические, политические, социологические и пр.) проблематики памяти, на основе которых необходимо принимать конкретные решения о сносе, сохранении, перемещении, создании и пр. конкретного места памяти. Исследовательские практики нацелены на обоснование различных, вплоть до противоположных, решений. В этом поле прикладных и междисциплинарных *memo studies* (новая научная парадигма [2, с.12] достаточно рельефно проступают основные дилеммы этой проблематики: дилемма «культурной ценности» - «экономической/политической целесообразности» места памяти, дилемма «память» - «достоверность знания», дилемма «память» - «свобода творчества», дилемма «антропная память» - «кибер-память» и пр. Работа с подобными дилеммами вполне может быть нацелена на запросы прикладного управленческого выбора, но одновременно, она заостряет вопрос методологического выбора при изучении такого странного предмета, как социальная память («присутствие того, что отсутствует», как с опорой на терминологию М.Хайдегера, говорит о памяти П.Рикёр [12, с.25-43].

Память как «традиция» и память как «конструкт» - эта дилемма представляется наиболее фундаментальной. Отечественная философия переживала эту дилемму в формах дискуссии сторонников «революционного» (В.И. Ленин) и «эволюционного» понимания социального развития, в формах дискуссии между сторонниками «мичуринской теории» (Т.Д. Лысенко /1898-1976) и генетики (Н.И. Вавилов /1887- 1943) [5, с.103-162]. В этой дилемме упакован и актуальный философский спор о природе человека и человеческой деятельности: ‘человек как традиция’ (Кутырёв В.А.) VS ‘человек как конструкт’ (Н. Луман) и ‘человек как цельный субъект-микрокосм’ (С. Жижек) VS ‘человек как мешок множества информационных потоков’ (Д.Деннет). Сталкиваются альтернативные представления о соотношении исторически детерминированного и здесь-и-теперь конструируемого в предмете

человеческой деятельности, а также о взаимосвязи целостного единства и внутреннего разнообразия в структуре человеческой личности.

В поле постмодернистской философии генерируется непрерывный и бесконечный плюрализм теорий, содержание которых сводится к отказу от «старинного» в пользу «современного», а форма определяется тем, насколько радикально «современное» борется против «старинного» [10, с.63]. Возникает новая мировоззренческая ситуация: «В этом случае необходимо использовать иную пунктуацию «Я мыслю, следовательно, я существую» - моё Бытие сводится к иллюзии, порождаемой моей мыслью, и т.д. Все эти версии объединяет акцент на разрыве, который отделяет cogito от sum, мышление от бытия – Лакан стремится разрушить иллюзию их пересечения, указывая на зазор во внешней гомогенности мышления-бытия. .. я не субстанция, вещь, сущность; я свожусь к пустоте в порядке бытия, разрыву, béance» [7, с.21]. Микрокосм личности предлагается обнулить, свести личность к своеобразному «пустому означающему» (Е. Лаклау) [8]. «Мы можем резюмировать, что общество не является какой-то сущностью. Его единство не может быть выявлено путём сведения к чему-то существенному с тем следствием, что противоречащие истолкования могли бы отклоняться как заблуждения... Именно это и является тем пунктом, на котором должно основываться «преописание» староевропейской традиции» [11, с.93]. Таковы концептуальные философские установки, следствием влияния которых является утверждение представлений о вредности такого «пережитка прошлого», как коллективная память.

Альтернативный философский подход выявляет предельность и конечность плюрализма. Он утверждает жизнеспособность «картезианского субъекта»: «Картезианская субъективность продолжает признаваться всеми академическими силами сильной и всё ещё действительной интеллектуальной традицией» [7, с.24]. В русле этой традиции доказывается пагубность отчуждения человека от традиции [9], обосновывается фундаментальное значение структур памятования природе и в обществе [5], [6], откуда вытекает представление о непрерывном «подспудном сопутствии» памяти [1] всему тому, что делают люди здесь-и-теперь.

Перспектива методологического выбора требует отхода от плюрализма постмодерна и перехода на мировоззренческую платформу, которая даёт возможность увидеть фундаментальность роли памяти в структуре диалектики бытия- небытия- сущности- существования- действия человека. Базовая мировоззренческая теорема этого подхода, - теорема онтологического тождества – может быть сформулирована следующим образом: я/мы помню/помним – значит я/мы мыслю/мыслим, я/мы мыслю/мыслим – значит я/мы существую/существуем, я/мы существую/существуем – значит я/мы действую/действуем. И в обратном порядке: я/мы действую/действуем – значит я/мы существую/существуем, я/мы существую/существуем – значит я/мы мыслю/мыслим, я/мы мыслю/мыслим – значит я/мы помню/помним. Общий замкнутый контур этой теоремы охватывает цельное смысловое поле фундаментального тождества объемлющего строя социальных отношений «я – мы», в котором про-является бытие-сущность человека социального.

Психологические основы человеческой социальности были раскрыты Л.С. Выготским. Становление отечественной психологии человека была связана с переходом от исследования «рефлексов» к исследованию «поведения», от исследования «поведения-реакции на внешний стимул» к исследованию сознательного поведения в «двигательном поле». Основная концептуальная максима сводится к тому, что «сознательно» - это: а) внешний/внутренний стимул поведения сохраняется в качестве предмета внимания и не зависит от его физического присутствия; Они составляют фундаментальную альтернативу фрейдистским подходам. б) независимость «стимула» обеспечивается петлёй социальной памяти (поверх прямого «следового» отпечатка); в) поведение подчинено приоритету внимания а не приоритету физического присутствия «стимула». За этим следует функция координирующего волевого механизма поведения в общем двигательном поле. Это коренной психологический процесс, благодаря которому в каждый момент создаётся единство действия, что является психологической основой личности [3, с.86.]. Понимание фундаментальности миссии фактора памяти в мире людей выводит на четыре социальных ресурса существования общества и социального порядка. В их числе:

- Культура - концентрируется в формах человеческой личности/сообщества, функционирует в процессах общения; форма социальной памяти – антропомерная коллективная социально-историческая память.

- Инженерия - концентрируется в формах техники и функционирует в процессах технологических переработок; форма социальной памяти – запоминающие техно-, кибер-устройства.

- Экономика - концентрируется в форме капитала, функционирует в процессах обмена; социальная форма памяти – экономическая память в виде «денег» (долговых обязательств).

- Политика - концентрируется в формах власти и функционирует в процессах подчинения одних людей другим людям (интересов одних людей интересам других людей); социальная форма памяти – коллективная политическая память. Не трудно будет показать (эта задача, правда, не входит в задачи данной статьи), что доля влияния, миссия каждого ресурса в жизни общества меняется по мере исторического развития.

Литература

1. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. Перевод с нем. Б. Хлебникова. М.: НЛЮ, 2014. 223 с.
2. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
3. Выготский Л.С. Сознание как проблема психологии поведения. // Выготский Собр.Соч. В 6-ти т. Т.1. М.:Педагогика. 1984. С.78-98.
4. Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и наука о человеческом поведении в Советском Союзе. М.: Политиздат. 1991. С.103-162.
5. Дахин А.В. Общественное развитие и вызовы коллективной памяти: перспективы философской концептуализации memory studies. // Вопросы философии. 2010. No8. С. 42-44.
6. Дахин А.В. Синергетическая парадигма: коррекция по проблеме исторического памятования. // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 156-182.
7. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. Перевод с английского С. Щукиной. М.: ИД ДЕЛО, 2014. 528 с.
8. Корнев В. Человек как пустое означающее в дискурсе современного масскульта.// Ликбез. Литературный альманах. 2006. No 29. Май-июнь. / URL: http://www.lik-bez.ru/archive/zine_number496/zine_clever501/publication526
9. Кутырёв В.А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб: Алетейя. 2015. 312 с.
10. Ле Гофф Ж. История и память. М.: РОССПЭН, 2013. 303 с.
11. Луман Н. Общество как социальная система. // Общество общества. В 5-и книгах. Кн.1. М.: Логос. – 2011. С.15-201.
12. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство политической литературы, 2004. 728 с.

Влияние феномена культурной памяти на формирование коллективной идентичности в условиях современного города

Ильина Татьяна Витальевна

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого». Студентка

Tatianallina10101996@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению явления культурной памяти в современном городском пространстве, а также процессу конструирования городской идентичности с помощью использования разных средств трансляции культурной памяти. Актуальность исследования обусловлена развитием городских сообществ в условиях нарастающей глобализации, технического прогресса и распространением политики мультикультурализма. В связи с этим появляются новые площадки и инструменты для трансляции памяти о прошлом. Исследователь пытается ответить на следующие вопросы - какими средствами передачи культурной памяти обладают современные городские сообщества, какие практики и какие образом способствуют формированию его идентичности. В работе изучено явление коммеморации, а также разные типы коммеморативных практик, применяющихся в современном городском пространстве и способствующих формированию коллективной идентичности.

Ключевые слова: коллективная память, культурная память, город, городская идентичность, коммеморация, перформативная коммеморация, память, забвение.

The influence of the cultural memory on the formation of collective identity in a modern city. Irina Tatiana. V.

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Yaroslav-the-Wise Novgorod State University” (NovSU)

The article is devoted to consideration of the phenomenon of cultural memory in modern urban space and the process of constructing an urban identity with help various means of transmitting cultural memory. The relevance of this study is due to the development of urban communities in the context of increasing globalization, technological progress and the spread of multiculturalism policies. In this regard, new platforms and tools appear to broadcast memory of the past. The researcher makes an attempt to answer the following questions - what means of transmitting cultural memory do modern urban communities possess, what practices contribute to the formation of his identity and how does it happen? This work explores the phenomenon of commemoration, as well as various types of commemorative practices used in modern urban space and contributing to the formation of collective identity.

Keywords: collective memory, cultural memory, city, urban identity, commemoration, performative commemoration, memory, oblivion.

Изучение феномена культурной памяти и его роли в процессе формирования городской идентичности крайне важно в эпоху глобализации в купе с попытками создания мультикультурного общества. Рост городов ведёт к изменению структуры городских сообществ, а технический прогресс - к изменению способов передачи памяти о них. Создание “нового” невозможно без учёта “прошлого”, поэтому в данном исследовании мы рассмотрим различные практики трансляции культурной памяти в современных городских сообществах и попытаемся проанализировать их влияние на формирование городской идентичности.

Голландский философ Ф. Анкерсмит рассуждал о явлении памяти и о трансформации в гуманитарных науках, произошедших в связи с ним. По его мнению, это направление развития исторической науки в нашу эпоху допустимо исследовать под лозунгом *овладения прошлым*. Особенность этого феномена проявляется в желании повсеместно использовать понятие «память», в том числе и там, где до этого употребляли такие термины, как «история» или «прошлое» [1, с. 23-24].

Подобная переориентация понятийного аппарата позволяет учёному увидеть сдвиг, произошедший в «природе современного исторического сознания». В данном исследовании решено остановиться на термине «культурная память». Дело в том, что «историческая память» предполагает больший уклон на восприятие и понимание прошлого, а помещение памяти в культурный контекст - сплав образов прошлого и настоящего в их неразрывном единстве, в их индивидуальном и коллективном осмыслении. К тому же следует заметить, что само понятие «культура» шире – оно включает в себя и исторический аспект, и философский, и культурологический.

С культурологической точки зрения, память – это основа культуры, ведь последняя есть совокупность образа жизни общества, его устоев и традиций, консолидирующих всевозможные социальные общности [2].

По мнению современных исследователей, на данный момент наибольшей степенью проработанности обладает концепция культурной памяти немецкого исследователя Я. Ассмана [3]. Учёный опирался на теории М. Хальбвакса и Ю. Лотмана, в результате чего создал собственную концепцию, при помощи которой культурную память можно проинтерпретировать как обладающее индивидуальными особенностями в каждой культуре средство трансляции и актуализации значений культуры.

В этом исследовании допустимо трактовать память как работу, связанную с механизмами и способами, которые создаются культурой конкретной социальной группы в определённый исторический период (и соответствуют целям сообщества в этот момент). Таким образом, мы сами создаём нашу память посредством различных механизмов. Здесь важно упомянуть Дж. Вертча [4, с. 17]. Он сосредотачивает своё внимание на том, что верно употреблять понятие «remembering» (глагол), а не «memory» (существительное). Далее мы вернёмся к этому тезису в контексте феномена коммеморации.

В концепте культурной памяти закрепляется мысль о большой значимости предлагаемых образов коллективной памяти для группы, представляющих собой хранителей символов и понятий, отличающихся особой важностью, поэтому их фиксируют посредством различных форм культуры и специальных носителей, ко всему прочему они ритуализируются – трансформируются в объект постоянного припоминания и возрождения в пределах специально созданных практик, обладающих ритуальным характером. Российские исследователи Е. Романовская и Н. Фоменко в своих рассуждениях о коллективной идентичности отмечают, что для её обеспечения ключевое значение имеет именно память, которая «в действиях поклонения становится коммеморацией» [5, с. 83]. Здесь вспомним работы российского учёного Г. Горновой, которая трактует её как «отбор событий для поклонения или же порицания» [6, с. 19]. С точки зрения профессора истории А. Мегилла, коммеморация конструируется отношением к прошлому и репрезентации его событий, наличествующим в обществе в данный момент и имеющим поддержку большинства его членов. Данное «отношение» поддерживает чувство солидарности, единения и укрепляет связи внутри самого сообщества [7, с. 116]. Таким образом, культурная память влияет на процесс формирования коллективной идентичности, в нашем случае - городской, используя различные способы, например, коммеморативные практики, в то же время они сами меняются из-за воздействия сообществ - в результате трансформируется и восприятие памяти о том или ином событии.

Е. Романовская и Н. Фоменко в своих работах предлагают следующие типы коммеморативных практик, имеющих влияние на формирование городской идентичности: создание памятников; наименование и переименование улиц; установка мемориальных досок; феномен изобретения новых ритуалов и традиций [5, с. 83]. Можно предположить, что данная типология строится на основании критерия материальности/нематериальности конкретной практики, возможности «привязать» её к географическому объекту, месту, в пределах города в нашем случае, а также существованию триумфа/травмы, связанного с памятуемым событием/местом/личностью, которые могут выражаться, например, в присвоении названия или переименовании улицы в городе.

Здесь уместно вспомнить о «ландшафте памяти». Он соединяет ключевые события и места, а также содержит в себе всевозможные фестивали, монументы, руины, музеи, историографию, устную историю и т. д. Примером формирования подобного «ландшафта памяти» является традиция поминовения усопших в городах Болгарии - родственники умершего человека вывешивают в своём городе так называемые «уличные некрологи», на которых расположено фото усопшего и информация о нём. Похожая традиция появилась в Болгарии в 1850 году вместе с первым печатным некрологом, но в 1940 году власти запретили рядовым гражданам печатать некрологи в газетах - тогда в населённых пунктах и получили распространение «самодельные» таблички.

Практика переименования улиц встречается повсеместно на территории бывшего СССР. Вызывает интерес феномен двойных названий (особенно в древних и старинных городах), которые совмещают в себе исторические названия и названия, связанные с недавним прошлым. В качестве примера можно привести Великий Новгород - здесь существует практика присвоения двойных названий, содержащих древние названия и советские названия - они появились во времена перестройки, когда рушилась советская идеология, и происходил подъём интереса к историческому прошлому - одни «кумиры» уходили в прошлое вместе с государством, а новые - не появились. В результате в ряде исторических городов, например, в Великом Новгороде прошла волна переименований улиц - возврат к историческим корням. Так у нас появились улицы Каберова-Власьевская, Черемнова-Конюхова и другие.

Также существует множество новых способов трансляции памяти в цифровом пространстве - это создание городских сообществ, посвящённых выдающимся землякам и событиям, связанным с ними. Примером в Великом Новгороде является группа, созданная в одной из социальных сетей и посвящённая новгородскому писателю Дмитрию Балашову. Популярность набирают группы, в которых публикуют фотографии, сделанные несколько десятилетий назад, в советское время, и до революции, потомки жителей Великого Новгорода и историки. В европейских городах, например, в Оксфорде можно встретить практику сопоставления живописных изображений старинных городских улиц с современными фотографиями этих же улиц - данные изображения соединяют и распространяют в социальных сетях.

В Великом Новгороде через театральные постановки, художественную литературу и живопись происходит поминовение событий и людей, связанных с присоединением Новгорода к Московскому государству в XV веке - спектакль «Колокол и держава» (главная героиня - Марфа Борецкая), «Вдовый плат» Б. Акунина и живописное полотно Клавдия Лебедева «Марфа Посадница. Уничтожение Новгородского Веча». Во всех этих произведениях можно проследить историю новгородки Марфы Борецкой, выступавшей за независимость Новгорода.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что культурная память имеет тесную связь с процессом формирования городской идентичности и может транслироваться различными средствами. Вместе с глобализацией появились новые нематериальные средства репрезентации культурной памяти, которые активно используются городскими сообществами для формирования своей идентичности и выходят за пределы городского «оффлайн» пространства. В городах появляются новые изобретённые традиции, связанные с поминовением выдающихся земляков и выдающегося прошлого в целом. Активно продолжают использоваться практики, выраженные в искусстве. Требуется решения следующий вопрос - какое влияние оказывают изобретённые традиции на процесс формирования городской идентичности - важно понять, как они коррелируются с уже существующими практиками, насколько они правдивы и что же они дают современному городскому сообществу?

Литература

1. Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Издательство «Европа», 2007. С. 23 - 24.
2. Кочеляева Н. А., Разлогов К. Э. Современное понимание культуры: от теории к законодательной практике // Культурологический журнал, 2012. No3. [Электронный журнал]. Режим доступа: <https://goo.gl/9JXcyu>.
3. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской // М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
4. Wertsch J. V. Voices of Remembering. Cambridge, 2002. P. 17.
5. Романовская Е.В., Фоменко Н.Л. Идентичность и коммеморация // Власть. 2015. No 7. - С. 83.
6. Горнова Г. В. Коллективная память и практики коммеморации в формировании городской идентичности // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования, 2017. No 2 (15). - С. 19.
7. Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. С. 116.

Коллективная память: антагонистический и космополитический подходы (на примере постсоветской Центральной Азии)

Летняков Денис Эдуардович

Государственный академический университет гуманитарных наук, профессор факультета политологии. К.полит.н.

letnyakov@mail.ru

Доклад ставит своей целью рассмотреть на примере постсоветской Центральной Азии два режима памяти – антагонистический и космополитический. Первый способ работы с коллективной памятью основывается на защите «канонической» версии национальной истории, ему свойственно «черно-белое» восприятие прошлого, нежелание заниматься его «проработкой», говоря словами Т. Адорно. В свою очередь, космополитический режим стремится выйти за пределы узкого национального нарратива и сформировать транснациональные рамки памяти, «возвыситься над разделяющими воспоминаниями» (А. Ассман). Обращаясь к Центральной Азии, автор размышляет о том, возможно ли сегодня преодоление (или хотя бы смягчение) антагонизмов в восприятии прошлого между Россией и странами региона, и если да, то за счет каких ресурсов возможно такое «переключение» режимов памяти.

Ключевые слова: Коллективная память, историческая политика, антагонистический и космополитический режимы памяти, транснациональная история, Центральная Азия, постсоветское пространство

Collective memory: antagonistic and cosmopolitan approaches (evidence from post-Soviet Central Asia). Letnyakov D.E.

State Academic University for the Humanities

The talk aims to consider two memory modes – “antagonistic” and “cosmopolitan”, taking as an example post-Soviet Central Asia. The first way of working with the collective memory is based on the protection of the “canonical” version of national history, it is characterized by a “black-and-white” perception of the past, the unwillingness to “working through the past” (T. Adorno). In turn, the “cosmopolitan” mode seeks to go beyond the boundaries of a narrow national narrative and form a transnational framework of memory, it tends to “rise above separating memories” (A. Assman). Turning to Central Asia, the author reflects on whether it is possible today to overcome (or at least mitigate) the antagonisms in the perception of the past between Russia and the countries of the region, and if so, due to what resources is such a “switching” of memory modes possible.

Keywords: Collective memory, politics of memory, antagonistic and cosmopolitan memory modes, transnational history, Central Asia, FSU region

ⁱ В исследованиях исторической политики существует традиция разделения режимов памяти на «антагонистический» [1, р. 41] и «космополитический» [2]. Первый основывается на защите и прославлении определенной «канонической» версии своей истории. Понятно, что такой подход часто вызывает конфликты, борьбу со стороны конкурирующих исторических нарративов как внутри страны (например, между различными этническими группами со своими версиями исторической памяти), так и на международной арене, отсюда его название. В свою очередь, космополитический режим памяти предполагает более рефлексивное отношение к собственной истории (вспомним призыв к «проработке прошлого» Т. Адорно), кроме того он пытается выйти за пределы узкого национального нарратива и сформировать транснациональные рамки памяти.

Долгое время образцом выстраивания космополитического режима памяти считался Европейский союз. В рамках ЕС действительно было сделано немало для формирования транснациональной мемориальной культуры. Здесь можно вспомнить проекты немецко-французского и немецко-польского исследования выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00371).

учебников по истории; символические действия, вроде встречи под Верденом, на месте одного из самых кровопролитных сражений Первой мировой войны, французского президента Ф. Миттерана и германского канцлера Г. Коля в 1984 г. и ряд других подобных инициатив. Кроме того, в послевоенный период в центральное событие новейшей европейской истории превратился Холокост, вина за который должна была объединить всех жителей континента.

Однако сегодня все чаще говорят о том, что даже в рамках ЕС космополитический режим памяти испытывает серьезные вызовы – вместо установки на преодоление исторических разногласий между странами мы видим повышенную конфликтность на почве исторической политики. Кто-то связывает это, прежде всего, с «правым поворотом» - ростом влияния национал-популистов на европейскую политику [3, p. 390]. Еще один возможный фактор усиления партикуляризма в исторической политике – это активизация субнациональных движений (фламандского, баскского и др.), которые противопоставляют свою «контрпамять» как историческому нарративу национального государства [4], так и более широкому общеевропейскому дискурсу. Другие исследователи склонны делать акцент на появлении в ЕС в начале XXI в. новых членов из Центральной и Восточной Европы, которые принесли в это интеграционное объединение свою культуру памяти, основанную на национализме и тенденции к самовиктимизации [5, с. 87]. Так или иначе, очевидно, что космополитическому режиму памяти предстоит еще длительная борьба за свое утверждение в Европе, и пока трудно прогнозировать, будет ли эта борьба успешной.

После распада СССР страны постсоветского пространства также приступили к выстраиванию собственной политики памяти. Шедшие в тот период процессы самостоятельного государство- и нациостроительства сделали фактически безальтернативным антагонистический режим памяти, поскольку главной задачей постсоветских государств было формирование собственных исторических нарративов, разрыв с бывшей «метрополией» и легитимация нового независимого существования. При этом на постсоветском пространстве можно выделить регион, которому в последние годы наиболее активно адресуются различные интеграционные проекты со стороны внешних игроков, в т.ч. со стороны России. Это Центральная Азия. В современном мире выстраивание интеграционных проектов нередко опирается, среди прочего, на гуманитарное взаимодействие, на элементы «мягкой силы». Последнее понятие может включать в себя и апелляцию к какому-то общему прошлому, попытки сделать акцент на едином культурном наследии, на исторических событиях, фигурах, которые могут объединить разные страны. Возможно ли в такой ситуации если не преодоление, то хотя бы смягчение антагонистического режима памяти? Есть ли шанс на выстраивание партнерских рамок памяти между Россией и странами региона? Представляется, что такие возможности существуют.

Думается, что Россию и страны Центральной Азии могла бы объединить, в первую очередь, память о войне с нацизмом. За постсоветский период в Центральной Азии (возможно, за исключением Туркмении) так и не произошла радикальная ревизия памяти о войне. В Казахстане, Таджикистане и Киргизии в официальном дискурсе до сих пор сохраняется именование «Великая Отечественная война», 9 мая регулярно проходят военные парады, а президенты и другие официальные лица возлагают венки к монументам, обращаются с поздравлениями к согражданам, а нередко и сами участвуют в шествиях «Бессмертного полка». Анализ школьных учебников истории этих стран показывает, что война и сегодня продолжает рассматриваться в них как общее дело всех народов Советского Союза, в который вносили свой вклад уроженцы Центральной Азии. Так, в учебнике для киргизских школьников можно найти разделы «Войны Кыргызстана в битвах 1941 г.», «Дружба и сотрудничество народов в годы войны»; здесь рассказывается об эвакуации предприятий и учреждений с европейской части СССР на территорию советской Киргизии, о работе кыргызстанцев в тылу [6, с. 107-123]. В казахстанском учебнике в соответствующих главах сообщается о том, что на фронт был призван каждый четвертый житель республики, и многие из них принимали участие в боях под Москвой, в Сталинградской битве, в битве на Курской дуге и т.д. [7, с. 160-164].

В Центральной Азии сохраняются старые и создаются новые «места памяти», связанные с войной – скажем, в 2015 г. в Астане был открыт Военно-исторический музей, в экспозицию которого вошли портреты казахов Героев Советского Союза, памятник 28 панфиловцам, артефакты, посвященные обороне Брестской крепости, Сталинградской битве и взятию Берлина. В Узбекистане анонсировано строительство Парка Победы к 75-летней годовщине окончания войны. Важно также отметить, что в Центральной Азии на официальном уровне не педалируется болезненная для России тема, связанная с героизацией пособников нацистов как борцов за национальную свободу.

Все это создает необходимые основания для выстраивания тех самых партнерских рамок памяти о войне между Россией и странами Центральной Азии, и мы видим, что совместные мемориативные практики уже существуют (в виде «Бессмертного полка», участия лидеров центральноазиатских государств в Параде Победы на Красной площади и т.д.). Как показало наше обращение к учебникам истории, в известном смысле можно говорить и о существовании общего нарратива о войне, потому что несмотря на «национализацию» памяти о событиях 1941-45 гг. (акцент в каждой стране на местных героях, на своем вкладе в победу), все-таки невозможно рассказывать о воинских и трудовых подвигах уроженцев Казахстана или Узбекистана, не упоминая оборону Москвы, Сталинградскую битву или взятие Берлина.

Разумеется, тот факт, что постсоветское пространство одновременно является и пространством постимперским, накладывает определенные сложности на процесс выстраивания транснационального нарратива. Центральноазиатские элиты порой настороженно относятся к внедрению у себя российских практик коммеморации и стремятся от них дистанцироваться – известны отдельные случаи запрета георгиевской ленты (в Узбекистане времен И. Каримова) или акции «Бессмертный полк». В Туркменистане с 2017 г. 9 мая перестало быть выходным днем, а в Узбекистане День победы переименован в День памяти и почестей.

Но все же представляется, что подобные препятствия преодолимы, и при наличии политической воли со стороны лидеров России и стран Центральной Азии потенциал для сотрудничества на уровне исторической политики существует. Например, вполне можно дополнить воспоминания об общих военных победах в 1941-45 гг. гуманитарной составляющей. Ведь советская Средняя Азия сыграла особую роль в истории ВОВ, связанную с тем, что этот регион стал местом эвакуации миллионов советских граждан из европейской части страны, включая выдающихся деятелей культуры. Здесь нашли прибежище евреи, спасавшиеся от истребления на оккупированных территориях, сюда привозили детей из блокадного Ленинграда и из других советских городов. Один только Узбекистан принял около 200 тыс. детей, в этой республике среди местных жителей возникло даже движение за усыновление детей-сирот. После войны в Ташкенте был поставлен памятник семье Шамахмудовых, которые усыновили таким образом 15 детей. Такие по-настоящему человеческие истории единения людей разных национальностей перед лицом общего горя, о которых очень мало знают в сегодняшней России, могли бы, кстати говоря, служить определенным подспорьем в борьбе с ксенофобией в отношении мигрантов из Центральной Азии.

Литература

1. Erll A. Wars we have seen: literature as a medium of collective memory in the 'Age of Extremes' // *Memories and Representations of War: The Case of World War I and World War II* / Ed. by Lamberti E. and Fortunati V. Amsterdam; New York: Rodopi, 2009. P. 27–44.
2. Levy D. and Sznajder N. Memory unbound: the Holocaust and the formation of cosmopolitan memory // *European Journal of Social Theory*. 2002. Vol. 5. No. 1. P. 87–106.
3. Bull A.C., Hansen H.L. On Agonistic Memory // *Memory Studies*. 2016. Vol. 9, No. 4. P. 390–404.
4. Beyen M. A parricidal memory: Flanders' memorial universe as product and producer of Belgian history // *Memory Studies*. 2011. Vol. 5, No 1. P. 32–44.
5. Миллер А.И. Рост значимости институционального фактора в политике памяти: причины и последствия // *Полития*. 2019. №3(94). С. 87-102.
6. Иманкулов М.К. История Кыргызстана (XX – XXI вв.) 9 класс. Учебник для общеобразовательных школ. Бишкек: Китеп Компани, 2006. 240 с.
7. Агаян Б.Г., Шаймерденова М.Д. История Казахстана (начало XX века – настоящее время). Учебник для 9 класса общеобразовательной школы. Алматы: «Атамұра», 2013. 400 с.

Историческая культура, культурная память, мемориальная культура: по следам теоретических дискуссий

Линченко Андрей Александрович

Финансовый университет при Правительстве РФ, доцент. Кандидат философских наук

linchenko1@mail.ru

В тезисах доклада предпринимается попытка соотношения трех базовых понятий, описывающих культурное пространство порождения и передачи представлений о прошлом. Показано, что в современных зарубежных исследованиях сохраняется существенный разрыв между дидактикой истории, новой интеллектуальной историей и теорией исторической памяти. В этой связи определенные перспективы имеет методологический анализ понятий «историческая культура», «культурная память», «мемориальная культура». Показано, что историческая культура есть форма социальной циркуляции, связывающая между собой различные формы и способы репрезентации прошлого в настоящем. Потенциал исторической культуры состоит в ее медиативном значении между модусами времени в культуре. Понятие «культурная память» указывает на специфику и динамику культурных стратегий взаимоотношения прошлого и настоящего, а понятие «мемориальная культура» подчеркивает актуальность коммеморативных практик локальных сообществ в контексте реализуемых политик памяти.

Ключевые слова: историческая культура, культурная память, мемориальная культура

Historical culture, cultural memory, culture of remembrance: on theoretical discussions. Linchenko Alexander A.

Financial University under the Government of Russian Federation

In the talk I make an attempt to correlate the three basic concepts that describe the cultural space of generating and transmitting ideas about the past. It was shown that in contemporary foreign studies a significant gap remains between the didactics of history, the new intellectual history and the theory of historical memory. In this regard, the methodological analysis of the concepts of “historical culture”, “cultural memory”, and “memorial culture” has certain prospects. It was shown that historical culture is a form of social circulation that interconnects various forms and ways of representing the past in the present. The potential of historical culture lies in its mediation between the modes of time in culture. The concept of “cultural memory” indicates the specificity and dynamics of cultural strategies of the relationship between the past and the present, and the concept of “culture of remembrance” emphasizes the relevance of commemorative practices of local communities in the context of implemented politics of memory.

Keywords: historical culture, cultural memory, culture of remembrance

¹Среди зарубежных исследователей все чаще звучат критические замечания относительно слабой структурированности пространства исследований коллективной памяти. Дж. Олик и Д. Роббинс еще в конце 1990-х годов отмечали, что «исследования социальной памяти являются непарадигматическими, трансдисциплинарными инициативами, лишенными центра» [1, p.106]. Преодоление этой «релятивистской дезорганизации» видится им, прежде всего, в расширении социологического анализа коммеморативных практик и ведущей роли исторической социологии. Карлос Кельбль и Ю. Штрауб, отмечая долгий путь развития представлений о памяти в науке и философии, прямо указывают на практическую и теоретическую невозможность интегрировать все имеющиеся сегодня подходы в области исследований памяти, в создании некоей «супертеории», охватывающей исследования памяти в различных науках [2, s.684]. В данном докладе мы остановимся на соотношении понятий «историческая культура», «культурная память» и «мемориальная культура», получивших наибольшее распространение в немецкоязычной среде.

²Термин «историческая культура» (Geschichtskultur) первоначально возник и получил распространение в немецкой научной среде, где был связан с теоретическими исследованиями дидактики истории, целью которой были широкое изучение и обсуждение вопросов общественного использования истории и формирования исторического сознания. В 90-е годы термин «историческая культура» начинает также использоваться в работах историков, работающих в рамках новой интеллектуальной истории. Наиболее популярными в современной среде немецкой дидактики истории являются определения термина «историческая культура» в работах Й. Рюзена и Б. Шёнеманна. По мнению Й. Рюзена, историческая культура есть, по сути, историческое сознание, схваченное в действии, она представляет собой все формы и способы восприятия прошлого в контексте настоящего и будущего. Сюда входят и бессознательное, и политизация истории, различные аспекты запоминания, места памяти и идентичности [3, s.238]. Она охватывает все случаи «присутствия» прошлого в повседневной жизни. В работах Б. Шёнеманна историческая культура трактуется как социальная система [4, s.26]. При этом он не стремится описать сущность самой исторической культуры, а переносит свое исследование на элементы системы: институциональное, профессиональное, медиальное и публичное. Как и предыдущий исследователь, Б. Шёнеманн говорит о необходимости практической интерпретации термина «историческая культура», говоря о пяти наиболее перспективных темах его анализа: истории как политическом аргументе, национальные и военные памятники, праздники и юбилеи, общественные представления об истории, культура воспоминаний и мемориальная культура. Однако термин «историческая культура» не получает универсального определения. По сути, интерпретируя его, немецкие исследователи раскрывают его через составные элементы и его состояния, соотнося его по преимуществу с основополагающими проблемами дидактики истории.

Определение «исторической культуры», данное Й. Рюзеном получило дальнейшее развитие в работах историков. Их задача – показать трансформации академической науки на фоне неспециализированного знания о прошлом, осмыслить взаимодействие между ними. Одно из наиболее развернутых определений исторической культуры дает нам английский историк Дэвид Вульф: «историческая культура порождает и питает официальное историописание эпохи и сама, в конечном счете, подвергается его обратному воздействию, но она также проявляет себя и в других отношениях ... Историческая культура состоит из привычных способов мышления, языков и средств коммуникации, моделей социального согласия, которые включают элитарные и народные, нарративные и не-нарративные типы дискурса ... Скорее, они являются частью ментального и вербального фона того общества, которое использует их, пуская в обращение среди современников посредством устной речи, письма и других средств коммуникации. Это движение и процесс обмена элементов исторической культуры можно для удобства назвать ее социальной циркуляцией» [5, p.9-10]. Показывая коммуникативную природу исторической культуры, Д. Вульф неоправданно отождествляет ее с социальной циркуляцией.

Несмотря на то, что активизация memory studies в нашей стране была следствием влияния зарубежных исследовательских тенденций, само понятие «культурная память» впервые было введено в научный оборот в текстах московско-тартуской семиотической школы. Ведущие представители данной школы – Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский – определяли культуру как генетически ненаследуемую память коллектива. Основываясь на идеях московско-тартуской школы, немецкий египтолог Я. Ассман предложил свою версию понимания «культурной памяти». Культурная память в его понимании есть, прежде всего, специфическая для каждой культуры форма передачи и актуализации культурных смыслов. Это обобщающее название для всего «знания», которое управляет переживаниями, действиями, всей жизненной практикой людей в рамках общения и взаимодействия в социальных группах и в обществе в целом и которое подлежит повторяющемуся из поколения в поколение повторению и заучиванию [6, с.19-20]. В его интерпретации, культурная память отлична как от исторической памяти, так и от коммуникативной/коллективной памяти, базирующейся на обыденном опыте индивидов и групп. Проект Я. Ассмана по «истории памяти» породил и другой термин, активно используемый сегодня в немецкой научной среде – «мемориальная культура» / «культура воспоминаний» (Erinnerungskultur). В отличие от культурной памяти, данное понятие изначально нацелено на множественность форм и способов запоминания и воспоминания в социокультурном контексте. Под мемориальной культурой А. Ассман понимает «совокупность форм и средств культурной мнемотехники, с помощью которой группы или культуры выстраивают собственную коллективную идентичность и свою ориентацию во времени» [7, с.301]. Данное понятие противопоставляется исторической политике как инструментализации прошлого в целях актуальных политических процессов.

Итак, каково же соотношение между понятиями «историческая культура», «культурная память»,

«культура воспоминания»? По мысли В. Хасберга, историческую культуру необходимо рассматривать как эвристическую категорию. В своей статье он подчеркивает несоответствие с одной стороны понятий исторической культуры и исторического сознания (предмет изучения дидактики истории), а с другой стороны понятий культурной памяти и мемориальной культуры (предмет изучения теории исторической памяти) [8, s.204]. Историческая культура для него – это посредник между индивидуальным и коллективным историческим сознанием. Однако, можем ли мы принять столь однозначную точку зрения? Исходя уже из тех определений, которые были даны исторической культуре выше, можно утверждать, что она является более широким (по объему) понятием, по отношению к культурной памяти и мемориальной культуре. Во-первых, как уже было отмечено в определении Д. Вульфа, историческая культура есть форма социальной циркуляции, связывающая между собой различные формы и способы репрезентации прошлого в настоящем. Интегративный потенциал исторической культуры состоит в ее медиативном значении. Ведь культурная память какого-либо общества неминуемо сталкивается с другими формами культурной памяти, которые оставляют в ней свои следы. Пространство этого взаимодействия может быть описано как пространство встречи различных культурных памятней и в более частном случае – мемориальных культур. Более того, культурная память взаимодействует с коммуникативной памятью, что порождает сходные вопросы в отношении пространства их взаимодействия. Можно было бы сказать, что историческая культура оказывается самой конфигурацией пространства взаимодействия различных типов и видов памяти, мемориальных культур, взаимодействующих между собой. Во-вторых особый статус исторической культуры также может быть обнаружен в связи с тем, что она ориентирована не только на прошлое и настоящее, но включает в себя ориентации на будущее, которые также способны воздействовать на представления людей о прошлом. И именно в этом она, как логическое понятие, оказывается шире по объему, чем например, культурная память, которая в содержательном плане, конечно, превосходит историческую культуру. Таким образом, историческая культура охватывает и память коммуникативную, равно как и память культурную. Составными элементами исторической культуры оказываются как локальные мемориальные культуры, так и противостоящие им политики памяти.

Литература:

1. Olick J., Robbins J. Social Memory Studies: From «Collective Memory» to the Historical Sociology of Mnemonic Practices // Annual Review of Sociology, Vol. 24 (1998), pp. 105-140.
2. Kölbl C., Straub J. Erinnerung // Neues Handbuch philosophischer Grundbegriffe / Kolmer P.& Wildfeuer A.G. (Hg.). Freiburg, Br.: Alber, 2012. S.668-688.
3. Rüsen J. Historische Orientierung. Über die Arbeit des Geschichtsbewußtseins, sich in der Zeit zurechtzufinden. Köln u.a. 1994. 276 s.
4. Schönemann B. Geschichtsdidaktik und Geschichtskultur // Geschichtskultur. Theorie – Empirie – Pragmatik / Bernd Mütter, Bernd Schönemann, Uwe Uffelmann (Hrsg.). Weinheim 2000, S. 26-58.
5. Woolf D. The Social Circulation of the Past: English Historical Culture 1500-1730. Oxford, 2003. 409 p.
6. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛЮ, 2014. 328 с.
7. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
8. Hasberg W. Erinnerungskultur – Geschichtskultur, Kulturelles Gedächtnis – Geschichtsbewußtsein. Zehn Aphorismen zu begrifflichen Problemfeldern // Zeitschrift für Geschichtsdidaktik. 2004. № 3. S. 198-207.

Политика памяти: риски и вызовы вовлеченности исследователя

Николай Федор Владимирович

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, доцент. Д.филос.н.

fvnik@list.ru

В центре доклада находится проблема вовлеченности исследователя, работающего в сфере политики памяти и *memory studies* в целом. В российской историографии эта проблема рассматривается преимущественно в структуралистском ключе – как иерархия идентичностей или акторов (индивида / социальных групп / нации / человечества в целом). В западных *memory studies* преобладает постструктуралистская сетевая топология, в рамках которой акцент делается на взаимосвязь этического, эстетического и политического измерения, важных для всех отмеченных акторов. Получается, что речь идет о разных парадигмах исследования – структуралистской и постструктуралистской (постклассической). Соответственно, соотношение индивидуальной и коллективной памяти выстраивается в этих парадигмах по-разному. Цель выступления - обозначить стратегии их сравнения и перспективы продуктивного диалога.

Ключевые слова: исследования памяти, публичная история, угрозы, идентичности, практики коммеморации.

Politics of Memory: Risks and Challenges of Researcher Engagement. *Nikolai Fedor V.*

Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University)

The report focuses on the problem of researcher's engagement, which is widely discussed in contemporary memory studies. In Russian historiography it is considered from a structuralist point of view – as a hierarchy of actors (individual / community / nation / humanity as a whole). In Western memory studies the post-structuralist network topology prevails, suggesting the interconnection of ethical, aesthetic and political dimensions, important for all noted actors. It turns out that there are two different research paradigms in memory studies – structuralist and poststructuralist (postclassical). This proves that memory studies are non-paradigmatic and decentralized interdisciplinary project, not a “new paradigm” for cultural studies. Accordingly, relations of individual and collective memory in these paradigms are built in different ways. The purpose of the presentation is to identify strategies for their comparison and prospects for a productive dialogue.

Keywords: memory studies, public history, politics of memory, threats, identity, practices of commemoration.

Исследования исторической памяти уже более четверти века претендуют на статус «парадигмы» в гуманитарных науках [1]. Однако в российских социально-философских и исторических исследованиях они лишь набирают популярность в последние годы [2, 3, 4, 5]. Акцент при этом делается в основном на проблемы политики памяти, а также взаимосвязь памяти и идентичности [6, с.201]. В западной же литературе до сих пор сохраняется интерес скорее к культурной памяти, принципиально отделяемой (и даже противопоставляемой) памяти коммуникативной [7]. В этом контексте одним из ключевых вопросов становится проблема ангажированности или вовлеченности исследователя, которая позиционируется соответственно как «угроза» или «вызов» представлениям о научной объективности и нейтральности ученого / академического сообщества.

Известнейший специалист в области политики памяти А. Ассман делает акцент на этической вовлеченности исследователя и необходимости «сформулировать подлежащие всеобщему признанию принципы, которые будут учитывать как стратегические, так и терапевтические аспекты [работы с прошлым]» [8, с. 292]. С ее точки зрения, главной задачей исследователя оказывается выстраивание дистанции саморефлексии и совместная проработка трудного прошлого, объединяющего европейцев. Ключевой угрозой становится воспроизводство (повторением) травм прошлого. При этом психоанали-

тический по своему происхождению словарь *trauma studies* метафорически переносится с индивидов на социальные группы и нации.

С другой стороны, в западной версии *memory studies* также нет единой точки зрения о перспективах сотрудничества исследователя и аудитории. Э. Ландсберг, Б. Тризайс и ряд других авторов отмечают важность аффективного измерения памяти. В их понимании аффект стирает различие между актуальным жизненным опытом и медиа-репрезентациями прошлого: они в равной степени могут вызывать отклик и использоваться в создании макро-социальных идентичностей. Опыт не просто историчен, но воплощен в повседневности и практиках «потребления прошлого» (от покупки магнитиков до посещения общенациональных мест памяти). Но такой опыт носит не столько этический, сколько эстетический характер, на который уже «сверху» наслаиваются политические импликации.

Еще одним важным моментом, обсуждаемым в западных *memory studies*, является зависимость коллективной памяти от трансформаций темпоральности или политики времени в эпоху неолиберализма [9, 10]. С этой точки зрения, «бум памяти» оказывается лишь эффектом приватизации времени и установления презентистского режима темпоральности. Презентизм при этом понимается не просто как господство настоящего (подчиняющего прошлое и будущее), но как активно продолжающийся процесс синхронизации разных темпоральностей, нивелирования разрывов и лакун во времени. Вовлеченность исследователя здесь также неизбежна, но носит именно политический характер и представляется не риском, но вызовом по отношению к сложившейся неолиберальной гегемонии.

В ином ключе политику памяти рассматривают российские авторы. В.А. Тишков, Л.П. Репина и ряд других российских исследователей подчеркивают важность национального уровня исторической памяти и обращают внимание на его сложные отношения с установками глобализирующейся культуры [3; 11]. С этой точки зрения, ключевую роль играют макро-социальные рамки, определяющие стратегии индивидуальной самоидентификации. Основной угрозой для социальной самоидентичности с этой точки зрения представляется манипулирование исторической памятью. И.А. Миллер справедливо отмечает радикальное отличие западноевропейской космополитической (транснациональной) культурой памяти и националистического понимания памяти, получившего преобладание в Восточной Европе. При этом, правда, речь идет об угрозе не для макро-национальных идентичностей, но о рисках для структур «среднего уровня» и - разных общественных институтов и самого академического сообщества. С этой точки зрения, независимой позиции академического сообщества могут угрожать, с одной стороны, политизация, а с другой, – популизм. Таким образом, вопрос о ключевых задачах политики памяти и актуальных угрозах в области символической политики неразрывно связан с определением ключевых акторов (носителей) этой памяти.

Таким образом, ангажированность исследователя при ближайшем рассмотрении оказывается сложной констелляцией. И если в российской историографии ее рассматривают в структуралистском ключе – как иерархию акторов (индивида / сообщества / нации), то в западных исследованиях преобладает постструктуралистская сетевая топология, предполагающая взаимосвязь этического, эстетического и политического измерения, важных для всех отмеченных акторов. Получается, что речь идет о разных парадигмах исследования. Первую группу работ можно отнести к структуралистской (неклассической) модели научного знания, вторую – к постструктуралистской (или постклассической). Поэтому говорить о единой парадигме исследований памяти представляется проблематичным. Вполне корректным можно считать тезис Дж.Олика о непарадигматическом и децентрализованном характере этого междисциплинарного проекта. Важно отметить также, что подобные разногласия характерны сегодня не только для *memory studies*, но и для большинства направлений исторической мысли – глобальной истории, военно-исторической антропологии, устной истории, истории эмоций и т.д. Парадигмы формируются не внутри отдельных направлений исторических исследований, но в общем пространстве методологии науки. И такие междисциплинарные проекты, как исследования памяти демонстрируют это с наибольшей очевидностью.

Литература

1. Репина Л.П., Леонтьева О.Б. Образы прошлого, мемориальная парадигма и «историография памяти» в современной России // Электронный научно-образовательный журнал История. 2015. № 9 (42). С. 5.
2. Методологические вопросы изучения политики памяти / Под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. М.-СПб: Нестор-История, 2018. 224 с.
3. Сыров В.Н., Головашина О.В., Аникин Д.А., Овчинников А.В., Линченко А.А. Концептуальные основания политики

памяти и перспективы постнациональной идентичности. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2019. 224 с.

4. Леонтьева О.Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. 2015. № 50. С. 59-96.
5. Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Направления исследований исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.2. 2014. № 2. С. 106-126.
6. Сафронова Ю.А. Историческая память: введение. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с.
7. Николаи Ф.В. Полемика о травме и памяти в американских исследованиях культуры. М., Н.Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2017. 184 с.
8. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
9. Олейников А.А. Политика времени // Социология власти. 2016. № 2. С. 8-14.
10. Hassan R. Empires of Speed: Time and the Acceleration of Politics and Society. Boston: Brill, 2009. 254 p.
11. Репина Л.П. Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. № 54. С. 9-15.

Историческая ответственность в этнонациональном дискурсе: основания конструкторов памяти

Овчинников Александр Викторович

Национальный исследовательский Томский государственный университет Лаборатория трансдисциплинарных исследований познания, языка и социальных практик философского факультета, научный сотрудник, кандидат исторических наук

ovchinnikov8_831@mail.ru

Рассматриваются мировоззренческие и политические основания конструирования образов исторической ответственности в этноориентированном сознании и этноориентированной политической среде. Констатируется, что историческая ответственность в этнонациональном дискурсе преобразовывается в ответственность индивидуальную, т.к. этничность носит тотальный характер и человек оказывается «приписан» к «своему народу» по факту рождения. Отмечаются, в целом, негативные последствия конструирования коллективной исторической ответственности народов, но, в то же время, благодаря мобилизационным возможностям этнических представлений, может быть подготовлено и коллективное покаяние за преступления своих предков (рассматривается пример современной Германии). На отечественном материале прослежены особенности инструменталистского использования в политических целях образов исторической ответственности социальных и этнических групп. Проанализирована роль «доказывающих вину» образов прошлого в обосновании репрессий по отношению к советскому крестьянству, депортированным народам и т.д. На примере одного из российских «национальных регионов» постсоветского времени, Татарстана, проанализирована специфика конструирования определенными политическими силами исторической вины и ответственности одной этнической группы перед другой.

Ключевые слова: модернизация, глобализация, мобилизация, этнонационализм, историческая вина, историческая ответственность, миф.

Historical responsibility in ethnonational discourse: bases of memory constructs. Ovchinnikov Alexander V.

National research Tomsk state University, Laboratory of transdisciplinary research of cognition, language and social practices of the faculty of philosophy

The author considers the ideological and political bases for constructing images of historical responsibility in an ethnooriented consciousness environment. The author stated that historical responsibility in the ethno-national discourse is converted into individual responsibility, since ethnicity has a total nature and a person is «assigned» to «his own people» upon birth. In general, negative consequences of constructing the collective historical responsibility of peoples are noted, but at the same time, by applying the mobilization capabilities of ethnic representations, collective repentance for the crimes of their ancestors can also be prepared (Germany). The author traces the features of instrumentalist using of images of historical responsibility of social and ethnic groups for political purposes. On the example of Tatarstan as the Russian «national regions» of the post-Soviet period the author analyzes the specifics of constructing the historical guilt and responsibility of one ethnic group to another by certain political forces.

Keywords: modernization, globalization, mobilization, ethno-nationalism, historical guilt, historical responsibility, a myth.

ⁱ В эпоху глобализации, когда возможность «окунуться» в информационный поток доступна каждому, и когда те или иные акторы профессионально и целенаправленно доводят кванты информации до определяемого ими «потребителя», тема исторической ответственности в политике памяти предстает в актуальном свете. Даже «среднестатистический» обыватель, не интересующийся историей и

политикой, обладает несравненно большим багажом исторических знаний, чем его предки. Эти знания не пребывают в состоянии хаотичного разброса, а структурированы по выстраиваемым внешним информационным давлением мифическим контурам.

Массово транслируемые мифологемы могут находиться в сознании обывателя в «замороженном» состоянии, могут актуализироваться в кризисных или других эмоционально окрашенных ситуациях, но, видимо, главная их роль заключается в конструировании «ситуации повода». Речь идет о предписанных человеку, социальной группе или населению целых государств историко-мировоззренческих представлениях, которые служат поводом для осуществления тех или иных политических действий, истинные причины которых лежат в совершенно иной (как правило, экономико-ресурсной) плоскости.

Актуализация конструкторов исторической ответственности как нельзя лучше подходит для создания напряженных конфликтных ситуаций, разрешение которых требует мобилизации различных государственных и общественных структур. В политическом отношении важен тотальный характер противостояния, иллюзия вовлеченности в символический конфликт как можно более широких слоев населения, что позволяет высказываться от их имени и тем самым зарабатывать и накапливать символический капитал. Этнонациональный дискурс подходит для этого оптимально. Распространенная на постсоветском пространстве дефиниция «этнос» очень удобна для квазиобъяснения конфликтов и конструирования взаимных обид и претензий даже в отношении встречаемых в первый раз людей («этнос» – неформальная группа, кровнородственная в своей основе, с собственной территорией, самосознанием, психологическими чертами; «этносы» четко отличаются друг от друга, что позволяет делить людей на «своих» и «чужих»; «этносы» «укоренены» в истории, что продуцирует рассмотрение конфликта в длительной временной перспективе) [1, с. 240].

На постсоветском пространстве распространено примордиальное понимание этничности, благодаря чему конструкторы исторической ответственности принимают формы, якобы, объективной заданности и необходимости, подводят к конкретным практическим шагам, что делает их еще более конфликтными. В этнонациональной перспективе историческая ответственность может принимать сакральную окраску, т.к. постулаты «национальных религий» подогревают настроения «святой кары» и восстановления заданного богом порядка. Таким образом, этнонационализм рисует жестко структурированную картину мира, причем современные реалии могут не укладываться в границы структурных сегментов, но сюжеты исторической ответственности потенциально призваны «расставить все по своим местам», «как было раньше» – до нарушения установленными «историческими судьбами» или «высшими силами» равновесия.

Зарубежным примером эксплуатирования образов этнически окрашенной исторической ответственности служит Германия в период с XIX в. до 1945 г. Именно тогда окончательно складываются представления о гомогенной германской нации, обладающей собственным духом, исторической субъектностью, и противостоящей «бездуховному», «торгашескому» англо-саксонскому миру, который на протяжении столетий, якобы, строил козни против идущей «своим путем» Германии. Мифической исторической виной и, следовательно, «предусмотренной историей» ответственностью перед немцами идеологически обосновывались замешанные на геополитических фантазиях агрессивные внешнеполитические действия Германии до 1945 г. Именно этническая составляющая в форме образов культурно-биологической «арийской расы» позволила мобилизовать почти все население государства на борьбу за «историческую справедливость» после поражения в Первой Мировой войне. Однако тот же немецкий этнонационализм способствовал мобилизации немцев и на признание собственной вины и ответственности за преступления эпохи Второй Мировой войны, в частности, за Холокост. Таким образом, выявляется двойственная роль этнических представлений в создании конструкторов исторической вины и ответственности. С одной стороны, тотальность этничности обеспечивает негативные последствия «восстановления исторической справедливости», например, притеснения и гибель ни в чем не повинных, но «приписанных» к «коллективной личности» людей, а с другой, как в случае Холокоста, она через коллективное покаяние способствует реабилитации и возмещению ущерба массам пострадавших.

Капитально исследовавший проблему исторической вины и политического покаяния Германии О.Ю. Пленков, как и Ян Ассман, выступает против представлений о том, что «коммуникация в обществе аналогична психодинамике личности отдельного человека» и фрейдистской интерпретации культуры памяти [2, с. 20]. С этой точкой зрения стоит согласиться, т.к. этническо-коллективистский принцип осмысления исторической ответственности ставит ряд трудноразрешимых проблем (вот только

некоторые из них: означает ли факт рождения право или ответственность считаться пострадавшими или виновными потомкам непосредственных участников событий? (ответственен ли получивший после 1945 г. гражданство США американец японского происхождения за атомные бомбардировки городов Японии?); почему конкретные факты показывают, что организованное массовое покаяние – это, в большинстве случаев, удел побежденных? (явная вина союзников за варварские, не имевшие военного значения, бомбардировки германских городов (показательный пример – уничтожение Дрездена) в массовом сознании не актуализируется и не уравнивает признаваемую самими немцами вину за Холокост); каким образом преодолеть автоматическую политизацию суждений о вине или страданиях того или иного народа?).

Советский и российский опыт модернизации также включал в себя социетально окрашенные мотивы исторической вины и ответственности за неё. В довоенный период «виновными» оказывались «враждебные классы», и большевистские историки создавали масштабные исторические конструкции этой вины (см., например, сюжеты классовой эксплуатации и гнета). Советской власти логичной формой ответственности эксплуататоров перед эксплуатируемыми виделась ликвидация «исторически изживших» себя классов и социальных групп (достаточно вспомнить «ликвидацию кулачества как класса»). Обоснование репрессий путем апелляции к прошлому не оставляло исполнителям сомнений в исторической оправданности их деяний, что, кстати, напоминало идеологическое обоснование нацистами Холокоста.

В военный и послевоенный периоды советская социальная мифология вместо классового приобрела выраженный этнический характер: теперь общественная жизнь (в прошлом и настоящем) определялась не столько борьбой классов, сколько сосуществованием народов.

Негативные аспекты тотального характера этничности, а следовательно, и приписываемых вины и ответственности сказались в практиках переселения в Великую Отечественную целых народов. Если в случае принадлежности человека (особенно, детей) к «классово чуждым» социальным группам еще можно было надеяться на снисхождение (многие лидеры большевиков сами были «не от сохи»), то в случае групп этнических последнее слово было за происхождением, и поэтому вина сотрудничавших с немцами и их союзниками людей перекладывалась на представителей всего народа, даже тех, кто уже успел получить награды за героизм в боях с Вермахтом.

Принципы сталинских депортаций напоминали принципы кровной мести, и видимо, определенным образом связаны с известным «архаическим поворотом» в политической и культурной жизни страны 1930-х гг. Современная «вина» при этом обрастала историческими конструкциями, которые добавляли практически реализуемому содержанию ответственности большей легитимности (например, крымские татары и поволжские немцы атрибутировались как некоренные жители соответствующих территорий, и депортация, в какой-то мере, была частью «ответственности» перед другими народами за захват в прошлом их «исконных» территорий). Вполне возможно, что, изучая идеологию врага – нацистскую расовую мифологию, Сталин всерьез воспринял замешанные на трактовках прошлого некоторые антисемитские построения (например, о евреях как, якобы, виновниках негативных черт капитализма), что и послужило затем причиной знаменитой борьбы с космополитами (данная гипотеза, кажется, еще не озвучивалась в литературе).

В послесталинское время доктрина дружбы народов, общесоюзный и региональные (этнонациональные) исторические нарративы, несмотря на декларации о дружбе и равноправии, исподволь конструировали сюжеты вины и потенциальной ответственности. Прежде всего, это касалось интерпретации переселений, территориальных захватов и войн прошлого.

В постсоветский период протекавшие ранее в основном в академических кабинетах дискуссии уже наэлектризовывали толпы многотысячных митингов, продолжением которых нередко становились вооруженные конфликты [3]. Этнически окрашенные образы исторической вины и ответственности становились определяющими в т.н. «межнациональных отношениях».

Интересным примером инструменталистского использования приписываемой ответственности могут служить конструкции крайне правого татарского этнонационализма, которые в начале 1990-х гг. были в своих интересах использованы региональной постноменклатурой. «Русское государство», русские в целом и проживавшие на тот момент в Татарстане, в частности, позиционировались «колонизаторами», виновниками уничтожения татарского Казанского ханства в 1552 г., религиозных и феодальных притеснений в последующем. Татарский народ позиционировался жертвой [4, с. 169, 170]

и частью ответственности русских должно было стать непротивление восстановлению «исторической справедливости», т.е. попыткам политической элиты Татарстана добиться большей степени суверенитета от символизировавшего «Русское государство» Федерального Центра.

Литература

1. Абашин С.Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алетейя, 2007. 302 с.
2. Пленков О.Ю. Что осталось от Гитлера? Историческая вина и политическое покаяние Германии. СПб.: Владимир Даль, 2019. 511 с.
3. Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: ИКЦ «Академкнига», 2003. 591 с.
4. Сагитова Л.В. Политика идентичности и её акторы в условиях социальной трансформации в Республике Татарстан: Дис. ... докт. полит. наук: 23.00.05. Казань, 2019. 428 с.

Пронькина Александра Николаевна

Государственный академический университет гуманитарных наук, студентка философского факультета

alexrivkul@gmail.com

На комплексном междисциплинарном материале современных исследований в области нейробиологии, когнитивных наук, психологии, философии было рассмотрено и критически проанализировано одно из главных последствий современной цифровой эпохи, характеризующейся ситуацией информационного перенасыщения – трансформация когнитивных способностей индивида. В статье анализируется механизм воздействия информационных технологий на познавательные способности, где на первый план выносятся рассмотрение проблемы адаптации человека к искусственно созданной среде: показано, что между нейрофизиологическими возможностями нашего мозга и информационной средой существует значительная пропасть. Выделяются основные последствия повсеместной цифровизации, затрагивающие когнитивные способности индивида, его идентичность и социальные коммуникации. Показано, что корень описанных проблем объясняется механизмом функционирования рабочей памяти человека: в условиях, когда мы пытаемся охватить как можно больше информации, наша рабочая память начинает функционировать с максимальным напряжением. Делается вывод о необходимости снижения нагрузки на рабочую память методами когнитивной гимнастики и самоконтролем индивида с привлечением всесторонней помощи специалистов из разных сфер для достижения баланса между индивидом и искусственно созданной им информационной средой.

Ключевые слова: информационное перенасыщение; рабочая память; цифровизация; когнитивные способности индивида; внимание; поколение Z

**Memory transformation in an information oversaturation environment.
*Pronkina Alexandra N.***

State Academic University for Humanities, faculty of philosophy

Using the material of modern research in the field of neuroscience, cognitive sciences, psychology and philosophy, author analyzes the transformation of the individual cognitive abilities as one of the main consequences of the digital age, characterized by the situation of information oversaturation. The article analyzes the mechanism of influence of information technologies upon human cognitive abilities; the main goal of the research is consideration of the problem of human adaptation to an artificially created environment. It is shown that there is a significant gap between the neurophysiological abilities of our brain and the information environment. The author highlights the main consequences of widespread digitalization that affect the personal identity, social communications and cognitive abilities of the individual. The article shows that the root cause of the described problems is the functioning of working memory: when we try to cover as much information as possible, our working memory begins to function at maximum stress. The conclusion is drawn that it is necessary to decrease the strain on working memory using the methods of cognitive gymnastics and individual self-control, as well as to involve comprehensive assistance of specialists from different fields to find the balance between the individual and the artificially created information environment.

Keywords: information oversaturation, working memory, digitalization, individual cognitive abilities, attention, generation Z

ⁱ Зачастую современная эпоха характеризуется как «информационная» или «цифровая». Граница между реальным и виртуальным миром становится все менее уловима и феномен повсеместной

ⁱ Исследование проведено при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых (проект № МД178.2019.6 «Трансформации самосознания и познавательной деятельности человека в ситуации информационного перенасыщения»).

«цифровизации» затронул практически все сферы человеческого бытия: от повседневной рутины до изменения структуры мышления. Плюсы нашей высокотехнологической цивилизации несомненно бесспорны, но нынешний взрыв технологий не только меняет наш привычный образ жизни и коммуникации, но так же быстро изменяет структуру нашего мозга и когнитивных процессов. Между нейрофизиологическими возможностями нашего мозга и информационной средой существует значительная пропасть и человек, как нейрофизиологическая система, развивается намного медленнее, чем существующие технологии. Мощный прорыв информационных технологий обозначил границы наших интеллектуальных познавательных способностей, поскольку мозг попросту не успевает за усложнением и ускорением рабочего ритма.

Ежедневное воздействие технических устройств на человека стимулирует изменение клеток мозга, постепенно создавая и укрепляя новые нервные пути и ослабляя старые. Благодаря свойству нейропластичности, т.е. способности мозга менять свою структуру и функции, наша карта мозга буквально меняется. Адаптация же к цифровой информационной среде требует определенных жертв из-за отсутствия у нас биологических механизмов обработки огромных массивов информации, получаемой нами ежесекундно – от рекламных баннеров, которыми завешаны улицы и фасады домов до push-уведомлений мобильного телефона. Исходя из этого, нам необходимо помочь нашему мозгу адаптироваться в условиях постоянного информационного перенасыщения.

Состояние, в которое мы ежедневно оказываемся погружены, можно описать как непрерывное частичное внимание [1]. Современный человек с целью улучшения собственной продуктивности зачастую вынужден уметь решать несколько задач одновременно, т.е. работать в режиме т.н. многозадачности, переключая свое внимание с одной мини-задачи на другую. Однако большинство исследований свидетельствуют о том, что подобная практика рассеивания внимания способствует не повышению производительности, а ее упадку: концентрируясь на нескольких задачах одновременно, человек хуже запоминает информацию, сталкивается со спутанностью своих мыслей и не может отличить главную задачу от второстепенных [2, с.79]. В состоянии же непрерывного частичного внимания, конкретных задач, а, следовательно, и целей, нет. Такое поведение наиболее характерно для времяпрепровождения в виртуальном пространстве, где наш ум и внимание блуждают и ищут возможность для любого взаимодействия в данный момент времени.

Однако с каждым разом, фронтальным долям нашего мозга становится все труднее сконцентрировать внимание на текущей задаче: чем больше мы пользуемся цифровыми устройствами, тем сильнее приучаем свой мозг к состоянию постоянной отвлеченности. Бесконечная нагрузка на наш мозг со стороны цифровых источников информации приводит к перенапряжению, усталости, рассеянности и раздражительности. Происходят изменения в конкретных областях мозга – гиппокампе и префронтальной коре, контролирующей наше настроение и мысли. В ситуации подобной стрессовой нагрузки на организм, выделяется адреналин и кортизол, в краткосрочном периоде повышающие общий уровень энергии и положительно влияя на память, но в более продолжительной перспективе, эти гормоны приводят к ряду психических нарушений, таких как депрессия, нарушение когнитивных функций, в частности – синдром дефицита внимания и гиперактивности (Attention Deficit Trait), который является наиболее распространенной формой расстройства внимания. Такой диагноз обычно ставят в детском возрасте, но большинство симптомов отмечают у себя и взрослые люди. В основном гиперактивность их не беспокоит, но плохая память, неспособность подолгу сохранять фокус внимания на конкретной задаче, трудности в изучении нового материала заставляют встревожиться многих. И если детей в первые годы жизни необходимо полностью оградить от воздействия цифровых источников информации, то взрослым, понимая невозможность такой радикальной установки в современном мире, лучше стараться ограничить свое времянахождение перед экраном цифрового устройства.

Таким образом, суммируя вышесказанное, наш мозг не выдерживает постоянного потока огромных массивов информации и основная причина этого феномена, по мнению многих нейробиологов и психологов, кроется в механизме функционирования «универсального процессора мозга» – памяти. Ученый и автор многих работ по исследованию СДВГ Р. Баркли предположил, что описанный синдром расстройства внимания объясняется дефектами преимущественно рабочей памяти [2].

Понятия «рабочая память» предложил английский психолог Алан Бэддели, расширив понятие кратковременной памяти. Модель А. Бэддели оказалась новаторской для когнитивной психологии, поскольку в нем объединялись понятия о хранении информации, отвечающей текущим задачам, и ее дальнейшей переработке. Рабочая память применяется при запоминании информации для решения

текущих целей, выполнения сложных когнитивных задач – чтения, решения логических заданий, процесса обучения. Исходя из этого, многие исследователи проводят корреляцию между объемом рабочей памяти и уровнем интеллекта, что подтверждается многими тестами [2].

В условиях, когда мы пытаемся поглотить как можно больше информации, наша рабочая память начинает функционировать с максимальным напряжением. Возвращаясь к проблеме многозадачности, именно рабочая память помогает удерживать в памяти и оперировать сразу несколькими задачами – людям с более развитой рабочей памятью легче не отвлекаться на ненужную информацию, которая не отвечает текущим целям. Кроме того, дополнительную когнитивную нагрузку на мозг обеспечивает то, что большинство цифровых текстов созданы по принципу гипертекста – многоуровневой структуры, состоящей из множества отдельных небольших текстов, интегрированных в общий текстовый массив с помощью электронных ссылок, позволяющих читателю переходить от одного фрагмента текста к другому. Интернет изначально устроен так, чтобы максимизировать количество переходов по ссылкам, тем самым попутно прерывая и рассеивая наше внимание. Обработка гипертекста предъявляет повышенные требования к нашей рабочей памяти: помимо обработки множества сенсорных стимулов, при чтении гипертекста, порой совершенно бессознательно для нас, префронтальная кора нашего мозга, доходя до какой-либо ссылки, останавливает внимание и принимает решение – перейти по ней или нет [3]. Это заставляет нас каждый раз отвлекаться от интерпретации информации, которую мы читаем в данный момент, а при частых повторях оценивания ссылок для дальнейшей навигации, нам становится все сложнее удерживать свое внимание на текущей цели и запоминать прочитанное.

Говоря о последствиях цифровой эпохи, стоит отметить, что в настоящее время объектом исследований для нейробиологов становится так называемое «поколение Z» или «цифровое поколение», родившихся приблизительно после 1995 года, т.е. тех, чей период психологического, социального становления пришелся на пик развития высокотехнологичной культуры.

Эксперименты показывают, что формируется специфический и совершенно новый когнитивный стиль поколения Z [4, 5]. Постоянное нахождение в виртуальной среде с раннего возраста вырабатывает навык нелинейного восприятия: вместо того, чтобы обращать внимания на детали, мы моментально схватываем весь образ целиком. Появляется способность отделять главный визуальный объект в виртуальном пространстве от вторичных, «загрязняющих» окружение, например, мы без труда видим нужную нам кнопку среди десятков мигающих рекламных баннеров [5]. Расширяя традиционное понятие трансактивной памяти, стоит отметить и феномен и т.н. «гуглизации мышления», когда люди все больше предпочитают запоминать не саму информацию, а только место в Сети, где можно отыскать путь к ней [6]. Зачастую подобное партнерство трансактивной памяти человека и компьютера приводит к когнитивным искажениям: например, Интернет начинает восприниматься как часть личных умственных способностей человека, или то, как мы все чаще начинаем сомневаться в собственных личных знаниях в пользу найденной информации в Сети [5]. Все это ведет к упадку культуры, а культура, как пишет Н. Карр – это «нечто большее, чем совокупность «мировой информации», как считает Google. Это то, что невозможно превратить в бинарный код и загрузить в Сеть. Для того, чтобы выжить, культура должна обновляться в мозге представителей каждого поколения. Отдайте воспоминания на аутсорсинг, и культура увянет» [1].

Подводя итоги, хочется отметить точку зрения некоторых исследователей, согласно которым, проблема информационного перенасыщения, техногенного истощения и перегруженности мозга, временна. Наш мозг рано или поздно адаптируется к цифровым технологиям и виртуальному пространству. Важно понимать, что негативное воздействие современной цифровой среды оказывают не объемы информации и не сама информация как таковая – меняется характер этих требований. Мы не можем отказаться от информационных технологий, которые уже стали значительной частью нашей повседневной жизни. Нам необходимо приспособиться к жизни с этими технологиями, не нанося ущерб собственной личности. Так, в качестве одного из механизмов адаптации выделяют т.н. когнитивную гимнастику: благодаря тому, что мозг пластичен, его можно и нужно тренировать, в особенности – те области мозга, которые имеют отношения к рабочей памяти, дефицит объема которой, как мы увидели ранее, негативно сказывается на нашем самочувствии и самоощущении в условиях информационного перенапряжения. Тем не менее, для решения этой задачи потребуются коллективные усилия многих специалистов – от нейробиологов и разработчиков современных технических устройств до философов и педагогов и, прежде всего, самого человека, который должен трезво осознать все возможные последствия данного цифрового феномена.

Литература:

1. Карр Н. Пустышка: Что интернет делает с нашими мозгами. – СПб.: Best Business Books, 2012. – 256 с.
2. Клинберг Т. Перегруженный мозг. Информационный поток и пределы рабочей памяти. – М., 2010.
3. DeStefano D., LeFevre J.A. Cognitive load in hypertext reading: A review // Computers in Human Behavior. 2007. Vol. 23. № 3. – P. 1616–1641.
4. Small G., Vorgan G. iBrain: Surviving the Technological Alteration of the Modern Mind. New York, NY: Harper Collis, 2009.
5. Голубинская А.В. Нейрокогнитивный подход к исследованию поколения z // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. №1. С. 161–167.
6. Sparrow B., Liu J., Wenger D. M. Google effects on memory: Cognitive consequences of having information at our fingertips // Science. Vol. 333. No. 6043. 2011. P. 776-778.

Рахманкулова Нелли Фидаиевна

Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, кафедра философии гуманитарных факультетов, доцент, кандидат философских наук

nrahmankul@gmail.com

В информационном обществе, переходящем на стадию общества знания и искусственного интеллекта, среди задач преподавания философии студентам нефилософских специальностей первостепенную значимость приобретает реализация в нем ценностно-смыслового «антиэнтропийного» потенциала философии как любви к мудрости и «наиболее систематизированного мировоззрения эпохи». Изучение философии в таком ключе помогает студентам развивать умение осваивать смыслы культуры прошлого и настоящего, определять перспективы и соотносить это с собственными мировоззренческими установками, поддерживать и актуализировать историческую память. Совершенствуется их способность ориентироваться в растущем потоке сведений, упорядочивать их по ценностному критерию. Студенты, под руководством преподавателя философии, учатся подниматься по «пирамиде знания»: перерабатывать данные в информацию, информацию в знания, знания – в мудрость. Автор высказывает свои соображения по поводу содержания и организации общего курса философии, построенного в соответствии с этими задачами, подчеркивая, что на всем его протяжении необходимо, чтобы философская проблематика обсуждалась в живом непосредственном общении студентов с преподавателем и друг с другом.

Ключевые слова: преподавание философии, общество знаний, мудрость, историческая память, ценности, пирамида знания, антропо-аксиологический подход, живое общение.

Teaching philosophy and understanding the past and present. Rakhmankulova Nelly F.

Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Department of Philosophy for Humanities

The modern information society which currently is moving to the stage of knowledge and artificial intelligence society requires some changing in the process of teaching philosophy to students of non-philosophical specialties. Nowadays the realization of the value-meaning “anti-entropic” potential of philosophy as the love of wisdom and “the most systematic worldview of an era” is a task of paramount importance in this process. The study of philosophy in this way helps students to develop the ability to master the meaning of the culture of the past and the present, anticipate prospects and correlate them with their own worldviews, maintain and actualize historical memory. It contributes to their ability to navigate the growing flow of information, and to regulate it according to the value criterion. Students, under the guidance of a teacher of philosophy, learn to climb the “pyramid of knowledge”: process data into information, information into knowledge, knowledge into wisdom. The author offers her thoughts on what should include general philosophy course, both in content and in organization, in order to perform this task. She emphasizes the importance of discussing philosophical issues in lively direct communication of students with the teacher and with each other throughout the course.

Keywords: teaching philosophy, knowledge society, wisdom, historical memory, values, pyramid of knowledge, anthropo-axiological approach, lively communication.

*Но все, что было, не забыто,
Не шито-крыто на миру.
Одна неправда нам в убыток,
И только правда ко двору!*

А. Твардовский

Преподавание философии как вузовского общеобразовательного предмета сейчас, в условиях доступности огромного числа сведений о ней в интернете, похоже, подходит к черте, сравнимой с той, перед которой когда-то стояла сама философия. Тогда казалось, что она, по замечательному выражению В. Виндельбанда, попала в положение короля Лира, раздавшего детям все свое имущество и ставшего нищим.

К счастью, у нас, преподавателей, как и у философии в целом, среди владений есть неотъемлемая собственность, и усиление заботы об ее обустройстве представляется главным способом сохранения нашего дела. Основное достояние философии, полагаю, состоит в том, что она, будучи любовью к мудрости, занята освоением и развитием культуры, наполнением и поддержанием исторической памяти особым образом. Силой человеческого сознания она выявляет, переосмысливает, разумно упорядочивает и предъявляет их смыслы, предельные ценности и цели, создает образцы различных мировоззренческих систем.

Именно в такой работе со смыслами видел Кант пользу философии для всех, ее исключительное достоинство, придающее «ценность всем другим знаниям». Он утверждал в трактате «Логика», что по «школьному», схоластическому, понятию «философия есть система философских понятий, или рациональных знаний из понятий», «учение об умении». По «мировому», «всемирно-гражданскому», понятию философия есть «наука о последних целях человеческого разума», «учение о мудрости, законодательница разума» [1, с. 331]. «*Виртуоз ума*» стремится «только к спекулятивному знанию, не обращая внимания на то, насколько содействует это знание последним целям человеческого разума». *Практический философ* — «наставник мудрости учением и делом — есть философ в собственном смысле» [1, с. 332]. В современной отечественной мысли подобное понимание философии остается актуальным. С.С. Неретина пишет об А.П. Огурцове: «Он был философ в полном изначальном смысле слова — стремления и любви к мудрости, к истине, к знанию, открывающимся иску любого вопрошания о любой вещи», для него философия - «это тематизация предельных смыслов отношения человека к миру, обществу, культуре, к самому себе и к другому» [2, с. 205].

Из представленной выше характеристики философии следует признание ее уникальной роли в развитии культуры, укрепления исторической памяти, сохранения и актуализации ее ценностей-смыслов. И.Ю. Алексеева и А.П. Алексеев в статье «Философия исторической памяти», исследуя потенциал философии в этом деле, отмечают, что она, «начиная с древних времен, стремилась связать прошлое, настоящее и будущее человечества, определить движущие силы истории, наметить контуры грядущего». [3, с. 73].

Поэтому в изучении философии и ее истории очень важно умение извлекать из прошлого и творчески осваивать наиболее значимые для отношения «к миру, обществу, культуре, к самому себе и к другому» смыслы. Путь к этому труден. Его веки могут быть схематично изображены с помощью так называемой «пирамиды знания» или «иерархии DIKW» (Data, Information, Knowledge, Wisdom), используемой в сфере управления знаниями. Различные интерпретации этой иерархии представлены в статье Дж. Роули [4]. Маршрут пролегает от нижних ярусов пирамиды, где располагаются данные и информация, к средним, где вырабатываются знания, занимающие свое место в смысловом поле сознания субъекта, а от них – к мудрости, находящейся на вершине. Каждый последующий слой содержит в себе переработанный теми, кто поднимается, материал предыдущего. Мудрость, как отмечает Р. Акофф, один из теоретиков менеджмента и пионеров разработки DIKW, имеет дело с ценностями и включает в себя суждения о них. Он считает, что понимание такой иерархии и ее применение существенно увеличивает эффективность человеческой деятельности и улучшает ее результаты. Однако, сетует он, различать эти уровни студентов почти не учат, оставляя их в невежестве, и они даже не знают, что не знают этого [5].

Т.С. Элиот, которого сторонники данной концепции причисляют к своим предшественникам, развивает соответствующие идеи в мировоззренческом контексте, включающем отношение к прошлому. Он полагает, что в его эпоху человек как никогда склонен игнорировать различия по значимости в том, с чем имеет дело. Ценности искажаются. Люди не отличают существенное от эфемерного и пытаются «решать жизненные проблемы как инженерные» [6, р. 30]. Тем самым они обрекают себя на приземленное существование. Как пишет Элиот в известных стихах из «Скалы», мы теряем «Жизнь в проживании», Слово – в словах, мудрость – в знании, знание – в информации и незнании, отодвигаясь «дальше от Бога и ближе к Тлену» [7, р. 147]. Прошлое погибает в настоящем. Возникает новый, «временной», вид провинциализма, «для которого история есть просто хроника человеческих приспособлений,

отслуживших свое и списанных на слом, и для которого мир находится в собственности только живущих, а доли умерших в ней нет» [6, р. 30]. Таким образом, настоящее обесценивается вместе с прошлым.

Сама природа философии делает ее силой, противостоящей энтропии смыслов. Владение этой силой становится сейчас все более насущным для получающего высшее образование человека, которому все труднее справляться с лавинообразным ростом объема всякого рода сведений в информационном обществе, переходящем на стадию общества знания и искусственного интеллекта. В том, чтобы молодые люди познакомились с философией и научились применять отточенное с ее помощью искусство извлечения культурных смыслов и расстановки ценностных приоритетов, ключевую роль может сыграть личное участие преподавателя.

Подобно проводнику в горах, преподаватель, с помощью профессиональных знаний, навыков и воли к мудрости, способен побудить других к подъему и повести их вверх по лабиринтам информации и тропинкам знаний. Он будет содействовать тому, чтобы у студентов росло желание и умение находить дорогу самостоятельно, поднимаясь на максимальную высоту. В сущности, это продолжение дела, каким занимался Сократ, толкуя с собеседниками об идеях и добродетелях, приближаясь с ними в диалоге к предельным смыслам. Разница в том, что нам доступен накопленный с тех пор опыт истории и философии и что мы живем в потоках ускоренно пополняющихся массивов данных.

Чтобы лучше реализовать «антиэнтропийный» ценностно-ориентирующий потенциал философии, когда мы преподаем ее в виде общего курса для студентов нефилософских специальностей, надо отвести в нем больше места изучению философских вопросов аксиологии, антропологии, культурологии, истории, трансформаций современного общества, а также герменевтики и эпистемологии как учения о знании. Развитию умения студентов прокладывать пути от поверхностного ко все более глубокому пониманию смыслов способствует организация практических занятий с привлечением методологических и методических наработок Г.В. Сориной, в чем меня убеждает и мой многолетний опыт их применения в преподавании философии. Подробное описание этих наработок можно найти в книге «Экспертный анализ текста: методология и практика» [8]. При такой организации занятий студенты, готовясь к семинару, самостоятельно исследуют заданный классический философский текст, составляют по нему отчет, выделяя основные идеи, стараясь разъяснить их с позиции автора, ставя к ним вопросы и излагая собственные соображения. На самом семинаре с помощью вопросно-ответных процедур обсуждается проблематика текста. Ведет занятие, вместе с преподавателем, экспертная группа, состоящая из 3-5 студентов.

Историко-философскую часть курса, думаю, целесообразно строить, опираясь на понимание философии, выраженное в предложении В.В. Соколова дать ей «дополнительное» определение «как наиболее систематизированного, максимально рационализованного мировоззрения своей эпохи» [9, с. 137]. При данном ракурсе рассмотрения в центре внимания находится ценностно-смысловой строй мировоззрения, определяющий своеобразие способа философствования той или иной эпохи. В курсе философии в этих целях я использую разработанный мною антропо-аксиологический подход, развернуто представленный в статье «Ценностный смысл антропологической антиномии» [10]. С его помощью раскрываю студентам способ философствования через совокупность взаимосвязанных параметров мировоззрения, наиболее значимых в ценностном отношении. В качестве такого рода инвариантов, получающих собственное наполнение в разных культурах, предлагаются идеи ценностного максимума, антропологической антиномии, идеала человека, высших добродетелей, смысла жизни, счастья, свободы

Очевидно, что совершающееся таким образом освоение философии предполагает живое непосредственное общение студентов с преподавателем и друг с другом. Это лучший способ соединения «вечных истин» и «злобы дня», выявления наиболее значимых смыслов прошлого в их отношении к смыслам настоящего и будущего, к собственным мировоззренческим установкам и ценностным предпочтениям студентов.

Литература

1. Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. 710 с.
2. Неретина С.С. Шаги во времени. Без предисловия // Политическая концептология. 2016. № 2. С.181-232.
3. Алексеева И.Ю., Алексеев А.П. Философия исторической памяти// Вопросы философии. 2018. № 10. С. 67–76.

4. Rowley, J. The wisdom hierarchy: representations of the DIKW hierarchy // Journal of Information and Communication Science. 2007. № 33 (2). P. 163–180.
5. Ackoff R.L. From Data to Wisdom // Journal of Applied Systems Analysis. 1989. № 16. P. 3-9.
6. Eliot T.S. What Is a Classic? An address delivered before the Virgil Society on the 16th of October 1944 by T.S. Eliot. London: Faber&Faber, 1946. 32 p.
7. Eliot T. S. The Complete Poems and Plays. London: Faber & Faber, 2004. 608 p.
8. Сорина Г.В. Экспертный анализ текста: методология и практика. М.: Издательский центр АНОО ИЭТ, 2016. 182 с.
9. Соколов В.В. Философия в исторической перспективе // Вопросы философии. 1995. №2. С.134-147.
10. Рахманкулова Н.Ф. Ценностный смысл антропологической антиномии// Ценности и смыслы. 2015. № 5. С. 106–117.

Романова Анна Петровна

Институт исследований Проблем Юга России и Прикаспия Астраханского государственного университета. Доктор философских наук, директор института

aromanova_mail@mail.ru

Данная статья посвящена проблеме трансформации коллективной социалистической идентичности в процессе перехода к постсоветскому обществу и ее взаимосвязи с коллективной памятью поколения, доминирующего в данный период. Основным методом - типологизация и вычленение базовых маркеров идентичности. В процессе исследования выделены три периода трансформации советской идентичности: советский, трансгрессионный перестроечный и постсоветский. На основании маркеров идентичности проанализированы особенности идентичности и характеристики коллективной памяти каждого периода. Выявлены основные типы идентичности, присущие современному периоду.

Ключевые слова: идентичность, коллективная память, постсоветский период, трансформация, маркеры, трансгрессия.

**Transformation of Soviet identity and collective memory.
Romanova Anna P.**

*Institute of Southern Russia and Northern Caspian Region Issues Research, Astrakhan state university
This article is devoted to the problem of transformation of collective Soviet identity in the process of transition to post-Soviet society and its relationship with the collective memory of the dominant generation in this period. The basic method is classification and identification of the basic markers of identity. In the course of the research three periods of transformation of the Soviet identity are allocated: Soviet, transgressive and post-Soviet. On the basis of identity markers the features of identity and characteristics of collective memory of each period are analyzed. The main types of identity inherent in the modern period are revealed.*

Keywords: identity, collective memory, post-Soviet period, transformation, markers, transgression.

ⁱ Коллективная память во многом определяется типом идентичности, доминирующим в том или ином социуме или сообществе. Динамически меняющееся общество все более часто заставляет трансформироваться феномены, определяемые ранее как базисные, и более или менее неизменные. Идентичность перестаёт пониматься как нечто окончательно зафиксированное и единственно возможное. Возникает интерес к разным видам идентичности: национальной, цивилизационной, этнической, религиозной, виртуальной и т.д. Понятие идентичности становится в центре внимания ряда исследований. Появляются энциклопедические издания, посвященные только идентичности [1], [2]. Не менее актуальными, и одновременно все более разнообразными [3], [4] становятся исследования коллективной памяти, особенно в привязке к исследованию идентичности.

В последнее время важным объектом исследования становится советская идентичность, и те процессы, которые с ней происходили последние десятилетия. Естественно, что трансформации тесно взаимосвязаны с коллективной памятью поколения, где данная коллективная идентичность является доминирующей. Понятие коллективной памяти впервые выдвинул и обосновал М. Хальбвакс [5], [6]. По Хальбваксу – любая память социальна и коллективно обусловлена. Личность не может сформировать и поддерживать свою индивидуальную память вне коллектива. Каждая группа, имея свою специфику памяти, тем не менее, подчиняется общим законам ее функционирования. Память «реконструирует

прошлое с помощью настоящего» [5, с. 264]. Коллективная память как представление о прошлом, разделяемое и конструируемое членами социальной группы [7], непосредственно связана с определенным поколением и типом идентичности.

Для России можно выделить три периода существования и эволюции социалистической идентичности, в каждом из которых формировался свой тип коллективной памяти, связанной с социализмом.

Во-первых, это период доминирования социалистической идентичности, вплоть до распада СССР. Практически все время существования Советского Союза партийным руководством страны параллельно осуществлялось формирование и продвижение двух типов идентичности – этнической, на которой строилась национальная политика в союзных и автономных республиках, и метаядентичности, применимой ко всем гражданам СССР- советской, воплотившейся в понятии «советский народ» [8, с. 114]. Советская идентичность была призвана объединить людей разных этнических и социальных групп в единое целое, объединенное общей историей, мировоззрением, коллективной памятью, коммунистическим будущим. Она была обозначена маркерами разного уровня: символическими – гимн, флаг, ритуалы; институциональными - октябрята, пионеры, комсомол, партия как ступени инициации в советское общество со своей иерархией, регулярными собраниями. Осмысливая в настоящее время характер отношения к собственной «советскости», можно признать, что оно было амбивалентным, по крайней мере в послевоенный период, после хрущевских реформ. Советская идентичность как доминирующая и определяющая образ жизни среднего человека просуществовала до середины восьмидесятых годов, когда произошел слом государственной системы, и началась перестройка. Коллективная память в этот период определялась преимущественно официальной идеологией. Естественно, будучи доминирующей, она не была всеобъемлющей.

Параллельно в это время начинается второй этап трансформации советской идентичности. Эту идентичность можно назвать трансгрессивной перестроечной идентичностью. Термин трансгрессия принадлежит постмодерну (Ж. Бодрийяр, М. Фуко) и обозначает «выход за пределы». Перестройка инициировала процесс выхода за пределы советского образа жизни, характеризующийся активными и порой агрессивными попытками избавления от всего советского. Параллельно процесс сопровождался реставрацией дореволюционной истории, ремифологизацией царской династии, пересмотром статуса и результатов революции 1917 г. и гражданской войны. Был запущен процесс реконструкции исторической памяти. Идентичность данного периода была расплывчатой, диффузной. Трансформация происходила преимущественно в институциональных и символических маркерах. Этот период впоследствии обозначили как «лихие девяностые». Население страны утратило понимание своей коллективной идентичности. Автоматической замены советской идентичности на российскую не произошло, хотя именно в этот период шли активные дебаты в парламенте и в СМИ о русской идее, о российской национальной идентичности. В это время, в общественной жизни и, соответственно, отражавшей ее идентичности, появляется множество западных культурных маркеров – свобода слова, перерастающая во вседозволенность и присутствие ненормативной лексики в СМИ, пансексуализм, свобода в одежде. На пике миллениума активизируется деятельность не только официальных религий, но и всевозможных мистических нетрадиционных культов. Коллективная память, присущая данному поколению, тоже размыта. С одной стороны основные вехи истории пересматриваются с новой, диаметрально противоположной оценкой. С другой стороны, события происходящие в тот период не становятся основными вехами формирования коллективной памяти.

Третий период - это формирование новой постсоветской идентичности, которая на данный момент имеет ярко выраженную поколенческую специфику и начинает активно изучаться преимущественно отечественными исследователями [9], [10], [11]. Под «постсоветским человеком» понимается «представитель первого постсоветского поколения, социализация и инкультурация которого приходится на время сокрушённых мировоззренческих оснований недавнего прошлого, времени «отцов и дедов» [12, с. 36]. Мы считаем, что новая чисто постсоветская идентичность формируется у молодого поколения, чье становление приходится на XXI век. Это поколение выросло в глобализованном мире, с детства научилось использовать гаджеты, его условно можно обозначить как поколение digital. Это поколение - продукт нового образа жизни, нового западного образовательного стандарта, широких интернет-возможностей в области информации, ему доступны все преимущества образовательной мобильности. Идентичность и коллективная память этого поколения еще окончательно не сформированы. Социологические исследования, проведенные нами осенью 2019 г. показали, что у

ⁱ Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00371) «Проблема коллективной памяти в эпистемологическом и политико-культурном измерениях». [Acknowledgments The study was carried out with a grant from the Russian Science Foundation (project No. 19-18-00371) «The problem of collective memory in epistemological, political and cultural dimensions»]

этого поколения иная система ценностей, отличная от предыдущих поколений и ориентированная на свободу и индивидуальный карьерный рост. Формирование постсоветской идентичности происходит под влиянием множества процессов, в том числе и реверсивной ремифологизации. Он характеризуется возвратом интереса ко всему советскому на повседневном уровне, советским ретро в блогах, постах, специализированных сайтах. В коллективной памяти молодежи постсоветского периода нет личностно пережитого советского опыта, но и нет его отрицания.

Итак, на данный момент в российском обществе совместно коммуницируют представители трех типов социальной идентичности, обладающих своей специфической коллективной памятью:

- комбинированной, характерной для поколения пятидесяти-семидесяти летних. Она сложилась у людей, которые родились, получили образование и начали свою деятельность в советское время. Однако их основная активность приходится уже на перестроечное время и современный этап. Она сочетает в себе элементы новой идентичности, сформированной в годы перестройки и латентной, но достаточно хорошо сохранившейся советской. Латентная советская основа комбинированной идентичности представлена общим, сформированным в советское время тезаурусом, общей социалистической образовательной и культурной базой, поведенческой этикой, коллективистскими принципами и т.д.
- диффузной, характерной для поколения 30-50-летних, сформировавшейся на первой волне ремифологизации и характеризующейся преимущественно негативным отношением к советскому периоду истории;
- постсоветской, характерной для поколения 18-25-летних, сформировавшейся полностью в постсоветский период и основанной на ценностях цифровой эпохи.

Литература

1. Идентичность: личность, общество, политика: Энциклопедическое издание / Под ред. И.С. Семеновича. М.: Весь Мир, 2017
2. Ronald L. Jackson II, Michael A. Hogg. Encyclopedia of Identity. CA.: SAGE Publications, Inc., 2010. DOI: 10.4135/9781412979306.n203
3. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: новое литературное обозрение, 2014. 323 с.
4. Галимжанова Ж.Б. Культурная память как средство построения идентичности // Вестник Каз.НПУ. Серия «Исторические и социально-политические науки. № 1. Алматы. 2016. С 124-127
5. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. С.Н. Зеникина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
6. Хальбвакс М. Социальные классы и морфология. СПб.: Алетейя, 2000. 509 с.
7. Емельянова Т.П., Кузнецова А.В. Представления коллективной памяти об эпохе Петра I и его личности у представителей различных социальных групп // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 28. М.: Изж-во Солитон С. 9. URL: <http://psystudy.ru>
8. Смирнов Г. Л. Советский человек. М.: Знамя, 1973.
9. Афанасьев К.С. Культурно-цивилизационные сообщества молодежи в постсоветской России (1990-е – начало 2000-х годов): монография. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2007. 144 с.
10. Григорьев Б.В. Постсоветский человек. СПб.: Изд. дом «Петрополис», 2010. 137 с
11. Думнова Э.М. Формирование ментальности молодежи в постсоветский период // Идеи и идеалы. 2013. Т. 1. № 4. С. 130-136.
12. Кутыкова Е.В. Проблема идентичности «постсоветского человека»: диалектика исторической памяти и современности : автореф. дис. ... док. филос. наук. М. 2012

Проблема памяти в культурно-исторической психологии Л.С. Выготского: историко-философский аспект

Романовская Евгения Васильевна

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, профессор. Доктор философских наук

evromanovskaya@mail.ru

В гуманитарной науке огромную роль играет наследие русского и советского психолога Льва Семёновича Выготского. Он внёс выдающийся вклад в развитие представлений о психологии и сознании человека. Его работы по исследованию природы памяти имеют непреходящую ценность, особенно с мемориальным бумом, который происходит сейчас во всём мире. В богатом научном наследии Л.С. Выготского выделяется культурно-историческая теория развития психики. Исследуя соотношение памяти и мышления Л.С. Выготский доказал, что мышление ребёнка зависит от памяти. Он показывает, что биологические и социально-культурные факторы по-разному влияют на развитие памяти ребёнка и что культурные факторы изначально социальны.

Ключевые слова: культурно-историческая психология, память, культура, марксистская методология, сознание

The problem of memory in the cultural-historical psychology of L.S. Vygotsky: historical and philosophical aspect. *Romanovskaya Evgenia V.*

PhD, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, professor

The heritage of the Russian and Soviet psychologist Lev Semenovich Vygotsky plays a huge role in the humanities. He made an outstanding contribution to the development of ideas about psychology and human consciousness. His work on the nature of memory is of lasting value, especially with the memorial boom that is taking place all over the world now. In the rich scientific heritage of L.S. Vygotsky stands out the cultural-historical theory of the development of the psyche. Exploring the relationship of memory and thinking L.S. Vygotsky proved that the thinking of a child depends on memory. It shows biological, socio-cultural factors influence the development of a child's memory in different ways, and that cultural factors are initially social.

Keywords: cultural-historical psychology, memory, culture Marxist methodology, consciousness

Тема нашей статьи – культурно-историческая психология Л. Выготского и место памяти в его культурно-исторической теории. Для раскрытия этой темы мы руководствовались двумя соображениями.

Во-первых, необходимо обратиться к творческому наследию знаменитого отечественного учёного, классика отечественной психологии Льву Семёновичу Выготскому, который оказал огромное влияние на развитие мировой психологии и которого американский философ С. Тулмин назвал Моцартом в психологии [1, 127-137]. Идеи и творческая деятельность Л.С. Выготского породили школу, из которой вышло много талантливых учёных (А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия, А. В. Запорожец, Л. И. Божович, П. Я. Гальперин, Д. Б. Эльконин, П. И. Зинченко, Л. В. Занков и др.). Идеи Л.С. Выготского повлияли на развитие американской психологии и появление там такого течения как «социальный конструктивизм». Но парадокс состоит в том, что наследие его не до конца изучено, долгое время он был забыт, труды его не до конца изданы.

Во-вторых, одна из важных идей Л.С. Выготского – культурно-историческая теория (культурно-историческая психология) важна для понимания феномена индивидуальной памяти. В наши дни в социально-гуманитарном знании мемориальная тематика стала формироваться как новая парадигма исследований, связанная с понятием память. Особенно большое значение придаётся изучению коллективной памяти, которая получила большое развитие, начиная с 80-х годов XX века. Появилось понятие «культурная память», разрабатываются проблемы «социальной памяти», «исторической памяти» и т. д.

Мы же хотим обратиться к понятию индивидуальной памяти, так как исследования в области коллективной памяти неразрывно связаны с памятью индивидуальной.

Л.С. Выготский как учёный сформировался в сложную эпоху. В начале своей деятельности он застал и успел впитать культуру «серебряного века», а конец его карьеры пришёлся на непростые 30-е годы. Если обратиться к трудам Л.С. Выготского, то важно отметить, что на его творчество повлияли труды русских учёных, таких как И.П. Павлов, И.М. Сеченов, А.А. Потебня.

В своих лекциях по психологии [2] Л.С. Выготский отмечает, что в современной психологии самой дискуссионной темой является тема памяти. По мнению Л.С. Выготского, в построениях теорий памяти соперничают две линии – материалистическая и идеалистическая. Материалистическая тенденция связана (Выготский был материалистом и марксистом) с деятельностью мозга. Но эта теория, по его мнению, не была доведена до конца. Эта теория страдала механицизмом и упрощением. Выготский полагал, что такая механистическая концепция «... не позволяла никому из психологов представить материалистическое объяснение явлений памяти как развёрнутое философское объяснение, достаточно последовательно продуманное в теоретическом плане» [3, с. 582].

Идеалистическая линия была связана с философскими построениями А. Бергсона [4], который выступал против механистической теории памяти. Если Л.С. Выготский был марксист (сам называл себя материалистом в психологии), то А. Бергсон интуитивист и представитель философии жизни. Он утверждал, что сознание это прежде всего память. А. Бергсон выдвинул идею о двух видах памяти. Одна память развивается как функция мозга (материалистический аспект), но у ребёнка одновременно развивается и другая память. Память, отражающая духовную деятельность. По А. Бергсону, при поражении мозга страдает первый вид памяти. Второй вид памяти тоже страдает, но по-другому, главным образом потому, что «... человек не обладает достаточным аппаратом, достаточным орудием в виде мозга, для того чтобы проявить эту духовную деятельность ... мозг участвует в одном и другом виде памяти совершенно по-разному. В одном виде он производит функцию, а во втором виде служит орудием чисто духовной деятельности ... но сам по себе мозг не связан с этой чисто духовной деятельностью памяти» [5].

В своих «Лекциях по психологии» Выготский анализирует развитие двух тенденций в понимании памяти – материалистической и идеалистической. Учёных позитивного направления (А. Семон, А. Геринг, Э. Блейлер) не устраивал бергсоновский дуализм в теории памяти. А. Семон предложил идею «мнеме» – способности материи сохранять следы прошлого, Э. Блейлер разрабатывает идею психообразного фактора, который называет психоидом. По его мнению, психоид присущ любой материи и память есть тот мост, который соединяет сознание и материю.

Л.С. Выготский также отмечает философскую борьбу между атомистическими (ассоциативными) и структурными теориями памяти. Он был последователем теории структурной психологии памяти и опираясь на исследования отечественных и зарубежных учёных писал, что «... структурные исследования показали многообразие различных видов деятельности памяти и несводимость их к одному общему закону, и в частности к закону ассоциативному» [6, с. 588].

Большую роль в разрешении проблем памяти играет проблема развития памяти. Одни психологи отказывали памяти в идее развития. Они считали память максимальной в начальном периоде развития ребёнка. С взрослением ребёнка память слабеет. Другие исследователи пытались найти максимальный возраст, когда память наиболее сильна. Но Л.С. Выготский считал подходы тех и других психологов к решению этой проблемы упрощёнными. Сам линейный подход к решению проблемы развития памяти кажется ему неверным и, по его мнению, он гораздо более сложный. Примером этого может служить две линии развития детской памяти. Он ссылается на работы Л.В. Занкова и А.В. Леонтьева, где речь идёт о непосредственном и опосредованном запоминании (непосредственное запоминание и запоминание с помощью вспомогательных средств).

Л.С. Выготский также анализирует соотношение памяти и мышления в детском возрасте и показывает, что мышление ребёнка в большинстве случаев зависит от его памяти. «Исследования памяти в этом возрасте показали, что к концу детского развития межфункциональные отношения памяти изменяются коренным образом в противоположную сторону: если для ребёнка раннего возраста мыслить – значит вспоминать, то для подростка вспоминать – значит мыслить» [7, с. 594].

В процессе развития и созревания ребёнка Л.С. Выготский различает два варианта, две линии развития: 1. натуральная – это линия естественного развития и 2. культурная – это овладение ребёнком

культурных форм поведения и способов мышления. В первом случае она представлена произвольной памятью, а во втором случае памятью произвольной. Применяя психологический анализ, Л.С. Выготский выясняет разницу процесса запоминания у ребёнка старшего и младшего возраста. Почему это происходит? По Выготскому, память у ребёнка старшего возраста другая и запоминает он иначе. У такого ребёнка развилась не только органическая форма памяти, но и культурная, то есть запоминание при помощи знаков [8]. Л.С. Выготский полагает, что «культурное развитие заключается именно в овладении такими вспомогательными средствами поведения, которые человечество создало в процессе своего исторического развития, и какими являются язык, письмо, система счисления и др.» [9].

Л.С. Выготский повторяет ту мысль, что культура не создаёт ничего нового, что уже дано природой человеку. В области памяти Выготский описывает ситуацию, когда перед ребёнком стоит сложная задача и необходимо запомнить, но он не в состоянии это сделать, опираясь на естественную, произвольную память. Если ребёнок находит выход из положения при помощи каких-то знаков, (предметов) (бумаги, палочек, верёвочек), то это уже будет запоминание, по мысли Л.С. Выготского, как пример культурного поведения. Эти предметы приобретают функциональное значение знаков. В культурно-исторической психологии Л.С. Выготского это означало, что культурное развитие человечества шло по этому пути развития памяти. Использование знака как регулятора психической деятельности приводит к тому, что механическая память становится логической. Культурное развитие ребёнка состоит в усвоении знаков, их интериоризации. Знаки имеют разную природу – это не только живопись, ноты, жесты, но и слово, устное и письменное.

Л.С. Выготский в своих трудах по психологии использует метод структурного анализа. Начиная с того, что он представлял культуру как знаковую систему, он также пишет, что «Запоминание, опирающееся на различные системы знаков, будет различным по своей структуре» [10]. Структура эта не статична, она не внешняя, а появляется изнутри.

Культурное развитие ребёнка испытывает влияние тех же факторов (биологических и социальных), что и природное, органическое развитие. Но роль культурных факторов отлична от роли органических. Они изначально социальные.

Исследование культурного развития ребёнка Л.С. Выготский представляет на основе экспериментальных и неэкспериментальных данных. Здесь описаны четыре этапа его развития [11]. От первого этапа «примитивной психологии» (ребёнок запоминает материал примитивным способом), ко второму этапу – «наивной психологии» - (ребёнок вспоминает при помощи картинок). Третья стадия – это «стадия внешнего культурного приёма», в которой ребёнок обнаруживает умение пользоваться карточкой. И четвёртая стадия, когда использование внешнего знака, заменяется внутренней деятельностью.

В итоге, бесспорно можно сделать вывод о том, что в российской психологической школе важное место принадлежит Льву Семёновичу Выготскому. Достойный продолжатель учений Павлова и Сеченова он разрабатывал свои психологические идеи в 20-30-х годах XX века. В психологической науке тогда были распространены концепции биологических, природных причин явлений сознания. Выготский избирает методологию марксизма которая во главу угла ставила социальные причины. Выготский доказал, что память человека имеет социальную природу. Хорошо об этом сказал М.Г. Ярошевский в своей книге о Л. Выготском – «Такая ситуация вела к своего рода компромиссу, к зарождению представлений о различных стратах «психического», одна из которых (элементарная) определяется природным телесным субстратом, тогда как другая (высшая) – продукт социокультурных влияний. Подобный компромисс создавал потребность в новых концепциях и решениях. Тогда и настало время Выготского» [12, с. 13].

Литература

1. Тулмин С. Моцарт в психологии // Вопросы философии. 1981. № 10. С127-137.
2. Выготский Л.С. Лекции по психологии // <https://www.gumer.info> > bibliotek_Buks > Psihol > vugot. (последнее обращение 25.01.2020).
3. Выготский Л.С. Психология развития человека. — М.: Изд-во Смысл; Эксмо, 2005. С. 582.
4. Бергсон А. Материя и память // Бергсон А. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Московский клуб, 1992. 336 с.
5. Бергсон А. Материя и память // filosof.historic.ru > books > item (дата последнего обращения 31.01.2020).
6. Выготский Л.С. Лекции по психологии // Выготский Л.С. Психология развития человека. — М.: Изд-во Смысл; Эксмо,

2005. С. 588.
7. Выготский Л.С. Лекции по психологии // Выготский Л.С. Психология развития человека. — М.: Изд-во Смысл; Эксмо, 2005. С. 594.
 8. Выготский Л.С. Проблема культурного развития ребенка (1928) // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. 1991. N 4 // flogiston.ru > библиотека по психологии (дата последнего обращения 4.02.2020)
 9. Выготский Л.С. Проблема культурного развития ребенка (1928) // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. 1991. N 4 // flogiston.ru > библиотека по психологии (дата последнего обращения 4.02.2020).
 10. Выготский Л.С. Проблема культурного развития ребенка (1928) // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. 1991. N 4 // flogiston.ru > библиотека по психологии (дата последнего обращения 4.02.2020).
 11. Выготский Л.С. Проблема культурного развития ребенка (1928) // Вестник Московского университета. Сер. 14, Психология. 1991. N 4 // flogiston.ru > библиотека по психологии (дата последнего обращения 4.02.2020).
 12. Ярошевский М.Г. Л.С. Выготский: в поисках новой психологии. СПб., 1993. С. 13.

Роль коллективной памяти в процессе реидентификации в глокальном измерении

Стычинский Максим Сергеевич

ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук», научный сотрудник, к.филос.н.

stichinsky@gmail.com

Статья посвящена проблеме кризиса идентичности национальных сообществ в условиях разворачивания процесса глобализации. Показана специфика международных отношений в условиях интенсификации межкультурных контактов, послуживших причиной возникновения феномена глокализации. Отдельное внимание уделяется роли коллективной памяти как одного из наиболее важных инструментов конструирования национальной идентичности. Показано значение феномена массовой культуры, оказывающей серьезное влияние на локальные культуры и идентификационную принадлежность. Производство массовых культурных продуктов ограниченным количеством стран приводит к ситуации оказания влияния на национальные культуры через тиражирование различных версий и интерпретаций исторических событий. В данных обстоятельствах перед национальными государствами актуализируется необходимость выработки релевантной политики памяти, направленной на сохранение культурной и идентификационной целостности. С переходом человечества на новый – информационный уровень своего существования, актуализируются вопросы информационной безопасности, касающиеся сохранения целостности структурных элементов национальных культур.

Ключевые слова: коллективная память, глокализация, кризис идентичности, культура, массовая культура, политика памяти.

The role of collective memory in the process of reidentification in the glocal dimension. Stychinskiy Maxim S.

State Academic University for the Humanities

The article is devoted to the problem of the identity crisis of national communities in the context of the unfolding process of globalization. The specificity of international relations is shown in the conditions of intensification of intercultural contacts that caused the occurrence of the phenomenon of glocalization. Special attention is paid to the role of collective memory as one of the most important tools for constructing national identity. The significance of the phenomenon of mass culture, which has a serious impact on local cultures and identity, is shown. The production of mass cultural products by a limited number of countries leads to a situation of influencing national cultures through the replication of various versions and interpretations of historical events. In these circumstances, the need to develop a relevant memory policy aimed at preserving cultural and identification integrity is becoming urgent for national states. With the transition of mankind to a new - informational level of its existence, information security issues related to maintaining the integrity of the structural elements of national cultures are being updated.

Keywords: collective memory, glocalization, identity crisis, culture, mass culture, memory politics.

На всем протяжении истории человечество сталкивалось с различными «вызовами», требующими выработки своевременных и адекватных ответов. Эпоха глобализации, подстегиваемая стремительным развитием технологий (прежде всего – информационных), принесла с собой и глобальные проблемы. Помимо часто обсуждаемых проблем пределов роста человеческой численности, экологических, ресурсных, необходимости разоружения и ряда других, все чаще в научных кругах обсуждается угроза потери национальными государствами своей идентичности. Кризис идентичности, наступивший в результате интенсификации межкультурных контактов, усугубляется также целенаправленными действиями некоторых государств, использующих современные технологии и образовавшееся глобальное информационное пространство в качестве поля для ведения информационных войн. В случае игнорирования необходимости решения данной проблемы со стороны национальных сообществ,

в скором времени возможно исчезновение множества локальных культур и, как следствие, сокращение мирового культурного разнообразия [1, с. 147].

Увеличение числа контактов с представителями других культур привело к ситуации роста интереса к собственной культуре, поскольку следствием межкультурных контактов, как правило становится не столько погружение в чужую культуру, сколько рефлексия своей собственной [2, с. 20]. Кроме того, в новом глобальном пространстве международных отношений произошла актуализация идентификационного вопроса о своем месте, роли и характерных отличительных чертах в истории человечества. В ситуации локального существования подобные вопросы не возникают в сознании носителей той или иной идентичности, культуры, по причине отсутствия возможности проведения сравнительного анализа, подстегиваемого эмоциональным вовлечением в коммуникативное пространство. Лишь по мере перехода к этапу регионализации, а в большей степени – глобализации, данные процессы раскрываются в полной мере.

Еще одним важным элементом воздействия на национальную идентичность и культуру стало появление феномена массовой культуры. Являясь прямым следствием объединения человечества по формальным признакам в единую систему, массовая культура вобрала в себя весь комплекс усредненных общечеловеческих ценностей, взглядов и подходов, создав тем самым условия для взаимодействия больших масс людей на определенном унифицированном цивилизационном уровне. Будучи некритично воспринимаемой носителями локальных культур, массовая культура наподобие «троянского коня» открыла доступ к ядру локальных культур, благодаря чему начался процесс воздействия на аутентичные базовые элементы в структуре национальных культур. Данная ситуация привела к угрозе потери национальными сообществами подлинной уникальности, собственной культуры, идентичности [3, с. 5].

В качестве реакции национальных сообществ на интеграционные процессы, появилась тенденция на локализацию, направленная на реидентификацию, поиск и оформление характерных уникальных культурных черт, соответствующих современным реалиям глобального формата международного взаимодействия. Данный процесс выразился в повышении интереса к традиционным культурным ценностям, обычаям, фольклору, религии. Помимо актуализации характерных национальных черт, в ряде государств также были инициированы проекты по культурному позиционированию и просвещению на международном уровне. В рамках данных программ были открыты центры культур в различных государствах [4, с. 39].

Рассуждая на тему сохранения и укрепления национальной идентичности, следует обратить отдельное внимание на феномен коллективной, социальной, исторической или иначе – надындивидуальной памяти [5, с. 163], выполняющей функцию одного из наиболее важных и действенных инструментов формирования идентификационных конструктов. Обозначенные наименования групповой памяти используются в различных научных дисциплинах и имеют некоторые существенные отличия, однако, в рамках данной работы мы будем использовать понятие коллективной памяти, как наиболее универсального и часто употребляемого в междисциплинарном поле исследований. Под коллективной памятью, зачастую, понимается разделяемое и конструируемое представление членами социальной группы о прошлом [6, с. 7]. Важно отметить, что такое представление о прошлом далеко не всегда имеет прямое отношение к реальным историческим фактам и выступает скорее в качестве некоего составного образа в сознании членов социальной группы. Многими исследователями в этом отношении отмечается зависимость коллективной памяти от потребностей, запросов и целей текущего исторического периода, политических целей и задач руководства государств, в соответствии с которыми и происходит переформатирование памяти [7, с. 59].

В рамках проводимых государствами мероприятий по формированию, поддержанию и укреплению коллективной памяти, получивших наименование «политика памяти», следует отметить: проведение праздничных мероприятий, издание новой исторической литературы, съемка исторических фильмов, иные мероприятия, отражающие общее видение прошлого и будущего национального государства. Следует подчеркнуть, что коллективная память не сводится к простой сумме исторических фактов в памяти членов общества, а является своего рода результатом сплава различных интерпретаций событий минувших лет, представленных под релевантным текущим запросам общества углом зрения. Важно подчеркнуть, что государство в данных обстоятельствах, выполняя функцию «генератора памяти», обеспечивает целостность общества, единство и сохранение социальной системы.

Существует два подхода к конструированию коллективной памяти. Первый направлен на

акцентирование внимания в историческом прошлом на периоды и факты унижения, обиды, прессинга на членов общества, что ведет к формированию у граждан чувства жертвы, пострадавшей стороны, на основании которого и происходит объединение людей. Иной подход – поиск и абсолютизация великого прошлого, как бы удостоверяющего право народа на движение в настоящем и будущем «с высоко поднятой головой». Оба механизма являются эффективными инструментами создания коллективной памяти [7, с. 60]. Следует также отметить, что в непосредственной реализации целей конструирования памяти используются механизмы мемориализации и забвения, заключающиеся либо в актуализации (а, зачастую, и в приукрашивании) каких-либо исторических событий, либо в нивелировании событий прошлого, как-либо образом не соответствующих текущим запросам построения идентификационного единства.

По мере развития технологий, связанных с передачей информации, государственная машина конструирования коллективной памяти постепенно оказывалась во все более тяжелом положении [8, с. 176]. Так с изобретением книгопечатания и постепенным ростом уровня образованности граждан, появилась возможность распространять альтернативные, внесоциальные версии и интерпретации исторических фактов, воздействуя на сознание граждан. В дальнейшем данную функцию получило также радиовещание. Не случайно, национальные государства в исторически важные периоды занимались нейтрализацией альтернативных источников информации («радио-глушилки», запрет книг, высылка и заключение неудобных писателей).

Ситуация приобрела новый колорит с появлением сети Интернет, замкнувшей мир в единое информационное пространство. В эпоху информационного общества, пришедшего на смену постиндустриальному, национальные государства столкнулись с ситуацией доступности самой различной информации, производимой различными субъектами, практически для любого члена общества. Можно констатировать, что государство утратило свою монополию на информацию: теперь любой человек может ознакомиться с различными интерпретациями исторических событий, созданными, в том числе и за рубежом. Зачастую, такие интерпретации в своем содержании расходятся с официальными государственными версиями. Проблема заключается и в том, что подобная информация также является интерпретацией, одной из версий видения событий, а, зачастую, может быть и намеренно сконфигурирована таким образом, чтобы подорвать идентификационную целостность национального государства, воздействуя на коллективную память [6, с. 15].

Важно отметить, что подобного рода интерпретации очень часто распространяются в информационном пространстве в рамках и формате массовой культуры, которая, по причине своей бесконфликтности и понятности, некритично воспринимается потребителями. Характерным примером подобной ситуации является кинопродукция на историческую тематику, в которой представляются версии событий различных стран и под различными углами зрения. В силу эмоциональной вовлеченности и эмпатии героям фильмов, благодаря органичному восприятию контента по причине его масс-культурного формата, человек поневоле оказывается жертвой подобных интерпретаций. Одним из наиболее резонансных примеров подобных интерпретаций в России стали сериал «Чернобыль» (производство Великобритании) и фильм «Смерть Сталина» (производство Великобритании, Франции, Бельгии, Канады, США).

В подобных условиях перед национальными государствами остро встает вопрос поиска сопоставимого ответа на оказываемое извне информационное воздействие на память и идентичность граждан. Политика памяти, таким образом, особенно в условиях кризиса идентичности, актуализируется в наибольшей степени. Различные подходы к решению данной задачи показали, что тотальный «железный занавес» не является лучшим решением проблемы, поскольку ведет к полной изоляции государства и, как следствие, серьезному отставанию от стремительно изменяющегося мира. Скорее речь должна идти о формировании своего рода «культурного фильтра» и производстве альтернативных продуктов культуры в рамках собственной традиции, соответствующей современным достижениям и подходам к их созданию. В текущих обстоятельствах у США как основного «двигателя» массовой культуры и информационного общества имеется серьезное преимущество и большой опыт, однако в текущих реалиях, учитывая доступность современных технологических средств, у национальных государств есть все возможности для производства альтернативных культурных продуктов.

Литература:

1. D. Crystal. Language Death. Cambridge: Cambridge University Press. 2000. - 271 p.
2. Гусейнов А. А. Глобальный этос как проблема // Этос глобального мира / сост. и ред. В. И. Толстых. М.: Восточная литература РАН. 1999. С. 3 – 21.
3. Кондаков И.В. - Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. М.: Прогресс-Традиция, 2011. – 1024 с.
4. Владимирова Д.А., Задворная Е.С. Межкультурный диалог России и Китая: культурная политика и репрезентация идентичности. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnyy-dialog-rossii-i-kitaya-kulturnaya-politika-i-reprezentatsiya-identichnosti> (дата обращения 30.12.2019). С. 38 – 43.
5. Макаров А.И. Историзм и теория коллективной памяти: методологические аспекты проблемы источниковедения // Вестник ВолГУ. Серия 7. Вып. 6. 2007. С. 163 – 166.
6. Жуков Д.С. Коллективная память: ключевые исследовательские проблемы и интерпретации феномена // Ineternum. 2013. № 1. С. 6 – 16.
7. Мокроусова Е.А. Философия «коллективной памяти»: проблема ускользания памяти // Всероссийский журнал научных публикаций. 2012. № 2. С. 58 – 60.
8. Bell Duncan S.A. Memory, Trauma and World Politics: Reflections on the Relationship Between Past and Present. New York: Palgrave. 2006. – 275 p.

Горизонты культурной памяти и исторические модусы настоящего

Сундуков Роман Владимирович

Нижегородский институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации (РАНХиГС), ст. преподаватель

r.sundukov@mail.ru

В сообщении обосновывается взгляд на ведущую роль культурно-исторических модусов настоящего в развитии исторического сознания и тесной связи исторического модуса настоящего той или иной эпохи истории с культурным конструктом горизонта социальной (культурной) памяти. С этой точки зрения элементарной конструкцией исторического сознания выступает модальность настоящего, тогда как привычная схема трех временных измерений оказывается вторичной и зависимой от культурной модели настоящего. Автор раскрывает методологические затруднения, препятствующие изучению горизонта культурной памяти и динамики темпоральных диспозиций в истории. Анализ архаического и современного модусов настоящего позволяет выявить в рамках макроисторического подхода смену долговременных предпосылочных структур истории и процесс развития медиативных способностей культурной памяти. Автор сближает функции культурной памяти и функции инстанции настоящего времени в развитии исторического сознания.

Ключевые слова: исторические модусы настоящего, культурная память, горизонт культурной памяти, макроисторический подход, современный модус настоящего, медиативные способности культурной памяти.

Horizons of Cultural Memory and Historical Modes of the Present. Sundukov Roman V.

Nizhny Novgorod Institute of Management, branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration / senior teacher.

The report substantiates the view on the leading role of the cultural and historical modes of the present in the development of historical consciousness and the close connection of the historical mode of the present of a particular era of history with the cultural construct of the horizon of social (cultural) memory. From this point of view, the modality of the present acts as an elementary construction of historical consciousness, while the usual scheme of three temporal dimensions turns out to be secondary and dependent on the cultural model of the present. The author reveals methodological difficulties that impede the study of the horizon of cultural memory and the dynamics of temporal dispositions in history. An analysis of the archaic and modern modes of the present allows us to identify, within the framework of the macrohistorical approach, a change in the long-term background structures of history and the process of development of the mediative abilities of cultural memory. The author brings together the functions of cultural memory and the functions of the authority of the present in the development of historical consciousness.

Keywords: historical modes of the present, cultural memory, horizon of cultural memory, macrohistorical approach, modern modus of the present, the mediative abilities of cultural memory.

Если среди элементов исторического сознания есть тот, который изменяясь сам, меняет наши представления об истории и времени, то это не модальности прошлого или будущего, а модальность настоящего. Вариативность исторических модусов настоящего как процесса и отличительного момента времени выступает весомым аргументом в пользу наличия у культурной памяти особой конструкции, выступающей ее собственным специфическим горизонтом. При этом открытость происходящего к изменениям исторического характера заведомо превышает уровень культурных конструктов и позволяет по аналогии с расшифровкой мертвых языков подступиться к «расшифрованной памяти». Тем удивительнее выглядит то, как сегодня политически однобоко заостряется тематика памяти вслед за разоблачением роли настоящего в новоевропейской репрезентации истории, будь то дискуссии вокруг

презентизма [1], критика корреляционизма (Кв. Мейясу [2]) или коррекция темпорального режима Модерна (А. Ассман [3]). Представление о перформативном характере временных различий приводит современную теорию исторического опыта к сомнению в нейтральности времени как медиума истории (Б. Бевернаж, К. Лоренц [4]).

Этот взгляд значительно расходится с общепринятой разметкой эпохальных изменений исторического сознания, по которой древность обращена к прошлому как «золотому веку» и стремится воспроизвести прошлое как залог истинности в девальвированном настоящем, а Новое время, напротив, устремлено в будущее и не успевает прожить настоящее, настолько общество торопится достигнуть совершенного состояния. Ф. Артог говорит о трех «режимах историчности», последним из которых и самым трудным для анализа, выступает в современном историческом сознании ориентация на настоящее [5]. Прошлое в античном историческом сознании и будущее – в новоевропейском, действительно оказывались наиболее востребованными темами истории как познания, но из этого вовсе не следует, что эти темпоральные модальности были определяющими в историческом сознании различных эпох. Всякий раз это сознание зависело от модуса настоящего, историческая изменчивость которого оставалась в тени господствовавших представлений о всемирной истории, истоках и целях исторического пути цивилизаций и народов. Перемена модусов настоящего в истории остается неразличимой именно в пространстве определенной культурной памяти, конструкции ее горизонта, в которой действительность исторического модуса настоящего выступает само собой разумеющейся предпосылкой, а смысловое приращение связывается в большей степени с рецепцией/ретроспекцией прошлого или с представлением/перспективой будущего. Дело выглядит так, будто с эпохи неолита и архаики на протяжении последующей истории все три измерения сознания времени присутствовали в качестве хронологической топологии, зафиксированной в процессе передачи культурной традиции от поколения к поколению. Предполагать подобную изначальную трехчастность образа истории означает постулировать как объективно присущий любому процессу и истории в целом почерпнутый из коммуникативной памяти человека схематизм прошедших, текущих и предстоящих событий, который только постепенно выявлял в культуре и науке свое всеобъемлющее значение. Неравенство в таком подходе к культурам обнаруживает невозможность учесть специфику исторического сознания восточных культур, например древнего Китая, где вместо понятия времени мы находим понятия регулирующего чередования и модификации [6, 117-119]. Отказ от простой экстраполяции временных диспозиций повседневности на объективный процесс изменений мира дает неожиданно плодотворный результат в изучении культурных моделей времени. Более убедительной оказывается как раз самая простая и элементарная конструкция исторического сознания, в которой есть лишь одно измерение – «настоящее», допускающее различные формы бинарности. Изменение структуры функционирования в настоящем горизонта данного и открываемого нового пространства ведет к различным темпоральным моделям исторического процесса. Лучшим подтверждением значимости измерения настоящего для исторического сознания является актуальность культурной памяти и горизонтность сознания.

Понятие горизонта культурной памяти предполагает крупномасштабную структуру развивающейся культурной традиции и вместе с тем задает значимое многообразие процесса развития общества и культуры. Для того, чтобы выработать необходимый методологический подход к этому феномену следует рассмотреть ту область социально-исторического знания, которая остается вне поля зрения, с одной стороны, социальных философов и теоретизирующих историков, а с другой – антропологов и сторонников интеллектуальной истории. Для первых точка зрения историчности приводит к тому, что тотальность истории не поддается тематизации, и поэтому она корректируется универсальными теоретическими средствами, в т.ч. метаисторическими понятиями (Х. Уайт, Р. Козеллек). Сторонники интеллектуальной истории, напротив, испытывают недостаток исторического взгляда большего масштаба, т.е. такого анализа истории, который превышает границы привычной периодизации (эпохи, конкретные периоды истории и развития культуры). Подспорьем в этом случае служит подсказанная Г.-Г. Гадамером надежда на «слияние» «великого горизонта прошлого» и горизонта будущего новых поколений [7, 169]. По-видимому, во всех этих случаях эпистемологическим препятствием служит эффект двойного «слепого пятна», в силу которого ни предметно, ни методологически мы не можем эксплицировать проблему конструирования/преодоления горизонта культурной памяти. Мы не распознаем в качестве предмета особые долговременные структуры истории, макроисторические изменения, касающиеся, прежде всего, модуса настоящего. Тогда как выбор макроисторического подхода к феномену горизонтности исторического сознания и культурной памяти предоставляет

социальному познанию новые возможности анализа за пределами феноменологии горизонта восприятия и герменевтики горизонта культуры.

В архаическом сознании ранних цивилизаций и в «глобальных» проектах т.н. «осевого времени» единичное восприятие моментов и интервалов времени не соотносилось с абстрактными понятиями временных измерений. Ориентированный в мифологическом пространстве темпоральный опыт непосредственно соотносится с конкретной преобразовательной деятельностью членов сообщества, и поэтому выступает опытом совмещения временных и пространственных планов. В мифическом пространстве настоящее и прошлое, как и единичное и всеобщее неотделимы друг от друга, а нуминозная сущность божества действует каждый раз в особом отличном от других и выделенном границами священном месте [8, 166]. При этом дистанцирование мифологических событий друг от друга, в т.ч. миф о «начале» мира и культуры не отменяет «вертикальность» конструкции архаического модуса настоящего, отражающей поляризацию в сознании сакрального и профанного, одновременно пространственных и смысловых ориентиров, ценностной иерархии. Этому модусу настоящего присущи мифологемы «вечного возвращения» (М. Элиаде) и «вечного присутствия» (Гус Ди Зерига). Не принадлежащая человеку темпоральность исключает констатацию множественности событий и гомогенного потока времени.

Устанавливая непреодолимую границу между прошлым и настоящим общества и обращаясь к множественности причинно-следственных комплексов социального действия, которые допускают их бесконечное «проигрывание», новоевропейское историческое сознание по-новому акцентирует модальность настоящего. Настоящим при этом выступает не только отрезок времени, синхроничный наблюдению за событием, но и та часть прошлых событий, которая остается значимой для происходящего в настоящем. Интеллектуализация временных измерений была связана с перемещением внимания на акт высказывания о прошлом, позволявшим выделить черты вымысла в повествовании. Опыт риторической культуры Европы к Новому времени позволил сделать шаг от автономии нарративной системы и возможностей комбинирования временных аспектов действия в рассказе [9, 69] к обобщенной модели действия в настоящем, объективированной в научно-историческом отношении к прошлому. С одной стороны, это высвобождало конструируемое целое повествования, систему глагольных времен от референции к феноменологическому опыту времени, с другой – позволило философии плотную подойти к феноменологии «интенционального горизонта» (Э. Гуссерль) и к интуиции времени как длительности (А. Бергсон), которая обходится без будущего и выявляет роль памяти в настоящем [10, 155]. Вместе с тем, модерный модус настоящего экстраполирует на весь исторический процесс формы синтезирования его единства по модели «современности» и тем самым ограничивает медиативные способности социальной (культурной) памяти.

Культурная память обладает теми же качествами, что и переживаемое настоящее – обзорность референтной системы культурных смыслов, придающих целому настоящему мира границы и единственность; и мгновенность/одновременность, сближающая уникальное «теперь» конкретно-го воспоминания с «настоящим временем» перформанса [11, 230 и след.]. С развитием медийных возможностей социальной памяти измениться роль измерения настоящего в историческом сознании. Феномен соразделенного времени и смысла в историческом настоящем противостоит нейтральности объективного времени. Он обнаруживает свой политический смысл, формируя новые исторические горизонты и пространства соучастия и сотрудничества.

Литература

1. Савельева И.М., Полетаев А.В.. О пользе и вреде презентизма в историографии //»Цепь времен»: Проблемы исторического сознания. М.: ИВИ РАН, 2005, С. 63-88.
2. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности /Пер. с фр. Л. Медведевой. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
3. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна /Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 272 с.
4. Bevernage B., Lorenz C. Breaking up Time. Negotiating the Borders between Present, Past and Future //Studia della Storiografia. 2013. 63.1. P. 31-50.
5. Hartog F. Régimes d'historicité. Présentisme et expériences du temps. P. 2003.
6. Жюльен Ф. О «времени». Элементы философии «жить» /Пер. с фр. В.Г. Лысенко. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 280 с.
7. Kelley D.R. Horizons of Intellectual History: Retrospect, Circumspect, Prospect //Journal of the History of Ideas. Vol.48. № 1. 1987. P.143-169.

8. Хюбнер К. Рефлексия и саморефлексия метафизики/Пер. с нем. и примеч. И.Т. Касавина//Вопросы философии. 1993. №7. С.165-171.
9. Рикёр П. Время рассказ. Т.2. Конфигурация в вымышленном рассказе/Пер. с фр. М.; СПб.: Университетская книга. 2000. 224 с.
10. Гайдено П.П. Проблема времени в философии жизни//Антропология культуры. Вып.1. М.: ОГИ, 2002. С. 151-180.
11. Леман Х.-Т. Постдраматический театр/Пер. с нем. Н. Исаевой. М.: ABCdesign, 2013. 312 с.

Коллективная память: понятие и инструментарий исследования

Суханова Маргарита Иосифовна

Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), факультет политологии, заместитель декана, доцент кафедры истории политических учений, кандидат политических наук

soukhanova@gmail.com

Феномен памяти общества, поколений и групп описывается в современной науке целым спектром терминов: социальной, исторической, коллективной, культурной и иной памяти. На самом деле речь идет не об одном, а разнящихся понятиях. Понятие коллективной памяти ближе всего к термину политической памяти, поскольку более всего зависит от политического контекста, социальных отношений, информационного воздействия. Содержание коллективной памяти составляют как глубинные культурные установки, так и сконструированные мифологические образы. В качестве исследовательского инструментария для изучения коллективной памяти предлагается использовать концепцию уровней общественного сознания в комплексе с подходом А. Ассман трех измерений памяти. Использование данных инструментов позволит выяснить какие уровни сознания и измерения памяти участвуют в процессах формирования коллективной памяти.

Ключевые слова: коллективная память, нарративы, мифы, измерения памяти общественное сознание, уровни общественного сознания

Collective memory: the concept and tools of research.

Sukhanova Margarita I.

State Academic University for the Humanities (GAUGN), Faculty of Political Science, Department of History of political doctrines

The of memory of society phenomenon, generations and groups is described in modern science by a whole range of terms: social, historical, collective, cultural and other memory. In fact, we are not talking about one thing, but different concepts. The concept of collective memory is closest to the term political memory, since it depends most on the political context, social relations, and information impact. The content of collective memory consists of both deep cultural attitudes and constructed mythological images. As a research tool for studying collective memory, it is proposed to use the concept of levels of social consciousness in conjunction with the A. Assman's approach of the three dimensions of memory. Using these tools will allow you to find out what levels of consciousness and memory dimensions are involved in the processes of forming collective memory.

Keywords: Collective memory, narratives, myths, memory dimensions, public consciousness levels of public consciousness

«Настоящее дирижирует прошлым, словно музыкантами оркестра. Настоящему нужны именно такие звуки, а не другие. Поэтому прошлое кажется то ближе, то дальше. Оно то звучит, то умолкает. На настоящее воздействует лишь та часть прошлого, которая нужна, чтобы либо высветить это настоящее, либо затемнить его». Svevo I. Zeno Cosini. [1, с. 13].

Прежде чем анализировать интересующий нас феномен коллективной памяти необходимо сориентироваться в спектре используемых определений. Для обозначения манифестации реконструированного прошлого в общественном сознании исследователями используется ряд терминов: социальная память, коммуникативная память, институциональная память, оперативная память, коллективная память, историческая память, политическая память, культурная память и другие.

Подробный обзор и интерпретацию названных терминов можно найти в работах Алейды Ассман [1] и Ольги Юрьевны Малиновой [3].

Наиболее общее из перечисленных понятий, социальная память – элемент общественного сознания, формирующий отношение к прошлому и «ритмизирующий временной опыт общества» [1,

с. 22]. Родоначальник исследований социальной памяти французский социолог Морис Хальбвакс, говорил о том, что индивидуальная память всегда опирается на социальный фундамент. Формирование памяти – социальный процесс, включающий в себя сочетание индивидуальных переживаний и коллективного-группового структурирования [2]. Карл Мангейм, которого А. Ассман также относит к основоположникам исследований социальной памяти, большое значение придавал памяти поколений, считал, что «каждый человек формируется под воздействием ключевых исторических событий своего времени независимо от того, разделяет он или нет с другими представителями своей возрастной когорты те или иные убеждения, установки, мировоззренческие взгляды, социальные ценности и культурные парадигмы» [1, с. 23]. Динамика памяти общества во многом определяется сменой поколений. [1, с. 24]. Ассман называет этот вид памяти «оперативной памятью общества», поскольку для нее характерна ограниченность социального горизонта. [1, с. 25]. Оперативная память опирается на непосредственное общение, поэтому Ассман называет ее также коммуникативной памятью, которая «возникает в среде пространственной близости, регулярной интерактивности, сходного образа жизни и совместных воспоминаний» [1, с. 22]

Историческая память, которую Кэролин Бойд понимает как форму социальной памяти, представляет концепт, в котором группа «селективно конструирует свои представления о воображаемом прошлом» [3, с.100]. Как и представляющие ее группы историческая память конкурентно-плюралистична и ориентирована на выполнение определенных социальных и политических задач. «Воссозданные в общественном сознании образы - прошлого дают данной группе возможность представить свою историю - происхождение и развитие, - что, в свою очередь, позволяет этому сообществу узнавать себя в череде столетий» [4, с. 11]. Ричард Лебоу разделяет два вида исторической памяти: динамически формирующуюся – коллективную память и навязываемую институтами государства – институционализированную память [3, с.99]. Культурная память обеспечивает коммуникацию во временной протяженности, за пределами срока человеческой жизни, формирует идентичность [1, 61].

По мнению Сьюзен Зонтаг, коллективная память является условностью, результатом конвенции. Исследователь заменяет понятие память понятием идеология. «Идеологии создают целые архивы образов, помещая в них, как в капсулы, наши представления о важном, значимом и порождая тем самым циркуляцию в обществе весьма предсказуемых идей и впечатлений. То, что в политизированные 1960-е и 1970-е годы именовалось «мифами» и «идеологиями», подпадает с начала 1990-х годов под категорию коллективной памяти» [1, с. 27].

Ввиду неопределенности понятие коллективной памяти А. Ассман заменяет его понятиями социальной и политической или национальной памяти. Мы будем пользоваться устоявшимся термином «коллективная память», поддерживая при этом мнение Ассман, что возможна замена его термином «политическая память» наиболее точно отражающим содержание данного феномена.

Установки коллективной памяти формируются в общественно-политическом контексте настоящего. «Воспоминание в весьма значительной мере является реконструкцией прошлого при помощи данных, полученных в настоящем, и к тому же подготовленной предшествующими реконструкциями, которые уже сильно видоизменили прежнюю картину», - пишет М. Хальбвакс [2]. Коллективная память является атрибутом определённого сообщества людей: от некоей ограниченной группы до сообщества граждан страны – нации. Она имеет свои способы формирования, сохранения и репрезентации. Пьер Нора относит к ним так называемые «места памяти – где память кристаллизуется и находит себе убежище»: символы, ритуалы, праздники, и т.д. [5].

Важнейшим свойством коллективной памяти является упрощение, считает Питер Новик, событие видится в перспективе групповых интересов, она не терпит однозначности, редуцирует событие до «мифических архитипов», коллективная память «превращает ментальные образы в иконы, а нарративы становятся мифами, важнейшими свойствами которых являются убедительная сила и мощное аффективное воздействие» [1, с. 38]. Миф в данном контексте воспринимается не как искажение или обман, а как взгляд на историческое событие сквозь призму идентичности, «аффективное усвоение собственной истории» [1, с. 39]. Мифологические образы коллективной памяти являются «реконструкцией прошлого», находятся под воздействием общественно-политического контекста настоящего, окрашены индивидуальным восприятием, особенностями взаимодействия в современном информационном пространстве

Основная исследовательская проблема в работе с «коллективной памятью» состоит в особой сложности задачи фиксации перехода от индивидуальной памяти к коллективной. А. Ассман предлагает

подход, который может значительно облегчить данную задачу [1]. Исследователь выделяет три измерения (уровня) памяти: нейронное, социальное и культурное, в каждом из которых взаимодействуют три фактора: носитель, среда и опора. Первый уровень представляет собой нейронную сеть, второй – коммуникативную сеть, социальную конструкцию, третий – символические медиаторы, коллективную символическую конструкцию. «Если социальная память является скоординированной памятью отдельных индивидов, что обеспечивается их совместным проживанием, речевой коммуникацией и дискурсами, то коллективная и культурная память основываются на ресурсе опыта и знаний, который отделяется от живых носителей и переходит на материальные информационные носители» [1, с. 32].

Автору представляется продуктивным использование метода трех измерений памяти А. Ассман в комплексе с концепцией уровней общественного сознания [6] для исследования механизмов конструирования нарративов коллективной памяти. Уровни сознания корреспондируют с уровнями памяти, анализируя воздействие на тот или иной уровень, возможно оценить работу того или иного измерений памяти.

Задачей исследования является выяснить как политические акторы «актуализируют прошлое» [7], конструируют мифы [8, 9], занимающие центральное место в инфраструктуре коллективной памяти. Происходящие события важны не сами по себе, а то, чем они становятся, какой след и смыслы формируются [10, с. 44.].

Формирующиеся и меняющиеся смыслы зависят от политического контекста, социальных отношений, символических культурных практик, социализирующих факторов, информационных потоков.

Особая роль в формировании следа в памяти, конструирования смысла события принадлежит СМИ. П. Нора говорит о монополии медиа на историю, как феномене наших дней [10, с. 43]. Информационное воздействие приходится в основном на поверхностный уровень сознания, на социальное измерение памяти, ее коммуникативную сеть памяти. Информационные потоки формируют устойчивые нарративы, которые в свою очередь отражаются на характеристиках глубинных структур сознания – второй уровень: ценностные ориентации и культурные установки – культурное измерение памяти.

В качестве примера динамического следа события можно привести изменение оценок пакта «Молотова-Риббентропа» в российских учебниках истории 1980-х - 2000-х годов. Имевшая место «починка нарратива», по распространённому в политических практиках исторической политики шаблону «изгнания внешнего врага», определялась как изменением политического тренда, так и культурными инструментами, задействующими глубинную коллективную память [3, 107].

Другим примером может служить мониторинговое исследование Левада-Центра «Великая отечественная война». Оценки респондентов относительно причин поражений Красной армии в первые месяцы войны серьезно изменились за десятилетие с 2005 по 2015 год, существенно снизилась число респондентов критически оценивающих готовность армии к войне [11]. Данный тренд коррелирует с ростом положительных оценок роли и личности Сталина. Даже значительно отстоящие от времени события могут менять смысловой след в коллективной памяти.

В дальнейшем автор ставит задачу проследить формирование «исторических мифов», исследовать технологии внедрения мифов в общественное сознание, комбинируя подходы измерений памяти и уровней сознания. На основе вторичного анализа данных социологических исследований предполагается оценить соотношение сконструированных в последнее десятилетие мифов, устоявшихся нарративов и индивидуальных восприятий в структуре коллективной памяти.

Литература

1. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. – Москва, 2014 – С.17. Там же, С.17-18.
2. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. No 2-3. С.8-27 // Режим доступа <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html>, свободный.
3. Малинова О.Ю. Консолидация политических сообществ и проблема «неудобного прошлого»: опыт Европы и Азии. (Реферативный обзор) // Метод: Московский ежегодник трудов из общественных дисциплин. С.99-108.
4. Яель З. Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти. Москва, 2011. С.11.
5. Нора П. Проблематика мест памяти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html>, свободный.

6. Суханова М. И. Концепция структуры общественного сознания как инструмент анализа массового политического сознания // Политическая наука. 2017, — No1, — с. 38-58
7. Малинова О.Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа. Полития. No4, 2017, С.6-22
8. Гигаури Д.И. Гуторов В.А. Политический миф в структуре исторической памяти. Вестн. Моск. Ун-та. Се. 12. Политические науки. 2017, No2. С. 24-45
9. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. – 668 с.
10. Федорова М.М. Событие: современные подходы к формированию понятия. // Вопросы философии. 2019. No6. С 40-49.
11. <https://www.levada.ru/2015/04/29/velikaya-otechestvennaya-vojna/>

Конструирование и реальность памяти в информационную эпоху

Труфанова Елена Олеговна

Институт философии РАН, ведущий научный сотрудник; Государственный академический университет гуманитарных наук, профессор. Доктор философских наук

eltrufanova@gmail.com

Противопоставляется локковское представление о памяти как надежном неоспоримом ресурсе знаний человека о самом себе и более поздние представления о памяти как изменчивой структуре и о воспоминаниях, которые выступают как результат сознательного или бессознательного конструирования. Обосновывается, что несмотря на возможность конструирования воспоминаний (в т.ч. – создания ложных воспоминаний), наше настоящее находится, по выражению А. Ассман, в «тени прошлого», т.е. существуют пределы конструирования для воспоминаний, которые устанавливаются реальностью прошлого. Демонстрируется, что индивидуальная и коллективная память человека находятся сейчас в ситуации трансформирования, поскольку большое количество информационных потоков создает чрезмерную нагрузку на память. Это не только воздействует на индивидуальные когнитивные возможности индивида, но и позволяет конструировать множество локальных коллективных памяти разных социальных групп, которые вступают в конфликт друг с другом. В качестве одного из главных способов примирения подобных конфликтов памяти предлагается рассматривать обращение к историческому знанию.

Ключевые слова: идентичность, коллективная память, индивидуальная память, информационное перенасыщение, ложное воспоминание, воспоминание, конструирование, реальность

Construction and reality of memory in the information age.

Trufanova E.O.

RAS Institute of Philosophy; State Academic University for the Humanities

Lockean view of memory as a reliable and undoubtable resource of the person's knowledge about oneself is contrasted with the later view of memory as a volatile structure and of remembrances that are seen as a result of conscious or unconscious construction. It is shown that despite the possibility of construction of the remembrances (and even creation of false remembrances) our present lies "in the shadow of the past" (using the words of A. Assmann), which means that there are limits to this construction that are set by the reality of the past. It is shown that individual and collective memory are now in the situation of transformation, because a big number of information streams creates an excessive load on memory. It does not only influence the individual cognitive abilities, but it also contributes to creating of the multiple local collective memories of different social groups, that come into conflict with each other. The appeal to historical knowledge can be seen as one of the main ways of reconciliation of these conflicting memories.

Keywords: identity, collective memory, individual memory, information oversaturation, false memory, remembrance, construction, reality

¹ Как верно замечает одна из известных современных исследовательниц памяти А. Ассман, Джон Локк видел память как неоспоримый ресурс, который прозрачен для самого себя и несомненен [1]. В этом смысле представления о памяти у Локка коррелируют с классическим подходом к Я, характерным для нововременной европейской философии. Как показывает В.А. Лекторский, выделяя этот подход, в качестве основной черты его мы можем рассматривать абсолютную прозрачность Я для самого себя и самодостоверность [2]. Для классического Я нет бессознательного, нет «подводных камней», нет сомнений в том, что я знаю о самом себе. Также и память может в рамках этой позиции казаться постоянной и несомненной, именно поэтому память является у Локка неоспоримой основой

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00371) «Проблема коллективной памяти в эпистемологическом и политико-культурном измерении».

личностной идентичности. Однако, как это многократно показывали более поздние исследования, память в разные моменты времени различна, разные ситуации катализируют то одни воспоминания, то другие, а некоторые из воспоминаний могут исчезать из нашей памяти, казалось бы, бесследно, но затем внезапно возвращаться спустя десятилетия. Поэтому память представляется динамичной, изменчивой структурой, сотканной из различных воспоминаний, находящихся в «мерцающем» состоянии (одни воспоминания «вспыхивают», другие гаснут, затем «вспыхивают» вновь).

Еще в XVIII в. шотландский философ Томас Рейд критикует локковские представления о памяти, как основе идентичности, предлагая аргумент о солдате. Молодой новобранец помнит, как его, когда он был мальчишкой, высекли за кражу яблок. Таким образом, юноша и мальчик идентифицируются как одна личность. Постаревший солдат, ставший генералом, помнит себя молодым новобранцем, но уже не помнит себя мальчишкой, которого высекли из-за яблок. Таким образом, возникает парадокс, и генерал одновременно является тем мальчишкой, которого высекли (поскольку он идентифицируется с новобранцем, который помнит себя мальчишкой) и не является (поскольку сам он себя мальчишкой не помнит) [3]. Этот аргумент подчеркивает непостоянство нашей памяти с тем, чтобы показать, что она не может быть основой для тождества личности. И, хотя аргумент Рейда, как мне представляется, недостаточно убедительно опровергает ключевую роль памяти в качестве основания личностной идентичности, то он тем не менее демонстрирует, что память вариативна, и нет единой монолитной версии памяти, которая сопровождала бы нас в каждый момент времени. Подобная вариативность памяти не является, впрочем, проблемой сама по себе, но она дает повод говорить о том, что воспоминания во многом являются результатом конструирования.

Многие исследователи говорят о памяти, как о конструировании прошлого с помощью настоящего. Один из ключевых авторов в области исследований коллективной памяти М. Хальбвакс говорит о воспоминаниях, как о работе по преобразованию прошлого [4], близкие по духу идеи о зависимости прошлого от настоящего высказывают и Дж.Г. Мид, и Ж.-П. Сартр. Этой позиции противопоставляется А. Ассман, настаивая, что «мы живем в тени прошлого, которое по-разному воздействует на настоящее, беспокоя и тревожа следующие поколения эмоциональными диссонансами и моральными дилеммами» [1, с.96]. Ассман пишет о коллективной памяти, но и индивидуальная память также находится «в тени» прошлого индивида: это, в частности, хорошо демонстрируют психоаналитические исследования «вытесненных» воспоминаний – сами подобные воспоминания, не являясь актуализированными, осознанными, тем не менее оказывают воздействие на сознание и самосознание индивида в его настоящем. Тем не менее, можно возразить, что воспоминания бывают ложными (известный пример подобных ложных воспоминаний приводит Ж. Пиаже): полученное извне знание о каком-то событии, якобы произошедшем в нашей жизни, создает у нас иллюзию того, что мы сами помним это событие, тогда как его, возможно, не было вовсе. Эта проблема соотношения реального и сконструированного в воспоминаниях становится все более актуальной в связи с теми новыми условиями, в которых сейчас оказывается человек.

Современная эпоха становится эпохой трансформации памяти, как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях. Эти трансформации связаны с тем, что память современного человека, живущего в ситуации информационного перенасыщения, перестает быть в состоянии вместить в себя все многообразие постоянно возникающих новых информационных раздражителей. В этом хаосе становится затруднительным фиксировать в памяти важное и отфильтровывать второстепенное. Это касается и кратковременной (т.н. активной) памяти, которой занимаются преимущественно психологи и когнитивные ученые, но это накладывает отпечаток и на долговременную память, которая обеспечивает связность индивидуальной биографии. От того, что именно будет запомнено, а что отсеяно, зависит дальнейшее развитие личности, поэтому подобная информационная перегрузка может являться одной из причин неустойчивости личностной идентичности и ее кризисов.

Это в особенности актуально для коллективной памяти, поэтому не случайно, что возникшая в 1980-ые гг. область исследований *memory studies* получает особенную популярность в последние десятилетия, характеризующиеся «взрывом» информационных технологий. Коллективная память зафиксирована в артефактах, социальных стереотипах и привычках, идеологемах и т.д. Современная пролиферация информационных потоков и информационных ресурсов приводит к умножению версий коллективной памяти, возникновению множества *памятей*. Особенную сложность составляет специфика современной информационной среды: она наполнена «фейками», заведомо ложной информацией, с которой с легкостью может соседствовать истина, которую однако никто не заметит, потому

что критериев ее отличия от «фейков» найти не удалось. Так, «фейковая» информация может воздействовать на уже существующие воспоминания, трансформируя их, или создавать новые ложные воспоминания. Поскольку «сенсационная» информация в современных СМИ обладает способностью «вирусного» распространения, она доносится до большей части населения и становится частью обычного коллективного сознания, попадая затем в коллективную память.

Разумеется, коллективная память никогда не была однородной – сложно говорить о коллективной памяти, к примеру, населения страны в целом – она всегда состояла из памяти разных социальных групп, абсолютная однородность коллективной памяти возможна только в качестве идеологической пропаганды. Современная ситуация позволяет лучше самовыразиться разным социальным группам, даже самым небольшим, зафиксировав их локальные памяти. В эпистемологии возникает представление о локальных эпистемологиях, системах знаний о мире, характерных для разных социальных групп, и связанных с подобными различиями в коллективной памяти. Современные технические и коммуникационные средства позволяют наиболее эффективно оформлять эти коллективные воспоминания, устанавливая внутригрупповые связи даже для пространственно удаленных друг от друга людей с помощью цифровых социальных сетей и т.п. Одновременно с этим многообразие возникающих памяти создает многообразие конфликтующих миров прошлого, а возможность примирения этих конфликтов стремительно снижается. Эта ситуация поддерживается возможностью конструирования воспоминаний, которая может служить формированию коллективных памяти там, где они изначально отсутствовали. Одним из основных путей к примирению этих конфликтов, как представляется, может стать обращение к историческому знанию, которое пытается преодолеть рамки локальных памяти и представить прошлое как «ничейную землю», свободную от искажающих воспоминаний каждой из социальных групп. Именно на эту «ничейную землю» и падает «тень прошлого», которая не позволяет памяти стать чем угодно и, в каком-то смысле, возвращает нас к реальности.

Литература

1. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛЮ, 2014. 328 с.
2. Лекторский В.А. Я // Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С.173-184.
3. Reid T. Essays on the intellectual power of man. Edinburgh: Bell & Robinson, 1795.
4. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.

Федорова Мария Михайловна

Институт философии РАН, главный научный сотрудник; Государственный университет гуманитарных наук, декан факультета политологии. Доктор политических наук

mf57@yandex.ru

Рассматриваются основные причины повышенного интереса к мемориальной проблематике в современном обществе (и формирования на этой основе политики памяти или исторической политики), которые связаны как с кризисом исторического сознания эпохи Модерна, так и с оборотной стороной глобализационной логики – идентификационными процессами. Высказывается утверждение, что проблема исторической памяти артикулируется с не менее важной проблемой забвения, которое может выступать условием как памяти, так и самой истории. Анализируются определения понятия забвения и типология форм забвения. Показывается, что забвение, подобно памяти, способно выполнять политические функции в обществе, причем роль забвения далеко не всегда имеет негативные последствия для социума. Выявляется соотношение забвения и прощения и их роль в разрешении социально-политических конфликтов.

Ключевые слова: коллективная память, историческое сознание, политика памяти, забвение, прощение

**Memory and oblivion.
Fedorova Maria M.**

RAS Institute of Philosophy, State Academic University for the Humanities

The main reasons for the increased interest in memorial issues in modern society (and the formation on this basis of a memory policy or historical policy) are considered, which are associated both with the crisis of historical consciousness of the Modern era and with the flip side of globalization logic - identification processes. It is argued that the problem of historical memory is articulated with an equally important problem of oblivion, which can be a condition of both memory and history itself. The definitions of the concept of oblivion and the typology of forms of oblivion are analyzed. It is shown that oblivion, like memory, is capable of fulfilling political functions in society, and the role of oblivion does not always have negative consequences for society. The correlation of oblivion and forgiveness and their role in resolving socio-political conflicts is revealed.

Keywords: collective memory, historical consciousness, politics of memory, oblivion, forgiveness

¹ На рубеже XX-XXI вв. современное общество вступило в период развития, характеризующийся усилением идентификационных процессов как реакция на процессы глобализационные, что привело к повышенному интересу к истории, без которой невозможна самоидентификация коллективного субъекта. Возрастанию этого интереса, с другой стороны, способствовал и кризис исторического сознания Модерна, выразившийся, в частности, в ослаблении проективной функции общественно-исторического сознания и формировании нового режима историчности. На символическом уровне это выразилось в формировании концепций – подчас противоречащих друг другу – «эпохи пустоты», «конца истории», «презентизма» и т.п. В идеологическом отношении данная ситуация соответствовала укреплению консервативных направлений во всем их многообразии. В этих условиях история оказалась вовлечена в политические процессы (возникновение исторической политики) и на нее были возложены новая ответственность: сохраняя свои критические функции, история должна бороться против несправедливостей, разоблачать преступления прошлого, участвовать в примирении политических противоречий как внутри общественного целого, так и на межгосударственном уровне. Эта ситуация

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00371) «Проблема коллективной памяти в эпистемологическом и культурно-политическом измерениях».

усугубляется тем, что сегодня, в настоящем, лишенном всяких реперных точек и устойчивости, открытом для различных возможных интерпретаций, история пишется для непредвиденного будущего, в отсутствии самой идеи, как изменить мир на основе некоего фундаментального проекта.

Вся совокупность этих фактов (характеризуемых известным французским историком Пьером Нора как «момент-память») поставила целый ряд вопросов не просто теоретико-методологического, но собственно философского характера, вопросов, касающихся нового отношения к прошлому и нашей истории и ставших предметом самых ожесточенных дискуссий на рубеже столетий. В ходе этих дискуссий, заслугой которых можно считать выделение мемориального предмета в качестве специфического предмета социальных наук, были определены три модуса отношения человека к его прошлому: история, память и забвение.

Если разделение истории и памяти (осуществленное еще в начале XX в. французским социологом Морисом Хальбваксом) в последнее время достаточно широко обсуждалось как в западном, так и в отечественном обществоведении, то проблема забвения как особого отношения человека к прошлому до сих пор остается как бы в тени жарких баталий, связанных с процессами мемориализации и патримонизации. Между тем забвение – не просто оборотная сторона памяти, темная сторона отсутствия/присутствия прошлого в нашей жизни; это не только препятствие для «историографической операции»; забвение – это условие и памяти, и истории. Ведь невозможно помнить все, невозможно мышление без забвения, поскольку мышление всегда селективно, оно всегда производит отбор, выстраивает иерархии, выдвигая что-то на первый план и забывая о другом.

В данном случае мы кратко остановимся на двух аспектах проблемы забвения. Это, во-первых, определение понятия и, во-вторых, типы и формы этого феномена.

П. Рикер говорит о забвении как о «символе исторического состояния» и «внушающей опасения угрозе, которая вырисовывается на заднем плане феноменологии памяти и эпистемологии истории» [1, с. 573]. В своем определении забвения опирается на целый ряд моментов. Это, во-первых, философская традиция (прежде всего А. Бергсон), во-вторых, идеи психоанализа и, наконец, достижения современных нейронаук. В самом общем виде забвение есть стирание следов Идея, берущая начало в классической традиции Платона и Аристотеля) – следов письменных, запечатленных в документах, следов-впечатлений или церебральных следов. Кроме того он исходит из такого понимания времени, в котором настоящее содержит в себе прошлое (прошлое как бывшее и прошлое как минувшее, которые онтологически неравнозначны). Это дает ему основание говорить о забвении не только как о стирании следов, но и как о резерве (Ф. Ницше, А. Бергсон), в котором следы смогут рано или поздно стать доступными. Поэтому и забвение в его понимании двойственно: это и минувшее прошлое, и прошлое, пребывающее с нами.

В современной философии и историографии существует несколько схем и классификаций форм и типов забвения, тесно связанных с формами и типами коллективной памяти. Это и классификация М. Оже [2] (на которую часто ссылается П. Рикер), и размышления о формах забвения французского историка М. Ферро [3], и «четыре типа забвения» Ф. Анкерсмита [4], и др. Однако в последние десятилетия в связи с развитием мемориальных практик, зачастую выливающихся в настоящие «мемориальные войны», интерес обществоведов направлен в первую очередь не на то, что Рикер называет «хорошей памятью», для которой «верность прошлому является не данностью, а обетом» [1, с. 686], а на ту разновидность забвения (и соответственно памяти), которая связана с различными манипуляциями в идеологических и политических целях.

Разумеется, рикеровская дихотомия «хорошей» и «плохой» памяти и соответственно «хорошего» и «плохого» забвения весьма условна и никоим образом не связана с простым морализаторством. И здесь, на наш взгляд следует учитывать целый ряд моментов.

Во-первых, забвение действительно выполняет (и всегда выполняло) определенные политические функции, прежде всего функции легитимации существующей власти и существующего порядка. В этом случае забвение или молчание порождается историческими институтами, работой историков и идеологов. Классическим примером здесь является случай забвения, забытый самой историей: легитимность папской власти основывалась на замалчивании обмана, связанного с такими историческими документами, как Константинов дар, подложный характер которого была раскрыт еще в XV в. Лоренцо Валла, или Псевдоисидоровы декреталии, чья подлинность была поставлена под сомнение в эпоху Реформации итальянским гуманистом Франческо Турриано, причем эти

открытия итальянских гуманистов длительной время замалчивались Римской католической церковью. Определенный тип прочтения истории, затемняющий или «забывающий» факты, противоречащие официальной версии истории, был характерен и для советского периода, когда власть идентифицировала себя с движением истории, а партия обладала монополией на исторический дискурс. Считалось, что партия обладает властью только потому, что существует необходимое соответствие между ее деятельностью и объективным историческим развитием. Создавалась парадоксальная ситуация, при которой для того, чтобы подогнать историю под догматически толкуемую реальность, сама история и историческая память оказались уничтоженными. Не случайно поэтому во всех протестных движениях заката советской эпохи очень остро стоял вопрос о праве на историю, свободную от забвения, о ликвидации «белых пятен» или «черных дыр», отчетливо звучала тема обретения исторической памяти и свободного доступа к прошлому своей страны как условие конструирования демократической субъективности, резко контрастирующие с темами меланхолической усталости от Истории в конце XX в. на Западе.

Во-вторых, следует помнить, что забвение не всегда бывает сознательной и намеренной операцией. Речь идет о ситуациях с болезненной, травматической памятью, чаще всего связанной с тяжелыми насильственными событиями, которые имеются в жизни практически каждого народа, каждого государства – войны, крестовые походы, массовые уничтожения людей во время насильственных переселений или репрессий. Роль историка здесь не связана с защитой им тех или иных идеологических позиций и установок; он включен в общество и вместе с ним стремится к бессознательному вытеснению травмирующего опыта. В качестве одного из путей решения этой проблемы можно указать на принадлежащую В. Беньямину идею создания «многоголосой истории», в которой слово было бы предоставлено не только «победителям», но и «побежденным».

В-третьих, укажем еще один момент, касающийся проблемы забвения. Он связан с переживаемым опытом кардинальной смены социально-политической системы, переживаемым обычно очень болезненно большинством людей. «Вхождение в это новый мир, – пишет об это опыте Ф. Анкерсмит, – автоматически означает отказ от прежнего мира, «мира,.. который мы потеряли навсегда». И забвение здесь всегда является условием обретения новой идентичности» [4, с. 442].

Наконец, в-четвертых, это вопрос, касающийся самих основ человеческого общежития, и в силу этого имеющий не только моральный, но и политический характер, – вопрос о соотношении забвения и прощения. И прощение, и забвение суть форму освобождения от прошлого. Однако, в то время как забвение стирает следы прошлого, прощение принимает прошлое в настоящее.

Литература

1. Рикер П. История, память, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 726 с.
2. Augé M. Formes de l'oubli. P.: Payot, 1998.
3. Ferro M. Les oublis de l'Histoire // Communications. 1989. № 49. P. 57-66.
4. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа. 2007.

Онтология войны и фронтовой памяти в экзистенции творчества писателей – участников Великой Отечественной войны

Хусаинова Айсылу Хамзеевна

БГПУ им. М.Акмиллы (Россия, Уфа). К.ф.н., доцент,

a_hah@mail.ru

События Великой Отечественной войны требуют особого «вживания» (Ф.Шлейермахер) «вчувствования» (В.Дильтей), экзистенциально-онтологического углубления в «карьер» (В.Быков) памяти писателей-фронтовиков. В «пограничной ситуации» войны они выстояли, выжили, «шкурой, кровью, жизнью постигли ее тонкость» (В.Быков), глубоко проникли в смысл, в суть и «вписали» ее в индивидуальную и коллективную память поколения «сороковых роковых». Конкретность истины событий 1941-1945 гг., «окопная правда» бойцов отражена в военной летописи, в искусстве слова писателей-фронтовиков – это статьи, очерки, заметки, рассказы, мемуары, воспоминания К.Симонова, В.Субботина, В.Кондратьева, Ю.Друниной, М.Карима, которые навсегда вошли в пантеон святых воинов, увековечивших величие и смысл Великой войны за Отечество.

Ключевые слова: память, война, советская литература

Ontology of war and front-line memory in the existence of the writers - participants of the Great Patriotic War. **Khusainova Aisylo H.**

BSPU named after M.Akmulla (Russia, Ufa)

The events of the Great Patriotic War require a special “survival” (F. Schleiermacher) of “feeling” (W. Dilthey), an existential ontological deepening in the “quarry” (V. Bykov) of the memory of front-line writers. In the “borderline situation” of the war, they survived, survived, “in the skin, blood, life, comprehended its subtlety” (V. Bykov), penetrated deeply into the meaning, essence and “inscribed” it into the individual and collective memory of the generation of the “forties”. The concreteness of the truth of the events of 1941-1945, the “trench truth» of the fighters is reflected in the military annals, in the art the words of front-line writers are articles, essays, notes, stories, memoirs, memoirs of K. Simonov, V. Subbotin, V. Kondratiev, Y. Drunina, M. Karima, who forever entered the pantheon of holy warriors, perpetuating the greatness and meaning of the Great War for the Fatherland.

Keywords: memory, war, Soviet literature

«Никто не забыт, ничто не забыто».

О.Берггольд

«Эпоха закончилась, и надо ее описать» - писал поэт-фронтовик Б.Слуцкий. 2020 г. - это год 75-летия Победы в Великой Отечественной войне Советского Союза над фашистской Германией и окончания Второй мировой войны, неоднозначная оценка итогов которых приобретает особую актуальность в начале XXI в., т.к. продолжается попытка пересмотра оборонительной, освободительной войны советского народа против нацистских захватчиков. Но, как известно, еще XIX в. немецкий философ Э.Гуссерль пророчески изрек: «Истина как идеальное единство значений, усматриваемое в фактах, не исчезает вместе с фактами». В связи с этим злободневен «возврат к истокам» - к «истине идеального единства значений фактов» событий войны 1941-1945 гг., к летописи войны, к искусству слова писателей-фронтовиков, к экзистенциально-философским проблемам индивидуальной и коллективной памяти ее участников, водрузивших Знамя Победы над логовом Третьего рейха в мае 1945 г.

«У литературы свое собственное время, - считал Я.Парандовский, - оно не то, что передвигает стрелки на часах истории. Прошлое, настоящее, будущее в литературе текут общим единым потоком, увековеченное в письмо. Слово господствует над временем и пространством. Слово - сила»; слово,

язык - это «дом бытия» (М.Хайдеггер). Очевидно, для многих из поколения «сороковых роковых» война стала последним «обиталищем» в прямом и переносном смысле этого слова, где «хлебнули горяшка по ноздри и выше» (М.Шолохов). Поэтому трагическое бытие войны «как со-бытие» (М.Хайдеггер) требует глубокого «вживания» (Ф.Шлейермахер) «вчувствования» (В.Дильтей), «вчитывания», проникновения в «карьер» (В.Быков) памяти. Неслучайно в повести о «Карьер» устами ученого-фронтовика В.Быков утверждал: «Знаний о войне у вас хватает. Но вот атмосферы времени – это та тонкость, которую невозможно постичь логически. Это постигается шкурой. Кровью. Жизнью». Известно, что до реформы по фонетизации русского языка 1918 г., «знание» есть «вьдъние», которое расширяет метафизическую завесу бытия, раздвигает экзистенциальный посыл, пытается глубже проникнуть и постичь тонкость существующего, что позволяет заглянуть «за» потаенное, скрытое, «неизречимое». А «искусство - толмач неизречимого» (И.Гете), следовательно, искусство слово писателей-фронтовиков, кто «шкурой», «кровью», «жизнью» добывал Победу «ради жизни на земле» (А.Твардовский), является основным «тонким» фактическим материалом в экзистенциально-онтологическом осмыслении событий войны, «хранимым вечно» в памяти великого поколения 1941-1945 гг.

Трагические со-бытия войны, начавшиеся 22 июня 1941 года поставили вопрос об историческом выживании нашей страны, которая стала над бездной бытия и небытия, в «пограничной ситуации» (К.Ясперс) «или-или» (С.Кьеркегор). О драматических событиях первых часов начала войны известный поэт В.Субботин вспоминал: «В 41-м около 12-ти дня 22-го июня, я уже увидел немцев, увидел такими, какими они эти немцы тогда были. Было это в лесу под Бродами, и было мне 20 лет. Танки свои, лёгкие, вкопали мы наполовину в землю и заняли тут в этом лесу, в двух или трех километрах от города, от наших казарм, оборону. Вот так всё это было. Они (немцы – А.Х.)заскочили в распоряжении нашего выведенного в лес и занявшего оборону полка на мотоциклах. Я очень хорошо помню, что когда мы их захватили, ссадили их с этих мотоциклов, они нисколько не были напуганы. Им казалось, должно быть, что их и пальцем никто не посмеет тронуть...».

Военный корреспондент К.Симонов прибыл за Могилев к линии фронта к пятому дню войны – 27июня 1941 года: «То, что увидел, меня, казалось, состарило на несколько лет. Это все тогда пережили. Паника, неразбериха, дороги, заполненные беженцами, самолёты, поливающие людей свинцом с бреющего полёта. Казалось, небо рушится на землю». И вдруг, ночью в одном из полков дивизии, оборонявших Могилев, строгая встреча... Такой приём нас обрадовал. Я сразу почувствовал дисциплину, порядок, уверенность. И не ошибся. Всё это было в полку, которым командовал С.Ф. Кутепов». А утром гости увидели то, что сделано было за минувший день. Поле было покрыто подбитыми танками и бронемашинами. Это было первое свидетельство в те роковые дни: немецкие танки всё-таки подбивают. И с этим известием журналистам надо было спешить в Москву. Кутепов на прощание сказал: «Мы так уж решили тут между собой, что бы там кругом ни было, кто бы там ни отступал, а мы стоим вот тут, у Могилева, и будем стоять, пока живы». После войны на вопрос: «Что для вас было самым трудным на войне, как журналисту и как писателю?» Симонов ответил: «Уезжать от людей в критической для них ситуации. Они понимали, конечно, что корреспондент должен уехать, у него своя срочная задача, но я много раз видел: в критической обстановке уезжающих журналистов считают трусами.

И это было, конечно, больно». Писатель всю жизнь пронес в сердце ощущение боли и вины перед оставшимися на поле боя в июне 1941 г. у Могилева. В 1979 г., по завещанию, его прах развеяли над этим полем, и он навечно соединился с теми, кто пал смертью храбрых в начале событий войны. Камень у Могилева – память о человеке, чья жизнь была крепко связана с судьбой солдат кровавого 1941-го – с живыми и мёртвыми, навечно вошедших в летопись «священной войны» (В.Лебедев-Кумач) - в трилогию «Живые и мёртвые».

О живых и мертвых, о кровавых событиях в первый день на передовой с тоской и горечью незадолго до своей кончины вспоминал и писатель- фронтовик В.Кондратьев: «Для меня, испытавшего всё, самым страшным оказалось то, что я увидел в первый рассвет на передовой, трупы наших солдат и вид их ударил в сердце острой, не проходящей до сих пор болью... Душа не принимала..., и смерть для нас не превратилась в обычное, привычное, что будет всегда рядом, она была ещё каким-то таинством, а покойник – чем-то святым...».

Поэт-фронтовик Ю.Друнина о страшных событиях первых месяцев войны, врезавшихся в ее память, писала: «В конце сентября 1941 г. дивизия оказалась в кольце. Почему это произошло,

почему вообще началась катастрофа всеобщего отступления? У нас, окруженцев, не было времени задумываться – нужно было действовать. Меня спасло то, что я не отходила от комбата. В самом безнадежном, казалось бы, положении он повел батальон на прорыв. Двадцать три человека вырвались из окружения, и ушли в дремучие можайские леса. Про судьбу других не знаю... Через три года, на госпитальной койке, я напишу стихотворение о том, как происходил этот прорыв: «Я только раз видала рукопашный, // Раз – наяву и сотни раз – во сне. // Кто говорит, что на войне не страшно, // Тот ничего не знает о войне».

Война в основном – это тяжелая работа; и кроме мужества, требует силы, терпения, выносливости, считал народный поэт Башкортостана М.Карим, который попал на фронт весной 1942 г. в качестве начальника связи артдивизиона после Муромского военного училища. «В августе 1942 г., при наступлении вражеских танков был тяжело ранен в грудь. Осколком того же снаряда наповал убило моего товарища Фомина». После госпиталя в строевую часть его не командировали; он служил военным корреспондентом фронтовых газет «За честь Родины», «Советский воин» и др. О Победе Красной армии над фашистскими полчищами весной 1945 г. М.Карим вспоминал: «Когда нам объявили о капитуляции фашистской Германии, можете представить, какое ликование охватило всех. И вдруг один старый солдат упал на землю и забился в рыданиях. «Что с тобой?» - спросил я. «Сына моего убили!» - «Когда?» - «В сорок втором». Вот когда отец оплакивал сына. Он хоронил его второй раз. Теперь уже навсегда. В тот день, в тот миг, когда смерть была остановлена. Мы вдруг поняли цену утрат, цену жизни и содрогнулись. Нам еще предстояло осознать путь, какой мы прошли...»

«Прошлое нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что уходя, не унесло своих последствий», - утверждал известный русский историк В.Ключевский. Святое поколение «сороковых роковых», внесшее решающее изменение в ход событий Второй мировой войны 1939-1945 гг., совершившее исторический подвиг в Великой Отечественной войне 1941- 1945 гг., спасшее мир от фашизма, отстаившее свободу и независимость нашей Родины, сложившее голову, «положившее душу свою за друзей своих» (Евангелие, гл.15) навечно должно остаться в памяти благодарных потомков «Бессмертного полка» и всего прогрессивного человечества, ибо «Никто не забыт, ничто не забыто» (О.Берггольц).

Шулевский Николай Борисович

МГУ, Кафедра философии гуманитарных факультетов философского факультета, доктор философских наук, профессор

Shylevsk@mail.ru

Социокультурная и демографическая неустроенность России обусловлена плохим состоянием школы и образования. Ленин 1918 г. через два месяца после революции созвал Всероссийский съезд учителей, где заявил, что лишь трудовая политехническая школа оградит нас от войн, ликвидирует гнёт, эксплуататорское разделение труда, построит социализм. А. Макаренко творил школу в качестве самовозрождающейся нормы общества. И сама эволюция превращает социум в школу. Н. Моисеев утверждает, что учитель, а не политик, не военный, не инженер, становится центральной фигурой в истории сохранения человека. Школа и Образование — это родовая память, которая несёт в себе миры, ещё не помысленные, не осознанные, не воображаемые, разрешающие неразрешимое и невозможное. Пробуждение и актуализация родовой памяти России укрепляют её ум, волю, подсказывают решения, предохраняющие от бед. Однако наш мир совершает против школы и образования (вообще—против детей) постоянное преступление, вызывающее к возмездию. И метафизика бумеранга не дремлет!

Ключевые слова: школа, образование, память, человечность

**School and education - creation of demiurges of the patrimonial memory of Russia.
Shulevsky Nikolay B.**

Moscow State University, Department of Philosophy of the Faculty of Humanities, Faculty of Philosophy

The sociocultural and demographic disorder of Russia is due to the poor state of school and education. Lenin in 1918, two months after the revolution, convened the All-Russian Congress of Teachers, where he declared that only a labor polytechnic school would protect us from war, eliminate the oppression, the exploitative division of labor, and build socialism. A. Makarenko created the school as a self-reviving norm of society. And evolution itself turns society into a school. N. Moiseev claims that a teacher, not a politician, not a military man, not an engineer, becomes a central figure in the history of human preservation. School and Education is a patrimonial memory that bears in itself worlds that have not yet been conceived, not conscious, not imagined, that allow the insoluble and impossible. Awakening and updating the patrimonial memory of Russia strengthens its mind, will, prompts decisions that protect against troubles. However, our world commits a constant crime against retribution against school and education (generally against children). And the metaphysics of a boomerang does not sleep!

Keywords: school, education, memory, humanity

1. Школа и образование служат сегодня основными креативными факторами преодоления кризиса бытия, конструктивного преобразования России в информационный и технолого-цифровой социум. Уже сами учебно-образовательные программы служат телеологическим перводвигателем, демиургом Образа человечности, её родовой памяти.

2. Посему школу и образование нужно воспринимать не в узкоутилитарном плане, не как частные институты социума, а в них нужно видеть альфу и омегу общества и человека, их адекватный бытийный образ, основное орудие устроения справедливого социума, ибо по своей сути, функциям, целям, смыслам, творящим силам они представляют «первоклеточку» общества и человечности. И не общество имеет школу, а школа имеет общество, выступая источником и хранителем спасительной мудрости.

3. Школу и Учителя издревле все народы рассматривали в качестве мудрецов, знающих причины, законы, цели, смыслы бытия, человека. И не просто знающих, но и умеющих учить, передавать азы

мудрости другим людям. Аристотель отличал мудреца от многознаек, учёных, поэтов именно тем, что только мудрецы умеют учить, порождая новые познавательные умения. В Древнем Египте школа была эзотерическим институтом, куда даже фараоны допускались в виде исключения.

4. Именно школа и образование объединили людей в социум на основе учебных умений. Прашкола предшествует семье, которая, по словам Дж. Вико, возникла из знания божества, брачных и похоронных ритуалов, превративших природную связь полов в микрообщину. Школа предшествовала даже религиям, ибо она открыла самообразование, став первым учителем пророков, народов, веры, ума и сознания.

5. Материализм ошибочно выводил человечность, общество, его институты, идеологии из труда, не видя того, что даже рабскому, самому грубому труду всё же предшествуют какая-то учёба и знания, получаемые от учителя. Изобретение, изготовление орудий, сохранение подобных умений — это уже полноценная, хотя не всегда институциональная школа, И не труд создал человека и человечность, а школа и образование, возникшие вместе с людьми, создали сам труд.

6. Господствующие классы исказили человекотворческую суть школы и образования, превратив их в орудия эксплуатации и власти богатства. Просвещение завершило искажение школы и образования, сделав школу из органа смыслового света атеистическим опиумом юных душ, оправдывая это извращение нуждой во всеобщей грамотности и в подготовке рабочих профессий.

В СССР школа и образование частично заговорили своим голосом. Советская начальная и высшая школа вопреки догматам идеологии взрастила людей, быстро освоивших мировую науку, создавших научно-конструкторские школы. Но главное — советская школа взрастила героическую человечность, которая одолела профессиональных фашистов Европы своей моральной силой. В inferнальные 80-90 гг. XX в. либерально-криминальное разрушение СССР всё вернуло «на круги своя» и подлинная суть школы ушла в навь, быстро скатываясь в серость, формируя людей, неспособных познавать и понимать самих себя, решать проблемы своего бытия.

7. Но история работает на школу и образование, подрывая опоры богатства. Для Пифагора школа и образование были Посвящением в мудрость, которая-то и создала чудо — человечность. Но либералы того времени уничтожили школу Пифагора, её создателя, до смерти испугавшись царившей в ней справедливости. Военные школы Древнего Рима создали уникальную государственность — империю, спасавшую народы от кровавых междоусобиц. Христианские школы-общины быстро превратились в университеты, создавшие несколько цивилизаций. Средневековый строй был несправедливым, но университеты стали ростками справедливости, ибо допускали к образованию умы всех сословий. Школы иезуитов взрастили евронауку, создавшую промышленное общество. Трудовая политехническая школа СССР создала научный и военно-технический потенциал, разгромивший европейский фашизм.

8. Сегодня смысловым центром, целостной живой клеточкой России, институтом невозможных техноцифровых инноваций может быть только школа, ещё и ещё раз — школа. Ибо истоком невозможного являются школа и дети, ибо школа — это метафизический институт, посредством которого идёт великая смысловая война за метареальность чуда, за превращение невозможного в бытие. Поэтому школе немедленно нужно дать все наилучшее, что имеется в обществе, начиная от кадров и кончая оплатой учителей! Основные усилия и капиталы, высшие блага и достижения общества нужно направлять на возрождение и формирование социотворной школы, которая только и сможет породить субъекта инновационных экологических технологий. Школа — это не часть общества, а его первобытие, его оригинал, а образ-ование есть жизнетворный Образ смысла. А общество есть креативный образ и субстанциальное подобие школы, её творение. Поэтому нужно возрождение школы, охватывающей своей нравственной целостностью науку, технику, военное дело, религию. По сути, любая школа есть живой институциональный организм фантазии, творящей из смысловой материи новые виды бытия. И только школа породит такие формы сознания и ума, которые смогут преобразить Россию в новую реальность. И спасётся лишь тот, кто спасает детей, школу, образование!

9. Но положение современной школы в России катастрофическое, а детские муки превосходят картины дантовского Ада. Превращение детей в экспериментальный материал начинается в застенках медицины. В школе продолжается уродование детей, их растление через антиобучение (ЕГЭ) и антивоспитание, плодящее убийц и жертв. Процветают рынки детей, детская проституция и заброшенность. Социум обречён, если власть и СМИ будут гнобить школу, презирать образование, поощряя лишь обогащение. Давно известна криминально сущность денег, ибо они воруют жизнь, а жизнь

отвечает им взаимностью. Ведь люди работают не сколько нужно для жизни, а сколько требуют от них деньги. В современной России масса детей не имеют доступа к полноценной культуре и образованию, потребляя «гаджетные» знания и антикультуру. Этот «мыслящий пролетариат» не приемлет наличный социум, его управленцев. Но именно чистые умы детей могут стать движущей силой социального обновления России. Именно эти изгои демократии могут создать грядущие технологии спасения, ибо денежная паранойя губит творческие силы людей. Эпикур прав: недостаток необходимого возмещается избытком понимания. Новая реальность России придёт из фантазии наших детей и образования.

10. Все современные проблемы России имеют одну и ту же причину — ужасающее материальное, культурное, кадровое состояние школы, образования, учителей. Школу и образование увечат беспредельная алчность, порождающая искусственный примитив учебных программ. Сегодня школа, учителя, образование находятся в жалком состоянии по сравнению с торгово-развлекательными центрами, не обучая, а отучая детей от знаний. В России идёт скрытая гибридная война со школой, превращающая её в полукриминальное сообщество с вооружёнными надзирателями. А ведь нет другого способа, помимо учебно-образовательного воспитания, породить, сохранить человечность, покончить с античеловеческой жизнью.

В.И. Ленин, сразу же после революции, в январе 1918 году Ленин созвал Всероссийский съезд учителей, на котором сказал самые вещи свои слова: «Необходимо приложить все силы, энергию и знания, чтобы возможно скорее возвести здание нашей трудовой школы, которая одна лишь сумеет оградить нас в будущем от всяких мировых столкновений и боен, подобно той, что продолжается уже пятый год. ... Именно школа станет для нас основным средством ликвидации классового общества и эксплуатации, спасением общества от одичания, средством построения социализма» [1. 608, 609]. Революционеры же превратили школу в служанку партии, а Ленин на второй день после съезда получил в «награду» отравленные пули. Ведь если школа — это «ВСЁ», то что тогда делать революционерам?

12. Творчески-спасительная, судьбоносная роль школы и образования возрастает в силу умножения технической мощи людей и угрозы экологической катастрофы. И современная эволюция человечества превращает школу и образование в свои интегральные телеологические факторы, а экологическое спасение людей сегодня целиком зависит от качества, состояния и культурно-материального обеспечения образовательных институтов общества. И эволюции неотвратимо превратит социум в служебную часть школы и образования, а признание их субстанциально-субъектного статуса сегодня становится единственным условием самосохранения человечества. Это утверждение суть абсолютная первоаксиома истории, её видимо-невидимый перводвигатель. И абсолютно прав акад. Н.Н. Моисеев, утверждая, что «именно учитель, а не политик, военный или даже инженер, становится постепенно центральной фигурой «истории людей». Сегодня от учителя, в первую очередь, зависит не только судьба цивилизации, но и сохранение человека на планете. ... Вот почему учитель — центральная фигура системы «УЧИТЕЛЬ», а тот, кто передаёт эстафету знаний и культуры (особенно в минуты роковые), превращается в центральный персонаж разворачивающейся человеческой драмы» [2. 119]. Ибо Школа и Учитель несут в себе телеологию человека. Сегодня люди приближаются к опасной отметке исчерпания ресурсов Земли, а неотвратимый рост как необходимых, так и ненужных потребностей грозит неизвестной катастрофой. Возможно ли спасительное разрешение противоречия между ограниченными ресурсами Земли и безграничными потребностями людей? «На этот вопрос хотелось бы со всей определённостью ответить, что выход есть и главным действующим лицом в его реализации будет УЧИТЕЛЬ. Только система «УЧИТЕЛЬ» предлагает ту систему знаний и нравов, без которых вывести человека из грядущего и очень близкого кризиса кажется абсолютно невозможным» [2, с. 119].

13. Школа и Образование создают мир, о котором ещё никто и не помыслил! Помыслить никем не мыслимое, осознать никем не сознаваемое, почувствовать никем не чувствуемое, вообразить никем не воображаемое, симпровизировать не импровизируемое, познать непознаваемое, решать неразрешимости, конструировать неконструируемое, совершить невозможное, — вот чем живы школа и образование, что их всегда сохраняло. Уже сознание этих невозможностей, стремление к ним расширяет ум, укрепляет волю, подсказывает верные решения, гарантирует от губительных ошибок.

Такова задача, миссия, провиденциальное назначение школы и образования! Современное общество совершает постоянное преступление против школы и детей; и эти преступления не могут оставаться без возмездия. Вопли убиваемых, убиенных в чревах матерей, замученных и страдающих детей уже достигли престолов Правды, готовящей детские трибуналы для свершения кары над

поруганным образованием и школой. И если экономика будет продолжать производить массу ненужных вещей, значит, будут чахнуть школа и образование, не будут создаваться смыслы и ценности, делающие людей людьми. Но метафизика кармического бумеранга не дремлет!

Литература

1. Ленин В. И. О воспитании и образовании. М., Политиздат, 1973, 680 с.
2. Труды Н.Н. Моисеева по вопросам современного образования. Академия МНЭПУ. М., 2012.

Как исследовать коллективную память научного сообщества?

Яковлева Александра Федоровна

Государственный академический университет гуманитарных наук, профессор Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник. Кандидат политических наук

afyakovleva@gmail.com

Емельянова Наталья Николаевна

Государственный академический университет гуманитарных наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник. Кандидат политических наук

nata.emelyanova86@gmail.com

Предлагается рассмотрение основных подходов к исследованию такого феномена, как «коллективная память научного сообщества». Отмечается, что идентичность ученых - членов научного сообщества формируется и соотносится в первую очередь с профессиональными нормами, ценностями и моделями поведения, действующими в научном сообществе. Показано, что коллективная память научного сообщества призвана задавать значимые смысловые рамки представлений о прошлом в развитии тех или иных научных направлений, школ, институций, профессиональном пути крупных ученых-организаторов, и способна стать существенным заделом и для конструирования научных и технологических прорывов в будущем.

Ключевые слова: научное сообщество, коллективная память, коллективное знание, культурный, коммуникативный, исторический, нарративный

How to explore the collective memory of the scientific community?

Yakovleva A.F.; Emelyanova N.N.

State Academic University for the Humanities, Lomonosov Moscow State University

In the paper is proposed the main approaches to the study of such a phenomenon as the “collective memory of the scientific community”. It is noted that the identity of scientists - members of the scientific community is formed and correlated primarily with professional norms, values and behaviors that are in force in the scientific community. Collective memory of the scientific community is designed to set a significant semantic framework of ideas about the past in the development of various scientific areas, schools, institutions, and the professional path of major scientific organizers, and can become a significant reserve for the construction of scientific and technological breakthroughs in the future.

Keywords: scientific community, collective memory, collective knowledge, cultural, communicative, historical, narrative

¹ Институциональный ракурс рассматривает науку как особую социальную группу людей, которая профессионально занимается исследовательской деятельностью в организационных формах с определенной инфраструктурой и системой государственного контроля. При этом наука является негомогенным социальным институтом с очень сложной системой формальных и неформальных связей и взаимоотношений на различных уровнях. Об амбивалентном характере научной деятельности писали многие ученые, по словам Е.З. Мирской, — «изучение научной деятельности и ее субъекта — магистральное направление социальных исследований науки, поскольку определенные формы деятельности, поведение людей в науке являются и условием функционирования данного

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00371) «Проблема коллективной памяти в эпистемологическом и политико-культурном измерениях».

социального института, и его порождением» [1, с. 27]. Неоднородность социального института, как известно, в значительной степени влияет на динамику его развития; в связи с этим исключительное значение приобретает такой компонент эволюции социального института, как самоидентификация: применительно к науке речь идет о формировании механизмов устойчивого соотношения себя со стороны участников исследовательской деятельности с профессиональными нормами, ценностями и моделями поведения, действующими в научном сообществе. И, как справедливо замечают исследователи, продолжая мысль классиков, в частности Э. Дюркгейма, «коллективные представления, порожденные действиями и противодействиями между элементарными сознаниями, из которых состоит общество, прямо не вытекают из последних. Сумма индивидуальных памяти индивидов не есть коллективная память, структура последней организована существенно сложнее» [2].

Итак, применительно к сфере науки наряду с индивидуальным принято выделять и коллективного субъекта, носителя определенных норм деятельности, познания и коллективного сознания, «коллективных представлений». Однако важно также, что коллективные субъекты такого типа не могут существовать без автономных индивидуальных субъектов, которые способны вырабатывать данные нормы и брать на себя ответственность за их соблюдение. Формирование коллективной памяти связано в первую очередь с определенной системой ценностей, которая лежит в нормативной сфере существования того или иного сообщества. Как мы писали ранее, «коллективный субъект научной деятельности являет собой совокупность как индивидуальных субъектов, так и систему связей между ними и условий, в которых они существуют» [3, с. 63].

Как отмечают отечественные ученые, «в работах о памяти научного сообщества присутствует содержательная неопределенность понятий. Исследователи наполняют собственными смыслами свои рабочие концепты исторической, коллективной и культурной памяти», предлагая выделять культурный, исторический и коммуникативный компоненты, и «учитывать ее источники и распространенность, механизмы поддержания и трансляции, объем и содержательную насыщенность», отмечая, что «коммуникативная память научной группы в дисциплинарном сообществе возникает из опыта пережитого и культивации личных воспоминаний ученых, передаваемых в контексте межличностных взаимодействий в повседневной жизни» [4, с. 90]. В то же время, не надо забывать, что «без обращения к коллективной памяти трудно обойтись, когда речь идет о легитимации и делегитимации существующего режима, политическом целеполагании, мобилизации поддержки, критике оппонентов» [5, с. 69].

Культурная компонента задает образы и события, которые имеют системообразующее значение для восприятия процесса становления всего научного сообщества. Культурная компонента транслируется через систему памятного церемониала, монументальные памятники, символы, образы в рамках таких форматы социальной активности, как: составление и сохранение корпуса архивных материалов (о научной деятельности структурного подразделения или научной биографии отдельного ученого) с целью их дальнейшего введения в научный оборот; формирование мемориального кабинета (кабинета-музея) выдающегося ученого; конструирование системы юбилейных чествований, вечеров памяти; развитие системы периодических научных и научно-практических мероприятий, посвященных отдельно взятой личности выдающегося исследователя, ученого-организатора или памятного научному открытию, событию (чтения, симпозиумы, конгрессы, конференции); подготовка юбилейных изданий, приуроченных к памятным датам профессионального пути научных коллективов и творческого становления отдельного ученого и др.

Коммуникативная компонента подразумевает тесное межличностное, зачастую неформальное взаимодействие в процессе реализации той или иной научной активности, в процессе которого передаются устные сообщения и рассказы о частных событиях, связанных с научной и научно-организационной деятельностью в разрезе до трех поколений. Коммуникативная компонента также может быть реализована в научных мемуарах и интервью. Историческая компонента формируется, благодаря профессиональной исследовательской деятельности по реконструкции истории идей и учений, а также процесса дисциплинарного становления различных областей научного знания. Историческая компонента воспроизводится в специальной научной литературе, а также учебниках, учебных пособиях, энциклопедиях и т.д.

Историческая компонента коллективной памяти научного сообщества весьма востребована в образовательном процессе на уровне высшего образования. В рамках специализации обучающиеся стандартным образом проходят курс, который охватывает историю возникновения, становления и современного развития той или иной дисциплинарной области знания [4]. Историческая компонента

коллективной памяти научного сообщества транслируется в системе реализации образовательных программ и в более широком смысле. Так, эволюция научных направлений представлена в такой значимой социогуманитарной дисциплине, как «История и философия науки». В России эта дисциплина, как известно, является одним из базовых курсов подготовки кадров высшей квалификации на уровне аспирантуры.

Коллективная память научного сообщества задает необходимые основания для создания различных форм воспроизводства интеллектуальной организации. Развитие информационно-коммуникационных технологий, в свою очередь, приводит к частичной виртуализации этих форм. Существенным образом изменяются возможности работы с коллективной памятью научного сообщества. В связи с этим очевидна перспективность использования нарративного подхода при изучении коллективной памяти научных сообществ, т.к. преемственность и передача знания, традиций, подходов, практик через нарратив – одна из наиболее важных черт становления и развития научных сообществ, в частности, научных школ. Методологический анализ *memory studies* с целью понимания строения и социального функционирования коллективной памяти социальных сообществ показывает, что «основными структурными элементами социально-исторической памяти человеческих сообществ являются речь, мнемотехнические практики (в том числе ритуальные), гуманитарные формы культуры, а также самые различные социальные институции, предназначенные для сохранения материальных, смысловых следов и образов предшествующей истории: музей, библиотека, институт образования, институт исторической науки и др.» [6, с. 203].

Ярким примером являются различные проекты формирования аудиовизуальных баз данных, основанных на применении устноисторической методологии с последующим сетевым архивированием материалов. Записанные на аудио- и видео-аппаратуру, нередко с подробной текстовой расшифровкой, продолжительные беседы (глубинные интервью) с выдающимися представителями научного сообщества открывают большие возможности для анализа и понимания не только научных школ, но и «внутренней науки», процессов передачи неявного знания в «невидимых колледжах», творческой атмосферы, мировоззрения, образа жизни и моделей исследовательской деятельности, которые неотделимы от научных свершений, зафиксированных в профессиональной литературе. Благодаря использованию устноисторической методологии как мемориальной практики научного сообщества появилась возможность приблизиться к реальному пониманию механизмов появления нового знания, как на локальном, так и на общемировом глобальном уровне, вплоть до научной революции.

Литература

1. Мирская Е.З. Человек в науке: социологические дискуссии XX века // Социология науки и технологий. 2010. №4. С. 26-44.
2. Емельянова Т.П. Коллективная память в контексте обыденного политического сознания // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2012. №4. URL http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/4/Emelianova_Collective-Memory/
3. Yakovleva A. F. Scientific activity: The crisis of the subject in the world of knowledge // Russian Studies in Philosophy. 2018. Vol. 56, no. 1. P. 61–70.
4. Баранец Н.Г., Веревкин А.Б., Марасова С.Е. Историческая память научного сообщества // Власть. 2017. № 7. С. 89-96.
5. Малинова О.Ю. Использование символов прошлого в политике постсоветской России: эволюция подходов // Вестник РГНФ. 2014. № 1. С. 69-78.
6. Дахин А.В. Коллективная память сообщества: невидимые структуры неизвестного знания // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2016. №6. С. 198-214.

Вызовы философской практики и возможные их решения

Амир Л.

Университет Тафтса, Медфорд, Массачусетс, США. PhD

penner.r.v@gmail.com

Аннотация: Национальные переменные, которые влияют на содержание вызовов философской практики и возможные ее решения. Во-первых, укрепление отношений философии внутри и за пределами академической среды. Во-вторых, позиционирование философии за пределами академической среды: три вызова. В-третьих, позиционирование философии и философской практики в академической среде: три вызова. Первый вызов: мышление полезно для жизни. Второй вызов: философы могут научить такого рода мышлению. Третий вызов: убедить философов сделать это и сделать это хорошо. Позиционирование практической философии в академической среде. Первая задача: предоставить учащимся необходимое обучение. Вторая проблема: реализация абстрактных теорий в своей жизни. Третий вызов: убедить философов сделать это и сделать это хорошо.

Ключевые слова: философия, философская практика, академическая среда, мышление, вызовы, вызовы философской практики

Challenges of Philosophical Practice and Possible Solutions to these challenges.

Lydia Amir

Tufts University, Medford, MA, USA

Abstract: National variables that influence the contents of the challenges of philosophical practice and the possible solutions. First, strengthening the relations of philosophy within and outside the academy. Second, positioning philosophy outside the academe: three challenges. Third, positioning philosophy within the academe: three challenges. First challenge: Thinking is beneficial for life. Second challenge: Philosophers can teach that kind of thinking. Third challenge: Convincing philosophers to do that and do that well. Positioning Practical Philosophy within the Academe. First challenge: Providing students with teaching that matters. Second challenge: Implementing abstract theories within their lives. Third challenge: Convincing philosophers to do that and do that well.

Keywords: philosophy, philosophical practice, academy, thinking, challenges, challenges of philosophical practice

А. Объяснение

0. Введение

Вызовы Философской Практики (далее по тексту – ФП) различаются в разных странах из-за позиции философии в социальном контексте, который присущ этой стране, исторического отношения к философии и того, как она воспринимается сегодня по отношению к другим дисциплинам, значимость которых может варьироваться в зависимости от страны (религия, духовность и мистицизм; политика и образование; психология и различные медицинские направления и т. д.). Отношение к ФП иногда отличается от отношения к философии в стране; иногда существуют правовые вопросы, касающиеся ФП, в некоторых странах, где их нет, основной инструмент оценки жизнеспособности ФП в культуре сводится к соотношению мифов к логосу в этой культуре или стране. В этой статье я расскажу об основных особенностях проблем ФП во всех культурах, как я вижу, в надежде, что мои коллеги конкретизируют специфическое содержание российского общества, с которым я еще недостаточно знакома.

1. Укрепление философских отношений внутри и за пределами академического сообщества

История философии говорит нам, что логос родился из мифов в 6 веке до нашей эры в работах Фалеса Милетского. Я придерживаюсь мнения, что это было не изолированное событие, завершённое

и завершаемое в одном действии, а скорее непрерывный процесс, который каждое поколение должно повторить. Соотношение между мифами и логосом отличается в разных странах и в разные периоды. Но исходной посылкой для философии в академической среде и за ее пределами (ФП) является развитие этого логоса. Если учение «esoteric», как это происходит в академической сфере, к логосу можно непосредственно подходить и совершенствовать его с помощью небольших доз юмора (мифы). Если учение «exoteric», оно должно начинаться с мифов, как это делал Сократ, а достигнутый уровень логоса является не только постепенным, но и иногда трудно достижимым процессом. Тем не менее, первый шаг к улучшению логоса – это укрепление связей между двумя аспектами философии, чтобы борьба за улучшение логоса любыми средствами была наиболее эффективной. С этой точки зрения ФП – это мышление, как и философия в академическом пространстве, при условии, что мышление понимается как вовлечение эмоций и тела, не только размышление об эмоциях и теле, но и мышление через эмоции и тело.

2. Позиционирование философии за пределами академического пространства

Прежде чем обратиться к вызовам философии вне академической сферы, необходимо решить техническую проблему: люди должны знать, что ФП существует. Однако то, что им следует знать об этом, а не о средствах рекламы существования ФП, является содержанием следующего.

Первый вызов:

Мышление полезно для жизни.

Первый вызов для лучшего позиционирования философии за пределами академического пространства является философским и сразу показывает нам, как ФП требует прочных связей с академическим философским мышлением. Это связано с выяснением, полезно ли вообще мышление, и полезно ли оно для того образа жизни, как живут в этой стране.

История философии регулярно решает этот вопрос с большим или меньшим теоретическим и практическим успехом (Сократ, возможно, был успешным в доказательстве этого, но был убит своим собственным сообществом). Но это требует, чтобы местные философы всякий раз переформулировали «очевидные истины» в каждом поколении.

Если выясняется, что мышление полезно для жизни, эту идею следует объяснить и экспонировать.

Трудности мышления не должны быть скрыты, но должны быть разработаны более эффективные способы их решения.

Второй вызов:

Философы могут (лучше всего) научить такому роду мышления.

Если первая позиция не была очевидна, то вторая – еще менее очевидна. Если мышление полезно для жизни, почему математики, инженерного искусства или естественнонаучных дисциплин недостаточно для его функционирования? Здесь акцент должен делаться не только на том, чтобы хорошо думать, но и хорошо думать о жизни. Жизнь не является полностью рациональным процессом; математические, научные, технологические и инженерные мышления имеют свои пределы и ограничения. То, что только философы могут воплотить мышление, необходимое для жизни, – это то, что нужно развивать и объяснять.

Третий вызов:

Убедить философов сделать это и сделать это хорошо.

Многие философы могут быть убеждены обоими предыдущими утверждениями (что мышление полезно для жизни и что философы могут (лучше всего) обучать такому мышлению), однако они откажутся делать это за пределами академического пространства. Те, кто будут это делать, должны научиться делать это хорошо, быть настойчивыми к мифам и не оплакивать поражение слишком рано, быть готовыми бросить вызов всему, что они знают или думают, что знают о процессе, включая философские знания; то есть они должны быть готовы снова учиться.

3. Позиционирование практической философии в академическом пространстве

Если философия в академическом пространстве не преподается в форме ФП (практическим способом, аналогичным теоретическому, который лучше всего демонстрирует ее силу), философия не выживет и не переродится. Позиционирование ФП в академическом пространстве подразумевает включение ее на философских факультетах не как отдельную дисциплину, а как способ более полного

вовлечения студентов в философию. Опять же, мы сталкиваемся с тремя вызовами в этом.

Первый вызов:

Предоставление студентам образования, которое имеет значение.

Образование, которое имеет значение, делает преподавание и обучение легче, потому что это более интересно. Как мы можем преподавать философию таким образом? Должны ли мы распутать социальные и политические проблемы, с которыми философ сталкивается в свое время? Должны ли мы привлекать студентов к современным проблемам общества? Должны ли мы придумывать новые способы обучения этому вопросу? Философия, которая имеет значение – это философский или педагогический вызов?

Второй вызов:

Реализация абстрактных теорий в своей жизни.

Лучшая стратегия для придания философии значения – это помочь студентам реализовать абстрактные теории в своей жизни или адаптировать их, следуя модели философии, предложенной С. Кьеркегором и которую я использую. Речь идет о движении от конкретного к абстрактному, что вызывает потребность в философии, а затем достижение полного понимания, достигаемое с помощью средств, которые обеспечивает это абстрактное с его преимуществами (например, будучи абстрактным, оно не является угрозой), наконец, внедрение этих теорий в жизнь студентов, так как из опыта учиться лучше всего.

Третий вызов:

Убедить философов сделать это и сделать это хорошо.

Философы в академическом пространстве оставляют за собой право дистанцироваться от теорий, которые они преподают. Однако в философии такое расстояние достигается ценой полного понимания философии. Поскольку философские теории являются инструментами по отношению к реальности, необходимо уметь эффективно их использовать, чтобы понять, о чем они.

Философы не могут вызвать интереса студентов, если они не приносят живой материал. И материал, который они приносят, может быть живым, только если преподаватель разграничивает знание из книг и свой личный опыт.

Хорошо учить значит учить по принципу ФП, так, чтобы показать полезность понимания теории. Если это не будет сделано, никто не возьмет на себя ответственность за сложность теории, ни преподаватель, ни один из его студентов.

Б. Возможные решения

Эти идеи должны быть сначала обсуждены в рамках философского или ФП процесса. Они могут быть начальными этапами успешного ФП в группах, а также содержанием академического курса. Разные последствия как для ФП, так и для академического пространства последуют, если эти идеи будут полностью или частично приняты или даже отвергнуты, в том случае, если будет понятно почему.

Если принять эту программу, то она найдет (теоретическое) место для ФП и философии, которые не конкурируют с психологией или мистикой. Тем не менее, задача заключается в том, чтобы показать значение мышления человеку для его собственной жизни, человеку, который живет без мышления, или человеку, который мыслит без жизни. Эта задача велика. Проблема раскрывается здесь с двух сторон; теоретический философ и не думающий обычный человек должны найти общий язык, возможно, через модель логоса и мифа, в их пространстве. Если оба они не будут думать, о том, что есть логос и миф, я не думаю, что ФП будет иметь какой-либо успех, и, случайно или нет, философия выживет в академическом пространстве.

Трудности заключаются в том, чтобы определить виды мифов, которых придерживается общество, и насколько сильны люди, преданные им, не для того, чтобы обязательно бороться с ними, а для того, чтобы найти для них место в образовании и самообразовании, и в философии. В конце концов, сочинения Платона полны мифов, как и его многих философских последователей в древние и современные времена. Лев Шестов, русский философ, предложил рассматривать разум и доказательство как миф; смех, слезы и злодеяния как ядро человеческого опыта; трагедию как его сущность.

Обращаясь к списку мифов в истории философии, сегодня стоит понимать как хорошее место

для начала. Поскольку современные мифы утихают в нашем мышлении и нашем обществе, их сложнее обнаружить. Возможно, иностранный философ может легче различить эти слепые пятна.

Литература:

1. Amir, Lydia. *Humor and the Good Life in Modern Philosophy*: Shaftesbury, Hamann, Kierkegaard. Albany, NY: State University of New York Press, 2014.
2. Amir, Lydia. *Rethinking Philosophers' Responsibility*. Newcastle upon Tyne, UK: Cambridge Scholars Publishing, 2017.
3. Amir, Lydia. *Taking Philosophy Seriously*. Newcastle upon Tyne, UK: Cambridge Scholars Publishing, 2018.
4. Amir, Lydia. *Philosophy, Humor, and the Human Condition: Taking Ridicule Seriously*. London: Palgrave Macmillan, 2019.

Трансцендентально-феноменологические и экзистенциально-феноменологические практики самопознания

Богданова В.О.

Кафедра философии и культурологии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Южно-Уральского государственного университета (Национального исследовательского университета). Кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник

verovictory@mail.ru

Аннотация: Доклад посвящен исследованию трансцендентально-феноменологических и экзистенциально-феноменологических практик самопознания. Трансцендентально-феноменологические практики позволяют освободиться от «отработанных» мыслительных и поведенческих схем для последующего использования экзистенциально-феноменологических практик, направленных на конструирование «Я-концепции». Конструирование «Я-концепции» происходит через оформление и оязычивание опыта личных переживаний в рамках определенных культурных смыслов. Поскольку человек находится в процессе становления, ему приходится постоянно пересматривать и расширять границы «Я».

Ключевые слова: субъект, практики самопознания, феноменологическая редукция, трансцендентальное Я, экзистенция, рефлексия, Другие.

Transcendental-phenomenological and existential-phenomenological practices of self-knowledge.

Bogdanova V.O.

South Ural State University (National Research University); South Ural State University for the Humanities and Education

Abstract: The report is devoted to the study of transcendental-phenomenological and existential-phenomenological practices of self-knowledge. Transcendental-phenomenological practices allow to free yourself from the “worked out” mental and behavioral patterns for the subsequent use of existential-phenomenological practices aimed at constructing a “self-concept.” The construction of the “I-concept” occurs through the formalization and linguistic experience of personal experiences in the framework of certain cultural meanings. Since a person is in the process of becoming, he has to constantly review and expand the boundaries of the “I”.

Keywords: subject, practices of self-knowledge, phenomenological reduction, transcendental self, existence, reflection, others.

ⁱ Субъект постигает собственное бытие через овладение практиками самопознания, условно их можно подразделить на две группы: *трансцендентально-феноменологические* и *экзистенциально-феноменологические*. Трансцендентально-феноменологические практики самопознания направлены на расширение сознания, осуществляются за счет радикальной трансцендентальной редукции, выносящей за скобки все эмпирические компоненты, открывающие чистое сознание. Экзистенциально-феноменологические практики самопознания ограничиваются эйдетической редукцией, которая позволяет осуществить поворот от восприятия мира в естественной установке к рассмотрению субъективных переживаний сознания, а затем от переживаний в их индивидуальности к усмотрению их сущности. Таким образом, первые отличаются от вторых объектом исследования. Первые – исследуют трансцендентальное Я, которое является безличным, поскольку очищено от каких-либо феноменов психической жизни субъекта, вторые – самобытие человека, переживаемое в своей уникальности [1, с. 100].

ⁱ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 17-33-00021-ОГН «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход».

Трансцендентально-феноменологическое самопознание реализуется в восточных и западных практиках, целью которых является движение к чистому потоку переживаний, составляющих ядро «Я». Мировоззренческой основой данных практик является осознание, что «Я» невозможно выразить понятийно, оно с очевидностью переживается интуитивно в состоянии «раскрепощенного» сознания, когда с сознанием «разговаривает» бессознательное. Первостепенным в данных практиках является обнаружение и удаление психологических блоков, которые не позволяют почувствовать себя в потоке сознания.

В качестве примеров практик самопознания можно рассмотреть духовно-медитативные, дыхательные и телесные техники: анапанасати, випассана, дзадзен, трансцендентальная медитация, йога, бикрам-йога, цигун, тайцзицюань, вайвейшн, свободное дыхание, ребефинг и холотропное дыхание, методы телесно-ориентированной психотерапии (А. Лоуэна, Л. Марчер, А. Янова, В. Баскакова и др.). Они вводят человека в состояние «умственной паузы», позволяют преодолеть ограничения и негибкость логики, прислушаться к своему подсознанию, осознать и принять свой внутренний опыт. С помощью практик выводится на поверхность сознания широкий спектр переживаний прошлого, полное проявление которых даёт возможность освободить человека от их беспокоящего влияния.

Очищение сознание от «отработанных» мыслительных схем, паттернов переживаний является подготовительным этапом самопознания. После него следует перейти к экзистенциально-феноменологическим практикам, которые направлены на конструирование «Я-концепции». Данные практики позволяют освятить опыт личных переживаний через его оформление и оязычивания в рамках определенных культурных смыслов. Они помогают субъекту определить свое существование и установить границы «Я». Примерами экзистенциально-феноменологических практик являются методы экзистенциальной психотерапии (Л. Бинсвангер, М. Босс, Р. Мэй, Дж. Бьюдженталь, И. Ялом), психосинтез (Р. Ассаджиоли), нарративные методики (Д. Эпстон, М. Уайт, С. Уолтер, Х. Фокс, Ш. Рассел, М. Кери, Е.С. Жорняк), концепция «личностных конструкторов» (Дж. Келли), метод диалога (М. Бубер, В. Библер, М. Бахтин, И. Лакатос) и др. Методы экзистенциальной психотерапии направлены на преодоление конфронтации человека с предельными данностями бытия: смертью, свободой, ответственностью, изоляцией, бессмысленностью. Преодоление конфронтации с бытием – это акт осмысления собственного существования и осознание своей ответственности, которая напрямую связана с реализацией творческого потенциала личности в настоящем. Бегство от свободы и ответственности дает человеку ощущение мнимой безопасности и приводит к личностной стагнации. Когда человек отрицает свободу и ответственность, он перестает воспринимать собственное существование в становлении, конструирует статичные, законченные «картины мира». Л. Бинсвангер отмечает, что с этого момента человек уже не принадлежит себе. Он живет в мире навязчивых идей и действий, создается впечатление, что какие-то внешние, чуждые силы владеют им. В сознании человека преобладает жесткая фиксированность на одном модусе существования, сознание поработано одним идеалом, одной целью, которая приводит к сужению горизонта мировосприятия. Для расширения горизонта экзистенциальные психотерапевты используют методы, направленные на обнаружении защитных механизмов, благодаря которым индивид оберегает свой «идеал». Помощь направлена на содействие индивиду в обнаружении ситуации провала, познании своих возможностей для решения трудных экзистенциальных задач. Бинсвангер отмечает, что душевное здоровье личности определяется в способности переживать крах одного своего проекта, чтобы перейти к другому. В этом заключается непрерывное становление, самореализация личности [2].

Еще одними из способов расширения горизонта мировосприятия является методика психосинтеза Ассаджиоли, теория личностных конструктов Келли, нарративная психотерапия, направленные на переоценку идеалов и ценностей личности для создания нового «центра Я», новой жизненной истории. Суть психосинтеза заключается в пробуждении в человеке стремление к целостности. Ассаджиоли считает, что у человека присутствуют множество субличностей, которые могут порождать противоречия и приводить к внутриличностным конфликтам. Сознание человека способно переключать внимание с одного конструкта (субличности) на другой, осуществляя функцию управления временно снимая конфликт субличностей. Однако полностью конфликт разрешается, когда происходит преобразование деструктивных качеств субличности в конструктивные. Задача личности заключается в определении назначения каждой субличности и их преобразования для установления единства. Как только субличности соединяются в одно целое, появляется центр «Я», поддерживающий слаженную интеграцию всех своих составляющих. Заслуживает также внимания концепция «личностных конструкторов» Дж.

Келли. Личностный конструкт – это оценочная система, которая используется индивидом для классификации различных объектов и событий его жизненного пространства [3, с. 12]. Личностные конструкты необходимы для прогнозирования событий жизни, упорядочивания приобретаемого опыта, создания целостной картины мира. Работа с ними предполагает определение насколько сформировавшаяся оценочная система отвечает принципу адаптивности. Как только у личности исчезает чувство приспособленности к миру, она нуждается в замене данной конструкции реальности другой, которая будет отвечать определенной практической цели. Схожий принцип работы можно обнаружить в нарративной психотерапии, задачей которой является выявление того, как люди выражают свой опыт, создают установки опыта – нарративы. Выражение переживаний жизненного опыта представляет собой акты интерпретаций. Жизнь человека состоит из большого количества событий, но события, которые станут частью его опыта, определяются уже сконструированными смыслами доминирующих историй данного человека и определяют его дальнейшее поведение в обществе. Интерпретации опыта могут меняться, изменяя представления о реальности и саму жизнь человека [4]. Работа заключается в новом осмыслении исполненных жизненных историй человеком, которая послужит толчком к рождению нового нарратива. Представленные методики позволяют управлять психическими процессами, адаптироваться к жизненным условиям, путем изменения отношения к бытию и к самому себе.

Еще одной экзистенциально-феноменологической практикой расширения собственного мировосприятия и самопознания является диалог. Человек всегда постигается в диалогическом пространстве, поскольку для самого себя человек закрыт, лишь в общении с Другим его дух выявляет свои границы и может определить себя. Человек живет более в Других, чем в себе, поэтому знания человека о самом себе не предшествует знанию Других. М. Шелер для доказательства этой мысли приводит пример с маленьким ребенком, который не способен на оценочную деятельность, поэтому он чувствует и мыслит чувствами и мыслями окружающих его взрослых. Лишь позднее у него появляется представление о том, что может быть определено как «мое» и «чужое». Однако это происходит благодаря тому, что значимые Другие – взрослые обращают внимание на переживания ребенка, которые как им кажется в большей степени раскрывают его сущность. При этом взрослые прибавляют к ним свои собственные мысли, чувства. Окружение человека интегрирует целый комплекс переживаний в структуру его «Я», поэтому опыт самопознания и познания других невозможно полностью дифференцировать [5].

Суть самопознания можно свести к тезису М.М. Бахтина «быть – это означает быть для другого и через него для себя» [6, с. 434]. Без участия Другого человек не сумеет стать самим собой, «Я» должен найти себя в Другом, находя другое в самом себе. Отсюда следует вывод, что сознание каждого человека множественно по своей природе. Другой может выступать не только как отдельный человек, в котором можно увидеть себя как в живом зеркале, Другой – это и наше собственное сознание, смотрящее на себя глазами стороннего наблюдателя. Следовательно, у человека нет внутренней суверенной территории, «Я» человека проявляется через отношения с другими людьми, оно формируется только на границе собственного и чужого сознания. В данном случае суть практики самопознания заключается в примирении множественных аспектов «Я», созданных в зоне сопряжения с Другим. Человек находится в процессе становления, поэтому одно «Я» сменяется другим, необходимо налаживать контакт с «другим собой» посредством рефлексии. Данный процессуальный модус экзистенции сложно вовремя уловить и проработать, что порождает тревогу. Суть проработки сводится к освобождению от тягостных ощущений путем «усмирения потока становлений». Необходимо зафиксировать свободную экзистенцию, привести ее в связанное состояние. Перевод экзистенции в связанное состояние заключается в обнаружении сокровенного и значимого в конкретной жизненной ситуации или человеческих отношениях. Через ситуацию или отношения человек открывает самого себя, истолковав свое существование через использование определенного концепта. Таким образом, укрощение экзистенции – это фиксация экзистенции в языковых знаках, культурных символах, социальных практиках. В свободную экзистенцию вносятся элементы предсказуемости, определенности, благодаря чему она становится «безопасной», вселяет в человека уверенность и спокойствие. Однако связанная экзистенция обедняет, ограничивает самобытие, поэтому человек испытывает потребность освободить зафиксированную экзистенцию, чтобы вернуть в свою жизнь динамику. Возвращение к свободной экзистенции можно рассматривать как реакцию субъекта на чрезмерную фиксацию экзистенции, жесткую идентичность [1, с. 109-110].

Таким образом, в полноценной жизни человека должны проявляться два модуса экзистенции, человек должен найти баланс между непрерывным потоком своего существования и фиксацией само-

бытия, которая является основой для самопознания. Самопознание осуществляется через обнаружение экзистенциальных констант (ядро личности, Я-концепция, идентичность) в процессе становления. Они обеспечивают преемственность самобытия и дают ощущение самостождественности, сохранение целостности. Однако целостность синтезируется из фрагментов экзистенциального опыта, которые высвечиваются тогда, когда человек погружен в поток бытия. Две группы практик самопознания взаимодополняют друг друга, поскольку внутренняя жизнь познающего себя субъекта происходит в бесконечной борьбе, которая выражается как проявление разнонаправленных устремлений: определение своей сущности («Я»), выход за ее пределы.

Литература:

1. Трунов Д.Г. Введение в феноменологию самопознания: монография. Пермь: Пермский государственный университет, 2008. 256 с.
2. Бинсвангер Л. Феноменология и психопатология // Логос: Философско-литературный журнал. № 3. 1992. С. 125–135.
3. Келли Дж. Психология личности. Теория личностных конструктов. СПб.: Речь, 2000. 249 с.
4. Жорняк Е.С., Савельева Н.В. Нарративная психотерапия [Электронный ресурс]: URL: http://flogiston.ru/articles/therapy/what_is_narrative (дата обращения: 17.12.19).
5. Scheler, M. The nature of sympathy. New Brunswick, NJ: Transaction publishers, 2011. 274 p.
6. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994. 608 с.

«Глубинная философия» как форма «онтопроектирования»: специфика философского созерцания

Борисов С.В.

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет - заведующий кафедрой философии и культурологии, главный научный сотрудник; Южно-Уральский государственный университет (НИУ). Доктор философских наук

borisovsv69@mail.ru

Аннотация: В докладе представлены основные принципы «глубинной философии» – одного из направлений современной философской практики. Автор рассматривает эти принципы в контексте феноменологической модели «онтопроектирования», разработанной Ю.М. Резником. Автор дает подробное разъяснение главным концептам «глубинной философии», таким как «глубинное измерение», «созерцание», «персональность», «резонанс» и т.д. с позиции соотношения онтического и онтологического, мира «в-себе» и мира «для-себя». Кроме того, автор делится опытом работы философских ретритов «глубинной философии».

Ключевые слова: онтология, онтопроектирование, «глубинная философия», философская практика, философствование, философское созерцание.

“Deep Philosophy” as a form of “ontodesigning”: specificity of philosophical contemplation. Borisov S.V.

South Ural State Humanitarian Pedagogical University; South Ural State University (National Research University)

Abstract: The report presents the basic principles of “Deep Philosophy” - one of the directions of modern philosophical practice. The author considers these principles in the context of the phenomenological model of “ontodesigning” developed by Y.M. Reznik. The author gives a detailed explanation of the main concepts of “Deep Philosophy”, such as “deep dimension”, “contemplation”, “personality”, “resonance”, etc. from the perspective of the correlation of the ontic and ontological, the “in-itself” world and the “for-itself” world. In addition, the author shares the experience of philosophical retreats of “Deep Philosophy”.

Key words: ontology, ontodesigning, “Deep Philosophy”, philosophical practice, philosophizing, philosophical contemplation.

ⁱ Осознающий себя человек всегда пребывает в пограничном состоянии между двумя реальностями – реальностью актуального и реальностью возможного. «Мостиком» между этими реальностями становится философствование, которое необходимо ровно настолько, насколько глубока и широка пропасть между этими реальностями. Через осознание себя в сущем (онтический аспект), человеку открывается возможность создать (или завершить) свой проект в бытии (онтологический аспект). Так перед нами открывается бытие возможного, или, используя терминологию российского философа Ю.М. Резника «дух онтопроектирования». «С точки зрения целей онтопроектирования, – пишет Ю.М. Резник, – бытие человека следует рассматривать не как свершившийся факт, а как становление, т.е. возможность стать Человеком, обрести единство с миром и самим собой (возможно-единое)» [1, с. 207]. Тогда получается, что в философии не только возможно возникновение чего-то нового, но это то, что в ней с необходимостью должно происходить согласно «духу онтопроектирования». Философия не может застывать в каких-то раз и навсегда данных, некогда разработанных и промысленных схемах. Ведь эти схемы не самоцель, это средство для того, чтобы что-то было, состоялось, свершилось как новое состояние человеческого сознания. Таким образом, философская теория служит практике философского образа жизни.

В 2017 году в Италии группой философов-практиков был выпущен «Манифест глубинной

ⁱ Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 17-33-00021-ОГН «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход».

философии» [2, с. 136 – 137; 3], где провозглашались главные принципы осуществления философии как онтопроектирования. Философствование, согласно этому манифесту, есть созерцательный, личный процесс, ведущий к самотрансформации. Философское созерцание вызывает к глубинным структурам человеческого бытия, к фундаментальным проблемам человеческой жизни. Совместная созерцательная коммуникация членов группы усиливает данный эффект. На первый взгляд словосочетание «глубинные структуры человеческого бытия» кажется несколько туманным и даже пугающим. Зачем погружаться вглубь, если привычные функции разума и языка (объяснение, прояснение, проговаривание) как раз обратные – вынесение мысли из глубины на поверхность. Кроме того, укоренившееся в современном представлении психологическая коннотация «глубинных структур человеческого бытия» уводит нас в область исследования и интерпретации бессознательного, что является уделом психолога, а не философа. Однако проект «глубинной философии» как раз направлен на то, чтобы снять эти привычные коннотации. Концепт бессознательного не играет здесь никакой роли и никак не используется. Созерцательное философствование не ставит перед собой задачу дать описание неких психологических структур и объяснить механизм их работы, созерцательное философствование ставит перед собой цель проникнуть за пределы этих структур, двигаться сквозь эти структуры, не давая погаснуть той интенции, которая направляет разум на прямой и непосредственный контакт с бытием. Целью философствования является понимание, но не понимание данности «в-себе» (жестких паттернов человеческой психики), а понимание-«просветление» бытия «для-себя».

Азбучной истиной философии является то, что человек не может целиком и полностью полагать себя как данность материального мира. Следовательно, человек не является целиком и полностью данностью психического мира, жестко обусловленного какими-либо нейро-биологическими структурами или поведенческими механизмами. Интенция сознания направлена в будущее сквозь и осуществляется помимо этих структур и механизмов и является потенциально незавершенным проектом бытия «для-себя». Ярываю с миром «в-себе» самим фактом своего сознания (интенция, рефлексия, трансценденция) и мне открывается возможность инобытия, т.е. возможность быть иным для мира «в-себе», обретая бытие «для-себя». Именно эту возможность и передает метафорическое словосочетание «глубинные структуры человеческого бытия», т.е. бытия «для-себя», где мне и открывается новое видение фундаментальных проблем человеческой жизни в «истинной коммуникации», т.е. совместном созерцательном процессе по поводу сущностного, ценностного, самого важного для меня.

Философское созерцание – это интеллектуальная работа особого рода. Она задействует интеллект во всем его многообразии, а не ограничивается только логическими и аналитическими возможностями так называемого «критического мышления», по сути, логико-математической формы интеллекта. Аналитика – это редукция, идущая вглубь объекта, мышления, опыта. Философское созерцание – это практика синтеза, идущая из глубины. Понятно, что для того, чтобы идти из глубины, там нужно сначала оказаться. Но проникновение в «глубину человеческого бытия» осуществляется не методом аналитического, по сути, «хирургического» вмешательства (что, кстати, всячески подчеркивается аналитиками посредством концептов «объективность», «незаинтересованность», «независимое суждение», «отстраненность», «нейтрализация эмоционального отношения» и т.д.) [4], а методом органического, ненасильственного проникновения. Как правило, для этого используются различные формы медитации – упражнения, фокусирующие внимание на этой «глубине».

Медитативная практика – это важный компонент философствования. Конечно, все многообразие этой практики не сводится только к практикам, заимствованным из восточной философской, религиозной и бытовой традиции, ставшими популярными в современной культуре и активно пропагандируемыми движением New Age. Данные практики рассматривают медитацию слишком узко как упражнения для достижения определенных психических состояний, служащих целям религиозной обрядности или психолого-медицинским предписаниям. Именно вопрос о цели использования медитативных упражнений является водоразделом между практиками New Age и философией [5, Chapter 1]. В принципе любое глубокое погружение в мысль, переживание, текст, культурный или природный объект является медитацией, а упражнение по достижению полной сосредоточенности на этом является медитативной практикой. В этом смысле вся западная философия, начиная с античности, также практиковала и практикует различные формы медитации.

Философское созерцание – это практика, в которой наше мышление соприкасается с бытием напрямую. Это то, что отличает его от нашего привычного мышления и понимания, а именно, содер-

жанием этого мышления является не сама по себе мысль или формы и процедуры ее выражения, содержанием этого мышления является сам мыслящий, находящийся в непосредственном отношении с бытием, описывающий этот опыт присутствия. Философское созерцание работает в области уникального, неизвестного, непознанного. Это мысль «впервые», поскольку эти глубины еще не освещались мышлением. Поэтому для характеристики этого опыта мы не можем применять привычные формы и процедуры нашего обыденного мышления, нам нужно преодолеть его узкие рамки, обусловленные его формальными закономерностями. Обыденное мышление объективировано: иметь понятие вещи означает ее выделять и противопоставлять другим вещам, только так мы в состоянии определить ее признаки и свойства, дать ей характеристику. Эта форма мышления очень полезна для практических целей, когда мы имеем дело с конкретными объектами в нашем привычном мире, но ее недостаточно, когда перед нами открываются более широкие горизонты реальности. Матрица объективации не в состоянии вместить все многообразие опыта субъекта, когда он выходит за пределы этой матричной структуры.

Невозможно заниматься «глубинной философией», используя только наше привычное дискурсивное мышление и его объективирующие структуры. «Глубинная философия» стремится проникнуть к источнику бытийной реальности настолько глубоко, насколько это возможно. Для этого нужен иной тип мышления, способный реализовывать себя не в замкнутой системе повседневного опыта, а в открытой системе онтопроектирования. Философское созерцание служит этой цели. Созерцательная практика нейтрализует привычные рассудочные и психологические механизмы, выходит за границы привычных форм мышления и рассуждения. Если в обыденных формах эти механизмы задают порядок мышления (т.е. регламентирующая форма является первичной), то в созерцательном мышлении первичным является опыт присутствия в бытии, опыт контакта с ним, который не соответствует ни одной из привычных форм регламентации. Психологические механизмы объективации с фиксированными образцами мышления здесь бесполезны. Философ при этом попадает в странную ситуацию, когда мысль может возникнуть «сама собой», выйдя из-под контроля этих структур. Интуицию невозможно запустить «по желанию», поскольку инсайт сигнализирует о принципиально новом опыте восприятия или мышления. Философское созерцание осуществляется в совершенно ином пространстве, чем то, в котором находится мое привычное психологическое «я», поэтому оно уже не может осуществлять свои контролирующие и регламентирующие функции. Я присутствую в совершенно пустом, бесструктурном внутреннем пространстве молчаливого сосредоточения, которое нельзя охарактеризовать с позиции моей привычной психологической деятельности. Таким образом, я получаю возможность описывать это пространство с позиции своего присутствия в нем, как будто оно само свидетельствует о себе внутри меня. Это совершенно другая форма мышления и понимания. Привычное психологическое мышление имеет дело только с ограниченной частью моего мира, жестко регламентированной механизмами мышления. Созерцательное мышление порождает мысль до ее объективации, поэтому она намного ярче и богаче. Это ощущение знакомо каждому из нас, когда для описания открывающейся нам реальности у нас просто не находится подходящих слов, хотя мы отчетливо чувствуем всю полноту реальности и всю драгоценность и неповторимость переживаемого момента присутствия за пределами наших привычных мыслительных рамок. Как правило, созерцательному настрою мешают наши привычные модели мышления, работающие в режиме автопилота. Для блокировки этих моделей используются медитативные практики, создающие необходимый созерцательный настрой для философствования. Медитативные упражнения являются не более чем рабочим инструментом, это не сакральные ритуалы, служащие религиозным или медицинским целям.

Литература:

1. Резник Ю.М. Феноменология человека: бытие возможного. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. 632 с.
2. Борисов С.В., Гредновская Е.В., Динабург С.Р. Философская практика: лето – осень 2017 (по материалам российских семинаров с международным участием) // Социум и власть. 2017. № 6 (68). С. 131 – 137.
3. Deep Philosophy: Contemplating in togetherness from our inner depth // The Philo-Practice Agora: The electronic meeting-place of philosophical practitioners from around the world: [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.philopractice.org/web/deep_philosophy (дата обращения: 16.10.2019).
4. Бренифье О. Искусство философской практики: философские установки // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 80 – 87.
5. Amir L. Rethinking Philosophers' Responsibility. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. 374 p.

Бутина А.В.

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет». Кандидат философских наук, старший преподаватель

anabutina@yandex.ru

Аннотация: В докладе представлен анализ феномена детского философствования и его интерпретаций в современном философском дискурсе. Проблема детства и наивного философствования разрабатывается в контексте анализа первичного философского опыта индивида, а также таких характеристик философского праксиса как спонтанность, естественность и непосредственность. На основе исследования образов ребенка в философских источниках, а также основных аспектов первичного метафизического опыта определены характерные черты философского опыта ребенка, такие как: наивность как базовая установка познания, открытость отношения к бытию, активность присутствия в мире. Установлено, что детское философствование имеет дело с постоянно открывающимся событийным опытом существования, полным неопределенности, изменчивости и тайны. Ценность анализа детского философствования заключается в возможности непосредственного наблюдения воспроизводства и становления метафизического опыта субъекта.

Ключевые слова: философствование, *metaphysica naturalis*, наивность, ребенок, детство, философия детства

The phenomenon of children's philosophizing: Origins and Interpretations.
Butina A. V.

Altai State University

Abstract: The report presents an analysis of the phenomenon of child philosophizing and its interpretations in modern philosophical discourse. The problem of childhood and naive philosophizing is developed in the context of the analysis of the individual's primary philosophical experience, as well as such characteristics of philosophical praxis as spontaneity, naturalness and immediacy. On the basis of the study of the child's images in philosophical sources, as well as the main aspects of the primary metaphysical experience, the author identifies features of the child's philosophical experience, such as: naivety as the basic setting of knowledge, openness of attitude to being, active presence in the world. Children's philosophizing deals with a constantly opening event experience of existence, full of uncertainty, variability and mystery. The value of the analysis of children's philosophizing lies in the possibility of direct observation of the reproduction and formation of the metaphysical experience of the subject.

Keywords: philosophizing, metaphysica naturalis, innocence, child, childhood, childhood philosophy

В своем известном труде «Феноменология духа» немецкий философ Г. Гегель сетовал на мнение, согласно которому мастерство сапожника гораздо сложнее философствования [1, с. 41]. Из способности мышления не следует способность к философствованию, как и очевидность факта, что наличие рук, ног, материала и соответствующего инструмента не гарантирует пару сапог. Представляемая как монополистическая деятельность по осмыслению предельных оснований бытия, философия может казаться многим некой чуждой ангажированной сферой, проникнуть в которую невозможно без соответствующих знаний. По всему, философия оказывается серьезной наукой, постичь которую может не каждый. Однако такой опыт философствования, осуществляемый в соответствии с традиционными философскими ценностями (логичность, научность, объективность, опора на метод и т.д.) и представленный в какой-либо форме теоретической деятельности (статьи, монографии, диссертации и т.п.) – отнюдь не единственный вариант философского праксиса.

Обращаясь к работе «Основные понятия метафизики» М. Хайдеггера о рассмотрении вопроса о сущности философии можно обнаружить, что философия не является замкнутой системой или

специфической деятельностью, для занятия которой нужны определенные знания, навыки, талант или следование культуре [2, с. 329-330]. Для этого скорее необходимо особое настроение, связанное с осознанием своей заброшенности и конечности как фундаментальным способом бытия. Очевидно, что философия – это не только институализированная интеллектуальная деятельность профессиональных философов. Философия – это особого рода настроение, связанное со стремлением человека выйти за пределы «естественной установки». Она рождается не из знания корпуса философских понятий и поля философских проблем, она рождается из смелости поставить под вопрос мир и себя и разорваться связь с реальностью. Поэтому помимо «серьезного», «профессионального», «рационализированного» философствования необходимо признать ценность и иных форм философского опыта.

С момента зарождения философии ей с необходимостью сопутствуют метафора игры, образы детства и ребенка. Так Диоген Лаэртий пересказывает предание о том, что древнегреческий философ Гераклит, удалившись в храм Артемиды, играл с мальчишками в бабки, а обступившим его эфесцам сказал «Чему вы дивитесь, негодяи? Разве не лучше так играть, чем управлять в вашем государстве?» [3, с. 359]. Одаренный юноша Теэтет в одноименном диалоге Платона ведет разговор с Сократом и известным киренским математиком Феодором о мудрости и знании. Одним из ярких примеров, опровергающих опыт «серьезного» философствования является философия даосизма, где в противовес конфуцианскому неукоснительному следованию традициям и культуре, провозглашался принцип следования естественному ходу вещей. В китайской легенде, повествующей о чудесном рождении даосского мудреца, слова «Лао-цзы», означающие «старый младенец», впервые произнесла его мать, когда разродилась сыном под сливовым деревом. Считается, что мать носила младенца в утробе несколько десятков лет. А у появившегося на свет из бедра матери новорожденного были седые волосы, что и давало ему сходство со стариком. Уже в этой легенде обнаруживается апология детства, которой проникнута вся философия даосизма: «Тот, кто придерживается этого Пути, не стремится к избытку. Лишь тот, кто не стремится к избытку, сможет стать несведущим, подобно ребенку, и уже не желать никаких новых свершений» [4, с. 31]. Согласно учению Лао-цзы, каждый должен сохранять простоту и невинность: «Обретший полноту силы Дэ, становится равным новорожденному» [4]. Близость ребенка к естественной жизни обуславливает желание совершенному самому стать простым и невинным, подобным ребенку, и это состояние его сознательного выбора пути совершенствования, которое больше чем знание, ибо любое знание имеет свои пределы, а глубокомысленные замечания и суждения, выведенные чисто механическим путем, со временем оказываются и вовсе неправильными. По мнению российского востоковеда Е.А. Торчинова, новорожденный подобен Дао как источнику жизненности, ему не страшна природа, средоточием всех сил которой он еще остается [5].

В конце XIX века в трудах немецкого философа Ф. Ницше образ ребенка символизирует высшую стадию трансформации духа. А для того, чтобы обладать правом только на само желание иметь детей, по Ницше, для начала каждый должен удостоверить насколько он сам является человеком.

Кто же такой ребенок? Символизирует ли он начало, высшую цель или, напротив, конец философии?

В своем «Введении в философию» К. Ясперс отмечал, что философствование как форма интеллектуальной деятельности проявляется уже в детстве, и спецификой философского мышления является тот факт, что оно каждый раз должно начинаться с самого начала [6, с. 224].

По Ясперсу, на факт того, что человек философствует изначально, указывают детские вопросы, которые подчас способны поставить в тупик мудрейших из взрослых. Истоки субъективной способности ребенка к философствованию Ясперс связывает как с первичным осознанием пограничных ситуаций (к примеру, смерти, близкого взрослого), так и со способностью к удивлению, сомнением и душевным потрясением.

В числе предпосылок первичного опыта философствования ребенка Ясперс также называет потребность в коммуникации и самовыражении, отсюда и философствование изначально обретает форму игры. «Состояние ребенка – это состояние порождающей себя жизни: он еще открыт, он чувствует, видит и спрашивает о том, что вскоре исчезнет перед ним. Он не удерживает то, что открывается ему в то или иное мгновение, и удивляется, когда позднее все замечающие взрослые докладывают ему о том, что он сказал или спросил», – отмечал Ясперс [6, с. 225].

Однако с возрастом и в результате приобретения жизненного опыта, непосредственность, свойственная детскому философствованию, оказывается утраченной почти безвозвратно. Часто

взрослому человеку оказывается необходим какой-либо аффект, служащий пусковым механизмом к философской рефлексии.

Безусловно, любой апологии детского философствования можно противопоставить тот факт, что у детей и вовсе недостаточно опыта для философской рефлексии. Однако желание философствовать у ребенка опирается на потребность быть услышанным и понятым. Такой ребенок хочет заявить о своем существовании. Российский исследователь С.В. Борисов указывает, что одним из первых условий детского философствования следует считать «выход обыденного сознания философствующего ребенка на уровень осмысления экзистенциальных состояний, таких как забота, страх, бытие в мире, конечность, заброшенность» [7].

Этот тезис созвучен и позиции американского экзистенциального терапевта И. Ялома, который утверждал, что исследования детей дают исключительную возможность заново наблюдать встречу человека с важнейшими экзистенциальными свойствами бытия в первоначальном виде [8]. Великой загадкой для ребенка, по мнению Ялома, является тема смерти, которая сопряжена с детской тревогой по поводу собственной беспомощности и неизбежности взросления.

К слову, четырнадцатилетняя София Амунсен, главная героиня историко-философского романа для детей норвежского писателя Ю. Гордера, получив письмо от неизвестного с одной лишь строчкой «Кто ты такая?», внезапно чувствует себя куклой, ожившей по мановению волшебной палочки, и задумывается о том, что не будет существовать вечно: «София продолжала стоять на дорожке, погруженная в размышления. Теперь она изо всех сил внушала себе, что только бытие и помогает человеку забыть о собственной смертности. Но сколько она ни старалась, ничего не выходило. Стоило ей сосредоточиться на мысли о своем существовании, как откуда-то появлялась идея конечности жизни. И наоборот: лишь по-настоящему ощутив, что когда-нибудь ее не станет, София начинала понимать всю ценность бытия. Она словно подкидывала монетку, которая оборачивалась к ней то орлом, то решкой, и чем отчетливее виделся орел, тем явственнее выступала решка. Жизнь и смерть казались связанными как две стороны одной медали» [9, с. 10-11].

Представители направления философия детства Г. Мэтьюз и Р. Крил также придерживаются мнения, что философия – естественный для человека способ бытия в мире – вопрошать к миру, взаимодействовать с ним и отвечать на его вызовы [10]. Философия рождается из философского созерцания, источником которого является фундаментальное настроение и целостная установка.

Таким образом, истоки детского философствования нельзя реконструировать из абстрактного философского начала, свойственного мышлению зрелого человека. Напротив, первичный метафизический опыт ребенка связан с непосредственным воздействием на него окружающего мира. Ошелмляющий эффект этого воздействия позволяет говорить о том, что философствование детей проявляет себя как *metaphysica naturalis*, наивное философствование. Автор понятия «*metaphysica naturalis*» немецкий философ И. Кант, безусловно, говорил о нерелексивности, но при этом естественной искренности работы человеческого разума. При всех недостатках наивность предполагает непосредственное и цельное схватывание мира в повседневной жизни. Этот тип познания возможен, благодаря укорененности человека в бытии, а также осознанию, что жизнь полна неопределенности, изменчивости и тайны будущего. Все эти установки свойственны и детству, поскольку быть ребенком означает жить не столько в беззаботности, сколько на грани, на пределе. Природа детства ноуменальна, она имеет дело с постоянно открывающимся событийным опытом существования. Не случайно главными героями книги «Философии одного переулка» А.М. Пятигорского являются дети – мальчишки, живущие на переулке со звучным названием «Обыденский» [11]. Эти мальчишки слушают обрывки разговоров взрослых о началах религии, силе, диалектике и духе. А один из героев, Роберт, даже читает старую брошюру о Гегеле, пока добирается домой от зубного на двух трамваях. Каждый человек однажды вышел из подобного Обыденского, а кто-то – прямо в трансцендентное.

Таким образом, в метафизическом аспекте наивное философствование, свойственное ребенку, позволяет увидеть всю условность границы бытия, постичь целостность человека. Эвристическая ценность исследования детского философствования заключается в возможности непосредственного наблюдения и исследования тех специфических состояний интеллектуальных открытий, которые переживал когда-то каждый, но почему-то совсем забыл об этом, хотя то, что он тогда открыл, понял и высказал, по сути, сформировало его взрослую жизнь.

Литература:

1. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. 495 с.
2. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
3. Диоген Лаэртский О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. 620 с.
4. Дао Дэ цзин СПб.: Азбука. 2015. 144 с.
5. Торчинов Е.А. Религии мира: опыт запредельного. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. URL.: <http://www.psylib.ukrweb.net/books/torch01/txt07.htm#1>
6. Ясперс К. Введение в философию // Путь в философию. Антология. М.: Университетская книга, 2001. С. 224–235.
7. Борисов С.В. Особенности наивного философствования как познавательной деятельности: перспективы исследования // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 17. С. 30–42.
8. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс, 1999 URL.: <http://www.psylib.ukrweb.net/books/yalom01/index.htm>
9. Гордер Ю. Мир Софии: Роман об истории философии. – СПб.: Амфора, 2008. 558 с.
10. Murriss K. Are Children Natural Philosophers? // Teaching Thinking. 2001. Issue 5, Pages 46-50
11. Пятигорский А.М. Философская проза. Т. I: Философия одного переулка. Роман. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 240 с.

Как учить критическому мышлению на занятиях по философии?

Воробьев Д.Н.

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева. Кандидат философских наук, доцент

vorobjov.d@gmail.com

Аннотация: Цель статьи – проблематизировать практики развития критического мышления на занятиях по философии со студентами нефилософских специальностей в региональном вузе. Автор полагает, что аргументативное рассуждение лежит в основе критического мышления. Анализируя известные методы развития критического мышления – метод сократических диалогов и дискуссий, метод аналитического чтения и творческого письма, коллективное аналитическое чтение по методу экспертных групп, метод формирования аргументованного суждения по Дэйвиду Маккойд-Мэйсону – автор приходит к выводу о том, что одной только тренировки вопросно-ответных процедур мышления недостаточно для развития навыков аргументативного, причинно-следственного рассуждения. Их необходимо обязательно дополнять методиками развития аналитико-оценочных процедур мышления с последующим формированием собственной позиции по правилам риторики.

Ключевые слова: рефлексивное мышление, семинары по философии, методика преподавания философии, риторические компетенции, универсальные компетенции.

How to teach critical thinking in philosophy classes?

Vorobev D.N.

I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University

Abstract: The author problematizes the practice of critical thinking developing in philosophy classes with students of non-philosophical specialities at a regional university. He proceeds from the fact that argumentative reasoning is the core of critical thinking. Analyzing the well-known methods of critical thinking developing, – the method of Socratic dialogues and discussions, the method of analytical reading and creative writing, the collective analytical reading by the method of expert groups, the method of forming an argued judgment, – the author comes to the conclusion that just training question-answer procedures of thinking is not enough to develop the argumentative, causal reasoning skills. They must be supplemented with methods for the analytical and evaluative thinking procedures development with the subsequent formulation and justification of the student's theses according to the rhetoric rules.

Keywords: reflective thinking, seminars on philosophy, methods of teaching philosophy, rhetorical competences, principal competences.

Современные стандарты высшего образования предполагают, что конечной целью обучения студента в вузе является не столько овладение набором знаний, сколько овладение набором ключевых компетенций. Одной из важнейших универсальных компетенций выпускника бакалавриата должна быть «способность осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач» [1, с. 7]. Судя по действующим ФГОсам и учебным планам, их авторы полагают, что системное и критическое мышление будет формироваться у бакалавров в ходе изучения учебной дисциплины «Философия».

Такое понимание целей обучения является вызовом для большинства преподавателей философии в региональных вузах. Никакие учебные дисциплины высшей школы в постсоветской России не создавались для развития навыков критического мышления, а в советский период критическое мышление на занятиях по философии было фактически запрещено. В конфликтных условиях продолжающегося сокращения часов аудиторных занятий, административного прессинга различных показателей и отчетов, роста среднего возраста педагогического состава, отсутствия системы обучения навыкам в ходе освоения большинства образовательных дисциплин в высшей школе, при слабой материально-технической базе многих региональных вузов, переход с традиционного обучения философским знаниям к обучению

философско-риторическим умениям для преподавателя философии превращается в его личную проблему. Педагог вынужден корректировать содержание и методики преподавания курса философии на свой страх и риск, исходя из его собственных возможностей, представлений и фантазий о том, что значат выражения типа «формирование компетенций», «практическое использование философских знаний», «развитие навыков», «критическое мышление» и т.д.

Несмотря на огромное количество публикаций, учение о критическом мышлении находится в «мистифицированном состоянии», так как ни одно определение критического мышления не является общепризнанным [2, с. 51], [3, с. 23]. Большинство исследователей отмечает рефлексивный характер критического мышления, что критический мыслитель должен обладать навыками самоконтроля, самооценки и самокорректировки [4, с. 39]. Критическое мышление – это и «использование когнитивных техник и стратегий, которые увеличивают вероятность желаемого конечного результата (...) [его] еще называют направленным мышлением» [5, с. 22–23], и «активный поиск понимания действительного положения дел посредством тщательной оценки информации, идей, аргументов – а также глубокого осмысления мышления как такового» [6, с. 26], это и «корректная оценка утверждений», «рациональное рефлексивное мышление, связанное с вопросом о том, что делать и во что верить» [7, с. 599], и «принятие обоснованных решений, касающихся того, отклонить ли какое-то суждение, согласиться с ним или временно отложить его рассмотрение» [8]. Многие исследователи считают ядром критического мышления причинно-следственную аргументацию (аргументативное рассуждение) [4], [9], [10], [11], [12], [13]. Критическое мышление как процесс аргументативного рассуждения включает в себя следующие способности (по Стелле Коттрелл): 1) идентификацию позиций (взглядов) других людей, их аргументов и выводов; 2) оценку доказательств альтернативных точек зрения; 3) взвешивание противоположных аргументов и доказательств; 4) способность читать между строк, видеть скрытые допущения, идентифицировать ложные и сомнительные предположения; 5) распознавать методы и приемы, используемые для того, чтобы сделать позицию более привлекательной; 6) размышлять о проблемах структурно, логично, последовательно; 7) делать выводы о том, насколько валидны и обоснованы аргументы, основаны ли они на доказательстве или на его имитации; 8) представлять свою точку зрения в ясном, структурированном, хорошо обоснованном виде, способном убедить других людей [14, с. 1–2]. Таким образом, можно сказать, что аргументативное рассуждение лежит в основе критического мышления, и тренировка навыков рассуждения на занятиях по философии будет способствовать развитию критического мышления студентов.

В отечественной литературе можно найти анализ нескольких методов развития критического мышления у студентов вузов на занятиях по философии: метод сократических диалогов и дискуссий, метод аналитического чтения и творческого письма, коллективное аналитическое чтение по методу экспертных групп, метод формирования аргументованного суждения по Дэйвиду Маккойд-Мэйсону.

Сократовский диалог можно считать одним из старейших методов западной философии. Он не потерял своей актуальности и активно используется на семинарских занятиях. Причем он используется не только в университетской среде, но и в школе. Начиная с 1980-х гг. в разных регионах мира проводятся занятия по программе «Философия для детей» [15], [16], когда в ходе вопросно-ответных процедур педагоги обучают детей навыкам разумного мышления и исследовательского поиска. Однако, как показал опыт преподавания философии в советский период, тренировка навыков постановки вопросов и ведения дискуссии не гарантирует формирования у студентов способности критично оценивать чужую аргументацию и выстраивать собственную точку зрения по принятым в науке стандартам.

Свой опыт использования метода аналитического чтения и творческого письма на занятиях по философии для развития навыков критического мышления излагают М. В. Воробьева и Е. С. Кочухова в серии статей [17], [18]. Этот метод позволяет студентам под руководством педагога производить анализ, реконструкцию и оценку авторских суждений в ходе активного чтения фрагментов и рефлексивного письма об их содержании. Метод предполагает, что в ходе чтения фрагментов на занятии студенты должны обучаться таким интеллектуальным действиям как выделение основных частей текста и исследовательской проблемы, поиск авторского тезиса или варианта решения проблемы, выявление аргументации тезиса. Для реконструкции текста предлагается использовать создание схемы текста, на основании которой в дальнейшем происходит письменная оценка аргументации и формулирование собственного отношения к проблеме с приведением новых аргументов и подкрепляющих их примеров.

Способ развития критического мышления путем организации на семинарах по философии коллективного аналитического чтения фрагментов оригинальных текстов по методу экспертных

групп предложила Г.В. Сорина. Занятие строится как игра-тренинг с целью разработки у студентов вопросно-ответных механизмов мышления. Педагог заранее дает общую схему работы с текстами, каждый фрагмент анализируется по одинаковым критериям, результаты работы с текстом студенты заносят в таблицу, которая включает в себя: основные понятия и их характеристики, вопросы к тексту, размышления и комментарии, аналогии и ассоциации. Такие таблицы по каждому тексту хранятся до конца курса. Два или три человека из группы, играющие роль экспертов на занятии, предварительно дома работают с выбранным фрагментом, а потом на занятии, под руководством педагога, организуют групповое чтение и обсуждение того же фрагмента: задают наводящие вопросы, комментируют, подсказывают и т.д. [19].

Метод активизации рефлексии в ходе устного рассуждения по Маккойд-Мэйсону направлен на формирование навыков формулирования собственной точки зрения по обсуждаемому на занятии вопросу, в соответствии с принципами риторики. В ходе устного обсуждения теоретической проблемы обучающийся выстраивает свою аргументацию по заранее известной схеме «позиция, обоснование, пример, следствие». Сначала студент заявляет свою позицию (тезис), начиная первое предложение со слов «Я считаю, что...». Потом студент формулирует обоснование своей позиции: «Потому, что...» Третье предложение, конкретизирующее обоснование примером, должно начинаться со слов «Я могу доказать это на примере...». И в четвертом предложении студент делает вывод, начиная со слов «Исходя из этого, я делаю вывод о том, что...» [20]. При этом студенту заранее известен только каркас ответа, содержание ответа студент должен формулировать самостоятельно.

Судя по нашему опыту проведения семинарских занятий по философии, методики тренировки вопросно-ответных процедур мышления недостаточно для развития навыков аргументативного, причинно-следственного рассуждения. Их необходимо обязательно дополнять методиками развития аналитико-оценочных процедур мышления с последующим формированием собственной позиции по правилам риторики. Поэтому методики, предполагающие аналитическое чтение, выделение проблемы и аргументов, визуализацию схемы прочитанного текста, формирование собственного отношения в проблеме, должны входить в арсенал педагога, стремящегося развить навыки критического мышления у студентов.

Литература:

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.01 – Педагогическое образование // Портал Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования. Дата обращения 15.10.2019. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/151/150/24/94>
2. Minnich, E. *Transforming Knowledge*. – Philadelphia: Temple University Press, 1990. 210 pp.
3. *Teaching Critical Thinking in Psychology: A Handbook of Best Practices* / Edited by D. S. Dunn, J. S. Halonen, and R. A. Smith. Chichester: Blackwell Publishing, 2008. 298 pp.
4. Anderson A., Johnston B. *From Information Literacy to Social Epistemology. Insights from Psychology*. Cambridge: Chandos Publishing, 2016. 182 pp.
5. Халперн, Д. *Психология критического мышления* / перев. с англ. Н.О. Мальгиной, С. Е. Рысева, Л. Л. Царук. СПб.: Питер, 2000. 512 с.
6. Чатфилд, Т. *Критическое мышление: анализируй, сомневайся, формируй свое мнение* / пер. с англ. Н. Колпаковой. – М.: Альпина Паблишер, 2019. 382 с.
7. Ennis, R. H. A Definition of Critical Thinking // *The Reading Teacher*. 1964. Vol. 17. № 8. P. 599–612
8. Moore B. N., Parker R. *Critical Thinking*. Boston: McGraw-Hill, 2008. 529 pp.
9. Billig, M. *Arguing and thinking: A rhetorical approach to social psychology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 290 pp.
10. Perkins D. N., Allen R., Hafner J. Difficulties in everyday reasoning // *Thinking: An interdisciplinary report. Proceedings of the International, Interdisciplinary Conference on Thinking held at the University of the South Pacific, January 1982* / ed. J. Maxwell. Philadelphia: The Franklin Institute Press, 1983.
11. Kuhn, D. *The skills of argument*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 336 pp.
12. Mulnix, J. W. Thinking critically about critical thinking // *Educational Philosophy and Theory*. 2012. Vol. 44. P. 464–479.
13. Paul R. W., Elder L., Bartell T. *California Teacher Preparation for Instruction in Critical Thinking: Research Findings and Policy Recommendations*. Sacramento: California Commission on Teacher Credentialing, 1997. 194 pp. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED437379.pdf>
14. Cottrell, S. *Critical Thinking Skills: Developing Effective Analysis and Argument*. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2005. 296 pp.
15. Карпова, Л. М. Место философии в системе образования // *Гуманитарные исследования*. 2015. № 5. С. 13–16.
16. Юлина, Н. С. *Философия для детей. Обучение навыкам разумного мышления*. М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2005. 464 с.
17. Воробьева М. В., Кочухова Е. С. Зачем преподавателю философии методики из системы либерального образования. Случай регионального вуза // *Вопросы образования*. 2017. № 1. С. 167–183.
18. Воробьева М. В., Кочухова Е. С. Методики аналитического чтения и письма: проблемы и перспективы реализации // *Труды Уральского государственного экономического университета* : в 2 т. / отв. за вып. Е. Б. Дворядкина. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2016. Т. 2. С. 136–142.
19. Сорина, Г. В. Критическое мышление и метод экспертных групп // *Эпистемология и философия науки*. 2005. Т. III. № 1. С. 194–209.
20. Гарифуллина, Н. Л. Методы формирования критического мышления студентов по учебной дисциплине «Основы философии» // *Концепт : научно-методический электронный журнал*. 2013. Т. 3. С. 846–850. URL: <http://e-koncept.ru/2013/53172.htm>

Об использовании текстов художественной литературы в процессе осуществления философской практики

Гладышев В.И.

Южно-Уральский государственный университет, доктор философских наук, профессор

gladyshevvi@susu.ru

Кузнецова А.В.

Московский авиационный институт, институт иностранных языков, кандидат филологических наук, доцент

smithh@mail.ru

Аннотация: Тезисы посвящены актуальной в теоретическом и в практическом отношении проблеме. В условиях современной коммуникативной ситуации радикально меняются традиционные способы и средства общения. Одиночество в межличностном измерении и не только превращается в глобальную проблему современного человечества. Чтобы преодолеть его, или хотя бы ослабить люди, как и прежде, прибегают к разнообразным модификациям компенсаторного общения. Последние часто складываются стихийно, но есть и такие, которые носят организованный и, самое главное, продуктивный характер. К числу указанных в полной мере относятся различные формы философской практики. Среди известных метаформ компенсаторных процессов в сфере общения выделяют следующие: декомпенсация, прямая компенсация и сверхкомпенсация. По нашему мнению участие в группах, осуществляющих философскую практику относится к сверхкомпенсации, ибо они активно способствуют развитию коммуникативных способностей личности, гармонизации ее внутреннего мира и личностному росту. В ряде групп используется для этой цели коллективное обсуждение философских текстов. Мы предлагаем расширить диапазон возможностей нового формата философской практики – «философского партнерства» за счет использования на сессиях по философскому партнерству не только текстов философских произведений, но и текстов художественной литературы, содержащих философемы.

Ключевые слова: философское партнерство, глубинная философия, философема, общение, глубинное общение, компенсаторное общение, чувство глубины, единение

On the use of fiction texts in the implementation of philosophical practice. *Gladyshev V.I.; Kuznetsova A.V.*

South Ural State University; Moscow Aviation Institute

Abstract: The theses are devoted to the actual theoretical and practical problems. In the current communicative situation, traditional ways and means of communication are radically changing. Loneliness in the interpersonal dimension turns into a global problem of modern mankind. To overcome it, or at least weaken people, as before, resort to various modifications of compensatory communication. The latter often develop spontaneously, but there are those that are organized and, most importantly, productive in nature. Among these are various forms of philosophical practice. Among the known meta-forms of compensatory processes in the field of communication, the following are distinguished: decompensation, direct compensation and overcompensation. In our opinion, participation in groups engaged in philosophical practice refers to overcompensation, because they actively contribute to the development of the communicative abilities of the individual, harmonization of his inner world and personal growth. In a number of groups, a collective discussion of philosophical texts is used for this purpose. We propose expanding the range of possibilities of the new format of philosophical practice - "philosophical companionship" by using not only texts of philosophical works at sessions of philosophical companionship, but also fiction texts.

Keywords: philosophical companionship, deep philosophy, philosophical, communication, deep communication, compensatory communication, sense of depth, unity

Теоретическими и методологическими основаниями нашего исследования являются: концептуальные идеи и практика философского партнерства [1]; весьма продуктивные идеи Г.С. Батищева «о культуре глубинного общения» [2]; «концепция компенсаторного общения» [3]; «концепция философемы» [4]. Решающее значение для нас имеет новое видение философской практики - философское партнерство (Ран Лахав). Что именно так привлекательно для нас в его видении философской практики; что представляется наиболее продуктивным, об этом ниже. Однако, предвзятое выполнение этого обещания, заметим, что одним из базовых концептов, его Ран Лахав рассматривает первым, – чувство глубины [1, с.15]. Этот концепт конгруэнтен концепции Г.С. Батищева о культуре глубинного общения [2]. Батищев открывает в общении – поступке, в глубинном общении, в онтологическом процессе со – бытия, огромную созидательную силу. И, напротив, он убежден в том, что острые проблемы возникшие в современном мире связаны с «глубинной необщительностью каждого из нас». В воплощенном философском партнерстве Рана Лахава возникают бесценные ростки так важного для нас глубинного общения, Подобно тому, как в капле отражается океан, так лишь во внешне камерных процедурах и концептах теории Рана Лахава отражаются универсалии культуры глубинного общения: со – причастность; доминантность на всех Других; предвещающее утверждение достоинства каждого; творчество как свободный дар встречи, дар междусубъектности; со–творчество. Не случайно в сентябре 2017 года в философской практике появилось новое направление получившее название «глубинной философии» («Deep Philosophy Group» [5, с.204-206, 214].

Анализируя причины вовлеченности личности и следствия ее активного участия в группах философского партнерства мы опирались также на концепцию компенсаторного общения [3]. При этом из известных нам метаформ компенсаторного общения [декомпенсация (угасающая компенсация), прямая компенсация и сверхкомпенсация средствами общения], мы с полным основанием считаем, что в данном случае мы имеем дело с такой метаформой как сверхкомпенсаторное общение. Для данной метаформы характерно следующее: она способствует личностному росту, в данном случае членов групп философского партнерства, радикальному преобразованию их духовного мира на основе диалогического взаимоутверждения, развития способностей к единению [1, с.30-31], (интегративная функция общения). В процессе сверхкомпенсаторного общения совершенствуются способности личности к сочувствию, сопереживанию, взаимопониманию. Совершенствуется эмоциональная сфера личности в целом.

Известно, что совместное философствование философских партнеров основывается на коллективном размышлении над тщательно выбранным философским текстом. Пафос наших тезисов состоит в том, чтобы предложить использовать в процессе партнерской сессии тексты художественной прозы либо поэзии. Но будет ли это философской практикой, философским партнерством? Безусловно! Тесная взаимосвязь, взаимопроникновение, взаимовлияние философии и литературы обнаруживают себя с древнейших времен. Особенно очевидно это при рассмотрении лучших образцов как философии, так и литературы. На протяжении всей истории культуры нас сопровождают мыслители – художники и художники-мыслители (художники в ницшеанском смысле слова). И подчас не столь важно, какая из составляющих преобладает и какова форма изложения: стихотворная или прозаическая. Главное состоит в том, что для автора подобный синтез был органичен. В XX веке философия все чаще переходит от категориальной формы выражения к художественно – образной, дабы с наибольшей глубиной и разносторонностью раскрыть бытие человека. Наиболее успешными в указанном отношении оказались экзистенциализм и постмодернизм. Размышление художника – мыслителя, например, о том совместимы ли гений и злодейство могут инициировать философские размышления о злом и добром творчестве. Ценность найденной в художественном тексте философской составляющей (философема) значима не только для профессионалов в области философии литературы, но и для тех, кто в настоящее время еще только изучает философию; для тех кто еще не приступил к ее изучению. Это своеобразное введение в философию. Философское партнерство может объединять тех, кто никогда не будет изучать академическую философию в систематизированной форме, тем не менее и у них зачастую возникает интерес к определенной философской проблематике. Он может удовлетворять его посредством обращения к текстам мыслителей – художников, а затем, возможно, и к тем из философов, что в наибольшей степени будут отвечать его интересам. Движение от литературы глубокого содержания к философии – вещь не редкая.

Что может послужить предметом философского созерцания во время сессии по философскому партнерству? Что может возникнуть в результате? Это можно прояснить при помощи «концепции

философемы»[4]. Возникновение новых философских концепций часто проходит через этап возникновения философемы. Философема выступает результатом философской рефлексии определенного уровня, и может встречаться в различных областях нефилософского познания. Между тем, несмотря на то, что составляющие философского знания могут быть обнаружены в составе любых артефактов культуры, наиболее изучены они именно в области художественной литературы. Это и неудивительно ввиду теснейшего союза и даже взаимопроникновения литературы и философии практически едва ли не во всех ее областях.. Таким образом, литература способствует распространению философского знания, его практическому участию в жизни каждого человека. В философеме, входящей в структуру художественного произведения, синтезируется обыденный опыт и теоретическое знание. Философемы, будучи неотъемлемой частью серьезной литературы, позволяет предельно расширить аудиторию почитателей философии посредством вплетения философских знаний в художественную литературу. Философема, благодаря ограниченной степени ее рационализации, включает в свой состав эмоциональные компоненты. Эта особенность философем благоприятствует их использованию в процедурах и упражнениях входящих в состав философского партнерства.

Отнюдь не праздным является вопрос о том, с чем связано увлечение людей философской практикой в различных ее формах. Пусть даже число ее приверженцев не столь велико. Но последнее вовсе не удивительно, ибо, по нашему мнению, например, философское партнерство – деятельность элитарная: она требует от участников группы определенного исходного уровня развития (интеллектуального, духовного) внутренней культуры, определенных коммуникативных навыков (культура слушания) и ,разумеется, деятельных усилий. Исходя из концепции компенсаторного общения мы считаем философское партнерство сверхкомпенсацией. Эта самая социально – ценная из «ипостасей» компенсаторного общения. Но наиболее очевидными часто выступали ее негативные проявления – иллюзорная, мнимая компенсация. Она, как правило, осуществлялась в группах где неудовлетворенные своими повседневными контактами с окружающими люди получали возможность реализовать эмоциональные, интеллектуальные и деятельностно – волевые составляющие общения. Иллюзорная компенсация происходила ценой снижения планки содержательной стороны общения, вела в предельных случаях к разрушению и деградации личности, деформации ее отношений общения с теми, кто в компенсаторную группу не входит. В этом, с разной степенью остроты, заключена опасность замкнутых на себя групп. Человек, чувствующий себя комфортно в группе, более того испытывающий в контактах внутри ее настоящую отраду, уже не стремится к расширению круга своего общения. Безусловным достоинством философского партнерства выступает формирование у его участников чувства единения. «Единение состоит в мышлении с другими. Это мышление в истинном диалоге креативно. Оно выполняет эвристическую функцию. В духе истинной философии, в духе философем классической литературы, оно проблематизирует действительность, не дает готовых ответов. *Единение – это ключевое слово в учении Рана Лахава.* Но единение состоит не только в мышлении с другим / другими. Если мы сосредоточимся на интеллектуальной составляющей общения, то может в небрежении оказаться его эмоциональный компонент. А это – важнейший аспект единения на основе взаимопонимания. Благодаря взаимопроникновению интеллектуальной и эмоциональной сфер возможно полноценное резонирование с партнерами, когда мы обретаем способность отказаться от «от разделения на свои и чужие мысли, на свои чужие убеждения» [1, с.30]. Именно художественный текст, эмоционально насыщенный; в философемах которого обнаруживаются и глубины философской мудрости и возможности для широкой интерпретации смыслов и обращенность к эмоциональной сфере участников группы, в полной мере предоставляет такую возможность. Причем, это может быть как художественная проза, так и философская поэзия. Для последней наилучшим образом подходит процедура «медленное чтение» [1, с.49-50]. Относительно художественной прозы мыслителей – художников может возникать известная сложность для обсуждения отдельных фрагментов вне контекста произведения взятого как целое. Следовательно, необходимо чтобы было прочитано партнерами все произведение. Мы считаем, что в наше время, когда художественная литература читается не так интенсивно как прежде. Это будет определенным вкладом в дело оживления чтения художественной литературы. Решая специфические задачи философское партнерство может многофункционально использоваться в группах студентов – филологов. Изучая произведения классиков отечественной и зарубежной литературы они могут самостоятельно находить философемы полезные в деле осуществления философского партнерства. В обращении к художественной литературе важно также и то, что прочтении происходит процесс идентификации читателя с героями книги, что расширяет границы его эго еще на докоммуникативной фазе. А это уже шаг к трансформации личности и ее выход за пределы «периметра», что собственно и является задачей философского партнерства [6, с.46-47].

Литература:

- 1.Лахав Р. Руководство по философскому партнерству / Пер. с англ. С. Борисов, Р. Пеннер. – Челябинск, 2017. – 62с.
- 2.Батищев Г.С. Особенности культуры глубинного общения //Вопросы философии. 1995. – №3. С.109-129.
- 3.Гладышев В.И. Компенсаторное общение: социально – философский анализ: Монография. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. – 292 с.
- 4.Песоцкий В. А. Художественная литература как социальное явление и предмет философского анализа. М.: Изд-во МГОУ, 2009. 403 с.
- 5.Борисов С.В. Философская практика в современном мире: вызовы и ответы: монография / С.В. Борисов. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ , 2019. – 232с.
6. Дыдров А.А. Периметр // Язык философской практики: краткий словарь – презентация. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018. С.46 – 48.

Философская практика в контексте концепции «второй устности»

Гредновская Е.В.

Южно-Уральский государственный университет (НИУ), кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии
grednovskaiaev@susu.ru

Резвушкин К.Е.

Южно-Уральский государственный университет (НИУ), кандидат философских наук, доцент
rezvushkinke@susu.ru

Аннотация. В докладе анализируется значение, которое приобрела философская практика в условиях эпохи «второй устности», когда использование электронных средств коммуникации реактуализирует коммуникативные практики, присущие домодерной устной культуре. Философская практика в различных формах, в том числе сократического диалога избегает нанесения травмы насильственным приобщениям к ценностям и атрибутам письменной цивилизации, оставаясь в границах устного общения, не требующего большого объема памяти, как в дописьменную эпоху, и в то же время не подразумевающего необходимости обращения к интернету в качестве компенсации неразвитости памяти в эпоху «второй устности». Также она способна играть активную роль в восстановлении целостности существования в условиях фрагментарности и клиповости через реализацию «заботы о себе».

Ключевые слова: вторая устность, философская практика, коммуникативные практики, «устная-письменная» парадигма, забота о себе.

Philosophical practice in the context of «secondary orality». *Grednovskaya E.V.; Rezvushkin K.E.*

South Ural State University, Department of Philosophy

Abstract. The report analyzes the importance that philosophical practice has acquired in the conditions of the secondary orality epoch, when the use of electronic means of communication reactivates the communicative practices inherent to the pre-modern oral culture. Philosophical practices in various forms, including Socratic dialogue, avoid the traumas of forced adherence to the values and attributes of the written civilization, remaining within the limits of oral communication, which does not require much memory, as in the pre-written era, while at the same time not implying the need to use the Internet as a compensation for the underdeveloped memory in the era of secondary orality. It can also play an active role in restoring the integrity of existence in a fragmented and clipy environment through the implementation of care of the self.

Keywords: secondary orality, philosophical practice, communicative practices, oral-literary paradigm, care of the self.

ⁱ Введение. XXI век – время технологических инноваций, ознаменованное мощными изменениями поведенческих паттернов индивида и общества. В условиях быстрого развития информационных технологий особым образом предстают потенциал и специфика философской практики, способные, на наш взгляд, дать ответы на вызовы эпохи цифровых технологий. Для пояснения нашей мысли наиболее адекватными представляются исследования, осуществляемые в рамках «коммуникативной парадигмы», нацеленные на аналитику изменений, происходящих сегодня в психологических паттернах индивидов, активно использующих интернет и, в частности, социальные сети. Мы обратились к концепции «второй устности» У. Дж. Онга, изложенной в анализе его идей как представителя экологии средств коммуникации и последователя Г. М. Маклюэна в развитии теории коммуникации [1].

ⁱ Доклад подготовлен в рамках проекта РФФИ № 17-33-00021 «Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход». [The theses were prepared under RFBR project No. 17-33-00021 «Theory and Practice of Philosophical Consulting: Comparative Approach».]

Концепция «второй устности» У. Дж. Онга, американского литературоведа и историка культуры, представлена в работе «Orality and Literacy» (1982). Письменную цивилизацию с ее логоцентрическими ценностями, находящих материальное проявление в письменной и графической форме и формирующей «книжное» сознание, сменяет эпоха «второй устности», характеризующаяся возвращением приоритета устной речи и соответствующему ей «речевому» сознанию, правда, в условиях, где память как способность уже не является ценностью по причине высокого уровня развития компьютерных технологий.

Рассмотрим особенности сознания человека эпохи «второй устности», видимые в речи. Оно характеризуется недисциплинированностью, проявляющейся в небрежности письма и несоблюдении орфографических, пунктуационных норм и каллиграфии. В культуре «второй устности» пропадает письменность: студенты на лекциях и семинарах ничего не конспектируют, и зачастую у них даже нет при себе письменных принадлежностей. Тем самым, недооценивается «план выражения» культуры, происходит прагматическая концентрация на «плане содержания». Продукт современной эпохи «второй устности» привычен к нормам устной речи, которые переносит в письменную. Так, например, не различает на письме строчные и прописные буквы, в том числе в прецедентных именах русской и мировой культуры и т.д., поскольку в устной речи все это не является релевантным. Отсюда речь в соответствии с речью человека эпохи «второй устности»:

- а) аддитивна, то есть акт говорения практически эквивалентен акту мышления. Обычно студенты, не раздумывая, озвучивают то, что приходит им в голову, не облекая это в окончательную, выверенную форму, как это бы делал носитель письменной культуры;
- б) избыточна, повторяет уже сказанное, чтобы заполнить паузы;
- в) конкретна, в то время как абстракции, трудные для запоминания, сводятся к минимуму.
- г) сиюминутна, не исторична, в противовес ориентации письменных текстов на внесение в общую память данной культуры. То есть человек не мыслит себя как часть культуры, ценностный и мировоззренческий компоненты его языковой личности неразвиты. Тексты, порождаемые человеком эпохи «второй устности» обычно не самодостаточны и неясны, требуют дополнительных уточнений со стороны собеседника. Это также объясняется тяготением к устной речи: «Предельным случаем устной речи будет внутренняя речь - обращение к самому себе создает полное тождество памяти адресата и адресанта и максимальную эллиптированность текста. Предельным случаем письменной речи является официальный документ» [3].

Но, в отличие от эпохи первичной устности, иными словами, домодерной эпохи, не развивается память, поскольку обращение к ней заменяется мгновенным доступом к поисковым системам интернета. Отсюда в рамках общей проблемы обучения встает также вопрос о том, как в таких условиях обучать студентов философии, и в данных условиях особую актуальность приобретает философская практика, в каком-то смысле реактуализирующая через диалогическую практику наследие дописьменной эпохи.

Ресурс философской практики в эпоху «второй устности». В условиях устно-письменной культурной парадигмы, философская практика, очевидно обретает новое звучание, и вполне возможно, свою особую миссию. Философская практика, в отличие от академической философии занимается не изучением философских теорий или систем, а практическим применением определенных процедур философствования – «духовных упражнений» (П. Адо) [4], акцентирующих внимание на самопознании, способствующих расширению и/или трансформации границ мировоззрения.

Поскольку все наследие письменной культуры становится для студентов и школьников эпохи «второй устности» чуждыми, так как вновь актуализируются визуальные и аудиальные формы восприятия знания, особую актуальность приобретает диалогическая и полилогическая форма совместного конструирования знания, известная как сократический диалог, известная в во многом в связи с именем О. Бренифье [5, 6]. Применение сократического диалога позволяет избежать психологического насилия, неизбежно сопровождающего попытку втянуть человека эпохи «второй устности» в предыдущую эпоху письменной цивилизации и навязать ее ценности. Сократический диалог не требует применения атрибутов последней, и нацелен на разрушение сформировавшихся непродуктивных мыслительных паттернов и «выдергивание» студента из зоны комфорта путем вопрошания. Краткость выражения, будучи правилом ответного высказывания в рамках научения ценности «плана выражения», а также точность задаваемых вопросов нивелируют отсутствие привычки учеников выстраивать устную речь по

образцу письменной, в то же время развивая у них способность критического мышления и лаконичной речи. Таким образом, мы избегаем неизбежного травматизма столкновения с уходящими на глазах ценностями письменной цивилизации, воспринимаемой большинством студентов как архаичной, который осложняет усвоение ими любого предмета, и особенно философии как части гуманитарного знания, требующего ограничения эго и обладающего трансформирующей силой, нацеленной на позитивное преобразование познающего путем приобщения его к духу культуры.

Разоблачая автоматизмы эмоций, речи и действий, человек получает возможность осознания «периметра» своей «платоновской пещеры», а также возможность выхода из нее на новый уровень мышления [7] (Р. Лахав). В философском партнерстве, где методом феноменологической редукции группой партнеров осуществляется совместное философское созерцание аспектов мировоззренческих проблем, реализуется глубокое сосредоточение на «чистом» опыте медитативного состояния, выносящего «за скобки» все автоматизмы мысли и речи внешнего повседневного опыта; концентрация на этом опыте осуществляется методом медленного чтения фрагментов философских текстов, где высказывание собственных идей в унисон с прочитанным текстом, позволяет создать общую «карту идей» [8] (Р. Лахав).

Заключение. В новых трансформационных условиях, когда отсутствует достаточное время для осмысления данных, сознание индивида, неподготовленного к обработке сверхизбыточного количества информации, попадет в режим когнитивного диссонанса, преодоление которого и является целью взаимодействия философа-практика с клиентом. Теперь, когда человек начал воспринимать мир поверхностно и фрагментарно в формате «со-просмотра», философ-практик может помочь рассмотреть «свои фрагменты» в пространстве феноменологической целостности, предлагаемой в практиках партнерского созерцания или сократического диалога. Когда происходит разрушение причинно-следственных связей, вытесняющее привычные паттерны восприятия настоящего в последовательном, линейном ключе, когда стремительно формируются новые коммуникационные практики, «новой устной» культуры коммуникации, где сообщение прямо обращается к сознанию по аналогии с межличностным общением, подразумевающим немедленную реакцию [1], философ-практик организует специальное «медленное пространство», путешествие «медленного чтения» с «духовными упражнениями» глубокого проникновения в ускользающие смыслы «сборки себя» в пазлах самотрансцендирования за пределами мультимедийной коммуникации, в лоне своей аутентичной «устной-письменной» специфики философской практики «заботы о себе».

Литература:

1. Коломиец Я. Ю. Концепция «Второй устности» У. Онга и ретрайбализация общества посредством социальных сетей в XXI веке. Часть 1 // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6, № 3. С. 418-429
2. Ong W. J. Orality and Literacy: the Technologizing of the Word. London; New York: Methuen, 1982. 256 p.
3. Лотман Ю. М. Устная речь в историко-культурной перспективе // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т.1. Таллинн, 1992. С. 184-190.
4. Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М.: СПб.: Степной ветер; Коло, 2005. 448 с.
5. Бренифье О. Искусство обучать через дискуссию. М.: МОЗАИКА-СИНТЕЗ, 2016. 128 с.
6. Бренифье О. Искусство философской практики: философские установки // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 80-87.
7. Борисов С.В. Что такое «философское партнерство» и как его практиковать // Социум и власть. 2017. № 2 (64). С. 123-129.
8. Лахав Р. Философская практика – Quo Vadis? // Социум и власть. 2016. № 1 (57). С. 7-14.

Практический субъект современного философствования

Динабург С.Р.

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, старший преподаватель

svetlana.dinaburg@yandex.ru

Аннотация: В основание доклада положена критическая позиция, в которой возможность философской практики поставлена под вопрос. Критика понимается здесь не в смысле негативных или полемических высказываний о невозможности философской практики или её качестве, но как продолжение классической традиции опираться на исходные значения – «различать», «упорядочивать», «побуждать к дискуссии». Сам акт обращения к феномену философской практики ввергает нас в парадоксы философствования, что фактически ставит философскую практику в позицию метафилософии. Проблема «истинной встречи» или «встречи истин» является одной из ключевых: быть на глубоком уровне философствования и одновременно – социально востребованной. Очевидно, что невозможно выдвинуть формальные атрибуты такой практики, однако, её глубинный инвариант распространяется в социальном пространстве-времени как волна (принцип эстафеты). Обновление компонентов практики (ракурсов, техник, аудитории и пр.) неизбежно и подвержено влиянию других социальных феноменов-волн, образующих вместе «современность». Практический субъект непредставим вне практики как способа бытия; ограничен и уязвим из-за рисков; руководствуется не правилами, ограничениями или калькуляцией благ, а взвешенной, актуальной перспективой блага с позиции практики.

Ключевые слова: критика, метафилософия, практика, современность, субъект, теория социальных эстафет, философская практика.

The practical subject of modern philosophizing. Dinaburg S.R.

Perm National Research Polytechnic University, Department of Philosophy and Law

Abstract: The report is based on a critical position in which the possibility of philosophical practice is called into question. Criticism is understood here not in the sense of negative or polemical statements about the impossibility of philosophical practice or its quality, but as a continuation of the classical tradition to rely on the initial meanings - “distinguish”, “order”, “induce discussion”. The very act of addressing the phenomenon of philosophical practice plunges us into the paradoxes of philosophizing, which in fact puts the philosophical practice in the position of metaphilosophy. The problem of “true meeting” or “meeting of truths” is one of the key ones: to be at a deep level of philosophizing and at the same time demanded socially. Obviously, it is impossible to put forward the formal attributes of such a practice, however, its deepest invariant spreads in the social space-time as a wave (relay principle). Updating the components of practice (angles, techniques, audiences, etc.) is inevitable and subject to the influence of other social phenomena-waves that form together “modernity”. A practical subject is unrepresentable outside of «practice as a way of being»; it is limited and vulnerable due to risks; it is not guided by rules, restrictions or calculation of goods, but by a balanced, relevant perspective of the good from the perspective of practice.

Keywords: criticism, metaphilosophy, modernity, subject, theory of social relay races, practice, philosophical practice.

Вопрос – как возможна философская практика? – направляет нас не к полемике вокруг известной озабоченности тем, что в процессе становления практики, как мы знаем, она может потерять философское содержание, а философская деятельность – перестать быть практикой; но этот вопрос – об условиях возможности нашей практики в меняющемся мире.

Ответ И. Канта в отношении сути Просвещения был таков: использование разума и есть практика себя, практика свободы; рассуждение – это практика, работа по установлению принципиальных для жизни человека различий («различая – понимаю, понимая – самоопределяюсь») [1]. Но трениров-

ка мышления в качестве «использования разума» была бы подменой для такой практики – расколом единства мышления и воли, поскольку нельзя, фокусируясь на «логике» придать мужество жить своим умом, это акт личного выбора. Четкость этого принципа постепенно теряла свою связь с жизнью, и позже А. Макинтайр восстал против желания «переписать доблесть в терминах правил»: для него практика – это «только тот вид деятельности, внутри которой есть внутренние блага и стандарты совершенства», он возвращается к аристотелевской стилистике фронесиса, культивированию доблестей и развитию способности к неформальным решениям [2, с. 218].

Но произошедшие в XX веке повороты (онтологический, антропологический, практический и др.) сняли обозначенные оппозиции не путем «возврата», а пересмотра прежних отношений и бытия на границе, на новом рубеже. Так, М. Фуко, следуя мысли И. Канта, хочет показать, что «современность это антропологическое событие, когда впервые устанавливаются отношения с самим собой, происходит тотальное изменение своего антропологического статуса, как человека, ведущего себя самого». А идущий со времен Аристотеля «примат софии над фронеисом», не переворачивается – как если бы практика встала впереди теории, но снимается само их противопоставление [1]. В целом, для современности характерна парадоксальность таких формул, как «примат материи и первенство духа» [3, с. 444] – вышедших из классики, но не возвратных.

Философская практика, как движение, ведущее отсчет своей современной истории с 80х годов XX века, так или иначе, вовлечена в рефлексию над мета-проблемами самой философии: что такое философия, какова её роль в обществе, кого можно считать философом, каким путем можно научить философии, где проходят рубежи с другими областями знания и граница плюрализма. Более того, от ответов на эти вопросы зависит самоидентификация практиков и социальный отклик – отправляясь в философское путешествие вместе с «профанами», находимся ли мы в поле философствования или занимаемся имитацией, профанацией, экзорцизмом? То, что хорошо известно и «извне», и «изнутри» философской практики – это именно постоянство опасности перерождения философствования в свое иное: отхода от собственно философии к почтенным занятиям или явным сделкам, а вместе с тем, и выпадения из практики, призванной накапливать и преобразовать, в рутинную цепочку действий.

То, что с позиции П. Адо и его последователей было кризисом, упадком и утерей философией её древней роли, для другой когорты философствующих – линия её развития, которая проблематизируется с иных ракурсов. Например, показано, как исторически обоснована установка на автономию и суверенитет философии [4, с. 176]. В более резкой, радикальной форме, конфликт между философией и обществом предлагается принять как неизбежное, а сблизиться с «людьми с улицы», «угождать» им и «быть более понятными» – это и есть деградация [5]. «Хожение в народ» может полагаться в духе провокативности, когда философия мыслится «исключительно как оскорбление», и «единственное занятие философов – оскорблять своими мыслями обывателя, среднего человека и вождей» [6]. Более взвешенное видение полагает за философией собственную неотъемлемую практику – отнюдь не задачу ведения за собой («совершеннолетние разумом» в этом не нуждаются, а остальным это не поможет), ни тем более практическое решение проблем, а прояснение неопределенности и неочевидности нашего положения, «функцию настройки фокуса, наведения на предмет» [1].

Как мы полагаем, если философская практика возьмет курс на уединение в кругу единомышленников, именно в этом случае она потеряет важный импульс. В самом её замысле имеет место не только интеграция теоретической рефлексии и практической деятельности, но и присутствие регистров современности и вневременности, заявка на глубину проникновения и ориентация на доступность, а плюралистичность подходов уживается с битвами за истину, смысл и правильную постановку вопросов. Вовлеченность в мета-проблемы философии и необходимость совмещения полюсов, балансирования между крайностями, фактически ставит философскую практику в позицию метафилософии – т.е. философии, осмысляющей философствование, «одной из центральных проблем современной философии» [7, с. 89].

Существо философской практики сегодня нередко определяется ретроспективно – через идею «восстановления» (утерянной связи философии с тем, чем она изначально являлась) или «возвращения» (к учениям о том, как прожить наполненную смыслом жизнь занимаясь решением жизненных проблем). Такому пониманию в скрытой или явной форме сопутствует критика современной философии – переставшей быть делом жизни, ставшей научно-исследовательской программой, а то и «интеллектуальным истэблшментом». Роль так понимаемой философской практики, представляющей собой альтернативу академической философии, это помощь большому количеству обычных людей в поисках

счастья, в решении повседневных проблем, открытия новых измерений смысла.

Возможно, с позиции сегодняшнего дня стоит признать, что на уровне исходных возвышенных ожиданий не реализуемо ни возвращение в «золотой век» философии (когда, стоит заметить, «забота о себе» была доступна немногим), ни предложение драгоценного наследия философских идей «мас-совому человеку». Глядя назад, мы попадаем в старые паттерны умозрения («вера в повторяемость свойственна мышлению до Модерна» [8]), если надеемся, что, собрав все лучшее из прошлого, мы утолим жажду современного человека так же, как это делали наши наставники и проводники. Ключевые вопросы сегодня не в том, следует ли философии покинуть рамки университета; достойно ли, говоря с «людьми с улицы» на общедоступном языке, заниматься популяризацией философии; может ли философ погрузиться в консультирование по жизненным проблемам; должен ли он обладать профессиональным образованием. И основания к ведению практики для философа не в том, что жизненные проблемы существуют, люди страдают, а другие виды помогающих практик дают недостаточно.

Со своей стороны, академическая философия в своей дистанцированности от непосредственного решения жизненных проблем, зарываясь в толщу феноменологии, герменевтики, трансцендентализма, исторического изучения субъективности и др., не только не теряет связи с помогающими практиками, а напротив – поддерживает и укрепляет их.

На наш взгляд, сегодня начинает себя проявлять новая волна философской практики. Это утверждение означает не просто «смену поколений» или модернизацию программы с появлением новых форм. Идея в том, что социальные явления напоминают волны тем, что реализуют свои программы поведения на постоянно сменяющемся друг друга материале (вовлечение новых людей и идей). Воспроизведение деятельности происходит по образцам (т.н. «социальная эстафета») – в нашем случае, сохраняются изначальные интуиции и реализуется исторический потенциал философствования. Но исходные идеи сами по себе не задают пространства возможных реализаций – «мы имеем дело не с одним, а с множеством образцов, ограничивающих друг друга», «отдельно взятых эстафет просто не существует и не может существовать, они возникают только в рамках некоторого эстафетного универсума» [9, с. 49-54].

Иными словами, «философия есть способ приобщения к вечному настоящему» [10]. Если понимать под *вечным* сравнительную константность, неизменность принципов и реалий, то метафора *восстановления* утраченной связи с чем-то изначальным и *возврата* к учениям об осмысленной жизни работает как ключевой принцип, формирующий практику определенного типа. Однако, если фокус внимания «на вечном» раскрывает то, что человек всегда занят тем, чтобы «свершиться, пребывать, исполниться, самоосуществиться» [10] в самых своих обыденных проблемах и элементарных потребностях, то *вечное настоящее* (в смысле подлинности и обращения к современности) в качестве руководства задает другой характер практики.

Это значит, что философская практика, которая ищет интереса и отклика широкой аудитории, нуждается в союзе с современностью и в «установке на современность» [1]. В этом её задача *совпадает* с функцией «университетской» философии — осмыслить современность, и не столько как историческую эпоху, а как упомянутое «антропологическое событие», в которое, с одной стороны, мы вовлечены, но, с другой стороны, оно требует личного решения и акта мужества. Здесь задача двойная: во-первых, попасть в те пункты, которые окажутся ключевыми, и в те темы, которые будут резонировать – изучая современность и будучи «втянутым» волновой структурой эстафет. А во-вторых, поддерживать то состояние «пафоса жизни», поскольку, если он есть, человек «не может быть нефилософом», чем бы он ни занимался [10].

Таким образом, в практиках философствования, принимающих обозначенную «установку на современность» сами основания не положены в качестве «некой очевидной данности», но являются тем, чему лишь еще надлежит возникнуть [1]. Тезис о том, что «практики — это то, в чем мы вырастаем, с чего мы начинаем и от чего мы потом начинаем себя отличать» [2, с. 286] указывает на проблему исходной недифференцированности той связи, из которой потом выделится субъективность и оформится практика, что можно считать стадией, предшествующей зрелости их отношений. И в то же время, это наблюдение переворачивает представление о том, что субъект обращается к практике, ведомый какой-то своей нуждой. Не в меньшей мере, чем субъект выбирает практику, практика выбирает его самого.

Литература:

1. Артеменко Н.А. ОФФ: Н.А. Артеменко, «Практики себя» 5 лекция. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=K2zYFxFH8ImI> (дата обращения: 20.02.2020).
2. Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. 298 с.
3. Конт-Спонвиль А. Философский словарь / Пер. с фр. Е.В. Головиной. М.: Этерна, 2012. С. 439-445.
4. Тюгашев Е.А. Спор об автономии философии // Знание. Понимание. Умение. 2014. №1. С. 175-182.
5. Гусейнов А.А. Почему не любят философию и философов? Доклад на заседании теоретического семинара Института философии РАН «Философия в публичном пространстве» 10 марта 2015 года. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://iphras.ru/page23439754.htm> (дата обращения: 29.09.2017).
6. Мартынов К. Философия как оскорбление // Отечественные записки. 2014. № 6. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2014/6/filosofiya-kak-oskorblenie> (дата обращения: 29.09.2017).
7. Сафонов А.С. Метафилософия как проблема философии // Манускрипт. 2019. №1. С. 89-92.
8. Шульман Е. Дискуссия «Пункты несогласия» Бориса Акунина и Екатерины Шульман 29 января 2020 года в Лондоне [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=ihysAfsyOV0> (дата обращения: 22.02.2020).
9. Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии / М.А. Розов; Рос. акад. Наук, Ин-т философии. М.: Новый хронограф, 2008. 352 с.
10. Мераб Мамардашвили М. Одиночество — моя профессия... Интервью Улдиса Тиронса [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.mamardashvili.com/assets/files/28-odinochestvo-moya-professiya.pdf> (дата обращения: 24.02.2020).

Речевые практики: от экогуманизма к экологии речи. Понятийный обзор

Емченко Е.П.

Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Институт медиа и социально-гуманитарных наук. Кандидат философских наук, доцент

emchenkoep@susu.ru

Суленёва Н.В.

Российский государственный институт сценических искусств, доктор культурологии, профессор

nsuleneva@mail.ru

Аннотация. В статье представлены ключевые термины экологии сознания – относительно нового полидисциплинарного научно-практического направления, исследующего, в том числе, такие понятия как экогуманизм и экология речи. Дается краткий обзор исторического развития понятия экология речи, анализируется ее понятийный аппарат, в настоящий момент, находящийся в стадии активной проработки. Для раскрытия специфики данного термина проводится анализ наиболее значимых трудов российских и зарубежных авторов по философии языка, а также смежным дисциплинам. Речевая практика заключается в поиске фактического применения данного понятийного обзора как целостной стратегии совершенствования человека в контексте устойчивого развития.

Ключевые слова: экология языка, экология общения, эко-культурное бытие человека, экологическое сознание, экогуманизм, экологическая философия, философская практика.

Speech practices: from eco-humanism to the ecology of speech. Conceptual review.

Emchenko E.P.; Suleneva N.V.

South Ural State University; Russian State Institute of Performing Arts

Abstract. The article presents the key terms of the ecology of consciousness - a relatively new multidisciplinary scientific and practical field that explores, among other things, such concepts as eco-humanism and the ecology of speech. A brief overview of the historical development of the concept of ecology of speech is given, its conceptual apparatus, which is currently under active development, is analyzed. To reveal the specifics of this term, the analysis of the most significant works of Russian and foreign authors on the philosophy of the language, as well as related disciplines, is carried out. Speech practice is to search for the actual application of this conceptual review as a holistic strategy for improving a person in the context of sustainable development.

Keywords: ecology of language, ecology of communication, eco-cultural being of a person, environmental consciousness, eco-humanism, environmental philosophy, philosophical practice.

Актуальной задачей сегодня является защита не только среды обитания человека, но и самой человеческой природы, защиты человека как уникального существа. В подобных условиях необходимо новое человекоцентрическое экологическое мировоззрение, такое как экогуманизм – связь современных технологий способных менять не только природные реалии, но и природу человека с подлинной заботой о человеке и мире.

Центральной фигурой нового экологического мировоззрения может быть только человек. Человек – мыслящий, волевой, готовый раскрыть свой природный потенциал и, в тоже время, существовать в естественном для себя, неискаженном природном мире. Экогуманизм предполагает человека с экологическим мышлением, осознающего себя неотъемлемой, органической частью природы и с другой стороны творческим звеном, организатором этого пространства.

Основа экогуманизма – это определенное видение человека-носителя творческого культурно-исторического опыта. Подобная личность должна быть духовно целостной, обладающей нравственной, творческой свободой, реализующей себя в социальном и природном векторах. Экогуманизм носит персоналистический характер. Это творческое мировоззрение личной свободы и личного соучастия,

ответственного выбора и вовлечения в судьбу человечества, мира, вселенной. Единодушное творчество и есть путь к раскрытию человеческой персональности. Экогуманистический мир олицетворен, очеловечен, человекаразмерен, окультурен, возделан человеком.

Закономерным является переход от экогуманизма к понятию экология речи. Мы выделяем три трактовки данного понятия: во-первых, вербальное воплощение, реализация языка (кода) индивидуумом в коммуникативной ситуации в аспекте его экологичности; инструмент речевого воздействия на социальную и природную среду; во-вторых, целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с морально- нравственными принципами речевого поведения, принятыми в данном обществе. Экологическая целенаправленность речи предполагает сохранение речевой коммуникации, дискурс как живую систему общения; обеспечивает особую позитивную интонацию, прогнозируемую реакцию и успешную коммуникацию; в-третьих, система устойчивых формул вербального общения, существующих в обществе для установления, поддержания и регулирования речевого общения в избранной тональности (фатическая и конативная функции).

Термин экология речи употребляется чаще всего в контексте экологии языка, которая, в свою очередь, является разделом эколингвистики. Авторство термина «эколингвистика», как пишет С.В. Ионова [1], принадлежит американскому лингвисту Э. Хаугену. В отличие от экологии языка в раздел экология речи входят коммуникативные вербальные практики; по определению Г.А. Копниной [2], способствующие сохранению алгоритмов речевой коммуникации, консервации речевого многообразия различного уровня общения, исследуют дискурс как подлинное общение. Вариативность функционирования дискурсов в их социальном и природном окружении являются разделом исследования эколингвистики. Здесь особое значение уделяется психо-лингвистической реальности: звуковой, смысловой, грамматический аспект речи. Экологичность, а значит «правильность», «чистота»,

«воспроизводимость», «бережность», «успешность» речевого акта зависит от личностных качеств адресанта. Он отдает предпочтение определенному стилю общения, использует высказывание с нужным для своих целей коммуникативным заданием, учитывая цели другого, нахождение на этой основе варианта комфортного сосуществования, общения субъектов. Варьируясь, речь приспосабливается к задачам и условиям дискурса.

В концепции Н. Н. Белозеровой экология речи проявляет себя в дискурсах следующим образом: чистота, правильность, цельность, последовательность [3, с. 187-203]. В плане выразительных ресурсов экологии речи необходимо добавить интонационную выразительность, эмоциональное разнообразие, речевой стиль, который варьируется с целью сделать адресата единомышленником. А.П. Сковородников отмечает, что экология языка и экология речи представляют собой сложную семиотическую систему [4]. Экология речи наибольшим образом отражает качество среды обитания дискурса, условий его функционирования, создает его «экологический портрет» [2, с. 72]. Составляющими экологического портрета речи являются: вербализация в языке морально-этических аспектов; алгоритмы речевой безопасности (речевой этикет); богатство выразительных ресурсов речи (речевая грамотность); интонационно-эмоциональная выразительность, ориентированная на адресата, регулирующая в ситуации общения доброжелательные и вежливые взаимоотношения.

У М.Н. Эпштейна упоминается экология языка и текста как внутрикультурные феномены; желание общения не с объектом, а с чужими желаниями; поиск «встречного чувства, как проявления чужой, желающей меня воли» [5]. Поскольку речь вновь идет о культуре, то, необходимо упомянуть об экогуманистическом мировоззрении, где человек, это историческая духовно развитая личность, способная к сохранению и накоплению духовного опыта, а, следовательно, устремленная к заботе и развитию целостности отношений природа-культура-дом. Цель экогуманизма можно определить, как бережное отношение к собственной-человеческой природной и культурной составляющей, сохранение его целостности в контексте творческого, исторического, космического развития [6].

Экология речи, в некоторой степени, отражает принципы экогуманизма, к примеру, включает в себя речевые качества, которые согласно В. А. Салимовскому, выражают способность адресанта не наносить вред адресату в процессе вербального общения [6, с. 53]. «Экологическим бедствием» (термин Д. С. Лихачева) является проявление речевой антикультуры. Дж. Остин утверждает, что даже при соблюдении структурно-языковых и стилистических норм в речевом действии, но при выборе антиценностной цели, разрушается общение [7, с. 57]. Возникает «огрубление речи» (М.Г. Церцвадзе), «речевое запугивание» [3], «речевая распушенность» (Н. Соллогуб) и разрушается не только понятие экология речи, но разрушается «центральный конструкт Экология Языка и Речи», по определению В.

Г. Руделева [8, с. 12], прогрессирует «речевая безответственность» (Э. Линчевский).

Экология речи это вербальные тексты и речевая коммуникация в аспекте их доброжелательного и этического действия на адресата, содержание которых основано на ценностно-ориентированной цели общения (взаимное сохранение живого, подлинного, искреннего общения; достижение гедонистической функции общения). Возникает необходимость понимания экологии речи как системы живого/ непосредственного общения, предполагающей тесную взаимосвязь с другими живыми системами, включая социум, окружающую природную, культурную среду и самого человека.

Экология речи, подобно экогуманизму, рассматривает идеальное общество как ответственное. Подобный взгляд раскрывает человека как совладельца культурного и природного достояния, готового не только к акту сохранения и сбережения наследия, но и к его приумножению в противовес истощению. Общество с выработанными принципами ответственности ориентируется на исторически сформированные ценности, что дает возможность к исторической самоинтерпритации и своевременной трансформации. Выход за пределы обыденности в творческое пространство индивидуальной и социальной жизни является условием для сохранения и сбережения культурного и природного наследия.

Литература

1. Ионова С.В. К вопросу о признаках экологичности текстовой коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2., Языкознание. 2011. № 1(13). С.190–197. URL: <http://elibrary.ru/download/29060952.pdf> (дата обращения: 29.05.2019)
2. Копнина Г.А. Лингвоэкологическая оценка фактов речевого творчества // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 54–72. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wpcontent/uploads/2013/12/G.A.-Kopnina.pdf> (дата обращения: 12.06.2019)
3. Белозерова Н.Н., Лабунец Н.В. Эколингвистика: в поисках методов исследования. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2012. 256 с. URL: <http://www.izdatelstvo.utmn.ru/catalog.php?section=read&book=00000521&page=0> (дата обращения: 10.08.2019)
4. Сковородников А.П. К становлению системы лингвоэкологической терминологии // Речевое общение: специализир. вестник. Выпуск 3(11). Красноярск, 2000. С. 70–78.
5. Эпштейн М.Н. Будущее гуманитарных наук. Техногуманизм, креаторика, эротология, электронная филология и др. науки. – М.: Рипол-Классик, 2019. – 239 с. Апухтина Н. Г., Дыдров А. А., Емченко Е. П., Соломко Д. В. Экологизация человека как диалог ценностей сохранения и изменения // Социум и власть. 2019. № 1 (75). С. 102—111.
6. Салимовский В.А. Культура речи и речевая антикультура // Салимовский В.А. Речеведение: общие вопросы, массовая коммуникация. Электронный сборник статей за 2010- 2012 гг. СПб., 2012. С. 35–63. URL: http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1354569365_8097.pdf (дата обращения: 09.07.2019)
7. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. Пер. с англ. / Сост. и вступ. ст. И.М. Кобозевой и В.З. Демьянкова. Общ.ред. Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.
8. Руделёв В.Г. Исследование проблем экологии языка и речи (научный ответ) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2001. № 1. С. 10–19. URL: <http://elibrary.ru/download/65361153.PDF> (дата обращения: 28.08.2019)

Зарапин Олег Викторович

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского». Кандидат философских наук,
доцент*

zaraoleg@yandex.ru

Аннотация: В докладе ставится вопрос о смысле обучения философии как процессе, направленном на формирование определенных компетенций. Обосновывается тезис о том, что если философское образование несет определенную социальную нагрузку, то и в системе общевузовской подготовки именно философия способна поставить её под вопрос. Господствующее в наши дни мнение о том, что главное достоинство специалиста состоит в умении обращаться со средствами, а не в том, чтобы выбирать и оценивать цели, подвергается здесь сомнению. Философия открывает возможность особого типа действия, изначально ориентированного не на выбор средств, а на выбор целей. Такую деятельность нельзя идентифицировать как труд, работу или профессию, это особый вид деятельности, который фиксирует условие демократической формы общественной жизни.

Ключевые слова: компетенция, цель, деятельность, действие, образование, университет.

The study of philosophy as an introduction to the action.

Zarapin O.V.

V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Abstract: The report raises the question of the meaning of teaching philosophy as a process aimed at the formation of certain competencies. The thesis is proved: if a philosophical education carries a certain social burden, then in the system of university education philosophy is able to question it. It is questioned the prevailing opinion in our days that the main advantage of a specialist is the ability to handle means, and not to choose and evaluate goals. Philosophy opens up a special type of action, initially oriented not at the choice of means, but at the choice of goals. Such activity cannot be identified as labor, work or profession; it is a special type of activity that fixes the condition of a democratic form of social life.

Key words: competence, goal, activity, action, education, university

ⁱ Что есть образование сегодня? Какую роль оно играет в общественной жизни? Обсуждение этих актуальных вопросов сосредоточено вокруг одного понятия – это понятие компетенции. Зафиксированное в образовательных стандартах подразделение компетенций на универсальные, общепрофессиональные, профессиональные есть основа отечественной системы высшего образования, определяющая как структуру и направленность учебного процесса, так и образ выпускника как квалифицированного специалиста. Понятие «компетенция» создает такую социокультурную реальность, в которой аудиторная работа преподавателя со студентами связывается и становится компонентой внешних взаимоотношений между университетом и обществом. Обращенность к внешнему миру есть фактор социальной валидности высшего образования, который управляет внутренней жизнью университета и форматирует учебный процесс.

Универсальные компетенции, формируемые в числе прочих общевузовских дисциплин также и философией, можно рассматривать с точки зрения идеологии, связывающей университет и общество. Такая идеология утверждает, что университет не есть фабрика специалистов, «заточенных» на решение стандартного набора задач в своей профессиональной деятельности, и что высшее образование – это процесс личностной самореализации. В его основу заложена возможность адаптации к меняющимся условиям жизни как возможность не только сменить профессию или готовность к решению нестандартных задач, но также как способность личности к ответственному выбору своей гражданской

позиции, способность реагировать и встраиваться в текущие социокультурные процессы, осмысленно формируя свое мнение о происходящем.

Понятие компетентности с точки зрения активного участия в общественной жизни не равнозначно специальности или профессиональной квалификации. Речь идет не столько о мастерстве в решении рабочих задач, сколько об особом типе деятельности, которая реализуется на стыке работы и жизни, а этот стык как основа компетентности находится вне поля зрения сугубо профессиональной подготовки студентов, в системе общевузовской гуманитарной подготовки его обеспечивает именно философия. На часто задаваемый в вузовской аудитории вопрос – зачем нам нужна философия? – в наши дни принято отвечать, апеллируя к компетентности. Но в чем разница между грамотным специалистом и человеком, обладающим компетентностью?

Отвечая на этот вопрос, сравним идеи британца Дж. Равена («Компетентность в современном обществе» [1]), и американки М. Нуссбаум, автора известной работы «Не ради прибыли. Зачем демократии нужны гуманитарные науки» [2]. Позиции Равена и Нуссбаум сближает мысль о том, что современное общество во всем многообразии способов и форм деятельности не может и не должно подвдаться под общий знаменатель рыночных отношений. Соображения прибыли и экономического роста сегодня утратили силу безусловных детерминант деятельности. Этот социокультурный сдвиг может быть незаметным в инерции текущих процессов, в рамках которых, как отмечает Нуссбаум, родители с неодобрением и непониманием относятся к выбору детей, предпочитающих гуманитарные направления специальностям, обещающим материальное благополучие, а вузовская администрация отказывается всерьез обсуждать альтернативные экономическому росту модели образования. Тезис Нуссбаум о том, что экономический рост и материальное процветание в обществе не означают, что это общество людей, довольных качеством своей жизни, звучит в *pendant* замечанию Равена о том, что сегодня потеряла свое значение вера в рыночную экономику как основополагающий способ организованной деятельности. Равен пишет: «Роль денег сейчас фактически сведена на нет. Раньше при помощи денег создавались цели и согласовывались усилия для их достижения. Теперь при помощи денег лишь организуются усилия для достижения целей, которые формируются в результате политических процессов» [1, с. 29].

Смещение центра социальной жизни от бездумной гонки за прибылью к способности задать вопрос о том, для чего нужен нам экономический рост, есть ситуация переосмысления наследуемой из традиций классического капитализма формулы труда как заработкаⁱ. Это переосмысление рождает новое качество труда, которое Равен обозначает компетентностью. Компетентность характеризует человеческую деятельность иначе, чем в системе технически усвоенных навыков и умений. Здесь решающее значение имеет вовлеченность человека в выбор конечной цели. На практике такое качество проявляется в виде инициативы, исходящей из осознания ценности того, к чему прилагаются усилия. Можно было бы сказать так: компетентной является деятельность, исходящая из первичности целеполагания, и в этом смысле противоположная технической деятельности, реализуемой в поиске и владении средствами достижения внешне установленной цели, которая не распознается личностью как собственная цель и может оставаться неосознанной. Именно здесь – в заинтересованности, идущей от ценностно нагруженного личного усилия целеполагания, а вовсе не в изобретении новых технологических решений, по мысли Равена, сокрыт подлинный источник инноваций как путь развития современного общества, выводящий из тупика «британского недуга» социальной пассивности, вызванного ощущением машинерии труда.

Нуссбаум дополняет рассуждение Равена: в обществе, где цели деятельности обсуждаемы, актуализируется феномен философского образования. Актуальной является восходящая к традиции сократовской беседы форма философского диалога. Данная форма продуцирует речевой опыт распознавания и критики цели с точки зрения возможности альтернативного целеполагания. В оптике философского диалога «моя» цель становится значимой для Другого и наоборот, т.е. эти цели обсуждаемы и корректируемы. Нуссбаум пишет: «Сократическое исследование не гарантирует, что мы придем к хорошим целям, но по крайней мере оно гарантирует, что преследуемые цели будут ясно видны в отношении друг к другу...» [2, р. 49-50]. «Сократическое мышление есть общественная практика» – этот тезис Нуссбаум можно прочитать в качестве манифеста, объявляющего философию особым типом речевого действия-диалога, связывающего через императив «знай, что ты делаешь»

ⁱ Первые симптомы такого переосмысления можно видеть в феномене контркультуры 60-х гг. – послевоенное поколение сытых молодых людей неожиданно для своих родителей, зарабатывавших свой хлеб в тяжелые времена, поставило под сомнение достаток как идеал буржуазного общества.

профессиональные и общественные устремления в целостную деятельность, которая противостоит технологическому императиву «делай, что знаешь». Эта деятельность не сводится к решению текущих рабочих задач, она пронизывает общественную жизнь как форма демократической самоорганизации общества.

Итак, сегодня философское образование - совсем не рудимент, доставшийся в наследство от традиции, оно несет определенную социальную нагрузку: в системе вузовской подготовки философия намечает возможность действия, основу которого составляет выбор и оценка целей, а не только знание и умение обращаться со средствами. Этот вывод можно дополнить. В чем особенность философского диалога как актуальной образовательной практики? Его главная особенность в том, что стыкуя профессиональную деятельность с общественной, современный философский диалог не является простой калькой с античного образца. В контексте античной философской культуры обсуждение всех возможных целей задавалось в проекции предельного и нравственно озвученного целеполагания, его содержательным наполнением было *arête* (ἀρετή - «доблесть», «добродетель»). В этом слове отпечатывается и культ почитания героев, и стремление самому стать подобным богам, здесь корни философии как воспитательной и образовательной деятельности. Сегодня мы вновь возвращаемся к волновавшей греков проблеме того, как и чему учить в своих школах, и формулируем свой вопрос, пользуясь латинским выражением «*competentia*». Корень *peto* указывает на активное действие в ряду таких глаголов, как стараться, добиваться, устремляться, направляться, подходить. Показательно, что понятие *arête* в значении «собранность» и «пригодность» сходно с понятием компетенция в значении «согласованность» и «подходить». Такое пересечение в значениях слов симптоматично и указывает на специфику связи философского диалога и общественной деятельности в наши дни. Эта специфика в том, что проекция предельного целеполагания является содержательно пустой и уже не идентифицируется как нравственный максимум в виде Цели всех целей. Сегодня мы не располагаем нравственной универсалией конечной цели, благо каждый определяет по своему усмотрению - именно в этом пространстве «общего незнания» рождается диалог как стремление к обсуждению всякой цели. Что в таком случае будет основой диалога? Это правовая оценка минимума, который высвечивается со стороны очевидно недопустимой цели. Такой ответ прочитывается в рассуждениях Э.Ю. Соловьева о том, что в эпоху Нового времени возникает особый, не имеющий прецедентов в античности, паттерн «профессионала», который трансформируется в паттерн «правозащитника» [3].

Литература:

1. Равен Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация / Пер. с англ. В. И. Белопольского. М.: «Когито-Центр», 2002. 396 с.
2. Nussbaum, M.C. Not for profit: why democracy needs the humanities. New Jersey: Princeton University Press, 2010. 158 p.
3. Соловьев Э.Ю. Основные паттерны новоевропейской цивилизации: «трудоголик», «профессионал», «предприниматель», «правозащитник» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://iphras.ru/uplfile/ethics/biblio/solov_1.html - 14.12.2020

Практическая философия и философская практика: соотношение понятий

Землянская Анелия Рафисовна

ИФ РАН, соискатель ученой степени

aneliyazemlyanskaya@gmail.com

Аннотация: В статье производится демаркация между набирающими сегодня все большую популярность понятиями – «практическая философия» и «философская практика». Оба понятия выступают ответом на запрос со стороны общества на доступ к философским знаниям и опыту, применимым в повседневной жизни, однако если практическая философия предлагает готовые ответы на жизненные вопросы, то философская практика помогает человеку найти ответы не вовне, а внутри себя. В статье показано, что хотя понятия практической философии и философской практики близки и зачастую используются как синонимы, но их можно позиционировать и как антонимы, поскольку основаны они на противоположных принципах. Также в статье раскрывается суть философской практики, в том числе на практическом примере.

Ключевые слова: философская практика, практическая философия, философское интервью, сократовский диалог, противоречие, мышление.

Practical philosophy and philosophical practice: correlation of the concepts.

Aneliya Zemlyanska

Institute of Philosophy, RAS

Abstract: The article distinguishes between two concepts that are increasingly popular today- “practical philosophy” and “philosophical practice”. Both concepts are responses to societal demand for access to philosophical knowledge and experience applicable in everyday life, but if practical philosophy offers ready-made answers to life’s questions, then philosophical practice aims to enable a person to find answers within himself. The article shows that although the concepts of practical philosophy and philosophical practice are closely aligned and often erroneously used as synonyms, they should be understood more properly as antonyms, since they are based on opposing principles. The article also describes the primary features of philosophical practice, as well as providing a practical example of it in action.

Key words: philosophical practice, practical philosophy, philosophical interview, socratic dialogue, contradiction, thinking.

Пожалуй, каждому человеку, решившему связать свою профессиональную деятельность с философией, хотя бы раз приходилось выступать в роли ее адвоката. Обвинения в адрес философии в том, что она далека от реальной жизни людей, то ли дань моде, то ли дело привычки. В Древней Греции философия была роскошью, доступной только элитам, и таковой она, по сути дела, остается по сей день – областью не для всех (именно поэтому большую популярность имеют книги, блоги, группы в социальных сетях, именуемые как «Философия для всех» и тому подобное).

Наряду с этим, философия оказывает колоссальное влияние на нашу обыденную жизнь. Философские идеи проникают в сознание людей, меняя их взгляды, поведение и желания. Так, ницшеанский концепт сверхчеловека лег в идейную основу трансгуманизма, революционная мысль Зигмунда Фрейда переросла в сексуальную революцию, а постмодернистская ироническая дистанция по отношению к вопросу об истине повлекла за собой возникновение нового когнитивно-психологического состояния, называемое «постиронией».

Кроме того, в рамках самой философии существуют области, носящие непосредственно практический характер. Это мысль Аристотеля, который делил философию на теоретическую (что есть истина?), поэтическую (что есть творчество?) и практическую (как достичь блага?). К последней он относил этику, экономику, политику, изучающие, соответственно, вопросы о благе для личности, семьи и государства. Благо есть «то, к чему все стремится» [1, с. 54], это нечто, что приводит человека в дви-

жение, провоцирует его на действия. Деятельность (praxis) всегда направлена на реализацию этического идеала, носителем которого является человек. Так, человек, его поступки и моральные принципы оказываются в неразрывной связке.

Британский философ Бертран Рассел из этой связки выделяет действие как краеугольный камень практической философии. Он пишет: «Практическими философиями в свою очередь мы назовем те, которые рассматривают действие как высшее благо, считая счастье практическим результатом, а познание – просто инструментом успешной деятельности» [2, с. 795]. К слову, к таковым он относит прагматизм и философию Анри Бергсона. Благо и идея блага не одно и то же, и чтобы воплотить идею блага, необходимо соединить ее с действием. Иными словами, путь к счастью лежит через практическую деятельность и практическая философия ориентирует человека в этом направлении.

Практический характер философии также подкрепляется тем, что предметом ее исследования выступают злободневные проблемы общества. В философский дискурс входят понятия из других областей знания и наполняются новыми, порой неожиданными, смыслами. Взять, к примеру, садизм. Если в конце XIX века это понятие принадлежало области психологии, то спустя полвека оно прочно закрепилось в философии, благодаря работам Жоржа Батая, Пьера Клоссовски, Мориса Бланшо, Симоны де Бовуар и других. Философское осмысление проблем повседневности помогает глубже понять их природу и найти способы их решения.

Итак, философия непосредственно и опосредованно влияет на жизнь каждого из нас – тем парадоксальнее выглядят обвинения в ее адрес в том, что она далека от жизни «обычных людей». Однако, на наш взгляд, здесь нет противоречия. Дело в том, что человек занимает по отношению к философии пассивное положение: он не может оказать ответного на нее влияния, а также он не в силах без соответствующей подготовки воспользоваться философским знанием для решения своих личных или житейских проблем. Выходит парадокс: философия располагает множеством средств, которые могут помочь индивиду в жизни, однако эти средства находятся под замком, от которого у индивида нет ключа.

Подобным ключом призвана стать философская практика – относительно новое направление, начатое в XX веке немецким философом Гердом Ахенбахом в Германии, которое быстро распространилось по миру. В 1982 году Ахенбах основал Общество философской практики, которое со временем стало международным (Internationale Gesellschaft für Philosophische Praxis (IGPP)). На сегодняшний день в движении философской практики существует немало крупных имен, имеющих общемировую известность: профессор философии Лу Маринофф (США), профессор философии Уолтер Кохан (Бразилия), доктор философии и магистр психологии Ран Лахав (США), доктор философии Оскар Бренифье (Франция), Феликс Гарсия Морион (Испания), профессор философии Питер Раабе (Канада) и другие. Философская практика хоть и не обрела на сегодняшний день широкую известность, однако она стремительно развивается, благодаря организации мероприятий самых разных форматов: конференций, семинаров, практикумов, философских кафе, а также основанию практико-философских ассоциаций, обществ, школ и так далее.

В историко-философском смысле философская практика – это движение профессиональных философов, популяризирующих философию как инструмент для жизни, в методологическом – особый вид коммуникации между философом и собеседником, направленной на повышение осознанности второго посредством развития его мышления. Иными словами, философ-практик обучает нефилософов философствованию.

Центральное место в философской практике занимает сократовский (или, как его также называют, сократический) диалог – метод Сократа, основанный на принципе незнания. Незнающий может лишь спрашивать, поэтому все, что есть в арсенале философа – это вопрос. Человек, обращающийся с вопросом к практической философии получает ответ (она содержит в себе идеи о благе, счастье, добре и других категориях), к философу-практику – множество новых вопросов (модератор сократического диалога «пуст»). Однако в результате серии вопросов выясняется, что ответы у обратившегося были с самого начала, только он этого не осознавал. Это еще один принцип сократического диалога: каждый человек – «полный сосуд», нужно лишь помочь ему «вспомнить» то, что он всегда знал.

Философская практика помогает человеку взглянуть на свои проблемы, что называется, по-философски, то есть на более высоком уровне обобщения. Философ отталкивается от конкретного жизненного запроса собеседника, выраженного в виде вопроса или утверждения, и «ныряет» в сознание человека, исследует его мировоззрение, фиксирует пресуппозиции (мировоззренческие

установки) и выискивает противоречия между ними. Приведем пример такого противоречия в диалоге между философом (Ф) и собеседником (С):

С: Мне не хватает в моем муже некоторых качеств.

Ф: Скажите, у вашего мужа нет желаемых качеств или они есть, но их не хватает? С: Они есть, но их мало.

Ф: Как бы вы назвали человека, у которого есть что-то, но ему этого мало? С: Жадный.

Ф: Вы жадная?

С: Ну, выходит, что да.

Ф: А что хорошего в жадности?

С: Жадность помогает сохранить ресурс (например, еду).

Ф: Как вы думаете, стал бы человек сохранять ресурс, если бы его было много? С: Нет. Ресурса мало, поэтому его нужно сохранить на будущее.

Ф: А какого ресурса вам не хватает? < ... >

В этом небольшом отрывке видно следующее противоречие: девушке не хватало собственных ресурсов, а требовала она их от другого человека. Также в этом отрывке показана работа с тремя базовыми операциями мышления: идентификация (что это?), проблематизация (верно ли это?) и концептуализация (как это можно назвать?). Тренировка этих ментальных операций необходима для развития мышления.

Важно подчеркнуть, что философ-практик работает не с эмоциями или психикой, как это делают психологи, не с сознанием и бессознательным, как это делают психоаналитики, а с мышлением. Конечно, поскольку мышление связано с чувствами, эффект, скажем, от философского интервью носит психологический характер. К примеру, нерешительный человек, как правило, испытывает трудности, отвечая на закрытые вопросы, требующие ответа в одно слово. Скажем, на вопрос «понимаете ли вы идею Иванова?» вместо «да» или «нет» собеседник дает уклончивые ответы: «не до конца», «наверное, Иванов имеет в виду, что...», «и да, и нет» и тому подобные. Страх ответственности («а вдруг я неправильно понимаю?») или страх за идентичность («а вдруг подумают, что я глуп?») блокирует мышление: человек действительно не понимает, понимает ли он идею Иванова. В отличие от знания, понимание – волевой акт: необходимо в известном смысле решиться, чтобы понять. Поэтому в процессе философской практики работа идет, пускай и косвенно, и с чувствами.

Также зачастую философу-практику приходится работать, опять же, косвенно, со страхами собеседника, которому, как правило, страшно признавать противоречия в своем мышлении. Противоречия хоть и свойственны каждому человеку, но в культуре они носят негативные коннотации: фразы «ты противоречишь сам себе» или «я поймал тебя на противоречии» используются как упрек или улика. Если бы перед нами стояла задача найти пространственную метафору для философской практики, то это был бы не суд (где противоречия выступают как улики), не больница (где противоречия выступают как слабость или болезнь, от которых необходимо излечиться), а тренажерный зал (противоречие – препятствие на пути к цели). Философская практика осуществляется не в этической или эстетической парадигме, а в прагматической. Если в первых двух поступки оцениваются как хорошие/плохие или красивые/некрасивые, то в третьем случае они выступают как полезные или вредные для достижения цели – блага, если следовать идее Аристотеля.

Итак, если практическую философию можно представить в образе книги – готового, законченного и, как следствие, закрытого для дальнейших манипуляций знания – то философской практике соответствует образ чистой тетради: пустой, открытой, манифестирующей потенциальность. Философ-модератор и его собеседник вместе вносят туда свои заметки в режиме черновика – без критического фильтра, сомнений в истинности высказываний и страха непризнания.

Литература:

1. Аристотель. Никомахова этика / Сочинения: В 4-х т. Т.4. М.: Мысль, 1983. 830 с.
2. Рассел Б. История западной философии. М.: АСТ, 2010. 831 с.

Иванова О.Э.

ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет. Доктор философских наук, профессор

74oliva@list.ru

Аннотация: Философский консалтинг как интеллектуальная услуга по наставлению размышления над основаниями проблем и эмоций и выработке обоснованных жизнеспособных суждений, востребована в мире информационной насыщенности и неопределенности. Философский консалтинг – вид управленческого консультирования, неформализованный (эвристический) метод управления слабоструктурированными и неструктурированными проблемами. Философский компонент данного вида консультирования реализуется как философская практика, основанная на критическом подходе к осмыслению организационных проблем в диалогической среде. В фокусе философского консалтинга – погружение участников сообщества на уровень смыслов. Выявлены основания философского консалтинга: онтологическое, гносеологическое и прагматически-конструктивное. Обозначены основные этапы внедрения философского консалтинга в управление проблемами. Применение инструментов философского консалтинга раскрыто на этапе диагностики проблем. Предъявлены результаты систематизации проблемного поля – основы для конструирования и выбора управленческого решения проблемы.

Ключевые слова: философский консалтинг, консультирование, проблема, размышление, смысл, управление проблемами, управленческое решение.

**Philosophical consulting as a problem management method.
Ivanova O.E.**

South Ural State Humanitarian Pedagogical University

Abstract: Philosophical consulting as an intellectual service for instructing thoughts on the foundations of problems and emotions and developing sound viable judgments is in demand in the world of informational multiplicity and uncertainty. Philosophical consulting is a type of management consulting, an informal (heuristic) method for managing poorly structured and unstructured problems. The philosophical component of this type of counseling is implemented as a philosophical practice based on a critical approach to understanding organizational problems in a dialogical environment. The focus of philosophical consulting is to immerse community members on the level of meanings. The foundations of philosophical consulting are revealed: ontological, epistemological and pragmatic-constructive. The main stages of the implementation of philosophical consulting in problem management are outlined. The use of philosophical consulting tools is disclosed at the stage of diagnosing problems. The results of the systematization of the problem field - the basis for the design and selection of managerial solutions to the problem.

Keywords: philosophical consulting, counseling, problem, thinking, sense, problem management, management decision.

ⁱ Философский консалтинг – вид управленческого консультирования с целью управления проблемами компании при обоснованном рациональном решении проблем в вопросах управления и организационного развития. Это – интеллектуальная услуга, востребованная в хаотичной и волатильной VUCA-среде [6] информационного общества за счет погружения на уровень смыслов и понимания языка и эмоций при постижении мира и ориентации в нем.

Философский консалтинг – одна из форм философской практики, основанная на критическом вопрошании в диалоге, практикуемом историческим Сократом и его последователями (Gerd B. Achenbach, O. Brenifier, G. Heckmann, J. Kessels, F. Leal, M. Lipman, L. Nelson, Shlomit C. Schuster) [1; 2; 9; 10; 11;

ⁱ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00322.

12; 13; 14]. Данный формат учитывает практику организационного полилога в решении проблем компании (L. Nelson [13], J. Kessels [10]), процедуры идентификации, критики, концептуализации и дистанцирования [7, p. 123-135] и согласованный экспертным сообществом перечень и контент результатов критического мышления (когнитивных умений, «The Delphi Report») [8]. Внедрение философского консалтинга предполагает «искренность коммуникации философа с клиентом», «важность диалога», «интерпретацию – поиск объяснений, в соответствии с которым консультант присоединяется к проблеме таким образом, что не передает собственное понимание, а стимулирует у клиента новые импульсы в ее объяснении», «инновационность диалога, элемент удивления в философской практике, не допускающий устоявшихся точек зрения, стандартных убеждений или окончательных решений» [14].

Философский консалтинг реализует интеграцию трех оснований: онтологического, гносеологического и прагматически-конструктивного. Онтологически философский консалтинг направлен на выявление, прояснение и анализ смысла проблем. Гносеологически данный философский инструмент сфокусирован на понимании и интерпретации смыслов. Прагматически-конструктивно философский консалтинг представляет выработку обоснованного жизнеспособного решения проблемы – дизайн идей и генерирование их альтернатив с учетом оценки возможных рисков и практической пользы для участников сообщества.

Философский консалтинг – неформализованный (эвристический) метод управления проблемами под руководством философа-консультанта, обладающего критически-аналитическими и эмоционально-интеллектуальными способностями. В соответствии со значением понятия «управление» [4], под управлением проблемами (от греч. πρόβλημα –препятствие, трудность) посредством данного метода понимается сознательное целенаправленное, осуществляемое в диалоге воздействие философа-консультанта на неопределенность ситуации для ее прояснения, проблематизации, выработки критериев оценки эффективности и ограничений в решении и для конструирования инновационного решения. В соответствии со степенью формализации проблем, философский консалтинг целесообразно применять для разрешения слабоструктурированных и неструктурированных проблем. В отношении слабоструктурированных проблем философский консалтинг является инструментом формулирования проблем на основе прояснения слабо выраженных противоречий и причинно-следственных связей, а также – инструментом генерирования и оценки альтернативных направлений решения проблемы. Применение философского консалтинга к неструктурированным проблемам позволяет выявить состав элементов проблемы, составляющих противоречие, идентифицировать противоречия, установить причинно-следственные связи и выработать способы решения проблем.

Внедрение философского консалтинга в процесс управления проблемами можно разбить на три последовательных этапа, включающих: 1) диагностику проблем (определение и прояснение проблемной ситуации, выявление противоречий, формулирование проблемы), 2) дизайн решения проблемы (конструирование идей и генерирование их альтернатив), 3) выбор решения (оценка рисков идей и анти-идей, оценка практической пользы решения).

Рассмотрим философский консалтинг на этапе диагностики проблем – при анализе корневых причин, схематизированном в диаграмме К. Исикавы («рыбья кость», [3]). Участникам профессионального сообщества был предложен тематический кейс со слабоструктурированными данными по внедрению AGILE в школьное образование. AGILE – это гибкая методология управления проектами в условиях неопределенности цели, изначально предназначенная для IT-сферы и внедряемая в бизнес-структурах. К образовательному процессу в школе XXI века адаптирована Agile Classrooms – осмысленное и ответственное обучение, обучающий альянс учителя и ученика, способствующий доверию и уважению, целенаправленная подготовка к будущему – овладение учеником на протяжении всего периода обучения востребованными навыками жизни и карьеры [5]. AGILE применяется в системе школьного образования за рубежом, но в отечественной практике не находит широкого применения. Между тем, нормативные требования (в частности, ФГОС) указывают на необходимость выполнения практико-ориентированных межпредметных проектов на разных уровнях образования, требующего обращения к определенной методологии, в частности, Agile.

На первом этапе участники сообщества самостоятельно систематизировали проблемное поле. Результаты анализа факторов, влияющих на возникновение проблемы, представлены на *рисунке 1*.

Рисунок 1 – Анализ корневых причин проблемы до внедрения философского консалтинга

В ходе философского консалтинга из указанного многообразия причинных факторов была выявлена исходная позиция: «отсутствие возможности внедрения Agile». Данная формулировка требовала прояснения и проверки на однозначность. Пример применения инструментов философского консалтинга приведен в таблице 1.

Таблица 1 – Применение инструментов философского консалтинга

Исходное суждение	Инструмент	Результат преобразования
Отсутствие возможности ввода Agile.	Интерпретация терминов: «возможность», «Agile».	«Возможность» – «необходимое условие», включающее объективные и субъективные факторы; Программа «Agile»: обучение с приоритетом взаимодействия, осмысленности обучения, сотрудничества сторон, программа, готовая к изменениям.
	Идентификация противоречий: необходимость внедрения гибкой программы в условиях иерархичности взаимодействия учителей и администрации школы, отсутствия коллаборации среди коллег, авторитарности учителя по отношению к ученику.	Бюрократическая организационная культура, иерархия, стиль управления, отсутствие командной работы.
	Выявление и анализ аргументов отсутствия условий ввода Agile: социально-технологические и человекомерные барьеры.	Приоритет планирования и отчетности, ограниченность времени на изучение предмета; оторванность обучения от жизни, отсутствие междисциплинарного подхода к обучению. Стереотипность мышления и поведения педагогов, отсутствие мотивации освоения нового, недостаточно выраженные Soft Skills: критичность мышления, стремление понять эмоции других (EI) и взаимодействовать с другими в команде с равной ответственностью каждого; отсутствие базовых знаний у детей иммигрантов.
	Аналитическая оценка утверждений и аргументов.	Отсутствие объективных и субъективных условий внедрения Agile.

В результате внедрения философского консалтинга анализ корневых причин проблемы был схематизирован следующим образом (рисунок 2).

Рисунок 2 – Анализ корневых причин проблемы при внедрении философского консалтинга

Таким образом, внедрение философского консалтинга позволило декодировать общепринятые значения слов, прояснить смысл суждений, идентифицировать противоречия, выявить и проанализировать аргументы, оценить утверждения и аргументы и обосновать позиции. Кроме того, критический взгляд на отсутствие исследуемой гибкости в обучении выявил проблему ограничений – целесообразности внедрения Agile в условиях бюрократической культуры образовательной организации, иерархичности взаимодействия в системе образования. Данные прояснение и проблематизация могут служить основой для реализации следующих этапов управления проблемами.

Литература:

- Ахенбах Герд Б. Основное правило философской практики // Социум и власть. 2016. № 6 (62). С. 99-106.
- Бренифье О. Искусство философской практики: философские установки // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 80-87.
- Кузьмин А.М. Диаграмма Исикавы // Методы менеджмента качества. 2006. № 3. С. 27.
- Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2011. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_67315/b34db2b72d63f33dbef80fb30e094cc0a91d6322.
- Agile Classrooms Learning reinvigorated. Built for the 21st Century. URL: <https://www.agileclassrooms.com>.
- Barman A., Potsangbam C. Shifts of Strategic Paradigms in the VUCA World – Does “outside the box thinking” a meaningful cliché for the business world? / Conference: Managing Change and Creativity and Innovation in a Dynamic Environment, At Sonarpur, Kolkata, Volume: 7th and 8th April 2017. URL: https://www.researchgate.net/profile/Dr_Arup_Barman/publication/315912311_Shifts_of_Strategic_Paradigms_in_the_VUCA_World-Does_outside_the_box_thinking_a_meaningful_cliche_for_the_business_world/links/5b4a0996aca272c6094119ae/Shifts-of-Strategic-Paradigms-in-the-VUCA-World-Does-outside-the-box-thinking-a-meaningful-cliche-for-the-business-world.pdf?origin=publication_detail.
- Brenifier O. The art of philosophical practice / Translated from French by: Karl-Stéphan Bouthilllette. 174 p.
- Facione P.A. Critical Thinking: A Statement of Expert Consensus for Purposes of Educational Assessment and Instruction. Research Findings and Recommendations. American Philosophical Association. Newark, Del., California State University, Fullerton, 1990. 112 p.
- Heckmann G. Das Sokratische Gespräch: Erfahrungen in philosophischen Hochschulseminaren / Mit einem Vorwort zur Neuauflage von Dieter Krohn. Herausgegeben von der Philosophisch-Politischen Akademie. – Frankfurt/M.: dipa-Verlag, 1993. 153 s.
- Kessels J. Socrates op de markt: Filosofie in bedrijf. Amsterdam: Boom, 1997. 251 p.
- Leal F., Saran R. A Dialogue On The Socratic Dialogue / Occasional Working Papers in Ethics and The Critical Philosophy. Edited by Patricia Shipley for The Society for the Furtherance of the Critical Philosophy (London). Vol. 2. April 2000. P. 50-61.
- Lipman M. Thinking in education. New York: Cambridge University Press, 2013. 316 p.
- Нелсон Л. Сократовият метод / предговор и прев. от немски Ц. Торбов. 2-ро изд. С.: Любомъдрие, 1993. 96 с.
- Schuster Shlomit C. Philosophy Practice: An Alternative to Counseling and Psychotherapy // Radical Psychology. Summer 1999, Issue 1. Vol. 1. URL: <http://www.radpsynet.org/journal/vol1-1/Schuster.html>.

Кленовская В.А.

Южно-Уральский государственный университет (НИУ). Ассистент

vasilisa-pogorelaja@yandex.ru

Аннотация: В докладе представлены основные принципы арт-практик, которые являются новыми формами трансляции философского знания. Автор рассматривает принципы арт-практик как нового языка философского знания в системе образования. Автор делится опытом учебной и внеучебной работы со студентами с применением арт-практик, показывая тем самым практическую значимость данной формы знания в системе образования. Актуальность исследования обусловлена процессами трансформации не только научного знания, но и системы образования. Общество все больше ориентируется на прикладной характер получаемого знания. Философия, являющаяся, прежде всего, теоретической наукой, ищет пути для дальнейшего развития. Общественный интерес к философии сохраняется, но формы трансляции философского знания для многих становятся недоступными. Практическая значимость исследования заключается в том, что философская практика предлагает новые формы философствования отражающие запросы современного человека. Новое направление активно включается в образовательные процессы, вырабатывая собственные способы передачи знания. Важную роль играют арт-практики, в которых философские мысли раскрываются с помощью художественного языка, что привлекает вопрошающего. Популяризация философского знания позволяет преодолеть границы между пугающей академической наукой и человеком.

Ключевые слова: арт-практика, философская практика, образование, язык, онтология, философствование.

**Art practice as a new language of philosophical knowledge.
Klenovskaya V.A.**

South Ural State University (National Research University)

Abstract: The report presents the basic principles of art practices, which are considered as new forms of transmission of philosophical knowledge. The author examines the principles of art practices as a new language of philosophical knowledge in the system of education. Moreover, he shares the experience of educational and extracurricular work with students using art practices, thus showing the practical importance of this form of knowledge. The relevance of the research is conditioned by the processes of transformation of not only scientific knowledge, but also the education system. Society is increasingly focused on the applied nature of the knowledge obtained. Philosophy, which is primarily a theoretical science, is looking for ways for further development. Public interest in philosophy remains, but forms of transmission of philosophical knowledge are becoming inaccessible to most of people. The practical significance of the study lies in the fact that philosophical practice offers new forms of philosophy that reflect the needs of modern man. The new direction is actively involved in processes of education, developing its own ways of knowledge transmission. An important role is played by art practices, in which philosophical thoughts are revealed through an artistic language that attracts the questioner. Popularization of philosophical knowledge makes it possible to overcome the boundaries between frightening academic science and the human being.

Keywords: art practice, philosophical practice, education, language, ontology, philosophizing.

Современная культура – это момент перехода к новому типу взаимоотношений между людьми, основанному на идеях всеобщего равенства, толерантности, диалогичности. Подобные отношения выходят далеко за рамки повседневности и межличностного общения, распространяясь, в том числе, на такие институты как наука и образование. В наиболее сложном положении оказывается философия – наука о мудрости, которой больше нет места. Мудрость перестала быть целью человеческого

познания, а стала лишь средством для достижения, поставленных человеком целей. Место философии в информационном мире отведено в тесных кругах образовательного процесса.

Традиционное понимание образования основывается на представлении о том, что путь человека от незнания к знанию пролегает через живое общение с учителем. Важно отметить, что знание не тождественно информации. Информация – это то, что может быть схематизировано, разложено на элементы, знаки и закреплено механически, то есть усвоено поверхностно. Познание включает в себя, прежде всего, осмысление информации [1]. Философия в образовательном процессе, соответствующая традиционным канонам, перестала удовлетворять общественные запросы и требует переосмысления способов трансляции знания. Именно поэтому преподаватели философии обеспокоены поиском новых форм и методов преподавания предмета.

Современные исследователи ищут новые возможности для трансляции философского знания. И одним из таких каналов является новое направление – философская практика, главными задачами которой является обогащение академической философии критическим мышлением, повышение мотивации к накоплению практического опыта, восстановление диалога и развитие способности мирного выхода из конфликтов. Философская практика позволяет увидеть практическое применение философии в жизни, обращая взгляд человека на мировоззренческие вопросы и проблемы, которыми наполнен мир повседневности, где главные аспекты философствования представлены с точки зрения практической значимости для личности. Философская практика выбрана научным направлением кафедры философии Южно-Уральского государственного университета с 2015 года. Она включает в себя следующие виды преподавательской деятельности: работа с философским текстом (герменевтический подход к разбору философских текстов; метод «медленного чтения»); философская дискуссия (интерактивные лекции, метод сократического диалога); популяризация философского знания (цикл мероприятий «Дни философии в ЮУрГУ», киномарафон «Философская практика в кино», заседания «Философского кафе», выездные школы и семинары); арт-практики (проект «Философия+», где философия соприкасается с театром, поэзией, музыкой, живописью и другими видами искусства и создает поле философского вопрошания и осмысления).

В данной работе более подробно рассмотрим такой вид философской практики, как арт-практика, который позволяет увидеть студенту масштаб и актуальность философского осмысления в таких формах искусства, как театр, музыка, поэзия, живопись, то есть затронуть все существование. Стоит отметить, что арт-практики, это процедуры и методы различных форм искусства, выходящие за пределы привычного, направленные на создание эстетически-выразительных форм, главным принципом которых становится действенность, способная привлечь внимание человека и вызвать эмоциональный отклик [2].

В рамках проекта кафедры философии ЮУрГУ «Философия+» регулярно проходят мероприятия, посвященные, в первую очередь, осмыслению актуальных вопросов современной культуры. В медиареальности становится важной область вопрошания, которая долгое время оставалась забытой. Это поле, где человек осмысляя, приближается к пониманию мира, взаимоотношений между «я» и миром, и пониманию самого себя. Мероприятия, проведенные по кластеру «Философия+поэзия» («Рифмотворчество как практика самопознания» с уральским поэтом Янисом Грантсом, «Детская поэзия как способ познания внутреннего мира взрослого» с детским поэтом Еленой Сыч), позволили студентам заглянуть внутрь таинства поэзии, где поэзия выступила, как практика самопознания в форме игры и позволила окунуться в мир внутреннего ребенка, увидев мир взрослого его глазами. Такой формат встреч со студентами актуализирует философию посредством философского вопрошания и имеет практический смысл. На протяжении мероприятия по кластеру «Философия + поэзия» каждый получает опыт создания небольших четверостиший (используя принцип Blackout poetry и синквейнов), которые затем можно объединить в поэму, что дает увидеть целостность привычного в непривычном и является своеобразным выходом из «Платоновской пещеры» посредством творческого катарсиса. Мероприятия по кластеру «Философия+театр» (сценические опыты Нового Художественного Театра «Бесы», сценическая фантазия по произведениям Н.В. Гоголя «Нос в белую ночь») погрузили студентов в атмосферу, где посредством художественных образов возникает ощущение смещения границ, происходит разрыв с действительностью, и возникает ощущения присутствия в двух мирах одновременно. Смещение привычного или наложение на привычное другого мира дает увидеть целостность мира как такового, в котором целостность была потеряна, за счет смещения границ возникает чувство полноты, которое требует теперь этой полноты и целостности от привычного.

В результате смещения привычных границ происходит катарсис, самотрансценденция личности. Принцип пространства Нового Художественного театра устроен таким образом, что зритель не отделен от театрального действия сценой, а включен в него, интерпретативное видение произведений позволяет внести в спектакль свежий взгляд и увидеть актуальность поднимаемых проблем. Для сегодняшнего зрителя включенность необходима, поскольку в эпоху медиа человек чаще вынужден «скользить по поверхности», теряя глубину. Перформативность, экспериментальный характер и принцип коллажа (что является основными характеристиками арт-практик) используются НХТ в каждом спектакле, вбрасывая зрителя в непривычную среду, что открывает перед зрителем другую реальность и трансформирует прежнюю, воссоздавая утраченную целостность.

С сентября 2019 года на кафедре философии ЮУрГУ реализуется еще один проект в рамках «Философии+», это Философский Клуб «Фонарь и Бочка», встречи которого проходят каждый месяц. Это формат свободной дискуссии и размышления со студентами, с использованием различных видов арт-практик, направленный на разрешение интересующих вопросов, которые позволяют лучше понять самого себя. Педагогическая практика показала, что большинство студентов заинтересованы в глубинном диалоге. Многие ребята сообщают, что ждали такого формата в школе на уроках литературы, но, к сожалению, в образовании формат дискуссии и выражения собственного мнения стерся за рядом шаблонных заданий, ЕГЭ, стандартных требований к написанию сочинения, где, в основном, ребята нацелены на угадывание правильного ответа, а не на поиск собственного. Дискуссионный клуб предполагает «наивное философствование», задача состоит в том, чтобы уметь размышлять и наблюдать за собой. Если вспомнить истоки зарождения философии в Древней Греции, то для размышления не требовался особый багаж знаний, рассуждения выстраивались из того, что есть. Это кажется странным, ведь сейчас человек вынужден решать много задач, наделен рядом обязанностей, которые диктуют определенные требования при разговоре с коллегами, начальством, и даже с друзьями. Человек стремится всюду показать свою компетентность, за которой иной раз невозможно найти понимание дела. В условиях огромного количества информации и многозадачности человеку становится сложно критически рассуждать, рефлексировать, концентрироваться на одной задаче. Наличие этих трех составляющих говорят о процессе мышления. Сразу вспоминается фигура Сократа, принцип философии которого заключается в том, чтобы уметь выслушивать собеседника, аргументировано выстраивать речь и использовать наводящие вопросы с целью поиска истины. Сократ, считал, что философствовать может каждый, эта идея отражена в диалоге Платона «Менон», где Сократ, беседуя с мальчиком-рабом и, задавая ему наводящие вопросы, приходит к тому, что мальчик доказывает геометрическую теорему. Это еще раз говорит о том, что для философствования не требуется определенных знаний, все, что нужно, это искреннее любопытство и стремление к поиску истины.

Итак, необходимость применения арт-практик в образовании обуславливается наличием в них перформативности, экспериментального характера и принципа коллажа, которые заставляют студента вовлечься в действие, испытать углубление в поднимаемые проблемы посредством процесса анализа, воссоздавать утраченную целостность. Человек, как никогда в истории, стал уязвим и подвержен разного рода манипуляциям. Находясь в процессе поиска, ему свойственно цепляться за существующие механизмы, социальные институты, предоставляющие возможность определиться со своим местом в обществе. Это и религия, и идеология, и безудержное потребление вещей материальной культуры, и разного рода психологические тренинги, которые обещают решить проблемы человека. Но решить проблемы человек может только заглянув внутрь себя, а не усваивая «рецепты», предлагаемые обществом.

Таким образом, отвечая на вопрос: зачем философия необходима как дисциплина? Основной задачей философии во все времена был поиск истины, а целью формирование мировоззрения людей. Формирование мировоззрения не мифологического, и даже и не строго научного, а философского, то есть критического мышления. И не только радикально критического мышления, но и доверчиво-критического. Недоверие, подозрительность сегодня вырабатывается в колоссальных объемах, а здравого доверия к миру нет. Это плохо для социально-психологического состояния человечества. Вторая задача философии – производить концепты и методы их производства: концепты и концепции – это для простых людей и методы для интеллектуальных элит. Вот такова задача философии, постоянная задача, и она никуда не девается. Когда она будет снята, исчезнет сама философия, на ее месте образуется что-то другое, наука, идеология [3].

Литература:

1. Макаров А.И. Социализирующая функция философских практик (на примере метода сократического диалога) // URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/sotsializiruyuschaya-funktsiya-filosofskih-praktik-na-primere-metoda-sokraticheskogo-dialoga> (дата обращения: 10.11.2019).
2. Немченко Л.М., Современные художественные практики: перекодирование публичных пространств, антология «Топография популярной культуры». URL: <https://www.litmir.me/br/?b=282296&p=85> (дата обращения 17.10.2019).
3. Макаров, А.И. Философствовать – говорить из немоты // URL: https://philosophiya.ru/makarov_interview_2019 (дата обращения: 07.10.2019).
4. Алексеева М.Ю. Практическое применение элементов арт-терапии в работе учителя. Учебно-методическое пособие для учителя иностранного языка. М.: АПК и ПРО, 2003. 87 с.
5. Борисов С.В. Философская практика и экзистенциальная психотерапия: точки соприкосновения / С.В. Борисов // Случевские чтения: феноменология и экзистенциальная психотерапия. Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – СПб: Издательско-полиграфическая компания «Коста», 2016. С. 88–102.
6. Бренифье О. Практическая философия Оскара Бренифье // URL: <http://www.socrat-online.ru/category/dialog> (дата обращения: 12.12.2019).
7. Кондрашов П.Н. Философия практики Карла Маркса и материализм // Вестник Омского университета. 2015 № 3(77). с. 79-84.
8. Лахав Р. Философская практика – quo vadis? // Социум и власть. 2016. № 1 (57). С. 7-14.
9. Адо П. Духовные упражнения и античная философия // URL: <http://fanread.ru/book/7940337/?page=9> (дата обращения: 05.12.2019).

Философская практика как пионер преодоления отвлеченности во всех сферах жизни человека

Климентьев В.Е.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Магистр
info@philosophiya.ru

Аннотация: На последней международной конференции по «философской практике» участникам не удалось прийти к единству во взглядах. Налицо – ситуация кризиса. Чтобы понять пути выхода, надо понять определённую предпосылку, из которой философская практика выросла. Философы-практики сходятся в том, что философская практика призвана возродить философствование как образ жизни в отличие от «университетской философии». Понятия «вовлечение/ отвлечение» есть сущностные для определения философской практики и того, чего она желает преодолеть. Философскую практику можно определить как философское вовлечение в философию. Отвлеченное (абстрактное) отношение – это беда, наблюдаемая во всех дисциплинах и сферах жизни, не только в философской практике. Что актуально отражено в теме Конгресса: «Философия в полицентричном мире». Там где отдельные акторы существуют и действуют как абстракции друг друга – им не обрести единства. Философская практика может показать пример преодоления этой отвлечённости для всех других сфер жизни.

Ключевые слова: философская практика, университетская философия, вовлечение, отвлечение, диалектика.

Philosophical practice as a pioneer of overcoming abstraction in all spheres of human life. *Klimentyev V. E.*

The Herzen State Pedagogical University of Russia

Abstract: At the last international conference on “philosophical practice”, the participants failed to come to unity in their views. There is a crisis. To understand the way out, one must understand the certainty of the premise from which philosophical practice has grown. Practical philosophers agree that philosophical practice is intended to revive philosophy as a way of life in contrast to «University» philosophy. The concepts of “involvement/ distraction” are essential for defining a philosophical practice and what it wants to overcome. Philosophical practice can be defined as philosophical involvement in philosophy. Abstract attitude is a misfortune observed in all disciplines and spheres of life, not only in philosophical practice. What is relevant is reflected in the theme of the Congress: “Philosophy in a polycentric world”. If individual actors exist and act as abstract relation to each other, they will not find unity. Philosophical practice can show an example of overcoming this abstraction for all other spheres of life.

Keywords: philosophical practice, «University» philosophy, involvement, distraction, dialectics.

Материалы 14-ой [1] и 15-ой [2] Международных конференций по философской практике свидетельствуют, что цели, задачи, методы и форматы философской практики очень разнообразны. Симфония среди философов-практиков пока еще только мечта.

Различие во взглядах обуславливает неоднородность философской практики как единого явления. Это хорошо, и плохо. Хорошо тем, что каждая из групп философской практики имеет свой стиль, свой голос. Плохо тем, что философская практика представляет собой неопределенное нечто с размытыми внутренними и внешними границами. Это способствует как включению в нее чужеродных элементов (т.е. не философских), так и тенденции исключать какие-то особенные форматы непохожие на другие.

Чтобы понять наличное бытие философской практики, нужно проследить ее исток, понять определенность предпосылки, из которой философская практика выросла.

Философы-практики в большинстве сходятся на том, что философская практика призвана возродить связь философствования и жизни в отличие от профессиональной академической деятельности.

Университетская философия появилась в результате организации особых корпораций в средневековой Европе – *universitas studii* (корпорация занимающихся), в которых был осуществлен специальный процесс подготовки и лицензирования профессиональных преподавателей. Т.е. людей занимающихся какой-либо дисциплиной и имеющих право быть нанятыми на работу в учебные заведения для преподавания. Но не каждый преподаватель философии становится философом. Увы.

Как пишет Ульрих Шнайдер в работе посвященной преподаванию философии в университетах Германии 19 в.[3]: в университетах как образовательной институции произошла замена процесса «передачи-овладения» философией на «преподавание-изучение» философии. Философствование из живого способа бытия стало профессией. Т.е. произошло становление отвлеченного отношения к предмету философии.

Этот сбой фокуса послужил предметом критики, как самими университетскими философами, так и неакадемическими философами, которые ратовали за живую философию.

Основной удар критики падал на лекционную форму. А зря. Хотя лекционная форма не годится для развития самостоятельного мышления учащихся, но не в этом ее и цель. Она была оправдана тем, чтобы быть лектору «говорящей головой», источником материала.

Упрек в неудовлетворительности отвлеченного отношения к философии надо отнести к семинарским занятиям.

В средневековые семинары были диспутами, они служили средством оттачивать убедительность речи. Научное размышление, использование логических аргументов было в подчинённом положении главной цели – выиграть диспут. Понято, что эта форма не годна для философии, для которой требуется атмосфера доверия и личного поиска истины совместно с другими. Не совсем годится для философии и семинар с разбором отдельного какого-то философского текста, когда это была как бы углубленная лекция. Особенно если такой семинар вырождался в филологический разбор, где на первое место выходили стилистика, язык автора, а не философские смыслы.

Но была еще одна форма семинара, которая вполне выполняла функцию вовлечения для овладения философией. Это семинар как рабочая встреча учеников включенных в научное исследование преподавателя. Такой семинар был вполне вовлечением. Но вот эта-то форма и угасла со временем, не став обязательной формой.

В результате, для академического «овладения» философией остались до наших дней самые негодные, отвлеченные формы. Ограниченность, которых конечно нужно было преодолевать. И вот в 1981 г критическое отношение к отвлеченным занятиям философией привело к организации ассоциации философской практики, сначала в Германии, а с 1994 и к международному движению философской практики [4].

Из сказанного представляется, что понятие «вовлечение» есть сущностное для определения философской практики. Предварительно можно сформулировать так: философская практика – это философское вовлечение в философию. Тут важны все три момента, что это именно 1) вовлечение, 2) это философское вовлечение и 3) в философию. Выпадение любого из них упраздняет философскую практику как специфическое явление.

Если нет вовлечения человека, то это внешняя интеллектуальная деятельность, либо академическая, либо как интеллектуальный досуг. Если это нефилософское вовлечение и/ или не в философию, то в лучшем случае практика превращается в рациональную психологию или социологию, в худшем во всё что угодно.

В действительности материалы двух последних конференций показывают существенные расхождения среди философов-практиков во взгляде на свое дело.

Разнообразие мнений можно свести к нескольким группам по нескольким основаниям. Например,

- 1) по форматам философскую практику можно разбить на несколько групп: философское консультирование (индивидуальное и групповое); анализ, логика и риторика, мышление; самотрансформация.
- 2) По целям: для помощи людям в решении личных проблем непосредственно или через самопознание и познание мира; для решения социальных проблем; для индивидуального духовного роста, не являющегося способом решения личных или социальных проблем.
- 3) Духовный рост также понимается не однозначно: то как развитие рационального мышления, то как созерцательного глубинного существования.

В итоге надо констатировать, что обозначив различия, желаемый диалог между разными направлениями философской практики не складывается. Симфония не складывается, есть отдельные сольнные партии. А это предпосылка неизбежного дальнейшего центробежного распыления философской практики как единого явления, если не будет преодолена разобщенность направлений философской практики.

Многообразие и даже противоречие позиций говорит, что среди философов-практиков нет единого понимания не столько философской практики, сколько нет единого понимания о философии. Поэтому главным вопросом к каждому философу-практику, ответ на который обуславливает все позиции – это вопрос: Что такое философия?

Тут надо подчеркнуть один момент: «единое» - не значит одинаковое, против чего справедливо некоторые протестуют. Истинное единое – это конкретное. А это значит – саморазличенное в себе самом целое. Оно многообразно, но одно. Акцент и удержание какого-то момента: либо многообразия, либо единичности – неистинен.

Мечта о симфонии – как раз мечта о поиске принципа организующего многообразие в единство. А отсутствие симфонии показывает, что каждое из направлений философской практики имеет и реализовывает собой лишь особенный принцип, а не всеобщий. И потому-то невозможно особенный принцип «натянуть» на все другие особенные направления философской практики. Он по необходимости будет входить в противоречие с содержанием других особенных принципов, ибо их форма одна – особенное.

В философской практике любят почитать Сократа. Так у него мы и можем увидеть виртуозное мастерство приведения частного мнения к самоотрицанию, если это мнение пытаются выдать за всеобщее определение чего-то как такового [5].

Платон в «диалогах» начал внятно артикулировать мышление, позволяющее понять в единстве одно как многое, а многое как одно, а первое законченное систематическое изложение этого мышления дал в «Науке логики» Гегель [6]. Это мышление – диалектика.

Диалектическое мышление способно обеспечить диалог многих точек зрения, но, не теряя философии как таковой. Поэтому единство философии это не одна какая-то философия, это и не компромиссная сумма многих философий. Философия - это конкретное различенное в себе самом многообразное целое.

Поэтому вывод таков: диалектическое мышление и понимание всеобщего принципа философии как единого в своем многообразии целого позволит случиться симфонии философов-практиков. А средством овладения единым диалектическим мышлением является систематическое и полное овладение мышлением, которое развивалось в своем различном единстве в ходе всей истории философии. Надо только пройти этот путь для себя философствующему индивиду.

Отвлеченное, абстрактное отношение – это беда, наблюдаемая во всех дисциплинах и сферах жизни. Идет общая критика всеми всех. Реальный предприниматель критикует профессора экономики за отсутствие своей фирмы; мы говорим «врачу – исцелился сам»; смеемся над искусствоведами, не создавшими ни одного шедевра; тыкаем пальцем в религиозных иерархов, обнаруживающих смертные грехи; бежим от психотерапевтов, которые не проработали свои проблемы. Говорим о нравственности – поступаем безнравственно, показываем себя как-то – а таковыми не являемся, утверждаем права – и попираем.

Везде этот случайный перескок от одной партикулярности к другой без целостного характера. Общая беда – противоречие реальности отвлеченного отношения и его нереальности.

Это абстрактное отношение есть препятствие для обретения единства в любой сфере во всем мире, что актуально отражено в теме Конгресса: «Философия в полицентричном мире». Там где отдельные акторы существуют и действуют как абстракции друг друга – им не обрести единства. И кризис философской практики тут лишь одно из явлений. Но!

Философская практика может показать пример преодоления этой отвлеченности для всех других сфер жизни. И дать средства.

Почему философская практика? Потому что она есть форма самой философии. А осмысление отношения человека и мира – это философский вопрос. Все другие способы отношения человека и мира, преследуя свои цели, не ставят себе задачу определить отношение к этому отношению. Это дело философии. Дело, так называемой, философской рефлексии.

Поэтому философская практика, как новый способ самоопределения самой философии, может стать пионером по преодолению отвлеченного отношения. Философы-практики могут показать пример реального диалога, свободного от регламентов, догматических шор, показать пример решимости учиться друг у друга, показать миру в своем лице свободный совместный поиск Истины.

Литература:

1. Борисов С. В. Философия понимания и партнёрства: заметки о XIV международной конференции по философской практике (4-8 августа 2016 г., Берн, Швейцария) // Социум и власть. 2016. № 5 (61). С. 134—139.
2. Борисов С. В., Гинзбург Л., Пеннер Р. В. Философская практика «на распутье»: итоги 15-й Международной конференции по философской практике (25—29 июня 2018 года, Мехико, Мексика) // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 124—134.
3. Шнайдер У. Преподавание философии в немецких университетах в XIX веке // ЛОГОС. 2004. №34 (43). С. 61-90. Сокращенный перевод выполнен по изданию: Schneider U. J. 'The Teaching of Philosophy at German Universities in the Nineteenth Century', in History of Universities, vol. 12, Oxford, 1993, pp. 197—338.
4. Лахав Ран Философская практика – QUO VADIS? / Пер. с англ. Борисов С.В. // Социум и власть. 2016. № 1 (57). С. 7—14.
5. Платон. Собрание сочинений. В 4 т. / Под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. Серия «Философское наследие». М.: Мысль. 1990—1994.
6. Гегель. Наука логики. Серия «Слово о сущем». СПб: Наука, 1997. С. 799.

Воевание как упражнение в философии

Коробов-Латынцев А.Ю.

ГОУ ВПО «Донецкое Высшее общевоинское командное училище», кандидат философских наук

a.k-l@mail.ru

Аннотация: В тексте речь идет о применимости философских практик к ситуации войны. Участие философа в войне рассматривается на трех уровнях: физический (непосредственное участие), нравственный и интеллектуальный. На примере отечественных философов раскрывается философская практика соучастия в войне.

Ключевые слова: война, экзистенциал, философия войны, воля-к-войне, смерть, соучастие.

Warfare as practice in philosophy.

Korobov-Latyntsev A. Yu.

Donetsk Military Command College

Abstract. The text deals with the applicability of philosophical practices to a war situation. The participation of a philosopher in war is considered on three levels: physical (direct participation), moral and intellectual. On the example of Russian philosophers, the philosophical practice of participation in the war is revealed.

Key words: war, existential, philosophy of war, death, will-to-war, co-participation.

Духовные упражнения, по Пьеру Адо, это «практика, нацеленная на то, чтобы совершенно изменить бытие» [1, с. 12]. Духовное упражнение – это не только внутреннее делание (борьба с помыслами и т.д.), но и внешние проявления духовного делания. Духовным упражнением может быть чтение текстов (философских, религиозных и т.д.), написание научных статей, поход в горы и т.д. Всякое делание, которое в горизонт своего развертывания включает философское умозрение (например, созерцание заката в горах, или созерцание теоретических построений при написании философского трактата), может считаться упражнением в философии.

При таком понимании духовных упражнений как упражнений в философии к ним можно отнести и такое делание, как «воевание», если употребить старорусское слово. При воевании, т.е. при занятии войной, будь то служба рядовым по контракту, командование взводом (ротой, батальоном и т.д.) или просто нахождение человека среди театра боевых действий в качестве журналиста, военкора или даже простого наблюдателя, может возникнуть потребность в умозрении, которое можно определить как философствование. Война как ситуация предельного экзистенциального напряжения естественным образом делает запрос на философскую рефлексию.

Причастность к войне со стороны философии может выражаться также в деятельном духовном соучастии воеванию. Так, например, Н.А. Бердяев писал о своих статьях времен Первой Мировой войны, в которых он развивал свою экзистенциальную философию войны, что в этих статьях он жил вместе с войной и писал в живом трепетании события» [2, с. 6]. В этом смысле бердяевское умозрение о войне также представляет собой упражнение в философии, поскольку оно, применяя выражение Адо, представляло собой духовную практику, нацеленную на изменение бытия. С этой точки зрения оказывается совершенно несостоятельным взгляд на военные статьи Бердяева (как и других философов эпохи русского религиозно-философского Ренессанса: В.В. Розанова, И.А. Ильина, С.Н. Булгакова и др.) как на обыкновенную публицистику, которая выпадает из жанра философских текстов. В пример можно привести также статьи военных (а также и послевоенных) лет И.А. Ильина, П.А. Флоренского и других русских философов. Тексты этих мыслителей можно понимать как форму переживания войны, соучастия в воевании.

Практика соучастия в войне предполагает не только непосредственное (физическое) участие в военных действиях, но и деятельное участие на интеллектуальном и нравственном уровнях. Причем эти уровни могут сочетаться.

Так, физический уровень и нравственный сочетаются у П.А. Флоренского, который отправляется

на фронт как санитар и вместе с тем как полковой священник на поезде Черниговского дворянства. Деятельное соучастие в войне отражено в его дневнике, который философ вел во время своего служения на поезде. Здесь же можно привести пример Ф.А. Степуна, отношение которого к войне окажется не таким однозначным, как его обыкновенно представляют, если внимательно читать его «Письма прапорщика- артиллериста».

Сочетание нравственного и интеллектуального уровней соучастия мы видим на примере Н.А. Бердяева, который откликается на событие войны целой автоматной очередью статей и не прекращает свою рефлексию относительно войны даже после ее окончания. Очевидно, что бердяевские военные и послевоенные тексты являются формой его соучастия в войне, своеобразным переживанием войны, упражнениями в философии. Бердяев один из тех русских мыслителей, которые во время Мировой войны открывают второй, философский фронт.

Не смотря на то что экзистенциальное измерение войны как духовное упражнение раскрыто русскими философами, современная философия войны совершенно упускает этот момент и центрируется на теории войны (теории малых и новых войн, теории справедливых войн, сетевые и сетцентрические войны и т.д.). В результате современная философия войны, упустившая из поля зрения войну как экзистенциал, теряет свою принадлежность к собственно философии и приближается, скорее, к политике и к теории военного дела.

Сегодня возникает запрос на подлинную философию войны, которая раскрывала бы экзистенциальное измерение войны, ее природу и смысл. Современные теории войны не рассматривают вопрос о «смысле войны», считая его устаревшим, и занимаются вместо этого классификациями войн и идеалистическим построениями о том, какими должны быть войны, чтобы международное право их считало легитимными. Современная «философия войны», таким образом, превратилась в служанку вполне конкретных военно- политических блоков. В этом смысле русская философия войны открывает перспективы не только для теоретических исследований, но и для конкретных духовных практик.

Воевание как упражнение в философии раскрывает для человека инаковость бытия. Как пишет В.Ю. Даренский, философские упражнения призваны «раскрыть человеку Иное в символическом смысле – т.е. неизбежную инаковость самого бытия» [3, с. 285]. Очевидно, что война, если к ее реальности подходить с философской оптикой, может раскрыть для человека эту инаковость бытия.

Прежде всего, война раскрывает для созерцающего ее горизонт смерти. На это обращает внимание, например, С.Н. Булгаков, который пишет в статье 1915 года «Война и русское самосознание», что война приносит человеку духовное воскрешение, поскольку заставляет его предстоять смерти и соответственно воспринимать мир по-иному, с точки зрения вечности: «...Пусть странно, - пишет философ, - а для многих дико прозвучит мое слово, но скажу его: это воскрешение приносится смертью, откровением смерти. Над миром стала смерть, о которой забыли или, вернее, хотели забыть, и, как небесный благовест, как предвестие грозной трубы архангела, зазвучала в сердцах весть. <...> Смерть старательно изгонялась из мещанского обихода. ... У смерти стараются отнять ее торжественно-мистический характер, не услышать ее откровения, заглушая его тихий шепот светскими церемониями, напыщенными речами» [4, с. 23]. Таким образом, воевание как философское упражнение смыкается с другим, важнейшим упражнением в философии, а именно созерцанием смерти. По сути дела, любая степень и форма соучастия в войне, если оно пронизано философской оптикой, т.е. если оно действительно являет собой философское упражнение, включает в себя умозрение о смерти.

Бодрствуй и утверждай прочее близкое к смерти (Откр. 3:2). Любой, кому приходилось быть на войне, испытать бытие-в-войне, скажет, что более всего человек в это время испытывает жажду сна. Поэтому философская практика воевания утверждает духовное бодрствование. Утверждает же эта практика, прежде всего, «близкое к смерти», и парадоксальным образом самым близким к ней оказывается жизнь. Опросы и прочие свидетельства доказывают, что люди, пережившие войну, считают военное время своей жизни самым живым, самым подлинным. Это экзистенциальное измерение войны в полной мере раскрывается при помощи философского созерцания войны, которое, с другой стороны, само по себе истребывается войной как актом.

Чтобы сообразовать свою философскую речь с самой философией, философ, который избрал заниматься войной, должен прикоснуться к войне как праксису. Это может быть военная служба, военная журналистика, даже созерцание войны на уровне наблюдателя на месте (т.е. философу войны не обязательно становиться комбатантом). Сегодня идет война с террористами Сирии, все еще идет война

более близкая нам со всех точек зрения (как с географической т.з., так и с т.з. моральной географии) с украинским карателями в Донбассе. Философ, который занимается войной (т.е. именно философией войны, а не теорией военного дела и не историей философии войны), не имеет права обойти стороной войны, которые разворачиваются вокруг него. Иначе его философская речь расходится с его философским праксисом, а значит, его слово - это слово лишь о философии, но никак не философское слово, связанное с жизненным опытом.

Литература:

1. Адо П. Духовные упражнения и античная философия / Пер. с франц. При участии В.А. Воробьева. М.; СПб. Изд-во «Степной ветер»; ИД «Коло», 2005. – 448 с.
2. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности. – М.: Мысль», 1990. – 208 с.
3. Даренский В.Ю. Философия как экзистенциальное усилие //Донецкие Чтения 2018: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы III Международной научной конференции (Донецк, 25 октября 2018 г.) – Том 5: Филологические, психологические и философские науки / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2018. – 372 с.
4. Булгаков С. Война и русское самосознание - М., 1915. С. 23

Качественная структура человеческого характера

Курзин В.И.

кандидат философских наук, пенсионер

vlad.kurzin2016@yandex.ru

Аннотация: Философская практика, основанная на качественной структуре человеческого характера, представленную в виде единой системы по указанным автором принципам, градациям и взаимосвязи, позволяет ориентироваться в истоках ее сути и мотивировать её коррекцию.

Ключевые слова: качество, структура, характер, личность.

Qualitative structure of human character.

Kurzin V.I.

Abstract: Philosophical practice, based on the qualitative structure of a human character, presented in the form of a single system according to the principles, gradations and interconnections indicated by the author, allows you to navigate the origins of its essence and motivate its correction.

Key words: quality, structure, character, personality.

Современная психология рассматривает черты человеческого характера, как результат взаимного влияния социальной среды и направленности мотивации личности. Эрих Фромм справедливо предполагает, что поведенческие модели с преобладанием мотивов в области «Быть» и «Иметь» формируют общую структуру качеств характера личности.

Природу человеческого характера целесообразно рассматривать с учетом наиболее общих законов (принципов) мироустройства. Для реализации системности подхода в рассмотрении качественной структуры человеческого характера положены следующие принципы:

- единство – взаимосвязь всех элементов структуры;
- полярность – наличие диалектического противоречия качественной характеристики черт характера;
- подобие – диалектически противоположные черты характера представлены диаметрально противоположной идентичной структурой;
- причинно-следственные связи – иерархия черт характера обусловлена их причинно следственной взаимосвязью;
- ритм (периодичность) – вертикальное и горизонтальное содержание структуры соответствует пропорции «золотого сечения» в числовом измерении «рядом Фибоначи»;
- движение – взаимное влияние и изменения черт характера индивида.

В общем плане человеческий характер складывается из трёх основных групп качеств: устойчивых, подвижных, динамичных.

Методы психологического анализа З. Фрейда, К. Юнга, А. Маслоу увязывают формирование черт характера личности с мотивами и способности «волевого» приложения человека к их реализации.

Следовательно, качественная характеристика человеческого характера определяется социальной ориентацией и эмоционально нравственной волевой способностью. В зависимости от центральной оси структуры «любовь – трудолюбие, ненависть – лень» расположены качества человеческого характера от «социально-ориентированных» к «волевой направленности». Условная нумерация раскрывает тенденцию взаимной обусловленности и ведется по рядам последовательно: слева направо со знаком «+» от оси «любовь – трудолюбие»; справа налево со знаком «-» от оси «ненависть – лень» .

Философская практика, основанная на качественной структуре человеческого характера, представленную в виде единой системы по указанным автором принципам, градациям и взаимосвязи, позволяет ориентироваться в истоках ее сути и мотивировать её коррекцию.

Применительно к человеку предлагаемая структура предполагает индивидуальность, движение (изменение) реализацию мужского, женского начала и темперамента.

Философская практика как методологическая инноватика в изучении феномена социокультурной ситуации

Липатова О.А.

Казанский кооперативный институт (филиал) автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации». Кандидат философских наук, доцент

Lipatova_O@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена концептуализации феномена социокультурной ситуации в аспекте философской практики. Обосновано, что содержание философской практики обусловлено ситуационным, социокультурным, синергетическим и симультанным подходами. В русле теоретического осмысления философская практика выступает как метарефлексия и методологическую инноватика социокультурной ситуации как пространства смыслов.

Ключевые слова: философия, философская практика, ситуация, социокультурная ситуация, методология, образовательная практика

Philosophical practice as methodological innovation in the study of the phenomenon of the sociocultural situation.

Lipatova O.A.

Kazan cooperative Institute (branch) of the Autonomous non-profit educational organization of higher education of the Centrosoyuz of the Russian Federation "Russian University of cooperation"

Abstract: The article is devoted to the conceptualization of the phenomenon of sociocultural situation in the aspect of philosophical practice phenomenon. It is proved that the content of philosophical practice is determined by situational, sociocultural, synergetic, and simultaneous approaches. In line with theoretical understanding, philosophical practice acts as metareflection and methodological innovation of the sociocultural situation as a space of meanings.

Keywords: philosophy, philosophical practice, situation, sociocultural situation, methodology, educational practice

Философия как практика любви к мудрости имеет тысячелетнюю историю, а ее базовые концепты остаются неизменными вне времени и пространства. В различные периоды своего существования человечество стремилось к познанию и самопознанию. В этом смысле философия богата такими общенаучными категориями как «бытие», «время», «пространство», «сущность» и «явление», «причина» и «следствие» - это метафизический (неизменный) контекст, который идет философских идей Сократа, Платона, Гегеля до Хайдеггера. Идея формирования критического мышления, оценочных суждений, красноречия, искусства аргументации - актуальна и в наше время. Сегодня философия освободилась от идеологического влияния, что стало благодатной почвой для осмысления социокультурных практик современности. Вопрос заключается в том, каким образом и в какой форме в условиях быстрых, форсированных изменений, продолжающегося системного кризиса, анализировать современные тенденции и преподносить материал по курсу студентам вузов. Во-первых, для решения этого вопроса необходимо преодоление ограниченности классической и неклассической методологии в социогуманитарном знании Во-вторых, каким образом преподносить материал на занятиях. Сделать это возможно применяя новые научные концепты и подходы. Одним из таких концептов является «философская практика». В широком смысле понятие «практика» давно вошло в научный обиход постнеклассической науки. Развитие гуманитарных технологий тесно связано с именами известного философа и методолога Г. П. Щедровицкого. Он указывал то, что «Суть методологической работы не столько в познании, сколько в создании методик и проектов, она не только отражает, но также и в большей мере создает, творит заново...» [1, с.95].

Для нас философская практика - широкая методологическая площадка для поиска смысла. Исследования в этом направлении разрабатывались ранее Р.Лахавом (выделил сущность фило-

софской практики) [2]; С.В.Борисовым (который рассматривал философскую практику как новую парадигму современных социогуманитарных исследований) и другими исследователями. Сегодня, как справедливо утверждает С.В.Борисов: «Мыслить философию в отрыве от практики означает существенно недооценивать ее социальную роль» [3]. Мы полностью разделяем эту точку зрения. Осмысление философской практики будет неполным без анализа социокультурной ситуации.

Современная постановка ситуационной проблематики в философии обусловлена идеологией постмодернизма и вызвана усилением ситуационных черт современного бытия, что сопровождается нарастанием динамических хаотичных процессов. В этом аспекте философия как гуманитарная практика, следуя знаменитому лозунгу «от сущности к существованию» все больше обретает себя в различных социокультурных ситуациях, не отказываясь от метафизических проблем. Само слово «ситуация» с латинского *situare* означает «положение, обстановку, совокупность обстоятельств». Н. М. Солодухо: «ситуация – это сочетание факторов, обуславливающих характер и смену состояний объектов» [4, с.82]. В онтологическом плане социокультурная ситуация является точкой бифуркации культуры и социума. В гносеологическом плане социокультурная ситуация есть познавательная стратегия изучения социокультурных процессов. В философско-культурологическом плане социокультурная ситуация – экзистенциальная трансформация культуры, поскольку возникает и развивается в различных ценностях современности, каждый раз обретая себя в поисках смысла, символа, идеи культуры.

Философская практика, безусловно, должна развиваться и обогащаться новым содержанием благодаря современным научным подходам: со-бытийным, ситуационным, социокультурным, синергетическим, симультанным.

Событийный подход – пространство полилога, открытия новых возможностей в социокультурной ситуации. Социокультурная ситуация как форма со-бытия разных смыслов содержит в себе основные ценности культуры, определяет перспективы ее развития и способствует преодолению культурного релятивизма. Ситуационный подход конкретизирует философскую практику, но при этом не перечеркивает конкретных методов решения задач. Как справедливо считает Н.М. Солодухо: «Ситуационный подход, по отношению к которому понятие «ситуация» является центральным, нельзя считать неожиданно появившимся сегодня ни в логическом, ни в фактическом смысле ... Он кристаллизовался длительное время и имеет некоторые предшествующие первообразы ...» [5, с. 7]. В философии он наиболее емко и ярко обнаруживает себя в экзистенциалистской традиции, и «обращен к индивидуально-личностному, точечному, дискретному масштабу социокультурного бытия (масштабу человекосоразмерного)» [6, с. 19]. Н.М. Солодухо: «Сверхзадача ситуационного подхода – научиться управлять ситуациями» [7, с. 4]. Таким образом, ситуационный подход – ядро философской практики, поскольку предполагает изучение как ситуационных, ситуативных, так и системных аспектов в социокультурной ситуации.

Социокультурный подход позволяет говорить о социокультурной ситуации, как единстве конечного и бесконечного, времени, эпохи, исторического периода, со-временности (как преемственности), событийности, состояния социальных структур и структур культуры «здесь-и-сейчас». Философская метарефлексия социокультурного подхода вывела нас на понимание социокультурной ситуации в двух аспектах: 1) духовной ее стороны (содержательном наполнении, невидимой глазу) – трансцендентной; 2) материалистической, в которой объективируется дух и наглядно находит воплощение в социокультурных практиках, многие из которых возникают как ответ на либеральность социальности (не последнюю роль играет «теория управляемого хаоса» или в нашем случае – эффект «мгновенной» толпы, где участники на какое-то момент ощущают себя единым целым, как, например, в ситуации флэш-моба). Метарефлексия социокультурного подхода способствует выявлению социокультурных практик, они, на наш взгляд, возникают как ответ на недостаток социальности.

Синергетический подход в рамках парадигмы постнеклассической науки позволяет изучать социокультурную ситуацию как сверхсложную, самоорганизующуюся, нелинейную, открытую систему.

Симультанный подход в условиях сверхбыстрой социокультурной динамики ставит человека в условия многозадачности.

Все вышеперечисленные подходы выступают в качестве инновационных методологических средств анализа современных социокультурных практик человека и выступают базисом дальнейшего конструирования социокультурной ситуации в аспекте прикладной философии. Целостность

указанных подходов задает новые векторы развития философской практики: от современных задач, поставленных системой образования и различных типов обучения (классических, неклассических и неоклассических) до смыслообразующих аспектов развития самой социокультурной ситуации: выработке диалектики соотношения глобального и локального, обоснования культурно-множественной идентичности, разработке смешанных моделей образования (с учетом увеличения продолжительности жизни человека).

В широком смысле система образования – составляющая социокультурной ситуации. Поэтому, еще одним вопросом является процесс подачи материала студентам на занятиях, здесь уместно сказать об образовательных практиках, которые представляют собой целенаправленную деятельность преподавателя по оформлению содержания курса и выступают как условие соработничества преподавателя и студента в передаче ценностей, идеалов, культурных норм и самообразования.

Перед системой современного образования «стоит задача формирования картины мира, обеспечивающей ориентацию личности в различных жизненных ситуациях, в том числе и в ситуации неопределенности» [8, с. 123]. Поэтому цель ситуационной методологии в системе высшего образования – погружение студента в различные познавательные ситуации. Важным инструментом является ситуационный подход и формы учебной работы, из него вытекающие – проблемные вопросы, ситуационные задачи, схемы, таблицы и т.д. Формы работы можно использовать как из разных литературных источников, так и самостоятельно придумывать кейсы. Наш опыт показывает, что ситуационный подход является важным методологическим средством погружения студента в познавательную ситуацию, что соответствует требованиям современных ФГОС и способствует формированию ряда общекультурных компетенций, востребованных социальной действительностью и современными работодателями.

Таким образом, философская практика является методологической стратегией изучения социокультурной ситуации и социокультурных практик (в т.ч. образовательных), а в вузовском пространстве «сохраняет жизнь философии как уникальной культурной традиции», – как справедливо заметил С.В. Борисов [9].

Литература:

1. Щедровицкий Г. П. Избранные труды [Текст] / Г.П. Щедровицкий. – М.: Школа Культурной политики, 1995. 759 с.
2. Лахав Р. Философская практика – Quo Vadis? [Текст] / Р. Лахав // Социум и власть. – Челябинск, 2016. № 1 (57). С. 7-14.
3. Борисов С.В. Философская практика как средство оптимизации качества жизни в мире повседневности / С.В. Борисов // <https://docplayer.ru/81611857-Filosofskaya-praktika-kak-sredstvo-optimizacii-kachestva-zhizni-v-mire-povsednevnosti.html> дата обращения 25.12.19
4. Солодухо Н. М. Онтологическое понимание ситуации / Н. М. Солодухо // Социокультурная ситуация: проблемы теории и практики: сб. науч. ст. / под ред. О. Д. Агапова, Н.М. Солодухо, О.А. Липатовой; Институт экономики, управления и права (г. Казань). – Казань : Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2015. 116 с.
5. Солодухо Н.М. Характеристика ситуации и сущность ситуационного подхода как средства познания // Ситуационные исследования. Вып. 1: Ситуационный подход. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2005. 188 с.
6. Голубович И.В. Ситуационный подход в контексте современного философского и гуманитарного дискурса // Ситуационные исследования. Вып. 1: Ситуационный подход. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2005. 188 с.
7. Солодухо Н.М. Манифест ситуационного движения // Вестник Татарстанского отделения РЭА. 2003. 3 (17). С. 3-4.
8. Сохраняева Т.В. Гуманистические ориентиры развития системы образования / Т.В. Сохраняева // Философские науки. 2005. № 9. С. 115-131.
9. Борисов С.В. Указ. работа.

«Прочная радость» быть vs. «страдание от собственного бытия». Дазайн-аналитические подходы М. Босса и А. Хольцхей-Кунц: сравнительный анализ

Лызлов А.В.

РГГУ (Москва), кафедра современных проблем философии философского факультета. Кандидат психологических наук, доцент

a_lyzlov@mail.ru

Аннотация: Проводится сравнительный анализ фундаментальных предпосылок и предельных задач двух подходов дазайн-аналитической практики: 1) подхода, разработанного швейцарским психиатром М. Боссом в сотрудничестве с М. Хайдеггером, и 2) подхода, разработанного современным дазайн-аналитиком А. Хольцхей-Кунц. Раскрывается и обсуждается лежащая в основании подхода А. Хольцхей-Кунц стратегия интерпретации ряда базовых положений философии М. Хайдеггера, и прежде всего, хайдеггеровских понятий «модуса несобственности» и «забвения бытия». Демонстрируется наличие в подходе М. Босса концептуальных предпосылок, восходящих через Хайдеггера к философии С. Кьеркегора, тогда как подход А. Хольцхей-Кунц проблематизируется в свете кьеркегоровской философии. Проблематизация последнего не предполагает отрицания его терапевтических возможностей, но высвечивает противоположность общего вектора и предельных задач практической работы дазайн-аналитика в подходе А. Хольцхей-Кунц вектору и задачам работы в подходе М. Босса.

Ключевые слова: дазайн-анализ, Хайдеггер, Босс, Хольцхей-Кунц, Кьеркегор, бытие.

“Lasting joy” to be vs. “Suffering from one’s own being.” Daseinsanalytical approaches by M. Boss and A. Holzhey-Kunz: comparative analysis. *Lyzlov A.V.*

Russian State University for the Humanities

Abstract: A comparative analysis of the fundamental assumptions and ultimate tasks of two approaches of daseinsanalytical practice is carried out: 1) the approach developed by the Swiss psychiatrist M. Boss in collaboration with M. Heidegger, and 2) the approach developed by the modern daseinsanalyst A. Holzhey-Kunz. The Holzhey-Kunz’s strategy of interpreting some basic principles of the philosophy of M. Heidegger, and first of all, the Heidegger’s concepts of the “mode of inauthenticity” and “oblivion of being”, is revealed and discussed. The conceptual backgrounds in M. Boss’s approach, ascending through Heidegger to the philosophy of S. Kierkegaard, is demonstrated, while the approach of A. Holzhey-Kunz is being questioned in the light of Kierkegaard’s philosophy. The problematization of the latter does not imply a denial of its therapeutic possibilities, but highlights the opposite of the general vector and the ultimate tasks of the practical work of a daseinsanalyst in the approach of A. Holzhey-Kunz to the vector and the tasks of work in the approach of M. Boss.

Keywords: daseinsanalysis, Heidegger, Boss, Holzhey-Kunz, Kierkegaard, being.

Когда сравниваешь то, как понимается дазайн-анализ, его смысл задачи, в работах М. Босса, с одной стороны, и в работах А. Хольцхей-Кунц, с другой, трудно не испытать удивления. Ведь при общей для обоих подходов опоре на философию Хайдеггера, задача практической работы дазайн-аналитика, понимается в них чуть ли не диаметрально противоположным образом.

Согласно М. Боссу, задачей дазайн-аналитической терапии является движение к открытости тому, что есть – открытости, которая каждое мгновение должна свободно обретаться, и не может существовать «по инерции». Именно в открытом обращении к существу человек полно и свободно исполняет свои возможности.

Свободное исполнение человеком своих возможностей несет на себе печать индивидуального своеобразия, которое понимается Боссом как своеобразие «конститутивных» для данного человека

врожденных возможностей быть открытым встречающемуся [1]. «Люди отличаются друг от друга тем, что они по-разному затрагиваются вещами» [2, с. 59]. С таким пониманием индивидуальности соотнобразуется и боссовское понимание нормы как полного и свободного осуществления человеком *своих* возможностей внимать и ответствовать. Человек отклоняется от нормы либо «не исполняя свои возможности», либо «несвободно подчиняясь [verfallen] своим возможностям, вместо того, чтобы их “свободно” исполнять» [2, с. 61].

Свободное исполняя свои возможности, человек «берет на себя» свое прошлое и открыто простирается в будущее. Он совершает переход от одного момента «сейчас» к следующему «от первого лица», в свободном поступании, ответствующем открытости сущего, при котором человек сейчас *есть*. Напротив, при несвободном исполнении своих возможностей и отказе от их исполнения, как они понимаются в дазайн-анализе М. Босса, жизненный процесс может характеризоваться наличием псевдо-каузальных связей между прошлым, настоящим и будущим в тех аспектах, где произошел отказ от свободы.

Сравним теперь подход М. Босса с подходом, предлагаемым А. Хольцхей-Кунц. Основопологающей для её подхода является такая интерпретация хайдеггеровского «Бытия и времени», при которой «падение» Dasein обнаруживает структурные черты желания. Благодаря этой интерпретации А. Хольцхей-Кунц получает возможность соотносить проблематику желания в психоаналитической и дазайн-аналитической перспективе.

Понимание падения как своего рода «ущерба» поведения А. Хольцхей-Кунц критикует как «нормативное», говоря, что в «Бытии и времени» падение характеризуется как неизбежное «отшатывание» Dasein от самого себя, при котором оно одновременно втягивается в «вихрение» das Man. Dasein, согласно Хайдеггеру, всегда уже как-то понимает в своем бытии. Это понимание в своем бытии отличает человека от других существ, но оно же, пишет А. Хольцхей-Кунц, «создает человеку и трудности. Ибо знание о своем бытии — это в то же время и тягота. Этот “тягостный характер” собственного бытия мотивирует падение как первичное “отворачивание” от собственного бытия. Мотив падения — “освобождение от тяготы”» [2, с. 133].

Падение, при таком его понимании, имеет «структуру желания». Человек желает освобождения от тяготы собственного бытия. Оправдывая такое желания, А. Хольцхей-Кунц напоминает, что, согласно «Бытию и времени», именно в таком «основорасположении» как тревога (Angst) человек открывает собственное бытие. В тревоге Dasein открывает свою выставленность в мир как «тревожную неприютность [Unheimlichkeit]». Dasein «бездомно» в этом мире; оно «брошено» в него без всякого смысла и находит себя конечным, ничтожным и уязвимым. Таково, согласно А. Хольцхей-Кунц, бытие Dasein. Он этого тяжкого и тяготящего бытия Dasein бежит в «повседневность», отдаваясь господству das Man – анонимно-публичного истолкования мира. В таком бегстве Dasein от собственного бытия А. Хольцхей-Кунц видит проявление *желания* обретения дома. Это желание никогда не реализуется целиком и полностью: Dasein не способно совершенно отвернуться от собственного бытия, но всегда каким-то образом в своем бытии понимает. Самообман, к которому прибегает Dasein в желании обрести собственный дом, никогда не может достичь полного успеха: от себя не уйти.

Изложенная трактовка «Бытия и времени» позволяет А. Хольцхей-Кунц понять душевное страдание как страдание из-за собственного бытия. Это страдание оказывается тем сильнее, чем более чужок человек к тому или иному аспекту своей бытийной ситуации. Во всём, что происходит в нашей жизни, присутствует некоторая «онтологическая импликация», способная приоткрыть человеку тяготу его бытия: расколовшееся стекло — хрупкость всего, чем обладает человек, и хрупкость его самого; физическая боль — конечность жизни и подверженность болезням, и т. д. Человек избегает осознания подобных «онтологических импликаций» благодаря погружённости в публичную истолкованность мира, отвечающую хайдеггеровскому экзистенциалу das Man. Он или вовсе не замечает их, вращаясь в круговороте повседневных дел, или ускользает от встречи с тяготой *своего собственного* бытия, прибегая к содержащимся в культуре обобщенным «религиозно-метафизическим трактовкам» человеческой ситуации. Он может, например, уйти от прямого осознания конечности *своей* жизни, прибегнув к какому-либо учению о бессмертии души; уйти от осознания хрупкости всего, что имеешь, прибегнув к какому-либо учению о разумности и благодати миропорядка и т. п.

Когда человек оказывается неспособен защититься от прямого осознания тяготы своего бытия, возникает душевное страдание. Оно подобно страданию философа, который открывает тяготу бытия. Но в отличие от философа, идущего этим путём по собственной воле, такой страдающий оказывается

«философом поневоле». При этом на событие, в котором для него приоткрывается тягота его бытия, он отвечает «двойственным нет»: «нет» самому событию в его онтической данности и одновременно «нет» его онтологическим (бытийным) предпосылкам. А. Хольцхей-Кунц описывает три формы такого «двойственного нет»: 1) развивающееся в *зависимость* стремление заглушить не только онтическую, но и экзистенциальную боль или тревогу с помощью разнообразных внешних средств; 2) *депрессивное* «уклонение от принятия на себя собственной жизни в таких ничтожных условиях», в пределе ведущее к суициду; и 3) невротическое *агирование* как стремление онтическими средствами опровергнуть онтологическую неизбежность, симулируя изменение того, что невозможно изменить.

Задача дазайн-аналитической терапии, согласно А. Хольцхей-Кунц, состоит в том, чтобы помочь человеку перестать упорствовать против собственной бытийной ситуации и, признав эту ситуацию как она есть, научиться жить в повседневном забвении ее.

Таким образом, если 1) по М. Боссу, нужно вместе с клиентом искать открытости и свободного ответственного тому, что *есть*, сопряжённых с доверительно-*благоговейным* отношением к бытию, то 2) по А. Хольцхей-Кунц, нужно помочь человеку принять *тяготу бытия* как неизбежность с тем, чтобы он сумел вновь вернуться в мир повседневности и почувствовать в нем себя дома.

Думается, важные ракурсы для сопоставления обоих подходов может дать философия С. Кьеркегора – мыслителя, очень важного для раннего Хайдеггера и для последующей дазайн-аналитической практики, в которой важную роль играют философские мотивы, разрабатываемые Хайдеггером вслед за Кьеркегором. Понимание открытости, которого вслед за М. Хайдеггером придерживается М. Босс, восходит к кьеркегоровским размышлениям о том, что значит «быть самим собой» (at være sig selv). Темы открытого и первичного присутствия в настоящем и преодоления страха перед негарантированностью чего бы то ни было в человеческой жизни звучат в различных произведениях датского мыслителя. Позиция же, на которой стоит А. Хольцхей-Кунц, в свете кьеркегоровской философии опознается как форма отчаяния, при которой человек бежит в житейскую деловитость от того, что его пугает и тяготит в его собственном бытии.

Согласно Боссу, движение к открытости тому, что *есть*, возможно только как «прыжок всего мышления, чувствования и восприятия» [1, р. 391f]. Босс не случайно использует здесь понятие прыжка, разработанное Кьеркегором. Как и для Кьеркегора, для Босса прыжок — нечто, разрывающее непрерывность знания. Знание устроено так, что новое стремятся *опознать* и включить в общую область известного; напротив, в «прыжке» человек отрывается от почвы известного и «прыгает» к неизведанному, *веря*, что к нему стоит прыгать. Причём таким неизведанным может быть и самое близкое и простое: те вещи, которые нас окружают, в их *бытии*. Мы не можем *знать*, что бытие не сыграет с нами злую шутку, но *знакомясь* с ним, мы его *узнаем* так, что верим ему и вверяем ему себя. И даже если не раскрывать далее эту веру в христианском ключе, как это делает Кьеркегор, феномен *веры имеет здесь место*.

Если же мы *не верим* бытию и не открываемся ему, наш взгляд на него оказывается совершенно иным. Мы оказываемся тогда разделяющими способ закрытости, характерный для исторически-социальной общности, которой мы принадлежим, и, соответственно, руководствующимися анонимным истолкованием бытия, принадлежащим das Man. Это хорошо видно в подходе А. Хольцхей-Кунц, воспроизводящем характерный для современного европейского человека страх перед рядом предельных условий человеческой жизни: негарантированностью *будущего* и возможностью потери того, что имеешь; возможностью фатальных последствий любого, самого незначительного, решения; возможностью умереть и неизбежностью смерти. Этот страх в его вполне конкретном историческом формате принимается А. Хольцхей-Кунц как некая константа. Психотерапии остается тогда только работа со вторичными проявлениями этого страха, имеющими характер сопротивления неизбежному; и единственной терапевтической задачей оказывается отказ от такого сопротивления и отворачивание от бытия как предмета страха.

Литература:

1. Boss M. Grundriß der Medizin – Ansätze zu einer phänomenologischen Physiologie, Psychologie, Pathologie, Therapie und zu einer daseinsgemässen Präventiv-Medizin in der modernen Industrie-Gesellschaft. Bern, H. Huber, 1971. 600 p.
2. Хольцхей-Кунц А. Страдание из-за собственного бытия. Дазайн-анализ и задача герменевтики психопатологических феноменов. Вильнюс: Логвинов, 2016. 312 с.

Нарратив о смерти как способ проектирования бытия самим собой в философской практике

Макаенко Я.А.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, кандидат философских наук, доцент

yanach@list.ru

Аннотация: В основе человеческого бытия лежит темпоральная структура, которая на уровне сознания и языка разворачивается в последовательную цепь событий, явленную в виде «рассказанной истории». Смысл и значение бытия в повседневном «здесь-и-сейчас» зависит от восприятия человеком собственной конечности, а также от базового опыта смерти и умирания, который он может получать в течение собственной жизни. Опыт говорения о смерти и восприятие собственной смертности достаточно часто вызывает серьезные проблемы, что требует особого подхода. Одним из вариантов работы с данными структурами в философской практике может быть тренинг и рефлексия. В этом докладе представлен опыт проведения тренинга, посвященного нарративу в смертной тематике.

Ключевые слова: смерть, бытие самим собой, философский тренинг, нарратив

The narrative of death as a way of projecting being oneself in philosophical practice. Makachenko Y. A.

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Abstract: The basis of human existence is a temporal structure that unfolds at the level of consciousness and language in a sequential chain of events, manifested in the form of a “told story”. The meaning and significance of being in the everyday “here-and-now” depends on a person’s perception of their own mortality, as well as on the basic experience of death and dying that they can receive during their own lives. Talking about death and the perception of one’s own mortality often causes serious problems, which requires a special approach. One of the options for practice with these structures in experience of philosophical practice can be training and reflection. This report presents the training on narrative in the mortal subject.

Keywords: death, being yourself, philosophical training, narrative

Аврелий Августин в своей знаменитой «Исповеди» пытаясь ответить на вопрос о том, что такое время, говорит, что если его никто не спрашивает о том, что такое время, он знает что это такое, но если захотел бы объяснить это спрашивающему, то оказывается в глубоком замешательстве. Можно перефразировать это высказывание применительно к вопросу о смерти: когда я не говорю о смерти, я как будто бы знаю, что такое смерть, когда пытаюсь высказать о ней что-либо определенное, не знаю. В понятии нарратива о смерти всегда лежит определенная интрига. Интрига же всегда требует прояснения, и чем выше уровень нашего объяснения и интерпретации, тем лучше мы понимаем то, что пытаемся прояснить.

Каждый человек способен к тому, чтобы ощутить «внутреннее» течение времени, которое в целом совпадает с естественными ритмами, в которых протекает его телесное и психическое бытие, также как способен уловить темпоральное измерение интересубъективной повседневной жизни. При этом временный характер человеческого бытия прямо указывает на его конечность. Человек вынужден считаться с таким положением дел, т.е. должен стремиться к тому, чтобы все его проекты были вписаны в ткань повседневности, где время имеет черты непрерывности и конечности. И поскольку сам человек в структуре повседневности предстает как тот, кто непрерывен и конечен, он вынужден соизмерять «свое» время с возможностью актуализации собственных проектов. Таким образом, конечность нашего бытия имеет непосредственное отношение к нашей повседневной жизни здесь-и-сейчас. При этом общая темпоральная структура человеческого бытия и принадлежащего человеку мира разворачивается в сознании и языке в последовательность событий, которая может быть представлена

как «рассказанная история», смысл и значение которой зависят от его представлений о собственной конечности, а также от базового опыта смерти и умирания, определяющего субъективные переживания, структуру опыта и особенности поведения. Также, очевидно, смерть и отношение к ней является одним из ключевых параметров коллективного сознания. Изучение ритуалов погребения, обычаев и культурных особенностей смертного поведения в обществе может быть эталоном и индикатором характера социальности, служить маркером коллективной идентичности.

Однако, вопрос о смерти, процессах умирания и конечности человеческого бытия на уровне повседневного обсуждения очевидно является источником экзистенциальной и психологической тревоги. Феномен смерти – порождает один из базовых страхов, который от начала собственной истории пытается преодолеть человечество. Подобные представления, безусловно, стимулируют человека к поиску средств для обретения «невозмутимости духа» перед лицом «самого страшного из зол» и получению терапевтического эффекта от упражнений в философии (в рамках этических программ стоиков и Эпикура, например), однако довольно часто сознание неизбежности смерти на повседневном уровне перестраивает все возможности, которые он может иметь, и формирует у него отношение ко всему существующему и происходящему в негативных терминах (например, страха, ужаса, отсутствии смысла и т.п.). В итоге, естественная защитная реакция на столкновение с фактом собственной конечности, имеющим абсолютно негативное значение, приводит к поиску средств «замалчивания», к позитивному снятию смертного дискурса на уровне обыденной жизни. В силу этого смертная тематика приобретает закрытый, «сакральный» характер: о смерти не принято говорить без крайней необходимости. Подобный процесс «снятия», замалчивания и закрытости смертного дискурса можно наблюдать и на уровне социума. Даже те профессиональные сообщества, которые так или иначе работают в контексте смертности, в целом выглядят маргинально и предполагают своего рода избегание открытого обсуждения смерти и умирания на широком общественном уровне. Но означает ли подобная практика замалчивания и табу то, что мы должны игнорировать факт неизбежного конца человеческой жизни, наше восприятие собственной конечности и те позитивные следствия, которые может иметь ее осмысление?

Хорошо известно, что философия со времен глубокой древности работает над возможным позитивным отношением к смерти. Смерть – это основное событие, которое определяет наше бытие. Размыкает возможности нашего существования, показывает отношение к настоящему (если речь идет о смерти чужой), создает напряженное отношение к нашему будущему (если речь идет о смерти собственной). Так Платон, к примеру, называет занятия философией «упражнением в искусстве умирания». На уровне обыденного осмысления также существует тенденция к слову стереотипа, определяющего отношение к смерти, как к тому, что должно «естественным образом умалчиваться». В последние десятилетия появилось и получило широкое распространение во всем мире движение, которое в общем можно назвать «движением за позитивное отношение к смерти». Это движение касается целого ряда явлений и проблем, которые можно объединить общим контекстом, имеющим отношение к феномену смерти и его осмыслению, таких как, например, Death safe, проблема эвтаназии или проблема цифрового бессмертия. Дискурс этого движения можно свести к тезису о том, что табуированность смерти и ее восприятие как негативного феномена, может быть снято и преодолено возвращением к естественности в отношении смерти. Это, безусловно, требует включения разговора о смерти в повседневный дискурс. Одним из вариантов такого «включения» может стать философская практика в форме тренинга и рефлексии в ее отношении к феномену смерти.

В этом докладе мне хотелось бы описать опыт проведения философско-психологического тренинга «Как мы можем говорить о смерти?», который я проводила в ноябре 2019 года и который представляет собой один из модулей общей программы «Смерть и бессмертие в круге человеческой жизни, бытия и существования», соавтором которой я являюсь и которая была реализована для медиаторов 5 индустриальной биеннале современного искусства в августе 2019 года в ГЦСИ-Урал в виде двухдневного тренинга с идентичным названием. Важной задачей этой программы стало формирование у участников способности «быть» с темой смерти и говорить о смерти и умирании максимально экологично.

К сожалению, форма доклада не позволяет подробно описать структуру тренинга, рекомендации к проведению рефлексивных сессий и упражнения, поэтому ограничусь общими замечаниями.

Основной замысел и концепция тренинга состоит в том, что из общего культурного, интеллектуального и повседневного контекста возможных представлений о смерти, абстрактного поля

Макаров А.И.

Волгоградский государственный университет. Доктор философских наук, профессор

andre_mak@mail.ru

форм и понятий, в которых интерпретируется процесс умирания и понятие смерти в целом, мы всегда можем выйти в поле индивидуального опыта. При этом, «мой опыт» всегда нуждается в оформлении, поскольку должен быть «представлен». Данное «представление» в максимально адекватном варианте является основной целью участников. Одним из средств для достижения этой цели является опыт наррации и адекватно построенная «речь о...».

Общая форма тренинга имеет в своем основании четырехчастную структуру, которая воспроизводится в нескольких модулях: (а) обозначение темы, (б) интерактивная мини-лекция с последующей рефлексией, (в) упражнение и рефлексия над опытом упражнения, (г) общая рефлексия над полученным опытом. При этом часть (а) совмещает введение в модуль и диагностическую сессию, в которой выявляются индивидуальные убеждения о смерти/умирании каждого участника, а также собираются сообщения о желаемых результатах, к которым они стремятся.

В теле тренинга задействован индивидуальный опыт осмысления и переживания смерти и умирания, который должен разрешиться в опыт осмысленного переживания. При этом здесь также происходит работа на уровне освоенных в осмыслении общих понятий и представлений: участник тренинга должен научиться рассматривать свой индивидуальный опыт в свете универсальных концептов и ценностей. Целью такой работы является достижение определенности собственного осмысления и переживания, которая становится возможной из допущения общего контекста (я понимаю то, что происходит со мной, то, что я думаю об этом, что чувствую и переживаю, поскольку знаю, как это может быть вообще, и понимаю, как это может быть еще). Важно отметить, что индивидуальный опыт в такой практике имеет безусловную ценность: не существует его «неверных» или «иррациональных» вариантов. Такой подход открывает пространство свободы в возможности распоряжаться собой: я вижу альтернативы, соответственно, могу свободно решать относительно того, что имею.

Общая тематика тренинга сосредоточилась вокруг следующих вопросов: что такое смерть и как мы ее понимаем; как в контексте разговора о смерти можно осмысливать человеческое существование и время; каково многообразие перспектив смерти; «живое» и «мертвое», в чем их отличие и как к этому относиться; что есть смерть как проект собственного бытия; какие способы и варианты управления смертью существуют и как это возможно; что представляют собой экзистенциально-психологические реакции на феномен смерти и как их использовать максимально экологично для себя и окружающих.

Нарратив предполагает одновременно описание события и его интерпретацию. С помощью наррации человек пытается упорядочить собственный опыт, однако он не в состоянии выйти за границы тех условий, которые задает культура, социум, индивидуальные установки. При этом временное измерение, которое всегда присутствует в нарративе о смерти, предполагает открытую историю субъекта наррации, где он всегда предстает как незавершенный проект. Однако, процесс самопрезентации в смертном нарративе также предполагает, что субъект здесь не может уклониться от высказывания актуального самоосуществления, преодолевая тем самым дистанцию между опытом переживания всей своей жизни как целого и развитием актуального отношения к себе как к смертному. Таким образом, в практике говорения о смерти человек осознает ценность жизни, свои истинные ориентиры и желания, преодолевает страх смерти, а также приобретает способность быть самим собой.

Литература:

1. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск: Издательство «Водолей», 1998. 384 с.
2. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс-Академия, 1992. 526 с.
3. Блэк М. Смерть в Берлине. От Веймарской республики до разделенной Германии. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 408 с.
4. Мохов С. Популярная морталика: death positive, гуманизация и критика современности // НЛО. №5. 2019. https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/159_nlo_5_2019/article/21524/ дата обращения 21.01.2020
5. Финк Е. Основные феномены человеческого бытия. М.: Канон-плюс, 2017. 432 с.
6. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв.: Трактаты, статьи, эссе. М.: МГУ, 1987. 512 с.
7. Рикёр П. Время и рассказ. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М.; СПб.: Университетская книга, 1998. 313 с.
8. Время и рассказ. Т.2. Конфигурация в вымышленном рассказе. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 224 с.
9. Греймас А.-Ж. - Структурная семантика: Поиск метода. М.: Академический проект, 2004. 368 с.

Аннотация: Доклад посвящен проблеме искажения реальности, возникающих в процессе интерпретации событий. Это происходит вследствие формирования запутанных когнитивных схем. Анализ проблемы проводится на примере операциональной пресуппозиции на инфантилизацию Другого. Такая пресуппозиция возникает в результате возрастной и профессиональной рутинизации сознания. Она, например, характерна для учителей, у которых складывается установка в отношении учеников, которыми управляют с помощью упреков и занижения самооценки обучающихся. Среди самих учеников это приводит к когнитивному искажению, описанному Аароном Беком как «преуменьшение позитивных и преувеличение отрицательных сторон мира». Предлагается алгоритм анализа речи на предмет выявления пресуппозиций. Предлагается метод распутывания когнитивных схем с помощью метода «сократического диалога», который много лет практикует автор этого доклада.

Ключевые слова: операциональные пресуппозиции, рутинизация сознания, когнитивные схемы, сократический диалог, когнитивные искажения, метод

Operational Presuppositions and Cognitive Distortion.

Makarov A.I.

Volgograd State University, Department of Philosophy

Abstract: The report is devoted to the problem of distortion of reality arising in the process of interpreting events. This is due to the formation of intricate cognitive patterns. The analysis of the problem is carried out on the example of operational presupposition on the infantilization of the Other. Such a presupposition arises as a result of age-related and professional routinization of consciousness. It, for example, is typical for teachers who have an attitude towards students who are controlled with the help of reproaches and understatement of students' self-esteem. Among the students themselves, this leads to a cognitive bias described by Aaron Beck as "an understatement of the positive and exaggerated negative aspects of the world." An algorithm for analyzing speech is proposed for the detection of presuppositions. A method for unraveling cognitive schemes using the method of "Socratic dialogue", which has been practiced by the author of this report for many years, is proposed.

Keywords: operational presuppositions, routinization of consciousness, cognitive schemes, socratic dialogue, cognitive distortions, method

Объектом этого исследования стали некоторые особенности речевого поведения людей. Предмет исследования – влияние на ложное восприятие реальности мировоззренческих установок или пресуппозиций.

В широкий практический оборот термин «пресуппозиции» был введен теорией НЛП, где пресуппозиции понимаются как убеждения, в которые верят люди для того, чтобы быть быстро выполнять стоящие перед ними задачи по жизни. По словам Джейн Ревелл, британского теоретика НЛП, пресуппозиции «не являются философией, мировоззрением, или набором правил. Это сменяемые предположения, на основании которых индивиды совершают последующие действия». Отличие моего понимания пресуппозиций и от НЛП в том, что я считаю, что пресуппозиционная структура – это не только операциональные структуры сознания но и некий «онтологический минимум» индивида, устойчивый идеологический каркас его жизненного мира, сформированный на основе его жизненного опыта. А опыт - это погруженные в долгосрочную семантическую память устойчивые идеи, возникшие и зафиксированные в практике взаимодействия с языком и другими людьми. Устойчивость этим идеям придает то, что индивид усвоил их как очевидные истины. Только на истине можно построить

фундамент своей жизни. Истина абсолютно необходима для человеческой формы жизни, даже если эта истина является ложью. В отличие от животного природа человеческого существа имеет трехслойную: радио-психо-соматическую. Это рамки нашего понимания, заданные социально, фоновые программы, заложенные во время освоения ребенком языка и социализации. Ганс Георг Гадамер называет их предрассудками, преднастроенностями по отношению к любому предмету, делу, явлению, человеку, о которых выносятся какое-либо суждение. Морис Хальвбакс вводит термин «социальные рамки памяти». А в юриспруденции есть термин «презумпция». В лингвистике и логике пресуппозиции - необходимый семантический компонент, обеспечивающий наличие смысла в утверждении.

Однако эти мировоззренческие убеждения, которые индивид принимает за безусловные истины, часто описывают не объективную реальность, а ее искажение. Впрочем, объективная реальность всегда несколько искажена нашей субъективностью, но речь идет об искажениях, делающих ориентирование в мире неадекватным. Как это выявить и как с этим работать. Это выявляется через анализ речи, и работать нужно тоже с речью и, в конечном счете, с когнитивными процессами. В этом аспекте важно ввести понятие операциональных логических пресуппозиций как присутствующих в речи установок, влияющих на логику составления суждений и построения речи [1, с. 137].

Это рамки нашего понимания, заданные социально, фоновые программы, заложенные во время освоения ребенком языка и социализации. Ганс Георг Гадамер называет их предрассудками, преднастроенностями по отношению к любому предмету, делу, явлению, человеку, о которых выносятся какое-либо суждение. Морис Хальвбакс вводит термин «социальные рамки памяти». А в юриспруденции есть термин «презумпция». В лингвистике и логике пресуппозиции - необходимый семантический компонент, обеспечивающий наличие смысла в утверждении.

Как связаны пресуппозиционная структура сознания и психологические когнитивные искажения, отвечающие за интерпретацию событий?

Пример:

Женщина говорит с положительным настроем (может даже чувство нежности присутствует): «Ой, интересно с тобой, Галя, да и еще не все обсудили, но нужно уже ехать: мне нужно мужа кормить». Отделим аттитюд и пресуппозицию. Аттитюд – это положительное отношение к объекту аттитюда – мужу, проявляющееся в положительном эмоциональном настрое, нежной интонации. А что здесь является пресуппозицией, т.е. убеждением в определенном устройстве мира? Где в речи указание на это убеждение? Муж не субъектен в отношении еды – он либо немощный ребенок или некий объект хозяйства жены, ...живой, имеющий волю, но не в отношении трапезы. Причем, неверно будет объяснить эти слова «мне нужно мужа кормить» только влиянием традиции предписывающей женщине сервировать стол и подавать блюда. Если бы проявлялась только эта традиция, тогда бы речь звучала по другому: «мне пора мужу подавать» или даже «мой муж требует постоянной заботы как ребенок». Если вы останавливаетесь на гипотезе, что это - пресуппозиция на инфантилизацию мужа, то даете ей концепт – инфантилизирующая пресуппозиция. Пример с преподавателем: «Побегу к своим малышам». Понятно, что эта объектная пресуппозиция может быть не единственная по отношению к мужу, с ней может соседствовать установка на рассмотрение мужа как субъекта принятия решений в отношении ремонта по дому. Тогда и речь будет отличаться, в ней муж будет использоваться не в пассивном залоге, а в активном. Пресуппозиции – это сетевая структура сознания.

Каков метод выявления пресуппозиций и всей пресуппозиционной структуры сознания? Общий принцип таков: нужно анализировать высказывания на предмет логики, способа связывания фраз, задаваясь вопросом: не что говорит человек о предмете, а как он это делает? Как он мыслит? Прагматически, романтически, экономически, как собственник, как бедный человек, как инфантил. Эти «как» указывают на его модель коммуникации с миром, которая сложилась благодаря тем жизненным практикам, в которых он сформировал свою идентичность.

Алгоритм выявления следующий:

1. Делите речь на части, которые можете тщательно просканировать на предмет «странных мест»
2. Ходить по «странным местам» речи. Странные места – это те фрагменты речи, которые несколько выпадают из логики высказывания – они либо из другого стиля, лексикона, либо не очень

функциональны, т.е. если их убрать, то смысл сообщения останется.

3. Задавать к этим частям вопрос: на какой способ отношения к миру указывают эти фразы? Как устроены представления о мире человека, который говорит такие вещи. Стройте гипотезу
4. Проверяете эту гипотезу соотнося ту часть, на анализе которой возникла гипотеза, с другими частями.

Распутывание когнитивных схем возможно с помощью метода «сократического диалога», серии специальных вопросов на основе получения обратной связи. Это происходит в формате философского консультирования

Литература:

1. Малычева Н.В. Текст и сложное синтаксическое целое: системно-функциональный анализ. Ростов-на-Дону: АПСН. 2003. 231 с.

Полицентричность в антропологии как разворот самопознания от полюса «Я» к полюсу «Ты»

Подзолкова Н.А.

Озёрский технологический институт (филиал) Национального исследовательского ядерного университета (МИФИ), кандидат философских наук, доцент

NAPodzolkova@mephi.ru

Аннотация: На основании текстов Мартина Бубера сравниваются две духовные перспективы «Я-Оно» и «Я-Ты» с целью создания полицентричной антропологии. Автор видит в перспективе «Я-Ты» возможность выхода на уровень непосредственного и открытого отношения между людьми, задающего новые каноны самопознания как совместного действия по преодолению границ между внутренними мирами. Цель работы — осознать разницу между субъект-объектным и сущностным взглядами на мир, наметить контуры их различия, используя при этом не только теоретические познания, но и опыт живого общения с людьми. Кульминацией исследования становится обнаружение источника фальшивой картины мира, препятствующего открытию единого для всех людей внутреннего пространства. Делается вывод, что познание самого себя есть одновременно познание Другого — Встреча духовных миров.

Ключевые слова: Я-Ты, Я-Оно, бытие человека, отношение, внутреннее пространство, полицентричность, эгоическая картина мира.

Polycentricism in anthropology as a turn of the self-knowledge from the pole “I” to the pole “You”.

Podzolkova N.A.

Ozersky Technological Institute (branch) of the National Research Nuclear University (MPhI)

Abstract: Based on the texts of Martin Buber, two spiritual perspectives “I-It” and “I-You” are compared with a goal of creating the polycentric anthropology. The author sees in the perspective “I-You” a possibility of reaching the level of unaffected and open relationship between people, setting new canons of self-knowledge as a joint action to overcome the boundaries between inner worlds. The purpose of the work is to recognize the difference between the subject-object and the essential worldviews, outline the lines of their distinction, using not only theoretical knowledge, but also the experience of living communication with people. The culmination of the study is the discovery of the source of a false picture of the world, which hinders the discovery of a single for all people internal space. It is concluded that the knowledge of oneself is at the same time the knowledge of the Other – the Meeting of the spiritual worlds.

Key words: I-You, I-It, human being, attitude, inner space, polycentricity, egoic picture of the world.

В начале XX века Мартин Бубер предложил поистине грандиозный проект новой антропологии, сходный по своим масштабам и последствиям с коперниканским переворотом в естествознании. Тем не менее, этот проект не только не был реализован, но даже по-настоящему замечен. Плата за невосприимчивость оказалась очень высока: фашизм, угроза ядерной войны, религиозная разобщенность. Возможно, это только начало. Что ждёт нас дальше: климатическая катастрофа, технологический коллапс? Хочется верить, мир зашёл достаточно далеко, чтобы начать оглядываться: не пропущено ли что-то существенное? Была ли альтернативная дорога и, если да, то можно ли на неё вернуться? Вот тут самое время вспомнить программную работу Бубера «Я и Ты» [1].

Суть его послания можно выразить в одном предложении: *есть ДВЕ основных духовных перспективы для бытия человека, раскрывающихся ему из центра «Я» — это перспектива мира как «Оно» и перспектива мира как «Ты».* Именно осознание этой двойственности есть шаг в Настоящее, который, как ни парадоксально, единственная дорога в Будущее.

Перспектива мира «Я-Оно» вполне очевидна. Самые разные её описания неизменно находят

отклик и понимание: это и сфера познания от ощущения до мышления, и сфера чувств от простейшей реактивности до сложных эмоций, и сфера социального бытия от взаимодействия с вещами до духовного общения в рамках различных конфессий. Кажется, что мир «Я-Оно» — мир субъекта и объекта (познающего и познаваемого, испытывающего и испытываемого) вбирает в себя всё.

Но что же тогда остаётся на долю перспективы «Я-Ты»? Как взглянуть на мир иначе: не как на объект познания, не как на предмет воздействия, не как на проекцию вездесущего «Я»? Что это значит: увидеть мир как *Друга* или хотя бы как *Другое*, всем существом сказать ему «Ты»? На протяжении многих страниц Бубер подбирает слова, чтобы сказать о перспективе «Ты» на языке «Оно», к которому адаптирована наша речь. «Человека, которому я говорю Ты, я не познаю. Но я нахожусь в отношении к нему...» [1, с. 9]

Перспектива «Я-Ты» — это перспектива *отношения, встречи и взаимности.* Это не мистика и не сфера трансцендентного, но, напротив, нечто настолько близкое, что становится уже неразличимым, настолько изначально присущее, что перестаёт замечаться. Уловить суть новой перспективы очень непросто, но попробуем сегодня продолжить работу Бубера и ввести некоторые указатели, разворачивающие наше внимание в нужном направлении.

1. Перспектива «Я-Ты» как непосредственный опыт

Говоря о «Ты» приходится вспоминать «опыт ребёнка» и «опыт дикаря». «Отношение к Ты непосредственно. Никакая абстракция, никакое знание и никакая фантазия не стоят между Я и Ты», — пишет Бубер [1, с. 11]. Для ребёнка и дикаря бессмысленно обращаться к чему-то, что не затрагивает его существо, при этом не столь важно, реальное это воздействие на тело (удар, ласка) или лишь умозрительное воздействие на воображение (игра, стух). Бытие человека выросло когда-то из этого непосредственного «контакта», но постепенно «повзрослело», раз и навсегда надев «очки» кантовских априорных форм. Теперь, куда бы мы не смотрели — мы лепим себе объект познания — «вещь-для-нас», лишённую непосредственности совместного бытия.

2. Перспектива «Я-Ты» как переживание Настоящего

При этом перспектива «Я-Ты» — это не «прошедшее детство» человеческого бытия, потому что любое «прошлое» тут же превращается в «Я-Оно» — объективированный след ускользнувшего бытия. Говорить «Ты» можно только в Настоящем. Собственно, «быть в Настоящем» и «говорить Ты» — это одно и то же, потому что для мира «Оно» есть только будущее и прошедшее, постоянно перетекающие друг в друга.

3. Перспектива «Я-Ты» как взаимность

Многие мыслители указывая на полюс «Я-» перспективы «Я-Ты», полагали её лучом, а не дугой или горизонтом. Полюс «-Ты» незримо присутствовал, но оставался в тени, как нечто менее существенное. Тем временем, «Я-луч» оставался предметом постоянного интереса и вечных поисков: о нём гласит надпись на дельфийском храме (Сократ), из его глубины исходит свобода поступать согласно категорическому императиву (Кант), в несокрытости его истины-алетейи расцветает Dasein (Хайдеггер). Но что он высвечивает, куда направлен, какой цели достигает? Отвечая на этот вопрос, приходится констатировать, что для бесконечной эманации у него постоянно не доставало мощности. Устремлённый в никуда, этот луч постоянно гаснет, запутываясь в лабиринте самопротиворечий. Так усилие по преодолению перспективы «Я-Оно» в новой перспективе «Я-...» раз за разом оказывается напрасным. Свобода бытия быстро оборачивается новыми узами, поскольку открыть своё истинное Я — не самоцель, но только *путь к другому «Ты».* Быть живым и настоящим, быть сущностью, а не инверсным субъект-объектом — значит быть *для чего-то* не менее важного, чем ты сам.

4. Перспектива «Я-Ты» как преодоление фальшивой эгоической картины внутреннего мира

Очень важно, что «Я-» перспективы «Я-Ты» — совсем иное, чем «Я-» перспективы «Я-Оно». Это легко заметить по различной топологии внутреннего пространства, которая открывается изнутри этих перспектив.

«Я-» взятое из связки «Я-Оно» рисует внутренний мир человека 1) *изолированным* — чужой

внутренний мир всегда остаётся недоступным; 2) *банальным* — кажется, что все миры, в целом, похожи; 3) *бесформенным* — *состоит* из смутных идей и домыслов, которые редко удаётся представить в виде чего-то красивого и определённого; 4) *безрадостным* — без специальных усилий уныние и недовольство всегда готовы его захватить; 5) *неглубоким* — хотя мы гипотетически предполагаем, что у нашего внутреннего мира нет границ, на деле безграничность заменяется нечёткостью или невидимостью границ.

«Я-» взятое из связки «Я-Ты», напротив, рисует внутренний мир человека как 1) *место Встречи*, а не место изоляции; 2 и 3) *место рождения новых форм*, неисчерпаемое в своей уникальности; 4) *место Безусловной Радости и Любви*, не зависящее от обстоятельств внешнего пространства, в которое оно оформляется; 5) наконец, это и есть *подлинная бесконечность*, отражением которой является бесконечность внешнего пространства видимой Вселенной.

Создается впечатление, что в первом случае «Я-» человека рисует нам фальшивую перспективу, задача которой замаскировать подлинную бесконечность внутреннего пространства и утвердить свою монополию на картину мира. Но если некая сущность пытается утвердиться за счет создания ложной или иллюзорной картины, значит сама эта сущность — мнимая. «Я-» перспективы «Я-Оно» есть не что иное как *человеческое эго* — специализированная трансцендентальная структура, которая превысила свои познавательные полномочия и стала претендовать на место бытийственного центра — того самого «истинного Я», которое человек неустанно ищет и никак не может найти.

Задача «Я-» перспективы «Я-Ты» — справиться с эгоистическими тенденциями и вывести внутренние миры всех людей из сумеречных пещер мнимой изоляции (вспомним знаменитый миф Платона) к подлинным Встречам в бесконечной внутренней вселенной. Солнце внутреннего пространства — не тусклое эго конкретного человека, но «*Абсолютное Ты*», с которым все другие «Ты» связаны нитями *живого отношения*. «*Врожденное Ты воплощается в каждом отношении и не свершается полностью ни в одном. Оно свершается лишь в прямом отношении к тому Ты, которое по своей природе не может превратиться в Оно*» [1, с. 45-46].

5. Перспектива «Я-Ты» как полицентричность внутреннего пространства

Итак, мир не крутится вокруг «солнца» познающего себя Я, но само это познание возможно только в свете множества других «солнц Ты», совместно освещающих бесконечность внутреннего пространства. Николай Кузанский показал, что у окружности с бесконечным радиусом центр находится в любом месте [2, с. 147-150]. В своё время это послужило толчком для понимания устройства внешней Вселенной. Человек также есть микрокосм, в котором заключена реальная, а не мнимая бесконечность. Эту бесконечность Кант назвал «моральным законом во мне» — инверсным отображением «звездного неба над головой» [3, с. 248]. Но «микрокосм Кузанца» и «императив Канта» останутся лишь красивыми метафорами, если не осмыслить их в перспективе «Я-Ты».

6. Перспектива «Я-Ты» как источник вдохновения для созидания

Остается вечный вопрос «Что делать?» Как понимание двойственности перспектив поможет современному человечеству достойно преодолеть глобальные кризисы и не уничтожить себя?

Мартин Бубер был убежден, что перспектива «Я-Ты» — это не теоретическое пустословие, а «живое познание». «Первым его шагом должно стать ниспровержение ложной альтернативы, которой пропитана современная мысль, — альтернативы «индивидуализм или коллективизм»» [4, с. 153]. Это альтернатива целиком принадлежит миру «Я-Оно». «...На узкой кромке, где встречаются «Я» и «Ты», лежит область «между»... Здесь намечается то истинное третье, познание которого поможет человеческому роду вновь обрести подлинную личность и учредить истинную общность» [4, с. 155]. Давайте прислушаемся к пророческим словам мудреца и поищем это «истинное третье» — *новую старую* альтернативу взаимного доверия и подлинного межличностного отношения.

Литература:

1. Бубер М. Я и Ты // Бубер М. Я и Ты. М.: Высш. шк., 1993. 175 с.
2. Кузанский Н. Об ученом незнании. СПб.: Азбука, 2001. 320 с.
3. Кант И. Критика практического разума. СПб.: Азбука, 2019. 256 с.
4. Бубер М. Проблема человека // Бубер М. Я и Ты. М.: Высш. шк., 1993. 175 с.

Философия как действие или Охота за смыслом

Рыскельдиева Л.Т.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского. Доктор философских наук, профессор
ryskeldieval@gmail.com

Аннотация: Ставится проблема поиска действенного компонента философского знания.

Если признать текстовый характер философской практики и при этом деятельность по созданию осмысленного философского текста свести к научному исследованию, то можно подвергнуть аберрации или даже вовсе утратить его смысл. Практический аспект философии обнаруживается именно в контексте проблематики смысла, актуализированной поисками предметности философских исследований. «Смысл» как образованная поворотом к языку тематическая область, на основе возможностей русского языка и в статусе непереводаемости как *smysl* может стать особой «вещью», предметом. Такой специфический «предмет», не будучи никогда дан, может трансформировать исследование в философскую практику - в диалог. Он становится действием по осмыслению, если исследование направлено на изучение другой культуры, иного механизма смыслообразования. Уникальный материал для такого исследования-диалога дает российское философское востоковедение.

Ключевые слова: смысл, смыслообразование, текст, практическая философия, редукционизм, востоковедение, глобализация

Philosophy as an Action or The Hunting for “Smysl”. Ryskeldiyeva L. T.

V.I. Vernadsky Crimean Federal University

Abstract: The problem of practical and pragmatic component of philosophical knowledge is posed. If we recognize that the philosophical practice is of textual nature and at the same time reduce the activity of creating a meaningful philosophical text to ordinary scientific research, then we can get the aberration or even complete losing its meaning. The practical aspect of philosophy is found precisely in the context of the “meaning-sense” problem, actualized by the search for the object of the philosophical researches. This problem as the thematic area formed by a turn to the language, being solved by using the opportunities of the Russian language and based on the untranslatable status of the word in Russian (“smysl”) can show us a special “thing”(res), a real object. Smysl as a specific “thing, being never existing or present, can transform a research into philosophical practice as a dialogue. It becomes an act of comprehension if the research is aimed at studying Another culture, another smysl. Unique material for such a dialogue as a research is provided by Russian philosophical oriental studies and its high level.

Key words: “smysl”, text, oriental studies, globalization, meaning, sense.

ⁱ Обнаружение действенного, практического аспекта философии происходит не тем же путем, что и в науке. Практику, соответствующую научной теории можно понять в качестве прикладных импликаций знания или, по мысли И. Канта, «технически практических правил умения» осуществлять действия, основанные на нашем знании соотношения причин и следствий. С одной стороны, это обстоятельство часто понуждает к апологии философского знания и попыткам легитимации философского сегмента системы современного образования: «философия нужна обществу!» - постоянно доказываем мы. Как результат – многочисленные прикладные по интенции и ангажированные по мотивации философии «родительного падежа» в виде «философии туризма», «философии малого бизнеса», «философии обуви» и проч. С другой стороны, оно дает метафилософский посыл, заставляет подвергнуть позитивной критике философскую культуру, осуществить саморефлексию.

Убедившись в предметной и методологической разнице «наук о природе» и «наук о духе», мы

ⁱ Исследование выполнено в рамках проекта А 20-011-00622 «Философия как действие: прагматика текстового поведения», поддержанного РФФИ.

хорошо понимаем серьезность гуссерлевского утверждения о том, что не от философий, а от самих вещей и проблем должен исходить толчок к философскому исследованию. Каковы тогда особенные, специфически философские «вещи», не подлежащие познанию наукой? На решение какой проблемы можно направить философское исследование?

Первый и лежащий на поверхности ответ – это бытие или онтологическая проблема, однако европейская философская культура в 21 веке уже давно «забыла» бытие и как «вещь», и как проблему. Но именно наш век дал заметную активность по обнаружению реалистического потенциала современной философии, по реновации (пусть и на спекулятивных основаниях) её онтологии. Так «спекулятивный реализм» обнаружил виновника образования философского «тупика» в лице кантианского по происхождению «корреляционизма» - именно он уводит нас в ловушку порочного круга, в который попадает всякая философия, отказывающаяся от познания реально сущих вещей-в-себе («вещей-без-меня», по выражению К. Мейясу). Рефлексия при этом движется от познания к бытию, которое есть познание, и при этом невозможно мыслить бытие, которое есть мышление.

Попытки повернуть философию к реальности предпринимались и раньше: сто лет назад, в начале 20 века в виде неореализма и критического реализма осуществлялся поиск непосредственно данного познанию и возврат к здравому смыслу. Последний и должен был стать основой познания, первичным его уровнем: “... *primordial common sense which believes in a world that exists independently of the knowing of it...*” [1, с. 10]. Более искушенный реализм наших дней имеет феноменологические и хайдеггерианские корни: «...это не одна из тех доморощенных приватных онтологий, которые легко обнаружить на чердаках и в подвалах Интернета» - пишет о нем Г. Харман [2, с. 96]. Поэтому и поиски «вещи» в наши дни надо вести с учетом главной преграды – пресловутого «поворота к языку». Такая особая и нередуцируемая к предмету научного познания «вещь», способная не только задать исследовательскую перспективу, но и прояснить генезис своих поисков – это *smysl* и соответствующая этим поискам проблема смысла. Латинизированная транскрипция этого русского слова здесь использована намеренно, так как его нельзя адекватно и без ущерба перевести на другой язык, эта проблема специфична для языка русской философской культуры, и это слово в качестве термина претендует на статус непереводимости и место в соответствующем словаре. Что такое смысл?

Его грамматика не проста и демонстрирует возможные искажения: при использовании, например, родительного падежа («смысл жизни») он редуцируется к значению [3]. А именно различие значения и смысла, известное в философии 20 века, как в аналитическом, так и в герменевтическом контекстах, дало толчок большому количеству исследований. То, что смысл как особая сущность в результате остался не уловленным, свидетельствует о его метафизической природе.

У него определенная чувствительность к лексике, выражения «смысл есть» или «смысла нет» говорят о теоретической постановке вопроса и показывают две стороны одной проблемы [4]. Наиболее точно передает особенности смысла как метафизической сущности словосочетание «смысл должен быть». При этом проблема смысла становится основой философской деонтологии, которая выводит мышление того, кто ставит проблему смысла, на себя, на свою связь с миром и на механизм смыслообразования в своей культуре.

Смысл как предмет теоретических поисков в философии любого направления всегда доводит до её предела, исчерпывает её возможности, оказывается на границе познания и указывает на целостность мира, языка, культуры (как её понимает А.В. Смирнов [5]). Если такая целостность есть, то смысл должен быть – и наоборот. Тогда смысл как проблема начинает играть роль своеобразного переводчика, он как бы «переводит» проблемы теоретического характера в другую область, где они перестают быть проблемами, а становятся задачами. Это область практического как особая сфера специфического мышления, другой способ мыслить, ставить другие вопросы, в данном случае такие: что надо сделать, чтобы проблема смысла была решена? Так, если решение требует действий, то теоретически неразрешимый вопрос о смысле требует действия – осмысления, при этом существительное становится глаголом, а место сущности занимает действие, деятельность. Топология такого действия – это философский текст как своеобразное «рабочее место» философа, а читатель такого текста вправе ожидать и даже предвосхищать смысл.

Однако современная текстовая культура в её философском сегменте ориентирована не на осмысление. Порой можно констатировать даже отсутствие смысловой антиципации со стороны читателя, а порой и автора философского текста. Это связано с редукцией философского текста к научному и сциентистской аберрацией его цели. Публикация «результатов философского

исследования» становится теперь основной целью большей части форматов философского текста – статьи, монографии, доклада и проч. При этом предполагается, что у такого исследования имеется своя предметная реальность и своя методология. Как в таком контексте исследовать смысл? Анти-сциентизм философской герменевтики, признав интерпретацию результатом творчества, тоже редуцировал философию – уже к искусству. Как в таком контексте понять «создание смысла»? Сколько смыслов можно создать, и за какой период?

Сциентизм и анти-сциентизм, редуцируя философский текст к научному или художественному соответственно, могут сильно исказить смысл, который должен быть воплощен в философском тексте. Кроме того, на аберрацию его смысла может оказывать влияние и сам текстовый формат (условия публикации, например, статьи, рамки доклада на конференции, онлайн-формат в сфере образования и проч.), мотивирующий автора философского текста видеть в самом себе исследователя. Как и когда исследование в качестве поиска истины стало определять цель философии?

Британская мысль Нового времени в лице Т. Гоббса, Дж. Локка, Д. Юма, Дж. Бенета часто использует метафору охоты, чтобы охарактеризовать эту цель. Истина при этом – добыча, дичь, её поиск – азарт охотника, удовольствие от участия в ней – награда. Вся совокупность коннотаций слова «охота» здесь оказывается уместной, включая возможность хвалиться добычей и получать от нее практическую выгоду. Очевидно, что «охота за смыслом» обречена на неуспех, так как деятельность по осмыслению не предполагает наличие, «готовность» смысла. Какая же философская практика, какая деятельность может быть делом осмысления?

Это практика сократического диалога, который можно считать особой формой осмысления и культура которого все в бóльшей степени оказывается утраченной в наши дни. От «обычных речей», по известному признанию самого Сократа («Пир»), на него нападает тоска, он же ведет речи о главном, существенном, и они могут заставить делать и говорить все, что угодно. Почему? Именно потому, что они – осмысленные речи, составляющие диалог как «умоперемену», это рассуждения, нацеленные на главную, особенную философскую «вещь» - на смысл. Возможна ли интерференция исследования и диалога, возможно ли исследование как диалог о смысле?

Действительно, осмысленный диалог с персональными участниками в условиях массовой коммуникации и сократические речи на платформе web2.0 могут осуществиться, только если реализуются оптимистические надежды на светлое человеческое технологическое будущее, пессимизм же заставляет искать возможности в настоящем. И они есть. Я имею в виду вполне доступный материал философского востоковедения - оно в нашей стране находится на таком высоком профессиональном уровне, который сравним с уровнем российского балета. С одной стороны, этот материал вполне предметен, а предмет – вполне реален и вместе с тем репрезентативен в отношении смысла, так как речь идет о другой культуре как о другом способе смыслополагания. С другой стороны, она не может быть изучена и понята вне диалога как априорной установки исследователя. Такой диалог с Другим в процессе его изучения, полагаю, можно считать и специфическим вариантом неосократизма в условиях культурной глобализации, и способом сохранения своей культуры перед угрозой культурной глобализации.

Литература:

1. The New Realism. Coöperative Studies in Philosophy. By Edwin B. Holt, Walter T. Marvin, William P. Montague, Ralph B. Perry, Walter B. Pitkin and Edward G. Spaulding. N.Y.: Macmillan Company, 1912. Introduction. The Historical Significance of the New Realism. <https://archive.org/details/newrealismcooper00marviala/page/n6>
2. Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера / пер. с англ. А. Морозов и О. Мышкин. – Пермь: Гиле Пресс, 2015.
3. Рыскельдиева Л.Т. О грамматике и метафизике смысла // Вопросы философии. 2018. №7. С.70-80
4. Рыскельдиева Л.Т. О деонтологии и лексике смысла // Вопросы философии. 2019. №6. С.76-85.
5. Смирнов А.В. Всечеловеческое vs. Общечеловеческое. М.:ООО «Садра»: Издательский Дом ЯСК, 2019, 216 с.

Философская практика пребывания в погранично-сакральном месте или медленное чтение в дискурсе пограничной ситуации (на примере романа И. Ялома «Шопенгауэр как лекарство»)

Сизикова О.А.

Омский государственный педагогический университет. Магистрант

oasizikova@gmail.com

Аннотация: статья посвящена такому виду философской практики как медленное чтение. Автор рассматривает практику медленного чтения художественных драматических произведений с погружением как потенциальную возможность наработки внутреннего опыта переживания и осмысления пограничных ситуаций. Такой опыт по своей сути является со-бытием, со-переживанием, со-причастностью, которые включаются в экзистенциальное основание субъекта, способное служить ему опорой в условиях реальной пограничной ситуации. Медленное чтение как вид философской практики рассмотрен на примере произведения И. Ялома «Шопенгауэр как лекарство».

Ключевые слова: философская практика, художественное драматическое произведение, медленное чтение, пограничная ситуация, переживание, осмысление, экзистенциальное основание.

The border-sacral place philosophical practice or slow reading in border situation discourse.
Sizikova O.A.

Omsk state pedagogical university

Abstract: The article is dedicated to such kind of philosophical practice as slow reading. The author considers the slow reading practice of pieces of dramatic art with immersion is like potential ability accumulation of inner experience and border situation comprehension. Such kind of experience is co-existence, co-experience, co-participation inherently, which including in the subject existential base and able to serve him as support in real border situation condition.

Keywords: philosophical practice, piece of dramatic art, slow reading, border situation, experience, comprehension, existential base

Сегодня философская практика - это возможность человека в повседневности прерывать собственные автоматизмы и переходить на более глубокий и осмысленный уровень проживания своего бытия, на уровень аутентичности. В ее арсенале имеется очень много средств. Главной особенностью философской практики является отстраненность от позиции навязывания чего бы то ни было кому бы то ни было. Она рассказывает, а субъект либо принимает, либо нет. Философская практика является практическим делом каждого человека [1].

Одной из форм философских практик является практика медленного чтения. Такое чтение предполагает глубокое взаимодействие с пространством текста, самостоятельную и ответственную работу читателя. Ф. Ницше размышляя о литературе, сказал: «Филология не так быстро успевает все – она учит читать хорошо, то есть медленно, всматриваясь в глубину смысла, следя за связью мысли, улавливая намеки, видя всю идею книги как бы сквозь открытую дверь...» [2, с. 10].

При этом мы считаем, что само произведение задает ритм читателю в условиях, когда между ними возникает резонанс. В таком случае пространство и реальность произведения погружает читателя в таинство сюжета, позволяя сопереживать другому себе – герою.

Возникший резонанс между произведением и читателем создает чтение, которое, само по себе, не может быть ни поверхностным, ни быстрым. Оно всегда с замедлениями, остановками, перерывами на осмысление, чувственное переживание, возвращениями, перечитыванием.

Переживание пограничных ситуаций с героями художественного драматического произведения может являться основанием для прорыва к глубинному пониманию себя самого и окружающего мира.

Почему погранично-сакральное место? Когда произведение раскрывает перед читателем свое пространство, погружает в него, субъект перестает существовать в своей привычной реальности. Благодаря произведению он оказывается на пограничном пространстве, в котором способен наработать новый опыт и перенести его в свою реальность. Сакральным оно становится в силу того, что у каждого читателя оно будет своим собственным, а соответственно, и опыт и возможность его переноса в реальную жизнь также уникальным. При этом следует отметить, не только субъект определяет, какую книгу ему взять в руки и начать читать, есть требования к читателям и у книг. Бывает так, что, прочитав десяток страниц, человек закрывает книгу. Известно мнение, что до некоторых книг нужно дорасти, и только тогда, она сможет вознаградить внимательного к ней читателя своим бесценным даром.

Опыт переживания пограничной ситуации состоит из страдания и поиска смысла для конструктивного выхода из нее. Данный опыт всегда уникален и является примером единичного. Весьма трудно найти здравомыслящего человека, сознательно согласившегося бы пережить пограничную ситуацию, как и трудно однозначно ответить на вопрос, предстоит ли в жизни конкретному человеку столкнуться с таковой. Очень тонко и точно подмечает С. Вейль: «У человека, испытавшего удар, после которого он извивается на земле, как перерезанный пополам червяк, нет слов для того, чтобы выразить, что такое с ним приключилось. Среди людей, которым он пытается это рассказать, даже те, которые много страдали, но не испытывали на себе несчастья в собственном смысле, вовсе не могут себе представить, что именно это такое, ибо это нечто особенное, не похожее на что-либо другое, как ни один звук ничего не скажет глухонемому» [3, с. 278].

Драматическое литературное творчество является той уникальной областью, в которой заложены возможности наработки индивидуального, неповторимого опыта проживания-переживания-осмысления пограничной ситуации. На читателя сразу воздействует конгломерат эмоционально-интеллектуально-чувственного влияния. А сам процесс чтения является метафорической дорогой к собственному погранично-сакральному месту. Читатель, достигший в процессе чтения этого места, уже никогда не вернется оттуда прежним. Погранично-сакральное место способствует его изменению, обогащению, целостности. Появляется опыт преодоления собственных границ. Медленное чтение – это практика переживания и осмысления бытия героя, порожденное авторской волей, с возможной последующей трансформацией его в свое собственное.

Многие мыслители сравнивали акт чтения с жизненным актом. Ю Лотман считал искусство опытом того, что не случилось. Это опыт непройденных дорог. «А история неслучившегося – это великая и очень важная история. Искусство – всегда возможность пережить непережитое, вернуться назад, переиграть и переделать заново» [4, с. 432]. Согласно Гадамеру, чтение есть художественный опыт, а следовательно, способ познания, открывающий путь к истине бытия [5].

Таким образом, через чтение художественного драматического произведения, где главный герой сталкивается со страданием, читатель способен постичь экзистенциальные ориентиры (этические, нравственные, духовные и прочие), которые дополняют его субъектное становление.

В качестве примера рассмотрим последний роман Ирвина Ялома «Шопенгауэр как лекарство». В аннотации сказано, что книга о том, как философия губит и спасает человеческую жизнь.

В данном романе автор выстроил разноуровневый концепт философских истин о жизни, ее антагонисте – смерти, их смысла для человека, его страданиях, воле, свободе выбора. Обозначим некоторые.

Один из таких уровней позволяет рассмотреть роман И. Ялома как материал для медленного чтения с погружением, где представлена пограничная ситуация в жизни психотерапевта Джулиуса Хертцфельда, узнавшего о своей смертельной болезни и одном «хорошем» году своей жизни – заключительном. Весь драматизм для данного героя заключается в том, чтобы принять смерть в своей собственной жизни, а не в жизни кого-то другого, даже очень близкого человека.

Именно надвигающаяся тень собственной смерти позволила Джулиусу по-новому, по-философски взглянуть на жизнь: «Что еще у нас есть? Что еще, кроме этого удивительного, блаженного мига сознания и бытия? Если что и должно вызывать в нас священный трепет – только этот бесценный дар абсолютной и чистой реальности. Лить слезы от того, что жизнь не вечна, что в ней нет смысла или раз и навсегда заведенного порядка, - ослиная неблагодарность. Выдумывать себе всемогущего Бога, чтобы всю жизнь ползать перед ним на коленях, бессмысленно. И вдобавок расточительно: изливать любовь на призрачные химеры, когда ее недостает живым, - не чересчур ли щедро? Не лучше ли после-

довать примеру Спинозы и Эйнштейна – склонить голову перед непостижимым таинством природы, почтительно ей преклониться и преспокойно жить в свое удовольствие?» [6, с. 13].

Другой герой романа, пребывающий на одной сюжетной параллели с Джулиусом – его бывший пациент Филипп Слейт, именно так и поступает, однако склоняет свою голову перед философией Артура Шопенгауэра. Внимательное изучение творческого наследия Шопенгауэра позволяет Филиппу избавиться от сексуальной зависимости, которая делала его несчастным и обреченным. Вдумчивое прочтение философского гения помогает Филиппу обнаружить механизм зависимости и избавиться от нее. Однако у этого просветления обнаружилась и другая сторона для жизни героя. Исследуя биографию, автобиографию, сами труды философа, Филипп настолько проникся и «пропитался» Шопенгауэром, что сам переродился в него (философ известен своим незаурядным характером, в силу чего близких, продолжительных отношений у него никогда не было), что отразилось коренным образом на бытии героя.

На другой сюжетной параллели Ялом упоминает роман Томаса Манна – «Будденброки» о жизни четырех поколений бюргерского семейства. Сильным драматическим впечатлением обладает описанное в данном произведении приближение к смерти главы семейства и его страдальческие скитания в поисках внутреннего покоя и освобождения.

В состоянии достигнутого предела Томасу Будденброку попадает в руки философское сочинение, благодаря которому к нему возвращаются мир и спокойствие. Это сочинение принадлежало А.Шопенгауэру. Когда герой дочитал книгу, как описал Т. Манн, то это был уже другой человек.

Все представленные герои, соприкасаются в точке своего предела, и далее погружаются в глубь произведения, будь это тексты Шопенгауэра для Томаса Будденброка и Филиппа Слейта или Заратустра для Джулиуса или все вместе взятое для Ирвина Ялома, а также для нас – читателей. Перед нами одновременно на разных уровнях у каждого в своем сакрально-пограничном месте раскрываются глубинные смыслы, откуда каждый выносит свое пережитое и наработанное.

Заключение. Чтение драматических художественных произведений есть со-бытие, со-переживание, со-причастность, особый индивидуальный опыт читателя. Оно открывает для человека иное, непривычное видение привычного мира, осознание подлинных ценностей, смыслов. Практика медленного и вдумчивого чтения запечатляет пребывание героя в пограничной ситуации в структуре личности читателя как его собственное пребывание и переживание ситуации в его сакрально-пограничном месте, осмысленное, переработанное, «зафиксированное», а также позволяет включить данный конгломерат как уже наработанное экзистенциальное основание, на которое, возможно, субъект в условиях реальной пограничной ситуации сможет опереться и выстоять.

Литература:

1. Борисов С. В. Философская практика как модель преподавания учебных дисциплин в современном вузе / С. В. Борисов // Материалы международного научно-методического семинара «Совершенствование гуманитарных технологий в образовательном пространстве вуза: факторы, проблемы, перспективы» (Екатеринбург, 15 марта 2017 г.). Екатеринбург : УрФУ, 2017. С. 61-68.
2. Ницше Ф.В. Утренняя заря / Ф.В. Ницше. М.: «Фолио», 2014. 768 с.
3. Вейль С. Формы неявной любви к Богу. / С. Вейль. СПб.: Свое издательство, 2012. 510 с.
4. Лотман Ю.М. О природе искусства // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа: сборник. М.: Изд. Гнозис, 1994. С. 432-438.
5. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова; пер. с нем. М.А. Журиной, С.Н. Земляной, А.А. Рыбаков, И.Н. Бутова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
6. Ялом И. Шопенгауэр как лекарство. М.: «Эксмо», 2005. 544 с.

Естественные рассуждения: когнитивные формы и стратегии логической пропедевтики

Сироткина Л.С.

Балтийский федеральный университет им. И. Канта. Кандидат философских наук, доцент
lyusir.ru@mail.ru

Аннотация: В статье поднимается проблема влияния логического образования на структуры рационального мышления субъекта познания. Естественные (когнитивные) формы умозаключающих процедур не тождественны нормативным логическим: поиск заключения содержит процедуры внелогического характера, обращенные не к форме, а содержанию высказываний. Контекст-зависимость данных процедур порождает приписывание отношения следования высказываниям, на множестве которых оно не определяется. В статье подчеркивается, что типичные особенности логической культуры мышления обуславливаются не только спецификой бытия логического на общекультурном пространстве, но и организацией логического образования. Выделяются две модели логической пропедевтики: диффузная, при которой неявная трансляция логического происходит через лексико-грамматические формы естественного языка и естественные рассуждения участников коммуникации; концентрированная – логические структуры становятся объектом направленного воздействия, существующие стратегии которого непродуктивны в отношении механизмов становления логической культуры мышления. Конструирование продуктивных логико-философских практик может основываться на интеграции средств и возможностей информального, неформального и формального типов образований.

Ключевые слова: естественное рассуждение, умозаключение, рациональность, логическая культура мышления, когнитивная форма логической процедуры, логическая пропедевтика.

Natural reasoning: cognitive forms and logical propaedeutic strategies. **Sirotkina L.S.**

Immanuel Kant Baltic Federal University

Abstract: In this article we rise the problem of the influence of logical education on the structure of rational thinking. The natural (cognitive) forms of inference procedures are not identical to normative logical ones. The context-dependence of these procedures generates the attribution of the relationship of follow to statements, though it is not determined on the set of them. The article emphasizes that typical features of the logical culture of thinking are determined not only by the specifics of being logical in the general cultural space, but also by the organization of logical education. In this article we distinguish two models of logical propaedeutics: the diffuse and the concentrated ones. The designing of productive logical-philosophical practices can be based on the integration of means and capabilities of the nonformal, informal and formal types of formations.

Keywords: natural reasoning, inference, rationality, logical culture of thinking, cognitive form of logical procedure, logical propaedeutic.

Логическая культура мышления (ЛКМ) – компонент культуры мышления и базовой культуры личности, профессиональной компетентности специалистов в разнообразных сферах человеческой активности, основа рациональности как условия личностной продуктивности и успешности. Трактующая как системное качество интеллектуальной деятельности [1, с. 33], ЛКМ предполагает, среди прочего, компетентность в сфере осуществления процедур рационального мышления, одним из типов которых является построение умозаключений (далее - УЗ).

Естественное мышление (далее - ЕМ) в реальных познавательных-коммуникативных ситуациях не всегда осуществляется в соответствии с нормативными моделями. В связи с этим актуальными с научной и практической т.зр. являются следующие проблемы:

- Существуют ли некоторые устойчивые типические формы умозаключающих процедур, воспроизводимые индивидуальным мышлением в определенных типах познавательных ситуаций?
- Каковы особенности когнитивных форм (в случае их несоответствия нормативным логическим), и какие особенности познавательных задач их актуализируют?

Когнитивные формы УЗ

Типические формы умозаключающих процедур ЕМ выявляются в познавательных ситуациях, предполагающих построение вывода из высказываний, отношения между которыми или между терминами которых допускают такую возможность. Анализ естественных рассуждений, основанных на отношениях между терминамиⁱ, позволил выявить следующие их особенности:

- Многочисленные нарушения квантификации: потеря или подмена кванторов при формулировании заключения. Квантор не выступает в качестве значимой единицы анализа при построении вывода, что ведет к нарушению отношения следования между посылками и «заключением».
- Разнообразие естественных форм умозаключающих процедур при доминировании нескольких распространенных моделей вне зависимости от их правильности (неправильности). В частности: «вывод» по модусу Barbara производится, но с потерей квантора ($\forall x(P(x) \supset Q(x))$, $\forall x(S(x) \supset P(x)) \Rightarrow x(S(x) \supset Q(x))$ ⁱⁱ); посылки модуса EIO (II фигура) квалифицируются как не дающие возможности построения вывода ($(\forall x(P(x) \supset \neg Q(x)), \exists x(S(x) \supset Q(x)) \Rightarrow$); общеутвердительные посылки для III фигуры актуализируют процедуру введения конъюнкции предикатов двух посылок ($(\forall x(P(x) \supset Q(x)), \forall x(P(x) \supset S(x)) \Rightarrow \forall x(Q(x) \& S(x))$); неправильный модус IV-ой фигуры с двумя частными посылками «влечет» частное «заключение» ($(\exists x(P(x) \supset Q(x)), \exists x(Q(x) \supset S(x)) \Rightarrow \exists x(S(x) \supset Q(x))$);

Для естественных рассуждений, основанных на отношениях между высказываниями, характерны следующие особенности:

- Условные посылки порождают рассуждения двух типов: первое ведет к утверждению невозможности вывода ($p \supset q, q \supset s \Rightarrow$); второе - к утверждению последнего консеквента ($p \supset q, q \supset s \Rightarrow s$).
- Посылки разделительно-категорического УЗ порождают правильный вывод, если категорическая посылка отрицательная ($p \vee q, \neg q \Rightarrow p$).
- Условное и категорическое высказывания в ситуации, когда во втором отрицается антецедент условной посылки, влекут отрицание консеквента (неправильный «modus ponens»: $p \supset q, \neg p \Rightarrow \neg q$).

Общими когнитивными особенностями умозаключающих процедур ЕМ являются:

1. Имплицидность формы рассуждения, ориентация на неформальные характеристики посылок и их частей. Определяемые данным фактом:
2. Разнообразие когнитивных схем построения умозаключающих конструкций.
3. Контекст-зависимость результативности выполнения процедур: правильность-неправильность определяется некоторыми случайными единичными признаками конкретной n-ки высказываний:
 - содержательными характеристиками входящих в него высказываний и терминов;
 - субъективной актуальностью (психологической «яркостью») связей между терминами посылок или посылками; вероятно, если содержательные или формальные связи очевидны, вывод строится; в частности, при субъективной «простоте» формальных связей при очевидной для субъекта ложности посылок, а также при очевидности неформальных связей между денотатами терминов посылок «заключение» формулируется.

В целом, число правильных решений в задачах на построение вывода составляет, в среднем, немногим более трети всех решений. Проблема становления ЛКМ как необходимого атрибута рациональности порождает следующие проблемы:

- Каковы источники деструкций нормативных форм УЗ в ЕМ? Влияют ли и каким образом образовательные практики на становление ненормативных форм УЗ?
- Какова роль логического образования в формировании культуры умозаключающей деятельности мышления и каким требованиям оно должно отвечать?

Модели логической пропедевтики

Становление логических структур рационального мышления (кроме ситуаций включенности субъекта в формальное логическое образование) – имплицитный процесс, не имеющий временных, нормативных и иных ограничений: логические структуры мышления «бытийствуют» в ментальных конструктах, имеющих надиндивидуальную (объекты культуры: язык, научные теории, художественные произведения) и индивидуальную (речь носителя языка, естественные способы рассуждений, транслируемые всеми участниками социального взаимодействия) природу, и обнаруживают себя в речевом поведении субъекта познания и коммуникации (в частности, в СМИ). Во всякой культуре возможны два принципиально отличных типа стратегий воздействия на логические структуры рационального мышления субъекта:

- диффузная – модель, характеризующаяся нецеленаправленностью воздействия на индивидуальные ментальные конструкты; данный тип реализуется во всех случаях речевого взаимодействия вне зависимости от его условий и особенностей коммуникантов (т.н. неформальное образование);
- концентрированная – стратегия направленного управляющего воздействия на логически структуры рационального мышления; реализуется в условиях организованного образовательного процесса в форматах неформального или формального образования.

Сущностными особенностями диффузной модели являются следующие:

1. Процессуальные:

- «Погруженность» процесса в общекультурный контекст. В качестве активных средств выступают: а) естественный язык с присущими ему этно-культурными и социально-историческими особенностями (например, пластичность структуры предложений, неопределенность экстенционалов грамматических подлежащих, использование кванторов как средств выражения эмоциональных компонентов смысла, имплицитность связей в высказываниях и др. в русском языке) [2, с. 186], б) модели рассуждений (часто ненормативные), транслируемые субъектами коммуникации.
- Неинституциональность, неуправляемость воздействий, следовательно, ситуационная обусловленность трансляции логических структур и представлений (в частности, образа логики, логичности).
- Отсутствие активных инструментов социального или персонального контроля процесса становления ЛКМ;

2. Результативные: а) высокая индивидуальная вариативность форм естественных рассуждений; б) неотрефлексированность результата, функционирование логических процедур реципиента на уровне первично неосознаваемых операций; в) ригидность образуемых мыслительных структур, устойчивость, стереотипов неправильного оперирования логическими формами мысли.

Особенности концентрированной стратегии не универсальны и представлены несколькими моделями:

Модель 1: неформальная логическая пропедевтика (институализированные формы в рамках общего образования). Свойства: психологистская ориентация «логики», рассматриваемой в качестве средства развития критического («творческого», «нестандартного» и т.п.) мышления; практикоориентированность при элиминации или искажении собственно логического содержания образования. Компетентностная модель субъекта таких практик включает признаки:

- отсутствие логических знаний или их фрагментарность, несистемность,
- зачастую искаженные представления о природе логического,
- навыки мышления, не соответствующие логически нормативным формам (устойчивые

ⁱ Исследование проводилось на базе БФУ им. И. Канта (ноябрь 2019 г., 59 респондентов в возрасте 16 – 18 лет).
ⁱⁱ Здесь и далее знак « \Rightarrow » означает «следовательно» для естественного рассуждения.

стереотипы неправильного мышления),

- зачастую негативное отношение к логике.

Модель 2: формальная (институализированная) логическая пропедевтика. Несмотря на более чем трехсотлетнюю историю на российском культурном пространстве, данный тип логического образования – поле нерешенных проблем, основная из которых – низкая эффективность воздействия на становление структур рационального мышления [3]. Источниками выступают непродуктивные модели логической пропедевтики, характеризующиеся:

- доминированием теоретического компонента над практическим,
- отрывом логической подготовки от целей и содержания будущей профессиональной деятельности,
- доминированием самостоятельной работы студента над аудиторной,
- сочетанием перечисленных факторов.

Последствиями оказываются: негативное отношение к логике, неиспользование предоставляемых ею возможностей для интеллектуального и профессионального развития, воспроизведение и закрепление стереотипов ненормативного выполнения логических процедур. Конструирование философских практик, ориентированных на становление механизмов нормированного мышления, может основываться на интеграции средств и возможностей информального, неформального и формального типов образований, каждый из которых выполняет функцию этапа становления логической компетентности, обеспечивая решение промежуточных задач развития ЛКМ: развитие логической интуиции, формирование умений нормативного осуществления логических процедур, освоение теоретического компонента логической компетенции и становление рефлексивной функции рационального мышления.

Литература:

1. Сироткина Л.С. Феномен логической культуры – проблемное поле меж- и трансдисциплинарных исследований// Проблемы современного образования. 2018. №5. С. 22 – 36.
2. Иванова И.И. Естественный язык как средство логического мышления, специфика русской речевой культуры// Десятые Смирновские чтения: материалы Межд. науч. конф., Москва, 15 – 17 июня 2017 г./ Под ред. В.И. Маркина. М.: Современные тетради, 2017. С. 185 – 186.
3. Карпенко А.С. Предмет логики в свете основных тенденций ее развития. [Электронный ресурс] http://iph.rapp.ru/uplfile/logic/log11/Li_11_Karpenko.pdf (дата обращения 10.01.2018).

Возможности использования философской практики в коррекционной деятельности

Учарова К.И.-А.

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, аспирант

ucharova@bk.ru

Аннотация: Данная работа посвящена изучению возможности применения инструментов философской практики в коррекционной работе. Рассмотрены история становления философских практик (сократический диалог, провокация, философское созерцание). Также представлены различные процедуры экзистенциальной психотерапии, приводящие к самотрансценденции человека, активизирующие вопросы наивного философствования (при помощи логотерапии В.Франкла, экзистенциально-аналитической терапии И. Ялома, персонального экзистенциального анализа А. Ленге). Представлен анализ существующих технологий коррекционного воздействия с точки зрения возможности работы с экзистенциальным опытом (субъект-объектный и субъект-субъектный подходы). Рассмотрен вопрос о причинах малой распространенности экзистенциального подхода в психологической коррекции. Изучены опыт, возможности и ограничения применения различных форм философской практики во время проведения коррекционного воздействия (задачи специалиста и клиента, выбранный для проведения процедуры подход).

Ключевые слова: философская практика, философское консультирование, философское партнерство, экзистенциальная психотерапия, логотерапия, персональный экзистенциальный анализ, психологическая коррекция.

Using philosophical practice as an instrument in psychological intervention. ***Ucharova K.I.-A.***

South Ural State Humanitarian Pedagogical University

Abstract: This paper provides an analysis of possibility of applying philosophical practice's procedures into a psychological intervention process. The literature review includes a history of the settlement (lineages descending from ancient philosophers methods: Socratic debate, provocation, philosophical meditation) and development of philosophical practice movement. The report summarizes the key procedures of existential psychotherapy leading to state of self-transcendence (V.Frankl's logotherapy, I.Yalom's existential-analytic approach, A. Lange's personal existential analysis). Possibilities and limitations of implementation an existential psychotherapy approach into psychological intervention process were also analyzed. It also reviewed the experience, potential and limits of utilization of philosophical practice exercise for the needs of psychological treatment.

Keywords: philosophical practice, philosophical counseling, philosophical partnership, existential psychotherapy, logotherapy, personal existential analysis, psychological intervention.

Исследованию истории возникновения философской практики посвящены работы Р. Лахава, М. Тиллиманс, П. Раабе, С.В. Борисова, и др. [1;2;3;4]. Философская практика пользуется техниками, прообразы которых можно обнаружить ещё в Античности. При этом философия рассматривается как практика работы над собой. Она осуществляется разными способами. Во-первых, через поиск и устранение ошибок мышления, осознание ограниченности возможности познания (майевтика Сократа). Подобная практика позволяет обнаружить «философские болезни», обнажает недостаточную продуманность мысли, обличая невежество, разжигает жажду познания [5, с. 22]. П. Адо описывает данный прием следующим образом: «Сократ притворяется, что хочет узнать что-то от своего собеседника: именно в этом и заключается ироническое самообесценивание. Но на самом деле, тогда как он делает вид, что отождествляется со своим собеседником и полностью входит в его речь, в конечном счете, именно собеседник бессознательно вступает в речь Сократа, отождествляется с Сократом» [6, с. 100]. Во-вторых, через «прыжок» от известного порядка мышления и к осознанию

контакта с бытием. Философствующий здесь выступает как практик, постигающий бытие, через столкновение с явлениями обыденной жизни. В-третьих, через созерцание максим, которые позволяют сохранять и усиливать определенное умонастроение (например, осознания отрешенности, конечности жизни). Данный вариант практического философствования выразился в постоянном обращении философствующего к *epitome*, для того, чтобы оставаться в созерцании этих мыслей в повседневной жизни. Подобные медитативные упражнения могли осуществляться как через разворачивающийся «диалог» с этой мыслью, так и с помощью письменного обращения к ней. Например, «Размышления» Марка Аврелия представляют собой собрание упражнений-обращений к догматам стоицизма [6, с. 133-134]. Все три представленных способа философской практики могут быть встроены в работу как экзистенциальной терапии, так и психокоррекции.

Например, логотерапия В. Франкла направлена на самоактуализацию через работу, привносящую в жизнь человека смысл [7, с. 54-69]. По В.Франклу, человеком движет не стремление к счастью, удовольствию, переживанию предельных состояний, а та деятельность, которая порождает их. Замещающие действия, которые также способствует достижению вышеописанных состояний, не способны заменить работы, в которой обретается смысл. В ходе терапии клиента подводят к его собственной уникальной жизненной задаче, выполняя которую он сможет «стать тем, кто он есть», после чего можно будет увидеть «образ того, кем он должен стать» [8, с. 247]. Так переживается самотрансценденция. И.Ялом в своей экзистенциально-аналитической терапии рассматривает процесс нахождения способа самотрансценденции через осознание своего сопротивления конечным данностям существования: смерти, смыслу жизни, одиночеству, свободе, через принятие их неизбежности. Работа принятия осуществляется в ходе пристального созерцания этих феноменов в процессе общения с терапевтом или в группе, посредством обращения к текстам, обнажающим неизбежность столкновения с этими феноменами [9, с. 147-188]. А. Ленге для приближения к осуществлению экзистенции разработал трехшаговую процедуру персонального экзистенциального анализа (ПЭА). Для того чтобы подлинный диалог для клиента стал возможен, модель ПЭА предлагает прохождение следующих шагов: описание фактов («стимулов») которыми начинается контакт; осознание и принятие первичного эмоционального отклика; получение понимания, которое приводит к формированию внутренней позиции; выработка адекватного ответа. При этом на предпоследнем этапе достигается необходимый для сохранения автономии субъекта уровень «изоляции» (самодистанцирования), а на последнем этапе человек выходит за пределы самого себя (самотрансценденции) [10, с. 365].

Практики психотерапии фокусируются на том, чтобы способствовать самотрансценденции человека через осознание механизмов психики, «нарушения» в работе которых могут приводить к болезненному чувству невозможности найти свой собственный смысл. Налаживание «адекватной» работы приводит к балансу самодистанцирования и самотрансценденции и через это к переживанию исполнения своего смысла, аутентичному бытию. Иной подход к реализации собственного смысла предлагает философская практика. Действуя как бы из позиции «над», она обходит своим вниманием вопросы понимания психологической детерминации возможности/невозможности открыть бытийную сторону жизни. Вместо этого, философская практика предлагает переживания трансцендентного через «завершение собственной мысли» [11, с. 21]. Подобно философам античности, философы-практики используют: диалог, полилог, философское созерцание посредством текстов или максим.

Философская практика широко применяется для «здоровых» клиентов; примеров философской работы с людьми, нуждающимися в психологической коррекции, сравнительно немного [12, с. 37-61]. Психокоррекция представляет собой процесс, направленный на изменение психологических особенностей, которые не соответствуют принятому представлению о нормативном поведении психологически «здорового» человека, нарушают социализацию и адаптацию личности в обществе [13, с. 77]. Существующие подходы к психокоррекции по-разному оценивают роль клиента и потому возможности имплементации техник философской практики в коррекционную работу ограничены. Так субъект-объектные модели отношений между клиентом и специалистом, проводящим психологическую коррекцию не дают возможности для полноценного диалога, в котором клиент мог бы сохранять аутентичность, поскольку не происходит подлинной встречи двух людей, не создается возможности для самотрансценденции личности клиента. В таком случае он выступает лишь пассивным получателем адаптивных моделей поведения и мышления, акцент делается на преобразовании той части психики, которая приводит к дезадаптивному поведению. Из этого можно сделать вывод, что включение в работу элементов философской практики возможно лишь в субъект-субъектных отношениях, в которых

возможна встреча двух равноправных участников коррекционного процесса.

В этом отношении наиболее интересным для нас является экзистенциально-ориентированная коррекция, в которой двое встречаются для работы над частью, которая «отщепляется» от клиента для работы над преобразованием этой части. Кроме того, важно, чтобы философская работа включалась в коррекционный процесс не просто по желанию специалиста (подвергая клиента эксплуатации), а исключительно по мере приближения клиента к вопросам, запускающим процессы наивного философствования. Например, при работе над коррекцией ценностно-смысловой сферы личности человека возможно включение элементов созерцания философских идей, философских диалогов с терапевтом и текстом, актуализирующим переживание экзистенциальных данностей подобно тому, как это делает И.Ялом, давая домашние задания своим клиентам [9, с. 107-126]. Имеющиеся немногочисленные исследования говорят об эффективности коррекционных интервенций, осуществляемых в экзистенциальном подходе, которые позволяют не только уменьшить дезадаптивность, но и способствовать переживанию конгруэнтности самому себе и той ситуации, в которой человек находится [14, с. 47-49]. Исходя из этого, можно говорить о необходимости дальнейших теоретических и практических исследований на тему имплементации методов философской практики в коррекционную работу.

Литература:

1. Лахав Р. Философская практика - quo vadis? / Пер. с англ. С.В. Борисов // Социум и власть. 2016. № 1 (57). С.7–14.
2. Tillmanns M. Philosophical Counseling and Teaching: «Holding the Tension» in a Dualistic World. Urbana-Champaign: University of Illinois, 1998. 291p.
3. Raabe P., Meyers M. Philosophical Counseling: Theory and Practice. Westport: Praeger, 2001. 303 p.
4. Борисов С. В. Теория и практика философского консультирования: компаративистский подход // Социум и власть. 2018. № 2 (70). С. 103–110.
5. Борисов С.В. Эпистемология наивного философствования. М.: Спутник+, 2007. 368 с.
6. Адо П. Духовные упражнения и античная философия. М.; СПб.: Изд-во «Степной ветер»; ИД «Коло», 2005. 448 с.
7. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
8. Франкл В. Доктор и душа: логотерапия и экзистенциальный анализ. М.: Альпина Нон-фикшн, 2017. 338 с.
9. Ялом И. Вглядываясь в солнце. Жизнь без страха смерти. М.: Эксмо, 2009. 352 с.
10. Лэнгле А. Персональный экзистенциальный анализ // Психология индивидуальности: Новые модели и концепции / Под ред. Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадрикова. М.: НОУ ВПО МПСИ, 2009. С. 356–382.
11. Борисов С.В. Философская практика в современном мире: вопросы и ответы. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2019. 232 с.
12. Тиллманнс М. Креспо В. Философская практика и апория в тюрьме / Пер. с англ. С.В. Борисов // Социум и власть. 2019. №3 (77). С.107–119.
13. Колесник В.П. Психокоррекция и ее дефиниции // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2012. № 9 (91). С.76–79.
14. Ощепков А.А. Экспериментальное исследование применения экзистенциальной психокоррекции ценностно-смысловой сферы личности девиантных подростков // Вестник Удмуртского университета. 2012. № 4. С.43–49.

Аннотация: В статье проводится различие между онтологией от третьего лица и онтологией от первого лица. Высказывается мнение, что онтология от первого лица ещё почти не разработана и остаётся делом будущего. В качестве примера того, как такая онтология могла бы подходить к вопросу о подлинно существе, проводится небольшое исследование нашего отношения к бытию других людей. Обосновывается тезис, что чужое бытие иногда воспринимается нами как служебное по отношению к нашему собственному, иногда же – как равноправное нашему и в полном смысле слова реальное. Первой позиции даётся наименование «бытия-над-другим», второй – «бытия навстречу другому». Подчеркивается, что первая позиция ведёт к превращению жизни во взаимное небытие - состояние, в котором люди фактически не признают других реально существующими. Позиция же бытия навстречу другому может привести того, кто её занимает, к гармоничному состоянию взаимодействия с окружающими. Высказывается надежда, что философская практика может способствовать достижению такого состояния.

Ключевые слова: взаимодействие, онтология от первого лица, онтология от третьего лица, бытие-над-другим, бытие навстречу другому, философская практика

From Being-over-Another to Together-Being. *Filatov I.*

Abstract: The article makes a distinction between third-person ontology and first-person ontology. The opinion is expressed that the ontology in the first person has not yet been developed and remains a matter of the future. As an example of how such an ontology could approach the issue of true existence, a small study of our attitude to the being of other people is carried out. The thesis is substantiated that someone's being is sometimes perceived by us as service being in relation to our own, sometimes as equal to ours and in the full sense of the word real. The first position is given the name "Being-over-Another", the second - "Being towards the Other." It is emphasized that the first position leads to the transformation of life into mutual non-existence - a state in which people do not actually recognize others as really existing. The position of being towards the other can lead one who occupies it to a harmonious state of being with others. It is hoped that philosophical practice can help achieve this state.

Keywords: together-being, first-person ontology, third-person ontology, being-over-another, being towards the other, philosophical practice

«Что подлинно существует?». Этот древний, исконный философский вопрос можно понять по-разному. Во-первых, задавая его, можно иметь в виду поиск объективно существующего, того, чьё бытие не зависит от человека, ставящего сам этот вопрос. Именно так понимали его на протяжении многих веков. В результате появились многочисленные философские системы, описывающие общие закономерности мира и человеческого мышления. Все эти теории можно назвать «онтологией от третьего лица», так как их авторы выступали как бы не от своего имени, а от имени некоего всеобщего разума. Однако в Новое время человек – не «человек вообще», а конкретный живой человек – стал всё острее ощущать свою единичность, неповторимость и несводимость к общим закономерностям. Возникла потребность в создании философии нового типа, которая выражала бы точку зрения своего творца как человека, а не как представителя самой Истины. В двадцатом веке такая философия получила название «экзистенциальной» (в широком смысле – помимо собственно экзистенциализма к ней относят персонализм, философию диалога и другие родственные направления). Очевидно, что и вопрос о подлинно существе эта философия должна была понять не так, как философия общих закономерностей – она должна была понять его как вопрос «что подлинно существует для меня?». Однако при всём разнообразии существующих в экзистенциальной философии подходов ни один мыслитель ещё не сделал такое понимание основой всей своей теории. Поэтому создание онтологии

на основе личностно-ориентированного понимания вопроса о существе – «онтологии от первого лица» – всё ещё остаётся делом будущего. Разумеется, в рамках кратких тезисов невозможно рассмотреть всю проблематику такой онтологии. Здесь я коснусь лишь одной темы – как мы относимся к существованию других людей.

Представим себе обычного человека в обычной же ситуации – например, едущего на работу. Он сидит или стоит в трамвае или автобусе, смотрит в окно и думает о своём – либо о той же работе, либо о домашних проблемах, либо ещё о чём-то – совершенно неважно, о чём именно. Гораздо важнее, что рядом сидят и стоят другие люди, но он почти не обращает на них внимания, а когда обращает, делает это лишь в той мере, в какой это нужно ему самому. Например, покупая билет, он, конечно, заметил кондуктора. Но стало ли для него реальным существование кондуктора как человека? Нет, кондуктор стал на короткое время относительно важен для пассажира лишь в аспекте своей способности продать билет и тем самым поспособствовать проезду до нужной остановки. Иными словами, существование кондуктора было воспринято пассажиром как служебное по отношению к его собственному. Здесь можно возразить, что он так воспринял не существование кондуктора, а лишь его функцию, действительно служебную по отношению к пассажирам. Но дело в том, что, если он не воспринял в кондукторе ничего, кроме его функции, это и значит, что всё существование кондуктора свелось пассажиром к служебному. Таким образом, своё бытие пассажир ощутил (не осознал, а именно ощутил, совершенно произвольно и как бы «естественно») более значимым, чем чужое. Более значимым лишь для него самого, конечно, а не объективно. Вероятно, утомлённо, отвлечённо, он вполне понимает своё бытийное равенство с кондуктором, равно как и вообще со всеми другими людьми. Но в том-то и дело, что в подобных ситуациях, не теоретических, а практически-жизненных, важна именно позиция целостного живого человека, а не того же человека как носителя отвлечённого разума. (Подробное обоснование этого положения проведено М.М.Бахтиным в его ранней неоконченной работе, которой исследователи дали заглавие «К философии поступка» [1, с. 7-68]. Тем самым пассажир занял этически неправомочную позицию, которую можно назвать «бытием-над-другим». И такую позицию время от времени (к сожалению, довольно-таки часто) занимает каждый из нас, и не только по отношению к кондуктору или продавцу в магазине, но и по отношению к сослуживцам, соседям, приятелям и т.д. Поэтому нужно отказаться от рассуждений о некоем «обычном человеке» и в духе «онтологии от первого лица» спросить себя: если я занимаю позицию бытия-над-другим, существует ли этот другой для меня столь же реально, как я сам? И если быть до конца честным, то придётся ответить: нет. Занимая позицию бытия-над-другим, я тем самым отказываюсь признать существование другого равноценным моему. Отказываюсь не умом – занимая такую позицию, я могу совершенно искренне считать другого равным мне, но это будет лишь теория. Отказ признать бытие другого здесь происходит на уровне ощущения. Впрочем, другой часто отвечает тем же. Так бытие-над-другим превращается в бытие без другого. И в этом жутком мире взаимного небытия мы проводим большую часть своей жизни (на каком слоге ставить ударение в слове «большую», пусть каждый решит для себя сам, исходя из собственного опыта). Впрочем, слово «жизнь» здесь вряд ли подходит. Тот её отрезок, который мы проводим во взаимном небытии, гораздо вернее было бы назвать «лжизнью» (жизнью во лжи).

Но, к счастью, как бы ни была велика область взаимного небытия, она всё же не покрывает наше существование целиком. Другая его часть остаётся подлинной жизнью. Это оказывается возможным благодаря тому, что кроме позиции бытия-над-другим каждый из нас может занимать по отношению к окружающим и иную позицию. Что же это за позиция? Чтобы понять это, обратимся к опыту любви. Воспринимает ли любящий существование тех, кого он любит – родителей, детей, жены (или мужа, если речь идёт о женщине), друзей – как реальное наравне со своим собственным? Очевидно, что да! Очень ёмко написал об онтологическом аспекте любви главный теоретик русского символизма Вячеслав Иванов: «Но вот передо мной человеческое существо, которое я люблю. Люблю – значит, прежде всего, знаю, что оно есть и всею волею хочу, чтобы оно было» [цит. по: 1, с. 362]. Более того, любящий способен пожертвовать своей жизнью ради спасения тех, кого он любит. Следовательно, их бытие для него важнее его собственного. Но это не означает, что любящий принижает своё бытие. Напротив, его существование наполнено таким смыслом, какого нет без любви. Точнее всего будет, пожалуй, сказать, что бытие любящего направлено навстречу тем, кого он любит. Поэтому назовём его позицию «бытием навстречу другому».

Но ограничивается ли область, где человек способен занимать эту позицию, сферой любви? Конечно, нет! Каждый из нас по крайней мере слышал о случаях, когда люди жертвовали своей жиз-

ню ради спасения тех, с кем прежде даже не были знакомы. Значит, иногда человек способен и бытие незнакомца воспринять как более значимое, чем своё. Тем более можно наблюдать примеры бытия навстречу другому в ситуациях, не требующих такой жертвы – это и бескорыстная помощь в трудную минуту, и сопереживание, и просто разговор по душам. Но и такие поступки возможны лишь для того, кто воспринимает чужое существование как реальное, помня, что никто другой за него этого не сделает. «То, что я с моего единственного в бытии места хотя бы только вижу, знаю другого, что и для меня он есть – это только я могу для него сделать в данный момент во всём бытии» – писал М.М. Бахтин [1, с. 40]. И каждый такой случай разрывает порочный круг взаимного небытия.

Правда, каждый, кто находится в состоянии бытия навстречу другому, рискует – ведь те, навстречу кому он живёт, могут занять позицию бытия-над-другим, и его порыв останется без ответа. Но что если они тоже выйдут навстречу ему? Тогда и он, и они воспримут бытие друг друга как подлинное и войдут в то гармоничное состояние, которое по праву можно назвать взаимобытием. Здесь нет возможности подробно описать это состояние, но оно, безусловно, имеет много общего с отношением «Я-Ты» в философии Мартина Бубера [2]. И философская практика призвана, на мой взгляд, способствовать достижению такого состояния. Заниматься ей – значит идти от бытия-над-другим к взаимобытию.

Литература:

1. Бахтин М.М. Философская эссеистика 1920-х годов // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Русские словари, 2003. Т. 1. 958 с.
2. Бубер М. Два образа веры / Под ред. П.С. Гуревича, С.Я. Левит, С.В. Лёзова. М.: Республика, 1995. 464 с.

Философская практика: может ли философия быть социально значимой профессией?

Ярославцева А.В.

*Новосибирский государственный медицинский университет. Кандидат философских наук, доцент
almarlis@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена противоречию между природой философии и формами реализации философской практики, способам его разрешения. Поскольку формальные, организационные характеристики философской практики естественным образом вытекают из природы философского знания, а также из стоящих перед практикой целей и задач, предложено исходить из интерпретации философии как знания ориентированного на всех, полученного в ходе бескорыстного поиска истины. Данная интерпретация сущности философского знания несовместима со статусом философии как элитарного занятия, с одной стороны, со статусом философии как одной из разновидностей бизнеса, с другой; более совместима с пониманием философской практики как разновидности волонтерского движения. Основная цель практических занятий философией – применение философских достижений к различным повседневным жизненным ситуациям. Наиболее эффективно способны двигаться по пути реализации этой цели, обучать и вдохновлять личным примером люди, уже имеющие положительный опыт в данной области.

Ключевые слова: философская практика, природа философии, волонтерское движение, бескорыстный поиск истины, воля к познанию, повседневность.

Philosophical practice: can philosophy be a socially significant profession?

Yaroslavtseva A.V.

Novosibirsk State Medical University

Abstract: The article is devoted to the contradiction between the nature of philosophy and the forms of implementation of philosophical practice. Since the formal, organizational characteristics of philosophical practice naturally arise from the nature of philosophical knowledge, as well as from the goals and objectives facing the practice, it is proposed to proceed from the interpretation of philosophy as knowledge oriented toward all, obtained in the disinterested search for truth. What is incompatible with the status of philosophy as an elitist thing, on the one hand, with the status of philosophy as one of the varieties of business, on the other; more compatible with the understanding of philosophical practice as a kind of volunteer movement. The goal of practical studies in philosophy is the application of philosophical achievements to various everyday life situations. People who already have positive experience in this field are most effectively able to move towards this goal.

Keywords: philosophical practice, the nature of philosophy, volunteer movement, disinterested search for truth, the will to know, everyday life.

В статье «Философская практика – quo vadis?» [1] Ран Лахав отмечает, что в основе философской практики лежит убеждение о применимости философии к жизни, именно поэтому данный вид практического применения философии должен интересовать широкую публику. Однако широкого публичного интереса не возникло. Несмотря на то, что движение философов-практиков существует уже около сорока лет, а также на активные действия по популяризации данного общественного движения с начала текущего столетия, оно не стало массовым и среди тех, для кого философия является профессией.

Лахав Р. видит причину в способах, которыми осуществляется философская практика. На начальном этапе она мало чем отличалась от психотерапевтического консультирования. Это проистекало из противоречивости целей основателей философской практики: с одной стороны, имело место стремление изменять внутреннюю жизнь людей, подвигать их на трансформацию

устоявшихся жизненных привычек, что способствовало оформлению философской практики как уважаемой, прибыльной, нормальной профессии, а не как «сферы уличных или социальных действий или партнерства (companionship) людей, ищущих истину» [1, с.9]. Данное стремление вошло в противоречие с целью предложить что-то новое, «быть уникальным посланием», поскольку не могут быть согласованы революционное видение и работа по приведению к норме, поиск истины и сфера платных услуг. Р. Лахав задается вопросом: может быть, причина ограниченной популярности в том, что «мы становимся все меньше и меньше подвижниками (visionaries) и все больше и больше профессионалами в сфере услуг» [1, с.9-10]?

Если выбор формата «индивидуальное консультирование» (оказание предпочтения соответствующей цели) лишил философскую практику индивидуальности, возможности занять свою уникальную нишу, более поздние формы организации философской практики (философские кафе, семинары сократовского диалога и другие формы дискуссионной работы), также связанные с «профессиональной ориентацией философской практики как сферы услуг, так как они базируются на идее профессионала, который дает рекомендации или консультирует клиентов-нефилософов» [1, с.11], сделали ее обезличенной, лишенной связи с повседневной жизнью («слишком абстрактной»).

Поскольку от формы организации философской работы зависит состав и «качество» аудитории, среди которой она будет востребована, Лахав предлагает более соответствующие природе философского знания цели и подходящий для реализации этих целей формат. Философия должна быть живой не только в среде философов и представителей других профессий, которые самостоятельно смогли прийти к необходимости философии для повседневной жизни. По сути, задача философа-практика – помочь прийти к этому осознанию тем людям, которые пока не смогли этого сделать.

Предполагается, что это возможно осуществить в формате «небольших групп партнеров» – равенство участников философского диалога является принципиальным. Вы философ, потому что философская рефлексия, поиск истины – ваш образ жизни, образ жизни нельзя продать; продавая что-то другое, вы продаете не философию, а что-то другое, это другое, скорее всего, не столь полезно как философия. Любовь к мудрости тоже нельзя продать. Если то, что вы хотите распространить, нельзя продать, остается «привлекать людей нашим желанием и нашей страстью к познанию и глубине» [1, с. 12].

Цели и формат связаны с новой (старой, скептической [2]) интерпретацией философии, философского мышления и философии как способа существования: философы – «ищущие», они «всегда в пути, в поиске способов развития мудрости и понимания, и как философы, и как люди. В этом отношении они очень отличаются от профессионалов, которые уже закончили свое обучение и достигли финишной черты. В отличие от профессионального банкира, или профессионального психолога, или водителя, которые уже знают себе цену и приобрели необходимые экспертные знания и сертификаты, ищущий человек – всегда находится в пути... Быть ищущим... значит быть вовлеченным всем своим существом, всем способом жизни... Характерна сама форма разговора: в то время как ищущие находятся плечом к плечу в совместном пространстве «круглого стола», профессионал общается с клиентом через стол» [1, с. 12].

Хотелось бы продолжить разговор на эту тему. Формальные, организационные характеристики философской практики естественным образом вытекают из природы философского знания, а также поставленных целей и задач. Что касается природы: философия, хотя и предлагает новое и является уникальным посланием, одновременно является знанием, изначально ориентированным на всех, что обуславливает специфику языка и методов работы, в частности, сократический диалог на улице. Философия не только знание, предназначенное для всех, она и говорит от лица всего человечества – или, будет точнее, от лица всех стремящихся к познанию, что обуславливает «узнавание», «припоминание» («раз все в природе друг другу родственно, а душа все познала, ничто не мешает тому, кто вспомнил что-нибудь одно, – люди называют это познанием – самому найти и все остальное, если только он будет мужествен и неутомим в поисках: ведь искать и познавать – это как раз и значит припоминать» [3, 81d]) философских истин каждым человеком, который может понять суть философского послания. Следствие: необходим формат «философия для всех», включая детей [4], исключая какие-либо виды отбора аудитории.

Ясность в целях и задачах помогает людям организовать совместную работу. Философия обрела популярность, поддерживает свое существование постольку и поскольку она является бескорыстным поиском истины. Вследствие чего естественно прийти к осознанию того факта, что

практическое применение философии не может быть просто бизнесом. Философия в качестве платной услуги вызвала вопросы еще в эпоху античности (софисты), в контексте развития философской практики вскрываются новые оттенки смысла проблемы: не все продается за деньги [5, с. 140-141], то, что дает философия повседневной жизни и профессиональной деятельности не продается, профессионалы, противопоставляющие себя непрофессионалам, не могут, используя свою философскую подготовку, это транслировать. Непрофессионалы не могут это купить так же как еду или одежду. Интерес, страсть, воля к философскому мышлению, способность и возможность философствовать – это не передается, если мы консультируем в рамках оказания услуг, т.е. имея своей основной целью «удовлетворить» клиента (у сферы услуг свои цели и задачи, они не совпадают с целями и задачами философии). Но люди часто сами к этому приходят – к необходимости философски осмыслить жизненные и профессиональные ситуации. Полагаю, что философская практика, как и философия в реальной жизни и истории, может больше напоминать волонтерское движение, – со своими, отличными от общепрофессиональных, практическими, социальными целями и задачами.

Это снимет и проблему обезличенности, в том числе тех форм коллективного философствования, которые предполагают равенство участников. В них мало не личной саморефлексии, – они мало затрагивают конкретные жизненные проблемы, текущие ситуации, то, что происходит здесь и сейчас, то, что непосредственно более всего волнует участников этих форм работы. Т.е. действительно не позволяют «коснуться повседневной жизни», в том числе, используя классические философские тексты. Если целью философской практики является установление прочной связи философии с жизнью, в процессе этого типа философствования необходимо применение философских достижений к различным повседневным жизненным ситуациям. В данном случае не важно, насколько высокопрофессионален философствующий, насколько подтверждена сертификатами его квалификация, – в той или иной степени к философскому мышлению способны все. Суть философии – способность мыслить, постигать определенным образом любую ситуацию; способность распространить философское мышление на все обстоятельства жизни свидетельствует о достижении высочайшего уровня мастерства в этом искусстве.

Важнейшим вопросом при этом становится не для кого предназначена философская практика, а кто может принести максимальную пользу на этом поприще, стать движущей силой данного движения, личным примером пропагандировать, демонстрировать яркие, вызывающие восхищение, образцы данной разновидности философского творчества. Данную категорию лиц наилучшим образом представляют люди, занятые делом (спортсмены, врачи, ученые, бизнесмены, философы...), стремящиеся достигнуть в своем роде занятий высот мастерства и подлинных результатов, готовые помогать нуждающимся, осознающие необходимость взаимной поддержки, уже имеющие опыт успешного решения практических, жизненных задач при помощи хорошей философии.

Литература:

1. Лахав Р. Философская практика – quo vadis? / Пер. с англ. С.В. Борисов // Социум и власть. 2016. № 1(57). С. 7–14.
2. Секст Эмпирик Три книги Пирроновых положений// Секст Эмпирик Сочинения в двух томах. Общ. ред. А.Ф. Лосева. Пер. с древнегреч. Т. 2. М.: «Мысль», 1976. С. 206-380
3. Платон Менон// Платон Собрание сочинений в четырех томах. Т. 1. М.: «Мысль», 1990. С. 575-612
4. Юлина Н.С. Философия для детей. М.: ИФРАН, 1996. 241с.
5. Ярославцева А.В. Измененные состояния и нравственность: сходство экзистенциальных функций// Манускрипт. Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Вып. 10. С. 137-142.

Ячменев Г. К.

Челябинский государственный университет, Студент

meskidy@gmail.com

Аннотация: В современных реалиях всё меньше замечается появление ярких философских произведений. Зато вместо философской дисциплины активно развиваются области художественной литературы. Предполагается, что образ философствования со временем всё больше стал переправляться в поле прозаических и поэтических трудов и связано это с механизмами психологической защиты. При помощи инструментария аналитической психологии, автор тезисов определяет необходимость философии использовать метод персонификации как способ наиболее понятно выражать философские категории. Обусловлен такой подход к философствованию тем, что чистые абстракции, которыми оперирует философ зачастую трудны для восприятия и представляют собою бессознательные элементы психики. Чтобы было проще усваивать подобные знания, аналитическая психология считает наиболее приемлемым объяснять категориальный аппарат в духе художественных образов, прозаических или поэтических вымыслов. В итоге, психологическая доктрина провозглашает философскую практику тем же художественным ремеслом, обходя при этом опасность стать жертвой бессознательного и неосмысленного образа жизни среди персонифицированных понятий.

Ключевые слова: философия, аналитическая психология, проза, бессознательное, категория, образ, персонификация.

Difficulty of the philosophical lifestyle from the point of view of analytical psychology.
Yachmenev G. K.

Chelyabinsk State University

Abstract: In modern realities, fewer and fewer comments appear vivid philosophical works. But instead of philosophical discipline, the field of fiction is actively developing. It is assumed that this is due to the mechanism of psychological defense. Using the tools of analytical psychology, it is necessary that philosophy uses the method of personification. This approach to philosophy is due to the fact that the pure abstractions that operate on philosophies are difficult for the perception and use of canine unconscious elements of the psyche. Analytical psychology considers the most acceptable explanation of categorical apparatus in the spirit of art formations, prose or poetic fiction. As a result, the psychological doctrine proclaims philosophical practice with the same artistic craft, which leads to the danger of becoming a victim of an unconscious and meaningless lifestyle among non-personalized patients.

Keywords: philosophy, analytical psychology, prose, unconscious, category, image, personification.

Что мы представляем, когда слышим о чистой философии? Сейчас весьма трудно понять, что есть философия в своём рафинированном, без всяких беллетристических примесей, виде. Нет у современных философов той логической последовательности Аристотеля, нет и схоластической выправки средневековых теологов, о кантовской упорядоченности в терминологии и рациональной завяске и слышать не приходится. Философия постепенно утрачивает свои границы, как отдельная дисциплина и всё больше вплетается в области других сфер, которые ничуть не хуже доносят определённого рода истины. Главный вопрос на повестке дня — почему же растворяются границы философии, как отдельной дисциплинарной ниши? Для выяснения этого, стоит обратиться к тому, что всегда служило главным орудием любого философа — к его понятийному аппарату.

В отличии от изобразительного искусства, где мысли художника выражаются эскизом, или музыки, отражающей мыслительный план композитора в нотах, размышления философа базируются на таких единицах как категории. Первыми, кто стали объяснять реальность через категориальный аппарат были греки: описание природных метаморфозов очерчивалось категориями стихий; преобразования идей

при помощи формулировок бытия или разума, а практическая деятельность мудрецов исчислялась понятием добродетели. Культивирование категориального механизма связывалось с тягой к поиску сущности явлений, а не довольствием их поверхностными формами. Ещё Платон заговаривал о внутренних эйдосах — идеальных образах, служащих основой для материальной видимости. Затем те же мысли подхватила эпоха средневековья и трактовала платоновские идеалы в духе универсалия — такой умственной структуры, которая своей единичностью выражает куда как большую общность. Пример такой категории был Бог и споры вокруг данного понятия разразились в спектре пререканий между реалистами и номиналистами: одни утверждали невозможность истолкования всего и вся даже через столь возвышенное определение, а другие твердили о завышенных взысканиях первых и всячески низводили выведенный термин до уровня профанных лексем. В Новое Время Кант сдержанно поддерживал сторону реалистов, признавая в мышлении некоторую априорность каких-то категорий, но он не считал их продуктом божественной природы, скорее уж инструментом, благодаря которому человеку проще систематизировать внутри себя знание и отражать его в своём творчестве.

Окрестив главное оружие философа категорией, выходит, что утрачивание видимых пределов философской канвы связывается с тем, что категориальный аппарат мудреца перестал выражаться в своём стерилизованном виде. Приходится искусно вуалировать сложные формулировки, сложные абстракции обводить красками общепринятых норм, а терминологический словарь рядить в подолы известных всех образов. Поэтому проблема современной философии — это растворение в литературном ключе. Прозаический и поэтический слог хоть и бывает витиеват, порой ему также случается быть неподъёмным, всё же он легче воспринимается, чем чистые абстракции философии, т. к. в его природе залегает не голый универсалий, а приодетая в одёжу какого-то представления мысль. Другими словами, как философ, не скрываясь за дополнительными формами, распоряжается такими категориями, как разум, чувства, ощущения, так и прозаик или поэт выражает те же понятия, но облачённые в облики каких-то личностей и животных. Такой процесс упрощения получил название персонифицирования, т. е. создания из идеи образа какой-то персоны; так с читателем будет разговаривать уже не чистое понятие, а его персонифицированная интерпретация, уже не философский трактат, а роман или рассказ.

Почему же стала актуальна тенденция персонифицирования? Ответ на это постаралась дать аналитическая психология. Аналитическая школа выдвигает параллель категориям в качестве архетипов — априорных форм мысли: «Архетип — это пояснительное описание платоновского эйдоса» или тех же кантовских категорий [1, с. 99]. Они являются бессознательными компонентами психики и призывают личность со временем осмыслять себя путём осознания. Методом сознательного высвечивания служит как раз ранее упомянутый механизм персонификации. Вот, что об этом писал швейцарский психиатр Карл Юнг: «В чем же заключается главное различие? — В умении отстраниться от бессознательных элементов и как-то их персонифицировать. Тогда наладить с ними сознательную связь будет сравнительно легко» [2, с. 186].

Художественная герметизация философских абстракций принимается за своеобразный предохранитель, обуславливающий безопасность психики от увлечённости ничем не прикрытых категорий «деятельности воображения, в каком-то смысле априорных идей» [1, с. 259]. В истории наблюдались примеры, когда чрезмерное увлечение рассудочными категориями влекло за собой то или иное психическое расстройство. Яркими примерами можно взять Фридриха Ницше и Жан-Жака Руссо. В менее выраженной форме, психический дисбаланс отмечался патологической депрессивностью, меланхоличностью, что вкупе порой доходило до таких отрицательных качеств как мизантропия (Шопенгауэр), нигилизм по отношению к моральным принципам (Кардано), цинизм (Свифт), эгоцентризм и ряд других неблагоприятных черт [3].

Другой спецификой отмечается затруднённое восприятие философских категорий. Среднему читателю не просто сразу вникнуть в предмет рассуждений, а исключая возможность представить мыслимую категорию чем-то конкретным накладывает дополнительную проблему для приобщения к познаваемому материалу. Для материалиста, персонифицированием бессознательного является объективная деятельность, когда «посредством акта объективации субъект повторно воспринимает объект с целью его “более детального, более четкого”» осознания [4, с. 147]. Точно по такому же принципу будет действовать и личность, больше думающая отвлечённо от реальности, где персонификацией станет уже не предметная деятельность, а различные манипуляции внутренних образов, выражаемые в искусстве. К примеру, один художник никак не мог осознать увиденное им в небе, посчитав пролетевший феномен НЛО, поэтому методом персонификации, он «изобразил в небе над окутанным вечерними

сумерками городом круглое вращающееся огненное тело. Следуя наивному порыву к персонификации, он наделил его с помощью нескольких штрихов лицом, которое в результате стало головой» [2, с. 435]. Запечатляя же отвлечённые абстракции в форме воображаемых личностей, частями тела, природой или духами, читателю становится проще подойти к рассматриваемому объекту, т. к. нечто неизвестное предстаёт перед ним во вполне знакомых и угадываемых нарядах.

Таким образом, когда речь заходит о том, что же значит быть философом и как тому выражать свои мысли, первым делом нужно задуматься, в какую форму мыслителю следует облечь формирующийся внутри него категориальный аппарат, чтобы не расшатать своё психическое равновесие и выступить доходчиво доносящим идеи оратором. Если выпустить бессознательное напрямик, это грозит помутнить рассудок истолкователя, но, когда чистота абстрактного мышления оплетётся персонифицированным образом, это обезопасит личность мыслителя, правда, не без ущерба философии, как отдельно взятой дисциплине. Исследование бессознательного и его связи с искусством показало, что «между поэтическим вдохновением и инвазией нет никакой разницы. Это абсолютно одно и то же, и как раз поэтому я избегаю слова “патология”» [5, с. 22]. Можно ли тогда говорить о философах, подходящих к мышлению через беллетристическое искусство как о более осторожных и последовательных личностях, нежели тех, кто полностью отдаются ничем не прикрытому бессознательному и возможно заражают общественность опасной, ещё не созревшей умственной продукцией? В данном случае, философу лучше будет стать тем же прозаиком, поэтом и художником слова, поэтому если и кажется, что сфера философии понемногу гибнет, это не говорит о забвении столь великой области, а лишь демонстрирует её перетекание в нишу художественной выразительности. Ведь, что толку от философии без философа? Философ с нарушенной психикой также остаётся мыслителем, но будут ли его идеи столь же праведны и благонравны, как и в доболезненный период — знать этого никто наверняка не может. Поэтому философскую практику вполне дозволительно можно начать считать нечто вроде экзегезы романов и повестей, где вживание в роль того или иного персонажа будет сродни тому, как опробовать на себе определённую философскую категорию.

Литература:

1. Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Издательство «Ренессанс» СП «ИВО-Сид», 1991. 262 с.
2. Юнг К. Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Мн.: ООО «Харвест», 2003. 496 с.
3. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. М.: АСТ, 2017. 316 с.
4. Григолава В. В. Бессознательное и установка // Вопросы психологии. 1984. № 3. С. 145–150.
5. Юнг К. Г. Тэвистокские лекции. Аналитическая психология: её теория и практика. М.: АСТ, 2009. 138 с.

Вотинцева Наталья Николаевна

Пермская государственная фармацевтическая академия, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Кандидат философских наук

n_votintseva@mail.ru

В статье поднимается вопрос о необходимости изменения способов подачи философского знания. Рассматриваются моменты объективного положения дел – те проблемы, с которыми сталкиваются преподаватели и где велико значение опыта преподавания. Присутствующая аудитория не всегда заинтересована в философских знаниях – возможно потому, что ей не показали «в чём именно интерес». Дело не столько в интересе аудитории к предмету философии, а в манере и способе преподавания и квалификации преподавателя. К основным целям преподавания философии смело можно отнести формирования навыков «Soft skills», которыми приходится овладевать и самому преподавателю в современном мире. Представлены некоторые перспективные тенденции, которые уже реализуются: философские игры, ретриты, медитации. Почти все современные тенденции исходят из практической философии, в том числе и разработанное мобильное приложение.

Ключевые слова: преподавание философии, требования, долженствование, современность, повседневность, практическая философия, игра, ретрит, мобильное приложение

**The prospect of demand for philosophy: the question of forms of teaching.
Votintseva Natalia N.**

Perm State Pharmaceutical Academy - Department of Humanities and Social and Economic Disciplines

The article raises the question of the need to change the ways of presenting philosophical knowledge. The article considers the moments of the objective state of Affairs – the problems faced by teachers and where the importance of teaching experience is great. The audience present is not always interested in philosophical knowledge-perhaps because it has not been shown “what the interest is.” It is not so much the interest of the audience in the subject of philosophy, but in the manner and method of teaching and the qualifications of the teacher. The main objectives of teaching philosophy can be safely attributed to the formation of skills “Soft skills”, which have to master and the teacher in the modern world. Some promising trends that are already being implemented are presented: philosophical games, retreats, meditations. Almost all modern trends come from a practical philosophy, including the developed mobile application.

Keywords: philosophy teaching, requirements, obligation, modernity, everyday life, practical philosophy, game, retreat, mobile application

Преподавать дисциплину «Философию» в современном мире очень интересно, т.к. можно наблюдать с одной стороны – современную востребованность «упрощения» подачи информации, а с другой – вечное стремление к тому чтобы дать то, что лежит за пределами познания, а оно – сложное и глубокое. Современное упрощение имеет свою особенность – мир динамичен и сложен, мало того ещё и виртуализирован, с огромной долей геймеризации. Информации в мире много, а выбрать нужную трудно и область философии не исключение в этом случае.

Возникает ряд моментов, на которых я буду заострять внимание именно как преподаватель философии классического государственного (бюджетного) образовательного учреждения, постоянно имеющий дело с молодым поколением.

Первое. Вопрос: какой найти способ для того, чтобы передать глубину и содержание идей для той аудитории, что есть – а она не всегда подготовленная? В предполагаемом ответе уже содержится три момента: владеть материалом на глубинном уровне – быть специалистом; найти подходящий способ – быть методистом; готовить аудиторию самому «здесь и сейчас» – быть педагогом по призванию, как говорится. Для всего этого уже нужен опыт – ориентироваться, уметь зондировать

уровень аудитории, начинать объяснение с азов или к ним обращаться, налаживать контакт с аудиторией для обратной связи.

Преподаватель оказывается посредником между сферой разума и той самой аудиторией, которая оказалась волей соответствующего министерства, родителей и других факторов перед педагогом-оратором.

Второе. Если углубляться в сам метод подачи, то он тоже содержит уже следующие составляющие: подача – выбор стиля (повествовательный, провокационный, исследовательский, проблемный и т.д.); создание интриги – предусмотрительное сохранение недосказанности; оперирование к повседневности – постоянная демонстрация актуальности получаемых обучающими знаниями.

Транслятор интеллектуальной сферы в современном мире необходимо должен иметь качества мотиватора и оратора. Интернет всегда может заменить материал лекции и только неповторимость живого общения, живой коммуникации, с массой примеров и задач, может иметь успех. И снова в помощь – опыт.

Третье. Статус классического современного образования попирается со всех сторон большим количеством коучинго-тренинговых программ вне классических вузов и именно поэтому нужно предвосхитить ожидаемые гарантии и выгоды аудитории, изучаемой предмет в стенах заведения. Речь даже не о конкуренции – задачи разные. В образовательном учреждении, считается, что присутствующая аудитория – это те, кто жаждет до знаний, но это не всегда свидетельствует об интересе аудитории именно к философии, при условии, что это не философская специальность.

Предвосхитить ожидания как раз-таки и можно объяснением того, чем отличается современный человек, владеющий философскими знаниями, от того, кто не владеет таковыми. Сегодня бесспорным аргументом можно считать востребованность формирования основного навыка современности - гибкости мышления.

Юмор, ирония, смех, как элементы развлечения всегда имели успех и украшали практически любое человеческое действие, а тем более выступление. Может, конечно, и не надо превращаться на занятии в ведущего «Comedy Club», но уместная и умеренная доля позитива могут служить эмоциональной разрядкой при сильном напряжении в ходе занятия.

Авторитарно-командный стиль преподавания меняется в современную эпоху на интерактивный – чем большую сопричастность и вовлеченность в решение проблемы чувствует аудитория, тем легче управлять её вниманием и в дальнейшем можно будет переключать внимание. В том числе с простого – анализ повседневного на сложное – абстрактно-теоретическое (удерживая погружать).

В эпоху проповедования соблюдения и защиты прав личности, встаёт всё чаще и чаще вопрос об элитарности самого философского знания. Спрашивается, зачем усложнять мир? Каждому ли нужны эти знания о запредельном. Ответив на этот вопрос в пользу незаинтересованной в саморазвитии аудитории, отпадает необходимость всего выше сказанного о мастерстве педагога, но это только на первый взгляд.

Как ни крути, философия возникла на определённом этапе развития человеческого интеллекта, является высшим уровнем именно рационального осмысления действительности. В современном мире понять человеку своё место во всём многообразии существующих концепций без рациональных способностей (системного мышления) весьма проблематично. Философия демонстрирует тот багаж ответов, который одному конкретному человеку за одну свою жизнь не найти.

Философия, являясь «школой мудрости», посредством предложенных идей классиков, приглашает к определению смысла того или иного явления или соотношении явления с разработанными шаблонами. В философской практике изначальное освоение уже созданных систем приводит к порождению новых построений.

Философия является «тренажёром ума» - осваивая философские построения из пассивного восприятия, осваивающий превращается в активного участника – эта сопричастность развивает логику, творчество, креативность и если изначальное это происходит хотя бы по аналогии, то потом, как и в других видах деятельности, запускается процесс креативного преобразования действительности.

Человек существо, стремящееся к несуществующему, его постоянно манит спектр ответов и

вопросов, который балансирует на границе с трансцендентальным. Принимая участие в обсуждении и решение таких вопросов, с одной стороны человек чувствует причастность ко всему историческому опыту человечества и в то же время, происходит это сопричастие через свою сугубо личную экзистенциальность.

Человечество не существует само по себе или отдельно от каждого человека, оно и есть проявление многих конкретных людей и их разума. Поэтому философия нужна человечеству в определении дальнейших путей развития и осознания ответственности за принятие тех или иных решений. Такие современные проблемы, как экстремизм, трансплантология, безудержное потребление, искусственный интеллект – требуют всестороннего осмысления и без философского подхода не обойтись. Современный человек, если он мыслящий и образованный, не может представить себя без философии. Так же как сознание присуще человеку, философия присуща истории человечества. Как способность осознать не только реальность в которой существуешь, но и создавать ту реальность, в которой бы ты хотел существовать. Философия во все века содержала тот потенциал ответов, для индивидуально-ориентированных вопрошаний. Сама по себе философия никому ничего не должна, но с учётом требований современности, хорошо было бы использовать тот богатейший материал и опыт в целях формирования «Soft skills», которые как раз-таки и востребованы современностью. На место жёсткой партийности, должно прийти формирование мягкого понимания и управления реальностью. Мягкость – это не потакание всему и вся – это донесение и объяснение анализа следствий при тех или иных принятых действиях как продолжение решений, осознанных или не осознанных. Что касается осознанности, так это как раз и есть свидетельство определённого уровня освоения философских знаний, преобразованных в личный опыт.

Философия, это то, что делает и оставляет нас людьми – этот «пафосный пассаж» обостряет все возможные вопросы, включая этические, в эпоху развития искусственного интеллекта тем более. В будущем человеку всё больше и больше придётся сталкиваться на индивидуальном уровне (биометрия в банкомате, например) с постоянным формированием отношения к тому или иному техническому явлению. Пока ещё до конца не осознанно правовое регулирование участие «техники» в нашей жизни.

И при всей сложности существующего мира, философия должна ещё иметь и относительно развлекательный характер. Не имея она такого потенциала, она теряет изрядную долю аудитории.

Некоторые варианты уже реализуются. Рассмотрим перспективные тенденции.

Во-первых, реализуются различные игровые формы – «геймеризация во всём» - отличный способ через развлечение привлечь (бум интеллектуальных игр). В игровой форме снимается грань между простым и сложным, вернее – осуществляется мягкий переход; снимается страх перед недостижимым – преодоление того, что «философия - это только для избранных».

Во-вторых, само преподавание философии (как и другой сегодня вид деятельности) - это поле для создания игровых форм в виде методичек как в преподавании, так и в подаче материала (учебник) или предложения по самоосвоению текстов или конкретных идей.

В-третьих, философские практики - философская медитация, ретрит, и т.д. Академичность сотрудничает с повседневностью. А повседневность требует глубинного осмысления. Как раз медитация или философский ретрит создают ту самую атмосферу для реализации самопознания весьма разнообразными способами. Развитие философских идей не ограничивается научными конференциями, а успешно дополняется новыми формами.

В-четвёртых, техническое оснащение, соответствующее времени, используется и будет развиваться (например, мобильное приложение #Ежедневник #философская практика в Google play). Философские игры, приложения ровно так же, как и философские организации и клубы найдут своих «потребителей». Чем разнообразнее подача, тем перспективнее «продукт», т.к. будет возможность увидеть необходимость в том или ином способе освоения мира или саморефлексии.

В предложенных моментах отражаются тенденции развития передачи не только философского опыта, но и способы освоения самого философского знания. Оценивая такие перспективы, хочется подчеркнуть вопрос не востребованности, а необходимости философии в современном мире. Отсутствие осознанности её необходимости – ещё не есть отсутствие необходимости.

Уместен ли Хайдеггер? Топология или упорство мысли

Журавлев Михаил Дмитриевич

МГУ им. М.В. Ломоносова - Философский факультет, кафедра Онтологии и теории познания.
Студент бакалавриата

michelvermichelsky@gmail.com

В статье обсуждается проблема «топологической функции» философии Мартина Хайдеггера. Автор утверждает, что постановка вопроса об уместности хайдеггеровской философии сегодня требует проблематизации отношений мысли и места. Мысль Хайдеггера, обозначенная как топология, работает в режиме имманентного размыкания мысли места на место мысли. Артикуляция пространства философского высказывания, производимая хайдеггеровской философией, имеет не внешнее или дополнительное значение по отношению к самой этой философии в смысле ее концептуального «содержания», а, напротив, по существу характеризует проект фундаментальной онтологии. Топологическое определение хайдеггеровской мысли делает возможным продумывание внутренней связи положений, в которых формулируются ее основополагающие задачи: требования мысли того, что еще не мыслится, и нужды захваченного расположения в месте своего пребывания. Утверждается принципиальная недостаточность определения смысла топологии Хайдеггера посредством репрезентации топологических понятий или соответствующих им ходов мысли. Продумывание имманентной связи мысли места и места мысли открывает возможность проблематизации «пути Хайдеггера» как фундаментально-онтологической навигации.

Ключевые слова: Хайдеггер, философская топология, место мысли, критика представления, картина мира, фундаментально-онтологическая навигация

Is there a place for Heidegger? Topology or persistence of thought. Zhuravlev Mikhail D.

Moscow State University, the Faculty of Philosophy

The article discusses the problem of the “topological function” of Martin Heidegger’s philosophy. The author claims that statement of a question of the appropriateness of Heidegger’s philosophy today requires a problematization of the relationship of thought and place. Heidegger’s thought, designated as topology, works in the mode of immanent opening of the thought of place to place of thought. The articulation of the space of philosophical statement produced by Heidegger’s philosophy has no external or additional significance in relation to this philosophy in the sense of its conceptual “content”, but, on the contrary, essentially characterizes the project of fundamental ontology. The topological definition of Heidegger’s thought makes it possible to think through the internal connection of statements in which its fundamental tasks are formulated: the requirement of the thought of what is not yet thought, and the need of the captured emplacement in the place of one’s stay. The fundamental failure of determining the meaning of Heidegger’s topology through the representation of topological concepts or their corresponding lines of thought is affirmed. Thinking through the immanent relations of thought of place and place of thought opens up the possibility of problematizing the “Heidegger’s path” as a fundamental ontological navigation.

Keywords: Heidegger, philosophical topology, place of thought, critique of representation, picture of the world, fundamental ontological navigation.

Вопрос о месте Хайдеггера в современной философии неотделим от вопроса о том, каким образом его мысль, взятая как мысль места или топологическая мысль, является в то же время мыслью, «содержание» которой составляет расположение Хайдеггера в пространстве философского высказывания¹. Это может показаться контринтуитивным.

Место мыслителя в дискурсивном поле чаще считают контекстом философского высказывания, то есть тем, что, с одной стороны, входит в перечень внешних детерминаций мысли (наряду с биографией,

¹ А также, соответственно, само это пространство.

социальным положением, культурным бэкграундом и т.д.), а с другой, предстает в качестве «среды», впоследствии на эту мысль реагирующей. Нам кажется, однако, что, представляя положение дел в опоре на противопоставление мышления и его контекста, мы бы совершили существенный промах. Тексты Хайдеггера, содержат множество указаний на то, что на место высказывания философа или «позицию» его мысли невозможно смотреть как на нечто внешнее тому, что он, занимая эту «позицию» говорит. Напротив, его речь является способом артикуляции собственного места.

Стоит принять это положение в наиболее принципиальном значении, чтобы прочесть философию Хайдеггера в ее настоятельности, не допуская ее отрыва от тех – имманентных мышлению – задач, которые она решала. Не поставив вопрос о хайдеггеровской мысли места, невозможно аутентично спрашивать о месте его мысли сегодня.

Известно, что Хайдеггер считал недоразумением постановку вопроса о философии «в прикладном ключе». В «Основных понятиях метафизики», настаивая на самостоятельности философской мысли, Хайдеггер приводит слова Гераклита: «Речи скольких людей я ни слышал, ни один не достиг того, чтобы знать, что мудрость, [философия] есть нечто от всего отделенное». За этим следует: «По-латински отделенное — absolutum, нечто находящееся на своем собственном месте, точнее, самим собой впервые и образующее свое собственное место» [1, с. 54].

Случайно ли, что проблема «самостояния» философии обсуждается в терминах места? Стоит ли считать это «просто» метафорой – ни к чему не обязывающей и произвольной? Мы полагаем, что это топологическое определение философии как того, что «само собой образует собственное место», следует взять в качестве отправной точки экспликации «отношения» мысли места и места мысли.

Обратимся к двум положениям, формулирующим центральные задачи хайдеггеровской философии.

1) «Призывающее мыслить — это то, что мы еще не мыслим» [2, с. 36]ⁱ.

2) «Это путь [к языку] туда, где мы пребываем всегда, но таким образом, что мы одновременно не есть там, потому что мы еще не достигли того, что захватывает наше существо, даже не приблизились к этому» [3, с. 192].

В первом приближении, просматривается гомология между этим высказываниями. Нужда мысли в том, что не мыслится, помысленная так, что к мысли обращается лишь та же нужда, образует фигуру рекурсивного типа эквивалентно высказыванию «из» места, в котором оно (место) оказывается не тем, из которого высказывание исходит, вновь возвращаясь к нему (месту). Установления подобия или гомологии, однако, еще не достаточно, чтобы подобраться к куда более радикальной близости этих положений. Если опереться на повсюду просматриваемое у Хайдеггера противопоставление открытой взаимопринадлежности мысли и бытия и замкнутой на саму себя мысли, можно было сказать, что задача мышления стоит на службе «захваченного» местопребывания. Однако, с другой стороны, нужда мысли не должна пониматься как нечто «внешнее» ей. На это указывает упомянутое выше положение о «самостоянии» философии. Требование мысли принадлежит самой мысли, но так, что мысль принуждается к размыканию на то, что она еще не мыслит. Если мышление имманентно задаче «захваченного местопребывания», то это в силу того, что проблема места является топологической проблемой или проблемой мысли как мысли места.

В виду этого недостаточно сказать, что приведенные положения аналогичны или структурно эквивалентны. Не соотносясь внешним образом в общей структуре, они образуют «структуру», в которой мысль открывает и внедряет напряжение и дистанцию в свое расположение. Хайдеггеровское упорство мышления неотделимо от того, как «мысль образует собственное место». Поэтому «топология» не отсылает к рефлексии мысли над собственным местом и не предполагает объективацию места как содержания мысли. Упорствовать в мысли, сопротивляясь какой-либо внешней апроприацииⁱⁱ, означает продумывать топологическое условие своей возможности, имеющее внутреннее отношение к тому, что обуславливает.

Если дело идет о том, чтобы установить, что такое хайдеггеровская философия сегодня, необходимо произвести критику (в смысле Канта) такого упорства. И если верно, что место Хайдеггера в философии (заклучая в скобки его «влияние») стоит под вопросом, так ли удивительно, что в последнее время все

ⁱ Делез видел в этом положении указание на имманентную трудность мысли, что задает основной мотив темы противопоставления мышления здравому смыслу и обыденному сознанию.

ⁱⁱ Политической или утилитарной.

чаще говорят о «топологическом» прочтении Хайдеггера? [4, с. 393]ⁱ. Здесь мы узнаем уже намеченную фигуру, которая неосознанно воспроизводится в связи с этой тенденцией в хайдеггероведении. Вопрос о месте Хайдеггера, даже если он, как это чаще бывает, не ставится как таковой или ставится не там, где его особенно важно было бы поставить, неотделим от того, что в хайдеггеровской философии связывало мысль с ее местом.

Однако нам представляется, что эти вопросы (мысли места и места мысли) почти всегда идут порознь. Например, когда ставят вопрос о связи Хайдеггера с национал-социализмом, отправным пунктом обсуждения становится апория чистоты и ангажированности мысли. Даже когда место в смысле детерминирующих «социальных» условий оказывается тем «внутреннейшим», что артикулируется в философии [5, с. 15], то обстоятельство, что дело идет о философии, конститутивным жестом которой является «радикальная проблематизация» своего места, оказывается упущенным. И наоборот, когда в отечественной литературе говорят о хайдеггеровской топологии, обсуждение ведется в отрыве от «политической проблематики», что, само по себе, конечно, не является упущением, но, тем не менее, симптоматично.

Под «топологией бытия» часто имеют в виду *dasien*-анализ, отправной точкой которого становится необходимость и в то же время часто подчеркиваемая неадекватность использования «здесь», «вот» или «тут» при передаче центрального термина ранней хайдеггеровской философии [6]. Или же под этой рубрикой («топология») обсуждаются работы Хайдеггера, посвященные искусству, где на первый план выходит столкновение с «отсутствующим местом бытия символа» в «эстетическом опыте» [7, с. 8]. Во многом, содержание текстов в этой исследовательской области сводится к очерчиванию места «экзистенциальной» проблематики, которое производится через введение серии оппозиций: метрическому пространству противопоставляется топология экзистенциалов, замкнутому на сущее методу – путь бытия, наличному – возможное, рациональности – экзистенция и т.д. [8, с. 16].

Нельзя сказать, что эти противопоставления вычитываются из Хайдеггера произвольно. Однако необходимо рассмотреть их с точки зрения их функции. Чаще всего «топология» служит демаркационным знаком, отсылающим к ряду хайдеггеровских терминов, задающих структуру *dasien*-анализа или раскрывающих метафору пути, либо выступает обобщением некоторых связанных с пространством ходов мысли Хайдеггера [7, с. 3]. Даже когда совершается попытка продумать «топологию вопроса», т.е. сущностной связи возможности вопрошания с «местом встречи и расхождения бытия и мысли», нам кажется, тем не менее, дело идет лишь о построении своего рода карты экзистенциального измерения или пособия по прохождению пути открытия конечности [9, с. 89]. Или, иными словами, о репрезентации того «особого» измерения, которое получает имя хайдеггеровской топологии.

При этом перформативно обойденной оказывается та сторона хайдеггеровской мысли, без которой невозможно продумать ее упорство. Речь идет о критике представления, отсылающей, в том числе, к понятию картины мира [10, с.41]. Восприятие мира как картины приписывает философии функцию мировоззрения, тем самым поддерживая сокрытие возможности аутентичной мысли. Не оборачивается ли «топология Хайдеггера» в смысле репрезентации основных понятий его философии и связанных с ними положений неким метафорическим обозначением измерения экзистенциального мировоззрения? И не разрешается ли тогда напряжение мысли Хайдеггера в обновленную картину мира, дополненную этим измерением?

Кажется, сама организация пространства хайдеггроведия указывает на расщепление вопроса о месте и места вопроса. На наш взгляд, невозможно держаться на уровне топологии Хайдеггера, излагая, хотя и адекватно, центральные понятия его философии или повторяя, в режиме репрезентации, его ходы. Напротив, продумать, что значит мыслить топологически, можно лишь обратив требования, которые Хайдеггер предъявлял к мышлению, на самую хайдеггеровскую мысль.

В перспективе такой работы проясняется принципиальная недостаточность противопоставления раннего «Хайдеггера времени» позднему «Хайдеггеру пространства» (места). Напротив, двойная задача аналитики *Dasien* и деструкции онтологии [11, с. 451] – впоследствии разродившейся в темы позднего Хайдеггераⁱⁱ – должна быть продумана в связи с топологической постановкой вопроса. В этом случае, не только «экзистенциальный анализ расположения» и осмысление истории забвения бытия, но также разработка проблемы близости мысли и поэзии раскрываются в рамках стратегии того, что можно назвать фундаментально-онтологической навигацией, из горизонта которой становится понятным поворот от философии (желания совершенной ориентации в делах или мудрости) к мышлению.

ⁱ Иногда эксплицитно в противовес «более привычному» выведению на авансцену проблематики времени
ⁱⁱ В частности, речь идет о вопросе о сущности техники, «поставе», конце философии, событийной онтологии и др.

Литература

1. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. СПб.: «Владимир Даль», 2013. 591с.
2. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? / Пер.Э. Сагетдинова. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 320 с.
3. Фалёв Е. В. Герменевтика Мартина Хайдеггера. СПб.: Алетейя, 2008. 224 с.
4. Malpas J. Heidegger's Topology: Being, Place, World. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2006. 413p.
5. Бурдые П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера / Пер. с франц. А. Т. Бикбова, Т. В. Анисимовой. М.: Праксис, 2003. 272 с.
6. Сакутин В.А. Топология вины и проблема одиночества в фундаментальной онтологии Хайдеггера [Электронный ресурс]//URL:<http://institut.smysl.ru/article/sakutin.php> (01.03.2020)
7. Яковлева Л.Ю. Топология пути в эстетике символа Мартина Хайдеггера // Universum: Общественные науки: электрон. научн. журн. 2015. No 8-9 (18)//[Электронный ресурс] URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/2596> (01.03.2020)
8. Гагарин А.С. Феноменологическая топика: смысложизненное пространство экзистенциалов человеческого бытия. Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2009. Вып. 9. // [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologicheskaya-topika-smyslozhiznennoe-prostranstvo-ekzistentsialov-chelovecheskogo-bytiy0> (01.03.2020)
9. Бакеева Е.В. Топология вопроса. Манускрипт. Тамбов: Грамота, 2018. No 11. Ч. 1. С. 3-89. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/topologiya-voprosa>
10. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с.
11. Хайдеггер М. Бытие и время. М.:»Ad Marginem», Москва, 1997. 451с.

Определение информации. Причины проблемы и ее решение

Кондратьева Александра Сергеевна

Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова - магистрант философского факультета

mail_alex95@mail.ru

Сорокин А.Ю.

Российский Государственный Социальный Университет - магистрант факультета психологии

sora230726@gmail.com

В докладе рассматривается проблема определения понятия информации, как ключевого понятия настоящего времени. Приводятся результаты исследования причин возникновения противоречий при попытках определения понятия информации. На основании полученных результатов идентифицирована основная причина возникновения противоречий при попытках определения информации.

Ключевые слова: информация, информационное общество, определение, существенный признак, коммуникация, энтропия.

The Definition of Information. Causes of the Problem and its Solution. Kondratyeva Alexandra S. ; Sorokin A. Yu.

Moscow State University. M. V. Lomonosov, faculty of philosophy ; Russian State Social University, faculty of psychology

The talk considers the problem of determining the concept of information as a key concept of the present. The results of the study of the causes of contradictions when trying to determine the concept of information are presented. Based on the results obtained, the main reason for the occurrence of contradictions in attempts to determine information is identified.

Key words: information, information society, definition, essential feature, communication, entropy.

Введение

Информация как предмет коммуникации между людьми и как результат процесса познания существует в человеческом социуме с момента его формирования [1]. Синонимом слова «информация» в те далекие времена являлось знание [2]. Само это слово пришло из латинского языка и дословно оно означает «представление или понятие о чем-либо» [3].

С развитием науки в середине 20 века понятие информации приобрело новое значение. Теория информации, основоположником которой стал Клод Шеннон в 1948 году, понимает информацию как сигналы в системах передачи данных. Сама теория не ставит задачи определения сущности информации, а призвана решить прикладные задачи в области организации систем обработки, хранения и передачи данных [4].

Однако именно с развитием информационных систем уклад человеческой жизни индустриального общества стал претерпевать значительные изменения. Элвин Тоффлер озаменовал данное событие как «приход третьей волны» или, другими словами, становление информационного общества, которое приходит на смену индустриальному [5].

Стоит отметить, что если понятия «общество» вполне определено, его значение в сопряжении с понятием «информация» приобретает весьма неоднозначный смысл, так как последнее, являясь ключевым в данной связке, пока так и остается неопределенным.

В условиях такой неопределенности с позиции организации и управления развитием человеческого общества жизненно необходимо однозначное понимание информации. В первую очередь потому, что невозможно эффективное управление объектом, сущность которого остается непознанной.

Однозначная идентификация информации должна начинаться с определения ее онтологического

статуса. То есть, в первую очередь, необходимо ответить на вопрос о ее объективной или субъективной сущности.

Первой и самой важной частной задачей решения указанной выше проблемы является идентификация основных противоречий определения онтологического статуса информации. Другими словами, необходимо определить тот «камень преткновения», на котором расходятся мысли и видения ученых и философов в данном вопросе. Результаты исследования в ключе данной задачи и выносятся в рамках настоящего доклада.

Гипотеза и методы исследования

В рамках исследования сформирована гипотеза, согласно которой принципиальные отличия в определении информации представителями научного сообщества могут являться следствием рассмотрения ими под информацией различных процессов, явлений и объектов. Такое предположение стоит на двух логически связанных общепринятых подходах. Во-первых, определение сущности рассматриваемого объекта достигается посредством исследования и объединения совокупности его существенных признаков [6]. Во-вторых, все определения информации лежат в двух подходах – атрибутивном и функциональном. Атрибутивный подход исходит из понимания информации в классическом смысле, которое неразрывно связано с понятием коммуникация. Коммуникация представляет с собой сложную систему взаимодействий, в которой задействован ряд самостоятельных и однозначно идентифицируемых субъектов, процессов и явлений. Субъекты коммуникации могут быть представлены источником информации, приемником, средой передачи и носителем. К явлению, возможно, отнести распределение информации в среде распространения, а так же форму представления информации. Процессы коммуникации могут быть представлены восприятием, анализом и выделением семантической составляющей и реакцией приемника.

Функциональный подход отталкивается от понятия энтропии и ее снижения. То есть рассматривается процесс стабилизации и дестабилизации энергетического состояния, какой-либо системы, который по своей сути прекрасно описывается Вторым началом термодинамики [7].

В качестве метода исследования выбран анализ научных работ, посвященных вопросу определения информации. Методология основана на идентификации рассматриваемого объекта по набору существенных признаков, отраженных в аргументации и конечном определении. Сопоставление идентифицированных объектов, которые рассматривали авторы, позволяет подтвердить либо опровергнуть разработанную гипотезу. Корреляция существенных признаков проводится с составляющими коммуникации и процессом изменения энергетического состояния системы.

Результаты исследования

Ниже представлена аналитическая таблица сопоставления различных определений информации, их существенных признаков с самостоятельными однозначно определяемыми элементами коммуникации и процессом изменения энергетического состояния системы.

Таблица 1 – анализ оснований определения понятия информации и их сопоставление с элементами коммуникации и процессом изменения энергетического состояния системы.

№ п/п	Автор	Определение	Существенные признаки	Элементы коммуникации и процесс изменения состояния системы
1	В.М. Глушков	Информация в самом общем ее понимании представляет собою меру неоднородности распределения материи и энергии в пространстве и во времени, меру изменений, которыми сопровождаются все протекающие в мире процессы [8].	Динамическая характеристика состояния какого-либо объекта в момент времени с учетом протекающих процессов взаимодействия объекта со средой.	Реакция приемника
2	К Шеннон	Информация – это сообщение, которое уменьшает неопределенность у получателя. Чем больше уменьшается неопределенность, тем больше снижается энтропия системы и тем выше информативность сообщения [9].	Воздействие снижающие количество вариации развития процесса и т.д.	Семантическая составляющая, реакция приемника
3	М.И. Серов	«Никто еще не видел ни как субстанцию, ни как свойство эту загадочную информацию... Почему? Да потому, что ее не существует в природе, как не существует флюидов, флогистона, эфира» [10, с.123].	Отсутствие существенных признаков.	-
4	И.И. Юзвишин	«Информация – вездесущая, она – внутри нас, вне нас и во всей Вселенной; это <...> универсальное начало всех начал; информация первична, материя – вторична» [11, с. 587].	Наличие признаков-воздействий у каждого объекта, которые воспринимаются всей средой.	Источник информации, процесс распространения информации в среде.
5	Ю.Н. Столяров, Д.И. Дубровский	Информация – это отражение в сознании людей объективных причинно-следственных связей в окружающем нас реальном мире [12].	Восприятие человеком изменения состояния окружающей среды и его анализа.	Восприятие, анализ, выделение семантической составляющей.
6	Урсул А.Д.	«Информация - это разнообразие, которое один объект содержит о другом, это взаимное, относительное разнообразие. С позиций теории отражения информация может быть представлена как отраженное разнообразие, как разнообразие, которое отражающий объект содержит об отражаемом» [13, с. 228].	Индивидуальный набор характеристик объекта, который способен восприниматься другим объектом и наоборот.	Все этапы коммуникации, семантическая составляющая как конечный результат.
7	Уэбстер Ф.	Информация представляет собой главный атрибут, главную характеристику социума [14].	Совокупность социальных взаимодействий	Суммарная семантическая составляющая для группы субъектов коммуникации.
8	Л. Бриллиуэн	Информация выступает как мера отношения, взаимосвязи между системами, явлениями, процессами, а не как показатель состояния систем [15].	Характеристика взаимодействия, взаимоучастия одних процессов в других	Источники, Реакция приемников

9	Эшби У.Р.	«Информация есть то, что устраняет неопределенность» и измеряется «количеством неопределенности, которую она устраняет» [16, с. 254]	Воздействие, снижающие количество вариации развития процесса и т.д.	Семантическая составляющая, реакция приемника
10	Н. Виннер	«Информация есть информация, это не материя и не энергия.» [17, с. 201] Организирующий фактор, позволяющий преобразовать динамическим путем случайны изменения в однонаправленное развитие.	Воздействие, стабилизирующее состояние системы	Процесс изменения энергетического состояния системы.
11	В.А. Гадасин	Информация есть порядок – маркированное детерминированным способом конечное множество физически измеримых параметров изделия-носителя [18].	Совокупность качественно описанных характеристик объекта	Семантическая составляющая

Анализ результатов

В результате проведенного исследования становится очевидным, что понятие «информация» применяется как заменитель самостоятельных, однозначно идентифицируемых процессов объектов и явлений или как синтез их общей или частичной взаимосвязанности в конкретно рассматриваемых случаях.

Заключение

Сделанные в ходе исследования выводы, в дальнейшем позволяют воспользоваться методом фальсификации и путем однозначного определения того, что информацией не является, осуществить ее однозначную идентификацию или доказать ее отсутствие как самостоятельной онтологической единицы.

Литература:

- Борцова Е. С. История понятия «Коммуникация» в науке, философии, методологии и социальном управлении // Вестник Московского государственного университета печати. – 2015. – №. 2. С. 447-458.
- Помазной Юрий Анатольевич О понятии информационного общества // Проблемы Науки. 2014. №2 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-informatsionnogo-obschestva> (дата обращения: 27.02.2020).
- Современный толковый словарь Изд С. Большая Советская Энциклопедия. – 1997. 6110 с.
- Еременко В. Т., Минаев В. А., Орешина М. Н. Теория информации и информационных процессов: учебник для ВУЗов // Орел: Госуниверситет–УНПК. – 2015.
- Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2004. 354с.
- Аристотель. Сочинения: В 4 т./ Аристотель. - М.: Мысль, 1978. - 687 с.
- Белонучкин В. Е. Краткий курс термодинамики // М.: МФТИ. – 2010. 164с.
- Глушков В.М. О кибернетике как науке // Кибернетика, мышление, жизнь. М.: Мысль. 1964. – С. 53–62
- Шеннон К. Е. Математическая теория связи // Работы по теории информации и кибернетике. – М.: Изд-во иностр. лит., 1963. – С. 243–332
- Сетров М. И. Информационные процессы в биологических системах. – Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1975 – С. 123.
- Юзвишин И. И. Основы информатиологии : учеб. пособие для вузов. – Москва : Высшая школа, 2001. – С. 587.
- Берг А. И., Черняк Ю. И. Информация и управление. – М.: Экономика, 1996. – С. 72.
- Урсул А.Д. Природа информации. - М.: «Мысль», 1973. – С. 228.
- Уэбстер, Т. Теории информационного общества /Т. Уэбстер. – М., 2002.
- Бриллиуэн Л. Научная неопределённость и информация. — М. М: Ком Книга, 2006.– С. 28-34.
- Эшби У.Р. Введение в кибернетику. М.: Прогресс, 1959. – С. 254.
- Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине; или Кибернетика и общество/ 2-е издание. — М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. — С. 201.
- Гадасин В.А. Концепция триад – понятие «информация» как субстанция // Ежегодник ВНИИПВТИ: Сб. научных трудов. Минск, 2007. – С. 186–190.

Эвристичность постгуманистического концепта в контексте современной философии

Неаполитанский Максим Сергеевич

Институт философии СПбГУ, студент

maxnea2001@mail.ru

Постгуманизм, сформировавшийся на основе критики антропоцентризма и осмысления новых научных открытий и технологий, представляет собой динамически развивающуюся систему, объединяющую разнородные идеи и течения. В данной статье рассмотрены ключевые различия между трансгуманизмом и постгуманизмом, описаны подходы к типологизации направлений в постгуманизме, а также выделены основные проблемы и актуальные тенденции в концептуальном поле постгуманистических исследований.

Ключевые слова: постгуманистическая философия, трансгуманизм, постчеловек, гуманизм, постантропоцентризм

Heuristic of post-humanistic concept in the context of modern philosophy. Neapolitanskiy Maxim S.

Institute of Philosophy, St. Petersburg State University

Posthumanism is a dynamically developing system that combines diverse ideas and trends formed on the basis of anthropocentrism' critique and emergence of new scientific discoveries and technologies. This article discusses the key differences between transhumanism and posthumanism, describes approaches to typologizing trends in posthumanism, and highlights the main problems and current trends in the conceptual field of posthumanistic research.

Keywords: posthumanist philosophy, transhumanism, posthuman, humanism, postanthropocentrism

В поле современной философии наблюдается появление всё большего числа работ в области постгуманизма. основополагающий вопрос, выдвинутый И. Кантом, «что такое человек?» по-прежнему остаётся без ответа, несмотря на растущее количество исследований в рамках наук, занимающихся человеком. В рамках самой философии этот вопрос имеет тесную связь с гуманизмом. Однако понимание человека за три последние десятилетия значительно изменилось. Новые технологии, развитие искусственных интеллектуальных систем и открытия в области информатики, нейронаук, генетики и т.п. стали триггером для трансформации понимания природы человека, его сущности, его месте в природе и в социуме.

Изменение технологического ландшафта привели к переосмыслению традиционных гуманистических концепций. Их вытеснение, а также развитие критики антропоцентризма [1, с. 44] свидетельствуют об определенном кризисе старых парадигм. Подобные кризисные процессы имели место с самого начала теоретического обоснования гуманизма, который поставил человека в центр новоевропейской картины мира. Хайдеггер писал «Вы спрашиваете: Comment redonner un sens au mot «Humanisme»? Вопрос идет от намерения сохранить слово «гуманизм». Я спрашиваю себя, есть ли в том необходимость. Или недостаточно еще очевидна беда, творимая всеми обозначениями такого рода? Люди, конечно, давно уже не доверяют «измам». Но рынок общественного мнения требует всё новых» [2, с. 195]. В настоящее время постгуманизм представляется уже не просто критикой гуманизма или реакцией на изменение среды обитания человека, а «совершенно самостоятельной областью философских исследований» [3, с. 23].

На первый взгляд, постгуманизм, а также связанная с ним идея постчеловека как теоретически обоснованные концепты возникли в конце 1990-х гг. Первые научные публикации по ним появились в это же время: работы Ихаб Хасана [4], Н. Кэтрин Хейлз [5], Кэрри Вулфа [6], Нила Бадмингтона [7] и Элейн Л. Грэм. В 2002 г. вышла книга Ф. Фукуямы «Наше постчеловеческое будущее» [8], которая стала причиной многих дискуссий.

С другой стороны, как замечает Франческа Феррандо, проблемы, которые затрагивает

постгуманизм, «существовали и до теоретических обоснований этого термина» [9, с. 35]. К примеру, критика концептуализаций человека в гуманизме, а также самого антропоцентризма получила достаточное основание в теории деконструкции. Так, Ж. Деррида в своих работах нередко говорит о новых взглядах на сущность человека, доходя до идей о его конце: «...конец человека – это мысль бытия, человек – это конец мысли бытия, конец человека – это конец мысли бытия. Человек – это всегда свой собственный конец, т. е. конец своего собственного. Бытие – это всегда свой собственный конец, т. е. конец своего собственного» [10, с. 165]. Ж. Деррида, не используя термин «постгуманизм», развивает мысль, которая является важной для данного философского направления: пора снять с повестки дня вопрос о сущности человека, пора перестать спрашивать «что такое человек?». Можно сказать, преобразовав фразу Жан-Люка Нанси о христианстве, «человек само по себе и в самом себе является деконструкцией и самодеконструкцией».

Для Фуко прообразом нового неантропологического подхода в гуманитаристике выступают психоанализ, структурная лингвистика и структурная этнология К. Леви-Стросса. Фуко писал: «Человек, как без труда показывает археология нашей мысли, — это изобретение недавнее. И конец его, быть может, недалек... можно поручиться — человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке» [11, с. 18]. Помимо этого, идеи, которые могли бы быть использованы в рамках постгуманизма, встречаются ранее, например, у Ф. Ницше [12]. Ницше писал: «Человек есть канат, натянутый между зверем и сверхчеловеком, — канат над пропастью. [...] Величие человека состоит в том, что он есть мост, а не цель. Что можно любить в человеке, так это то, что он есть увертюра, которую должно преодолеть» [12, с. 135]. Образ сверхчеловека, а также взгляд на человека как на то, «что нужно преодолеть» вполне могут войти в контекст постгуманизма. Это говорит о том, что многие проблемы, затрагиваемые постгуманизмом, существовали до их обозначения данным термином. Подход, рассматривающий внеисторичность постгуманистических паттернов в коллективной интенциональности, все чаще озвучивается в работах по философскому постгуманизму [13]. Нельзя с уверенностью говорить, что приставив «пост» к известному термину, мы получили исключительно новый философский концепт. Но в то же время рефлексии, связанные с различными «пост-», можно рассматривать как попытку заглянуть в будущее и вопрошание о тайне, находящейся за границами «пост-».

Появление постгуманизма как самостоятельной области исследований позволило говорить о конкретных идеях не в рамках исследований одного или нескольких мыслителей, а в рамках определённой философской системы. В то же время единого определения для термина «постгуманизм» не существует. Его связывают с понятиями «постчеловека» и «постчеловечества», однако с этими же смысловым полем тесно связаны термины трансгуманизм, метагуманизм, новый материализм и т.п. [14, с. 27]

Важно отметить, что в работах, посвящённых постгуманизму, нередко проводится компаративистский анализ самого постгуманизма и трансгуманизма, предлагаются различные типологизации: аналитический, синтетический, теоретический, критический, технологический, практический постгуманизмы [15, с. 251]. На ранних этапах концептуализирования исследователи не дифференцировали постгуманизм и трансгуманизм. В поздних работах все чаще трансгуманизм позиционировался как часть постгуманизма, так как трансгуманизм своей главной целью ставит «безграничное совершенствование личности» [16]. То есть даже при различных рассмотрениях роль человека остаётся первостепенной, личность по-прежнему является неким центром. Постгуманизм в свою очередь говорит не о расширении возможностей человека и его улучшении, а о новом понимании субъектности. Если говорить о «предтечах» постгуманизма (Ж. Деррида, Ф. Ницше и др.), то можно увидеть тенденцию более частого упоминания их в дискурсе трансгуманизма. Однако в их философии есть идеи, которые можно интерпретировать как исключительно постгуманистические. Это приводит к выводу о том, что несмотря на наличие проблем и идей постгуманизма до появления самого постгуманизма, обозначение этого термина даёт их новую интерпретацию и говорит о них с учётом современных реалий.

Для понимания постгуманистического концепта также важно сказать о том, какие термины входят в него помимо самого постгуманизма. Немало работ также затрагивают тему постчеловека. Тут опять-таки происходит некоторое смешение терминов, потому что постчеловек выступает как «киборг, мутант или клон» [17, с. 12], то есть именно как изменённый человек. Таков дискурс трансгуманизма. Трансгуманизм — это скорее технометаморфоза гуманизма, не удовлетворенного ограничениями тела.

Постгуманизм же, стремясь осмыслить бытийствование человека, ориентируется на «нелокальные модели сознания» [18] и распределенные когнитивные процессы (distributed cognition) [19], что коррелируется с идеями неопанпсихизма Дэвида Чалмерса, Джулио Тонони, Галена Стросона [20] и открытого индивидуализма Даниеля Колака [21]. Постгуманизм в большей степени философский, чем технологический концепт, хотя технологические достижения позволяют моделировать самые смелые описания мира и будущее человека. Управление эволюцией, цифровое бессмертие, генетический дизайн и т.п. становятся сферой романтического трансгуманизма. Это свидетельствует о преобладании большего интереса к технологической трансформации человека, чем к экзистенциальному преобразованию. Однако улучшение психосоматики человека с помощью технологических возможностей не отменит вопроса «что такое человек?». Возвращаясь к идее Ж. Деррида, можно сказать, что постгуманизм развивается не в направлении поиска ответа на этот вопрос, а в направлении полного отказа от него. Что, таким образом, выводит постгуманистический концепт на новый, не антропоцентрический уровень философствования.

Литература

1. Braidotti R. The Posthuman. Cambridge: Polity Press, 2013.
2. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие / Пер. с нем. В.В. Библихина. М.: Республика, 1993 // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 192-220.
3. Herbrechter St. Posthumanism: A Critical Analysis. London: Bloomsbury, 2013.
4. Hassan I. Prometheus as Performer: Toward a Postmodern Culture? In Michel Benamou, Charles Caramello. Performance in Postmodern Culture. Performance in Postmodern Culture. Madison, Wisconsin: Coda Press, 1977.
5. Hayles N.K. How We Became Posthuman: Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics. University Of Chicago Press, 1999.
6. Wolfe C. What Is Posthumanism? Univ Of Minnesota Press, 2009.
7. Badmington N. Posthumanism (Readers in Cultural Criticism). Palgrave Macmillan, 2000.
8. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М.: АСТ, 2004.
9. Ferrando F. The Posthuman: Philosophical Posthumanism and Its Others. Ph.D. Dissertation Università di Roma Tre. Roma, 2003.
10. Деррида Ж. Поля философии / Пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина. — М.: Академический Проект, 2012. С. 165.
11. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Перевод на русский язык: В. П. Визгин, Н. С. Автономова. — М., «Прогресс», 1977. С. 18.
12. Ницше Ф. Так говорил Заратустра: Азбука-классика; СПб, 2012.
13. Ferrando F. Humans Have Always Been Posthuman: A Spiritual Genealogy of Posthumanism. In: Banerji D., Paranjape M. (eds) Critical Posthumanism and Planetary Futures. Springer, New Delhi, 2016. URL: https://www.academia.edu/31138169/HUMANS_HAVE_ALWAYS_BEEN. (Дата обращения: 17.12.2019).
14. Ferrando F. Posthumanism, Transhumanism, Antihumanism, Metahumanism, and New Materialisms: Differences and Relations, *Existenz* 8/2 (2013), 26-32. 2014. Volume 8. No 2. https://www.researchgate.net/publication/304333989_Posthumanism_Transhumanism_Antihuma. (Дата обращения: 17.12.2019).
15. Gladden M. E. A Typology of Posthumanism: A Framework for Differentiating Analytic, Synthetic, Theoretical, and Practical Posthumanisms, excerpted from Gladden M. E. *Sapient Circuits and Digitalized Flesh: The Organization as Locus of Technological*. Defragmenter Media, 2016.
16. Устав Российского трансгуманистического общества. URL: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/532/121/2>. (Дата обращения: 17.12.2019).
17. Peters T. The soul of trans-humanism // *Dialog. A Journal of Theology*, 2005, vol. 4 (4), p. 384. Цит. по: Хоружий С.С. Проблема постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергичной антропологии // *Философские науки*. 2008. № 2. С. 10-31.
18. Schwartz S.A. Crossing the threshold: nonlocal consciousness and the burden of proof. *Explore (NY)*. 2013 Mar-Apr; 9(2):77-81. doi: 10.1016/j.explore.2012.12.009.
19. Ross D., et al. (Eds.) *Distributed Cognition and the Will: Individual volition in social context*. Cambridge, Mass: MIT Press, 2007.
20. См.: Panpsychism: Contemporary Perspectives / Edited by Godehard Brüntrup and Ludwig Jaskolla. — Oxford University Press, 2017; *Mind that Abides: Panpsychism in the New Millennium* / David Skrbina (Editor). — Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishi, 2009.
21. Kolak D. *I Am You: The Metaphysical Foundations for Global Ethics*. — Springer, 2005.

Закон сердца в «Феноменологии» Г.В.Ф. Гегеля

Кукушкин Иван Константинович

Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Россия). Студент (бакалавр)

Gottfried97@mail.ru

В творчестве Г.В.Ф. Гегеля большое значение имеет вопрос нравственности и морали. В статье рассматривается отдел её становления, который обозначен в «Феноменологии духа» как «закон сердца и безумство самолюбия». Гегель убежден в том, что строение его нравственной философии будет отличаться от предыдущих систем, поэтому в работе проводится различие между конструированием морали Канта и Гегеля. Вскрывается роль понятия «закон» в системе раннего Гегеля, его дальнейшая смысловая связь с идеей добродетели философа. Эксплицируется положение нравственности, исходя из содержания гегелевской диалектики, рассматривается её роль в системе построения философии духа. Итогом исследования становится целостное понимание развития «закона сердца» как идеи претворения сознания в действительность, преобразования индивидуального во всеобщее, формирование добродетели, как ступени образования духа.

Ключевые слова: Гегель, закон сердца, нравственность, Феноменология духа, диалектика самосознания, идеализм, дух

The Law of the Heart in G.W.F. Hegel's phenomenology. Kukushkin Ivan K.

Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia

The issue of morality has an essential role in Georg Wilhelm Friedrich Hegel's works. The article considers exact part of its formation which is called "The Law of the Heart, and the Insanity of Self-Conceit" in "The Phenomenology of the Spirit". Hegel is convinced that the structure of his moral philosophy will differ from the previous systems, therefore the dissimilarity of the morality construction in Hegel's and Kant's philosophy is provided in this work. The role of notion "Law" and its semantic connection with the idea of philosopher's virtue is revealed in the early Hegelian system. The position of morality is explicated based on the content of Hegelian dialectics, its role in the system of constructing the philosophy of spirit is considered. The result of the study is a holistic understanding of the development of the «law of the heart» as the idea of translating consciousness into reality, transforming personal into universal, the formation of virtue, as a stage in the formation of the spirit.

Keywords: Hegel, The Law of the Heart, moral, The Phenomenology of Spirit, dialectic of self-consciousness, idealism, spirit.

«Нравственность, уверенный в себе дух, самодостоверность, [дух], сделавший сердце могилкой своего сердца, все радости и страдания своего сердца, все грехи и преступления простил себе, как будто их не было» [1, с. 375].

Философия Г.В.Ф. Гегеля – это идеалистическая философия, а вершиной Гегелевской концепции абсолютного идеализма является философия духа. Следует согласиться, что особой областью размышлений Гегеля выступает проблема нравственности, которую он, вслед за Кантом, связывает с законом (правом).

Причинами поиска ответов на этические вопросы были события Великой Французской революции, отразившиеся в решении религиозного вопроса, вопросах морали и этики. «Гегелевская диалектика зарождается, как средство решить этические проблемы» [2, с. 215], - отмечал известный отечественный исследователь немецкой философии А.В. Гулыга.

В ходе исследования ранней философии Гегеля решено было определить его понимание «закона сердца», о котором наиболее полно сообщается в пятой главе *Феноменологии духа*. Этот закон является ключом к пониманию гегелевской идеи добродетели, а также степенью становления духа, как

воплощения в себе единства законов.

Так как вопросы нравственности и морали в XIX веке, так или иначе, были тесно связаны с религией, то, прежде всего, нужно разобраться в отношениях Гегеля с вероучением. В своих ранних работах Гегель много размышлял о религии. Некоторые исследователи считают, что его религиозность является ключом понимания ко всем трудам философа. Так, Ж. Валь отождествляет абсолютную религию Гегеля с религией откровения, где Бог является нам в том, что есть иное, чем Он. По мнению французского философа, Иисус представляет собой идеал, до которого нам нужно возвысить свою жизнь. [3, с. 148] Однако уже в своем труде «Народная религия и христианство» (1795) Гегель отмечает, что всякая религиозность имеет субъективную основу. Несомненно, что как ученик богословской семинарии Гегель был знаком с концептами христианских философов, но целью всякой религии для Гегеля был Дух, «без которого не возможна добродетель» [1, с. 68]. Из вышесказанного мы можем сделать вывод, что большее влияние на разработку его нравственной философии оказала неоплатоническая школа. Гегелевский дух находится выше сущего бытия, являясь не причиной, но целью.

В конце января 1795 года в письме к Шеллингу Гегель говорит, что вновь приступает к более тщательному изучению И. Канта для того, «чтобы применить его выводы к разным привычным идеям» [4, с. 217]. Более тщательному анализу подверглась и нравственная составляющая философии. Гегель понимал, что после «Критики практического разума» всякая метафизика отныне будет очень плотно привязана к вопросам морали и добродетели. Но если Кант, прежде всего, связывал нравственную философию с личностью, она являлась для него субъектом морального права и только «человек есть цель сама по себе» [5, с. 136], то для Гегеля – более остро стоял вопрос отношения сознающего себя существа и мира вокруг него. Индивидуальность есть лишь ступень, лишь начало восхождения к Духу. В трудах философа «личность...низвергается с трона, уготованного Кантом» [6, с. 180].

Гегель определяет Закон, исходя из общего его разделения на две составляющие: чистое понятие закона (*das Gesetz*) и конкретный закон (*ein Gesetz*), т.е. осуществленный в действительности. Чистый закон чаще всего определяется как сущность, которая содержит истинное внутреннее. Он выходит за границы конкретного закона, отбрасывает всякую определенность, представляет собой понятие (содержит внутри себя множество). В данном исследовании закон будет рассмотрен, как всеобщее.

Итак, Гегель формирует «закон сердца», исходя из идеи претворения сознания в действительность. Действительность для Гегеля – это Данность, «порядок, в который вдохнули жизнь» [7, с. 191] (она есть круг своего действования, единство имеющегося на лицо и бытия). Индивидуальность, «волящая воля» осуществляет себя в ней, она есть «её мир, как мир ей принадлежащий» [7, с. 158]. Однако не стоит забывать о том, что истинно проявившее себя внутреннее непременно должно стать внешним, по точному выражению Гегеля, «сделать себя предметом» [1, с. 302]. Таким образом, индивидуальное сознание должно, в конце концов, «распрощаться» со своим внутренним содержанием. Внутреннее должно стать внешним, а сознание непременно стать предметом самого себя. Гегель выбирает фундаментом построения здания нравственности диалектическое преобразование в-себе-бытия, которое содержит в себе добро и истину, в для-себя-бытие – познание истины.

Особенно важно для Гегеля от принципов рассудка возвыситься до чего-то большего. Независимо от уровня просвещенности рассудок будет угождать желаниям своего господина, искать оправдание для его страстей, так как образование не делает человека лучше – «не претворяет принципы в принципы практические». Гегелю было важно отказаться от таких принципов, так как, они ведут к себялюбию и замыканию. Следовательно, отдельное сознание через чистую категорию должно взойти к понятию разума, но разума, наделенного сердцем или некой нравственной ответственностью. «Взять не абстрактного человека, но человека, определенного своей средой, своими обстоятельствами, человека не только разумного, но наделенного сердцем, и, отталкиваясь от него, подняться до разума, более близкого сердцу, чем холодный рассудок» [3, с. 22], – так характеризует разум человека в гегелевской философии, упомянутый выше Ж. Валь.

Впрочем, самосознание неотвратимо будет взаимодействовать с другими самосознаниями, потому как исходным принципом трансцендентального идеализма является признание существования других Я. Целью каждого отдельного самосознания для Гегеля является желание удовлетворения собственной потребности: подчинить волю другого. При построении такой конструкции множественность частных «законов» непременно, по выражению Гегеля, вступят во «всеобщее сопротивление» [7, с. 193]. Действительность оказывается полем непрекращающейся войны индивидуальных сердец.

Здесь мы видим отражение идей английского эмпиризма, которое Гегель перенес на природу Разумного. Чтобы разрешить проблему борьбы сознаний, философ обращается к идее возвращения к Непосредственному, которую можно выразить через категории практической жизни: благо, признание блага, жертвоприношение. Хорошо иллюстрирует данную идею шестая ступень поступательного движения к мудрости (Богу), отраженная в седьмой главе «О христианском учении» Блаженного Августина: «...он так очищает око сердца, что не предпочитает истине самого себя, и не равняет [с нею] ближнего, следовательно, и себя самого, так как [не равняет с нею] того, кого любит как самого себя» [8, с. 71]. Нужно помнить, что Августин не читал Гегеля, и оттого пример нуждается в неоплатоническом контексте. Ради сцепления истинной добродетели происходит прекращение борьбы, индивидуальность отказывается от «Я», субъект превращается в объект, который уже можно познать.

Таким образом, в гегелевской феноменологии в полной мере раскрывается процесс исследования индивидуального и необратимое его превращение во всеобщее. Закон определенного самосознания, претворяясь, перестает быть законом конкретного сердца, становится всеобщим, сопротивление отдельных самосознаний ведет к победе всеобщего самосознания. В этом всеобщем духе участвует индивидуум. «Закон сердца» – есть претворение индивидуального сознания во «всеобщее произведение», нравственной субстанции в нравственную действительность. Так, всеобщее сознание у Гегеля совершенно точно ассоциируется с добродетелью: «Формообразование сознания, которое открывается себе в законе, в истинном и добром в себе, не как единичность, а только как сущность, но в то же время знает индивидуальность как то, что извращено и извращает, и потому оно должно пожертвовать единичностью сознания, – это формирование [сознания] есть добродетель» [7, с. 193-194].

Литература:

1. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. Т. 1. / Сост., общ. ред. и вступит. статья А. В. Гулыга. М.: Мысль, 1970. – 668 с.
2. Гулыга А.В. Немецкая классическая философия. - М.: Мысль, 1986. – 334 с.
3. Валь Ж. Несчастное сознание в философии Гегеля / Пер. с фр. В.Ю. Быстрова. СПб.: Владимир Даль, 2006. – 334 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. в 2 т. Т. 2. / Сост., общ. ред. А. В. Гулыга. М.: Мысль, 1971. – 630 с.
5. Кант И. Критика практического разума / пер. с нем. Н. Соколова. – М.: АСТ, 2019. – 256 с.
6. Бофре Ж. Диалог с Хайдеггером. Новоевропейская философия / Пер. с фр. В.Ю. Быстрова. СПб.: Владимир Даль, 2007. – 400 с.
7. Гегель Г.В.Ф. Феноменология Духа: Памятники философской мысли, М., 2016. – 493 с.
8. Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья): в 2 т. Т.1 / Под ред. С. С. Неретиной; сост. С. С. Неретиной, Л.В. Бурлака. – СПб.: РХГИ, 2001. – 539 с.

2020-RFK_201_	
СИМПОЗИУМ «НАУКА: МЕТОД И ИНСТИТУТ. К 400-ЛЕТИЮ «НОВОГО ОРГАНОНА» Ф. БЭКОНА»	7
Насколько значимы исследования в культурной нейронауке в практическом плане?	9
Бажанов В.А. 9	
<i>How significant is research in cultural neuroscience in practical terms?</i>	
Bazhanov V.A. 9	
Методология «Нового Органона» и логика двойного отрицания	11
Волков Ю. К. 11	
<i>Methodology of «New Organon» and logic of double negation.</i>	
Volkov Yu.K. 11	
«...Этот честный метод» (Размышления о «Новом Органоне» Ф. Бэкона)	14
Дмитриев И. С. 14	
<i>«... An honest method» (Reflections on the «Novum Organum»).</i>	
Dmitriev I. S. 14	
«Идолы площади» Ф. Бэкона в современных научных практиках	18
Дорожкин А.М. 18	
<i>“Idols of the Marketplace” by F. Bacon in modern scientific practices.</i>	
Dorozhkin A.M. 18	
Модель «Литературной Республики» Людовико Муратори: культурные и политические устремления итальянских Академий	21
Дроздова Д.Н. 21	
<i>Ludovico Antonio Muratori’s model of the Republic of Letters: cultural and political aspirations of Italian Academies.</i>	
Drozdova D.N. 21	
Власть знания. Современность Фрэнсиса Бэкона	25
Касавин И. Т. 25	
Метод индукции Бэкона как основа политической практики	28
Масланов Е. В. 28	
<i>Bacon’s induction method as the basis of political practice.</i>	
Maslanov E.V. 28	
Коммуникативная актуальность «Нового Органона» Фрэнсиса Бэкона	31
Маслов В.М. 31	
<i>Communicative relevance of the «New Organon» by Francis Bacon.</i>	
Maslov V.M. 31	
«Идолы» разума Ф. Бэкона с современной точки зрения	34
Никифоров А. Л. 34	
<i>F. Bacon’s idols from today’s perspective.</i>	
Nikiforov A.L. 34	
От гражданства «Республики ученых» к членству в «Академии наук»: Фрэнсис Бэкон как агент коммуникации	37
Терентьева И. Н. 37	
<i>From citizenship of the «Republic of scientists» to membership in the «Academy of Sciences»: Francis Bacon as the subject of communication.</i>	
Terentyeva I. N. 37	
Некоторые философские следствия из индуктивного метода Бэкона.	40
Ткачев А. Н. 40	
<i>Some philosophical implications of Bacon’s inductive method.</i>	
Tkachev A.N. 40	
«Новая Атлантида» и «Пари трансгуманистов»: связь времен	43
Шибаршина С.В. 43	
<i>The ‘New Atlantis’ and ‘The Transhumanist Wager’: A link of times.</i> Shibarshina S.V. 43	
Был ли Фр. Бэкон индуктивистом?	46
Шишков Иван Захарович 46	
<i>Was Fr. Bacon an inductivist?</i> Shishkov I.Z. 46	
Ф. Бэкон и современные представления о поиске знания: «новый органон» в оковах или объятиях социальной нормативности	49
Костина А.О. 49	
<i>F. Bacon and modern science: “the new organon” embraced or fettered by social normativity*.</i>	
Kostina A.O. 49	

2020_RFK_202_	
СИМПОЗИУМ «ПИТИРИМ СОРОКИН. К 100-ЛЕТИЮ ТРУДА «СИСТЕМЫ СОЦИОЛОГИИ»»	53
Питирим Сорокин и проблема культурной динамики	55
Зюзов Н. Ф. 55	
<i>Pitirim Sorokin and the Problem of Cultural Dynamics.</i>	
Zyuzev N. F. 55	
Феномен П.А. Сорокина в культурной политике и общественной жизни Республики Коми	58
Кузванова О.Ю. 58	
<i>The phenomenon of Pitirim Sorokin in the cultural policy and public life of the Komi Republic.</i>	
Kuzivanova O.Yu. 58	

2020_RFK_203_	
СИМПОЗИУМ «ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ»	61
Концепция «общественного, коллективного разума» у Э.В. Ильенкова в контексте классической философии	63
<i>Вахитов Рустем Ринатович</i> 63	
<i>The concept of "public, collective mind" by EV Ilyenkov in the context of classical philosophy.</i>	
Rustem Rinatovich VAKHITOV 63	
Скрытый идеализм в философских взглядах А.Ф. Лосева	66
<i>Ивашина Роман Анатольевич</i> 66	
<i>Hidden idealism in the philosophical views of A. F. Losev.</i>	
Ivashina Roman A. 66	
Оптимистическая трагедия «Космологии духа»	70
<i>Майданский А.Д.</i> 70	
<i>Optimistic tragedy of "Cosmology of the Mind".</i>	
Maidansky A.D. 70	
О методологических противоречиях «ленинской теории отражения»	73
<i>Мареева Е.В.</i> 73	
<i>On the methodological contradictions of the "Lenin's theory of reflection".</i>	
<i>Mareeva Elena 73</i>	
О произведениях советской философии в КНР	76
<i>Чэнь Хао</i> 76	
<i>On the works of Soviet philosophy in China.</i>	
Chen Hao 76	

2020_RFK_204_	
СИМПОЗИУМ «ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ АЛЕКСАНДРА ЗИНОВЬЕВА»	79
ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И КОНСТРУКТИВНАЯ ФУТУРОЛОГИЯ	81
<i>Когай Евгения Анатольевна</i> 81	
<i>Theoretical forecasting and constructive futurology.</i>	
Kogay Evgeniya A. 81	
МЕТОД АЛЕКСАНДРА ЗИНОВЬЕВА	84
<i>Владимир Анатольевич Лепехин</i> 84	
<i>Alexander Zinoviev's Method.</i>	
Lepekhin Vladimir A. 84	
СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ и диалектического метода Александра Зиновьева	86
<i>Столяров Владислав Иванович</i> 86	
<i>Contemporary meaning of the concept of dialectical thinking and the dialectical method of Alexander Zinoviev.</i>	
Stolyarov Vladislav I. 86	

2020_RFK_205_ СИМПОЗИУМ «ФИЛОСОФИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ»	89	<i>Social-humanitarian technologies of modern information war as a threat to the national security of Russia.</i> Kaftan V.V. 133	
«ЗАКОН НАИМЕНЬШИХ» И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ <i>Алексеева И. Ю. 91</i> <i>“Law of the least” and national security.</i> Alekseeva I. Yu. 91	91	УСТОЙЧИВОСТЬ ГОСУДАРСТВА КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ <i>The stability of the state as a socio-political phenomenon.</i> Kaftan Vitaliy 137	137
ПРОБЛЕМЫ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЭПОХУ ПОЛИЦЕНТРИЧНОСТИ <i>Анисин А.Л. 94</i> <i>The problems of spiritual security in the polycentric world.</i> Anisin A.L. 94	94	ФИЛОСОФИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В СТРУКТУРЕ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ <i>Квашенко В.В. 140</i> <i>Security philosophy in the structure of philosophical knowledge.</i> Kvashenko V. V. 140	140
ВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ПРИЧИНА И РЕЗУЛЬТАТ СОЦИАЛЬНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ <i>Антюшин С.С. 98</i> <i>The military security as a cause and the result of social rationality.</i> Antyushin S.S. 98	98	БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ПОЛИЦЕНТРИЧНОМ МИРЕ <i>Колотуша В.В. 144</i> <i>Security of Russian civilization in a polycentric world.</i> Kolotusha V. V. 144	144
«ПОТЕРЯ ИСТИНЫ» КАК УГРОЗА БЕЗОПАСНОСТИ 21 ВЕКА <i>Беркут В.П. 101</i> <i>“Truth Decay” as a threat to the security of the 21st century.</i> Berkut V.P. 101	101	АНАЛИТИКА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРОРЫВА <i>Курносов Ю.В. 147</i> <i>Intelligent Breakthrough Analytics.</i> <i>Kurnosov Yu. V. 147</i>	147
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК РЕСУРС СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ <i>Воденко К.В. 105</i> <i>Historical memory as a resource for social development and cultural security.</i> Vodenko K. V. 105	105	МЕТОДОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ <i>Лаза В.Д. 150</i> <i>Security of Russian civilization in a polycentric world.</i> Laza V. D. 150	150
ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ЭКСКУРС К ПОНЯТИЮ «НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» <i>Волкова Н.П. 108</i> <i>Historical and philosophical comprehension to the concept of «national security».</i> Volkova N.P. 108	108	ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА <i>Майкова В.П. 154</i> <i>Молчан Э.М. 154</i>	154
ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ <i>Гурьянов Александр Александрович 112</i> <i>Technological nature and national security of the state in the context of regional integration: philosophical and methodological dimension.</i> Guryanov Alexander A. 112	112	ПОКАЗАТЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА, ВОЗДЕЙСТВИЕ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ <i>Нефедов К.Г. 158</i> <i>Indicators of social stability of Russian society, the impact on national security.</i> Nefedov K.G. 158	158
МИФ О ПЕЩЕРЕ И «БУНКЕР ВЕРЫ» КАК ЭТАПЫ ПРОЦЕССА ПОЗНАНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ ОБЩЕСТВА <i>Дмитриева Т.В. 116</i> <i>The myth of the cave and the “bunker of faith” as stages of the process of knowledge and evolution of society.</i> Dmitrieva T.V. 116	116	ЦЕННОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ <i>Петрий П.В. 161</i> <i>The value dimension of Russian education in the context of national security.</i> Petriy P.V. 161	161
ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ ГРАЖДАН РОССИИ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ <i>Добровольская О. А. 119</i> <i>Reformatting the public consciousness of Russian citizens as a national security factor.</i> Dobrovolskaya O.A. 119	119	СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАЗЛИЧНЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ В ТЕОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ <i>Поздняков А.И. 165</i> <i>Comparative analysis of various methodological approaches in the theory of national security.</i> Pozdnyakov A.I. 165	165
АКСЕЛЕРАЦИЯ ПРОЦЕССОВ ТРАНСГРАНИЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ <i>Емельянов А.С. 122</i> <i>Acceleration of the processes of cross-border communication in the post-Soviet space and its influence on the national security of Russia.</i> Emelyanov A.S. 122	122	ФИЛОСОФИЯ БЕЗОПАСНОСТИ: СТАНОВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО УЧЕНИЯ <i>Родачин В. М. 169</i> <i>Security as an object of social philosophy: the formation of modern teaching.</i> Rodachin V. M. 169	169
ЯЗЫКОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КАК ОСНОВА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ <i>Звездин Л.А. 125</i> <i>The language dimension as the basis of the sociocultural component civilizational security of modern Russia.</i> Zvezdin L.A. 125	125	ТЕОЛОГИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ <i>Рыжов Л.Г. 173</i> <i>Liberation theology in the mirror of Russia’s social policy.</i> Ryzhov L.G. 173	173
ПУТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПОЛИЭТНИЧНОМ ОБЩЕСТВЕ <i>Иванова С.Ю. 130</i> <i>Ways to ensure humanitarian security in a multi-ethnic society.</i> Ivanova S. Yu. 130	130	АНАЛИЗ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ <i>Швец Д.В. 176</i> <i>Analysis of threats to Russia national security in the sociocultural sphere.</i> Shvets D.V. 176	176
СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА. <i>Кафтан В. В. 133</i>	133	ОБ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЯХ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАНИЦ <i>Щербак С.И. 179</i> <i>On the basic concepts of the theory of state bordersю</i> Shcherbak S. I. 179	179

2020-RFK_206_СИМПОЗИУМ «ФИЛОСОФИЯ В ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ»	183
Музейное дело и философия: проблема репрезентации (на примере создания экспозиции Музея русского зарубежья)	185
<i>Николай Игоревич Герасимов 185</i> <i>'Museums and philosophy: the problem of representation</i> <i>(on the example of the exposition of the Museum of Russian Abroad).</i> Nikolay Gerasimov 185	
Идея «третьего возрождения» и ее интерпретация в русской философии начала XX века.	187
<i>Гришатова Ю.Л. 187</i> <i>The concept of «third renaissance» and its interpretation in Russian philosophy in the beginning of XX century.</i> Grishatova J.L. 187	
Компенсаторная функция философии в секулярной культуре	192
<i>Даренский В.Ю. 192</i> <i>The compensatory function of philosophy in a secular culture.</i> Darenskiy V.J. 192	
Проблема дисциплинарного самопозиционирования философии в современной культурно-образовательной среде (является ли философия «гуманитарной наукой»?)	195
<i>Демин Илья Вячеславович 195</i> <i>The problem of disciplinary self-positioning of philosophy in the contemporary cultural and educational environment (Is philosophy a "humanities"?)</i> Demin Ilya V. 195	
Об общественной миссии философии	199
<i>Козырев А.П. 199</i> <i>On the social mission of philosophy.</i> Kozyrev A.P. 199	
Идея соборности в русской философской мысли (сотериологический аспект)	203
<i>Лебедев А.Б. 203</i> <i>Токранов А.В., 203</i> <i>The Idea of Sobornost in the Russian philosophical thought (soteriological aspect).</i> Lebedev A.B.; Tokranov A. V. 203	
Возможность будущего: российский проект глобального развития в поисках собственной идентичности.	205
<i>Левыцкий В.С. 205</i> <i>Opportunity of the Future: the Russian Project of Global Development in Search of Its Own Identity.</i> Levytskyy Viktor 205	
Восприятие философии в публичном пространстве	208
<i>Лишаев Сергей Александрович 208</i> <i>The perception of philosophy in public space.</i> Lishaev S. A. 208	
Общественная деятельность Н.А. Бердяева в послереволюционные годы	211
<i>Макарова Анна Фёдоровна 211</i> <i>Public activity of Nikolai Berdyaev in the post-revolutionary period.</i> Anna Makarova 211	
Научная коммуникация в проблемном поле эпистемологии: внутри и/или снаружи	214
<i>Махова М.А.; Аринушкина А.А. 214</i>	
Философские аспекты развития толерантного отношения в семье	217
<i>Саифназаров Исмаил Саифназарович; Саифназарова Фарида Саипназаровна;</i> <i>Эрназаров Дилмурод Зухриддинович 217</i> <i>Philosophical Aspects of the Development of Tolerant Relationship In the Family.</i> Saifnazarov Ismail S.; Saifnazarova Farida S.; Ernazarov Dilmurod Z. 217	
Дихотомия публичного и частного в контексте социальной феноменологии	220
<i>Сомова О.А. 220</i> <i>The dichotomy of public and private in the context of social phenomenology.</i> Somova O.A. 220	
О специфике философствования в российской публичной сфере в 1830-1860-х гг.: за границами университетов и академий	223
<i>Тесля А.А. 223</i> <i>On the Specifics of Philosophizing in the Russian Public Sphere in the 1830-1860s: Beyond the Borders of Universities and Academies.</i> Andrey Teslya 223	

Этика дискурса как основание практической философии: философские аргументы К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса	226
<i>Тетюев Л.И. 226</i> <i>Ethics of discourse as the basis of practical philosophy: philosophical arguments K.-O. Apel and Ju. Habermas.</i> Tetyuev Leonid I. 226	

2020-RFK_207_СИМПОЗИУМ «СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ И ПРОЕКТЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»	229	РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В XXI ВЕКЕ: БОРЬБА ЗА КЛАССИКУ	279
Российская идентичность крымчан в общественном мнении молодежи (итоги социологических исследований)	231	<i>Казин А. Л.</i> 279 <i>Russian civilization: the struggle for the classics.</i> Kazin A.L. 279	
<i>Баранов А.В.</i> 231 <i>Russian Identity of Crimeans In the Public Opinion of Youth (Results of Sociological Researches).</i> Baranov A.V. 231		ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО, АНТИГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЙ	282
Цивилизационная миссия России в 21 веке: диалог цивилизаций versus конфликт цивилизаций	234	<i>Кошелев Михаил Иванович</i> 282	
<i>Беспалова Т.В.</i> 234 <i>Russia 's Civilization Mission in the 21 Century: The Dialogue of Civilizations versus a Conflict of Civilizations.</i> Bespalova T.V. 234		ФИЛОСОФСКО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ДВИЖЕНИЯ «РУССКАЯ ВЕСНА»	285
ПРОБЛЕМАТИКА «МАССОВОГО ОБЩЕСТВА» СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РУССКОЙ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ СИСТЕМ	238	<i>Крысенко Д.С.</i> 285 <i>Philosophical and ideological foundations of the movement «Russian Spring».</i> Krysenko D.S. 285	
<i>Васильев Глеб Евгеньевич</i> 238		ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНОЙ И НАУЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ	288
ФЕНОМЕН «МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ» В СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ «ЦИВИЛИЗАЦИИ» О. ШПЕНГЛЕРА	241	<i>Курумчина А.Э.</i> 288 <i>Development Prospects of Cultural and Science Diplomacy: socio-philosophical analysis.</i> Kurumchina A.E. 288	
<i>Васильева Светлана Евгеньевна</i> 241		ВОЗМОЖНОСТЬ БУДУЩЕГО: РОССИЙСКИЙ ПРОЕКТ ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В ПОИСКАХ СОБСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	292
ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ	244	<i>Левицкий В.С.</i> 292 <i>Opportunity of the Future: the Russian Project of Global Development in Search of Its Own Identity.</i> Levytskyy Viktor 292	
<i>Гаврилова Н.Г.</i> 244 <i>Possible prospects of social development in Russia.</i> Gavrilova N.G. 244		АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА: ФИЛОСОФСКАЯ ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ	295
ПРОЛЕГОМЕНЫ РОССИЙСКОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПРОЕКТА	247	<i>Мамычев А.Ю.</i> 295 <i>Archetypal foundations of social and political organization of society: philosophical tradition and modern interpretation.</i> Mamychev A. Yu. 295	
ОТНОШЕНИЕ К ВОЙНАМ КАК ИНДИКАТОР ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	250	ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ САМОСТОЯНИЕ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ АКТУАЛЬНОЙ МИРОПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ	298
<i>Гронский А.Д.</i> 250 <i>Attitude to wars as an indicator of civilizational identity.</i> Gronsky A.D. 250		<i>Муза Дмитрий Евгеньевич</i> 298 <i>Civilizational Self-Standing of Russia In the Context of Current World Political Dynamics.</i> Muza D. E. 298	
ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ РУССКОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО КОДА	253	СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ КАК ТЕОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПРОЦЕССА (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	302
<i>Гуцалов А. А.</i> 253 <i>Fundamental components of the Russian civilizational code.</i> Alexander A. Gutsalov 253		<i>Орехов А.М.</i> 302 <i>Social Theory as a Theory of Civilizational Process (Methodological Aspect).</i> Orehov A.M. 302	
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОБРАЗЫ БУДУЩЕГО	257	МЕТАТЕКСТ КАК МЕТАИДЕОЛОГИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИЦЕНТРИЧНОМ МИРЕ	305
<i>Денисов Н.Г.</i> 257 <i>Russia's Sociocultural landscape of modern Russia: images of the future.</i> Denisov N.G. 257		<i>Пересторонина М.Г.</i> 305 <i>Metatext as a metaideology of the Russian civilizational development in the modern polycentric world.</i> Margarita Perestoronina 305	
НАЦИОНАЛЬНЫЙ МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ В УСЛОВИЯХ ТОТАЛЬНОЙ АНОМИИ	261	МЕНТАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ	309
<i>Ефремов О.А.</i> 261 <i>National modernization project in conditions of total anomy.</i> Efremov O. A. 261		<i>Полежаев Д.В.</i> 309 <i>Mental aspects of social theory: socio-philosophical aspect.</i> Polezhayev D.V. 309	
ПРОЕКТИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНОГО СОДЕРЖАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ КАК ОСНОВА ИНТЕГРАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СФЕР И СОХРАНЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ТРАДИЦИЙ	265	РОССИЙСКИЙ ЧЕЛОВЕК И КРИЗИС ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ	313
<i>Закунов Юрий Александрович</i> 265 <i>Planning the value content of cultural policy as a basis for integrating sociocultural spheres and preserving domestic traditions.</i> Zakunov Yuri A. 265		<i>Резник Ю. М.</i> 313 <i>Russian Human and the Crisis of Public Consciousness.</i> Reznik Yu. M. 313 <i>Литература:</i> 315	
РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМся МИРЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ПУТИ ВЫЖИВАНИЯ	269	О РОССИЙСКОМ ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОЕКТЕ КАК ОТВЕТЕ НА ВЫЗОВЫ, ПОРОЖДЕННЫЕ КРУШЕНИЕМ БИПОЛЯРНОГО МИРОПОРЯДКА	316
<i>Зорин Александр Львович</i> 269 <i>Russian civilization in the globalizing world: contemporary geopolitical challenges and ways of surviving.</i> Zorin Alexander L. 269		<i>Сальников В.И.</i> 316 <i>About the Russian civilization project as a Response to the Challenges Generated by the Collapse of the Bipolar World Order.</i> Salnikov V.I. 316	
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И МИРОСИСТЕМНЫЕ ФАКТОРЫ ДИНАМИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	273	РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЗИТИВНОГО ИМИДЖА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ СТОЛКНОВЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ	319
<i>Изгарская А.А.</i> 273 <i>Geopolitical and world-system factors of the dynamics of modern Russia.</i> Izgarskaya A.A. 273		<i>Толок Е.С.</i> 319 <i>The role of the national idea in forming a positive image of Russia in the context of a clash of civilizations.</i> Tolok E.S. 319	
СЕВЕРНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ РАЗВИТИЯ РОССИИ	276		
<i>Исаченко Н.Н.</i> 276 <i>Northern civilization in the perspective of Russia's development.</i> Isachenko N. N.			

2020-RFK_208_СИМПОЗИУМ «ФИЛОСОФИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ»	323
РЕСУРСНЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРЫ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ <i>Бакуменко Г.В.</i> 325 <i>Resource Aspects of the Culture of Scientific Communication in the Information Age.</i> Bakumenko G.V. 325	325
СПОСОБЕН ЛИ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ СТАТЬ САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ СУЩЕСТВОМ? <i>Войцехович В.Э.</i> 329	329
ОТ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ К НОВОМУ ПОЗНАНИЮ <i>Вольнов И.Н.</i> 332 <i>From digital transformation to new cognition.</i> Volnov I. N. 332	332
НОВЫЕ СОЦИОТЕХНОПРИРОДНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРА <i>Дергачева Е.А.</i> 335	335
ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД К САМООРГАНИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕКА И ЕГО ЖИЗНЕННОГО ПУТИ <i>Рукин А. В.</i> 338 <i>Information Approach to Human Self-Organization and Its Life Way.</i> Rukin A.V. 338	338
СИНЕРГЕТИКА: НОВАЯ ФИЛОСОФИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭПОХИ. <i>Васильева Леся Николаевна</i> 341 <i>Synergy: a New Philosophy of the Information Age.</i> Vasilieva Lessya 341	341
ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И ЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЧЕЛОВЕКА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ <i>Крайнов А.Л.</i> 344 <i>The Information Society and the Personal Space of Man: Socio-Philosophical Analysis.</i> Krainov A.L. 344	344
АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКОГО СТАТУСА ПОНЯТИЙ «ВИРТУАЛЬНОСТЬ» И «ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО» <i>Соснина Т.Н.</i> 347 <i>Analysis of the semantic status of the concepts “virtuality” and “ virtual production».</i> Sosnina T.N. 347	347
ПОБОЧНЫЕ ЭФФЕКТЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: ПРОГНОЗЫ И РЕАЛЬНОСТЬ <i>Беденкова А.С.</i> 351 <i>Side effects of the information society: projections and reality.</i> Bedenkova A.S. 351	351
ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: НОВЫЙ ФОРМАТ <i>Соловьева Л.Н.</i> 354 <i>Human Life in Digitalization: a New Format.</i> Solovieva L.N. 354	354
МИФ О ПЕЩЕРЕ И «БУНКЕР ВЕРЫ» КАК ЭТАПЫ ПРОЦЕССА ПОЗНАНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ ОБЩЕСТВА <i>Дмитриева Т.В.</i> 357 <i>The myth of the cave and the “bunker of faith” as stages of the process of knowledge and evolution of society.</i> Dmitrieva T.V. 357	357
МОДЕЛЬ СОЦИОДИНАМИКИ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО КЛАСТЕРА СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА. КОНКУРЕНЦИЯ СОЦИОТИПОВ КОСМИЧЕСКОГО И МОЛЕКУЛЯРНОГО ЧЕЛОВЕКА <i>Колесников А.В.</i> 360 <i>The model of sociodynamics of the civilization cluster of the Union State.</i> <i>The competition of sociotypes of cosmic and molecular human.</i> Kolesnikov A.V. 360	360
ЧЕЛОВЕК В ЦИФРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ <i>Захарова Л.Н.</i> 363 <i>Man in a digital civilization.</i> Zaharova L.N. 363	363
СОЗДАНИЕ КАРТИНЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ИНТЕРНЕТЕ: ВЛАСТЬ VERSUS АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ИЛЛЮСТРАТОРЫ <i>Гаджиев Х.А.</i> 366 <i>Creating the Image of Socio-Political Reality In the Internet: Authority versus the Alternative Illustrators.</i> Gadzhiev Kh.A. 366	366
УСЛОВИЯ ВОЗМОЖНОСТИ СИЛЬНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА <i>Шашков И.И.; Максимова Н.Б.</i> 369	369

<i>The conditions for the possibility of strong artificial intelligence.</i> Shashkov Igor I.; Maximova Nadezhda B. 369	
ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ ЦИФРОВОГО ТРАНЗИТА: ЧЕЛОВЕК В УСЛОВИЯХ ПЕРМАНЕНТНОЙ СОЦИОТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ <i>Шестакова И. Г.</i> 372 <i>Temporality of Digital Transit: Man In the Conditions of Permanent Sociotechnological Revolution.</i> Shestakova I. G. 372	372
ОТ СЛОЖНОСТИ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ К СЛОЖНОСТИ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЙ <i>Дудаков С.М.; Войцехович В.Э.</i> 375 <i>On Complexity: from Mathematical to Epistemic One.</i> Dudakov S.M.; Voitsekhovich V.E. 375	375

2020-RFK_209_СИМПОЗИУМ «СИМПОЗИУМ «СИБИРЬ В РОССИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ»»	379
Юго-западная Сибирь как важнейший центр диалога культур <i>Апёнышева Л.Г. 381</i> <i>The Southwestern Siberia as an important Centre of Dialogue of Cultures.</i> Аpyonyshewa L.G. 381	381
КРЕСТЬЯНСКИЙ «МИР» В СИБИРИ: ИНСТРУМЕНТ СВОБОДЫ ИЛИ ЗАКРЕПОЩЕНИЯ РУССКОГО КРЕСТЬЯНИНА? <i>Артамонова Т.А. 384</i> <i>Peasant's "World" in Siberia: a Tool of Freedom or Enslavement of the Russian Peasant?</i> Artamonova T.A. 384	384
СЮЖЕТ АЛТАЙСКИХ ПЕТРОГЛИФИЧЕСКИХ КОМПОЗИЦИЙ КАК САКРАЛЬНЫЙ ТЕКСТ В КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ <i>Белокурова С.М. 388</i> <i>The Plot of the Rock Paintings in Altai as Sacred Text in the Culture of Ancient Peoples of Siberia.</i> Belokurova S.M. 388	388
КОНЦЕПТ РУССКО-СИБИРСКОЙ НАРОДНОСТИ В ФИЛОСОФИИ И ИДЕОЛОГИИ ОБЛАСТНИЧЕСТВА <i>Головинов А.В. 391</i> <i>The concept of the Russian-Siberian nationality in the philosophy and ideology of regionalism.</i> Golovinov A.V. 391	391
ИНТЕГРАЛЬНЫЙ СМЫСЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ РУССКО-СИБИРСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА (ОБЛАСТНИЧЕСТВА) <i>Должиков В. А. 394</i> <i>The integral meaning of the political philosophy of Russian-Siberian regionalism (oblastnichestvo).</i> Dolzhikov V. A. 394	394
СИБИРЬ КАК КОЛОНИЯ – МИФИЛОГЕМА ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ? <i>Журавлева С.М. 398</i> <i>Siberia as a Colony – The Myth or Reality?</i> Juravleva S.M. 398	398
СИБИРЬ ДЛЯ ВСЕЙ РОССИИ (К ВОПРОСУ О ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ МИССИИ СИБИРИ)* <i>Иванов А.В. 401</i> <i>Siberia for all Russia (on the Question of the civilizational Mission of Siberia).</i> Ivanov A.V. 401	401
ТРАДИЦИИ СИБИРСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А.М. ТОПОРОВА И М.А. ЛИСАВЕНКО* <i>Каланчина И.Н. 404</i> <i>Traditions of Siberian Enlightenment on the example of activities of A.M. Toporov and M.A. Lisavenko.</i> Kalanchina I.N. 404	404
МИРОВОЗЗРЕНИЕ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ: ОСОБЕННОСТИ И ЗНАЧЕНИЕ <i>Михалев М.С. 408</i> <i>The Weltanschauung of the Aborigines of Siberia.</i> Mikhalev M.S. 408	408
ФИЛОСОФСКИЙ ОБРАЗ СИБИРИ И АЛТАЯ В ПОЭЗИИ К. БАЛЬМОНТА <i>Останин В. В. 411</i> <i>The philosophical image of Siberia and Altai in the poetry of Balmont.</i> Ostanin V. V. 411	411
ФИЛОСОФИЯ СИБИРИ: ПОТЕНЦИАЛ, АКТУАЛИЗАЦИЯ, ВОПЛОЩЕНИЕ <i>Разумов В.И. 415</i> <i>The philosophy of Siberia: potential, actualization, embodiment.</i> Razumov V.I. 415	415
СПЕЦИФИКА СИБИРСКОГО ИСКУССТВА: ТРИ ФАКТОРА ФОРМИРОВАНИЯ <i>Шишин М.Ю. 418</i> <i>Specificity of Siberia Art: three formation factors.</i> Shishin M.Yu. 418	418
СИБИРСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ <i>Илларионов Г. А. Кудашов В.И. 421</i> <i>Siberian philosophy: pragmatic project.</i> Illarionov G.A. ; Kudashov V.I. 421	421
ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ СТАРОВОЕРОВ В ДОЛИНЕ УЙМОН <i>Пономаренко О.П. Логинова Н.С. 424</i> <i>Features of family education old olders in Uimon Valley.</i> Ponomarenko O.P.; Loginova N.S. 424	424

2020_RFK_210_СИМПОЗИУМ «ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕКА И БИОЭТИКА»	429
МОРАЛЬНОЕ И НРАВСТВЕННОЕ В БИОЭТИКЕ <i>Абдуллаева З.Э. 431</i> <i>Moralis and moral in bioethics.</i> Abdullaeva Z. 431	431

2020-RFK_211_	
СИМПОЗИУМ «ФИЛОСОФИЯ СЛОЖНОСТИ: ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКИЙ ПОДХОД (ПАМЯТИ В.С. СТЕПИНА)»	435
НРАВСТВЕННОСТЬ КАК МЕХАНИЗМ СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ	437
Черникова Ирина Васильевна 437	
<i>Morality as a mechanism of social evolution.</i>	
Chernikova I.V. 437	
Литература: 439	
ЭПИСТЕМОЛОГИЯ XXI ВЕКА:	
НАБЛЮДАТЕЛЬ В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКЕ И «ПРИРОДА УМА» В ФИЛОСОФИИ БУДДИЗМА	440
Пугачева Л. Г. 440	
<i>Epistemology in 21 century: observer in post-nonclassical science and "nature of mind" in philosophy of Buddhism.</i>	
Pugacheva L.G. 440	
ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ ОБЩЕСТВА И ЧЕЛОВЕКА К ВЫЗОВАМ ЦИФРОВОЙ АНТРОПОТЕХНОСФЕРЫ	444
Асеева И.А. 444	
<i>The problem of adaptation of society and human to the challenges of the digital anthropotechnosphere.</i>	
Aseeva I.A. 444	
СЛОЖНОСТЬ И ОБРАЗОВАНИЕ	448
Балычева М.Б. 448	
<i>Philosophy of complexity and Education.</i>	
Balicheva M.B. 448	
ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА И ТЕХНИЧЕСКАЯ СРЕДА В ЭПОХУ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ:	
ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ	452
Белкина В.А. 452	
<i>Environment and the technical environment in the era of the Fourth industrial revolution: a philosophical analysis of the correlation of concepts.</i>	
Belkina V.A. 452	
ОБОБЩЕННЫЕ ТИПЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ:	
ТЕТРАЭДРИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МОДУСОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЦИФРОВАЯ ТАКСОНОМИЯ РЕАЛЬНОСТЕЙ	455
Буданов В.Г. 455	
<i>Generalized types of rationality: tetrahedral representations of modes of activity and digital taxonomy of realities.</i>	
Budanov V.G. 455	
ДИАЛЕКТИКА «ПРОСТОГО» И «СЛОЖНОГО» В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ	458
Блюхер Ф.Н.; Гурко С.Л. 458	
<i>Dialectics of the "simple" and "complex" in historical research.</i>	
Blyukher F.N.; Gourko S.L. 458	
ПАРАДОКС НАБЛЮДАТЕЛЯ В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ	461
Кузнецов В.Ю. 461	
<i>The Observer Paradox in Post-non-classical Philosophy.</i>	
Kuznetsov V.Yu. 461	
ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКИЙ ПОДХОД К РЕГУЛИРОВАНИЮ СЛОЖНОСТИ В САМОРАЗВИВАЮЩИХСЯ ПОЛИСУБЪЕКТНЫХ СРЕДАХ	465
Лепский В.Е. 465	
<i>Post-non-classical approach to controlling complexity in self-developing poly-subjective environments.</i>	
Lepskiy V.E. 465	
ТРАНСФОРМАЦИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАНТ В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ	468
Малахова Е.В. 468	
<i>Transformation of axiological determinants in the information age.</i>	
Malakhova E.V. 468	
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ В ТЕОРИИ СЛОЖНОСТИ	471
Кудашов В.И. 471	
<i>Educational systems in complexity theory.</i>	
Kudashov V.I. 471	
ТРАНСМОДАЛЬНАЯ СУБЪЕКТНАЯ АНАЛИТИКА СОСТОЯНИЙ СУБЪЕКТА, СРЕДСТВ ПОЗНАНИЯ И ОБЪЕКТА	474
Хохлова Л.П. 474	
<i>Transmodal subject analysis of the States of the subject, means of cognition, and object.</i>	
Khokhlova L.P. 474	
ЭНЕРГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПРИНЯТИЯ ФОРМЫ ЖИЛЬБЕРА СИМОНДОНА	477
Свирский Я.И. 477	
<i>Gilbert Simondon's energy concept of taking form.</i> Svirskiy Y.I.	

ЖИЗНЬ ИСКУССТВА В СИТУАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ. ПОСТНЕКЛАССИКА КАК ЭРЗАЦКЛАССИКА	480
Топорина Е.А. 480	
<i>The life of art in a situation of uncertainty: neoclassics as "ersatz classics".</i>	
Топорина Е.А. 480	
ЦИФРОВОЙ АНТРОПОЦЕН	484
Чеклецов В.В. 484	
<i>Digital anthropocene.</i>	
Chekletsov V.V. 484	
«СХЕМА» КАК ОСНОВНОЕ ПОНЯТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ТВОРЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ	488
Кудрова И.А. 488	
ФИЛОСОФИЯ ИНДИВИДУАЦИИ И ТВОРЧЕСТВО В.Т. ШАЛАМОВА: ТРАНСДУКТИВНЫЙ ГЕНЕЗИС СВИДЕТЕЛЯ	492
Тимашов К.Н. 492	
<i>Philosophy of Individuation and Literary Works of V.T. Shalamov: Transductive Genesis of The Witness.</i>	
Timashov K.N. 492	
НА ПУТИ К НАБЛЮДАТЕЛЮ СЕМИОТИЧЕСКОЙ СЛОЖНОСТИ	495
Аршинов В.И. 495	
ФИЛОСОФИЯ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТИ:	
ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ РЕФЛЕКСИВНО-РЕКУРСИВНЫХ СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОСТНЕКЛАССИКИ.	497
Киященко Л.П. 497	
<i>The philosophy of transdisciplinarity: the paradox of reflective-recursive subject-object relations of postnonclassics.</i>	
Kiyashchenko L.P. 497	
ВЫЗОВЫ БУДУЩЕГО И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ В КОНЦЕПЦИИ Б. СТИГЛЕРА	498
Логиновская Ю.В. 498	

2020_RFK_212_СИМПОЗИУМ «НЕЙРОФИЛОСОФИЯ И ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЗНАНИЯ»	503	2020_RFK_213_СИМПОЗИУМ «ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТОЛОГИИ»	521
ИЗМЕРЕНИЕ ЦЕННОСТИ ЛЮБВИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СОЗНАНИЯ	505	ПОСТДЕМОКРАТИЯ И НОВАЯ РЕЛИГИОЗНОСТЬ: К ДИСКУССИИ О ВЫЗОВАХ XXI ВЕКА	523
Бубновская О.В. 505		Абрамова Марианна Григорьевна 523	
Леонидова В.В. 505		ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ	526
Measuring the value of love in the context of interdisciplinary research of consciousness.		Артамонова Юлия Дмитриевна; Artamonova Yulia D. 526	
Bubnovskaia O.V.; Leonidova V.V. 505		ИММАНЕНТНЫЙ СУБЪЕКТИВИЗМ» КАК ФИЛОСОФСКИЙ МЕТОД Р.В. ИВАНОВА-РАЗУМНИКА (1878-1946)	530
НЕЙРОФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АМОДАЛЬНОГО ЗАВЕРШЕНИЯ	509	Болдин В.А. 530	
Зайцева Н.В. 509		СЕТЕВЫЕ ГРАЖДАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ	532
Neurophenomenological Interpretation of Amodal Completion.		Бронников Иван Алексеевич 532	
Zaitseva N.V. 509		Network civil initiatives as a factor in the development of social values.	
КАК РОЖДАЕТСЯ МЫСЛЬ? (ОБ ИДЕЯХ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХИАТРИИ В ОБЛАСТИ НЕЙРОФИЛОСОФИИ)	512	Bronnikov I.A. 532	
Плужникова Н.Н. 512		ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ И ВОЙНЫ ПАМЯТИ	536
How is a thought born? (On the ideas of modern psychiatry in the field of neurophilosophy.)		Бубнов А.Ю. 536	
Pluzhnikova N.N. 512		РОЛЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО МЕТОДА В ФОРМИРОВАНИИ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ	539
ТЕОРИЯ ГЛОБАЛЬНОГО НЕЙРОННОГО РАБОЧЕГО ПРОСТРАНСТВА С. ДЕАНА.	515	Василенко Ирина Алексеевна 539	
Пролович Т. О.515		The role of the sociocultural method in shaping Russian policy.	
Global neuronal workspace theory of S. Dehaene.		Vasilenko Irina A. 539	
Provolovich Tatiana O. 515		СУБЪЕКТНОСТЬ ЦИФРОВОЙ САМОКОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ ИНТЕРНЕТА:	
ПРЕДСКАЗЫВАЮЩЕЕ КОДИРОВАНИЕ И ИССЛЕДОВАНИЯ СОЗНАНИЯ	518	ПЕРСПЕКТИВЫ И УГРОЗЫ	541
Суцин М.А. 518		Володенков С.В. 541	
Predictive Coding and Consciousness Studies.		The subjectivity of digital self-communication in the technological evolution of the Internet: prospects and threats.	
Sushchin M.A. 518		Volodenkov S.V. 541	
		СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ФЕНОМЕНА «НОВОГО НАЦИОНАЛИЗМА»	545
		Голубев Сергей Игоревич 545	
		СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ПАРАДИГМЫ	547
		Гуторов В.А. 547	
		The formation of political and philosophical discourse in modern Russia: the main paradigms.	
		Gutorov V.A. 547	
		НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ФИЛОСОФСКОЕ И ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЯ	550
		Евгеньева Татьяна Васильевна 550	
		National State Identity: Philosophical and Political Dimensions.	
		Evgenyeva Tatiana 550	
		ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ	553
		Завершинский К.Ф. 553	
		The Epistemological Dimensions of Political Culture.	
		Zavershinskiy K. F. 553	
		ВСЯКАЯ ЛИ ЖЕНЩИНА ВЕДЬМА? ПРИЧИНЫ «ОХОТЫ НА ВЕДЬМ» В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ НА ОСНОВАНИИ «ВЕДЬМЫ»	
		Жюль Мишле и «Молота ведьм» Генриха Крамера	557
		Зверева М.С. 557	
		Is every woman a witch? Reasons for the "witch hunt" in Medieval Europe based on Jules Michelet's "La Sorcière: The Witch of the Middle Ages" and Heinrich Kramer's "Hammer of Witches".	
		Zvereva M.S. 557	
		НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МИФА	561
		Иванов А.Г. 561	
		Directions of Socio-Philosophical Understanding a Contemporary Political Myth. Ivanov A.G.	
		«БУДЬТЕ СВОБОДНЫМИ, НО ПОВИНУЙТЕСЬ!»:	
		КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА И. КАНТА И СОВРЕМЕННЫЙ ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ДИСКУРС	565
		Иохим А.Н. 565	
		"Be free, but obey!": I. Kant's concept of political order and modern liberal discourse.	
		Iokhim A.N. 565	
		ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТА СВОБОДЫ В МЕЖСТРАНОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	568
		Каратеев А.Ю. 568	
		ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ	570
		Козиков И.А. 570	
		Historical politics and historical memory. Kozikov I.A.	
		ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И.А. ИЛЬИНА И СОВРЕМЕННОСТЬ	572
		Куликов В.И. 572	

I.A. Ilyin's philosophy of politics and modernity. Kulikov V.I.	572
ВОЗВРАЩАЯСЬ К ЧЕЛОВЕКУ: БУДУЩЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В АНТРОПОЦЕНТРИЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ <i>Ляховенко О.И.</i>	574
<i>Restoring human: the future of political science in anthropological prospect.</i> Lyakhovenko O.I.	574
БЕРНАРД УИЛЬЯМС — ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФИЛОСОФ <i>Маргушева А.З.</i>	577
<i>Political Philosopher Bernard Williams.</i> Margusheva A.Z.	
ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ <i>Нечай В.Н.</i>	580
<i>Political and Philosophical Issues of Territorial Development of Russia.</i> Nechay V.N.	580
ИДЕЙНЫЕ ИСТОКИ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА <i>Перевезенцев С.В.</i>	582
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В XXI В.: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ <i>Пучнина О.Е.</i>	585
<i>Scientific and technical capabilities of human transformation in the XXI century: political aspect.</i> Puchnina O.E.	585
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ <i>Селезнева А.В.</i>	588
<i>Political values in Russian society: philosophical foundations and socio-psychological characteristics.</i> Selezneva A.V.	588
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПЛЮРАЛИЗМ КАК ОСНОВА ОБЪЕКТИВНОГО НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В ЭКОНОМИКЕ И ПОЛИТОЛОГИИ <i>Сидорович А. В.</i>	591
ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ МИФОЛОГИЗИРОВАННОГО ОБРАЗА СТРАНЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ <i>Смулькина Наталья Валентиновна</i>	595
<i>Features of the study of the mythologized image of the country in the context of modern Russian foreign policy perception.</i> Smulkina N.V.	595
Ф.М. БУРЛАЦКИЙ О ВКЛАДЕ МАКИАВЕЛЛИ В СОВРЕМЕННУЮ ПОЛИТОЛОГИЮ <i>Ф.М. Burlatsky on Machiavelli's contribution to modern political science.</i>	599
Sobolev V.A.	599
ПРОБЛЕМА ПОИСКА ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЙ КОНЦЕПЦИИ ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО МИРА: К СОВРЕМЕННЫМ ДИСКУССИЯМ В РОССИЙСКОЙ МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ <i>Столетов О.В.</i>	602
<i>The problem of finding the philosophical foundations of the concept of a polycentric world: toward contemporary discussions in Russian international relations and political science.</i> Stoletov O.V.	602
ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ XVI-XVII ВВ. <i>Страхов А.Б.</i>	606
<i>Philosophical foundations of the state historical politics of Russia in the XVI-XVII centuries.</i> Strakhov A.B.	606
ПАСТИШ И АФАЗИЯ: СЕМИОТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ <i>Телин К.О.</i>	609
<i>Telin Kirill</i>	609
СОБЫТИЕ В СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: ИДЕНТИФИКАЦИЯ И НАРРАТИВНОСТЬ <i>Фахретдинова Л.М.</i>	612
<i>Event in social and political theory: identification and narrativity.</i> Fakhretdinova L.M.	612
ДИАЛЕКТИКА МОТИВОВ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ГОСУДАРСТВА <i>Цыганков П.А.</i>	616
<i>Dialectics of motives of the state's foreign policy behavior.</i> Tsygankov P.A.	

2020_RFK_214_	
СИМПОЗИУМ «ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ»	619
ОБ ОПЫТЕ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ МОДЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МАРКСИСТСКОГО АНАЛИЗА <i>Арабаджян А.З.</i>	621
<i>About the experience of Latin-American development models through Marxist analysis prism.</i> Arabadzhyan A.Z.	621
ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ МЕЖСТРАНОВЫХ РАЗЛИЧИЙ В ФОРМАХ ОРГАНИЗАЦИИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ <i>Благих И.А.</i>	625
<i>Philosophical and methodological approaches to the study of cross-country differences in the forms of organization of capitalist socio-economic systems.</i> Blagikh I. A.	625
КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ <i>Бобылев С.Н.</i>	628
<i>Concept of sustainable development in the context of economic theory transformations.</i> <i>Bobylev S.N.</i>	628
ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ <i>О.В. Зражевская</i>	631
МЕТОД «КАПИТАЛА» КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ КАЧЕСТВЕННЫХ ПРЕВРАЩЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ <i>Колганов А.И.</i>	633
<i>The method of the "Capital" as a tool for research of qualitative transformations of economic systems.</i> Kolganov A.I.	633
ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МЕТОД И ЕГО ВОЗМОЖНОСТИ В ИЗУЧЕНИИ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА <i>Рязанов В.Т.</i>	637
<i>Dialectic method and his possibilities in study of modern capitalism.</i> Ryazanov V.T.	637
«ВЕРТОЛЕТНЫЕ ДЕНЬГИ» И БАЗОВЫЙ ДОХОД: РАДИКАЛЬНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ ИЛИ КАЗАРМЕННЫЙ КОММУНИЗМ? <i>Смолин О. Н.</i>	640
<i>The Helicopter Money and Basic Income: Radical Liberalism or Barrack Communism?</i> Smolin O. N.	640
«ВОСХОЖДЕНИЕ ОТ ПРОСТЕЙШЕГО К СЛОЖНОМУ» VS «ВОСХОЖДЕНИЕ ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ» <i>Сорокин Александр Владимирович</i>	644
<i>"Advancing from the abstract to the concrete" vs "advancing from the simplest to more complex".</i> Sorokin Aleksandr Vladimirovich	644
КРИПТОВАЛЮТА КАК ЭТАП ДВИЖЕНИЕ ДЕНЕГ К КАЧЕСТВУ ВСЕОБЩНОСТИ <i>К.А.Хубиев</i>	648
КООПЕРАТИВНАЯ СИСТЕМА ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВНАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ <i>Царик А.А.</i>	650
К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ПОСТКАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА: ОПЫТ СИНТЕЗА ТЕОРИИ НООНОМИКИ С.Д. БОДРУНОВА И ФРАНКФУРТСКОЙ ШКОЛЫ <i>Шачин С. В.</i>	652
<i>To the possibility of a post-capitalist society: experience of synthesis of noonomics theory by S.D. Bodrunov and Frankfurt school.</i> Shachin S. V.	652
ОБРАЗОВАНИЕ В XXI ВЕКЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ И ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД <i>Яковлева Н.Г.</i>	656
<i>Education in XXI century: social-philosophical and political economy view.</i> Yakovleva N.G.	656

О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ	660
Алхасов А.А. 661 <i>On Some Approaches in Applied Ethics.</i> Alkhasov A.A. 661	661
ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА: АПОЛОГИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ	664
В.И.Бакштановский 664 М.В.Богданова 664 <i>Applied Ethics: Apology for an Innovation Paradigm.</i> Bakshtanovsky, Vladimir Iosifovich ; Bogdanova, Marina Vladimirovna 664	664
ФЕНОМЕН ДОВЕРИЯ В ФИЛОСОФИИ НИКЛАСА ЛУМАНА, АДАМА СЕЛИГМЕНА И ЭНТОНИ ГИДДЕНСА	668
Быкова О.Е. 668 <i>The phenomenon of trust in the philosophy of Niklas Luhmann, Adam Seligman and Anthony Giddens.</i> Bykova O.E. 668	668
ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СТОИЧЕСКОЙ ЭТИКИ	671
Гаджикурбанов А.Г. 671 <i>Applied Aspects of Stoic Ethics.</i> Gadzhikurbanov A.G. 671	671
ГРАЖДАНСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ	674
Акимова Н. А. 674 <i>Professional Morality Formation as the Basis Civil Welfare.</i> Akimova N.A. 674	674
ПРАКТИЧЕСКАЯ ЭТИКА РЫЦАРЯ	677
Бурла М.И. 677 <i>Practical ethics of a knight.</i> Burla M.I. 677	677
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НЕЙРОЭТИКИ	680
Вишневецкая Анна Александровна 680 <i>Current problems of neuroethics.</i> Vishnevetskaya Anna 680	680
ФИЛОСОФИЯ И ПСИХОПАТИЯ: ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	683
Гаврилов Максим Викторович 683 <i>Philosophy and Psychopathy: Experience of Interdisciplinary Interaction.</i> Gavrilov Maksim Viktorovich 683	683
ЭТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ПРАВА НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НАРОДОВ	686
Кашников Б.Н. 686 <i>Ethical meaning of the right to self-determination of peoples.</i> Kashnikov B. N. 686	686
ЭТИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ П. НОРА	689
Котунова О.В. 689 <i>Ethical Explication of the P. Nora's Concept of Historical Memory.</i> Kotunova O.V. 689	689
ФАКТОРЫ ДОВЕРИЯ	692
Пороховская Т.И. 692 <i>The Factors of Trust.</i> Porokhovskaya T.I. 692	692
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА: К ВОПРОСУ О ВЗАИМОВЛИЯНИИ	695
Разин А.В. 695 <i>Theoretical and Applied Ethics: on the Issue of Mutual Influence.</i> Razin A.V. 695	695
ЭТИКА НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ КОРПОРАЦИЙ	698
Саввина О.В. 698 <i>Scientific Ethics in Research Corporations.</i> Savvina O.V. 698 Литература 700	698

ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННЫХ МОЛОДЕЖНЫХ ДВИЖЕНИЙ РОССИИ	701
<i>Practice of Realization of Spiritual and Moral Values Of Modern Youth Movements In Russia.</i> Sitnikova J.N. 701	701
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ЭТИКА: К СПОРАМ О ПРЕДМЕТЕ	704
Скворцов А.А. 704 <i>Experimental Ethics: Discussions on the Subject.</i> Skvortsov .. 704	704

2020_RFK_216_СИМПОЗИУМ «ФИЛОСОФИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ»	707	2020_RFK_217_СИМПОЗИУМ «ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВИСТИКИ И НЕОМАТЕТИКА»	751
РЕФЛЕКСИВНАЯ МОДЕЛЬ ПОНИМАНИЯ КАК ОСНОВА ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПОДРОСТКОВ	709	КОНВЕРГЕНТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ	753
Беляева Л.А.; Чугаева И.Г. 709		Баксанский О.Е. 753	
<i>Reflective Model of Understanding as the Basis of Philosophical Education of Teenagers.</i>		Скоробогатова А.В. 753	
Belyaeva L.A.; Chugaeva I.G. 709			
Реализация методики игрового философствования в проекте философских балов «Школы Сократа» при ЦДРИ	712	СУБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СРЕДЫ В ПРЕПОДАВАНИИ ФИЗИКИ	757
Васильева Е.В. 712		Бычков С.Н.; Зайцев Е.А. 757	
<i>Implementation of the Game Philosophizing Methodology in the Project of Philosophical Balls by «Socrates School» at the Central House of Arts.</i>		<i>Subject-oriented Educational Environments in Physics Teaching.</i>	
Vasileva E.V. 712		Bytchkov S.N.; Zaytsev E.A. 757	
ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ КАК УСЛОВИЕ ВЛИЯНИЯ НА РАЗВИТИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА	715	ОПТИМИЗАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ ЛОГИКЕ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА КАК МЕТОДУ ПОЗНАНИЯ	761
Груздева О.С. 715		Жалдак Н.Н. 761	
<i>The Formation of Scientific Thinking as a Condition of Influence at the Development of Democratic Society.</i>		<i>Optimization of teaching the logic of natural language as a method of cognition.</i>	
Gruzdeva O. S. 715		Zhaldak N.N. 761	
ФИЛОСОФИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ: СОЗИДАТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА «ЗАБОТЫ О СЕБЕ»	718	Я.А. КОМЕНСКИЙ СЕГОДНЯ: ПАНСОФИЯ И МАТЕТИКА.	764
Дудина М.Н. 718		Марчукова Светлана Марковна 764	
<i>Philosophy for Children: a Creative Practice of «Self-Care».</i>		Я.А. Comenius today: pansophia and mathetic.	
Dudina M.N. 718		Svetlana Marchukova 764	
СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ КОННЕКТИВИЗМА	721	НЕОМАТЕТИКА ПРОЧТЕНИЯ И ТВОРЕНИЯ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ: ЭКСПЛИКАЦИЯ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ, ЭКСТРАПОЛЯЦИЯ	767
Коженова Л.В. 721		Меськов Валерий Сергеевич 767	
<i>Modern education in the context of the philosophy of connectivism.</i>		<i>Neomathetics of reading and creating scientific texts: explication, interpretation, extrapolation.</i>	
Kozhenova L.V. 721		Meskov Valery Sergeevich 767	
ФИЛОСОФИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ КАК ПУТЬ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ	724	ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НЕОМАТЕТИКИ ПРАВОСОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ СТОЛКНОВЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ	771
Кокшарова С.Л. 724		Попадейкин В. В.; Коломейцев А. Е. 771	
<i>Philosophy for Children as a Way of Humane Pedagogy.</i>			
Koksharova S. L. 724		МАТЕТИКА, АНТИТЕТИКА, НОМОТЕТИКА ЦЕННОСТЕЙ	774
		Mathetica, antithetica, nomotetica of values.	
		Nataly R. Sabanina 774	
«ПРОСТАЯ» И «ТРУДНАЯ» ПРОБЛЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ В Р4С	727	АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ.	778
Конопляник А.А. 727		Самохвалова В.К. 778	
Авдиева А.В. 727		<i>Axiological nature of man and artificial intelligence.</i>	
<i>The easy problem and the hard problem of values in P4C.</i>		Samokhvalova V. K. 778	
Konoplyanik A.A.; Avdieva A.V. 727			
ДЕТСТВО, ИГРА И ФИЛОСОФИЯ	731	КОГНИТИВИСТИКА, ТВОРЧЕСТВО, КУЛЬТУРА	782
Ретюнских Л.Т. 731		Шишлаков И.П. 782	
<i>Childhood, play and philosophy.</i>		<i>Cognitive science, creativity, culture.</i>	
Retyunskikh L.T. 731		Shishlakov I.P. 782	
КОММУНИКАЦИЯ И РАЗВИТИЕ СЕТЕВОГО МЫШЛЕНИЯ	735		
Сергейчик Е.М. 735			
<i>Network Thinking: Communication and Development.</i>			
Sergeichik E.M. 735			
ТЕЕНАГЕР PHILOSOPHICUM В ПЕРЕКРЕСТЬЕ ТРЕБОВАНИЙ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ И СОВРЕМЕННОГО ПОСТСОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА	738		
Сидорова Н.М. 738			
<i>Teenager Philosophicum at the Crossroads of the Requirements of Modern Philosophy and Modern Post-Soviet Society.</i>			
Nataliya M. Sidorova 738			
СПЕЦИФИКА ДЕТСКОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ В ФОРМАТЕ ЭССЕ	741		
Суворова И.М. 741			
<i>The Specifics of Children Philosophizing in a Form of Essay.</i>			
Suvorova I.M. 741			
ФИЛОСОФСКИЙ ЛАГЕРЬ В РОССИИ: ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ	744		
Трушкина Е.Ю. 744			
<i>Philosophical Camp in Russia: experience of organization.</i>			
Trushkina E.Y. 744			
ТВОРЧЕСКАЯ СРЕДА В РАЗВИТИИ ФИЛОСОФСКОГО МЫШЛЕНИЯ	747		
Тузова В.Л. 747			
<i>Creative Ambience in the Development of Philosophical Thinking.</i>			
Tuzova V.L. 747			

2020_RFK_218_ СИМПОЗИУМ «ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ И КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ»	785	ПРОБЛЕМА ПАМЯТИ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ Л.С. ВЫГОТСКОГО: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ	829
Сложность исторической памяти	787	<i>Романовская Евгения Васильевна</i> 829	
<i>Алексеев Александр Петрович</i> 787		<i>The problem of memory in the cultural-historical psychology of L.S. Vygotsky: historical and philosophical aspect.</i>	
<i>Complexity of Historical Memory.</i>		Romanovskaya Evgenia V. 829	
Alekseev Alexander P. 787		Роль коллективной памяти в процессе реидентификации в глобальном измерении	833
Дискурс исторической ответственности:		<i>Стычинский Максим Сергеевич</i> 833	
между личными воспоминаниями и социальной идентичностью	790	<i>The role of collective memory in the process of reidentification in the glocal dimension.</i>	
<i>Аникин Даниил Александрович</i> 790		Stychinskiy Maxim S. 833	
<i>Discourse of historical responsibility: between personal memories and social identity.</i>		Горизонты культурной памяти и исторические модусы настоящего	837
Anikin Daniil A. 790		<i>Сундуков Роман Владимирович</i> 837	
Медиапамять как социально-эпистемологическая категория	793	<i>Horizons of Cultural Memory and Historical Modes of the Present.</i>	
<i>Артамонов Денис Сергеевич</i> 793		Sundukov Roman V. 837	
<i>Тихонова Софья Владимировна</i> 793		Коллективная память: понятие и инструментарий исследования	841
<i>Media memory as a socio-epistemological category.</i>		<i>Суханова Маргарита Иосифовна</i> 841	
Artamonov Denis S.; Tikhonova Sophia V. 793		<i>Collective memory: the concept and tools of research.</i>	
Событие и событие памяти	796	Sukhanova Margarita I. 841	
<i>Головашина Оксана Владимировна</i> 796		Конструирование и реальность памяти в информационную эпоху	845
<i>Event and event of memory.</i>		<i>Труфанова Елена Олеговна</i> 845	
Golovashina Oxana V. 796		<i>Construction and reality of memory in the information age.</i>	
Философия памяти: методологический выбор в поле глобального плюрализма	799	Trufanova E.O. 845	
<i>Дахин Андрей Васильевич</i> 799		Память и забвение	848
<i>Memo Philosophy: Methodological Choice in the Global Environment of Pluralism.</i>		<i>Федорова Мария Михайловна</i> 848	
Dakhin Andrey V. 799		<i>Memory and oblivion.</i>	
Влияние феномена культурной памяти на формирование коллективной идентичности	802	<i>Fedorova Maria M. 848</i>	
в условиях современного города		Онтология войны и фронтовой памяти	851
<i>Ильина Татьяна Витальевна</i> 802		в экзистенции творчества писателей – участников Великой Отечественной войны	
<i>The influence of the cultural memory on the formation of collective identity in a modern city.</i>		<i>Хусаинова Айсылу Хамзеевна</i> 851	
Irina Tatiana. V.802		<i>Ontology of war and front-line memory in the existence of the writers - participants of the Great Patriotic War.</i>	
Коллективная память: антагонистический и космополитический подходы	805	Khusainova Aisylo H. 851	
(на примере постсоветской Центральной Азии)		Школа и образование —творчество демиургов родовой памяти России	854
<i>Летняков Денис Эдуардович</i> 805		<i>Шулевский Николай Борисович</i> 854	
<i>Collective memory: antagonistic and cosmopolitan approaches (evidence from post-Soviet Central Asia).</i>		<i>School and education - creation of demiurges of the patrimonial memory of Russia.</i>	
Letnyakov D.E. 805		Shulevsky Nikolay B. 854	
Историческая культура, культурная память, мемориальная культура: по следам теоретических дискуссий	808	Как исследовать коллективную память научного сообщества?	858
<i>Линченко Андрей Александрович</i> 808		<i>Яковлева Александра Федоровна; Емельянова Наталья Николаевна</i> 858	
<i>Historical culture, cultural memory, culture of remembrance: on theoretical discussions.</i>		<i>How to explore the collective memory of the scientific community?</i>	
Linchenko Alexander A. 808		Yakovleva A.F.; Emelyanova N.N. 858	
Политика памяти: риски и вызовы вовлеченности исследователя	811		
<i>Николаи Федор Владимирович</i> 811			
<i>Politics of Memory: Risks and Challenges of Researcher Engagement.</i>			
Nikolai Fedor V. 811			
Историческая ответственность в этнонациональном дискурсе: основания конструкторов памяти	814		
<i>Овчинников Александр Викторович</i> 814			
<i>Historical responsibility in ethnonational discourse: bases of memory constructs.</i>			
Ovchinnikov Alexander V. 814			
Трансформация памяти в условиях информационного перенасыщения	818		
<i>Пронькина Александра Николаевна</i> 818			
<i>Memory transformation in an information oversaturation environment.</i>			
Pronkina Alexandra N. 818			
Преподавание философии и осмысление прошлого и настоящего	822		
<i>Рахманкулова Нелли Фидаиевна</i> 822			
<i>Teaching philosophy and understanding the past and present.</i>			
Rakhmankulova Nelly F. 822			
Трансформация советской идентичности и коллективная память	826		
<i>Романова Анна Петровна</i> 826			
<i>Transformation of Soviet identity and collective memory.</i>			
Romanova Anna P. 826			

2020_RFK_219_			
СИМПОЗИУМ «ФИЛОСОФСКАЯ ПРАКТИКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»	861		
ВЫЗОВЫ ФИЛОСОФСКОЙ ПРАКТИКИ И ВОЗМОЖНЫЕ ИХ РЕШЕНИЯ	863		
Амур Л. 863			
<i>Challenges of Philosophical Practice and Possible Solutions to these challenges.</i>			
Lydia Amir 863			
ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ			
И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ САМОПОЗНАНИЯ	867		
Богданова В.О. 867			
<i>Transcendental-phenomenological and existential-phenomenological practices of self-knowledge.</i>			
Bogdanova V.O. 867			
«ГЛУБИННАЯ ФИЛОСОФИЯ» КАК ФОРМА «ОНТОПРОЕКТИРОВАНИЯ»: СПЕЦИФИКА ФИЛОСОФСКОГО СОЗЕРЦАНИЯ	871		
Борисов С.В. 871			
<i>"Deep Philosophy" as a form of "ontodesigning": specificity of philosophical contemplation.</i>			
Borisov S.V. 871			
ФЕНОМЕН ДЕТСКОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ: ИСТОКИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ	874		
Бутина А.В. 874			
<i>The phenomenon of children's philosophizing: Origins and Interpretations.</i>			
Butina A.V. 874			
КАК УЧИТЬ КРИТИЧЕСКОМУ МЫШЛЕНИЮ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ФИЛОСОФИИ?	878		
Воробьев Д.Н. 878			
<i>How to teach critical thinking in philosophy classes?</i>			
Vorobev D.N. 878			
ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТЕКСТОВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ			
В ПРОЦЕССЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ФИЛОСОФСКОЙ ПРАКТИКИ	882		
Гладышев В.И.; Кузнецова А.В. 882			
<i>On the use of fiction texts in the implementation of philosophical practice.</i>			
Gladyshev V.I.; Kuznetsova A.V. 882			
ФИЛОСОФСКАЯ ПРАКТИКА В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ «ВТОРОЙ УСТНОСТИ»	886		
Гредновская Е.В. 886			
Резвушкин К.Е. 886			
<i>Philosophical practice in the context of «secondary orality».</i>			
Grednovskaya E.V.; Rezvushkin K.E. 886			
ПРАКТИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ СОВРЕМЕННОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ	889		
Динабург С.Р. 889			
<i>The practical subject of modern philosophizing.</i>			
Dinaburg S.R. 889			
РЕЧЕВЫЕ ПРАКТИКИ: ОТ ЭКОГУМАНИЗМА К ЭКОЛОГИИ РЕЧИ. ПОНЯТИЙНЫЙ ОБЗОР	893		
Емченко Е.П.; Суленёва Н.В. 893			
<i>Speech practices: from eco-humanism to the ecology of speech. Conceptual review.</i>			
Emchenko E.P.; Suleneva N.V. 893			
ИЗУЧЕНИЕ ФИЛОСОФИИ КАК ПРИОБЩЕНИЕ К ДЕЙСТВИЮ	896		
Зарапин Олег Викторович 896			
<i>The study of philosophy as an introduction to the action.</i>			
Zarapin O.V. 896			
ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ ПРАКТИКА: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ	899		
Землянская Анелия Рафисовна 899			
<i>Practical philosophy and philosophical practice: correlation of the concepts.</i>			
Aneliya Zemlyanska			
ФИЛОСОФСКИЙ КОНСАЛТИНГ КАК МЕТОД УПРАВЛЕНИЯ ПРОБЛЕМАМИ	902		
Иванова О.Э. 902			
<i>Philosophical consulting as a problem management method.</i>			
Ivanova O.E.			
АРТ-ПРАКТИКА КАК НОВЫЙ ЯЗЫК ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ	906		
Кленовская В.А. 906			
<i>Art practice as a new language of philosophical knowledge.</i>			
Klenovskaya V.A.			
ФИЛОСОФСКАЯ ПРАКТИКА КАК ПИОНЕР ПРЕОДОЛЕНИЯ ОТВЛЕЧЕННОСТИ ВО ВСЕХ СФЕРАХ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА	910		
Климентьев В.Е. 910			
<i>Philosophical practice as a pioneer of overcoming abstraction in all spheres of human life.</i>			
Klimentyev V. E. 910			
		ВОЕВАНИЕ КАК УПРАЖНЕНИЕ В ФИЛОСОФИИ	914
		Коробов-Латынцев А.Ю. 914	
		<i>Warfare as practice in philosophy.</i>	
		Korobov-Latyntsev A.Yu. 914	
		КАЧЕСТВЕННАЯ СТРУКТУРА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА	917
		Курзин В.И. 917	
		<i>Qualitative structure of human character.</i>	
		Kurzin V.I. 917	
		ФИЛОСОФСКАЯ ПРАКТИКА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ИННОВАТИКА	918
		В ИЗУЧЕНИИ ФЕНОМЕНА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИТУАЦИИ	
		Лунатова О.А. 918	
		<i>Philosophical practice as methodological innovation in the study of the phenomenon of the sociocultural situation.</i>	
		Lipatova O.A. 918	
		«ПРОЧНАЯ РАДОСТЬ» БЫТЬ VS. «СТРАДАНИЕ ОТ СОБСТВЕННОГО БЫТИЯ».	921
		ДАЗАЙН-АНАЛИТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ М. БОССА И А. ХОЛЬЦХЕЙ-КУНЦ; СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	
		Лызлов А.В. 921	
		<i>"Lasting joy" to be vs. "Suffering from one's own being."</i>	
		<i>Daseinsanalytical approaches by M. Boss and A. Holzhey-Kunz: comparative analysis.</i>	
		Lyzlov A.V. 921	
		НАРРАТИВ О СМЕРТИ КАК СПОСОБ ПРОЕКТИРОВАНИЯ БЫТИЯ САМИМ СОБОЙ В ФИЛОСОФСКОЙ ПРАКТИКЕ	924
		Макакенко Я.А. 924	
		<i>The narrative of death as a way of projecting being oneself in philosophical practice.</i>	
		Makakenko Y. A. 924	
		ОПЕРАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕСУППОЗИЦИИ И КОГНИТИВНЫЕ ИСКАЖЕНИЯ	927
		Макаров А.И. 927	
		<i>Operational Presuppositions and Cognitive Distortion.</i>	
		Makarov A.I. 927	
		ПОЛИЦЕНТРИЧНОСТЬ В АНТРОПОЛОГИИ КАК РАЗВОРОТ САМОПОЗНАНИЯ ОТ ПОЛЮСА «Я» К ПОЛЮСУ «ТЫ»	930
		Подзолкова Н.А. 930	
		<i>Polycentricism in anthropology as a turn of the self-knowledge from the pole "I" to the pole "You".</i>	
		Podzolkova N.A. 930	
		ФИЛОСОФИЯ КАК ДЕЙСТВИЕ ИЛИ ОХОТА ЗА СМЫСЛОМ	933
		Рыскельдиева Л.Т. 933	
		<i>Philosophy as an Action or The Hunting for "Smysl".</i>	
		Ryskeldiyeva L.T. 933	
		ФИЛОСОФСКАЯ ПРАКТИКА ПРЕБЫВАНИЯ В ПОГРАНИЧНО-САКРАЛЬНОМ МЕСТЕ ИЛИ МЕДЛЕННОЕ ЧТЕНИЕ	936
		В ДИСКУРСЕ ПОГРАНИЧНОЙ СИТУАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА И. ЯЛОМА «ШОПЕНГАУЭР КАК ЛЕКАРСТВО»)	
		Сизикова О.А. 936	
		<i>The border-sacral place philosophical practice or slow reading in border situation discourse.</i>	
		Sizikova O.A. 936	
		ЕСТЕСТВЕННЫЕ РАССУЖДЕНИЯ: КОГНИТИВНЫЕ ФОРМЫ И СТРАТЕГИИ ЛОГИЧЕСКОЙ ПРОПЕДЕВТИКИ	939
		Сироткина Л.С. 939	
		<i>Natural reasoning: cognitive forms and logical propaedeutic strategies.</i>	
		Sirotkina L.S. 939	
		ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФИЛОСОФСКОЙ ПРАКТИКИ В КОРРЕКЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	943
		Учарова К.И.-А. 943	
		<i>Using philosophical practice as an instrument in psychological intervention.</i>	
		Ucharova K.I.-A. 943	
		ОТ БЫТИЯ-НАД-ДРУГИМ К ВЗАИМОБЫТИЮ	946
		Филатов И. 946	
		<i>From Being-over-Another to Together-Being.</i>	
		Filatov I. 946	
		ФИЛОСОФСКАЯ ПРАКТИКА: МОЖЕТ ЛИ ФИЛОСОФИЯ БЫТЬ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМОЙ ПРОФЕССИЕЙ?	949
		Ярославцева А.В. 949	
		<i>Philosophical practice: can philosophy be a socially significant profession?</i>	
		Yaroslavtseva A.V.	
		ТРУДНОСТЬ ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	952
		Ячменев Г. К. 952	
		<i>Difficulty of the philosophical lifestyle from the point of view of analytical psychology.</i>	
		Yachmenev G. K.	

2020_RFK_220_ МОЛОДЕЖНЫЙ СИМПОЗИУМ «БУДУЩЕЕ ФИЛОСОФИИ»	955
ПЕРСПЕКТИВА ВОСТРЕБОВАННОСТИ ФИЛОСОФИИ: ВОПРОС О ФОРМАХ ПРЕПОДАВАНИЯ <i>Вотинцева Наталья Николаевна</i> 957 <i>The prospect of demand for philosophy: the question of forms of teaching.</i> Votintseva Natalia N. 957	957
УМЕСТЕН ЛИ ХАЙДЕГГЕР? ТОПОЛОГИЯ ИЛИ УПОРСТВО МЫСЛИ <i>Журавлев Михаил Дмитриевич</i> 960 <i>Is there a place for Heidegger? Topology or persistence of thought.</i> Zhuravlev Mikhail D. 960	960
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ. ПРИЧИНЫ ПРОБЛЕМЫ И ЕЕ РЕШЕНИЕ <i>Кондратьева Александра Сергеевна</i> 964 <i>Сорокин А.Ю.</i> 964	964
ЭВРИСТИЧНОСТЬ ПОСТГУМАНИСТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ <i>Неаполитанский Максим Сергеевич</i> 968 <i>Heuristic of post-humanistic concept in the context of modern philosophy.</i> Neapolitanskiy Maxim S. 968	968
ЗАКОН СЕРДЦА В «ФЕНОМЕНОЛОГИИ» Г.В.Ф. ГЕГЕЛЯ <i>Кукушкин Иван Константинович</i> 971 <i>The Law of the Heart in G.W.F. Hegel's phenomenology.</i> Kukushkin Ivan K. 971	971

<редакторская копия>

Восьмой Российский Философский Конгресс - «Философия в полицентричном мире».

Симпозиумы. Сборник научных статей

М.: РФО - ИФРАН - МГУ.

Издательство «Логос» / ООО «Новые печатные технологии» (Москва), 2020.

e.mail: logospublishers@gmail.com

Продвижение - проекты letterra.org #КонгрессLive

